

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 05929351 8

1941

1941

БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

LXIV.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ. ХУДОЖЕСТВЪ. ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

*Ἐμοὶ δὲ τί ἀισχρὶν, τοὺς ἑτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτι γινώσκειν μῆτι ποιῆσαι: Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγενημένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Soerat. apud Xenophont. iv. 8. 9.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

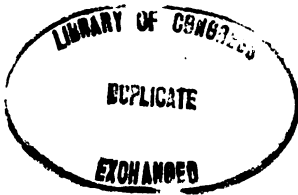
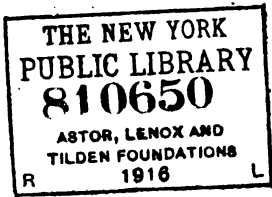
64

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1844.

V. 5

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
заглавіе изсѣдатель. Санктпетербургъ, 1844 года, апрѣля 30 дня.

Ценсоръ С. Кутерга.
Ценсоръ А. Никитенко.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ИЗЪ АЛЬБОМА КАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ СУШКОВОЙ.

ЧЕРНООКОЙ.

Вблизи тебя, до этихъ поръ,
Я не слыхалъ въ груди огня;
Встрѣчалъ ли твой волшебный взоръ —
Не билось сердце у меня,
И пламень черныхъ сихъ очей,
Который вѣчно, можетъ-быть,
Останется въ груди моей,
Не могъ меня воспламенить.
Къ чему жъ разлуки первый звукъ
Меня заставлялъ трепетать?
Онъ не предвѣстникъ долгихъ мукъ.
Я не люблю! зачѣмъ скрывать?
Однако же, хоть день, хоть часъ
Желалъ бы дольше здѣсь пробывать
Чтобъ блескомъ этихъ чудныхъ глазъ
Тревогу мыслей усмирить.

1830.

БЛАГОДАРИЮ!

Благодарю!... Вчера мое признание
И стихъ мой, ты безъ сѣху приняла,
Хоть ты страстей моихъ не поняла,
Но за твое притворное вниманье

Благодарю!

Въ другомъ кругу ты взгляда не имала,
Твой чудный взоръ и острота рѣчей
Останутся на вѣкъ въ душѣ моей,
Но не хочу, чтобы ты мнѣ сказала:

Благодарю!

Я бъ не желалъ умножить въ цвѣтѣ лѣтъ
Печальную толпу твоихъ рабовъ,
И отъ тебя услышать въ сто разъ
Язвительной, жестокой укоризны:

Благодарю!

О, пусть холодность мнѣ твой взоръ покажетъ,
Пускай убьетъ надежды и мечты,
И все, что въ сердцѣ возродила ты!
Душа моя тогда лишь скажетъ:

Благодарю!

1830.

ВЪ АЛЬБОМѢ.

(ПОДРАЖАЕТЪ ВАЙРОЛЕ.)

Нѣтъ, я не требую вниманья
На грустный бредъ души моей,
Таить отъ всѣхъ мой желанья
Привыкъ ужъ я съ давнишнихъ дней.

Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтобъ здѣсь чрезъ много скучныхъ лѣтъ

Отъ жизни краткой не вытекаетъ,
Какой-нибудь остался следъ.

Быть-можетъ, нѣкогда случится,
Что всѣ страницы пробѣжавъ,
На эту взоръ вашъ устремится
И вы промолвите: «онъ правъ».

Быть-можетъ, долго стихъ унылой
Вашъ взглядъ удержитъ надъ собой,
Какъ близъ дороги столбовой
Прищельца памятникъ могилы.

1830.

СТАНСЪ.

Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ,
Хоть ~~взглядъ~~ судьбы моеи
Померкнула съ ~~длинными~~ поръ,
А съ ней и думъ дупшикъ ~~дней~~.
Слеза, которая не-разъ
Рвалась блеснуть передъ тобой,
Ужъ не придетъ, — какъ прошлый часъ
На смѣхъ подосланный судьбой.
Надъ мною посмѣялась ты,
И я презрѣнъ емъ отвѣчалъ,
Съ-тѣхъ поръ сердечной пустоты
Я ужъ ни чѣмъ не замѣнял!
Ничто не сблизитъ больше насъ,
Ничто мнѣ не отдастъ покой,
И сердце шепчетъ каждый часъ:
«Я не могу любить другой!»
Я жертвовалъ другимъ страстямъ,
Но если первыя мечты

Служить не могутъ снова намъ,
 То чѣмъ же ихъ замѣнишь ты?
 Чѣмъ ты украсишь жизнь мою,
 Когда ужъ обратила въ прахъ,
 Мои надежды въ семъ краю,

1830.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ.

=

Я видалъ иногда, какъ ночная звѣзда
 Въ зеркальномъ заливѣ блеститъ,
 Какъ трепещетъ въ струяхъ и серебряный прахъ,
 Отъ нея равсѣшалась, бѣжитъ.

Но поймать ты не лѣстись, и ловить берегись:
 Обманчивы лучъ и волна!
 Мракъ тѣни твоей только ляжетъ на ней,
 Отойдешь—и заблещетъ она!

Свѣтлой радости такъ, безпокойный призракъ
 Насъ манитъ подъ хладною мглой;
 Ты къ нему—онъ шутя убѣжитъ отъ тебя
 Ты обмануть—онъ вновь предъ тобой!

1830.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

**ДВА ИВАНА,
ДВА СТЕПАНЫЧА,
ДВА КОСТЫЛЬКОВА.**

=

РОМАНЪ.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Провинція.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВСТУПЛЕНІЯ ВЪ РОМАНЪ И ВЪ ПРОВИНЦІЮ.

=

Я вамъ не скажу, высокопочтенный читатель, ни имени губерніи, ни прозванія провинціи, въ которыхъ начался мой романъ: зачѣмъ обременять память вашу географическими свѣдѣніями, которыя теперь уже не свѣдѣнія? Довольно вамъ вѣдать, что романъ мой родился ни въ Москвѣ, ни въ новомъ Питербургѣ, а въ глубинѣ Россіи, въ густомъ лѣсу, раскинутомъ на пространствѣ многихъ квадратныхъ верстъ. Опушка лѣсу примыкала съ сѣверной стороны къ городскому выгону; большая дорога желтой змѣей вилась по всему выгону и подымалась на неболь-

Т. LXIV. — Отд. I.

2

шую и плоскую возвышенность, на которой торчалъ городъ. Множество лужъ, пятнами разбросанныхъ по дорогѣ, увеличивало сходство нашего сравненія. На небѣ стояло позднее лѣто; на землѣ—грибная пора. Въ лѣсу, по обѣ стороны дороги, раздавались разноголосныя *ау!* Черезъ дорогу то и дѣло переходили грибные охотники, то миловидная дѣвушка, то молодой парень, то дворскій челядинецъ. Почти каждый останавливался по серединѣ большой дороги, обращившись къ горбоду; снявъ шапку крестился, кланялся на деревянный соборъ, и уходилъ въ лѣсъ съ веселостью, загагивая свое *ау!* Громче другихъ раздавался звонкій, мужественный голосъ молодого человѣка, котораго на дѣлѣ въ лѣсу и людей, собиравшихъ грибы; на немъ былъ охотничій охабень, съ откидными рукавами, перетянутой кожаными лакированными поясомъ; у пояса съ одной стороны висѣлъ широкой ножъ, съ другой фляга, заплетенная въ мелкіе прутья; мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, красиво одѣтый, тащилъ за нимъ порядочную корзину, нагруженную грибами разнаго роду.

— Трошка! сказалъ баринъ: подыми-ка! Вонъ какое грибище сидитъ. Ни дать, ни взять няня Ильинишна.

Пока Трошка снималъ грибъ, очищалъ его отъ моху и навозу, молодой баринъ во все горло кричалъ: *ау, да ау!*

Никто не откликнулся. Или лучше сказать откликлось много голосовъ, да не слышно было того, котораго ему хотѣлось.

— Ахъ ты, озорница! сказалъ баринъ, а я еще говорилъ ей: на двадцать шаговъ не могли отходить! а она, ей, прелезомъ заплуталась; того и гледи събить; а сънуть полкъ сълав... уже не обринуся съ ста...
 Малаая, Малаый... По лесу лѣсу разлосе...
 ни Малаая, челою съ вравской: Малаая. Дрокю, шва...
 но, не выжи дѣлать се шаче... Въ то же время на доро...
 въ тащилъ се малый обрѣ. Разгорелый лавякъ обив...
 ружьями, что что дождь не маловажной персавы; пер...
 дая повозка была дольмига; шестъ дюймовъ лошадей за...
 шная се шавякъ; земли шавъ дѣлкомъ се шавя...
 едой шавякъ шавякъ шавякъ се шавякъ шавякъ шавякъ

но наказывалъ молчаніе. Всѣ проводники, то есть: кучера и челядницы съ благоговѣніемъ посматривали на арапнякъ, и хранили глубокое безмолвіе. Только и слышанъ былъ стукъ колесъ да копытъ, при медленномъ движеніи повѣда, весьма незначительный; за повѣдомъ, также шестерка тащила большую бричку, затянутую полотномъ; за нею на четьрехъ тройкахъ ѣхала челядь, везли чемоданы, сундуки и прочая. Крики со всѣхъ сторонъ: Маланья Ивановна, Маланья Ивановна! раздались въ лѣсу именно въ то время, когда колымага бережно спускалась въ огромную ямку, разлитую поперекъ всей дороги, такъ, что наречь съ арапнякомъ, долженъ былъ проходить въ бродъ, что онъ и началъ исполнять вмѣстѣ съ лошадьми весьма совѣтливо и осторожно. Но едва раздались крики, какъ изъ колымаги послышался женскій голосъ:

— Что тамъ такое? Городъ, что ли? А я тебѣ, болванъ, говорила: ѣхать шагомъ. И поспать не дали!...

Крики въ лѣсу продолжались.... Запавѣска въ колымагѣ задернулась; и оттуда выглянула голова повзвѣнная платкомъ, и грознаго виду.

— Что тамъ такое? черти. Ну, я здѣсь; что надо?

Но грозное и румяное лицо въ-мгнуту поблѣднѣло, когда путешественница замѣтила, что голоса неслись изъ лѣсу.

— Лѣшіе! вскрикнула она—и спряталась, и задернула запавѣску, и окутала голову въ подушки и перины, которыми колымага была преисполнена. Въ бричкѣ произошла та же сцена, съ небольшими перемѣнами; молотно на-скоро отпачнулось; въ отверстіе выглянула голова такого же объема и виду; по голосу только можно было узнать, что въ бричкѣ пребывалъ мужчина.

— Что за шумъ! заревѣлъ путешественникъ. Дамъ и вамъ воеводскій сонъ тревожить!

Но въ то же мгновеніе, замѣтивъ откуда голоса, воевода поблѣднѣлъ и затрясся всѣмъ тѣломъ....

Семенъ, Вукозь, Евлампій, Андрей, Марфа, Палашка, творите молитвы, то лѣшіе.

И воевода сталъ креститься обѣими руками.... Лѣшіе! закричало множество голосовъ; посылались нещадныя и неисчетныя удары кучерскихъ плетей; лошади понеслись

во всю мочь; паренъ съ арапникомъ, видя, что его оставляютъ на жертву всему сборищу гѣшнихъ, съ отчаянья вскопчилъ на желѣзную ножку брички и ухватился обѣими руками за полотно; оно рвалось въ рукахъ его; онъ хватался за обручи; и тѣ не выдержали; въ ужасѣ онъ уцѣпился за воеводу; а тотъ зажмурясь кричалъ во все горло:

— Отпусти душу на покаянъе! Со всей провинціи ни алтына не возьму, ни ложки патоки; ужъ тогда меня кушай, какъ взятку возьму.... Ой, душить, душить! Помогите!

Напрасно! Каждый думалъ о себѣ, даже лошади неслись, или лучше сказать несли воеводскій поѣздъ, съ курьерскою быстротою. Три или четыре версты, оставшіяся до города, проскакали во весь опоръ и какъ вкопанныя остановились передъ постоялымъ дворомъ, сапая и поматывая ушами. Не успѣли путешественники очнуться, какъ уже цѣлая провинція, то есть, весь городъ окружилъ поѣздъ. Осмѣляясь открыть глаза, воевода съ ужасомъ увидѣлъ, что за ноги его всё-еще держался гайдукъ Семенъ.

— Плетей! закричалъ воевода. Такъ это ты вздумалъ гѣшаго показывать.... Это что! Мы въ провинціи! Въѣхали безъ трезвону, безъ церемоніи! Вотъ я тебя! Вставай!

И воевода давай тузить Семена, къ общему удовольствію всей провинціальной публики. Громкій смѣхъ стлался по всей площади и привелъ воеводу въ неистовство; онъ успѣлъ какъ-то освободить ноги изъ оковенѣлыхъ рукъ Семена, всталъ, но какъ всю бричку наполняли перины, то воевода, качаясь на пуховой каедрѣ, возгласилъ тако:

— Смирно! Дамъ я вамъ смѣяться надъ вашимъ воеводой!

Горожане оробѣли; смолкли; одни пустились бѣжать; другіе, ближайшіе къ сценѣ, повалились въ грязь на колѣни, и низменно кланяясь, жалобно вопили: — Прощенья просимъ, государь воевода; опознались, батюшка, отецъ нашъ родимый!

— Тѣ-то же! сказалъ воевода, ободрясь и подбоченясь. По домамъ! А кто въ четверть часа не будетъ сидѣть дома, или будетъ сидѣть дома, да учнетъ глазѣть въ окошко — весьма будетъ оштрафованъ. По рублю съ рыла! По домамъ!...

И площадь онустѣла. Провожая бѣгущихъ взорами и довольною усмѣшкой, воевода вышолъ изъ брички и подошелъ къ колымагѣ.

— Меланья Ивановна! сказалъ онъ тихо.

— Пришла моя бѣда! шептала воеводица: подбирается.

— Меланья Ивановна, да не бойтесь ничего, это я, вашъ супругъ и сожитель, Максимъ Ивановичъ....

— Да ужъ если бы ты былъ Максимъ, такъ не я, а ты бы меня боялся; а ты не Максимъ, ты нѣвѣстно кто....

— А кто же я, Меланья Ивановна?...

— Да я никогда богомерзкихъ словъ не говорю и не говорю; а если и случилось какъ ни есть сказать испугное слово, такъ безъ умыслу, видитъ Богъ, безъ всякаго нагнѣнія.

— Кто объ этомъ говоритъ; вы такіе благодушные...

— Видишь, видишь, какъ подмасливается! Благодушная не благодушная, а такая, какъ и всѣ грѣшныя Еввины мучки.

— Такъ подымайтесь, Меланья Ивановна, пока никого на площади нѣтъ.

— А ты меня и скушаешь....

— Гдѣ мнѣ! И лѣшій подавится. Да перестаньте же бояться; надо приниматься за воеводство; а скоро и солнце взойдетъ. Съ этими словами воевода собственноручно—отдернулъ занавѣску и Меланья Ивановна, всплеснувъ руками, приподнялась на перинахъ:

— Батюшки свѣты! Точно! Ты! Максимъ Ивановичъ! Ты, Буруновъ, осьмага класса! воевода!... а это наша провинція, чтò ли? Это наши улицы?

— Наши, матушка Меланья Ивановна! Только подымайся проворнѣе. Любопытство заперъ я на замкѣ, окна имъ замазалъ воеводскимъ словомъ, да этотъ порокъ, матушка, пожалуй въ трубу выльзетъ.... Такъ поторопись, пока никого нѣтъ!

— Да какъ же я поторопилось? Вѣдь ты знаешь, что я ноги разула; жару боялась, а чулки и башмаки Паланка еще на томъ постояломъ дворѣ, гдѣ ночевали, съ собой унесла. Поди-ка, кликни Паланку....

Пока Меланья Ивановна обувалась, и справляла остатк

ной свой дорожный парадъ, Максимъ Ивановичъ пошелъ на постоялый дворъ языка добыть: справился гдѣ земская контора, гдѣ воеводскій домъ. По счастью хоромы, предназначенныя для жительства воеводы, были бавко и стояли вдуствѣ; нѣсколько пчеловъ, и поѣздъ сталъ разгружаться. Всѣ сумлуки, ухваты, кастрюли, котлы, першны, подушки, хомуты, словодѣ всѣ вещи, видящательно съ Меланьей Ивановной и челядницами, разиѣстались въ осьми такъ называемыя чистыя покоякъ и въ полномъ смыслѣ нечистыякъ кухни, мыльницъ, сѣняхъ, каюркахъ, и другихъ разнаго роду и званія шкафкахъ. Чистыя покоя отъ нечистыхъ отличались тѣмъ, что въ чистыхъ были окна не шире, но безъ стеколъ; печи на деревянныхъ ножкахъ, и стѣны нѣкогда обиты бумагой съ узорами; на эти провинціальныя обои повсемѣстно были проточены жомалиныя масѣкомыи; откленлись и при магдайшемъ дуновеніи вѣтру, имѣвшаго свободный входъ въ воеводскія хоромы со всѣхъ сторонъ, производили гармоническій шумъ, подобно тому, когда глубокая осень изъ сухихъ листьевъ стелеть зимѣ постельку и ворчить неумолчно. Замковъ у дверей, петель у оконъ, дверецъ и задюнокъ у печекъ, не было. Глядя на эти хоромы, можно было подумать, что тутъ давнымъ-давно не жилали люди. Но это не поражаело пріѣзжихъ; одинъ только Максимъ Ивановичъ поглядывалъ на раны въ дверяхъ и окнахъ и лукаво улыбался. Меланья Ивановна суетилась; ходила вездѣ и вперидъ во всѣмъ комнатамъ и съ важностию рѣшала: гдѣ быть спальней, гдѣ столовой, гдѣ дѣтской....

— Да зачѣмъ же дѣтская? спросилъ Максимъ Ивановичъ.

— Какъ зачѣмъ?

— Да вѣдь у насъ нѣтъ дѣтей!

— Все одно. А дѣтская пускай будетъ. Такъ и у нашего воеводы было: я ужъ все высмотрѣла. Точь-въ-точь такой же порядокъ будетъ и у меня.

— Да зачѣмъ же матушка, когда дѣтей....

— Перестанешь ли ты уничиать! Вотъ ты сама рассерилась, мамушку дѣтей заводи, мать узнаетъ себѣ убаху; ин-

ему да прику будетъ на три дома. Каждый сверчокъ вней свой шестокъ; ты управляйся съ провинціей, радѣй е жоходѣ, а хозяйство—моё дѣло. Да бумажныхъ дѣлъ вотъ тебѣ канурка; окно есть, чего больше; а въ короны не воруайся. Вотъ ты бы дучше послалъ за комиссаромъ; поинишь, какъ Аяда Екимовна за тобой посылала; наказалъ бы ему какой ни есть рухляди поднести; на цервьѣй олунай хотъ бы кровать для мена; а ты ночь проспашъ и на лежанкѣ; да делѣй бы перокусу какую сладить. Не тразнився же въ своей провинціи на зарочню.

— Охашѣ, и водочка....

— Ну ужъ, на первыхъ порахъ тебѣ бы встеречѣл. Подвѣтѣтъ, что лакомина, вѣботе денегъ, стануть харчами отдѣльваться. За водкой-то можно бы и Семена послать; пусть возмнеть на алтынъ, будчи для себя....

— Дѣло, жема! Люблю разумную рѣчь. Эй, Семенъ! Подди-ка, возьми косулю; да прежде въ земскую контору зайдя, да въ сѣняхъ такъ и гаркни:—Его высокоблагородіе ось-мага класса воевода Максимъ Ивановичъ спрашиваетъ из-волить къ себѣ земскаго комиссара здѣшняго уѣзда.

Не прошло и десяти минутъ, какъ на дворѣ послышался споръ между голосами, все батоваго разряду....

— Помилуйте, Иванъ Петровичъ, его высокоблагородіе изволило меня кликать....

— Поди ты, Оумка! пусти, я старше, мнѣ и иття прежде. Чанъ чина почитаѣ....

— Но вы можете погубить меня; могутъ припать за непослушаніе....

— То-то же, Оумка! Слушаться! Посторонись.

И по тесовому крыльцу заскрипѣли тяжкіе шаги тучной персоны. Какъ черная туча своей громовой музыкой наводитъ страхъ и трепеть, такъ гелось и походка тучной персоны; застала Максима Ивановича невольно застѣнуться и направить рѣдкіе волосы на головѣ, которая къ досадѣ воеводы блистала наготою, а оба парика были подъ спудомъ, въ неизвѣстныхъ ему сундукахъ. Никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій нельзя уже было сдѣлать, потому что пер-сона въ зеленомъ кафтанѣ и преогромномъ парикѣ, при-

гнувшись въ дверяхъ, бережно вступила въ комнату и остановилась у порогу.

— Что тебѣ, батюшка, надо? спросила Меланья Ивановна.

Но Максимъ Ивановичъ перебилъ:

— Не путайся, жена, не въ свое дѣло; это уже мое хозяйство; подлежит моему начальству. Ну-ка, батюшка, кто ты и что тебѣ надобно?

— Такой-то провинціи, такой-то губерніи, земскій камериръ, то есть надзиратель за сборами, пришелъ по силѣ Генеральнаго Регламента главы XXIV «о компаньонтахъ,» господину воеводѣ, яко президенту моему, честь отдать и рѣшектъ учинить....

— Апробую! съ важностью отвѣчалъ воевода и съ самодовольствіемъ посмотрѣлъ на Меланью Ивановну....

— Да что, батюшка надзиратель! И я рада твоему знакомству; да видишь, посадить-то не на чемъ; развѣ на сундукъ; да боюсь, чтобы тучности твоей не приключилось какого ущерба....

— Ха, ха, ха, ха, раздался густой басъ камерира. Извольте шутить! Мы и стоимъ; ноги не отымутся. Да и совѣстно безпокойство вамъ наносить въ такое время. Не прикажутъ ли чего ваши высокоблагородія, а что до другаго чего, можно отложить и на завтра....

— Противу порядку, батюшка, противу порядку! Порядокъ душа всякой дирекціи и долженъ быть вездѣ, даже въ вещахъ самыхъ ординарныхъ. Отъладывать недѣзи и не указано. Наставь, гдѣ бы мнѣ тутъ у васъ въ провинціи на скорую руку кровать испкупить.....

— Двухспальную или простую?

— Простую, батюшка, закричала Меланья Ивановна: не до прихотей теперь....

— Фигурную или ординарную?

— Простую, говорятъ тебѣ....

— Деревянную или желѣзную? Я видѣлъ въ госпиталѣ....

— Деревянную! закричала Меланья Ивановна пуще прежняго; но неустрашимый камериръ-продолжалъ:

— На веревкахъ или на доскахъ?

— На веревкахъ!

— Такой вѣтъ!

— Ну, такъ на дскахъ.

— И такой нѣтъ въ продажѣ; военные комиссары всѣ искупили, а я вамъ пришлю мою запасную.... У меня двѣ, тучности ради: одна ломается; впрочемъ я имѣю подозрѣніе на Егорку. Большой мошенникъ! Есть толстяки и не имѣя чета, а всё подъ ними кровати цѣлы.... Впрочемъ я и съку Егорку, какъ слѣдуетъ. По два раза въ недѣлю; коли незачтѣ, такъ въ запасъ; да онъ свое наверстаетъ; всегда счеты очиститъ, да еще въ долгъ наплутуетъ. Вотъ онъ кровать принесетъ. Извольте только на рожу взглянуть. Сами увѣритесь, что я еще съ нимъ обращаюсь милостиво, балую....

— Хорошо, батюшка, хорошо, прервала Меланья Иванова. Съ своимъ добромъ, какъ знаешь, управляйся, только кровать пришли. Почитай смерклось.

— Жду указа!

— Апробую! Ступай, батюшка, а завтра по регламенту прощу въ присутствіе ровно въ шесть часовъ....

— Слушаю-съ! счастливо оставаться.

И ретируясь, въ законной позиціи изъ комнаты, камериръ наступилъ на тощую и длинную фигуру, стоявшую за дверью....

— Извини, Лукичъ! пробурчалъ камериръ, и крыльцо опять заскрипѣло.... На его мѣсто вступила въ комнату тощая фигура и не разгибаясь остановилась у порогу.

— Ну, а ты что?

— Земскій секретарь, ваше высокородіе! — хотя и басомъ, но мягкимъ и сладкимъ, произнесла тощая фигура...

— А такъ это ты уекъ воеводу? А?

— Ваше высокородіе, вѣроятно, въ губерніи слухъ такой забрали, а въ губерніяхъ во всѣхъ, отъ потопа, насчетъ провинцій имѣютъ неблаговидное мнѣніе, а отъ тѣхъ же провинцій питаются. А дѣло простое, то есть, не то чтобы простое, весьма сложное, и запутанное, но резолюція была бы аккуратная и благосклонная, когда бы воевода Семенъ Семеновичъ учинилъ по изустному мемориалу моему и послалъ бы въ губернію надлежащія акциденціи: штукъ десять осетровъ, да другой рыбы съ полдюжины подводъ, да изъ денежнаго малую-толину. Не во-

слушался, на правоту понадбляло, и, съ поволокой ска-
зати, сложилъ шею...

— Конечно, акциденція не взятка; акциденція — это бѣ-
дѣль позволенные доходы. Иначе не чѣмъ прокормить-
ся.

— Совершенно не чѣмъ, — выше высокородіе! Котъ бы
на прикладъ и вашу дѣль; положивъ, что дрова и сѣчь
отпускаются; для прислуги есть сторожа; для стола — дѣ-
лотчины; да жалованье самое мизирное. Я, право, смотрю
на васъ и плачу. Какъ это вы, Максимъ Ивановичъ, прож-
вете? Прощенія просить за фамильярность...

— Безъ чиновъ, безъ чиновъ! Какъ тебя зовутъ?...

— Извольте Лукичомъ кликать! По-отечески, ваше вы-
сокородіе. Радъ вамъ какъ отцу родному служить, по-
неже благодущіе у васъ на лицѣ четкими литерами про-
писано. Не взыщите....

И Лукичъ бросился, обнялъ воеводу и, поцѣловавъ въ
пуговицу, которая, въ объемъ стараго пятака, защищала
самое сердце воеводы.

— Въ сердце, въ сердце! продолжалъ Лукичъ съ жа-
ромъ, отступая: Знаю, знаю, какое тяжкое испытаніе па-
детъ на сіе сердце — и плачу. То есть не должность, а пло-
тница, а по сторонамъ безды; дѣпанція. И губернію удо-
вольствуй, и воинскимъ командамъ угоди, и фискалу ума-
сли, и своихъ не обидь!

— Братецъ, Лукичъ! прервалъ воевода съ самодволь-
ною улыбкою; дѣло-то мы смыслимъ; дѣла не боясь и
не бѣгаемъ. Въ губерніи, братецъ, земскимъ комиссар-
омъ быть не то, что въ провинціи, а паче въ уѣздѣ. У
васъ тутъ только и начальства, что воевода, а тамъ, бра-
тень, и губернаторъ и разные чины. Всѣ на комиссар-
скихъ плечахъ и снать и ходить. Выносилъ всѣхъ; поря-
самому на чужой снани отдохнуть....

Лукичъ почтительно согнулся, какъ-будто изъявляя
совершенную готовность на требованіе воеводы, а Мак-
симъ Ивановичъ продолжалъ:

— Тамъ сидитъ же, Лукичъ, лезать уже остро: Не-
софъ обманя, а товаръ и капиталъ и жсть доходи, а д ж

осмотрѣться на усійль. Что же ты, Меланья Ивановна, не по-хозяйничашь? Послала бы искупить балычка, икорин, осетринин, того-другаго. Не голодному же спать идти....

— Достанешь теперь пѣчью! Какъ-разъ, видишь; почти-тай совѣтъ сверкалось.... Совѣтъ и дороги не найдеть, а Марю послать нельзя: вбѣруеть....

— Не извольте приходите въ безпокойство. Дѣло дѣржливое — и мой долгъ распоряженіе сдѣлать, покоялку бѣдность моя позволяетъ.... Сейчасъ все ливится....

Лукичъ въ двери, а на крыльцѣ я началъ на него Оемка, о которомъ была уже рѣчь.

— Какъ-равно стыдно, Степанъ Лукичъ, говорилъ Оемка: у бѣлаго педовѣна хлѣбъ отнимать! Развѣ ваше дѣло воеводу продовольствовать? За чѣмъ вы въ чужія сани садитесь?

Но видя, что Лукичъ, не слушая его, улодитъ поспѣшнѣе съ воеводскаго двора, и боясь, чтобы другіе не перебили у него опять очереди, Оемка оправдился и вступилъ на аудіенцію.

— Что тебѣ надобно?... спросилъ воевода.

— Оема, Ильинъ, сынъ Галунчиковъ, земскій его величества комиссаръ такой-то провинціи и уѣзда, имѣю честь, счастье и всякую радость проинести себя персонально на высоконачальническое ваше высокородіе благоусмотрѣніе....

— Э, батюшка, вскрикнула Меланья Ивановна: этотъ молодецъ по моей части. А снороку я знаю; Анна Ивановна всему научилала. Ну-ка, Галунчиковъ, какой у тебя перядокъ? А? Воевода въ провинціи; ошмала безъ свѣчей сидитъ; изъ оконъ дуетъ; двери безъ замковъ....

— Воры, ваше высокородіе! Тати ночные и дневные! Съ ножами разбой чинятъ по большимъ дорогамъ, по всему уѣзду; у меня мало команды; пока управляюсь въ уѣздѣ, провинцію разграбить; одному неусыпному моему некровительству надобно отложить тѣ обстоятельства, что донинѣ пожаромъ городу еще не учинилось гореніе. Что же принадлежитъ до свѣтъ, то тотчасъ будутъ; не оставлено тогодня, что думера не объявдѣтъ....

— Да хоть полнуда, батюшка, на первый разъ....

— Слушаю-съ... И комиссаръ хотѣлъ уже идти.

— Погоди, погоди, батюшка! закричала опять Меланья Ивановна, а лошадамъ-то овса и сѣна откуда я возьму?...

— Отложите повечеріе! Ваше высокоблагородіе! Вы люди опытные. Ваше продовольствіе лежитъ на мнѣ, по долгу совѣсти, и я сейчасъ сбѣгаю за овсомъ и сѣномъ....

— Постой, постой! А челядь-то?... На кухню ни полѣна, а запасъ холодный весь съѣли; такіе прожоры....

— И челяди заткнемъ глотку... бѣгу....

— Постой, батюшка! сказалъ воевода. У меня есть ящички; что ихъ кормить понапрасно; ты съ ними рассчитайся и расплатись, а деньги-то у меня подъ снудомъ. Пекуда....

— Вполнѣ чувствую благодаренія вашего высокородія! Мигомъ все исполнено будетъ. Только позвольте въ контору сбѣгать....

Галунчиковъ ушелъ и вѣсто его заступила цѣлая толпа чиновниковъ. Впередѣ стояли рентмейстеръ и мостовой надзиратель; далѣе тѣснились судьи, магистратскіе чины, земскій писарь и комиссары. Отъ коллегіальной аудіенціи воевода не предвидѣлъ никакой пользы, почему, назвавшись въ какомъ часу гдѣ завтра будетъ, съ ласкою отпустилъ чиновниковъ. Съ одного крыльца уходили гости, съ другаго на кухню конторскіе сторожѣ таскали бальки, бочечки и разное съѣстное на холодный ужинъ для Меланьи Ивановны. По волшебному мановенію Галунчикова появился въ гостинной столъ довольно порядочный и два кресла, обитыя кожей и мѣдными гвоздиками. Воевода, не долго думая принялся за трапезу; и не успѣлъ проглотить двухъ трехъ кусковъ рыбы, какъ-вдругъ изъ-за креселъ вытянулись двѣ руки; въ одной фляга, въ другой чарка. Настояйка забурчала, чарка наполнялась и тутъ только воевода успѣлъ замѣтить, что этамъ пріятнымъ сюрпризомъ онъ былъ одолженъ обязательной предупредительности своего секретаря.

— А, Лукичъ! Спасибо!...

— Не цей, Максимъ! вскрикнула Меланья Ивановна, да поздно.

— Въ самомъ дѣлѣ, напрасно пилъ! — сказалъ воевода отдавая чарку: только кажется настойка желудочная, самая здоровая....

— Кто эту настойку пьетъ, никогда болеть не былъ, отъчалъ секретарь....

— А если такъ, подай-ка еще!

— Не давай! закричала Меланья Ивановна. Отойдн ты, бражникъ этакой, съ соблазномъ! Поставь настойку на окнѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ поставь на окнѣ, прибавилъ воевода: а самъ поди-тка сюда, расскажи, что ни есть про нашу провинцію. Хороши ли помѣщики?..

— Отмѣнный народецъ, тароватый, веселый, живетъ-себѣ, знаете, спустивши рукава; подъ руку то и дѣло попадаетъ; охотники не на животъ, а на-смерть. Да указецъ-то стѣснительнень....

— О звѣроловствѣ что ли?

— Именно!

— А развѣ и наша провинція подъ указомъ?

— Подъ указомъ! Воевода Семень Семеновичъ, не соблюдая казеннаго интересу, изволилъ-было господамъ сенату доношеніе сочинить, о дозволеніи охоты въ нѣкоторыхъ дачахъ....

— Это зачѣмъ?

— И я то же говорилъ....

— Эхъ, Семень Семеновичъ! Плохъ братецъ! Золотую гору хотѣлъ изъ рукъ выпустить. Ну, и что жъ доношеніе?....

— Какъ-то не послалось!

— Твои штуки, Лукичъ, твои штуки! Чай на почтѣ пролежало, пока не смѣнили воеводу.... Умно, Лукичъ! Только вѣдь я не хитеръ; на-прямки скажу: меня такъ не проведешь. Будешь служить честно — моя рука за тобою; восторону не гляди, на двухъ стульяхъ не садись: ушибешься. Писну въ губернію; въ кандалы закують. Понялъ?

— Ваше высокородіе, кто же вамъ служить честно не будетъ, когда вы такіе ласковые, откровенные, съ слугами съ своими по-отечески изволите обращаться; а Семень Семеновичъ.... Сами согласитесь, что хотѣлъ и себя и

вѣдѣть насъ разорить. Если есть по меньшей провинціи служашей братія доходаецъ каковой, такъ только изъ того уншу. Здѣшній провинціальный фискаль Митюшкинъ, человекъ самъ тихій, лѣзаетъ и дѣлаетъ и нить дознанія настойки; домосѣдъ; въ присутствіи никуда не заглядываетъ; такъ доносить некому.

— Ну, знаешь, Лукичъ, зѣбря-то не люди. Провинція наша не степь же безлюдная. По вѣдомостямъ доберутся....

— А справки на что? Эхъ, ваше высокородіе, и по вѣдомостямъ-то у насъ хорошій учетъ: кто по-бѣднѣе, тотъ на службу ступитъ; а кто по-богаче, то все равно, слушаетъ царству: чиновныхъ людей кормитъ.

Воевода слядство улыбулся и протянулъ Лукичу руку....

— Вижу, что ты золото, сказалъ Максимъ Ивановичъ. Намъ съ тобой тутъ житье будетъ, просто. Ну, а много ли богачей?....

— Да что; кормовыхъ-то не очень много; можетъ-быть наберется десять, не больше, то есть такихъ, что за ними по пяти, по шести сотенъ дворовъ есть. Изъ нихъ только двое на службѣ, потому-де, что въ родствѣ съ петербургскимъ генералитетомъ, а прочіе, подъ кровомъ земской конторы, на своихъ дачахъ пробавляются, кто чѣмъ похочетъ. Вотъ Анкудиновъ, тотъ дальній, почитай на концѣ провинціи. Тотъ большія рыбныя довли на откупъ держитъ; вкусная рыба, коли ваше высокородіе изволили обратитъ вниманіе....

— Хороша рыба, знатная....

— Вотъ Семеркины. Ихъ трое братьевъ. Охотники на пушнаго зѣбря, а людей битъ не любятъ. По-человѣчески, жаль ихъ на войну посылать; еще застрѣдятъ, чего добраго; отъ Шведовъ добраго не жди; а имѣнье перейдетъ къ дядѣ ихъ, а дядя во всей губерніи — первый скряга. Хороше ребята! Съ нихъ много дохода; на всю провинцію придется по тысячѣ рублей съ души, кромѣ разнаго снабдѣнъ въ натурѣ. — Костыльковъ! Ну, ужъ этакого, чай, на едемъ свѣтъ другара вѣтъ. Молодъ, холостъ; Меланиа Ивановна у него всѣмъ домошъ заправляетъ...

— Маленькая Ивановна! воскликнули и взошла в его
душу.

— Истинно так! Маленькая Ивановна! Была Маленькая,
просто; при родителяхъ Ивана Степаныча въ дѣвчьемъ
шла и пришла; а послѣ ихъ смерти Маленькой Ивановной
стала. Бой, не баба! Стучала она Ивана Степановича съ
зѣвкой и другой охоты; нынче то и дѣло грибы соби-
рала. Нынче, передъ самыми вашими вѣздами, вѣду-
тца она надъ всеми. Изъ насъ, чиновныхъ, также какъ
кто на грибахъ были; потому что дачи костыльковскія
сейчасъ за выгономъ городскимъ, на большой дорогѣ. Хо-
дили, ходили; она и притаясь, будто пропала.—Окликать!
Не тутъ-то было! Меларья Ивановна! — всѣ глотку де-
рутъ....

— Стой! закричалъ воевода: такъ это не дѣшья!

— Кто тамъ!

— Такъ это дрянная Маленькая надъ нами изволила
баваться! Подать сюда Ивана Степаныча Костылькова!
Отъ же и вѣтчикъ! Противу царского указа еслушавши!
По его милости я въ провинцію безъ трезвону въѣхал!
Возоръ такой перенесъ! Дать я ему—грибы! Подать это
сюда!

— Ваше высококордіе!

— Молчать! А вы чего смотрите? По большому дору-
ганъ такое безчинство! Зарады на провѣзникъ! Возоръ я
мѣ! Ступай, выши указъ Костылькову, чтобы завтра ра-
дуть часомъ быть въ контору; носылай чуть сѣвѣтисъ.

— Ваше высококордіе!

— Ничего и слушать не хочу. Ступай! Вумагу готовь.
Посель.... Выведу я лѣшихъ....

— А какъ указать изволите послать, съ комиссаромъ
или безъ онаго съ однимъ сторожемъ?

— Съ комиссаромъ. Больше за подводу заплачу. Ты
меня хотѣлъ пугнуть, да не удалось; вотъ я тебя пугну...

— А какъ изволите указать: съ росейскою, или кому
быть въ провинцію съ тѣмъ же комиссаромъ....

— Съ комиссаромъ! Да что ты сталъ спрашивать?
Ступай! Спать хочу. Вотъ только естыну, такъ и вѣсну.
Ступай!...

Секретарь, хотя и съ неудовольствіемъ, однако жъ повиновался; согнулся, выползъ, плюнулъ на двери и ушелъ. Занимать и земскій комиссаръ, который занимался внутреннимъ устройствомъ спальни, кухни и конюшни, откланялся и ушелъ.... Воевода и Меланья Ивановна, на помощь, обходятельно, сколько душъ угодно, отдѣлали Костылькова и уснули. Провинція стихла. Черезъ часъ послѣ того, городская тишина была нарушена стукомъ колесъ и копытъ; но быстрые кони умчались и безмолвія ночи до самой зари уже ничто не прерывало. На то провинція!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ночной гость.

На небольшомъ пригоркѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ красивыми рощицами, стоялъ барскій дворъ. Длинные, длинныя хоромы въ одно жильѣ занимали гребень холма и глядѣлись въ прудъ, какъ чопорный старикъ въ зеркало; кругомъ чинно стояли службы, амбары и другія хозяйственныя строенія. Лунная ночь обливала серебромъ своимъ красивую усадьбу. Видъ ея былъ еще краше, живѣе отъ огней, которые свѣтились во всѣхъ окнахъ. На дворѣ не было замѣтно никакого движенія; тишина глубокая прерываема была, и то шарѣдка, стукомъ ночнаго сторожа въ деревянную доску; зато въ хоромахъ было шумно и весело. За длиннымъ столомъ сидѣло человекъ десять разнаго виду и званія; богатые чаши и стопы, забытки дѣдовскихъ временъ, переходили изъ рукъ въ руки, и, само собою разумѣется, не пустыя. Президентъ или хозяинъ сидѣлъ въ глубокихъ креслахъ. Стеганный халатъ, перетанутый въ поясъ, обнаруживалъ его стройность, а шапочка съ золотымъ кутасикомъ придавала красивому лицу видъ истинно марціальный, тѣмъ болѣе, что черные какъ смоль усы широкою полоскою стлались надъ пурпурными устами и сильно оттѣняли бѣлизну лица.

— Ну, Малашка, ступай спать, сказалъ онъ: мы тутъ еще вокаляжемъ.

— Полно бражничать! отвѣчала молодая дѣвушка, откровенно и мимовидная, разодѣтая въ парчу, янтари и бисеры:

— Добро еще окна цѣлы! Чай, завтра опять придется посылать въ городъ за стекольщикомъ!

— Не огорчайтесь, Меланья Ивановна! протяжно, почти прощѣла тощая фигура съ обритою бородою, въ длинномъ сюртукѣ нѣмецкаго покроя. — Окна — что такое? — Стекло, хрупкій матеріалъ; не мы, вѣтеръ выбьетъ, какъ онъ и учинилъ вчерашней ночи!

— Знаемъ мы, какой вѣтеръ! Чай у тебя отъ вѣтру всѣ пальцы порѣзаны. Шелъ бы ты въ городъ мальчишекъ своихъ учить.

— Выучатся! Успѣютъ! Не велика мудрость! Какъ придетъ время и охота жениться, въ недѣлю смѣкнутъ.

— А развѣ безъ твоей питербурхской мудрости ужъ и жениться нельзя? спросилъ краснощекій толстякъ съ красивой бородою.

— Вашей купеческой брати — можно. На что вамъ грамота; цифирь у васъ на пальцахъ. Торговый народецъ глазами считаетъ. А городовыхъ дворянъ безъ моего вѣдома и дозволенія и вѣнчать не станутъ. На то есть указъ.

— Да вотъ, можетъ-быть, новаго воеводу пришлютъ, сказалъ молодой человекъ, съ виду ровесникъ хозяину.

Мы должны остановиться на этомъ лицѣ и заняться имъ нѣсколько подробнѣе. Хозяинъ, какъ мы замѣтили изъ собственныхъ словъ его, титуловался Иванъ Степанычъ — ровесникъ его былъ также Иванъ Степанычъ, почему въ своемъ кругу его звали, просто, Степанычъ. Происхожденія онъ былъ неизвѣстнаго; явился Богъ знаетъ откуда: съ хозяиномъ встрѣтился на охотѣ; пристасть какъ собаченка; приласкался; и вотъ уже безъ мала годъ проживаетъ въ Костыльковкѣ, будто дома, на всемъ на готовомъ; донашиваетъ старое барское платье. Ему было лѣтъ двадцать пять, шесть, какъ и хозяину; собой хоть и не былъ онъ красавцемъ; какъ Иванъ Степанычъ, однако же былъ очень недурной мужчина, а по доброму лицу и веселому характеру отменно нравился всему женскому полу во всей Костыльковкѣ, и по сосѣдству. Не ждите отъ этого лица ничего оригинальнаго. Увѣряю васъ, что онъ былъ похожъ на тысячу вашихъ знакомцевъ, про которыхъ вы вспоминаете только при свиданіи, и если бы вамъ не при-

ведось съ ними увидѣтся, вы бы и забыли о ихъ аудированіи. Иванъ Степановичъ также бы самозабывался о Степановичѣ, если бы тотъ не умѣлъ постоянно напоминать о себѣ. Во все время разговора, онъ преусердно ѣлъ и пилъ, и веселился только на одну минуточку, какъ-будто съ умысломъ жевать только подлить подъ огонь масла. И мѣтко, нечего сказать: Иванъ Степановичъ привадухался и замурчался; гости также, каждый по-своему, зафривали свои тайныя внутреннія описанія значительными именами; одинъ только Степановичъ, окинувъ ихъ всѣхъ довольными взглядомъ, принялся за вышивку.

— Ого токъ, знаете! сказалъ красноречивый купецъ: восседа, конечно, не того, то есть, не губернатора, однако же и того, то есть, въ провинціи всё-таки онъ тоже, что въ губерніи губернаторъ. И то правда, купечество указомъ вѣдать не воссоданъ, а буржистранъ. Мы у царя отрыванный ломоть, особъ-статья, какъ позволите говорить Степанъ Лукичъ, да ужъ у этихъ у воеводъ такое усердіе: и о томъ радѣють, о чемъ вы и радѣть не умозано; кажется и особъ-статья, а гдѣ такого взять купца, который бы въ воеводской канцеляріи не побывалъ съ подарочкомъ? Нѣтъ, батюшка, нынче чудось не стало. И ужъ знаете, того, право мушкетер, когда воевода въ купечество самъ мѣшивается. Меньше расходу; а то вотъ Семейъ Семейовичъ и не мѣшался, такъ Степанъ Лукичъ со всею челядью насъ въ руки принялъ. Сторожакамъ приходилось мѣшаться. И кого-то еще спрашиваютъ! Наша провинція болѣе прибыточна: выманять ее у губернатора люди болѣе, а добрымъ не попадетъ... Охъ, охъ!....

И купецъ усладилъ горечь размышлений чашей добраго шюу.

— То-то вы, молодой! отозвался блѣдный, кожнотый купчина въ военномъ кафтанѣ: послужилъ бы съ нами! Нарывѣдывался бы со Шведами да съ Туркани, тогда бы на воеводу и на сынаго губернатора не смотрѣли бы съ опасенью. Сказали бы по своимъ услабкамъ, да и стѣснаныи его чина не мѣшалию.

— Ну, ужъ вы олушба, сказалъ воевода, обратно взглянувъ на военнаго: но съ бы говорить, да и безъ купечества.

Она одной рукой влохот петуха. Не то ружья, вожжей отъ рысака не чѣмъ взять; а не оторван у тебя Шведъ руки, не видалъ бы и ты своей усадьбы какъ ушей своихъ. Положимъ вотъ такъ, котъ на одинъ нашъ уѣздъ. Много ли петухишковъ въ домахъ осталось? Я, да ты, а то куда ни глянь, прикащики дѣлами заправляютъ, крестьянъ разоряютъ, а господа только и дѣло шлютъ изъ Питербурха указы: подавай денегъ. Ужъ если убытчатся, такъ лучше дома. Такъ я придумалъ и вотъ уже чай десять смотрю дворянскихъ и въ Питербурхъ и въ Москвѣ было: ни одного не видалъ и себя на петуху не показывалъ. При трехъ воеводахъ усидѣлъ въ своемъ гнѣздѣ. Да вотъ Богъ дастъ и съ четвертымъ сладить.

— Иванъ Степанычъ! какъ не сладить! произошла на расхвѣзъ тощая фигура: дакъ бы только Богъ, чтобъ воевода жилъ по-нѣмецки, да жену имѣлъ, да дѣтокъ; вы—жену, и—дѣтокъ всякому добру научимъ.... Ужъ эту петуху гласитъ ариометина, что дважды два четыре.

— Ну, Малашка, ступай спать! сказалъ хозяинъ, съ улыбкой поправляя свою шапочку: видишь, ученый человекъ завирается: у него съ языка всякое соскочить, такъ лучше бы тебѣ не слушать....

— Пора и тебѣ пономаря этого согнать со двора, да спать улечься....

— А вотъ допьемъ и располземся! Ступай, ступай!

— Не жалуетъ она тебя, Вороненко! продолжалъ хозяинъ, обращаясь къ ученому: видно ты ей чѣмъ ни есть насолилъ....

— Женщина—темный народъ. Ни счету, ни грамоты ей не надо. Что подарить—сосчитаетъ, а кому свиданье обѣщать, такъ языкъ у нихъ тише мухи прожужжать сумѣетъ.

Хозяину не понравилась философія ученаго мужа. Она уже собирался принять его по-своему, какъ-вдругъ раздался отдаленный звукъ тележки; ближе, ближе, колеса застучали на дворѣ и затихли у крыльца....

— Кто бы это? спросилъ хозяинъ, но отвѣтъ былъ уже на лицо. Оба Иванычъ Галунчиковъ съ необыкновенною

развязностию протянулъ обѣ руки, одну къ Ивану Степанычу, другую къ Степанычу и возгласилъ:

— Здорово, ребята, молодцы-удальцы; давайте-ка перекусить: мой ужинъ воеводиха съѣла!

— Воеводиха? вскрикнули все, не исключая и Степаныча.

— Собственноустно и собственноручно. Золото, не начальство! Чуть на порогъ, руки такъ и протянули; будто податной сборъ. Ахъ, послушай, Иванъ Степанычъ, воеводиха говорила, чтобы по молочной части никакого изъяду не было, такъ потрудись, пожалуй, завтра поставить ко мнѣ масла, да сыровъ, да тамъ кое-чего, что придумаешь. А въ провинціи, надо сказать, катавасія! Воевода — былъ въ губерніи земскимъ, такъ продувной, стало-быть; нашъ братъ; набилъ руку. Всякаго добра съ нимъ не мало; на семи подводкахъ пріѣхалъ, опричь колымажнаго сваряду. Знаешь ли, Иванъ Степанычъ, у тебя заводецъ знатный; лошади рослыя, статныя; не знаю какъ намъ завтра выгнать на своихъ лошадяхъ; боюсь, чтобы воевода не обидѣлся. Ты, знаешь, поздравь воеводу четверкой, право!...

— Было бы за что! Не постоямъ!

— Да ужъ есть за что! Еще онъ и въ городъ не въѣхалъ, а ты, Иванъ Степанычъ, уже и провинился.

— Я!

— Да ужъ никто, какъ ты. Лукичъ всегда какъ начнетъ болтать, такъ до бѣды и доболтается..... Поди, расскажи, что ты грибы собиралъ.....

— Я! Да ему-то до моихъ грибовъ что за дѣло?

— До грибовъ-то ему дѣла нѣтъ, да зачѣмъ парни твои по лѣсу Меланью Ивановну кликали? Воеводиха тоже Меланья Ивановна. Обидѣлась.

— Да развѣ одна на свѣтѣ Меланья, одна Ивановна!

— Не о томъ рѣчь. Много, много ихъ, больше чѣмъ надо, да она взяла въ голову, будто лѣшіе ее кликають; а какъ узнала, что грибы собирали, что она въ дуракъ, такъ поднялась такая сумятица, что самъ Лукичъ не устоялъ..... Велѣно тебя завтра поставить въ воеводскую канцелярію къ отвѣту..... Вотъ, Иванъ Степанычъ, теперь говори, что хочешь, про Галунчиковъ, а Галунчиковъ

для тебя ночи не спать: чуть только уложилъ господъ воеводъ, гей, костыльковскую тройку! Какъ друга дать въ обиду? Валяй и — вотъ я на мѣстѣ, обо всемъ тебѣ донесъ, перехвачу вотъ индюшки, того-сего, проглочу на живую нитку пивца, медку, наливочки и костыльковская тройка, унеси ты мое горе, оишь въ провинцію. Не-равѣнь часть, проснется, спросить; да что тутъ десять верстъ; лошади знатныя. Право, пошли ему четверку — съ поздравленіемъ, коли хочешь я тебѣ и письмецо напишу.....

— Да помилуй, онъ меня не знаетъ!

— Какъ не знаетъ! Лукичъ-баба проболтался и про то знаешь, и про другое. Ужъ я же Лукичу завтра намою голову. Воевода такъ и реветъ..... Нѣтъ ли, братецъ, наливочки? Степанычъ всю высуслилъ..... Такъ и реветъ: пойдите сюда нѣтчика!... Готовъ, братецъ, мошну. Это звѣрь, не воевода. То есть, съ-разу съ меня сдулъ разнымъ товаромъ и наличными больше полсотни..... Вотъ наливка, такъ наливка. Чай воевода отродясь такой не пилъ. Не мѣшало бы такъ, знаешь, на пробу дюжинку другую ему послать..... Ты вотъ на насъ пеняешь. Что мы? Страхъ того не стѣбитъ, что мы беремъ. Право! Ну, Иванъ Степанычъ, такъ прикажешь ли письмецо черкнуть?

— Черкни себѣ, пожалуй!

— Такъ вели сюда снарядъ подать.... Гей! Сидоръ-грамотѣй, подай-ко перышко и лоскутокъ бумаги, я начерню, а Сидоръ къ завтраму перебѣлнить; вотъ гляди, Сидоръ, сюда. Вотъ тутъ, знаешь, по-выше, подъ самыми облаками такъ и лупи:

«Ваше высокородіе

Высокородный государь воевода!»

А потомъ чуть не на самомъ концѣ листа, дуй:

«Вся провинція имѣла честь ознакомиться о вождѣльномъ прибыггii персоны вашего высокородія. Первымъ долгомъ каждаго благороднаго человѣка произвести себя на благоусмотрѣніе вашего высокородія и просить о исходатайствованіи для себя вашей протекціи. Въ твердомъ упованіи на милости ваши, осмѣливаюсь засвидѣтельствовать достовѣрно и несомненно, что я всегда пребуду вашимъ истиннымъ покровителемъ и покорнѣйшимъ рабомъ. до

скончанія живота моего. А на первый случай, и то скорости ради, имѣю честь и совершенное счастье препроводить четверку рысистыхъ лошадей собственной мануфактуры, двухъ кабановъ также изъ костыльковскихъ фабрикъ, полдюжины телатъ.....

— Что бы еще? Ниши:

«Прочая живность послѣдуетъ за предъидущемою въ надлежащемъ порядкѣ и уваженіи, съ коими навсегда останусь, буду и пребуду долговѣчно и неизмѣнно вашего высоко-родія»....

Тутъ, братъ, Сидоръ, опять расчеркнись вотъ такими литерами:

«Высокородный господинъ воевода
подлѣшій рабъ
Иванъ Костыльковъ».

— Важно! то есть, воевода нисѣмомъ не начитается, на акциденціи не пасмотрится; остынеть, замерзнетъ отъ удовольствія. Три дни взятокъ братъ не будетъ; все будетъ лошадокъ гладить. А нѣтъ ли заморскаго?

— Былю! съ грустью отвѣчалъ Костыльковъ, глядя на черновое письмо, которое засыхало на столѣ.

— Да спылю! Вѣрно, Степанычъ высуслилъ! Экая глотка. Скажи пожадуй, зачѣмъ ты его держишь! Вѣдь отъ него, право, всей нашей провинціальной чиновности ущербъ... Да, кстати! Поди-ка сюда, Степанычъ, намъ надо съ тобою тайность нѣкоторую ограничить....

И комиссаръ увелъ за руку Степаныча въ другую комнату.

— Послушай, Степанычъ, вѣдь ты не нашего уѣзда.....

— Нашего, Ильичъ, нашего. Съ чего ты это взялъ? Мнѣ вчера еще говорилъ фискаль Митюшкинъ, что ты плутовать. Я на дыбы. Ты знаешь, ужъ если я за кого вступлюсь, такъ только держись.

— Спасибо, спасибо, Степанычъ! Да видишь, нельзя мнѣ было не спросить тебя: воевода приказалъ подать ему штаты всякаго чину и званія людямъ. А у тебя никакого вѣду.....

— Полюбо, Ильичъ! Будто же ты выдешь аттестацин. Мнѣ Митюшкинъ вчера хотѣлъ выдать билетъ, взялъ къ

себѣ въ помощники. Да я видѣ знаю по-больше никого другаго. Не нужно. Ильичъ выдастъ. Оно будетъ формальнѣе.....

— Конечно, конечно..... Да какъ же я тебѣ выдамъ билетъ, когда я не знаю, кто ты вѣ откуда?....

— То есть бѣда, когда ты, Ильичъ, лишнее вынешешь! Гдѣ такую несешь, что, право, ушему человѣку олунать стыдно. Вотъ мой видѣ, а ты только подними.

— Давай, пожалуйста; да, любезный, какъ же я подниму? Мы тамъ перо оставили. Развѣ Сидора иликнуть? Нѣтъ, ты лучше завтра заходи въ канцелярію.....

— Пожалуй; кстати, мнѣ завтра и въ провинцію нужно...

— А что?

— Да тамъ Митюшкинъ просилъ объ дѣльцѣ; такъ я уже прежде къ тебѣ, а потомъ къ Митюшкину. Знаешь ли, этотъ фискаль предобрый человѣкъ. Я къ нему имѣю большое уваженіе, а ты.....

— Душевное, и совершенную аттенцію, и всякое высокопочитаніе. То есть, чистѣйшій, благороднѣйшій, великосердый, однимъ словомъ, большой человѣкъ....

— Какъ мнѣ это пріятно! Вотъ я ему завтра слово въ слово твои рѣчи передамъ.....

— То есть, я смазалъ только генерально. А въ глубинѣ его душевной благости, смиренномудрія, и всякой воинской и гражданской доблести — прикладный человѣкъ.

— Пріятно, ужасно пріятно! Онъ расплатится, какъ я ему рассказывать стану..... Да, Ильичъ, у меня къ тебѣ есть просьба.....

— Не по-пріятельски, Степаньичъ, право не по-пріятельски. И ты молчишь! Вздутъ ли кого, въискать ли принадлежность или что — всегда готовъ услужить пріятелю. Это мой регула съ малолѣтства.....

— Пустое дѣло, да мнѣ совѣстно просить у тебя. И такъ я ему дорого стою. А надѣлать пришлютъ, тотчасъ отдамъ..... Тридцать рублей.....

— Тридцать рублей! Ильичъ почесался, и отвѣчалъ на ухо Степаньичу:—Завтра, завтра, душа моя! завтра, чайтельно, будетъ доходець при аудіенціи и при другикъ слушалхъ; а темерь, право, не при деньгахъ.....

— Жаль! Завтра будетъ поздно, сказалъ Степанычъ значительно.

— Что ты этимъ хочешь сказать? Для кого поздно?

— Для меня и для тебя.....

— Послушай, Степанычъ! Обиняки—черствый сухарь: зубы сломаешь, а не раскусишь. Нельзя ли по-фамильяриче?

— Да что ты мнѣ, братъ или сестра?... Ты себѣ Ильичъ, а себѣ Степанычъ! Мы должны другъ дружки бояться; ты вотъ меня видомъ пугаешь; а я себѣ свое на умѣ. Такъ ужъ какая тутъ дружба! Какъ пришло до денегъ, ты первый на попятный дворъ.....

— Да полно, Степанычъ! Вотъ тебѣ, на, пятнадцать рублей сполна! Чего ты отъ меня хочешь? Больше нѣтъ, хоть зарѣжь. Наличность воеводокинъ ямщикамъ роздалъ!

— Спасибо, Ильичъ! Ты мнѣ помогъ на половину, а я тебѣ помогу на половину, какъ вернусь изъ Питербурха!

— Изъ Питербурха!

— Такъ указано, Ильичъ! Завтра ты мнѣ выдашь видъ, послѣ завтра прощай; но, братъ, зато увидимся скоро и ты будешь радъ моему прѣзду. Не бойся никого, Ильичъ! Я за тебя!

И не дожидаясь дальнѣйшаго объясненія, Степанычъ вышелъ изъ комнаты. Ома Ильичъ стоялъ на мѣстѣ будто вкопанный, оторопѣвъ и разинувъ ротъ.

— Что за чортъ? наконецъ пробормоталъ онъ: кто онъ? Не станеть же онъ задарма говорить такимъ страшнымъ маниромъ. Кто онъ? А? Митюшкинъ честитъ его; видно ему извѣстно кто эта птица. А? За что я ему далъ денегъ? За что? Поди, не будь у него тайной власти..... Тыфу ты къ чорту, какая притча!.... Я всегда на него имѣлъ подозрѣніе..... Вотъ тебѣ, Ома Ильичъ, и смѣтка. Чего зѣваль? Надо было съ самаго начала принять молодца въ руки, а теперь — поздно! А все это Иванъ Степанычъ! Не тронь, оставь, что тебѣ за дѣло, цыпленокъ..... А онъ поди какимъ коршуномъ когти разтопырилъ!

Размышленія Галунчикова были прерваны боемъ часовъ. Куранты фальшиво и безконечно зыграли двѣнадцать. Ома Ильичъ ударилъ себя по лбу и бросился въ столовую. Тамъ краснощекий купецъ и военный чинно и

спирно дремали въ креслахъ, и храпѣли довольно гармонически. Хозяинъ сидѣлъ въ томъ же положеніи, но не спалъ, а думалъ крѣпкую думу. Степаньча и ученаго не было въ столовой....

— Гдѣ моя голова? сказалъ Галунчиковъ, шаря въ потѣхахъ по окнамъ и стульямъ, потому что нагорѣвшія свѣчи очень слабо освѣщали столовую. Вотъ засидѣлся. Пѣтухи глотку дерутъ, воевода того гляди подымется, а я-то гдѣ? А?... Прощай, Иванъ Степаньчъ: не забудь про посылочку, а тамъ все пойдетъ на ладъ... Прощай!

— Все будетъ по-тѣдѣму, Оома Ильичъ! отвѣчалъ хозяинъ печально, провожая Галунчикова: только мнѣ что-то этотъ воевода не нравится....

— Слюбится, братецъ! У насъ, братецъ, посади хоть самого сатану на воеводство, коли не по-нашему, шею сломаемъ... Всей чиновности на переکورъ не пойдешь! Уходитъ; будетъ шелковый.

— Да ужъ и насъ потерепить....

— Нельзя безъ этого, любезный: чинъ чина почитай; тѣнь и свѣтъ держится. Прощай!

И костыльковская тройка унесла комиссара. Луна скрылась; небо заволочло тучами; стало крѣпко темно; а дорога какъ только вышла изъ плетней усадьбы, заухабилась; то яма, то колея глубокая; то лужа большая. Нельзя было ѣхать, и комиссаръ громко сталъ проклинать и Костылькова, и Костыльковку, и воеводу, и свою услужливость, и кучера, и тройку, и такъ далѣе. По очереди добрался онъ и до Степаньча. Огромная лужа съ ямистымъ дномъ огласилась проклятіями на Степаньча. Телѣжка медленно съ боку на бокъ переваливалась, а Галунчиковъ возглашалъ: —Бродяга! Чортъ его знаетъ кто онъ, а что мошенникъ, Степаньчъ, такъ это у него въ глазахъ написано. Ухъ! Вотъ я тебя по этой лужѣ часика два повозилъ бы!

— Гляди, самъ изъ нея прежде сухъ выйди! раздался звучный голосъ челоуѣка, который съ товарищемъ стоялъ на другомъ краю лужи. Галунчиковъ обмеръ отъ ужасу. Черныя тѣни торчали передъ его носомъ. Дуло ружья у одного изъ нихъ явственно рисовалось на горизонтѣ длиною чертою. Бѣжать не куда. А времена были пмснно та-

ня, что не только въ чистомъ полѣ, въ деревняхъ и селахъ не было безопасности отъ разбойниковъ. Хотя по нѣкоторымъ поводамъ Галунчиковъ былъ во всемъ убѣдѣ единственный человекъ, который не боялся воровъ, да съ перваго взгляду онъ не могъ угадать изъ какаго убѣда пожаловала нежданная встрѣча, и, ухвативъ лищика за воротникъ, не зналъ на что рѣшиться. Отягнулся онъ на Костыльковку; далече: за лѣсомъ не видно; не услышать; — одно спасеніе — бѣжать. Первый кустъ въ темнотѣ представлялъ болѣе безопасности, нежели телѣжка съ лошади, которыя могли только выползти прямо на страшныхъ гостей. У страху глаза велики, говоритъ пословица; кусты, торчавшіе за гостями, показались Галунчикову шапкой, которая ждетъ только приказанія, чтобы броситься на него; и Галунчиковъ, не много думая, прыгъ изъ телѣжки прямо въ лужу. Лищикъ съ облучка за нимъ. Грязь разлетѣлась брызгами и усѣяла пятнами все платье Галунчикова, но онъ не обращалъ на все на это никакого вниманія. Шагъ да шагъ, прыгъ да прыгъ, словно цапля какая, въ кусты, и давай пробираться цѣликомъ по полю въ ту сторону, гдѣ, по его мнѣнію, не было неприятеля. Лошади, какъ только спрыгнули сѣдоки, тронулись съ мѣста, а гости и захватили ихъ подъ уздцы, провожая бѣглецовъ громкимъ смѣхомъ.

— Ну, Степанычъ! сказалъ товарищъ ночнаго гостя: вѣдь это Галунчиковъ.

— Тише, Вороненко! По-моему надо еще по-шибче на него прикрикнуть. Пусть бѣжитъ. Его дѣло, а не наше, вѣшкомъ ходить: наѣздился на чужой счетъ; вотъ мы теперь на его коникахъ прокатимся; садись на облучокъ!

— А ты за барина, что ли?

— Ты, братъ, Пахомычъ, своихъ школьниковъ спрашивай! Садись!

Услысь и поплѣлись шапкомъ по дорогѣ въ городъ. Степанычъ сѣлъ себѣ баринкомъ, а Пахомычъ держалъ только вожжи; костыльковская тройка сама знала дорогу; гдѣ по-ровнѣе рысцой, гдѣ лужи да рытвины, шагомъ, а между-тѣмъ затѣялась бесѣда. Нѣкоторыя части ея не излѣшны и въ нашей исторіи.

— Если бы, продолжалъ Пахомычъ, не такія штуцы хитрыя, такъ можно бы и намъ пожитья. Указа не то, что сказано, а на воротахъ пригвозденъ; тамъ гласить: что если кто на кого въ томъ донесетъ его царскому величеству, такъ имѣніе того хитчани и вслѣкіе пожитки суданы будутъ доносителю....

— Рассказывай, Пахомычъ! Гдѣ таки за то, что донесъ, сейчасъ тебѣ пять шесть сотенъ дворовъ отдадутъ.

— Да вотъ я же тебѣ говорю; вернулся ны съ грабень; я глажу на воротахъ бумага приклеена. Кто тутъ былъ? Губернскіе комиссары, говорятъ, проѣзжали; на дворъ не зашли, указъ прибили къ воротамъ и поѣхали дальше на Будимовку. Что тутъ ему на воротахъ торчать? сказалъ Иванъ Степаньичъ. Позовите-ка Сидора. Пускай его уберетъ, да припрядетъ. — Нельзя, Иванъ Степаньичъ, не можно! Въ Питербурхѣ одинъ генералъ и бодринъ большого роду изволилъ съ своихъ воротъ учинъ снять, такъ государь ему такъ голову вмыль, что онъ на воротахъ кивотъ для указовъ повѣсилъ. Нѣтъ, батюшка, Иванъ Степаньичъ! Пускай себѣ торчитъ, а ты вотъ что учини: прикажи на столбѣ надъ самымъ указомъ жолобокъ продолбить, да и вели развѣ два три въ день, чѣмъ цѣткомъ садовой, поливать съ верху; литеры расплзутся, пожелтѣютъ, прогниетъ папиръ, тогда и попы не разберуть. — Такъ займись же ты этимъ, Пахомычъ, коли хочешь вкусно ужинать. — Всѣ и пошли на дворъ, а я и давай жолобокъ мастерить, да указъ читать. Наизусть помню. Зовутъ на омуръ въ Москву и въ Питербурхъ всѣхъ, и царедворцевъ, и дворянъ, и офицеровъ; быть веснѣ къ октябрю; а кто не поѣдетъ, а ты донесешь, все твое! Указъ строгій, божь волкой поманки.... Донеси! Много бы охотниковъ явилось. Чего лучше! Подаль челобитную, да и сталъ себѣ богачомъ, да поди, справься съ провинціальною челядью; ябдники сами отъ перваго до послѣдняго, а тебя же ябдникомъ сдѣлаютъ. Вотъ если бы государь проѣзжалъ, или какая знатная персона, дѣло иное; или поѣхать самому въ Питербурхъ, да царю челомъ бить, еще лучше, а такъ — только въ омуръ залѣзешь. изъ него же не выйдешь....

— И, правду сказать, Пахомычъ, подлое дѣло на своего брата дѣлать....

— Какое же тутъ братство, Степанычъ: я себѣ не изъ малолѣтства; меня изъ матросскихъ дѣтей взяли въ математическую школу; обстригли, грамотѣ и цѣюри научили, да и послали въ провинцію науку держать, какъ другихъ посылають держать управу. Мѣсто доходное, правда: безъ моего свидѣтельства и жениться нельзя. Выучу ими-рекъ подписывать, дають иной разъ полтину, а коли для свадебнаго случю, такъ и пять рублей. Все оно такъ. Да вѣдь все это сборщина, не вѣршый доходъ, а на комъ бы котилось, на той жениться не мочно. Такъ не отдадутъ, выкупить нельзя.... Гм....

— А что, Пахомычъ. Вѣдь я чай жениться тебѣ не пристойно?

— Это почему?....

— Да, видишь, рожа у тебя совсѣмъ не свадебная; носъ такой не трезвой....

— Носъ, какъ носъ, носишь отъ очковъ. Шутка ли по четыре часа невстужно на немъ очки сидятъ, а мужичка будь маленько по-лучше чорта, слобится первой красавицѣ....

— Полно, такъ ли, Пахомычъ! Да мнѣ до твоей невѣсты дѣла нѣтъ, у меня своя есть.

— Ой-ли?

— Да, и знатная невѣста, да надо грамотѣ выучиться. Ты мнѣ, Пахомычъ, завтра же указку, да псалтирь. Я, видишь, для того съ тобой и въ городъ пошелъ; для того тайкомъ и Костыльковку бросилъ; прохлялъ бы меня Иванъ Степанычъ, если бѣ свѣдалъ зачѣмъ въ городъ иду. Ну, Пахомычъ, а скоро ли меня грамотѣ научишь?

— А что дань?

— Послушай, Пахомычъ: если ты будешь со мною такъ говорить, право, разсержусь.

— За что?

— Какъ за что? Ученый человекъ, а такой алтынникъ! Меня протопопъ хотѣлъ даромъ учить, у себя на дому держать даромъ; да не захотѣлъ я огласки. А у тебя я прожыву такъ тихо, невидимо....

— У меня?

— Да, у тебя! Не прихотливъ я, Пахомычъ; меду нѣтъ — я и водку пью; нѣтъ кормленной индѣйки — кашлуномъ закушу; нѣтъ перины — на сѣнникѣ просплю. Тебѣ большого прихода не будетъ, за то честь какая....

— Какая жъ тутъ честь!

— Ахъ, ты, счетчикъ поганый! Такъ ты этого не умѣешь принять за честь? А? Вотъ я тебя научу счету; не досчитаешься и до десяти куламовъ, будемъ въ лужѣ ломать! Надо ваму братю въ ошкыля рукавицы принять. Постой! я на тебя знаю кому пожаловаться. Стунай воиъ изъ телѣжки! Воиъ!

— Вотъ ты какой, Степанычъ! Съ тобой уже и пошутить нельзя.

— Отъ чего нельзя! Да ты самъ знавалъ, что ты не изъ шляхетства. Глушь я, что осерчалъ на холопа этакого.

— Вотъ, видишь, Степанычъ, ты трогаешь меня за амбицію.

— Будетъ тебѣ амбиція! Дамъ тебѣ шутки шутить! Я тебѣ не мальчикъ. Погоняй лошадей проворнѣе. Свѣтаетъ. Найду я себѣ избу по-лучше твоей школьной кануры....

— Степанычъ!...

— Не умаслишь.... Погоди!

— Степанычъ! Изъ гроша размолвка....

— Не я виновать, не я и каяться буду...

— Степанычъ! въ три недѣли всему научу....

— Въ недѣлю, такъ пожалуй, прошу тебя....

— Въ двѣ недѣли....

— Въ одну!...

— Степанычъ! Нельзя! Можно бы, да вѣдь ты не ученикъ, нельзя тебя за уши драть, розгами свѣчь, даже линейкой по рукамъ....

— Всѣ-равно! Я тебя буду за уши драть, пока не выучишь!

— Да что тебѣ за охота пришла учиться! Я знаю, что такое наука. То есть, это мерзость послѣдняя; если бы отъ нея барышей не было, вотъ-те Христось нарочно бы все забылъ. Тоска такая!

— Не умничай, Пахомычъ! Тебя не спрашиваютъ объ

этомъ. Въ недѣлю поставь мнѣ все на лицо; а если я въ недѣлю не буду грамотѣй, такъ ужъ я знаю, что сдѣлаю....

— Ужъ добраго отъ тебя не жди. Всконечно какой-нибудь чортовъ проектъ....

— Что это за огни, Пахомычъ, у монастыря?

— Гдѣ? Въ самомъ дѣлѣ, люди съ фонарями ходятъ.

— Побожай проверити!

И Пахомыча приударилъ; дорога, подымаясь на возвышенность, становилась все глаже, да глаже; версты за двѣ до провинции, стоялъ монастырь. Мѣлая стѣны ограда, обѣянные развѣсистыми деревьями, закрывали внутреннія аданія монастыря; черезъ дорогу — монастырская гостинница. У воротъ ея стояла не колымага, но парета, хорошаго, новѣйшаго фасону, и бѣдала монастырскихъ служекъ хлопотали около недавняго экипажа и извожикъ приприслали, выйдеть ли она въ сарай или лучше сѣзать на крытый дворъ гостинницы.

— Господи, Владыко, живота моего! сикаль служба, брешеть на весь шесть. Не выйдеть!

— Не велика и бѣда, отвѣчалъ усатый паренъ въ шапкѣ изъ сѣрыхъ смушекъ: и на дворъ постоятъ. Мы долго здѣсь сидѣть не будемъ; дни два, три, да и дальше. Вотъ ужъ почитай девять мѣсяцевъ въ дорогѣ....

Служки примѣтно обрадовались извѣстію и окружили усатаго парня. Въ это самое время Степанычъ и Пахомычъ подъѣхали къ монастырской гостинницѣ, приостановили лошадей, и невольно сдѣлались соучастниками общаго разговора.

— Кто это тамъ? спросилъ Степанычъ, не подымаясь съ тележки.

— Протоиерей Праскутинъ, отвѣчалъ паренъ, вставъ и приложивъ къ шапкѣ руку.

— Кто такой?

— Протоиерей Праскутинъ, терпѣвая дѣла монастыря Праскутинъ, повторилъ паренъ; но Степанычъ глядя на удивленіемъ то на него, то на Пахомыча, а Пахомычъ только пожималъ плечами.

— Что такое? Этакое чина я не слыживаю, да и не выговаривать съ разу....

— И не мудроно, кормилецъ! Я солдатъ, за увѣщанъ въ отставку, всякихъ турецкихъ и шведскихъ словъ не слушался и за моремъ и въ полку, а какъ попался въ дорожные къ его высокопреподобію, да какъ скажутъ мнѣ титулъ, такъ, батюшка, дней десять домалъ языкъ, пока на ладъ нешмо. *Прото* еще ничего, слово простое; *прото* *монъ*, съ того же пошло, да потомъ *мнѣ*, — день училъ — *келъ*, два дня — *зиторъ* то же безъ мала дель; но одиночѣ еще туда сюда, а заравъ всѣ, бѣда, такъ и перепутаются. Ну, да Богъ помогъ; одолѣлъ-таки.

— Да какая же его должность?

— Большая! Онъ надъ всѣми архіереями по всему царству надсмотрщикъ. Во все можетъ войти и вышаться. На то ему власть дана и титулъ такой выдуманъ....

— Право?... сказали Степаньчъ съ выраженіемъ особеннаго любопытства и соскочилъ съ тележки: — За чѣмъ же онъ сюда пожаловалъ?

— Обѣздомъ. По всему царству теперь онъ ситоръ ведетъ, да свою команду ставитъ. Тамъ указано, что быть ему наибольшимъ, а подъ нимъ въ каждой провинціи поменьше, а подъ тѣми еще поменьше. То есть, онъ генералъ, а тамъ штабъ, а тамъ уже оберъ идутъ.

— А долго пробудеть?

— Про то онъ знаетъ. Въ другихъ монастыряхъ верещать чуетъ и уходитъ, а въ иныхъ по два, по три дня сидитъ. Были и такіе, что больше недѣли пробажались.

— А что же монастырь, въ то онъ не мѣняется?..

— Нѣтъ, онъ не таковскій! Онъ и въ чужой монастырь съ своимъ улазомъ лѣзетъ. Экъ, какъ онъ, вотъ же ушелъ по провинцію, — воеводу принялъ въ руки, воеводу съ гонимъ почтатъ чать, да потомъ съѣлъ, перо помылъ — подѣлалъ, да къ государю чуть не княгу написалъ. Чѣмъ же воевода теперь не на воеводство. Мы, батюшка, думали, стрѣтъ, зла не терпимъ; про то и государю довести, и на то и жалуютъ....

Монастырскій колоколъ разогналъ соборъ инокъ. Служки, какъ тараканы распозлакъ и покрѣпился. *Служки*

нычъ вскочилъ на телѣжку; Пахомычъ приударилъ костьюльковскую тройку. Было уже свѣтло; но путешественники пріѣхали въ городъ, когда еще всѣ спали. Бросили и телѣжку и лошадей у воротъ комиссара, и отправились въ монастырскую школу, гдѣ проживалъ и владычествовалъ Пахомычъ.

— Ну, ка! сказалъ Степанычъ, ставя свое ружье въ уголъ обители Вороненко.—Гдѣ твой псалтирь? Подавай-на сюда грамоту.

— Какъ, Степанычъ, и не поспавши!...

— У кого мысль въ голову зайдетъ, отвѣчалъ Степанычъ съ примѣтнымъ одушевленіемъ: такъ оттуда сонъ ее не выживетъ.

— Да у меня нѣтъ мысли, Степанычъ....

— Знаю. Да у меня есть. Говорятъ тебѣ, подавай сюда грамоту....

— Гражданскую?

— Да ужъ не военную! Та сама придетъ. Ну же, поворачивайся....

— Отродясь не видалъ такого прилежнаго ученика! Надо, Степанычъ, тебѣ прежде азбуку....

— Не хочу азбуку, подавай грамоту, цѣликомъ!

— Чтò ты съ нимъ будешь дѣлать! Ну, садись, а я пошщу моей книжки. Куда она завалилась? Ужъ не стащила ли Ореосъша.... И пона Пахомычъ шарилъ по всѣмъ угламъ, искусно не находя книги, которая весьма чинно лежала на столѣ передъ самымъ носомъ собесѣдниковъ, солнце поднялось; улицы оживились; раздались колокола; всѣ примѣтно свѣшили въ соборъ, куда прежде всего долженъ былъ явиться воевода, и оттуда уже, съ благословеніи духовенства, приступить къ обзорѣнню провинціи.

— Счастливъ ты! сказалъ Степанычъ: велѣвъ присту- стить церемоніи. Многое можно подѣлать. Ложись спать, да только смотри, Пахомычъ. После обѣдни и ты в гра- шота будте готовы оба, да перекусить чего-нибудь также не помѣшаетъ. Слышишь!

— Слышу и слушаю! отвѣчалъ Пахомычъ, кланяясь въ слѣдъ несвѣдущему гостю.

— Тьфу къ чорту! сказалъ онъ бросившись на лежанку: кто онъ, откуда? Какой у него, право, резонъ? Какъ онъ свѣтъ! Я, братъ, не посмотрю, что у тебя косая въ плечахъ, да прямая въ длину. Я, братъ, изъ тебя сдѣлаю треугольникъ. Видишь, съ указомъ, будто старшій! Вотъ я тебя!

Пахомычъ зѣвнулъ.

— Что-то ты и на Меланью Ивановну изкоса поглядывашь.... А Меланья Ивановна.... Голубушка....

Пахомычъ заснулъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МИТЮШКИНЪ И ПЕРВЫЕ ЕГО ПОДВИГИ.

Два земскіе комиссара меньшей статьи, которые того ради и назывались просто комиссарами, чинно стояли на перти и пропускали въ соборъ только провинціальную чиновность. Подлый народъ, какъ тогда называли чернь, стоялъ толпами на площади и зѣвалъ на ту сторону, откуда ожидали воеводу. Степанычъ легко пробрался къ перти, но далѣе не могъ пройти. Комиссары не знали его, и хотя по одеждѣ принимали за дворянина и даже царедворца, но всё-таки въ соборъ не пропускали.

— Гдѣ земскій комиссаръ, гдѣ Юма Ильичъ? спросилъ онъ съ выраженіемъ нетерпѣнія и негодованія:—позовите его сюда.

— Не бывалъ еще! отвѣчалъ комиссаръ, безпокойно поглядывая на Степаныча: такой страхъ, право, если опоздаетъ; тройка воротилась, да безъ сѣдоковъ. Не ушибся ли! Чай ямщикъ былъ хмѣленъ....

— А чай и самъ былъ на-веселѣ....

— Статься-можетъ. По-человѣчески.

— Такъ пустите же меня въ соборъ....

— Не указано. Вотъ пріѣдетъ Юма Ильичъ, какъ ему угодно, а до него, кромѣ чиновности съ женами и домашними, никому сегодня нельзя и Богу молиться....

— Посмотримъ! съ гордостью сказалъ Степанычъ, взглянувъ на толпу, изъ которой выплзгалъ Митюшкинъ, въ полу-военномъ нарядѣ.

— Иванъ Степановичъ! вселаннууть Митрофанъ еще не-дали: ты ли это? А у меня до тебя есть дѣльцо. Пои-деши-ка въ соборъ. Пока служба, разсудивъ...!

Монахисидры отскочили отъ дверей и Степановичъ про-шелъ въ соборъ за Митрофановымъ, лунно улыбаясь. При-нявъ и возвративъ привѣтствія всей чиновности, Митрофа-нинъ удалился въ уголъ церкви и сдѣлалъ на-ухъ Степа-новичу:

— Эхъ, Иванъ Степановичъ! Чувствую мудрость твою! Ты у меня золото, не совѣтникъ. Выручи меня, батюшка, изъ бѣды.

— Что такое, Прохоръ Семеновичъ?

— Отъ губернскаго—головомытіе черезъ почту получе-но, съ надлежащими угрозами. Умудри насъ, Господи, и по-милуй! Миѣ ли увѣчному ратнику Божию одолѣть полчище печестивыхъ! Есть тутъ между нами какой-то зикъ не-видимый. Губернскому на насъ наговариваютъ. Тормозить онъ меня, коритъ лѣностью и враждностью и тумолдцемъ называють....

— За что?

— Поди, спроси, за что? Пишеть страсти такіа и все по секретности, что у меня голова кругомъ пошла. Вотъ, заходи послѣ церемоніи. Ахнешь!

— Идетъ!

— Вдетъ!

— Шествуетъ! раздалось извѣіе и внутри собора. Прото-іерей съ духовенствомъ, взявъ въ руки крестъ, посидѣ-шазъ на встрѣчу восходѣ. Обѣ половинны дверей раство-рились и въ соборъ вступилъ высокій, статный монахъ, въ сопровожденіи игумена близкаго монастыря и еще бднаго незнакомаго никому монаха. Преклонилъ передъ крестомъ, въ дрожащихъ рукахъ протоіерей, Пафутій — то былъ именно самъ протоминвизиторъ; — скромно и медленно по-шелъ въ алтарь; все духовенство невольно за нимъ абсѣ-довало. Никто и не зявѣтулъ, какъ велѣдъ за нимъ вступилъ въ соборъ Максимъ Ивановичъ съ Меланьей Названной и въ сопровожденіи Лунича. Всѣ дотогѣ ото-рваны неожиданнымъ прибытіемъ Пафутія, что не зна-ли что говорить, что дѣлать. Одиѣ только Степановичъ не

потерялъ присутствія духа; пошелъ въ алтарь, перепрыгнулъ на престолъ и съ приличнымъ благоговѣнiемъ произнесъ: Воевода изволилъ пожаловать! Протоиерей постыжился на встрѣчу, все пришло въ бардакъ и началась литургия. Пафутій все время оставался въ алтарѣ и вышолъ только къ молебствію. Увидѣвъ его, воевода изиѣнилась въ лицѣ и едва могъ поддержать свою важность. По окончаніи молебствія, Пафутій подошелъ къ воеводѣ и окрестилъ сухо!—Давно ли прѣдлага?

— Вчера лишь!

— Теперь у тебя больше власти и больше отвѣту. Ты чай не устроился и пустыми посѣщеніями стѣснять тебя не стану. Благоволи къ нашей честной братіи. Ближній дѣшній монастырь—прикладный. Будь ему защитой и покровомъ. О другихъ монастыряхъ твоей провинціи, буде нужно, напишу. Да будетъ съ тобою и со всѣми вами благословеніе Господне!

Протоинквизиторъ благословилъ воеводу и всѣхъ предстоявшихъ—и уѣхалъ. Воевода всё-еще стоялъ на томъ же мѣстѣ, будто кипяткомъ его обварилъ. Чиновность сложилась въ такую же позицію. Меланья Ивановна нѣсколько разъ дергала его за руку; наконецъ дернула такъ сильно, что воевода чуть не потерялъ баланса; но это и спасло его: онъ пришелъ въ себя; принужденно улыбнулся. Чиновность также улыбнулась. Онъ собирался что-то сказать, чиновность слушать.... На счастье подошелъ протоиерей и проеилъ зайти къ нему на завтракъ. Веселіе при этомъ слухѣ вполне возстановилось. Шествіе открылъ воевода съ Меланьей Ивановной. На дорогѣ столкнулись они съ Галунчиковымъ, который только-что взбѣжалъ на лѣстницу и такъ заныхался, что едва могъ проговорить слово.

— А! завонилъ воевода: такъ-то ты исполняешь свою должность! Протоинквизиторъ въ провинціи, а воевода ничего и не знаетъ! А?

— Я, батюшка, по твоей милости до обѣдень проголодала со всѣми людьми и лошадьми, сказала Меланья Ивановна хотя и тихо, но весьма выразительно и, для большей дѣлѣ

ствительности своихъ словъ, показала Галунчикову сжатый кулакъ....

— Вотъ, народите видѣть, ваши высокоблагородія....

— Послѣ, послѣ, перебилъ воевода: стану я изъ-за этакой, какъ ты, драни, возмущать живота моего благополучіе. Пошелъ прочь. Жди меня у канцеляріи....

— Ваше высокоблагородіе! сказалъ Галунчиковъ съ чувствомъ: интересъ вашъ увлекъ меня въ нѣкоторое нераположеніе ваше, чѣмъ пренное огорчительство и прискорбіе совсѣмъ меня пренсполняетъ.... И не дожидаясь реплики, нагнулся и скороговоркой прошепталъ на ухо воеводѣ:— Лошади, коровы, телята, бараны, козы, курицы, индюшки, гуси, всякая живность. Цѣлый обозъ! Не пристойно чинить пріемъ казеннымъ вещамъ у канцеляріи....

— Ну, такъ ступай ко мнѣ на домъ и тамъ тебѣ арестъ, впрядь до усмотрѣнія!... сказалъ воевода громко, нимало не измѣняя гнѣвнаго виду. Галунчиковъ преклонился и уклонился. Шествіе прошло мимо. Вся чиновность послѣдовала за воеводой; Митюшкинъ также повернулъ-было на церковный дворъ, да Степанычъ удержалъ его.

-- Куда это вы, Прохоръ Семенычъ?

— Какъ куда! Богатѣйшій завтракъ! Три дни ѣсть не захочется....

— Охъ! Животолюбіе — тяжкій грѣхъ, Прохоръ Семенычъ. Прожора на томъ свѣтѣ за каждый день по сту лѣтъ голодать будетъ. Да еще на глазахъ у всѣхъ, у этихъ нечестивцовъ, что и спятъ и видятъ, какъ бы ябедою и всяческою клеветою изжить изъ среды своей богобоязливаго мужа.

Митюшкинъ со слезами поглядѣлъ на церковный дворъ и просительно сказалъ:— Душа, Степанычъ! Ломтикъ осетринки, кусочикъ стерляди, да балычка стружекъ пять шесть—и закаюсь, и бѣгомъ къ тебѣ прибѣгу....

— Ну, ступайте, коли хотите потерять и душу, и мѣсто. Только ужъ и между нами все кончено. Мое дѣло сторуна. Я ужъ ни слова не скажу....

— Да послушай, Степанычъ! Я только взгляну какъ у чего столъ убранъ; такъ ли какъ на храмовомъ праздни-

къ.... Право, только взгляну.... Ну, что жъ ты молчишь? Можно?

— Нельзя!

— Почему нельзя?

— Потому что воевода новый и самъ протониквизиторъ въ провинціи.

— Да развѣ я монахъ, что ли? Ну, да нечего дѣлать; пойдёмъ, Степанычъ!

— Куда?

— Домой!

И Степанычъ проворно пошелъ по улицѣ, стараясь какъ-можно скорѣе отвести Митюшкина отъ соблазнительной приманки....

— Ну, что же къ вамъ пишетъ губернской? спросилъ Степанычъ, будто такъ-себѣ, между прочимъ....

— Вотъ этакая, братецъ, стерлядь! вмѣстѣ торговали. Я вчера съ отцомъ Иваномъ нарочно на лодкѣ къ дальнему лову ѣздилъ, будетъ ужъ такъ о полуночи. Онъ вѣдаетъ, что я на рыбу знатокъ.

— Попадетесь вы съ этой рыбой сами въ неводъ; не вышугаетесь.

— А что?....

— А то, что самоловами ловить не указано, а у васъ и домъ-то на рѣкѣ, и самоловы на дворѣ.

— А гдѣ такой указъ?...

— То-то и есть, что вы за рыбою, указовъ не читаете. Галунчиковъ уже объ этомъ поговаривалъ.

— А что же онъ говорилъ?

— Да что я за пересказчикъ такой! Стану я доносить, что про васъ по всей провинціи въ трубы кричать....

— А что кричать?

— Да что вы трусь....

— Я трусь?....

— Вы....

— Да я въ семи сраженіяхъ изувѣченъ; у меня раны по всему тѣлу, что веснушки; у меня въ аттестатѣ лишній листъ пошелъ на регистръ ранамъ; я двухъ Турковъ одной пушкой убилъ. Я трусь! Подай-ка мнѣ пушку, пу-

свой выходитъ, посмотримъ. Въ артиллеріи гудитъ не чего.

— Что вы прожора.....

— Прожора! Развѣ моя вина, что въ мой желудокъ противъ другаго вчетверо больше входитъ? Лошадь еще больше ѣстъ, такъ ужъ и прожора! Завидно, не бойсь.... Ну, что тамъ еще?

— Что вы пьяница!

— Ну, братъ, это говоритъ аптекаръ, потому что Нѣмецъ; потому что придешь къ нему, такъ жаль стаканчика, наперсткомъ портъ. Я вѣдь не какой Нѣмецъ, я рускій человѣкъ. Крѣпкая натура требуетъ и нашитковъ крѣпкихъ, а у меня же и раны.... Только-то?

— Говорятъ, что вы своего дѣла не знаете....

— Ахъ, ты, Степанычъ, Степанычъ! Да кто же его и знаетъ? Подумай ты самъ, какъ его знать? Одному научишься, а ужъ другое готово. Вѣдь на старости память, что сѣтка: мелочей не удержишь, а у меня же и раны.

— Ну, такъ и говорятъ, когда болецъ, самъ зацѣпъ служить, чужое мѣсто занимаетъ!

— Отъ чего же оно чужое, когда оно мое?

— Да не ваше, Прохоръ Семенычъ, совсѣмъ не ваше!

— Да что ты это, Степанычъ!

— Ваше мѣсто такое, чтобы за порядкомъ смотрѣть, чтобы всѣ свое дѣло дѣлали, питербургскіе указы исполняли, чтобы казнѣ не было изъяну, а вы.... Погодите! Будетъ вамъ за дворянъ.

— Да что ты, развѣ читалъ писаніе отъ губернскаго?

— Да что мнѣ читать? Я самъ по себѣ знаю, что такъ, а что не такъ. Вотъ, чего дальше, хоть бы домъ нашъ, и тотъ, посмотрите, на углу углу стоитъ противъ указу. Пьяный ночью зацѣпять....

— А ты и это знаешь?....

— Какъ не знать?....

— Только право, Степанычъ, всего разъ и случилось, какъ воеводу провожали....

— Пускай и разъ, а этотъ разъ по городу прогулдся, такъ стало больше сотни. И бѣдность-то какая у васъ въ домъ! Вѣтхость, неопрятность, и прескверно, Прохоръ Се-

меньше, право, прескверно. Водкой не всёми кружатамъ захватить.

— Отвори окно, Степанычъ! Теперь зипия въ самой жарѣ; я вышведу дѣлать, такъ духъ остался. Не хочешь ли отвѣдать?

— Пожалуй! отвѣчалъ Степанычъ; да прежде покажи-ка-ка, что такъ губернский влнать!

— На, читай, а я пока сбѣгаю за палочкой. Палочка съ утра на перемену ушла; правду сказать, что за растряхъ у попа. Стерлядь-то, стерлядь! Господи, Боже мой, нѣ за стерлядь! Не боюсь соблаву никакого, ну а что, если бы такую рыбку, да въ великой постъ намазали! На устоялъ бы, право, не устоялъ.

— Не разберу, Прохоръ Соманычъ, свѣдѣно цапсано. Возьмите-ка очки, да прочтите!

— Здрив окошко, неравно услышать невѣстивцы; возрадуется вѣло. Слушай!

«Понеже въ пунктѣ второмъ о должности фискала напечатано, что долженствуетъ онъ во всѣхъ безгласныхъ дѣлахъ и всякихъ преступленіяхъ, какова бы они имени ни были, доносить, а въ губерніи вѣдомо учинилось, что въ вашей провинціи проживаютъ многіе дворяне и царедворцы не у дѣлъ, которые на службѣ и ни у какихъ дѣлъ не были, и поманвою воеводы и другихъ чиновъ по вѣдомостямъ прописаны, а въ губерніи по сиравамъ оказалось, что тѣ прописные по регистрамъ нѣтъяки въ провинціи проживаютъ и ты, Прохоръ Митюшкинъ, о томъ навѣстеть; лѣности же и правности ради о томъ не демасишь, и виноватыхъ на судъ не поываешь и не обвиняешь; тунелд-ствуюшь токмо и жалованье царское безъ пользы тратишь. Того-для навѣсть ты, Прохоръ Митюшкинъ, увазь сей получа въ повожденіи твоемъ весьма исправитися и въ царствіи оправдитися черезъ отысканіе злонамеренныхъ по всей провинціи нѣтъяковъ и настоять, чтобы къ отъѣзду по указу въ Москву или въ сенатъ нестыбно явился. Будя же не являясь, то быть тебѣ, Прохору Митюшкину, въ отвѣтъ, за что весьма подлнать будешь разсудному штрафу».

— Все?

— А развѣ мало?

— Вздоръ, пустяки. Не надъ чѣмъ и голову ломать.

— Ваня, душоночка моя, красавчикъ ты мой, растолкуй!

— Да въ томъ бѣды никакой, что растолкую, да послушаешься ли?

— Какъ отца роднаго, только вразуми!

— А вотъ ты теперъ, какъ есть, ступай къ воеводѣ и скажи ему безъ обиняковъ послѣ титула: скавано, дворянамъ и царедворцамъ на Москвѣ и тамъ гдѣ-то еще...

— Въ сенатѣ.

— Ну, въ сенатѣ, смотри къ октябрю. Такъ я милости твоей или какой тамъ титуль....

— Вашему высокоблагородію....

— Ну, вашему высокоблагородію и доношу, что въ провинціи нашей проживаютъ нѣтчики, которые отъ многихъ смотровъ укрывались. Такъ по должности моей прошу и настаиваю тѣхъ нѣтчиковъ наблюсти и на смотръ выслать, о чемъ прошу мое доношеніе или что тамъ....

— Протестъ.

— Ну, протестъ, на бумагѣ принять и въ книги какинъ тамъ....

— Въ протоколы....

— Ну, въ книги протоколы записать, того-для, чтобы начальству моему о усердіи и радѣніи Прохора Митюшкина было извѣстно и вѣдомо.....

— Ангелъ ты, мой! Умница! Право, ступай въ службу: будешь по малой мѣрѣ воеводой!

— Воеводой! сказалъ Степанъичъ горько усмѣхнувшись: Не знаешь ты моей тоски-кручины.... Дивно это, Прехоръ Семешычъ, отъ чего у много есть и родъ и прозвище, и хоромы, и деньги, и дворы, и крестьяне, и.... а у другаго — одна душа и та безъ прозвища.

— Что ты это городишь, мой другъ? Я отъ тебя такихъ печальныхъ рѣчей никогда не слышалъ....

— Да и то жалѣю, что эти сболталъ. Когда-нибудь на покоѣ расскажу я вамъ былъ небывалую, безприкладную, а теперъ ступайте къ воеводѣ....

— Да надо же, любезный, протестъ состряпать. Ужъ пусть лучше завтра....

— А завтра—опять завтра до того дня, какъ губерискій пришесть за вами сторожей, да подводу....

— Душа ты моя, да какъ же я къ нему на тощахъ пойду!....

— Только на тощахъ и справитесь; а ужъ какъ всѣ наливки перепробуете, ни языкъ, ни рука не повернется....

— Слабенькія, Степанычъ! Вотъ коли хочешь отвѣдася....

— Какъ вернетесь отъ воеводы, тогда пожалуй.... Ну, ступайте же, теперь самое время.

Митюшкинъ на разные лады отпѣкивался и выпрашивался; но неумолимый Степанычъ поставилъ на своемъ: со словъ его написана бумага и Митюшкинъ, бережно уложивъ ее за пазуху выступилъ въ походъ. Степанычъ проводилъ его до большой улицы, персонально, до воеводскаго крыльца глазами и тогда уже отправился къ Пахомычу.

Воевода былъ уже дома; видно Меланья Ивановна имѣла за нимъ на завтракъ тщательное наблюденіе, потому что Максимъ Ивановичъ былъ свѣжъ и бодръ, какъ-будто и не завтракалъ. Лукничъ и Галунчиковъ чинно стояли у дверей, а у креселъ Меланьи Ивановны на плохомъ стулѣ сидѣлъ Иванъ Степанычъ Костыльковъ; самая веселая, пріятная бесѣда шла какъ по бархату; Меланья Ивановна болтала безъ умолку....

— Ужъ я тебѣ говорю, Иванъ Степанычъ: удружилъ всѣмъ, а пуще лошадами. И въ губерніи такихъ не видала. А что ты про службу толкуешь, такъ ужъ Максимъ на все дуракъ, а на эти дѣла первый знахарь. Сиди себѣ у него, что за печкой. Вѣдь это легко сказать: всѣхъ дворянъ на службу сошлешь, съ кѣмъ-то самъ жить будешь? Этакъ не провинція, а степь будетъ. Ну, что, Максимъ Ивановичъ, что же ты молчишь?....

— Да, матушка, моимъ словамъ нѣтъ мѣста!

— Поди ты, грубиянъ этакой! То есть, Иванъ Степанычъ, не приведи Богъ, что отъ него терплю. Словечка не дастъ сказать; вотъ только съ гостями и отведу душу; а то, право, монастырь, не жизнь. И скажи пожалуй, ты, этакой чудовый парень, а въ деревнѣ живешь, одинъ одиноконекъ какъ перстъ. Сирота ты моя, круглая! Господи

Брже мой, и на службу несчастнаго горемыку! Мало у нихъ служивыхъ людей, что ли? Помню я, какъ протчалъ Шара да шли на Украину; право, думала что ужъ на сѣвѣ больше и людей не осталось; то есть, сто полковъ; что видимо — не-видимо... Не бѣди, Иванъ Степанычъ! Право, и безъ тебя тамъ много.

— И радъ бы съ такими добрыми людьми хлѣбъ соль водить, да вотъ какъ Максимъ Иванычъ укажетъ....

— Да что его слушать! Да и что онъ? Ну, водвори же, Максимъ, на-прямки..... Чего брови цасудилъ....

— Вотъ мое честное шляхетское слово, что не швей видѣ никто тебя не потревожитъ, сказалъ воевода: только гляди же, самъ не поцадайся! Ну, Лукичъ, и ты, Сомца, ступайте себѣ домой: пока не нужна. Теперь мы одни, Иванъ Степанычъ; сегодня пересматривалъ я указы, что безъ меня пришелъ: есть одинъ строгій, новый смотръ объявленъ. Высланъ къ Москвѣ для того смотра стольникъ Степанъ Кольчезъ. Все это не бѣда; сладить, только не поцадайся ты на глаза отцу Пафнутію. И на его дѣла, конечно, да къ царскому интересу больно радѣтеленъ. Я ужъ послалъ къ ближнему монастырю комиссара наблюдать когда онъ изъ нашего сосѣдства снимется. Какъ служилъ я въ губерніи, такъ по долгу службы провожалъ я его до рубежа провинціи, наслушался я всякихъ наставленій. Гражданскій чинъ, будто свои книги знаетъ. И то не такъ, и то протѣвъ указу. Только и могъ оборониться, что все на губернское начальство сваливалъ. Кажется, перѣрилъ,... Такъ ужъ сдѣлай дружбу, Иванъ Степанычъ, до отъѣзда отца Пафнутія силъ въ своей усальбѣ чинно; вѣркомъ не лопи; никакого поледанья не чини, да и протѣжихъ, Богъ тебѣ прости, не пугай на дорожѣ. Ну, а увидеть, мы его благополучное отшествіе у тебя отпиремъ, а ты пока готовь дѣнь-празднество.... Вотъ, еще я хотѣлъ сказать тебѣ, что у тебя проживаетъ какой-то....

Но рѣчь воеводы была прервана Галушиновымъ; онъ вбѣжалъ весма по поремонно и не то тихо, не то громко сказать:— Чортъ несетъ Матюшкина!....

то Меланья Ивановна, сказала таворнико воевода: воструилъ, привелъ на часокъ Иванъ Степанычъ!

— Поди ко мнѣ, кормилецъ ты мой родной, поди сюда. Самъ отецъ Пашутій у меца тебя не отъщещетъ.

Митюшкинъ, если бѣ хотѣлъ, то могъ бы еще увидать каблукъ сапога Костылькова; но ему было не до того: онъ дрожалъ какъ листъ и въ душѣ проклиналъ Степаныча, возбуждавшаго въ немъ неумѣстную, по его мнѣнію, энергію. Воевода въ свою очередь не могъ замѣтить замѣшательства Митюшкина, потому что ему самому было не ловко отъ присутствія лица, которое, находясь внѣ его власти, во всякое время могло надѣлать ему хлопотъ и неприятностей.... Митюшкинъ остановился посреди комнаты и откашливался; воевода, пригнувшись, ожидалъ начала интересному разговору....

— Ваше высокоблагородіе....

— Что прикажете, Прохоръ Семенычъ?

— Что? Ничего. Такъ-себѣ, безъ малѣйшаго повода....

— Не благоугодно ли присѣсть?

— Признательно сказать, сидѣть лучше, чѣмъ стоять....

— Конечно, Прохоръ Семенычъ, конечно: ноги не затекутъ....

— Вотъ я поэтому и на завтракахъ не бываю; глупая привычка стѣя кушать....

— Да что же худаго-то въ завтракѣ, Прохоръ Семенычъ? Вѣдь и у архіереевъ и у митрополитовъ завтраки бывають: обычай....

— Святой обычай! се ладокомъ сказала Митюшкинъ, прикурясь: А какова была стерлядка, ваше высокоблагородіе?

— Которая?

— Позвольте, ваше высокоблагородіе, ужъ признаюсь, я отъ вѣснъ этого не ожидалъ. Кажется, я не попалъ никакого рѣшю....

— Извините, Прохоръ Семенычъ, я вѣдь прелегъ, въ ротъ не влялъ....

— Подите! Вы только дуракомъ прикидываетесь. Да стерлядь, можетъ-быть, вы охотникъ не до стерлядей, а до баранины, телятины и дичи....

— Прохоръ Семенычъ, чинъ, мѣсто и званіе мое не позволяютъ мнѣ передать столь обидливъ вываженіи.

— Прекрасно, вы обидѣли меня, а сами обижаетесь!

— Я? васъ? Да вотъ Ѳомка Галунчиковъ свидѣтель, что я васъ ни чѣмъ, ни словомъ, ни помышленіемъ не обидѣлъ.

— Такъ вы меня не обидѣли?... Вы замѣтили и ростъ и другія статьи стерляди? А? замѣтили! Я говорю статьи: потому, что стерлядь величиною была чуть не съ лошадь.

— Да что вы ко мнѣ привязываетесь? Вѣдь не пѣшкомъ же мнѣ ходить? Купилъ, не одну, а четырехъ, а которую изъ нихъ стерлядю зовутъ, такъ не мое дѣло, знать не знаю! А деньги заплатилъ наличныя, вотъ Ѳомка видѣлъ....

— Самъ отсчитывалъ....

— Галунчиковъ — лжесвидѣтель; не вѣрьте ему, ваше высокоблагородіе. Онъ плутъ и лгунъ. Сами подумайте, трусь ли я? Вотъ мой аттестатъ, благо при мнѣ случился. Извольте читать списокъ моимъ ранамъ, такъ послѣ этого судите, трусь ли я? Прожора? Нѣтъ, тотъ не прожора, кто могъ быть у отца протоіерея на завтракъ, и не пошелъ по собственной охотѣ. Улика на лицо. Какой же я прожора?... Пьяница? Теперь уже за полдень, а у меня во рту ничего не было, а что я дѣло знаю и смыслю, такъ вотъ мой протестъ. Прошу принять и въ книги записать.

— Какой протестъ?

— Въ силу послѣдняго указа, противъ нѣтчиковъ. Счастливо оставаться; а Галунчиковъ лжесвидѣтель; не вольте ему вѣрять; онъ и противъ вашего высокоблагородія всякую небывальщину рассказывать будетъ. Это змѣя подколодная.... Прощенія просимъ!

И Митюшкинъ вышелъ изъ комнаты. На крыльцѣ сталъ обтирать потъ, крупными каплями унизавшій чело Прохора Семьича.

— Тьфу къ чорту! сказалъ онъ, спускаясь съ тесовой лѣстницы. Какъ это претрудно служить по гражданской части! Противъ крѣпости легче устоять, чѣмъ противъ такого воеводы. Нечестивцы! Отряхаю прахъ съ сапоговъ моихъ. Нога моя не будетъ на твоёмъ порогѣ.

И Митюшкинъ пошелъ довольно скоро, сколько ему поз-

воляла тучность. Дома забылъ всѣ тягости службы, услаждав горечь трудовъ сладостию новосозданной вишневки....

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДВАДЦАТОЕ АВГУСТА.

На прекрасномъ обширномъ дворѣ у длинныхъ хоромахъ костыльковскихъ, шелъ сельскій шумный праздникъ. Баринъ справлялъ «дожинки»^{*}; дѣвушки красиво разубранныя, заплетаясь въ длинную вереницу, пѣли пѣсни; молодежь мужескаго пола, раздѣлялась на нѣсколько партій, играла въ городки и свайку, дезертёры, удосужась, подбѣгали къ женскимъ кругамъ, но оттуда съ визгомъ отгоняло ихъ Еввино племя; старики у водочной кладовой тянули хлѣбное и растягивались, гдѣ кому случилось; раздавалась и скрипица, но до нея мало было и охотниковъ и охотницъ; только старухи нѣкоторое время занимались музыкой; но вино уже обращалось въ слезы и жидкіе звуки скрипицы заглушались визгливыми голосами растроганныхъ бабъ, поминавшихъ бывшее и бывшихъ своихъ любимцовъ. А у кого ихъ не было, плакали объ баринѣ; или объ Малашкѣ; или о сгорѣвшей недавно мельницѣ: черный трупъ ея еще торчалъ на пригоркѣ. Наряденъ былъ праздникъ, нечего сказать; платье на всѣхъ было праздничное; дѣвушки и молодки были увѣшаны бусами разнаго роду; разноцвѣтные платки придавали всей картинѣ азіятскую пестроту; прекрасный вечеръ благопріятствовалъ веселью. Да и какъ не веселиться, когда самъ баринъ игралъ въ городки, съ отборной дружиной молодыхъ парней, а назначенныя для барскаго угощенія три молоденькія деревенскія граціи то и дѣло подносили ему прохлажденіе—крѣпкій медъ—съ прикуской, съ свѣжимъ пламеннымъ поцѣлуемъ. Не забудьте, пировала только одна волость, а такихъ какъ эта, было у Ивана Степаныча пять или шесть. Дожинки распределены были въ очередь. Сегодня въ Костыльковкѣ, черезъ три дни въ Будимовкѣ и такъ далѣе. Празднества Цереры при дворѣ Ивана Степаныча предпочитались

^{*} Есть русскія губерніи, въ которыхъ праздникъ окончанія жатвы называется, какъ и у Западныхъ Славянъ, дожинками.

всѣмъ другимъ торжествамъ. Онъ ожидалъ ихъ съ какимъ-то инхорадочнымъ трепетомъ. Дождался, и въ будущемъ разгулѣ купался какъ въ морѣ. На эти празднества не приглашались ни гости, ни городская чиновность: некогда тутъ было Ивану Степанычу ухаживать за ними; у него и такъ было черезъ-чуръ много дѣла. Были наслажденія, которыми Костыльковъ не любилъ ни съ кѣмъ дѣлиться; но были и такіе люди, которыхъ онъ любилъ видѣть на дожинкахъ: это — тѣзка Степанычъ и Пахомычъ. Въ этотъ разъ, какъ и обыкновенно о Степанычѣ, онъ и не вспомнилъ, но о Пахомычѣ онъ сталъ заботиться еще съ утра и первое распоряженіе этого торжественнаго дня было отправленіе въ городъ подводы за Пахомычемъ. Хотя картины праздника давно уже увлекли расчетливое вниманіе Костылькова; хотя онъ уже разрѣшилъ нѣсколько важныхъ вопросовъ; хотя наконецъ приближалась пора выбрать царицу дожинокъ, которую до будущихъ дожинокъ всѣ величали маткой, но именно послѣдняя церемонія и затрудняла Ивана Степаныча. Тутъ Пахомычъ и его краснорѣчіе были необходимы. Вотъ почему въ самомъ разгарѣ игры и веселія, онъ часто поглядывалъ на дорогу и сквозь зубы ворчалъ разныя слова, неудобныя для печати. Въ одинъ изъ этихъ разовъ Иванъ Степанычъ воскликнулъ: ѣдетъ!! ѣдетъ!! На встрѣчу Пахомычу! И вся волюсть шумною толпою съ дубинами, съ музыкой, пѣснями и пляской двинулась со двора на улицу, въ которой за постройками и плетнями нельзя уже было видѣть подводы Пахомыча. Желая потѣшить гостя неожиданною встрѣчею, Иванъ Степанычъ наказалъ всѣмъ замолчать и пританцы у плетней. Стукъ колесъ приближался; между плетней усадьбы показались лошади; по сигналу гурьба завопила, музыка и пѣсни загремѣли, поднялись и закружились въ воздухѣ дубины и шапки; испуганныя лошади избѣспались и между тѣсныхъ рядовъ зрителей, къ общему изумленію, пронеслась шестерка дюжихъ коней, за нею невиданная карета. — Поселяне съ крикомъ отхлынули; самъ Костыльковъ отскочилъ, да не ловко и повалился въ грязный ровъ. Кучера потерялся, не могя управлять избѣспенныхъ лошадей; у самыхъ воротъ карета зацѣпилась

козеломъ за дряхлымъ столбъ; передняя часть хода свернулась; лошади уткнулись въ ограду и остановились; но при этомъ поворотѣ дышло, также прѣскользнувъ между переднихъ лошадей, ударило въ столбъ и сломалось. Иванъ Степанычъ ужасно взбѣсился, какъ смѣютъ въ такой праздникъ черезъ усадьбу вѣзти посторонніе люди. Онъ даже и не подумалъ, что грязь обезобразила его нарядное платье; едва испугалъ, выхватилъ у перваго встрѣчнаго дубину и бросился съ цѣлою гурьбой за каретой; но прѣбѣжалъ на мѣсто въ самое то время, когда изъ кареты выходилъ отецъ Пафутій, поддерживаемый знакомымъ намъ ученомъ. Кривоногъ былъ костыльковскій медъ; везя въ гнѣвъ Ивана Степаныча, но встрѣча была страшнѣе всего этого. Хивъ будто вышибло; онъ съ ужасомъ остановился на срединѣ улицы и безмысленно глядѣлъ на грознаго іеромонаха.

— Что, никого не ушибло? спросилъ Пафутій.

— Богъ миловалъ, всё цѣлы! отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Во истинну, Богъ помиловалъ! Что у васъ тутъ за сходбище?

— Дожинки, честной отецъ! Барскіе дожинки, не то что прикашицкіе!

— А гдѣ же баринъ?

— А вотъ милости твоей кланяется.

И въ самомъ дѣлѣ Костыльковъ съ перенугу, ни съ того ни съ сего давай кланяться....

— А это твой дворъ и твои хоромы?....

— Его, честной отецъ, и всё мы его; и другія вѣности, то же его....

— Не откажи, господниъ помѣщикъ, въ гостеприимствѣ, пока повозку наладятъ....

Костыльковъ только кланялся. Пафутій, видя, что его заиспытательство, медленно пошелъ къ хоромамъ.

— Это что, былъ самъ прощенталъ Костыльковъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Сидоръ, Сидоръ, гдѣ ты, Сидоръ? Числы охвачены! Проворнѣй!....

Сидоръ со всѣмъ ногъ бросился въ хоромы.

— Эй, братцы! кликнулъ усачъ: нѣтъ ли у васъ дышла, али нѣтъ ли плотника?

— Подайте дышло! закричалъ Костыльковъ: авось отъ старыхъ колымагъ придется. Скорѣе уѣдетъ. Эй, Евдокимъ! Гони всю гурьбу въ садъ, нусть тамъ посядятъ смирно; а уѣдетъ, мы свое наверстаемъ.... Чтò въ самомъ дѣлѣ, будто ужъ я и у себя не хòзяинъ....

Костыльковъ надѣлъ чистый охабень, оправился и пошелъ въ хоромы довольно бодро. Въ первой же налатѣ нашелъ онъ отца Пафутія, спокойно сидѣвшаго въ креслахъ; старикъ глядѣлъ на заходящее солнце и по лицу его казалось, что никакая мысль не возмущала его душевнаго покою. Но когда вошелъ Костыльковъ, брови Пафутія нахмурились, глаза заблестали.

— Не осердись, господинъ помѣщикъ, что я нарушилъ твой праздникъ. Понадобилось мнѣ въ губернію; подумалъ: проселкомъ ближе, и поѣхалъ. Да вотъ стало дальше....

— Дышло сейчасъ будетъ готово.

— Только дышло? Спасибо. Я думалъ, что вся повозка изломалась. А какъ тебя зовутъ?

— Иваномъ.

— А прозвище?

— Прозвище? Да на чтò тебѣ прозвище?

— Пригодится не для меня, такъ для тебя....

— А вотъ, кажется, дышло готово. Приладили. Надо самому присмотреть. Извини, честной отецъ....

— Не трудись! У тебя рабочихъ рукъ довольно. Ты лучше со мной побесѣдуй. Скажи, пожалуй, такой молодець, а не на службѣ!

— Былъ всё боленъ.... Вотъ теперь объявленъ смотръ, такъ пойду; на-послѣдяхъ тѣшусь....

— Богопротивная потѣха, Иванъ! Пожали дары Божіе, поблагодарили Господа, потѣшились на отдыхѣ, да зачѣмъ пьянство, зачѣмъ буйство, зачѣмъ живеты своихъ людей и проѣзжахъ странниковъ, подводитъ подъ бѣду, отъ нея же охраняетъ рука Божія? Недостойно все это, Иванъ, ни твоего рѣду, ни званія. Богъ проститъ тебя, Иванъ, если покаешься; Богъ накажетъ строго, если усто-

ишь въ грѣхѣ. Вотъ теперь сладилъ. Прощай! Проводи меня съ миромъ и любовію. Люди твои не должны ни слышать, ни видѣть чѣмъ я взыскалъ твою грѣховность. —Смотри же, исправься, Иванъ! Пойдемъ!....

Почтительно, очень почтительно проводилъ Костыльковъ отца Пафнутія до кареты, очень низко поклонился, во не могъ взглянуть ни на что, ни на кого, пока не убѣдился, что Пафнутій уѣхалъ.

— Меду! закричалъ онъ прыгая какъ ребенокъ: а гдѣ мои ненаглядныя? Въ саду, что ли? Ну, пустилъ я козла въ огородъ! Яблоки и груши, прощайте! Такъ и есть! Этотъ мерзавецъ Филька чуть только упаровить, что некому приглядѣть, ужъ возлѣ груши. Плетей! Что, поймаешь за ухо; погоди-ка; отобью я у тебя охоту отъ лакомства.... Плетей!

Несчастный Филька пищалъ, пойманный за ухо неумолимою и дюжею рукою Костылькова. Сидоръ уже приближался съ арапникомъ, какъ-вдругъ двѣ дѣвушки закричали: — Пахомычъ ѣдетъ! Пахомычъ ѣдетъ! И Филька брошенъ. Гурьба двинулась къ воротамъ саду, но Иванъ Степанычъ стоялъ тамъ въ видѣ колосса родосскаго и громкогласно кричалъ:

— Стой! Стой! Какъ пріѣдетъ, тогда ужъ зададимъ трезвону, а то еще пожалуи, того гляди....

Костыльковъ запнулся. Но на этотъ разъ не было ошибки. — Поджарая пара разъѣздныхъ лошадей рысцой втащила телѣгу на дворъ; въ ней сидѣло двое; легко догадаться кто именно: Пахомычъ и Степанычъ. Тогда всѣ смѣло бросились изъ саду, съ гамомъ, крикомъ, музыкой и пѣснями: — Пахомычъ! Пахомычъ! кричали веселые парни. — Степанычъ! шептали красныя дѣвушки.

— Такъ-то ты отъ своей должности бѣгаешь! закричалъ Костыльковъ, схвативъ Пахомыча за сюртукъ и потрясалъ весьма живописно....

— Не я, а должность отъ меня бѣгаетъ.

— Благо, что не опоздалъ, а то бы мы тебя въ пруду до-смерти закунали!

— Милости твоей всякое благодарствіе.

— Гдѣ ты это пропадалъ, почитай, три недѣли?

— Гдѣ?

И Пахомычъ посмотрѣлъ на Степаныча, но, встрѣтивъ его гнѣвный взглядъ, продолжалъ записываясь:

— А гдѣ же мнѣ пронадать? Училъ ребятншекъ, да ничего не зашибъ: такіе всё были ученики. Только самъ изубыточился.

— Полно, Иванъ Степанычъ, его разспрашивать; известно, что онъ дѣлалъ, училъ мальчишекъ, да няньствовагь; такъ ужъ откуда ему алтынъ восторону отложить. А что, тѣзка! Солнце ложится; подь сумерки Пахомычъ не разберетъ и матки; на него нынче курвчья слѣнота находить. Что сова ночью, то онъ днемъ.

— Правда твоя, Степанычъ, и я-то умался. Пора приниматься за матку. Гей, красныя, становитесь въ кружокъ!

Дѣвушки, особенно, которыя по-молоде, весьма неохотно собирались въ кружокъ; а Костыльковъ въ это время читалъ Пахомычу краткую инструкцію.

— Ты знаешь Грушу Сергѣеву?....

— Дѣвчонку, что по веснѣ у тебя огородъ полола?

— Посмотрѣлъ бы ты, какъ подиалась эта дѣвчонка и распустилась цвѣткомъ махровымъ. Да ужъ не время тебѣ толковать. Грушу! смотри, не ошибись, Грушу! Нето заправду ослѣпишь....

— Грушу, такъ Грушу! По-мнѣ всё-равно.... Да что-то нынче мало дѣвушекъ.

— И тѣ не охотой пришли! сказалъ кто-то и спрятался въ толпѣ молодыхъ царей.

— Что же вы! Становитесь! Сидоры! Поди-ка по саду, да выгони лѣнявыхъ! Преворите!

Съ крикомъ и визгомъ, нѣны со слезами выскакивали изъ саду миловидныя вѣтчицы и, отирая слезы прозрачными руками, становились въ-круговую. Пахомычу поднесли огромную чару меду. Онъ подносилъ чару къ устами каждой по очереди, чуть та хотѣла хлѣбнуть, онъ проворно отнималъ чару и отпивалъ самъ, да такъ усердно, что на третьемъ номерѣ не стало матеріалу. Поддлин. Вторая чара продержалась до четвертаго номера. Третья вошла еще тише....

— Ну-ка!... сказалъ онъ поднося чару къ мидовидной поселянкѣ, которая закрылась отъ него обѣими руками и отвернулась: не отпѣкивайся. Сладокъ медъ. Ну, что же ты рыло-то воротишь? Насильно милъ не будешь. А что закрылась, такъ не велика бѣда, я только погадаю, тотчасъ смѣкну кто ты, какъ тебя зовутъ и чѣмъ тебѣ быть на бѣломъ свѣтѣ....

— Гадай, гадай, Пахомычъ! раздалось со всѣхъ сторонъ. Голосъ Костылькова былъ сильнѣе прочихъ.... Дѣвушка хотѣла бѣжать; сестрицы придержали за полы, а Пахомычъ выпилъ чару до-гла, поставилъ на землю, перевернулся кубаремъ, будто колесо какое или мячъ, вскочилъ, выпрямился, закрутился на одной ногѣ и произнесъ торжественно: — Была ты сирота бездомная; на хлѣбахъ у добрыхъ Сергѣевыхъ; была ты Груша, какъ и всѣ Груши; быть тебѣ Аграфеной, маткой дожинокъ.

— Никогда! никогда! воскликнула дѣвушка, рванулась изъ всея мочи и пустилась бѣжать въ садъ благимъ-матомъ.

— Лови! закричалъ Костыльковъ и всѣ бросились въ садъ. Но Груша, видя, что ей нѣтъ исходу изъ барскаго саду, какъ серна взбѣжала на плотъ, стоявшій на пруду, перекрестилась, дикимъ, пронзительнымъ голосомъ закричала: «Прощайте!» и, бултыхъ въ воду. Ребенокъ, она думала, что эта дрянная сажалка — море-окиянъ. Конечно, вода покрыла ее съ головой; утонуть можно было, но для этого требовалось искусство, знаніе своего дѣла. И лодки не отвязывали. Трое, не раздѣваясь соскочили въ прудъ и вынули изъ воды Грушу, будто изъ ящика. Правда, она лишилась чувствъ, но не захлебнулась, не задохлась. Самобійцу отнесли въ барскія хоромы. Костыльковъ проводилъ ее и скоро вышелъ на дворъ въ совершенномъ спокойствіи. — Спасибо, ребята! Потѣшили вы меня сегодня знатно. За Грушу не бойтесь. Выспитесь и все пройдетъ. А вы себя-ступайте! Сидоръ, по чаркѣ на дорогу, кому вина, кому пива, кому меду, какъ кто пожелаетъ!

— Благодарствуемъ, кормилецъ! закричало нѣсколько человекъ и толпа безъ цѣсень, тихо, грустно, стала расходиться.

— Сидоръ! продолжалъ Костыльковъ: возьми-ка ты и Пахомыча къ себѣ. Напой, накорми! Сослужилъ онъ службу свою знатно.

Пахомычъ поклонился и пошелъ за Сидоромъ. Одинъ только Степанычъ остался на опустѣломъ дворѣ и въ этотъ разъ не заблагоразсудилъ напоминать о себѣ. Онъ пошелъ въ садъ, куда черезъ пять минутъ явилась и Меланья: вѣроятно, въ общей сумятицѣ они успѣли условиться....

— Ну, душа моя! спросила шопотомъ Меланья: не видать ли кого? Того гляди подъ липой запряталась какая дѣвушка, или пьяный заснулъ умаявшись. Видишь, Степанычъ! Повѣрила я тебѣ, пришла, но гляди, только подумаешь меня обидѣть, не пожалѣю себя, закричу во все горло. Люди еще не улеглись. Говори, что ты мнѣ хотѣлъ сказать и отпусти меня съ мпромъ....

— Бѣдная, бѣдная Маша! Сказать ли ей.... Нѣтъ, погоди, скажи ты лучше мнѣ: любишь ли ты Костылькова?

— Любила....

— А теперь?....

— А теперь жалѣю. Право, сердце надрывается, какъ гляжу на все на это. Хмѣль до добра не доведетъ. Сегодня чуть не убили монаха....

— Какого монаха?

— Проѣзжалъ тутъ какой-то, въ такой повозкѣ, что и старики не видали, шестерикомъ....

— Пафнутій!

— Кажется, его слуга такъ клкалъ.

— Такъ онъ былъ здѣсь?

— Не по охотѣ. Съ пьяныхъ глазъ приняли его за Пахомыча и....

И Меланья по-своему рассказала происшествіе. Съ жадностью, съ какимъ-то наслажденіемъ слушалъ Степанычъ ея рассказъ.... Прерывалъ его только словами: «знатно, любо» и тому подобными восклицаніями. Когда Меланья кончила, Степанычъ взялъ ее за руку и весьма значительно повторилъ вопросъ:— Скажи, милая, скажи безъ обиняковъ, любишь ли ты Костылькова? Спра-

ниваю не для себя. Ты меня любить не можешь. Жаль тебѣ будетъ съ нимъ разстаться или нѣтъ?

— Нѣтъ, простодушно отвѣчала Меланья: нѣтъ! только куда же мнѣ дѣться?

— Какъ куда? замужъ, за добраго человѣка!

— Ужъ не за тебя ли, Степанычъ? Пожалуй, я не прочь, да какъ это уладить? Вѣдь онъ меня не изъ любви, а изъ своего норову отъ себя не отпустить.... Привыкъ.

— Мало ли чего, отвыкнетъ!.... Пстой, Малаша! Помнишь ли ты отца?

— Нѣтъ.

— А матушку?

— Нѣтъ! Только и знаю, что меня покойная Костылькова у своихъ воротъ подобрала. Отреклись отъ меня отецъ и мать. Никогда объ нихъ ни слуху, ни духу; подросла я; какъ себя помню, стала мнѣ плохая жизнь....

Малаша заплакала. Степанычъ былъ какъ на угольяхъ. Ему примѣтно хотѣлось что-то рассказать ей, но благоразуміе или другія причины его удерживали....

— Что плакать, Малаша! Богъ милостивъ, сказалъ онъ. Въ голосѣ его такъ много было нѣжности и состраданія, что Малаша невольно спросила:

— Степанычъ, что съ тобой?

— Ничего! Прощай! Если можешь, захворай, Малаша, такимъ недугомъ, чтобы Костыльковъ не искалъ твоей бесѣды.... Понимаешь ли?—Въ постель не ложишься, даромъ только истомишься, а знаешь, будто зубы болятъ. Придетъ, а ты охай, хныкай, онъ и убѣжитъ отъ тебя. Бабій вой тому сносенъ, кто въ душѣ свою бабу носитъ. Понимаешь ли? А я, пока, буду мое дѣло стряпать.... Прощай, Малаша! Ступай! Становится свѣжо! Мнѣ твое здоровье дороже своего. Прощай! Ступай съ Богомъ, спи спокойно, а я ужъ за тебѣ и молиться и расплачиваться буду.... Что ты такъ странно смотришь на меня? Развѣ не вѣришь?....

— Вѣрю, добрый человѣкъ, вѣрю, а моему столбняку не дивись! я такихъ рѣчей еще не слыхала....

— Не то еще услышишь. Только завтра же притворись больною.

— Притворюсь. Степанычъ. притворюсь. Что ни ска-

жешь, все будетъ по-твоему; сердце мнѣ говоритъ, что ты мнѣ худаго не хочешь....

— И говорить правду, Послушай, Малаша.....

Но стукъ колесъ возвѣстилъ о приѣздѣ поздняго гостя. Малаша пожала руку Степанычу и пустилась садомъ скорѣе въ свою комнату, а Степанычъ подошелъ къ крыльцу преспокойно; изъ-дали онъ распозналъ костыльковскую тройку; въ столовой нашелъ Галунчикова, который кричалъ Сидору:

— Коли спать, разбуди и зови. Дѣло важности перваго рангу, дѣло государственное. А, здравствуй, Степанычъ: какъ это тебя вездѣ встрѣтишь? Крылышки, что ли? Что же ты ко мнѣ за видомъ не приходилъ въ городъ?....

— Не нужно. Свой старыи отыскался. Ну, а ты съ добрыми вѣстями?....

— Я, братецъ, съ дурными самъ не ѣзжу, на то, братецъ, у меня есть подкомандные комиссары и штатные инвалиды. Да что онъ въ самомъ дѣлѣ нейдетъ! Иванъ Степанычъ! Иванъ Степанычъ! Я вѣдь не въ гости приѣхалъ.

— Провались ты, ненасытная крыса! кричалъ Костыльковъ въ бѣшенствѣ и вскочилъ въ столовую въ шелковомъ халатѣ.—Вонъ отсюда, обираю этакой! Вонъ, говорятъ тебѣ, нето дубьемъ проводимъ. Что это, право! Сапоговъ не успѣлъ сбросить; ночью всегда чортъ принесеть. Точно филинъ какой! Чего хочешь! Сидоръ, засади ему каплуна въ горло; стопу меду на голову вылей и вытолкай.....

Галунчиковъ отъ удивленія выросъ почти вдвое, такъ, что длинная его фигура почти достигла полотнянаго потолка, а голова пудрилась даромъ столѣтнею пылью. Онъ смотрѣлъ то на Ивана Степаныча, то просто на Степаныча, и даже на Сидора, и не могъ придумать ни одной приличной для такого случая фразы.

— И правду сказать, подхватилъ Степанычъ: пора бы тебѣ, Галунчиковъ, и честь знать. Ночью всегда зачешется; забражничаешь, другихъ въ соблазнъ введешь. Вѣдь ночью спать хочется.....

— Да и какъ еще! съ досадою сказалъ Костыльковъ: не на-животь, а на-смерть. Чучело этакое! Совѣсть спать не даетъ. Словно чортъ въ аду мечется.—Днемъ воеводу надуваетъ, а ночью кармазы. Точно тать ночной....

— Точно разбойникъ на большой дорогѣ! прикинулъ Степанычъ.

Галунчиковъ доросалъ уже до потолка вплотную.

— Ну, ужъ пріѣхалъ, такъ говори, что корысть твоя сочинила?

— Пафнутій уѣхалъ! заревѣлъ Галунчиковъ громовымъ голосомъ, желая поразить Костылькова внезапною радостью....

— Пошелъ ты съ своимъ Пафнутіемъ! Видали мы и тебя и Пафнутія.

— Оба не въ пору гости.

— Ужъ точно не въ пору, а нуще этотъ домовой; подарилъ дураку тройку на свою голову; колесить по ночамъ; радъ, что лошадки завелись. Ну, Пафнутій уѣхалъ, уѣзжай же и ты по-добру, по-здорову. Ну, чего стоишь, видно еще есть новость?....

— Завтра воевода со всею чиновностью будетъ въ Костыльковку!... уже завопилъ Галунчиковъ и эта рѣчь вознѣла свое дѣйствіе. Костыльковъ поправилъ свой халатъ, какъ-будто воевода былъ уже на порогѣ. Хмѣль, который дотога сильно дѣйствовалъ въ распаленномъ тѣлѣ, охладился. Костыльковъ потеръ себя по лбу и сказалъ про себя: Ну, мало одного, цѣлый полкъ грабителей: этотъ только передовой. Проклятый дещь!....

— Двадцатое августа! сказалъ Степанычъ, заслышавшій послѣднее восклицаніе.

— Такъ что жъ, что двадцатое августа?

— Ничего. Я только говорю, что двадцатое сегодня, а завтра будетъ двадцать-первое. Воевода долго гостить не будетъ; день, два, и уѣдетъ. На дожники въ Будимовку поспѣемъ, а нельзя же не принять воеводы; а что мы съ тобою погорячились противъ Галунчикова, такъ мы же свои братья, сочтемся, и самъ онъ виноватъ. Спросилъ бы, можно ли видѣть Ивана Степаныча; ему бы и сказали: нельзя, ступайте къ Степанычу; мы бы съ нимъ и

переговорили и все было бы на порядкѣ. А то вскочилъ, пашумѣлъ, накричалъ; бери себѣ, пожалуй, не жалѣюгь, да соблюдай благочиніе....

— Да, да, соблюдай благочиніе....

— Ну, вотъ теперь и самъ видишь, что повелъ себя глупо. Стоишь какъ обваренный; не мы же виноваты! Кайся, Ильичъ! Ужъ тутъ нечего! Кланяйся Ивану Степанычу, проси прощенія. Воевода теперь панъ. Тебя заурядъ честимъ, а нужды въ тебѣ никакой нѣтъ, развѣ для посылковъ. Кланяйся, полно важничать, а нето, братецъ, сами согнемъ. Пяти сотенъ не пожалѣемъ; такъ и скрючимъ....

— Тысячу рублей!....

— Батюшка, Иванъ Степанычъ! поблѣднѣвъ, съ трудомъ прошепталъ Галунчиковъ:—За что это! Что я вамъ сдѣлалъ....

— Ужъ не твое дѣло объ этомъ спрашивать! перебилъ Степанычъ: кланяйся и проси прощенія, да и пойдемъ ко мнѣ. Ужъ коли Ивану Степанычу некогда, такъ я за него!

— Вотъ ужъ по-пріятельски, такъ по-пріятельски!

— Что это! Плевая службишка! Ну, Иванъ Степанычъ, простите Ильича. Можетъ-быть, онъ и отъ усердія.

— Право, отъ усердія, ей Богу отъ усердія....

— Не бойсь, вѣримъ! Иванъ Степанычъ простилъ тебя: видишь, смѣется. Пойдемъ. Простите, Иванъ Степанычъ, будьте покойны, спите-себѣ, а мы съ нимъ и закусимъ и перетолкуемъ.. .

— Прощай, мой другъ! Вижу, что я не ошибся въ тебѣ! Прощай, Галунчиковъ.... Впередъ...

— Въ послѣдній разъ, Иванъ Степанычъ, право, ей Богу, въ послѣдній разъ. Прощенія прошамъ! Покойной ночи....

Но Костыльковъ не слушалъ Галунчикова, онъ не ушелъ, а убѣжалъ изъ столовой, а Степанычъ безъ церемоніи взялъ за руку Галунчикова и повелъ за собою въ отдаленный покой, назначенный для пріѣзда Степаныча.

— Послушай, Степанычъ!... сказалъ Галунчиковъ, когда они вошли въ комнату: зачѣмъ ты такую глупую мысль

вбиваешь въ голову Костылькову? Вѣдь для воеводы, конечно, Иванъ Степанычъ дороже меня....

— Во-первыхъ, Галунчиковъ: это ты говоришь, что глупая мысль, а Ивану Степанычу нравится. Во-вторыхъ, не изволь меня кликать Степанычемъ, а нето, я тебя отучу отъ такой фамильярности....

— Да что вы сегодня, болдно много выпили, что ли?

— Послушай, Галунчикожь! Повторяю тебѣ, говори со мной уважительно. Изволь меня называть полнымъ именемъ: вѣдь не я, а ты изъ подлаго народа, не честнымъ промысломъ до комиссарства допозлъ. Былъ ты при старомъ комиссарѣ мальчишкой, безъ обуви по улицамъ бѣгалъ, грамотѣ училъ тебя дьячокъ. Сдѣлалъ изъ тебя комиссаръ писаря, потомъ комиссара меньшей статьи, потомъ за большое воровство ты въ земскіе попалъ.

— Кто тебѣ, Степанычъ....

— Опять Степанычъ!....

— Кто вамъ, Иванъ Степанычъ, такого вздору нагородилъ?....

— Покойникъ!

Галунчиковъ въ ужасѣ соскочилъ со стула.

— Ты ужъ думалъ: умеръ, такъ и концы въ воду. А? А хочешь ли, вотъ только скажу семь завѣтныхъ словъ, покойникъ самъ сюда войдетъ и все расскажетъ.... Хочешь?

— Сгинь, пропади, нечистая сила. Съ нами Богъ, да расточатся....

— Хочешь?

— Не надо! Иванъ Степанычъ! Не надо! Вѣдь ты на меня напраслину взводишь; все это дѣло учинилъ старый земскій.

— А ты только хоронилъ несчастнаго? А? При томъ комиссарѣ — покойникъ жилъ-себѣ лѣтъ десять, а при тебѣ в году не прожилъ....

— Такъ Степану Федоровичу было угодно.... въ лихорадкѣ отвѣчалъ Галунчиковъ: и то сказать, умеръ себѣ во своей, а не по моей волѣ. Я его не душилъ....

— А домучилъ. Ну, да теперь все прошло, минуло, за-

былось; садись, Фомка, и рассказывай, гдѣ была эта усадьба?

— Теперь тамъ есть корчма или кружало, да пустой домъ объ одномъ жильѣ; когда бываетъ большой ловъ, такъ туда ѣздить, въ томъ домѣ живутъ. Лѣтомъ еще жить можно; а зимой снѣгъ въ комнаты пробирается; а другое строеніе щѣловоальники на топливо истратовали. Да послушайте, Иванъ Степанычъ: что вы надо мной слѣдствіе производите, допросъ слышите? Такъ покажите указъ.

— Хочешь слѣдствіи, изволь будетъ и слѣдствіе.

— Не надо, Иванъ Степанычъ, не надо.

— Ну, не надо, такъ рассказывай безъ допросу. Кто теперь въ томъ домѣ живетъ?

— Никто. Хотѣли чинить два или три года тому назадъ, да какая-то ворожея отсовѣтовала. Говоритъ, отъ того дома бѣда будетъ. Да и въ усадьбѣ-то надобности никакой нѣтъ, а поля-то, батюшка, поля, все пшеничнымъ; да лѣсъ десятинъ триста, дерево къ дереву на подборъ, вонъ гдѣ соблазнъ. Глупо сдѣлалъ Степанъ Федоровичъ: ему бы кунить; дешевле было обошлось.

— Ну, что объ этомъ говорить! Сталось, прошло, минуло, забылось.

— Отъ чего же вы объ этомъ домѣ изволите меня допрашивать?

— Я? И не думалъ. Такъ пришлось къ слову, а мнѣ что до вашихъ плутней. Мое дѣло сторона.... А воевода завтра съ воеводиной будетъ....

— Какъ же-съ! Меланья Ивановна безъ себя въ такой дальній путь Максима Иваныча не отпустить....

— Какъ же намъ принять ихъ? Ты, Фомка, къ этому дѣлу привыченъ. Рассказывай!

— Во-первыхъ, то есть сначала, завтракъ въ часовъ десять....

— Да развѣ такъ рано пожалуютъ? ..

— Для передовыхъ....

— А кто же эти передовые?

— По церемоніалу назначено ѣхать съ утра Лукичу и рентамейстеру при двухъ комиссарахъ; потомъ камериру и

старшему бурмистру тоже при двухъ комиссарахъ; а ужъ за ними при четырехъ комиссарахъ и мостовомъ надзирателѣ воеводскій поѣздъ.

— Комиссары—это твоя челядь, Ѳомка; ихъ можно въ банѣ угощать.

— О, помилуйте, Иванъ Степанычъ! Гдѣ угодно,—лишь бы угощать....

— Тѣхъ четырехъ, да воеводу съ восводихой въ хоромахъ разшѣстить; только надо опростать то отдѣленіе гдѣ Маланья Ивановна живетъ....

— А Маланья Ивановна куда же дѣнется?...

— Да нельзя же ей оставаться при восводихѣ. На глаза не должна показываться; женскій полъ весь изъ хоромъ прочь; во-первыхъ, потому что Ивану Степанычу надо за восводихой приударить.

— Такъ, такъ, Степанычъ: экая ушница!...

— Опять!

— Не буду, право не буду, ей Богу не буду; съ привычки обмолвился.

— А во-вторыхъ, ты знаешь Лукича? лакомка; мы его въ дураки и посадимъ. Духу женскаго не будетъ. Монастырь, да и полно....

— Иванъ Степанычъ! Благодаритель! Утрите ему носъ. Опъ у меня не одну отбилъ.

— Ну, такъ за дѣло, Ѳомка! Ступай на конюшню. Вели парой повозку заложить, что на помочахъ, да по пути кликни Сидора. Знаю, что ты проголодался. И мнѣ что-то ѣсть хочется.

Галунчиковъ побѣждалъ для исполненія данныхъ порученій. Вскорѣ явился и Сидоръ. Инструкція была довольно обширна. Сонный Сидоръ съ трудомъ могъ упомянуть ея подробности; однако же упомянулъ и все явилось, и въ комнатѣ Степаныча и въ повозкѣ, назначенной для особенной цѣли. Галунчиковъ пожиралъ съ жадностью холодныя блюда; Степанычъ отговаривался позднею порою, и тѣмъ, что ключи у Костылькова, и поилъ Ильича, вмѣсто меда, настойками и наливками. Сильныя ощущенія испытанныя въ этотъ день Галунчиковымъ, помогли хмѣлю; онъ не успѣлъ пресытиться, какъ уже вапцлся и опянятъ

совершенно. Степанычъ съ помощью Сидора бросилъ его на свою кровать, погасилъ свѣчу и вышелъ въ садъ. Къ удивленію, въ окнахъ Меланьи онъ увидѣлъ свѣтъ черезъ круглыя прорѣзы въ ставняхъ; бережно отодвинувъ ставню, онъ увидѣлъ, что Меланья стоитъ посерединѣ комнаты на колѣняхъ, присѣвъ на ноги; руки и голова ея были опущены; видно было, что она послѣ молитвы забылась, или упавъ въ забытіи передъ иконой, не могла уже и молиться. Легонько постучалъ онъ въ окно. Меланья вздрогнула и даже вскрикнула.—Это я, Степанычъ: не бойся, Малаша.

Малаша съ приятною радостью отворила окно:—Что ты хочешь сказать? спросила она съ любопытствомъ.

—Добрыя вѣсти, добрыя вѣсти, Малаша! Я теперь во всемъ домѣ хозяйнѣ. Костыльковъ мнѣ передалъ начало. Завтра будутъ такіе гости, что тебѣ не пристойно оставаться въ Костыльковкѣ; да для нихъ же надо припасти и мѣсто для ночлегу. Такъ я тебя отвезу на старую усадьбу, гдѣ ты и проживешь на покой, долго, можетъ-быть до сватъбы. Будешь сама себѣ хозяйкой; а Костылькову столько будетъ дѣла, что онъ про тебя и не вспомнитъ.

—Степанычъ! Степанычъ! Богъ тебя послалъ мнѣ, горемычной.

—Вотъ ужъ въ этомъ ты не ошиблась, другъ мой! Одѣнься-ка по-теплѣе. Завяжи въ узелъ нѣсколько подушекъ, и изъ платья, что по-нужнѣе и подай ихъ сюда. Я уложу въ повозку. Съ тобой поѣдетъ старуха Никитична для послугъ и разговору. Въ повозкѣ есть и сѣстное, на первый случай, и свѣчи, и медъ, и пиво; долго ждать меня не будешь; да и не даль же какая ни есть: верстъ шести не будетъ. Ну, душа моя, въ походъ!

Все было исполнено по приказу Степаныча и повозка съ дорогой клажей отправилась въ путь. Степанычъ напутствовалъ ихъ крестнымъ знаменіемъ и отеръ слезу тайную, потому что въ темнотѣ ночи никто не могъ ее и видѣть. Къ утру весь женскій полъ со всѣхъ отдѣленій кухонныхъ, кучерскихъ и другихъ былъ собранъ и высланъ въ Будичовку, къ примѣтному удовольствію мужей,

отцовъ и братьевъ, которые, узнавъ о прїѣздѣ городскихъ гостей, понимали и похваляли предусмотрительную распорядительность Степаныча. На дворѣ еще отъ стараго порядку, заведеннаго Марьей Савишной Костыльковой, подъ навѣсомъ болтался колоколь. При покойницѣ, онъ сзывалъ челядь къ урочнымъ работамъ и трапезѣ. При Иванѣ Степанычѣ обычай этотъ былъ преданъ забвенію, потому что часто не въ-попадъ нарушалъ спокойствіе хозяина. Но въ это утро, едва солнце поднялось на высоту семи часовъ, Степанычъ собственноручно и бойко сталъ звонить. Челядь сбѣжалась и окружила его; но онъ всё продолжалъ бить въ колоколь, пока на крыльцѣ не показалась фигура Костылькова въ шелковомъ халатѣ. Тогда Степанычъ сказалъ дворнѣ: — Ждать меня здѣсь! и самъ бросился съ рапортомъ къ хозяину.

— Что это значитъ? кричалъ тотъ съ крыльца.

— А вотъ что! отвѣчалъ Степанычъ спокойно. Пожалуйте сюда. Гости чуть-чуть не на дворѣ. Я знаю вашу привычку; коли полюбится, вы иной разъ пробавляетесь до обѣда и наслаждаетесь медовымъ сномъ; а эти грабители въ десять часовъ ужъ будутъ ходить по всѣмъ вашимъ хоромамъ, кричать: «Иванъ Степанычъ, Иванъ Степанычъ, пора завтракать»: Такъ лучше нашъ сонъ отложить до завтра, а теперь изготovitъся къ предстоящей бѣдѣ. Слушайте, Иванъ Степанычъ, вотъ какъ я распорядился и вотъ почему.

Степанычъ прежде излагалъ поводы каждой мѣры, а потомъ уже доносилъ объ ея исполненіи и врывалъ Костылькова въ совершенный восторгъ.

— Другъ ты мой, заступникъ, спаситель!.. и то и другое.

— Все это вздоръ, отвѣчалъ Степанычъ покойно: это службишка дрянная. Я хотѣлъ только знать, одобряете ли вы мои дѣла или нѣтъ. А если одобряете, такъ ступайте себѣ спать. Можете еще часъ другой понѣжиться, а въ девять колоколь будетъ звать всѣхъ на службу: тогда уже и начальникъ явится на мѣсто!

— Явлюсь, тѣзка! явлюсь! Послалъ же мнѣ Богъ этого друга! Прощай!

Два часа въ хлопотахъ и приготовленіяхъ промелькнули

что двѣ минуты и колоколъ загремѣлъ. На этотъ разъ и Пахомычъ проснулся.

— Орефьевна! закричалъ онъ въ просонкахъ: подай сапоги, не замѣчая того, что онъ во всей одеждѣ позволялъ преспокойно лежать на прилавкѣ въ сборной избѣ. Замѣтя ошибку, онъ выбѣжалъ на дворъ и столкнулся съ Галунчиковымъ, который въ безпорядочномъ видѣ также бѣжалъ по двору и кричалъ: — Опоздалъ! Плетей! Уже къ обѣднѣ звонять.... И запнулся, примѣтивъ какой пономарь и на какой колоколнѣ звонить что есть силы.

— Довольно, довольно, Степанычъ, закричалъ Костыльковъ садясь на крыльцѣ, какъ проконсулъ на провинціалномъ судилищѣ. Главные чины: Степанычъ, Галунчиковъ и Пахомычъ подошли къ нему; всѣ распорядженія Степаныча еще разъ удостоились самой лестной похвалы и одобренія, но удостовѣреніе чего Костыльковъ подалъ ему свертокъ съ рублими. Степанычъ призадумался, но только на одно мгновеніе, взялъ деньги, спряталъ въ карманъ, и сказалъ хладнокровно:—Пригодятся на расходы, теперь же ихъ будетъ не мало. Ну, Иванъ Степанычъ, одѣвайтесь теперь по-наряднѣе; да еще мнѣ надо вамъ словечко сказать. Пойдемте... Оумка, и ты, Пахомычъ, подождите насъ здѣсь!

Ушли.

— Это онъ васъ, Оума Ильичъ, такъ величаетъ? спросилъ Пахомычъ, лукаво.

— Шалунъ! Я люблю его, что онъ всякому въ начальство лѣзетъ. Право, люблю. Шутить, такъ шутить. Удамой молодецъ.

— Плохія шутки, Оума Ильичъ! Эта птица высокогаго полету; ужъ если не соколъ, такъ самый дюжій коршунъ. Вамъ-то ничего; вы себѣ комиссаръ, а я его, какъ огня, боюсь. То есть, если бы я вамъ сказалъ, что онъ сдѣлалъ, такъ вы бы присѣли.

— А что такое?

— Не велѣтъ говорить!

— А ты знаешь, и не доносишь?...

— Да въ этомъ никакой вины нѣтъ. Это ваче заслуга остраго ума чудодѣйствіе, притча въ лицахъ....

— Послушай, Пахомычъ, да вѣдь если ты не разсуджешь, такъ я тебя въ городъ приму въ руки....

— По-миѣ пожалуй! Не моя секретность, а его, такъ я у него спросится долженъ....

— Не надо, Пахомычъ, не надо! Не просятъ. Само окажется.

— Конечно. Шла въ мѣшкѣ не утаишь. Идутъ!

— Да что вы о такихъ пустякахъ заботитесь, сказали Степанычъ выходя на крыльцо съ Костыльковымъ: Я все предвидѣлъ. Таратайку!

Таратайка подѣхала.

— Ну, Оомка, и ты, Пахомычъ, сюда! Пойдемъ!

— Куда прикажете? спросилъ Галунчиковъ, слѣдуя за Степанычемъ въ хоромы.

— Много знать будешь, скоро состарѣешься. Вотъ посидите здѣсь на замкѣ, пока вернусь, да толкуйте съ Пахомычемъ о суетѣ міра. Только если ты, прибавилъ онъ шопотомъ на-ухо Пахомычу: про вчерашнее хоть слово болтаешь, будешь битъ по пятамъ нещадно.

Замѣкъ щелкнулъ, Степанычъ ушелъ, таратайка ушла и Степанычъ выпустилъ затворниковъ.

— Ну, Галунчиковъ, теперь ты воленъ! Поѣзжай на встрѣчу воеводѣ, жди его у бѣлой харчевни или у монастыря.

— А Лукичъ будетъ безъ меня завтракать?

— Завтраку не будетъ!

— Какъ, не будетъ?

— Я отдумалъ. Непристойно подчиненнымъ быть больше начальника. Ты миѣ скажи, что коли котятъ, милости просимъ, а ихъ вслю кучерамъ на качеляхъ помянуть, или на лодкѣ повозить, а съѣстнаго или питойнаго, кромѣ воды ничего не дамъ.

— Да ты погубишь Ивана Степаныча: знаешь ли, если Лукичъ осерчаетъ, такъ и воевода не поможетъ. Нѣтъ усердія говорю.

— Говори себѣ, пожалуй, да только миѣ слушать некогда. Дебайкай лучше на встрѣчу, а то даромъ дожидаться....

Ну, какъ себѣ тамъ хочешь, прощай. Эй, Сидоръ! Пойдемъ для воеводы жильѣ сочинять. Пока Иванъ Степанычъ воротится, все должно быть готово. Пахомычъ, ты безотлучно изволь быть при мнѣ; рукъ мало, а дѣла пропастъ. Возьми-ка, Пахомычъ, этотъ столъ, да тащи за Сидоромъ на воеводскую половину.

— Да развѣ я....

— Чтò, развѣ ты не холопъ? Дрова у сосѣдей собственноручно воруюшь, да къ себѣ таскаешь: самъ видѣлъ; а тутъ, видишь кака я бѣморучка! Гей, живѣй за работу....

— Да помиуйте, Иванъ Степанычъ, сказалъ Галуничковъ: право я съ такою инструкціей не посмѣю высокородной чиновности и носу показать; да и поздно; чай они теперь уже Старый Яръ миновали; подъ самой Костыльковкой....

— Тѣмъ лучше!

— Какъ, тѣмъ лучше?

— А тѣмъ лучше, что у меня рукъ мало; прѣдутъ; помогутъ воеводскую половину убирать, а ты, Фомка, можешь сейчасъ приниматься. Вотъ кресло, тащи; для отдыха его высокородію.... Ну, ну, не отпѣкивайся. Не для меня, для своего же начальства. Черезъ этотъ переулокъ кресло не пройдетъ, тащи его черезъ дворъ, а я тебѣ двери отпирать буду.

Галуничковъ повиновался. Кректя вытащилъ оное тяжелое кресло; кое-какъ сползъ съ крыльца, но едва пошелъ дворомъ, какъ въ ворота въѣхала щегольская таратайка парой; Лукичъ собственноручно руководилъ краснѣхъ рысаковъ, а товарищъ его, рентмейстеръ Бузе, спокойно мурлыгалъ табакъ изъ коротенькаго чубука и съ веселою миною глядѣлъ въ оба на красивое устройство усадьбы. Какъ увидѣлъ ихъ Галуничковъ, уронилъ кресло, повернулся и по невольному какому-то чувству собственнаго достоинства усѣлся въ тѣ же кресла и протянулъ ноги.

— Это чтò? спросилъ Лукичъ съ хохотомъ. Кто это тебя рухлядь всякую таскать заставлялъ?

— А вотъ мы сѣвшими убирать воеводскую половину;

не можете ли и вы, Степаныч Лукичъ? проговорилъ съ обыкновеннымъ хладнокровіемъ Степанычъ.

Лукичъ, чуть не померъ со смѣху: — Экой шутникъ! Нашелъ себя тяглыхъ, ха-ха-ха! Какъ думаешь, Нѣмецъ, гдѣ шутка знатная?...

— Я думаю.... сталъ говорить рентмейстеръ Бузе: Я думаю.... я полагаю... что это большой шутка...

— Ну ужъ, господа, извините, а мнѣ право не до шутокъ; вотъ на-те, Степанычъ Лукичъ, возьмите этотъ ящичекъ для Меланьи Ивановны: нельзя же безъ этого ящика....

— Что тутъ?

— Посуда! Да полноте, пожалуйста, несите, говорятъ какъ, вотъ, за Сидоромъ.... Фомна, что же ты сидишь? Придѣте восвода, ты же будешь виновата... А вы, Карлъ Карлычъ, вотъ извольте зеркало: можете глядѣться до-рогой.

И на рукахъ у Бузе очутилось зеркало, довольно большое и тяжелое....

— Что ты, съ ума сошелъ! кричалъ Лукичъ: да я хочу завтракать, а не мерскую рухлядь таскать...

— Завтракать! Надо прежде заработать! Не для меня, для своего же начальства трудитесь; изъ уваженія къ Меланьѣ Ивановнѣ, чтобъ не обидѣлась; ну, вотъ и я возьму корзинку съ ягодами. Въ походъ, ступай!

И Степанычъ толкнулъ Бузе, Бузе Лукича, Лукичъ Ильича и процессія двинулась. Иванъ Степанычъ въ это время вѣзжалъ на дворъ и не могъ понять, что бы означала эта церемонія. Таратайку приняли; Костыльковъ пошелъ къ трудящимся и спросилъ: — Что вы тутъ дѣлаете?

— Завтракаемъ! отвѣчалъ Степанычъ, толкая Бузе; Бузе Лукича, Лукичъ Ильича, который уже проходилъ въ веряхъ воеводской половины.

— Право, брошу!... кричалъ Лукичъ: руки отдавило.....

— Такъ заплатишь! замѣтилъ Степанычъ: заплатишь Меланья Ивановна по ея выскородія оцѣнкѣ...

И Бузе наконецъ пронелъ на воеводскую половину.

— Ну, теперь, сказалъ Степанычъ, входя за ними вмѣстѣ съ Костыльковымъ: какъ вы думаете, честные госпо-

Т. LXIV. — Отд. I.

да? Кажется, все на порядок.... Спасибо! Чемъ теперь васъ занять, побудя повара справиться?...

— Какъ? загремѣлъ Лукичъ, терпя всякое терпѣніе: такъ и завтракъ не готовъ? Галунчиковъ, а ты что тутъ дѣлалъ?...

— Я докладывалъ Ивану Степанычу, то есть, не Ивану Степанычу, потому что имя некогда было, а Степанычу Ивану, но Степанычъ Иванъ, то есть Иванъ Степанычъ, не Иванъ Степанычъ, а другой Иванъ Степанычъ....

— Что ты тутъ врешь?

— Убей меня Богъ, если вру.... И врать никогда не буду, и вамъ не совѣтую, Степанъ Лукичъ.... Съ душевнымъ высокопочтуніемъ имѣю честь быть вашимъ, Степанъ Лукичъ, и вашимъ, Иванъ Степанычъ, и вашимъ также, Степанычъ Иванъ — подлиннымъ работъ Ома Галунчиковъ.

И съ этими словами комиссаръ въ два прыжка выскочилъ изъ комнаты....

— Что съ нимъ? съ изумленіемъ спросилъ Лукичъ.

— Что есть съ нимъ случалось? хладнокровно провознесъ Бузе.

— Шутникъ! Точь-въ-точь вы, Степанъ Лукичъ, когда докладываете восводакъ комиссарскіе рапорты объ умершихъ. При такомъ случаѣ шутка важной помощникъ!

Лукичъ вытаращилъ глаза и смотрѣлъ на Степаныча такъ неподвижно, будто голову его изъ дерева выдолбили. Но Степанычъ, какъ-будто не обращая на него никакого вниманія, сказалъ Бузе:

— Карлъ Карлычъ! Вы опять свою длинную трубу предлагаєте. Такъ ужъ я долженъ вамъ сказать вперёдъ, что у насъ въ комнатахъ богопротивныхъ вельемъ курить нельзя. Меланья Ивановна и Максимъ Ивановичъ, какъ слышать смрадъ такой — я въ хоромы не войдутъ. Ужъ если хотите, такъ на заднемъ дворѣ.

— А гдѣ у васъ есть задній дворъ?....

— Пахомычъ, проводи! Чемъ-то васъ занять, Степанъ Лукичъ? право не придумаю. Нашъ монастырь теперь не то что бывало.... Вы, кажется, любите на сичелдѣ качаться?....

Лукичъ хотя и очень былъ пораженъ неумѣстнымъ замѣчаніемъ Степаныча, но пріятныя воспоминанія о качеляхъ изгладили минутное впечатлѣніе. Лукичъ улыбнулся.

— Конечно, сказалъ онъ лукаво: при воеводѣ оно было бы неумѣстно, а наче при воеводахъ. Такъ ужъ лучше теперь.....

— Такъ ступайте же въ садъ, а я пошлю кому васъ покачать.....

— То есть, просто, разумъ первой статьи у Степаныча. А я уже и дорогою думалъ: зачѣмъ ты, Лукичъ, и серѣжки и платочки захватилъ, чай къ качелямъ и подойти не удастся..... Такъ я иду, Степанычъ.....

— Ступайте, ступайте! Вы дорогу знаете. Ну, Иванъ Степанычъ! Растасовалъ я эту чиновность. Не знаю, какъ удастся съ остальными.

— Да что ты затѣваешь, Степанычъ?

— А то, чтобы васъ высвободить изъ-подъ этихъ Татаръ. Съѣдутся, каждый хозяйничаетъ. Пусть по нашей дудкѣ пляшутъ, коли вы деньги платимъ. Приѣдетъ воевода, вы, батюшка, Иванъ Степанычъ, возьмите его на сторону и скажите ему на-прямки: — Послушайте, Максимъ Ивановичъ, будемъ откровенны: что вамъ за охота, съ этими уродами дѣлаться? Стоять они мнѣ дорого, нажились отъ меня довольно. Возьмите вы меня подъ свое персональное начало. Вся провинція въ годъ обходится мнѣ въ тысячу рублей.....

— Какое, въ тысячу!....

— Знаю, да такъ говорить надо. Возьмите, Максимъ Ивановичъ, полторы тысячи, да ужъ одни, чтобы я этихъ грабителей не зналъ, я не видѣлъ.

— Да сможетъ ли онъ безъ нихъ?

— Э! не беспокойтесь, это не Семенъ Семенычъ; онъ просидитъ на воеводствѣ до втораго прішествія. Ни пикнуть!.... Пусть онъ ихъ удовольствуетъ съ другихъ ивнѣй, а съ васъ никто не могъ взять ни копейки. Указы пусть носятъ равсильный, а ихъ, чтобы и духу не было....

— Каждое твое слово, Степанычъ, рубля стоитъ. Но позволь мнѣ и тебя спросить; вотъ ужъ сколько живемъ ивнѣй, спросить не приходилось. Теперь, когда сердце

мое такъ и легло къ тебѣ, право, не въ-терпѣжь знать: кто ты?....

— Бѣдный дворянинъ.....

— Дворянинъ! Вотъ не даромъ же сердце чуло, что не взъ подлыхъ. Обними меня, Степанычъ, прости.....

— Да ты чѣмъ виноватъ? Въ бѣдности и горяхъ моихъ другіе виновны; ихъ нѣтъ уже на этомъ свѣтѣ; яму от-вѣтчиковъ.....

— Да какъ же ты ихъ найдешь, когда перемерли?

— О! Я такой истецъ, что и мертвецамъ не дамъ покою. Но что объ этомъ толковать! У доли своя воля и своя дорога. Ни сманишь, ни своротнишь. Вотъ ужъ солнце прямо въ темя бьетъ, сейчасъ пожалуютъ: будьте наготовѣ..... Ахъ, Боже мой, и забылъ про Лукича..... Евдокимъ!... крикнулъ Степанычъ выходя съ Костыльковымъ на крыльцо у воеводской половины. По знаку его двое молодыхъ конюховъ бросились въ садъ, вскочили на качели, на которыхъ Лукичъ дремалъ въ пріятномъ ожиданіи и въ два мига садъ огласился взвизгами Лукича. Онъ былъ большой охотникъ до качель, да при другихъ обстоятельствахъ и не любилъ забираться слишкомъ высоко. Крики его возбудили опасенія Галунчикова....

— Боже мой! Степанъ Лукичъ подъ небесами! Помогите!

— Не мѣшайся, Оомка, не въ свое дѣло!

— Да какъ же провинція будетъ безъ земскаго секретаря?

— Врешь, Оомка! земскій секретарь больно за дѣлами насидѣлся; пылью промяло; пусть провѣтрится.....

— Я только докладываю, и прошу, чтобы всякой отвѣтъ....

— Падеть на тебя, Галунчиковъ!

— За что?

— За то, что ты не удержалъ ихъ отъ раннего приѣзда, какъ я тебѣ наказывалъ.—Ну, Иванъ Степанычъ, по моему расчету, кажется, теперь воевода долженъ быть близко: не поѣхать ли намъ на встрѣчу? Таратайку! Галунчиковъ, садись за кучера.....

— Я? Земскій комиссаръ!...

— Да, земскій комиссаръ, только не забудь за какое дѣло.... Садись!

И къ особенному удивленію Костылькова Галунчиковъ повиновался. Не успѣли они выѣхать изъ усадьбы, какъ у рощи показалась воеводская колымага, влекомая четырьмя костыльковскими рысаками и сопровождаемая пятью всадниками; то были мостовой надзиратель и комиссары. Колымага остановилась при встрѣчѣ съ таратайкой. Занавѣска отдернулась.

— Здравія и благоденствія желаемъ вашимъ высокоблагородіямъ! какъ-будто условясь сказали оба Степаныча.

— Здравствуй, мой ненаглядный! заговорила Меланья Ивановна: Максимъ Ивановичъ всю дорогу спалъ, всё ему Костыльковка снилась; проспалъ бы до самыхъ воротъ, если бы по пути пресмѣшная окказія не приключилась.

— А что такое?

— Да, просто, умора. То есть, у меня отъ смѣху бока заболѣли. Такъ разсмѣшилъ, что даже Максимъ проснулся. Я вамъ говорю, что такого лицезрѣнія не скоро случится видѣть. Сначала, признаюсь, оторопѣла; слышу кто-то стонетъ; я со страху двумя пальцами за китайку; гляжу черезъ щелку, поглядѣла, да такъ и покатилась. Ну гдѣ таки этакой тушѣ на одноколкѣ ѣздить, самому править, подумайте, право! Поступилъ противу церемоніалу, не захотѣлъ съ бурмистромъ ѣхать. Въ одноколкѣ! Ахъ онъ, печка этакая! Говорить: самъ Великій Государь въ одноколкѣ ѣздить! Да то Государь! Ахъ ты, Господи! Какъ вспомню, смѣхъ до слезъ прошибаетъ. Провалился, батюшка, провалился!...

И воеводиха залилась звонкимъ хохотомъ.

— Кто провалился?

— Высадилъ и дно и сидѣнье!...

И еще смѣхъ.

— Матушка, Меланья Ивановна, утѣшьте: кто такой?

— Камериръ нашъ, Андрей Кононовичъ!...

И тутъ ужъ никто не выдержалъ; всѣ захохотали, даже Максимъ Ивановичъ осклабился.

— Да гдѣ же онъ?...

— Торчитъ, батюшка, на дорогѣ въ своей одноколкѣ.

було въ комнату: ни выйти, ни вышолзти. Максимъ мой было-разжалобился, хотѣлъ выгружать Андрея Кононовича. Хорошо, что я тутъ случилась. Чтѣ ты это, Максимъ, глупость такую затѣваешь? Безъ мала чаеъ провозимся; въ Костыльковку опоздаемъ; Иванъ Степанычъ обидется....

— Помилуйте!

— Да ужъ я знаю, что ты такой добрый, да мы должны твою доброту уважить. За Кононычемъ можно съ усадьбы послать. Ба! Кто это у васъ за ящичка?

— Да вотъ, шутникъ Ильичъ прїѣзду вашего ради развеселился, сказалъ Степанычъ, потренивъ по плечу блѣднаго Галунчикова.

— Видно, съ-позаранку хлѣбнулъ, замѣтилъ воевода.

— Нѣтъ, Максимъ Ивановичъ, съ вечера, перебилъ Степанычъ: — Теперь не прикажете ли путь-дорогу указывать?...

— Мы на всей хозяйской волѣ, отвѣчала Меланья Ивановна, и поѣздъ тронулся.

— Это чтѣ? спросилъ Максимъ Ивановичъ, проѣзжая между строей усадьбы. Кажется у скотнаго двора нашъ рентмейстеръ Бузе....

— Онъ, грѣховодникъ. Отъ него всегда коготью такою цахметъ. Вотъ ужъ можно сказать правду, что теперь онъ на своемъ мѣстѣ....

Дверцы отперъ Степанычъ и съ Иваномъ Степанычемъ чуть не на рукахъ вынесъ Меланью Ивановну, потомъ Максима Ивановича. Какъ-только воеводство было поставлено на крыльцо, крики изъ саду поразили слухъ ихъ: — Батюшка, воевода! Помилуй!

— Чтѣ это?

— Степанъ Лукичъ — страстный до качелей охотникъ, подхватилъ Степанычъ и махнулъ рукою конюхамъ.

— Слышалъ, слышалъ! съ улыбкой сказалъ воевода. Меланья Ивановна, кто это нашъ рассказываетъ?

— Подно, Максимъ Ивановичъ, какъ тебѣ не стыдно говорить объ этакихъ забавахъ? Самъ видишь, что конюха его тѣшиди....

Иванъ съ одной стороны, съ другой Бузе, съ третьемъ

Галунчиковъ, всѣ шли къ крыльцу съ довольными лицами. Степанычъ успѣлъ что-то шепнуть Сидору и толкнуть Костылькова. Иванъ Степанычъ подавъ руку Мелья Иванови, и всѣ отправились въ столовую, гдѣ огромный столъ трещалъ подъ разнаго роду и виду блюдами; фляги разныхъ сортовъ и въ чагетѣ своей и въ степидной натурѣ красовались не хуже серебра и золота. Ароматъ отъ аствъ шелъ такой, что Максиму Ивановичу чуть не сдѣлалось дурно. При этомъ очаровательномъ ароматѣ, которое для многихъ краше всѣхъ швейцарскихъ и немодитанскихъ видовъ, даже Лукичъ забылъ свое воздушное путешествіе, Бузе трубку, Галунчиковъ многія свои герести и части. Какое-то удивительное безмолвіе произошло между собесѣдниками; ноги у нихъ подкосились, молча всѣ опустились въ кресла и, не глядя другъ на друга, какъ-будто условясь, стали обѣдать.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЧЕЛЪ.

Откупали, но еще допивали. Степанычъ умѣлъ такъ ловко распорядиться, что Иванъ Степанычъ раздѣлилъ или отграничилъ собою Манюша Ивановича отъ Мелья Иванова; самъ же гофмейстеръ, не садясь, обходилъ столъ и подливалъ вина и меду безостановочно. Такъ какъ Мелья Иванова была за границей, то и не удивительно, что муженѣкъ натянулся добропорядочно и впротиву посланца, *in vino veritas*, дгаль и хваталъ на-пропалую. Вотъ что удивительно; Римляне были бойкіе пьяницы, а сочинили такой невѣрный афоризмъ. Есть люди самые правдивые, а подъ-гулькомъ врутъ и на себя и на другихъ; есть хитрецы, а послѣ доброй чаши проггю готовы проболтать государственныя тайны, если бы таковыя за ними случились; есть наконецъ и такіе, у которыхъ и на-топикъ и послѣ обѣда не добьется словечка правды. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и воевода Максимъ Ивановичъ. Онъ разсказывалъ между прочимъ, что былъ съ губернаторомъ въ Персін, что у нихъ обѣдалъ шахъ, что они пили русскаго хивьскаго квасу, такъ шахъ, откупивъ откупъ, сѣлъ на коня и рѣдъ Хрешна, просидѣлъ

подарить ему, что осталось въ кувшинѣ; что съ-тѣхъ-поръ при каждомъ посольствѣ въ Персію посылаютъ небольшой погребъ, съ крышей, землянымъ поломъ и пескомъ, совершенно готовый и наполненный кувшиннами съ хвѣльцинымъ квасомъ.

— Этотъ погребокъ, продолжалъ воевода, какъ привезутъ на мѣсто, тотчасъ пошлютъ за снѣгомъ, и зароятъ погребокъ въ снѣгъ аршина на два. И знаете ли, вотъ какъ я второй разъ ѣздилъ къ шаху, такъ тотъ квасъ лучше нашего....

Въ такихъ пріятныхъ разговорахъ, поливаемыхъ крѣпкими русскими и заморскими напитками, время себѣ плелось; вставать и не думали. Только одна Меланья Ивановна стала жаловаться на продолжительность трансъ.

— Пусть ихъ бражничаютъ, душа моя, Иванъ Степанычъ, сказала она умилно поглядывая на хозяина: а мнѣ бы хотѣлось отдохнуть, прилечь....

— Позвольте проводить....

— Да ужъ въ такомъ дворцѣ безъ проводника, того гляди, заплутасясь.

И Меланья Ивановна не безъ труда и не безъ помощи поднималась съ кресель и поддерживаемая Иваномъ Степанычемъ, какъ утка, съ боку на бокъ переваливалась, отчалила изъ столовой....

— Я для васъ, Меланья Ивановна, и особые покои сварила. Но вкусу ли только придутся?

— У тебя мнѣ все по вкусу... Экое удобство, подумалась! И зеркало, и постель какая, и цвѣты и плоды, и воздухъ какой.... Вѣкъ бы тутъ осталась....

— А кто же вамъ жѣнасть? Живите себѣ сколько душегѣ угодно....

— Охъ! Нельзя, Иванъ Степанычъ, нельзя! Сердце бы то.... да грѣшно оставлять сожителя; а онъ же безъ меня въ три дни полетитъ съ воеводства. Съ-обща, батюшка, съ-обща взяли мы это воеводство, по старой ко мнѣ губернаторской пріязни..... Такъ съ-обща шло ужъ и править. Тутъ я ему позволяю бражничать, всё свое; оцасу цѣтъ, а въ провинціи—опаси Господи! Сте глаза, сто надоброкошечъ — Сидишь же ты возлѣ меня, Иванъ Степанычъ, что

ты меня дичишься. Вѣдь я же не укушу тебя. Вотъ такъ, красавецъ ты мой, а право, красавецъ. Сколько тебѣ лѣтъ, душенька?...

Иванъ Степанычъ сидѣлъ какъ на иголкахъ, но очень хорошо понималъ, что решонка съ воеводихой гораздо опаснѣе, чѣмъ съ воеводой и придумывалъ, какъ бы благовиднѣе вынырнуть изъ предстоявшей бѣды. Будь на его мѣстѣ Степанычъ, дѣло бы уладилось, но Степанычъ былъ далою, на ратномъ погѣ съ противниками сильными и могучими. Степанычъ самъ изумлялся гигантскимъ силою неприятелей. Измученный безсонницей, раными мыслями, предположеніями и, наконецъ, благородными напѣтками, Степанычъ самъ чувствовалъ, какъ хмѣлѣлъ постоянно больше и больше. Присутствіе памяти его не оставляло; однако же онъ рѣшился воспользоваться ея померкающимъ свѣтомъ; онъ бережно вынулъ изъ кармана пукъ бумагъ и улучивъ мгновеніе, когда никто не смотрѣлъ на него, засунулъ ихъ за пазуху, плотно застегнулъ всѣ петлицы зипуна, и сколько могъ плотноѣ затянулъ поясъ. Тогда спокойно предался судьбѣ своей и заснулъ своимъ крѣпкимъ. Молодость! Ей довольно часу, чтобы собрать силы, разбросанныя втеченіи двухъ сутокъ. И точно, не прошло и часу, какъ Степанычъ встрепенулся будто птица съ утреннимъ появленіемъ зари. Ему стало такъ свѣжо; бодрость будто искра пробѣжала по всѣмъ жиламъ, жилкамъ и жилочкамъ. Онъ взглянулъ на собесѣдниковъ. Всѣ и все было въ прежнемъ порядкѣ: воевода только побагровѣлъ, а впрочемъ ничего, говорилъ безъ умолку; прочіе также озарились какъ-то вечернимъ образомъ, но также ничего, слушали безъ-устали; одинъ только Бузе почти дремалъ и держалъ въ зубахъ черенокъ ножа вмѣсто трубки. Даже Галунчиковъ, неступая за обѣдомъ съ нѣкоторою методою, хотя и спалъ, но то однимъ глазомъ, то другимъ, въ очередь. По комиссарской привычкѣ глаза у Галунчикова были какъ лапы у гуся: одинъ всегда былъ въ запасъ, другой на-сторожѣ. Но картина эта въ то же мгновеніе разрушилась, потому что вошелъ Иванъ Степанычъ въ странномъ расположеніи духа, съ примѣтной досадою, безъ всякаго чиноположенія бросился въ кресла

и шаркать по-покойски: — Меду! Вѣтъ раскупили: Буво, уренитъ мѣтъ, прокулаа, чтобъ поднять, потерялъ рѣвноуѣсіе и свалился, воевода хотѣлъ поднять еге или по-крайней-мѣрѣ освободить свои ноги изъ-подо гнета, и также не удержалъ балансу; усердіе къ воеводѣ ушлова на нилъ въ паденіи Лукича, Галуничкова и Пахомыча. Степанычъ сморге замурадом притворился сманинъ. Иванъ Степанычъ вскопчилъ съ мѣста, чтобы познать людей, но въ самыя дѣрзхъ столкнулся съ тучной фигурой Митюшкина, который, увидѣвъ надозломную картину, вздвигъ руки свои гаръ и восклицануль съ гарастію:

— О, бездна нечестія!

Есть такіе бараны тенора, которыхъ не забудетъ ни большая, ни самая тупая память. Голосъ Митюшкина былъ именно этого бараньяго свойства. Распростертая чиновность оживилась отъ этого восклицанія и хотя не безъ труда, поднялась однако же съ помощію хозяина и заняла законныя мѣста. Степанычъ, замѣтивъ гостя, положилъ руки и голову на столъ, такъ чтобы нельзя было распознать его. Митюшкинъ всё-еще стоялъ въ дѣрзхъ и не зналъ на что рѣшиться. Пахомычъ, какъ человекъ менѣе зависимый отъ Митюшкина, оправаясь, сказалъ съ обычнымъ лукавствомъ:

— Вотъ, Прохоръ Семенычъ: зрите убо, како потребляются дары Божіе. Отъ двухъ аршинной стерляди — остался кѣстистый хребетъ, и цаки реку: всё п вся въ сибѣтъ человекъ... А вы обѣдали, Прохоръ Семенычъ?...

— Нѣтъ! отвѣчалъ Митюшкинъ, запинаясь и облизываясь: то есть обѣдалъ, да очень давно, то есть цоутру, въ самыи полдень, и то не цотцо: зной большой былъ....

— Такъ не хотите ли провадяться? спросилъ хозяинъ. Холоднаго маршага, холоднаго вѣлочка, холоднаго меду. Все холодне, право, холодно.... Вотъ начемте отъ этого завѣтнаго меду. Сто вины маръ; всякая ваа изъ него вымерала... Просимъ огнушеть!...

— Митюшкинъ, прикуривъ протянулъ руку, но Степанычъ поднялъ голову и сказалъ какъ-будто къ проситъ ваа:

— А, Прокоръ Семеновъ! И вы здѣсь! Чѣмъ такъ поздно?

Рука Митюшкина опустилась; лицо приняло кисло-горькое выраженіе...

— За дѣломъ, батюшка Иванъ Степановичъ!

— За дѣломъ, ну, такъ не пейте, а если можно дѣло завтра отложить, такъ выкушайте на здоровье...

— Можно, можно, право, можно; орону еще довольно...

— Ну, такъ кушайте, и мы за ваше здоровье выпьемъ....

— За здоровье Прохора Семеновича, — закричали всѣ съ особеннымъ удовольствіемъ.

— Рады стараться, отвѣчалъ онъ кланяясь всѣмъ, въ томъ числѣ и Салору, который съ занасомъ едѣтъ дядю въ комнату.

— Только знаете, Прокоръ Семеновичъ: уголокъ лучше денегъ, сказала вначительнѣе Степановичъ; мы тутъ собрались не даятого, чтобы объ дѣлахъ говорить, а чтобы покутить, повеселиться, отъ дѣла отдохнуть. Такъ у насъ такой законъ сталъ: кто про дѣло заикнется, нѣтъ за круглаго стола вѣтъ, на помозку и во-свѣдѣн....

— Именно такъ! утвердилъ всеобщѣ.

— Придичию законъ! Пренудный! Столько умныхъ людей, глупости не выдумаютъ.

— Ну, такъ садитесь же на мое мѣсто, а я озабочусь о вашемъ угощеніи....

— Истинный другъ! сказала Митюшкинъ.

— Ужъ что правда, то правда! Истинный другъ, потерялъ Костылыковъ.

— Постоите, Прокоръ Семеновичъ! сказала Степановичъ, выходя въ орону: одному вѣтъ не такъ вкусно. Вотъ и те-перичка для всѣхъ и по всѣхъ....

Всѣ взглянули въ окно и не могли удержаться отъ смѣху. Нѣра дюжины воловъ на широкой телѣгѣ тащили мимо самыхъ оконъ огромную тушу каменира. Онъ сидѣлъ на многихъ перинахъ въдобавку ремезному трюма-тору; ноговицкии шель вѣвалъ пѣшкомъ; а за колесницей дѣла слугъ вели лошадей каменира съ несчастною однокол-кой.

— На волахъ!! Андрей Кононовичъ на волахъ! воскликнулъ воевода.

— Лошади, сказалъ Степанычъ, для повѣзда Андрея Кононовича оказались не годны. Такъ я и послалъ воловъ. Оно не такъ спѣшно, да надежно и для людей большаго объема покойно....

Въ дверяхъ показалась туча или камериръ, что въ существѣ было рѣшительно одно и то же.

— Съ прѣздомъ, Андрей Кононовичъ! Съ прѣздомъ!

— Если это не мерзавецъ Егорка подпилить и днитце и сѣдалнице, жалобно возгласилъ камериръ: такъ я позволю себѣ учинить торговую казнь. Будто я одинъ нѣсколько дорожень! Другіе же ѣздить въ одноколкахъ. Это онъ, этакой!.... Вотъ я вамъ завтра пришлю его на смотръ. Только на рожу взглянете, сейчасъ скажете: мошенникъ. Какъ объявлено было намъ вчера повѣсткой отъ вашего высокоблагородія, чтобъ быть къ обѣду въ Костыльковку для извѣстнаго высшему начальству интереса, я, какъ прочелъ повѣстку, и думаю-себѣ: А что если интересъ продолжится дольше суточного термину; а можетъ-быть и дольше. Имѣніе большое. До шести тысячъ разнаго наезнаго сбора. Могутъ случиться прошны. А Егорку я давно не сѣкъ. Онъ тутъ безъ меня неотмѣнно напроказничаетъ. Лучше я его высѣку въ запасъ, покойнѣе поѣду — высѣкъ, а тутъ въ веретѣ отъ бѣлой харчевни и притча. Вижу, что мало посѣкъ, да поздно.... Ну, ужъ вѣрочусь, такъ наверстаю: я не обѣдалъ одинъ день, не будетъ Егорка обѣдать мѣсяцъ....

— Да полно, Андрей Кононовичъ! перебилъ его Митюшкинъ: и не обѣдали, а такъ мало о жизни своей думаете! Я вотъ и обѣдалъ, да боюсь умереть съ-голоду. Топшота такая, право. Надо мнѣ по-чѣще выѣзжать. Можно будетъ обѣденное время въ день до трехъ разъ довести. Да садитесь же, Андрей Кононовичъ, что вы стоите?

— Слушаю съ подобающей аттенціей....

— Вы не слушайте, а кушайте!

— Слушаю — и кушаю, — сказалъ Андрей Кононовичъ, и, проглотивъ чарку водки, усѣлся насупротивъ Митюшкина. Усердіе ихъ возбуждало соревнованіе и въ прочія.

Сидоръ приказалъ подать ужинъ.—Иванъ Степаньичъ пошелъ звать Меланью Ивановну къ столу, но нечаянно почему взялъ съ собой и Степаньича.... Остановясь у дверей, оба въ одинъ голосъ произнесли:—Меланья Ивановна, изволите почивать?

— Нѣтъ, ужъ не изволю. Давно проснулась. Валюсь себѣ: такъ пріятно подумать иногда кое о чемъ. А что у васъ тамъ?

— Пожалуйте кушать!

— Сладостное житіе! Рай земной! Только и слышимъ про удовольствіе!....

— Бараній бокъ простынетъ, сказалъ Степаньичъ.

— Съ кашей?!

— Съ кашей!

— Иду, иду! Вотъ только обуюсь. Экое угощеніе! Краюшекъ солнца еще на лицо, а ужъ зовутъ къ ужину.... А что мой Максимъ?

— Слава Богу, не расшибся....

— А развѣ упалъ?....

— Нѣтъ, повадился.

— Зюзя этакъ! Точно чернало колодезное: знай наливать. И никого чужаго не было?....

— Только Митюшкинъ.

— Митюшкинъ! Какъ же ты не усмотрѣлъ, Иванъ Степаньичъ?...

— Да меня тамъ не было....

Воеводица приумолкла.

— Да не бойтесь, Меланья Ивановна, сказалъ Степаньичъ: мы ужъ приняли Митюшкина въ руки. Вотъ ужъ онъ упадетъ, а не свалится. Только вы ужъ, Меланья Ивановна, не отходите отъ Максима Иваныча, пока здѣсь Митюшкинъ....

Костыльковъ пожалъ руку Степаньичу, а тотъ продолжалъ:

— Насъ Максимъ Ивановичъ не слушается. Ну, и воевода....

— Я воевода! закричала Меланья Ивановна, выходя изъ опочивальни: Экой дуракъ, на часокъ отъ него отойти нельзя! Гдѣ онъ?....

— На мѣстѣ....

— На мѣстѣ! кричала воеводиха уже въ столовой: на мѣстѣ! Это вы съ полудня бражничаете?...

— Шерескватте, Меланья Ивановна, при Митюшкинѣ, сказалъ ей на-ухо Степанычъ: наблюдайте за нимъ въ тишомъ... ..

И Меланья Ивановна угомонилась; даже стала весьма ласкова, когда Митюшкинъ ей поклонился; вполнѣ разве-селась, увидавъ камерира и пиръ закипѣлъ; помялось вино зашорокко, шереметилась съ разноцвѣтными медами; ночной пиръ достигъ до полуночи. Истекло двѣнадцать обѣденныхъ часовъ; первый заснулъ хозяинъ, за нимъ всѣ гости; Меланью Ивановну провелъ до опечивальни Степанычъ и откланявшись у порогу, пошелъ кликнуть къ ея услугамъ Палажку, которая прѣйкала съ господани на заняткахъ больмаги.

— Ну, Сидоръ, сказалъ Степанычъ: погаси ты бережно свѣчи; запри столовую, ворота; вели спустить собакъ и ложись спать.

— А вы, Иванъ Степанычъ?

— Я? Мнѣ что-то не хочется; виднѣнь, подымается луна; сяду на Орлика, да погарчую въ чистомъ полѣ; заглану въ Будимовку: что тамъ дѣлается; накажу какъ гото-вить дичинки....

— Велите, Иванъ Степанычъ, дожники-то отложить.

— А что?

— Да я отъ ямщика воеводскаго слѣдалъ, что господа на недѣлю перекладывали....

Степанычъ покачалъ сомнительно головою и пошелъ на конюшни, приказавъ еще разъ Сидору гасить свѣчи, за-переть ворота и прочая.

Луна поднялась величественно. Читатели мои, вѣрно, въ болышомъ затрудненіи, не знавъ мѣстности моего романа. Позвольте, будетъ и опредѣлительная мѣстность; будетъ все; а пока любуйтесь этой остротельной картиной кра-сивыхъ холмовъ, увѣнчанныхъ золотыми пирамидами свѣжизнѣ сноповъ. Стоги сѣна недвижимыми слонами тор-чали на обширныхъ лугахъ; рѣчки, какъ серебряныя змѣи извивались въ разныхъ направленіяхъ; ища чистыя

ли воды, а по дороге парьдка только красовались рощицы; сквозь чащу ихъ краснѣлъ закатъ солнца; роса увлажала воздухъ обильно, и обѣдала прекрасный день. И вся эта непрерывная картина благословеннаго края была залита, затонлена серебромъ луны, величаво освирашей окрестность. Тишина ночи была прерываема только редкими стукомъ некончаныхъ копытъ Орника. И какой это стукъ! Самъ далеко одна его слышалъ. Но вотъ холмы постепенно уменьшались, покатылись внизъ по крутизнамъ одоности. Тесьма лѣсу постоянно болѣе и болѣе терла свою сплошную массу, и вершины деревъ выпѣзали изъ горизонтъ ласковые удары; дорога какъ стружка колесилъ въ лѣсъ; Орникъ по ней; шаги его на песчаной почвѣ стали не слышны. Вотъ и лѣсъ. Сквозь прѣсѣку, вращавшо прорубленную, можно было замѣтить, что этотъ лѣсъ въперечникъ имѣлъ не меньше версты. Орникъ бѣжалъ; бѣжалъ и приостановился; поднялъ уши, и опять напелъ въ нутъ покойно и ровно. Стенанычъ оглянулся; въ степоракѣ горѣлъ оставленный путниками огонь. Сердце у него бкнуло на странный ладъ и какос-то невольное круство заставило его послѣпить. Онъ только возмозуду лютной и Орникъ шалетѣтъ такомъ шибкой рысью, что лной собакѣ не удалось бы обогнать его на рысакѣ. Дарсны какъ небывало; лѣсъ будто убѣжалъ. Величественная широкая рѣка словно спала въ мягкомъ песчаномъ ложѣ; берега были не ровны; мѣстами скалы торчали черными волнинами надъ зеркальной красавицей; мѣстами одоности берега покрыты были бѣлою какъ стѣгъ нечеловѣчьею доловою, на которой не было видно и признаку приближид... Дорога разбѣгалась въ разныя стороны. Главная путь шалъ прямо къ рѣкѣ; протія дороги и дорожки шлсались къ главѣшнмъ возвышенностямъ берега. Стенанычу легко было выбрать себѣ дорогу, потому что круство съ нестопланнъ доромъ было на виду; на нимъ въ мѣстахъ трехъ, чобарехъ слать шибко было различить длинное, аралынное стрелнѣ, несорраженное и дряхлос, которое по вѣсту убѣду называлось Старою Усадьбою. У постоплага дора стоялъ збонъ; въ ошникъ блистали огни. Какъ конна подошелъ Орникъ къ широкому крыльцу постоплага дора, Слос

паньичъ вошелъ въ нѣбу, снялъ шапку, перекрестился на темную, едва замѣтную, мѣдную икону съ дверцами, и, поклонясь на три стороны, сказалъ своимъ звучнымъ, сильнымъ голосомъ:—Хлѣбъ да соль, ребята!

— Спасибо! произнесло нѣсколько хриплыхъ голосовъ: Милости просимъ.

Одного взгляду на сотрапезниковъ довольно было, чтобы убѣдиться, что это радуніе слишкомъ корыстно. Есть люди, у которыхъ на лицахъ написанъ ихъ промыселъ. Рыжія бороды, сѣрые, плутоватые глаза, усмѣшка адская, широкія плеча, сквернословіе: все это признаки необыкновенныя ремесла, которое въ эти времена было еще въ большой модѣ. Конечно, эти времена были на исходѣ. Строгія мѣры правительства, искусство и расторопность сыщиковъ крѣпко по-уменьшили зло, но наша провинція не могла еще похвалиться усмѣхами гражданственности въ этомъ отношеніи, и собственно по тому, что рѣка давала все способы быстрого укрывательства отъ преслѣдованій. По сю сторону былъ театръ дѣйствій разбойниковъ, по ту сторону ихъ притоны. Съ перваго взгляду, Степаньичъ угадалъ, что большая половина сотрапезниковъ были—гости съ той стороны. Душа его затрепетала при мысли въ какое сосѣдство отослалъ онъ Малану. Опасность была на лицо. Обстоятельства требовали рѣшительныхъ и скорыхъ мѣръ. «Хозяинъ!» крикнулъ онъ повелительно. Изъ-за общаго стола неохотно вьмолвъ малорослый, тощій старикъ; видъ его нѣсколько успокоилъ Степаньича: «Что? Не бывала еще команда?» продолжалъ Степаньичъ, и за столомъ примѣтно стало сильное движеніе.

— Незнаемо, кормилецъ, что ты банишь! Нашъ кутокъ (уголъ) на большомъ пути. Много ѣздитъ всякого... Про кого ты спрашиваешь?

— Про солдатовъ и драгуновъ царскихъ. Я изъ провинціи посланъ; сказано: стануть на ночь у Старой Усадьбы, али сядутъ въ засаду у пристани. Такъ, видно, тамъ. Гдѣ тутъ у васъ пристань?...

— Какая пристань? говорилъ старикъ; но уже ничто ему не слушалъ. «Гости съ той стороны!» за шепки, да

благими матомъ изъ общей избы; зашевелились подводы; закрипѣли колеса и потянулись къ рѣкѣ. Степанычъ внимательно слѣдовалъ за всѣми движеніями гостей и радовался счастливой выдумкѣ. Старикъ не обращалъ вниманія на бѣгство половины своихъ гостей... Пока они уходили, онъ бормоталъ:—Какая тутъ пристань? Пристани тутъ никакой нѣтъ. Пристань есть, да версть десятокъ отсель, по рѣкѣ. Тамъ есть и ярмонка, а у насъ пристани никакой нѣтъ. Былъ перевозъ. Плоть ходилъ. Да за Костылькова разорили; а пристани нѣтъ. Зачѣмъ тутъ пристань? Причаловъ много: гдѣ хочешь съ лодкой подойдешь; а перевозъ былъ. Плоть ходилъ; да теперь нѣту; и пристани нѣтъ. Зачѣмъ тутъ пристань? А можетъ учюгъ, гдѣ рыбаки; такъ то не пристань, то рыбный промыселъ. А пристани нѣтъ....

Онъ бы еще разсуждалъ о пристани, да отъѣздъ телѣгъ измѣнилъ и голосъ и видъ и рѣчь старца. Онъ повернулся къ иконѣ, положилъ земной поклонъ, и выпрямился.—Господи! помилуй ты меня грѣшнаго!

— А что? спросилъ Степанычъ.

— Ничего. Свое дѣло, баринъ. Нынче времячко плохое. Одинъ воръ отъ другаго бѣжить. Стало всѣмъ тѣсно. Не хочешь ли, баринъ, чего? Такъ приказывай. Пѣтухи поюгъ. Господа кушцы отъѣдаютъ, такъ и спать полагутъ, ая въ путь нейдутъ; а я дворъ на запоръ. Только повѣщу, да и залагу...

— Нѣтъ, хозяинъ! Мы-то ужъ до утра останемся, сказалъ одинъ изъ гостей: Смѣкаемъ, какіе гости у тебя были. Богъ помиловалъ. Коммиссаръ ихъ напугалъ, а то бы мы на ярмарку безъ товаровъ, пѣшкомъ пришли. Такъ потрудись, хозяинъ, введи телѣги на дворъ, да ворота на замокъ, чай не придутъ....

— Придутъ, не придутъ, сказала старуха, входя въ избу: а что были, такъ были. Ты, Ермоланчъ, нето, что я. Ты своихъ-то гостей не остерегъ; а я своихъ жильцовъ въ овражекъ свела; тамъ они просидѣли не мало; пока не уѣхали. Теперь спать улеглись. Молодая-то промерзла больно. Дай Богъ, чтобы смогла. Дай-ка, Ермоланчъ, крючокъ.

Я ей къ утру желудочной изготовляю; на-тощакъ дамъ; какъ рукой трясулку снять.

— На, Евдокимовна, чистой или съ подмывеной...

— Чистой, Ермоланчъ: я ужъ сама чего нужно подмываю. Вотъ тебѣ и деньги.

Пока Ермоланчъ отми́ривалъ водку, Степанычъ съ любопытствомъ разсматривалъ старуху. Морщины обратили лицо ея въ ветхій грибокъ; она стояла согнувшись и опираясь на суковатую палку, а въ другой рукѣ держала стеклянную кружку, какими нивали бархатное пиво за баремными столами. На головѣ у старухи былъ повязанъ красивый когда-то, теперь чернѣйшій платокъ; родъ волушубка неизвѣстнаго жѣху наброшенъ на плеча и прилегнуть подъ самой бородой; дальнѣйшаго костюма нельзя было видѣть. Несмотря на ветхость и бабы и ея одежды, все въ ней было какъ-то ладно; и старинное платье обратно и старое лицо весело и покойно.

— Спасибо, Ермоланчъ. Прощай!

— Прощай, Евдокимовна! Заходи почаще завтра, погляди ты сынишку...

— А что?

— Да вотъ съ часъ времени, не больше, заснулъ... Старуха моя совсѣмъ немалаясь: мальчикъ цѣлый день вопилъ...

— Пустое дѣло, Ермоланчъ! Право, пустое! Что заѣрма разной дрянью поить; отъ этого здоровья не прибудеть. А заснулъ, такъ значить и недугъ заснулъ; уйдетъ сонъ, уйдетъ и немочь. А зайти, зайду... Прощай!

— Спасибо, Евдокимовна, Богъ съ тобою. Я продоху тебя.

— И я, сказала Степанычъ.

Старуха взглянула на него сомнительно и спросила:

— А ты за чѣмъ?...

— Коммиссарское дѣло за всѣмъ приглядѣть.

— Клапался тебѣ твоей коммиссарской чести, да прощенья просить...

Степанычу далъ дорогу и онъ подошелъ къ своему Орляку...

— Что это у тебя за гости, Ермоланчъ? Гляди, не съ той ли стороны.

— Не бойся, Елмокимовна... Люди хорошіе. Вотъ въ это лѣто третій разъ проѣдомъ. Ничего за ними не выдалъ. Честные плательщики, покойные постояльцы.

— Тѣ-то же; гляди. Прощай!

И старуха поделалась къ старымъ хоромамъ, а Ермоланчъ принялся вводить на дворъ купеческія подводы.

— Что это за баба? спросилъ Степанычъ, отвязывая Орлика.

— Лекарка, баринъ-коммиссаръ, лекарка; и всякую немочь знаетъ, и подѣ-часъ такое скажетъ, что сбудется будто сонъ какой. Добрая такая.

— А откуда жъ она?

— А Богъ ее вѣдаетъ. Я ужъ тутъ ее на Старой Усадь-бѣ засталъ.

— Ты развѣ здѣсь недавно?

— Не то, чтобъ и давно, а годовъ десятокъ будетъ....

— И ты уже засталъ ее здѣсь?...

— Да какъ же не застать, когда она, почитай, тутъ родилась...

Степанычъ больше не разспрашивалъ. Слѣшно пошелъ обѣ за старухой; Орликъ тянулся за нимъ. Но какъ ни близко шелъ Степанычъ, не достигъ и пол-пути, старуха исчезла за хоромами. Привыкая къ дереву поодаль своего добраго спутника, Степанычъ обошелъ кругомъ хоромы; у трехъ крылецъ прилунивался; все тихо какъ въ могилѣ. Постучаться, можно перепугать Малашу; она же, какъ можно было угадать изъ разказовъ старухи, продрогла, скрывалась въ оврагѣ отъ разбойниковъ. Ей больше всего нуженъ былъ покой. Если бы можно было вызвать старуху или Никитичну, да какъ узнать гдѣ именно та, гдѣ другая? Дождаться утра, когда встанутъ? Но такъ можно обзавести въ Костыльковку, гдѣ присутствіе ея такъ необходимо. Уѣхать назадъ сейчасъ? Но кто поручится, что разбойники не разставили тайныхъ соглядатаевъ, что не вернутся ночью на постоялый дворъ за нупцами и товарами ихъ; что не захватятъ Малаши? Ко всему этому привыкшавалось и еще какое-то чудство, которое удерживало

его у старыхъ хоромъ. Ему казалось будто они ему давно знакомы; особенно видъ рѣки, скалъ и песковъ, сходствовалъ съ видомъ, который въ головѣ его нѣрѣдко сочиняло воображеніе или повторяла память. Съ тайной грустью, въ которой однако же переливалась сладкая капля, усѣлся Степанычъ, на кучѣ соломы, набросанной подъ деревомъ, вѣроятно, для дневныхъ отдыховъ старухи. Усѣлся и задумался, задумался, да не на долго. Изъ глубины лѣсу шелъ къ нему высокій, статный человѣкъ; Степанычъ глядѣлъ на него въ оба и не могъ понять откуда появился неожиданный гость въ такую пору, въ такой хорошей одждѣ, съ такимъ добрымъ и ласковымъ лицомъ. Онъ подошелъ прямо къ Степанычу, безъ чиновъ сѣлъ возлѣ него на соломѣ, взялъ его за руку и сказалъ знакомымъ голосомъ:

— Послушай! Ты хочешь все испортить! Дѣлай свое дѣло, какъ задумалъ, а ей зачѣмъ знать нашу тайну? По малой мѣрѣ не теперь, а когда выйдетъ замужь. Дай мнѣ слово, что не скажешь.

— Клянусь, что будетъ по-твѣдому, только скажи кто ты.

— Удивительно! И ты не узналъ меня? Не мудрено. Я больно перемѣнился. Морозъ землю, бѣда голову снѣгомъ покрываетъ. Ты зналъ меня въ самой порѣ, когда я товоромъ съ одного разу убилъ этого проклятаго медвѣдя.

Степанычъ вздрогнулъ. Собесѣдникъ продолжалъ...

— Звѣрь растянулся.... А эти мерзавцы хотѣли у меня отнять добычу.... Но ты меня не помнишь. Ты не можешь меня помнить, тѣмъ менѣе узнать.... Вотъ, погляди, еще не сошли съ моихъ рукъ знаки веревокъ; вотъ еще у меня въ карманѣ то зѣлье... Я не допилъ..

Съ крикомъ упалъ Степанычъ на соломѣ и чувства оставили его.

Проснулся. Солнце и Малаша глядѣли ему въ глаза. Евдокимовна и Никитична бесѣдовали въ сторонкѣ, а Малаша сидѣла возлѣ Степаныча на соломѣ и, казалось, только и ждала его пробужденія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ВЪ КОСТЫЛЬКОВКѢ.

Было еще больно рано, когда по красивому двору костыльковской усадьбы, конюхъ проваживалъ Орлика, облитого пѣной. На усадьбѣ еще всѣ спали, и свои и гости; Степаньчъ стоялъ посреди двора и, въ раздумьи, не зналъ на что рѣшиться. Будить ли, или дать имъ выспаться? Выспатся, еще пожалуй будутъ умны; но Митюшкинъ, если не выспится, будетъ глупъ. И такъ плохо, и такъ не хорошо. Вдругъ изъ-за рощи показалась толпа людей разношерстныхъ и разнородныхъ; тамъ были и драгуны и солдаты и мужварье, вооруженное дубинами и топорами; почти всѣ—пѣшіе, но были и всадники. Впереди вѣхалъ офицеръ въ зеленомъ мундирѣ съ желтыми выпушками и окладкой, и по наружности былъ предводителемъ арміи. Завидя Костыльковку—армія грянула пѣсню, и Степаньчъ по какому-то невольному чувству вышелъ на улицу имъ на встрѣчу.

— Ба! закричалъ офицеръ: Ванька Острякъ! Ты какъ сюда попалъ?

— Не нарокомъ, ваше благородіе! Богъ меня сюда направилъ.

— Радъ тебя видѣть, очень радъ, право; а что, братъ, Ваня, по старой привычкѣ, чай поднесешь чего выпить, чего перекусить? Ты, вѣрно, и здѣсь по съѣстной части, какъ въ губерніи.

— Куда, батюшка, ваше благородіе! Неволя пляшетъ, неволя скачетъ, неволя пѣсеньки поетъ. Укажутъ — половой, велятъ — конюхъ, пожалуютъ — дворянинъ; между людей все на бумагѣ: у нихъ не въ душѣ — родъ, не въ сердцѣ—званіе, все на бумагѣ; бумажка есть—и всѣ вѣрятъ...

— Э, да ты, Ваня, что-то по иному нынче шутишь. Я, братъ, загадокъ не жалую. Голову сломаешь, а не смѣкнешь.... Говори на-прямкѣ...

— Не надо, а будетъ надо, скажу. Куда путь держишь?

— Да ужъ извѣстно куда: наше житье теперь по лѣсамъ, да по оврагамъ; ищемъ....

— Жаль, что вчера ты не былъ на Старой Усадьбѣ.

— А что?

— Нашеть бы.

— Что ты говоришь?

— Были, да я разогналъ.

— Зачѣмъ же ты ихъ разогналъ? Вотъ я тебя прямо сейчасъ подъ арестъ взять; зачѣмъ ты не донесъ?

— За тѣмъ, что некому было. Да, видишь, теперь тебѣ и доношу; и еще тебѣ скажу, что тамъ у нихъ причалъ; въ кружалѣ—привалѣ; командѣ укрыться есть гдѣ: а тебѣ готовое жилье; половину хоромъ тебѣ отдамъ, коли хочешь.

— Ты?

— Я.

— Да ты что? Прикащикъ, что ли?

— Подымай выше.

— У барина въ чести и милости?

— Подымай выше.

— Да что же ты?

— Хозяинъ!

— Ты, Ваня, не забудь: мы съ тобой не въ харчевнѣ; я теперь не на гульбѣ какой, а на царской службѣ. Ты мнѣ воровъ подавай: гдѣ ихъ видѣлъ?

— Послушай, честной офицеръ! Слѣзь-ка съ коня; пойдемъ погуляемъ по саду. Я тебѣ кое-какія диковинки рая скажу; ахнешь; а ты роду хорошаго; души еще лучше; такъ тебѣ слова мои не противны будутъ; команда пока поотдохнетъ; на усадьбѣ люди медымутся, — напормятъ. Тогда ступай въ путь: недалеко; до ночи два часа успеешь надъ рѣкою....

Офицеру полюбилось предложеніе, онъ слѣзь съ лошади и ушелъ съ Степанычемъ въ садъ. Офицеръ былъ лѣтъ тридцати пяти, хорошо сложенъ, недуренъ лицомъ, только перохъ и щинце маленько его и привели и приковтили. Недолго тяпулась прогулка. Выхода изъ саду, офицеръ то и дѣло кричалъ:

— Вотъ гдѣ веры, вотъ кого ловить надо! Нѣтъ, Иванъ Степанычъ, я ужъ за тебя по-братски честую....

— Объ томъ только и прошу, Саманъ Романовичъ, чтобы ты въ это гдѣ-де въ мѣшкѣ бы все возвратило... да-да-да-да-

еще, такъ помоги мнѣ какъ я смѣзвлялъ; а нѣтъ, такъ лучше уберайся по-скорѣе со всею твоею командой.

— Изволь, изволь, быть по-твоему. Вспри команду, я становлюсь во фронтъ. Маршъ!

— Маршъ!

И Степанычъ ударилъ въ колоколъ; долго въ этотъ разъ пришлось ему звонить; дворня, и та съ трудомъ собралась на зовъ Степаныча; а чиновность и пушками разбудить было трудно. Примѣчая недѣйствительность мѣры, Степанычъ оказалъ:

— Семень Романычъ, есть у тебя барабанъ?

— Два!

— Прикажи вонъ подъ этими окнами приударить!

И барабаны загремѣли, и колоколъ звучнѣе загудѣлъ. Но изъ всей чиновности проснулся только одинъ Митюшкинъ и выскочилъ на крыльцо. По знаку Степаныча, барабаны смолкли. Онъ самъ подошелъ къ крыльцу.

— Что? неужто спать? спросилъ онъ; но Митюшкинъ вмѣсто отвѣту самъ спрашивалъ:

— Что? Турки? Татары? Шведы? А? Что?....

— Свои, свои, Прохоръ Семенычъ, не опасайся! Скажи лучше: нами спать?

— Не видалъ....

— Такъ поглядимъ!

Степанычъ возвратился изъ коромъ съ довольною милой, взялъ за руку Митюшкина, потомъ офицера и потащилъ обоихъ въ садъ, наказавъ людямъ идти по своимъ мѣстамъ; но господъ не будить. Хотя тайпа, казалось не могла выйти наружу, но Степанычъ не вспомнилъ о предателѣ или, лучше сказать, о предательницѣ. Уже звонокъ разогналъ сонъ Меланы Ивановны и навелъ на нее недоумѣнiе; но барабанный бой привелъ ее въ страхъ неоправданный. Ужасы войны въ страшной картинѣ представились ея воображенiю; а главное, что на этой войнѣ могъ случиться генералъ: безъ генераловъ же какая война, а генералъ старше губернатора; хотя можетъ быть и моложе губернатора. Притѣмъ же военная дисциплина не то что гражданская. Тамъ можно найти денежные или собственныя пути къ оправданiю, но тутъ вѣтки

гладки; тутъ улыка на лицо: воевода захваченъ въ-рас-
плохъ; а военные люди ктому нетерпѣливы; у нихъ какъ-
нарочно сбоку—шпага, а въ рукѣ трость; кого не нужно
рѣзать, такъ пожалуй тростью, а это посрамить воевод-
скій санъ, дойдетъ до губерніи....

И съ какою быстротою неслись эти мысли, съ такою же
скоростью обувалась и одѣвалась Меланья Ивановна. Вспо-
тѣла, запыхалась, однако же кое-какъ окончила туалетъ
и бросилась въ столовую, гдѣ уже, отложивъ всякую обы-
чайность всторону, тузила въ затылокъ, то мужа, то
Лукича, то Галунчикова, причемъ досталось заурядъ и
камериру и Бузе и Пахомычу и невзначай даже Костыль-
кову. — Мѣра Меланья Ивановны была дѣйствительнѣе и
колокола и барабановъ... Всѣ проснулись и съ ужасомъ
спрашивали другъ у друга что случилось....

— Слава тебѣ, Господи, кричала Меланья Ивановна: что
еще ничего не случилось; сейчасъ будетъ сюда генералъ.

— Какой генералъ?

— Какой бы ни былъ, а всё генералъ. Война въ Ко-
стольковкѣ. Набатъ, барабаны, а вы спите! Я, право, вы-
билась изъ силъ; за всѣмъ сама смотрю; того гляди при-
дется самой резолюціи писать. Поглядите, на кого вы по-
хожи; а ужъ ты, зюзя этаксѣй! Ступай за мною, я тебя при-
чешу; а эти какъ-себѣ хотятъ, а подъ судомъ будутъ!

Галунчиковъ, Степанъ Лукичъ, и даже камериръ по-
блѣднѣли. Одинъ Бузе при этихъ словахъ пріосамился и
сказалъ съ важностью:

— Какой судъ! Ни какой судъ не есть!....

— Военный, батюшки свѣты! воскликнула Меланья Ива-
новна, взглянувъ въ окошко.

— Подъ военный судъ! защищалъ Галунчиковъ; того и
гляди шипцрутеномъ....

— Или аркебузируютъ, дрожа произнесъ Лукичъ, блѣд-
ный какъ полотно....

Воевода, влекомый за руку могучей сувругой и не по-
нимая, что вокругъ него происходитъ, также терялъ бо-
дрость; Пахомычъ, не причастный грѣхамъ граждан-
скимъ, потому что грѣхи его принадлежали къ категоріи
ученыхъ, поглядѣлъ въ окно и присѣлъ на полъ....

— Что тамъ? спросили почти все.

— Пущай! съ трепетомъ произнесъ Пахомычъ: жерда ихъ направлены въ насъ. Сейчасъ папуть будутъ.

И всё, ни кто не исключая, последовали примѣру Пахомыча и присѣли. Это спасло Степаныча. Возвращался изъ сада съ товарищами, онъ приказалъ барабанить, а самъ врицался за колоколь. При первыхъ ударахъ въ барабанъ, многіе вскрикнули, полагая, что открыли канонаду; въ то же время двери отворились, и въ столовую вошелъ офицеръ съ Митюшкинымъ.

— Вотъ тебѣ разъ! громко сказалъ Пахомычъ: темеръ начинается арестованіе.

— Что это, честные господа! спросилъ офицеръ, осматривая коллекцію добровольныхъ карликовъ. Въ какую вы это игру играете?

— Въ грибки, ваше сіятельство, въ грибки! поднимаясь отвѣчалъ Пахомычъ....

— Не слыхалъ. Какая же это игра? Я не знаю.

— И мы не вѣдаемъ, сказалъ воевода, подымаясь. Хотѣлъ Пахомычъ научить....!

Мало-по-малу и всё выпрямились, только одинъ Галунчиковъ, стоялъ какъ коромысло надъ колодеземъ, сохраняя съ трудомъ равновѣсіе.

— А гдѣ ховяинъ? спросилъ офицеръ.

Всѣ чиновничьи руки, въ томъ числѣ и Меланья Ивановны, вытянулись и указали на Костылькова.

— Прощенья просимъ, что сонъ вашъ потревожили. Дѣло не наше: такъ указано; команда то и значить, что она подъ командой....

— Совершенно справедливо, ваше-сіятельство, сказалъ Лукичъ.

— Суная истина, — подхватилъ Галунчиковъ.

— Святая правда, произнесъ воевода, а камериръ утвердилъ положеніе значительнымъ:— Гмъ!

— Ну, темеръ не знаю, къ чему приступить пресжде, продолжалъ офицеръ: къ пищѣ или къ дѣлу. Правду сказать, ѣсть смертно хочется....

— Чего ты зѣваешь? сказала Меланья Ивановна Костылькову, который стоялъ неподвижно, будто на него

столбнякъ нашелъ. Между-тѣмъ Луицъ уже почистилъ кресла и подвинулъ ихъ къ оециру; другіе оециры оживились, кто увивался за тарелку, кто за нуотую бутылку.... Ноотымаковъ, побужденный возводилою, отправился за серебряными и нитейными припасами.

— Ну, господа! сказалъ оециръ, сѣвъ въ кресла: велика теперь нѣтъ; можно переболтать кое о чемъ. Глядите, чтобы за потворство богатѣицъ мальчишкамъ не отиѣтить Богу и Государю. Насъ-то, гольмишей, вы не жалѣете. А вотъ такіе развратники вамъ по сердцу и по рукѣ. Такъ вотъ смотрите же, чтобы воля начальства была безприсловно исполнена. Питербурхъ далеко; помѣть осподать; тогда оиъ самъ по-себѣ, а вы сами по-себѣ будете въ отиѣтъ. Ну, Прехоръ Семеновичъ, объявляйте приказаніе, мое дѣло — исполнительное....

Митюшкинъ ободрился, выступилъ впередъ и возгласилъ:—Губернское начальство.... (Митюшкинъ поперхнулся: желаетъ, нѣтъ не желаетъ, а указало.... (Митюшкинъ всиотѣлъ и сталъ утираться).... указало, всѣхъ нѣвѣчиковъ, сколько ихъ ни ѣсть выслать на смѣтъ, перваго сентября.... То есть, перваго сентября нѣвъ уѣзда.... а кого, тѣмъ приложена пенсимная табель....

— А кто ослушается, перебилъ оециръ: то нѣвътъ возвода обратиться къ военнымъ командамъ.... Поняли? Ну, теперь позвольте покушать.... Праве, ѣсть омерть-хочется. Прощайте! Стушайте, да шотолуйте, какъ бы получше исполнить порученіе. Остается только надѣла.

Въ столовой остались только Митюшкинъ да оециръ; прочіе выползли на крыльцо, оттуда чуть на бѣгомъ бросились въ садъ, и отырали сонѣтъ въ бесѣдѣ. Цакомытъ, пользуясь общемою смутою, отправился на задній дворъ. Ноотымаковъ, завидя бѣготу провинціальной чиновности, устранился за шю, но на порогѣ встрѣтилъ его умасный приѣмъ:

— Вѣги! кричала возводило: спрячься, гдѣ-нибудь въ лѣсу; только скажи мнѣ, гдѣ ты будешь; ужъ я объ тебѣ радѣть буду; теперь лѣто, отъ стужи не провалюсь. Не чинишь, дожили, да и уйдути, а какъ тебѣ Максимъ встрѣтитъ.

— Матушка....

— Молчи! Не умничать! Хоть весь урядъ, всю провинцію отдай въ солдаты, а Ивана Степановича не можт. Убью!

— Убьешь? Вѣрю, вѣрю! Сдерживай слово, да вѣдь кони самого подъ судъ....

— Да что! Иванъ Степановичъ, бѣднякъ какой, что ли? выручить....

— Нельзя, Меланья Ивановна, сазалъ съ важностью Лукинъ.

— Что нельзя?

— Ни какъ нельзя! Я про Ивана Степановича ничего не говорю; пока насъ слушался да уважалъ, десять смотрю прошло, ни на одинъ не потрявожили, а какъ сталъ земскихъ секретарей на начеляхъ качать....

— Да вѣдь не я....

— А земскихъ комиссаровъ всякою взорною бранью поносить, застацлять на батраковъ ружья таскать, на шприговъ править....

— Да равнѣ я?...

— Камерировъ на водахъ везить....

— Господи, Боже мой, да вѣдь не я, Степановичъ....

— Ну, такъ пусть Степановичъ и выручаетъ.

— И выручить... сазалъ Степановичъ, входя въ бесѣдку, къ общему неудовольствію, за исключеніемъ чсты воеводской.

— Другъ мой! сазалъ Костылыковъ, увидавъ Степановича: пришла бѣда не минуцал; прислали за мной команду; ходить на службу силой вель....

— Кто?

— А вель вель чертовъ сынъ Митюшкинъ, съ вѣтъ, кто его знаетъ....

— Ну, а ты что? Съ чиновной челядью возмѣлся, какъ будто она тебѣ вечеръ помочь можетъ! Пришла пора, она, видишь, и заважничала. Да ужъ такъ написано, что кто больно смѣется сегодня, тотъ больно будетъ плакать завтра; кто плачетъ сегодня, завтра утѣшится. Водоръ, Иванъ Степановичъ, пустяки! Плюнь! Дѣло алтына не стоитъ. Дай лопыкъ два, три: пусть вельно губернское начальство изъ провинцій уѣдетъ.

— Губернаторъ въ провинціи! воскликнула Меланья Ивановна.

— Пока жьтъ, а къ вечеру неотвѣнно будетъ, отвѣчала покаянно и утвердительно Степанычъ, и Меланья Ивановна, всплеснувъ радостно руками, заговорила:

— Это онъ меня, голубчикъ, навѣститъ хочетъ! Со-скучился, старичокъ мой почтеннѣйшій: ну, теперь не бойся, Иванъ Степанычъ! Теперь есть защитникъ и покровитель твоей молодости! Колымагу! Скорѣе колымагу! Бѣда, какъ никого въ провинціи не застанеть....

Удивительное дѣло! Никто и не спрашивалъ, откуда пришли вѣсть, кто писалъ, кто говорилъ; всѣ бѣгали, суетились, сбили съ ногъ конюховъ; нѣкоторыхъ кучеровъ едва отыскали, потому что никто не ожидалъ такого скорого отъѣзду. Прежде всѣхъ уѣхалъ Галунчиковъ, котораго предусмотрительная воеводиха выслала на границу для встрѣчи губернатора; камерира отправили на доброй костыльковской тройкѣ; Лукичъ уже сидѣлъ на своей таратайкѣ и въ нетерпѣннн ругалъ Бузе, который забѣжалъ на кухню, закурить на дорогу трубку; но вотъ, подобно пароходу, понеслась и таратайка. Подали и колымагу; на запяткахъ уже сидѣла Палашка, а въ колымагѣ воевода; одна Меланья Ивановна пребавлялась еще въ бесѣдкѣ.

— Не бойся, душа моя, говорила она Костылькову: дура я, что ли? Позволю у себя отнять такого парня! Не бойся; поставлю на своемъ. Скавала и сдѣлаю. Ты только умасли Митюшкина и этого военнаго. Степанычъ поможетъ. Я ужъ смѣкаю, что это послѣ тебя, первый человѣкъ.... А ты, душа моя, не бойся; у меня и на комиссарствѣ, дворяне по моей волѣ дома себѣ проживали, а ужъ на воеводствѣ.... Ну, да говорятъ тебѣ не бойся! Прощай!

Послѣ трогательнаго прощанія и воеводиха усѣлась въ колымагу; во все время прощалась взорами; оба Степаныча преподели колымагу до воротъ и оставшись одни, по-смотрѣли другъ на друга значительно.

— Ну, сказалъ Костыльковъ: слава Богу, уѣхали!

— Не радуйся! замѣтилъ сухо Степанычъ: главные — не уѣхали и отъ этихъ ни взятной, ни хмѣльи не осдѣ-зашься.

Костыльковъ поблѣдѣлъ.

— Жаль мнѣ тебя, Иванъ Степанычъ! Ты точно такъ какъ я, за другихъ терпишь, за другихъ расшлачиваешься.

— За кого, за другихъ?

— Когда-нибудь и это узнаешь! Семь дней сроку. Посмотрю, поворожу, авось придумаю....

— Другъ мой!

— Я другъ твой! Конечно, Иванъ Степанычъ, и отцы наши друзьями были!

— Отцы наши?...

— И это когда-нибудь узнаешь....

Лицо Степанычу измѣнилось; звѣрская улыбка пробѣжала по устамъ и провала, будто зарница, безъ грома. Костыльковъ, пораженный непонятнымъ для него чувствомъ, глядѣлъ на него бессмысленно, ожидая дальнѣйшаго объясненія; но тотъ не замѣчалъ Костылькова. Утопая въ соображеніяхъ, онъ безпрестанно мѣнялся въ лицѣ; наконецъ какъ-будто догадался что ему дѣлать; лицо просіяло; онъ вздохнулъ отрадно и сказалъ Костылькову:

— Иванъ Степанычъ! Разогналъ я всю провинцію, разгону и этихъ вѣроновъ. Ступай себѣ къ Грушѣ или къ Малашѣ. Ну, говори правду, Иванъ Степанычъ: къ кому больше сердце тянется: къ Грушѣ или къ Малашѣ?

— Къ Грушѣ, Степанычъ, къ Грушѣ! Надоѣла мнѣ эта вѣрона; точь-въ-точь Митюшкинъ она для меня; взгляну на нее, точно попрекъ слышу. Къ Грушѣ, къ Грушѣ!....

И радость и досада заиграли на устахъ Степаныча.

— Ну, такъ ступай же ты къ своей Грушѣ, а я примусь за гостей.

— Такъ я могу ѣхать въ Будимовку?...

— Долженъ!

— О, Степанычъ! Теперь я вижу, что отцы наши были друзьями.....

— Нето еще увидишь! Прощай!

Костыльковъ, какъ ребенокъ, радовался позволенію; чуть не самъ запрягалъ таратайку; то и дѣло оглядывался: не идутъ ли отмѣнить привезаніе и ужъ за плетнями усадьбы вздохнулъ свободно, когда лошади могли пуститься во всю рысь.... Степанычъ изъ окна наблюдалъ за Костыль-

ковымъ, и на всѣ вопросы офицера, который, окончивъ трапезу, оканчивалъ медъ и вино, не отвѣчалъ ни слова. Митюшкинъ не дѣлалъ никакихъ вопросовъ, потому что спѣшилъ въ провинцію, а передъ нимъ еще оставался каплунъ съ начинкою и какое-то диковинное блюдо, которое онъ изотвѣдалъ до послѣдней крошки, а всѣ не зналъ нѣтъ чего оно состряпано. Наконецъ и каплунъ исчезъ.

— Ну, теперь, пора и вамъ, Прохоръ Семенычъ! Вотъ сегодня вы показали, что трусомъ никогда не были! Молодецъ! Просто, молодецъ! Семенъ Романовичъ, вы такъ и въ губерніи рассказываете!

— А, что? Плохо не бойсь я ихъ прицугнулъ, а регистра-то нѣтъ! сказалъ съ довольнымъ видомъ Митюшкинъ.

— Въ томъ-то и молодечество, Прохоръ Семенычъ! То есть, какъ Семенъ Романовичъ въ губерніи рассказываетъ: вотъ, подумаютъ, молодецъ.

— Семенъ Романовичъ, только ужъ про регистръ ничего не упоминайте. Право, только для васъ такую ложь отпустилъ. Самъ по-себѣ ни за что бы...

— Да поѣжайте же, Прохоръ Семенычъ! Вы должны почти первый къ губернатору явиться...

— А вотъ сейчасъ, моя умница! Нѣтъ ли вина?

— Нѣтъ! Всеюда все выпилъ....

— Экая лакомка! такъ хотъ медку....

— Камериръ....

— Такъ и зналъ! Вѣчна промѣлтая! Право, я съ виной служить не могу. Какъ угодно начальству, или я, или онъ вонъ изъ провинціи.... Такъ ужъ наливочки....

— Лукичъ, Ильичъ!..

— Знаю. Знаю. Пявки! Нечестивцы! Имъ вина а меду не давай. Придется настоянъ покончить....

— Пахомычъ....

— Что? И настойку выпили! Пьяницы! Прохоры! А еще другихъ людей своимъ порбкомъ облыгаютъ.

— И облыгутъ передъ губернаторомъ, всан околдате. Право, поѣжайте! Вотъ сыно и лошади готовы!

И наблау на-великую удалоу Степановичу въпровелитъ Митюшкина, уедитъ на колозу и отпривитъ!..

— Ну, Семень Романьичъ! Не знаю какъ благодарить! Все идетъ по-моему. Не будь васъ, Митюшкина бы заго-
нали, зашутался бы, — мнѣ не ловко; подали бы ему круж-
ку съ пивнистымъ, даже хотъ съ пивнымъ и концы въ во-
ду.... Разогналъ я ихъ. Будутъ ждать дня три четыре; го-
убернаторъ не прѣдетъ; примутся за старое ремесло; то-
гда — я опять попрошу вашей помощи.

— Хорошо, Иванъ Степаньичъ, только ужъ во второй
разъ не ручаюсь; кого ни есть изъ этихъ злодѣевъ, а по-
колотить надо; вѣдь это все отъявленные; вѣдь они изъ
алтына продадутъ брата, сестру....

— Ахъ, Семень Романьичъ, гдѣ женщина замѣшается,
тамъ и честной не устоитъ....

— Вздоръ! Честный — вездѣ честный!

— Полно, такъ ли?

— За другихъ только дуракъ ручается; а умъ про себя
скажу: запри меня на замокъ съ первой расправщицей;
будто съ сестрой буду жить....

— Полно, такъ ли?

— Ей Богу!

— Вѣрю, вѣрю! Ну-те, Семень Романьичъ, пора и намѣ
въ походъ.

— А людей накормили?

— Накормили....

— Сколько слѣдуетъ?

— Да что вы это, неужто деньги станемъ брать?

— А неужто я себѣ ихъ въ карманъ положу. Денегъ
царскія....

— Ну, такъ вы и покажите такъ по книгамъ: а въ Ко-
стельковкѣ даромъ накормили, такъ и деньги на лица....

— И то правда! Ну, такъ въ походъ! А до рѣки далеже?

— Ходьбой часа два....

— Такъ не опоздаемъ! Въ походъ!

Вышши. Ударили въ барабаны. Команда собралась и
выступили въ походъ. Степаньичъ на Орликъ вѣхалъ въ
офицера; армія шла въ почтительномъ разстояніи отъ
шай окрестность пѣснями....

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

гости съ той стороны.

Степанычъ предупредилъ команду. На Старой Усадьбѣ никто не ожидалъ, что онъ прїѣдетъ опять такъ скоро. и потому настала радость великая. Больше другихъ обрадовалась Евдокимовна. До прїѣзду Степаныча, она частенько поглядывала то на отлогіе, пустынные, покрытые мелкимъ кустарникомъ берега рѣки по ту сторону, то на солнце, которое, перекачавъ черезъ полуденную черту, стало тускнеть. Кто вѣритъ колдуньямъ? Я, пожалуй, и вѣрилъ бы, да не смѣю: вѣкъ не велить; но въ тѣ времена вѣрили, и Евдокимовна была колдуньей. Свойство ли предвидѣнья было то или чары, неизвѣстно, только Евдокимовна встрѣтила Степаныча загадочною рѣчью:

— Солнце заходитъ! Ты за него! А гости будутъ....

— Угадала, Евдокимовна, будутъ гости знатные, добрые слуги царскіе. Рай мой, Малаша! Просторны твои хоромы, а начальнику надо пристаище дать....

— Э, батюшка! радостно перебила Евдокимовна: бывали и у насъ пиры, бывало веселіе; много мѣстилось гостей въ барскихъ хоромашъ. Тридцать покоевъ, батюшка; семь выходовъ; три крыльца крытыя; такъ есть гдѣ раскинуться. Помню я послѣдній пиръ передъ самой охотой; Степанъ Петровичъ почитай всю ночь съ гостями пѣсни пѣлъ, а на бабьей нашей половинѣ ничего и слышно не было. Такъ мы, женской полъ, на своемъ концѣ и остаемся; а царскимъ людямъ хоть всѣ хоромы отдай....

— Ладно! Ну, а ты, моя Малаша, не забудь, пойдешь за помѣщицу, слышишь....

— Я? Да какъ же я?....

— Да такъ же, за помѣщицу, да и кончено. Нельзя же тебѣ отъ него врататься....

— Батюшки-свѣты! Солдаты.... убьютъ, застрѣлятъ....

— Какой вздоръ! Идутъ они на твою защиту; благо, съ тобой и платье есть по-наряднѣе; поди-тка, душа моя; на бѣлыя плечики накинь душегрѣю, да выходи на встрѣчу честному командиру.... Полю, не чинись, Малаша. Помни, что я тебѣ зла не желаю. Все что ни говорю, что ни дѣлаю, толкъ есть. Ну, ступай!

— Да, какъ же я, право, вѣдь я по-помѣщичьему и говорить не умѣю; осмѣеть еще....

— Полно же, говорю тебѣ, вонъ и они....

— Ахъ ты, Господи, срамъ какой!

И Малаша убѣжала, но Степанычъ пошелъ за ней, умѣлъ уговорить, умаслить, и Малаша какъ на угольяхъ уже стояла на крыльцѣ и не смѣла взглянуть на гостей....

— Вотъ, Семенъ Романычъ, здѣшняя барыня!... сталъ говорить Степанычъ, не обращая вниманія на то, что Малаша то и дѣло дергала его за рукавъ: — Не полюби, гляди, бѣдной сироты! (Малаша закрылась обѣими руками, да и Романычъ какъ-то смѣшался.) Не бери въ полонъ вдовьяго сердца. Ты птица перелетная; улетишь къ другой веснѣ, а эта завянетъ. Позволяю вамъ всякую бесѣду, и трапезу, и рѣчь, только любиться нельзя!

— Видно, Иванъ Степанычъ, за самимъ грѣшникомъ....

— Водятся....

— Что это, право?... запицала Малаша сквозь слезы: — Не выдержу!

— Полно, полно, Меланья Ивановна! Мы съ тобой свои, что намъ чиниться; ну, хозяйюшка, проводи-ка гостя, покажи ему, гдѣ его покон....

— А я почему знаю! Я сама не во всѣхъ была.

— Не изволь трудиться, хозяйюшка. Мы народъ ратный. Надъ нами Божій шатеръ: помѣстимся; а покою твоего не потревожимъ. Видно, ты царскихъ слугъ не жалуешь?...

— Боюсь....

— Это отъ чего?....

— Да Иванъ Степанычъ частенько разсказывалъ, будто они такіе строгіе....

— Пугаль, я пугаль, перебилъ Степанычъ: дѣвушекъ, что ребятъ отъ грѣха страшать надо. Ну, такъ, Евдокимовна, ты отворяй, а мы всѣ за тобой командира провожать будемъ.

— Да что ты, Иванъ Степанычъ, обо мнѣ хлопчешь. Прилягу гдѣ-нибудь на призбѣ и ладно; нынче дѣло лѣтнее; не о томъ теперь забота: надо людей рассадить; погода что-то хмурится; быть бурѣ; надо ихъ укрыть отъ

нездольи, а злодѣи чаще всего подъ громъ небесный творять страшныя дѣла....

— И не старь; я видно присмотрѣлся, — сказала старуха: будетъ ночью буря; будутъ и гости; завоетъ на небѣ, загудитъ на рѣкѣ, вѣты чуть не хватаютъ до маковки чернаго бугра, а вѣтъ тутъ-то и раздолье. Пѣсни поютъ, безбожники, на ладьяхъ и по рѣкѣ и по затокамъ такъ и разгуливаютъ; утомятся: къ нашему кружалу пристанутъ, почитай до-гла все выпьютъ, денегъ не заплатятъ и опять подъ бурю. И хмель ихъ не беретъ!

— А гдѣ же у нихъ тутъ причалы?

— Всѣ знаю, батюшка, коли хочешь, укажу....

И Евдокимовна повела Романыча къ рѣкѣ; невольнѣ пошла за ними и Степанычъ, и Малаша, и Никитична, и команда. Всѣ распоряженія сдѣлали; сѣли въ засады; кашевары отправились въ лѣсъ кухню закладывать; обозъ и лошадей увели также въ лѣсъ, а главныя дѣйствующія лица уѣхали подѣ тѣнью десятка прекрасныхъ многолѣтнихъ липъ, осѣнявшихъ черныи бугоръ, или скалу, торчавшую надъ самой рѣкою. Видѣ былъ истинно восхитительнымъ. На западъ собирались тучи и уносили прелесть чуднаго вечера. Собесѣдники и собесѣдницы скоро освоились; искренность и непринужденность оживили рѣчь. Евдокимовна болтала больше всѣхъ, и больше всего о временахъ былыхъ Старой Усадьбы.

— Тутъ, вотъ гдѣ мы сидимъ, кончался плодовой садъ; я говорю, что групи съ Малашину голову были; вонъ, вдоль по тому берегу отъ того мѣста, гдѣ шестъ торчитъ, до большаго булыжника, была барская пристань и рыбный ловъ. Вотъ ужъ уѣхали подѣ часъ, а больше съ огнемъ: жаровни зажгутъ и по надѣ рѣкою поставятъ по всей пристани; а сами-то поставутъ съ острогами, да баграми. Потѣха!... А пуще всѣхъ на рыбной ловлѣ священникъ Никита умѣлъ заправлять....

Степанычъ вздрогнулъ.

— Видишь! Гдѣ-то онъ теперь? Любилъ онъ Степана Петровича какъ сына роднаго....

— А гдѣ же онъ живъ?

— А вотъ, если видишь, подѣ лѣтомъ торая: тамъ и

церковью стояла. Какъ стало на усадьбѣ пусто, гости съ той стороны пришли, пожаръ такой затѣли, все погорѣло; диво какъ уцѣлѣли хоромы. Въ тотъ пожаръ и пчелъ веѣхъ выкурило; и пчельникъ Антонъ гдѣ жилъ, и та изба погорѣла. Только хоромы, а то все, все на золу пошло; а кружало и дворъ, это уже за Костылькова, ради барышей построили. И люди куда дѣвались! Помню я этотъ день, какъ отецъ Никита завѣзжалъ, нивѣсть откуда. Пріѣхалъ. Гдѣ бумаги? Говорю: былъ тутъ Антонъ пчельникъ съ Лукой садовникомъ; что могли забрали, ограбили и ушли, окаянные! — Ну, это не худо.... сказалъ отецъ Никита. А гдѣ Антонъ? — А кто его знаетъ; были тутъ занимъ изъ Костыльковки сыщики, меня допрашивали, гдѣ Антонъ? Стащилъ онъ тамъ что-то и ушелъ.... Послѣ того много прошло годовъ. Ни про Антона, ни про Никиту ничего не слыхала.

— Антона уже нѣтъ на свѣтѣ! со вѣдохомъ сказалъ Степанычъ.

Евдокимовна вскочила....

— Тутъ ты знавалъ Антона?....

— Какъ не знать! Добрый былъ старикъ; покойному пошнѣяку былъ преданъ безъ лести. Умеръ Антонъ: старость одолѣла; а все покойнику своему барину до смерти служилъ.

— А гдѣ же онъ умеръ?

— Далече. Въ большомъ селѣ государевомъ, подь самое Московское огородничалъ; нажилъ себѣ достатокъ честный, да не вкусилъ плода трудовъ своихъ.... Померъ.

... — Давно ли?....

— Годъ съ хвостикомъ. На Макиавсевъ.

... — И ты зналъ его?....

... — Что это? обшивъ рукою глаза, спросилъ Степанычъ: стадо не стадо; люди не люди, тамъ между кустовъ пробираются.

... — Гости, радостно перебила Евдокимовна, удерживая Романыча, который уже хотѣлъ вскочить и пойти къ своей командѣ, расположенной въ засадахъ. — Нѣтъ, Семенъ Романычъ, не трогайся съ мѣста; прислонись луч-

ше къ липѣ: зорки эти коршуны; ползуть къ своимъ лодкамъ, чтобы ихъ съ нагорной стороны не подмѣтили. Какъ доползуть до камышей, тутъ ужъ ихъ и птица не засмотритъ, а они все видятъ; выглядягь все что на берегу дѣлается, да и ударятъ подь шумокъ. Буря на носу; гости на глазахъ, такъ ужъ пока не смеркнется мужскому полу и шевельнуться нельзя, сейчасъ подмѣтитъ; а Меланья съ Никитичной пускай падутъ въ хоромы....

— Ну, а ты, Евдокимовна?

— Мое дѣло ратное. Пойду къ кашеварамъ, да скажу, чтобы огни зашли; да прилегли. Потомъ буду тебѣ помогать; а какъ, увидишь....

И Евдокимовна увела Меланью съ Никитичной, а Романычъ съ Степанычемъ недвижно сидѣли у липы и продолжали тихо бесѣдовать.

— Иванъ Степанычъ! сказалъ офицеръ: правду сказать, поставилъ ты меня между двухъ огней. Съ той стороны — разбойники, съ этой — хозяйка....

— А что?....

— Больно хороша Малаша! Не будь она твоей любовишкой....

— Ошибаешься, Семень Романычъ! Не моя она любовь....

— Право?....

— Сиди смирно, Семень Романычъ! Гости уже въ камышахъ. Полюбилъ я Малашу не по-твоему. Какъ отдал мнѣ въ руки мои бумаги, когда сказали гдѣ и кого я долженъ искать, чтобы тѣ бумаги прочелъ и меня наставлялъ какъ и что дѣлать, пришелъ я въ Костыльковку, втерся въ милость къ хозяину, полюбилъ его любовью Меланью....

— Что ты говоришь, такъ она?....

— Была жертвой дурнаго воспитанія костыльковскихъ хоромъ; выросла съ дворовыми дѣвчонками между швей и чулоклетницъ; по-мѣому, на черной работѣ подвлялась до весны своей. Я захотѣлъ вырвать ее изъ рукъ Костылькова, жениться; а ты знаешь, для женитьбы нынче нужна грамота; я выучился читать и писать; прочелъ самъ мои бумаги—и потерялъ Малашу навѣки....

— Это почему?

— Она-сестра моя!....

— Чтò ты говоришь? ...

— Клянусь тебѣ всѣмъ, чтò ни есть святаго на этомъ свѣтѣ, что говорю правду. Я былъ половинойъ въ Москвѣ, она швеей; меня спасло горе, ее погубило. Но, Семень Романычъ, сорвалась у меня съ языка тайна великая. Не продай меня! Не должна она знать, кто она, пока не будетъ замужемъ. Такъ угодно батюшкѣ....

— Помилуй, Иванъ Степанычъ: да вѣдь отецъ твой умеръ.

— И какъ еще! Не приведи Господи! Будетъ время, все расскажу, а теперь позволю промолчать. Бумаги мои хороши только для меня. Но для сестры ихъ недостаточно. Костыльковъ, да еще съ помощью этихъ злодѣевъ, можетъ отстоять мою сестру, какъ свое добро—и въ-конецъ осрамить домъ нашъ. Я уже все передумалъ. Надо взять хитростью. Если мой замыселъ удастся, тогда будетъ легче пристроить Малашу. Приданое соберется не малое: Костыльковъ чтò-нибудь подарить; я ей дамъ два большіе огорода подъ Москвой; оброку съ нихъ за два ста. Принцу женишка изъ бѣдныхъ дворянъ; вымалчу ей волю; тогда сниму свою личину; тогда пусть умру, а кто на лицо, тотъ самъ отвѣтитъ, а кого нѣтъ, за того пусть расплатятся дѣти.... Семень Романычъ, тоска меня истомила; больно одному носить тайну. Сказалъ я тебѣ много. Молю тебя, не продай несчастнаго!

— Какъ тебѣ не стыдно, Иванъ Степанычъ! Вотъ моя рука, и смолчу, и гдѣ нужно постою за тебя.... Скажи, чтò я могу сдѣлать?....

— Много, много можешь, Семень Романычъ! Охрани мою сестру и отъ разбойниковъ и отъ вора Костылькова, если ему вснадетъ на умъ взять отсюда Малашу.

— Не увидитъ какъ ушей своихъ!....

— Не то, Семень Романычъ: пока силой ничего не сдѣлаешь; право и законники на его сторонѣ. Такъ хитростью...

— Чтò же надо дѣлать?....

— А вотъ чтò....

И примѣтивъ что къ нимъ идетъ Евдокимовна, Степанычъ шопотомъ досказалъ свое намѣреніе....

— Завтра же,—сказалъ громко Романъичъ: завтра же за работу!

— Не бѣда, что кричите, сказала подошедшая Едлокимова: а бѣда, что руками разводите.... Ну, да стало темнѣть отъ грозы; авось не подиѣтять.... И солнце на закатѣ; и, кажется, лодки уже спущены; за дѣломъ, насъ и не увидятъ. Я сказала тремъ людямъ, чтобы обезъ снарядили телѣгъ въ десять, да и подѣхали бы въ постоедѣлу, будто купцы; знаешь, для приману. Гости за видятъ, такъ не раздѣлятся, а цѣлой шайкой къ кружалу вуются. Та засада, что у старой пристани, пусть сейчасъ ухватится за лодки, чуть они на бугоръ войдутъ: а потомъ уже по сметку и всѣ засады, словно невадь, пусть кружиломъ идуть; надо ихъ до-гла паломить; нето, корни останутся. Вотъ теперь я и обойду всѣ засады, и отъ тебя наказъ разнесу, а ты посади маленько; видишь, всѣ камышей-носсы отъ лодокъ торчатъ. Оборони Богъ, чтобы не перецугаты! Ну, Богъ помощь, надо сѣвшать.

И Едлокимова перенинула на плечо поремьсло съ ведрами, пошла къ рѣкѣ. Не успѣла она перемолвить съ засадою у пристани, какъ сильныя перышы вѣтру, правѣстниці бури, взволновали покойное теченіе рѣки; раскаты грома становились громче и громче— и буря разразилась. Противной дождь закрылъ противоположный берегъ густымъ покрываломъ. Стенанычъ и Романычъ боомасно могли оставить черный бугоръ и бросились съ уведомленіемъ, къ разнымъ отдѣленіямъ команды. Стенанычъ заблагодарасудилъ занять для себя мѣсто по-ближе къ театру предстоявшаго дѣйствія и на обломкахъ старой пристани присѣлъ въ камышѣ. Буря свирѣпѣла; дождь прешель; но громъ гремѣлъ безъ умолку; валы съ сѣдыми гривами бросались на берегъ съ буйною радостью. Раздались гѣбни страшныя, вскрики безумнаго веселья, и, мѣшаясь съ шумомъ бури заводили невольный ужасъ. Молнія освѣщала путь гостей. Окрестность будто умерла, только при блескѣ молніи можно было замѣтить на черномъ бугрѣ тѣнь женщины, которая съ какимъ-то священнымъ величіемъ, воздѣвъ руки къ небу, не-видимому, творила таинствъ молитву.

— Ой! Прощай! Господь удачию! причалъ кто-то.

Голосъ шептъ цыганскаго Степаньичу слишкомъ знакомымъ; но хотя лодка, откуда крикъ раздался, была очень близко, въ тишинѣ однако же невозможно было различить лица. Лодка ударилась въ обломки пристани; багоръ утѣнился въ бревно; откуда выскоцило нѣсколько человѣкъ....

— Ну, вотъ и на мѣстѣ! спазалъ кто-то грубымъ голосомъ: выходи!

— А захватъ я выйду!—раздался опять тотъ же знаменитый голосъ. И свое дѣло вдѣлать. Навелъ вась на добычу.... Только ницте и обращете сокровища земныя, того для, что какъ увидишь ее, то колесницу пренесомглии великимъ серебромъ и клейнодами. Мнѣ объявилъ копейно о томъ конюхъ Ваняло; а онъ самъ влгалъ весь грузъ собственноручно.... Ну, прядите же въ путь, а я пробуду на стражѣ у ладн....

— Итти—пойдемъ! Да еще не всѣ! Чай мы нервые! Описки волной вѣнхител: солезныя знаком! Ему только бы съ вѣтромъ перевѣдываться, а корысть изъ рукъ и уидеть. Свяснуть развѣ, да старуха замуеъ. Чортъ ее знаетъ, сколько лѣтъ въ глаза ее не видалъ; а знаю, что тутъ. Вѣдьна проклетая, а вчера никто какъ она подослала этого мелодца, чтѣ распугалъ Опискинцовъ. Дурачьо! Надо было и его съ собой залучить. Ну, да сегодня не отдѣлается.

— Ну, а если она и ца-правду вѣдьна!

— Молчи, трусь! Ужъ если поймано, право, тебя на ней женю....

— Э. Кононъ, такъ ты такой! Називъ на темъ мы по рукавъ ударили?

— Да чтѣ мнѣ въ твоёмъ Мелнавъ; я тебя, пожалуй, на обѣихъ женю. Ну, вотъ и Опискицы, и Савичи... Видишь, какъ дружно.

Въ самомъ дѣдѣ, къ той же пристани въ разныхъ мѣстахъ причалило нѣсколько лодокъ; болыне сотни дюжины удаляющъ соспочили на плоть и съ необычайнымъ искусствомъ пробирались по мосткамъ на берегъ, какъ колы сѣдые въ нѣстахъ имъ совершенно извѣстныхъ. У лодокъ осталось нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и

знакомецъ Степаныча. Съ трудомъ могъ устоять въ заса-
дѣ Степанычъ и выскочилъ бы прежде времени, если бы
ратные люди, опытные въ дѣлѣ, не удержали его. Когда
вѣтеръ доносилъ уже несвязные звуки, обрывки восторжен-
нѣйшей шумной толпы, тогда только команда тихо поплыла
въ бродъ къ лодкамъ, минуя деревянный путь, который
легко могъ измѣнить ихъ надежды. Нѣкоторые нырну-
ли въ воду и пробрались на глубину, гдѣ нѣтъ воды была
но горле; другіе выждавъ и принявъ, что на водѣ уже по-
казались головы товарищей, проворно вскочили на плать
и бросились на сторожей....

— Молчать! Нето зарѣжу! закричалъ кто-то и съ лег-
кимъ вскрикомъ сторожа должны были сдаться предше-
ствуемъ могли опомниться. Въ ближайшую лодку вскочилъ
Степанычъ, и въ рукахъ его запылали кто-то....

— Молчи, Пахомычъ! У меня нѣтъ ножа, да я ведушу
тебя какъ курицу.... Что, узналъ ты меня?....

— Не узналъ, право не узналъ, убей меня Богъ, самъ
узналъ.....

— Такъ узнаешь! веревку!

— Смирно, нето зарѣжу! сказалъ кто-то: чего такъ
горланите! Кто связанъ, того мечи въ лодку; кто не свя-
занъ, того влжи, да не шумѣть, а кто никнетъ, въ рѣку.
Смирно!

И въ величайшей тишинѣ сторожа улеглись на лодкахъ;
половина команды заняла мѣста гребцовъ.

— Держись, на баграхъ! сказалъ начальникъ: а мы пой-
демъ своею дорогою.

Едва онъ успѣлъ это выговорить, какъ послыша-
лись крики и стукъ оружія. «Отчаливай!» закричалъ на-
чальный. И лодки унесло волной, а остальная половина
команды, снявъ тѣсные мостки, черезъ которые разбой-
ники должны были бѣжать къ лодкамъ, раздѣлилась на
двѣ части и засѣла по сторонамъ. На черномъ бугрѣ по-
казался огонь. Упавшій вѣтеръ былъ еще довольно си-
ленъ, чтобы поднять пламя; всталъ огонь большой и ости-
гилъ бѣгство разбойниковъ къ лодкамъ, команда полукру-
гомъ сходилась, и болѣе и болѣе стѣсняла шайку.

— Нѣтъ лодокъ! заревѣлъ Колоколъ и въ отчаяннѣй-

ружьяхъ заблестала оштра. Но при свѣтѣ огня, который больше и больше кормил Евдокимовна и Никитична сухой соломой, все лица были очень хорошо видны; раздался выстрѣлъ изъ артебуза и Коновъ опрокинулся.

— Сдавайся! раздалось со всѣхъ сторонъ, и только двое не были схвачены; лихіе пловцы, они улучили мгновенье, бросились въ рѣку; но съ лодокъ притѣнили ихъ бѣгство и они ушли отъ казни подводною смертью. Лодки не безъ труда, на призывъ начальнаго воротились въ пристани.

— Забирай воровъ, ступай къ допросу, лодки приважи. Проворнѣе! Поворачивайся! кричалъ начальныи.

— Нѣтъ, Пахомычъ, ты мой, я тебя не отдамъ!

— Не выдавай, Иванъ Степанычъ: вѣчно за тебя Бога буду молить, не выдавай; и съ ногами, и съ руками твои. Чортъ попуталъ; очи ясныя Меланьи Ивановны дурь навели; не буду, не буду....

— Это я и безъ тебя знаю! говорилъ Степанычъ, таща Пахомыча съ лодки за ноги.

— Ой, задохнусь! Невидауй!

Степанычъ распуталъ ему ноги, и потащелъ за шиворотъ къ хоромамъ.

— Не туда, не туда! закричали солдаты: въ кружало! Тамъ судъ....

Едва Степанычъ съ Пахомычемъ переступили порогъ большой избы, какъ все разбойники указали на Вороненку и въ одинъ голосъ закричали:—Вотъ онъ!

— Не я. Убей меня Богъ, не я!

— Мы увидимъ, кто. Подайте его сюда....

— Не подавайте, братцы! Не подавайте! Онъ меня убьетъ, съестъ, замучитъ....

— Ну, признавайся!

— Признаюсь....

— Въ чемъ же ты признаешься?

— Во всемъ!

— Да что это за болванъ таковъ?

— Это, Семень Романычъ, городской школяръ, Пахомычъ; большой до женскаго полу омотникъ.

Все замолчало, даже разбойники не удержались отъ

успѣли. Такъ жила Наконьичъ, обрадовавъ въ это время, но согласовалась съ объявленной платой. Странночь продолжалъ: — Полюбилась ему Меланья, Сидоръ сынъ въ Костыльковскѣ, что Меланья на Старой Усадьбѣ, бѣла жидь, съ одной только бабой; замъ-то овъ и грусть и плакъ; овъ и сманилъ гостей изъ-за рѣки.

— Ну, чѣмъ же ты молчишь. Наконьичъ?

— Истинно такъ, право такъ, но свѣтъ неперечесть. Какъ твоей ефенерской милости угодно. Ты едешь жемскій полъ, вѣрно, жаловать изволишь, такъ и пойманы, какъ бѣсу и работы не было со мною; попуталъ руку, попуталъ дуну, только ноги и ослепалъ....

— А кто же у васъ старшій?

— Подстрѣлили. Комочъ рысей ослепилъ ларивалъ начало.

— А много ли насъ всѣхъ?....

— Да будетъ азъ сонно.

— Евсей, перечти всѣхъ; спутай ея ноги и за руки на двѣ, а другую руку къ носу; а изъ и да утра держать не стану; къ утру къ часу десятому въ провинцію поволокъ; а тамъ ужъ не наше дѣло. Ну, а изъ той старости много еще ослепалъ?

— То другіе, не наши.

— А дружокъ-то много?...

— А кто ихъ считалъ!

— И! сказала Евдокимовна, входи въ ябу: съ рыбьего притону должно быть ста и больше удалывать, на лебидьнати лодкахъ: перечтите. Какъ всѣ, такъ всѣ, а нѣтъ такъ остались на гнѣздѣ.

— Сто четыре, сказалъ Евсей.

— Да двухъ утопили....

— Да проводникъ....

— Да одного подстрѣлили....

— Ну, такъ и всѣ, перебила Евдокимовна. Благодаренье Богу, всѣ; теперь будетъ малымъ дружокъ смरणю, така на рыбій притонъ другіе охотники не переберутъ.

— Ну, Евсей, такъ въ походъ; мой ливъ проголодался, да истомился.

— Маленько, ваше благодарецъ!

— Евъ, входи въ, комочъ въ паркъ волкъ ливъ мой съкъ!

— Вада стараться, ваше благородіе.

— Только, Евсей, долго не пребавляйся! Закусить путь-дорогой усидеешь. Послушай, Иванъ Степанычъ, войдемъ; я долженъ проститься....

И оба пошли къ хоремамъ....

— Иванъ Степанычъ! Служба моя здѣсь кончена; не могу остаться, не могу и разстаться; собирай сестру; ѣдемъ въ городъ....

— Нѣтъ! Богъ съ тобой! Ступай куда тебя служба зоветъ; храни мою тайну; а я самъ пор-какъ буду управиться... Не поезду сестры въ городъ: отнимутъ, обезчестятъ, оболгутъ.... Нѣтъ, знаю я городскихъ воровъ.

— А я на что?

— Эхъ, Семенъ Романычъ, и тебя обнесутъ.

— Авось сестра твоя будетъ усиде....

И безъ спору Романычъ съ Степанычемъ везли въ дѣлню, гдѣ Никитична разсказывала Меланью какъ прощала брашеніе.

— Спасибо, Меланья Ивановна, сказалъ Романычъ: спасибо за гостепримство. Жаль, что не могу остаться: служба гонитъ. Хотѣлъ бы, чтобы и ты за мной пошла; да нѣтъ повода. Вотъ если бы ты была моей женой....

Меланья вдрогнула и крѣпко бросилась къ Степанычу, который не менѣе ея былъ удивленъ рѣченіемъ офицера.

Романычъ, потупивъ голову, продолжалъ:

— Насильно милъ не будешь, говоритъ пословица, а я такъ хочу попытаться не вретъ ли пословица. Завтра я буду въ Костыльковкѣ и женихомъ и сватомъ....

Никитична едва успѣла подхватить Меланью: она бы непременно упала, потому что Степанычъ забылъ объ ней и съ отверстыми объятіями бросился къ жениху.

— Другъ мой, братъ, ты не шутишь?

— Самъ я такой же бѣдный дворянинъ, какъ и вы. Миѣ жены не выгѣть лучше, а богаче не надо. Прощай! Будь у Меланьи Ивановны менѣе заступникомъ и ходатаемъ.

Степанычъ не могъ вымолвить слова; слезы лились ручьемъ; Романычъ молча обнялъ его и за дверьми уже сказалъ:

— Степанычъ! Завтра, до свиданья въ Костыльковкѣ!

Степанычъ хотѣлъ бѣжать за ними, но Меланья собрала всѣ свои силы и удержала его за руку. Головоломъ, прерывающимся отъ сильнаго волненія, начала она:

— Клянусь Богомъ....

— Постой, не клянись, Маланша! Не клянись противу милости Божіей....

— Такъ-то ты любилъ меня?

— Люблю, какъ любилъ! Больше жизни своей....

— И готовъ уступить....

— Батюшка! Разрѣши свой завѣтъ; онъ уже исполнился! Не обманетъ Романычъ.... Маланша, Маланша! Слушай, Маланша! Слушай, Никитична! А, добро пожаловать! Слушай и ты, Евдокимовна! Меланья, ты, не Ивановна, ты какъ и я, Меланья Степановна, ты сестра моя!...

— Батюшки свѣты! воскликнула Евдокимовна, но Маланша отъ душевнаго не могла выговорить ни слова. Степанычъ продолжалъ съ возрастающимъ жаромъ:

— Нашъ отецъ, несчастный отецъ, былъ дворянинъ Степанъ Петровичъ Полосков.... Маланша! и я и ты, мы родились въ этикъ харамахъ!...

И заливаясь слезами онъ обнялъ сестру, которая еще пуще оторопѣла. А Евдокимовна неволью упала на колѣни и водѣвъ руки къ небу просіяла священнымъ восторгомъ. Никитична крестилась.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ СРАЖЕНІЕ.

Въ Костыльковкѣ была смута велия. Съ утра еще Степанычъ привезъ вѣсть о нападеніи гостей, о сраженіи, цѣнненіи и о прочемъ. Далъ на-скоро знать въ Будимовку, и Костыльковъ къ полудню прибылъ съ большою дворней, вооруженной топорами и дреколями. Костыльковка, по близости къ рѣкѣ была всегда въ болшей опасности, чѣмъ Будимовка. Степанычъ же умѣлъ увѣрить хозяина, что какъ поймака имѣла мѣсто на земляхъ костыльковскихъ, то гости не преминутъ отомстить за товарищей Красивой Усадьбѣ.

— Знаете, Иванъ Степанычъ, и этотъ командеръ военный, что былъ, умать, не человекъ....

— А что, душа моя, Степанычъ, скажи мнѣ, что ты забылъ?

— Да какъ же: захватилъ меня въ полонъ; хотѣлъ послать прямо въ Москву на смотръ; говоритъ: ты нѣтъчикъ, да и полно. Кажется мнѣ, что онъ не только за ворами смотреть, а и еще....

— Очень можетъ быть. Вчера слышалъ ты, какъ онъ, говорить, за Митюшкина вступался....

— То-то же! Спасибо ворахъ, а то бы я не ушелъ. А на Старой-то Усадьбѣ, Боже ты мой, какъ расхози́нился, присталъ къ Мелашѣ Степановнѣ....

— Ивановнѣ....

— Вляновать, Ивановнѣ, такъ турусы на колесахъ и подпускаетъ....

— Ахъ онъ, каторжный! Я не посмотрю, что онъ военный; скрючу; моего добра не замай. Солдатъ этакой....

— То есть я вамъ говорю, вотъ такъ и разсыпается мелкая бѣсомъ....

— Губа не дура, да руки коротки....

— Ваша правда, Иванъ Степанычъ! Да и то не ложь, что если онъ себѣ задумаетъ, такъ можетъ намъ много неприятнаго сочинить...

— Да что онъ можетъ?

— Да у него военная сила.

— А у меня нѣтъ, что ли?

— Не пойдете же съ нимъ тягаться; вѣдь вы знаете, за это чѣмъ выискать могутъ. За такое — и воевода не поможетъ. Засудятъ; всехъ помѣстій не хватитъ.

Костыльковъ призадумался.

— То-то и есть. Ничего не надо дѣлать очертя голову. Всюду оглядывайся.

— Такъ что же мнѣ? Неужто Малашку ему отдать, такъ, ни съ того, ни съ сего; здорово живешь...

— Кто объ этомъ говорить!

— А знаешь, не припрятать ли намъ ее въ другое мѣсто?

— А если хуже раздразимъ; нѣтъ, Иванъ Степанычъ, никому лучше лаской. Аюсь не воротится....

Но въ то же самое время вбѣжалъ Сидоръ и объявилъ, что военная команда идетъ....

— Вотъ тебѣ разъ! сказали оба Степаныча въ одно слово.

— Ну-те, глядите же, Иванъ Степанычъ! Самое черное труса не правдивовать. Будто имъ кого и ни чего не боитесь, я ужъ знаю что мнѣ дѣлать. Ну-те, ну-те! Пожалуйте, ободритесь! Вы же хотѣли съ нимъ по-своему переиздаться, а вотъ темерь колѣнки и дрожатъ. Конечно, онъ можетъ васъ захватить и послать съ проводниками прямо въ Москву: въ этомъ онъ ни на кого не посмотритъ, а вы сдѣлайте какъ-будто рады, будто сами ѣдете, а между-тѣмъ ласкайте, подчивайте и уладится. А, конечно, можетъ, весьма можетъ васъ взять подъ караулъ, на то онъ и посланъ. Да вы только не бойтесь, Иванъ Степанычъ, пожалуйста не бойтесь....

— Послушай, Степанычъ, не лучше ли мнѣ въ лѣсу на время сиряться? А? Сказать только Сидору, гдѣ я буду....

— Бога вы не боитесь! Вѣдь ужъ какъ поймають, конечно; тогда не послушаютъ ничего, ни начтѣ не посмотрятъ; и срамъ-то какой!... Да и какъ на Сидора понадеяться? Вѣдь онъ же безъ васъ будетъ всемъ заправлять; ему и съ руки....

— Идетъ!

— Идетъ! Смотрите же, не бойтесь! Вонъ видите, сколько у него ратныхъ людей; именно для того, что въ случаѣ обыскъ можно дѣлать.... Ну! Кривитесь, Иванъ Степанычъ, это ужъ онъ....

И дѣйствительно, вошелъ Романычъ, весь въ иылѣ; обожженный солнцемъ, истомленный трудами, безсонницей и душевными ощущениями.

— Здравія желаю, честные господа, сказалъ онъ: а, любезный, и ты здѣсь?

— Здѣсь, Семень Романычъ, прѣхалъ проститься и ѣду на службу, отвѣчалъ Степанычъ.

— Хорошо, хорошо, любезный, а все-таки я тебѣ проводничковъ пожалуйю: нынче по дорогамъ не безопасно. Шалить.

— Покорно благодарю; да передъ отъѣздомъ не забуду дать вамъ, если милость хозяйская....

— Эй, Сидоръ! закусить!

— Отъ чего же не закусить! одно дѣло состряпалось; за другое можно и послѣ приняться. Коли позволите, и я бы съ вами перекусилъ.

— Много чести, Семенъ Романычъ....

— Много чести, повторилъ Костыльковъ и ободрился: Садитесь, Семенъ Романычъ, садитесь! Какъ это вы ушибаете! Вѣдь вы ловите и воровъ и вѣтчиковъ?

— А тебѣ какое дѣло? громко сказала Романычъ: про то я знаю. У меня инструкція въ карманѣ, такъ ужь ошибка не будетъ. Благо, что регистръ сегодня въ промиціи добытъ. Теперь у меня все пойдетъ безъ задержки, какъ по маслу. А, вотъ и закуска. Присядемъ.

Присѣли, закусили, разговорились. Романычъ, хотя и не любилъ притворяться, однако же вѣлъ себя очень исправно; говорилъ загадками и всегда въ-попадъ; поселилъ въ Костыльковъ уже не опасеніе, а полное убѣжденіе въ то, что ему, Романычу, поручено по списку собрать всѣхъ дворянъ съ уѣзда и препроводить прямо въ Москву подъ военнымъ охраненіемъ и сдать на руки стольнику Степану Колычечу.

— Послушай, Иванъ Степанычъ! сказалъ Романычъ значительно, поставивъ чару по-дальше отъ себя, какъ-будто не желая болѣе заниматься завтрашними дѣлами. — Скажи-ка ты мнѣ, какъ пройти по-ближе къ Анкудимову и къ Северкинымъ; послѣ тебя, только они и остались на своихъ гвѣздахъ. Ты вотъ не уйдешь, не побѣжишь, ты не такой; а они, пожалуй еще, спрячутся. Не хотѣлось бы мнѣ съ пустыми руками на Москву прійти.

Эта выходка, хотя и ожидаемая, поразила Костылькова того, что онъ не зналъ что дѣлать, что говорить; а языкъ между-тѣмъ во рту болтается; звуки вырываются изъ устъ; Степанычъ посвѣщилъ на выручку....

— Да что вы это, Семенъ Романычъ, къ нашей братѣ пристаёте то съ боку, то съ рыла, да не вплотную. Вы бы скажи, что вамъ нужно, да и кончено....

— Будетъ, братецъ, кончено. Поглядишь какъ знатно все уладится. Пожалуй, вѣдь я не такой; я отъ Костылькова отстаю бы съ разу, кабы онъ не ломался, да отстаю бы мнѣ съ жены Малану....

— Надуешь, Семенъ Романычъ! перебилъ Степанычъ: право надуешь. Малашу возьмешь, а не отвяжешься.

— Вотъ тебѣ моя рука; отдастъ Малашу, на его глазахъ въ Будимовкѣ обвѣнчаюсь. И свадьбы справлять у васъ не буду, заберу жену, да на-прямки такъ и помарширую на Анкудинова. Нето отъ него, и отъ тебя отстану. Чортъ васъ поберц: пробавляйтесь какъ знаете. Не пашель—ну, и концы въ воду. Ну, что жъ? По-рукамъ?

— Какъ изволите, Иванъ Степанычъ! Вѣдь по-мѣому дѣло-то дешево обойдется, а ужъ послѣ военнаго обыску до другаго смотрю, никто васъ не потревожить. Ну, что жъ, Иванъ Степанычъ, какъ укажете?....

— Я.... того.... какъ ты думаешь, Степанычъ.... такъ и твори.... а я.... мое дѣло сиротское.... только мнѣ и помощи и совѣта, что ты.... Я не знаю какъ это дѣло и уладить....

— Очень просто, Иванъ Степанычъ! Вотъ посмотрите, какъ мы все уладимъ; надо бумагу....

— Бумага готова, мнѣ въ провинціи писаря откололи за двѣ гривны.... Ты только подпишись....

— Да какъ же я подпишусь, когда я писать не умѣю?

— И это вздоръ! сказалъ Степанычъ, вышелъ и воротился съ чернильницей и перомъ; перо омочилъ въ чернилахъ, воткнулъ его въ руку Костылькову; сжалъ его пальцы въ своей рукѣ и повелъ по бумагѣ костыльковскую подпись....

— Вотъ и подписались, а еще говорили, что писать не умѣете. Видите, что значить добрая воля. Ну, теперь прикажите винца подать....

Но Костылькова бросило изъ огня да въ полымя; онъ съ изумленіемъ глядѣлъ на Степаныча, за которымъ никакъ не подозрѣвалъ грамотности. Изъ столбняка онъ былъ выведенъ рѣчью Романыча, который прочитавъ подпись, сказалъ: ну, теперь все кончено! Прощайте, ребята: гуляйте себѣ на волѣ, пока другой коршунъ захватить. Прощайте....

Сказано, сдѣлано. Романычъ ушелъ, сѣлъ на коня и команда тронулась въ путь на Старую Усадьбу. Молча сидѣли оба Степаныча, молча черезъ окно провожали

глазами гостей. Первый вздохнул Степанычъ. Костылыковъ со вздохомъ протянулъ ему руку; тотъ пожалъ ее и опять вздохнулъ.

— Ну, что, Степанычъ!

— Ничего. Жаль Малаши....

— Жаль! да утѣшимся....

— И что она теперь будетъ? Жила въ холѣ и въ довольствѣ, а выйдетъ замужъ за бѣдняка. Вы бы, Иванъ Степанычъ, пожаловали ей приданое какое.

— Ну, ужъ ты умный человекъ, а врешь такія глупости! Я боюсь, не захватила ли она чего съ собою; надо бы послать Сидора, да велѣть обобрать. Я подарилъ Малашу, а не вещи....

— Гдѣ Сидору, Иванъ Степанычъ! Позвольте ужъ мнѣ... сказалъ Степанычъ, съ трудомъ скрывая негодованіе....

— Спасибо! Только не мѣшкой: надо обогнать команду; возьми удалую тройку и проворнѣе въ путь....

— Эй! Велите заложить тройку! Кто тамъ? Сидоръ!

— Сидоръ, вели ермолаевскую тройку заложить въ легковую телѣжку, да живо....

— Послушайте, Иванъ Степанычъ, и у меня до васъ есть просьба.

— Другъ ты мой, говори только....

— До времени нужно мнѣ денжонокъ сотни двѣ.

— Да на что тебѣ такая пропасть денегъ?...

— Надо въ провинціи изъ суда выкупить наслѣдство...

— А велико ли?....

— Порядочное.

— А далеко ли?....

— По сосѣдству....

— Право?

— Ей Богу....

— А съ какой же стороны?....

— Отъ рѣки....

— Да гдѣ же это?....

— Право, я теперь еще и самъ докладно не знаю, а въ судѣ безъ денегъ, ничего не покажутъ.

— Да всё-таки двухъ сотенъ много; рублей тридцать, пожалуй....

— Право, надо двѣ сотни. Ужъ вы знаете, что я не попрошайка; первый разъ у васъ прошу; а отдамъ съ анхвою.

— А что дашь?

— Да какъ желаете....

— А на долго?....

— Да мѣсяца на три....

— Ну, такъ по пяти рублей со ста будетъ не обидно....

— Иванъ Степанычъ!

— Да что ты, душа моя, хочешь: меня провинція въ духъ разорять. Право доходовъ скоро хватать не будетъ; такъ ужъ если и други и недруги разорять меня станутъ, на комъ мнѣ поправиться? Вѣдь и то подумай, безъ всякаго залога даю; честности твоей вѣрю; благо ты письменный, ты мнѣ при Сидорѣ и писни, что взято и на когда, знаешь, больше для памяти.. .

— Пожалуй, извольте.

— Лошади готовы! сказалъ вошедшій Сидоръ.

— Ну, поѣзжай, а мы съ Сидоромъ тебѣ приготовимъ и деньгу и бумагу....

— Батюшка, Иванъ Степанычъ! да мнѣ теперь же нужны деньги....

— Да вѣдь ты не въ провинцію ѣдешь? Поѣзжай, поѣзжай, опоздаешь.

Не оставалось никакого извороту. Степанычъ, больно опечаленный, уѣхалъ.

— Не зналъ я за тобой этого талану! такъ рассуждалъ онъ дорѣгой. Ну, да всё-равно. Завтра не за горами.... Догоню я Машу; передамъ ей деньги и пускай себѣ обзаводятся; а я за дѣло.... за тяжкое дѣло! Не найду я отца Никиты и все пропало. И бумаги мои не помогутъ. Ну, да Богъ милостивъ.

Желая скрыть передъ Костыльковымъ внимательство свое въ дѣла Меланьи, Степанычъ проселками проѣхалъ на Старую Усадьбу; Ермолая и лошадей оставилъ на постояломъ дворѣ, а самъ пошелъ къ Машѣ. Затрепетала несчастная, увидѣвъ брата; но онъ умѣлъ ее успокоить; объявивъ ей о послѣднемъ поступкѣ Костылькова. Съ недолованіемъ стала Меланья собирать разную дрянъ, кото-

рую Костыльковъ считалъ своею собственностію, все это Евдокимовна отнесла къ Ермолаю, между-тѣмъ подошла жоманда и Меланья хотя и робко, но уже не безъ радости встрѣтила своего жениха. Сборы были коротки. До ближняго села, въ которомъ была церковь, добрались они уже ночью; подняли пономаря, священника; обвинчались и Степанычъ простился съ сестрой и затемъ на-долго. Условились по-возможности давать о себѣ знать на Старую Усадьбу Евдокимовнѣ. Разстались съ надеждою на Бога....

О, съ какими чувствами летѣлъ Степанычъ въ Костыльковку! Сестра уже спасена; теперь онъ могъ мстить на волѣ; погибнуть, платя ужасный долгъ. О своей погибѣли ему нечего было беспокоиться: онъ жилъ для сестры и для неупокоенной тѣни отца. Онъ уже рассчитывалъ, какъ онъ разбудитъ Костылькова, какъ получить деньги, какъ отошлетъ ихъ сей же часъ къ Евдокимовнѣ, какъ самъ полетитъ въ провинцію, подыметъ изъ-подъ спуда мертвыя дѣла и дастъ имъ жизнь в.... Но мечты его были прерваны. Онъ уже вѣзжалъ на костыльковскій дворъ. У крыльца стояла колымага; въ окнахъ свѣтъ; гости; тѣмъ лучше, при свидѣтеляхъ безопаснѣе дѣйствовать съ такими людьми какъ Костыльковъ. Безъ доклада онъ вошелъ въ столовую комнату. И какъ это, право, удивительно бываетъ на бѣломъ свѣтѣ: носишь мысль, голубишь ее, живешь ею; обдумываешь какъ отдалить малѣйшія препятствія къ ея исполненію; все готово.... Вдругъ — и дорогая мысль изгнана, извержена изъ памяти; труды и ухищренія позабыты безъ сожалѣнія; другая мысль заняла мѣсто прежней; она поглощаетъ такую же дѣятельность, требуетъ большихъ жертвъ и лишеній — и можетъ-быть наканунѣ исполненія третій замыселъ разрушить все многосложное зданіе, чтобы на развалинахъ его построиться самому изъ другихъ матеріаловъ. И что забавнѣе всего: во всѣ три раза цѣль одна и та же.

Костыльковъ, блѣдный, растрепанный, стоялъ на коленяхъ передъ воеводой, который хотя и сидѣлъ, но весь ма неспокойно, съ примѣтной досадой.... Завидя Степаныча, оба примѣтно ободрились :

— Спасай меня! кричалъ ему на встрѣчу Костыльковъ: вразуми, наставь!

— Что такое?

— Ахъ, любезный! сказалъ воевода: дернула его легкая дурачиться на большой дорогѣ! Протониквизиторъ....

— Отецъ Пафутій?

— Ужъ точно по-отечески поступилъ; нечего сказать; прѣехалъ въ губернію и передалъ губернатору каковъ молодецъ и чѣмъ пробавляется въ уѣздѣ. На-бѣду случись тамъ самъ стольникъ Колычевъ, главный сборщикъ. Указъ какъ дернули, такъ у меня лихорадка чуть зубовъ не вышибла. Поставить Костылькова на смотръ въ Москву на Захарынъ день, а нето, быть мнѣ безъ воеводства подь строгимъ отвѣтомъ; и прочая. Всего страху, что тамъ написано—не перескажешь. Ну, Степанычъ, что тутъ дѣлать....

— Степанычъ, душа моя, говори, что тутъ дѣлать?....

— Эхъ, батюшка, Иванъ Степанычъ, у всякаго своя бѣда есть, а до чужой нѣтъ дѣла. Вспомните, просилъ я денегъ; чужая бѣда....

— Вотъ деньги, вотъ, на, бери, только научи, что намъ дѣлать....

— Маловато! сказалъ Степанычъ пересчитывая деньги.

— Ты сколько же просилъ?

— Двѣ сотни....

— А тутъ сколько?

— Одинъ сорокъ....

— Это Сидоръ ошибся.... Вотъ, на, возьми золотомъ....

— Спасибо, да мнѣ теперь и этого мало.

— Что же ты хочешь, душу изъ меня вытянуть?

— Что мнѣ въ ней, душу не душу, а еще сотню....

— Что же будетъ тогда?

— Ничего. Ты себѣ поѣдешь на службу, а я мой долгъ пришлю въ Москву или въ Питербурхъ, куда укажешь, пригодятся....

— Провалясь ты, окаянный!

— Спасибо....

— Да полно ссориться, перервалъ воевода: тутъ надо

умы сложить и съ-обща передумать, нѣтъ ли какого исходу....

— Думайте себѣ о чемъ хотите, а я буду думать о деньгахъ....

— Экой жадный какой! сказалъ Костыльковъ, чуть не со слезами.

— Да полно же ссориться! опять началъ воевода. Дѣло не шуточное; я упряталъ бы тебя въ Москву къ собственному ущербу; воеводство стоить тебя, да есть домашняя причина.... И знаешь, вотъ мнѣ сдается было бы не глупо. Отца Пафнутія на Москвѣ нѣтъ, чай и не скоро будетъ; потомъ пошлютъ тебя въ Питербурхъ; пока онъ туда пріѣдетъ, тебя въ полки отправятъ — и концы въ воду; по спискамъ показанъ; на смотру былъ — никто и слова не скажетъ....

— Ну, такъ что?

— А вотъ что, тебя ни въ Москвѣ, ни въ Питербурхѣ никто не знаетъ: пошли за себя кого другаго. Пусть лягнется на смотръ, пусть послужитъ годокъ, два; потомъ пусть себѣ увѣчые какое учинить, да и на покой въ Костыльковку.... Ты его и за увѣчые, и за службу награди, да и живи-себѣ на покой. Въ рукахъ у тебя квитанція—и никто ужъ не привяжется; а тотъ годъ другой нетокомо въ губерніи, въ провинціи никто знать не будетъ, что ты себѣ въ деревнѣ пробавляешься; ужъ если указъ какой земскій или другая нужда будетъ, никто изъ нашихъ чиновниковъ къ тебѣ не поѣдетъ, все самъ буду справлять, будто ты мнѣ надзоръ за помѣстьями поручилъ; тотъ кто за тебя поѣдетъ, того мы Костыльковымъ снарядимъ, и бумаги ему такія выдадимъ, а тебѣ дадимъ видѣ, будто ты прикащикъ того Костылькова, опять никто не привяжется....

— Отецъ родной! Разпремудро, да кого послать?...

Лицо Степаныча, при этихъ словахъ Костылькова, вспыхнуло; онъ едва могъ скрыть волненіе; едва не задохся отъ мысли, которая въ одно мгновеніе вытиснула изъ души его всѣ прежніе разсчеты и наполнила все существо его собою....

— То-то, отецъ воевода, сказалъ онъ смиренно: замыселъ истинно мудрый, да исполненіе трудновато. Холопа нель-

зя послать; изъ городскихъ людей тоже; а нашей братьи бѣдныхъ дворянъ во всей губерніи вольныхъ не на службѣ и десятка не насчитаешь. Трудно... Трудно...

— Что трудно? Была бы только добрая воля; вотъ, примѣрно ты, Степанычъ, въ большихъ городахъ лучше бы самаго Костылькова справился....

— Я? да, что вы это, батюшка, Максимъ Ивановичъ. Полно-те! что вы, какъ это можно!

Костыльковъ глядѣлъ умилно на Степаныча, а воевода продолжалъ:

— Ужъ я знаю Ивана Степаныча; онъ бы не востоялъ ни на чемъ, наградилъ бы тебя щедро всякимъ добромъ, хуторъ бы пожаловалъ....

— Право?

— Отъ чего же и нѣтъ? Степанычъ! Служба службѣ ровня. Скажи, что хочешь, ударимъ по рукамъ и отправимся....

— И отправляйся, Степанычъ, баринномъ, годка два баринномъ себѣ-живи....

— Того-то я и боюсь, еще, чего добраго, привыкну, выслужусь, въ чины выйду; вотъ тебѣ и разъ. Отдавай потомъ званіе другому; а не отдать, нельзя: докажутъ; мнѣ и достанется. Плохо; нѣтъ, страшно! Да еще тутъ кто поручится, наткнется случай, выйдетъ наружу; вамъ-то ничего, при одномъ власть, при другомъ богатство, а я одинъ въ дураки и сяду.

— Да, ужъ ты за насъ не опасайся. Общій интересъ — все дѣло въ секретности держать: ухитримся. Да и кто будетъ доискиваться, когда списки будутъ очищены, ни одного нѣтчика не будетъ въ недомкахъ. Ну, Степанычъ, сдавайся!

— Ну, что, душа моя, другъ Степанычъ, сдавайся!

— По-мнѣ пожалуй, да что же дашь за такую службу?....

— Ай-да, Степанычъ! Экой добрый, расцѣловалъ бы....

— Что дашь? Вотъ, пусть Максимъ Ивановичъ назначаетъ....

— По совѣсти назначаю, никого не обижу. Во-первыхъ,

содержаніе какъ прилично Костылькову; лошадей штукъ десять, перевозки двѣ три для выѣзду; сѣделъ два, одно парное, другое повседневное. (Словыхъ шесть сотей, карманныхъ столько же; да на насмѣ дому и челяди, страдо же, да дѣсти про случай: двѣ тысячи!....

— Двѣ тысячи!

— Маловато, Максимъ Ивановичъ!

— Поди ты, видно въ большихъ городахъ не жилашь. Заглава довольно; это годовою окладъ, а награду ужъ ты объявляй....

— Да, помилуй, отецъ воевода, и такъ ты меня до-гла разорвешь. Вѣдь двѣ тысячи....

— Полно, полно, Иванъ Степанычъ: мы твои доводы не хуже твоего знаемъ. Двѣ тысячи! Эхъ молодецъ, тутъ еще и десятой доли твоего приходу нѣтъ....

— Да, вѣдь по-мнѣ, Иванъ Степанычъ, какъ водится; я ѣду не за себя, а за тебя. Вѣдь, примѣрно сказать, тѣло мое только тамъ будетъ для обману; а жить будешь ты, не я. Мнѣ и двухъ алтынъ на день довольно, а тебѣ щелья, стыдно. Вѣдь я и стыдиться не за себя буду, а за тебя; нѣтъ всё-равно. Содержаніе—какое хочешь назначь, такъ и жить буду....

— Да, будто если Костыльковъ, такъ ужъ и скрагой быть не можетъ; ты принишься алтынникомъ, скупцомъ, жни затворникомъ....

— Пожалуй....

— Нѣтъ, нельзя, Иванъ Степанычъ! Этакъ ничего не обманешь; стануть обнюхивать, по слѣдамъ доберутся; тогда тебѣ служба дорого обойдется. Нѣтъ, какъ сказать, такъ тому и быть. И не думай умничать....

— А мнѣ про содержаніе тоже всё-равно, а вотъ про награду такъ дѣло иное; я долженъ отъ наследства дочетай на два года отказать, дѣла оставить....

— Да что тамъ твои дѣла! Чай за всё двѣ сотни возьмишь....

— Нѣтъ, и двухъ тысячъ мало. Да что долго толковать; такъ и быть, ѣду, да вотъ вы, Максимъ Ивановичъ, будьте свидѣтелемъ. Двѣ тысячи! Половину впередъ — и тогда извольте....

— Разбойникъ! Да ты подумай....

— Я ужъ подумалъ и сказалъ свое, а тамъ какъ угодно...

— Да что же вы это, Максимъ Ивановичъ, какой вы воевода, позволяете притѣснять и грабить....

— Ну, тутъ моей власти нѣтъ, дѣло любовное и помѣму Степанычъ лишняго не запрашиваетъ. Неси ему тысячу и за дѣло.

— Степанычъ, другъ мой, душа, голубчикъ, возьми пять сотъ! Остальные какъ воротисься. Право, наличныхъ нѣтъ....

— Не могу....

— Ну, мнѣ пора ѣхать. Есть еще дѣляшки. Кончайте скорѣе....

— Степанычъ, возьми шесть....

— Не могу....

— Подавился же ты, окаанный! И Костыльковъ вынесъ груду золота:—На!

Степанычъ сосчиталъ и пронесъ хладнокровно:

— Тутъ не всѣ. Только восемь сотъ....

— А двѣсти, что прежде далъ?...

— А! Пожалуй, такъ и тѣ идутъ не въ долгъ, а въ уплату. Такъ согласенъ.

— Насилу-то уладили, сказалъ воевода: слава Богу! Ну, теперь извольте такъ поступать. Снаряди Степаныча въ дорогу, и отправляй сегодня же, коли можно, но только безъ людей: продадутъ, коли снюхаютъ. А онъ себѣ принаметъ. Пусть онъ тебя обождетъ на Старой Усадьбѣ. А завтра ты приѣзжай въ провинцію то же одинъ, явись въ канцелярію, получишь для Степаныча видъ въ присутствіи, а для себя у Меланьи Ивановны; потомъ простишь-ся со мной, съ чиновниками, а паче съ Митюшкинымъ, отправишь молебствіе въ соборъ—и уѣдешь со слезами и плачемъ на службу. На Старой Усадьбѣ отдашь свой видъ Степанычу и концы въ воду....

И все сбылось по слову воеводы Максима Ивановича Бурунова.

И. КУКОЛЬНИКЪ.

=

II.

ИНОСТРАНЦАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

АРИСТИДЪ ФРОАССАРЪ,

МОЛОДОЙ ФРАНУЗЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Романъ господина ЛЕОНА ГОЗЛАНА.

Дѣйствіе происходитъ въ 1835 году, въ Парижѣ. Дѣйствующія лица обыватели предметія Сентъ-Оноре. Главный герой нашъ, Аристидъ Фроассаръ, молодъ (ему только двадцать три года) и не дурень собою. Но, для большей ясности дѣла, надобно прежде всего познакомить васъ съ его почтеннымъ родителемъ.

Жанъ-Каскаре Фроассаръ былъ въ 1793 году публичнымъ обвинителемъ. Однажды онъ обвинилъ маркиза де-Нёвилетта въ томъ, что тотъ знатнаго происхожденія, богатъ, носитъ напудренный парикъ, одѣвается чистенько и пожираетъ добрый парижскій народъ. Чтобы отразить этотъ страшный ударъ, Нёвилеттъ бросилъ парикъ, и нарядился въ карманьолку, костюмъ тогдашнихъ республиканцевъ. Прекрасно. Но Фроассаръ не унялся. Онъ обвинилъ Нёвилетта въ томъ, что тотъ человекъ подозрительный. Этого было слишкомъ достаточно, чтобы снести голову на

эпачотъ, и бѣдному Нѣвилетту, конечно, не миновать бы плахи, если бѣ Фроассару не вздумалось сдѣлать ему слѣдующаго безобиднаго предложенія.

— Мы оба молоды, сказали онъ, оба женаты; если природа пошлетъ тебѣ дочь, а мнѣ сына, мы ихъ женимъ. Согласенъ?

Какъ не согласиться? Ударилъ по-рукамъ.

— Теперь, не бойся ничего. Смастери только дочь.

Отчего же Фроассару пришелъ въ голову такой хитрый планъ? Оттого, что Фроассаръ былъ себѣ на умѣ. Онъ зналъ, что революціи производятся въ пользу воровъ, потомъ достаются въ руки другимъ ворами, по-смысливше и по-благоразумнѣе первыхъ. Первые—воры храбрые; вторые—воры охранители. Спросите исторію, и увидите, что это всегда такъ бываетъ: Фроассаръ говоритъ самъ себѣ:—Все это такъ прекрасно, что должно скоро кончиться: такъ чтобы Нѣвилетты послѣ съ насъ не взыскивали, надобно какъ-нибудь притянуть ихъ къ себѣ.

Но отчего же Нѣвилеттъ согласился на такую сдѣлку? Во-первыхъ, оттого, что не согласиться было нельзя. Правда, природа не торопилась, послала ему дочь только въ 1829 году, то есть, во времена имперіи; но тогда еще и не думали возвращать дворянамъ имѣній, отнятыхъ у нихъ во время революціи. Слѣдственно Нѣвилетту, которому вѣсть было нечего, все-таки не мѣшало породниться съ Фроассаромъ, который присвоилъ себѣ все его имѣніе. А Фроассаръ опять разсудилъ:—Все это должно скоро кончиться. Императорское правленіе возвратило намъ богослуженіе, возвратило даже множество и тайныхъ вещей, которыхъ у насъ никогда не бывало. Кто знаетъ? можетъ быть, оно возвратитъ намъ и Бурбоновъ: все-таки не мѣшаетъ притянуть Нѣвилеттовъ къ себѣ.

И рѣшено было женить Аристеда Фроассара на Аделинѣ де-Нѣвилеттъ, какъ-скоро они достигнутъ совершеннолѣтія.

Достигнувъ совершеннолѣтія, Аристедъ Фроассаръ тотчасъ занялъ десять тысячъ франковъ и далъ вексель въ пятьдесятъ тысячъ. Изъ этихъ десяти тысячъ онъ принужденъ былъ дать тысячу тому, кто свелъ его съ

рестовицкомъ, да принять еще въ счетъ остатшеш суммы ручнаго льва, который заимодатцу былъ не нуженъ. Ручной левъ пошелъ въ двухъ тысячахъ. Фроассаръ взялъ шесть тысячъ, съѣлъ въ Фіанръ, посадилъ подлѣ себя ручнаго льва, заѣхалъ за школьнымъ своимъ пріятелемъ Божаней, и многими другими товарищами, и отправился съ ними въ Мёдонъ.

Въ Мёдонѣ Аристида и его пріятелей ожидали осемь фигурантокъ съ разныхъ театровъ; всѣ онѣ были въ костюмахъ женщинъ Новаго Свѣта, когда Колонбъ открылъ его.

Но не хотите ли познакомиться съ достопочтенными пріятелями Фроассара? Вотъ они. Первый изъ нихъ молодой человѣкъ лѣтъ осемнадцати, бѣленькой и свѣжеюйкой, какъ молоденькая дѣвушка; съ голубыми глазами, съ прекрасными руками. Ему не было другаго имени кромѣ—Послѣдняя Гитара. Вотъ почему. Онъ разсудилъ, что на свѣтѣ есть только одинъ инструментъ, съ которымъ можно пристойно выражать любовь свою къ женщинѣ: не горбиться какъ когда играешь на скринкѣ, не дуть и не пѣвать съ страшными гримасами въ дырку какой-то палки—какъ играя на флейтѣ, и не поворачиваясь къ своей любезной спиною, какъ играя на фортепиано. И этотъ-то инструментъ поднятъ! Разсудивъ такимъ образомъ, даровитый юноша рѣшился возстановить гитару и въ такое время, когда о ней никто и не думаетъ, онъ издавалъ подлѣ своимъ именемъ романы съ аккомпанементомъ гитары, въ которыхъ и слова и музыка—все было его сочиненіе. Успѣхи его были тщетны, но тѣмъ не менше дѣлаютъ величайшую честь твердости его характера.

Второй пріятель былъ Божаней прекрасный юноша, блѣдный какъ смерть. Ему было только девятнадцать лѣтъ, но никому и въ голову не приходило, чтобы ему когда-нибудь стукнуло двадцать. Однако жъ онъ надѣялся прожить еще годъ, или лучше сказать дѣвнадцать вѣснцовъ: онъ считалъ только мѣсяцами. Сомладцати лѣтъ отъ-роду онъ получилъ послѣ отца большое наследство и въ два года прожилъ уже двѣ трети своего капиталла, то есть двѣсти тысячъ. Черезъ годъ жемудокъ его уже не варилъ,

легкія были повреждены. Врачи рѣшили, что ему не возможно оставаться въ-живыхъ. Черезъ два года они назначили ему прожить еще годъ, если онъ будетъ вести себя по-прежнему и пять лѣтъ, если онъ будетъ наблюдать величайшую умѣренность. Божансі избралъ первое и распорядился такимъ образомъ, чтобы денегъ его стало ровно на годъ.

Третьяго пріятеля Аристидѣ Фроассара, звали Ласервоазомъ. Этотъ былъ скульпторъ, хотя, правда, никто никогда не видывалъ ни памятника, ни статуи, ни даже просто медаліона работы Ласервоаза. Но зато онъ судилъ отважно и Аристидъ былъ твердо убѣжденъ въ его отличныхъ дарованіяхъ по части скульптуры. Но мы еще будемъ имѣть случай познакомиться и съ этимъ и съ другими пріятелями Фроассара.

Пообѣдавъ порядкомъ, друзья велѣли подать себѣ бумаги, перьевъ, сорокъ свѣчъ и вывѣску трактира. Все это тотчасъ было принесено. За деньги трактирщикъ подастъ вамъ все что угодно. На вывѣскѣ изображенъ былъ золотой левъ. Настоящій левъ лежалъ подъ столомъ и по временамъ глоталъ кусочки мяса, фунтовъ въ пять, шесть.

Божансі, Фроассаръ и Ласервоазъ написали циркуляръ ко всѣмъ окрестнымъ жителямъ, съ приглашеніемъ собраться у дверей трактира «Золотаго льва» посмотреть настоящаго льва, котораго тунисскій бей прислалъ въ подарокъ Карлу Десятому, но тотъ его не принялъ, потому что некуда дѣвать. Поэтому левъ возвращался въ Африку съ двумя охотниками, которые его поймали и невольниками, которые его провожали во Францію. Начало въ десять часовъ.

Подъ конецъ обѣду Фроассаръ дотого развеселился, что наполнилъ льва шампанскимъ. Потомъ татуировалъ себя, пріятелей и пріятельницъ, за неимѣніемъ другихъ красивыхъ матеріаловъ, земляникою, а на скатерти нарисовалъ огромнаго льва съ подписью:

ПРИСЛАНЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ
КАРЛУ ДЕСЯТОМУ
бесемъ тунискимъ.

Наконецъ, ровно въ десять часовъ всѣ обыватели Мёдона собрались вокругъ трактира. Окна, освѣщенные ста шестидесятью салными огарками, отворились, скатерть была распушена въ видѣ вывѣски, и артисты, обоого пола, въ легкомъ костюмѣ дикарей, явились на балконѣ. Въ чинномъ народонаселеніи Мёдона послышался ропоть негодованія, и вслѣдъ за нимъ раздался крикъ ужасу. Да и было изъ чего кричать. Шампанское, котораго царь звѣрей изволилъ выпить въ первый разъ въ жизни, начало дѣйствовать: ручной левъ принялся реветъ и скакать какъ левъ дикій, перебилъ стаканы и бутылки, являлся испуганнымъ зрителямъ то подъ потолкомъ, то на балконѣ, какъ-будто хотѣлъ пожрать все народонаселеніе Мёдона купно съ меромъ. Теперь левъ какъ-будто показывалъ тѣхъ, которые затѣяли было его показывать; а тѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ, не знали въ которую сторону бѣжать. Наконецъ, прыгая и кидаясь во всѣ стороны, левъ какъ-то просунулъ голову сквозь рѣшетку балкона и увязъ. Этотъ чудесный случай спасъ жизнь Фроассару и гостямъ его. Они выбѣжали на площадь, которая уже опустѣла, и пустились въ Парижъ. Преслѣдовать ихъ никто и не думалъ: всякой прятался куда могъ по-дальше.

Ложась спать, часа въ три утра, Фроассаръ сказалъ самъ себѣ: — Славно мы сегодня покутили!

Черезъ три мѣсяца послѣ этого происшествія, Фроассара благополучно отвели въ тюрьму за долги, потому что отецъ не захотѣлъ платить по его векселю въ пятьдесятъ тысячъ франковъ.

Два мѣсяца сидѣлъ онъ въ тюрьмѣ смиренно и безпрерывно работалъ: день и ночь писалъ. Приготовивъ около двухъ томовъ, онъ попросилъ отца заѣхать къ нему.

— Я знаю, батюшка, сказалъ Аристидъ съ самымъ смиреннымъ видомъ: я очень знаю, что вы имѣете полную причину быть недовольнымъ мною; но вотъ сочиненіе, которое, я надѣюсь, приобрѣтетъ мнѣ и прощенье и свободу.

— Чтобы тебѣ освободиться изъ тюрьмы, нужны не сочиненія, а деньги, отвѣчалъ отецъ.

— Да эта книга деньги, чистымъ деньгамъ, возражалъ Ари-

стидь. Я уже уступилъ свою рукопись одному книгопродавцу за тридцать тысячъ франковъ.

— Тридцать тысячъ франковъ! вскричалъ старикъ. Да что жь это такое ты написалъ!

— Но угодно ли намъ взять съ собою отрывокъ; прочтете на досугъ.

Дома старикъ прочелъ слѣдующее:

ЗАПИСКИ ОТЦА МОЕГО, БЫВШАГО ПУБЛИЧНЫМЪ ОБВИНТЕЛЕМЪ
ВЪ 1793 ГОДУ.

«Первая женщина, которую собралъ отецъ мой, была».....

Старикъ не сталъ дальше читать. На другой день Аристидъ былъ вынужденъ изъ тюрьмы, свободный отъ всѣхъ долговъ и вселенъ вѣтвой надѣлать новыхъ.

Маскаре Фроасеаръ сталъ разсуждать, что ему дѣлать со своимъ на свѣтѣмъ возлюбленнымъ сыномъ Аристомъ. Отдать его на какую-нибудь купеческую контору: ходить по станамъ; оправдывать въ военную службу: убѣждать. Таки ни на что онъ не годится: надобно его женить.

Впрочемъ, старикъ ошибался насчетъ своего сына. Аристидъ дѣйствительно ни на что не годился и женить его не мѣшало; но онъ былъ человекъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный. Лѣнивъ онъ былъ ужасно, но зато имѣлъ прекрасныя способности и выучивался чрезвычайно легко и скоро. По-гречески онъ зналъ превосходно, но научивъ вѣсь Иліады, тотчасъ драгъ ее на сигары; латынь была ему ни по чемъ; французскую литературу онъ перечиталъ всю, начиная съ шестнадцатаго столѣтія; а потомъ продалъ всѣ свои книги на вѣсь, лавочнику. Сверхъ-того онъ превосходно зналъ множество вещей, которыхъ не многіе знаютъ. Напримеръ, онъ прекрасно вырѣзывалъ изъ пробки релъсаные планы, превосходно чеканилъ, набивалъ чулки какъ самый опытный пренараторъ, дѣлалъ кокусъ-кокусъ какъ-нельзя лучше. Сверхъ-того онъ мастерски окуривалъ пенковыя трубки; зналъ въ какой кандиверской всего лучше варить кофе, въ какое время дня разогрѣтыя кофеинки всего лучше его приготавливать; въ какой мѣшечъ устрицы всего вкуснѣе, ка-

ной работой получать свѣжій сарделъ двѣнадцатую часамъ раньше своихъ собратій. При такихъ обширныхъ и разнообразныхъ позаніяхъ, ячѣ, конечно, мѣтъ считаться членомъ замѣчательнымъ; но на дѣлѣ, дѣйствительно, не годился, потому что былъ лѣнивъ, бранчливъ и до крайности вѣтренъ.

Мы уже упоминали о маркизѣ Нѣвилеттѣ. Разоренный французскою революціею въ лицѣ Жана-Клода Фроассара и возмущенный на островѣ Сентъ-Доминго, маркизъ требовалъ отъ правительства вознагражденія, какъ эмигрантъ и какъ колонистъ, въ то время, когда палаты назначали огромныя суммы на вознагражденіе тѣмъ и другимъ. Какъ колонистъ, онъ имѣлъ пять сотъ тысячъ франковъ убытку, какъ эмигрантъ дивиденсъ по-крайней-мѣрѣ милліона; но протекціи у него никакой не было, и правительство назначило ему полторы тысячи франковъ единовременно, съ уплатою въ три срока.

Нѣвилеттъ былъ презымаемо некомъ на Генриха Четырнадцатаго, и на вечеряхъ жена всегда заставляла его становиться бокомъ къ стѣнѣ, чтобы показать на тѣни его преслѣ. Добрый маркизъ былъ на все готовъ. Онъ имѣлъ глубокое уваженіе къ женщинамъ вообще и къ женѣ своей въ-особенности, и умеръ бы на иѣстѣ, а не сказалъ бы даждь:—Я усталъ носить вашу собачку. Онъ не блисталъ умомъ, но имѣлъ много здраваго смысла и очень хорошо понималъ, что повиноваться гораздо легче чѣмъ повелѣвать и потому слушался жены съ покорностію благоговѣннаго дитяти.

Однажды старикъ Фроассаръ спросилъ маркиза Нѣвилетта:—А что, вы и теперь согласны выдать свою дочку за моего сына?

— Согласенъ: я далъ слово, когда она еще не родилась.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ старикъ террористъ, вотъ что я даю сыну: сто тысячъ франковъ чистагономъ; мой замокъ Вертуми; мое помѣстье ла-Гренуліёръ; мой лѣсъ въ Сентъ-Уранѣ и мой докъ въ предмѣстьѣ Сентъ-Опоре. А вы что даете за дочерью?

— То же самое что вы.

Невозможно было остроумнѣе и иѣжливѣе сказать: ми-

лостивый государь, вы воръ. Эти слова подѣйствовали на Фроассара, какъ старое вино: онъ ошалѣлъ.

Старикъ Фроассаръ смотрѣлъ такимъ же добрякомъ какъ и маркизъ; но кромѣ этого ни въ чемъ не походилъ на ловкаго, стариннаго дворянина; напротивъ, онъ былъ также дурень и щедурень, какъ его прежніе образцы и покровители Робеспіеръ и Маря; но участвовалъ въ революціи не изъ честолюбія какъ они, а просто изъ трусости и корыстолюбія. Онъ отправлялъ другихъ на эшафотъ, для того, чтобы самому не попасть подъ гильотину. Прибравъ къ рукамъ имѣніе маркиза, онъ понялъ всю важность права собственности и сталъ бояться, чтобы его самого не обобрали. Времена ужасу настали для него тогда, когда все во Франціи успокоилось. Трусость сдѣлала его сначала тигромъ, а потомъ овцой. Теперь онъ добивался только того, какъ бы проелить добрыя малымъ, спокойнымъ гражданиномъ и человекомъ богобоязненнымъ. По временамъ онъ носылалъ своему приходскому священнику деньги для бѣдныхъ отъ неизвѣстнаго, но однако жъ такъ, чтобы всѣ знали, что это онъ; нерѣдко также дѣлалъ вклады въ церковь; однимъ словомъ, позволялъ себѣ всѣ маленькія добрыя дѣла, которыя могли доставить ему хорошую репутацію. Конечно, всего бы лучше было возвратитъ маркизу Нёвилетту имѣнія, деньги, драгоценности, которыя онъ отнялъ у него въ девяносто-третьемъ году; но на это старикъ никакъ не рѣшался. Въ душѣ его происходила безпрерывная борьба между желаніемъ сохранить то чѣмъ онъ уже привыкъ владѣть и еще большимъ желаніемъ, не возвратитъ свое приобрѣтеніе, а придать ему законный видъ. Эта безпрерывная борьба привлекала его къ ногамъ его жертвы и вотъ почему онъ, чтобы покончить съ нею, возымѣлъ смѣлое, но впрочемъ удобоисполнимое намѣреніе женить сына на его дочери.

Описывать Аделины дѣ-Нёвилеттъ мы не станемъ, потому что она была очень хороша: предоставлемъ каждому нарисовать ея портретъ по своему вкусу. Отецъ и мать съ трогательнымъ самоотверженіемъ подвергали себя многимъ лишеніямъ, чтобы только дать милой своей дочери самое блестящее воспитаніе; маркиза каждый голъ

предавала что-нибудь изъ своихъ кружевъ и блондъ, маркизы сбывалъ съ рукъ одинъ за другимъ свои придворныя кафтаны съ брилліантовыми пуговицами, чтобъ было чѣмъ платить учителямъ исторіи, географіи, рисованія, танцованія и особенно музыки. Милая дѣвушка вполнѣ вознаграждала ихъ за эти помертвованія: она была утѣшениемъ своихъ престарѣлыхъ родителей.

Когда дѣло о женитьбѣ было слажено, Фроассаръ пустился отыскивать сына. На квартирѣ Аристида ему сказали: — Дома нѣтъ.

— Дома нѣтъ? Да теперь только семь часовъ: куда же онъ могъ такъ рано уѣхать?

— Не знаю. Вотъ ужъ три мѣсяца, какъ онъ нанялъ эту квартиру, а мы его еще ни разу не видали. Нѣтъ ли его на другой квартирѣ, у Рульского въѣзда: самый послѣдній домъ у заставы.

Старикъ пустился на другой конецъ города, отыскалъ указанный домъ и спросилъ не тутъ ли мосьё Фроассаръ?

— Мосьё Фроассаръ? закричали придверникъ и придверница: этотъ мосьё, безпутный гуляка, кто его знаетъ гдѣ онъ шляется!

— Вы меня пугаете, сказалъ старикъ: вѣдь онъ мой сынъ.

— О, если вы его батюшка, такъ это дѣло другое: а я было-подумалъ, что вы какой-нибудь кредиторъ. Чтобы отвадить этихъ докучалъ ходить сюда, мы ругаемъ мосьё Фроассара на чемъ свѣтъ стоитъ: онъ намъ платитъ за это по два су въ день. Мы ужъ многихъ такъ напугали этимъ, что они отчаялись получить свои деньги и совсѣмъ перестали ходить. Вы изволите видѣть, что мы не даромъ съ него деньги беремъ и ужъ мы надѣемся, что вы потрудитесь сказать ему, что мы усердно хлопочемъ для его милости....

— Хорошо молодецъ! подумалъ Фроассаръ. Не дома ли онъ, спросилъ потомъ старикъ: онъ, вѣрно, еще спитъ.

— Вамъ можно сказать, отвѣчалъ придверникъ: днемъ мосьё Аристидъ здѣсь рѣдко бываетъ, а ночуетъ обыкновенно въ Пассажѣ Панорамъ, лѣстница S, у мадамъ Сентъ-Сабинь. Спросите только Юпитера.

Фроассаръ пожалъ плечами и отправился въ Пассажъ Нантеръ: пошелъ по лестницѣ B въ верхній этажъ, держуль за руку кляутика, приглашающую къ спурку ось колокозчика. Дверь открыли молоденькая женщина. Она была закутана въ желтую молнияную шаль, изъ-подъ которой выглядывало розовенькое плечико. По этому плечику не трудно было угадать и лѣта и правы мадамъ де Сентъ-Сабинъ.

— Не адѣсь ли Юпитеръ? спросилъ съ досадою Фроассаръ.

— Вы, вѣрно, пришли за деньгами за сапоги?

— Нѣтъ....

— Такъ, вѣрно, за послѣднюю порзнику вина?

— Совсѣмъ нѣтъ....

— А, да, помню, помню, вы принесли ему жараную дикую козу....

— Я отецъ его.

— Вы отецъ Юпитера? Очень рада съ вами познакомиться. Но сына вашего адѣсь нѣтъ: онъ долженъ быть въ кофейной «Золотого вѣнка», на бульваръ, здѣсь недалеко.

— Благодарю васъ....

Фроассаръ вошелъ въ кофейню «Золотого вѣнка» и не увидалъ сына. Однако жъ Арстидъ былъ тамъ; но окруженъ пріятелями, такъ что отецъ сначала не захѣтилъ его. Потомъ однако жъ онъ пробрался сквозь облака табачнаго дыму, мимо пятнадцати или двадцати столовъ и ему удалось усѣсться подлѣ сына. Арстидъ игралъ въ домино.

— Нельзя ли тебѣ выйти на минуту?

— Ахъ, это вы, батюшка? Теперь ни какъ же могу: мы играемъ на-ничуть. Я выигралъ уже пятьдесятъ завтраковъ. Но всё-равно; говорите: я слушаю.

— Адѣсь-то?

— Почему жъ нѣтъ?.... И продолжая играть, Арстидъ сказалъ: — *Три и была.*

— Мнѣ надобно поговорить съ тобою объ очень важномъ дѣлѣ.

— Тѣмъ лучше. Важнѣе дѣлъ нельзя откладывать.

- Да хочешь ты выйти или нѣтъ?
- Три и три.... Нельзя ли вамъ подождать пока партія кончится?
- А долго ли вы еще будете играть?
- Часовъ до двухъ.
- А теперь еще только осень! Дѣло идетъ о твоей женитьбѣ, а ты хочешь....
- Вы хотите, а я ровно ничего не хочу. *Домино!*
- Я назначилъ свадьбу черезъ мѣсяць. У меня есть на это свои причины. Но при такомъ шумѣ невозможно говорить.
- Да я очень хорошо понимаю: вы говорите, что черезъ мѣсяць мнѣ надобно жениться на мадамъ де-Невилеттъ.
- Ну да. Такъ надобно же тебѣ побывать у нихъ.
- Побываемъ. Три и пять.
- Надобно намъ выхотѣ съѣздить, чтобы приготовить подарки для твоей невесты.
- Съѣзжаемъ. *Домино!*
- Но это еще не вер.... Ты ведешь себя....
- Батюшка.... Не мѣшайте мнѣ.... Я по вашей милости проигралъ.
- Этуго день на самомъ концѣ Рудьскаго предвѣстья....
- Мальчишъ! Рюмку ликеру.... Не прикажете ли, батюшка?....
- Я вижу, что ты никогда не исправиться, а твоя невеста вродѣ заслуживаетъ уваженія....
- Если вы ее любите, такъ посоветуйте ей не выходить за меня.
- Этуго совѣтъ былъ совѣтъ не по-сердцу старинку Фроассару и потому онъ не хотѣлъ рассориться съ сыномъ и продолжалъ разговаривать о свадьбѣ за столомъ въ покойной, посреди трубокъ и рюмокъ ликеру.
- Когда же мы поѣдемъ къ Невилеттамъ?
- Черезъ двѣ недѣли, отвѣчалъ Аристидъ, швырнувъ домино на полъ.
- Батюшка, сказалъ онъ: если бъ вы были мой другъ, я бы бросилъ вамъ эту рюмку въ лицо, потому что я проигралъ по вашей милости; но такъ какъ вы мой отецъ, то я вѣнжаю ее за ваше здоровье и попрошу васъ заплатить.

Прошло съ-тѣхъ-поръ двѣ недѣли, а Фроассаръ нигдѣ не могъ отыскать своего любезнаго сына. Въ отчаяніи, не зная что дѣлать, онъ на пятнадцатый день отправился, къ Нёвилеттамъ и извинился, что сынъ не пріѣхалъ съ нимъ, прибавивъ, что впрочемъ, онъ, вѣроятно, скоро будетъ. А самъ между-тѣмъ думалъ: — Негодѣй гдѣ-нибудь играетъ въ домино. Не удастся мнѣ устроить этой свадьбы!

На этотъ торжественный случай и въ воспоминанье прежнихъ счастливыхъ дней, маркизъ Нёвилеттъ наудрился, маркиза нарядилась, какъ одѣвались при дворѣ Маріи Антоанетты, и старикъ очень безвзвонился о томъ, что подумаетъ объ этомъ бывший публичный обвинитель. Бѣднякъ никакъ не могъ увѣрить себя, что времена ужасовъ прошли и что при Наполеонѣ никто уже не рисковалъ положить голову на плаху за то, что одѣлся по-старинному. Онъ не спускалъ глазъ съ Фроассара, а тотъ, замѣтивъ это, вообразилъ, что маркизъ нашелъ въ его костюмѣ что-нибудь такое, что досталось ему по праву не наслѣдства, а по праву завоеванія, и оба другъ друга боялись. А къ несчастію, на Фроассарѣ дѣйствительно были жабо, кисейный вышитый платокъ и рубашка, которыя до революціи принадлежали Нёвилетту. И между соперниками завязался слѣдующій разговоръ:

— Вы не разсердитесь, любезнѣйшій мосьё Фроассаръ: что я въ такой торжественный день принарядился немножко по-старинному и наудрился? Этого хотѣлось моей женѣ, дочери....

— Э, помилуйте, почтеннѣйшій маркизъ: пудра идетъ къ вамъ какъ-нельзя лучше. Да и за что жъ мнѣ сердиться, когда я самъ сегодня одѣлъ, по ошибкѣ, платокъ, который, можетъ-быть, знакомъ вамъ....

А кончики платка съ вензелемъ маркиза, разстилались по красному жилету Фроассара.

— Не помню.... сказалъ Нёвилеттъ. Это очень мило, хоть бы маркизу.

Онъ узналъ свой галстухъ, подумалъ Фроассаръ: скоро узнаетъ и свою рубашку. А маркизъ со своей стороны ду-

маль: — На пудру онъ не обращаетъ вниманія, но кажется его сердятъ мой придворный кафтанъ и моя шпага.

— Впрочемъ, сказалъ маркизь, стоить ли сердиться другъ на друга за то, что мы, вспомнивъ старое, одѣлись, какъ одѣвались въ наше время.

— Сердиться за такую бездѣлицу! О, времена, когда это считалось преступленіемъ, прошли.

— Не правда ли, совсѣмъ прошли? сказалъ маркизь съ радостію, но еще не безъ опасенія.

— По-крайней-мѣрѣ, надобно надѣяться.

Между-тѣмъ Фроассаръ думалъ: «Какъ онъ дорожить своимъ придворнымъ костюмомъ! Онъ всё-еще аристократъ». А маркизь говорилъ самъ себѣ: «Нарядился въ красный жилетъ: онъ всё-еще революціонеръ».

Пока эта сцена происходила между стариками, Аделина думала вдругъ о двухъ вещахъ, хотя Лейбницъ и утверждаетъ, будто о двухъ вещахъ въ одно время думать нельзя. Она никогда не видала Аристида, не видывала и брачной корзинки, и потому правой стороной мозга думала: — Каковъ-то онъ собою? Будетъ ли онъ любить меня? Понравится ли онъ мнѣ? — А лѣвой: Чтѣ-то будетъ въ свадебной корзинкѣ? Ахъ, если бы жемчужное ожерелье! Сколько нѣръ перчатокъ класть туда?

Между-тѣмъ время проходило, а мосьё Аристидъ всё-еще не являлся. Маркизь и маркиза удивлялись и начинали сердиться; старикъ Фроассаръ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Вдругъ позвонили.

Лакей принесъ шкатулку изъ сандаловаго дерева, обитую серебромъ. — Отъ мосьё Аристида Фроассара, сказалъ онъ.

Свадебная корзина была не корзина: первое нарушеніе прихотныхъ обычаевъ. Фроассаръ поднялъ крышку и оттуда послышалась прелестная музыка. Не дурно! Но Боже мой, чтѣ это такое? Два билліардныхъ шара! Старикъ побѣдился. Будетъ и домино, подумалъ Фроассаръ: сгубить онъ меня, окаянный!

Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на шары, но вдругъ Аделина схватила ихъ и развернула. Въ одномъ была воаль, вышитая такъ превосходно, и по такому прелестному ри-

суну, что маркиза—а она знала толкъ въ этихъ вещахъ—ахнула отъ удивленія. Въ уголку было вышито крошечными антерами: «Рисовано Аристидомъ Фроассаромъ для мадамозель Аделины де-Нёвиллеттъ».

Сердце Аделины радостно забилось.

Въ другомъ шарфъ былъ браслетъ; достойный воали. Цѣпочку его составляли головки удивительной работы, и каждая изъ нихъ была портретомъ какой-нибудь знаменитой въ древности женщины. На фермуарѣ было вырѣзано: «Чеканено Аристидомъ Фроассаромъ для мадамозель Аделины де-Нёвиллеттъ».

— Онь чрезвычайно милъ, вскричала Аделина, бросаясь въ объятія матери, а та сказала мужу вслѣдствіе на то, что тутъ былъ старикъ Фроассаръ: — Онь хоть и нѣтъ простыкъ, а это хоть бы маркизу.

Дальше въ шарикѣ были обыкновенныя вещи, бриллиантовыя убрания, шаль, батистовыя платки, головное платъе, и прочая, а на самомъ днѣ книжечка, завернутая въ шелковую бумагу. Маркиза передала ее тотчасъ Аделинѣ и та прочла на заглавномъ листѣ:

«Тридцать шесть намеревъ дѣлать пуншъ, книга, написанная, напечатанная и переплетенная Аристидомъ Фроассаромъ, всего въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ поданъ мадамозель Аделинѣ де-Нёвиллеттъ, а другой отданъ на сохраненіе въ Голландскую Аббатство».

Прочіе подарки Аристеда такъ понравились Аделинѣ и ея родителямъ, что этотъ только разсѣяли, а не рассердчались ихъ. Притомъ книжка была прелестна: настоящая тинотрафеевая игрушка. Вообще свадебная корзинка Аристеда чрезвычайно понравилась всѣмъ. Одна только была: отъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещей нестерпиво несло табакомъ.

Снова раздался звонокъ. Явился Аристанъ Фроассаръ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, маркиза повела его въ другую комнату, чтобы поговорить съ нимъ наединѣ.

— Вы знаете, мосье Фроассаръ, сказала она: что наша фамилія самого знатнаго происхожденія и играла при прежней монархіи весьма важную роль. Я говорю это не въ обиду Вамъ, а чтобы показать, какъ вы должны уважать

вашу дочь. Она настоящая сокровище. Благодаря ей имени, хотя она впередъ и будетъ носить вашу фамилию, вы можете вступить въ свѣтъ, предоставленный одной знатности и въ который одно ваше богатство, какъ оно ни велико, не доставило бы вамъ доступа. По милости моей дочери вы будете такъ хорошо приняты. Если бы не такія времена, то мы, конечно, выдали бы Аделину не иначе, какъ за дворянина, но несчастное наше положеніе заставляетъ насъ быть скромными и жертвовать нашей славой ея счастію. Вы сделаете ее счастливою, потому что она имѣетъ полное право на это: воспитана она такъ, что хоть бы вы были за принцемъ. Она, конечно, будетъ любить васъ, будетъ обходиться съ вами какъ съ равнымъ, но вы, вѣрно, сами не забудете, что, по рожденію, вы несравненно ниже ея. Не заставляйте ее заниматься хозяйствомъ: это было бы унижительно. Прекрасныя, дворянскія ручки созданы не для того, чтобы исправлять работу слугъ. Любите ее почтительно и тогда мы не будемъ жалѣть, что отдали ее за васъ.

Маркиза перестала говорить. Аристидъ отвѣчалъ:

— А позвольте спросить, маркиза, умѣетъ ли ваша дочь ка шопать чулки?

Маркиза съ гордымъ видомъ встала и вышла изъ комнаты.

Фрассаръ принялся разсуждать. — По всему кажется, говорилъ онъ самъ себѣ, что когда вступаешь въ законный бракъ, то женишься не на женѣ своей, а на тещѣ. Такимъ образомъ, если я женюсь на Аделинѣ, то буду покорнымъ мужемъ ея маменьки. Хорошо! Зато, если жена меня разсердитъ, я примусь за тещу; если я буду несчастливъ съ женою — прогоню тещу. Прекрасно! Если у меня будетъ ребенокъ, кормить его должна теща!

— Не женюсь, сказалъ онъ заключеніе; всталъ, взялъ шляпу и хотѣлъ уйти, но—дверь была заперта. Маркиза, забывшись, повернула ключъ въ замкъ. Сначала онъ думалъ, что за нимъ скоро придутъ; но прошло полчаса, прошелъ часъ: никто не явился; онъ принялся стучать во всю мочь; но эта комната была далеко отъ другихъ и стукъ его никто не слышалъ. Прошло два часа, было уже

около полуночи: Аристиду надоѣло сидѣть взаперти. Онъ выглянулъ въ окно: внизу былъ садъ, но соскочить нельзя: слишкомъ высоко. Ксчастію, близко окна была труба отъ дождеваго жолуба; онъ спустился по ней на землю, потомъ влѣзъ на заборъ, соскочилъ на другую сторону и попалъ прямо въ середину ночнаго дозора. Его схватили. — Попался, молодецъ! Мы тебя давно караулили. Въ тюрьму! закричали полицейскіе.

— Ты только воръ? спросилъ унтеръ-офицеръ, командиръ дозора.

— А развѣ этого мало? отвѣчалъ Фроассаръ.

— Ты, можетъ-быть, и убійца. Нѣтъ ли у тебя на платьѣ крови? Есть.

— Это моя кровь. Я повредилъ себѣ руку, спускаясь изъ окна въ садъ.

— Кого ты убилъ?

— Скуку сидѣть два часа взаперти.

— Зачѣмъ ты бѣжалъ?

— Чтобы не жениться на мадмоазель де-Нёвиллетъ, одной изъ самыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ во всемъ Парижѣ, но у которой, по несчастію, есть мать.

— Онъ прикидывается сумасшедшимъ, замѣтилъ унтеръ-офицеръ. Ведите въ полицію.

Въ полночь, лѣтомъ, Парижъ еще не спитъ; многіе возвращались еще изъ театровъ. Вокругъ дозора собралась толпа зѣвакъ и всѣ толковали. — Онъ такъ и глядитъ какъ торжникомъ! говорилъ одинъ, указывая на Фроассара. — Онъ, вѣрно, кого-нибудь убилъ, сказалъ другой. — Да чуть ли не онъ укралъ у меня вчера часы, прибавилъ третій. — Помилуйте, господа, сказалъ четвертый, вы видите, что онъ въ бѣломъ галстукѣ, въ черномъ фракѣ и въ башмакахъ. Кто же ходитъ въ бальномъ костюмѣ на воровской промышлѣ? Гораздо вѣроятнѣе, что онъ былъ на любовномъ свиданіи. Вотъ тутъ, въ этомъ окнѣ, гдѣ свѣтится лампа, я часто видѣлъ очень хорошенькую женщину. Я здѣсь недалеко живу и часто прохожу. Стоитъ только спросить въ этомъ домѣ, знаютъ ли его тамъ.

Толпа разсудила, что этотъ говоритъ дѣло. Сержантъ согласился съ толпою и повелъ Фроассара въ домъ, отку-

да опъ сѣжалъ.... Маркиза два часа не могла прійти въ себя отъ ужасу послѣ разговора съ Аристидомъ. Наконецъ она сошла въ гостиную и сказала:—Я не хочу, чтобъ дочь моя была за мосьё Фроасс ромъ. Но гдѣ же онъ? Я уже часа два назадъ ушла отъ него....

— Два часа? Да гдѣ же онъ? Сюда онъ не приходилъ.

Пошли отъѣскивать. Раздался звонокъ. Это сержантъ привелъ Фроассара. За нимъ шла толпа народу.

— Знаете ли вы этого господина? спросилъ сержантъ.

— Знаемъ, отвѣчали маркизъ и маркиза.

— Не укралъ ли у васъ чего-нибудь?

— Отчего вы это спрашиваете?

— Мы думаемъ, что этотъ господинъ у васъ что-нибудь стянулъ. Мы схватили его, когда онъ соскочилъ со стѣны вашего саду.

— Я не знаю, сказала маркиза: что ему вздумалось выскочить въ окно, когда онъ могъ уйти черезъ дверь, но онъ точно былъ здѣсь.

Въ толгѣ послышался смѣхъ.

— У васъ есть дочка? спросилъ сержантъ.

— Есть.

— Молоденькая?

— Что это за вопросы?

— Хорошенькая?

— Я удивляюсь....

— Пустите его, сказалъ сержантъ, обращаясь къ своимъ солдатамъ. Это не воръ.

Въ толгѣ, которая пришла за дозоромъ, начались хохотъ, шутки, обидныя предположенія; эти люди жили, большою частію, по сосѣдству. Сержантъ ушелъ. Маркиза въ отчаяніи воротилась въ гостиную. Аделина была тамъ и все слышала. Аристидъ поималъ въ какое несприятное положеніе поставилъ ее своимъ опрометчивымъ поступкомъ. Онъ подошелъ прямо къ ней и сказалъ:—Послѣ этого вамъ не остается больше ничего дѣлать, какъ выйти за меня.

Теперь маркиза де-Нёвилеттъ уже и не думала сопротивляться. Черезъ недѣлю женихъ и невѣста, родители ихъ,

родственники родителей и приятели родственниковъ торжественно отправились въ контору мера.

Въ старинномъ, великолѣпномъ домѣ маркиза де-Нёвиллетта, сдѣлавшагося со времени революціи, достояніемъ Каскаре-Фроассара, было на улицу два полукруглыхъ флигеля, или лучше сказать павильона, а между ними ворота. Въ одномъ изъ этихъ павильоновъ жилъ привратникъ, другой занималъ жилецъ, о которомъ даже самъ привратникъ зналъ только то, что его зовутъ Вильярреаль.

Когда свадебный поѣздъ отправился въ контору мера, придверникъ Тюрбо стоялъ у дверей своей квартиры, а жилецъ противоположнаго павильона выглянулъ въ окно. Аделина де-Нёвиллеттъ и ея мать сѣдѣли въ старинномъ открытомъ ландо, такомъ высокомъ, что жилецъ могъ бы изъ окна дотронуться рукою до головки прекрасной невѣсты. Въ эту минуту глаза ихъ встрѣтились. Аделина была такъ хороша, что Вильярреаль вскрикнулъ отъ удивленія, а она, замѣтивъ это, покраснѣла.

Какъ-скоро кареты повернули за уголъ, молодой жилецъ павильона сбѣжалъ съ лѣстницы и обращаясь къ привратнику спросилъ:

— Скажите, ради Бога, кто это?

— Какъ, вы не знаете? Это нашъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не этотъ....

— А, такъ отецъ нашего хозяина.

— Я не объ немъ васъ спрашиваю.

— А, такъ это мать нашей хозяйки.

— Да я хочу знать кто эта молоденькая дама.

— Молоденькая? А, такъ это наша будущая хозяйка. Теперь она еще надмозель Аделина де-Нёвиллеттъ, а черезъ несколько часовъ будетъ мадамъ Фроассаръ.

— Такъ она выходитъ замужъ?

— Что же тутъ мудренаго? Вѣдь и матушка ваша была замужемъ.

— Спасибо, любезный другъ.

— Ну, теперь опять мѣсяца три его не увидишь, сказалъ привратникъ, когда Вильярреаль ушелъ.

И действительно, этотъ молодой человекъ выходилъ очень рѣдко. Онъ почти непрерывно, день и ночь рабо-

галь, а кушанье припасилъ ему изъ сосѣдняго гракитира, его слуга, маленькій негръ.

Конторы меровъ въ Парижѣ очень не великолѣпны и передъ меромъ, какъ передъ закономъ, всѣ равны: герцоги и простолюдины, богатые и бѣдные, банкиры и ветошняки, во ожиданіи мера, сидятъ на простыхъ деревянныхъ лавкахъ, прислонившись къ голой стѣнѣ. Но счастье все украшаетъ. Обыкновенно никто и не замѣчаетъ этой бѣдности убранства. Счастливымъ все кажется прекраснымъ. Тутъ, напримѣръ, никто и не замѣтилъ, что у мера цоць красный и раздвоенный какъ у охотничей собаки. Напротивъ, маркизь де-Нёвилеттъ говорилъ:—Какой почтенный видъ у мера! а маркиза прибавила:—Онъ, вѣрно, какой-нибудь старинный дворянинъ! Аделина охотно бы обняла его, какъ отца. Только на Фроассара онъ произвелъ совсѣмъ другое дѣйствіе.

— Я знаю этого молодца! сказалъ про себя Аристидъ: навзгустъ знаю! Смерть-надоѣлъ онъ мнѣ. Какъ бы онъ не узналъ меня!

Аристидъ попробовалъ-было стать къ нему бокомъ, но невозможно: надо подать руку невѣстѣ. Онъ думалъ-было притвориться, будто вдругъ заболѣли зубы и закрыть поллица платкомъ: платокъ его остался въ шляпѣ. Дѣлать нечего: онъ потушилъ глаза, какъ школьникъ, когда хотять, чтобы ихъ не замѣтили и подошелъ къ возвышенному креслу, на которомъ сидѣлъ меръ. Тотъ принялъ официальную физиономію и торжественно началъ обыкновенную фразу:

— Дѣти мои, счастливый и священный союзъ, который вы заключаете....

Меръ опять поднялъ глаза, узналъ Фроассара и остановился.

— Узналъ, злодѣи! подумалъ Аристидъ.

— Счастливый и священный союзъ, который вы заключаете.

Меръ опять остановился. Вторая остановка была такъ продолжительна, что другія пары, которыя ожидали своей очереди заключить союзъ счастливый и священный, начали

— Счастливый и священный союзъ, который вы заключаете....

— Да, чортъ возьми! вскричалъ Аристидъ, но такъ, что слышалъ одинъ меръ: изъ того, что вы поставили мнѣ пѣкогда на полторы тысячи сапоговъ и я вамъ не заплатилъ, еще не слѣдуетъ, чтобы вы не должны были вѣнчать меня.

Меръ былъ сапожникъ. Онъ вздохнулъ и проговорилъ скороговоркой, какъ школьникъ, который хочетъ проворѣе отдышаться отъ уроку:

— Счастливый и священный союзъ, который вы заключаете, возлагаетъ на васъ важныя и пріятныя обязанности. Вы должны любить и поддерживать жену; а вы должны повсюду слѣдовать за своимъ мужемъ. Именемъ закона соединяю васъ.

Аделина, ничего не замѣтивъ, поклонилась. Аристидъ сказалъ меру:

— Пришлите завтра вашъ счетъ. Последняя пара никуда не годится: товаръ былъ скверный.

Изъ конторы мера повобрачные отправился въ церковь и принялъ пасторское благословеніе, оттуда воротился домой, и гости усѣлись вокругъ стола, уставленнаго серебромъ, хрусталемъ, и свѣчами. Герцогъ Октавій де-Вильярсаль, облокотившись на окно своей комнаты, горестно поглядывалъ на шхъ, сквозь освѣщенныя окна залы и взоры его остановились на Аделинѣ, царицѣ пиршества. Полюбить дѣвушку и притомъ своей первой любовью, въ тотъ самый день когда эта дѣвушка выходитъ замужъ, значитъ начать жизнь сердца бурей. Онъ мучился горестью, отчаяніемъ, ревностью, какъ-будто зналъ и любилъ Аделину съ самаго младенчества и не могъ помѣшать ей кинуться въ объятія другаго. Онъ терзался какъ-будто ему изменили. Если Аделина улыбалась, слушая что вокругъ нея говорили, Октавій сердился: ему было досадно зачѣмъ она улыбается не ему, а другимъ. Ему казалось, что всѣ эти жадныя взгляды, весь этотъ гастрономическій шумъ вокругъ нея, оскверняютъ ее чистое существо. О, если бъ я зналъ ее прежде! говорилъ онъ самъ себѣ. Можетъ быть, она бы меня любила! Быть любимымъ

ей! О, какое блаженство! По теперь она черезъ нѣсколь-
ко часовъ будетъ мадамъ Фроассаръ, женою моего хозяи-
на и будетъ знать меня только по тому, что я исправно
плачу шесть сотъ франковъ за квартиру.

Квартира Вильяреала была убрана съ изящнымъ вку-
сомъ молодого человѣка, образованнаго и богатаго. Мы
уже говорили, что онъ жилъ въ павильонѣ у вѣрты. Подъ
самымъ окномъ его кабинета пачиналась стѣна, которая
поддерживала терассу сада; тутъ обыкновенно стояли вазы
съ цвѣтами. Но для бѣднаго молодого человѣка это былъ
запрещенный плодъ: жилецъ, платящій шесть сотъ фран-
ковъ за квартиру, не имѣетъ никакого права ходить въ хо-
зяйскій садъ, хоть бы для того только, чтобы полюбовать-
ся цвѣтами, которыхъ у богачей такъ много, но на которые
они и не смотрятъ. Стѣна обгнбала полукругомъ часть
двора, примыкала къ главному корпусу и оканчивалась у
балкона спальни Адельны, такъ что она могла прямо
изъ своей комнаты спуститься въ садъ. Но возвратимся
къ пирующимъ.

Изъ трехъ сотъ человѣкъ, сидѣвшихъ за столомъ,
двѣсти были уже пьяны или по-крайней-мѣрѣ пѣ-весе-лѣ.
Божанси, которому по расчету медиковъ оставалось
жить только полгода, ѣлъ и пилъ за нѣтерыхъ здоро-
выхъ; Ласервоазъ говорилъ всякой вздоръ о скульптурѣ
какому-то толстяку, который, судя по его фнзіономіи,
никогда многого не понималъ, а въ концѣ обѣда и того
меньше; Последняя Гитара придирается къ каждому сло-
ву и дѣлалъ изъ него куплетъ. Маркиза де-И влетѣтъ
подтрунивала надъ Фроассаромъ, который на-радостяхъ
также подгулялъ и заставила стараго реснубшканца кри-
чать: да здравствуетъ король!

Во Франціи новобрачные обыкновенно уходятъ въ свою
комнату во время танцевъ, такъ что никто этого и не замѣ-
чаетъ. Аристидъ нарушилъ это обыкновеніе: онъ ушелъ
еще во время десерту. Впрочемъ, гости были бѣльшесю
частію въ такомъ положеніи, что не замѣтили этого. Но
несчастный Вильяреаль все видѣлъ. Онъ видѣлъ какъ Аде-
лина встала, какъ Аристидъ украдкой пошелъ за нею,
какъ свѣтъ переходилъ изъ комнаты въ комнату и дѣлѣ тѣ-

ни рисовались на занавѣсахъ, то одного, то другаго окна, какъ, наконецъ, свѣтъ и обѣ тѣни остановились въ спальнѣ новобрачныхъ.... Холодъ пробѣжалъ по жиламъ Октавія и онъ едва не лишился чувствъ. Первою его мыслью было бѣжать, бѣжать изъ дому, изъ Парижа, бѣжать навсегда. Но потомъ онъ остался, хотя страдалъ нестерпиво. Человѣкъ всегда какъ-бы съ удовольствіемъ смотритъ на прощаль, которая открылась подъ его погами, на пламя, которое пожирало домъ его. Черезъ пол-минуты, не больше, одна изъ тѣней, очевидно тѣнь молодого, вдругъ вышла изъ спальни, прошла назадъ по всемъ комнатамъ и снова явилась въ залѣ. Октавій не ошибся: Аристыдъ дѣйствительно воротился, но уже не въ прежнемъ костюмѣ, а въ бумажномъ кошахъ, персидскомъ халатѣ и бархатныхъ туфляхъ. Маркиза де-Невилеттъ всплеснула руками отъ ужасу:—Что это значитъ? Гдѣ же дочь моя? вскричала она.

— Въ постели, отвѣчалъ хладнокровно Аристыдъ. Потомъ взялъ кресла, выдвинулъ ихъ на середину комнаты, и сѣлъ, собираясь говорить.

— Я открылъ, сказалъ онъ, что такое любовь....

Дѣвушки покраснѣли, услышавъ, что человѣкъ въ шляпокѣ говоритъ о такомъ щекотливомъ предметѣ; вдовушки улыбнулись.

— Негодяй, сказала вполголоса маркиза.....

— Рельефо, удивительно рельефо! вскричалъ Ласервоазъ.

— Я открылъ что такое любовь, съ важностію продолжалъ Аристыдъ. Знаете ли что это такое? Страшное любопытство; больше ничего. Если бы женщины закрывали носъ, намъ бы страхъ хотѣлось видѣть ихъ носъ, мы бы изъяснялись въ любви къ ихъ носу, мы бы со слезами вымаливали позволеніе поцѣловать кончикъ ихъ носу. И все только по тому, что онѣ пряталъ бы носъ. Ясно, что мы любимъ въ женщинѣхъ только то, что онѣ скрываютъ отъ нашего любопытства. Поэтому любовь есть не что иное какъ неопредѣленное, безпредѣльное любопытство.—Но вотъ почему я говорю вамъ это въ персидскомъ халатѣ, въ бумажномъ кошахъ и въ бархатныхъ туфляхъ.

Если мнѣ суждено быть тѣмъ, чѣмъ былъ дожъ Корнаро....

— Негодяй! сказала маркиза, уже по-громче.

— Если такова судьба моя, то подвергнуть меня этой участи можетъ только одинъ изъ васъ, друзья мои. Здѣсь, всѣ, съ которыми я, по всѣй вѣроятности, проведу всю жизнь, или по-крайней-мѣрѣ всю свою молодость. — Слѣдственно, если мнѣ суждено испытать участь Марино Фалиеро, то будущій счастливый обожатель жены моей — между вами.

— Удивительно рельефно! сказалъ Ласервоазъ.

— Негодяй! закричала маркиза де-Нѣвилеттъ. Вы знакій человекъ, неучъ, мужикъ, однимъ словомъ, Фроассаръ, когда вы осмѣливаетесь при людяхъ говорить такіа мерзости о женѣ своей. — Маркизь, накажите этого мерзавца!

Маркизь спалъ.

— Маменька-голубушка, ваша рѣчь впереди: я еще не кончала, сказалъ Аристидъ. — Чтобы избавиться отъ этой неприятности, продолжалъ онъ съ важнымъ видомъ: я думаю, всего лучше будетъ удовлетворить ваше любопытство. Поэтому я покажу вамъ жену, точнѣе говоря, какъ если бы она была Діана или Юнона.... Она довольно хороша для этого.... Поидемте, господа.

Фроассаръ всталъ, взялъ подсвѣчникъ и хотѣлъ уже идти; но маркиза де-Нѣвилеттъ пустила ему другой подсвѣчникъ въ голову. Тутъ съ обѣихъ сторонъ посыпались брань и ругательства отъ тѣщи на зятя, отъ зятя на тѣщу. Гости, чтобы не присутствовать при этой фамильной сценѣ, убрались одинъ за другимъ, не дожидаясь даже бала. Старикъ Фроассаръ ушелъ изъ церквы, сказавъ про себя: — Поведеніе Аристида еще болѣе убѣждаетъ меня въ необходимости воспитанія національнаго и глубоко религіознаго.

Какъ-скоро всѣ разошлись, Аристидъ кликнулъ человека и сказалъ: — Подай холодной говядины, и трубокъ.

Октавій съ удивленіемъ увидѣлъ, что гости разбѣжались, а потомъ слуги поставили на столъ огромный кусокъ говядины, и тарелки съ табакомъ и трубками. Вокругъ стола сидѣли только Аристидъ, Ласервоазъ, Бо-

жанси и Последняя Гитара. Вильярреалу совсѣмъ не хотѣлось спать и потому онъ рѣшился остаться у окна до конца этой сцены. Пробилъ часъ, пробилъ два часа, а пріятели всё-еще играли въ карты, пили лнкеры и курили. А между тѣмъ почная лампа всё озарила окно спальни своимъ слабымъ свѣтомъ. Неужели она одна тамъ, и что она думаетъ о поведениі мужа? говорилъ самъ себѣ Октавій. Ес, вѣрно, обманули! Невозможно, чтобы дѣвушка такая прекрасная, такая благородная, добровольно рѣшилась провести всю жизнь съ распутнымъ негодяемъ, который въ первую ночь послѣ свадьбы играетъ въ карты и пьсть. Бѣдняжка! Она, вѣрно, жертва бѣдности своихъ родителей. Но не лучше ли всю жизнь терпѣть бѣдность, чѣмъ быть принужденной прикасаться своими губками къ губамъ негодая, отъ котораго несетъ табакомъ и водкой. Что можетъ сравниться съ этимъ мученіемъ? А она такъ прекрасна! На лицѣ ея написано благородство знатнаго происхожденія, фзіономія ея дышетъ непорочностію дѣвушки воспитанной нѣжными и попечительными родителями. Это, вѣрно, одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ браковъ, или лучше сказать гнусныхъ торговъ, которыхъ такъ много бываетъ въ Парижѣ. А я бы служилъ ей на колѣняхъ, уважалъ бы, боготворилъ, обожалъ ее! Несчастный, съ которымъ ее соединили, какъ-будто считаешь себя недостойнымъ обладать ею. Но можетъ-быть, скоро онъ вспомнитъ объ ней.... О, это ужасно! Нѣтъ, нѣтъ, эта женщина создана не для него. Онъ ее купилъ, укралъ, отнял у меня...

Разсуждая такимъ образомъ, Вильярреаль дотого разгорячился свое воображеніе, что самъ почти не зная что дѣлаетъ, вылезъ изъ окна на стѣну сада и, подвергаясь опасности сломить себѣ шею, дошелъ по стѣнѣ до балкона спальни Аделины.

Дверь была заперта, но какъ-скоро онъ дотронулся до замка, изнутри отперли и кто-то сказалъ: «Я думала, что вы прійдете съ той стороны.» Увидѣвъ, что это не мужъ, Аделина вскрикнула и поблѣднѣла какъ смерть.

— Боже мой! Что это!

— Успокойтесь, ради Бога успокойтесь.... я сейчасъ вамъ скажу....

— Кто вы? Чего вы хотите? Чтò вамъ пужно?

Говоря эти отрывистыя слова, Аделина закутывалась въ свой пеньюаръ: ей было холодно.

— Но говорите же, кто вы? Зачѣмъ вы пришли?

— Я видѣлъ васъ сегодня въ первый разъ, когда вы вѣхали въ церковь.... Я живу здѣсь, въ павильонѣ вашего дому.... Вы возвратились.... Я всё смотрѣлъ на васъ черезъ окно.... Я съ ума сошелъ.... Я видѣлъ, какъ гости ваши въ испугѣ разбѣжались.... вы остались одни въ своей комнатѣ.... вашъ мужъ играетъ въ карты.... Я ужъ говорилъ вамъ, что я съ ума сошелъ.... О, да! Я люблю васъ....

Разстроенное лицо Октавіа еще яснѣе словъ выражало состояніе души его.

Никогда еще женщина не бывала въ такомъ странномъ положеніи: слышать объясненіе въ любви, въ первую ночь послѣ свадьбы, въ двухъ шагахъ отъ мужа, когда онъ каждую минуту могъ прійти! Аделина отъ страху не могла выговорить ни слова и черныя прекрасныя глаза ея, выражавшіе ужасъ, безпреставно переходили съ блѣднаго лица Октавіа на дверь, черезъ которую могъ войти Аристидъ.

— Знаю, я много виноватъ передъ вами, говорилъ Октавіи прерывающимся голосомъ: но вы можете тотчасъ наказать меня: вскрикните, позвоните и я въ ту же минуту буду окруженъ, схваченъ, можетъ-быть, убитъ вашимъ мужемъ и его пріятелями. Я это знаю.... но я люблю васъ. Пусть они придутъ; я не стану защищаться.

— Но чего же вы хотите отъ меня?....

— Ничего.... я не знаю даже какимъ образомъ здѣсь очутился, какъ я сюда попалъ.....

— Такъ уйдите же, ради Бога.... вы, вѣрно, не захотите, чтобы я умерла со стыда?.... Чтò онъ подумаетъ, если теперь вдругъ взойдетъ?....

— Да, да, я уйду. .. это было бы ужасно, если бъ онъ вдругъ взошелъ.... О, зачѣмъ вы не меня ждете!

Онъ стоялъ у дверей въ садъ и, вѣрно, въ душѣ намѣревался исполнить просьбу Аделины, но вмѣсто-того машинально сдѣлавъ два шага впередъ, схватилъ на креслахъ

свадебное платье Аделины, прижималъ его къ груди, къ губамъ и плакалъ.

Страсть—огонь: она вся вокругъ себя зажигаетъ. Аделина уже не сердилась на Октавія; ей жаль было его. Она всё-еще съ ужасомъ поглядывала на дверь, но потомъ кротко смотрѣла на того, который говорилъ съ нею такъ, какъ до того никто еще не говорилъ, смотрѣла на нея такъ, какъ никто еще до того не смотрѣлъ.

— Еще разъ прошу васъ, сказала она съ невыразимою кротостію: уйдите, ради Бога, уйдите!....

— Уйду, но скажите мнѣ, что вы меня прощаете....

— Да, да.... только ступайте по-скорѣе!

— Прощайте.... и навсегда. Я въ эту же ночь выйду изъ дому.... изъ Парижа.

Октавій закрылъ лицо обѣими руками и слезы его текли изъ-подъ пальцевъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ сказалъ съ спокойствіемъ отчаянія:— Меня зовутъ герцогомъ Вильяреалемъ; если вы когда-нибудь вспомните объ этомъ имени, то по-крайней-мѣрѣ оно не будетъ пятномъ въ нашемъ воспоминаніи. Прощайте! Прощайте.

Октавій упалъ на колѣна и судорожно прижался губами къ подушкѣ, на которой стояли ножки Аделины.

— Идутъ! вскричала Аделина: это мужъ мой! Бѣгите, ради Бога, бѣгите!

Въ испугѣ она нагнулась къ нему и лобъ ея встрѣтился съ губами Вильяреала. Опъ застоналъ.

Дверь отворилась и вошелъ Аристидъ.... Вильяреала уже не было.

— Двѣнадцать трубокъ! сказалъ Аристидъ входя и выколачивая трубку о мраморъ камина: двѣнадцать трубокъ въ первую почу свадьбы! Не дурно. А что, не прикорнуть ли намъ, моя милая? прибавилъ опъ, ударивъ Аделину по плечу и потягиваясь.... Мнѣ что-то спать хочется.... А тебѣ?

Въ эту минуту послышался стукъ воротъ, которыя затворились, разбудивъ эхо во всѣхъ углахъ двора.

— Кто бы это могъ тебѣ выйхать? сказалъ Аристидъ: Божеи си. Дасеріоазъ. Постылила Татара сать полъ.

столомъ. А впрочемъ намъ какал надобность! Покойной ночи всему свѣту.

Онъ задулъ лампу.

— Въ контору дилижансовъ, сказалъ Октавій де-Вильяреаль кучеру кабриолета, въ который сѣлъ на ближней площади.

На другой день въ двѣнадцать часовъ, по старинному обычаю, вся домашняя прислуга введена была въ спальню молодой, которая сидѣла между мужемъ, матерью и отцомъ. Каждый изъ людей поздравлялъ барыню и подносилъ ей букетъ. Когда очередь дошла до Тюрбо, важнѣйшаго изъ этихъ посѣтителей, онъ сказалъ:

— Я, сударыня, привратникъ и надѣюсь, что ни разу не запоздаю отворить ворота, когда вы изволите прѣхать домой ночью.

— Кстати, Тюрбо, сказалъ Аристидъ: кто это уходилъ ночью часа въ три? Миѣ послышалось, что ворота затворились.

— Точно такъ; это ушелъ молодой жилецъ, который за-нимасть у насъ павильонъ. Тогда точно было часа три. Только онъ не ушелъ, а, видно, уѣхалъ совсѣмъ, потому что послѣ я нашелъ у себя на столѣ подлѣ форточки, которая всегда отворена, полтораста франковъ за три мѣсяца, и сорокъ франковъ миѣ.

Аделина слушала внимательно и только тутъ увѣрилась, что все бывшее съ нею ночью, не сонъ.

— Жалко его, продолжалъ придверникъ: квартера-то, правду сказать, небольшая, да жилецъ славный. Ума не приложу, что съ нимъ это случилось. Ничего не сказалъ миѣ; да и мебели тутъ. А видно, онъ не воротится. Прикажете отдавать квартиру?

— Ты съ ума сошелъ, сказалъ Фроассаръ: вѣдь онъ не отказался отъ квартиры, такъ она за нимъ. Не правда ли, Аделина?

— Я не знаю, право.... какъ это дѣлается.... но я то же думаю.... лучше подождать.

— Кто жь этотъ жилецъ? спросила маркиза де-Невилеттъ. Ты говоришь, молодой человекъ? Вѣрно, какой-нибудь бѣднякъ, который разорился на биржѣ?

— О, онъ прекрасный молодой человекъ, отвѣчала мадамъ Тюрбб, жена придверника; тихой, смиренный, учтивый, да такой хорошенькой! Въ полгода онъ, кажется, ни разу не приходилъ домой позже одиннадцати часовъ. И онъ совсѣмъ не бѣденъ: у него весь сервизъ серебряный. О, мослѣ Вильярсаль, напротивъ, очень богатый человекъ.

— Вильярсаль! вскричала маркиза: да это одна изъ самыхъ знатныхъ фамилій въ Португаліи. Жаль, что мы съ нимъ не познакомились.

— Спасибо тебѣ, любезный другъ, за букетъ и твои желанія, береги насъ хорошенько, сказала Аделина, которую этотъ разговоръ очень интересовалъ и вмѣстѣ приводилъ въ смущеніе.

Придверникъ и жена его раскланялись и хотѣли уйти, но садовникъ, которому, видно, наскучило молчать, остановилъ ихъ.

— Нечего сказать, хорошо ты бережешь домъ, Тюрбб: по почамъ у меня дернъ мнутъ и вазы разбиваютъ.

— Чтò ты это городишь? Чтò у тебя такое случилось?

— Да вотъ недалеже какъ нынче почью, воръ прошелъ по всей стѣнѣ, до самой спальни барыни: слѣды и теперь еще видны — да опрокинулъ и разбилъ вазу.

— Голову даю на отсѣченье, что ночью никто не входилъ къ намъ! вскричалъ Тюрбб.

— Да чтò мнѣ въ твоей головѣ-то; будь она луковица, такъ не чтò, пригодилась бы.

— Вѣрно, кто-нибудь изъ гостей гулялъ по саду, сказала Фроассаръ. Полноте объ этомъ толковать.

— Такъ, видно, онъ какъ-нибудь поранилъ себя: тамъ гдѣ разбита ваза, на землѣ много крови.

— Хорошо, хорошо, прощайте, сказалъ Аристидъ, которому этотъ продолжительный приемъ надоѣлъ.

Слуги разошлись, Аделина отдохнула. Она была блѣдна какъ смерть.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ чудакъ Аристидъ передѣлалъ свой домъ и превратилъ его изъ барскаго прекраснаго дома въ ресторацію. Столовая была убрана по образцу какой-то кофейной; въ большой гостиной поставлены были

беллляръ. Надъ дверями всѣхъ комнатъ написано: Здѣсь можно курить. И какую жизнь онъ повелъ!

— Милая моя, сказалъ онъ Аделинѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы: «весна моей жизни» какъ говорить поэты, была ужасно несносна: я во всемъ нуждался; и теперь намѣренъ вознаграждать себя за прежнія лишенія. Хочешь ли ты повеселиться вмѣстѣ со мною? Если бы я былъ артистъ, обо мнѣ бы говорили: — Онъ мечтатель, думаетъ только о своемъ искусствѣ, а о бѣдной женѣ и не заботится. Будь я купецъ, добрые люди твердили бы: — Бѣдняжка! Мужу только бы наживать деньги, а отъ жены доходу нѣтъ, такъ онъ объ ней и не думаетъ. Но, благодаря Бога, занятій у меня никакихъ нѣтъ, а удовольствія я люблю всѣ до одного. Хочешь со мною веселиться?—я очень радъ; не хочешь, такъ живи себѣ какъ знаешь.

Кроткая Аделина ему не противорѣчила и онъ устроилъ все по-своему; одинъ день у нихъ былъ обѣдъ, на другой вечеръ. Съ пяти часовъ пополудни и до трехъ утра у нихъ всегда были гости. Весельчакъ принуждалъ своего бѣднаго тестя и свою бранчивую тѣщу, сидѣть за столомъ по пяти часовъ сряду и пить на-пропалую; за десертомъ онъ заставлялъ старика Нёвиллетта пѣть куплеты, а старухѣ надѣвалъ по-тихонько на голову цвѣточные вѣнки. Свобода въ домѣ царствовала такая, что наконецъ однажды Аделина сказала ему:

— Мнѣ надобно поговорить съ тобою, Аристидъ.

— Поговоримъ, моя милая.

— Мы ведемъ такую жизнь.....

— Постой, дай мнѣ закурить сигару: ты, можешь-быть, долго будешь говорить.

— Мы ведемъ такую жизнь, повторила Аделина....

— А кому до этого какая надобность?

— Эти ежедневные обѣды.....

— А развѣ они не хороши? Поварь у насъ, кажется, прекрасный.

— Эти вечера.....

— Да будто у насъ не всеело? Музыка, танцы, ужинъ....

— Да я и не то хотѣла сказать. Ты меня не понимаешь.

- Не понимаю.
- Эти молодые люди, которые всегда у нас быва-
ютъ.....
- Всё такіе же весельчаки какъ я.
- Они иногда..... позволяютъ себѣ.....
- Разбить стулъ, зеркало? Это не бѣда,
- Иногда они мнѣ говорятъ такія вещи.....
- Смиѣйся надъ ними, моя милая, или притворись буд-
то не слышишь.
- Иные даже признавались мнѣ въ любви....
- Право?
- И это тебя не удивляетъ? ...
- Удивляло бы, если бь ты не была такая хорошенькая,
а теперь нисколько.
- Одинъ даже былъ такъ дерзокъ, что написалъ ко
мнѣ и просилъ свиданія....
- Не говори мнѣ кто это, ради Бога не говори: мнѣ
хочется угадать.
- Помилуй, да ты почти радъ этому?
- Радъ какъ-нельзя больше.
- Аделина покраснѣла и опустила голову.
- Милая ты моя, да мнѣ этого-то и хотѣлось: мнѣ
всегда хотѣлось жены, которая бы тревожила меня какъ
любовника, не давала бы мнѣ задремать въ тяжеломъ,
снотворномъ блаженствѣ законнаго супружества. Теперь я
буду присматривать, угадывать. Да притомъ отъ этого за
мною больше станутъ ухаживать. Одинъ влюбился, такъ
влюбятся и десять и всѣ они будутъ притворяться моими
друзьями, а мнѣ то и на руку....
- А если въ свѣтѣ станутъ говорить, что у меня есть
любовникъ? сказала Аделина поднимая голову.
- Э, ты еще не знаешь свѣта: онъ гораздо щедрѣе. Ста-
нутъ говорить, что у тебя десять любовниковъ.
- Но мое доброе имя, твое....
- Аристидъ вынулъ изъ рта сигару, принялся дѣловато
обѣ руки жены и потомъ сказалъ: — Лишь бы только ты
меня одного любила, а мнѣніемъ свѣта я дорожу столько
же какъ табачнымъ пепломъ.
- Это ужасно, подумала Аделина, и девочка вспоми-

да, что Октавій Вильярсаля совсѣмъ не такъ говорилъ съ нею въ первую ночь брака: въ словахъ того была страсть, нѣжность, обожаніе, которое ставитъ предметъ своего поклоненія выше всего на свѣтѣ.

Октавій де-Вильярсаля не возвращался съ-тѣхъ-поръ какъ уѣхалъ въ первую ночь свадьбы Аделины; но за нѣсколько дней до срока онъ прислалъ децъги за квартиру еще за три мѣсяца впередъ и сверхъ-того сорокъ франковъ придвернику Тюрбѣ. Этотъ великодушный поступокъ сдѣлался предметомъ разговоровъ всей дворни и, наконецъ, дошелъ до ушей Аделины.

Однажды, когда она сидѣла утромъ у камина и читала, Тюрбѣ пришелъ сказать, что ночью сорвало вѣтромъ много черепицъ и что надобно поправить кровлю. Аделина велѣла послать за кровельщиками и Тюрбѣ, пользуясь случаемъ, сталъ жаловаться, что вообще весь домъ въ большомъ запустѣніи, что никто за нимъ не смотритъ, никто о немъ не заботится. Это былъ одинъ изъ многочисленныхъ недостатковъ Фроассара: лѣность, безпечность.

— Чтѣ дѣлать, сказала Аделина: мужу некогда объ этомъ позаботиться; онъ полагается на батюшку, на меня.....

— Такъ негодно ли вамъ, сударыня, пройти со мною по дому и посмотреть что надобно поправить?

Принявъ на себя порученіе, котораго Аристидъ никогда не давалъ ей, Аделина принуждена была идти хозяйничать. Она все осмотрѣла и восхищала старика Тюрбѣ своей распорядительностью.

— Не забыли ли мы чего? спросила она наконецъ.

— Кажется ничего, сударыня.

— Ты, кажется, говорилъ, что въ павильонѣ тоже что-то испорчено.

— Ахъ, да, въ павильонѣ, гдѣ жилъ герцогъ Вильярсаля. Вотъ прекрасный молодой человѣкъ, сударыня! Счастливая будетъ дѣвушка, которая за него выйдетъ! Красавчикъ, умница, богачъ, да такой тихій, порядочный. Надобно только посмотреть его квартиру. Тамъ тоже, сударыня, всѣ черепицы снесены.

— Да, можетъ-быть, и стекла разбиты.

— Ахъ, да, можетъ-статься; я и не посмотрѣлъ, а вѣдь этакъ дождикъ можетъ испортить его прекрасные ковры и мебели. Пеловко вамъ черезъ дворъ идти, а то бы я попросилъ васъ сходить туда, чтобы распорядиться о починкахъ.

— Ничего, я пойду, отвѣчала Аделина. Хозяева должны заботиться о жильцахъ.

Она накинула на плеча шаль и на дыпочкахъ прошла черезъ дверь.—Вотъ ужъ хозяйка, такъ хозяйка, не то что муженекъ, думалъ Тюрбб, пня за нею.

Сердце Аделины сильно забилось, когда она вошла въ квартиру Вильяреала, богатую, прекрасную, гдѣ все было запечатлѣно самымъ изящнымъ вкусомъ, дышало тишиною и порядкомъ. Этотъ хозяйственный смотръ оставилъ въ душѣ ея чувство печальное.

Однажды вечеромъ, когда пріятеля Аристида разошлись, онъ сидѣлъ за столомъ, допивалъ пуншъ и отъ нечего дѣлать принялся разсуждать о неровности распределеній богатствъ и о другихъ важныхъ предметахъ. Пуншу оставалось уже немного: идеи Фроасгара свивались, развивались, перепутывались и разрѣшились слѣдующимъ заключеніемъ: что въ нынѣшнемъ положеніи Франціи бѣдвяку не остается ничего кромѣ надежды, что единственную надежду на обогащеніе представляли ему игорные дома, что палата декутатовъ очень дурно сдѣлала; запретить игорные дома и что, слѣдственно, для общей пользы бѣдныхъ людей, и сверхъ-того своею собственною, всего лучше открыть у себя тайный игорный домъ. Съ этою идеею заснулъ онъ на столѣ подлѣ допштои чашп пуншу, съ нею же на другой день и проснулся. Не любя откладывать дѣла въ долгій ящикъ, онъ тотчасъ собралъ семейный совѣтъ, состоявшій изъ жены его, тестя и тещи, и открылъ засѣданіе слѣдующими словами:

— Здѣсь играютъ!

— Это чтъ значитъ? спросила маркиза.

Аделина вздохнула: она догадалась, что мужъ придумалъ какую-нибудь новую шалость.

— Здѣсь играютъ въ рулетку, продолжалъ Аристидъ. Вы знаете, или не знаете, что публичные игорные дома,

во распоряженію правительства, закрыты. Мой домъ завтра же открывается для гонимыхъ игроковъ.

— Такъ вашъ домъ будетъ разбойничьимъ гнѣздомъ?

— Разбойничать здѣсь никто не станетъ, маменька-голубушка, а будутъ забавляться, обогащая насъ. Результаты вѣрны; поговоримъ о средствахъ исполненія. Мнѣ нужна ваша помощь, а главное твоя, Аделина.

— Чтобъ мы стали помогать вамъ въ такой мерзости! вскричала маркиза. И ты слушаешь все это хладнокровно! продолжала она, обращаясь къ мужу.

Маркизь безъ причины никогда не сердился, да не всегда сердился, когда и была причина. Притомъ онъ со-сѣмъ не ненавидѣлъ своего негодяя-зятя: онъ самъ былъ вѣкъ-молодъ.—Позволь, моя милая, сказалъ онъ: прежде всего надобно хорошенько узнать что такое задумалъ Аристидъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, сказалъ Фроассаръ. Закрывъ публичные игорные дома, правительство лишилось осьми или десяти милліоновъ франковъ въ годъ. Мы подберемъ эти милліоны, которые оно такъ безразсудно бросаетъ. Нѣтъ ничего легче. Рулетка, четыре банкира, въ томъ числѣ мы съ вами, маркизь, вотъ и всё-тутъ. Когда правительство объ этомъ узнаетъ, мы будемъ уже милліонщиками.

— Маркизь будетъ банкиромъ рулетки! Да и ему прежде глаза выпарапаю! вскричала маркиза.

— Да и вы будете банкиршей, маменька-голубушка, въ дамской залѣ.

— Я! Я! Я! Нѣтъ, это уже слишкомъ! Пойдемъ, Аделина. Маркизь, возьми мою муфту и иди за нами.

Фроассаръ остановилъ Аделину. Она была въ отчаяніи отъ этой домашней сцены.

— Перестань, Аристидъ, брось эти затѣи, сказала она: ты видишь, матушка не хочетъ.

Маркиза однако жъ воротилась.—Какую же роль назначете вы ей въ этой гнусной комедіи? сказала она, указывая на Аделину.

— Роль хорошенькой женщины.

— Это что значитъ?

Т. LXIV. — Отд. II.

— Когда вы были молоды, мамси́на-голубушка, давно уже....

— Да, вашъ отецъ содержалъ тогда трактиръ.

— Извините, ресторацію.

— Харчевню.

— Ресторацию. Когда вы были молоды, маменька, и васъ старались выдать замужъ, развѣ васъ не показывали молодымъ людямъ въ возможно-лучшемъ видѣ? Развѣ не выставляли пѣ на-показъ вашихъ плечиковъ, вашихъ ручекъ, вашихъ ножекъ? Развѣ васъ не заставляли пѣть и плясать для нихъ?

— Да вѣдь женѣ вашей не замужъ выходить.

— Нѣтъ, но для чего родители ваши выставляли васъ такимъ образомъ? Для общей, вашей и ихъ, пользы. И я тоже хочу, чтобы для общей пользы жена моя своей красотою, умомъ, любезностью, привлекала сюда игроковъ, которые должны омплюионить насъ.

— Ужась! Ужась! вскричала маркиза: онъ хочетъ торговать женою!

Она бросилась обнимать дочь и обѣ плакала.

— Я терпѣть не могу трагедій, сказалъ Фроассаръ. Вы теперь точно Клеопатры и Ифигенія. Ну, пожалуйста, я буду Агамемнономъ, и воля моя должна исполниться. Что вы тутъ вздоръ толкуете! Я хочу только сдѣлать изъ жены прекрасную картину, полезное украшеніе для моего дому. Вотъ и все. Тутъ нѣтъ ничего постыднаго.... Я готовлю вамъ вѣкъ и богатства и удовольствія, а вы хотите побить меня каменіемъ! Не слушайся матери, продолжалъ онъ трепая Аделинну по щекамъ: я забочусь только о твоёмъ счастьи. Я буду одѣвать тебя какъ куколку; всякой день будетъ причесывать тебя парикмахеръ; всякую недѣлю будетъ у насъ великолѣпный балъ. Я уже купилъ тебѣ двадцать прекраснѣйшихъ матерій на платья, а завтра принесутъ тебѣ четыре полныхъ брилліантовыхъ украшеній.

— Это стыдъ, срамъ, кричала маркиза; я не хочу ни минуты дольше оставаться въ этомъ разбойничьемъ вертепѣ.... я буду жаловаться министрамъ, государю.....

— Принуждать васъ я не намѣренъ, отвѣчалъ Ариствидъ

съ величайшимъ хладнокровіемъ: не хотѣте жить въ счастьи и довольствіи, такъ развѣдемся полюбовно, и дѣлю кончено; наймите опять себѣ комнату въ пятомъ этажѣ и возвратитесь къ благородной нищетѣ своей. Аделина, бѣже собою разуживается, ослаетя со мною.

Чтобы устроить игорный домъ на большую ногу, купить новую мебель, удвоить число слугъ, устроить ихъ жалованье и вести роскошную жизнь не-крайней-дѣржъ полгода, до-тѣхъ-поръ пока будутъ барышни, если только они когда-нибудь будутъ — Аристидъ принужденъ былъ занять сто десять тысячъ франковъ, но за такіе проценты, что къ сроку отдачи сума выросла до полутораста тысячъ. Онъ забылъ только одно, впрочемъ довольно важное обстоятельство: чтобы выигрывать у другихъ, держать банкъ, надобно самому имѣть много денегъ.

Чтобы пополнить этотъ недостатокъ, онъ снова обратился къ почтенному своему родителю и послалъ ему еще отрывокъ изъ своего творенія, который начинался слѣдующими словами:

ЗАЯВЛЕНІЕ ОТЦА МОЕГО, БЫВШАГО ПУБЛИЧНЫМЪ ОБВИНТЕЛЕМЪ
ВЪ 1793 ГОДУ.

«Первыми жертвами отца моего въ двадцесто-третьемъ году были графъ ... и все его семейство, которыхъ бнѣ, безъ всякой вины съ ихъ стороны, отправили сначала въ тюрьму, а потомъ на эшафетъ»....

— Хороша, пребарнхатачь старикъ Фроассаръ и вынулъ изъ портфеля сорокъ тысячныхъ билетовъ французскаго банка.

Ся времени послѣднаго своего разговору съ Аристидомъ, маркизъ и маркиза Н. вылетѣли на поклади своей Аделины, а между-тѣмъ Фроассаръ устраивалъ дѣла свои въ веронезѣ, давъ перрѣй дочеръ. Въ девять часовъ народа его прекраснаго дому отворяются дѣстежъ, кареты; одна за другою стали подѣзжать къ крыльцу. Въ залѣ безпрерывно раздавался голосъ жакезъ, который докладывалъ: Маркизъ и маркиза де-Кабестеръ! графъ и графиня де-Фремаданъ! баронъ Гауфъ-Миллеръ! фонъ Миллеръ-Гауфъ! баронесса де-Радиккофандъ!

При этихъ громкихъ именахъ, маркиза де-Нёвиллеттъ подняла голову и сказала:

— Господи, Боже мой, послушай маркизь: да вѣдь это всё знатные люди.

Первый вечеръ былъ великолѣпенъ; второй еще богаче; только кто-то въ разбѣянности унесъ серебряный подвѣчникъ. Но это не бѣда. Третій вечеръ принесъ Фроассару десять тысячъ барыша. Въ четвертый случилось непріятное происшествіе: у принца Лагорскаго нашли въ карманѣ фальшивыя карты. Въ пятнадцатый вечеръ Фроассаръ получилъ триста сорокъ пять тысячъ франковъ.

Какъ добрый малой, онъ не забывалъ друзей и въ счастье....—Докторѣ говорятъ, что ты можешь прожить еще съ полгода, а денегъ остается у тебя только на три мѣсяца, сказалъ онъ пріятелю своему, Божансі:—перевѣжай ко мнѣ, наслаждайся всѣми возможными удовольствіями, такъ, можешь, умрешь и черезъ два мѣсяца.

Послѣдней Гитарѣ онъ далъ денегъ на напечатаніе его музыкальныхъ твореній и Парижъ былъ въ нѣсколько дней наводненъ романсами и ноктюрнами съ акомпаниментомъ гитары. Но какъ это не продавалось, то Фроассаръ скупилъ всѣ экземпляры, и восхищенный музыкантъ сдѣлалъ второе изданіе.

Ласервоазу онъ заказалъ надгробный памятникъ отцу своему, хотя тотъ былъ еще живъ, и далъ ему за проектъ десять тысячъ франковъ. Аделина, маркизь и маркиза Нёвиллеттъ, разумѣется, плавали въ роскоши. Но

На счастье прочно

Всякъ надежду кинь,

говорила одна пѣсня и справедливость этой аксіомы оправдалась на Фроассарѣ. Второй мѣсяцъ былъ уже не таковъ, какъ первый. Въ первыя двѣ недѣли Фроассаръ проигралъ восемьдесятъ тысячъ и у него украли тридцать три серебряныхъ прибора. Въ другія двѣ недѣли онъ проигралъ еще сто тридцать тысячъ. Наконецъ однажды вечеромъ, передъ нимъ лежали грудой деньги, вырученныя утромъ за жемчужныя брилліанты и шестьдесятъ тысячъ выигранныхъ и онъ начиналъ уже надѣяться, что вознаградитъ всѣ свои потери. Вдругъ въ комнатахъ поднялся

тревога; многіе бросились отъ столовъ къ окнамъ, какъ-будто совсѣмъ и не играли; другіе принялись кидать въ каминъ карты; нныя съ быстротою молніи схватили деньги свои и чужія, какія попались: эти со страху грабили. Причиною всей этой суматохи было то, что въ комнаты вошли прокуроръ, съ префектомъ полиціи и нѣсколькими полицейскими комиссарами, а у всѣхъ дверей были разставлены часовые.

Деньги, оставшіяся на столѣ, въ томъ числѣ и шестьдесятъ тысячъ составляшіе банкъ, были конфискованы; нѣкоторые игроки были тотчасъ взяты подъ стражу и Фроассаръ, Аделина, маркизъ и маркиза Нёвилеттъ, какъ содержатели потаеннаго игорнаго дому, были бы отведены въ тюрьму, если бъ не явился избавитель, — герцогъ де-Вильяреаль. Онъ объявилъ свое имя и взялъ обвиненныхъ на поруки.

— Такъ это все были воры и мошенники! сказала маркиза Аристиду, когда всѣ они немного успокоились послѣ тревоги. Вы заставили меня принимать мошенниковъ, вы сдѣлали маркиза де-Нёвилеттъ банкометомъ мошенниковъ, а дочь мою царицею дому, въ которомъ собирались одни мошенники! Да что же вы-то послѣ этого....

— Признайтесь, однако жъ, маменька-голубушка, что въ эти два мѣсяца вы повеселились какъ-нельзя лучше...

— Да развѣ я знала, что это всё воры и мошенники?

— Да вѣдь и я не зналъ навѣрное. Впрочемъ надобно признаться, что въ наше время только между этими людьми и найдешь веселость и остреміе. Въ высшихъ обществахъ только о политикѣ; въ книгахъ видишь только усилія и ображенія, часто безплоднаго и слогъ, часто очень посредственный. Скука вездѣ.

— Вамъ не миновать эшафота! сказала маркиза въ отгѣтъ на этотъ парадоксъ.

— Если я буду повѣшенъ, такъ заранѣе знаю кто стаетъ тянуть веревку. Зятевъ губять всегда тѣщи.

Но кто же этотъ Вильяреаль, съ которымъ мы во второй разъ встрѣчаемся? Въ роковую ночь, когда герцогъ въ первый разъ видѣлся съ Аделиною, онъ уѣхалъ въ Лис-

себѣ и тамъ вскорѣ получилъ огромное наследство послѣ отца, которому принадлежали лучшія алмазныя копи въ Бразиліи. Если бы счастье измѣрялось каратами, какъ алмазы, то на землѣ не было бы человѣка счастливѣе герцога Октавіа де-Вильяреала, потому что миллионъ у него было несчетное множество, но онъ ими не слишкомъ дорожилъ и уважалъ только свое знатное происхождение и свои титулы.

Отецъ его былъ чрезвычайно скупъ и при жизни старика, герцога Октавіи получалъ только по двѣ тысячи франковъ въ мѣсяцъ. Разумѣется, что съ такимъ недостаточнымъ содержаніемъ, живя въ Парижѣ, ему невозможно было блистать въ аристократическомъ кругу; но въ дипломатическихъ гостиныхъ онъ пользовался большимъ уваженіемъ, потому что очень хорошо звалъ дѣла европейской политики и пользовался при своемъ дворѣ такою довѣренностію, что его считали какъ-бы семейнымъ посланникомъ.

Мы уже говорили, что онъ страстно влюбился въ Аделину въ первый же разъ какъ глаза ихъ встрѣтились. Это случается и не съ миллионерами, но съ ними чаще. Страсть его не погасла и въ отдаленіи. Послѣ смерти отца, проживъ нѣсколько времени въ Лиссабонѣ, онъ отправился въ Парижъ, намѣреваясь проживать тамъ хотя самую часть своихъ огромныхъ доходовъ. Онъ по-прежнему остановился въ своемъ маленькомъ павильонѣ для торго, чтобы какъ-можно чаще видѣть Аделину и.... И больше ничего. Лишь бы только видѣть ее. Этого для него было уже довольно. Не успѣлъ онъ переодѣться послѣ дороги, какъ узналъ, что у Фроасара индѣя. Пользуясь своею извѣстностію и обширнымъ знакомствомъ, онъ избавилъ Аделину и родныхъ ея отъ тюрьмы и, не ожидая благодарности, удалился въ свой уголокъ. Маркизь и маркиза де-Нёвилеттъ постичь не могли, по какому чуду этотъ молодой человѣкъ явился такъ кстати, чтобы спасти ихъ и кто этотъ таинственный избавитель; а Фроасаръ, Естрихурниръ, сказалъ самъ себѣ:—Было изъ чего пугаться! Въ жизни всегда такъ: чуть только поскользнешься, —кто-нибудь тебя и подхватитъ.

— Боже мой! какое несчастіе, что онъ впадалъ нашъ срамъ! говорила сама себѣ бѣдная Адельна.

На другой день утромъ, Аристидъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и разсуждалъ самъ съ собою.

— Правду сказать, ударъ былъ порядочный, но унывать еще не изъ чего, говорилъ онъ. Какой же генералъ не проигрывалъ сраженія! А приди эти полицейскіе только часомъ по-позже, у меня было бы сто тысячъ въ барышахъ. Нечего дѣлать. Надобно начинать снова.....

Размышленія его были прерваны камердинеромъ, который подалъ ему бумагу.

— Это что такое?

— Счетъ отъ брѣйщика: десять тысячъ франковъ.

— Хорошо, пусть зайдетъ въ другой разъ..... Я не такъ взялся за дѣло. Не надобно было дѣлать огласки..... Я самъ, по своей неосторожности, возбудилъ подозрѣнія полиціи.....

Слуга подалъ еще бумагу и сказалъ:—Счетъ поставщика съѣстныхъ припасовъ, Шевѣ: пять тысячъ чѣтыреста семьдесятъ два франка.

— Пусть придетъ въ другое время: теперь мнѣ некогда съ нимъ разсчитываться..... Надо было по-осмотрительнѣе выбирать гостей..... не давать обѣдовъ..... — Слуга опять пришелъ.—Еще что?

— Счетъ бриллиантника; двадцать три тысячи франковъ, сорокъ сантимовъ.....

— Пусть оставитъ счетъ..... Впередъ я буду распорядиться совѣмъ иначе. Это хорошій урокъ для меня. Во-первыхъ.....

Камердинеръ опять явился.

— Неужто опять счетъ?

— Точно такъ-съ.

— Эти люди какъ-будто оговорились. Они, видно, думаютъ, что я со вчерашняго дня ужасно разбогатѣлъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Они знаютъ, что вы изволили разориться.

— Этотъ человекъ, видно, служилъ у какого-нибудь древняго философа, сказалъ вполголоса Фроассаръ.

Никакъ нѣтъ-съ, а у нихъ вексельныхъ агентовъ...

— Которые тоже играли въ рулетку?

— Нѣтъ-съ, въ публичныя фонды.

Дня черезъ три Фроассаръ сказалъ женѣ: — Ну что, моя милая, не посчастливилось намъ намедни. Надобно утѣшиться. Впрочемъ я легко сношу свое несчастіе, потому что у меня есть съ кѣмъ раздѣлить горе.

Это тронуло Аделину. Она подумала, что мужъ намѣренъ исправиться и ласково протянула къ нему руку.

— Ты у меня добрая женщина, сказалъ Фроассаръ. Ты не проклинаешь меня, какъ твоя матушка. Вотъ фурія-то!

— Не сердись на нея, мой другъ: она женщина стараго времени, привыкла къ порядочному поведенію, не понимаетъ шалостей молодого человѣка и ни какъ не вѣритъ, чтобы можно было исправиться. Она не знаетъ, что у тебя доброе сердце, что ты любишь меня искренно.....

— Да если бѣ я не любилъ бы тебя, такъ и не дѣлалъ бы этого. Чего я хотѣлъ? Чего хочу и теперь? Чтобы домъ нашъ не былъ тюрьмою. Хочу жить хорошо, чтобы и другимъ вокругъ меня было хорошо. Если первый дебютъ мой былъ неудаченъ, такъ это еще не бѣда. Актерамъ даютъ по три дебюта. Ты на меня не сердись?

— Нѣтъ, мой милый; но впередъ надобно бы жить иначе.

— Дѣло въ томъ, что иначе ты не можешь быть счастлива. Повѣрь мнѣ, я знаю тебя лучше чѣмъ ты сама.

— Развѣ не пріятно было бы жить скромно, въ небольшомъ кругу добрыхъ знакомыхъ?....

— Да ты, видно, не знаешь, какъ ты была обворожительно хороша посреди всѣхъ этихъ женщинъ, изъ которыхъ ни одна не стоила твоего мизнца!

— Я должна была наряжаться, казаться веселою, любезничать. Ты самъ этого требовалъ.

— Положимъ, что ты танцевала по-неволь; но если бѣ ты знала какъ ты восхитительно танцуешь! Ты любезничала по-неволь, но есть ли на свѣтѣ женщина любезнѣе тебя! Ты....

— Полно, мой милый; мы не должны больше думать объ этой жизни: ты видишь какія непріятности она намъ надѣлала.

— Наше несчастіе загладить не мудроно.

— Конечно, можно, благоразумными средствами.....

— Да, тѣми же самыми....

— Какъ, неужели ты хочешь опять?....

— Объ этомъ мы поговоримъ послѣ; но послушай.....

— Позволь, мой другъ, я хотѣла тебѣ напомнить. Мы много обязаны герцогу Вильярреалу: надобно бы поблагодарить его....

— Конечно: я за этимъ и пришелъ къ тебѣ. Хотѣлъ спросить тебя, чтобы ты сама сходила къ нему....

— Я!

— Что жъ тутъ удивительнаго? Женщина, особенно молоденькая, всегда обработаетъ эти вещи гораздо лучше мужчины.....

— О, нѣтъ, это не годится..... не прилично.... Герцогу самому это, вѣрно, показалось бы страннымъ..... непристойнымъ.....

— Э, помилуй! ему гораздо пріятнѣе будетъ видѣть тебя, чѣмъ меня.

— О нѣтъ, я не пойду, не могу, ни зачѣмъ на свѣтъ..... Лучше и не говори объ этомъ.

— Какъ хочешь. Я самъ схожу. Правда, это разстроиваетъ всѣ мои планы; но что дѣлать! Ты бы это дѣло устроила нѣжнѣе, деликатнѣе, а у меня оно пойдетъ скорѣе. Я ему скажу, чтобы онъ, какъ добрый сосѣдъ, приходилъ къ намъ обѣдать, когда вздумается, считалъ бы нашъ домъ своимъ собственнымъ; что ты, такъ же какъ и я, желаешь, чтобы онъ былъ нашимъ самымъ короткимъ пріателемъ, нашимъ другомъ.....

— Помилуй, ради Бога! Ты не думаешь о послѣдствіяхъ такой фамильярности. О, нѣтъ, нѣтъ, чѣмъ это дѣлать, ужъ лучше прослѣть неучтивымъ, казаться неблагодарнымъ.

— И, право, не понимаю что съ тобою. Ты не хочешь сама сходить къ Вильярреалу, поблагодарить его, и меня не пускаешь.....

Само собою разумѣется, что Аделина не могла объяснить Аристиду тайныхъ причинъ борьбы, которая происходила въ это время въ ея душѣ. Ей казалось, что позволить

мужу идти къ герцогу, значило бы заставить его играть роль самую навскую, а идти самой.... ей!

— Рѣшишь же на что-нибудь, скажаль Фрозедръ: время не терпитъ, потому что если я не пойду къ Вильяреалу, то принужденъ буду объявить себя банкротомъ... я совершенно разорился, — или продать нашъ домъ.

— Продать домъ! когда матушка въ такъ дерзнула, когда здѣсь родилась и она и ея мать и мать ея матери! Продать домъ! Да батюшка умереть съ-горя: онъ чуть не умеръ съ радости, когда переѣхалъ сюда сюда въ день нашей свадьбы. О, нѣтъ, это было бы ужасно! Но какими же образомъ герцогъ Вильяреаль можетъ помочь намъ?

— А вотъ какими. Я теперь долженъ около трехъ сотъ тысячъ франковъ и рѣшительно не знаю гдѣ взять денегъ. Взаимы никто мнѣ не дастъ ни подъ закладъ дома, ни подъ закладъ помѣстья, потому что на томъ и на другомъ уже есть ипотeki. Вильяреаль богатъ какъ чертъ Не пугайся: я вѣдь не обокрасть его хочу. У него есть алмазные копи. Онъ дастъ деньги взаимы государямъ. Я это знаю. Я знаю также, что онъ ищетъ въ этой части города богатой квартиры. Въ-мѣсто того, чтобы купить бѣдной домъ, что не легко: я, по-вѣрней-мѣрѣ, не знаю ни одного, который бы продавался здѣсь по-близости; въ-мѣсто того, чтобы нанять этажъ, что въ его положеніи какъ-то стыдно, пусть онъ купитъ.... Слушай со вниманіемъ, Аделина. Когда ты найдешь благодарить его, предложи ему отъ моего имени просто купить бѣль-этажъ съ конюшнями, сараемъ, садомъ и обѣими павильонами. Онъ можетъ говорить тогда, что домъ его; а домъ будетъ тоже и нашъ, потому что мы станемъ жить здѣсь же, только въ третьемъ этажѣ. Тамъ и тепло и суше, да и видъ оттуда прекрасный. Продай ему бѣль-этажъ и притомъ за триста тысячъ и мы спасены. Теперь тебѣ уже нечего бояться идти къ нему. Ты найдешь уже не благодарить, а предложить ему службу, выгоду и для него и для насъ.

Сердце Аделины всё-еще билось нерѣшительностію. Лишиться дома, въ которомъ родилась ея мать и довести мужа до банкротства, или идти къ Вильяреалу....

... Если ты не согласишься, я пойду сама. Она

съ благородной преданностью судьбѣ своей и съ горестію, которая наполнила глаза ея слезами.... Но только забудь ты это?... Не боишься ли ты?... Точно ли ты этого непременно хочешь?

— Если бѣ ты меня точно любила, такъ давно бы уже сходила и воротилась.

— Ну, такъ я иду.

И она отправилась.

Воротившись въ свой павильонъ, молодой герцогъ де-Вильярваль былъ счастливъ, какъ водолазъ, который поднялся на поверхность воды: онъ снова видитъ и небо, и солнце, и землю, и себя самого. Онъ былъ снова въ Парижѣ, въ домѣ той, образъ которой повсюду его преслѣдовалъ, и двинулся опять на прежнее мѣсто. Октавіи принадлежалъ къ хладной, лакированной школѣ дипломатовъ, но онъ еще не заглушилъ въ душѣ своей криковъ молодости и громкаго гнѣва страстей. Онъ заперъ дверь, спустилъ занавѣсы, надѣлъ туфли и усѣвшись у каминна, въ большихъ креслахъ, принялся мечтать.

— Я опять въ ея домѣ! говорилъ онъ самъ себѣ. Бѣдная, воздвигательная Аделица! И замужемъ за такимъ негодяемъ! Какъ она должна страдать! Какъ она была бѣдна, искуса! Кому она вѣрила свое горе? Кто осушилъ ея слезы? Какое счастье, что мнѣ удалось хоть что-нибудь для нея сдѣлать!

Разсуждая самъ съ собою, онъ блуждалъ глазами отъ блестяго огонька каминна къ запертымъ дверямъ, съ потолка, вѣжно освѣщеннаго расписными фонарями и, на коверъ, изнепренный фантастическими арабесками. На коврѣ что-то блестяло и три раза этотъ предметъ, озаренный лучомъ отъ каминна, попадался ему на глаза. Онъ всталъ, чтобы посмотреть что это такое: то была булавка. Улыбка жалости мелькнула на лицѣ его.

— Что жъ я надѣлся пойти? подумалъ онъ. Однако жъ это не обыкновенная булавка: головка гораздо меньше.... Я видѣлъ такія булавки на туалетѣ маркизы Сантадеръ. Это англійская булавка; прежде въ Парижѣ такихъ не бывало. Но откуда же взялась она? Булавка женская.... чья же?..

Можетъ-быть, мадамъ Тюрбò, жены придверника.... Быть не можетъ: мадамъ Тюрбò, по-крайней-мѣрѣ шестьдесятъ лѣтъ; у нея, вѣрно, нѣтъ такихъ булавокъ. Кто жъ это былъ здѣсь?....

Вильяреаль позвонилъ. Негръ Пампа тотчасъ явился.

— Позови сюда Тюрбò.

— Неужели мнѣ спросить придверника не его ли эта булавка? подумалъ потомъ Октавій. И призывать его для этого ночью!

Тюрбò какъ-будто за дверьми стоялъ: онъ явился тотчасъ.

— Какъ мы рады, герцогъ, что вы изволили воротиться!

— Любезный Тюрбò, я не могъ привезти вамъ изъ Лиссабона апельсиновъ; но вотъ вамъ десять тамошнихъ золотыхъ монетъ: ихъ легче держать чѣмъ апельсины. Я нашелъ здѣсь все въ большомъ порядкѣ: благодарю васъ.

— Это моя обязанность, герцогъ, смотрѣть за вашей квартирой; но мнѣ помогала своими совѣтами одна молоденькая и хорошенькая дама: сама мадамъ Фроассаръ.....

Вильяреаль вскочилъ, подбѣжалъ къ своему бюро, и положилъ булавку въ бархатный футляръ, въ которомъ былъ портретъ его матери.

— Я пойду благодарить мадамъ Фроассаръ, за ея попечительность о своихъ жильцахъ. Прощайте, любезный Тюрбò. Извините, что я васъ побезпокоилъ.

— Она была здѣсь! О! теперь этотъ павильонъ мой! Хоть бы мнѣ пришлось заплатить за него миллионъ. Пока я живъ, никому не жить въ немъ, кромѣ меня; да и послѣ меня никто не долженъ занимать его.

Мадамъ Фроассаръ шла къ Вильяреалу, Вильяреаль шелъ къ мадамъ Фроассаръ: они встрѣтились на лѣстницѣ; оба нѣсколько минутъ смотрѣли другъ на друга и не могли выговорить ни слова.

— Я шелъ къ вамъ, какъ постоялецъ, просить объ одномъ одолженіи, сказалъ наконецъ Вильяреаль; но вы идете со двора....

Аделина съ трудомъ удержалась; чуть не сказала:—А я шла къ вамъ.

— Мнѣ нѣтъ большой надобности ѣхать со двора, сказавъ она и я очень рада видѣть у себя человѣка, которому мы съ мужемъ такъ много обязаны.

Они пошли въ гостиную. Аделина сѣла на софѣ; Октавій противъ нея на стулѣ.

— Идя сюда, сказалъ онъ, я хотѣлъ просить васъ только объ одномъ одолженіи, а теперь долженъ просить еще милости: не забывайте о ничтожной услугѣ, которую я случайно имѣлъ счастье оказать вамъ. Могу ли я надѣяться, что вы сдѣлаете мнѣ эту милость?

— И одолженіе то же.

— Позвольте. Чтобъ вамъ не раскаяться послѣ!

— Я увѣрена, что вы не будете требовать ничего такого, на что бы мужъ мой не могъ согласиться.

— Вы знаете, что я вашъ жилецъ....

— Да, и вы, вѣрно, хотите отказаться отъ своей квартиры: она такъ мала, такъ безпокойна....

— О, нѣтъ, нѣтъ, напротивъ. Я можетъ-быть, скоро куплю себѣ домъ, чтобы принимать тѣхъ, у кого самъ бываю; но я прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе, оставить мою квартиру за мною. Я всякой день буду проводить по нѣсколько часовъ въ павильонѣ, гдѣ провелъ самыя тревожныя.... самыя счастливыя минуты моей жизни.

— Я думаю, что Аристидъ охотно на это согласится. Вы, вѣрно, хотите заключить контрактъ на два, на три года?

— Навсегда!

— Навсегда? Я плохо знаю законы, но, кажется, безсрочныхъ контрактовъ нельзя заключать.

— Ваша правда. Въ такомъ случаѣ мы заключимъ контрактъ на девяносто девять лѣтъ. Это позволено.

— Развѣ вы надѣетесь прожить девяносто девять лѣтъ? сказала смѣясь Аделина.

— Нѣтъ, но я не хочу чтобы кто-нибудь жилъ въ немъ кромѣ меня.

— Да вамъ дешевле было бы купить этотъ павильонъ, если онъ вамъ такъ нравится.

— А развѣ его продали бы?

— Быть-можетъ.... Кажется.... Да, точно, мужъ мой какъ-то говорилъ, что хотѣлъ бы продать его; но....

И она остановилась.

— Вы не договорили.... Нѣтъ ли какого затрудненія?

— Есть, и большое... Мужъ мой, поминется, хотѣлъ продать вмѣстѣ оба павильона, бель-этажъ и службы.

— Тѣмъ лучше, я покупаю все! вскричалъ Вильярсаля, и не подумавъ о томъ, какъ странно продавать или покупать часть дома.

— Я скажу объ этомъ мужу.

— Но если вы хотите продать бель-этажъ, такъ вы сами выйдете отсюда?

— Выгнать отсюда! О, нѣтъ, никогда!

— О, и я тоже! Но какъ же вы сдѣлаете? Развѣ вы будете мои жильцами?

— Не жильцами, но ссѣдами: мы возьмемъ себя третій этажъ.

Тутъ Вильярсаля все понялъ.

— Такъ дѣло кончено? сказалъ онъ протягивая руку. У насъ торги всегда заключаются такимъ образомъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ еще, герцогъ: вы не знаете цѣны.

— Знаю. Я дамъ что мосьё Фроассаръ назначитъ. Потрудитесь только нынче вечеромъ увѣдомить меня сколько я долженъ заплатить, и завтра вы получите деньги въ банкѣ. Теперь кончено?

Онъ протянулъ руку и Аделина позволила ему взять свою ручку.

— Я бы осмѣлился поцѣловать вашу ручку, сказалъ онъ, если бы передъ тѣмъ только рисковалъ за васъ жизнью; но я говорилъ о деньгахъ, а это не дворянское дѣло; такъ поцѣловать не смѣю.

Онъ пожалъ ей руку по-английски и уходя сказалъ съ улыбкою: — Я буду смиреннымъ сосѣдомъ, безпокоить васъ не стану.

— О, Боже мой! благодарю тебя, вскричала Аделина, когда онъ ушелъ: и спасла мужа отъ разоренія и расквитъ мнѣ не отчего.

Узнавъ, что торгъ конченъ по его желанію, Фроассаръ, не говоря ни слова, схватилъ жену, провальсировалъ съ нею три раза вокругъ залы, потомъ поднесъ Аделину къ

вспричь: — Ты легка какъ перушко, а за тебя можно дать горю золота.

На другой день онъ получилъ триста пятьдесятъ тысячъ франковъ, и, разумеется, не заплатилъ ни одному изъ своихъ кредиторовъ. Вильфреаль купилъ и все что было въ квартирѣ Фроассара. Переехавши туда, онъ замѣтилъ, что не знаяши купилъ эраровскій флигель, арфу, двѣнадцать миниатюръ мадамъ Мирбель и другихъ знаменитыхъ живописцевъ, птичникъ, бібліотеку съ полными изданіями твореній Виктора Гюго, Ламартина и Вальзака. Онъ тотчасъ догадался, что все это принадлежитъ не Аристинѣ, но Аделинѣ, и что ей, вѣрно, было жаль расстаться съ своими вещами. Онъ велѣлъ снести все это наверхъ и написалъ къ Аделинѣ:

«Вы забыли въ своей прежней квартирѣ разныя вещи, которыхъ я не могу купить, потому что имѣю нѣтъ денегъ. Позвольте же мнѣ возвратить ихъ вамъ.»

Это было такъ просто и прекрасно, что испугало Аделину: — Зачѣмъ мы не продали ему всего дома и не утѣхали тотчасъ отсюда! подумала она.

Въ тридцатыхъ годахъ во Франціи свирѣпствовала лихорадка спекуляціи. Этой болѣзью заразился и Фроассаръ. У него всякой день собиралось множество народа: днемъ составляли проекты компаній и всѣхъ возможныхъ предпріятій, сочиняли условія, объявленія, модели акцій; ночью пили. Онъ набралъ акцій всѣхъ сортовъ, видовъ и цвѣтовъ. Сначала онъ болѣею частью сильно поднялся, инія до баснословной цѣны. Люди осторожные и трусы стали сбывать свои акціи: отважныя и довѣрчивыя оставляли ихъ у себя, надѣясь на огромныя барыши. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Фроассаръ. Но между-тѣмъ деньги его почти всѣ вышли; онъ не могъ уже принимать у себя и принужденъ былъ обѣдать въ трактирахъ; обѣдалъ сначала въ лучшихъ ресторанахъ, потомъ все спускался ниже и ниже. Мало-по-малу онъ принялъ нравы и обычаи людей, которые проводятъ всю жизнь въ трактирахъ: шляпу носилъ на-бекрень, гбо-ралъ трюмо и совѣтъ пересталъ пить воду. Не успѣвъ

всего то, что онъ вездѣ таскалъ съ собою и жену; а по вечерамъ возилъ ее въ водевильные театры и возвращался домой въ фіакрѣ.—Въ фіакрѣ! говорилъ про себя Тюрбѣ отворяя ворота: плохо; фіакрѣ всему конецъ.

Иногда Аристидъ отъ скуки ходилъ послѣ обѣда съ своей собакой, Фениксомъ, гулять въ Булонскій Лѣсъ. Однажды, какъ собака плавала въ Сенѣ, ему тоже вздумалось выкупаться. Онъ раздѣлся и бросился въ воду. Аристидъ очень хорошо плавалъ и забавлялся играя въ водѣ съ своей собакой. Вдругъ, приподнявъ голову, онъ увидѣлъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ скинулъ съ себя платье, остановился фіакрѣ; оттуда вышли четыре чело-вѣка и, по-видимому, со вниманіемъ смотрѣли на него. Потомъ двое изъ нихъ раздѣлись и бросились въ воду.

— Это видно, любители, подумалъ Фроассаръ: хорошо, мы поплаваемъ вчетверомъ взапуски. Они, однако жъ, не дурно плаваютъ.

Между-тѣмъ неизвѣстныя приблизились къ нему, по-мѣстились одинъ слѣва, другой справа и поздоровались, называя его по имени.

— Ба, да они меня знаютъ! подумалъ Фроассаръ. Да и я ихъ гдѣ-то видѣлъ, только никакъ не могу припомнить гдѣ именно.

— Вы очень хорошо плаваете, мосье Фроассаръ, сказалъ одинъ изъ нихъ.

— И вы тоже, господа.

— А что? ваша собака кусается.

— Никогда. Она слишкомъ умна.

Странно, подумалъ Фроассаръ: тутъ что-то недоброе; эти люди что-нибудь замышляютъ противъ меня.

Двое, оставшіеся на берегу, внимательно наблюдали за ними.

— Ай, ай, плохо, подумалъ Фроассаръ, вдругъ вспомнивъ физиономію своихъ неваныхъ товарищей: я эти рожи уже три дня вездѣ встрѣчаю. Это должны быть пристава коммерческаго суда. Видно, на меня подали ко взысканію и они хотятъ схватить меня.

Въ ту же минуту онъ нырнулъ, чтобы вынырнуть какъ можно по-дальше и выбраться на другой берегъ. Но на дѣлѣ

онъ увидѣлъ—тѣхъ же самыхъ приставовъ. Онъ поднялся на воду: они вслѣдъ за нимъ.

— Вы ныряете какъ-нельзя лучше, сказали одинъ изъ нихъ.

— И вы то же, господа, отвѣчалъ Аристидъ.

— А долго вы обыкновенно купаетесь?

— До самой ночи.

По французскимъ законамъ подъ стражу брать можно только днесь, пока не смерклось. Двое приставовъ, которые оставались на берегу, видя, что дѣло затягивается и ночь приближается, тоже раздѣлись и бросились въ воду. Увернуться было уже невозможно. Аристидъ легъ на спину и безъ сопротивленія, безъ спору отдался въ руки приставовъ. Тѣ притащили его къ берегу, на-скоро одѣли, посадили въ фiakръ и отвезли въ тюрьму Клишй.

Не успѣвъ онъ еще оглядѣться въ свосей жилищѣ, какъ получилъ отъ другихъ заключенныхъ пятнадцать приглашеній на обѣды и ужины, и тотчасъ отправился на первый изъ нихъ.

На другой день, проснувшись очень поздно, онъ сказалъ самъ себѣ:

— Надобно сегодня же написать къ моей милой Аделинѣ, что я въ Клишй.

На третій день онъ подумалъ: — Непремѣнно надобно написать моей милой Аделинѣ, что я въ Клишй,

На четвертый: — Я забылъ вчера написать моей милой Аделинѣ, что я въ Клишй.

На пятый: — Кажется, я уже писалъ моей милой Аделинѣ, что я въ Клишй.

Начиная съ шестаго дня Аристидъ былъ твердо увѣренъ, что писалъ своей милой Аделинѣ, что онъ въ Клишй.

Въ тотъ самый день какъ Аристида посадили въ тюрьму, кто-то утонулъ въ Сенѣ около того же мѣста гдѣ Фроассаръ купался; къ несчастію, приставы, на-скоро одѣва своего плѣнника, накинули на него только пальто; куртку забыли на берегу, а онъ думалъ, что куртку положили въ фiakръ. Въ куртку были у него бумажникъ и визитныя карточки. Ясно, что Фроассаръ утонулъ. Такъ всѣ и думали.

малю. Въ первый день карточка де-Вильярваль получила отъ Аделинѣ письмо, въ которомъ изложилъ свое сомнительное объ ея потерѣ. На другой день заходилъ узнать о здоровьи и оставилъ визитный билетъ; на третій заходилъ опять: и его привлекъ: много говорилъ о прекрасныхъ достоинствахъ покойнаго; на четвертый день говорилъ больше о себѣ, чѣмъ о покойникѣ; на пятый только о себѣ, хотя въ глубинѣ сердца Адельана совсѣмъ не такъ перошила забыть Фроассара, какъ всѣ ея окружающіе и особенно герцога Вильярваль. Черезъ нѣсколько дней Огивій узналъ отъ ея, что намѣренъ просить руки ея, какъ скоро герцогъ вѣнчается. Адельана потребовала мѣсяць сроку на размышленіе и принуждена была позволять ему приходить всякой день.

Однажды герцогъ показывалъ ей планы и фасады новыхъ замковъ въ Португаліи и своихъ помѣстій, и съ восторгомъ говорилъ о томъ, какъ имъ пріятно будетъ жить вдвоемъ въ этихъ великолѣпныхъ домахъ, гулять вдвоемъ по этимъ садамъ, по этимъ померанцовымъ рощамъ.... Вдругъ человекъ подалъ Аделинѣ письмо; она взглянула и поблѣднѣла: рука была Фроассара.

«Милая моя, говорилъ Аристидъ, я не помню хорошенько, писалъ ли я къ тебѣ съ-тѣхъ-поръ, какъ я здѣсь, въ тюрьмѣ за долги. Какъ бы то ни было, пришли мнѣ дикую козу (если взять у Шюв), восемь фунтовъ трюфелей, двѣнадцать бутылокъ лагитта 1837, и какъ-можно больше ланкерозъ. Я могъ бы на другой же день выйти отсюда, продавъ нѣсколько акцій; но съ-тѣхъ-поръ, какъ я здѣсь, прямо не успѣлъ еще и подумать о своей свободѣ. Впрочемъ, черезъ нѣсколько я буду въ твоихъ объятіяхъ, потому что до-тѣхъ-пора надѣюсь откупить всѣмъ моимъ любезнымъ товарищамъ въ несчастіи, отъ дами за обѣды, которые они давали мнѣ. Я вырѣзалъ на моихъ одеждахъ твое имя. Не обнимай за меня твоей матушки.

Твой вѣрный мужъ Аристидъ».

Аристидъ былъ совершенно спокоенъ: онъ былъ твердо убѣжденъ, что у него всегда подъ руками два вѣрные средства выйти изъ тюрьмы: написать къ отцу или продать акцій. Онъ снова отправилъ къ отцу отрывокъ изъ своихъ Записокъ, которыя уже два раза выкупали его изъ бѣды. Но прошелъ день, прошли два, три дня; отъ

ту не было. Наконецъ приближалъ какой-то духовникъ и боязливо Архимеду духовное завѣщаніе, которыми отецъ его, на смертномъ одрѣ, отгнѣвалъ все свое имущество кромѣ нѣ въ пользу черной. Фроловъ написалъ къ Аделинѣ, чтобы она продала акціи: ты отгнѣвала, что ихъ нѣтъ на берсѣ, потому что онѣ ужасно упали. Плохо. Однако же Архимедъ не унывалъ и написалъ женѣ: «Продай Вильяреаль третій этажъ; мы можемъ жить въ мезонинѣ. Съ твоею и хижина покажется мнѣ расмъ». Черезъ нѣсколько дней съѣздила жена турьмы и послала съ женою, чтобы и твоему въ трехъ маленькіихъ комнатахъ на чердакѣ. Можете представить себѣ каково было жить въ такой обстановкѣ людямъ, привыкшимъ къ роскоши. Притомъ въ Кондѣ Архимедъ спускался еще нѣсколько нѣгродукамъ и пріемъ. Онъ связался съ актерами, которыхъ публика не помня, онъ жидовничалъ безъ выходовъ, съ скульпторами въ родѣ Люберодзю и нависалъ съ ними каждый день. По утрамъ онъ игралъ на трубѣ, иногда вавосемь съ Вожаней, который не только не умиралъ, но растолстѣлъ ужасно и, по предписанію врачей, упражнялся въ вѣрѣ на этомъ инструментѣ, чтобы хоть немножко похудѣть. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Бѣдная Аделина плакала и увядала какъ цвѣтокъ; маркиза бранилась съ утра до ночи; маркизъ вадѣлалъ и маршаль. Вильяреаль бѣсился.

Наконецъ однажды, ночью, герцогъ услышалъ въ мезонинѣ страшный шумъ, еще страшнѣе обыкновеннаго. Онъ вышелъ на лестницу и услышалъ, что Фроловъ кричалъ полнымъ голосомъ:

— Да, да, говорятъ вамъ; что эта прекраснѣйшая въ свѣтѣ операція. Дѣлали же люди акціи на рудники, которые не существуютъ; на лѣса еще въ сѣмяхъ; почему мы не разыграемъ въ лоттерейю жену мою, которая прекрасна, остроумна и дѣйствительно существуетъ!

— Жену! вскричала маркиза.

— Меня! сказала съ негодованіемъ Аделина.

— Да, да, тебѣ; ты лучше всѣхъ золотыхъ рудниковъ на свѣтѣ. Сто билетовъ по тысячѣ франковъ. Кто жѣ не возьметъ билетъ? Завтра же напечатано объявленіе въ газетахъ.

— Я убьюсь, сказала Аделина.

— Нѣтъ, прежде я тебя убью, вскричала маркиза и бросилась на Фроассера съ попомъ.

Эта жѣстокая протрезвила Аристиде. Онъ скватилъ руку тѣни и сказалъ владимировно: — Мамзель-глубушка, вы оминкомъ потерпѣлись, я не высказалъ еще главого условия: кто выиграетъ Аделину, тотъ обавляется нать и насъ. Кто изъ послѣ этого не откажется отъ выиграннаго?

Маркизь до-тѣхъ-поръ молчалъ; но тутъ, когда слыхъ окарблать мему его, онъ не вытерпѣлъ: силъ туюло и сказалъ: — Мерзавецъ, ты не стойшь, чтобъ тебя ударить въ эту руку!

Онъ вынулъ туюло такъ жѣтко, что она вывала Фроассеру прямо въ лицо.

Правда послѣдствіа, Вильярсаъ съ ладими бросила на вертъ; на встрѣчу ему обѣжали или, лучше сказать, елтъѣи съ лѣстницы три челоуѣка, крича: — Спасите! Спасите насъ!

— Успокойтесь, Аделина, сказалъ онъ, заирая за нѣмъ дверь: теперь вы въ безопасности; вы у меня въ домѣ и днхо....

Аделина была въ обморекѣ. Старикъ маркизь и маркиза въ ужаснѣйшемъ положеніи. Уже долго спустя Вильярсаъ удралъ, что Аристиде, послѣ отчаяннаго востунца маркиза, скватилъ хлысть и забилъ ихъ всѣхъ, въ томъ числѣ и несчастную Аделину.

Герцогу распорикался такъ, какъ-будто Аделина, маркиза и маркизь были холова въ его домѣ, а онъ гость. Впрочемъ оно и было почти такъ, потому что онъ на другой же день подарилъ свой домъ Аделинѣ. Съ горестію видя, до какой степени здоровье ея расстроено гнуснѣмъ обхожденіемъ съ нею мужа, герцогу уговаривалъ ее превести лѣто въ Лиссабонѣ. При всей своей утонченной вѣжливости, онъ, по твердости своего характера, приобрѣлъ такое вліяніе на Аделину, что она ни въ чемъ не могла отказать ему. Маркиза охотно соглашалась на эту пофѣлку и сама уговаривала дочь; но прежде хотѣла непременно развести ее съ мужемъ. Адвокатъ, котораго

она пригласила на свиданіе, объявить, что это невозможно безъ согласія Фроассара. «Если бы, говорилъ онъ, вы потребовали развода въ первые дни послѣ сцены, о которой вы говорите, то согласіе мосье Фроассара было бы не нужно: ихъ развели бы за дурное обхожденіе мужа съ женою; но теперь поздно».

— Да отчего жъ?

— Извините: я долженъ говорить откровенно. Оттого, что дочка ваша съ-тѣхъ-поръ живетъ въ домѣ чужаго человека.

— Но она живетъ тутъ съ отцомъ и матерью.

— Знаю; но всё же мосье Фроассаръ можетъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и обвинить жену въ нарушеніи супружескихъ обязанностей, и тогда пострадаетъ не онъ, а она.

Маркиза тщетно обращалась къ другимъ адвокатамъ: всё говорили то же самое. Убѣдившись наконецъ въ этой печальной истинѣ, она отыскала Фроассара, который тотчасъ послѣ своей исторіи съ женой и родными, переехалъ на другую квартиру, нѣсколько разъ писала къ нему, старалась разными хитростями, исторгнуть у него согласіе на разводъ; но тотъ былъ хитрѣе ея, и никакъ не соглашался. Она дошла до того, что намѣкала ему, что Аделина очень дружна съ Вильяреалемъ. Ариетидъ притворился будто не вѣритъ этому. Наконецъ она рѣшилась на поступокъ, къ которому, можетъ-быть, она одна и была способна: вздумала стыдомъ, публичной огласкою поведенія Аделины, принудить Фроассара развестись съ нею. Въ одну изъ своихъ бессонныхъ ночей, она составила подробный планъ заговору, въ которомъ была единственныи дѣйствующимъ лицомъ, и на другой же день принялась за исполненіе. Утромъ она завела съ герцогомъ разговоръ о красотѣ окрестностей Лиссабона и Париза, затронула его національное самолюбіе, утверждала, что по близости португальской столицы не можетъ быть ничего подобнаго Сентъ-Жермену и уговорила его обѣдать тамъ въ день отъѣзда изъ Париза, пригласивъ и своихъ знакомыхъ. Какъ-скоро смеркось, — она озвир-

васъ въ Парижъ въ субботу въ восемь часовъ въ садикъ у
этого города и пройдите къ нему съ двумя письмами.

Дюбизный Аристандъ. Не старайся угадать кто къ тебѣ пишетъ;
не являй себя сюрприза. Потерпи до понедѣльника. Въ понедѣль-
никъ, въ шесть часовъ, въ Сенъ-Жерменъ, въ павильонъ Генри-
ха Четвертаго на террасѣ, ждуть тебя прекрасный обѣдъ и женщина,
которую ты некогда обожалъ. Если ты не будешь, и думаю что у
тебя дѣтъ уже на сердце, мы напастъ, мы ашдетиту.

— Твоя навсегда —

Потомъ подозвала комиссіонера, отдала ему письмо и
сказала:—Обойди всѣ трактиры въ Пале-Рояль, спраши-
вай вездѣ носье Аристанда Фроассара. Онъ гдѣ-нибудь
тамъ. Отдай ему это письмо. Если будетъ спрашивать
отъ кого, скажи, что отъ молоденькой, блѣнокурой дамы,
которая выходила изъ кареты. Вотъ тебѣ осемь фран-
ковъ.

Комиссіонеръ побѣжалъ.

Потомъ маркиза отправилась въ литографію и велѣла
налитографировать слѣдующій циркуляръ въ числѣ двад-
цати экземпляровъ.

Дюбизный другъ,

Ты, вѣрно слышалъ, что я самъ себя выгналъ изъ дому, потому
что мнѣ надоело жить съ Нивилеттами, матерью, отцомъ, и ихъ до-
черью, Аделиною Нивилеттъ, по мужу Фроассаръ. Это, конечно, для
тебя не новость; но вотъ что ново: благоволи пожаловать въ поне-
дѣльникъ, въ павильонъ Генриха Четвертаго на Сенъ-Жерменской то-
расѣ, на большой обѣдъ, который я даю другу моей жены. До свиданія.

— Аристандъ Фроассаръ —

Эти письма она разослала къ Божанси, Ласервоту,
Последней Гитеръ, и нѣсколькимъ другимъ пріятелямъ
Аристанда, которыхъ слишкомъ хорошо знала. Потомъ
вернулась домой, потирая съ радости руки.

Наконецъ великій день наступилъ. Еще не было и двухъ
часовъ, какъ потерявшая жарнива уже торбила Адели-
ну и Вильярма, чтобы они скорѣе одѣвались, брали
старика мужа, который брися беззаконно. Въ три часа
она отправилась въ путь, въ головѣхъ нитаче была уже
въ Сенъ-Жерменъ, и рече въ пять часовъ съ слезами

и Фроассара павильонъ; который стоитъ надъ Сеною и владѣтельствуесть надъ всѣми окрестностями. За столомъ было много лишнякъ приборовъ; но никто не обратилъ на это вниманія. Маркиза сѣла въ серединѣ, по правую ея руку маркизъ, по лѣвую Аделина и Вильярреаль. Пріятельи, все, болѣею частью, земляки Октавіа, помѣстились гдѣ случилось.

У пріятелей Фроассара не было такихъ экипажей какъ у Вильярреала и его знакомыхъ; бѣдняки ѣхали въ омнибусахъ и хотону не мудрено; что они четвертью часа опоздали. Какъ бы то ни было, въ началѣ шестаго они добрались до трактира на терасѣ, спросили гдѣ обѣдъ, заказанный Фроассаромъ, и лакей, по приказанію маркизы, сказалъ имъ: — Пожалуйте: въ большой залъ.

— Въ большой залъ! Каково! — Эй, Фроассаръ! кричали они взбѣгая по лѣстницѣ. — Фроассаръ! — Да здравствуетъ Фроассаръ и его шампанское! — Сюда Фроассара! — Фроассаръ или смерть!

Добѣжавъ до дверей большой залы, они остановились и замолкли. Пятнадцать или двадцать человекъ, чинныхъ, важныхъ, стояли за столомъ: они всѣ встали, услышавъ на лѣстницѣ крики. Тѣ и другіе одни на другихъ поглядывали, не понимая что это значить. Изумленные пріятельи Фроассара то подавались впередъ, то отступали, а въ четырехъ шагахъ отъ нихъ гости Вильярреала спрашивали другъ друга глазами, не знаетъ ли кто что это за шайба. Ласервазъ, Божанси и Послѣдняя Гитара, зная маркизу и Вильярреала, хотѣли-было уже извиниться и уйти, но маркиза сказала: — Если вы, господа, приглашены мосье Фроассаромъ, то прошу садиться: мѣста довольно.

Пріятельи Вильярреала, люди благовоспитанные, скрыли свое удивленіе и услыли снова, какъ-скоро маркиза привала новоприбывшихъ подъ свое покровительство. Вильярреаль былъ въ отчаяніи; Аделина едва удерживалась отъ слезъ: оба догадывались, что это пронашло не случайно. Утоливъ первый голодъ и первую жажду, пріятельи Фроассара приободрились и начали вполголоса разговаривать между собою

— Странное дѣло! — Я ровно ничего не понимаю. — И я то же. — Онъ приглашалъ насъ въ Сенъ-Жерменъ, въ павильонъ Генриха Четвертаго. — Здѣсь и есть. — Мы тутъ. — А его нѣтъ. — Онъ писалъ намъ, что дастъ обѣдъ «другу» своей жены. — Вотъ и жена его. — Вотъ и «другъ». — А его нѣтъ. — Ужъ не подшутилъ ли онъ надъ нами? — Быть не можетъ! Да отчего жъ его нѣтъ здѣсь?

Маркиза, замѣтивъ смущеніе своихъ жертвъ, сказала: — Вы ничего не кушаете, господа. Человѣкъ, вина!

— Прошу покорно! Какая она нынче учтивая! — А бывало, у зятя, и слова намъ не скажетъ! говорили пріятели Фроассара. — Знаете что, господа? Вѣдь мы попались въ западню, сказалъ Божанси. — Какъ такъ? — Насъ приглашалъ не Фроассаръ. — А письмо-то? — Письмо писалъ не онъ. — Да кто же? — Тѣща его. — Это къ чему? — Чтобъ мы были свидѣтелями незавиднаго состоянія его семейныхъ дѣлъ и послѣ пересказали ему. — Быть-можетъ. Такъ значитъ онъ не будетъ. — Да вотъ и онъ, сказалъ Ласервоазъ.

— Фроассаръ! Мосье Фроассаръ!

Фроассаръ вошелъ въ залу. Аделина опустила голову. Вильяреаль подумалъ, что это свиданіе можетъ кончиться только однимъ образомъ, но какъ оскорбленный былъ не онъ, то онъ рѣшился ждать вызова. Маркиза была въ восторгѣ и думала: — Черезъ десять минутъ онъ согласится на разводъ. Прекрасно! Порохъ подоженъ.

Аристидъ, увидѣвъ это разнородное собраніе, тотчасъ все понялъ. Онъ подбѣжалъ къ тѣщѣ, ласково поздоровался съ нею, съ тестемъ, съ женою, вѣжливо поклонился герцогу и сѣлъ на концѣ стола.

— Извините, господа, что я немножко опоздалъ, сказалъ онъ. Я пришелъ пѣшкомъ.

— Пять лѣтъ пѣшкомъ! сказала маркиза.

— Пѣшкомъ. По приказанію доктора. Я нынче ужасно толстѣю. Вѣрно, отъ огорченій.

— Чудо что за молодець! сказалъ вполголоса Ласервоазъ.

— Такъ вы, вѣрно, вышли изъ Парижа въ двѣнадцать часовъ? продолжала смѣясь маркиза.

- Въ двѣнадцать безъ пяти минутъ.
- Чтò новаго въ Парижѣ, съ тѣхъ-поръ какъ мы от-туда выѣхали?
- Очень много.
- Но сенъ-жерменскія новости, я думаю, для васъ по-крайней-мѣрѣ поразительнѣе парижскихъ?
- Чтò же здѣсь новаго?
- Да развѣ вы не видите? Вы знаете герцога?
- Знаю и уважаю. Тутъ нѣтъ ничего новаго для меня.
- А ваши пріятели?
- Удовольствіе видѣть ихъ для меня всегда ново, но лица совсѣмъ нѣтъ.
- И для васъ это не ново, не странно, что здѣсь собра-лись и ваши пріятели, и эти господа, несомкомые ни имъ, ни вамъ, да что здѣсь и вы сами, и мы, и....
- Все это очень естественно, потому что вы все пригото-вовали.
- Я!
- Конечно. Не герцогъ же: онъ слишкомъ хорошо зна-етъ приличія, чтобы прибѣгать къ чужой рукѣ, когда при-глашаетъ кого-нибудь къ своему столу.
- Я ничего не писалъ, сказалъ герцогъ.
- Я бы готовъ былъ поручиться за это, отвѣчалъ Фро-ассаръ.
- Если это я, такъ нечего и обвинять другихъ, сказала маркиза.

Эта первая стычка, происходившая впрочемъ чрезвычай-но учтиво, показала всѣмъ, что пріятели Фроассара вѣдали на этотъ обѣдъ не случайно. А они, убѣдившись, что и Фроассаръ тоже привлеченъ въ западню и что это не можетъ кончиться иначе какъ дуэлью, начинали сердиться и собирались защищать его. Аделаида терпѣла на-стоящую пытку. Нетерпѣливая маркиза тотчасъ начала оплѣть нападеніе.

— Если москѣ Фроассару такъ пріятно, что онъ встрѣ-тился съ герцогомъ Вильярсаемъ, то надобно его на-здравить. Господа, продолжала она, обращайтесь къ пріятел-ямъ Аристида: вышлите за его здоровьемъ. Человѣкъ, то-кайского!

— Токайскаго! закричали Фроассара.

Прителемъ Артезиадъ выжили за здравье Фроассара съ энтузіазмомъ, гости Вильареала съ принужденной внимательностью, а онъ самъ не дотрогивался до рюмки. Этотъ оригинальнѣйшій тостъ изъяснилъ расположеніе пріятелей Фроассара. Видя, что онъ не только не сердится за насмѣшки тѣщи, но и самъ помогаетъ ей, они воображали, что ему только тоге и дичится, чтобы шутили надъ его страннымъ положеніемъ въ отношеніи къ женѣ. Они бѣли въ восхищеніи. Фроассару драться!... Фи, это слишкомъ обыкновенно. Восторгъ ихъ, поддерживаемый шампанскимъ и венгерскимъ, началъ проявляться громко; они задрожали жемреватся и разворнулись.

— Вотъ теперь-то дай коронку, Фроассаръ! сказалъ громко Ласервоазъ. Все это удивительно реально.

— Молодецъ Фроассаръ! — Мы тебя любимъ. — Уважаемъ! кричали другіе.

Все это чрезвычайно удивляло знатныхъ, свѣтскихъ людей, которыхъ пригласилъ Вильареалъ.

— Что это за люди? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Вѣроятно, знакомые маркизы, отнѣчалъ другой.

— Да, наши знакомые; сказала маркиза улыбаясь это.

— А вотъ, что пріятель несетъ всѣхъ? То же найдъ знакомый?

— Нѣтъ, этого нѣтъ зѣть.

— Да, я имѣю честь быть зятемъ почтеннѣйшей маркизы, сказалъ Фроассаръ; пріятельски кивая ей головою.

— Шутя, шутя, подумала маркиза, посмотримъ чѣмъ кончатся.

— Но въ такомъ случаѣ; говорили шепотомъ пріятели Вильареала: здѣсь и мужъ и тотъ, кто отбилъ у него жену. Что-то будетъ!

— Фроассаръ, сказалъ скульпторъ Ласервоазъ: ты, на свои глаза, велишь какъ Вандомская колонна, дивный памятникъ владычества — курятаго вкусу; но позволь мнѣ замѣтить, что ты грубо ошибался; когда въ первую ночь своей свадьбы говорилъ о томъ; .. Да, во-первыхъ, поминать ты первую ночь своей свадьбы?

— Какъ-нельзя лучше. Помните, миссисъ?

— Насилу-то добрались! подумала маркиза.

— После ужина, продолжала Ласервезъ, поужинавъ, какъ и въ тотъ день, о которомъ говорили: послѣ ужина мы ѣли холодную говядину.

— И пилъ ромъ, сказалъ Ромаша.

— И курили до самаго утра, прибавилъ Фрассаръ.

— Точно такъ. Ты пришелъ въ шмафрокъ въ залу, гдѣ были всѣ гости и сказалъ: Господа, я открылъ что такое любовь. Любовь не что иное какъ любопытство.

— Я это сказалъ?

— Говорилъ! Говорилъ! закричали пріатели.

— Ну, такъ я говорилъ очень умно: это прекраснѣйшее, самое вѣрное опредѣленіе любви.

— Ты сказалъ еще: Если мнѣ суждено невѣдать участь Марино Фалиеро или дожа Корнаро, то виновникомъ этого долженъ быть кто-нибудь изъ васъ, друзья мои. Тамъ что-бы въ-разъ вымечить васъ отъ любовничества, которое могло бы имѣть для меня непріятныя послѣдствія, а шмафрокъ показать вамъ жену мою, какъ она есть. Пошлимте въ спальню.

— Прекрасно! вскричалъ Фрассаръ.

— Прекрасно, слова нѣтъ, продолжала Ласервезъ, но ты не угадалъ: нашелся человекъ любовничье насъ.

Слезы полились изъ глазъ Аделины. Вильгельмъ былъ въ отчаяніи, но говорилъ самъ себѣ: — И онъ не обшешелся! Но когда онъ молчалъ, я не имѣю права за него вступиться.

— Я и не обвиняю никого изъ васъ, сказала Фрассаръ съ величайшимъ хладнокровіемъ: я никого не обвиняю.... Ссылаюсь на жену.

Аделина встала и шатаясь, вышла изъ комнаты. Герцогъ ее думала. Герцогъ тоже всталъ, подошелъ къ Ласервезу и сказалъ: — Не забудьте, милостивый государь, что вы у меня въ гостяхъ.

— У васъ? Очень радъ.

— Тамъ вы должны увидетьъ тѣхъ, которые почтили меня своимъ посѣщеніемъ; а вы говорите такія вещи, что вамъ даже принужденъ былъ выйти изъ комнаты.

— Что жъ я сказала?

— Что она имѣетъ незаконную связь.

— Да я для васъ и приглашаю сюда. Вотъ письмо, въ которомъ меня зовутъ обидать съ «другомъ» супруги нашего Фроассара.

Прочитавъ циркуляръ маркизы, Вирьяреаль взглянулъ на Фроассара съ выраженіемъ глубочайшаго презрѣнія. Тотъ, какъ бы отвѣчая на мысль его, сказалъ:—Это не я писалъ.

— Если не вы, отвѣчалъ герцогъ, такъ не угодно ли вамъ вмѣстѣ со мною развѣскачь кто это сдѣлалъ и тогда...

— Что жъ тогда?

— Кажется вы бы сами должны знать, что вамъ тогда остается дѣлать, сказалъ герцогъ выходя изъ комнаты.

— Боже мой! Боже мой! Ничто его не трогаетъ, ни инсинуации, ни оскорбленія, подумала маркиза. Неужели всѣ труды мои будутъ напрасны, неужели ничто на свѣтѣ не заставитъ его требовать разводу. Господа, сказала она вслухъ: если бы кто-нибудь при васъ осмѣлился оскорбить жену вашу, что бы вы сдѣлали?

— Я бы убилъ этого подлеца, сказалъ кто-то.

— Смигите, месье Фроассаръ? вскричала маркиза.

— Слышу, мадамъ.

— Это вы въ васъ называютъ подлецомъ.

— Не думаю.

Онъ взялъ со стола ножъ и кинулъ его съ такою изумительною, кастильскою ловкостью, что ножъ потонулъ въ рану окна, отрывая на пути ледонъ велось того, кто это говорилъ.

— Я не объ васъ говорилъ, сказалъ тотъ, а объ оскорбителѣ.

— Въ такомъ случаѣ я беру свой ножъ назадъ, отвѣчалъ Фроассаръ.

— Оскорбленный такой же низкій человѣкъ, какъ и оскорбитель, если онъ терпитъ обиду, сказала маркиза.

— Кто же здѣсь оскорбленный? спросилъ хладнокровно Фроассаръ.

Маркиза отвѣчала ему только презрительнымъ взгля-

мать и продолжала, обращаясь къ гостямъ:—Дочь моя, по своему происхожденію и воспитанію, должна бы была выйти за человѣка знатнаго, богатаго, хорошаго поведенія и особливо за человѣка, который умѣлъ бы оцѣнить ее. Она вышла за мосье Фроассара.

— Мы вѣнчались въ церкви Вознесенія, прибавилъ Фроассаръ.

— Я не въ состояніи выразить сколько мы терпѣли съ-тѣхъ-вѣрь отъ гнуснаго разврата этого господина. Онъ куритъ.....

— Свой собственный табакъ, прибавилъ Аристократъ.

— Играетъ.....

— Въ домино.

— Разорилъ насъ.....

— Промотавъ свое имѣніе.

— Онъ дошелъ до того, что прибѣлъ мою несчастную мать и теперь удивляется, что она отдалась подъ защиту человѣка благороднаго, добраго, прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ.

— Я, удивляюсь?

— Онъ сердится.

— Нисколько.

— Говоритъ всѣмъ и каждому, что у жены его незаконная связь.

— Отъ-роду никому не говорилъ.

— Грохотятъ позвать насъ въ судъ и тамъ очернить жену свою.

— Да я противъ нея ровно ничего не имѣю.

— Хочетъ требовать разводу.

— И не думаю....

— Коее готовъ, сказалъ лакей.

Всѣ встали изъ-за стола.

— Проклятый человѣкъ! вскричала маркиза, вставая послѣ всѣхъ: онъ ни отчего не краснѣетъ, ничѣмъ не сморблется. Конечно, я отказываюсь отъ борьбы съ нимъ, сказала она, бросая съ досадою салфетку и ух оидя въ другую комнату.

Герцогъ, Адельна и Нѣвлетты тотчасъ воротились въ

Парижъ. На дворѣ коннаго манастира уже всагрешенныя кони наши.

— Черезъ десять дней мы будемъ въ Лиссабонѣ, отъ насъ вѣрдогъ.

— К чему же такое множество экипажей, спрешено Аделина, выйдя изъ кареты: десять каретъ и два экипажа! И что это за женщины?

— Это все ваша свита, отвѣчалъ герцогъ. Тутъ ваша лектриса, ваша компаньонка, ваши горничныя, швейцары, другіхъ каретахъ вашъ докторъ, вашъ секретарь, управитель, мсье камердинеры, повара и разныя другія служки. Проще этого намъ путешествовать невозможно.

Вошелъ человекъ и обращаясь къ Аделинѣ, сказалъ: — Ваша свѣтлость, кареты готовы.

Маркизъ и маркиза уже сидѣли на мягкихъ подушкахъ своей кареты; герцогъ и Аделина сѣли въ коляску, и побѣдъ тронулся.

Аделина никогда не въѣзжала изъ Парижа и потому до рогаю ее все удивляло и восхищало.

— Посмотрите, какъ это хорошо, говорила она, прекрасный лугъ, овцы, козы.....

— Не купить ли?

— О нѣтъ, мой другъ, нѣтъ; но поглядите какой прелестный замкъ на уединенномъ холмѣ! Какъ счастлива должна быть женщина, которой онъ принадлежитъ!

— Это счастье не мудрено приобрести и вамъ, если только замокъ согласится продать. Мы завернемъ туда, кучеры! кучеры!

— Боже мой, неужели же я ничего не могу пожелать, чтобы вы мнѣ сейчасъ не подарили?

— Конечно, отвѣчалъ герцогъ съ легкой улыбкой: въ нашемъ званіи женщина должна имѣть все чего бы ни пожелала.

— Такъ въ вашемъ званіи женщина не можетъ изъяслять никакихъ желаній?

— Отчасти такъ, моя милая: у насъ предполагается, что женщины нечего желать на землѣ, если только мужъ ей не скрага.

— Конечно, сказала Аделина, покраснѣвъ.

На станціи карету, но обыкновенно, окружили нищие.

— Ничь ли у васъ мелочи? сказала Аделина. Жалко смотреть на этихъ бѣдныхъ людей.

— Мелочи? повторилъ съ удивленіемъ герцогъ.

— Да, мѣди.

— Мѣди!

— Ну, да, подать нищимъ.

— Такъ раздайте имъ что есть въ этомъ карманѣ; сказала герцогъ, подавая ей прекрасный кошелекъ.

— Но тутъ только золото

— Я могу дать вамъ только то, что у меня есть, отвѣчала герцогъ съ улыбкою, въ которой было что-то тѣлостное, какъ снисходительность.

— Нечего дѣлать, сказала Аделина съ нѣкоторой досадою, и начала раздавать нищимъ золотыя монеты. Тѣ долго удивились, что пустились ѡбжать какъ-будто съ ума сошла, или украли эти деньги.

— Довольны вы ихъ счастьемъ? спросилъ герцогъ.

— Если бъ я имъ дала по пяти су, они бы поблагодарили меня, отвѣчала Аделина; но двадцать франковъ для нихъ капиталъ и они уже неблагодарны какъ бѣдлахи. Такъ у васъ нѣтъ мелкой монеты?

— Милая моя, сказалъ герцогъ съ тою же снисходительностію: вы такъ умны, — зачѣмъ же вы притворяетесь будто этого не знаете? Мы не держимъ другихъ денегъ кромѣ золота, точно такъ какъ не носимъ другихъ перчатокъ кромѣ батистовыхъ и другихъ перчатокъ кромѣ бѣлыхъ. Это отличаетъ насъ отъ другихъ людей. Между монетою, которая перебивалась уже Богъ знаетъ въ какихъ рукахъ, можно имѣть людей, которые ходятъ безъ перчатокъ, а объ мѣди я уже не говорю. Золото наша монета; какъ гербъ наша вывѣска. Я бы очень благодаренъ былъ вамъ, если бы вы впередъ дѣлали, какъ я, не дотрогивались ни до какой другой монеты кромѣ золотой.

— Какъ же имъ впередъ подавать милостыню?

— Поручите это вашимъ людямъ, или дѣлайте такъ какъ сегодня.

Аделина вздохнула и промолчала. На станціи, подошедъ къ каретѣ, она вдругъ вскрикнула.

— Что съ вами? спросилъ герцогъ въ испугѣ.

— Ничего. Ногу что-то больно. Вѣрно, неловко сядла.

Потомъ, когда они снова повѣхали, въ коляску съ ними сѣлъ кто-то третій.

— Это вашъ докторъ, Аделина, сказалъ герцогъ: гомеопатъ, докторъ Викенскій, лейбъ-медикъ ея величества, моею августѣйшей государыни.

По неотступнымъ просьбамъ герцога, Аделина принуждена была нѣсколько дней принимать какія-то микроскопическія зернышки и докторъ ѣхалъ съ ними во всю дорогу. Онъ дотога надоѣлъ Аделинѣ, что это совершенно разстроило ея слабыя нервы и она точно захворала, когда они сѣли въ Гаврѣ на пароходъ. Но чтобы избавиться отъ нестерпимаго доктора, она скрывала свою болѣзнь, не наблюдала дѣвты, улыбалась, когда готова была плакать, и оставалась на палубѣ, когда ей слѣдовало бы сидѣть закутавшись въ каютѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что она прѣѣхала въ Лиссабонъ совсѣмъ больная, и недѣли двѣ не могла выходить. Герцога видала она только за завтракомъ и обѣдомъ; отца и мать португальскій этикетъ не позволялъ ей принимать во время болѣзни, и они жили во флигелѣ, совершенно отдѣльномъ отъ главнаго дому. Такимъ образомъ она оставалась почти всегда одна въ великолѣпныхъ покояхъ герцогскаго дворца и скучала немилосердно, такъ, что наконецъ впала въ меланхолію. Герцогъ по-прежнему былъ влюбленъ въ нея когда они оставались одни, но при людяхъ онъ соблюдалъ величайшую важность; чинность его со дня на день увеличивалась, и это огорчало Аделину.

— Другъ мой, сказала она однажды: теперь мнѣ лучше, гораздо лучше и я думаю, что если бъ я погуляла немножко, то совершенно оправилась бы.

— Какъ я радъ, что ты это сама говоришь, сказалъ герцогъ: я боялся спросить тебя, чтобы ты не притворилась здоровою даятого, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе.

— Такъ пустьмся гулять. Мнѣ стѣтъ только надѣть шляпку и перчатки. Сегодня мы осмотримъ ваши гульбища, которыя по-ближе; завтра купеческій кварталъ; послѣ завтра портъ; тамъ церкви, памятники... И какъ мнѣ все-

лю будетъ! Все это для меня ново; притомъ мы будемъ вмѣстѣ любоваться вашимъ прекраснымъ Лиссабономъ. Такъ пойдемъ же.

— Позволь, моя милая. Какъ же ты хочешь гулять: пѣшкомъ или въ каретѣ?

— О, ради Бога, не къ каретѣ! Мы десять дней пробыли на морѣ; потомъ вотъ уже двѣ недѣли какъ я сижу дома: почти мѣсяцъ безъ движенія! Миѣ надобно походить, подышать свѣжимъ воздухомъ, какъ бывало мы, въ Парижѣ, ходили въ Тюильрійскій Садъ и въ Елизейскія Поля.

— Ты не знаешь, моя милая, сказалъ герцогъ съ принужденною улыбкою: у насъ въ Лиссабонѣ порядочные люди никогда не ходятъ пѣшкомъ. Показаться намъ съ тобою на улицѣ, значило бы нарушить всѣ приличія; весь городъ заговорилъ бы объ этомъ.

— Такъ я не могу походить пѣшкомъ?

— Что дѣлать, моя милая, сказалъ герцогъ, цѣлуя ея руку:—Мы рабы древнихъ обычаевъ, нравовъ, освященныхъ вѣками.....

— Если такъ, поѣдемъ въ каретѣ; я не хочу нарушать вашихъ обычаевъ. Притомъ, я всегда готова дѣлать что тебѣ угодно.

Аделина хотѣла-было уже позвонить горничную, но герцогъ во второй разъ остановилъ ее.

— Я говорилъ тебѣ, моя милая, что наша августѣйшая королева въ своемъ загородномъ дворцѣ Чинтрѣ. А когда королевы нѣтъ въ городѣ, то предполагается, что и все высшее дворянство тамъ, гдѣ ея величество. Поэтому намъ днемъ никакъ нельзя показываться на улицѣ.

— А долго ли королева пробудетъ еще въ Чинтрѣ?

— Мѣсяца два. Тебѣ скучно будетъ, моя милая?...

— Съ тобою миѣ никогда не скучно. Но согласись, что въ Парижѣ гораздо свободнѣе, гораздо веселѣе. Идешь и ѣдешь, когда хочешь, куда хочешь, и никто не находитъ этого неприличнымъ, никто не обращаетъ на это вниманія.

— Дѣло въ томъ, моя милая, что Франція нынче страна не аристократическая, какъ была прежде. Франція республика, которая отдаетъ Тюильри внаймы королю на болѣе или менѣе продолжительное время. Но оставимъ это.

милая моя, и лучше подумаемъ о томъ, какъ бы вознагра-
дить тебя за скуку нашей уединенной жизни. Черезъ мѣсяцъ
я дамъ обѣдъ; мы пригласимъ всю нашу португальскую
знать. Давно пора познакомить ихъ съ моею женою.....

— Съ твоей женою! сказала Аделина покраснѣвъ.

— Если бъ ты и точно была жена моя, я не могъ бы лю-
бить тебя больше теперешняго. Притомъ я всею говорю,
что въ Парижѣ женился. Но вотъ въ чемъ дѣло, моя ми-
ленькая герцогиня. Перековеркать имя одного изъ этихъ
грандовъ значило бы оскорбить все дворянство. Такъ
постарайся выучить хорошенько ихъ имена и прозванія,
чтобы показать имъ какъ ты высоко цѣнишь историче-
скія имена и знатность роду.

— Такъ дай же мнѣ списокъ этихъ именъ.

— Вотъ онъ, сказалъ Вильярсаль, вынимая изъ карма-
на длинный списокъ. И онъ началъ читать: — Графъ Ма-
скареньдасъ де Санъ-Виченте да Бенра; — маркизъ Бальза-
мао де Голегаа; — маркиза Гвймарансъ де Монфортѣ де
Рю Ливре; — графиня Алафозсъ де Вилья Вальга де Ро-
дао; — герцогиня Торьесъ д'Иданга а Нова и....

— О, Боже мой, да я никогда этого не запомню, да мнѣ
и не выговорить всѣхъ этихъ именъ!....

— А ихъ еще двѣсти, моя милая. Какъ же быть? Вѣдь
дѣло въ томъ, что если ты ихъ не будешь знать, то мнѣ
невозможно дать обѣдъ..... Такъ притворись больною и
стану всею говорить, что ты не принимаешь, потому что
лежишь въ постели.....

— Лежу въ постели? Такъ мнѣ опять два мѣсяца сидѣть
въ комнатѣ! Давай списокъ, черезъ мѣсяцъ я буду знать
его наизусть.

— Ты мила какъ-нельзя больше, сказалъ Вильярсаль,
цѣлуя ее въ лобъ: ты скоро будешь герцогиня во всей фор-
мѣ. Что дѣлать! Мы должны знать всѣ эти вещи, которые
у васъ въ Парижѣ считаются пустяками. Уничтожь эти пу-
стяки и дворянство не существуетъ. Ты удивляешься,
что эти имена такъ длинны? А ты не знаешь моего
имени?

— Октавій де-Вильярсаль.

— О, это только частица моего имени. **Фамилія**

Бразилкамъ Боргесъ Кастельо Пинто Корруче Массаро
де-Вилья-Реаль.

Но оставимъ Аделину въ Лиссабонѣ и поглядимъ, что дѣлаетъ Фроассаръ въ Парижѣ. Однажды онъ пришелъ со своими пріятелями въ ресторанъ Маластру и сказалъ: — Ты видишь передъ собою, любезный Маластру, четырехъ молодыхъ людей, которыхъ кошелемъ пусты какъ высушенное пространство.

Клавдій Маластру посмотрѣлъ заперта ли дверь, въ которую только-что ушли его жена и дѣти, заперта ли его бюро; потомъ сѣлъ на свое мѣсто и сказалъ: — Вамъ надо денегъ? Да у кого нынче есть деньги? Притомъ я ужъ вамъ много передавалъ.

— Да вѣдь мы тебѣ отдали.

— Съ большимъ трудомъ. Но и теперь еще должны

— Двѣ-то тысячи франковъ? Эго бездѣлка. Перенеси ихъ въ новый счетъ.... Ну, да хорошо, поставь вмѣсто двухъ, четыре тысячи и дай намъ тысячу франковъ. Мы дадимъ тебѣ вексель за общимъ нашимъ подписаніемъ. А вѣдь наши подписи — золото.

— Лучше бы какое-нибудь другое обезпеченіе. Впрочемъ, это все равно: у меня денегъ нѣтъ.

— Не забудь, что у меня отецъ богатый человекъ и что послѣ него у меня будетъ тридцать тысячъ дохода.

— Да, послѣ него.

— А я тебѣ скажу по-секрету: вчера онъ былъ очень боленъ.

— Очень жаль. Впрочемъ, я вамъ говорю, что у меня денегъ нѣтъ.

— Божанси записался въ адвокаты и на дняхъ говоритъ первую свою рѣчь въ королевскомъ судѣ.

— Прекрасно; но у меня денегъ нѣтъ.

— Денегъ нѣтъ, да денегъ нѣтъ, только и наладимъ! Да вѣдь говорятъ тебѣ, что намъ нужно только тысячу франковъ.

— А у меня и ста франковъ нѣтъ.

Ласервоэль всталъ и хотѣлъ было идти; но Фроассаръ остановилъ его.

— Ну, послушай, Маластръ, сказалъ онъ: ты не хочешь дать намъ четверымъ тысячи франковъ; такъ дай мнѣ одному четыре тысячи.

— Приходите завтра одни: мы поговоримъ.

— Чтò за чудеса! сказалъ Ласервоазъ уходя: не хотѣлъ дать тысячи франковъ, а теперь дастъ четыре.

— Очень не мудро: дать четыре тысячи одному, у котораго отецъ богатый человекъ, гораздо вѣрнѣе, чѣмъ тысячу четверымъ, у которыхъ ничего нѣтъ.

На другой день, на разсвѣтѣ, Маластръ отправился со двора; дошелъ до улицы des Mauvais Garçons, одной изъ самыхъ старыхъ и самыхъ грязныхъ въ Парижѣ; добрался до стараго, закопченнаго домика и постучалъ кольцомъ въ дверь. Стукъ разбудилъ собаку, собака разбудила человека, человекъ отворилъ дверь. — Ахъ, это ты, Маластръ?

— Я, любезный Жирофлакъ.

— Поди въ гостиную.

Гостиная Жирофлака походила на магазинъ рѣдкостей, или старую кладовую, въ которой вѣтеръ все перемѣшалъ. На веревкахъ висѣли платья, богатые шпаги, драгоценные пистолеты, на полу стояла коллекція чучель, львы, тигры, гиены, чакалки. Само собою разумѣется, что все это оставлено было въ закладъ. Жирофлакъ поглядѣлъ, гдѣ бы посадить пріятеля, и не нашелъ ничего кромѣ медвѣдя.

— Сядемъ тутъ, сказалъ онъ: это добрый товаръ, я дамъ, такъ, бездѣлку, подъ закладъ этого медвѣдя. Ну, скажи-ка ты мнѣ, какимъ вѣтромъ тебя принесло?

— Какой у тебя славный надгробный памятникъ! сказалъ Маластръ, указывая въ уголь.

— Да, это одинъ молодецъ хотѣлъ увѣковѣчить свою горестъ, поставить великолѣпный памятникъ на могилѣ своей любезной, какой-то мамзель де Сентъ-Балу, какъ известно изъ надписи; да денжонокъ не хватило: видишь, все мраморъ, да бронза. Такъ, что ему ѣсть было нечего. Онъ и оставилъ мнѣ памятникъ въ закладъ. Я дамъ всего только пять сотъ франковъ. Продамъ на вѣсъ. Авось заручу.

— Какъ не выручить! Послушай, Жирофлакъ, мнѣ надобно четыре тысячи франковъ.

— Возьми моихъ львовъ; а наличныхъ нѣтъ. Или, пожалуй, возьми двѣсти сѣделъ.

— Мнѣ надобно четыре тысячи франковъ. Черезъ полгода я отдамъ тебѣ пять тысячъ. Хочешь?

— Тысячу-то на четыре тысячи въ полгода? Нѣтъ, давай дѣй.

— Да я самъ получу только тысячу барыша.

— Толкуй! Знаю я тебя! Ты получишь и всѣ четыре.

Маластръ всталъ и хотѣлъ уйти.

— Ну, вотъ, ужъ и разсердился! сказалъ Жирофлакъ. Ну, дай двѣ тысячи, такъ я отдамъ тебѣ въ-добавокъ и памятникъ и коллекцію чучель. Прелесть, что за чучель! Вѣдь словно живые!

— Ну, ну, давай деньги.

Жирофлакъ выбѣжалъ на улицу. На паперти сосѣдней церкви сидѣлъ нищій, слѣпой, калѣка, оборванный, грязный, отвратительный и плаксивымъ голосомъ говорилъ богатой богомолкѣ, которая проходила мимо него: — По-дайте, Христа ради!

Жирофлакъ ударилъ его по плечу. Нищійи повялъ, всталъ и пошелъ за нимъ въ церковь. Онъ сталъ за толстымъ столбомъ и Жирофлакъ сказалъ: — Мнѣ надобно четыре тысячи франковъ на полгода.

— А что мнѣ будетъ за мои молитвы?

— Двѣсти франковъ, золотомъ, монетами повенькими, свѣтленькими какъ твои глаза, хоть ты и притворяешься слѣпымъ.

— Маловато. Развѣ пять сотъ.

— Прошу покорно! Пять сотъ франковъ за полгода!

— Ну, да рѣшайся, Жирофлакъ. Вѣдь ты у меня время отнимаешь: я бы ужъ теперь получалъ три или четыре су.

— Ну, ну, хорошо, только половину я тебѣ отдамъ деньгами, а половину парками:—у меня ихъ на двѣсти пятьдесятъ франковъ.

— Пожалуй. Только новые ли?

— Конечно. Они остались у насъ одного сенатора.

— Ну, ужъ такъ и быть; для тебя только, Жирофлакъ. Подожди; сейчасъ принесу.

— Ступай скорѣй.

Ниццй пошелъ; но вдругъ воротился. — А дашь десятъ су, за то, что продержалъ меня такъ долго? Вѣдь я, право, въ это время больше бы получилъ.

— Экой лакомка! сказалъ Жирофлакъ. Ну, хорошо, ступай, только скорѣй.

Четыре тысячи дошли до Фроассара слѣдующимъ образомъ: Жирофлакъ далъ за нихъ нищему пять сотъ франковъ; Малластръ Жирофлаку двѣ тысячи; Фроассаръ Малластру четыре. То есть, онъ получилъ четыре тысячи, а далъ вексель въ осемь.

Но нельзя же занимать всякой день; не дадутъ. А деньги у Фроассара какъ-то не уживались. Что дѣлать? Чѣмъ прокормиться, да не только прокормиться, а чтобы весело пожить? Надобно, какъ говорится, *подняться на сферы*. Къ счастью умъ у Фроассара былъ свѣтлый, смѣливый, изобрѣтательный. Однажды онъ шелъ по улицѣ и видитъ: идетъ оппозиціонный депутатъ; мимо ѣдетъ карета съ гербами. Карета забрызгала депутата грязью.

— Неучъ! Негодяй! закричалъ депутатъ. Чванится своей знатностью и брызжетъ грязью въ людей, которые вдесятеро лучше его!

Свѣтлая мысль блеснула въ головѣ Фроассара.

— Отчего, подумалъ онъ, депутатъ обругалъ знатнаго? Оттого, что онъ самъ не знатный. Будь онъ знатный, онъ просто бы обтерся и не сказалъ ни слова. Его мучитъ зависть. А вѣдь въ Парижѣ такихъ людей сотни тысячъ. Если съ ихъ всѣхъ сдѣлать знатными? Если бъ я, Аристандъ Фроассаръ, сдѣлалъ ихъ всѣхъ знатными? Я знаю геральдику лучше чѣмъ кто-нибудь... Въ улицу Гренель! закричалъ онъ своимъ сапогамъ, и сапоги понесли его въ улицу Гренель.

Фроассаръ вошелъ на дворъ одного великолѣпнаго отеля. — А что, сказалъ онъ женѣ придверника: у васъ бѣзвѣтажъ порядочный?

— Порядочный? Великолѣпный! Въ немъ бѣзвѣтажъ гравъ и геральдику.

- А сколько комнатъ?
 — Четыре на дворъ, четыре въ садъ. Конюшня на четыре стойла.
 — Мало.
 — Вы человекъ семейный?
 — Да, только жена и дѣти мои еще не вѣрнулись. Конюшня мала.
 — Такъ у васъ вѣрно, нѣсколько экипажей?
 — Только они всѣ съ женой. Ну, да нечего дѣлать. Я беру вашу квартиру. Снимите билетъ.
 Дня черезъ три послѣ этого во всѣхъ журналахъ явилось слѣдующее объявленіе.

СПРАВОЧНОЕ МѢСТО ФРАНЦУЗСКАГО ДВОРЯНСТВА,
 содержащее

КАВАЛЕРОМЪ ДЕ СЕНТЬ-КРОА,
 членамъ разныхъ орденовъ, военныхъ и духовныхъ.

Въ улицѣ Гренель, № 78.

Прежде всего Аристидъ выставилъ на каждой двери надпись: Приемная. — Зала совѣта. — Кабинетъ кавалера де Сентъ-Кроа. — Канцелярія. — Архивъ. — Касса.

Черезъ нѣсколько дней Фроассаръ пришелъ въ свою великолѣпную квартиру и привелъ съ собою какого-то господина, и комиссіонера. Господинъ былъ весь въ черномъ; комиссіонеръ несъ столъ и нѣсколько книгъ старыхъ законченныхъ бумагъ. Господинъ въ черномъ платьѣ былъ извѣстный намъ музыкантъ Послѣдній Гитара; онъ взялся играть роль лакея, канцелярскаго чиновника и секретаря. Законченныя бумаги составляли архивъ Справочнаго мѣста.

Аристидъ разослалъ по городу великолѣпное объявленіе, написанное хитро, кудряво и непонятно. Яснаго въ немъ было только то, что Справочное мѣсто учреждаетъ ся для доставленія дворянамъ свѣдѣній о ихъ предкахъ, ихъ прежнихъ владѣніяхъ, и прочая, каковыя свѣдѣнія заимствуются изъ документовъ хранящихся въ архивѣ Справочнаго мѣста; что при заведеніи состоитъ б. д. и т. д.; и что записывающіеся платятъ впередъ по осьмидесяти франковъ въ годъ.

Дело было совсемъ не въ томъ, что сказано въ объяв-

ленин; но мы это сейчас увидимъ изъ слѣдующаго разговора кавалера де Сентъ-Кроа съ однимъ посѣтителемъ.

— Кавалеръ де Сентъ-Кроа дома?

— Пожалуйте въ кабинетъ, отвѣчалъ Послѣдняя Гитара.

Посѣтитель былъ очень близорукъ. Онъ почти ощупью пробрался въ довольно темный кабинетъ хозяина.

— Вы кавалеръ де Сентъ-Кроа?

— Я, къ вашимъ услугамъ. Прошу покорно садиться.

Фроассаръ отступилъ на два шага: посѣтитель былъ отецъ его.

— Я имѣю причины полагать, кавалеръ, сказалъ старикъ, что я происхожу изъ дворянскаго роду; но ближайшіе предки мои не заботились о своемъ дворянствѣ; а я рѣшился возстановить свои права.

— И очень хорошо дѣлаете, отвѣчалъ Аристидъ, измѣняя свой голосъ.

— Не умѣю вамъ сказать, въ какое время родъ нашъ получилъ дворянское достоинство.

— Происхожденіе вашего роду терлется во мракъ времени.

— Именно такъ; но я хотѣлъ бы вывести его изъ этого мраку, чтобы жениться на одной знатной дамѣ, а главное, признаюсь вамъ откровенно, чтобы меня не считали отцомъ одного негодяя, мотыги, повѣсы, который срываетъ меня.

— Нѣтъ ничего легче. Какъ васъ зовутъ?

— Жанъ-Каскаре-Фроассаръ.

— Ай, ай! Имепя не дворянскія! Нужды нѣтъ. Мы половину отбросимъ, а изъ остальнаго что-нибудь сдѣлаемъ. Гдѣ жили ваши предки?

— Въ Греноблѣ.

— Прекрасно. Такъ вы Бретонецъ. Васъ прежде звали не Каскаре, а Каскаруэ. Имя ваше измѣнилось когда предки ваши переселились изъ Бретани въ Дофинѣ; но впередъ смѣло подписывайтесь Каскаруэ де Каскаруэ, и вы будете знатны, какъ извѣстныя Бретанскія фамиліи Кердабъ, Керкамарекъ, Керкангуръ и прочая. Чѣмъ вы хотите быть? Кавалеромъ? Это не дурно, отъдается примеромъ

никъ. Можно бы барономъ, но это уже слишкомъ обратить на васъ вниманіе; маркизомъ еще хуже; кавалеромъ всего лучше. Попробуемъ. Вы прѣзжаете въ какой-нибудь домъ. Лакей докладываетъ: — Кавалеръ Каскаруэ де Каскаруэ! Хорошо. Вамъ пишутъ. Попробуемъ.

И Аристидъ написалъ

Кавалеру Каскаруэ
де Каскаруэ.

— Очень красиво. Вы скончались. Попробуемъ. Въ газетахъ напечатано :

Еще одинъ знаменитый родъ прекратился. Къ общему сожалѣнію вчера скончался послѣ продолжительной болѣзни, на шестьдесятъ семь летъ своей жизни, кавалеръ Каскаруэ де Каскаруэ, послѣдній потомокъ этой знаменитой фамиліи. Миръ праху твоему, добродѣтельный человѣкъ!

— Прекрасно! Такъ вы кавалеръ Каскаруэ де Каскаруэ. Честь мнѣю поздравить.

— Покорно благодарю. Но гдѣ же доказательства моего дворянства? документы?

— Сейчасъ будутъ. Съ какого времени должно начинаться ваше дворянство?

— Съ Людовика Святаго.

— О нѣтъ; это невозможно. Довольно съ Генриха Четвертаго.... Малага! Малага! — Это мой секретарь, сказалъ Фроассаръ: онъ то же дворянинъ, потомокъ Сида этого имени.

— Я знаю только вино малагу, отвѣчалъ старикъ Фроассаръ.

— Малага! Мнѣ надобно письмо Генриха Четвертаго къ предку кавалера Каскаруэ де Каскаруэ, сказалъ Аристидъ. Послѣдней Гитаръ, указывая на отца.

— Очень хорошо, кавалеръ.

— Коротенькое и выразительное. На его манеръ. Письмо писано послѣ сраженія при Дре.

— Слушаю.

Малага ушелъ, а кавалеръ Сентъ-Крѳъ занялся составленіемъ герба кавалера Каскаруэ де Каскаруэ. Помѣстилъ въ него двѣ двѣсти. Старикъ просилъ малага ли прибавить еще. — Ну, такъ и быть, прибавилъ третью, съ двѣстами:

«Есть и четвертый.» Четвертый левъ вы, вашъ батюшка, вашъ дѣдушка и такъ далѣе. Въ вашемъ родѣ всегда были львы. Пока они толковали о гербѣ, Последняя Гитара принесъ письмо Генриха Четвертаго. Генрихъ писалъ слѣдующее:

«Моему вѣрному Каскару де Каскару.»

«Я зналъ, что ты храбръ; но не зналъ, что ты храбрѣ меня.»

«Обниму тебя въ Парижѣ.»

«Твой король,

ГЕНРИХЪ.»

— Прекрасно! сказала Ариетта: съ этими вы знаменами Фогановъ и Монморанси. Малага, перонини, виллелли и приложи печать. Теперь дѣло наше кончено. У васъ дворянское имя, титулъ, предки ваши владѣли поимѣстемъ и одинъ изъ нихъ былъ любимцемъ Генриха Четвертаго.

— Сколько жъ я вамъ долженъ, кавалеръ?

— Двадцать тысячъ франковъ.

— Двадцать тысячъ франковъ! вскричалъ старикъ, уронивъ очки.

— Меньше нельзя, дражайшій паненька.

Старикъ Фроассаръ отскочилъ: — Какъ, что ты, негодяи! Такъ вотъ ты на что пустился!

— А вы-то, паненька? Но какъ бы то ни было, пришлите мнѣ двадцать тысячъ франковъ; не то, я всѣмъ расскажу, что документы у васъ подложные. Пожалось, паненька!

— А я скажу, что ты ихъ и готовилъ. Пожалось, сынокъ!

Отецъ и сынъ съ удивленіемъ посмотрѣли другъ на друга. Сынъ захохоталъ, отецъ разсердился и ушелъ.

Дѣло не пошло. Черезъ мѣсяцъ «Справочное и всего» было закрыто. Ариетта и Последняя Гитара ѣхали.

Оставшись третій или четвертый разъ безъ курки хлѣба и безъ пристанища, Ариетта глубоко размышляла о томъ, чѣмъ ему занять свой умъ, чтобы питать тѣло, и не одно свое, а и тѣлеса тронхъ друзей своихъ, потому что безъ него они бы умирали.

Остатки: какъ выговоритъ, гуляли въ...
 оны, - обрѣзанъ - обрѣзанъ - обрѣзанъ - обрѣзанъ - обрѣзанъ

съ какого-нибудь герцога, свергнутого съ престола, до лакея безъ мѣста. Имъ попался на встрѣчу одинъ изъ ихъ школьныхъ товарищей, Грань, человекъ предельно интеллигентный. Разговорились. Они рассказали ему свое горе. Онъ съ душою кочотель, услышавъ о двадцатей выдумкѣ Арметиды, и наконецъ сказалъ:

— Такъ какъ есть нечего, братцы?

— Ничего.

— Прекрасно. Вы очень кстати мнѣ попались: я только что задумалъ проектъ великолѣпный...

— Въ твои проекты великолѣпны; но это мажорный мажорный недостатокъ, сказалъ Ласервоизъ.

— Увидишь, отвѣчалъ Грань. Я принимаю васъ всѣхъ въ товарищи. Но здѣсь нельзя объ этомъ говорить; нынче идеи крадутъ какъ платки изъ кармана.

Друзья ушли въ удивленную аллею и усѣлись.

— Ты хотѣлъ извлечь пользу изъ людскаго самолюбія, сказалъ Грань, обращаясь къ Фроассару. Извини, любезный другъ; но это очень старо. Я намѣренъ извлечь пользу изъ другого чувства, которое гораздо доходнѣе, когда его поприжмешь. Это чувство—близнь; оно тѣмъ хорошо, что никогда не проходитъ: люди всегда боятся. Понимаете?

— Нисколько.

— Мы будемъ издавать журналъ.

Всѣ захохотали.

— Журналъ! Вотъ новость-то! сказалъ Ласервоизъ. Когда журналы, которые существуютъ уже по двадцати лѣтъ, не покрываютъ издержекъ. Да притомъ для этого нужна бездѣлка, которая у насъ врядъ-ли найдется. Во-первыхъ, сто тысячъ франковъ обезпеченія; потомъ триста или четыреста тысячъ на уплату за штемпель, редакцію и печатаніе.... Ай де-Грань! Какой же это будетъ журналъ, политическій, литературный?....

— Правственный.

— Правственный журналъ! Удивительно рельефно! Дай обниму тебя, Грань!

— Нашъ журналъ не будетъ нападать ни на недостатки; ни на пороки, ни на преступленія, отвѣчалъ хлещковато Грань.

— Да что жь онъ будетъ дѣлать?

— Пойдемте со мною, такъ узнаете.

Пріятели отправились за своимъ предводителемъ изъ одно изъ тѣхъ предмѣстій, которыя были настоящимъ ливромъ Парижа. Мѣсто, куда Граньё повелъ своихъ бывшихъ товарищей, называлось *Boulle-Rouge*. Передъ входомъ на этотъ дворъ былъ родъ пруда, какіе дѣлаютъ для утокъ; разливаясь по-немного, прудъ захватилъ и троттуары. На дворѣ, въ болотѣ, стояли безъ всякаго порядка домишки или, лучше сказать, шалаши. Тутъ была типографія, въ которой Граньё намѣревался печатать свой журналъ; типографія, разумѣется, недозволенная. Впрочемъ, въ Буль-Ружѣ и кромѣ-того было много недозволенного.

— Куда это ты насъ ведешь? спросилъ Аристидъ.

— Пришли, отвѣчалъ Граньё. Это мы! громко сказалъ онъ, входя въ какую-то трущобу, гдѣ виднѣлся типографическій станокъ. Къ нимъ подошелъ какой-то отвратительный уродъ съ краснымъ носомъ. Въ зубахъ у него торчала коротенькая трубка.

— Я не прошу васъ садиться, сказалъ онъ.....

— Не мудрено: не на чѣмъ, замѣтилъ Ласервоазъ.

— Но мы можемъ поговорить стоя.

— Эги господа, сказалъ Граньё, наши сотрудники, люди съ большими дарованіями: мосьё Фроассаръ, капиталистъ. Онъ намъ будетъ очень полезенъ, потому что долго жилъ въ большомъ свѣтѣ и знаетъ кого можно заставить *попищать*.

— Что это значить: попищать? спросилъ Последняя Гитара.

Граньё и типографщикъ взглянули другъ на друга и презрительно улыбнулись.— Вотъ мосьё Ласервоазъ, артистъ, скульпторъ гениальный, и не понятый. Онъ втопчетъ въ грязь всю свою собратью, которая засѣла въ институтъ, забрала въ свои руки всѣ заказы и разжила на счетъ молодыхъ художниковъ. У него весь институтъ *замкнутъ*. Вотъ этотъ—отличный артистъ. Ты, вѣрно, слыхивалъ о Последней Гитарѣ. Онъ беретъ на свою долю дирекцію театровъ, актеровъ, актрисъ и заставитъ *попищать*

каждаго изъ нихъ кто не подпишется на двадцать экземпляровъ нашего журнала.

Аристидъ и его пріятели думали, что попали въ нещери Сивиллы, такъ все это казалось имъ таинственнымъ и загадочнымъ.

— Божанси, продолжалъ Граньё, будетъ принимать вмѣсто со мною тѣхъ, которые станутъ приходить, чтобы потребовать какихъ-нибудь объясненій или просить о поправкѣ.

— Придумалъ ли ты заглавіе? спросилъ типографщикъ.

— Да, «Чистилище,» отвѣчалъ Граньё. Покуда не видишь, сди въ Чистилищѣ; пропничалъ, ступай въ Рай; не хочешь видѣть, такъ отправляйся въ Адъ.

— Очень хорошо, сказалъ типографщикъ. Такъ первую страницу можно пустить на станокъ. Эй, Ла-Жониссъ, закричалъ онъ, обращаясь къ батырщику: похоронные билеты кончимъ въ другой разъ, а теперь надобно пристаться за журналъ.

— Да скажешь ли ты намъ, наконецъ, что это за журналъ? спросилъ Аристидъ.

— А вотъ что. Въ Парижѣ, какъ вамъ извѣстно, есть люди богатые, есть и бѣдные; къ послѣднимъ, тоже, какъ вамъ извѣстно, принадлежимъ и мы. Чтобы возстановить, по-возможности, равновѣсіе, въ послѣднее время придумывали множество средствъ, но всѣ они никуда не годятся или ведутъ къ цѣли слишкомъ медленно; а мы хотимъ быть богатыми не когда-нибудь, а нынче же, теперь. Богатый, продолжалъ Граньё, на лицѣ котораго блистала улыбка злодѣя въ родѣ Ласснера: богатый не боится оружія грабителя, но онъ боится печатнаго листа, который называется журналомъ. Погрози журналъ вывести на стѣжкую воду всѣ его мерзости и при этомъ назвать его во имени: онъ поблѣднѣетъ, задрожитъ, повалится на свой нортгёлъ, откроетъ его. .. а мы тутъ-какъ-тутъ, чтобы взять что слѣдуетъ. Печатный листокъ имѣетъ величайшее вліяніе и на дѣльца, котораго спекуляціи не совѣтъ чисты; и на чиновника, который въ семейномъ бѣду ведетъ жизнь не примѣрную, и на актрису, которой слова въ нашихъ рукахъ. Слова убиваютъ, а у каждого

человекъ есть слово, которымъ его можно убить. И мы будемъ замахиваться на него этимъ словомъ, пока онъ не выкупишь своего врожденнаго грѣха. Посмотрите на этотъ мрачный подвалъ: съ нѣкоторой легкостью, съ неустрашимостію, съ постоянствомъ, мы можемъ превратить его въ мраморный дворецъ.

Грань замолчалъ. Аристидъ и другие его были пораженны удивленіемъ и ужасомъ: такое гнусное предпріятіе ихъ пугало. Дѣло въ томъ, что они были шалунами, повѣсы, люди безпорядочные, но большаго ничего.

Грань замѣтилъ ихъ нерѣшительность и сказалъ: — Это предпріятіе совсѣмъ не постыдное, какъ вы, камешки, думаете. Мы будемъ исправлять, для своей собственной пользы, нравственность богачей: вотъ и все. Какъ, вы постыдитесь выманить двадцать пять лундоровъ у богача? Журналъ нашъ до того исправитъ общество, что современемъ не будетъ ни злоупотребленій, ни плутней, ни бѣдныхъ....

— Бѣдняками будутъ одни богачи, замѣтилъ Ласервоадъ.

— Корректурa первой полосы, сказала типографшкѣ; приготовьте по-скорѣе оригиналу для второй полосы.

— Сейчасъ, отвѣчалъ Грань. Ну, господа, за работу. По десяти строкъ на брата. Отдѣлайте кого хотите, да только безъ жалости; надобно, чтобы первый ударъ былъ какъ-можно сильнѣе. А ты, сказалъ онъ обращаясь къ типографшкѣ: закажи намъ хорошій ужинъ въ сосѣдней рестораціи. Намъ пятеро. Такъ двадцать дюжинъ устрицъ, въ томъ числѣ четыре дюжины остендскихъ, морскаго рака, пару цыплятъ съ трюфелями, холодный паштетъ изъ дичины, жареную рыбу, кампотъ à la Coque, три бутылки бордосскаго, три бутылки стараго бургонскаго, и двѣ бутылки шампанскаго во льду. Мы будемъ ужинать, какъ-скоро кончимъ журналъ.

— Да кто жъ заплатитъ за этотъ роскошный ужинъ? вскричалъ Фроассаръ.

— Никто, отвѣчалъ Грань. Содержатель этой рестораціи три раза объявлялъ себя банкротомъ: сначала въ Бордо, потомъ въ Нантъ, потомъ въ Руанъ. Да десертъ

томъ я ему скажу; пришлите завтра счетъ въ типографію, что въ Буль-Ружъ.

— Ну, такъ ты заплатишь?

— И не думаю. Завтра онъ еще не успеетъ прислать счета; какъ уже получить намъ журналъ, а въ немъ вотъ что сказано: «Содержатель рестораціи въ Монмартрскомъ предѣстѣціи Ч...», человекъ чрезвычайно искусный въ своемъ дѣлѣ и у него вы всегда найдете что вамъ угодно. Въ подобныхъ его никогда не бываетъ банкротства, когда надобно приготовить хорошаго обѣда на сколько бы человекъ то ни было». Онъ тотчасъ пойметъ тайное значеніе слова банкротства, напечатаннаго курсивомъ, и послѣ того и не подумаетъ прислать намъ своего счета. Не за работу, господа, за работу!

Пріятели благоговѣли передъ этимъ гениемъ зла, и дружно принялись за работу. Часа въ три утра типографщикъ выложилъ передъ ними на столъ корректуру новорожденнаго журнала. Онъ начинался слѣдующимъ введеніемъ:

Мы не вѣримъ ни чьему таланту, ни чьей честности и говоримъ это во всеуслышаніе. Безъ зависти, безъ ненависти мы признаемъ, что несправедливо и недобросовѣстно повсюду карикатурно, грасюлю торжествуютъ. Когда ни одинъ журналъ не осмѣливается сорвать личины со столькихъ плутовъ, отступниковъ, лицемеровъ, мы, молодые люди, которыхъ жизнь еще ничѣмъ не заплятана, смѣясь признаемъ за это дѣло. Мы не станемъ намѣкать, а будемъ называть виновныхъ по именамъ. Трепещите, обманщики, неслыханнымъ возмущеніемъ рѣшительное: весь ждетъ Чистилища; рѣшите сами, надобно ли вамъ откупиться отъ мукъ, которыя васъ ожидаютъ. Но чѣмъ же они могутъ откупиться? Исправленіемъ, возвращеніемъ того, что они похитили, и особенно, принятиемъ совѣтъ нашей редакціи, при которой состоитъ искусный адвокатъ.

— Но, сказали Фроассаръ, въ Парижѣ вѣдь не одни дуры и дураки; никто не повѣритъ этому объявленію.

— А намъ какая надобность! отвѣчалъ Гранъ. Люди любятъ ржать, когда на другихъ нападаютъ...

— А какъ на нихъ нападутъ?

— Такъ они запишатъ какъ гѣ, надъ которыми они прежде смѣялись, а намъ только то и нужно. Посмотримъ на вторую статью; она тоже моя.

БИОГРАФІЯ ПАРІЖСКИХЪ БАНКИРОВЪ.

ЖАНЪ БЕРИ...

Знаменитый банкиръ Жанъ Берри... сынъ разношника. Онъ родился въ Альзасѣ и съ раннихъ лѣтъ выказывалъ самыя порочныя наклонности. Еще ребенкомъ онъ нѣсколько разъ поджигалъ ризы и скирды сѣна. Впослѣдствіи, во времена республики, сдѣлавшись главнымъ поставщикомъ фуражу для арміи, онъ сѣна не жегъ, а напротивъ, берегъ его до того, что однажды мы проиграли сраженіе, потому что истощенныя лошади наши не въ состояніи были идти второй разъ въ атаку. Обогащенный богатствомъ, онъ поселился въ Парижѣ и женился на дочери одного эмигранта, у котораго прежде купилъ все имѣніе за кусокъ хлѣба. Отъ этого брака у него родилось два сына; одинъ изъ нихъ теперь управляетъ его конторою, а другой онъ сдѣлалъ стряпчинѣ, чтобъ было кому даромъ хлопотать по дѣламъ процессамъ. Къ этому надобно прибавить, что отецъ его чуть-ли не умеръ съ голоду, а мать живетъ тысячею двумя стами франковъ пенсіона, который судъ приговорилъ его производить ей. И этотъ-то человѣкъ, покрытый грязью, дурной гражданинъ, дурной сынъ, почти отцеубійца, грабитель, осмѣливается преслѣдовать довѣренности своихъ согражданъ и добываетъ мѣста депутата одного изъ сѣверныхъ департаментовъ!

Фроассаръ ужаснулся: — Но полно правда ли все это? спросилъ онъ.

— А мнѣ какая надобность! Пусть обвиненный самъ доказываетъ, что это не правда.

— Но онъ потянетъ тебя въ судъ.

— Невозможно. Имя его не вполне выставлено: какъ же ему принять все это на свой счетъ?

— Позволь сдѣлать тебѣ еще одно замѣчаніе, продолжалъ Аристидъ. Какъ же ты хочешь, чтобы этотъ человѣкъ старался задобрить тебя, когда ты уничтожаешь его съ перваго разу, когда ты уже высказалъ объ немъ все, что только можно сказать?

— Само собою разумѣется, что этотъ уже не станетъ платить; зато вся его братья, банкиры, запищатъ во всю мочь. Ты увидишь, завтра же частныя секретари всѣхъ этихъ милліонниковъ явятся къ намъ для переговоровъ. Для этого подъ статью и сдѣлано приглашеніе.

«Въ слѣдующихъ нумерахъ помѣщены будутъ біографіи банкировъ О... , Г... , З... , Ф...».

Статьи, написанныя сотрудниками Грандъ оказались нигде не годными. Онъ продиктовалъ имъ нѣсколько статей

объ актрисахъ, объ одномъ саножникѣ, шляпникѣ, мебельникѣ. — Такимъ образомъ, господа, сказалъ онъ заключеніе, у насъ будутъ новыя шляпы, сапоги, мебели и мы заплатимъ за нихъ то же, что за ужинъ, которымъ сейчасъ полакомимся.

Въ третьемъ часу журналъ былъ набранъ и отпечатанъ въ числѣ полутора ста экземпляровъ. Больше было не нужно, потому что подписчиковъ у Граньё не было, и онъ намеревался разослать экземпляры своей газеты только тѣмъ, до кого дѣло касалось. И есть люди, не только слабые, но и сильные духомъ, которые не боятся ни пули, ни псаги, а между-тѣмъ страшатся ничтожнаго, безвѣстнаго листка!

— Ну, господа, сказалъ наконецъ Граньё: сегодня вы ничего не сдѣлали. Впрочемъ, я не виню васъ: нельзя же въ одну ночь выучиться журнальному ремеслу. Сдѣлайте по-крайней-мѣрѣ хоть что-нибудь: сложите газету и напишите адреса для разсылки по городской почтѣ; а я между-тѣмъ пойду, посмотрю, готовъ ли ужинъ.

Граньё ушелъ; наборщикъ, батырщикъ, и ученикъ ихъ, утомившись, заснули; Фроассаръ и пріатели его остались одни.

— Признаюсь вамъ, господа, сказалъ Аристидъ: я бы лучше согласился воровать, чѣмъ заниматься такимъ ремесломъ.

— И я тоже—и я тоже, отозвались Ласервоазъ, Божанси и Последняя Гитара.

— Я очень голоденъ, продолжалъ Аристидъ: но я бы охотнѣе съѣлъ свою тѣщу, чѣмъ ужинъ Граньё, купленный такой цѣною.

— Уйдемъ, сказала Божанси.

— Уйдемъ, отвѣчалъ Ласервоазъ; но чтобы гнусный ужинъ Граньё не удался, я уничтожаю все изданіе: кладу всѣ полтора ста экземпляровъ въ карманъ.

— А чтобы онъ не могъ сдѣлать втораго изданія, исправленнаго и умноженнаго, сказалъ Фроассаръ, то я разошлю всѣ формы.

Уничтоживъ такимъ образомъ газету Граньё въ самомъ разгарѣ, пріатели разошлись. Что дѣлалъ съ-тѣхъ-поръ

Фроассаръ, чѣмъ онъ въ Парижѣ кормился — нехочу тебѣ говорить; но мы еще съ нимъ встрѣтимся.

Триста, или четыреста знаменитыхъ Португальцевъ обоюго пола, которыхъ имена Аделина наконецъ выучила, разѣхались около полудня. Оставшись одна съ Вильярелемъ, она сказала:

— Надѣюсь, что ты доволенъ мною. Кажется, я хорошо вытвердила всѣ эти имена?

— Какъ-нельзя лучше, моя милая.

— Я дѣлала все что могла, чтобы занять твоихъ гостей. Любезничала, играла, пѣла и, кажется, не дурно?

— Прекрасно.

— Что съ тобою? Ты какъ-будто изловоденъ?

— О, нѣтъ, моя милая, но....

— Что же такое?

— Я скажу тебѣ откровенно, потому что, живя въ Лиссабонѣ, надобно это знать, чтобы не нарушать приличій. Въ знатныхъ домахъ у насъ женщинъ воспитываютъ совсѣмъ не такъ, какъ во Франціи. Въ Парижѣ женщины самая знатная любезничаютъ, кокетничаютъ наравнѣ со всякою свѣтскою женщиною. Здѣсь совсѣмъ не то. У насъ играть на фортепьяно, цѣтъ, танцовать, одними словами, блистать въ обществѣ, предоставляется.... извини.... актерсамъ.

— Актрисамъ! Такъ когда я всѣми силами старалась занимать твоихъ гостей, расшевелить эти камни, я была въ глазахъ ихъ, да и твоихъ, актрисой!... Жаль, что ты мнѣ этого прежде не указалъ. Но не безпокойся, съ этого поръ я сдѣлаюсь настоящей Португалькой....

— Ты напрасно сердисься, Аделина: могу ли я измѣнить обычай, которые существуютъ полторы тысячъ лѣтъ! Я виноватъ только въ томъ, что ошибся: я думалъ, что здѣсь ты будешь счастливѣе чѣмъ въ Парижѣ....

Въ это самое время человекъ принесъ на золотомъ блюдѣ письмо: — Ваша свѣтлость изволили быть съ гостями, когда его принесли, сказалъ онъ, подавая письмо герцогу.

Вильярель хотѣлъ-было разломать печать, но вдругъ

остановился и сказалъ: — Что это я дѣлаю! Письмо къ тебѣ, Аделина.

— Ко мнѣ?

— Да. И писано здѣсь, въ Лиссабонѣ. Кто же это можетъ писать къ тебѣ? Кажется здѣсь, кромѣ меня никто тебя не знаетъ.

— Не понимаю, отъ кого оно можетъ быть, сказала Аделина; но блѣдность ея показывала, что она говоритъ неправду: она узнала руку.

— Что это значитъ? Вы поблѣднѣли, дрожите. Хотѣлъ бы я знать отчего это письмо такъ смущаетъ васъ.

— Оно не можетъ смущать меня, потому что я его еще и не читала.

— Такъ прочтите же!

— Вы приказываете?....

— Я прошу....

— Письмо ко мнѣ, такъ я прочту его когда мнѣ вздумается.

— Такъ вы знаете отъ кого оно?

— Развѣ въ Лиссабонѣ обычай, чтобы мужчины читали письма, адресованныя не къ нимъ?

— Извините. Прощайте, сказалъ герцогъ, цѣлуя руку Аделины, и повѣрьте, что я совсѣмъ не хочу знать что въ этомъ письмѣ.

— И я то же, сказала Аделина, поднесла письмо къ свѣчѣ и сожгла.

Вильярреаль обнялъ ее и, смѣясь, сказалъ: — Мы, право, настоящіе дѣти: ссоримся изъ всякихъ пустяковъ.

Они разошлись.

— А какъ я его просила, чтобы онъ не писалъ ко мнѣ!

Вильярреаль смеялся зубами, когда вошелъ въ свою комнату. — Она не прочла письма, потому что знаетъ что въ немъ можетъ быть, говорилъ онъ. О! если она мнѣ напишетъ!

Мы уже говорили, что во время болѣзни Аделины, ей не дозволено было никого принимать; потому, когда она выздоровѣла, отцу и матери позволялось иногда приходить

къ ней завтракать. Однажды они сидѣли у ней и маркиза сказала:—А что, Аделина, не пора ли позавтракать?

Аделина позвонила. Въ ту жъ минуту явился слуга.

— Велите подать завтракать, сказала она.

— Мое дѣло, ваша свѣтлость, докладывать о приваживающихъ, и больше ничего, сказалъ слуга.

— Хорошо.

Человѣкъ ушелъ.

— Что такое онъ говорить? спросила маркиза.

— Что это не его дѣло и что о завтракѣ я должна приказывать другому человѣку.

— Это очень важно, конечно, сказала маркиза: но, правду тебѣ сказать, всѣ эти церемоніи мнѣ ужасно надоѣли. Счастлива ли ты, по-крайней-мѣрѣ?

— Вы видите: я живу въ роскоши.

— Правду сказать, ты живешь какъ королева.

— Говорятъ, что и у королевы нѣтъ такихъ богатыхъ покоевъ.

— Но столъ у нихъ ужасный, — сказалъ старикъ маркизъ. Все съ индѣйскимъ перцемъ: огонь да и только. Ночью я только и дѣлаю, что пью. Днемъ произвожу въ желудкѣ пожаръ, а ночью его заливаю.

— Да, это правда, сказала маркиза: а позавтракать всѣ-таки не мѣшало бы.

Аделина позвонила. Явился другой слуга.

— Половина перваго, сказала она: велите намъ дать завтракать.

— Извините, ваша свѣтлость, я имѣю честь носить вамъ шлепѣ, а вы, вѣрно по ошибкѣ, изволите приказывать мнѣ то, что составляетъ обязанность камердинера.

— Этоть что говорить? То же отказывается! спросила маркиза.

— Да, онъ говорить, что это не его дѣло.

— Послушай, однако жъ, Аделина, вѣдь это право известно, сказала маркиза.

— Что дѣлать, маменька: въ каждой землѣ свой обычай.

— Земля, говорятъ, богатая и прекрасная, сказалъ старикъ маркизъ: а порядочнаго табаку нѣтъ. Посмотри-ка, моя милая, какую мерзость я принужденъ нюхать. То-ли дѣло у насъ въ Парижѣ! Бывало, Фроассаръ приносилъ мнѣ всегда самый лучший виргинскій табакъ.... Надо отдать ему справедливость.

— Ты, кажется, начинаешь ужъ жалѣть о Фроассарѣ? сказала маркиза. Это не человѣкъ, а чудовище! Гдѣ-то онъ теперь?.... Однако жъ, моя милая, дашь ли ты намъ позавтракать?

Аделина дернула за ручку третьяго звонка. Явился егеръ.

— Скоро часъ, а намъ не подають завтракать, сказала она.

— Ваша свѣтлость изволили послать куда-то камердинера, такъ главный поваръ и не получалъ приказанія подавать завтракъ.

— Ну, такъ скажи ему, чтобъ онъ далъ намъ завтракать, да подай самъ, сказала Аделина съ досадою.

— Мое дѣло, отвѣчалъ егеръ, обидѣвшись: ѣздить за каретой вашей свѣтлости. Въ кухню ходить не моя обязанность, а оффиціанты меня не слушаются.

Егеръ ушелъ.

— И этотъ отказывается? вскричала маркиза;— да помилуй, ради Бога, неужели ты не умѣешь приказывать?

— Приказывать и просить, маменька, здѣсь ровно ничего не значить. Здѣсь всѣмъ управляетъ этикетъ.

— Это опять напоминаетъ мнѣ Фроассара, сказалъ старикъ Нѣвилеттъ: бывало, у него, захотѣлъ поѣсть: тотчасъ все готово; даже и въ послѣднее время, только скажешь, сядемъ въ фіакръ и пустимся куда-нибудь въ ресторацію, да и ѣдимъ-то безъ перцу.

— Фроассаръ чудовище, объ этомъ ни слова, отвѣчала маркиза, однако жъ въ немъ было много хорошаго, и, правду сказать, въ Парижѣ мы жили гораздо веселѣе чѣмъ здѣсь. Вѣдь не съ кѣмъ поговорить; не съ кѣмъ въ карты поиграть; сидишь цѣлый вечеръ сложивъ руки. А ты что дѣлаешь по вечерамъ. Аделина? Вѣрно. въ театрѣ ѣдешь

— Здѣсь спектакли бывають только зимою и дворцество
идеть въ театръ тогда только; когда тамъ бываетъ коро-
лева:

— А Фроассаръ, бывало, возилъ насъ въ театръ два раза
въ недѣлю, даже и тогда, когда мы ссорились, замѣтила
Маркиза.

— Вы, я вижу, очень скучаете здѣсь, сказала Аделина:
А постараюсь уговорить герцога воротиться въ Парижъ;
но только развѣ мѣсяца черезъ три: прежде никакъ нельзя.

— Постарайся, моя милая; а до-тѣхъ-поръ всё-таки не
худо бы позавтракать.

Аделина отчаянно позвонила. Наконецъ явился камер-
динеръ.

— Я съ двѣнадцати часовъ не добыюсъ завтраку, сказа-
ла Аделина: тебя не было дома, такъ никто не хочетъ по-
дать. Это несносно! Ступай скорѣе.

— Извините, ваша свѣтлость, главный поваръ не полу-
чилъ во-время приказанія подавать завтракъ, такъ онъ
думалъ, что вы сегодня не изволите завтракать и теперь
уже ничего нѣтъ.

— Нѣтъ, это уже слишкомъ! вскричала маркиза Нессе-
леттъ; пойдѣмъ, маркизъ, пойдѣмъ, Аделина, купимъ пи-
рожковъ у перваго пирожника, который намъ попадетъ,
и по-крайней-мѣрѣ позавтракаемъ.

— Не могу, маменька: въ Лиссабонѣ герцогиня не по-
даетъ нѣшкомъ.

— Ну, такъ вели подать карету.

— И въ каретѣ не ѣздить, когда королевы нѣтъ въ го-
родѣ. Этому требуетъ этикетъ.

— Да какъ же они выѣзжаютъ? На воздушныхъ шарахъ
что ли?

— Никакъ не выѣзжаютъ.

— Ну, ужъ мнѣ этотъ этикетъ! вскричала маркиза. Ахъ,
мой бѣдная Аделина, я не смѣю сказать что у меня на
умѣ, но.....

Старики ушли, покачивая головами; Аделина опустила
голову и вздохнула.

Если бы Видьяреаль былъ человекъ не воспитанный, онъ

бы осыпалъ Аделину упреками, но онъ былъ герцогъ, человѣкъ гордый, да притомъ онъ имѣлъ противъ нея только подозрѣнія: надобно было развѣдать, разузнать. Черезъ нѣсколько дней послѣ размолвки съ нею, онъ пришелъ въ ея комнату и сказалъ: — Наша всемплоствѣйшая государыня возвратилась вчера вечеромъ въ городъ, моя милая. Извини, что я до-сихъ-поръ тебя такъ мучилъ. Что дѣлать, въ нашемъ званіи, необходимо повиноваться этикету. Но теперь, карета и коляска всегда будутъ къ твоимъ услугамъ: можешь ѣздить куда тебѣ угодно, гулять, въ гости, приглашать къ себѣ гостей..... Да, кстати, мнѣ давно надобно было подумать о довольно серьезной вещи, которая касается до тебя. Конечно, о смерти думать намъ еще рано; но кто знаетъ, что случится. Надобно же, чтобы послѣ меня ты не осталась безъ ничего. Вчера я положилъ на твое имя въ Вѣнскій банкъ два милліона....

Аделина съ восторгомъ воспользовалась позволеніемъ выѣзжать; она по цѣлымъ днямъ гуляла. Не мудрено: молоденькая женщина, Француженка, Парижанка, просидѣла два мѣсяца взаперти! Но герцогъ, давъ ей, по-видимому, полную волю, между-тѣмъ окружилъ ее шпионами; за ней безпрестанно присматривали, на гуляньѣ, у знакомыхъ, дома, вездѣ. Но шпионы, какъ извѣстно, народъ не вѣрный: какъ-разъ измѣнятъ, въ надеждѣ получить больше, или по-крайней-мѣрѣ поживиться отъ обѣихъ сторонъ. Такъ случилось и тутъ: одинъ изъ людей, подкупленныхъ герцогомъ, сообщалъ обо всемъ Аделинѣ. Это ее ужасно поразило: видѣть во всякомъ врага, ожидать отъ всякаго доносу, показалось ей нестерпимымъ, но особенно огорчало ея, что Вильярсаль не имѣетъ болѣе довѣренности къ ней. Она перестала выѣзжать, не принимала никого, кромѣ отца и матери, а чтобы словъ ея не перетолковывали въ дурную сторону, она почти ни съ кѣмъ, кромѣ нихъ, не говорила. Удивляясь этой перемѣнѣ, герцогъ, по временамъ заставлялъ ее выѣзжать, но всегда дѣлалъ это съ такою вѣдливостью, что отказаться было невозможно, хотя эти выѣзды были настоящею мукою для Аделины, потому что она понимала для чего Вильярсаль это дѣлаетъ.

Однажды, какъ онъ шелъ на ея половину, камерлацнеръ

вбѣжалъ въ его комнату и донесъ, что самъ собственными глазами видѣлъ, какъ Аделина спрятала въ бюро связку писемъ, штукъ около тридцати; что онъ уже пробовалъ отпереть бюро, но никакъ не могъ.

— Хорошо, сказалъ хладнокровно герцогъ, давая счастливому шпиону полный кошелекъ золота: нынче вечеромъ, мы уѣдемъ со двора; изломай бюро, достань письма, потомъ зажги; занавѣски, ковры, мебель загорятся; пусть горятъ: успѣютъ потушить, а тамъ ужъ не твое дѣло.

Сдѣлавъ эти распоряженія, герцогъ пошелъ къ Аделинѣ. Къ ея комнатамъ вела стеклянная галерея, которая выходила въ садъ, потому что весь домъ былъ окруженъ садомъ. Погруженный въ свои размышленія, Вильяреаль шелъ ощутивъ голову и вдругъ у самыхъ дверей первой изъ комнатъ Аделины, онъ, въ изумленіи остановился: ему послышался разговоръ двухъ голосовъ. Дверь была двойная и потому нельзя было разобрать что говорятъ, но было слышно, что одинъ голосъ мужской. Кто бы это могъ быть? Герцогъ дотронулся до замка: дверь заперта! А этого никогда прежде не бывало. Вильяреаль приложилъ ухо къ дверямъ и сталъ прислушиваться. Въ комнатѣ Аделины хохотали. Въ себя отъ ярости, герцогъ схватился было за ручку звонка, какъ-вдругъ послышались звуки фортеціано и флейты.

— О! я узнаю кто тамъ, сказалъ самъ себѣ герцогъ: выйти иначе какъ черезъ эту дверь невозможно. Я подожду.

Между-тѣмъ музыка продолжалась: играли всѣ прелестные мотивы Обера и Адама, составлявшіе часть воспоминаній изъ дѣтства Аделины. Наконецъ она дотога развеселилась, что начала пѣть, чего не дѣлала съ-тѣхъ-поръ, какъ не-впопадъ вздумала повеселить гостей своимъ пѣніемъ.

Это взорвало Вильяреала. Онъ позвонилъ..... Никто не откликнулся, потому что игра на фортеціано прекратилась, но слышались звуки флейты..... да танцы.... Что жъ это значитъ? Что онъ играетъ на флейтѣ, а Аделина, обвиняла его, заискусуетъ съ нимъ..... Это такая семейная

ность!.... Вильреаль началъ звонить, стучать во всю ночь и готовъ былъ выломать дверь..... Все утихло.

Герцогъ продолжалъ звонить, крича по временамъ: — Отвори..... Да отвори же..... Я слышу, что у тебя кто-то есть!.... Отвори, и то я вѣрно выломать дверь.

Наконецъ Аделина сама отперла.

— Я думалъ, что вы совѣтъ не хотите пустить меня, а кажется я довольно громко звонилъ, сказалъ Вильреаль.

— Изъ другихъ комнатъ плохо слышно, отвѣчала Аделина.

— Вы очень взволнованы.....

— Оттого, что вы меня напугали.....

Аделина старалась было задержать его въ первой комнатѣ, но онъ пошелъ прямо въ ея спальню.

— Вы здѣсь! вскричалъ онъ съ величайшимъ удивленіемъ, увидѣвъ маркиза и маркизу Нѣвилеттъ.

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣчала старуха, присѣдая.

Аделина стояла у окна и обрывала листья дерева, котораго вѣтви доходили до верхнихъ стеколъ. Вильреаль какъ тигръ, поводилъ глазами по всей комнатѣ. Никого чужаго не было.

— Маркиза, сказалъ онъ, помолчавъ нѣсколько времени: я увѣренъ, что вы не въ состояніи давать вашей дочери дурныхъ совѣтовъ.

— Любезный герцогъ, отвѣчала бойкая старуха: Аделина не всегда поступала по моимъ совѣтамъ. Одно въ ея поведеніи мнѣ не нравилось и дѣлалось противъ моей воли; другое мнѣ очень пріятно, но совѣтовать этого я не могла. Такъ вы напрасно меня хвалите.

— Какъ бы то ни было, я увѣренъ, что вы не можете одобрить того, что здѣсь происходило.....

— Что такое?

— Вы напрасно притворяетесь: я самъ слышалъ музыку.

— А развѣ бѣдной Аделинѣ нельзя уже и музыкой заниматься? Послушайте, герцогъ, кстати я ужъ выскажу вамъ всю правду. Вы настоящий тиранъ: не пускаете ея, бѣдняжку, со двора, не позволяете ей гулять ни пѣшкомъ ни въ каретѣ, а когда, наконецъ, выпустите изъ клятки, такъ окружаете шпионами.....

— Маршса!

— Развѣ это не правда?

Не отвѣчалъ ей, герцогъ сталъ показывать по всѣмъ комнатамъ, за мебелью, вездѣ. Не сиротался ли кто-нибудь.

— Кажется, намъ нечего здѣсь дѣлать; сдѣлайте марши.

— Я васъ не удерживаю, отвѣчалъ герцогъ.

Мы не станемъ описывать сцены, которая происходила между герцогомъ и Аделиною. Онъ ничего не нашелъ; она поклялась, что не измѣняла ему, но не хотѣла сказать кто тутъ былъ. Онъ ушелъ-было, но потомъ воротился и сказалъ: — Я совсѣмъ забылъ: я не затѣмъ приходилъ къ вамъ, чтобъ быть свидѣтелемъ сцены, которой не ожидалъ. Мы ѣдемъ сегодня на балъ къ герцогу Кадаваю.

— На балъ?.... Мы съ вами?....

— Да. Свѣтъ не долженъ знать, что здѣсь случилось. Намъ будутъ ждать, и отказаться невозможно. Я требую отъ васъ этой жертвы.

— Если вамъ непремѣнно угодно.

Уходя, герцогъ холодно поцѣловалъ руку Аделины. Она побѣжала за нимъ и удержала его.

— А если вынче вечеромъ меня не будетъ на свѣтѣ?....

— Если васъ не будетъ на свѣтѣ?.... Такъ вы не повѣдете со мною.

— Прощайте, герцогъ.

Ни на одной королевѣ въ день ея свадьбы не бывало столько брилліантовъ, какъ на Аделинѣ въ этотъ вечеръ: убранство ея цѣнило въ три милліона. Она, бѣдняжка, едва дышала отъ тяжести всѣхъ этихъ камней и жемчугу. Однако жъ герцогъ заставлялъ ее танцевать, чтобы удобнѣе наблюдать за нею; но не замѣтилъ ничего подозрительнаго. Наконецъ Аделину атакировалъ одинъ молодой Испанецъ, который только-что пріѣхалъ въ Лиссабонъ. Молодой человекъ былъ красавецъ и Вильяреалю тотчасъ пришло въ голову, что это и долженъ быть любовникъ Аделины. Онъ не спускалъ съ нихъ глазъ; наблюдалъ съ всѣхъ сторонъ, потому что ихъ видно было во всѣхъ переклакахъ; но не замѣтилъ ни взгляду, ни тайнаго пожатія руки, которыя бы обличили ихъ тайну.

Танецъ допнулся. Велъ свою даму къ ея мѣсту, Испанецъ сказалъ ей нѣсколько словъ. Аделина поблѣднѣла и остановилась. Вильярреаль приподнялся на своихъ креслахъ. Молодой человекъ сказалъ еще нѣсколько словъ: Аделина упала въ обморокъ. Поднялся шумъ; началась суматоха. Вильярреаль подбѣжалъ къ Испанцу и тотъ, какъ бы отвѣчая на вопросъ, котораго герцогъ не успѣлъ еще слышать, сказалъ:

— Я не говорилъ ничего такого, отчего бы можно было упасть въ обморокъ. Я только спросилъ, здѣсь ли ея мужъ, мосье Фроассаръ.

Онъ еще недоговорилъ, какъ Вильярреаль, взбѣшенный тѣмъ, что онъ вывелъ наружу его тайну передъ всѣми этими знатными, которымъ герцогъ выдавалъ Аделину за жену свою, далъ ему пощечину. Испанецъ бросился на своего противника, но ихъ розняли и дуэль тутъ же была назначена.

Вильярреаль увезъ Аделину, Испанецъ уѣхалъ и все мало-по-малу пришло въ прежній порядокъ. Только женщины торжествовали при мысли, что эта Парижанка, которая затѣивала ихъ и красотою, и богатствомъ, и любезностью, не будетъ болѣе являться въ большомъ свѣтѣ.

Письма, украденныя у Аделины, по приказанію герцога, ничего ему не показали, хотя тутъ было нѣсколько ея опытовъ. Письма неизвѣстнаго корреспондента, который, разумѣется, не подписывалъ своего имени, были писаны частью въ Парижѣ, частью уже въ Лиссабонѣ. Вильярреаль увидалъ изъ нихъ только то, какъ тягостна была для Аделины неволя, въ которой она жила.

Готовясь къ дуэли, онъ написалъ къ Аделинѣ письмо, осыпая ее упреками, впрочемъ, съ тою вѣжливостію, которую считалъ необходимою принадлежностію знатнаго происхожденія, и заключеніе говорилъ:

«Теперь я пишу вамъ только объ одной милости: уважайте мое Лиссабонъ сегодня же, или же вечеромъ, если можно и раньше, но не какъ визитница, а какъ женщина, которая около году носила мое имя. Вы будете богаты, чтобы ослѣпить тѣхъ, которые вздумали бы уважать васъ. Вотъ все, что я могу желать вамъ, покладая навсегда и

вась и Португалію. Я їду въ Бразилію. Между нами будетъ цѣлый Океанъ, но не это одно будетъ раздѣлять насъ.

Прощайте навсегда.

Запечатавъ письмо, Октавій отправился съ двумя пріятелями за городъ. Испанецъ со своими секундантами былъ уже тамъ.

— Позвольте мнѣ спросить ваше имя, сказалъ Вильяреаль, подходя къ нему.

— Тарифа де-Сантандеръ.

— Вы дворянинъ?

— Старинный.

— Очень хорошо.

— Теперь позвольте и мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ: за что вы меня оскорбили?

— Вы отбили у меня любовницу.

— Если бы она меня любила, то я отбилъ бы не любовницу у васъ, а жену у мосье Фроассара.

— Вы ждете.

— Зачѣмъ мнѣ лгать, особенно теперь? Теперь-то бы и похвастаться побѣдою, чтобы забѣсить васъ. Новое ваше оскорбленіе не стѣтъ перваго, такъ оно не въ счетъ, а за первое мы сейчасъ расквитаемся.

Онъ обнажилъ шпагу.

— Позвольте, сказалъ Вильяреаль.

— Пора кончить: сегодня ужасно жарко.

— Не вы ли писали эти письма?

— Эти письма? сказалъ Сантандеръ, разсматривая ихъ: я не довольно хорошо знаю по-французски, чтобы писать такъ. Ясно, что у васъ есть соперникъ; только не я. Очень жаль, что я долженъ помѣшать вамъ раздѣляться съ нимъ.

— Поклянитесь, что это не вы....

— Я ужъ вамъ говорилъ, что сегодня очень жарко.

— Такъ прошу васъ извинить меня, сказалъ Вильяреаль громко, чтобы всѣ секунданты слышали.

Онъ обнажилъ шпагу. Черезъ нѣсколько минутъ несчастный Сантандеръ получилъ страшную рану въ горло, и упалъ, сказавъ:

— Если я когда-нибудь оправлюсь, то во всю жизнь буду помнить удовольствіе испанской жизни.

Насмерть потому несчастнаго не стало: кровь его задушила. Вильярéalъ былъ въ отчаянiи, что убилъ человека, который ничего ему не сдѣлалъ. Воротившись домой, онъ узналъ, что Аделина уже ушла, поручивъ камердинеру отдать ему всѣ вещи, которыя она отъ него получила, шапку съ деньгами и письмо. Она писала:

«Вашусть вамъ всѣмъ, что для меня есть священнаго и драгоценнаго на землѣ: я не любила никого кромѣ мужа и васъ.

Аделина де-Швилеттъ.

Несчастная дуэль и это письмо дотога поразили Вильярéalъ, что у него сдѣлался приливъ крови къ головѣ; онъ два мѣсяца пролежалъ въ постели, и потомъ еще нѣсколько мѣсяцевъ не могъ оправиться. Между-тѣмъ онъ мучился угрызеніями совѣсти, что такъ неосмотрительно обвинилъ Аделину. Онъ всякой день перечитывалъ письма, которыя у нея похитилъ, и она, то казалась ему извиницей, то совершенно невинною; но вся прежняя страсть къ ней снова запылала въ его сердцѣ. Выздоровивъ наконецъ, онъ пустился ее отыскивать. Уже почти годъ прошелъ съ-тѣхъ-поръ какъ она ушла съ отцомъ и матерью и онъ не зналъ гдѣ они поселились. Обѣздалъ Португалію, Испанію, Италію, Вильярéalъ прибылъ наконецъ въ Парижъ. Сладостныя и вмѣстѣ горькія воспоминанія прошедшаго привлекли его въ предмѣстіе Сентъ-Оноре, къ тому павильону, гдѣ онъ нѣкогда жилъ. Онъ подошелъ къ воротамъ.

— Кого надо? спросилъ молодой придворникъ.

— Не здѣсь ли живетъ.... Онъ не могъ говорить.

— Да кто? Говорите же.

— Не здѣсь ли живетъ.... герцога де-Вильярéalъ?

— Нѣтъ, онъ умеръ въ Америкѣ.

— Умеръ въ Америкѣ! повторилъ Вильярéalъ, печально улыбувшись. А москѣ Фроассаръ? спросилъ онъ.

— Ужъ лѣтъ шесть какъ на кладбищѣ.

— Москѣ Фроассаръ умеръ!

— Не молодой-то, а старикъ, кавалеръ Фроассаръ.

— А гдѣ же живетъ Аристидъ Фроассаръ?

— А я почемъ знаю!

— Что тамъ спрашиваетъ мосье Фраассера? закричалъ Тюрбб, сходя съ лѣстницы навильона.... Воше мой! Что это? Да это нашъ добрый герцогъ!

И Тюрбб, внявъ себя отъ радости, принялся обнимать Вильяреала. Словоохотливый старикъ разказалъ ему, между прочимъ, что Ариетидъ, какъ вѣроятно, живетъ близъ Пассей, въ маленькомъ домицкѣ, который достался ему тамъ послѣ отца.

Пространство между Нарикамъ и Пассей, мѣстоположеніе живописное, было въ то время занято загородными домиками и трактирами, гдѣ лѣтомъ всегда бывало много народу. Тутъ, на одномъ довольно высокомъ холмѣ, стояла дача, красивый двухъ этажный домъ, совершенно отдѣльный отъ другихъ жилищъ. Внизу, вокругъ холма были только трактиры и рыбацкія хижины. Подъ вечеръ Вильяреалъ, оставивъ экипажъ свой на большой дорогѣ, взбирался по тропикѣ на холмъ; прошелъ сначала черезъ виноградникъ, потомъ черезъ плодовый садъ и добрался наконецъ до послѣдняго ряду яблонь, стоявшаго шагахъ въ сорока отъ дому. Было уже почти совсѣмъ темно и потому никто его не замѣтилъ, а шаговъ его по мягкой землѣ было не слышно.

Въ нижнемъ этажѣ этого хорошенькаго домика три двери, выходящія на крыльцо, были отворены. Вильяреалъ видѣлъ, что въ комнатѣ, въ которую вели эти двери, сидѣло нѣсколько человекъ; но лицъ ему нельзя было различить. Эти люди ужинали, и между-тѣмъ болтали безъ умолку, хохотали, подавали другъ другу черезъ столъ руки. Вообще по виду было замѣтно, что имъ очень весело. Въ верхней части стола должны были сидѣть еще два или три человека, но ихъ было невидно за стѣною, а Вильяреалъ, притаившись подъ яблечью, болелъ тронуться съ мѣста, чтобы его не замѣтили. Но ему непремѣнно хотѣлось послушать что тамъ говорятъ. Онъ пробрался потихонько къ забору, вѣтомъ, идя вдоль него, поравнялся съ домомъ; наконецъ, пользуясь его тѣнью, подирался къ тѣмной двери и усѣлся на каменныхъ ступенькахъ, сжавшись какъ-можно больше, облокотившись на колѣна и положивъ голову на руки.

— Твоя вѣтъ, другъ я мой, говорилъ Аристидъ Фроассаръ, по-видимому обещившая мнѣй-то разсказать: вотъ какъ добрался я наконецъ до Лиссабона. Много вытерпѣлъ я въ своихъ странствованіяхъ, но меня поддерживала мысль увидѣть снова вотъ эту красотку.

Вильяреаль вздрогнулъ. Забывшись, онъ нагнулся, чтобы посмотреть въ дверь.... Раздался странный лай....

— Кушъ, Фениксъ, кушъ! сказалъ Фроассаръ: это кто-нибудь идетъ прямо черезъ поле.

— Можеть-быть это нищій, сказалъ голосъ, отъ котораго у Вильяреала всѣ жилки задрожали: я пойду, полагая ему....

— Сиди, моя милая, какіе здѣсь нищіе! Нищіе водятся только въ Португаліи. Тамъ только и есть что нищіе, монахи, да гордая знать.... Кушъ, Фениксъ.... Въ Лиссабонѣ мнѣ пришлось больно плохо, сказалъ Аристидъ, продолжая разсказъ свой. Однажды, недѣли черезъ двѣ по приѣздѣ, я, по обыкновенію, цѣлый день бродилъ по городу, воротился домой, и тутъ только вспомнилъ, что я въ этотъ день не завтракалъ, не обѣдалъ и не ужиналъ— по весьма простой причинѣ, потому что не на что было. Я привезъ съ собою кое-какія вещицы, но всѣ онѣ уже были заложены въ лиссабонскомъ ломбардѣ. Фениксъ всегда ходилъ туда со мною и хорошо помнилъ, что послѣ того мы всегда заходили въ сосѣдній трактиръ и вмѣстѣ обѣдали....

— А въ это самое время, какъ онъ ходилъ по цѣлымъ днямъ по городу; она сидѣла взаперти: ее, обѣдняжку, двѣ нѣсѣды не выпускали изъ дому, сказалъ женскій не молодой голосъ.

— О, если бы я могъ ее увидѣть! подумалъ Вильяреаль: если это маркиза Нѣвилеттъ, то мнѣ и сомнѣваться не рѣчь чѣмъ.... Но нѣтъ, нѣтъ, быть не можетъ.... Адезиза, та, которая была герцогиню Вильяреала, та, которая меня любила, не можетъ быть здѣсь....

— На другой день мы съ Фениксомъ были жестоко голодны. Особъ я не думалъ, но я видѣлъ, что онъ, обѣднякъ, собою ослабѣлъ. А что мнѣ было дѣлать? У меня оставалась только золотая цѣпочка, но съ этимъ мнѣ тяжело

было разстаться чѣмъ съ жизнью, потому что она, моя душечка, часто носила эту цѣпочку на шеѣ....

Тутъ послышались звуки поцѣлуевъ.... Голова Вильяреала откинулась назадъ и стукнулась о стѣну. Онъ даже не почувствовалъ боли и остался въ этомъ положеніи.

— Кушъ, Фениксъ! закричалъ Фроассаръ.... Да, я былъ вамъ сказать: однажды, какъ мы бродили вдвоемъ по городу, Фениксъ попалъ на слѣды какой-то кареты по грязи, привязался къ нимъ, долго бѣжалъ по этигъ слѣдамъ, радостно помахивая хвостомъ и весело поглядывая на меня. Наконецъ слѣды довели насъ до паромъ на Таго и тутъ пропали. Фениксъ нечально поджалъ хвостъ и воротился. Ясно было, что карета ѣхала на дачу за рѣкою. Въ тотъ день какъ мы голодали, я наконецъ скажился надъ Фениксомъ и скрѣпилъ сердце, оторвалъ кусокъ моей драгоценной цѣпочки; заложилъ его въ ломбардъ и мы прожили еще съ недѣлю. Наконецъ я заложилъ послѣдній кусокъ цѣпочки и деньги прожилъ. Чтò мнѣ оставалось дѣлать? Просить милостыни? Въ Лиссабонѣ не подаютъ никому кромѣ монаховъ. Утопиться? Я рѣшился утопиться и пошелъ къ Таго. Дорогой я замѣтилъ, что Феникса нѣтъ со мной. Я сталъ искать его, искалъ долго; наконецъ мнѣ сказали, что онъ побѣжалъ къ одному большому дому: то былъ ломбардъ. Я туда; вхожу въ ту палату гдѣ закладываютъ вещи: Фениксъ мой стоитъ между народомъ у рѣшетки, положивъ обѣ лапки на прилавокъ. Онъ столько разъ ходилъ туда со мною, что теперь одинъ пришелъ за деньгами. Признаюсь, я со слезами обнялъ мою умную собаку, рассказалъ окружающимъ все дѣло; всѣ были тронуты; но денегъ, разумѣется намъ не дали. Всѣ-таки надо было топиться....

— Если бъ мои триста тысячъ были еще у меня, я бы построилъ твоему Фениксу мраморную кануру съ зеркалами въ золотыхъ рамахъ, сказалъ Божансъ.

— Я воздвигну ему памятникъ, сказалъ Ласерриозъ.

— Я напишу въ честь ему романсъ, сказалъ Послѣдняя Гитара.

— Блжнная ему надобность до всѣхъ этихъ вѣщестей! сказалъ Фроассаръ. Посмотрите, она, моя милая, ласкаетъ своего прежняго воспитанника: вотъ это онъ понимаетъ. Пешая мы дойти. Выбирая по-лучше мѣсто, мы дошли на парому. Фенцкъ мой, опять нападъ на слѣды кареты, задрогалъ, замахалъ хвостомъ и небѣжалъ назадъ въ городъ, не отводя морды отъ земан. Это показалось мнѣ страннымъ. Утопиться удивлю еще и завтра, подумала я, и пошелъ за пивъ. Шли, шли мы: онъ всё обнюхивалъ слѣды, то терялъ ихъ, то опять находилъ; я наблюдалъ за всѣми его движеніями. Наконецъ слѣды привели насъ къ воротамъ большаго и прекраснаго дому. Ворота были заперты. Да хоть бы и не заперты, какъ мнѣ было войти въ такой великолѣпный домъ? Я былъ весь оборванъ: лакеи вытолкали бы меня, конюхи прогнали бы арапниками. Мнѣ пришло въ голову, что господа, вѣрно, живутъ въ тѣхъ комнатахъ, которыя выходятъ въ садъ, чтобы быть по-дальше отъ уличнаго шума. Я пошелъ вдоль стѣны вокругъ дома. Было уже поздно. На противоположной сторонѣ въ одномъ окнѣ свѣтился огонекъ. Вы знаете, что я не охотникъ долго думать: вскарабкался на стѣну и прыгнулъ въ садъ, прямо на дернъ. Подхожу подъ самое окно.... Вдругъ слышу, отдергиваютъ занавѣску, открываютъ окно, изъ окна выставляется хорошенькая головка.... Аристидъ! Аделина!.... Въ-минуту я былъ уже на деревѣ, которое расло возлѣ самаго окна, сталъ на толстую вѣтвь, началъ качаться такъ, что концы вѣтви касались до поддонка.... Она, моя голубушка, въ ужасѣ протянула ко мнѣ ручку и я вскочилъ въ комнату.... О, какая это была ночь! Я валялся у ногъ моей Аделины, плакалъ, рыдалъ, мы калялись въ своихъ проступкахъ, просили другъ у друга прощенія, омыли свои прегрѣшенія слезами.... И больше ничего, братцы, право ничего. Послѣ-того мы видѣлись почти всякую ночь, но жили какъ братъ съ сестрою. Потомъ, однажды я забрался къ ней ужъ и днемъ, а тутъ-то насъ и поймали. Вы уже знаете, какъ это случилось. Мы уѣхали изъ Лиссабона въ тотъ самый день, какъ безумный герцогъ дрался съ нашимъ знакомымъ, Сантандеромъ.

— Однако жъ ужъ одиннадцать часовъ; зашѣталъ маркизъ.

— То есть, пора спать? сказала маркиза.

Всѣ встали. Последняя Гитара сѣлъ за фортепiano и вокругъ стола понесся веселый галопъ. Такъ всегда кончался день у этихъ счастливицевъ; такъ кончается и теперь, потому что всѣ они еще живы.

А Вильяреаль? Богъ съ нимъ. Впрочемъ мы, можетъ быть, современемъ узнаемъ что съ нимъ случилось.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

КАРДИНАЛЪ РИШЛЁ.

==

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ.

=

Чтобы удержаться на своемъ мѣстѣ осьмнадцать лѣтъ, чтобы управлять судьбами Франціи столь продолжительное время, кардиналу Ришлё надобно было съ одной стороны избѣгнуть участи маршала Анкрекаго и убѣдить монарха, что подобныя преступленія уже не возможны; съ другой владѣть настоящею, если не сердцемъ, то по крайней мѣрѣ умомъ государя и сдѣлать владычество свое справедливымъ съ безопасностію монарха и даже съ существенностію монархіи. И то и другое исполнилъ удачно кардиналу.

Въ отношеніи къ привязанностямъ, Людовикъ Тринадцатый. — Отд. III.

патый былъ самый непостоянный, самый прихотливый человекъ. Было время когда Марія Медичи совершенно владѣла сердцемъ своего сына и между-тѣмъ она кончила жизнь на землѣ чужой. Де-Люинъ, Баррада, Шомбергъ, Сень-Симонъ, Бассомпьеръ, Сень Маръ, одинъ за другимъ пользовались и довѣренностію и дружбою короля, но это не предохранило ихъ отъ паденія, даже отъ смертной казни. Онъ любилъ, впрочемъ любовью вялой, безжизненной, остроумныхъ женщинъ, кроткихъ и нѣжныхъ дѣвушекъ, и эти связи разрывались у него безъ усилія, безъ борьбы, не оставляя даже по себѣ пустоты въ его сердцѣ. Таковъ былъ государь, надъ которымъ кардиналу необходимо было господствовать и которому суждено было прикрывать своей королевской порфирною министра, ненавидимаго и знатными и народомъ.

Казалось, что между этими двумя человекнами, которыхъ судьба соединила неразрывно, не было ничего общаго; всякой видѣлъ почему они должны были взаимно отталкиваться, но не легко было постигнуть что ихъ такъ тѣсно сближало. Современники этого рѣшительно не понимали, да и въ самомъ Людовикѣ идеи государя часто боролись съ чувствами человекна. Повсюду, при всякомъ случаѣ, въ разговорахъ съ матерью, съ мадамозель де-Лафайеттъ, съ своими любимцами, онъ открыто выражалъ свое отвращеніе къ кардиналу, не скрываясь говорилъ о томъ, какъ тяжело ему покоряться непреклонной волѣ, деспотическому характеру Ришліе, и между-тѣмъ онъ могъ бы однимъ словомъ свергнуть съ себя это нестерпимое иго. Отчего же онъ не произнесъ этого слова, отчего сплосилъ владычество, на которое непрерывно жаловался?

Эта странность объясняется характеромъ и политическимъ положеніемъ Людовика Тринадцатаго. Врожденное расположеніе, усиленное еще обстоятельствами, сдѣлало его чрезвычайно недоувѣрчивымъ; онъ зналъ, что слабость его здоровья возбуждаетъ въ его семействѣ преступныя надежды, что народъ не уважаетъ его, потому что не видитъ въ немъ важнѣйшаго качества государя — душевной силы. Онъ не вѣрилъ ни материнской любви Маріи

Медичи, ни дѣждности своей супруги, ни вѣрности брата, ни преданности знатныхъ и народа. Первымъ дѣйствіемъ его по принятіи верховной власти было изгнаніе Маріи Медичи изъ Лувра и потому онъ всегда боялся ее какъ женщины оскорбленной и честолюбивой. Анна Австрійская, осужденная холодностію своего супруга на безплодіе, по-видимому, вѣчное, была въ глазахъ его—олицетвореніемъ Испаніи и политики враждебной. Гастонъ Орлеанскій, любимецъ матери, а можетъ-быть и жены, предполагаемый наслѣдникъ трона и брачнаго ложа его, зачинщикъ всѣхъ заговоровъ, сообщникъ и надежда чужеземцевъ, являлся ему во все его царствованіе врагомъ и политическимъ и семейнымъ. Тронъ былъ окруженъ вѣтными принцами и знатными, которые для исполненія своихъ замысловъ примыкали то къ вдовствующей королеви, то къ Гастону Орлеанскому, соединялись то съ Испанією, то съ гугенотами, и склонили головы передъ закономъ тогда только, когда надъ ними завыстѣла сѣкира палача.

Вспоминая о прошедшемъ или размышляя о будущемъ, Людовикъ Тринадцатый повсюду находилъ причины опасеній и недовѣрчивости. Посреди Франціи существовало народонаселеніе независимое и враждебное, прикрытое законами и обезопасенное собственными крѣпостями; Испанія и Римская Имперія соединенными силами угрожали границамъ и подкупали придворныхъ. Но нашелся человекъ, который смѣло, спокойно пошелъ на встрѣчу всѣмъ этимъ опасностямъ, готовъ былъ жертвовать жизнію, защищая королевскую власть въ борьбѣ съ принцами, обѣщалъ утвердить монархическую власть внутри государства, возвысить Францію въ сношеніяхъ съ другими державами и уничтожить вѣковое преобладаніе Испаніи. Этотъ человекъ былъ Ришліе. Запятанный, въ первое время своего управленія государствомъ, кровію двухъ знатныхъ, Шалле и Буттвилья, казненныхъ по его повелѣнію, неутомимый защитель верховной власти, потрясаемой заговорами, и общественнаго порядка, нарушаемаго дуэлями, онъ изрылъ бѣду между собой и высшимъ дворянствомъ, и не только въ собственному расположенію, но и по необходимости,

сдѣлался защитникомъ всѣхъ королевскихъ правъ, поборникомъ единства власти. Обязанный своимъ возвышеніемъ милости вдовствующей королевы, онъ отдѣлился отъ нея по разогласію въ политическихъ мнѣніяхъ. Сдѣлавшись, для утвержденія своего кредита, неумолимымъ гонимелью своего благодѣлательницы, онъ изгналъ ее изъ Франціи и тѣмъ принудилъ къ сообщничеству во всѣхъ замыслахъ противъ сына. Такимъ образомъ онъ сдѣлался высшимъ выраженіемъ монархической и національной силы въ Борбъ съ иностранцами.

Между ними и Марією Медичи была прерода недолгая; Гастонъ безиременно дѣлалъ записки на кардинала, и единственною прибѣжищемъ Ришліе была королевская власть; единственною его надеждою ея полное герцогство. Ненавидимый и Марією Медичи, и Анною Австрійскою, и Гастономъ Орлеанскимъ, онъ существовалъ только во вѣкъ Людовика Тринадцатаго. Уири король, или лишился престола, и голова Ришліе тотчасъ пала бы, несмотря даже на кардинальскую шапку, которою была прикрыта; мятежники прежде всего потребовали бы его головы; а Марія и Гастонъ съ радостью сдѣлали бы нѣтъ эту уступку. Судьба его тѣсно была соединена съ судьбою Людовика Тринадцатаго, безонаность одного значила бытъ безонаности другаго: мудро ли же, что король по рѣшался удалить отъ себя человека, который хотѣлъ и могъ хотѣть только его пользы, и одинъ былъ въ состояніи удержать власть, которую мятежники легко вырвали бы изъ слабыхъ рукъ Людовика?

Слѣва и умовіе власти уничтожили прежнюю гибкость характера Ришліе: владычество его сдѣлалось повелительнымъ, языкъ надмѣннымъ, требованія возвышались вмѣстѣ съ могуществомъ. Но онъ усѣвлялъ во всѣхъ, даже въ самыхъ отважныхъ своихъ предпріятіяхъ, и блистательные подвиги скрывали отъ глазъ свѣта неприятности, которыя онъ дѣлалъ королю; онъ ревниво слѣдилъ за всѣми поступками Людовика, онъ вышѣдывалъ даже самыя сокровенныя тайны его домашней жизни, но зато развитіемъ своихъ

обширныхъ плановъ тѣшилъ страсть короля къ войнѣ, и его ненависть къ австрійскому дому.

Объяснивъ причины долговременнаго владычества Ришелье, окинемъ быстрымъ взглядомъ дѣйствія его во внутреннемъ управленіи государствомъ и въ-отношеніи къ иностраннымъ державамъ.

Истинный государственный человекъ необходимо долженъ обладать двумя способностями, по-видимому, противоположными: умъ его долженъ постоянно стремиться къ одной, неизмѣнной идеѣ, а между-тѣмъ въ достиженіи своей цѣли онъ долженъ умѣть иногда уступать обстоятельствамъ, даже иногда противнымъ его плану, но такъ, чтобы эти частныя уклоненія не измѣняли общаго направленія однажды предназначеннаго пути: встрѣчая препятствія, которыхъ преодолѣть невозможно, онъ долженъ обходить ихъ. Ришелье въ полной мѣрѣ обладалъ этимъ искусствомъ.

Георгій Четвертый искалъ въ Англіи, Голландіи, Швейцаріи и мелкихъ имперскихъ владѣніяхъ опоры противъ замысловъ австрійскаго дому. Теперь это было необходимо тѣмъ когда-нибудь, и потому Ришелье придерживался той же политики, но придавалъ ей еще болѣе развитія. Въ Германіи императоръ Фердинандъ Второй торжествовалъ надъ усиліями протестантовъ, которымъ недоставало единодушія. Испанія все болѣе и болѣе пріобрѣтала господства въ Италіи; она овладѣла ущельями Вальтелины, которыхъ, по прежнимъ конвенціямъ, считался нейтральнымъ и былъ занятъ папскими войсками. Внутри государства повсюду гремѣла гроза, которая бушевала во все десять лѣтъ регентства. При дворѣ были непрерывныя смуты; въ королевской фамилии царствовали раздоръ и взаимная ненависть: ландекскіе и сентонжонскіе реформаты и гордые граждане ла-рошельскіе сдѣлались надменнѣе чѣмъ когда-нибудь, и предводители гугенотовъ, братья де-Рогацъ, уже не скрывали своей надежды основать независимое государство.

Въ началѣ 1625, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи кардинала Ришелье въ управленіе министерства,

новое возстаніе протестантовъ еще болѣе убѣдило его въ томъ, что Франція не можетъ быть спокойною, пока протестанты сохранять, кромѣ свободы вѣроисповѣданія, которой онъ никогда не отрицалъ, преимуществъ административныхъ и военныхъ, несомѣстныхъ съ добрымъ управленіемъ. Герцогъ Субизскій овладѣлъ Сабль-д'Олоннею. Преслѣдуемый королевскими войсками, онъ укрылся въ Ла-Рошелю; вооружилъ нѣсколько большихъ судовъ и множество шлюпокъ, вошелъ въ портъ Блаве и тамъ овладѣлъ шестью королевскими кораблями; укрѣпился на островѣ Ре и дѣлалъ высадки на окрестные берега, чтобы усилить свой флотъ и поправить финансы. Въ то же время герцогъ Роганскій возмутилъ Монтобанъ, и пожаръ, втайнѣ раздуваемый Испанією, грозилъ охватить всѣ южныя провинціи.

Много власти надъ собою надобно было имѣть Ришельё, чтобы не употребить тотчасъ силы и не привести въ исполненіе плана, который онъ давно замыслилъ. Война съ Италіей ведена была съ успѣхами переменными, исходъ ея былъ еще такъ невѣренъ, что онъ чувствовалъ необходимость выждать событія и уступить обстоятельствамъ. Англія, гдѣ бракосочетаніе Карла Перваго съ Генриеттою-Марією, возбудило въ пуританахъ сильное негодованіе, готова была расторгнуть союзъ съ Францією, которымъ Ришельё дорожилъ. Боккингэмъ, ненавидимый народомъ и парламентомъ, надѣялся, что предпринявъ экспедицію въ пользу французскихъ протестантовъ, ему удастся отвратить бурю, которая скопалась надъ его головою. Кардиналъ видѣлъ, что неблагоразумно было бы подвергаться вмѣстѣ непріязни и Великобританіи и Испаніи, и онъ имѣлъ столько силы надъ королемъ и надъ самимъ собою, что отложилъ наказаніе протестантовъ до заключенія мира съ Испанією.

Испанскій кабинетъ полагалъ, что Франція посидѣнитъ заключить миръ съ протестантами для того, чтобы обратитъ всѣ свои силы противъ Италіи. Реформаты, съ своей стороны, думали, что кардиналъ послѣдитъ устроить италіянскія дѣла для того, чтобы съ болѣею силою двѣ-

ствовать противъ нихъ. Это убѣжденіе сдѣлало испанскаго министра Оливареса сговорчивѣе, а протестантовъ умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ. Ришліе искусно этимъ воспользовался и самъ говоритъ въ своихъ Запискахъ, какъ обыкновенно, въ третьемъ лицѣ: «словкимъ своимъ поведеніемъ онъ заставилъ гугенотовъ согласиться на миръ изъ опасенія, что Франція примирится съ Италіею, а Испанію, заключить миръ изъ опасенія, чтобы правительство не прекратило своихъ распрій съ протестантами».

По мусонскому договору Вальтеллиа, возвращенъ былъ Граувальденцамъ, стариннымъ союзникамъ Франціи, и Испанцы лишились возможности проникать въ Италію черезъ ущелья, обладаія которыми они такъ усильно добивались.

Реформаты со своей стороны заключили миръ на условія справедливыхъ и умѣренныхъ. Тоаръ продалъ Субиза съ острова Ре; а Теминъ, тѣсно обложивъ Ла-Рошель, заставилъ жителей этого города желать примиренія съ королемъ. Управление городомъ предоставлено было муниципалитету, но въ Ла-Рошель назначенъ былъ комиссаръ для наблюденія за исполненіемъ условій договора; и для охраненія правъ короны. Ла-Рошельцамъ запрещено было имѣть военные корабли и предписано наблюдать въ отношеніи къ торговлѣ правила, существующія въ другихъ частяхъ государства. Они обязались выдать церковныя имущества, которыми незаконно овладѣли и не стѣснять католическихъ жителей въ отправленіи богослуженія.

Миръ внутренній и внѣшній продолжался два года. Ришліе дѣятельно воспользовался этимъ короткимъ отдохновеніемъ.

Коннетабль Ледагьеръ умеръ, и кардиналъ воспользовался уничтоженіемъ это званіе, которое доставляло въ арміи тому, кто носилъ его, власть равную королевской или даже и будущую. Онъ отбѣжалъ также званіе великаго-адмирала, которое во флотѣ соотвѣтствовало званію коннетабля въ арміи. Герцогъ Монморанси, который занималъ его, отказался отъ своего мѣста и получилъ въ вознагражденіе за

то миллионъ двѣсти тысячъ франковъ. Сверхъ-того Ришліе учредилъ главное управление торговлею и мореплаваніемъ и присоединилъ его къ своему министерству. Такимъ образомъ онъ сосредоточилъ въ рукахъ своихъ все управленіе морскими силами и возвратилъ коронѣ, то есть самому себѣ, право жаловать морскіе чины и раздавать мѣста по морской части, потому что это право принадлежало великому адмиралу.

Въ «Политическомъ Завѣщаніи» Ришліе изложено много здравыхъ и великихъ идей о распространеніи французскаго судоходства, расширеніи торговли и оживленіи промышленности. Само собою разумѣется, что Ришліе не могъ быть приверженцемъ свободной торговли, потому что эта идея въ его время еще не родилась, но мысли его о свободѣ морей показываютъ, какое вліяніе имѣло и тогда уже ученіе голландской школы, объ этомъ предметѣ на европейское народное право. Главною мыслію его было уменьшить прівозъ иностранныхъ товаровъ и обратить вниманіе Французовъ на тѣ естественныя произведенія и мануфактурныя продукты, которыми бы они могли защитить ихъ. Доказывая необходимость, усилить флотъ и объяснить средства, необходимыя для достиженія этой цѣли, онъ не менѣе занимался и финансами, сильно возставалъ противъ уменьшенія процентовъ государственнаго долга, пересматривалъ все подати и налоги, предлагая отменить многія изъ нихъ, потому что они вредятъ промышленности; но онъ считалъ необходимымъ сохранить продажность тѣхъ, которыхъ должностей, потому что это доставляло правительству большія суммы.

Въ это время снова ревностно занялись колонизаціею Канады, составилась Сенъ-Домингская колонія, большія экспедиціи въ Индію получили пособія отъ правительства. Во всѣхъ портахъ Леванта учреждены были консульства, а Дегё (Deshayes) отправленъ въ Россію; съ маррарійскими владѣніями заключены были договоры. Состоялись компаніи для прорытія каналовъ, осушенія болотъ, воздѣлыванія земель, укрѣпленія береговъ рѣкъ. Все показывало важность, которую приобретала средній классъ и

услія министра противопоставить могущество капиталовъ могуществу поземельнаго владѣнія, у котораго онъ старался отнять политическую власть. Въ то же время Ришелье повсюду учреждалъ администрацію, приводя ее въ непосредственное сношеніе съ министерствомъ, и противопоставляя правителямъ провинцій и главнымъ судамъ.

При собраніи почетныхъ гражданъ (*les notables*), происходившемъ въ Парижѣ въ 1627 году, министръ заставлялъ ихъ принять мѣру, которая еще прямо шла къ его неизлѣпной цѣли. Агенты его побудили собраніе требовать, чтобы всѣ крѣпости, которыя признаны будутъ не нужными для обороны государства отъ вѣдущихъ непріятелей, были скрыты, чтобы избавить правительство отъ огромныхъ и бесполезныхъ расходовъ. Самъ министръ оставался всторонѣ. Знатные, и въ главѣ ихъ герцогъ де-Гвизъ, правитель Прованса, подняли страшный крикъ, услышавъ объ этомъ предложеніи; но собраніе настаивало съ такою живостію, и мѣры были такъ хорошо приняты, что, утверждая предложеніе собранія, король, по-видимому, уступалъ единодушному желанію своего народа.

Самъ Ришелье сдѣлалъ тому же собранію другое предложеніе, которое, конечно, не дѣлаетъ ему чести, потому что оно было неискренно. Онъ предлагалъ отмѣнить строгія наказанія, назначенныя древними законами за государственную измену и наказывать преступниковъ при вторичномъ преступленіи только лишеніемъ званій и должностей. Это предложеніе было отвергнуто собраніемъ. Само собою разумѣется, что это была недостойная дерзость, потому что эшафотъ еще дымился кровью несчастнаго Шалё, казненнаго по повелѣнію грознаго кардинала.

При одномъ изъ безчисленныхъ заговоровъ, въ которыхъ принималъ участіе Гастонъ Орлеанскій, кардиналъ поручилъ молодому Шалё, наследнику знаменитаго Перигорскаго дому, выискать намѣренія заговорщиковъ, притворившись ихъ сообщникомъ. Шалё принялъ дѣйствительное участіе въ заговорѣ. Со времени Генриха Четвертаго не было примѣру, чтобы судный приговоръ былъ подписанъ надъ знатымъ, который вмѣшался въ дѣло, гдѣ

начальникомъ былъ принцъ королевскаго дому. Но времена перемѣнились и Шалъ былъ публично казнень. Принцы Вандомскіе, также участвовавшіе въ заговорѣ, были приглашены дружески ко двору, но тамъ ихъ схватили и заключили въ тюрьму. Но кардиналъ не рѣшился казнить ихъ, потому что они были побочные братья короля, а Ришліё, вѣрный своей монархической идеѣ, всегда уважалъ королевскую кровь. Кровь аристократическую напротивъ, онъ проливалъ съ жадностію, и съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ казнить одного изъ знатнѣйшихъ лицъ во Франціи. Дуэли были строго запрещены, но на этотъ законъ обращали такъ мало вниманія, что въ Парижѣ всякой день происходили поединки на улицахъ, на публичныхъ гульбищахъ, даже на дворѣ королевскаго дворца. Графъ Монморанси-Буттвиль двадцать два раза участвовалъ въ дуэляхъ и никогда за это не пострадалъ. Наконецъ онъ устроилъ дуэль вчетверомъ: съ одной стороны были Буттвиль и родственникъ его Дешапель, съ другой маркизь де-Бѣвронъ и графъ де-Бюсси. Они дрались днемъ, на площади. По обыкновенію, ихъ отдали подъ судъ и они были совершенно спокойны, въ твердой увѣренности, что это кончится, какъ всегда, ничѣмъ. Но кардиналъ подалъ королю записку, въ которой доказывалъ, что законы не будутъ имѣть никакой силы, пока правительство не докажетъ, что преступника не могутъ спасти ни знатность, ни сильныя связи, ни богатство, и Монморанси былъ обезглавленъ рукою палача.

Такииъ образомъ все принимало новый видъ и общество переходное, котораго элементы бродили въ анархическомъ хаосѣ, начинало приходить въ порядокъ подъ вліяніемъ власти сильной по единству своихъ плановъ, обширности замысловъ и строгости въ наизаказіяхъ. Казнь Монморанси распространила ужасъ между знатыми, прдала кардиналу еще больше силы и это дало ему возможность снова обратиться къ проектамъ, которые онъ принужденъ былъ отложить на время, въ исполненію которыхъ дѣлательно готовился.

Протестанты снова начали волноваться. Въ Англіи пуритане еще съ большою силою возставали противъ Карла

Перваго, и французская принцесса, Генриетта-Марія, подверглась оскорбленію. Вопреки постановленіямъ свадебнаго договора, католическій дворъ этой принцессы распутенъ и она принуждена была окружить себя одними протестантами. Субизъ былъ въ Лондонѣ и раздвигалъ протестантскія страсти республиканскаго парламента и fanaticкскіе проповѣдниковъ. Союзъ съ Англіею былъ необходимъ кардиналу для того, чтобы успѣшнѣе противодействовать испанскому двору; но французскій король, глава католическаго міра, не могъ не потребовать удовлетворенія за явное нарушеніе договора и покинуть французскую принцессу въ рукахъ протестантовъ: иначе нравственное вліяніе Франціи совершенно ушло бы. Требованіе сдѣлано было въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ и, можетъ-быть, не безъ намѣренія. Въ Англіи не обратили на него никакого вниманія и герцогъ Боклингемскій сдѣлалъ высадку на островъ Ре, чтобы начать крестовый походъ противъ католиковъ, къ которому французскіе протестанты уже давно приглашали англійскаго короля. Изъ англійскихъ гаваней вышелъ огромный флотъ. Ришелье съ изумительной быстротою воспѣшилъ на помощь къ жителямъ острова Ре, и попытка Англичанъ не удалась, по неспособности ихъ предводителя. Между тѣмъ внимательство Англіи произвело на реформатовъ обыкновенное свое дѣйствіе. Гугеноты повсюду стали собираться, и жители Ла-Рошелли, возбуждаемые честолюбивою матерью герцога Роганскаго, готовились противопоставить королевскимъ войскамъ отчаянное сопротивленіе. Такимъ образомъ религиозный вопросъ, возбужденный сто лѣтъ назадъ Лютеромъ и Кальвиномъ, и вопросъ общественный, порожденный надеженіемъ есодальной іерархіи и образованіемъ общества новаго, должны были рѣшиться на мѣстѣ, въ присутствіи флотовъ англійскаго и испанскаго, которые, владычествуя въ океанѣ, были однако жъ простыми свидѣтелями этой рѣшительной борьбы.

Въ Завискахъ Ришелье есть превосходное изображеніе тогдашняго положенія Европы и опасностей, угрожавшихъ Франціи. Англія подняла оружіе противъ Франціи и готовилась къ страшнымъ усліямъ. Голландія, тревожимая

духомъ оскѣты, напѣредалась отклониться отъ Франціи. Императоръ, съ помощью герцога Лотарингскаго, собирался атаковать Вердѣнъ. Герцогъ Савойскій угрожалъ Бургундіи. На Венецію также нельзя было надѣяться, потому что тамъ завела себя герцогиня Реганская. Оставалась одна Испанія; но она соблюдала нейтралитетъ, очевидно не добровольный. Эта католическая держава, конечно, не осмѣлилась бы присоединиться къ противникамъ Франціи, пока борьба сохраняла бы религіозный характеръ, который придавали ей возстаніе гугенотовъ и избытокъ староанглійскихъ пуританъ; но этотъ характеръ легко могъ измѣниться и тогда война сдѣлалась бы чисто политическою. Факторъ Орлеанскій былъ опаснымъ орудіемъ въ рукахъ недоброжелателей и чужеземцевъ и одна только его вѣрность дѣлала его честолюбіе не опаснымъ. Другой принцъ королевскаго дому, графъ Соассонскій, покинулъ Францію и также могъ послужить страшнымъ орудіемъ. Правда, чтобы помочь королю въ войнѣ съ еретиками, Испанія предложила заключить союзъ и уничтожить испанскій флотъ противъ Англій, которая незадолго передъ тѣмъ ее обскорбила; но по медленности ея приготовленій, по условіямъ, на которыхъ она предлагала дѣйтельное содѣйствіе, ясно было, что она дѣйствуетъ не чисто сердечю. Поэтому Ришліе совѣтовалъ королю не довѣрять Эскуріалу и наблюдать за егѳ эскадрою, которая тогда неперировала у французскихъ береговъ. Несмотря на все это, по его ипвіанію, слѣдовало выказывать величайшую довѣренность къ Испаніи, чтобы компрометировать ее въ глазахъ Европы.

Открытія, сдѣланныя впоследствии, доказываютъ прощательность кардинала. Изъ документовъ, найденныхъ въ Сивильябскомъ архивѣ, видно, что Испанія притворилась вѣрною союзницею Франціи, дѣйствительно измѣнила ей. Тамъ найдены подлинныя депѣши Филиппа Четвертаго къ маркизу Леганьесу и къ маркизу Мирабелю, испанскому посланнику въ Мадридъ: изъ этихъ бумагъ видно, что Испанія желала, чтобы осада Ла-Рошели не удалась и даже принимала мѣры, чтобы достигнуть этого результата, въ то самое время, какъ флотъ ея получалъ приказаніе идти

во французскіе шорты, чтобы поддерживать операции, начатыя кардиналомъ Ришліе. Испанія, болѣе парь-отъ ван-скаго двора и уважая мнѣніе католическаго міра, не рѣшалась явно поминуть Францію въ борьбѣ ея съ еретиками и съ Великобританією, съ которою Эскуриаль самъ велъ войну. Но между-тѣмъ Испанія страшилась успѣховъ Франціи, еще болѣе чѣмъ успѣховъ протестанцовъ, и вотъ почему Филиппъ Четвертый дѣйствовалъ съ такимъ лицемеріемъ.

Ришліе изображалъ опасное положеніе Франціи съ полной откровенностію, для того, чтобы поразить умъ короля; ему хотѣлось доказать необходимость употребить величайшія усилія, чтобы для спасенія Франціи взять какъ-можно скорѣе Ла-Рошель. Это сдѣлалось постоянной мыслью министра; онъ только этой мыслью жилъ, ею дышалъ. Казалось, что въ немъ родились сверхъестественныя силы. Онъ днемъ и ночью былъ на ногахъ, то въ морѣ, то на знаменитой плотнѣ, которую построилъ, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать противъ Ла-Рошели; распоряжалъ операциями арміи и флота и между-тѣмъ входилъ въ малѣйшія подробности провинцтской части и отчетности. Два раза англійскій флотъ являлся передъ Ла-Рошелью, гдѣ свирѣпствовалъ голодъ и два раза былъ отбиваемъ только-что родившимся французскимъ флотомъ. Все движеніе Европы остановилось на цѣлый годъ: такъ важны были вопросы, которые рѣшались передъ этими мощными стѣнами! Наконецъ Ришліе восторжествовалъ и Ла-Рошель пала.

Строгій до жестокости къ своимъ личнымъ непріятелямъ, Ришліе не былъ зараженъ фанатизмомъ партій и никогда не истналъ маеамъ. Онъ отнялъ у Ла-Рошели права, по которымъ посреди монархіи, образовалась муниципальная республика, срылъ форты и стѣны; но и не думалъ нарушать безопасности гражданъ или препятствовать свободному отправленію ихъ богослуженія. Вообще онъ никогда не былъ противникомъ вѣротерпимости.

Востіе Ла-Рошели помрыло кардинала славою и придало ему новую силу; но для него еще не наступило время отдыхать на своихъ лаврахъ. Ла-Рошель пала, но другіе

протестантскія убѣжища въ южной Франціи еще существовали и реформаты шагъ за шагомъ захватили свои едраннѣе города и нагорныя крѣпости. Испанское правительство вступило въ тайныя сношенія съ союзомъ гугенотскнхъ городовъ, обѣщало имъ денежныя вспоможенія и всѣ возможныя пособія; посылало къ нимъ своихъ офицеровъ и даже принимало въ Мадридѣ агента герцогини Роганской, которому поручено было вести переговоры объ учрежденіи въ южной Франціи федеративной республики. Въ Симадкасскомъ архивѣ найдено формальное условіе заключенное третьяго мая 1629 испанскимъ министерствомъ съ Клозелемъ, дворяниномъ герцога Роганскаго, который обѣщавался за шесть сотъ тысячъ золотыхъ дукатовъ постоянно содержать двѣнадцать тысячъ пѣхоты и столько же кавалеріи и не заключать съ французскимъ королемъ никакихъ условій безъ предварительнаго одобренія короля испанскаго. Такимъ образомъ кардиналу предстояло выдержать въ этихъ провинціяхъ еще одну, послѣднюю, борьбу, но прежде всего надобно было рѣшить вопросъ весьма важный для внѣшняго вліянія Франціи.

Герцогъ Мантуанскій скончался и тронъ его доставался по праву герцогу Невѣрскому, наследнику его въ побочной линіи. Но Ионасія и Римская Имперія не хотѣли допустить къ престолу принца изъ дому Гонзагскаго, который, по своимъ выгодамъ, всегда былъ привязанъ къ Франціи. Кастильская армія тѣсно обложила Казаль и потеря этой важной крѣпости сдѣлала бы уснѣхъ Франціи весьма сомнительнымъ.

Въ Запискахъ своихъ Ришліе подробно излагаетъ планъ, которому король долженъ слѣдовать, чтобы упрочить могущество свое внутри государства и усилить свое внѣшнее вліяніе.

«Выгоды государства, говоритъ онъ, дѣлятся на два главные разряда: внутренніи и внѣшніи.

«Въ-отношеніи къ первымъ необходимо прежде всего довершить покореніе еретиковъ, взять Кастръ, Намъ, Монтобанъ, и всѣ прочіе укрѣпленные города въ Лангедокъ, Рузургъ и Гюеннѣ, потомъ Седанъ и Ажанъ.

«Надобно скрыть всѣ крѣпости непограничныя, не господствующія надъ теченіемъ рѣкъ, не служащія для обузданія большихъ и мятежныхъ городовъ, укрѣпить какъ можно лучше города, расположенные по границамъ; надобно облегчить налоги и подавить сословія, которыя дѣйствуя самопроизвольно, противятся благу государства.

«Надобно, чтобы знатные и простые равно безпрекословно повиновались королю; чтобы онъ предоставилъ епископскія мѣста людямъ благоразумнымъ и способнымъ, чтобы онъ выкупилъ государственныя имуществы и увеличилъ свои доходы по-крайней-мѣрѣ на-половину—средствами, которыя уже прежде были указаны.

«Въ-отношеніи къ вѣдшимъ дѣламъ надобно всегда имѣть въ виду важную цѣль: остановить усиліи Испаніи. Эта держава постоянно старается распространить свое владычество и расширить свои границы; а Франція, напротивъ того, должна помышлять только о томъ, чтобы укрѣпиться въ себѣ самой, и открыть себѣ двери во всѣ сосѣднія государства, чтобы въ случаѣ нужды защищать ихъ противъ властолюбія Испаніи.

«Надобно принять во вниманіе, что если бы Испаніи удалось лишить герцога Мантуанскаго престола, то она совершенно овладѣла бы Италіею, потому что владѣтели земель лежащихъ за Альпами, расположенные къ Франціи и не доброжелательные къ Испаніи, страшились бы ея могущества, если бъ ей удалось исполнить свое намѣреніе.....

«Я не пророкъ, говоритъ Ришліе въ заключеніе: но могу увѣрить ваше величество, что, приступивъ къ этому безъ потери времени, вы можете въ маѣ принудить Испанцевъ снять осаду Казалья, и даровать миръ Италіи; потомъ, обративъ войска свои въ Лангдокъ, покорить все и даровать миръ своимъ подданнымъ въ іюлѣ, такъ что ваше величество, какъ я надѣюсь, могли бы въ августѣ съ торжествомъ возвратиться въ Парижъ».

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Ришліе подалъ королю эту записку, Людовикъ Тринадцатый уже отправился въ Италію и кардиналъ предводительствовалъ тридцати-тысячною арміею. Герцогъ Савойскій вздумалъ изъ

влекъ подъяу для себя изъ распри австрійскаго дому съ Франціею и требовалъ, чтобы ему отдали Монферратъ Испанія готова была согласиться на это съ тѣмъ, чтобы онъ не пропускалъ французской арміи черезъ свои владѣнія. Переговоры съ Турецкимъ дворомъ не привели ни къ какому удовлетворительному результату. и потому министр-военачальникъ счелъ необходимымъ рѣшить дѣло силою. Французскія войска взяли Па-де-Сюзъ. Европа думала, что Людовикъ Тринадцатый еще находится у подошвы Альпъ, а онъ между-тѣмъ уже освободилъ Казаль, спасъ герцога Мантуанскаго и устремился съ побѣдоносною своею арміею въ Виваръ, чтобы покончить съ реформатами. Протестантскіе города и земли одинъ за другимъ падали и укрѣпленія ихъ были немедленно разрушаемы. Если въ упоеніи борьбы и побѣды были совершены нѣкоторыя жестокости, то по-крайней-мѣрѣ кардиналъ Римскій не принималъ въ нихъ никакого участія; въ-отношеніи къ протестантскому народонаселенію, онъ дѣйствовалъ съ величайшей умѣренностію; съ реформатскими пасторами обходился какъ-нельзя лучше, умѣлъ побѣдить, не уничтожая, и разстроилъ партію погушествовную, не доставивъ ей выгоды мученичества. Съ этой компаніи и съ 1629 года реформа потеряла во Франціи свою политическую значительность. Лишившись своихъ охранныхъ городовъ, до сохранивъ свободное отправленіе своей религіи, гугеноты не думали болѣе ни о возможности, ни желанія помогать протестантамъ въ дѣлоуспѣхъ или въ честолюбивыхъ замыслахъ. Они не принимали болѣе участія въ междоусобицахъ, и протестантизмъ, переставъ быть политической партіею остался только религіозною сектою. Лишь отѣна нидерландскаго эдикта, послѣдовавшая въ 1685 году, могла придать ему снова нѣкоторую политическую важность.

Окончивъ блистательный походъ свой противъ реформатовъ, кардиналъ-генералиссимусъ возвратился къ италійской арміи, облеченный такою властью, что, по выраженію одного современника, изъ всѣхъ своихъ преимуществъ, король сохранилъ только право дечить отъ золотухи.

Взавъ Пиньероль и открывъ себѣ такимъ образомъ двери

въ Италію, Ришліе возвратился въ Парижъ, гдѣ ему угрожа ла большая опасность. Настоящія причины его разн олки съ вдовствующею королевою неизвѣстны; впрочемъ, до нихъ и надобности нѣтъ. Какъ бы то ни было, Марія Медичи ревностно старалась удалить кардинала; но дѣйст вовала неосторожно и онъ пропикъ ся намѣреніи. Карди налъ видѣлъ, что эта вражда была для него очень опасна, но онъ зналъ сколько подозрѣній противъ матери таптся въ душѣ Людовика Тринадцатаго и потому понималъ, что, сдѣлавъ вдовствующую королеву первою непріятельницею короля, онъ навсегда соединитъ судьбу свою съ судьбою Людовика.

Въ 1630 году, на возвратномъ пути изъ Италіи, король за хворалъ въ Лионѣ и болѣзнь его иѣкоторое время считали смертельною. Выздоровленіе Людовика было весьма медлен но и Марія окружала его попеченіями, которыхъ ничтѣ не замѣнитъ сыну въ болѣзни. Вокругъ него были однѣ женщи ны и онѣ составили заговоръ, который могъ измѣнить судьбы Франціи. Обѣ королевы ненавидѣли Ришліе; прип цесса де-Копти и герцогиня д'Эльбъ ѣзъ сердились на него за своихъ родныхъ; канцлеръ Марильякъ и братъ его, кото раго кардиналъ незадолго передъ тѣмъ сдѣлалъ маршаломъ, присоединились къ заговору, потому что имъ обѣщаны были разныя выгоды. Король часто жаловался на властолю бившій характеръ Ришліе, на его гордость, деспотизмъ и говорилъ, что министръ затѣмъваетъ собою короля. При такомъ расположеніи его ума и при слабости тѣлесныхъ силъ, не трудно было выпудить у него обѣщаніе пожертво вать кардиналомъ. Чтобы его оставили въ покоѣ, онъ потребовалъ отерочки и вдовствующая королева согла силась отложить исполненіе его обѣщанія до возвращенія въ Парижъ; но она неблагоразумно выказала свое тор жество. При другомъ свиданіи съ королемъ въ Версали, она требовала какъ уплаты долга того, о чемъ сдѣлано бы мольтя короля подѣ предлогомъ блага государства, и король ясно увидѣлъ, что если онъ согласится удалить кардинала, то ему предстоитъ другое рабство, еще суровѣе и увязительнѣе. Ришліе говорилъ о славѣ, которую король пріобрѣлъ своими воинскими подвигами, потомъ

притворился утомленнымъ подъ бременемъ государственной службы, умолялъ короля пожертвовать министромъ для своего семейнаго спокойствія и получилъ приказаніе остаться близъ трона, для безопасности котораго онъ былъ необходимъ. Такимъ образомъ кончился этотъ день, который былъ прозванъ «днемъ обманутыхъ», *journée des dupes*; такимъ образомъ приготовлены были всемогущество министра и опала вдовствующей королевы.

Кардиналъ тотчасъ воспользовался своею увеличившеюся силою; удалилъ отъ двора всѣхъ, которыхъ считалъ своими врагами. Бассонпьеръ, тоже участвовавшій въ заговорѣ, былъ отправленъ въ Бастилію, канцлеръ Марильякъ заключенъ въ тюрьму; братъ его арестованъ въ Италіи посреди своего войска и отданъ подъ судъ по ничтожному обвиненію въ рахищеніи государственной казны. Вдовствующая королева не могла представить себѣ, до чего дойдетъ мстительность кардинала и готовность судей исполнять его волю; однако жъ она усердно ходатайствовала за маршала, но Людовикъ Тринадцатый ничего не хотѣлъ для нея сдѣлать.

Живя въ Компіеннѣ, Марія Медичи вдругъ узнала, что ее не велѣно выпускать оттуда. Полагая, что ей будетъ такъ же легко какъ прежде убѣжать и собрать армию, она завела тайныя сношенія съ коммендантомъ одного пограничнаго города и тотъ обѣщалъ принять ее въ крѣпость; но кардиналъ провѣдалъ объ этомъ и принялъ свои мѣры. Никто не мѣшалъ ей бѣжать, пробѣжать всю Францію и добраться до Ла-Канелля, но туда ее не пустили. Возвратиться было не возможно; но граница была недалеко и ей легко было укрыться въ чужихъ краяхъ. Преслѣдуемая отрядами, которые для того и были посланы, чтобы заставить ее удалиться за границу, вдовствующая королева отправилась въ Брюссель, и не воображая себѣ, что ей уже никогда не видать Франціи.

Почти такая же участь постигла и герцога Орлеанскаго. Онъ уже однажды былъ за границею и прислалъ къ королю изъ Лотарингіи ультиматумъ, въ которомъ требовалъ прибавки пенсіона и увеличенія своихъ удѣльныхъ

привидѣн. Въ 1631 году судья матери предостерегла ему во-
всѣмъ, болѣе важный поводъ къ возмущенію. Онъ тщетно
старался устроить внутри государства вооруженное воз-
станіе и отправился въ Безансонъ со многими знатными,
которые приняли его сторону. Женщины въ чужихъ
краяхъ, безъ согласія короля, на принцессѣ изъ Лотарин-
скаго дому, онъ занялся приготовленіями къ вторженію во
Францію. Вокругъ него собралось въ Брюсселѣ множество
недовольныхъ и онъ сформировалъ себѣ армію изъ наемни-
ковъ, изъ всякаго сброду, изъ людей, которые не имѣли по-
нятія о дисциплинѣ и думали только о грабежѣ. Эти беспор-
ядочныя толпы были не опасны, но между-тѣмъ Ришліе,
а съ нимъ и король, находились въ самомъ критическомъ
положеніи, потому что вѣрность правителей провинцій и
комендантовъ крѣпостей была очень не надежна. Многие
изъ нихъ вступили въ тайныя сношенія съ наследникомъ
престола. Ришліе все это зналъ и между-тѣмъ принужденъ
былъ оказывать имъ довѣренность. Герцога де-Гвизъ въ
Провансѣ устроилъ значительныя морскія силы и обра-
тился къ гугенотамъ, по тѣмъ, въ первый разъ, со времени
существованія этой партіи, отказали ему въ содѣйствіи.
Герцога д'Эпернонъ въ Гюеннѣ дѣлалъ, безъ разрѣшенія
двора, значительныя наборы войскъ. Вообще изъ прави-
телей южныхъ провинцій герцога Монморанси долѣе всѣхъ
не подавалъ двору причинъ сомнѣваться въ своей вѣр-
ности. Парламенты оказывали сопротивленіе, которое при
нагнѣшемъ успѣхѣ орлеанской партіи могло превратиться
въ ясную вражду. Парижскій парламентъ, подъ предло-
гомъ нарушенія своихъ привилегій, отказался внести въ
свои протоколы постановленія совѣта, которымъ привер-
женцы герцога Орлеанскаго объявлены были нагнѣнни-
ками и государственнымъ преступниками.

Все это очень естественно. Людовикъ Тринадцатый былъ
очень слабъ, и всѣ думали, что онъ не долго проживетъ,
а дѣтей у него не было; слѣдовательно престолъ долженъ
былъ скоро перейти къ герцогу Орлеанскому. Какой же
царь не усомнился бы употребить противъ него свои
силы? Какой судья не побоялся бы принять участіе
въ дѣлѣ, гдѣ противникъ единственному наследнику цар-

стола? Одному Ришліэ нечего было падить, да развѣ только его приверженцамъ и агентамъ, которыхъ онъ вывелъ изъ ничего и которые, по-необходимости, должны были пасть вмѣстѣ съ нимъ. За то эти безвѣстные люди, которыхъ онъ посадилъ и въ совѣтъ и всюду, посылалъ дипломатическими агентами ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, были ему неограниченно преданы; они служили ему шпионами, и комиссарами, и судьями, и въ случаѣ нужды палачами.

Маршалъ Марильякъ, который уже два года содержался подъ стражею, тщетно ждалъ, чтобы кардиналу угодно было приказать разсмотрѣть его дѣло. Онъ былъ политическій лѣтчикъ и потому судьба его совершенно зависѣла отъ обстоятельствъ; а обстоятельства сдѣлались чрезвычайно неблагоприятными для него. Испанія готовилась поддержать Гастона Орлеанскаго и эмигранты, съ оружіемъ въ рукахъ, стояли уже на границѣ. Надобно было однимъ смѣлымъ ударомъ удержать тѣхъ, которые еще намѣревались измѣнить и однажды навсегда поссорить Людовика съ матерью. Ришліэ собралъ въ собственномъ своемъ домѣ судей, которыхъ назначилъ Марильяку, и объявилъ имъ, что государственная польза требуетъ смерти маршала. Судьи постановили приговоръ, котораго отъ нихъ требовали. Несчастный обратился къ королю съ просьбою о помилованіи; король, по настоянію министра, отказалъ, и маршалъ Марильякъ былъ публично казненъ.

Между-тѣмъ герцогъ Орлеанскій вступилъ во Францію. Маршалы де-ла-Форсъ и Шомбергъ получили приказаніе остановить наследника престола. Они были въ затруднительномъ положеніи: опасность угрожала имъ и въ будущемъ и въ настоящемъ; во будущее было еще не вѣрно, а они знали, что кардиналъ умѣетъ награждать, умѣетъ и наказывать, и потому рѣшились поддерживать дѣло, которому счастье дотолѣ благопріятствовало. Притомъ Гастонъ, съ самаго вступленія своего въ предѣлы Франціи, дѣлалъ непрерывныя погрѣшности. Наемныя войска его жгли деревни, грабили города и шли безъ всякаго порядка, какъ-будто на вѣрную побѣду. Вслѣдствіе того, чтобы

остановиться въ восточныхъ провинціяхъ и стараться склонить на свою сторону королевскую армію, Гастонъ Орлеанскій пошелъ черезъ Овернь въ Лангдокъ, чтобы воспользоваться внезапнымъ отпаденіемъ герцога Монморанси и присутствіемъ тамъ гугенотовъ. Это его и погубило. Такимъ образомъ онъ совершенно измѣнилъ характеръ своего предпріятія и изъ наслѣдника престола, который защищалъ права свои, превратился въ обыкновеннаго предводителя мятежной партіи, и подчинилъ успѣхъ своего дѣла содѣйствию протестантовъ. Но на югѣ Франціи воспоминанія о компаніи 1629 года были еще такъ живы, дѣйствія Ришліе въ релігіозныхъ дѣлахъ были такъ искусны и благоразумны, что протестанты, несмотря на всѣ усилія мятежниковъ, остались вѣрными правительству. Правитель Лангдока, герцогъ Монморанси, созвалъ, по собственному произволу, провинціальныя штаты, чтобы убѣдить ихъ принять участіе въ возмущеніи, но это ему не удалось; потомъ самъ ѣздилъ изъ города въ городъ, чтобы забунтовать народъ, но вездѣ получалъ отказы. Наконецъ, не найдя ни гдѣ пособія, онъ рѣшился кончить дѣло битвою, искалъ смерти въ сраженіи, но получилъ нѣсколько ранъ и осталшая кровь его досталась кардиналу. Герцога Монморанси былъ судимъ тулузскимъ парламентомъ и казненъ. Здѣсь уже дѣйствовали не мстительность Ришліе, не попеченіе о собственной безопасности, но причины чисто политическія. Поощрить правителя, который побуждалъ штаты своей провинціи принять участіе въ возмущеніи, значило бы показать знатнымъ, что они безъ всякой опасности могутъ принимать участіе въ возстаніи принца королевской крови, который и при неудачѣ можетъ защитить ихъ. Притомъ это нанесло рѣшительный ударъ самому предводителю партіи, обезславивъ Гастона въ глазахъ его приверженцевъ, потому что сообщниковъ его казнили, а его самого простили и возвратили ему всѣ его титулы и имущества.

Казнь герцога Монморанси совершенно разстроила партію знатныхъ, точно такъ же, какъ походъ въ Лангдокъ и Наваррѣ довершилъ покореніе реформатовъ. Съ тѣхъ-поръ Ришліе не встрѣчалъ уже никакихъ препятствій

въ величавости своихъ обширныхъ плановъ: ему еще недо-
вно было иногда наказывать, но побѣждать было уже не-
чего. Съ этого времени все вниманіе кардинала обратилось
на Европу. Правда, въ Гастрономъ были и еще неудоволь-
ствія: онъ не-разъ еще пытался произвести восстаніе, но
дѣло всегда кончалось тѣмъ, что получивъ прощеніе, онъ
выдавалъ своихъ сообщниковъ и его награждали за это
деньгами. Съ изгнанной королевой производились всеискрен-
ніе переговоры о возвращеніи ея во Францію, куда Ришліе,
конечно, не выпустилъ бы ее; любимицы короля составляли
козни противъ министра, но все это только тревожило спо-
койствіе кардинала и не могло отвратить его отъ главной
цѣли, которую онъ предположилъ себѣ.

Заговоръ королевскаго любимица, осыпаннаго благодѣ-
тіями Людовика Тринадцатаго, и самаго Ришліе, былъ слу-
чаемъ не важнымъ въ послѣдніе дни жизни знаменитаго
кардинала. Вѣтренникъ, ослабленный своими счастіемъ,
игравшій съ королемъ, неблагодарный къ своему покрови-
телю, не могъ имѣть успѣха въ предпріятіи, которое уже
столь многими не удавалось; ему не подъ силу было бороться
съ такимъ колоссомъ, какъ Ришліе. Сень-Маръ продолжалъ
свое отечество Непанин, вызвалъ снова Гастона на путь
лестны, на который тотъ уже такъ часто вступалъ; но все
это предпріятіе не представляло большой опасности для
Франціи. Ришліе зналъ не только о замыслахъ Сень-Мара, но
даже не принималъ мѣръ противъ него, въ твердой увѣренно-
сти, что этотъ вѣтренникъ самъ понадеется къ нему въ руки.
Кавъ Сень-Мара была, просто, мѣстью раздраженнаго са-
молюбія, потому что эта строгость не нужна была для ут-
верженія системы Ришліе, а казнь де-Ту, который лишился
жизни за то только, что зналъ о заговорѣ, не донесъ о
немъ, есть отвратительное пятно на памяти кардинала.
Монархическое единство было уже основано, законы
распространены на всѣхъ подданныхъ, сословія при-
своившія себѣ власть почти неограниченную, при-
ведены въ подлежащія границы, протестантизмъ ли-
шится своего политическаго значенія, буйство знатныхъ
обуздено. Для осуществленія этого новаго порядка вещей на-
добно было только устранить Гастона Орлеанскаго съ жи-

сѣдѣнія престола. И это пламенное желаніе Ришліе исполнилось: въ 1638 году королева сдѣлалась беременною.

Въ отношеніи къ виѣшнимъ дѣламъ, кардиналу Ришліе предлежало совершить трудъ подобный тому, который онъ съ успѣхомъ произвелъ во Франціи: онъ преобразовалъ Францію вліяніемъ королевской власти; надобно преобразовать Европу установленіемъ политическаго равновѣсія.

Съ самаго начала шестнадцатаго столѣтія и войнъ за религію, Европа находилась въ состояніи совершеннаго безначалія. Реформа, уничтоживъ все прежія права и вооруживъ все интересы одинъ противъ другихъ, испровергла все христіанскія учрежденія. Двѣ половины міра вели между собою войну непримиримую, Германская имперія распадалась, а между-тѣмъ, въ то же самое время, императорская власть въ Германіи непомерно усиливалась. Посреди этихъ безпримѣрныхъ тревоженій единственная нравственная сила, связывавшая между собою народы, уничтожилась: вліяніе папской власти, которое было замѣтно почти во всехъ международныхъ сношеніяхъ, исчезло, и это прерваніе общей жизни потрузило большую часть Европы въ хаосъ.

Изъ этого кризиса возникли однако жъ двѣ идеи, которыя произвели благотворное вліяніе на умы. Ученые старались привести въ систему историческіе факты, а политики пытались замѣнить католическое единство западной Европы, механизмомъ, который обуздывалъ бы честолюбіе точнымъ уравновѣшеніемъ всехъ силъ. Право народовъ сдѣлалось наукою, а политическое равновѣсіе однимъ изъ основныхъ правительственныхъ началъ.

Эта двойная попытка, при всемъ своемъ несовершенствѣ, оказала большія услуги человечеству и много содѣйствовала къ сохраненію независимости государствъ. Публицисты голландскіе, англійскіе, вѣмецкіе и шведскіе, не всегда согласные между собою, внушили однако жъ своимъ современникамъ благотворное вѣрованіе, что между народами существуетъ общая связь, основанная на правѣ, и что антагонизмъ имѣеть, такъ же какъ и гармонія, свои законы. Съ другой стороны, политическое равновѣсіе, которое предуга-

дываль Геприхъ Четвертый, приготовилъ Ришліё и утвердилъ впоследствии Вестфальскій договоръ, преобразовало Европу на основаніяхъ правильныхъ, хотя не прочныхъ. Конечно, это искусное уравновѣшеніе не помѣшало ни завоеваніямъ Людовика Четырнадцатаго, ни распространенію предѣловъ Пруссіи, ни раздѣленію Польши; но оно доставило Европѣ средства сохранить свою независимость, и матеріальныя выгоды, конечно, не замѣнилъ, но заступилъ мѣсто правъ, изгладившихся въ совѣсти народовъ. Идея политическаго равновѣсія, несмотря на свою очевидную недостаточность, извлекла Европу изъ хаоса, произведеннаго антагонизмомъ двухъ религіозныхъ началъ. Франція обязана этой идее распространеніемъ своихъ владѣній, которое доставило ей при Людовикѣ Тринадцатомъ возможность противостать австрійскому вліянію, а при Людовикѣ Четырнадцатомъ она же дала европейскимъ державамъ возможность остановить Францію на пути, по которому устремляло се честолюбіе короля.

- Во всякомъ случаѣ политическое равновѣсіе было нововведеніемъ полезнымъ и Европа обязана имъ большею частью мощному гению кардинала Ришліё. Онъ все дѣлалъ для это цѣли и не дѣлалъ ничего такого, что бы не было необходимо нужно для ея достиженія. Какъ-скоро усмиреніе реформатовъ доставило ему возможность располагать всѣми средствами государства, онъ сталъ дѣйствовать подѣ вліяніемъ этой неизмѣнной мысли, стараясь усилить Францію, чтобы она могла удерживать Европу въ равновѣсіи и даже упоеніе успѣха не увлекло его за предѣлъ, который онъ самъ себѣ назначилъ.

Ришліё не выдумалъ анти-австрійской политики: она уже цѣльнй вѣкъ была аксіомою во Франціи. Какъ-скоро огромныя владѣнія Австріи, Испаніи и Бургундіи перешли по наследству въ одиѣ руки, Франція должна была или разрушить этотъ колоссъ или лишиться своего мѣста въ ряду первостепенныхъ державъ. Всевѣтная монархія или по-крайней-мѣрѣ преобладаніе одного царствующаго дому, на многія столѣтія утвердилось бы въ Европѣ, если бы всеожиданное соотнѣшеніе не поразило въ самое сердце

имперію, которая обладала Испанією, Италією, всѣми Нидерландами и для которой, какъ-бы изъ моря, возникали новыя земли и несмѣтныя богатства. Событія, совершенно не предвидимыя, спасли Францію въ мужественной, но безразсудной борьбѣ, которую она начала съ Карломъ Пятымъ. Реформа вдругъ остановила австрійскій домъ въ стремленіи къ всецѣтной монархіи, которая послѣ релігіознаго переворота, совершившагося въ шестнадцатомъ столѣтіи, сдѣлалась невозможною.

По этому Франція, по чувству самосохраненія, должна была противиться распространенію власти римскаго императора. Францискъ Первый заботился объ этомъ такъ же какъ и Генрихъ Второй, и Бурбоны наследовали эту политику отъ послѣднихъ государей изъ дому Валоа. Всегдашнюю мыслию французскаго правительства были союзъ съ протестантами для сопротивленія императору и съ Голландією для сопротивленія Испаніи. Францискъ Первый былъ въ сношеніяхъ съ лютеранами, принадлежавшими къ Смалькальденскому союзу; Генрихъ Второй сражался дѣйствъ съ ними; Генрихъ Четвертый поддерживалъ дѣйствами возставшіе Нидерланды; Ришліе дѣлалъ то же самое, но только дѣйствовалъ въ болѣе обширныхъ раздѣлахъ и съ болѣе постояннымъ успѣхомъ.

Мы видѣли, какъ онъ вначалѣ своего министерства излагалъ свою политику и доказывалъ, что иногда надобно покоряться обстоятельствамъ, не уклоняясь однако же отъ своей главной цѣли. Такъ поступилъ онъ въ-отношеніи къ Англіи, когда дѣло шло о чести Франціи. Онъ ни сколько не усомнился объявить Англіи войну, хотя считалъ союзъ съ этой страню необходимымъ для того, чтобы успѣшить противостать Испаніи. Но потомъ, разсѣявъ флотъ Боккингэма и взявъ Ла-Рошель, кардиналъ снова вступилъ въ дружескія сношенія съ Англією, которая была еще усилена при его преемникѣ и послѣдователѣ, кардиналѣ Мазарини.

Обезопасивъ себя съ этой стороны, и заключивъ новый договоръ съ Голландією, которой помогалъ деньгами, Ришліе воспользовался первымъ случаемъ — рас-

прею за наслѣдство мантуанскаго престола и завелъ съ Испаніей войну, которая продолжалась, съ небольшими промежутками, до самаго Пиренейскаго договора. Всегдашней мыслью его было пріобрѣсть надежныя границы и укрѣпиться вѣшними союзами, чтобы при помощи ихъ бороться съ Эскуриаломъ, котораго вліяніе распространялось въ то время на всю Европу. Онъ не мечталъ о далекихъ завоеваніяхъ, о несоразмѣрномъ распространеніи предѣловъ Франціи. Въ Запискахъ своихъ, говоря о занятіи Пиньероли, онъ нѣсколько разъ повторяеть, что Франція не должна перебираться за Альпы и что ей нужно только имѣть нѣсколько открытыхъ дверей въ эти богатыя страны, чтобы, въ случаѣ нужды, охранять ихъ независимость. Онъ хотѣлъ пріобрѣсть Руссильонъ, Альзацию, Лотарингію, Франшъ-Конте и раздѣлить съ Голландією испанскія провинціи Нидерландовъ. Замыслы, конечно, обширныя, но, однако жъ, ни одного изъ нихъ нельзя назвать порожденіемъ безразсуднаго честолюбія.

Для достиженія этой цѣли, кардиналъ постоянно слѣдовалъ однажды предначертанному плану. Этотъ планъ состоялъ въ томъ, чтобы бороться съ Испанією, не давая однако жъ Вѣтскому двору повода вмѣшаться въ борьбу и дѣлать этому двору всѣ возможныя затрудненія, отлагая между-тѣмъ какъ-можно долѣе вооруженное вмѣшательство Франціи въ дѣла Германіи.

Дѣйствія Ришліё во время датскаго и шведскаго періода Тридцати-лѣтней Войны были чрезвычайно благоразумны. Онъ принималъ участіе во всѣхъ переворотахъ этой войны, но участіе не явное. Сначала борьбы въ Германіи, поведеніе Франціи было нерѣшительно и робко, какъ и кабинетъ, который управлялъ тогда ея судьбами. Фердинандъ Второй, котораго богемскіе штаты объявили низложеннымъ, избравъ на его мѣсто курфюрста-палатина, привлекъ на свою сторону Баварію и Саксонію; потомъ, при помощи Испаніи, которая тогда пользовалась въ Парижѣ величайшимъ вліяніемъ, пріобрѣлъ содѣйствіе Франціи противъ совѣстника, котораго права были признаны половинною имперіи. Блистательное посольство, гла-

вою котораго коннетабль де-Люинь назначилъ герцога Ангуглемскаго, побочнаго сына Карла Девятаго, отправилось въ Германію. Усилил его много содѣйствовало заключенію Ульмскаго договора, которымъ союзные принцы, не подерживая права Фридриха на богемскій престолъ, обязались защищать его, если бъ австрійскія войска атаковали его наследственный палатинатъ. Известно, что этотъ договоръ погубилъ палатина и вызвалъ Фердинанда на путь, на которомъ онъ испыталъ столько презрительнейшей судьбы. Императоръ одержалъ побѣду въ Прагѣ, завоевалъ снова Богемію, а между-тѣмъ испанская армія, помогая австрійскому дому, заняла палатинатъ. Сеймъ, собравшійся въ Ратисбоннѣ, отнялъ у Фридриха всѣ его владѣнія, отдалъ ихъ герцогу баварскому и произвелъ въ преемствѣ раздѣленіи и самыхъ учрежденіяхъ имперіи такіа перемѣны, что атому великому политическому тѣлу, оставалось только тѣмъ свободы. Такія мѣры не могли не возбудить сопротивленія, но императоръ преодолѣлъ его и востаточно возмыслилъ свои надежды въ-уровень съ своими успѣхами.

Устрашенная расширеніемъ императорской власти, Данія присоединила себѣ оружіе къ оружію протестантскихъ союзниковъ, но у Валленштейна и Тилли былъ тогда въ Европѣ только одинъ достойный ихъ соперникъ, а онъ еще не вышелъ на театръ войны. Лишившись десяти тысячъ солдатъ на Люттерскомъ полѣ сраженія, Христианъ Четвертый заключилъ въ Любекѣ миръ и вышелъ изъ Германіи. Этимъ заключился датскій періодъ Тридцатилѣтней Войны.

Кардиналъ Ришелье только слѣдилъ за этими событіями и не могъ принять въ нихъ участія, пока не упрочилъ внутренняго порядка во Франціи низложеніемъ реформатовъ, и не кончилъ мантуанскаго дѣла, въ которомъ замѣшаны были болѣе прямые выгоды Франціи. Но когда Данія сошла съ поля битвы, Ришелье поручилъ барону Шарнасе возобновить съ шведскимъ королемъ переговоры, которые производились уже и въ предъидущемъ году, и которые успѣли заключить только въ послѣдствіи, потому что,

стараніями кардинала, непріязненные дѣйствія между Швеціею и Польшею, были прекращены.

Кардиналъ предлагалъ Швеціи денежное вспоможеніе, готовясь между-тѣмъ въ случаѣ нужды принять болѣе дѣятельное участіе въ событіяхъ. Эти переговоры были чрезвычайно затруднительны. Надобно было не оскорбить самолюбія государя самаго надмѣннаго; еще нужнее было успокоить католиковъ, доказавъ имъ, что французскій король принимаетъ участіе въ дѣлѣ чисто политическомъ, оставляя вопросъ религіозный всторонѣ. Сверх-того переговоры съ Швеціею затруднялись еще переговорами съ нѣсколькими католическими принцами, которыхъ кардиналъ убѣждалъ отложиться отъ императора, обѣщая ручательство Франціи въ сохраненіи ихъ нейтралитета. Поэтому надобно было, чтобы Густавъ, вступая въ Германію для отпущенія за протестантовъ, угнетенныхъ императоромъ, обязался уважать событія, совершившіяся подъ покровительствомъ Франціи и особенно приобрѣтенія Баваріи, если она приступитъ къ католическому нейтралитету. Сверхъ-того Густавъ обязался исполнить и другое требованіе Франціи, уважать католическое богослуженіе вездѣ, гдѣ оно существуетъ и позволить отправленіе его даже и тамъ, гдѣ оно еще не введено.

На этихъ условіяхъ заключенъ наконецъ, тринадцатаго января 1631, договоръ, первый, котораго цѣлію было политическое преобразование Европы на основаніи всеобщаго равновѣсія. Договаривающіяся стороны торжественно объявили, что онѣ имѣютъ въ виду только упроченіе правъ членовъ священной имперіи. Но между-тѣмъ Густаву-Адольфу позволялось приобрѣсти владѣнія въ Германіи, чтобы въ случаѣ нужды удерживать императорскую власть въ извѣстныхъ предѣлахъ, а Римліи не отказывался отъ надежды воспользоваться событіями, чтобы присоединить къ Франціи Лотарингію и Альзацію.

Мы не станемъ описывать событіи знаменитаго похода Густава Адольфа отъ его Лейпцигской побѣды до Лауэнской могилы. Все это слишкомъ извѣстно. Протестанты, дѣлавшіе своего предводителя, упали духомъ; шведскіе

армія погибла при Нордлингѣ; начались отпаденія; Саксонія перешла на сторону Фердинанда и это нанесло протестантскому союзу послѣдній ударъ.

Императоръ и курфирстъ саксонскій, заключивъ въ 1634 году, въ Прагѣ, мирный договоръ, такимъ произвольнымъ образомъ раздѣлили земли имперіи, что если бы этотъ договоръ былъ принятъ членами Германскаго Сейма, то преобладаніе императорской власти было бы упрочено навсегда. Теперь наступало время замѣнить денежное вспомошествованіе, которое Франція производила протестантскимъ принципамъ, содѣйствіемъ болѣе дѣятельнымъ, и французскій періодъ Тридцатилѣтней Войны долженъ былъ наконецъ начаться. Пораженіе маршала Горна и герцога Веймарскаго австріійско-испанскими войсками, произвело сильное впечатлѣніе на кардинала Ришелье и онъ рѣшился вступитъ въ явную борьбу съ императоромъ, съ которымъ дотогѣ сражался только чужимъ оружіемъ. Онъ представилъ королю, что если императоръ одолѣетъ всѣхъ своихъ, такъ сказать, домашнихъ враговъ, то Австрія и Испанія опрокинутся на Францію, которая, оставшись безъ союзниковъ, принуждена будетъ одна бороться съ этими двумя могущественными державами. Тотчасъ на всѣхъ границахъ начались огромныя приготовленія къ войнѣ, дипломатическіе агенты отправились во всѣ германскія владѣнія и на сѣверъ, чтобы поддержать мужество враговъ императора. Надобно было успокоить Римскій дворъ и совѣсть націи насчетъ характера войны въ союзѣ съ протестантами противъ католиковъ: для этого съ Оксенштирпомъ заключенъ былъ договоръ, которымъ католикамъ обезпечена свобода вѣроисповѣданія; надобно было представить приманку всѣмъ честолюбцамъ: для этого съ Голландіею заключенъ союзный договоръ, по которому предположено раздѣлить между этой державою и Франціею Испанскіе Нидерланды, и начаты были переговоры о подобныхъ же конвенціяхъ съ Савоіею и второстепенными державами въ Италіи; надобно было доставить союзникамъ возможность располагать всѣми своими силами: для этого миръ между Швеціею и Польшею, при посредствѣ Франціи, продолженъ еще на двадцать

шесть лѣтъ; надобно усидкоуть на счетъ дѣхъ выгоды тѣхъ, которые всего ожидали отъ войны: для этого съ герцогомъ Веймарскимъ заключенъ договоръ о денежномъ вспоможеніи и самыя честолюбивыя его надежды признаны законными, если только онъ согласится ожидать исполненія ихъ отъ Франціи.

Переговоры производилась въ Германіи съ троякою цѣлію; не допускать, чтобы протестантскіе принципы привелись по одиначкѣ къ Прагскому договору, заключенному между императоромъ и герцогомъ Саксонскимъ, добиться, чтобы союзники взаимно обавались не вступать въ переговоры съ непріятелемъ иначе, какъ отъ лица всего союза, распространить и окрасить нейтральный союзъ католическихъ принцевъ, составившіеся подъ покровительствомъ Франціи. Всѣ эти переговоры производилась въ одно и то же время и великая дипломатическая школа, основанная кардиналомъ Ришліё и развитая впоследствии кардиналомъ Мазарини, уже соотвѣтствовала важности тогдашнихъ обстоятельствъ.

Съ такою же мудростію и дѣятельностію Ришліё управлялъ и военными операціями. Кардиналъ де-ла-Валеттъ съ молодымъ виконтомъ Тюренемъ, получилъ повелѣніе вступить съ значительнымъ корпусомъ въ Германію и идти на помощь къ Шведамъ. Но главною цѣлію Ришліё было утвердиться на Рейнѣ и такимъ образомъ произвести диверсію, столь же полезную собственно для Франціи, какъ и для союзниковъ. Тогда, имѣя въ рукахъ своихъ всѣ позиціи, которыми желалъ обладать, онъ могъ бы заключить съ императоромъ миръ какой хотѣлъ. Впрочемъ большая часть этихъ позицій уже принадлежала Людовику Тринадцатому. Герцогъ Лотарингскій, приставъ къ партіи Гастона Орлеанскаго и выдавъ за него сестру свою, былъ, какъ вассалъ, приговоренъ судомъ къ наказанію за похищеніе и обольщеніе королевской особы и французскія войска, подъ командою маршала де-ла-Форса, заняли большую часть крѣпостей его герцогства. Съ другой стороны, идя на выручку герцога Веймарскаго, которому угрожалъ Галласъ, Ришліё, подъ предлогомъ безопасности

французскихъ войскъ, потребовалъ предварительной уступки городовъ по лѣвому берегу Рейна, завоеванныхъ Шведами. Такимъ образомъ, при самомъ открытіи кампаніи, Французы уже занимали большую часть важнѣйшихъ городовъ Альзацин, за исключеніемъ только Страсбурга и Бендсelda.

Война началась вдругъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ Германіи, въ Италіи, въ Нидерландахъ, впоследствии въ Каталоніи и Руссильонѣ. Судьба не всегда благоприятствовала оружію Ришліе и самая власть его была не-разъ потрясена; но между-тѣмъ при всѣхъ этихъ сложныхъ событіяхъ, съ 1636 по 1642 годъ, онъ не покинулъ ни одной изъ своихъ идей, ни одного изъ своихъ смѣлыхъ плановъ.

Темною французской дипломатіи былъ одинъ общій мирный договоръ, темною австрійской дипломатіи миръ по орденству нѣсколькихъ частныхъ договоровъ. На этихъ основаніяхъ производились всѣ переговоры съ тѣхъ, которые открыты были въ Кельнѣ въ 1636 году и до заключенія прелиминарныхъ условій въ Гамбургѣ, въ 1641. Шведы, которыхъ мнѣніе необходимо должно было имѣть сильное вліяніе на мнѣнія другихъ союзниковъ, колебались между этими двумя политиками, между желаніемъ заключить миръ съ императоромъ, если удастся получить выгодныя условія и необходимостію тѣснѣе соединиться съ Франціею, если тайные ихъ переговоры не будутъ имѣть успѣху. Поэтому они съ намѣреніемъ тянули войну, производя операціи, которыя не могли привести къ рѣшительнымъ результатамъ.

Между-тѣмъ кардиналу предлежало бороться не съ одними внѣшними врагами. Король, который, чтобы достигнуть торжества политикѣ Ришліе, изгналъ мать, поссорился съ женою, казнилъ множество знатныхъ, вдругъ въ самомъ разгарѣ войны перешелъ-было на сторону противника, къ своему министру. Съ другой стороны ему угрожала не менѣе важная опасность. Графъ Соассонскій, единственный изъ его противниковъ, который не лишился общаго уваженія, оставался центромъ и опорой оппозиціи въ ро-

самое время, когда судьба войны не благоприятствовала французскому оружию. Графъ Соассонскій не захотѣлъ породниться съ Ришліе и хотя онъ старался всѣми силами смягчить свой отказъ, а кардиналъ старался скрыть, что оскорбился этимъ, однако же рана, нанесенная его самолюбію, была глубока и раздѣлила ихъ навсегда. Графъ съ отличіемъ командовалъ одною изъ французскихъ армій, но потомъ удаленъ отъ двора и укрылся въ Седанъ, городъ, который служилъ убѣжищемъ всѣмъ принцамъ, возставшимъ противъ правительства. Герцогъ Булюнскій и герцогъ де-Гвизъ присоединились къ графу Соассонскому и заключили тайный договоръ съ Испаніею. Возстаніе этихъ трехъ принцевъ произвело сильную диверсію въ такое время, когда война свирѣпствовала на границахъ Франціи; но графъ Соассонскій погибъ въ сраженіи и герцогъ Булюнскій примирился съ дворомъ, что однако жъ не помѣшало ему вступить вскорѣ послѣ того въ заговоръ Сепъ-Мара, потому что безъ заговоровъ онъ жить не могъ.

Между-тѣмъ Испанія падала не подъ ударами враговъ своихъ, а вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ. Португалія отложила отъ нея, съ другой стороны провинціальныи духъ старался отдѣлать отъ испанской короны Каталонію съ Серданьею и Руссильномъ. Ришліе искусно пользовался внутреннею болѣзнію Испаніи. Между-тѣмъ какъ герцогъ Оливаресъ дѣлалъ пособія людямъ, которые возставали противъ кардинала, Ришліе наносилъ испанской монархіи ударъ въ самое сердце: онъ много содѣйствовалъ отпаденію Португаліи. Каталонское народонаселеніе помогало Франціи въ завоеваніи Руссильона и герцогъ Булюнскій, чтобы выкупить жизнь свою послѣ заговора Сепъ-Мара, принужденъ былъ уступить правительству городъ Седанъ. Вообще послѣдніе два года жизни кардинала Ришліе были ознаменованы блестящими успѣхами, плодами ошибокъ его непріятелей, которыми онъ всегда умѣлъ пользоваться для достиженія двоякой своей цѣли, усиленія королевской власти внутри государства и вліянія Франціи внѣ ея предѣловъ.

Наконецъ между Франціею и Римскою Имперіею заклю-

чемъ были предиминарныя условія и враждующія стороны обладались рѣшить въ Мюнстерѣ многочисленные вопросы, которые оставались нерѣшенными впродолженіи цѣлаго столѣтія. Вестфальскій конгрессъ еще не скоро долженъ былъ даровать миръ Европѣ, но Ришліе уже и тогда, по справедливости могъ приписывать себѣ дѣло, котораго основанія положены были имъ, и котораго окончаніе передалъ онъ искусному преемнику, имъ самимъ избранному. Последнимъ подвигомъ знаменитаго кардинала было преобразование и независимость Германской Имперіи, подъ веручительствомъ Франціи, которая овладѣла Альзаціею.

Если бы честолюбіе не было самою неизлечимою изъ всѣхъ страстей человѣческихъ, то зрѣлище послѣднихъ лѣтъ жизни министра, передъ которымъ преклонялась вся Европа, могло бы заставить всякаго отвернуться отъ этой горькой чаши. Пока продолжалась борьба между знатыми и министрами, между принцами и королями, Ришліе долженъ былъ биться только опасностей самой битвы и въ случаѣ паденія, можетъ-быть, страшнаго приговора; но когда матери короны, которая принуждена была при всѣхъ дѣлахъ выказывать нищету свою, не осталось болѣе никакой надежды, когда знатнѣйшія лица въ монархіи были или въ тюрьмѣ или въ изгнаніи, а министерскій переворотъ съ такою потерянностью ожидаемый столькими опасными, все не совершался, положеніе и образъ дѣйствія партій совершенно измѣнились. Передъ кардиналомъ были уже не партіи, а жертвы, и попытки на убійство замѣнили борьбу, которая сдѣлалась невозможною. Сѣкиръ пала на отъѣхавшихъ князями, а политическое убійство было въ тѣ времена въ такой чести, что кардиналу Ришліе надобно принимать похвалу за то, что онъ никогда не прибѣгалъ къ этой мѣрѣ.

Ему угрожали агенты вдовствующей королевы, герцога Орлеанскаго и, наконецъ, Испаніи, которая ожидала отъ заговоровъ того, чего не могли доставить ей битвы. Нѣсколько человѣкъ подверглись смертной казни за подушедія противъ министра. Впрочемъ число жертвъ Ришліе не такъ велико, какъ вообще полагаютъ. Впродолженіи его

осямнадцатилѣтняго министерства произнесено сорокъ семь смертныхъ приговоровъ за преступленія противъ величества и за измѣну; но въ числѣ осужденныхъ было девятнадцать отсутствующихъ, такъ что казнено только двадцать шесть человѣкъ; да сверхъ-того четыре за покушенія на жизнь кардинала.

Но сколько ложныхъ тревогъ за одно основательное опасеніе! сколько усилій, чтобы отвратить удары иногда мнимые!

Ришліѣ окружалъ себя совершенно королевскою пышностію. Стража была у него такая же многочисленная, какъ у Людовика Тринадцатаго; вокругъ его двора безпрестанно наблюдали полиціа, а въ приемныхъ у него было больше народу чѣмъ въ Луврѣ. Важнѣйшія въ государствѣ должности были заняты или его родными, или людьми, которыхъ онъ вывелъ изъ ничтожества; одну изъ племянницъ своихъ онъ выдалъ за принца королевской крови, герцога Энгіенскаго. Никогда еще подданный не возносился такъ высоко, не похитивъ трона, но на этой-то высотѣ безпокойство, котораго онъ прежде не зналъ, боязнь, которая въ болѣе скромномъ званіи для него не существовала, отравляли его жизнь и заставляли его трепетать за самого себя. Онъ принудилъ короля своего, больного, переправиться черезъ Рону, чтобы посѣтить его въ Таразонѣ; его, какъ восточнаго деспота, стража несла черезъ всю Францію на паланкинѣ и стѣны городовъ падали, чтобы пропустить дряхлаго триумфатора. И при всемъ блескѣ этой славы, при всеобщемъ глубокомъ униженіи враговъ, эту пыльную думу тревожили жестокія опасенія, которыя разстроивали его здоровье. Ему было не больше пятидесяти лѣтъ, а онъ уже страдалъ всѣми немощами дряхлой старости. Это, судя по и безъ того строгій характеръ его, еще болѣе суровымъ. Въ этомъ періодѣ жизни кардинала совершены всѣ бесполезныя жестокости, которыми омрачена его память. Душевныхъ и тѣлесныхъ страданій своихъ преодолѣть онъ не могъ, такъ хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ, чтобы все предлялось передъ его неумолимой волею. Кардиналъ де-ла-Валеттъ былъ казненъ заочно за то, что счастье измѣнило

при осадѣ Фонтарабинъ. Сенъ-Лежъ четвертовали за то, что онъ сдалъ Наваръ, Анжю, Монгадьеръ, Дамбонъ, Сенъ-Прель, которыхъ преступленіе собственно состояло въ томъ, что они не могли или не счумбли исполнить повелѣній кардинала, были приговорены къ смертной казни. Большой безнадежно, кардиналь еще мучился опасеніями за будущее. Слабая жизнь Людовика Тринадцатаго, по видимому, была готова угаснуть; а если онъ умретъ, что будетъ тогда съ кардиналомъ? Возможно ли ему устоять противъ ненависти, противъ мщенія, которыя такъ долго терпѣли? Конечно, Гастонъ Орлеанскій, навлекъ на себя общее презрѣніе съ-тѣхъ-поръ какъ выдалъ Сенъ-Мара и де-Ту, и бросился къ ногамъ кардинала умоляя о помилованіи, письмененно отказался отъ всѣхъ правъ своихъ и просилъ только объ одной милости, чтобы ему позволили жить какъ частному человѣку; но если бы по смерти короля онъ и не вздумалъ требовать снова правъ своихъ, то другіе принудили бы его къ этому, чтобы прикрыться его именемъ. Близкая кончина короля жестоко тревожила умирающаго министра; тысячи безразсудныхъ проектовъ ронялись въ головѣ его и на порогѣ вѣчности онъ мечталъ еще о власти.

Въ первыхъ числахъ декабря 1642, въ Парижѣ царствовало всеобщее смятеніе. Народъ толпился въ окрестностяхъ кардинальскаго дворца, во всѣхъ церквахъ производились молебствія и городъ оглашался печальными звуками колоколовъ. Разнесся слухъ, что кардиналь Ришелье послѣ долгаго парокензма лихорадки, погрузился въ состояніе, которое не оставляло болѣе никакой надежды на выздоровленіе. Тогда вся пышность земли исчезла передъ смиреніемъ религій; гордая душа кардинала какъ-бы переродилась; шумъ и страсти свѣта въ ней вдругъ затихли и Ришелье съ радостью узналъ, что кончина его уже близка. Въ это же время скончалась въ изгнаніи мать короля, властолюбивая Марія Медичи. Онъ исповѣдался у своего духовника, епископа Шартрскаго, потомъ со слезами любви и раскаянія причастился святыхъ таинъ; былъ соборованъ, и простившись съ королемъ, который приходилъ къ нему, скончался на пятьдесятъ-осьмомъ

году своей жизни, забывъ все мірское и помышляя только о спасеніи души своей.

Рицци умеръ, но твореніе его съ днѣмъ не умерло. Онъ самъ назначилъ себѣ преемника и тотъ встрѣтилъ на пути своемъ тѣ же сопротивленія, тѣхъ же неприятелей, и уже ослабленныхъ ударами, которые нанесть имъ кардиналь. Все, что нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ того происходило въ Европѣ, все это Рицци предвидѣлъ и приготовилъ; и до самаго нирнейскаго мира, когда Изабелла преклонилась передъ Франціею, Анна Австрійская слѣдовала пожитку министра, который былъ лучшимъ врагомъ ея. Людовикъ Четырнадцатый принялъ эту политику, какъ драгоценное наслѣдіе и пока онъ ея придерживался, завѣда ея не померкала.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ЦѢЛЬ И ПОЛЬЗА ПОСТОЯННЫХЪ ВЫСТАВОКЪ ВЪ АНГЛІИ.

=

Почти всѣ европейскіе народы приняли занимательное учрежденіе Англичанъ, извѣстное у насъ нынче подъ названіемъ «выставокъ». Франція стала подражать имъ первая, въ исходѣ прошедшаго столѣтія; но она вмѣстѣ съ тѣмъ искажала сущность учрежденія, стараясь примѣнять его къ своимъ ограниченнымъ средствамъ, и мода, которой столица — Парижъ, разнесла неудачную передѣлку по всей Европѣ.

Выставки художественныхъ произведеній, въ ограниченныхъ размѣрахъ, были давно извѣстны въ Италіи. Въ Парижѣ, онѣ приняли видъ болѣе торжественный, и превратились въ періодическія празднества искусствъ. Но выставки произведеній промышленности и генія изобрѣтательности — англійское обыкновеніе. Французы, желая подражать ему, стали выставлять такія произведенія промышленности, въ которыхъ есть что-нибудь художественное, ограничили предметъ исключительно фабричными издѣліями и, наконецъ, примѣромъ своимъ ввели во всеобщее

употребленіе другой родъ періодическихъ праздниковъ, чисто мануфактурныхъ, на которые промышленность наряжается въ свое бальное платье, чтобы пощеголять передъ праздною публикою, и тотчасъ скрыться.

Для зрителя здѣсь нѣтъ другаго дѣла, кромѣ простаго удовлетворенія любопытства. Для промышленника, это только—средство сдѣлать болѣе извѣстными свое имя и свое заведеніе. Но образованіе фабриканта, ремесленника, практическаго механика, работника, доставленіе имъ образцовъ и моделей къ подражаніямъ и усовершенствованіямъ предметовъ, достойныхъ наблюденія, размышленія и изученія во всякое время, вовсе не входятъ въ назначеніе этихъ мимолетныхъ и шумныхъ явленій.

Совсѣмъ не такова цѣль выставокъ произведеній изобрѣтательности въ Англіи. Онѣ тамъ постоянны, открыты во всякое время, доступны самому тщательному обзору, сравненію, изслѣдованію. Для ремесленника, работника, фабриканта, механика, это — настояція безмолвныя академіи, въ которыхъ они могутъ просвѣтиться, образоваться своимъ понятіемъ, внимательнымъ изученіемъ того, что уже сдѣлано другими, соображеніемъ употребленныхъ средствъ, сравненіемъ, приобрѣсть новыя, полезныя свѣдѣнія, присутствовать при опытахъ надъ разными механизмами и силами природы. Если Англія славится своей изобрѣтательностью, то она обязана ею именно такимъ выставкамъ, которыя служатъ гениальности частныхъ людей свѣтлымъ факеломъ и непрерывнымъ возбуждательнымъ средствомъ.

Первое мѣсто между этими чрезвычайно полезными учрежденіями занимаетъ *Выставка для нагляднаго изученія (illustration) и поощренія практическихъ наукъ.*

Тамъ выставлена огромная коллекція моделей самыхъ любопытныхъ и замѣчательныхъ изобрѣтеній и улучшеній, долженствующихъ найти приложеніе въ практическомъ производствѣ всѣхъ искусствъ и ремеслъ. Заведеніе это, столь же полезнае, какъ и занимательное, основано обществомъ, умѣвшимъ соединить вещи весьма полезныя и поучительныя съ такими, которыя могутъ занять одно любопытство. Галерея этой выставки находится въ концѣ улицы, называемой Лоузеръ-эркэдъ, начинающейся отъ

улицы Страндъ, противъ галереи Аделаиды (Adelaide-Gallery).

Это исключительно выставка произведеній генія творчества, практическаго ума, изобрѣтательности; это торжество таланта и терпѣнія. Тамъ надобно удивляться всему разнообразію замѣчательнаго дара изобрѣтательности и находчивости, свойственной человѣку; тамъ, наконецъ, можно видѣть модели важнѣйшихъ изобрѣтеній въ различныхъ положительныхъ и прикладныхъ наукахъ, въ экспериментальной физикѣ, въ химіи, механикѣ, технологіи, гидравликѣ, оптикѣ, акустикѣ, музыкѣ, искусствахъ и ремеслахъ.

Этотъ истинно національный англійскій музей, основанный обществомъ, благородная цѣль котораго «наглядное изученіе и поощреніе практическихъ наукъ», — одно изъ поучительнѣйшихъ заведеній обширнаго средоточія промышленности. Оно отличается отъ всѣхъ другихъ подобнаго рода выставокъ тѣмъ, что въ немъ находятся только самыя новѣйшія изобрѣтенія, улучшенія, въ нихъ произведенныя и, наконецъ, имѣетъ еще ту драгоценную выгоду, что посреди всѣхъ этихъ замѣчательныхъ аппаратовъ, живо возбуждающихъ любопытство, можно въ известныя часы, выслушивать, такъ-сказать, лекціи физики, химіи, оптики, механики, и прочее, и видѣть опыты, производимые на мѣстѣ, съ объясненіемъ употребленія и цѣли моделей, въ присутствіи многочисленной публики. Это преимущество, котораго нѣтъ въ другихъ подобныхъ заведеніяхъ и особенно въ такомъ огромномъ размѣрѣ. Это значитъ — на практикѣ дѣлать положительныя науки практическими, и способствовать самымъ дѣйствительнымъ и занимательнымъ образомъ успѣхамъ промышленности. Отъ опытовъ и объясненій употребленія и цѣли моделей, выставка эта дѣлается чрезвычайно любопытною и вмѣстѣ оригинальною практическою. Это сводъ положительныхъ наукъ, репертоаръ изобрѣтеній національнаго генія.

Всякій кто изобрѣлъ какой-нибудь новый инструментъ, улучшилъ старый или придумалъ новое средство, новый механизмъ, несетъ модель свою въ это заведеніе, чтобы

надъ нею произведены были опыты или для того, чтобы сдѣлать изобрѣтеніе свое извѣстнымъ.

Тамъ объяснятъ вамъ новыя открытія и изумительные результаты наблюденій, произведенныхъ съ помощію микроскопа. Тамъ передъ вашими глазами разложить атмосферическій воздухъ и приготовить газъ, по особому способу. Расположеніе комнатъ для выставки прекрасно, и разнообразіе ихъ соотвѣтствуетъ разнородности предметовъ, въ нихъ выставленныхъ; огромная зала для произведенія опытовъ, освѣщенная сверху, съ галереєю, образующею второй этажъ; бассейнъ съ фонтаномъ; около стѣнъ любопытныя модели, новыя музыкальные инструменты; посреди всего этого орудіе самое некрасивое, самое разрушительное, — грозная паровая пушка Перкинса, во всѣхъ огромныхъ своихъ размѣрахъ. Многочисленная, серьезная и любопытная публика, собирается частію въ проходахъ, частію на галереѣ, также уставленной моделями; все, наконецъ, въ этомъ святилищѣ положительнаго ума, плѣняетъ воображеніе, все привлекаетъ разсудокъ и зрѣніе наблюдателя. Въ этомъ заведеніи умѣли соединить пользу познаній въ той степени, въ какой приложеніе ихъ къ дѣлу можетъ споспѣшествовать общему благу — и глубокая тишина, осторожность, съ которою публика прохаживается между огромной коллекціей аппаратовъ и моделей, заботясь о томъ, какъ бы не разстроить, не сдвинуть чего съ мѣста, ясно доказываютъ уваженіе Англичанъ къ механическому и творческому генію своей націи.

«Большая зала опытовъ» представляетъ взорамъ посѣтителей волшебное зрѣлище. Каналъ или бассейнъ, находящійся посреди залы, имѣетъ семьдесятъ футовъ длины и содержитъ въ себѣ шесть тысячъ галлоновъ воды: онъ служитъ для опытовъ надъ моделями пароходовъ и для сравнительнаго дѣйствія веселъ разныхъ устройствъ. Высота бассейна равняется высотѣ обыкновеннаго стола и онъ окруженъ широкими берегами. Съ одной стороны каналъ примыкаетъ къ круглому резервуару, въ которомъ движутся маленькія модели пароходовъ, привлекающихъ взоры любопытныхъ. Безпрерывное движеніе, заставляющее поворачиваться эти пароходы безъ посторонней помощи,

основано на вновь придуманныхъ началахъ. Съ другой стороны канала находится также круглый бассейнъ съ водометомъ, ниспадающимъ въ мраморную вазу, окруженную и со вкусомъ украшенную раковинами и водяными растеніями. Водометъ помѣщенъ передъ огромнымъ зеркаломъ, отражающимъ его и производящимъ прелестный оптическій обманъ, продолжая до безконечности залу съ галереями, которыя убраны, прекрасными картинами старинныхъ классическихъ школъ, моделями статуй, здавій, башенъ, церквей и прочая. Бассейны и каналъ окружены внимательной публикой: картина богатая, занимательная и любопытная, отражающаяся въ гладкой, зеркальной поверхности воды! Наконецъ огромное зеркало, столь счастливо поставленное, повторяя движеніе, жизнь залы, дополняетъ эту чудную картину практической науки, механики, опытовъ и физиологій!

При входѣ въ заведеніе должно заплатить шеллингъ за право все видѣть и присутствовать при опытахъ, хоть съ утра до вечера: потомъ еще шеллингъ за каталогъ. Программа опытовъ означена на афишахъ, прибитыхъ у входу въ большую залу и на лѣстницахъ; по нимъ всякій узнаетъ время и порядокъ, въ которомъ будутъ производимы различныя опыты. Всему придано всевозможное разнообразіе и объясненія дѣлаются коротко и ясно, безъ излишнихъ отступленій, чтобы не утомлять публику и оставить ей довольно времени для обозрѣнія всѣхъ залъ, занимающихъ два этажа.

Заведеніе открыто съ десяти часовъ утра до шести часовъ вечера. На каждый новый предметъ посвящается не болѣе получаса объясненій. О каждомъ опытѣ возвѣщается сигналомъ, раздающимся по всему заведенію. Напримѣръ — звуки трубы, заводимой однимъ поворотомъ ключа, приглашаютъ публику собраться изъ всѣхъ залъ, чтобы присутствовать при опытахъ, которые будутъ производиться надъ музыкальнымъ инструментомъ новаго изобрѣтенія.

Вотъ образецъ программъ: Въ полдень, опыты надъ паровой пушкой и сожиганіе стали; въ половинѣ перваго, якорь лейтенанта В. Роджера; въ часъ, паровая пушка

и магнитъ изумительной силы; въ половинѣ второго, микроскопъ; въ два часа, сожиганіе безъ дыму; въ половинѣ третьяго, химическіе опыты, и такъ далѣе.

Въ 1842 году опыты надъ паровой пушкой повторялись почти черезъ каждыя полчаса, и по-видимому, болѣе всѣхъ другихъ предметовъ занимали многочисленную публику. Замѣчательно, что посреди всѣхъ этихъ новыхъ изобрѣтеній, предназначенныхъ для творчества, Англичане особенно пристрастились къ чудовищной модели разрушительности. Еще замѣчательнѣе то, что возлѣ этой грозной, смертоносной машины, часто можно встрѣтить забавные механизмы: автоматовъ, канатныхъ плясунцовъ, свободно и граціозно движущихся и подражающихъ всѣмъ прыжкамъ настоящихъ акробатовъ при звукахъ оркестра, составленнаго изъ маленькихъ, смѣшныхъ автоматовъ, представляющихъ музыкантовъ.

Опыты оканчиваются аккордами музыки какого-нибудь инструмента, и, сопровождаемые этими пріятными звуками зрители идутъ во второй этажъ, гдѣ въ одной изъ залъ поставлены скамьи для отдохновенія. Между-тѣмъ прислужники закрываютъ ставни—темнота, въ которой находятся зрители, еще болѣе возбуждаетъ любопытство ихъ.... Вдругъ на бѣлой стѣнѣ является свѣтлый кругъ, имѣющій семнадцать футовъ въ діаметръ,—тутъ передъ вами открываются чудеса, жизнь и движеніе міра, невидимаго простому глазу!...

Это микроскопъ господина Кери (Cary), освѣщенный водороднымъ газомъ; въ программѣ сказано, что онъ увеличиваетъ предметы въ три милліона разъ. Весь приборъ состоитъ изъ двухъ частей: изъ одной изливается сильный свѣтъ газа, а въ другой заключается особенное устройство микроскопа съ его оптическимъ аппаратомъ. Два резервоара, наполненные сжатымъ газомъ, находятся подъ столомъ, свободно движущимся. Съ помощью простаго механизма, газъ проводится въ камеру—обскуру микроскопа, утвержденаго на столѣ: онъ производитъ на стѣнѣ ровный, неподвижный свѣтъ. Въ послѣднее время стали дѣлать дагеротипные рисунки съ помощью этого прекраснаго изобрѣтенія. Въ свѣтломъ кругу изумленный взоръ

зрителя открываетъ безчисленное множество мелкихъ животныхъ, живущихъ въ одной каплѣ воды и которыхъ прежде едва можно было рассмотретьъ въ микроскопъ; тутъ же они представляются большими, красивыми, одаренными изумительною жизненною силою, быстротою, ловкостью движеній.

Механическіе инструменты, сзывающіе зрителей на новыя опыты и объясненія, чрезвычайно разнообразны, и замысловаты. Послѣ звуковъ трубы, о которой мы говорили, другой инструментъ, совершенно новаго устройства, исполняетъ цѣлый концертъ; полчаса или часъ спустя, модель новозобрѣтеннаго фортепiano особенной формы, возбуждаетъ публикѣ о началѣ новыхъ опытовъ. Самыя блестящія музыкальныя піесы, исполняемыя автоматами, увеселяютъ публику, которая часто сама не знаетъ откуда происходятъ гармоническіе звуки, прельщающіе слухъ въ промежуткахъ, во время которыхъ разносятъ зрителямъ, наблюдателямъ и мыслителямъ прохладительныя напитки и плоды. По истеченіи каждаго получаса публика опять расходится по заламъ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаетъ предметы, живо возбуждающіе любопытство.

Между моделями, препаратами и проектами, замѣчательны: улучшенные якоря, насосъ, приводимый въ дѣйствіе самымъ движеніемъ корабля, модели кораблей, построенныхъ по новой методѣ; аппараты для очищенія морской воды, чтобы сдѣлать ее годною для питья, литографическій станокъ, дѣйствующій передъ вашими глазами, насосъ господина Рида и множество другихъ подобныхъ вещей; сверхъ-того тутъ же находятся любопытныя предметы изъ всѣхъ царствъ природы, которые, какъ новыя открытія или какъ рѣдкости, поставлены между моделями для разнообразія и для непрерывнаго возбужденія любопытства.

Должно еще упомянуть о проектѣ Рольфа Ватсона, имѣющемъ цѣлю предохраненіе кораблей отъ погруженія въ воду, помощію жѣдныхъ трубъ, герметически закрытыхъ и содержащихъ въ себѣ атмосферическій воздухъ, для уравновѣшиванія собственной тяжести корабля съ вѣсомъ всѣхъ содержимыхъ въ немъ предметовъ, которые

безъ этого прибора, потопили бы корабль въ случаѣ поврежденія: а эти трубы проведенныя вокругъ палубы и въ промежуткахъ подъ нею, поддерживаютъ массу поврежденнаго судна.

Для подробнаго описанія изумительнаго множества моделей, приборовъ и другихъ замѣчательныхъ предметовъ, находящихся на этой выставкѣ, не достало бы нѣсколькихъ томовъ. Этотъ музеумъ подаетъ самую вѣрную и ясную идею объ успѣхахъ механики, этой части математическихъ наукъ, соединяющей въ себѣ знаніе и приложеніе къ дѣлу законовъ движенія и равновѣсія силъ. Это любимая наука Англичанъ.

Изъ этой галереи перейдемъ въ *Pantehnicon*. Это слово по-русски значитъ *Всеремесленная*. Это—постоянная выставка произведеній фабрикъ, мануфактуръ и ремеслъ; огромное складочное мѣсто продажныхъ вещей для обзаведенія цѣлымъ хозяйствомъ самымъ великолѣпнѣйшимъ и богатѣйшимъ обзоромъ; тутъ всякій, желающій по-скорѣе истратить деньги свои и насладиться ими, можетъ въ двадцать четыре часа обзавестись всѣмъ нужнымъ и наполнить домъ свой отъ подваловъ до чердака, отъ конюшенъ и сараевъ до роскошнѣйшихъ салоновъ. Такъ какъ все необычайное имѣетъ право быть *фешьонбельнымъ*, то и Пантехниконъ принадлежитъ къ числу заведеній, куда стекаются люди всѣхъ сословій.

Онъ былъ построенъ въ 1831 году для выставки произведеній и промышленности, и состоитъ изъ двухъ частей, раздѣленныхъ улицей или провѣздомъ въ пять сотъ футовъ длины и пятьдесятъ ширины. Оба зданія имѣютъ три огромные этажа; въ одномъ—этажи поддерживаются чугунными колоннами; полы и потолки изъ желѣза, такъ что домъ совершенно безопасенъ отъ пожара. На постройку его употреблено триста тоннъ чугуна. Въ каждомъ этажѣ выставлены на продажу предметы особаго рода. Тутъ мастера могутъ изучать произведенія соперниковъ своихъ и вникать въ сокровеннѣйшія тайны своего ремесла. Это постоянная школа промышленности.

Другой домъ состоитъ изъ трехъ галерей съ роскошными магазинами и прекрасной каменной лѣстницей, веду-

щей въ бель-этажъ, гдѣ находится большой магазинъ, раздѣленный на двѣ части.

Первое зданіе замѣчательнѣе втораго, какъ по постройкѣ своей, такъ и по содержанію. Это преимущественно мѣсто сходбища туристовъ: въ немъ находятся всевозможныя дорожныя вещи со всѣми пріятностями, удобствами и комфортомъ. Тутъ экипажное отдѣленіе (the carriage department), названное такимъ образомъ хозяевами этой части Пантехникона. Оно устроено въ огромномъ размѣрѣ и весьма замысловатымъ образомъ: взорамъ посѣтителей представляются нѣсколько полокъ до самой крыши, на которыхъ разставлены экипажи и къ которымъ ведетъ особо устроенная лѣстница.

Это отдѣленіе весьма важно, потому что въ немъ собраны всѣ средства для удовлетворенія врожденной въ Англичанахъ страсти къ путешествіямъ. Тамъ можно видѣть экипажи различныхъ формъ, размѣровъ и названій; кареты, коляски, экипажи зимніе, лѣтніе, дорожныя, съ ящиками и сундуками; кабриолеты, тильбюри и прочая, и прочая; сѣдла, сбруи, возжи, хлысты, кнуты—словомъ, все, что нужно для полной упряжи. Также замѣчательны весьма замысловатыя машины, которыми взвѣшиваютъ, поднимаютъ и опускаютъ экипажи, переставляютъ ихъ съ одной полки на другую, втаскиваютъ и вытаскиваютъ, и все это безъ хлопотъ, безъ шума, скоро и легко. Вообще все дѣлается тамъ самымъ простымъ, и тѣмъ болѣе замысловатымъ образомъ, безъ малѣйшей суматохи и торопливости, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ удивительною быстротою.

Или въ чемъ тамъ нѣтъ недостатка: все приглашаетъ васъ сѣсть въ карету, на первой, второй, третьей или даже четвертой полкѣ и покатить оттуда денежки ваши по столичной мостовой или по большимъ дорогамъ. Вы даже можете сѣсть въ карету или коляску и прогуливаться съ одной полки на другую. Записной туристъ, мучимый несноснымъ спиною, можетъ усѣсться комфортабельно въ экипажъ въ самомъ Пантехниконѣ, спуститься внизъ, гдѣ ему приведутъ лошадей и оттуда отправиться въ какой-нибудь фешенебельный портъ. Отъ Англичанина подобная выходка можетъ легко статься, и Пантехниконъ, понимая

всю важность внезапныхъ путешествій, вынужденныхъ принадлежкомъ сплина, принялъ всѣ мѣры для удовлетворенія всевозможныхъ англійскихъ прихотей.

Въ огромномъ экипажномъ отдѣленіи находится до шести сотъ экипажей; на каждомъ выставлена цѣна; за простую легонькую городскую колясочку можно заплатить отъ пятидесяти до пяти сотъ гиней и болѣе.

Въ другой части Пантехникаона вы встрѣтите всѣ удобства жизни осѣдой, весь комфортъ тихаго домашняго счастья.

Не всходя еще на красивую каменную лѣстницу, не останавливаясь еще въ проходахъ и подъ арками перваго этажа, гдѣ расположены магазины, бросьте взглядъ на длинныя, широкіе корридоры, простирающіеся отъ входа по обѣ стороны и представляющіе вамъ батареи бочекъ и бутылокъ, разставленныхъ въ самомъ симметрическомъ порядкѣ. Это тяжелая артиллерія Бахуса, занимающая подвалы зданія, наполненные винами всѣхъ сортовъ и всѣхъ странъ. Подвалы эти высоки, свѣтлы, воздухъ въ нихъ чистъ и по длинѣ ихъ можно бы сравнить съ подземными сводами *Piscina mirabilis*, резервуарами прѣсной воды для продовольствія римскаго флота, во времена Плинія, находившимися на Мизенскомъ мысѣ, близъ Неаполя. Послѣ быстраго обзора подваловъ, съ удовольствіемъ можно прогуляться подъ арками перваго этажа и оттуда перейти во второй этажъ, гдѣ взору представляется рядъ галерей, занимаемыхъ двумя магазинами, изъ которыхъ въ одномъ находится самая полная коллекція мебели между-тѣмъ какъ другой изобильно снабженъ туалетными вещами и вообще всѣми прихотями роскоши, составляющими необходимость для людей съ огромнымъ состояніемъ.

Всѣ эти прекрасныя арки, магазины въ галереяхъ и даже обширныя подвалы, освѣщены вечеромъ газомъ новаго рода, производящимъ столько же богатое, какъ и блестящее зрѣлище. Особенная галерея назначена для выставки и значительной продажи предметовъ роскоши, и для азійскихъ рѣдкостей, получаемыхъ прямо изъ Кантона. Можете любоваться и накупить себѣ множество вещей въ

несколько часовъ и по желанію вашему ихъ доставятъ къ вамъ на домъ безъ всякой платы, не далѣе однако жъ какъ за семь верстъ отъ Лондона.

Тамъ же между предметами, возбуждающими воображеніе или веселящими сердце, вы увидите китайскій базаръ и настоящихъ Китайцевъ. Это представители Китая въ Лондонѣ.

Съ галерей представляется взору самое волшебное зрѣлище предметовъ изящнѣйшаго вкуса, искусство отъѣла и которыхъ привлекаетъ множество любителейныхъ, съ вниманіемъ разсматривающихъ вещи и восхищающихся ими.

Колоссальные размѣры, великолѣпіе, пестрота, отличаютъ Пантехниконъ; въ немъ вы встрѣтите вещи самыя простыя и вмѣстѣ съ тѣмъ замысловатѣйшія произведенія прихотей вкуса.

Нельзя выйти изъ этого замѣчательнаго заведенія, не посмотрѣвъ любознательной рѣдкости, чуда натуральной исторіи, о которомъ объявляется не менѣе чудовищными записками, напечатанными огромными буквами и прибитыми по всѣмъ корридорамъ нижняго этажа; чудо это помѣщено посреди произведеній промышленности, какъ пародія на самую основу промышленности.

Изъ всѣхъ частей натуральной исторіи, Англичане преимущественно занимаются минералогіею и геологіею въ обширныхъ объемахъ ученыхъ разысканій. Это одно изъ самыхъ любимѣйшихъ ихъ занятій, особенно въ Ирландіи и Шотландіи, гдѣ сдѣлано уже столько любознательныхъ открытій въ отношеніи къ ископаемымъ. Но Англичане имѣютъ также страсть къ орнитологій и зоологій вообще, что доказывается множествомъ записокъ, самыхъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ животныхъ всѣхъ странъ, такъ часто встрѣчающихся въ трехъ соединенныхъ королевствахъ Великобританіи.

Въ Лондонѣ есть родъ промышленниковъ, съ успѣхомъ занимающихся обученіемъ животныхъ самымъ бестощемъ; они дѣлаютъ ихъ хоть не болѣе полезными, но не менѣе интересными, болѣе занимательными, что, впрочемъ, не есть общій дѣлъ практическаго ума этой оригинальной

ящци, которая въ приложеніи познаній ищетъ только пользы, изъ которой она могла бы извлечь для себя сколько возможно болѣе выгоды.

Такъ въ Пантехниконѣ вы увидите огромную аффишу, напечатанную красными и черными буквами, вышиною въ шесть дюймовъ; аффиша эта, которая сама по себѣ уже есть замѣчательное типографическое произведеніе, объявляетъ о «штукахъ», дѣлаемыхъ однимъ изъ глупѣйшихъ животныкъ въ мірѣ, которое показывается на ряду съ изящѣйшими произведеніями вкуса. Это диво природы и человеческого терпѣнія — гусь! Онъ показываетъ примѣры понятливости, которую никто въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, съ тѣхъ поръ какъ предки его Римъ спали, не умѣлъ оцѣнить. Этотъ гусь не только умѣетъ читать, но знаетъ ариметику, дѣлаетъ множество фокусовъ и штукъ съ картами, косточками, кружками; отгадываетъ карты, которыя врители держатъ въ рукахъ, разсчитываетъ минуты и секунды на часахъ и вполнѣ заслуживаетъ названія разумнаго и чудеснаго; гусь этотъ тѣмъ болѣе замѣчательнѣе въ скромной простотѣ своей, что во всѣхъ штукахъ, клячу его играетъ главную роль. Имъ выражается торжество разсудка надъ глупостью, и изумляясь талантамъ и образованію глупѣйшаго животнаго, трудно рѣшить — постоянству ли и терпѣнію учителя или повинновенію и покорности ученика, должно отдать преимущество. Надобно видѣть этого гуся, чтобы достойнымъ образомъ оцѣнить понятливость, которой доселѣ никто и не подозрѣвалъ въ этой тяжелой, неповоротливой птицѣ, и она, вѣрно, не глупѣе тѣхъ Китайцевъ, которые въ Пантехниконѣ показываютъ произведенія промышленности своей родины.

Довольно замѣчательнѣе и слогъ аффиши: «Изумительнѣйшая птица, ученый гусь, величайшая рѣдкость когда-либо видѣнная, единственный ученый гусь. (Most astonishing bird, the learned goose, greatest curiosity ever witnessed, the only learned goose ever known.)»

У въ этихъ постоянныхъ выставкахъ, къ этимъ показамъ промышленности и искусства, которыя многочисленны и кажутся болѣе полезны, глубинѣ и мастеровымъ, надо прибавить еще такія называемыя Warehouses, «Товарные до-

на, которые суть вмѣстѣ базары для покупокъ и складочныя мѣста товаровъ и произведеній всѣхъ частей свѣта. Въ этихъ заведеніяхъ находятся колоссальныя массы товаровъ равнаго роду, перепродающіеся въ большомъ количествѣ въ другіе столичныя и окрестныя магазины, откуда уже расходятся по частямъ.

Въ Лондонѣ особенно замѣчательны два такіа заведенія. Это огромныя магазины Лива и Колса въ Сити, и магазинъ господина Мориссона. Эти торговые дома дѣлаютъ ежегодно коммерческіе обороты на сорокъ милліоновъ рублей. Впродолженіи нѣсколькихъ часовъ они отпускаютъ шкиперамъ огромныя тюки и выюки товаровъ, отправляемыхъ во всѣ части свѣта. Тамъ можно найти множество товаровъ бумажныхъ, шерстяныхъ, трико всѣхъ сортовъ, китайскія, индійскія, французскія шелковыя издѣлія; суровской товаръ, игрушки, зонтики, трости, перчатки — словомъ, обширнѣйшій выборъ разнообразнѣйшихъ предметовъ.

Товарные дома бываютъ въ три и четыре этажа, расположенные вокругъ обширнаго двора, и освѣщены сверху большими окнами, находящимися въ крышѣ. Укладка и разборъ тюковъ производится въ особыхъ залахъ, въ подвальномъ этажѣ, имѣющихъ сообщеніе съ улицей или магазинами посредствомъ длинныхъ спусковъ, по которымъ легко вытаскиваютъ или ввозятъ товары въ тележкахъ или на салазкахъ. Подвальные магазины освѣщены газомъ впродолженіи дѣлаго дня. Зимой заведенія эти отапливаются парами, проходящими въ большія трубы, проведенныя вокругъ всѣхъ магазинововъ.

Каждый изъ двухъ торговыхъ домовъ, о которыхъ мы упомянули, имѣетъ отъ ста тридцати до ста осмидесяти прикащиковъ, которые получаютъ отъ хозяевъ столъ и квартиру. Чтобы не прерывать дѣла внезапнымъ отсутствіемъ всѣхъ прикащиковъ, они раздѣляются на нѣсколько отдѣленій, которыя поочередно и въ часы, строго соблюдаемые, идутъ завтракать и обѣдать. Въ семь часовъ утра каждый прикащикъ уже за своимъ дѣломъ, и остается при немъ до полуночи, а въ случаѣ скорыхъ отпра-

векъ, не терпящихъ отлагательства, и до двухъ часовъ утра.

Мы представили только слабый очеркъ, слабую идею того, что можно назвать постоянными выставками производений промышленности въ Англіи. Но каждый легко пойметъ, сколько онѣ содѣйствуютъ усовершенствованію труда и до какой степени возбуждаютъ соревнованіе трудящихся, очищая въ то же время вкусъ ихъ и образъ ихъ въ искусствѣ изобрѣтенія. Этимъ-то выставкамъ англійскіе ремесленники преимущественно обязаны тѣмъ значеніемъ дѣла и искусствомъ, которыми они отличаются передъ ремесленниками всѣхъ прочихъ націй.

Подобныя заведенія есть въ Ливерпулѣ, Манчестерѣ, и вообще во всѣхъ промышленныхъ городахъ Великобританіи.

V.

ВРЕМЯ.

=

ОПИСАНІЕ ТУРКІНКОЙ ВОЙНЫ 1828 И 1829 ГОЛОВЪ. *Сочиненіе гвардіи капитана Лукьяновича, съ приложеніемъ двухъ картъ и двенадцати плановъ. Двѣ части. Спб., въ тип. Водурда Пруса. 1814, въ 8, стр. XIV, 360, 363, 8.*

Когда борьба Востока съ Западомъ кончилась побѣдою Востока въ Азіи, Запада въ Европѣ, начался послѣдній споръ между Европою и Азіею, дряхлой Византіи съ превозмогающею силою Оттомановъ. Византія пала. На развалинахъ царства Константинова воздвиглась луна исламизма, грозя враждою Европѣ. Два вѣка длилась непрерывная распря оттоманскаго царства съ европейскимъ Западомъ, пока на сѣверѣ, за черноморскими степями, зрѣла новая сила, которой суждено было побѣдить Оттомановъ. Въ половинѣ XVII-го вѣка сила эта сблизилась къ югу, съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, и сошлась съ оттоманскимъ царствомъ на Днѣпрѣ. Чигиринскій походъ при царѣ Теодорѣ, и два похода на Крымъ при Софіи, были вступленіемъ въ продолжительную эпопею, гдѣ являлись свои Агамемноны, Ахиллесы, и Аяксы, чуд-

ную эпопею, продолжавшуюся полтора ста лѣтъ, и кончившуюся тѣмъ, что кривая сабля Оттомана изломалась объ русскій штыкъ, и русскій орелъ съгъ отдохнуть отъ побѣдъ въ виду Царьграда.

Какой рядъ событій, битвъ, людей представляетъ лѣтопись войнъ Россіи съ Турціею! Началъ и здѣсь, какъ все начиналъ въ Россіи, Петръ Великій, началъ славно, отнялъ у Турковъ Азовъ, и двинулся къ Черному Морю. Прутская неудача показала ему еще грозныя силы Турковъ. Имѣя на рукахъ Карла Двѣнадцатаго, и прорубая дверь въ Европу, Петръ съ досадою оставилъ султана въ покоѣ, даже отдалъ ему Азовъ, но до конца жизни думалъ о Турціи, и готовился на возобновленіе спора. Россія попробовала однако жъ силы свои уже въ царствованіе императрицы Анны. Минихъ и Дасси расплатились съ Турками за Прутъ, разорили Крымъ; едва не дошли до Дуная. При императрицѣ Елисаветѣ намъ опять некогда было думать о Турціи. Довольствовались укрѣпленіемъ и заселеніемъ пограничныхъ областей, и тѣмъ, что Турція замолкла. Но императрица Екатерина поняла и увидѣла, что Россіи будетъ тѣсно, если не отодвинуть се дороги въ Европу Польши, и не протянуть границы на югъ на черноморское побережье. Столько же любя славу, сколько умѣла цѣнить мудрость политики, она въ одно время послала Суворова въ Польшу, Румянцева за Дунай, Долгорукаго въ Крымъ, Тотлебена за Кавказъ, Орлова въ Адрианополь. Когда заключили Кучукъ-Кайнарджисскій миръ, казалось, дѣло остается вездѣ нерешеннымъ. Въ Польшѣ былъ независимый властитель; отъ султана не просили только нѣсколько крепостей, но въ самоздѣль, мы уже все и вездѣ кончили. Политика Екатерины съ Крымомъ, дѣла Потемкина въ Черноморскомъ краю, и присоединеніе Крыма, Кубани и черноморска-

го побережья къ Россіи, принадлежатъ къ шумному и
важному событію вѣка Екатерины: Турція очинилась,
хотѣли оружіемъ возвратитъ потеряно, и въ Очаковѣ,
въ Иссацкѣ, подѣ Фокшанамъ и подѣ Рымникомъ
успѣши, что правдѣее возвратило. Неирриририман
пунарная злоба сатанлась въ душѣ Туркобъ, вместе
съ суваршаншѣ предчувствіемъ, что въ одинъ годъ во-
рота Царьграда вбѣдутъ изюгда Русскіе. Россія кон-
чила между-тѣмъ дѣло съ Польшою, и въ одной сторо-
нѣ придулившись къ Хетину и Днѣстру, превративъ
Крымъ въ пристанище флота, и Одессу въ место тор-
говли на Черномъ Морѣ, съ другой облокотилась въ
Азію на Закавказье, такъ, что съ двухъ сторонъ всег-
да могла обхватить Турцію. Высшей смеръ была нѣн-
чель, и потрясенная въ основаніи, медленно начала
осыпаться и распадаться имперія Оттомановъ.

Пропущено время царствованія императора Павла,
великодушное вступившагося за Турцію и Европу,
когда чадомъ судьбы, подписанный миръ съ импера-
торомъ у воротъ Вены, хотѣлъ все Кипта и Малой
Азіи передвинуться къ Царьграду. Возвращенный сно-
ва на берега Франціи, онъ забылъ о завоеваніи Тур-
ціи, и въ 1805 году сошелся съ Россіею на поляхъ
Голлабруна и Аустерлица. Соединяя все средства къ
ослабленію могучаго врага, онъ убѣждалъ безразсуднаго
Салтана Третьаго вспомогательна затруднительна
помощникомъ Россіи. Мечтая возвратитъ истери, нѣтъ
мстала о томъ въ 1787 году, Турція смѣло принахъ
за оружіе. Преисходно наложилъ на нѣ знамениты
исдраръ царя, А. И. Дашковскій, ирраду асторит-
нойфойна съ Турками при императорѣ Александрѣ,
когда. Шалосель динкъ съ семелоселети, повила Тур-
кель, а алашаранелетъ съ Александромъ прѣдлагае ору-
рашанель Туркобъ. Онъ не любилъ дѣлать въ коней-
ну, ашине, аеъ. Злато предостынае султаны Царьграда,

Адриатическѣмъ, и области, какія останутся въ углу за чертою, проведенною отъ Бургаоса къ Энесу. Александръ глубоко проницателенъ и разгадалъ мечтателя, у котораго отъ величія и усильевъ крушилась голова, который въ одно время думалъ Турцію, готовилъ воевать съ Англичанами въ Индiи, и бралъ себя Италию и Голландiю. Можеть сказать, что съ Тильманта началось паденiе Наполеона. Уступивъ семь сто оружiй, Александръ уже выигралъ надъ нимъ первую побѣду въ Эрфуртѣ. Готовясь на борьбу окончательную и неизбежную, и представляя се будущему времени, онъ оставилъ Наполеона воевать въ Испанiи, и глубокою политикою хотѣлъ укрѣпить Россiю съ сѣвера и юга. Финляндiя должна была оградить Петербургъ. Берега Дуная должны были сдѣлаться границею Россiи съ Турцiею. Къ прискорбiю Александра, имъ Миллеромъ, имъ Баграцiономъ, имъ Камарскiимъ не поняли плана войны съ Турцiею, и изувѣрное упорство Турковъ замедлило исполненiе замысловъ Александра. Уже гроза войны шумѣла съ запада. Наполеонъ опомнился отъ своихъ мечтанiй, а война съ Турками всё-еще продолжалась, отвлекала вниманiе и часть войскъ. Къ счастью Россiи явился Кутузовъ, и *сромными поведениемъ* совершилъ подвигъ, не суворовскiй, а кутузовскiй, который новелъ за собою Бухарестскiй миръ съ присоединенiемъ Бессараби, и только въ наше время опздается исполнiе. *Concoit-en ces chiens, ces gredins de Turcs, qui ont eu le talent de se faire battre de la sorte! Qui auroit pu le prévoir et s'y attendre!* восклицалъ Наполеонъ, услышавъ о гибели турецкой армiи на Дунаѣ, и не предчувствуя, что роено черезъ годъ старшей полководцѣ русскiй такъимъ западетъ его въ Мясну, какъ завелъ къ Рунуку *прiймала соосе, Александръ-Бос.*

Несмотря на счастливое окончанiе турецкой войны, Александръ не былъ вполне доволенъ Бухарестскимъ

широмъ, потому что не исполнилась любимая мысль его укрѣпить Дунаемъ русскую границу, и устрѣнить безопасность Сербіи, терзаемой Турками. Но возрастающая слабость Оттомановъ, усиливавшееся распаденіе имперіи ихъ, торжество Россіи въ Европѣ, склоняли императора русскаго на чувства великодушныя. И ему ли, столь недавно бывшему свидѣтелемъ страшнаго паденія честолюбца, ему ли, примирителю народовъ, можно было начинать войну для округленія границъ? Больше — видя новыя, неожиданныя явленія въ Турціи, начало борьбы Грековъ, онъ хотѣлъ быть спасителемъ Турціи, съ тѣмъ вывести обезопася заступленіемъ своимъ участь христіанъ въ Турціи. Свирьпое изуврство мусульмановъ, какъ будто въ предсмертныхъ судорогахъ, страшно метило обитателямъ Молдавіи, Валахіи и Сербіи за свои потери. Свирьпство унижило всего больше возстаніе Грековъ. Надлежало положить предѣлы безумію ослѣпленыхъ. Здѣсь Россію руководствовали уже не политическіе расчеты, но болѣе высокое чувство величія и любви къ чужбчеству. Долго истощалъ Александръ средства убѣжденія и кротости, хотя передъ кончиною своею хотѣлъ уже наконецъ образумить Турковъ силою оружія. Преемникъ Благословеннаго Монарха Россіи наслѣдовалъ кроткую, миролюбивую политику его, и около трехъ лѣтъ протекло еще, пока рѣшился Онъ напомнить Оттоманамъ, что время побѣдъ и спору уже давно прошло для нихъ.

Переговоры въ Аккерманѣ были послѣдуемы Лондонскимъ трактатомъ 1827 года, и Наваринская битва была первымъ кровнымъ урокомъ Туркамъ. Неуврство ихъ ни чему не внимало. Оскорбительное воззваніе мнимого преобразователя Турціи, султана Махмуда, къ народу его было отзвонъ изступленнаго изуврства. «Вѣсть предѣлы великодушію, и преступитъ ихъ

воспринимать часть имени Русского, достоинство царя, и неприкосновенность права его и слободы, цзречь тогда монарха Робси, и войска его, гадонны по брань, двинулось за пределы русснго.

Таковы были сущность и начало последней войны съ Турціею, ршиеніе потерей представляеть теперь нать господствъ Луньяновичъ. Въ двухъ издавннхъ ннть томачъ заключаются событія только 1828, а врасно года двухл-тенной войны. Слвдуя невзствованію его, подрабю полагающаюу все военныя дѣйствія, мы ннльннхъ вась прнзвчательннхъ черты бранн, достопамятнор въ многнхъ отношеніяхъ.

Положено было немаловажно занять Молдавію и Веладію, обсернть крепостн на Дунае, нтн за Дунай, и отвлечъ вниманіе непріятеля дннженіемъ на Шумлу. Особой оудрѣ дннженъ былъ взять Анапу, послѣ ебра флотъ Неркомбрннн и армія сосредоточивалась у Верны. Взятіемъ этой крепостн полагалось основанію длн-ннннмъ военныя дѣйствія, потому что тамъ обсер-пнчалось главное продолженіе войны въ турецкнхъ областяхъ, и блнжайшее сношеніе съ Россіею. Между-темъ часть войска должна была блокировать Шумлу, отдельный корпусъ нать Пруціи дннствовать въ Ассн-ской Турціи, а русская эскадра отъ флота, нколон-нагоца въ Архнполагъ, подвергнута строгой блокадѣ Дарданеллы и Царьграда.

Исходительная сила войска, назначенныхъ для днн-ствій въ Европейской Турціи, состояла изъ двѣхъ арміячъ войскъ, съ товарища-стемъ-сарока Пру-дннн. Герой Клястннъ и Колошка, командировавъ Внгернтойкъ былъ назначенъ главнокомандующннмъ; генералъ-адютантъ Киселовъ начальннкомъ штаба; генералъ-маіоръ князь Герценковъ, а потомъ генералъ-маіоръ Беркъ, генералъ-квартирмейстеромъ; и генералъ-фельдмаршалъ Дарманковъ начальннкомъ арміи.

генералъ-майоръ Трузсонъ начальникомъ нижегородовъ; генералъ-майоръ Байковъ дежурнымъ генераломъ. Начальниками корпусовъ арміи были генералы Рудзевичъ, Роттъ, Воиновъ, Бороздинъ. Съ Апрѣля 1828 года долженъ былъ выступить изъ Петербурга гвардейскій корпусъ, болѣе двадцати-пяти тысячъ человекъ, съ шестидесятью-четырьмя орудіями. Вице-адмиралъ Грейгъ и контръ-адмиралъ князь Меншиковъ назначались начальниками экспедиціи противъ Ананъ. Въ Азіи отдѣльнымъ корпусомъ, около тридцати тысячъ человекъ, командовалъ графъ Паскевичъ, уже знаменитый покореніемъ Эривани, и войною противъ Персіянъ.

Быстрое и неожиданное непріятелемъ занятіе Молдавіи и Валахіи было первымъ ружательствомъ за успѣхи. Яссы и Бухарестъ находились въ нашихъ рукахъ. Малая Валахія была прикрыта отрядомъ войскъ, и Брашловъ обложенъ. Осаду его принялъ на себя Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Вскорѣ войско русское увидѣло среди полковъ своихъ Государя Императора. Ободраемые Его вниманіемъ, войска приготовились къ переправѣ за Дунай. Добродольное покореніе остатковъ Запорожской Сечи, довершенье непримиримыхъ враговъ нашихъ, было слѣдствіемъ Монаршаго вниманія къ отверженнымъ вѣщеніи пророчества лѣтъ сынамъ Россіи.

Переправа черезъ Дунай совершена при Сатуновѣ, мая двадцать-седьмого, подъ огнемъ непріятели, вблизи Исакчи.

«Мая двадцать-седьмого, въ четыре часа утра, Государь Императоръ прибылъ къ войскамъ, собраннымъ у дунайской переправы. Мгновенно открытъ былъ огонь съ нашей батареи и флотиліи противъ непріятельскихъ укрѣпленій; дѣйствіе его было сигналомъ движенія войскъ на правый берегъ Дуная. Усиливая огонь, де-

вать орудій десятой артиллерійской бригады поставили правѣе и лѣвѣе батареи по берегу Дуная. Двѣ бригады девятой пѣхотной дивизіи подошли къ рѣкѣ, и первая егерская бригада, генераль-маіора Курносова, на транспортных судахъ, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, начала переправу. Быстрое теченіе Дуная и противный вѣтеръ чрезвычайно затрудняли движеніе судовъ. Тогда подоспѣли Запорожцы съ своими легкими лодками. При пособіи ихъ, командиръ второй бригады девятой пѣхотной дивизіи, генераль-маіоръ Гельвигъ, съ сто-двадцатью человекѣми своей бригады, открылъ переправу. Занимъ послѣдовали, на транспортномъ суднѣ, съ небольшимъ числомъ пѣхоты начальникъ девятой пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантъ Бартоломей, и начальникъ штаба третьяго пѣхотнаго корпуса, генераль-маіоръ князь Горчаковъ 2-й. Вслѣдъ затѣмъ, при помощи Запорожцевъ, поднялся, на прочихъ транспортных судахъ, генераль-маіоръ Курносовъ, съ частью своей бригады.

«Три роты втораго батальона семнадцатаго егерскаго полка первыя ступили на непріятельскій берегъ. Выходя изъ судовъ по поясъ въ воду, егери должны были переходить около версты глубокимъ болотомъ, держа ружья и сумы съ патронами надъ головою. Преодолевъ всѣ эти препятствія, они достигли луга, гдѣ медленно начали строиться. Здѣсь непріятель стремительно атаковалъ конницею голову колонны, стараясь опрокинуть ее въ воду. Мужественный отпоръ стрѣлковъ удержалъ сильный натискъ Турковъ; три батальона быстро выстроились къ бою. Генераль отъ инфантеріи Рудзевичъ, генераль-квартирмейстеръ главнаго штаба, генераль-адъютантъ графъ Сухтеленъ, и начальникъ главнаго штаба второй арміи, генераль-адъютантъ Киселевъ, распорядили переправою войскъ въ виду Губудара Императора.

« Когда всего нужнѣе было подкрѣпить войска, высаженные на непріятельскій берегъ, генераль-адъютантъ Киселевъ замѣтилъ, что сильный вѣтеръ и быстрое теченіе Дуная относили отъ настоящаго направленія третье отдѣленіе запорожскихъ лодокъ, перевозившее два батальона алексопольскаго полка. Извѣстясь отъ капитана гвардейскаго генеральнаго штаба, Вельяминова-Зернова, о другомъ, болѣе удобномъ и сухомъ мѣстѣ для высадки, онъ бросился въ одну изъ запорожскихъ лодокъ и повелъ туда упомянутое отдѣленіе Запорожцевъ. Прибывъ къ мѣсту высадки, генераль-адъютантъ Киселевъ приказалъ капитану Патаніоти подвинуть суда лѣваго фланга дунайской флотиліи болѣе впередъ и дѣйствовать по непріятелю картечью, очищая мѣстность выше и назадъ непріятельскаго редута. Распоряженія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Войска свободно вышли на непріятельскій берегъ, и построясь въ боевой порядокъ на сухой равнинѣ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Бартоломея, соединились съ отрядами генераловъ Гельвига и Курносова.

« Немедленно второй батальонъ семнадцатаго егерскаго полка, поддерживаемый первымъ батальономъ алексопольскаго пѣхотнаго полка, двинулся на редутъ праваго фланга непріятеля, имѣя впереди охотниковъ. Едва приблизились егери, одинъ изъ Турковъ, остававшихся въ редутѣ, взорвалъ пороховой погребъ, когда охотники ворвались въ него сквозь амбразуры. Нѣсколько человекъ нижнихъ чиновъ семнадцатаго егерскаго полка сдѣлались жертвою неустрашимости, по потеря ихъ не остановила другихъ. Они бросились на непріятельскую батарею, штыками вырвали ее изъ рукъ непріятельскихъ, и на позиціи, казавшейся недоступною, водрузили знамена русскія передъ глазами **Монарха**, окруженнаго представителями Европы. Толпа турецкой конницы устремилась на редутъ послѣ взрыву

порохового погреба, но видя его занятым егерями, и первый батальонъ алексопольскаго пѣхотнаго полка, стоящій подлѣ него колонною, готовую къ атакѣ, успѣшно отступила. Вскорѣ послѣ занятія редута подошли двѣ роты третьяго пионернаго батальона, и занялись вооруженіемъ редута для защиты нашей переправы и отраженія дальнѣйшаго непріятельскаго покушенія. Послѣ того высаженные на непріятельскій берегъ войска устремились впередъ, и прошли по всему ряду непріятельскихъ укрѣпленій. Устрашенные быстрою и смѣлою движеніемъ, Турки оставили свои батареи, бросили артиллерію и убѣжали въ лагерь на высотахъ своей позиціи.

«Войска наши продолжали переправляться. Вся девятая дивизія, двѣ бригады седьмой пѣхотной, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ушакова, и часть осмой пѣхотной дивизіи, быстро перевезены были на правый берегъ. Съ ними перѣхалъ командиръ третьяго корпуса генералъ Рудзевичъ, кончившій переправу занятіемъ всей высоты праваго дунайскаго берега.

«Государь Императоръ переправился черезъ Дунай въ лодкѣ. Гребцами были недавно подчинившіеся Запорожцы, а рулемъ управлялъ атаманъ ихъ, Гладкой, пожалованный въ полковники русскою службою. Послѣ обозрѣнія праваго берега, Государь Императоръ возвратился назадъ.

«Успѣшное сосредоточеніе значительной части войскъ на правомъ берегу, заставило Турковъ оставить лагерь свой и искать спасенія въ бѣгствѣ по дорогамъ на Тульчу, Бабадагъ и Исакчу. Такимъ образомъ въ нѣсколько часовъ, днемъ, была совершена достопамятная переправа черезъ Дунай.

«Немедленно обложили Исакчу, и другія ближайшія крѣпости. Исакча пала мая тридцатаго. Армія готова была вступить въ пустынные страны Бугаріи. Далеко

важное значение край, съ его скуднымъ промысломъ, укрывается обыкновенно отъ нашествія неприятелей въ леса и горы. Арміи невозможно одинъ сутки продержаться въ голыхъ степяхъ болгарскихъ, если она не везетъ за собою всего нужнаго для ея существованія, начиная съ сухарей на ежедневную солдатскую долю до угля на подковку лошади. Такое обстоятельство дѣлало необходимымъ приобретение черноморскихъ гаваней, открывшихъ свободное сообщеніе съ южными южными портами, откуда войска должны были снабжаться не только снарядами и другими потребностями, но и продовольствіемъ. Портъ при Кюстенджи обращалъ въ этомъ отношеніи особенное вниманіе. Потому для направленія главныхъ къ Балканамъ дѣйствій избранъ былъ путь вблизи моря лежащій. Главными точками операционной линіи назначены на первый разъ Бабадагъ и Карасу.

«Генералъ-лейтенантъ Ридигеръ, заѣвъ іюня перваго Бабадагъ, гдѣ почти не встрѣтилъ сопротивленія, обратился къ крѣпости Кюстенджи и обложилъ ее іюня четвертаго. Почти въ то же время обложены крѣпости Тулча, Гирсова и Мачинъ отрядами генераловъ Ушакова, князя Мадатова и полковника Роговскаго. Главныя силы корпуса генерала Рудзевича, при которомъ находилась Государь Императоръ съ своею главною квартирою и главною квартирою арміи, выступивъ іюня третьяго изъ лагеря при Бабадагъ, продолжали движеніе черезъ Бейдаулъ и Тахаулъ къ Траянову валу. У вѣстовъ котораго остановились іюня шестаго, при озерѣ Карасу, нѣтъ эти озера передъ фронтомъ позиціи.

При первомъ движеніи арміи за Дунай обнаружилось въ полной мѣрѣ затрудненіе, какія надлежало преодолевать въ Булгаріи. Около пятидесяти верстъ шли войска мѣзгомъ степнымъ, и впереди ихъ выступ

шли на необозримыя степи, гдѣ на разстояніи семидесяти-пяти верстъ весьма рѣдко встрѣчались ручьи, фонтаны, или колодцы. Чрезмѣрная глубина колодезей, иногда до пятидесяти и семидесяти сажень, часто не позволяла удовлетворять ими общей потребности. Турки завалили кромѣ-того многіе трупамн животныихъ и мышками съ мыломъ, такъ, что для добыванія воды надлежало съ большимъ трудомъ очищать колодезь, а иногда и вовсе оставлять безъ употребленія, по невозможности въ скоромъ времени сдѣлать годнымъ.

«Государь Императоръ наравнѣ со всеми раздѣлялъ труды похода и неудобства помѣщенія въ палаткахъ. Въ переходы, отъ двадцати до двадцати-пяти верстъ и болѣе, онъ дѣлалъ верхомъ, впереди войскъ, не смотря на зной солнечный, а иногда проливной дождь. Солдаты забывали свои нужды, свою усталость, и весело и бодро шли впередъ, глядя на Царя.

«Достигнувъ Карасу, армія не могла продолжать движенія. Отдѣленіе значительныхъ силъ для покоренія крѣпостей въ тылу, ослабило главный корпусъ. Нельзя было удалиться отъ Траянова вала съ четырьмя бригадами, оставшимися на лицо. Войска остановились на позиціи при Карасу, дожидаясь постепеннаго присоединенія отрядовъ и прибытія далеко отставшихъ подвозовъ съ съѣстными припасами. На другой день по занятіи главной арміею позиціи при Карасу, Государь Императоръ получилъ извѣстіе о покореніи Браилова.»

Браиловъ сдался іюня седьмого, послѣ сильнаго бомбардированія и приступа. Наканунъ сдался Мачинъ; іюня одиннадцатаго сдалась Гирсова, іюня двенадцатого занята Кюстенджинъ, іюня осемнадцатаго Тулча. Наканунъ, другіе русскіе бѣглецы, и также до того непримиримые враги Россіи, остатки Некрасовскихъ казаковъ, вогорились добровольно Россіи.

Обезпечивъ тылъ арміи, двинувши въ подкрѣпленіе дѣйствующей арміи корпусъ князя Щербатова, изъ сорока тысячъ человекъ состоявшій, узнали, что непріятель сосредоточивается въ Шумль, и получивъ тогда вѣдѣствіе о взятіи Анавы, въ ожиданіи прибытія оттуда флота къ Варнѣ, іюня двадцать-четвертаго армія выступила изъ Карасу.

Анава, мѣсто сообщенія Турковъ съ Кавказомъ, была защищаемая горами, приведшими на помощь къ ней. Особенно упоренъ былъ бой съ ними мая двадцать-седьмого, Русскіе карен выдержали всѣ губительныя атаки черкесскихъ наводниковъ. Защитники Анавы не носились дожидаться штурма, и сдались, іюня двѣнадцатаго. Весь осадный корпусъ нашъ составлялъ не болѣе шести тысячъ, долженъ былъ сражаться съ горами, осаждать крѣпость, и занимать обширное пространство на палимой зноемъ, безлѣсной долинь приморской.

Де осьмага іюля продолжался походъ главной арміи къ Шумль. Непріятель сражался съ нами подъ Базарджикомъ. Недостатокъ воды былъ однимъ изъ главныхъ препятствій похода. Все кругомъ являлось пусто и было разорено непріателемъ. Іюля четвертаго заняли Праводы, самое отдаленное мѣсто на пути изъ Шумлы въ Варну — ключъ Балкановъ. Защитники Шумлы хотѣли сражаться при Буланлыкѣ, но вскорѣ уступили послѣ жаркаго боя. Стройность движеній нашихъ войскъ дѣлала это сраженіе похожимъ на маневръ.

Шумла, неприступная по ея положенію среди горъ Балканскихъ, была защищаемая 50,000 Турковъ. Мы и върасполагали брать ее, зная, какъ безуспѣшно отарася взять Шумлу Каменской въ 1810 году. Довольствовались обложеніемъ Шумлы, укрѣпленіемъ блокаднаго войска редутами, и отвлеченіемъ шумлскаго

гарнизону Турковъ отъ помощи Варны. Въ горныхъ ущельяхъ происходили здѣсь битвы жестокия. Наибольшее вниманіе обращалось на Варну.

Крѣпость Варна сооружена при впаденіи Чернаго Моря, у подошвы сѣверной покатости Балкановъ, въ плодородной долине Девно. Она находится въ четырехъ—стахъ слишкомъ верстахъ отъ Цариграда, и въ семидесяти отъ Шумлы. Съ южной стороны окружаютъ Варну низменная поросль, идущая съ половиною версты разстоянія отъ отроговъ Балкановъ, пролитая въ разныхъ направленіяхъ многочисленными рукавами озера Девно. Принимая въ себя разные горные потоки и воды, изъ которыхъ замѣчательнѣе всѣхъ рѣчка Правды, начинающая начало на шумльско-й равнинѣ за симетрійскою дорогою, озеро Девно, обращается близъ селенія Гибеджи въ шестидесяти верстахъ отъ Варны, и оканчивается подъ выстрѣлами крѣпости, въ сорока саженьяхъ отъ нея. Здѣсь выводитъ начало рѣчка Варна, шириною въ двадцать сажень, протекающая подъ стѣнами крѣпостнаго вала и соединяющаяся озеро Девно съ моремъ. На рѣкѣ Варнѣ устроены мельницы и хорошій каменный мостъ. Съ восточной стороны стѣны Варны омывается залливъ Чернаго Моря, ограничивающійся съ сѣвера мысомъ Гордовымъ, а съ юга мысомъ Галатомъ; между ними, по прямой линіи, стѣнается до шести верстъ. Берега задвигиве высоки, круты, и большіе корабли могутъ пристаать только въ Саконькиной бухтѣ, находящейся въ двухъ верстахъ отъ мыса Гордовы. Такимъ образомъ съ южной и восточной сторонъ Варна совершенно ограждена стѣною мѣстности. Варійскій рейдъ, закрытый отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ, самыхъ бурныхъ на Черномъ Морѣ, при хорошемъ грунтѣ и глубинѣ до десяти саженей, можетъ считаться удобною гаванью въ лѣтнее время, но совершенно открытъ вѣсточными и сѣверо-

восточнымъ вътрамъ, оиъ не безопасенъ зимою. Лучшее зимное мѣсто для флота находится у сѣвернаго берега между крѣпостью и Саханлыкомъ. Линейные корабли могутъ подходить къ Варнѣ не ближе четырехъ-сотъ-пятидесяти сажень, гдѣ глубина вездѣ до осьми сажень, но далѣе она уменьшается до шести сажень. По причинѣ отмели, идущей отъ крѣпости на югъ, болѣе нежели на триста сажень, самый замокъ крѣпости можетъ быть атакованъ только фрегатами; на разстояннн неопредѣленномъ.

«Съ сѣверной стороны окрестности Варны покрыты на ружейный выстрѣлъ отъ крѣпостнаго рва, виноградниками и лѣсомъ фруктовыхъ деревьевъ. Начиная отъ гласиса, мѣстность нечувствительно и постепенно повышается до крутыхъ и высокихъ горъ, ограничивающихъ варнскую долину съ сѣвера и отстоящихъ отъ крѣпости на три и четыре версты. Съ западной стороны мѣстность открыта. Отъ крѣпостнаго рва тянутся волнистые, возвышенные бугры, кряжа нѣсколько каменистаго, на триста сажень разстояннѣмъ по шумльской дорогѣ и по направленію къ озеру Девио, а далѣе начинается мелкій кустарникъ, покрывающій долину на нѣсколько верстѣ. И такъ вся крѣпость лежитъ на покатости, имѣющей наклонность отъ сѣверо-запада къ юго-востоку.

«Изъ Варны идутъ четыре главные дороги: на сѣверъ въ Балчикъ, на сѣверъ въ Каварну, на западъ въ Шумлу и на югъ въ Царьградъ. Есть еще три дороги, къ лиману, къ мельницамъ на рѣчкѣ Варнѣ и къ южному берегу моря на пристань.

«Воды въ крѣпости изобильно. Она получается изъ рѣчки Варны и множества колодезей и фонтановъ, имѣющихъ источники въ горахъ съ сѣверной стороны и проведенныхъ въ городъ подземными трубами. Крѣпость въ окружности четыре съ половиною вер-

сты. Изъ нихъ полторы версты занимаетъ приморская и южная часть, до двухъ верстъ сѣверная и версту западная, незастроенная и образующая внутри крѣпости площадь, величиною въ половину квадратной версты, обращенную жителями въ кладбище. Строенія наиболее деревянныя, въ два этажа, на каменныхъ фундаментахъ. Церквей въ Варнѣ было три, но во время послѣдней осады одна, весьма древняя, разрушена. Мечетей десять, изъ нихъ одна по покореніи крѣпости была обращена въ церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Всѣ эти строенія каменные и въ постройкѣ церквей видна архитектура византийская. Населеніе города простиралось до одиннадцати тысячъ человекъ; изъ нихъ было до четырехъ тысячъ христіанъ, болѣею частію Грековъ. Жители Варны занимались особенно садоводствомъ, отчасти земледѣіемъ, незначительною торговлею съ Царьградомъ и ремеслами для собственнаго обиходу. Гражданское и военное управленіе въ мирное время ввѣрялось двухъ-бунчужному пашѣ, или меримирану, а судебное муллѣ. Кроме-того Варна была мѣстомъ пребыванія епископа греческаго исповѣданія.

«Въ послѣднее время Варна сдѣлалась примѣчательною, какъ крѣпость, составляющая важный оборонительный пунктъ Оттоманской Имперіи, для прикрытія одной изъ главныхъ дорогъ черезъ Балканы къ Царьграду. Укрѣпленія ея въ 1828 году состояли изъ главнаго вала, длиною, считая по изгибамъ, до семи верстъ, съ четырнадцатью небольшими земляными бастіонами, и одного мостоваго укрѣпленія, прикрывавшаго каменный мостъ черезъ рѣчку Варну по царьградской дорогѣ. Почти всѣ бастіоны имѣли по одиннадцати орудій, расположенныхъ по три на фасахъ, и по одному на флангахъ и въ плечныхъ углахъ. Только одинъ приморскій бастіонъ, съ сѣверной стороны, имѣлъ семнадцать

орудій, изъ которыхъ одиннадцать обращено было къ морю; мостовое укрѣпленіе имѣло также семнадцать орудій. Куртины, служившія для соединенія между собою бастіоновъ, были длиною въ сорокъ, семьдесятъ, сто и до ста-тридцати сажень, и назначены собственно для ружейной обороны. Отъ морскаго берега, по северной и западной сторонамъ, крѣпость была обведена ровомъ, а по берегу моря и по рѣчкѣ Варны обнесена стѣною съ валомъ и бастіонами. Ровъ вообще былъ глубиною въ двѣ сажени, но съ северной стороны, начиная отъ перваго (приморскаго) до третьяго бастіона, промытый стокомъ воды, образовалъ кюветъ, глубиною, вмѣстѣ со ровомъ, до шести сажень. Ширина рва была весьма не равная, уменьшаясь по мѣстности отъ трехъ до четырнадцати сажень, но къ сторонѣ промытой водою была она отъ осмнадцати до двадцати-деяти сажень. Контръ-эскарпъ былъ выложенъ тесаннымъ камнемъ весьма чисто и прочно; наружныя крутости бастіоновъ и щеки амбразуръ крѣпко были одѣты плетнемъ; внутренняя крутость обложена толстыми дубовыми бруслами, а брустверъ куртинъ обставленъ безъ всякаго промежутка толстымъ, отесаннымъ дубовымъ палисадомъ. Концы палисада, превышая гребень бруствера, хорошо прикрывали стрѣлковъ. Крѣпостной валъ былъ умѣренной высоты.

«Въ крѣпости, за главнымъ валомъ, ближе къ морю, находилась старинная цитадель, состоявшая изъ двѣнадцати четырехъ-угольныхъ башенъ и высокихъ каменныхъ стѣнъ съ бойницами. Въ ней находился арсеналъ, составлявшій другую большую цитадель, весьма удобную для ружейной защиты.

«Укрѣпленій Варны нельзя было назвать превосходными въ европейскомъ смыслѣ, но Турки основываютъ защиту мѣстъ не на качествахъ укрѣпленій, но на

нужности селенъ. Препаранъ: плакивалъ; они забива-
ютъ каждый шагъ земли отчаянно и находятъ себе
оборону въ каждомъ камнѣ, въ каждомъ брѣвнѣ разро-
шенныхъ укреплений. Осада турецкихъ крепостей дѣла-
ется совершенно начинается тамъ, гдѣ Европейцы обыкно-
венно полагаютъ ее нестерпимою, и съ преступленіемъ на
крѣпостной валъ лишь воспримается отчаяннымъ храбро-
стью мусульманъ. Несправедливо однако жъ считатьъ
Турковъ совершенными помыслами въ военномъ дѣлѣ.
Послѣ перваго появленія неприятельскихъ войскъ, они обыкновенно
своими наружными полковыми укреплениями окружаютъ, за-
бывая часть крѣпости; и пользуясь буграми, холмами,
или на нихъ баггарами, ихъ которыхъ, вместе съ крѣпост-
ными бастіонами, обстрѣливали всю высоту на де-
сятки разстояніе; а для лучшей обороны этихъ укрепле-
ній стали подъ защитой ихъ лагеремъ вѣтъ крѣпости.
На высоту, по дорогѣ изъ турецкихъ воротъ въ Ма-
варну, черезъ деревню Франки, на Болгарскія версты отъ
крѣпости, они укрѣплялись редутомъ. Остаточная, турец-
кая сторона крѣпости къ морю осталась безъ какихъ-либо
укреплений, потому что Турки, вероятно, ожидали ата-
ки съ западной стороны. Впоследствии, когда въ 1828
году началъ парализоваться, обнесли они и эту часть крѣпо-
сти контръ-апрошами и лабиринтомъ земляныхъ вѣтъ, со-
ставляя на нихъ ихъ постоенно, по всей упорной вышине,
покрывая ихъ грудями еловыхъ урубовъ; и всегда воз-
сѣлъ атака въ штыки.

«Основаніе Варны относится къ глубокой древности.
Древніе географы помѣщаютъ въ окрестностяхъ турец-
каго города Одессосъ. Въ началѣ основана Восточной
имперіи дѣлается здѣсь известнымъ городъ подъ
названіемъ Діонисіополя, а потомъ Варны. Подъ именемъ
Варны во времена Византической Имперіи означалъ это
внѣшнее императоровъ, какъ одинъ изъ главныхъ воен-
но-рыболовныхъ пунктовъ имперіи. Находясь недалеко отъ

Марашского) и (развалины неготорого замка около селенія Диме, при заливѣ, или лиманѣ на югъ отъ Варны), блѣднѣго сборища мѣстомъ императорскихъ войскъ при отступленіи нѣкестній варваровъ съ сѣвера, Варна служила въ базисной выгрузкѣ и сохраненію военныя принадлежностей, отправляемыхъ водою изъ Царграда.

Впродолженіи почти шести вѣковъ борьбы византийскихъ императоровъ съ болгарскими царями, Варна не разъ встречается въ исторіи. Турки, утвердивъ свое владычество въ Европѣ, и ославивъ Булгарію, содѣлали Варну однимъ изъ своихъ крымскихъ мѣстъ защиты. Окрестности ея знамениты побѣдою, одержанною ноября десятаго 1444 года, султаномъ Амуратомъ надъ юнымъ Владиславомъ Третьимъ, королемъ поляковъ и венгерскимъ. Владиславъ палъ на полѣ битвы.

Наваринская битва, потребовавшая до войны 1828 года турецкій флотъ, чрезъ неоглашаннаго превосходства нашихъ морскихъ черноморскихъ силъ, доставила намъ побѣду на Черномъ Морѣ владычества. Армія удобна могла получить продовольствіе и безъ потребности, обладая моремъ. Можно было въ портовыхъ городахъ эшелонами устроить госпитали и разные склады. Оперативная линія была избрана по распоряженію отъ Истамбула чрезъ Варну, иако потому, что иако основаніемъ южной Дунай, гдѣ устроены были крепости и склады военныхъ снарядовъ, такъ и по удобству береговой дороги для движенія арміи, преимущественно передъ другими путями, а именно чрезъ Балкану. Варна, являясь предъ нами извѣстнаго флотской операционной линіи, обращала на себя главное дѣйствіе русской арміи и усилія Турковъ изъ сѣверной части того года, которая своимъ складомъ принадлежала въ военныя событія между южной линіей.

«Варна поручена была защитѣ вѣнгра Саросандар, Юсуфъ-паша, одного изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ султана Махмуда въ преобразованіи Оттомановъ. Помощникомъ ему былъ избранъ любимецъ султана, князь Ицетъ-Могаммедъ, человекъ жестокосердый и одаренный сильною волею при безпредѣльной преданности къ своему государю».

Первоначальное обложеніе Варны произведено было небольшимъ отрядомъ графа Сухтелена, который пошелъ сюда изъ Базарджика, и тринадцатаго іюня явился надъ Варною. До шестаго іюля, когда пришелъ въ подкрѣпленіе къ нему отрядъ генераль-маіора Ушакова, принуждены были непрерывно отражать вылазки осаждаемыхъ, сражаясь по двѣнадцати часозъ въ сутки, и потерявъ въ шесть дней до шести-сотъ-пятидесяти-оцки человекъ, убитыми и ранеными. Битвы продолжались и послѣ того упорно. Въ половинѣ іюля обложили Варну съ моря, флотомъ, прибывшимъ отъ Анапы. Іюля двадцать-перваго главная армія двинулась отъ Шумлы, оставя тамъ наблюдательный корпусъ, подъ начальствомъ фельдмаршала, графа Витгенштейна. Съ двадцатаго іюля, князь Меншиковъ принялъ начальство надъ осадю Варны. Августа девятаго тамъ же рана заставила его передать обязанность графу М. С. Воронцову. Въ концѣ августа сблизился къ Варнѣ гвардейскій корпусъ. Августа двадцать-седьмаго Государь Императоръ прибылъ изъ Одессы, куда отправлялся на время, и учредилъ свое местопребываніе на дорабль Парижъ.

Однимъ изъ замѣчательныхъ событій въ осадѣ Варны было прибытіе корпуса паша Омаръ-Вриено, усердное стараніе его подать пособіе осаждаемымъ, и битвы съ нимъ отдѣльныхъ отрядовъ генерала Бистраца и принца Евгенія Виртенбергскаго, при Галии-Гассиди, Ларъ и Куртепъ. Мужество Русскихъ осаждаемыхъ

Осаду Вроне. Въ бездѣйствіи видѣль оны бадотвію Варны, стѣсненной осадю. Но Варна не сдавалась. Тщешно предлагая неприятелю пощаду, мы рѣшились наконецъ испытать приступъ. Онъ произведенъ былъ на одинъ изъ бастіоновъ крѣпости.

«Сентября двадцать-четвертаго, вечеромъ, распоряженія къ штурму бастіона были кончены. Охотники, въ числѣ 110 человекъ, вызванные изъ тринадцатаго и четырнадцатаго егерскихъ полковъ, и изъ черноморскаго флота, ожидали съ полуночи въ крѣпостномъ рву сигнала къ атакѣ. Другія войска, назначенныя участвовать въ штурмъ, размыщены были въ ближайшихъ къ бастіону траншеяхъ. Охотниками командовали: егерями тринадцатаго егерскаго полка подпоручикъ Злотницкій, а четырнадцатаго полка подпоручикъ Тихменевъ. Оба они состояли подъ начальствомъ капитана тринадцатаго егерскаго полка Докудовскаго. Матросами командовалъ флота лейтенантъ Зайцевскій. Командиру первой карабинерной роты тринадцатаго егерскаго полка, штабсъ-капитану, барону Трейдену приказано итти, со ввѣренною ему ротою (сто сорокъ человекъ) за охотниками, служба имъ ближайшимъ резервомъ. Вслѣдъ за этою ротою должны были итти сто пятьдесятъ человекъ рабочихъ, съ турами и фашинами, половина пионеровъ, половина матросовъ, подъ начальствомъ подполковника Бурмейстера, а потомъ вторая гренадерская рота лейбъ-гвардіи измайловскаго полка (двѣсти двадцать человекъ), подъ командою капитана, барона Штадлерга. Всѣ различныя части отряда, состоявшаго изъ шестидесяти-двухъ ротъ, поручены были въ распоряженіе тринадцатаго егерскаго полка подполковника Лисецкаго. Въ резервъ назначено; кромѣ занимавшихъ траншеи, рота тринадцатаго егерскаго полка лейбъ-гвардіи измайловскаго полковъ

(составлявшихъ десять ротъ), и первой (составившейъ левый флангъ) полка (составившейъ восемь ротъ), всего высяча шестьдесятъ человекъ. Резервомъ командовалъ елигалъ-адъютантъ, полковникъ, князь Лебновъ-Ростовскій.

«Передъ разсвѣтомъ обыкновенно утихала ружейная перестрѣлка. Утомленные продолжительною осадой, Турки предавались въ то время сну, и съ нашей стороны только неутомимою дѣятельностью начальниковъ сохранялась бдительность солдатъ, занимавшихъ осадныя работы. Артиллеристы обѣихъ сторонъ, и нѣдѣ бомбардирскія лодки, стоявшія на якорѣ въ значительномъ разстояніи отъ крѣпости, метали нрзвдн бомбы большаго размѣру; оглушающимъ трескомъ прррывали онѣ ночное безмолвіе.

«Приготовленія къ штурму производились въ рррчайшей тишинѣ. Охотники, среди глубокаго мраку, осторожно взосли по изрытому ядрами и минами бастиону и ждали сигнальной ракеты. Ровно въ пять часовъ утра, по прибытіи графа Воронцова въ траншею, ракета влетѣла на воздухъ и все ожило въ траншеяхъ. Батареи наши, возвысивъ орудія, открыли неутомимый огонь. Охотники, безъ выстрѣлу, бросившись на верхъ бастиона, перекололи турецкое прикрытіе, встрѣтившее ихъ залпомъ и распространяя страхъ въ гарнизонъ, съ крикомъ ура, разсѣялись по крѣпости. Лейтенантъ Зайцевскій разсыпалъ цѣпь по развалинамъ, и зажегъ впереди находившіяся дома, занятые Турками. Подполковникъ Бурмейстеръ, ведя за собой, взоселъ съ рабочими и заложилъ дощечки въ перашейкѣ бастиона. Непріятель успѣлъ уже перекопать его небольшимъ рвомъ, за которымъ находились шесть орудій, и кромѣ-того еще пять, нѣсколько двавъ въ улицу, направленные также на бастионъ. Но перашейкѣ быстрое Турки не успѣли даже заложить дощечки.

нѣ мнѣмъ застрѣлѣть. Подполковникъ Вурмейстеръ началъ ломаться почти до половины, когда подполковникъ Лисецкій, начальствовавшій экспедиціею, была смертельно ранена и отрядъ остался безъ главнаго начальника. Князь Лобановъ, услышавъ первое ура нашихъ солдатъ, и узнавъ притокомъ о потерѣ Лисецкаго, пошелъ на баціонъ и принялъ начальство надъ всеми штурмующими войсками.

«Увлекаемый храбростію, охотники ни сколько не думали о томъ, слѣдуетъ ли за ними подкрѣпленіе. Горсть удайцовъ проникла до самой середины крѣпости; отважнѣйшіе тотчасъ овладѣли четырьмя мѣртирами, стоявшими за валомъ, но по неимѣнію гвоздей не могли заколотить ихъ; остальные рассыпались по разнымъ направленіямъ. Отрванные наступавшимъ на ихъ гарнизономъ отъ своихъ резервовъ, многіе проложили обратный путь штыками среди многочисленнаго непріятеля, вскочили черезъ валъ и амбразуры ближайшихъ баціоновъ въ крѣпостной ровъ и достигли въ маломъ числѣ нашихъ траншей. Къ нимъ присоединилась съ самаго начала штурма бѣльшая часть шестой роты четырнадцатаго егерскаго полка, при овладѣніи турецкими окоцами лишившаяся своего ротнаго командира. Оставшись безъ начальника, она бросилась по брѣни въ крѣпость на помощь товарищамъ. Изъ другихъ, первая карабинерная рота тринадцатаго полка быстро двинулась впередъ за охотниками, принимая правый флангомъ къ куртінѣ, соединявшей угловой баціонъ съ вторымъ отъ моря баціономъ, и остановилась недалеко отъ него очистивъ все пространство отъ непріятеля, отступившаго въ безпорядкѣ. Подъ прикрытіемъ роты лейбъ-гвардіи измайловскаго полка, и роты тринадцатаго егерскаго, оставшихся въ резервъ, производилась работа нашихъ пионеровъ. Дѣйствіемъ и бойковерно скоро вырыли они довольно

глубокий ровъ, отрававший бастионъ отъ штурма и начали обставлять его турами. Несколько станионъ ракетной роты бросали конгревовы ракеты во штурръ Варны. Одно легкое орудіе седьмой артиллерійской бригады всталили по развѣщенной бреші на валъ.

«Увлеченный до начала штурма фальшивою дѣткою полковъ могилевскаго и герцога Веллингтона со стороны лимана къ западной части крѣпости, турецкій гарнизонъ замѣтилъ свою ошибку, обратился всѣми силами противъ занятаго нами, еще съ небольшою потерю, бастиона, отгѣснилъ первую карабинерную роту тринадцатаго полка, и осѣняя бастионъ пулями, оустошалъ ряды резервовъ, прикрывавшихъ работы. Въ короткое время наши роты понесли большой уронъ. Храбро сопротивлялись онъ натиску Турковъ, къ сколько разъ бросались въ штыки и отгѣснили неприятеля, но должны были наконецъ уступить превосходству силъ, и были отброшены къ прежде занимаемой позиціи.

«Въ подкрѣпленіе имъ послана первая рота лейбъ-гвардіи измайловскаго полка, находившаяся у приморской баттарей въ резервъ, подъ начальствомъ капитана Эссена. Она бросилась на бастионъ, подкрѣпила вторую гренадерскую роту (повесившую значительную потерю въ людяхъ, и лишившуюся всѣхъ офицеровъ и большей части унтеръ-офицеровъ) и возстановила не на долго равенство боя. Того же полка вторая рота, приведенная между-тѣмъ отъ редута № 7-го, заступила мѣсто первой роты въ резервъ. Получивъ приказаніе, она двинулась на бастионъ подъ командою штабсъ-капитана Плаутина. Занявъ начатой здѣсь ложементъ и раздѣляя подвиги двухъ первыхъ ротъ измайловскаго полка, возвратившихся въ бастионъ, она способствовала имъ отражать многократныя покушенія неприятеля овладѣть бастиономъ.

«Къ сожалѣнію, большая часть штабъ и оберъ-офицеровъ

раны были убиты или ранены. Подполковникъ Лисовскій смертельно раненъ; полковники лейбъ-гвардіи князь-лесского полка Корниловъ и Титовъ, капитанъ Дессоъ и Штадальбергъ ранены еще при началѣ дѣйствія. Оставшися старшиимъ, штабсъ-капитанъ Плаутичъ удерживалъ около часу натискъ непріятеля, давая время рабочимъ кончить мачетой или ломомъ. Но упрямство не могло быть продолжительно. Безпрерывно умножавшійся непріятель тѣснилъ насъ со всехъ сторонъ, и гибельнымъ ружейнымъ огнемъ распространялъ смерть въ рядахъ. Твердо стояли они, и ничто не могло заставить ихъ уступить взятаго ими бастіона, когда и на правомъ флангѣ, бланъ лимана, охотники ижевскаго и лейбъ-гвардіи семесловскаго полковъ бросились на ломомъ, впереди находившіяся, вытѣснили Турковъ и овладѣли ломомъ. Тогда послѣдовало приказаніе отступить. Войска оставили бастіонъ, потерявъ убитыми четырехъ офицеровъ, двѣдцать семь нижнихъ чиновъ, ранеными шестнадцать офицеровъ и двѣсти сорокъ семь нижнихъ чиновъ. Непріятель, остановленный на брешахъ картечью, не дернулъ преслѣдовать далѣе въ траншею, довольствуясь возвращеніемъ бастіона.

«Хотя мы и оставили бастіонъ, но цѣль нтурма была достигнута. Турки убѣдились, что стѣны крѣпости не могутъ болѣе служить имъ защитой отъ насъ, когда съ малымъ числомъ войска овладѣли мы бастіономъ, и сдѣланный два часа держался въ насъ противъ усилій всего гарнизона. Она увидѣли немощь, что отворяя продолженіе о сдѣчь, подвергнуть неминуемому бедствію себя и нѣсколько тысячъ жителей.

Сентября двадцать-дсмаго сдалась Варна, доведи на дѣль не подорванная. «Смерть Владислава отиисралъ сивалъ Государь Императоръ, возмная въ крѣпость. Вотъ нѣсколько оригинальныхъ подробностей сдѣчи:

изумляли простота обращенія, приветливость съ ними и вниманіе къ нимъ:

«Вскорѣ явился Юссуфъ-паша Сересскій, съ своею свитою. Разноцвѣтныя шубы, чалмы, конскіе уборы съ кистями и погремушками, и безпорядокъ пестрой толпы, все вмѣстѣ составляло разительную противоположность съ нашими войсками. Юссуфъ-паша объѣхалъ ряды Турковъ и приказалъ имъ сложить оружіе. Горесть, изобразившаяся на лицахъ Турковъ, и даже слезы, навернувшіяся на глазахъ многихъ изъ нихъ, показывали, какъ тягостно было имъ разстаться съ своимъ драгоценнымъ оружіемъ, но они повиновались безпрекословно.

«Сложивъ оружіе, войско Юссуфъ-паши прошло мимо нашихъ войскъ, и здѣсь обнаружилось въ какой степени Турки истощили усилія для обороны крѣпости, считаемой ими щитомъ Царьграда: всѣ они были изнурены голодомъ и болѣзнями; нѣкоторые едва держались на измученныхъ лошадяхъ и мулахъ, и не походили болѣе на смѣлыхъ турецкихъ наѣзтниковъ. Красивыя и гордыя лошади, питомицы степей аравійскихъ, едва передвигали ноги. Жадно вырывали они корни виноградныхъ дозъ и ѣли дубовыя жолуди. Зажѣтивъ состраданіе наше, плѣнные обращались къ намъ толпами—одни просили хлѣба, другіе воды. Мы наперерывъ старались помогать имъ, сколько позволяли наши собственныя средства. Удовлетворить всѣхъ было невозможно, почему начальники войскъ рѣшились распорядиться о выдачѣ имъ фуража и провіанту, заготовленнаго въ лагерь графа Воронцова. Надобно было для того, знать число Турковъ. Собрали старшинъ турецкихъ, называемыхъ агами, и отправили съ ними офицера и переводчика въ палатку Юссуф-пашы.

«Долго разсуждая, избранный султаномъ въ защитни-

ки оплота царьградскаго, при входѣ въ ставку его русскаго офицера сидѣлъ на простомъ коврѣ, длинный, безъ сабли. На немъ была одежда турецкаго регулярнаго войска: красная феска, коричневые шальвары, куртка безъ шитья; сверхъ всего накинута была лисья шуба, крытая зеленымъ бархатомъ. Его не окружала толпа раболѣпныхъ слугъ, и только два старые воина, помня прежнюю неограниченную власть Юссуфа, сидѣли въ некоторомъ отдаленіи, молча, съ поникшими головами, какъ-будто стыдясь взглянуть на своего бывшаго повелителя. Труды военные, неудачи, и можетъ-быть, страхъ гнѣву султанскаго, потеря несметныхъ сокровищъ, даже самой чести, по понятіямъ объ ней Турковъ, все провело черты глубокой горести на блѣдномъ лицѣ Юссуфа-паши. Переводчикъ объявилъ ему о причинѣ прихода русскаго офицера. Онъ всталъ и ласково спросилъ у офицера: «Въ какомъ онъ чинѣ, гдѣ служить, и что значить серебряный знакъ, надѣтый на груди его?» Потомъ спрашивалъ у переводчика: кто онъ, откуда, и за что получилъ медаль? Наконецъ вышелъ онъ изъ палатки, и переговора съ агами, объявилъ, что секретарь его сдѣлаетъ повѣрку людямъ, и о числѣ ихъ увѣдомитъ. Турковъ, вышедшихъ изъ крѣпости съ Юссуфъ-пашею, оказалось, по собственному счету ихъ, немного болѣе шести тысячъ человекъ. Все они немедленно были удовлетворены припасами и «уражемъ».

Во все время варнской осады, фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ, находился въ затруднительномъ положеніи, отражая нападенія непріятеля малыми, оставшимися у него силами, при недостаткѣ продовольствія, болѣзняхъ и гибели лошадей.

Съ паденіемъ Варны наблюдение Шумлы было уже бесполезно. Глубокою осенью русскія войска

обратно за Дунай. Государь Императоръ отправился въ Россію отъ Варны октября втораго, а прибылъ въ Петербургъ четырнадцатаго.

Отдельными дѣлами въ 1828 году, на Дунаѣ были: блокада Силистрии, наблюденіе Журжи, и битвы въ Малой Валахій. Здѣсь блистательнымъ подвигомъ явилась побѣда при Бойлешти генерала Гейсмара, сентября четырнадцатаго.

Мы не будемъ описывать отдельныхъ дѣйствій графа Паскевича въ Азіатской Турціи: они подробно извѣстны. Съ двѣнадцати-тысячнымъ корпусомъ, потому что за охраненіемъ Грузіи болѣе отдѣлить было невозможно, русскій полководецъ, идя непроходимыми путями, угрожаемый чумою, взялъ Карсъ, Ахалкалаки, Ахалцыхъ, разбилъ сильную турецкую армію, занялъ Хертвисъ, Анхуръ, Ардаганъ, Баязетъ, Топрахъ-Калѣ, Діадниъ. «Впродолженіи двадцати-двухъ-лѣтъней, боевой жизни моей,» говорилъ графъ Паскевичъ своимъ войскамъ, «много видалъ я войскъ храбрыхъ, но болѣе васъ мужественныхъ въ сраженіи, болѣе постоянныхъ въ трудахъ—не знаю.»

Войска расположились въ Европейской Турціи на зимнія квартиры. Главная квартира была въ Яссахъ. Отряды заняли Варну, Каварну, Балчикъ, Мангалию, Базарджикъ, Праводы, Девно, Гибеджи, Исакчу, Кюстенджи, Бабадагъ, Тульчу, Краіово, Браиловъ. Гвардейскій корпусъ выступилъ на зимовку въ подольскую губернію. Зимой Турки изъ корпуса Омера-Вриора, нападали на Праводы, но были отбиты. Дѣла кампаніи 1828 года заключились нападеніемъ флота на островъ Святой Анастасіи, въ декабрь мѣсяць. Громы русскіе загремяли въ трехъ-стахъ верстахъ отъ Царьграда. Лѣтомъ они слышны были уже въ девяноста верстахъ отъ султанской столицы: августа осьмнадцатаго вѣста была здѣсь Инада десантомъ съ флота.

«Тѣмъ кончилась кампанія, начата двадцать-пять апрѣля, но собственно только съ перваго юня, или дѣйствительнаго переправы черезъ Дунай. Она продолжалась четыре мѣсяца. Несмотря на губительный климатъ, чуму, неоднократно являвшуюся въ разныхъ мѣстахъ, болѣзни, и всякаго рода лишения, войска наши всюду торжествовали надъ непріателемъ. Въ столь короткое время двѣ важныя крѣпости, *Брайловъ* и *Варна*, по выдержаніи долговременной осады, покорились оружію нашему. Крѣпости *Исакача*, *Тульча*, *Мачинъ*, *Гирсово*, *Кюстанджи*, *Калафатъ* не долго сопротивлялись. Съ другой стороны покорена важная крѣпость *Алашъ*, а въ Малой Азій взято шесть крѣпостей. Занято было нѣсколько укрѣпленныхъ лагерей и замковъ; истреблена дунайская флотилія. Во всѣхъ пятнадцати крѣпостяхъ взято тысяча триста десять брудій, съ множествомъ запасовъ разнаго роду, и около трехъ-сотъ знаменъ и бумчуковъ. Въ пленъ досталось намъ болѣе тридцати тысячъ, въ томъ числѣ семнадцать пашей.»

«Турки вездѣ сражались храбро. Бой съ ними всегда былъ жаркій. Въ четыре мѣсяца мы потеряли убитыми осемь генераловъ, изъ чего можно заключить о кровопролитныхъ встрѣчахъ съ Оттоманами. Пусть безпристрастно сравнятъ всѣ предшествовавшія войны Россіи съ Португою, и тогда увидятъ, что побѣды 1828 года, когда въ четыре мѣсяца войска наши въ Европѣ стали твердою ногою при стѣнной побѣдѣ *Пашандовъ*, а въ Малой Азій отъ береговъ *Тура* до высотъ *Арарата*, можно смело поставить въ число блистательныхъ подвиговъ, какими украсились страницы нашей военной исторіи.»

Такова истинная и безпристрастная картина 1828 года, обезображенная несправедливыми толками иностранцевъ. Здѣсь не мѣсто опровергать эти толки, и мы предоставляемъ себѣ этотъ весьма легкій трудъ

во, выходя второй и последний раз из пера покойнаго Лукьяновича, как изобразить ему: такъ по-благословенно-замыслию 1828 года, приключеніемъ протекшемъ 1829 года — результаты его. Тогда можно было стратегически рассмотреть вообще обрессъ войны съ Турками, какъ положить сколько любопытныхъ данныхъ о ней: какъ сказать на этотъ предметъ Петра Воеводина, Мичурина, Румянцева, Суворова, Баграциона, Канюкова, Кутузова, Витгенштейна, Дибича и Паскевича.

Мы заключимъ благодарностью почтенному господину Лукьяновичу за трудъ его, удостоившійся лестнаго вниманія Государя Императора, и согласнаго ободренія знатоковъ дѣла. Надѣмся, что авторъ «Описанія войны 1828 и 1829 годовъ,» не замедлитъ окончаніемъ своей работы. Изъ сдѣланныхъ нами выписокъ читатели видѣли образъ изложенія автора, по простотѣ и ясности достойный своего предмету. Къ сожалѣнію, предѣлы статьи нашей не позволили намъ выписать множество драгоценныхъ подробностей, описаній мѣстности, военныхъ анекдотовъ, замѣчаній, важныхъ для военнаго человѣка, которыми исполнено сочиненіе господина Лукьяновича. Вслѣдствіе своего особеннаго воззрѣнія, онъ начинаетъ взглядомъ вообще на театръ войны и средства обихъ воюющихъ державъ. При каждомъ замѣчательномъ мѣстѣ, изображая военную топографію его, авторъ коротко излагаетъ для соображенія прежнія, бывшія тамъ военныя дѣйствія, начиная съ похода Румянцева. Всѣ подробности подкрѣпляются оффиціальными ссылками на акты. Въ концѣ книги приложены разные любопытные дипломатическіе документы, и подробныя росписи войскъ. Къ недостаткамъ книги можно бы причесть, помѣщенное въ началѣ, но слишкомъ краткое изложеніе политическихъ и дипломатическихъ сношеній, и вообще событій, предшествовавшихъ Турецкой

Войны, но оправданіемъ автора можетъ-быть то, что онъ обращалъ вниманіе на главный и единственный предметъ свой — самую войну. — Наданіе книги, не только обрѣтено, но даже великолично; планы битвъ и осады отдѣланы мастерски, и, кажется, на русскую языкъ мало донынѣ было столь подробно и тщательно составленныхъ картъ, какъ приложенныя при книгѣ господина Луцкановича двѣ карты театра войны въ Каролинской Турціи.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОШИСЬ.

=

АПРѢЛЬ, 1844.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

СВѢСАЩІИ ЗАМѢЧАНІЯ ГОСПОЖИ ПУРДЮКОВОЙ ЗА ГРАНИЦЮ, ДАТЬ Л'ОТРАЩЕНІЕ. *Италія. Тамбовъ, въ тип. Journal de St. Pétersbourg, 1844, въ-8., стр. 356, съ каршиками.*

«Чтобъ зѣвующій читатель

Не сказалъ: какъ *фигурѣтъ-эль?* —

Чего, Боже, сохрани! —

Знайте же, *кѣ се фини.*»

С'est fini! Конецъ всему глѣнному — и книгѣ — и жизни. *Бѣднѣй Милосерды!*... Не вѣтъ: зачѣмъ же онъ — бѣднѣйшій? Благодарюшійшій въ людей, онъ ставилъ честолюбиво-героическо ниже каламбура, почиталъ первую нотѣю — жить честно благородно; и первымъ долгомъ — смѣяться безпримѣрно надъ всѣмъ — начиная съ самого себя, — кончить веселую книгу, и съ послѣднею шуткою бросилъ перо и жизнь вмѣстѣ, какъ вещь отнынѣ вырѣдь ненужная. Не смутите, прошу васъ, надъ шутками: шутка — самая серьезное дѣло на этомъ свѣтѣ. Все важное, пропадетъ: одна только шутка бессмертна. Что {осталось отъ

всей этой колоссальной Древности? что изъ нея помнить теперь человѣкъ? что повторять? — нѣсколько шутокъ, вотъ и все! нѣсколько остротъ!... И половина ихъ едва-ли удачнѣе тѣхъ, которыя Мятлевъ разсыпалъ въ своихъ произведеніяхъ, особенно въ «Курдюковой», остроумной шуткѣ въ трехъ томахъ, — въ трехъ мгновеніяхъ, — въ одной улыбкѣ. Идея этой шутки чрезвычайно счастлива: рѣдко такія оригинальныя идеи рождаются въ русской словесности, которая всегда находила удобнѣйшимъ жить чужими идеями; и — что ни говорите — «Курдюкова» привнесла Русью какъ національная шутка, какъ родная, въ высшей степени своя острота. «Курдюкова» останется на Руси народнымъ твореніемъ: такъ хорошо въ этой книгѣ схвачена и выражена самая комическая черта нашей повоздашовой образованности. Я не обижу памяти Мятлева истертымъ, изношеннымъ, полнявшимся титуломъ *поэта*. Кому нынче лестно называться «поэтомъ», послѣ такихъ злоупотребленій этого слова и этого званія! послѣ такихъ пошлостей, такихъ сумасбродствъ, какими въ наше время хотѣли восстановить честь поэзии и «самъ» поэта! Нѣтъ, Мятлевъ не былъ поэтомъ: онъ не сочинялъ стиховъ, — онъ импровизировалъ ихъ, — сивалелъ стихами, — шутилъ рифмой, — какъ и должно теперь, въ наше время, — не вѣдалъ вовсе объ аэъ некаждой отлѣлкѣ и презиралъ лѣтъшное краснорѣчіе стиходѣльцевъ. Стихъ таланъ прощается дорядочному человѣку только съ однимъ условіемъ: когда въ стихѣ столько же толку какъ въ чистой прозѣ. Чѣмъ менѣе стихъ напоминаетъ о себѣ, тѣмъ благосклоннѣе къ нему нашъ соврѣменный слушатель. Таковы были Мятлевы ему хотѣлось, чтобы стихъ его носилъ на себѣ отпечатокъ нашего дорядочнаго общества, чтобы у него были хорошия манеры, чтобы онъ былъ *comme il faut*, *comme tout le monde*, какъ проза, какъ все и вся, за исключеніемъ рифмы только одной рифмы, которая сама по себѣ — шутка, пошлота, плохая шутка, страшность, причуда, но зато краснорѣчивая, пошлота, бабка для рождающейся остроты и вѣрная подруга веселости. Мятлевъ воображалъ было даже особенный родъ чтенія стиховъ стиховъ, удивительно оригинальнѣе, почти неподражаемѣе: онъ не читалъ ихъ, не да-

классическая, но надувался; онъ, просто, говорилъ свои стихи; и всегда говорилъ наизусть, беззаботно рассказывалъ въ стихахъ, бесѣдовалъ стихами; вамъ казалось, будто слышите мадамъ Курдюкову въ натурѣ, будто вы сами разговариваете съ нею, находитесь въ русскомъ обществѣ, увлекаетесь его странными говоромъ. Онъ говорилъ этими стихами по цѣлымъ часамъ, и вы никогда не утомлялись нимъ: въ такой степени представляли они вѣрный и, следовательно, весьма удобный скелетъ тону, приему, способу выражаться и понятій нашего образованнаго общества, нашего «слова». Когда Мятловъ кончилъ, вамъ хотѣлось, чтобы онъ продолжалъ. Когда вы, потому, читали его стихи въ памяти, рождалось невольное ощущеніе нашей неловкости: вы чувствовали, что этихъ стихамъ читать нельзя, что на этотъ разъ чтеніе—дѣло ненатуральное, что нѣтъ надо слушать, какъ слушаютъ рассказъ или бесѣду, что ринетесь тутъ шить Мятлова, или ково-нибудь, кто бы говорилъ вамъ этими стихами, какъ говорятъ прозою мадамъ Курдюкова, какъ говорятъ другія наши дамы,—да и чѣмъ грѣша стихи! — какъ съ мы въ подражаніе делаемъ ненатуральное принятное воспитаніе говоримъ нашею естественною прозою. Пурристамъ не нравятся эти стихи француженки съ гамбургскимъ; но равнѣ пурристы—люди оригинальнѣйшіе: равнѣ эти стихи не вамъ понравятся языкъ? равнѣ не вы не мадамъ Курдюковъ? Не пурристамъ исправитъ общество: если что-либо исправить его отъ стиховъ, если чѣмъ-либо будетъ имѣть вліяніе на преобразование у насъ языка, на исправленіе нравъ настояющему русскому языку, токъ это Мятловъ, его «Курдюкова», его блестящая карьера дѣлаетъ образованности и ее «благовоспитанной» бѣднѣ. Не вдумай, не-арийской-вѣри, шифъ «историческая» въ науку, что, въ этомъ отношеніи, вы не исправитъ. токъ языкъ языкъ рождался всегда въ своемъ оригинальнѣйшемъ съ совершеннѣйшемъ; что эта стихи складывается дѣла какъ-то оригинальнѣе литературнѣе языкомъ, «равнѣ унѣ Французскіе» остаются на свѣтѣ! Откуда у меня такіе парки предчувствія? Унѣ! а вижу историческіе парки въ своихъ стихахъ: какъ мы говоримъ по-русски и какъ-то Мятловъ, какъ точно говорятъ и пишутъ «историческіе»

ніе Турки не-турецки, нинѣшніе Персіане по-персидски. Вся ихъ литература—смѣсь, не только словъ, но и цѣльмихъ фразъ, у Персіанъ, персидскихъ съ арабскими, у Турковъ турецкихъ съ арабо-персидскими; и это у нихъ почитается теперь верхомъ изящества. Ни какія усилія пуритановъ не удержали этихъ языковъ отъ направленія, которое дали имъ мѣстное «хорошее общество». Подъ игомъ греческой образованности, латинскій языкъ, в общественный и литературный, представлялъ наконецъ точно такую же смѣсь, несмотря на образцы Цицерона; да и самъ Цицеронъ нѣрѣдко былъ принуждаемъ намѣнить курину, чтобы сообразоваться со вкусомъ общества и привычками своего собственного воспитанія. Въ исторіи вероубавной епикологии, можно набрать до десяти такихъ примѣровъ, изъ числа однихъ только извѣстнѣйшихъ. Но зачѣмъ искать далеко? Вотъ англійскій языкъ: посмотрите, что, изъ числаго саксонскаго языка, сдѣлало хорешее общество, для некотораго втеченія двухъ или трехъ столѣтій французскій языкъ былъ языкомъ образованности, чувства, нѣжности и моды. Правда, есть и примѣры языковъ, освободившихся отъ наноснаго щепню: собственно, всего-на-всѣ есть одинъ только примѣръ, именно, нѣмецкаго языка. Еще вдалѣе какъ при Лейбницѣ, Нѣмцы писали смѣсью нѣмецкаго съ латинскимъ; теперь они загнали ее, и два или три неубытковенные челоуѣда добились даже до искусства писать настоящимъ образомъ по-нѣмци; для прочихъ это искусство еще не существуетъ; освободясь отъ латинскихъ смесей и фразъ, они остаются еще подъ игомъ латинскаго періода. Но почему удалось нѣмецкому языку всвалить наверхъ изъ омута ново-вавилонскаго смѣшенія? Единственно потому что латынь была любимымъ языкомъ однихъ только геллертеровъ, простою модою литературнаго свѣта: хорешее общество чуждалось этой мертвой смѣси; женщины никогда не принимали ея; и хорешее общество, подъ предводительствомъ царикъ своихъ, женщины, одержавши побѣду. Шиллера и Гёте поддержали единственно женщины, языкомъ которыхъ заговорили они, и энтузіазмъ профессоръ заставилъ самыхъ преданныхъ латини профессоръ молчать и замолчать. Следовательно, и это

даже единственный примѣръ освобожденія порабощеннаго языка служить, собственно, подтвержденіемъ общаго закона о конечномъ порабощеніи языковъ вкусомъ и образомъ воспитанія хорошаго общества и о безсиліи оппозиціи со стороны пуристовъ, грамматиковъ, даже образцовыхъ писателей. Миновать ли русскому языку подобной участи? Едва-ли! Если Франція удержитъ за собою еще два столѣтія нынѣшнее вліяніе свое на нашу образованность, на наши нравы и привычки, два послѣдствія, одинаково вѣроятныя, предстоятъ нашей литературѣ: или языкомъ ея сдѣлается языкъ мадамъ Курдюковой, или она вѣкъ не произведетъ ничего истинно примѣчательнаго, оставаясь литературою второстепенною, едва замѣчаемою обществомъ и какъ-бы терпимою только изъ приличія. Мадамъ *de* Курдюковъ разсуждаетъ:

«Виновато... воспитанье
De мадам! Вотъ начертанье:
 Накзустъ *л'истуаръ ромикъ*,
 Твердо, *жюскъ константень*,
 Всей Европы географія,
 По-французски ортографія,
 Крошечка *аритметикъ*,
 Рисованья да.... *мюзикъ!*
 Съ этимъ барышня Тамбова,
 Хотъ къ вѣнцу, совсѣмъ готова:
 А ужъ больше не проси!
 Особливо про *Руси!*...»

Виновато воспитанье женщинъ, спору нѣтъ: но есть ли возможность перемѣнить эту систему воспитанія? Не думаю. Двѣнадцатый годъ не потрясъ его основаній: оно, кажется, навсегда утвердилось на *Руси*.

Третья часть «Сенсаціи госпожи Курдюковой», безспорно, лучшая изъ всѣхъ трехъ: но она вышла уже послѣ см ерти автора, и оттого не совсѣмъ чужда неисправностей, ко торыя вниманіе его удалило бы непремѣнно. Остроумные рисунки Тима придаютъ оригинальному разсказу особенную занимательность. Пойдемъ съ нашею путешественницей въ знаменитую трибуну Флорентинской Галлерей: :

Литературная Аллюзия.

«Воть дошли мы до Трибуны.
Ла Трибуна?... ке се ке се?
Я подумала. И всё
Амксонеры разобрала.
По-напрасну! Не сыскала.
Должно быть, сѣтъ юнѣ шаль, —
Юнѣ часовня, гдѣ намзель
И дѣтя пустять споконно
Можно; все — блатвертѣеише,
Все — величье, все — дѣтати.
Говорить такъ же болѣ смилъ:
Благочестное собранье,
Такъ святое и названье!
Съ этой мыслью я вхожу,
Наумилась, и — гляжу! —
Голая стоитъ Венера,
А при ней два Гладьдѣтера,
Томе каждый безъ штановъ,
Безъ рубашки, и таковъ...
Ну — какъ мать на свѣтъ родила!
Я бы дочку не пустила.
Не пустила бъ и жену,
Мужъ была бы, — антре ну —
Просто такъ, изъ опасенья....
Я боялась бы сравненья!
Видѣ не всякой сюръ д'антискъ
Мужъ скроеиъ: иной старикъ,
Косолапъ; другой — горбатый;
Тотъ — толстякъ, а тотъ — косматый....
Но покуда онъ одинъ, —
Кунидонъ амъ — господишь!
Взялъ жену, я шеголаеть!
Про другихъ жена не знаетъ;
Отъ сунруга безъ ума:
На безлюдн и Бома
Двораникъ! Тутъ Адамчаникъ —
Иники — Русскія — двораники! —
Только слышннн: «Акѣ! ма сѣра!
«Какъ хорошъ Гладьдѣтера!
«То ли мой Егоръ Матвѣичъ?
«Или твой Степанъ Андренчъ? —
«И въ полметки не пойдуть!

«*Se sans des'urody!*» И тутъ —
 Брачную терають вѣру!..
 Мужъ, покудова, Венеру
 Разбираетъ: «*Кемъ жему!*
 Чтò за груди!...» А какъ жему
 Дома вечеромъ увидитъ,
 Сталь равнять, — и изобидитъ!
 Почему же — ла Трибюнкъ
 Назвали? По мнѣ, сем-юнкъ
 Западнѣ!... для брачныхъ узоръ!..
 Вѣрно выдумка Французскъ,
Седюктёрскъ, муръ замѣ
Добрыхъ жемъ фиделитѣ!
 «Двѣ безстыдницы Ваверы
 Де Тицьянъ, ужъ слыше мѣры
 Обнаженныя, висятъ
 На стѣнѣ, и щецъ заглядъ
 Отъ соблазна обороны,
 И находятъ... двѣ мадонны
 Ра-азла! Всѣ черты
 Дивной неба красоты!
 Такъ давимины, благодатны!
 Нитъ какъ-будто напоилтъмъ
 Свѣта козни, зло, разарать
 Обѣ такъ вотъ и глудеть,
 Будто-бы зовуть отъ собеса .
 Въ небеса; и, чистъ душою,
 Взглядеть только кто на мнѣ —
 Пылъ страстей затихнетъ змѣтѣ!»

Доказательство того, что Мятлевъ, при всемъ при-
 страстїи къ самой легкой и пересмѣшливо-шутливой фор-
 тѣ, одаренъ былъ истинно поэтическою душою и сильно
 чувствовалъ прекрасное, служатъ эти свободные, добро-
 вольные, мгновенные переходы его отъ потѣхи, карика-
 туры, шутки, къ трогательному и возвышенному. Какъ
 много описываетъ онъ *уносите* мечты!

«*Me sans mereste*
 Фрѣйхольденъ похлестъ.
 Такъ, по-мнѣ, бывають явнѣи
 Того, кѣмъ на зарѣ домашнѣ.

Видя море, небеса,
 Горы, водопадъ, лѣса,
 Въ часъ волшебный пробужденья
 Богу гимнъ всего творенья
 Въ нихъ читаетъ, и душой
 Повторяетъ гимнъ святой,
 Отъ земнаго отдѣляясь,
 Свѣтлой вѣрой озаряясь.
 И летя въ надзвѣздный міръ,
 Гдѣ — души его кумиръ.
 Такъ бываетъ пьянъ влюбленный
 Тотъ, кто думъ откровенной,
 Всѣмъ надеждамъ, что читалъ,
 Въ первый разъ свободу далъ,
 Въ первый разъ изрекъ признанье,
 И находитъ.... состраданье.....
 Всѣмъ мечтамъ души отвѣтъ.....
 Такъ бываетъ пьянъ поэтъ,
 Увлекался вдохновеньемъ,
 Проникая съ дерзновеньемъ
 Будущихъ времяя туманъ.
 Такъ Христофъ Колумбъ былъ пьянъ,
 Новый Свѣтъ искать пустившись,
 И мечты своей добившись.....
 Дуржуа
 Ниче пьяницы такъ глушы?
 Посмотрите-ка на грушны,
 Что при кабакахъ, у насъ:
 У иныхъ подбитыя глазъ,
 Тотъ кричитъ какъ уторѣлый,
 Тотъ реветъ, а тотъ, несмѣлый,
 Пробирается..... одинъ
 Отратительныя сены!
 А всей этой веремѣи,
 Между нами, кто *фотифъ*?
 Вѣкъ нашъ!.... Слишкомъ *поэтифъ*!

Грустныя предчувствія находилъ на чувствительную и благородную душу Мятлева въ продолженіи этой третьей части столь удачно начатой и такъ хорошо выдержанной шутки. Мысль о смерти пришла ему вдругъ среди Рима, при воспоминаніи о колоссальномъ талантѣ Карла Брюллова

и о дивномъ-дивно предпринятой имъ картинѣ «Осада Пскова».

«Напримѣръ, нашъ Карлъ Брюлловъ!
Здѣсь учился: и какой!
Молодецъ! Его «Успенье»,
Что за чудное творенье!
Что за жизнь, за колоритъ!
Въ композицѣи кель меритъ!
А «Послѣдній день Помпеи»?....
Я не знаю эпопеи,
Чтобъ могла сравниться съ ней
Жаромъ, смѣлостью идей.
Ожидаемъ отъ Брюллова
Мы еще «Осады Пскова».
Ахъ! се мы восроемъ,
Если только доживемъ!....»

Если доживемъ!... Съ тѣмъ поръ какъ онъ вспомнилъ о картинѣ «Осада Пскова», такъ похожей на вѣчность, шутка часто стала ускользать отъ него, черныя мысли, мрачныя предчувствія нерѣдко прогоняли веселость, воображеніемъ начала овладѣвать дума, которая къ грусти—

Нѣ-хотя располагаетъ,
И душа воспоминаетъ
Мрачную, святую даль,
Гдѣ не скорби, не печаль,
Не болѣзни, не ожиданья,
Не тавль безъ окончанья,
Послѣ скуки жизни сей,
Ожидаютъ насъ, людей.....
И помыслишь объ отвѣтѣ —
Нѣ-хотя! На бѣломъ свѣтѣ
Страсти ослѣпляютъ насъ,
Но ихъ нѣтъ въ тотъ грозный часъ,
Гдѣ предстанешь предъ Судьею
Съ обнаженной душою.....
Ме лессонъ лезъодъ пудра!»

Съ мыслью о бесконечной картинѣ, вѣчности, смерти, естественно являлась Мятлеву и мысль о безсмертїи.

«Никому въ томъ нужды нѣтъ,
Да всё хочется въ потомство!»

И сверхътоже. Съ тѣмъ же оригинальнымъ дарованіемъ можно смѣло мечтать о потомствѣ. Мятлевъ не утратитъ въ Руси, какъ глубоко пуристы ни заровютъ его въ забвеніе: онъ, шутя, вонзилъ остріе своего пера въ самое живое мясо нашей образованности, и ни какое разсужденіе не вырветъ его оттуда. Шутка вышла въ ея неизлечимую рану, и мы ввѣкъ будемъ носить ее съ собою. Она — наша народная, какъ и самая рана.

Коммеражн. *Posвящено à ses dames. СПб.-бургъ, въ тип. Ольхина, 1844, въ-12. Съ картинками.*

Одна изъ тѣхъ забавныхъ шалостей, какія десятками изпролизировалъ авторъ «Курдюковой». Многія изъ нихъ даже не записаны, и остались только въ памяти друзей Мятлева. «Коммеражн» надобно читать вмѣстѣ съ картинками Тина. Выглянувъ на живописное олицетвореніе саратовскаго эномена, читатель тотчасъ вспоминаетъ, какъ это—

Изъ глуши, изъ Саратова
 Приѣхалъ эконотъ,
 Рублики, девосятаи
 Карманъ набитъ биткомъ —
 Аллегри, балы, томбоды,
 Рублики, Блазъ и Листъ.....
 Другія наши прихоти.....
 Карманъ и пусть и чистъ!
 И не на что отправиться
 Теперь ему домой!
 И даже шубы не на что
 Кушитъ себѣ зимой!
 Охъ, вѣрно, обанкрутится!
 Какъ жить онъ будетъ такъ?
 Въ казну заподряженнаго
 Не выставитъ никакъ!»

Коммеражн перебираютъ все, отъ вѣтушныхъ гребешковъ до послѣдней безхвостой кометы. Магнетистры, естественно, занимаютъ свое законное мѣсто въ коммеражнѣ. Считъ три картинку. Коммеражн утѣряетъ, блато

• Пришла годовая горюха
 Для нашихъ дентареев!

Животный магнетизмъ полъ ихъ
 Подкапываетъ ровъ.
 Ну, стоить деревенскую
 Лишь бабу усыпить,
 Она сейчасъ пропашетъ вамъ,
 Чѣмъ мазаться, что пить!
 И столько едѣй укъ фокусовъ
 Набывалъ магнетизмъ,
 Что дамы всѣ восторжены:
 Ужасный фанатизмъ!
 Одна изъ нихъ коблится,
 Та испускаетъ стонъ,
 А эта поэтически
 Описываетъ сонъ.....
 Прихалъ тожъ изъ-за моря
 Французъ магнетизёръ.
 Какія штуки строитъ онъ:
 Знаешь что — крикѣшь
 Горбатыя, носолыжъ, лишь
 Онъ за носъ подержалъ:
 Всѣ ноги вдругъ спрямилъ,
 И горбъ — какъ не бывалъ!
 Какая-то есть палочка,
 И есть стаканъ воды,
 И палочку макаетъ онъ
 Все кончикомъ туды.
 А тамъ онъ ей по воздуху
 Вокругъ себя вѣдетъ,
 И какъ начнетъ рассказывать —
 Компания вся заснетъ!

Коммеражки не рассказываютъ, что это за вода и что за палочка, но лукавый бѣсѣнокъ, котораго портретъ вылъзаетъ на концѣ книжки изъ чернилицы, держа подъ-мышкою злой карандашъ, не оставилъ дѣла безъ надлежащаго объясненія. Однимъ словомъ, рѣдко являютъ у насъ такія милыя вещицы какъ «Сенсацин госпожи Курдюковой» и «Коммеражки, посвященныя à ces dames».

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ КАБИНКЕТА *Д. С. С. А....а.*
СП.-бургъ. въ тип. Сычова, 1844, въ-8., XIX и 115.

Что такое — *Кабинкетъ Д. С. С. А.....а?* Не знаю. Что значитъ кабинетъныя буквы *Д. С. С. А.....а?* Не знаю.

Съ какою цѣлью издано это *фантастическое* твореніе? Не знаю, не могу сказать. Какъ понять фантазію, которая сама себя не понимаетъ! На страницѣ XIX таинственныхъ буквы превращаются въ собственное имя, съ чиномъ и съ фамиліею, и у нихъ является «небольшое имѣніе, въ рыбинскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Шекснѣ, изъ береговъ коей вылетаютъ крылатые червячки, несутся тучею надъ водою, падаютъ на воду, гдѣ хватаютъ ихъ стерляди и становятся такъ желты какъ янтарь». Въ другомъ мѣстѣ фантастическій кабинетъ прикидывается существованностью, и говорить, что онъ здѣсь, въ Петербургѣ, въ домѣ «съ прекраснымъ садомъ, цвѣтниками, бесѣдками, прудикомъ и чистымъ воздухомъ»: любителей просятъ пріѣзжать, «не болѣе какъ по два вмѣстѣ, не ранѣе десяти часовъ утра, не позже семи вечера». «Фантастическое Описаніе» рассказываетъ удивительныя вещи о кабинетѣ *Д. С. С. Д.....а*. Тутъ, говоритъ оно, «есть *кресло на оленьихъ рогахъ*, соединенныхъ черепомъ оленя, и недавно подарили ему «еще рога, оленье же, изъ которыхъ сдѣлалъ онъ столикъ». «Имѣя такъ много роговъ оленьихъ», прибавляетъ Фантастическое Описаніе, «не имѣю уже болѣе мѣста, гдѣ бы можно было помѣстить *какою либо другою рода рога*, и потому предупреждаю любителей *доставлять рога въ другое мѣсто, туда, гдѣ для проулковъ найдется больше закоулковъ*. Есть у меня стеклянка воды, взятой Гаджею «Петромъ Лука, 1761 года, декабря 10 дня, въ рѣкѣ Иорданѣ, и подаренной мнѣ, въ Германштадтѣ, внукомъ «сказаннаго странника. Есть образъ греческаго письма на «рыбѣ камбалѣ. Есть разноцвѣтный большой кирпичъ, «взятый, саратовской губерніи, въ городѣ Царевѣ. Есть «три кирпича, *коими въ древности Римляне устилали полы свои*. Есть подобіе руки, которую многіе принимаютъ «за младенческую, и недостаетъ только ногтей, и это мнѣ «даръ природы, которая видитъ, что не могу платить бол- «шой суммы художникамъ земнымъ, за ихъ искусствен- «ную работу, а нынѣ, саратовской губерніи, царевскаго «уѣзда, въ селѣ Пришибѣ, родилась дѣвочка съ тридцатью «двумя пальцами, а минувшаго 1843 года, января 28, у «кшишевскаго мѣшанина родился сынъ съ тремя ногами,

силье которыхъ на одной семь пальцевъ; *сать у меня голова, только не величал, и я желалъ бы, чтобъ вяткомъ ссередьшли, какого зепря эта голова*. Все это — фантастическое описаніе: были или вымысль — кто узнаеть? Должно быть — были!... потому что если человѣку стать вымышленять, выдумывать, то онъ, для печати, всегда выдумаетъ что-нибудь по-умнѣе. Должно быть — были!... И вотъ доказательство, въ прозѣ и въ стихахъ: «Есть у меня хрустальная египетская пирамида, на которой изображенъ Наполеонъ, что и подало мнѣ мысль надить въ пирамиду красного вина съ водою, и написать надъ нею:

«Смирися предъ Богомъ, отъ Бога вознесенъ,
 Н съ высоты низжалъ при немъ Наполеонъ,
 Облившій Египеть всею кровію несчастныхъ,
 При пирамидахъ жившихъ, и дожь себя подвластныхъ.
 Творецъ на высотѣ тѣхъ только оставляетъ,
 Не зло кто, а добро подвластнымъ доставляетъ.»

Кромѣ были, такихъ стиховъ никто сочинить не въ состояніи. «Когда-то», кстати прибавляетъ Описаніе, «купилъ я русскій набивной платокъ, съ изображеніемъ Наполеона, въ мундирѣ и короткой шубкѣ, и помѣстилъ его «близъ печки, для того чтобы угадывали мои къ нему «чувствованія: подражалъ ли я въ томъ нашимъ простодушнымъ, которые зимою, увидя вошедшаго къ нимъ въ домъ любимаго человѣка, прежде всего обращаютъ къ нему слово: родимый, сядь къ печкѣ, погрѣйся, али на «внать, что и намъ бывало отъ него жарко, какъ возлѣ «горичей печн.»

Эти прибабки кетани — одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ рѣдкостей кабинета Д. С. С. Д.....а, въ которомъ рѣдкостямъ счету нѣтъ. По случаю роговъ «Фантастическое описаніе» прибавляетъ: «Не помню кто сказалъ, будто мужщина въ пятьдесятъ лѣтъ, посѣдѣлый, не въ состояніи «представить въ воображеніи своемъ *рогатаю козла съ псраденіемъ бародою*, да не оттого ли это, что этихъ лѣтъ «люди не о козлахъ думаютъ, а занимаются важнѣйшими «дѣлами, а нынѣ мнѣ случилось видѣть, что иней накрылъ «голову пятнадцати-лѣтняго мальчика. Молодые люди «любятъ посягать на старымъ мужьями, имѣющими

смелыхъ конь съ вѣстною шарушностью. Конечно, они это знаютъ, что молодыя жены для удовольствія мужа принимаютъ иногда на себя обязанность эмигрировать крестомъ, такъ, что мужъ, смилосердно, подстрѣливаетъ «этихъ глупыхъ», не умиющихъ понимать, что ихъ зато знаютъ только подъ выстрѣлъ правоученія», и прости. По поводу лютной мысли, что въ «Фантастическомъ описаніи» кажется, *оглинило милое милое*, прибавляя истину доказываетъ высокую нравственность русской азбуки и развратъ французской. «Я училъ французскую азбуку,» говоритъ она: «искалъ въ ней правоученія, а въ западнойской, но не нашелъ его. Съ первыхъ четырехъ буквъ, а, б, с, d, нахожу, что въ переводѣ на русскій языкъ значить—«аббатъ сделалъ» (abé eodé) чудное наученіе!... а дальше говорится что-то о любви: L, M, она любитъ, (el est, celle aime): а, кажется, при ученіи азбуки говорить о любви, особенно двушкѣ, рано и опасно!» Впрочемъ «Фантастическое описаніе» не совсѣмъ довольно и чисто-правдивенною русскою азбукою; особенно не любитъ оно буквы ъ, съ которою никакъ сладить не можетъ. «Ничему», говоритъ оно, «обременять память человѣческую, когда можно замѣнить букву Ъ буквою Е, которую легко превратить въ русскій глаголъ есть, и въ малороссійскій е, и спрягать по-русски: «Я буду ѣсть вкусно», а по-малороссійски: «Е у меня вареники»; а изъ буквы Ъ ничего не спряжешь, даже и пряженіе. *Писавши о чело-вѣкѣ*, если вмѣсто Ъ, поставлю Е, но если этотъ человекъ съ благородными чувствами, то останется *душо-человѣкомъ*, а не *систо-человѣкомъ*, а съ противными свѣдѣніями *ското-человѣкомъ*. Если», прибавляетъ «Фантастическое описаніе», и всема кетети, «если ошибаюсь а въ «равнозначіи» знаменъ произнаній, то о нихъ думаю, что съ прозвученіемъ жизни нашей столько отрицается свѣтъ и застытъ, что уже на бумагѣ объ нихъ и не думаю: внимательный читатель и безъ моего дополненія обудетъ знать гдѣ привѣтствованъ, гдѣ удивленъ; пѣ и скакой не вопросительную нужию сдѣлать отвѣтъ. *Писавши свою жизнь бумага*, не слыжалъ а о корректурѣ, и думаю, что это то же что *корректурѣ*; поправившея, забавля

«еще съ своею Оливье, но когда приятель мой растолковалъ, что каррикатура не каррикатура, рѣшился не читать, а не считать». Есть же на свѣтѣ такіа фантазіи!.. та есть, такіа ухи!... потому что это — «моя уха, изъ собственной моей рыбы», говоритъ авторъ; «уха, приправленная учеными и морями, а также и мушкетерами, и еслии поможете узнать вкусъ въ ней, надѣюсь, замѣтите, что она, старинно-классическая была представленною въ свѣтѣ, непоколебимый добрыми и злыми, умными и глупыми, благопристойными и насмѣшливыми (изъ которыхъ Французъ Боасло говорилъ, что осаль, на всѣхъ насъ смотря, воскликнуть могъ... а что? спросите у Буала, а объ насъ Русскихъ говорятъ: «О Россіи бодрствуйшии народъ!»), приняла совсѣмъ не тѣ свойства, какіа имѣетъ уха. И вотъ я перенесъ для ухи многое, переступалъ даже правило не унижаться передъ людьми, просилъ знатныхъ и ученыхъ, «теперь прошу васъ, *madame* (это значить какую-то первую модницу нынѣшнихъ временъ), представьте ее, гдѣ принимать будутъ. Я испыталъ даже тягость послѣдствій: ожидалъ и не дожидаясь, лежать на постель и не спать; какъ другіе сочинители, восходилъ на пятьдесятъ три ступени, въ ожиданіи тягостнаго иго отказу, кормился завтраками, производившими несвареніе желудка, и потому, опуская ея уху, въ опивенный путь, далъ ей, ухѣ, наставленіе не заслужить, чтобъ сказали объ ней, ухѣ: *что, вы, о поздніе потомки, помыслите о нашихъ дняхъ*; не открывала бы она, уха, закона всемірнаго тяготѣнія, ни кого бы она, уха, не босовонола настоятельными просьбами, и не старалась она, уха, по-сарб-моряки, помнить, что *тамъ идѣетъ она, уха*, названіе «фантастическаго описанія», а не подражаніе Раблѣ и Стерну, а собственная своя фантазія, и названа единственно потому, что я до какой-то дѣлу и довольно читалъ, но фантастическаго описанія кабинета не случалось читать. Можетъ-быть, въ своей, въ ухѣ, имѣетъ логику, но не объ ней первой скажутъ, а что логика терпѣть не можетъ. Если не соблюденъ въ ней, ухѣ, правилъ драмматики, причины объяснены. По всему этому, не длачего ей, ухѣ, становиться по-настоящему, а вѣтъ дорогого среднему, не унижаться, ни что

«жививаться, учтивостью снискивать расположение людей съ здравымъ смысломъ, доброю душою, чистотою образованностью, коими ее и предлагаю, а чтобъ она не робѣла «смылось, для нихъ написана въ концѣ книги, а она еще «не закалилась въ бѣдахъ, и надъ нею—Охо-хо-хо!—бѣды «еще не струсилось, и растянуть ее, уху, на дубовую сна- «ляжку не длацую».

Въ концѣ книги земнымъ отнусаются нѣсколько думицес:

«Конецъ мученьямъ матери, раждающей дитя,
Конецъ и человѣку, коль смерть къ нему придетъ,
Но совѣсти мученью когда тѣхъ не бываетъ,
Отъ злости кто людей невзвѣнныхъ огорчасть,
А также и стыду не можетъ быть конца,
Языкѣ кто всѣхъ людей для остраго слова.
Я помня то, старался благопристойность сохранять,
Невѣднмымъ чтобъ и тѣмъ къ сомнѣнью не подать.
Безъ страха описанью я дѣлаю конецъ,
Который, какъ извѣстно, всѣмъ дѣйствіямъ вѣнецъ!»

Литература!

БЕРНАРДЪ МОНРАТЬ, или *Перевоспитанный дикарь*. Сочиненіе Жоржъ-Сандъ (Госпожи Дюдеванъ). Переводъ съ французскаго. Сп.-бургъ, въ тип. Воробьева 1844, въ-8. Часть вторая, стр. 116.

Грязная тетрадка, которая валялась три года гдѣ-то въ типографіи и явилась теперь въ свѣтъ въ честь благополучному вскрытію небы.

ДАМСКІЙ АЛЬБОМЪ, составленный изъ отборныхъ страницъ русской поэзіи. Заимствовано у Державина, Водкина, Хемницера, Дмитріева, Жуковскаго, Озерова, Вилькина, Крылова, Лобанова, Панаева, Измайлова, Хмельницкаго, князя Вяземскаго, Глинки, Давыдова, Пушкина, Вратынскаго, Плетнева, Веневитинова, Туманскаго, Грибендова, Козлова, барона Дельбига, Языкова, Подольскаго, Шесырева, Хомякова, Теплякова, Вельмана, Оленинина, Полюкаева, Кукольника, Ободовскаго, Соколовскаго, Голубовой, Бенедиктова, графини Рахманиной, Ершова, Гребенки, Кольцова, Лермонтова, Майкова, Красова, Огарева, и другихъ извѣстныхъ поэтовъ. Съ портретами Лермонтова

ва, и семнадцатью оригинальными рисунками Е. Ковригина. СПб.-бургъ, въ тип. Военно-учебныхъ заведеній, 1844, въ-16, стр. 184.

Она podrida русской поэзіи, составленная набѣгомъ на стихотворное царство, риемованное государство. Безъ выбору, безъ вкусу, безъ разсужденія, какъ въ настоящемъ набѣгѣ, захвачено арканомъ все что ни попало подъ руку и притянуто на базаръ спекуляціи на чужой умъ. Рисунки господина Ковригина совершенно оригинальны, такъ же какъ и портретъ Лермонтова.

путевыя записки зайца. Сочиненіе Е. Гребенки. СПб.-бургъ, въ тип. Праца, 1844, въ-12., стр. 114, съ картинками ии

Сочиненіе.... Сочинять, по-русски, кажется, значитъ собственно — *подражать?*.... Мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, такъ кажется. Когда чихнуть въ Парижъ, въ Петербургъ и Москвѣ тотчасъ отвѣчаютъ: Здравствуйте! Это и называется — *сочинять*; напримѣръ: животныя стали «списывать самихъ себя», и у насъ животныя принимаются за кисть для изображенія своихъ персонъ. Но наши животныя, принадлежать къ другой школѣ, именно, къ школѣ изобрѣтенной у насъ гомерической поэзіи, къ школѣ высокаго лирическаго смѣху. Наши остроумные зайцы, принявъсь сочинять свои записки, съ первой страницы уже украшаютъ ихъ совершенно достойнымъ Илиады и Одиссеи эпиграфомъ: «Очень любопытно илпть дойную корову и получать отъ нея молоко. — Да-съ, всѣ животныя очень любопытны.» Корова, какъ вы знаете, составляетъ фундаментъ гомеризма и лирическаго смѣху. Затѣмъ поэма начинается *Цетромъ Ивановичемъ и блохами*, первую остротю всякой гомерической поэтичности. Потомъ *заяцъ* влюбляется въ кошку и знакомится съ *поросенкомъ*, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ новыхъ Илиадъ. Поросенокъ и его родители, особенно когда они чешутся — высшая степень лирическаго смѣху: здѣсь — источникъ всей поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ этой поэмѣ, *поросенокъ*, для высокаго душевнаго наслажденія читателей, сперва чешется о *троту*

армыи столбикъ, и тогда уже отираетесь въ муромскіе лѣса, посадивъ на спину себѣ сверчка, гдѣ встрѣчаете журавлей, быковъ, всякихъ разныхъ скотовъ. Вся это походитъ на что-то, — можетъ-быть на остроуміе? — а можетъ и на скуку? — въ иносказаніяхъ не легко разберешь эти вещи, равно какъ и цѣль зайцевъ или, по-прежнему, правоученіе. Однако жъ цѣль какал-то есть. Уже на самой оберткѣ сидитъ сверчокъ, котораго скребуть гребенкою. Должно быть что-то такое, очень остроумное, но, сказать вамъ чисто по-гомеровски — *чортъ же его знаетъ что такое!* Толку не прикинешь! Ужасно глубоко! Авторъ обѣщаетъ записки многихъ другихъ русскихъ животныхъ, готовыхъ съ своей стороны такъ же удачно подражать французскимъ.

молодикъ на 1844 годъ. Украинскій литературный сборникъ, издаваемый И. Бедкимъ, въ пользу Харьковскаго Дѣтскаго Приюта. Сп.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1844, въ-8., стр. 250, съ картинками.

Издатель «Молодика» принялъ на себя трудъ тяжелый — издавать альманахъ въ наше время; и еще — альманахъ въ нѣсколькихъ томахъ. Но чего не совершить охота къ дѣлу и усердіе къ доброй цѣли? Прежде всего должно похвалить цѣль изданія: съ новаго года оно выходитъ въ пользу Харьковскаго Дѣтскаго Приюта. Для этого благотворительнаго назначенія, издатель «Молодика», при исполненіи, не падитъ ни трудовъ ни издержекъ. Изъ Харькова перенесъ онъ печатанье альманаха въ Петербургъ, выхлопоталъ кучу прозы и стиховъ у здѣшнихъ и московскихъ писателей и, съ прибавкою украинскихъ запасовъ, составилъ большой, красивый томъ, съ прекрасными рисунками, съ историческими разсужденіями, со всѣми принадлежностями альманаха.

Изъ живительнымъ каплямъ этого тома «Молодика» можно отнести «Тучу», Бенедиктова, «Отплывающій пароходъ», графиня Растропчиной, «Равсчетъ», Губера, нѣсколько стиховъ Ф. Н. Глинка, переводы, изъ Барбіе и Виктора Гюго, С. Ф. Дурова. Есть также болѣе или менѣе поэтическіе остатки портретовъ Пушкина и Лермонтова.

есть нескончаемыя духовныя драмы и поэмы Соколовскаго; есть много интереснаго въ осьмидесяти стихотвореніяхъ «Молодика». Прочтемъ сцены стихотвореніе графини Растопчиной, «Отдывajícíй пароходъ».

«Къ дальнему берегу древней, мудрой Германіи, моремъ,
Славнымъ войной и торговлей въ исторіи міра, и страшному
Повѣстью бурь, знаменитыхъ въ преданіяхъ старинныхъ и по-
выхъ,

Завтра, прядая по волнамъ спокойнымъ, безъ помощи вѣтру,
Собственной тайною силой кипи и стремяся, пойдешь ты,
Стройная диво-громада, вымыслъ и честь предъ вѣками
Нашего вѣку, пойдешь ты, мѣрно и быстро шагая,
Шагомъ гиганта, не зная препоны, ни устали, развѣ
Въ вѣдрахъ твоихъ невидимо вспыхнетъ врагъ лютой — пожаръ,
И междоусобною бранью огонь на огонь устремится....

Но, Боже, спаси и помилуй отъ бѣдствія рѣдкаго пути, твой!
Ахъ! безъ того, отплывая, ты много сердецъ возволнуетъ
Грустной, тревожной заботой! Отъ невскихъ береговъ гордели-
выхъ

Много умчишь ты скитальцовъ, и много разлучишь любящихъ,
Кони въ вѣки, быть можетъ, не свидѣтся вновь на землѣ.
Кто за здоровьемъ отправленъ, кто по дѣламъ увлеченъ —
Всѣ они завтра на палубу ступятъ, просясь
Съ сѣверной нашей столицей, но—всѣ ли вернутся назадъ!»

«Туча», Бенедиктова, какъ всѣ чудныя фантазіи этого поэта, великолѣпна, горда, прекрасна, преледана, выхвачена у природы, брошена на бумагу въ извѣстномъ безпорядкѣ безъ намѣренія:

«Темна и громадна, грозна и могуча,

По небу несется широкая туча.

Взгляните, какъ вѣтеръ ей кудри клубить,

Ей перои дѣлаетъ, и — полный усилья,

Принявъ ея тяжесть на мягкія крылья,

Ее по пространству могучему мчить!

Ничто не смущаетъ высокаго хода:

Кругомъ безпредѣльный восторгъ и свобода,

Картина вселенной предъ нею полна,

Предъ нею открыты зѣнрыя бездны,

И рать херувимовъ, и полчища звѣзды,

И что же? взгляните на тучу: черна,

Сурова, угрюма, съ нахмуреннымъ ликомъ,
 На мѣръ она смотритъ въ молчаніи ликомъ,
 И душно, и грустно ей въ небѣ родномъ,
 И видъ ей, гнѣвный, исполненъ угрозы,
 Въ синицовыхъ глазахъ ея закинуты слезы,
 Межъ ребрами пламя, подъ мышцами громъ —
 Страдальца-поэта удѣлъ ей назначенъ!
 Высокъ ея путь, свободенъ, и враченъ;
 До срочнаго мига все тихо кругомъ —
 Но вотъ — встрепенулись дозрѣвшія силы,
 Брадами просѣклись огнистыя жилы,
 И въ крупныхъ аккордахъ рассыпался громъ.
 И послѣ минувшей утихнувшей бури
 Живѣ сіянье бездонной лазури,
 Свѣжѣ дубравы зеленая тѣнь,
 Душистѣй дыханье и розъ, и жасминовъ,
 И радуго гордо съ плеча перекинувъ,
 Нагнулся на западъ ликующій день.
 А туча, взринувъ и громы, и пламя,
 Уходитъ въ лоскуткахъ, какъ ветхое знамя,
 Какъ эти святые хоругви войны,
 Избитыя въ схваткѣ послѣдняго боя,
 Какъ жалкое рубище мужа-героя,
 Изгнанника свѣтлой, родной стороны.
 И вотъ, остальнымъ разрѣшался ударомъ,
 Недземлетей туча рѣдѣющимъ паромъ,
 Пресрачна, чуть зрима для слабыхъ очей,
 И къ небу прильнувъ золотистымъ туманомъ,
 Она исчезаетъ въ отливѣ багряномъ,
 При матовомъ свѣтѣ закатныхъ лучей».

Въ «Разсчетѣ» Э. И. Губера, заключаются важное достоинство, не всегда дающееся стихамъ: есть мысль, — грустная, прискорбная, — но поэтически вѣрная. «Поэтически», разумѣется, не значить — «математически».

• Когда развертываю я
 Печальный свитокъ жизни блѣдой,
 Итогъ пустаго бытія,
 И безполезный, и безвредный,
 И мимо памяти моея
 Прейдетъ обычной чередою,

Печальный ряд печальных дней,
 Съ его томительной тшетой,
 Тогда рождается во мнѣ
 Вопросъ обиднаго сомнѣнья:
 Уже ль въ одномъ безцвѣтномъ снѣ
 Мой вѣкъ прошелъ безъ назначеня?
 Или, окованъ суетой,
 Я цѣли тайной не замѣтилъ,
 И ни единою чертой
 Духовной жизни не отмѣтилъ?
 И мнѣ благая часть дана,
 Но я надъ нею тернъ посѣялъ,
 И животворнаго зерна
 Не возрастилъ, не возлелѣялъ.
 Я своевольно надержалъ
 Мои божественныя силы,
 И нынѣ мертвый капиталъ
 Несу къ дверямъ моей могилы.
 У этой пронасти безъ дна
 Со страхомъ жизнь мою объемлю:
 Я ни единого зерна
 Не положилъ въ родную землю!
 Ничѣмъ я жизни не вознесъ,
 Ничѣмъ я жизни не украсилъ;
 Я дни мои отъ горькихъ слезъ,
 Отъ мыслей лѣнь обезопасилъ.
 Но ежели, какъ влчій сонъ,
 Мой вѣкъ и суетенъ, и мраченъ,
 Зачѣмъ, по-крайней-мѣрѣ, онъ
 Грѣхонъ могучимъ не означенъ!
 Зачѣмъ не внесъ онъ новыхъ данъ
 Въ глухую повѣсть человѣка —
 И двинулъ бы благой обманъ
 Пружины дремлющаго вѣка!
 Но, ибѣтъ! И дикъ, и теменъ онъ,
 Всѣхъ влахновеній и силы —
 Огнобразный, влчій сонъ,
 Могила жизни до могилы.

Стихъ переводовъ С. О. Дурова, нмя котораго встрѣ-
 чается въ печати едва-ли не въ первый разъ, звученъ,
 гласенъ, отчетливъ. Стихотворенія на страницахъ 35—40

напоминають даже классическую отставку, которая теперь — въ безсрочномъ отпуску у поэтовъ.

Не столько по изяществу стиха, какъ по случайному стеченію грустныхъ обстоятельствъ, нельзя не замѣтить *эпиграфъ*, написанной бѣднымъ Корсаковичемъ. Онъ то же не дожилъ до окончанія «Осады Пскова»! Сколькихъ талантовъ лишилась русская словесность втеченіи семи лѣтъ! Боги уходятъ, говаривалъ Цезарь. Ницѣ въ послѣдней книжкѣ восхищались мы «Нидерландскою антологіей» Корсакова. Вотъ и его уже не стало! Онъ писалъ эту эпиграфу, грустя о смерти милаго и убитаго Молодаго человека, и не воображая, что на него самого уже вѣетъ холодъ могилы.

«Любимецъ ближнихъ и друзей,
Съ собой для всѣхъ восмѣши радость,
Прекрасный, какъ мечта, привѣтливый, какъ младость,
Ты звукомъ ангельскимъ пронесся надъ землей!
Но звуку милого плавательная сладость,
Торясь въ дальнихъ небесахъ,
Все отзывается, по памяти, въ сердцахъ.»

Харьковскіе поэты доставили въ «Молодикъ» цѣлую оуду украинской поэзіи, около пятидесяти шестъ. Въ благодатной Украинѣ поэзія и стихи ни по чемъ: этотъ товаромъ такъ мало дорожатъ тамъ, что, кромѣ двухъ или трехъ, ни одинъ изъ поэтовъ не сказывалъ даже своего имени и, какъ члены Аркадской Академіи, все причудятъ за поэтическіе псевдонимы, *Соловей Будимеровичъ*, *Фата-Моргана*, *Щербина*, или за разныя таинственныя буквы. Поютъ они какъ птички аркадскія; воспѣвають они чумацкія могилы, хандру, музыку, весну, судьбу, море, утопленницу, память сердца, ноготки, яворъ, все что попадетъ на шахотной и на степной землѣ. Счастливые люди! Съ ними становиться: воложе, рывѣ, живѣ, и чуть-чуть не поешь самъ—

«Пойте, птички, во саду,
Разгуляться къ вамъ иду!
Пойте, птички, поити вслухъ,
Да радуетъ мой духъ!»

Иъсноуѣнїи на малороссійскомъ діалектѣ въ «Молодикѣ» только — два. За эту скудость народной новин читатель щедро вознагражденъ новою исторїей Малороссїи. Есть за пятьдесятъ до нашего времени сочинилъ ее иѣкій Титъ Ливїй Запорожской Сѣчи, въ осьмидесяти четырехъ главахъ, и, переписавъ на трехъ стахъ семидесяти семи страницахъ, предалъ на храненїе потомству. Рукопись донынѣ остается рукописью, «по неинѣнїю способовъ, до благопрїятнѣйшаго случая, чтобъ снискать сему труду «покровительство и помощь любителя своей родины.» Судя по отрывку, можно желать сему труду рукописнаго покою еще на пятьдесятъ лѣтъ.

Русская проза «Молодика» украсилась прелестнымъ эпизодомъ Вальтера Скотта малороссійскаго, отрывкомъ новаго (разумѣется, историческаго) романа, пана Кузьмича. Герой Запорожской Сѣчи, Запеканка, котораго «не вѣзла камѣ», какъ говоритъ онъ о себѣ, рассказываетъ, какъ испугалъ и разбилъ онъ Татарѣ. Выдумка была чудная: выкопали могилу, положили въ нее какого-то дурака, и прикрыли могилу сверху. Приѣхали Татары, стали воровать. Дуракъ зажегъ кусокъ тлуту, и выставилъ изъ могилы. Татары испугались, закричали: *Шайтанъ, шайтанъ!* и ударились бѣжать; кавалки за ними, и отбѣжали поганнѣи порядкомъ. Все это разсказано съ гомерическою вѣстичностью и прибавками въ родѣ слѣдующихъ: «Да, ужъ дозвольте, *одьку, еще по царць.... Гирпил торилка!* да и перецъ въ ней — *не вѣзав єю камѣ!* — такъ и жистѣ во рту! Еще *треби и зюльку зпшянутъ* — у мене *тютюнецъ таки па-порядкахъ!*» Прелесть. Чистый Вальтеръ Скоттъ. Но это собственно для сыновъ Україны. А на нашу долю «Молодикъ» даритъ *Самоотверженннхъ, статью* въ родѣ «Нашихъ» А. П. Башуцкаго, и хорошнѣйшїй разсказъ госпожи Жуковой, «Миссіонеры».

Картинки «Молодикѣ» прекрасны. Мы говоримъ не о портретѣ Бальзака, приложенномъ въ началѣ книги, но объ изображенїяхъ Малороссїянки-старухи съ дѣвучкой, и дѣвчннн съ мальчюкомъ. Онѣ нарисованы съ натурн инатнвнн С. А. Голицынон, и неподражасно мнлы. Автографнвкѣ Уднчнн. Кромѣ того, приложено *нннн портретнв*

Петра Великаго, пожалованнаго духовнику его, Тимоѣю Надаржинскому, и конія портрета Надаржинскаго: подлинникъ находится у наслѣдниковъ.

Поправка. Только-что сказано, что къ началу «Молодича» приложенъ *портретъ Бальзака*. Или у насъ рабигъ въ глазахъ или это—мистификація, лирическаго смѣху ради. Всмотрѣвшись пристальнѣе, мы открыли внизу надпись: Гоголь. Право, не знаешь, чему вѣрить! Можетъ-статься, это и — портретъ знаменитаго автора «Мертвыхъ душъ»? Но, судя по живописнымъ эффектамъ картины, сходство съ Бальзакомъ — удивительное. Даже волосы острижены à la jeune France. Даже эспаньолка и усы какъ у Бальзака. Даже посадка бальзаковская. Даже, кресла à la Renaissance! Нѣтъ ли тутъ ошибки?... Или, нѣтъ ли намѣренія?...

МОСКВА И МОСКВИЧИ. *Записки Богдана Ильича Бѣльскаго, издаваемые М. Н. Загоскинымъ Выходъ второй. Москва, въ тип. Степанова, 1844, въ-12., стр. 462.*

Если бы мы рѣшились когда-нибудь писать *высокимъ сло-гомъ*, но непременно начали бы извѣстіе о новой книгѣ М. Н. Загоскина сравненіемъ русской публики съ странникомъ, блуждающимъ въ палимыхъ зноемъ пустыняхъ аравійскихъ, выписали бы потомъ изъ Бюффона описаніе Верблюда, или Гемдльтона картину аравійской пустыни и.... Для чего же сдѣлали бы мы все это? Для того, чтобы угодить русскимъ читателямъ жаждущему страннику, а книгу М. Н. Загоскина каплѣ росы, которая прохладяетъ жажду его; но высокой слогъ или, если угодно, шутки—въ сторону, а въ самомъ дѣлѣ, аравійская пустыня удивительно похожа на русскую литературу, какъ господинъ Гоголь на москѣ Бальзака: странникъ — русскій читатель, зной палицій—охота читать, хорошая книга—капли росы, рѣдко, очень рѣдко прохладяющія странника.

Вторая часть или, по названію автора, второй *выходъ* «Москвы и Москвичей», еще живѣе и разнообразнѣе перваго. Шесть рассказовъ, и пять небольшихъ статей; и въ каждомъ и въ каждой умно и ловко подхвачены, какая-нибудь рѣзкая черта физиономіи матушки-Москвы, какой-нибудь ея

особенный отпечатокъ; а известно, что въ Москвѣ все такъ особенно, что этого достанетъ десятка на три томовъ, не только томиковъ. Словоохотный Богданъ Ильчъ на этотъ разъ начинаетъ Петровскимъ Паркомъ и Воксаломъ, куда проѣхалъ онъ изъ Марьиной Рощи; потомъ рассказываетъ, какъ старушка матушка-Москва любитъ слухи. «Въ числѣ русскихъ старинныхъ повѣрьевъ,» говоритъ Богданъ Ильчъ, «есть одно весьма странное: нашъ простой народъ увѣренъ, что когда льютъ необыкновенной величины колоколъ, и хотятъ, чтобы работа шла успѣшно, то непременно пускаютъ въ ходъ какую-нибудь ложь, и стараются распространить ее въ народѣ. Если повѣрье справедливо, врядъ-ли гдѣ-нибудь *льютъ такъ много колоколовъ*, какъ въ нашей матушкѣ-Москвѣ бѣлокаменной. Говорятъ, что въ древнія времена аѳинскіе жители славились не столько своею любовью къ изящнымъ искусствамъ и философіи, какъ своею постоянною страстью, или лучше, сказать жадностью ко всѣмъ новостямъ, ложнымъ, или справедливымъ, о томъ они не заботились. Главное дѣло состояло въ томъ, чтобы услышать самому или пересказать другимъ что-нибудь *новенькое*. Мы, Москвичи, въ этомъ случаѣ очень походимъ на Аѳинянь. Разница только въ томъ, что они мѣнялись своими новостями на городской площади, а мы развозимъ ихъ изъ дому въ домъ. Самыя свѣжія извѣстія о производствахъ и наградахъ играютъ въ новостяхъ московскихъ главную роль. Сколько на моемъ вѣку было пережаловано въ генералы людей, которые и до-сихъ-поръ еще полковники! Сколько статскихъ совѣтниковъ пронаведенныхъ въ действительные статскіе умерли высокородными! Едва-ли она небѣ есть столько звѣздъ, сколько раздано ихъ Москвою чиновникамъ, изъ которыхъ вѣроятно, многіе и теперь еще ничего не носятъ по мундиру! Иной годъ городская молва очень щедра у насъ на чины, другой на ленты, а иногда съ необыкновеннымъ усердіемъ раздастъ графскія достоинства. Вслѣдъ за официальными новостями занимаютъ первое мѣсто новости о необыкновенныхъ случаяхъ, и къ разряду ихъ принадлежатъ неожиданныя свадьбы, похищенія, самоубійства, и затѣйливыя воров-

«ства, гдѣ воръ играетъ обыкновенно самую интересную роль, и отличнымъ образомъ проводитъ полицію. Въ Москвѣ также нрѣдко умираютъ внезапною смертію люди, которые въ день своихъ похоронъ, то есть, на третій день послѣ смерти, преспокойно играютъ въ карты или танцуютъ на какомъ-нибудь балѣ, иногда появляется около Москвы невиданный и неслыханный звѣрь, который таскаетъ изъ стада быковъ, и глотаетъ людей цѣликомъ, какъ мухъ. Разумѣется, на повѣрку выходить, что этотъ допотопный звѣрь — просто волкъ; котораго въ послѣдствіи какой-нибудь мужикъ убьетъ дубинкою, но многіе тому не вѣрятъ и шопотомъ толкуютъ между собою, что звѣрь долженъ быть упущенный изъ клѣтки тигръ или, по-крайней-мѣрѣ, необычайной величины гіена. Вообще новости самыя интересныя, и болѣе другихъ возбуждающія всеобщее участіе, бываютъ, трагическаго, и даже мелодраматическаго содержанія.»

Одну изъ такихъ «новостей» рассказываетъ Богданъ Ильичъ самымъ забавнымъ образомъ. Молва разошлась по Москвѣ, будто одного богача съѣли собаки. Подробности сплетней выведены очень мило и шутливо. Даже Богданъ Ильичъ описываетъ, съ приличною предмету важною, знаменитый Московскій Англійскій Клубъ, литературный вечеръ, похождения извозчика, и, наконецъ, комическія сцены при рожденіи сына у Алексея Алексѣевича Пелажкова: читатели Библиотеки для Читенія помнятъ ихъ. Въ «Смѣсѣ», или мелкихъ статьяхъ, находится остроумное сравненіе брата съ сестрою, гдѣ превосходно схвачены характеристики Москвы и Петербурга. «Дешевые товары», которые въ Обществѣ Понедѣльникъ покупаютъ Москва подъ именемъ остатковъ, извѣстіе о вновь введенномъ въ Москвѣ магазинѣ русскихъ издѣлій, извѣстіе о первыхъ представленіяхъ театральныхъ, все—это любопытныя очерки московской мѣстности. Книга заключается забавнымъ споромъ двухъ пріятелей. Степанъ Степановичъ любитъ играть въ карты, а Андрей Ивановичъ любитъ читать книги. Что лучше? Тутъ введены мнѣнія Богдана Ильича о современной французской литературѣ и «Парижскихъ тайнахъ», которыхъ Богданъ Ильичъ, или Степанъ Степановичъ, или оба

блестѣ; но жалуютъ. Словомъ, новый выходъ «Москвы и Москвитинъ» такъ хорошъ, такъ добродушно уменъ, такъ безспорно правдивъ, что на послѣдней страницѣ становится досадно—зачѣмъ она послѣдняя. Выходите, Михайло Николаевичъ, по-скорѣе третьимъ выходомъ: за матеріалами, кажется, у васъ дѣло не станетъ?

АНТОЛОГІЯ ИЗЪ ЖАНЪ-ПОЛЯ РИХТЕРА. *СП.-бургъ, въ Мѣс. Журналовъ, 1844, въ-8., стр. 177, съ портретомъ.*

«Да будетъ достойно оцѣненъ Русскими великій писатель почти неизвѣстный въ Россіи, по-крайней-мѣрѣ, въ русскомъ печатномъ мирѣ! Эти ящикки золота, собранныя въ богатомъ рудникѣ, блѣдная тѣнь, недостойная великаго подлинника, можетъ-быть, возбуждять у насъ желаніе изучить подробности великаго генія Германіи, философа, натуралиста; живописца нравовъ. Пусть читатели, пресыщенные французскими романами, утолятъ, возбужденную или жажду, въ новомъ чистомъ, живомъ источникѣ!»

Обо сказано-то высоко и, можетъ-быть, очень умно, да невозможно не по логикѣ. Самъ переводчикъ говоритъ далѣе, что «пока не перечтете вы (то есть, пока не перечтаете, а вы совсѣмъ лишни) всего произведеній Жанъ-Поля, вы не составите себѣ объ немъ понятія.» Неужели переводчикъ перечиталъ ихъ? Если—да, то можно поздравить его. Но если нельзя составить себѣ понятія о Жанъ-Полѣ, не перечитавъ всѣхъ его твореній, такъ къ чему же служить «Антологія», состоящая изъ нѣсколькихъ отрывковъ романовъ этого писателя: а между-тѣмъ эта антологія издается съ цѣлью—да будетъ оцѣненъ Русскими великій писатель! Авторъ антологіи того мнѣнія, что «жажду, возбужденную французскими романами, можно утолить въ сочиненіяхъ Жанъ-Поля». Мы, по случаю романовъ господина Времеръ, обмѣлились изъяснить то же мнѣніе на-оборотъ: для русскихъ читателей, привыкшихъ къ новѣйшимъ французскимъ романамъ, въ романахъ Жанъ-Поля читать нечего; нѣтъ ничего для стрижки. Прошу теперь согласить насъ съ авторомъ антологіи!

Для того чтобы «великій писатель былъ достойно оцененъ Русскими», авторъ антологіи выбираетъ изъ десяти томовъ его твореній слѣдующія и слѣдующія подобныя красоты и истины—должно предлагать, самыя красивыя и самыя истинныя изъ всѣхъ, тамъ выказанныхъ:

«Дружба молодыхъ дѣвушекъ часто состоитъ лишь въ томъ что онѣ жержатъ другъ друга за руки, или носятъ одинакія (одинаковыя) платья.

• Юноша падаетъ на колѣни передъ любимой женщиной, чтобъ побѣдить ее, какъ пѣхота передъ кавалеріею.

• Впродолженіи медоваго мѣсяца жена для своего мужа есть еще незабудка, но позже она получаетъ тѣ названія, которыя даютъ этому милому цвѣтку въ различныхъ странахъ, какъ, напримѣръ: мышиное ушко, лягушачій глазъ, скорпионова трава и проч.

• Любовь, какъ семиксъ. Радостно смотритъ на тебя незнакомецъ, и его прекрасный образъ тебѣ улыбается. Но ты не понимаешь его, такъ онъ подымаетъ лапы.

• Все, что прекрасно—тихо. Такъ, лучшіе народы самыя мирные. Тяжелая работа убиваетъ бѣдныхъ дѣтей и бѣдныхъ народовъ.

Совершенно такъ. Кому желательно еще нѣсколько такихъ *пейзинокъ золота*, и еще нѣсколько такихъ *стаканокъ* изъ *небесаго, чистаго, жмваго источника*, тотъ долженъ обратиться прямо въ кладовыя «Антологіи изъ Жанъ-Поля Рихтера», для утоленія своей «жажды» къ «злату» нѣмецкихъ романовъ.

РАЗСМОТРѢНІЕ ГОСПОДСТВУЮЩИХЪ СИСТЕМЪ ВЪ СПРЯЖЕНІЯХЪ РУССКИХЪ ГЛАГОЛОВЪ, и *Опытъ какиѣмъ образомъ можно бы упростить этотъ предметъ. Разсужденіе студента врачебныхъ наукъ при Императорскомъ Дерптскомъ Университетѣ, Карла Яухци, удостоенное философскимъ факультетомъ серебряной медали. Дерптъ, въ тѣмъ Г. Локманна, 1844, стр. VIII и 83.*

Уже тѣмъ самымъ что доказываетъ особенное вниманіе, обращаемое нынче на изученіе русскаго языка въ дерптскомъ университетѣ, книга господина Яухци пріятное явленіе въ русской литературѣ. Но она кромѣ того заслуживаетъ вниманія за справедливыя замѣчанія объ русскихъ спряженіяхъ, хотя вопросъ объ нихъ не рѣшенъ господиномъ Яухци. Онъ слѣдовалъ системѣ господина Давгедъ

нелюда, изложенной, нѣсколько лѣтъ тому, въ одномъ изъ русскихъ журналовъ; но все это еще система, а не истина. Неужели русскимъ спряженіямъ долго еще суждено быть камнемъ преткновенія, о который разбиваются всѣ ладьи русскихъ грамматиковъ? Кажется, что эти спряженія ждуть своего Колумба, которому не надобно ѣздить за тайною въ Америку, но просто поставить яйцо на тарелкѣ. Какъ бы то ни было, трудъ господина Лухци замѣчательный, и по своему ученому достоинству выходитъ изъ ряду студентскихъ диссертаций, тѣмъ болѣе, что сочинитель, медикъ ex officio, занимается предметомъ мимоходомъ, по особенной охотѣ. Русскій языкъ не составляетъ для него главнаго занятія, и онъ предлагаетъ опытъ свой со всею скромностью ученаго человѣка, какъ опытъ, а не какъ окончательное рѣшеніе спорнаго дѣла.

ОСНОВАНІЕ ВСЕОБЩЕЙ СЛОВЕСНОСТИ, и происхожденіе русскаго языка. А. О. Готтесъ. Сп.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1844, въ-8., стр. VIII и 197.

Эта книга совсѣмъ не походитъ на книгу господина Лухци. Тамъ съ недоувѣрчивостью ученаго изслѣдователя говорятъ о пустякахъ, о русскихъ глаголахъ. Здѣсь авторъ смѣло, безъ сомнѣній, безъ оглядокъ, рассказываетъ разныя великія открытія, которыя сдѣлалъ онъ самъ во всеобщей Грамматикѣ. Открытія господина Готтеса довольно важны. Первое, онъ отыскалъ, что первоначальный языкъ человѣческій былъ греческій, и отсюда произошелъ словянскій, такъ, что по языку мы приходимся теперь внуки Адаму. Все это авторъ доказываетъ множествомъ подобозвучныхъ словъ въ греческомъ и русскомъ языкахъ, словъ явныхъ и тайныхъ. Явные, напримѣръ, *бадья*, *бальзамъ*, *стидна*, и прочія; тайныя, въ которыхъ звуки перестановлены, какъ-то, греческія: *аросъ*, *колосъ*, *елко*, паши *баринъ*, *щеголь*, *влеку*. Есть множество русскихъ словъ, которыя извѣстны автору, но неизвѣстны намъ, какъ то *Ампронъ*, *ахарь*, *баробошить*, *гурить*, *элеферить*, *милотрѣсъ* (мельникъ, работникъ на мельницѣ, въ переносномъ смыслѣ, болтунъ), *хлюя*. — Все это явно слова греческія! Даже *чертъ*, или какъ авторъ пишетъ, *чертъ*—природный Грекъ,

потому что пронесла отъ неба, полосу на небѣ, летящая звезда. Второе великое открытіе автора, выходящее не только, что въ русской, греческой и еврейской абукахъ скрытъ правоучительный смыслъ. Такъ напередъ: *свѣдѣн, слава, добро, есть, жмется, зъдо, змидя, остатда* ютъ поучительную аподегму: «*Видать слава, добра есть, а жмется зны земля преданы*». Все это, конечно, чрезвычайно заглавно; но то вовсе не забавно, что авторъ называетъ себя «камнемъ краугольнымъ, набраннымъ, съ который кто станетъ вѣрять, не постыдится, а кто «не повѣритъ ему, для тѣхъ онъ будетъ камень претязанія и соблазна, о который расшибутся всѣ невѣрующіе словамъ его».

ОБЪЯСНЕНІЯ НА ПЕРВУЮ И ТРЕТЬЮ САТИРУ ГОРАЦІЕВУ, ПИСАННЫЯ ДЛЯ ГИМНАЗІЙ П. ТИХОНОВИЧЕМЪ, СТАРШИМЪ УЧИТЕЛЕМЪ. Харьковъ, въ тип. Унив. университета, 1843, въ-8., стр. 212.

Учебная книга, для спеціальнаго употребленія, составленная по хорошимъ источникамъ классической критики; весьма полезное пособіе при изученіи латинскаго языка.

КНИГА ДЛЯ ПЕРЕВОДОВЪ СЪ РУССКАГО НА НѢМЕЦКІЙ, ФРАНЦУЗСКІЙ И АНГЛІЙСКІЙ ЯЗЫКИ. С П.-бургъ, въ тип. А. Видманей Торголанъ, 1844, въ-8., стр. XX и 466.

ДѢЛНО СОСТАВЛЕННЫЙ СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ И ПРОЗАИЧЕСКИХЪ ОТРЫВКОВЪ, ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ УЧЕНИКОВЪ ПЕТРОПАВЛОВСКАГО НѢМЕЦКАГО УЧИЛИЩА.

УЧЕБНИКЪ РУССКАГО ЧИСТОИСКАНІЯ, СОСТАВЛЕННЫЙ А. А. С П.-бургъ, въ тип. Ш. О. К. Виустриней Страсманъ, 1844, въ-4., стр. IX и 46 и 20 таблица.

Нашъ вѣкъ—вѣкъ переворотовъ. Мы не любимъ дополнять, исправлять, передѣлывать старое. По-нашему, старое все прочь, и на его мѣсто давай все новое. Среди такого нарыву къ радикальнымъ реформамъ, могло ли уцѣлѣть старинное искусство каллиграфіи? Оно и не уцѣлѣло. Столѣтія проходили, а мы писали азы; явился Карстеръ, и всѣ азы

полетѣ въверхъ ногамъ; каллиграфія перестала ограничиваться орнаментами, но начала занимать новую теорію искусства писать красиво, по которой всякому легко сдѣлаться *краснописцемъ* и *барзписцемъ*, какъ называли каллиграфовъ старину, то есть, научиться писать красиво и скоро. Французъ Госсе, помнится, дѣтъ десять тому, привѣзжалъ въ Россію и называя себя профессоромъ каллиграфіи, брался выучивать красивому письму въ десять уроковъ, за сто рублей; и въ самомъ дѣлѣ выучивалъ, по методу Карстера. Что жъ это за метода, и какъ по ней учиться? Дѣлающіе узнаютъ изъ вновь вышедшаго *Учебника* всю тайну краснописанія, и въ-добавокъ прочитаютъ еще преученное введеніе, гдѣ исторически изложено писанье у всѣхъ народовъ, начиная съ египетскихъ іероглифовъ.

О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ ВЪ ДУХѢ ХРИСТИАНСКАГО БЛАГОЧЕСТІЯ. *Москва, въ тип. Семена, 1864, въ-8., стр. XII и 398.*

Мысль автора справедлива: основаніе воспитанія — религія; но гдѣ же и когда не считалась и не считается она основаніемъ педагогикѣ? Практическое приложеніе и подробности дѣла не обращаютъ на себя вниманія почтеннаго автора, а въ нихъ-то и главное. Если не всё, то большая часть замѣчаній автора полезны, но какъ соединить его теорію съ практикою?... Принимая съ признательностію советы автора книги «О воспитаніи дѣтей», каждый отецъ, каждая мать могутъ представить ему возраженія на всякой страницѣ, и, кажется, онъ затруднится отвѣтомъ не въ одномъ мѣстѣ. Впрочемъ, доброе намѣреніе извиняетъ исполненіе.

1. БЕСѢДЫ О МНМОМЪ СТАРООБРЯДСТВѢ. *СП.-бургъ, въ тип. П. Академіи Наукъ, 1844, стр. 11 и 452.*

2. ИСТИНА СВЯТОЙ СОЛОВЕЦКОЙ ОБИТЕЛИ ПРОТИВЪ НЕПРАВДЫ ЧЕЛОБИТНОЙ, НАЗЫВАЕМОЙ СОЛОВЕЦКОЙ, О ВѢРѢ. *Святой Соловецкой Обители приношеніе. СП.-бургъ, въ тип. 4. Византій Торговли, 1844, въ-8., стр. XI и 278.*

Во всё время существованія въ Россіи духовныя ревизіи

ли, духомъ кротости и силою слова обращавшіе отпадшихъ чадъ православной вѣры, извѣстныхъ подъ именемъ раскольниковъ, старовѣровъ и старообрядцевъ. Изданныя теперь «Бесѣды» составляютъ слова и рѣчи, говоренныя однимъ изъ краснорѣчивыхъ духовныхъ іерарховъ Россіи, въ бытность его въ олонецкой епархіи, гдѣ, какъ извѣстно, скрывается много раскольниковъ, и гдѣ существовали нѣкогда знаменитые монастыри ихъ. Многіе изъ старовѣровъ убѣдились словами его въ истинѣ ученія православной церкви, и приобщались къ ней. Нельзя не удивляться, читая «Бесѣды» эти, какія ничтожныя причины, превратныя толкованія, явные обманы, удерживали многихъ раскольниковъ отъ сознанія. Книга о такъ называемой, *Соловецкой челобитной*, кромѣ поучительной цѣлы, представляетъ еще интересъ историческій: это — важный актъ въ исторіи нашихъ раскольниковъ. Известно, что послѣ исправленія книгъ церковныхъ при патриархѣ Никонѣ, Соловецкая Обитель, увлекаемая превратными толками, сдѣлалась главнымъ пристанищемъ старообрядцевъ. Тщетно старались кротостью образумить ихъ. Старовѣры взбунтовались, отреклись отъ повиновенія власти, заперлись въ монастырѣ, и девять лѣтъ выдерживали осаду отъ царскаго войска. До начатія осады изложили они всѣ причины своего несогласія въ челобитной, посланной къ царю Алексѣю Михайловичу, въ 1688 году. Смерть и гибель отступниковъ подробно были потомъ описаны старообрядцами, въ книгѣ подъ именемъ «Исторія объ котцѣхъ и страдальцахъ соловецкихъ, иже въ настоящая времена за благочестіе и святые церковныя законы и преданія великодушно пострадаша.» Исторію эту составилъ раскольникъ Денисовъ, одинъ изъ главныхъ учредителей расколическихъ скитовъ на рѣкѣ Выгѣ и въ поморьѣ Бѣлаго Моря. Исторія Денисова, дополненная другими, и Челобитная соловецкихъ возмутителей составляли священныя книги для старовѣровъ, были ими напечатаны, и распространились во множествѣ списковъ. Почтенный духовный іерархъ, которому обязаны мы «Бесѣдами о мнѣномъ старообрядствѣ», посѣтивъ Соловецкую Обитель, рѣшился обратить орудіе раскольниковъ противъ нихъ (са-

михъ. Онъ предлагаетъ теперь Соловецкую Челобитную вполнѣ, опровергая историческими и богословскими доводами каждый пунктъ ея. доказывая невѣжество и ложь составителей челобитной, несправедливо безславящей своимъ названіемъ Соловецкую Обитель, гдѣ издревле подвизались благочестивые соборники православія, игуменствовалъ Святой Филиппъ, умеръ Авраамій Палицынъ. Хищные волки издревле овладѣли святымъ пріютомъ вѣры, но онъ вскорѣ былъ очищенъ по царской волѣ, когда убѣждающія слова явились бессильными. Весьма любопытны, приложенныя въ концѣ книги извѣстія о книгахъ старообрядцевъ, и подробная опись 1378 книгъ, рукописныхъ и печатныхъ, хранящихся въ соловецкой библіотекѣ и относящихся ко временамъ до исправленія Книгъ при Никонѣ. Онъ служитъ доказательствомъ, что споръ объ измѣненіи будто бы Никономъ смыслу Книгъ церковныхъ, былъ явною клеветою, изобрѣтенною коварствомъ и поддержанною невѣжествомъ.

1. О ПЕРЕВОДѢ МАНАССИНБОЙ ЛѢТОПИСИ НА СЛОВЕНСКІЙ ЯЗЫКЪ, по двумъ спискамъ, ватиканскому и Патриаршей Библіотеки, съ очеркомъ исторіи Болгаръ. Москва, въ тип. Семена, 1842, въ-4., стр. 183, со снимкомъ.

2. ОПИСАНІЕ ВОЙНЫ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА ПРОТИВЪ ВОЛГАРЪ И ГРЕКОВЪ ВЪ 967—971 ГОДАХЪ. Сочиненіе А. Черткова, вице-президента Московскаго Общества Исторіи и Древностей, корреспондента, и прочая. Москва, въ тип. Семена, 1843, въ-4., стр. 283, со снимками, планомъ и картинками.

Давно извѣстна была славянолюбивымъ археографамъ рукопись славянскаго перевода лѣтописи Манассія. Какъ историческій документъ, онъ не имѣетъ ни какого достоинства. Константинъ Манассія жилъ въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка, былъ плохой византійскій пинта, изъ сочиненій его дошли до насъ отрывки поэмы о любви Арстандра и Каллисеен, и краткая лѣтопись, или Синописисъ, въ вельщыхъ «политическихъ» стихахъ. Но важно то, что Синописисъ Манассія былъ переведенъ для болгарскаго царя, въ половинѣ четырнадцатаго вѣка, и составляетъ памятникъ сла-

вѣнской письменности. Донынѣ известна была одна копія переводу, хранящаяся въ Ватиканской Библіотекѣ. Господи́нъ Чертковъ отыскалъ другой списокъ, въ московской Патриаршей Библіотекѣ; тщательно сличилъ оба списка; выискивалъ всѣ извѣстія о болгарской исторіи, прибавляемыя, съ рѣзкою, переводчикомъ или переписчикомъ, изыскавъ ихъ, и составилъ изъ нихъ обстоятельную исторію **Будгаровъ**.

Другой трудъ его касается исторіи походовъ Святослава въ Бугарію. Хорошо сведены здѣсь описанія греческихъ историковъ, повѣствованіе Несторова, рассказы Лео и Карамзина.

Новато вообще найдется въ трудъ этого роду весьма немного, но надо отдать справедливость археографической добросовѣстности, и роскоши типографической, съ какими изданы обѣ книги. Авторъ принадлежитъ къ славяновосторонней школѣ изыскателей, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не соглашается съ оракулами этой школы, Шафаржникомъ и Венелинымъ, которымъ хотѣлось обратить въ славянство весь міръ; которые доказывали, что сербскіе крали были гораздо по-важнѣе Александра Македонскаго, а Гомерова Иліада далеко уступаетъ Краловорской Лѣтописи. Общее правило — противъ *исключительнаго убѣжденія писателя* въ той или другой гипотезѣ никогда спорить не должно. Можно привести, для примѣру, нѣкоторые выводы автора. Разсматривая набѣги, или *завоеванія*, если угодно, Святослава на Дунаѣ, онъ съ убѣжденіемъ утверждаетъ, что, не побѣди Цимисхій Святослава, и не прогони съ Дуная, вся исторія Европы приняла бы иное направленіе, а именно: если бы Святославъ остался на Дунаѣ, всѣ славянскія племена слились бы въ одну державу, которая простиралась бы отъ Эльбы, Баваріи, Тироля и Италіи до Благо Моря, Камчатки и Китая. *Вѣсто кльмецкой имперіи* была бы *славянская имперія*. Тогда папы не посмѣли бы много шумѣть, смиренно сидѣли бы въ Римѣ, не было бы реформацій, не было бы Крестовыхъ Походовъ, потому что славянское царство завоевало бы Иерусалимъ и Малую Азію, прогнало Сарациновъ, не допустило Оттомановъ въ Европу. Столица

славянскаго царства, была бы теперь въ Царьградѣ, а народонаселеніе царства простиралось бы до трехъ сотъ милліоновъ. Сколько милліоновъ людей сбереглось бы: такихъ, которые погибли отъ меча Монголовъ, Турковъ, и въ битвахъ за католицизмъ! И все это разрушилъ, негодный Цимисхій! Но забыто здѣсь одно обстоятельство: если ужъ надо обвинять кого въ неудачахъ и гибели Святослава, то, обвинять должно, не Цимисхія, но негоднаго и разбойника Курю. Не убей онъ Святослава, нашъ герой пришелъ бы опять на Дунай, и мечомъ своимъ перевернулъ всю исторію Европы. И вотъ какъ оправдывается исторія старинной книжки—«Гисторія о великихъ дѣлахъ, происходящихъ отъ малыхъ причинъ!»

Но все это не отнимаетъ ученаго достоинства у труда. Книги, подобныя сочиненіямъ «О переводѣ Манассиндой летописи,» и «Описаніе войны Святослава,» служатъ матеріаломъ, который употребляетъ по-своему ученая критика, принимая дѣльное, отвергая мечтательное. Уваженіе къ труду всегда останется участіемъ каждаго важнаго труда, несмотря на несовершенства, которыя вездѣ присутствуютъ къ дѣламъ человѣческимъ.

ЛЕКЦІИ ПОПУЛЯРНОЙ АСТРОНОМІИ, читанныя публично, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, капитанъ-лейтенантомъ С. Зеленымъ, съ 25 ноября 1843, по 16 марта 1844. СПб.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1844, въ-8., стр. XXIV и 424.

Объ неимоверныхъ преподавательскихъ успѣхахъ этого молодого и даровитаго ученаго, о тысячахъ людей, которые его слушали, о страсти къ звѣздамъ, которую онъ возбудилъ своимъ краснорѣчіемъ, читателямъ Летописи уже извѣстно. При громкихъ рукоплесканіяхъ дѣлой публики слушателей кончилъ С. И. Зеленой свои блистательныя чтенія, и теперь четырнадцать лекцій его составили прекрасную книгу для всеобщаго любопытства. Господинъ Зеленой вступать съ нею на славное поприще. На пути уже трудились первые астрономы и математики нашего времени, Лагранже, Шубертъ, Джонъ Гершель, Араго, писали популярныя трактаты объ астрономіи, которые

пользуются уваженіемъ, не только свѣтскихъ, но и ученыхъ читателей. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одной точной науки, которая бы сильнѣе воспламеняла знатока желаніемъ подѣлиться своими открытіями, свѣдѣніями и выводами съ публикою, какъ астрономія, царица всѣхъ наукъ. Господинъ Зеленой, слѣдовательно, встрѣчается здѣсь съ великими и страшными соперниками. Но онъ въ состояніи выдержать борьбу, и русскіе читатели будутъ ему благодарны, что онъ не устранился опасной встрѣчи. Предметъ такъ величественъ, книга такъ хороша и такъ занимательно написана, что мы непременно возвратимся еще разъ и къ предмету и къ книгѣ, но въ другомъ отдѣленіи.

ГАЛЬВАНИЗМЪ ВЪ ТЕХНИЧЕСКОМЪ ПРИМѢНЕНІИ, или *Искусство гальваническимъ путемъ производитъ тины, покрываетъ мѣдью жизненные припасы и разныя вещи для сохраненія ихъ; дѣлать мѣдныя доски для траврованія; изготавлять гравюры; травить посредствомъ гальванизма, золотить, серебрить, платиновать, мѣднить, бронзировать; осаждать цинкъ, бронзу, олово, свинецъ и прочее мокрымъ и гальваническимъ способомъ; освѣщать посредствомъ гальванизма; взрывать скалы тѣмъ же способомъ; составлять электро-магнитныя телеграфы, электро-магнитныя машины, и прочая; съ объясненіемъ необходимыхъ предварительныхъ понятій о химіи и физикѣ, и съ чертежами въ текстѣ. Для любителей природы и искусства, и для технического употребленія, составилъ изъ опытовъ разныхъ ученыхъ и своихъ собственныхъ К. О. Сп.-бургъ, въ тип. Journal de St.-Petersbourg, 1844, въ-8., дѣль части, стр. IV, IV и 233—IV, 224 и 20.*

Сборникъ всего путнаго и пустаго, полезнаго и бесполезнаго, пракческаго и невозможнаго къ употребленію, — rudis indigestaque moles, — куча выхваченныхъ отовсюду статейекъ, безъ системы, безъ порядку, безъ связи. Господинъ К. О., навѣрное, гораздо искуснѣе осаждаегъ мѣдъ на стевяринъ чѣмъ слова на бумагу. Когда онъ пускается переводить, изъ пера его струится сильнѣйшій токъ самыхъ забавныхъ недоразумѣній и промаховъ. Одног

примѣру достаточно: въ l'Echo du monde savant (хорошъ источникъ!) нашелъ онъ статейку объ опытахъ monsieur Moleyns, de Sheltenham, *господина Молинса, жителя города Четнема*, я дѣлаетъ себѣ преспокойно, изъ этого достойнаго Англичанина, какото-то урода подѣ франко-татарскимъ названіемъ — *Молейнсъ-де-Хельтенамъ*. Между его гальваническими открытіями въ чужихъ трудахъ довольно замѣчательно слѣдующее: «Библіотеку для Чтенія» онъ рѣшительно почитаетъ своей собственностью; заимствуя что-нибудь изъ иностранныхъ журналовъ, онъ всегда навъываетъ ихъ, охотно выставляетъ источники подѣ своими прекрасными переводами, но, когда въ «Библіотекѣ для Чтенія» какая-нибудь статья годится для его творенія, онъ беретъ ее безѣ спросу, какъ свое добро, какъ общую добычу, перепечатываетъ безѣ церемоній и благодарить считаетъ не нужнымъ. Да еще какъ перепечатываетъ: что слово то ошибка, что строчка то безсмыслица. Въ «Библіотекѣ для Чтенія» было на примѣръ сказано: «Господинъ Де-ла-Ривъ (De la Rive: нашъ гальванофилъ пишетъ всадѣ это знаменитое въ физикѣ имя—*господина Де-ла-Рива*) къ прибору Грова (у почтеннаго гальванофила Гровъ, Grove, превращается въ Гровъ) «примѣнилъ начала Даниелева съсоба, съ маленькимъ измѣненіемъ» (вмѣсто—*измѣненіемъ*, господинъ гальванофилъ ставитъ—*примѣненіемъ* и, благодаря его искусству, читатель получаетъ фразу—*примѣнилъ съ примѣненіемъ*. Часть I. стр. 160). Съ такимъ-то вниманіемъ перепечаталъ онъ все что ему понравилось въ этомъ журналѣ. «Библіотека для Чтенія», конечно, не воспрещаетъ никому пользоваться своими статьями: можно обирать ее какъ кто умѣетъ и смыслить; но, съ другой стороны, надо сказать и то, что вѣжливость — дѣло недурное и, для обирающихъ, имѣетъ многія выгоды, которыми не должно пренебрегать. Если бы, примѣрно сказать, почтенный гальванофилъ, слѣдуя законамъ оной вѣжливости, которые несравненно лучше доказаны чѣмъ гальваническіе, счелъ за благо спросить у «Библіотеки для Чтенія» согласія на перепечатываніе статей ея по своему усмотрѣнію, онъ можетъ-быть узналъ бы, при этомъ случаѣ, одно важное обстоятельство, а именно, что его кни-

га вовсе не нужна для практическаго примѣненія; что при гальванопластическихъ работахъ мѣдный купоросъ совершенно безполезенъ; что нынѣ принятая система должна быть оставлена; что съ горстью поваренной соли и кускомъ мѣди можно производить лѣпку предметовъ втрое дешевле и въ десять разъ чище, вѣрнѣе, легче; что есть возможность гальванизмъ устранить съ большою пользою изъ дѣла; что всѣ металлы, прямо, безъ предварительныхъ растворовъ, осаждаются очень удобно одни на другіе весьма простыми средствами, и тому подобное. Здѣсь, разумѣется, не прилично распространяться о такихъ вещахъ. Объ нихъ—послѣ. Здѣсь «Библиотека для Чтенія» считаетъ только долгомъ увѣрить почтеннаго гальванопласта, что она ни сколько на него не сердится: напротивъ, желаетъ ему всѣхъ возможныхъ благъ отъ читателей.

ПРАКТИЧЕ РУКОВОДСТВО КЪ МЕЖЕВАНІЮ; основанное на переводѣ четырехъ действительныхъ инженеровъ, съ изясненіемъ необходимыхъ при томъ первоначальныхъ свѣдѣній въ геометріи, и такъже съ изясненіемъ домашняго устройства различныхъ при межеваніи употребляемыхъ инструментовъ, въ которыхъ французскія мѣры замѣнены русскими. Съ приложеніемъ трехъ таблицъ чертежей. Сочиненіе Горниля, члена рядаиъ ученыхъ обществъ, въ пользу народныхъ школъ, обласкихъ училищъ и, вообще, лицъ, не принадлежащихъ къ числу математическихъ знаій. Москва, въ тип. Степанова, 1844, в-12., стр. 95, и тремя чертежами.

На это дѣльному заглавію, книжка коротка. При всемъ томъ она можетъ быть съ пользою употребляема по своему предмету. Переводъ удовлетворителенъ.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

OBSERVATIONS SUR LES ÉPIDÉMIES ET L'état de l'exercice de la médecine en France par le docteur Darnovey, médecin titulaire dans la Société Anatomique, etc. St-Petersbourg, 1844.—Одинъ изъ нашихъ ученыхъ врачей, го-

сподвигъ Демонсъ, воспользовался поѣздкой своею во Францію, чтобы изучить на-мѣстѣ преподаваніе и практику медицины во Франціи, и въ этомъ небольшомъ, но дѣльному и хорошо написанномъ, сочиненіи излагаетъ свѣдѣнія, которыя онъ собралъ, и свои собственные замѣчанія. Весьма желательно, чтобы другіе врачи наши, посѣщающіе Германію, Италію и Англію, доставили намъ такія же хорошія и безпристрастныя обзорнія преподаванія и практики медицины въ этихъ странахъ. Соображеніе этихъ разнородныхъ данныхъ привнесло бы многія выгоды въ настоящее время, когда рѣчь идетъ о приведеніи русскаго медицинскаго преподаванія и правилъ о достиженіи ученыхъ врачебныхъ степеней въ уровень съ потребностями науки, просвѣщенія, общества и службы. Важность предмета заставляетъ насъ посвятить особенную статью въ «Сибирь» подробностямъ, содержащимся въ любезной брошюрѣ доктора Демонсъ: читатель найдетъ ее подъ заглавіемъ «Преподаваніе и практика медицины во Франціи».

СТО-СЕМЬЛѢТНІЙ СТАРЕЦЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. *Записки о жизни В. Р. Щегловскаго. СПб., 1844.* — Этого примѣчательнаго выходца изъ временъ Петровскихъ многіе имѣли случай видѣть въ Петербургѣ. Онъ родился, когда Петербурга еще почти не существовало, въ 1736 году, въ харьковской губерніи; помнитъ пріѣздъ императрицы Елисаветы въ Кіевъ въ 1747, былъ солдатомъ въ Семилѣтнюю Войну, раненъ и взятъ въ плѣнъ подъ Кольбергомъ, освобожденъ при покореніи Берлина, находился при взятіи Бендеръ Панинымъ и при завоеваніи Крыма Долгоруковымъ, пробылъ четыре года въ турецкой неволѣ, и въ 1776 служилъ корнетомъ въ ахтырскомъ гусарскомъ полку. Около этого времени Щегловскій былъ награжденъ императрицею Екатериною; послѣ чего, онъ храбро дрался подъ Очаковымъ при Потемкинѣ и получилъ Георгіевскій крестъ. Щегловскій уже былъ капитаномъ, когда одно мгновеніе безпечности, упущеніе знатныхъ павильныхъ Турковъ, погубило его. Потемкинъ пощадилъ жизнь храбраго гусара, но Сибирь сдѣлалась его удѣломъ. На тѣ-

десять лѣтъ прожилъ онъ въ Иркутскѣ, торгуя нюхательнымъ табакомъ, построилъ тамъ себѣ домикъ, обзавелся семьей, и въ 1839 году, за безпорочную жизнь былъ удостоенъ прощенья.

При этомъ радостномъ извѣстїи, Щегловскій рѣшился ѣхать въ Петербургъ и благодарить добраго Царя. Пятаго февраля 1843 года, Щегловскій былъ представленъ Государю Императору и милостиво принятъ Его Величествомъ. Онъ явился на парадъ въ мундирѣ своего времени, нарочно сдѣланномъ для него по Высочайшему повелѣнїю вѣнценоснаго Благодѣтеля. Старикъ изумлялъ всѣхъ своею бодростью, своими любовитными разсказами, хотя память иногда измѣняла ему. Получивъ пенсію и пособіе на возвращеніе въ Сибирь, которая сдѣлалась его отечествомъ, Щегловскій отправился къ семейству. Многія подробности въ брошюркѣ господина Б. Ф. любопытны. На портретѣ Щегловскій изображенъ въ маіорскомъ мундирѣ девяностыхъ годовъ.

СКАЗКА О ЦАРЬ-ГОРБУНѢ И КОЛДУНѢ ЧЕРТОУХѢ. Сочиненіе И. Ф. Бенкена. СПб., 1844. — Царь Толсторылъ былъ горбатъ:

*« Да на носу его не мало
Рыло зрѣлось съ травой...
Но что сказать о волосахъ?
Четыре тамъ стрѣлка гуляли,
И въ дикихъ козъ стрѣляли.»*

Толсторылъ влюбился въ царевну Зорю, которая любила царя Миловида. Колдунья Чертоуха превратила Миловида въ собаку, а Зорю посадила въ яму. Собака Миловидъ съ горя бросился въ рѣку, гдѣ водяной превратилъ его въ кита, Зорю въ ерша, а Чертоуха —

*« Лихая, жадная старуха,
Набитъ желалъ требуху,
Велитъ сварить себѣ уху.»*

Она съѣдаетъ царевну, давится, и надыхаетъ. Тогда старухѣ «брюхо распластали» и, вынули царевну, а Миловидъ съѣлъ Толсторыла, и женился на Зорѣ. Господинъ Бенкенъ заключаетъ:

• Сказку кончить я хочу,
 Меня бранить васъ не прошу,
 Если худо сочиненье,
 Такъ прошу у васъ прощенья. •

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕЯ знаменитыхъ русскихъ писателей. *СПб., 1844.*—По свидѣтельству обертки, словесность и художества обязаны этой тетрадкою предприимчивости господина Бочарова. Тетрадка содержитъ въ себѣ портретъ и біографію Ломоносова, съ отрывками его одъ. Портретъ не изъ самыхъ изящныхъ. Біографія списана съ известной статьи о жизни Ломоносова, сочиненной какъ говорятъ, Шуваловымъ. Господинъ Бочаровъ уверяетъ, что Ломоносовъ создалъ у насъ лирическую поэзію, съ трюками стихами.

ГАМАЛІЯ. *Сочиненіе Шевченки. СПб., 1844.*—Гамалія или Гамалей былъ вмѣстѣ Ахиллъ и Аякъ запорожскій, — билъ, рѣзалъ, жарилъ Жидовъ, Турковъ, Поляковъ, — только не кушалъ своего жаркаго. Въ эпосѣ господина Шевченки описанъ походъ Гамалія на Скутари. Походъ Греновъ на Трою передъ подвигомъ Гамалія то же что Илиада передъ «Мертвыми душами»: эти подвиги и изображены поэтомъ въ стихахъ, достойныхъ героя.

1. МАЛЕНЬКІЙ ФОКУСНИКЪ. *Поучительные и занимательные домашніе фокусы для дѣтей. СПб., 1844.* —

2. НОВЫЯ ДѢТСКІЯ ПОЗДРАВЛЕНІЯ, въ стихахъ, съ праздниками. *Подарокъ дѣтямъ и родителямъ на дни рожденія, именины, Рождество Христова, Новый Годъ и Светлое Воскресенье. Второе изданіе. СПб., 1844.* — При производствѣ этихъ «поучительныхъ фокусовъ», дѣти могутъ обжечься, обвариться и обрѣзаться. При изученіи этихъ «новыхъ поздравленій» они могутъ сдѣлаться болванами.

СОЮЗЪ ЛЮВОПЫТСТВА СЪ ПОЛЬЗОЮ, или *Способъ къ устройству порывовъ страстей. Вновь изобрѣтенное задакъ въ семидольныя карты, съ уподобительными картинками, о коихъ помѣщены краткія правоучительныя разсужденія, съ задачами, вопросами, шутками, загадками, и прочая, съ приложеніемъ картъ, труды И. В. СПб., 1844.* —

«Не было, нѣтъ и не можетъ быть созданія, которое бы «не любило себя. Данное природою любить и употреблять «въ дѣло надлежитъ, но запретительно превосходить се- «бя: тянуть ноту длинную, имѣя духъ короткій, пѣть дис- «канта, имѣя голосъ толстый, поднимать тяжелое, имѣя «силу слабую. почему всякаго рода отступленіе отъ своей «натуры *монстръ разумъ* гордостью, для развлеченія «себялюбія естественнаго отъ патлутаго. — *Зачѣмъ «же идти на чужое? За чѣмъ не беремъ въ расчетъ, что «если благопріятіе еще не потеряно, то съ нимъ нельзя, и «не для него, пустяться въ перокъ? За чѣмъ, и какъ члду- «емъ черное, клеветало.... А! вотъ что! Поджогъ самолюбія и «словъ чрезъ то слабости! Вражье дѣйствіе, это такъ, но не- «чему наши очи такъ темны, что мы терпимъ бѣлое на «черное?*

• На худое — мы какъ тутъ!
 На хорошее — насъ нѣтъ!
 А кому угождаемъ? *Рогамъ!*
 А кого обижаемъ — *себя!*

Это — краткія нравоучительныя разсужденія, а вотъ за-
 гадка:

• Скелетки, мужъ мой, идей исполнитель,
 Дѣленія охотникъ, и строгій блюститель,
 Съ мнѣй дружелюбно живетъ,
 Не дѣтокъ до смерти сѣчетъ.

Мы чудо веселья!

Мы диво томленья!

Хотимъ — утѣшаемъ!

Хотимъ — терзаемъ!

Хотимъ — хлѣбомъ, солью питаемъ!

Но всякому иная пища,

Диску богата, мнѣму нища,

Двойная — обильна и сладка,

Двойная — скудна и горька.

Эта загадка значитъ — скрипку и смычокъ, Кромѣ нраво-
 ученій и загадокъ, книжонка украшена какими-то нарисованными уродами и обогащена вѣрными средствами га-
 дать по этимъ уродамъ. Оттого она и называется «Сонъ
 любви и глупости съ пользою».

ПОДРОБНАЯ ПРОВАНТСКАЯ РАСКЛАДКА, *сочиненная на всякое число дней во мѣсяцѣ, и на число людей, сколько угодно, отъ одного до ста, зачисляя по полуостановкѣ до тысячи, и наконецъ на день и на три тысячи.* СПб., 1844. — Золотая книжка для сынтана по пальцамъ. Съ помощью ихъ, она въ одно мгновеніе разрѣшаетъ, сколько приходится муки, хлѣба, сухарей, крупъ, на одного, двухъ, трехъ, девятисто человѣкъ, а зачисляя по пальцамъ до тысячи, и наконецъ на день и на три тысячи, на день, на два, на три, и даже на мѣсяцъ.

=

РАЗНЫЕ ПИШЕВЫЕ.

=

— Подъ руководствомъ Департамента Морского Вѣдомства составляется и уже приходитъ къ окончанію важное для корабельнаго и частнаго лѣсоводства сочиненіе, подъ скромнымъ названіемъ «*Лѣсной словарь*». Этотъ словарь можно назвать энциклопедіей лѣсничаго и лѣсовладѣльца. Въ важнѣйшіе предметы наложены весьма подробно и обширныхъ и дѣльныхъ статьяхъ; менѣе важныя дополнены достаточными объясненіями; весьма хорошее введеніе даетъ общій обзоръ ученыхъ основаній дѣла, и цѣлое сочиненіе искусно приспособлено къ многоразличному употребленію: лѣсные чиновники, помѣщики, купцы торгующіе лѣсомъ, моряки, даже читатели морскихъ романовъ, могутъ прибѣгать къ нему съ пользою, потому что, между прочимъ, въ «*Лѣсномъ словарѣ*» находится корабельная номенклатура на одиннадцати языкахъ. Статья *Насѣкомыя*, столь важная для лѣсовъ, рощъ, парковъ, садовъ, обработана превосходно и заключаетъ въ себѣ всѣ нужныя наставленія. Статьи *Бортъ*, *Заночъ*, *Корабелъ*.

роща, Лесная стража, Лесная уличница; Лесное управление, Лесная и гонка лесу, представляют сводъ свѣдѣній, новозысканъ для всякаго. Другіе предметы, не исключая даже и общихъ ученыхъ началъ, имѣющихъ связь съ лесоводствомъ, изложены также кратко, ясно, отчетливо. Особенный атласъ рисунковъ придаетъ новое достоинство сочиненію. Въ основаніе «Леснаго словаря» приняты труды Бодральера и Гартманга; они дополнены свѣдѣніями, почерпнутыми у Нессля, Гудовскаго, Белена, Кёнига, Ведкина, Рейма, Гацсбурга, Редига, или въ личныхъ познаніяхъ составителей словаря, применены по всѣмъ частямъ къ Россіи и къ мѣстной практикѣ, распространены, приведены въ систему и дополнены множествомъ оригинальныхъ статей. Члены департамента, господа Никольскій, Врангель, Нольде и Кленке, были редакторами этой примѣчательной книги, приносящей равную честь и имъ и управленію, по которому они служатъ застарѣлымъ: составляли статьи по части леснаго законодательства и администраціи лесовъ, двумъ другимъ, какъ ученымъ лесничимъ департамента, вѣрена часть леснаго хозяйства и вспомогательныхъ наукъ. Словарь состоитъ изъ трехъ большихъ томовъ: два первые лежатъ передъ нами; третій, выѣтъ съ атласомъ рисунковъ, выйдетъ втеченіи года, и тогда сочиненіе поступитъ въ продажу.

— «Описание войны 1813 года», извѣстное сочиненіе генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Даниловскаго, вышло вторымъ изданіемъ. «Описание Отечественной войны 1812 года», того же писателя, давно уже напечатано третьимъ, «Описание войны 1814 года», вторымъ, а «Записки о 1814 и 1815 годахъ» четвертымъ изданіемъ.

— «Сокращеніе странствованій Теллемаха», французскій текстъ, классное изданіе господина Эйнерлинга, для гимназій, кадетскихъ корпусовъ и пансіоновъ, явилось недавно въ пятомъ изданіи.

— «Русская Исторія въ картинахъ»: такъ называется книга, предназначенная служить дополненіемъ къ извѣстно-

му всѣмъ педагогамъ, изданному господиномъ Превѣ, сокращенію «Исторіи Государства Россійскаго», подъ заглавіемъ «Живописный Карамзинъ». Текстъ составленъ извѣстнымъ дѣтскимъ поэтомъ, драматургомъ, романистомъ Б. М. Федоровымъ, и украшенъ собока литографированными картинами.

— «Грамматика русскаго языка, для Рускихъ», составленная господиномъ Половцовымъ и введенная въ военно-учебныя заведенія, достигла еще въ 1843 году осьмага изданія. Къ каждому изданію сочинитель отдѣльно прибавлялъ сдѣланныя ему замѣчанія, и поправки по замѣчаніямъ. Недовольствуясь этимъ, онъ издалъ—было отдѣльно «Опытъ руководства къ преподаванію и изученію» его грамматики. Наконецъ теперь выданъ имъ «Сводъ перваго и втораго изданій Русской грамматики для Рускихъ». Вначалѣ изложены въ видѣ таблицы, мнѣнія господъ Бутырскаго, Тальзина, Мартынова, Плакшина, Тимасва, Драницына и другихъ, о грамматикѣ господина Половцова. Затѣмъ, въ два столбца, слѣдуетъ «Сводъ» двухъ ея изданій.

— Профессоръ кievскаго университета, Э. Р. Траутфеттеръ предпринялъ изданіе на русскомъ языкѣ «Россійской Флоры», взявъ въ основаніе трудъ знаменитаго ботаника и учителя своего, К. Ф. Ледебуря, «Flora Rossica». Господинъ Траутфеттеръ желаетъ доставить любителямъ растительнаго царства краткое, понятное и дешевое собраніе изображеній всѣхъ прозябающихъ въ Россіи растений. Авторъ издаетъ свою «Флору» выпусками. Первый выпускъ содержитъ въ себѣ описанія и изображенія четырехъ породъ, открытыхъ господиномъ Турчаниновымъ за Байкаломъ и на Ангарѣ, и двухъ породъ, растущихъ на Аргуни и въ горахъ Дауріи.

— При этомъ случаѣ должно сказать, что девятая тетрадь интересной «Санктпетербургской Флоры», издаваемой нашимъ искуснымъ литографомъ, И. И. Семеновымъ, вышла еще въ мартѣ мѣсяцѣ.

— Но вотъ давно жданный гость! «*Большой французско-русскій словарь, Ольдекопа*! Сколько лѣтъ, сколько зимъ.... Наконецъ, вотъ онъ! Одно уже имя Е. И. Ольдекопа служить ему полною похвалою и лучшею рекомендаціей. Этотъ словарь, столь нужный публикѣ, семействамъ, училищамъ, изданъ А. Ф. Смирдинымъ. Первый томъ уже поступилъ въ продажу; второй поступитъ въ скоромъ времени.

=

VII.

СМѢСЬ.

=

ПРЕПОДАВАНІЕ И ПРАКТИКА МЕДИЦИНЫ ВО ФРАНЦІИ.
Французскій Университетъ. Въ Лѣтописи была рѣчь о небольшомъ сочиненіи, которое подъ этимъ заглавіемъ издалъ въ Петербургѣ ученый русскій врачъ, докторъ Демонсѣ. Здѣсь мы изложимъ главнѣйшія подробности предмета.

Съ давняго времени сословіе французскихъ врачей пользуется въ Европѣ вполне заслуженною славою обширныхъ познаній по своей части, знакомства съ разными науками, общей образованности и хорошаго воспитанія. Всѣ согласны въ томъ, что это—первое врачебное сословіе во всемъ образованномъ мірѣ. Преимуществомъ своимъ французскіе доктора медицины и хирургіи, потому что они только одни—настоящіе члены этого сословія, обязаны особенному устройству преподаванія врачебныхъ наукъ въ государствѣ. Германія, раздѣленная на множество мелкихъ владѣній, которыя болъшею частью имѣютъ каждое свой университетъ, не представляетъ ничего подобнаго. Университеты эти независимы одинъ отъ другаго; каждый слѣдуетъ своей системѣ или своимъ обычаямъ, и каждый приготовляетъ и производитъ врачей по мѣстнымъ обстоятельствамъ. При заведеніи университетовъ въ Россіи, мы имѣли въ виду германскіе, и приняли ихъ за образецъ. Но бесспорно то, что для всякаго государства обширнаго, гдѣ, подобно тому какъ во Франціи, принята въ основаніе

правительства благотворительная система централизаціи, несравненно выгоднѣе французская университетская система, которая позволяетъ министерству управлять каждою наукою какъ-будто отраслью администраціи и, имѣя всю науку въ одномъ мѣстѣ, въ центрѣ, подъ рукою, развивать и совершенствовать преподаваніе ея согласно съ потребностями страны цѣлою массою своихъ средствъ вдругъ. Нѣтъ сомнѣній, что наука много выигрываетъ отъ такого сосредоточенія ея подъ глазами просвѣщеннаго и усерднаго министерства, и мы надѣемся, что мнѣніе наше въ пользу французскаго устройства преподаванія не покажется приверженцамъ германской университетской системы пристрастіемъ къ обскурантизму или къ учебному самовластью. Много говорятъ многіе о пользѣ и необходимости предоставить наукамъ свободу; изъ этой мнимой «свободы» обыкновенно выходятъ только ученія противорѣчія, вавилонская безладница понятій, и для науки мы не видимъ ровно ни какой пользы, если подъ пятидесятымъ градусомъ широты преподаватель какого-нибудь предмета увѣряетъ своихъ слушателей въ одномъ, подъ пятьдесятъ-пятьмъ въ другомъ, а подъ шестидесятымъ въ третьемъ, слѣдуя каждый своей любимой теоріи. Для слушателей же отъ этой прославленной «свободы»—явный убытокъ: если три преподавателя думаютъ и говорятъ разное объ одномъ и томъ же предметѣ, то вѣрно, одинъ только изъ нихъ правъ, а два горюдятъ вадоръ и на умъ своихъ слушателей надѣваютъ дурацкіе колпачки подъ именемъ «философіи предмета» или подъ другими подобными. Примеры этого естественнаго послѣдствія слишкомъ многочисленны въ германскихъ независимыхъ другъ отъ друга университетахъ и слишкомъ разительны для всякаго непредубѣжденнаго наблюдателя. Когда дѣло идетъ о преподаваніи, объ ученіи, то и въ науку, какъ во всемъ прочемъ, одна отлично устроенная голова лучше десяти сработанныхъ какъ-нибудь. Если вся наука въ одномъ центрѣ, одну гениальную голову найти для ней не трудно; если она разбросана въ десяти мѣстахъ, десяти Платоновъ для этой науки не припасемъ ни за какія деньги. Природа не производитъ такихъ головъ для жизни. Ученія людей для каждой науки — бездна: да

какой отъ нихъ польза въ преподаваніи? Онъ тамъ гдѣ-
 ла. Свѣтъ бросаетъ вокругъ одинъ только геній и отъ
 него только льется настоящее просвѣщеніе. Пусть лучше
 одинъ гениальный по своей части человекъ настаиваетъ
 въ немъ явное поклоніе, чѣмъ тысяча ученыхъ, повто-
 ряющихъ съ безднкою цитаты то, что другіе выдумали и
 что имъ самимъ не выдумать.

Было ли это соображеніе въ виду у тѣхъ, которые со-
 ставили планъ для учебной Франціи, или нѣтъ, вопросъ
 не стоитъ даже разбору: дѣло въ томъ, что этотъ планъ,
 эта централизація наукъ, основанная на тѣхъ же прави-
 лахъ какъ и централизація правительственныхъ властей,
 произвела удивительный результатъ: какъ университетъ
 для всего государства—одинъ, а областныя высшія заве-
 денія, существующія по важнѣйшимъ городамъ подъ иже-
 немъ коллегій, факультетовъ и академій—только пригото-
 вительныя школы и ступени къ этому единственному уни-
 верситету, то почти всѣ его кафедры заняты людьми ге-
 ніальными, въ члѣхъ почти каждой отрасли преподаванія,
 или отдѣльной науки, стоитъ колоссальная слава, возбуж-
 дающая въ слушателяхъ рвеніе, трудолюбіе, энтузіазмъ, и
 Парижъ—первый ученый городъ во всемъ мірѣ. Повѣст-
 вуютъ, будто этотъ чудесный учебный планъ былъ пред-
 начертанъ съ глубокими видами всепоглощающаго деспотизма.
 Пусть ихъ повѣствуютъ. Когда деспотизмъ произ-
 водитъ такіа блестящія послѣдствія, такіе благоды-
 тельные плоды для просвѣщенія, для уснѣховъ науки,
 для умственной силы народа, то деспотизмъ—славное дѣ-
 ло. Умный деспотизмъ очень полезенъ для наукъ. Безъ
 деспотизма онъ не сдѣлалъ бы даже ни одного шагу впе-
 редь. Спрашивается: что такое, въ ученомъ мірѣ, геній,
 во какой бы то ни было части? Первый деспотъ въ под-
 небесной! Полагайте мнѣ турецкаго султана самоластие
 надъ правовѣрными чѣмъ Ньютонъ надъ учеными. Геній—
 страшный деспотъ. Онъ—султанъ, а вся ученая толпа—его
 рабы, кулакъ. Разсуждать—то они, пошлуду, разсуждаютъ,
 глупымъ явствуемъ своимъ умникомъ, неиритиковать, по-
 шлудничать, но уклониться изъ-подъ власти генія—законо-
 дителю не смѣютъ: его слово—для нихъ приказъ, поте-

рый, послѣ всѣхъ разсужденій, они таки-цѣлуютъ съ колѣнопреклоненіемъ и благоговѣнно прикладываютъ ко лбу. Послѣ этого, что же значитъ «свобода» въ наукахъ? Въ чемъ она заключается? Въ томъ ли, чтобы каждый могъ въ своемъ уголку считать себя гениемъ, потому что онъ такой же ординарный профессоръ какъ и гений, уродовать науку по мѣркѣ своей головы, наполнять ее туманами своего официальнаго мозгу? Очень благодарны за такую «свободу»! Гению ни какая централизація наукъ откажетъ въ свободѣ его свѣтлыхъ помысловъ; она не можетъ стѣснять его торжественнаго полету; не въ такомъ житеишъ мы вѣдѣ, чтобы она рѣшилась предложить Галлею: «Скажи, что солнце ходитъ около земли, нето я сожгу тебѣ!» А если она предложитъ ученымъ посредственностямъ отпраиваться въ провинціальныя заведенія, гдѣ готовятъ слушателей для гениевъ, такъ въ этомъ не будетъ ни какого деспотизма, вреднаго для науки: это—чистая справедливость! Прямой интересъ централизація наукъ — окружиться гениальными людьми по всѣмъ частямъ, собрать ихъ отовсюду около себя и самой сіять среди нихъ блеску. Посмотрите на расхваливаемые вами германскіе университеты: славу каждаго изъ нихъ составляютъ одинъ или два гениальные преподавателя; возлѣ нихъ всѣ прочіе исчезаютъ во тьмѣ, не принося дѣйствительной пользы ни своей части, ни слушателямъ, ни заведенію. Молодые любовники науки ѣздятъ отъ одного университета къ другому, чтобы отыскивать знаменитыхъ профессоровъ, чтобы послушать—здѣсь великаго химика или анатомика, —тамъ великаго физика или хирурга, —въ третьемъ мѣстѣ великаго историка, естествоиспытателя или геллениста. Такъ не лучше ли же соединить всѣхъ великихъ въ столицу и сдѣлать изъ нихъ что-нибудь превеликое? Вся отборная молодежь пріѣдетъ къ нимъ, и дѣло наукъ и просвѣщенія пойдетъ успѣшнѣе. Но скажутъ: зачѣмъ же лишать отдаленныя провинціи выгодъ мѣстнаго университета? Это возраженіе болѣе человѣколюбиво чѣмъ основательно. Тѣ, которые обучаются въ провинціальныя университеты, рано или поздно пріѣдутъ въ столицу, если у нихъ есть большія способности или природныя да-

рованія, потому что одна только столица — приличное для нихъ поприще. Но если они находятъ средства пріѣхать послѣ, то могутъ пріѣхать и прежде, чтобы окончить въ столицѣ свое ученіе и получить степени. Для тѣхъ, которымъ суждено весь вѣкъ оставаться въ провинціи, достаточно и свѣту приуготовительныхъ заведеній. Человѣчество ничего не потеряетъ, если они не будутъ называться докторами правъ или магистрами философій. Для умственныхъ потребностей провинцій слишкомъ достаточно удовольствія состряпать себѣ на-мѣстѣ нѣсколько человекъ порядочныхъ студентовъ или кандидатовъ по одному какому-нибудь факультету, какъ это и дѣлается во Франціи.

Университетъ тамъ одинъ, въ столицѣ, но медицинскихъ факультетовъ три, въ Парижѣ, въ Монпелье и въ Страсбургѣ. Два послѣдніе только — дополненія перваго, главнаго, и совсѣмъ незначительны. Въ Монпелье, древнемъ университетѣ, нѣкогда соперникѣ парижскаго, профессоровъ при медицинскомъ отдѣленіи вполвину меньше чѣмъ въ парижскомъ, а слушателей только двѣсти сорокъ. Страсбурга и считать нечего: тамъ не болѣе двѣнадцати преподавателей, у которыхъ — около шестидесяти слушателей. Хотя, изъ уваженія къ старинѣ, этимъ двумъ факультетамъ, находящимся на двухъ противоположныхъ оконечностяхъ государства, сохранено право признавать высшія ученія степени, но почти никто имъ не пользуется: всѣ слушатели, по-даровитѣе, отправляются въ Парижъ, чтобы тамъ окончить курсъ подъ руководствомъ знаменитыхъ въ наукѣ людей и получить послѣднюю врачебную степень. На-мѣстѣ остается только умственный бракъ, балластъ медицины, и факультеты монпелье́рскій и страсбургскій сдѣлались, собственно, пригготовительными школами для парижскаго, въ которомъ двадцать шесть ординарныхъ профессоровъ, множество адъюнктовъ, преподавателей, доцентовъ, и тысяча семь сотъ пятьдесятъ слушателей.

Для образованія лекарей, *officiers de santé*, необходимыхъ въ арміи, есть во Франціи нѣсколько второстепенныхъ врачебныхъ заведеній, но лекарямъ дозволена весьма ограниченная практика, вообще, только наружная и

непомогательная. Въ шарлотаны обличительно выходятъ изъ этого класса, и потому учебное начальство вслѣдствіи ограничиваетъ производство въ докторы и стѣсняетъ другъ дѣйствіе этихъ полу-докторовъ для полу-болваней. Девять имѣютъ право одни докторы медицины и хирургіи. Мы замѣтили, что французское врачебное сословіе отличается между всѣми образованнымъ умомъ и хорошимъ воспитаніемъ, двумя качествами столь существенными для успѣховъ и нравственнаго блеску науки. Это замечетъ отъ двухъ инстинктовъ: во-первыхъ, никто не можетъ получить нѣмкихъ врачебныхъ степеней, не получивъ наперелъ степени кандидата по факультету словесныхъ наукъ и степени кандидата по факультету физико-математическому; въ медицинѣ, наукѣ сомнѣній и протезѣ, присуждаютъ люди уже съ умомъ просвѣщеннымъ нравственными и точными науками, и всякой согласится, что эта мѣра очень мудра и спасительна; во-вторыхъ, молодому человеку безъ всякаго состоянія нельзя тамъ быть докторомъ, если отсутствіе фортуны не замѣняется у него необыкновенными умственными способностями. Полученіе докторской степени стоить дорого; самая крайняя сумма расходовъ по этой части—триста рублей серебромъ (1,100 франковъ); предвѣрительное полученіе кандидатскихъ степеней по двумъ другимъ факультетамъ сопряжено также съ денежными вносами, и цѣлый курсъ обходится въ нѣсколько тысячъ франковъ одиной учебной пошлицы. Отъ этого налога освобождаются только слушатели съ отличными дарованіями, за большіе успѣхи и примѣрное повеленіе, когда начальство факультета удостовѣрится, что они дѣйствительно очень бѣдны: безъ этихъ условій, никому не дозволено изъять, и бездарные бѣдныя должны удалиться. Очень справедливо! Не посылать же бѣдныхъ, съ нищетою и съ ограниченномъ умомъ, кормиться на людскомъ здравіи, по тому только уваженію, что они — бѣдныя! Медицины, потому, могутъ предназначать себя заранѣе только къ молодѣе люди, которыхъ родители пользуются бѣднѣйшимъ состояніемъ и, слѣдовательно, имѣютъ средства поставить имъ сперва хорошее домашнее воспитаніе. Общественная германской университетской системы имѣетъ въ

иѣру несноснѣмъ аристократическимъ притѣсненіемъ; но они и тутъ будутъ не правы. Въ медицинѣ немножко аристократіи необходимо. Родоначальники нынѣшнихъ врачей, Асклепіады, Эскулаповичи, были ужасные аристократы: выводили они свой родъ, не отъ воеводъ и стольниковъ, а прямо отъ боговъ, почитали себя и почитались «священными мужами», очень хлопотали de descenti ignatu, о важности и почтенномъ видѣ своего сословія, и въ него не легко было попасть. Изъ этого сословія вышелъ Иппократъ, первѣй докторъ всѣхъ вѣковъ, отецъ медицины: онъ же крѣпко не жалуется, въ своихъ сочиненіяхъ, бѣдняковъ изъ профановъ, которымъ медицина нравится только какъ прибыльное ремесло и почетное званіе. Нынѣшнимъ людямъ, тѣмъ, чье сердце расположено къ врачеванію человечества, конечно, трудно доказать происхожденіе свое отъ греческихъ боговъ; но у насъ, нынѣшнихъ, есть свои боги, — деньги, — и когда бы новѣйшіе доктора вели родъ свой отъ денегъ, именъ родительскихъ, это было бы чрезвычайно полезно для достоинства ихъ сословія и для пользы науки. Французская фискальная мѣра относительно къ производству во врачевныя степеня — совершенно иппократическая. Благодаря ей, молодые врачи, будучи сыновьями семействъ, имѣющихъ средства доставить имъ этотъ ученый чинъ и еще содержаніе на первые годы послѣ полученія его, не бросаются, надѣвъ докторскую шапку, тотчасъ, прямо съ факультетской скамейки, къ практикѣ, не ловятъ пациентовъ, не изобрѣтаютъ больныхъ, не унижаютъ врачебнаго сана, шарлатанствуя по гольской необходимости, — для того чтобы лечитъ и жить: они могутъ еще совершенствовать свои познанія, пока практика не придетъ сама собою съ болѣе зрѣлымъ умомъ и извѣстностью, пожалованною обществомъ за трудъ, терпѣніе и повзвѣнные усилія; а не приходитъ практика, такъ могутъ обратить тѣ же познанія и предварительную образованность свою на что-нибудь другое, полезное для общества, себя или науки. Оттого-то сословіе французскихъ врачей пользуется большимъ уваженіемъ у публики, и масса желающихся въ немъ знанія весьма выгодна для лѣтъ отраслей просвѣщенія. Разумѣется, въ болѣе

семьѣ не безъ уродовъ: но это — фактъ, что огромное большинство французскихъ докторовъ медицины и хирургіи — люди отличные, и по уму, и по познаніямъ, и по нравственнымъ правиламъ своимъ, и множество изъ нихъ, особенно изъ числа тѣхъ, которымъ практика не далась, приобрѣли громкую извѣстность по разнымъ другимъ наукамъ.

Быть членомъ Французскаго Университета — большая честь. Въ глазахъ публики, и даже въ глазахъ всей Европы, этотъ титулъ равенъ славѣ и, почти, геніальности. Причина проста: потому что почти всѣ кафедръ заняты знаменитѣйшими людьми въ наукѣ. До кафедръ добиваются люди, вовсе неимѣющіе нужды въ жалованьѣ, люди, приобрѣтшіе уже, вмѣстѣ со славою, независимое состояніе, иногда люди богатые и люди государственные, единственно изъ чести принадлежать къ такому блестящему сословію. Профессоры, вышедшіе въ министры, не оставляютъ университета. Часто человѣку, знаменитому умомъ и познаніями, ученостью или открытіями, приходилось побывать министромъ прежде чѣмъ получить ученыя кресла. Понятно, что это внушаетъ публикѣ благоговѣнное уваженіе къ наукѣ и служитъ сильнѣйшимъ двигателемъ просвѣщенія. Для многихъ иностранцевъ удивительно, что такъ часто члены французскаго университета (Институтъ заключается тутъ же), занимаютъ первыя должности въ государствѣ: но чтобы объяснить себѣ загадку, довольно вспомнить, изъ какихъ людей составленъ университетъ: большая часть ихъ славны на весь міръ и, гдѣ бы они ни были, вездѣ правительства старались бы воспользоваться, для администраціи, ихъ необыкновеннымъ умомъ и разнородными дарованіями. Когда во Французскомъ Университетѣ дѣлаются вакантными кафедръ или академическія кресла, не только Франція, но и вся Европа, съ любопытствомъ смотрятъ, кто изъ знаменитыхъ соперниковъ займетъ мѣсто знаменитаго покойника. О какомъ другомъ университетѣ, о какой академіи, столько заботится вниманіе просвѣщеннаго міра?

Жалованье ординарнаго профессора (*titulaire*) во Французскомъ Университетѣ — три тысячи франковъ, но закон-

ными доходами оно умножается до одиннадцати тысячъ. Слушателей, посѣщающихъ курсы для полученія ученыхъ степеней, не спрашиваютъ о непремѣнномъ присутствіи при лекціяхъ: они могутъ ходить или не ходить, могутъ слушать ординарныхъ знаменитыхъ или ихъ вольныхъ соперниковъ, часто не уступающихъ въ знаменитости оффиціальнымъ «безсмертнымъ» и преподающихъ тутъ же, потому университетъ, олицетворенная централизація наукъ, не только не стѣсняетъ «свободы ученыхъ теорій», но даже даетъ имъ свои залы: всѣ соперничающія ученія развиваются рядомъ, въ общихъ зданіяхъ, всѣмъ талантамъ открыто одно общее поприще, въ центрѣ народонаселенія и наукъ. Несогласныя ученія могутъ сравнивать взаимно основательность своихъ идей и повѣрять себя другъ другомъ, не бранясь за глаза черезъ сотни верстъ и не мороча пустыми умозрѣніями слушателей, лишенныхъ возможности сличить головы, дарованія и доказательства противорѣчащихъ мудрецовъ. Но ходятъ ли или не ходятъ, слушаютъ ли тѣхъ или другихъ или вовсе никого не слушаютъ, ищущіе степеней должны заплатить университету, въ пользу ординарныхъ профессоровъ, по положенію, за всѣ курсы, какъ-будто ходили и слушали: иначе, ихъ не принимаютъ къ экзамену на степень, за который тоже надо заплатить ординарнымъ, равно какъ и за право защищать передъ ними избранные тезисы. По медицинскому факультету, для полученія докторской степени, нужно внести:

Поплины университету за пятнадцать курсовъ (inscriptions) по пятидесяти франковъ.....	750 фр.
Шестнадцатую прибавочную долю, за залу... ..	35.
За пять экзаменовъ, по 30 франковъ.....	150.
За позволеніе защищать тезисы.....	65.
За печать къ диплому.....	100.

Итого: 1,100.

Экзаменъ на званіе лекаря стѣитъ 300 франковъ.

Всѣ вообще экзамены очень строгі.

Иностранные слушатели не платятъ ничего.

Ординарные профессеры избираются университетомъ пожизненно и утверждаются въ своемъ званіи импстромъ,

который въ то же время *Grand-maitre de l'Université*, «кобуръ-университетъ-мейстеръ» и председатель университетскаго совѣта, состоящаго изъ осьми членовъкъ, въ видѣ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Экстраординарные (*agrégés*), или адъюнкты, набираются на известное число годовъ. Начальство учебной централизиціи не входитъ въ ученые теории преподавателей: они только обязываются церечь нимъ, соблюдать въ своихъ чтеніяхъ вся должное уваженіе къ религіи, къ начальству, къ установившимъ властямъ, къ кореннымъ законамъ государства и, въ чтеніи, вести жизнь благопристойною и добродѣтельную. Деканъ — председатель факультетскаго совѣта и, такъ сказать, попочитель факультета: онъ дѣлаеть предложенія, относится къ высшему начальству, въ случаѣ несоблюденія правилъ преподаванія можетъ своей властью остановить курсъ члена факультета и запретить итеніе въ университетскихъ залахъ постороннему ученому; за подобныя нарушенія прилучій, и даже за неблагородные поступки въ факультета и службы, деканъ съ совѣтомъ въ правѣ отрѣшати отъ должности всякаго изъ своихъ соученовъ.

Наружней медицинскій факультетъ состоитъ изъ двадцати-шести ординарныхъ кафедръ, кромѣ дополнительныя чтеній, въбранныхъ экстраординарнымъ преподавателямъ, и кромѣ соперничающихъ курсовъ, читаемыхъ вольными учеными въ факультетскихъ зданіяхъ. Частные доценты или репетиторы не входятъ въ счетъ, и преподають гдѣ кто можетъ. Для клиники факультетъ имѣеть осемь профессоровъ, для патологіи — четырехъ. Клиническихъ заведеній пять: госпдинъ Демонсей въ-особенности возмощается той клиникою, гдѣ преподаеть профессоръ *Rostan*. Сверхъ-того, клиниками для многихъ членовъ факультета и для постороннихъ ученыхъ служатъ главнѣйшіе госпитали и больницы городскія. Два анатомическіе амфитеатра: одинъ изъ нихъ зависитъ отъ факультета, а другой, *amphithéâtre Claparède*, преимущественно цѣльщаемый, состоитъ въ вѣдѣніи главнаго управленія госпиталей и больницъ. Анатомія преподаеть только въ зимніи мѣсяцы. Дѣтми, анатомическіе амфитеатры превращаются въ практическіе дѣтми

хирургіи. Здѣсь-то преподають въ различныхъ видахъ и объемахъ курсы анатоміи и хирургіи оффиціальныя и по-стороннія знаменитости, и сюда же приходятъ городскіе *спеціалисты* излагать свои открытія или наблюденія, съ труппными доказательствами въ рукахъ. Кромѣ факультетовъ монпельёрскаго и страсбургскаго, парижскому университету принадлежать въ разныхъ городахъ Франціи двадцать приготовительныхъ училищъ медицины. Такимъ образомъ, въ вѣдѣніи университета считается до трехъ тысячъ семи сотъ кандидатовъ на врачебное искусство. Въ прошедшѣмъ году было двѣ тысячи шесть сотъ семьдесятъ осемь человекъ. Изъ этого видно, что, несмотря на препятствія, предпоставленныя нищей толпѣ, выгоды врачебнаго званія привлекають къ этой наукѣ болѣе любителей чѣмъ нужно. Въ одномъ Парижѣ, въ 1843 году, считалось 1,443 человекъ докторовъ, да еще 169 лекарей, которые не что иное во Франціи какъ ученые цирюльники: слѣдовательно, приходилось по 1 врачу на 700 человекъ жителей, не считая шарлатановъ. Такая тма исцѣлителей производитъ то важное неудобство для врачующаго сословія, что многіе бѣднѣйшіе братья, въ бѣднѣйшихъ частяхъ столицы, делятъ аи *garais*: кто меньше заплатитъ, тотъ скорѣе выздоровѣетъ! Учебное начальство серьезно думаетъ затруднить еще болѣе производство въ званіе доктора медицины и хирургіи.

Заклучимъ замѣчаніемъ о выборахъ профессоровъ. Во французскомъ университетѣ, прежде, профессоровъ избирало министерство: оно приглашало всегда на эти мѣста самыхъ знаменитыхъ людей. При централизаци наукъ, когда университетъ—одинъ для всего государства, этотъ порядокъ — самое спасительное дѣло: выборъ долженъ быть выщею властью, какъ чуждой ученыхъ страстей и соперничествъ. Съ пѣкотораго времени, введенны факультетскія выборы на вакантныя катедры, по германскому обычаю. И что же вышла? Знаменитѣйшіе въ наукѣ люди стали уклоняться отъ соискательства, не желая подвергать своей славы случайностямъ баллотировки, которыми могутъ управлять тайная вражда соперника, исключительность стариковъ, личныя связи многочисленныхъ избират

телей или происки зависти. Хотя до-сихъ-поръ, вообще, факультеты избирали на вакантныя мѣста тѣхъ, на кого общее мнѣніе ученой публики заранѣе указывало, однако жъ факультетскіе выборы явно вредны для блеску французскаго университета, и когда не вредны, такъ со- временно бесполезны.

ОТКРЫТІЯ ГОСПОДИНА ФОРБИСА НА ДНѢ МОРСКОМЪ.

О счастливой идеѣ господина Forbes'a заглянуть прежде въ дно морское чѣмъ строить геологическія системы и о предпринятыхъ имъ изслѣдованіяхъ была уже однажды рѣчь въ этомъ отдѣленіи. Вотъ нѣкоторые общіе результаты, обнаруженные имъ на первый случай:

1. До нынѣ въ разныхъ глубинахъ моря находятя весьма многія животныя породы, которыя почитались въ геологіи исключительною принадлежностью той или другой древней эпохи міра.

2. Различія многихъ ископаемыхъ породъ съ нынѣ извѣстными ихъ типами показывають, не эпоху земнаго слоя, въ которомъ мы ихъ открываемъ, но только глубину морскаго дна въ томъ мѣстѣ при жизни этихъ породъ.

3. Каждой породѣ и каждому ея измѣненію присвоена извѣстная глубина жилища въ морѣ: этотъ законъ такъ постояненъ, что, поймавъ животное въ какомъ-нибудь мѣстѣ на морѣ, можно безъ ошибки опредѣлить глубину водъ въ томъ мѣстѣ по одной формѣ этого животного.

4. Отсутствие всякаго слѣда животной и растительной жизни въ слоѣ, не можетъ служить, ни доказательствомъ, что въ то время еще не было органической жизни, ни мѣриломъ относительной древности или новости слоевъ. Глубже ста сажень растительная жизнь прекращается совершенно, а глубже двухъ-сотъ семидесяти-пяти въ нѣкоторыхъ моряхъ не водится ни какого животного. Дно морское подвержено частымъ возвышеніямъ и пониженіямъ. Мѣсто, долго бывшее безъ всякой жизни, можетъ подняться, и на немъ тотчасъ разведутся животныя, соотвѣтствующія новой глубинѣ его; потомъ оно опустится немножко, жизнь снова исчезнетъ, и дно въ этомъ мѣстѣ нарастетъ слоемъ безъ ископаемыхъ; поднявшись

онять, лишь бы только не на прежнюю высоту, оно получит третій слой, уже съ другими породами, или съ видоизмѣненіями прежнихъ породъ: такъ, что нѣсколько земныхъ слоевъ съ различными породами ископаемыхъ животныхъ и слоевъ нежилыхъ могутъ принадлежать къ одной и той же эпохѣ.

5. Распредѣленія ископаемыхъ животныхъ по странамъ — несбыточное усиліе. *Раковистыя животныя переходятъ изъ одной страны въ другую.* Породы живутъ на своихъ морскондонныхъ высотахъ всегда цѣлыми полями, сплошь, подобно растеніямъ на нашихъ плоскихъ возвышенностяхъ и горахъ; яйца ихъ скопляются въ значительныя массы, и вода переноситъ эти семена животной жизни на большія разстоянія отъ ихъ родины. Переносныя яйца могутъ, подобно семянамъ растеній, попасть и на высоту, несвойственную своей натурѣ, между породъ другой глубины, и, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, тутъ же развиться: пришедшая изъ-дала порода будетъ здѣсь жить нѣсколько времени, но наконецъ погибнетъ, перемѣшавъ свои останки съ останками мѣстныхъ породъ.

Словомъ, геологія, заѣхавъ такъ далеко на своихъ системахъ въ глубь земли и время, должна воротиться назадъ и начать свою ископаемую мудрость съ азбуки, о которой она и забыла, съ изученія подводной поверхности земнаго шара. Разсуждать о томъ, какъ составила его внутренность, будетъ еще довольно времени, узнавъ лучше наружность.

СТОРНАЯ КИСЛОТА ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ТѢЛѢ. Человѣкъ — самая ядовитая змѣя въ природѣ. Всѣ страшнѣйшіе яды были извлекаемы изъ его тѣла. О синеродистородородной кислотѣ и говорить нечего. Нѣкоторые находили, что онъ набитъ мышьякомъ. Другіе открыли въ немъ сторную кислоту. Это интересное открытіе было оспариваемо Ries'омъ, Gigardin'омъ, Прейссеромъ. Господинъ Daubeny, чтобы убѣдить, что человѣкъ въ самомъ дѣлѣ — гремучая змѣя, извлекъ этотъ ядъ прямо изъ его зубовъ, только что выдернутыхъ изъ челюсти. Полученная такимъ образомъ сторная кислота мгновенно съѣдаетъ стекло, и

куски такого стекла господи́нъ Daubeny представить Ашмолейскому Ученому Обществу въ Оксфордѣ:

КОРОВОЕ МАСЛО ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ТѢЛѢ. Господинъ Вюрцъ находитъ, напротивъ, что человекъ состоитъ весь изъ чухонскаго масла: извѣстно, что такъ называется въ Петербургѣ лучший сортъ коровьяго. Человекъ разлагается на омбрину, бѣлковину и творожину; эти три вещества превращаются одни въ другія и, собственно, всѣ три — одно вещество; омбрина превращается въ летучее масло, которое, какъ господинъ Вюрцъ удостоверялся, не что иное какъ чистое коровье масло, соединенное съ кислородомъ, или *коровья-масляная кислота*, *acide butyrique*. *Коровья-масляная*... выходитъ не хорошо по-русски: не назвать ли этой кислоты *чухонскою кислотою*? Оно было бы глаже. Но, избѣгая неблагозвучія и досаднаго родства съ коровами, можно наткнуться на другое неудобство: финляндскіе корнеслюпы, пожалуй, скажутъ, что, состоя изъ чухонской кислоты, всѣ люди явно и очевидно — Чухны, Право не знаешь что дѣлать съ этимъ открытіемъ господина Вюрца! Онъ сообщилъ его парижской академіи наукъ черезъ господина Дюма. Дѣло относится всё къ тому же спору между химиками о коровѣ.

ОТРАЖЕНІЕ ОБРАЗА СОЛНЦА НА ОБЛАКАХЪ. Въ одномъ изъ ученыхъ англійскихъ журналовъ помѣщено описаніе этого рѣдкаго оптического явленія, котораго господи́нъ Hennessy былъ свидѣтелемъ въ коркскомъ графствѣ. Въ февраль мѣсяцѣ, въ пятомъ часу по-полудни, примѣтилъ тамъ на нижней сторонѣ большаго лежачаго облака ясно отраженный образъ солнца, приближающагося къ закату. Образъ сначала былъ слабый; но, постепенно, яркость его усилилась до того, что онъ освѣщаетъ предметы, лежащіе подъ облакомъ. Край этого свѣтлаго круга былъ обведенъ красными и оранжевыми бахромками. Величина образа казалась та же, какъ и видная величина солнца. Когда облакъ болѣе приблизилось къ горизонту, образъ исчезъ.

НОВАЯ ГАЛВАНИЧЕСКАЯ БАТТЕРІЯ; ГОСПОДИНЪ ШЕРКЕНДОРФЪ. Этотъ ученый изобрѣтатель изобрѣтаетъ въ

бы, въ завлекъ; читанной въ Берлинской академіи наукъ, съ открытіемъ «новаго начала, по которому можно умножать произвольно силу гальваническаго тока». Надо взять простой Вольтовъ столбъ и банку Грова; всѣ жидкія пластинки Вольтова столба соединить проволоками съ цинкомъ банки, и всѣ цинковыя съ ея платиною; въ этомъ положеніи нѣтъ тока, но каждый разъ какъ разрываете сообщеніе между столбомъ и банкою, являетя сильный токъ, хотя и не продолжительный. Чѣмъ больше пластинокъ въ столбѣ, тѣмъ сильнѣе токъ, который тогда идетъ въ обратномъ порядкѣ полюсовъ, какъ и во «второстепенныхъ» батареяхъ Риттера. Кажется, «новаго начала» тутъ нѣтъ: та же Риттерова батарея; только съ банкою Грова. Чтобы употребить этотъ непродолжительный токъ въ дѣло, нужно поминутно разрывать и возстановлявать сообщеніе между банкою и столбомъ. Рукою, разумеется; этого нельзя дѣлать довольно быстро и ловко. Господинъ Поггендорффъ устроилъ особенный механизмъ, который производитъ операцію съ отличнымъ успѣхомъ, двѣ-три-четыре раза въ минуту, но который, какъ видно изъ описанія, нужно вертѣть. Но если вертѣть, такъ ужъ лучше взять магнито-электрическій снарядъ Фардѣ: тамъ по-крайней-мѣрѣ рукъ марать не приходится и томъ любой силы всегда готовъ, потому что его можно усиливать и ослаблять посредствомъ особеннаго расположенія магнитовъ и спиралей. Ученый контактистъ, въ пылу войны своей съ господиномъ Де-ла-Ривомъ за *второстепенные токи*, кажется, не примѣтилъ, что то же самое преимущество представляетъ и новая банка врага его, банка съ движущимся жидкимъ язычкомъ и спиралью или спиралями; и съ нею еще та выгода, что вертѣть не нужно.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРИРАЩЕНІЕ ЗООЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ АНГЛИЙСКАГО НАРОДНАГО МУЗЕЯ. По донесенію, представленному парламенту, зоологическое собраніе этого заведенія получило втеченіи прошлаго года *двадцать два тысячю* нумеровъ новыхъ предметовъ. Это огромное число годоваго приобрѣтенія показываетъ, какія ученые богатства накоплены въ Английскомъ Народномъ Музеемъ

и какими средствами оны располагаетъ. Въ числѣ 22,000 новыхъ номеровъ показано 750 млекопитающихъ животныхъ, 3000 птицъ, 1000 рыбъ и пресмыкающихся, 11,000 наземныхъ и болѣе 6,000 мягкотѣлыхъ и лучистыхъ.

ДѢЛА НА ІОНИЧЕСКИХЪ ОСТРОВАХЪ. *Разоказъ миссъ Гертъ.* Прошло шесть лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ сэръ Джорджъ Гарнортъ сдѣлался губернаторомъ одного изъ маленькихъ острововъ іоническаго архипелага, куда оны отпросился послѣ смерти жены своей; накутивъ одиночествомъ, оны отправился въ Англію, чтобы привезти оттуда двухъ дочерей своихъ, воспитывавшихся въ пансіонѣ, подъ надзоромъ своей тѣтки. Миссъ Марта, такъ звали послѣднюю, какъ истая старая дѣва, ненавидѣла военныхъ и сначала никакъ не могла свыкнуться съ мыслью, поселиться въ военной колоніи; но, истощивъ самыя краснорѣчивыя убѣжденія и не успѣвъ отклонить брата отъ его намѣренія, она покорилаь необходимости и рѣшилась сама послѣдовать за племянницами, чтобы не оставить ихъ безъ покровительства и защиты отъ опасностей, угрожавшихъ имъ въ ихъ новой жизни.

Путешествіе было, какъ-нельзя болѣе, счастливо; и молодыя дѣвушки, восхищенные мѣстоположеніемъ и восточною оригинальностію новаго жилища ихъ, объявили, что островокъ ихъ—настоящій земной рай. Тѣтушка Марта была очень далека отъ того, чтобы раздѣлять мнѣніе ихъ; для нея барабанщики и флейтчики, смотры и парады, утренніе и вечерніе пушечные выстрѣлы, словомъ, всѣ шумные признаки военнаго правленія, были непрерывной причиной досадъ, жалобъ или негодованія. Особенно положеніе племянницъ ея, безпрестанно окруженныхъ ловкими офицерами, заставляло ее жаловаться и представлять генералу необходимость удалить дочерей его отъ опасныхъ искусителей и отправить на виллу его Санта-Кіара; но сэръ Джорджъ не соглашался на ея требованія.

— Что это, всё одни офицеры, говорила миссъ Марта: вездѣ офицеры, только офицеры!....

— Велика бѣда! Я самъ офицеръ.... Развѣ вы можете

пожаловаться на котораго-нибудь изъ моихъ молодыхъ подчиненныхъ?....

— Неужто вы не боитесь, что Софія и Эмма....

— Онѣ дочери военнаго и потому могутъ себѣ избрать мужа между товарищами отца.

Тѣтушка Марта наконецъ поняла, что должно покориться тому, чего нельзя отворотить. Впрочемъ ничто не оправдывало ея опасеній. Софія и Эмма были молодыя дѣвушки, замѣчательныя по граціи и красотѣ своей, слѣдовательно, офицеры всего гарнизона были отъ нихъ безъ пафити; но такъ какъ онѣ были очень хорошо воспитаны, то скоро замѣтили, что большей части этихъ господъ недоставало того свѣтскаго обращенія и той благовоспитанности, которою отличаются люди хорошаго общества.

На второй годъ, лѣтомъ, когда семейство губернатора удалилось въ Санта-Кіара, съ пароходомъ, принадлежавшимъ правительству случилось несчастіе въ то самое время, когда онъ входилъ въ главную гавань острова. Капитанъ Орлъ, адъютантъ сэръ Джорджа, докладывая ему объ этомъ происшествіи, не могъ нахвалиться присутствіемъ духа и мужествомъ какого-то капитана Сетона, находившагося на пароходѣ, потерявшаго весь багажъ свой и спасшаго жизнь нѣсколькимъ пассажирамъ.

— Онъ молодой человекъ весьма пріятной наружности, прибавилъ адъютантъ: но робокъ и сантименталенъ какъ молодая дѣвушка.

— Это значитъ, что онъ скромнень и любезнень, замѣтила тѣтушка Марта.

— Хотя онъ лишился всего, что у него было съ собою, и гардеробъ его находится въ жалкомъ состояніи, однако жъ никому изъ насъ не удалось заставить его принять хотя малѣйшую услугу, продолжалъ капитанъ. Онъ, по видимому, не обращаетъ ни какого вниманія на очень непріятное ощущеніе отъ новыхъ своихъ парусинныхъ рубашекъ....

При послѣднемъ словѣ, миссъ Марта чуть не упала въ обморокъ; но генералъ даже не замѣтилъ негодованія ея и равнодушно продолжалъ разговаривать съ своимъ адъютантомъ:

— Не привезъ ли онъ миссъ Марту?

— Ни къ кому, отвѣчала мисстеръ Орль. Объ немъ да-
момъ мы знаемъ только то, что онъ человекъ храбрый и
образованный.

— По послѣднему онъ будетъ рѣдкость въ здѣшнемъ
гарнизонѣ, проворчала миссъ Марта.

Сэръ Джорджъ отиравшася въ городъ и былъ такъ во-
схищенъ подробностями, рассказанными ему про дѣй-
ствія капитана Сетона, при разрушеніи парохода, что при-
гласилъ его на нѣсколько дней въ свою виллу; этой чести
не удостоиваеся еще ни одинъ офицеръ изъ всего гарни-
зону, исключая адъютанта. Несмотря на то, молодой чело-
вѣкъ вѣжливо отказался отъ приглашенія генерала подъ
предлогомъ, что состояніе гардероба его не позволяеть ему
явиться передъ дамами.

Въ отсутствіе сэра Джорджа, котораго долгъ службы
заставлялъ часто отлучаться изъ Санта-Кіара, молодой
дѣвушка; иногда очень рано утромъ, прогуливалась по
окрестностямъ, въ сопровожденіи старата свѣтлѣ-
слаго гнома, двадцать лѣтъ уже находившагося въ услу-
женіи у генерала. Послѣ нѣсколькихъ дождливыхъ дней,
сестры, наскучивъ затворничествомъ и прельщеніемъ свѣ-
жестью атмосферы, онѣ великіи осѣдлали лошадей и поѣхали
къ неточинну мноральныхъ водъ, находившемуся въ
шести миляхъ отъ виллы, въ прелестной Вокеттской доли-
нѣ. Прибывъ туда, онѣ сошли съ лошадей возлѣ хижины
пастуха, въ которой уже нѣсколько разъ останавливались
и пили молоко; пройдя киртовую аллею, онѣ подошли къ
хижинѣ и постучались.

Дѣвушка чрезвычайно испугалась и смутилась, увидѣвъ
въ хижинѣ незнакомаго молодого человека, который началъ
на оканья; онѣ хотѣли уже удалиться безъ шума, когда
пастухъ востуха, замѣтивъ ихъ, громко и радостно встрѣ-
нула. Воскличаніе ея разбудило молодого человека: **Кто**
онъ былъ одѣтъ очень просто, но въ немъ не трудно бы-
ло узнать чловека, принадлежавшаго къ хворшему бо-
жеству сушка; лошадиныя ноги его и нѣсколько чело-
вѣческихъ обрашковъ, разбросанныхъ по столу, въ это-

речь молодца дивились думая поздравить, объяснили причину присутствия его въ хижинѣ;

— Между тѣмъ какъ гестры готовились удалиться, молодой дуракъ, востынно скончившій, вѣжливо позволилъ имъ. Вокоръ заглянул между ними разговоръ и Софія сказала незнакомцу, что въ деревнѣ, лежащей въ двухъ миляхъ отъ Вейстета; близъ морскаго берега, онъ могъ бы имѣть gerade удобное пристанище.

— Я провелъ прошедшую ночь въ Пестромъ; отбывая съ замѣшательствомъ молодой человекъ: впрочемъ, прощанья моя имѣть цѣль почти учиную и я мало забавюсь объ удобствахъ пристанища. Эти добрые люди принялъ меня какъ-вельня лучше.

Почтительный томъ, съ которымъ были прощались эти слова, дати повѣсть молодымъ дивушкамъ, что незнакомецъ зналъ кто онъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, она была такъ смущена присутствіемъ ихъ, что Софія рѣшилась удалиться; когда Эмма, увлеченная обычною глупою живостью, сказала улыбаясь:

— Вы, вѣроятно, очень недавно прибыли на наши острова; иначе вы не могли бы не знать Вейстетской долины, которую все прибывающіе сюда иностранцы прежде всего посѣщаютъ. Слѣдовательно, ярая у васъ извѣстия за послѣднее время, я полагаю, что вы ищемъ удовольствіе поговорить съ капитаномъ Сестономъ.

Незнамецъ утвердительно кивнулъ головою, но вмѣстѣ съ тѣмъ лицо его приняло выраженіе, которое заставляло сказать Софію, когда она осталась одна съ островомъ, что капитанъ былъ болѣе удивленъ, нежели обрадованъ тѣмъ, что его узнали.

— Отецъ мой, прибавила Эмма, обращаясь къ капитану теперь въ городъ, но она вернется къ обществу въ Санкт-Кларе и ему будетъ очень интересно, когда вы узнаете, что вы были такъ близко отъ нашей анлаги не посѣтивъ насъ.

Капитанъ отвѣтилъ, что сумка его не была снабжена необходимыми для развлечения доку, который въ то время былъ бы для него большимъ удовольствіемъ; однако, когда не было времени для продолженія разговора, онъ

лины, когда онѣ раздѣляли съ нимъ хлѣбъ и молодого пастуха, когда старшій Робертъ сталъ возмущать лошадей, Артуръ Сетонъ согласился наконецъ, что при помощи партикулярнаго платья, которое адъютантъ всегда оставлялъ на видѣ, ему можно будетъ представиться въ семьѣ генерала.

— Если бѣ вамъ угодно было проводить насъ до Пьетрона, сказала Эмма: то вы могли бы взять лошадь Роберта, которому мельникъ одолжитъ своего лошака, чтобы воротиться домой.

Какъ ни отказывался сначала Артуръ, но наконецъ долженъ былъ согласиться; его кроткая любезность такъ расположила къ нему молодыхъ дѣвушекъ, что онѣ сдѣлались разговорчивыми; умъ и образованность ихъ явились во всемъ блескѣ и онѣ вполне предались удовольствію разговаривать на родномъ языкѣ подъ прекраснымъ небомъ Греціи.

Видъ высокихъ кипарисовъ, окружавшихъ виллу, напомнилъ имъ, что возвращеніе ихъ въ сопровожденіи незнакомца, крайне оскорбитъ чувство приличія тѣтушки Марты; первый человекъ, поклонившійся имъ, когда онѣ вѣхали на дворъ, былъ адъютантъ сэра Джорджа, который и увѣдомилъ ихъ, что генералъ воротился.

Хотя услужливость Роберта Орда и дала товарищу его возможность явиться къ столу въ довольно приличномъ видѣ, однако жъ ясно было, что несмотря на военную откровенность и искреннее прямодушіе генерала, Сетону пріятнѣе было бы остаться въ своей квартиркѣ въ казармакъ или въ книжнѣ пастуха, въ Бокеттѣ. Больше и больше очарованный разговорами и скромностію своего гостя, сэръ Джорджъ объявилъ ему рѣшительно, что не такъ скоро отпустить его отъ себя. Желаніе его, выраженное такимъ образомъ, было закономъ для молодого офицера: Артуръ поселился на нѣсколько дней въ Санта-Кіара.

— Молодой человекъ не глупъ, сказала миссъ Марты, оставшійся одна съ племянницами: онъ очень хорошо понимаетъ, что ему нельзя быть въ короткой привычкѣ съ своимъ генераломъ.

— А не согласна съ вами, тѣтушка, возвращаясь съ вами.

востію Эммы: по манерамъ и обращенію его видно, что онъ привыкъ посѣщать лучшія общества.

— Онъ прекрасный музыкантъ, продолжала старая дѣва: искусство, съ которымъ онъ проигълъ партію свою въ трио Россини, удивило меня; но можеть-быть родители хотѣли посвятить его музыкѣ.

— О! Этого быть не можетъ, возразила Эмма: развѣ вы не слышали, какъ разговаривая о знакомыхъ своихъ, онъ называлъ людей болѣею частію извѣстныхъ и между прочими нашего кузена, Гаркорта, у котораго онъ нѣсколько разъ обѣдалъ.

— Это ничего не доказываетъ, милая моя, вскричала миссъ Марта: по несчастію, въ Англии часто случается, что знатнѣйшія особы приглашаютъ къ столу своему молодыхъ пѣвцовъ!....

Эмма крайне обидѣлась этими словами и упрекнула тѣтушку въ строгости, съ которою она судила о молодомъ человѣкѣ, ни чѣмъ не заслужившемъ несправедливыхъ ея обвиненій.

Однако жъ чрезвычайная робость капитана была, въ самомъ дѣлѣ, довольно непонятна, особенно въ человѣкѣ его званія; хотя робость эта нисколько не походила на неловкость человѣка, перенесеннаго не въ свою сферу. Эта робость придавала ему иногда даже нѣкоторую прелесть, однако жъ ее невозможно было приписать одной природной дикости и живые отвѣты и проблески свѣтской ловкости и смѣлости, какъ-бы неволью проявлявшіеся, дѣлали всегдашнюю скромность его еще болѣе загадочною. Однимъ словомъ, можно было подумать, что онъ разыгрывалъ принятую роль или опасался радушія, которое все ему оказывали. Если онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ цѣлюю отклонить отъ себя пріязнь генерала и семейства его, то тактика его не удалась ему.

Исключая миссъ Марты, во всей виллѣ не было ни кого, кто бы не полюбилъ капитана. Сэръ Джорджъ объявилъ ему, что онъ всегда найдетъ готовый приборъ за столомъ его и постель въ его домѣ, и наконецъ, онъ обѣщалъ сдѣлать его адъютантомъ своимъ, когда получитъ ожидаемое со дня на день производство капитана Орда въ высшій

шить. Расположение генерала къ Артуру было особенно приятно Эммѣ.

Артуръ Сетонъ разстался въ семействѣ генерала, но не прости двухъ недѣль, какъ онъ опять появился на свѣтъ, гдѣ его не забыли. Генералъ по-прежнему осыпалъ его ласками; сестры опять избирали его кавалеромъ въ прогулкахъ своихъ и тогда Эммѣ казалось, что дѣлты были дупистѣе, вечерній вѣтерокъ пріятнѣе, нѣжнѣе. Миссъ Марта была въ отчаяніи.

— Я увѣрена, думала она, что братъ мой предложитъ ему руку одной изъ дочерей своихъ—вѣроятно Эммы—съ тридцатью тысячами фунтовъ стерлинговъ.

Большая почтенная дѣва была не совсѣмъ безъ основанія. Эмма только и мечтала о прекрасномъ молодомъ капитанѣ. Артуръ не былъ нечувствителенъ къ привадиности милой дѣвушки, полной граціи и невинности. Несмотря на то, любовь его была такъ же странна, какъ и робость. Эмма цѣнила любовь его потому что онъ смущался, какъ-скоро она появлялась по краснорѣчивой выразительности его взору, по радости, которую онъ изъяснялъ при малѣйшемъ признакѣ благосклонности. Но ни одно признаніе, ни одно слово, вырвавшееся изъ сердца, не подтверждали сладостной ея увѣренности. Еще хуже: едва Артуръ могъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что происходило въ сердцѣ его, какъ онъ внезапно сдѣлался по-прежнему робкимъ, несообщительнымъ; избѣгалъ случая остаться наединѣ съ Эммой, не старался встрѣтить взору ея и сдѣлавшись, наконецъ, адъютантомъ сэра Джорджа, онъ пріискалъ себѣ столько занятій по службѣ, которыя предшественнику его и въ голову не приходили, что не могъ почти ни одной минуты посвятить семейству генерала. Эмма была очень несчастлива; правда, тайный восторгъ говорилъ ей, что мнимая холодность капитана служитъ только доказательствомъ любви его, но она не могла объяснить себѣ, зачѣмъ онъ, какъ казалось, страшился привадиности, которою она столько дорожила и горестъ только увеличивала любовь ея.

Однажды, когда генералъ вышелъ гулять съ сестрой и старшей дочерью Сетонъ, прибывъ въ Санта-Клара по лодкѣ

службы, нацѣль тамъ одну Эмму, которая оставалась дома, и должець былъ почти цѣлый часъ пребыть съ нею наединѣ.... Въ разговорѣ Эмма упомянула объ одномъ изъ людей, спасенныхъ капитаномъ, во время крушенія стимера.

— О! вы благородно поступили, прибавила она; и всякая женщина сочла бы себя счастливой, имѣя право называть братомъ того, который оказалъ столько неустрашимости и великодушія.

— Ради Бога, миссъ, пощадите меня, вскричалъ молодой человекъ: я боюсь вашихъ похвалъ, я страшусь самой дружбы вашей! Опасно привязываться къ благамъ, которыхъ можно лишиться.... Воспоминаніе, остающееся объ нихъ, слишкомъ мучительно.....

— Что вы хотите сказать? спросила Эмма поблѣднѣвъ.

— Ахъ, простите мнѣ, миссъ: забудьте слова мои, проговорилъ Сетонъ.

Молодая дѣвушка, не говоря ни слова, пристально посмотрѣла на капитана; потомъ съ живостію отвернула голову, чтобы скрыть слезы, выступившія на глазахъ ея.

— О, Боже мой, вскричалъ Артуръ, какъ я несчастливъ! Я бы долженъ былъ это предвидѣть, я бы долженъ былъ отказаться отъ этого мѣста.....

И онъ пошелъ къ двери, но остановился на порогѣ и досрѣдно воротился.

— Богъ мнѣ свидѣтель, миссъ, сказалъ онъ, что я смѣло могу посмотреть всякому въ глаза, но—наружность часто обманчива, и свѣтъ жестокъ въ судѣ своемъ! Все, что есть страннаго въ поведеніи моемъ, скоро объяснится и вы поймете, сколько я страдалъ. Позвольте мнѣ видѣть хоть то утѣшеніе, что вы не повѣрите тому, въ чемъ будутъ обвинять меня, что вы не лишите меня вашего уваженія, котораго я достоинъ во всѣхъ отношеніяхъ, кланусь вамъ. Прощайте, миссъ, я долженъ удалиться отъ васъ.

Съ этими словами Артуръ вышелъ изъ комнаты. Съ тѣхъ поръ онъ еще рѣже сталъ появляться въ Санта-Клара и разговаривалъ съ Эммой только въ присутствіи сэра Джорджа, когда приличіе того требовало.

Такимъ образомъ прошло два мѣсяца; осень приходила къ концу и хотя миссъ Марта употребляла всѣ усилія, чтобы заставить брата остаться еще за городомъ, однако жъ сэръ Джорджу надоѣли безпрестанныя поѣздки изъ Санта-Кіара въ городъ и обратно, и онъ рѣшился оставить виллу. Въ городѣ только и говорили о зимнихъ увеселеніяхъ, о предстоящихъ балахъ, о карнавалѣ, и въ продолженіи семимѣсячнаго уединенія сельская жизнь потеряла всю прелесть свою въ глазахъ старшей дочери генерала. Что же касается до Эммы, которую таинственныя слова капитана ввергнули въ глубокую меланхолю, то намѣреніе отца, казалось, возвратило ей жизнь и сэръ Джорджъ сталъ надѣяться, что городская жизнь излечитъ ее отъ грусти, которую онъ приписывалъ скукѣ. Однако жъ не надежда на зимнія увеселенія вызвала отгѣнокъ румянца на щеки и оживила взоръ Эммы, отуманенный печалію: танцы и музыка болѣе не радовали ее — она надѣялась, что будетъ чаще видѣться съ Артуромъ и что, живя съ нимъ въ одномъ домѣ, ей удастся, можетъ-быть, проникнуть тайну холодности, переменъ и полудовѣренности, которая такъ испугала ее. Она по-прежнему была увѣрена въ благородствѣ капитана, но странности и таинственность его устрашали ее; она надѣялась однако жъ, что видя печаль ея, онъ, увлеченный любовью и состраданіемъ, измѣнитъ себѣ въ глазахъ сэра Джорджа, который слишкомъ любилъ дочь свою, чтобы пренятствовать ея счастью.

Эмма не ошибалась въ послѣднемъ; не-разъ генералъ самъ съ удовольствіемъ думалъ о бракѣ между любимцемъ своимъ и Эммой и по этому самому написалъ въ Англию, чтобы получить подробнѣйшія свѣдѣнія о молодомъ человѣкѣ, котораго онъ ввелъ въ семейный кругъ свой.

Наканувъ дня, назначеннаго для отъѣзду изъ виллы, миссъ Марта вошла къ племянницамъ своимъ съ грознымъ видомъ; но дурное расположеніе ея относилось не къ молодымъ дѣвушкамъ; единственною причиною этого былъ непостижимый капризъ сэра Джорджа, который прежде такъ торопился переѣхать съ семействомъ своимъ въ городъ, а теперь прислалъ нарочнаго съ приказаніемъ, чтобы

сестра его и дочери ни подъ какимъ видомъ не выѣзжали изъ Санта-Кіара впродъ до разрѣшенія его. Впрочемъ, письмо генерала было весьма коротко и безъ всякихъ объясненій; онъ писалъ еще, что черезъ день или два самъ воротится въ Санта-Кіара.

— Чтò случилось, Боже мой! вскричала Эмма: можетъ быть какое-нибудь несчастіе. Съ послѣднимъ пароходомъ батюшка получилъ письма изъ Англіи!....

Предчувствія Эммы не обманули ее. Артуръ былъ причиною того, что сэръ Джоржъ отложилъ переездъ семейства своего изъ виллы въ городъ. Лордъ Ольгернонъ, молодой капитанъ, прибывшій изъ Англіи, сходя съ парохода изъ-дали увидѣлъ Артура Сетона и обратившись къ нѣкоторымъ офицерамъ, окружавшимъ его, вскричалъ съ наумленіемъ и презрѣніемъ:

— Какъ! Этотъ человекъ въ вашемъ гарнизонѣ! Я думалъ, что его совсѣмъ выключили изъ службы.

Сетонъ былъ любимъ всеми товарищами своими и тѣ изъ нихъ, которые услышали восклицаніе лорда Ольгернона, довольно грубо спросили его, чтò онъ хотѣлъ сказать этими оскорбительными словами; но лордъ, не обращая вниманія на негодование ихъ, рѣшительно отказался отъ всякихъ объясненій. Дурныя вѣсти обыкновенно распространяются очень скоро и на слѣдующее же утро, всѣ подробности этого неуряднаго происшествія дошли до слуха капитана Сетона, благодаря двумъ или тремъ добрымъ товарищамъ, завидовавшимъ милости къ нему генерала. По обычаямъ англійской арміи, жестоко оскорбленному офицеру оставалось только одно средство защитить честь свою. Артуръ послалъ двухъ пріятелей своихъ къ лорду Ольгернону, съ тѣмъ, чтобы они потребовали у него объясненія.

— Скажите капитану Сетону, возразилъ лордъ Ольгернонъ, что я былъ на Бермудскихъ Островахъ въ то самое время, когда онъ вышелъ въ отставку.

Тщетно офицеры повторяли, что они желаютъ знать въ какой степени должны они принять участіе въ ссорѣ пріятеля ихъ и что потому имъ нужны подробнѣйшія объ-

ясненія: лордъ Ольгернонъ молчалъ и они должны были удалиться, не получивъ болѣе яснаго отвѣту.

Артуръ Сетонъ, взволнованный, прохаживался по комнатѣ. Шумъ шаговъ, послышавшихся на лестницѣ, заставилъ его придать лицу своему холодное, равнодушное выраженіе и когда офицеры вошли въ комнату, онъ, не говоря ни слова, ожидалъ, чтобы они передали ему отвѣтъ лорда Ольгернона.

— Господа, сказалъ онъ, выслушавъ разсказъ ихъ: вы считали меня дружкой вашей и я считаю долгомъ доказать вамъ, что я не недостойнъ ся. Но теперь я не могу отвлечьъ васъ несчастныхъ обстоятельствъ, которыя навлекли на меня оскорбленіе лорда Ольгернона. Чтобы вы могли повѣрить оправданію моему, я прежде всего долженъ встрѣтиться лицомъ къ лицу и съ оружіемъ въ рукахъ съ Ольгернономъ; теперь же я только поклянусь передъ Богомъ и людьми, что я невиноватъ, и что никогда не преступалъ правилъ чести, несмотря на то, что надо было торопиться, признаюсь, важныя обвиненія. Теперь вамъ остается сказать, вынуждено ли вамъ поведеніе мое довольна до вѣренности къ мнѣ и можете ли вы быть моими секундантами въ дуэли, теперь неизбежной?

Офицеры протянули къ капитану руки, сказали, что они могутъ располагать ими.

— Благодарю васъ, друзья мои, продолжалъ Сетонъ: благодарю за это доказательство уваженія. Я заслуживаю его и вы не расклетесь въ до вѣренности нашей. Сходите жъ опять къ лорду Ольгернону, потрудитесь переговорить съ нимъ и постарайтесь, чтобы дѣло было кончено сегодня же. Дайте мнѣ только два часа времени; я хочу написать нѣсколько словъ къ генералу, которыя вы передадите ему, въ случаѣ несчастія. Оставляю на произволъ противника моего выборъ оружія, но настоятельно требую, чтобы дѣло окончилась смертію одного изъ насъ. Прощайте, друзья мои, прощайте; будьте уверены въ моей признательности.

Офицеры немедленно исполнили это печальное порученіе.

— Сегодня вечеромъ я буду къ услугамъ капитана Се-

тоца, холодно отвѣчалъ лордъ Ольгердонъ. Я имѣю полное право отказаться отъ этой встрѣчи и никто, я въ томъ увѣренъ, не могъ бы обвинить меня; но я не привыкъ отказываться отъ вызова, тѣмъ болѣе, что самъ далъ поводъ къ нему своею истрещностью, необдуманностью; и судя потому, что я *здѣсь* узналъ о пріятелѣ вашемъ, мнѣ пріятно доставить ему случай снова приобрести общее уваженіе, котораго онъ — я теперь готовъ вѣрить тому — несправедливо лишился.

— Ваше оружіе, капитанъ? спросилъ одинъ изъ секундантовъ.

— Мнѣ всё-равно; уговоритесь съ моими секундантами.

— Время?

— Въ пять часовъ, если вамъ угодно.

.....

Въ шесть часовъ сэръ Джорджъ получилъ письмо, присланное родителемъ. Онъ сорвалъ печать и прочелъ слѣдующее:

«Несчастныя обстоятельства, присоединившись къ неограниченности моей, лишили меня добраго имени. Приготовляясь къ участи, не говорю, которая ждетъ меня, но на встрѣчу которой я долженъ идти, я хочу дать небольшому числу людей, уваженіемъ которыхъ дорожу, возможность спсходительно судить о короткой карьерѣ моей.

«Я единственный сынъ покойнаго адмирала сэра Артура Сетона. Такъ какъ мать моя вскорѣ послѣ смерти отца, вступила во второй бракъ, то я былъ воспитанъ въ домѣ опекуна моего, почтеннаго настора, дальняго родственника нашего. Я получилъ въ наслѣдство двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ и такъ какъ я готовился вступить въ военную службу, то мистеръ Отвѣ счелъ за нужное послать меня на нѣсколько лѣтъ въ Сандерстъ. Семейство мистеръ Отвѣ состояло изъ двухъ дочерей, почти однихъ съ мною лѣтъ и, вѣроятно, это была одна изъ главнѣйшихъ причинъ, заставлявшихъ его удалить меня изъ своего дому; хотя онъ любилъ меня какъ сына и живѣйшее желаніе его было соединить меня съ одною изъ дочерей своихъ, но онъ былъ слишкомъ благороденъ, чтобы позволить мнѣ связать себя честнымъ словомъ, не познакомивъ

шился съ свѣтомъ. И такъ, на шестнадцатомъ году я оставилъ домъ опекуна, и посѣщалъ его только во время вакацій. Доброму и почтенному пастору однако жъ нечего было страшиться. Молодые люди, воспитанные вмѣстѣ и въ такихъ родственныхъ, братскихъ сношеніяхъ, рѣдко влюбляются другъ въ друга. Люси и Марія замѣнили мнѣ сестеръ и я даже не замѣтилъ бы красоты ихъ, если бы не слышалъ о томъ сужденій постороннихъ людей.

«Достигнувъ семнадцати-лѣтняго возраста, Марія умерла отъ жестокой горячки и врядъ-ли отецъ и сестра ея были огорчены болѣе меня ея смертію. Такъ какъ Люси осталась одна, то приличіе еще менѣе прежняго позволяло мнѣ жить въ домѣ пастора и вслѣдствіе этого я рѣшился провести послѣднія вакаціи въ Саудѣрствѣ; но одинъ изъ товарищей моихъ, старшій сынъ ирландскаго баронета, предложилъ мнѣ посѣтить съ нимъ вестморлендскія озера и я охотно принялъ предложеніе его, съ тѣмъ однако жъ условіемъ, что испрошу на то согласіе моего опекуна. Чтобы не терять напрасно времени, я отправился къ пастору, тотчасъ по закрытіи курсовъ, взявъ съ собою Пенкгема, моего товарища. Увидѣвъ Люси, онъ такъ былъ плененъ красотой и невинностію ея, что придумывалъ разные предлоги, чтобы отсрочивать предположенную поѣздки нашу; онъ такъ хорошо умѣлъ поддѣлаться ко всѣмъ, что самъ пасторъ просилъ его провести еще нѣсколько времени въ его домѣ. Однимъ словомъ, въ самое короткое время онъ сумѣлъ пріобрѣсть дружбу пастора и любовь дочери его. Будучи несовершеннолѣтнимъ, онъ уговорилъ Люси согласиться на тайный бракъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что отецъ никакъ не дастъ ему своего согласія. Добрый пасторъ, незнакомый съ обманомъ, ничего не подозрѣвалъ и просилъ гостя своего не забывать его и посѣщать, когда только будетъ время и возможность.

«Мы уѣхали. Нѣсколько времени спустя я окончилъ курсъ и до отъѣзду въ Коркъ, гдѣ стоялъ полкъ, въ который я былъ опредѣленъ, я пріѣхалъ проститься съ моимъ-опекуномъ. Послѣ родительскихъ совѣтовъ, вырвавшихся изъ души добраго пастора, онъ, со слезами на глазахъ, умолялъ меня, торжественно обѣщать ему, быть по-

кровителемъ его дочери, если она будетъ имѣть въ томъ нужду. Я поклялся быть ей братомъ....

«Нѣсколько мѣсяцовъ спустя, я узналъ, что Пекегемъ уговаривалъ неопытную молодую дѣвушку бѣжать съ нимъ, и что нѣсколько недѣль спустя добрый пасторъ умеръ съ горя; тогда я понялъ, что пришло время привести въ исполненіе клятву мою, тѣмъ болѣе, что во время близкихъ сношеній моихъ съ Пекегемомъ, я узналъ его съ весьма невыгодной стороны. Я нѣсколько успокоился, получивъ извѣстіе о томъ, что онъ женился на Люси.

«На всѣ письма свои къ ней я, однако жъ, не получалъ отвѣта. Впослѣдствіи я узналъ, что Пекегемъ задерживалъ ихъ, вѣроятно для того, чтобы заставить Люси думать, что я забылъ объ ней; я же, съ своей стороны, въ этомъ молчаніи видѣлъ только доказательство того, что она не нуждалась въ моей помощи и что была принята и признана отцомъ своего мужа. Нѣсколько времени спустя, полкъ нашъ былъ отправленъ на Бермудскіе Острова и желая получить повышеніе, я не сталъ хлопотать о переводѣ въ другой полкъ.

«Прошло три мѣсяца съ-тѣхъ-поръ, какъ мы прибыли въ колонію, когда однажды утромъ, слуга мой разбудилъ меня, и сказалъ, что на послѣднемъ пароходѣ пріѣхала сестра моя.

— Ты ошибаешься, Петръ, сказалъ я ему, и хотѣлъ уже прибавить, что у меня нѣтъ ни брата, ни сестры, когда онъ подалъ мнѣ письмо, говоря, что сестра моя, мистриссъ Отвѣ, сама ждетъ меня съ сыномъ своимъ, въ гостинницѣ.

«Я поспѣшилъ къ Люси, не дочитавъ даже письма. Первые строки были, впрочемъ, довольно ясны:

«Я была обманута самымъ недостойнымъ образомъ, писала она: бракъ мой недействителенъ. Эдуардъ покинулъ, прогналъ меня и бѣднаго малютку моего, расточивъ все состояніе, которое оставилъ мнѣ отецъ. Одна надежда моя на васъ, добрый Артуръ; но, чтобы не подать повода къ клеветамъ, я называлась настоящею сестрою вашею. Позвольте мнѣ сохранить это имя, умоляю васъ».

«Расстроенный до глубины души, я отправившись въ го-

сѣдѣнцѣ мистриссъ Отъ, гостру мое; в тайнѣхъ обрѣтенъ наложилъ на себя обязанность; отъ которой уже трудно было отказаться. Узнавъ о прибытіи гестры моеѣ, главнѣйшія фамиліи колоніи, къ которымъ я привезъ рекомендацельныя письма, посѣщали посѣтить Люси и осѣдали ее ласками и приглашеніями. Только тогда воилъ я осторожность свою; хотя я уступилъ ей квартиру свою и самъ найлъ другую, чтобы не подать повода къ обиднымъ толкамъ и догадкамъ, несмотря на то, я однако жъ долженъ былъ играть довольно невыгодную для меня роль, представляя Люси какъ гестру людямъ, къ которымъ я не имѣлъ довольно довѣрія, чтобы рассказать исторію несчастій бѣдной женщины.

«Желая помочь ей, я обратился къ одному изъ извѣстнѣйшихъ лондонскихъ адвокатовъ, чтобы узнать, въ какой степени можно было отвергать законность ея брака. Я получилъ въ отвѣтъ, что Пекенгемъ принялъ всевозможныя предосторожности съ ловкостью закоренѣлаго негодяя и что не было никакой возможности вывести Люси изъ несчастнаго положенія, въ которое онъ ее ввернулъ. Жесточайшимъ мученіемъ было для меня зрѣлище страданій и отчаянія бѣдной Люси, которая все-еще любила виновника всѣхъ своихъ бѣдствій. Привязанность ея къ этому челоуѣку была такъ сильна, что она часто оскорблялась замѣчаніями моими насчетъ гнуснаго поведенія его, такъ что я потомъ и не думалъ, чтобы кто-либо могъ усомниться въ невинности отношеній нашихъ, хотя бы тайна наша и была открыта. Мы были недовольны другъ другомъ и, вѣроятно, разстались бы, если бы меня не удерживала клятва, данная отцу Люси, и ея чувство признательности и зависимости. Мы условились однако жъ, что въ началѣ весны она воротится въ Англію и что я самъ отпрошусь въ отпускъ мѣсяца на два, чтобы проводить ее, потому что здоревье ея было разстроено и она не могла бѣжать одна.

«Въ Англіи она жила въ совершенномъ изнеможеніи; чувствуя приближеніе смерти, страдала умереннаго брата и своей дружелюбной помощью и откровенно видѣла съ нимъ и другими лю-

кихъ людей, она умоляла меня, не покидать ее, безпрестанно повторяя:

— У насъ съ сыномъ въ цѣломъ мѣрѣ только и есть одинъ другъ вы, Артуръ; вспомните объ отцѣ моемъ.

И рѣшился выйти въ отставку и въ продолженіи цѣлаго году видѣть, какъ медленно угасала несчастная жертва; болѣе году жить я съ нею въ маленькомъ городкѣ на южномъ берегу Англіи. Въ послѣдніе дни жизни своей, она съ горестію должна была еще замѣтить, что передала сыну своему зародышъ чахотки, которая скоро должна была убить и его! Она умерла, препоручивъ сына моимъ попеченіямъ и умоляя меня, именемъ своего покойнаго отца, заботиться о ребенкѣ какъ о родномъ сынѣ. Такимъ образомъ, съ самаго начала жизни моей, на меня были возложены обязанности отца семейства, но безъ удовольствій и радостей, доставляемыхъ ими.

Нѣсколько времени послѣ смерти Люси, я получилъ письмо, которое поразило меня подобно громовому удару; на Бермудскихъ Островахъ узнали о томъ, что я былъ не братъ мистриссъ Отвѣ и всѣ считали меня любовникомъ ея и отцомъ малютки. Если бы я воротился въ колонию послѣ двухъ мѣсяцовъ отпуску, какъ я сначала и намѣревался поступить, то не одинъ оскорбленный отецъ, не одинъ мужъ вызвали бы меня на дуэль, за то, что я измѣнически воспользовался гостепріимствомъ ихъ, и ввелъ къ нимъ въ семью женщину опозоренную; а когда увидѣли, что я вышелъ въ отставку, то никто не сомнѣвался въ томъ, что я поступилъ такимъ образомъ изъ низкой трусости, чтобы избавиться отъ справедливаго мщенія тѣхъ, которыхъ я обманулъ. Когда до меня дошли слухи объ этихъ обвиненіяхъ, то, къ несчастію, было слишкомъ поздно чтобы оправдываться. Клянусь честно дворянина и офицера, что только двадцать мѣсяцовъ спустя послѣ отъѣзду моего, я узналъ объ этихъ оскорбительныхъ обвиненіяхъ. Первою мыслью моею было воротиться на острова, чтобы вызвать перваго, который усомнился бы въ благородствѣ и мужествѣ моемъ; но я понялъ, что этимъ плохо отплачу за оказанныя мнѣ ласки, что вся вина была съ моей стороны, что во всякомъ случаѣ

долженъ былъ признаться въ обманѣ и что такое позднее оправданіе будетъ сочтено отчаяніемъ труса, ожесточеннаго безчестіемъ, которому онъ не побоялся однако жъ подвергнуться.

«Мнѣ казалось, что я долженъ былъ другими способами искупить вину свою и потому старался по-скорѣе вступить въ службу, чтобы какимъ бы то ни было средствомъ сбросить съ себя безчестіе, котораго я, однако жъ, ничѣмъ не заслуживалъ.

«Вотъ обстоятельства, въ которыхъ я находился, представъ къ этому острову. Благосклонность, съ которою меня приняли, уваженіе, которымъ меня почтили, дѣлаютъ ударъ, постигшій меня, еще болѣе жестокимъ.

«Я тысячу разъ готовъ былъ открыть сэръ Джорджу Гаркорту несчастную исторію мою; тысячу разъ прибѣгалъ я къ мужеству своему, чтобы объяснить все дочери. Никто не пойметъ какъ мучили меня болѣзнь и даже раскаяніе! Я зналъ, что основа чести моей могла каждую минуту рушиться; я упрекалъ себя въ дружбѣ, въ уваженіи и довѣренности, которую мнѣ оказывали; съ ужасомъ ожидалъ я той минуты, когда люди, которыхъ я уважалъ и любилъ болѣе всего въ мірѣ, оттолкнуть меня съ презрѣніемъ. Не обвиняю лорда Ольгернона въ поступкахъ со мною. «Не осуждай другихъ, если не хочешь чтобы тебя осуждали», вотъ правило, которымъ руководствуются немногіе, а въ прошедшей жизни моей все говорятъ противъ меня. Я не боюсь смерти, но надѣялся иначе встрѣтиться съ нею. До какой ужасной крайности я доведенъ! Только моя кровь или кровь противника моего, можетъ смыть пятно, лежащее на добромъ моемъ имени. Убіенство должно быть совершено.....

«Если сэръ Джорджъ Гаркортъ не перемѣнилъ еще мнѣнія своего на мой счетъ, то я умоляю его, сообщить содержаніе этого письма тѣмъ изъ моихъ товарищей, которые удостоивали меня именемъ друга и особенно тѣмъ двумъ офицерамъ, которые имѣли довольно довѣренности къ слову моему, чтобы принять участіе въ челобѣтѣ, въ которомъ тяготѣло такое ужасное обвиненіе.

Артуръ Сетонъ.»

Пробѣжавъ это письмо, генераль поспѣшно ѣхалъ изъ дому, чтобы осведомиться о послѣдствіяхъ дуэли и первый человѣкъ, котораго онъ встрѣтилъ, былъ дядя Ольгердонъ, окруженный группою офицеровъ....

Въ тотъ же день, въ десять часовъ вечера, миссъ Марта и племянницы ея готовились удалиться въ свои покои, когда услышали топотъ лошади, примчавшейся на дверь виллы. Минуту спустя, сэръ Джорджъ вошелъ въ комнату съ такимъ разстроеннымъ видомъ, что дочери его невольно вскрикнули:

— Боже мой, что случилось?

— Не получили ли вы дурныхъ вѣстей изъ Англии? прибавила Софія.

— Нѣтъ, отвѣчалъ генераль, поцѣловавъ дочерей, бросившихся къ нему, между-тѣмъ какъ тѣтушка Марта неподвижно остановилась у своего стула.

Не поздоровавшись еще съ сестрой, сэръ Джорджъ, приказавъ подать себѣ, противъ своего обыкновенія, вина; и рука его дрожала, поднося стаканъ къ губамъ. Невыразимое безпокойство овладѣло тогда старой дѣвой. Что же касается до Эммы, то смертная блѣдность разлилась по лицу ея и она должна была ухватиться за стулъ, чтобы не упасть.

— Я привезъ вамъ печальную новость, сказалъ губернаторъ прерывавшимся голосомъ: но, вѣроятно, сержантъ Ганзонъ приготовилъ васъ къ ней.....

Эмма судорожно схватила руку отца, а миссъ Марта отвѣчала, что солдатъ вручилъ имъ только письмо и немедленно усккалъ.

— Точно, я и забылъ, что приказалъ ему не говорить ни слова, продолжалъ сэръ Джорджъ. Слѣдовательно, я первый долженъ объявить вамъ о несчастной дуэли.

— Дуэль, праведное небо! вскричала Софія.

— И бѣдный Сетонъ.....

— Убитъ! пронзительнымъ голосомъ вскричала Эмма.

— Онъ еще не умеръ, но нѣтъ никакой надежды..... Бѣднякъ палъ жертвой своего великодушія..... По идеямъ свѣта нельзя было отклонить этого поединка, но по законамъ здраваго смысла.....

Глухой шумъ заставилъ генерала оглянуться, и онъ увидѣлъ, что Эмма бѣсъ чувствъ упала на полъ.

— Дочь моя! дитя мое! вскричалъ онъ, поднимая ее; и такъ, болѣзнь моя была снова тѣлсна,.... она любить его!.... О! я никогда не прощу себѣ своей неосторожности.

Были употреблены всѣ средства для приведенія въ чувство молодой дѣвушки, которую отецъ осторожно положилъ на диванъ, но пришедъ на минуту въ себя, она опять упала въ обморокъ.

Между-тѣмъ какъ Софія и тѣтушка хлопотали около Эммы, сэръ Джорджъ взялъ руки ея и говорилъ:

— Бѣдное дитя..... Теперь я вижу, что вы были правы, сестрица..... Эмма! Эмма! приди въ себя; не надо терять надежды—его, можетъ-быть, спасутъ еще!

— Неужели не было никакихъ средствъ разстроить эту дуэль? спросила миссъ Марта съ глазами, полными слезъ.

— Нѣтъ, сестрица, отвѣчалъ генералъ; если бъ я былъ секундантомъ моего адъютанта, то я самъ бы требовалъ поединка. Послѣ словъ, произнесенныхъ лордомъ Ольгернономъ, дуэль сдѣлалась неизбѣжною и необходимою.

— Возможно ли? лордъ Ольгернонъ! спросили вмѣстѣ тѣтушка и Софія.

— Лордъ Ольгернонъ! отвѣчалъ генералъ. Бѣдный Сетонъ! его могли обвинить въ недостаткѣ мужества! Онъ не только рисковалъ жизнью, онъ хотѣлъ лишиться ея. Немногіе офицеры умѣютъ такъ искусно владѣть шпагой, а между-тѣмъ онъ, какъ-бы нарочно, подставлялъ грудь свою подъ сталь противника, такъ что тотъ долженъ былъ закричать, что онъ не хочетъ быть убійцей человека который не защищается; Артуръ требовалъ продолженія поединка и бросился на шпагу Ольгернона, которая проколола ему плечо. Потомъ онъ захотѣлъ еще стрѣляться; секунданты удѣрили меня, что онъ только притворно прицѣливался въ противника своего, чтобы принудить того въстрѣдиться. Наконецъ онъ упалъ, пораженный пулей въ грудь..... раны такъ опасны, что докторъ не надѣется спасти его. Я видѣлъ Сетона въ госпиталѣ, онъ ужасно

страдалъ. Видный молодой человекъ! Онъ, вѣроятно, утѣшился нѣсколько, увидѣвъ что послѣ письма его, я жаль ему руку съ большою привязанностью и большаимъ уваженіемъ, нежели когда-либо. Я сказалъ ему, что былъ бы счастливъ, если бъ имѣлъ такого сына. Это тронуло его до слезъ. Уирутъ ли онъ или останется въ живыхъ, я, во всякомъ случаѣ, беру на себя воздать должную справедливость его возвышенной душѣ!

Предсказанія докторо въ не сбылись. Сетонъ вылечился отъ ранъ своихъ. Нѣсколько мѣсяцовъ спустя, исполнились желанія Эммы. Генералъ, для возстановленія чести своего адъютанта, не нашелъ лучшаго средства, какъ отдать ему руку дочери, сердцемъ которой Артуръ самъ давно уже овладѣлъ.

САМООТВЕРЖЕНІЕ МОЛОДОЙ ИСПАНКИ. Во французскомъ журналѣ, *la Patrie*, нѣкто *marquis de Foudras* рассказываетъ, что въ началѣ 1817 года, онъ былъ подпоручикомъ въ конномъ полку, стоявшемъ въ главномъ городѣ одного изъ южныхъ департаментовъ Франціи.

«Мнѣ было, говорить онъ, шестнадцать лѣтъ и какъ всѣмъ офицерамъ прошедшаго вѣку, мнѣ казалось, что я буду плохой офицеръ, если къ качествамъ, свойственнымъ молодежи, не присоединю недостатковъ, неразлучныхъ съ юнымъ званіемъ. Я былъ вѣтренъ какъ пажъ, неблагоприятенъ и дерзокъ какъ мушкетеръ 1750 году; не выпускалъ изо рта огромной трубки, чтобы придать себѣ видъ стараго слугаки, что очень не согласовалось съ моею школьничьей физиономіей. Я чрезвычайно забавлялъ товарищей, поглаживая пушокъ, надъ губами моими или употребляя не совсѣмъ приличныя выраженія.

Я былъ счастливѣйшимъ и самымъ избалованнымъ офицеромъ всего нашего полка. Да и нельзя было не любить мальчика, который готовъ былъ сѣсть на дикую лошадь; который дурно исполнялъ должность свою, но всегда готовъ былъ услужить товарищамъ; который потѣшалъ всѣхъ пушекъ, самъ не будучи въ состояніи стрѣлять; и, наконецъ, который дрался на дуэли съ герцогиней за шалость; въ которой онъ былъ невиннымъ; въ

чемъ признался однако жъ не прежде, какъ по окончаніи поединка.

Городъ, гдѣ мы стояли, о названіи котораго я умалчиваю, потому что не имѣю прежняго воинственнаго духу, находился въ самомъ скучномъ, несносномъ мѣстѣ. Представьте себѣ маленькій городокъ, съ осьмью тысячами жителей, построенный на южномъ скатѣ голой горы и окруженный коварной рѣкой, которая разъ десять въ зиму заливала наши казармы, между-тѣмъ какъ лѣтомъ въ ней не было довольно воды, чтобы напоить лошадей. Ни одного мѣста для прогулки въ окрестностяхъ, исключая большихъ пыльныхъ дорогъ, близъ которыхъ не было ни деревца, гдѣ бы усталый путникъ могъ бы защититься отъ палющаго солнечнаго зною; ни какихъ публичныхъ собраній и обществъ, исключая того, которое разъ въ недѣлю собиралось въ префектурѣ. Слѣдовательно мы, военные, невольно составили свое общество, что мнѣ было весьма пріятно, потому что я не любилъ большихъ собраній и въ то время находился еще въ пылу первыхъ вѣрованій въ дружбу; сладостныхъ заблужденій, которыя ничто такъ не поддерживаетъ, какъ военная жизнь. Я проводилъ время въ довольно плохомъ исполненіи своихъ обязанностей, въ чтеніи нѣсколькихъ дурныхъ романовъ, никогда не появлявшихся въ отцовской библіотекѣ, въ вечернихъ праздникахъ на маленькой эспланадѣ, гдѣ насажены были сорокъ осемь жалкихъ деревьевъ, и въ дождлихъ засѣданіяхъ въ кофейной, гдѣ, съ своей огромной трубкой въ зубахъ, я слушалъ какъ старые наполеоновскіе служаки грустно вспоминали о гомерическихъ подвигахъ своего времени.

Прошло около шести мѣсяцовъ, какъ я наслаждался этой жизнію, довольно пріятной, несмотря на однообразіе, когда мы узнали, что по требованію Фердинанда Седьмаго, французское правительство приказало испанскимъ эмигрантамъ, приверженцамъ короля Іосифа, переселиться изъ По, гдѣ они были слишкомъ близки къ Паренсамъ, въ городокъ, гдѣ стоялъ нашъ полкъ, По причинѣ бездѣйствія, въ которомъ мы находились, мы обрадовались этой новости и Богъ знаетъ, сколько сладост-

ныхъ надеждъ родилось въ насъ, потому что мы знали, что многіе эмигранты были люди семейные. Тѣ изъ насъ, которое въ душѣ сохранили воспоминаніе объ испанской компаніи, часто рассказывали намъ о смуглыхъ андалузахъ, о мстительныхъ кастильянкахъ, и мы только и мечтали о серенадахъ при лунномъ свѣтѣ, о букетахъ брошенныхъ изъ-за занавѣсокъ оконъ, о кинжалныхъ ударахъ, нанесенныхъ во мракѣ, и, о сеньорахъ, закрытыхъ воалами и набожно преклоняющихъ колѣна на церковныхъ плитахъ. Цравду сказать, всѣ эти вещи не имѣли для меня еще особой прелести, но та же причина, которая заставила меня взяться за трубку и употреблять неблагопрістойныя выраженія, внушила мнѣ мысль казаться болѣе другихъ восхищеннымъ прибытіемъ прекрасныхъ и несчастныхъ чужестранокъ.

Однажды вечеромъ, когда мы, по обыкновенію, сидѣли на скамьяхъ эспланады, подѣ которою проходитъ дорога, ведущая въ По, мы увидѣли вдали множество экипажей различныхъ формъ, подъѣзжавшихъ къ нашему городу. Мужчины, въ длинныхъ и широкихъ плащахъ шли передъ поѣздомъ, имѣвшимъ какой-то нечальный и вмѣстѣ торжественный видъ.

— Вотъ эмигранты, сказалъ нашъ маіоръ: меня увѣрили, что они должны прибыть сегодня.

Едва слова эти были произнесены, какъ мы сошли съ эспланады и встали на сторонѣ дороги съ почтительнымъ видомъ; участіе заступило мѣсто любопытства и я самъ въ то время невольно вспомнилъ, что родился въ изгнаніи. Когда поѣздъ приблизился къ намъ, мы сняли шляпы; мужчины, шедшіе пѣшкомъ, поклонились съ выраженіемъ признательности и достоинства; женщины же находились въ каретахъ; ни одинъ нескромный взглядъ не старался проникнуть до нихъ. Потомъ каждый изъ насъ воротился домой, полный непривычныхъ, грустныхъ ощущеній.

Я жилъ противъ казармъ, въ нижней части города, въ верхнемъ этажѣ хорошенькаго домика, низъ котораго былъ занятъ хозяиномъ и женой его; эти добрые люди поступали со мною какъ съ сыномъ. Мужъ ходилъ со мною на

охоту; когда я сидѣлъ подлѣ арестомъ, жена приходила ко мнѣ съ вѣщаньемъ и рассказывала о благотворительности и другихъ добродѣтеляхъ архіепископа А....; оба доверили мнѣ всѣ домашніе секреты свои, не вмѣшиваясь къ моему дѣлу и не спрашивая о моихъ секретахъ, которыхъ у меня, впрочемъ, и не было; не мудрено; я былъ подпоручикомъ и только семнадцать лѣтъ! Возвращаясь домой, я встрѣтилъ мадамъ Дельпекъ у самыхъ дверей. Она ласково пожелала мнѣ добраго вечера и спросила:

— Какъ вы сегодня рано возвращаетесь домой! Ужъ не подлѣ арестомъ ли вы?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я. Я возвращаюсь рано домой, потому что мнѣ грустно: я видѣлъ бѣдныхъ испанскихъ наемниковъ.

— А, вы видѣли ихъ? Мужъ мой пошелъ къ нимъ на встрѣчу, чтобы предложить имъ свои услуги. Вы знаете, что у насъ на дворѣ есть маленькій флигель, очень удобный для помѣщенія небольшого семейства.

— Но вы требуете за него, можетъ-быть, слишкомъ дорого?

— Если люди, которымъ онъ покажется, бѣдны, то мы съ нихъ лишняго не возьмемъ. Вы знаете, что мы съ мужемъ не жадны къ деньгамъ. Даровать намъ состояніе и лишивъ счастья имѣть дѣтей, Господь Богъ видимо пожелалъ, чтобы мы могли быть полезны нуждающимся.

— Вы напоминаете мнѣ добрую тѣтушку мою, которую я люблю всей душою. Добрый вечеръ, мадамъ Дельпекъ. Нѣсколько минутъ спустя у дому остановилась карета и я услышалъ голосъ почтеннаго хозяина, которой звалъ жену свою. Потомъ мнѣ послышалось, что переносили дѣткъ на дворикъ, гдѣ находился флигель. Я заключилъ изъ этого, что Дельпекъ достигъ цѣли своей и я очень обрадовался тому. Я уснулъ съ этой, утѣшительной мыслию, лишь только шумъ пересталъ. На слѣдующее утро, слуга разбудилъ меня, объявивъ, что пора идти на ученіе; и подтвердилъ догадки мои рассказавъ, что флигель нанятъ старымъ испанскимъ генераломъ, который поселился къ немъ съ дочерью.

— Ты ихъ видѣлъ? спросилъ я.

— Видѣлъ, сударь; я даже попогалъ имъ переносить вещи. Они очень несчастны. Поищите ли, сударь, старикъ-то слѣзть, а дочь его шма.

— Услухившій имъ окольно можно будетъ и если они предложатъ тебѣ какое-нибудь награжденіе, то не отказывайся: бѣдняки считаютъ себя богатыми, когда находятъ случаи быть щедрыми; не надо лишать ихъ этого удовольствія.

Сказавъ это, я сѣлъ на лошадь и поспекалъ на учебу. Я былъ увѣренъ, что слуга исполнитъ мои приказанія. Возвратясь съ учебы, я разговорился съ ховяйкой и она подтвердила все то, что я уже зналъ о бѣднѣхъ когнанникахъ; она прибавила, что уставъ съ дороги и послѣ устройства новаго жилища своего, они заперлись въ квартиру своей, чтобы нѣсколько отдохнуть. Мадамъ Дельпекъ очень заботилась о положеніи жильцовъ своихъ и прикидывала уже средства, какъ бы смягчить ихъ участь. Почтенная женщина!...

Квартира, которую я занималъ, состояла изъ двухъ комнатъ; одна, гдѣ была спальня моя, выходила окнами на улицу; другая, которую я называлъ своимъ салономъ, была обращена во дворъ, тотъ самый гдѣ находился флигель. Дворъ, покрытый деревьями и кустарниками, служилъ вмѣстѣ и общимъ садомъ; тамъ могли сходиться обитатели обоихъ домовъ.

Прошло нѣсколько дней, и мнѣ не удавалось встрѣтиться съ новыми своими сосѣдами. Правда, я старался удалиться отъ оконъ залы, а они боялись обезпечить меня, выйдя прогуливаться въ садъ. Узнавъ объ этомъ, я прислалъ Дельпека, чтобы онъ немедленно далъ имъ знать, что я крайне огорченъ мнѣніемъ ихъ и прошу, чтобы они нимало не заботясь обо мнѣ, гуляли бы сколько имъ угодно. Они отвѣчали, что церемонятся со мною потому только, что имъ кажется, что и я стараюсь не беспокоить ихъ, но что они охотно откажутся отъ всѣхъ церемоній, если я покажу имъ примѣръ, сойдя въ садъ. Часъ спустя послѣ того, какъ я получилъ этотъ отвѣтъ, я сидѣлъ уже съ трубкой въ зубахъ и какими-то скучнымъ романомъ въ рукахъ, подлѣ тѣнью маленькой бесѣдки, находившейся на-

чти въ центрѣ двера. Я просидѣлъ тамъ нѣсколько минутъ, чтобы показать эмигрантамъ готовность мою быть имъ пріятнымъ; потомъ отправился въ кофейню. Тамъ засталъ я лучшихъ пріятелей моихъ за пушечною чашкою, съ ними были два испанскіе офицера, съ которыми меня и познакомилъ. Когда мы сблизились, то я заговорилъ съ ними о старомъ генералѣ, моемъ сосѣдѣ, и спросилъ, правда ли то, что онъ слѣпъ, а дочь его нѣма.

— Это не дочь его, отвѣчали они, это ангелъ, сошедшій съ неба, потому что никто не знаетъ, кто она и откуда. Впрочемъ, бѣдный старикъ больше насъ нуждается въ помощи, онъ несчастливъ всѣхъ: никто изъ насъ не ходитъ къ нему.

— За что же это двойное изгнаніе? спросили мы всѣ.

— Это ужасная исторія и мы, сколько можно, стараемся не вспоминать объ ней; однако жъ если вы непременно хотите знать ее, то мы сдѣлаемъ для васъ исключеніе.

Мы усѣлись около обоихъ Испанцевъ; старшій изъ нихъ разсказалъ намъ слѣдующее:

«Кавалеръ де Коломбресъ былъ губернаторомъ Телосы, когда армія, предводительствуемая великимъ герцогомъ Берескимъ вторглась въ Испанію. Претерпѣвъ нѣкоторыя несправедливости, онъ одинъ изъ первыхъ призналъ новое правленіе и предался ему со всѣмъ рвеніемъ измѣнника по убѣжденію. Такъ какъ онъ былъ храбръ и имѣлъ большое вліяніе, то примѣръ его увлекъ многихъ, бывшихъ въ разныя времена его подчиненными и онъ могъ составить значительную партію гверильясовъ съ которою наводилъ ужасъ на всѣхъ жителей мѣстъ, гдѣ появлялся. Навлекши на себя презрѣніе всѣхъ соотечественниковъ и будучи принужденъ безпрестанно давать доказательства вѣрности французскому правительству, онъ заслужилъ славу и извѣстность равную славу знатнѣйшихъ нашихъ партизановъ. Наша необузданная чернь, на которую появленіе войскъ величайшаго и счастливѣйшаго полководца нашего времени, не произвело ни какого дѣйствія, трепетала при одномъ имени того, котораго бы она обожала, если бъ онъ употребилъ дарованныя качества

свои на защиту отчизны. Мы бы не кончили до завтра, если бы захотѣли рассказывать вамъ всѣ отчаянные подвиги, всѣ страшныя мщенія этого человѣка, котораго Испанія и понынѣ проклинаетъ; я выберу одинъ изъ поступковъ его, который болѣе другихъ сдѣлалъ его предметомъ общей ненависти и за который мы сами, такіе же изгнанники какъ и онъ, избѣгаемъ встрѣчи съ нимъ.

У кавалера де-Коломбреса былъ старшій братъ, депутатъ и человѣкъ способный, рѣшительный. Юнта, образовавшаяся въ Кадисѣ, думала, что пославъ старшаго брата усмирить возмущившихся Испанцевъ, заставитъ тѣмъ младшаго лишиться болѣею части приверженцевъ своихъ и удалиться въ другую провинцію, гдѣ онъ будетъ имѣть менѣе вліянія и, слѣдовательно, легче будетъ уничтожить его шайку. Намѣреніе это было приведено въ исполненіе, но результатъ его былъ совсѣмъ не тотъ, какого юнта ожидала. Графъ де-Коломбресъ, старшій братъ, также составилъ партію гверильсовъ, но не переманилъ къ себѣ никого отъ кавалера. Завязалась страшная битва. Братья боролись съ безпримѣрнымъ въ эту войну ожесточеніемъ и постоянствомъ, которыя представили свѣту цѣлый рядъ преступленій и героическихъ подвиговъ. Послѣ нѣсколькихъ встрѣчь, въ которыхъ побѣда оставалась то на одной, то на другой сторонѣ, кавалеръ сталъ ослабѣвать, но хитростью, выдуманною съ адскимъ искусствомъ, ему удалось овладѣть братомъ.

— Что бы ты сдѣлалъ со мною, если бы я попался къ тебѣ въ плѣнъ? спросилъ младшій братъ старшаго.

— Я велѣлъ бы тебя повѣсить какъ измѣнника.

— Я поступлю съ тобою великодушно, возразилъ кавалеръ съ звѣрской улыбкой: потому что ты умрешь какъ волкъ.

Пять минутъ спустя послѣ этого ужаснаго разговора, двѣнадцать гверильсовъ разстрѣляли графа де-Коломбреса, за изгородью въ двадцати шагахъ отъ роднаго брата его....»

Дѣйствіе ужасу, которое мы не могли удержать, прервало Испанца; потомъ онъ продолжалъ рассказъ свой:

«Во время этого ужаснаго происшествія французскія

войска готовились выступить изъ Миссони и въ самое время спустя кавалеръ де-Коломбресъ долженъ былъ навсегда удалиться изъ общества. Никто изъ насъ не знаетъ, что было съ нимъ въ первые два года его изгнанія; но когда мы опять встрѣтились съ нимъ въ По, въ началѣ 1816, то онъ былъ уже слѣпъ и велъ самую бѣдственную жизнь. Не имѣя средствъ, чтобы содержать служанку, и будучи слѣпымъ и ненавидимъ, чтобы кто-либо изъ соотечественниковъ смѣлся надъ нимъ, онъ долженъ былъ вступить въ военный госпиталь, гдѣ страшное преступленіе его сдѣлалось вскорѣ всѣмъ извѣстно. Тамъ прожилъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ въ совершенномъ уединеніи, покинутый всѣми, когда ему пришла сказать, что молодая нѣмая дѣвушка, проситъ чтобы онъ согласился послѣдовать за нею, что она будетъ заботиться о немъ и отдастъ въ полное распоряженіе его маленькое свое состояніе. Никто не зналъ кто и откуда эта молодая дѣвушка и самъ Коломбресъ, согласившись принять самоотверженіе ея, долженъ былъ пообернуться условію—не стараться узнать кто она. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ она съ нимъ и мы всѣ удивляемся нѣжности и заботливости ея попеченій. Благодаря ей, кавалеръ не можетъ жаловаться на бѣдность и одиночество. Вы видите, господа, что мы имѣли право назвать эту молодую дѣвушку ангеломъ.»

— Да, вскричалъ я съ живостію; но вашъ кавалеръ де-Коломбресъ чудовище! Я въ отчаяніи, что живу съ нимъ въ одномъ домѣ и не хочу видѣть его.

— Не говорите этого, молодой человекъ, сказалъ серіозно капитанъ нашего полка: междоусобныя войны ужасны, они предають ложный оборотъ идеямъ, такъ что величайшія злодѣянія кажутся обязанностями; непреклонность, жестокость, принимаютъ звучное названіе чести.... Будемъ молить Бога, чтобы онъ избавилъ насъ отъ новыхъ революцій и чтобы усладить воспоминаніе о прешедшихъ, будемъ прощать, чтобы и намъ простили.

— Я согласенъ съ вашими великодушными идеями, отвѣчалъ я вполонину убѣжденный; но разстрѣлять брата!

— Вы забываете, что этотъ братъ велѣлъ бы его похвалить.

— Не признайтесь, по-крайней-мѣрѣ, что кавалеру представлятъ прекрасный случай, показать свое великодушіе!

— Прекрасно, другъ мой, ненави́дите этого человѣка, если думаете что имѣете на то право; жалѣйте объ немъ— это будетъ, лучше.

Эти слова произвели на меня нѣкоторое впечатлѣніе; несмотря на то, возвратившись домой, я не переѣхавъ на мѣрения своего не знакомиться съ кавалеромъ де-Коломбесомъ и сѣлъ на бадконѣ своемъ, чтобы показать сосѣдямъ, что я отдаю имъ маленькій садикъ въ полное распоряженіе.

Разсказъ Испанца мрачно подѣйствовалъ на мое воображеніе. Я прискивалъ себѣ самую страшную идею объ непреклонномъ человѣкѣ, который не побоялся пожертвовать братомъ изъ угожденія политическому своему убѣжденію. Мнѣ казалось, что онъ долженъ быть высокаго росту, худощавый, согбенный, съ плоскимъ лбомъ, желчнымъ цвѣтомъ лица, хриплымъ голосомъ, звѣрской улыбкой; однимъ словомъ, какъ всѣ преступники въ мелодрамахъ. Я былъ такъ убѣжденъ въ вѣрности составленнаго мною портрета, и думалъ что непременно узнаю кавалера, гдѣ бы его ни встрѣтилъ; такъ же какъ и молодую дѣвушку, которую воображеніе мое надѣляло всевозможными прелестями. Я былъ выведенъ изъ размышленій своихъ шумомъ шаговъ, вошедшихъ въ сосѣдней комнатѣ и почти въ то же время кто-то постучался въ дверь. Я просилъ войти и каково было мое удивленіе, когда вошли двѣ особы, въ которыхъ я узналъ сосѣдей своихъ, хотя они на сколько не походили на портреты, составленные моимъ воображеніемъ.

Кавалеръ де-Коломбесъ точно былъ высокаго росту, но вся наружность его была благородна и внушала неважное почтеніе. Высокій лобъ, придававшій ему видъ мыслителя и человѣка съ спокойной совѣстью, былъ покрытъ въ верхней части длинными, сѣдыми волосами, отъ которыхъ физиономія его принимала очаровательное выраженіе крепости и достоинства. Глаза его сохраняли въ неподвиж-

ности своей нѣкоторый блескъ, заставлявшій надѣяться, что свѣтъ не навсегда покинулъ ихъ. Большой, но смѣтый ротъ его, выражалъ настойчивость, а выступавшій подбородокъ, рѣшительность: эти двѣ послѣднія характеристическія черты однѣ нѣсколько согласовались съ мнѣніемъ, которое я составилъ себѣ о бывшемъ губернаторѣ Толосы. Онъ приближался ко мнѣ, ведомый молодою женщиною, не имѣвшею ничего замѣчательнаго, исключая граціозной талии и прелестнѣйшаго взгляду, какой я когда-либо видывалъ.

— Извините, сказалъ мнѣ генералъ голосомъ, нѣжность и пріятность котораго заставила меня вздрогнуть, потому что я ожидалъ услышать грубый голосъ: извините, что я осмѣлился прійти къ вамъ безъ вашего приглашенія, но я спѣшу изъявить вамъ благодарность за добрые поступки ваши.

Это начало нѣсколько разстроило всю рѣшимость мою; я проговорилъ нѣсколько вѣжливыхъ словъ и безъ особой поспѣшности просилъ ихъ садиться. Молодая дѣвушка посадила генерала, а сама стала у его стула.

— Если ты хочешь удалиться, продолжалъ старикъ, то я надѣюсь, что господинъ офицеръ не откажется проводить меня, если только я не безпокою его, и онъ хотѣлъ встать.

Невозможно было отказаться, а потому я сказалъ кавалеру, что я считаю его посѣщеніе за честь для меня. Между-тѣмъ молодая дѣвушка удалилась.

— Я пришелъ къ вамъ, сказалъ генералъ, не только для исполненія долга вѣжливости: этого недостаточно, чтобы извинить мою нескромность; но мнѣ сказали, что вы выразились на мой счетъ съ участіемъ, и я счелъ долгомъ открыть вамъ причину одиночества, въ которомъ оставляютъ меня товарищи изгнанія.

— Я знаю эту причину, генералъ, отвѣчалъ я, признаюсь вамъ, что она внушила мнѣ намѣренія, которыя благородная откровенность ваша сильно поколебала. Васъ, можетъ-быть, оклеветали?

— Нѣтъ, — если вамъ сказали, что я разстрѣлялъ брата;

во сказали ли вамъ, что съ того дня я не имѣю ни минуты покою?

— Это очень понятно.

— Благодарю васъ, молодой человекъ, продолжалъ генералъ съ чувствомъ. Я пришелъ сюда не для того, чтобы оправдываться въ поступкѣ, который я считалъ долгомъ, пока былъ военнымъ; но который я оплакиваю какъ преступленіе, съ-тѣхъ-поръ какъ я изгнанникъ.... Мнѣ кажется, гораздо уважительнѣе подвергнуться ненависти людей, нежели незаслуженнымъ образомъ владѣть уваженіемъ ихъ.

Тогда кавалеръ де-Коломбресъ, не дожидаясь отвѣту, сталъ рассказывать мнѣ всѣ подробности, не только ужаснаго происшествія, но и другихъ, въ которыхъ судьба заставила его играть главную роль. Жизнь его, впродолженіи пяти лѣтъ, наполнена была страшными событіями, бывшими слѣдствіемъ непостижимаго стеченія обстоятельствъ, въ которыхъ онъ не имѣлъ даже возможности обдумать предпринимаемыя намѣренія. Онъ описалъ мнѣ живѣйшими красками господствующій характеръ Испанцевъ, у которыхъ мщеніе признано добродѣтелью, а умѣренность, слабостью. Съ одной стороны, говорилъ онъ: меня, можетъ-быть, по справедливости называли мѣнникомъ; съ другой, безпрестанно сомнѣвались въ вѣрности моей къ царю, къ которой я присталъ. На полѣ битвы, взоры умирающихъ устремлялись на меня съ выраженіемъ ненависти; между товарищами моими, въ самыхъ вѣжливыхъ словахъ ихъ проглядывала безпрестанно недоувѣрчивость. Сказать ли вамъ все? вскричалъ онъ: да, это было началомъ безчисленныхъ моихъ страданій! На другой день послѣ смерти несчастнаго моего брата, мнѣ столько же не довѣряли какъ и прежде и съ горестію услышалъ я слѣдующія слова: «Это ничего не доказываетъ! Онъ Испанецъ.»

Рассказъ кавалера продолжался уже болѣе двухъ часовъ и я не думалъ прерывать его. Я принималъ живѣйшее участіе въ этой исповѣди, и отъ участія перешелъ къ состраданію, когда, послѣ минутнаго молчанія, кавалеръ продолжалъ:

— Я хотѣлъ, чтобы вы все узнали длигого, чтобы и вы могли покнуть бѣднаго изгнанника, если не считаете его достойнымъ вашего состраданія. Теперь я вернусь домой, прибавилъ онъ вставая. Угодно ли вамъ проводить меня? Въ противномъ случаѣ, потрудитесь указать мнѣ дверь вашу и я ужъ какъ-нибудь самъ доберусь домой.

— Ни то, ни другое; ствѣчалъ я, усаживая его: вы, вѣроятно, не откажетесь пробыть у меня еще нѣскольио минутъ; я воспользуюсь этимъ, чтобы побесѣдовать съ вами о вещахъ не вѣе печальныхъ.

Живое и вмѣстѣ благородное удовольствіе его, выражало признательность несчастнаго, которому дѣлають милость и вмѣстѣ благодарность, съ какою свѣтскій человѣкъ отвѣчаетъ на приглашеніе, которое ему пріятно и которое онъ въ правѣ принять.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ, отвѣчалъ онъ, что приглашеніе ваше трогаетъ и радуетъ меня, но не удивляетъ; вы должны быть добры, потому что вы еще такъ молоды! Въ ваши лѣта только подозреваютъ зло и прощаютъ; неуже, вѣрятъ въ зло и не прощаютъ: можно подумать, что люди не умѣютъ иначе искупать собственныя слабости, какъ дѣлаясь нежизлосердыми къ недостаткамъ ближнихъ. Но поговоримте лучше о васъ, потому что вы хотѣли занять меня разговоромъ болѣе пріятнымъ.

Тогда кавалеръ де-Коломбресъ съ очаровательнымъ умомъ и рѣдкимъ тактомъ сталъ разспрашивать меня о родныхъ моихъ, о родинѣ, о карьерѣ моей, словомъ, о всемъ, что до меня касалось. Я отвѣчалъ на всѣ вопросы его съ откровенностью, свойственною моимъ лѣтамъ и, наконецъ, въ свою очередь рѣшился спросить о молодой дѣвушкѣ, его спутницѣ.

— И ничего не знаю о ней, отвѣчалъ онъ: вамъ, вѣроятно, рассказали, какъ я познакомился съ нею. Мнѣ казалось, что Богу угодно было усладить мои горести. Накита взяла меня изъ госпиталя къ себѣ и съ тѣхъ-поръ я съ нею не расставался.

— Неужели вы не употребляли никакихъ средствъ, чтобы узнать кто она?

— Какія средства? Я всегда одинъ съ нею, а она не мо-

неть отвѣчать на вопросы мои. Впрочемъ, зачѣмъ стараться проникнуть тайну благодѣяній Провидѣнія? Я счастливъ тѣмъ, что имѣю ангела-хранителя.

Мы поговорили еще нѣсколько минутъ какъ старые знакомые и когда генераль всталъ, чтобъ удалиться, то крѣпко пожалъ мнѣ руку. Пакиа дождалась его въ саду. Разумѣется, я воротился къ себѣ съ идеями, противоположными мнѣнію, которое я прежде имѣлъ о кавалерѣ.

Я всё болѣе и болѣе сближался съ кавалеромъ де-Коломбесомъ и, наконецъ, бывалъ у него каждый вечеръ. Разговоръ его имѣлъ непреодолимую прелесть; благородство, не покидавшее его въ несчастіи, искренность раскаянія его внушали мнѣ участіе, которое незамѣтнымъ образомъ превращалось въ сердечную привязанность. Пакиа всегда исчезала, когда ей казалось, что присутствіе ея не нужно старику, такъ что и я сталъ смотрѣть на нее не иначе, какъ на ангела-хранителя.

Въ началѣ зимы кавалеръ сдѣлался нездоровъ, слабѣствіе простуды и такъ какъ я видѣлъ, что онъ былъ съименно равнодушнѣе къ страданіямъ своимъ, то считая долгомъ привести доктора нашего полка, не предупредивъ его о томъ. Онъ сначала не хотѣлъ-было принимать его, но я умолялъ именовъ дружбы и врачъ былъ введенъ. Это было вечеромъ: маленькая лампа слабо освѣщала комнату, такъ что медикъ потребовалъ свѣчу, чтобы внимательнѣе рассмотреть больного. Пакиа принесла свѣчу и когда ее поставили передъ кавалеромъ, то мы замѣтили, что свѣтъ имѣлъ довольно сильное дѣйствіе на глаза его, которые мы считали угасшими на вѣки. Благодаря попеченіямъ доктора Деривьера, старый другъ мой скоро поправился. Когда генералу можно было выходить, я пошелъ однажды вечеромъ къ нему, чтобы пригласить его къ себѣ на слѣдующій день къ завтраку; онъ охотно согласился и въ назначенный часъ я самъ пошелъ за нимъ. Завтракъ, къ которому я съ позволенія генерала, пригласилъ и Деривьера, прошелъ самымъ пріятнымъ образомъ. Никогда еще не видалъ я бѣднѣе сосѣда своего такимъ спокойнымъ и любезнымъ.

Такъ какъ онъ безпрестанно благодарилъ доктора за попеченія его, то послѣдній сказалъ ему:

— Генералъ, я вымечилъ васъ отъ простуды, и очень радъ тому; но есть еще одно, что доставить мнѣ еще болѣе удовольствія и чести—мнѣ бы хотѣлось возвратитъ вамъ зрѣнiе. Я увѣренъ, что успѣю въ томъ, если бы только вы согласились на небольшую операцію, не представляющую никакой опасности и которая не причинитъ вамъ ни малѣйшей боли.

— Я не боюсь ни опасностей, ни боли, любезный докторъ, отвѣчалъ кавалеръ, но я привыкъ къ немощи своей, и не видать свѣту, для меня, бѣднаго изгнанника, даже нѣкоторое утѣшенiе.

— Подумайте, сказалъ я, что изгнанiе ваше можетъ кончиться, и тогда, какой радости вы будете лишены, не имѣя возможности увидѣть родину, которую такъ любите!

— У меня нѣтъ родины—вы это знаете, молодой другъ мой, и поэтому самому я не имѣю нужды въ зрѣнiи. Хотя бы я получилъ помилованiе, то не ворочусь въ Испанiю, потому что добровольно удалился изъ нея, не дождавшись закона, которымъ осужденъ на изгнанiе.

— Не буду настаивать, отвѣчалъ докторъ: но если вы когда-либо переимѣните это намѣренiе, то не забудьте, что я къ услугамъ вашимъ.

Генералъ поблагодарилъ и старался дать другое направленiе разговору. Когда докторъ ушелъ, то я спросилъ кавалера, зачѣмъ онъ отказывается отъ блага, къ которому, какъ бы ни былъ онъ равнодушенъ, обрадуется меня и доставитъ большое облегченiе доброй Пакигѣ.

— Такъ какъ немощь моя наказанiе Божiе, слѣдовательно, люди не имѣютъ права распоряжаться ею. Вотъ уже три года какъ я ослѣпъ; я знаю, что болѣзнь моя излечима и благодарю Провидѣнiе, пославшее на меня добровольное искупленiе грѣховъ моихъ.

— Генералъ, вскричалъ я, тронутый величiемъ этого раскаянiя: испытанiе ваше продолжалось довольно долго и теперь вы должны бы посоветоваться съ священникомъ; не желая воспользоваться помощью, предлагаемою вамъ докторомъ, вы оскорбляете милосердiе Всевышняго и по-

хоть-быть удовлетворите только чувству человеческой гордыни.

— Молодой человекъ, сказалъ онъ съ чувствомъ: убѣжденія ваши поколебали мою рѣшимость. Если Господь простилъ мнѣ, то я не имѣю права противиться помощи, посылаемой мнѣ Его милосердіемъ.

— Вы не должны болѣе сомнѣваться въ милосердіи Божіемъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ Провидѣніе ниспослало вамъ ангела, самоотверженіе котораго улаживаетъ жизнь вашу.

— Но если, съ возвращеніемъ зрѣнія, я лишусь этого ангела?

— Это будетъ новымъ доказательствомъ воли небесной.

— Послушайте, молодой другъ мой, съ живостию произнесъ кавалеръ де-Коломбресъ: Богъ мнѣ свидѣтель, что собственно для себя я не желаю видѣть этой земли, на которой я пролилъ кровь брата; но я согласенъ на испытанія, если ангелъ мой подтвердитъ мнѣніе ваше, то не стану болѣе противиться. Сходите за Пакитой; объявите ей мнѣніе доктора и если оно осчастливитъ ее, то я согласенъ на все.

Пять минутъ спустя, Пакита стояла возлѣ генерала, и я наблюдалъ ея физиономію.

— Милая моя, сказалъ старикъ: докторъ, который такъ заботился обо мнѣ во время моей болѣзни, говоритъ, что можетъ возвратить мнѣ зрѣніе. Что ты мнѣ посоветуешь?

Пакита, упала на колѣни, протянула руки къ небу и открыла ротъ; я думалъ, что она заговоритъ.

— Она въ восторгѣ, сказалъ я кавалеру.

— Не покинешь ли ты меня, если меня вылечатъ? продолжалъ онъ съ безпокойствомъ. Пакита схватила руку изгнанника и покрыла ее поцѣлуями.

— Другъ мой, сказалъ онъ мнѣ: скажите доктору, что онъ можетъ прійти, когда ему будетъ угодно. Я готовъ.

Докторъ пришелъ и было рѣшено, что послѣ нѣсколькихъ дней приготовительнаго леченія, операція будетъ сдѣлана въ слѣдующее воскресенье, до котораго оставалось четыре дня.

Генералъ соглашался на все съ нѣсколько печальною необходимостью. Въ присутствіи Пакиты, онъ былъ молча-

лнѣ; но когда вы были одни; эта книга сожалею, немощи своей и почти желалъ, чтобы операція не удалась.

— Вы увидите, говорилъ онѣ, что я получу доказательство того, что Господь не простилъ еще меня.

— Вы, напротивъ, узнаете, возражалъ я, что вы давно помилованы милосердіемъ Всевышняго.

— Преступленіе мое ужасно!

— Милосердіе Господа неограниченно!

— Но люди, увидѣвъ меня почти счастливымъ, усомнятся въ справедливости судьбы.

— Злые люди; но добрые будутъ благословлять ее.

— Да будетъ воля Божія, другъ мой!

Наступилъ день, назначенный для операціи; я, какъ всякой поймешь, ожидалъ его съ невыразимымъ нетерпѣніемъ и былъ уже у кавалера на нѣсколько часовъ до времени, назначеннаго врачомъ: Генералъ сидѣлъ въ обшитыхъ креслахъ, возлѣ окна. Сложенныя руки, задумчивость, все говорило, что умъ его былъ погруженъ въ размышленіе, которое было не иное что, какъ молитва. Пакига стояла возлѣ него на колыняхъ, лицо ея сіяло нѣжностью и надеждою.

— Это счастливый день для любящихъ васъ, сказалъ я Коломбресу.

Онъ взялъ руку мою и пожалъ ее, не говоря ни слова.

— Вы знаете, продолжалъ я: если операція удастся, то вамъ закроютъ глаза повязкой, которую каждый день будутъ дѣлать прозрачнѣе; чтобы постепенно пріучить васъ къ свѣту.

— Когда я увижу Пакигу, васъ и солнце, то буду ждать терпѣливо, отвѣчалъ онъ съ кроткой улыбкой.

Потомъ лицо его нахмурилось; протянувъ руку надъ головою Пакиги, лежавшей у ногъ его, онъ сказалъ:

— Мнѣ пріятнѣе было бы услышать голосъ Пакиги; нежели увидѣть дневной свѣтъ.

Молодая дѣвушка бросила на меня выразительный взглядъ, значенія котораго я не понялъ. Въ это время вошелъ докторъ и все вниманіе, всѣ способности мой сосредоточились на готовившейся сценѣ. Такъ какъ въ пре-

готовления къ операциі были сдѣланы предварительнѣ; докторъ усадилъ больного и давъ ему держать нѣкоторые инструменты, которые должны были находиться у него подъ рукою, приступилъ къ дѣлу....

Прошло пять или шесть минутъ: онъ показались мнѣ въ чужестыб. Генераль не произнесъ ни одного слова, ни одной жалобы.

— Кончено! вскричалъ докторъ. Видите ли вы?

Генераль опустилъ глаза, встрѣтилъ взглядъ Пакиты, громко вскрикнулъ и лишился чувствъ.

— Онъ узналъ меня! вскричала въ то же время молодая дѣвушка: Боже всемогущій, благодарю!

Докторъ оглянулся, не вѣря своему слуху. Что касается до меня, то я совсѣмъ растерялся.

— Въ этомъ скрывается какая-то тайна, сказалъ докторъ; пока она не объяснилась, воспользуйтесь обморокомъ генерала, чтобы надѣть на глаза его повязку, которую онъ долженъ носить нѣсколько дней: Потомъ мы увидимъ, что надо будетъ дѣлать.

Когда мы стали прикрѣплять повязку, то кавалеръ дѣ-Коломборесъ пришёлъ въ себя.

— Снимите повязку! вскричалъ онъ. Я хочу еще разъ рассмотреть на нее и потомъ умереть!

— Успокойтесь, генераль, сказалъ Деривьеръ: вы опять увидите ее, будьте только покойны: иначе я ни за что не отыщу.

— Это не ангель со мною, это святая, продолжалъ изгнанникъ. Это Вернадетта, единственная дочь моего брата!!! Теперь я вижу, что Господь помиловалъ меня.... Но гдѣ ты, дочь моя! дай прижать тебя моему сердцу!

— Я у ногъ вашихъ и благословляю провидѣніе, исполнившее моленія мои. Простите мнѣ, дядюшка, продолжала она, обнимая кавалера: я пришла къ вамъ съ намѣреніемъ отомстить за смерть отца моего; но раскаяніе ваше внушило мнѣ болѣе великодушныя мысли. Господь сжалился надъ нами.... я болѣе не сирота, а вы не изгнанникъ между изгнанниками!...

Въ 1822 году постановленіемъ кортесовъ изгнанникамъ дозволено было возвратиться въ Испанію. Въ 1823 году, ког-

да король Фердинандъ ѣхалъ въ Мадридъ, Бернадетта де-Коломбресъ именемъ заслугъ отца своего, просила помилованія дядѣ.

— Просите лучше чтобы я помиловалъ его изъ уваженія къ вашимъ добродѣтелямъ, отвѣчалъ король. Съ этимъ условіемъ, я назначаю дядю вашего губернатора Коруньи.

Кавалеръ де-Коломбресъ умеръ тамъ въ глубокой старости, нѣсколько лѣтъ назадъ. Бернадетта никогда его не покидала.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Jane Grey, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, господина Soumet и мадамъ d'Alteinheim.

Іоанна Грей была правнучка Генриха Седьмого короля англійскаго; мать леди Іоанны, Марія, вдова французскаго короля Людовика Двѣнадцатаго, вышла замужъ за герцога Суффолкскаго; отъ этого брака родилась дочь маркиза Дорсетъ, а маркиза Дорсетъ тоже прижила дочь, ту самую Іоанну Грей которой печальная исторія послужила господину Александру Сумѣ и его дочери, мадамъ д'Альтенгеймъ, для вышиванія трагическихъ узоровъ. Такимъ образомъ леди Іоанна Грей, хотя и королевскаго происхожденія, была однако жъ далеко отъ трона Генриха Осьмого и Эдуарда Шестаго. Настоящею англійскою королевою, послѣ брата своего Эдуарда Шестаго, была Марія, дочь Генриха Осьмага и Екатерины Аррагонской. Да она и не мечтала о тронѣ. Она занималась науками и любила; въ ту самую ночь, когда начинается трагедія, леди Іоанна должна выйти за Гильфорда, сына лорда Нортomberлендскаго, но этотъ бракъ, по волѣ лорда, долженъ оставаться тайнымъ.

Пажъ возвѣщаетъ леди Іоаннѣ, что къ ней сейчасъ будетъ королева Марія. Королева является. Она влюблена въ Гильфорда и ввѣряетъ тайну этой любви своей родственницѣ, Іоаннѣ. Іоанна блѣднѣетъ и трепещетъ: она боится такой могущественной соперницы. Марія угадываетъ ея тайну и осѣпаетъ несчастную упреками, подаетъ ея презрѣніемъ; но Гильфордъ вступаетъ за нея. — Ваше величество, говоритъ онъ, леди Іоанна жена моя.

Конечно, это очень естественно: какъ мужу не вступиться за жену, которую онъ любитъ; но между-тѣмъ слова его производятъ на сценѣ большой эффектъ. Гильфорда берутъ подъ стражу.

Марія царствуетъ, но вокругъ ея трона лордъ Нортomberлендъ возмущаетъ всѣхъ приверженцевъ реформы. Онъ предъявляетъ актъ подписанный Эдуардомъ Шестымъ передъ смертью, актъ, которымъ обѣ дочери Генриха Осьмого, Марія и Елисавета, устраняются отъ наслѣдія престола и законною наслѣдницею признается леди Іоанна Грей. Но леди Іоанна не добивается этой мести, она не хочетъ быть королевою, она боится смуть и преступленій этой кровавой эпохи, она говоритъ, что законная наслѣдница престола Марія, и что дочь графини Дорсетъ не имѣетъ никакого права на англійскую корону. Но Гильфордъ настаиваетъ, не для себя, а для Іоанны, изъ любви къ ней; онъ проситъ, умоляетъ, наконецъ говоритъ: «Я хочу!» И леди Іоанна повинуется мужу, а онъ отцу своему. Возвдвигаетъ тронъ, возводитъ на него Іоанну и у подножія этого новаго трона является Марія. — Точно ли я королева? спрашиваетъ Іоанна. Всѣ отвѣчаютъ утвердительно. И она возвращаетъ свободу сверженной королевы Маріи.

Но народъ возстаетъ въ пользу Маріи; парламентъ боится ея такъ же какъ боялся отца ея, Генриха Осьмого. Несчастная Іоанна Грей, королева по-неволѣ, свергнута съ своего минутнаго престола и заключена въ темницу. Начинается судъ. Іоанна Грей не защищается; напротивъ, она посягнула, хотя и по-неволѣ, на корону; она виновна и сама признается, что заслуживаетъ казнь. Она даже умретъ съ радостью, зная что мужъ ея спасенъ. Но Суффолкъ является; онъ не хочетъ жить одинъ, онъ умретъ вмѣстѣ съ Іоанною.

Тутъ былъ бы прекрасный случай для декламаций, для величественныхъ фразъ о рано погибшей юности, о тщетѣ величія; но господинъ Сумѣ, большой охотникъ до декламаций, воздержался: все у него просто и естественно и потому прекрасно. Видно, его удерживала дочь.

Итѣй актъ былъ очень затруднителенъ для автора.

Судьба королевы уже известна. Что жъ остается сказать! Конечно, семнадцатилетняя королева, готовая къ смерти, могла бы въ послѣдній разъ пожелать, проститься съ своими вѣрными слугами, раздать имъ свои вещи; это было бы очень естественно, и мы, зрители, плакали бы; но мы, зрители, также вспомнили бы, что эта сцена уже стоила намъ много слезъ въ Шиллеровой Марии Стюартъ. А этого воспоминавiя надобно было избѣжать во что бы то ни стало. Вотъ что придумали Александръ Сумъ и мандатъ д'Альтенгеймъ.

Въ темницу Юанны Грей приходитъ королева Марія. Юанна можетъ быть спасена, если она согласится подписать свой разводъ съ Гильбердомъ. Сласти и себя и его, Гильберда! Но нѣтъ, любовь для нея дороже жизни. Но если этого хочетъ Гильбердъ, она согласна.—Она не надвинется! говоритъ она съ торжественъ смерью на Марію. Приходитъ Гильбердъ. Она уже подписала разводную бумагу. Юанна спасена, но она притворна въ самое сердце. Гильбердъ подписалъ разводъ, чтобы спасти жену и вмѣстѣ съ тѣмъ принять яду, чтобы не жить безъ нея.—О, я знала, что мы умремъ вмѣстѣ! говоритъ Юанна и раздираетъ бумагу.

Юанна съ торжественъ идетъ на казнь, а Марія плачетъ надъ трупомъ Гильберда. Но Гильбердъ приходитъ въ себя; жизнь на минуту къ нему возвращается, а вмѣстѣ съ жизнью и любовь къ Юаннѣ. Онъ спрашиваетъ, гдѣ жена его; у ногъ Маріи онъ умоляетъ о помилованіи; и умираетъ. Теперь Марія готова простить, но въ предсмертныхъ мучкахъ онъ ухватился рукою за платье Маріи. Королева кричитъ, зоветъ.... никто не слышитъ.... а между-тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ совершается казнь и вы видите вдали Юанну: трепещущими ручками она ищетъ плахи — какъ въ известной картинѣ Делароша.

Новое произведеніе Сумъ, превосходно разыгранное въ театрѣ Одессѣ, имѣло большой успѣхъ. Роль Маріи исполнила мариетта Жоржъ, памятная еще многимъ изъ жителей Петербурга; до 1812 года она была украшеніемъ французскаго театра.

2, Louise et Louise, драма-подвергъ къ пяти дѣйствіяхъ, господина Dureux.

Лиза и Луиза дочери стараго наполеоновскаго сержанта Морена; но-крайней-мѣръ онъ обрѣхъ выдаетъ за дочерей своихъ; но между-тѣмъ Луиза побочная дочь полковника Гаркура, который ввѣрилъ ее своему сержанту, падая на полѣ битвы. Моренъ достойнымъ образомъ исполнилъ заклѣпаніе: онъ воспиталъ Луизу какъ дочь свою и еще лучше, училъ ее больше, чѣмъ свою собственную дочь. Но гдѣ старому, израненному солдату усмотрѣть за молодой дѣвушкой! Луиза полюбила Проспера и не безплодно; плодъ ихъ любви воспитывается въ деревнѣ у кормилицы, и уже отнять отъ груди. Къ-несчастью, добрый Моренъ узнаетъ объ атомъ: рана сердца раскрывается иногочисленныя раны его тѣла; онъ умираетъ.

Между-тѣмъ, съ Просперомъ случилось то, что обыкновенно случается съ обольстителями. Та, которую онъ обождалъ, теперь для него несозна, она ему надѣла; да правду сказать и не досело слушать вѣчныя жалобы и видѣть только слезы. Ты выманилъ свиданія чуждыя: вотъ тебѣ триста шестьдесятъ пять свиданій въ годъ. Ты радъ видеть когда езданца, какъ бриллиантъ, блестя на прекрасныхъ глазахъ твоей любови: вотъ тебѣ потоки слезъ; ты добивался клятвъ, теперь тебѣ клянутся каждую минуту. Да тебя это уже не возводитъ, потому что ты имѣешь каждую минуту не вѣрить атомъ клятвамъ; ты вырешивъ, вѣтъ вѣтъ стронки рукъ обожаемой женщины, чтобы врать эти слова къ своему сердцу, къ своимъ губамъ—вотъ тебѣ ильде темъ нисомъ, да какихъ? съ добрую тетрадь! Чтѣ дѣлать! Съ отчаянія Просперъ надѣлалъ долговъ, надавалъ векселей на свое имя, на имя дяди своего, полковника Гаркура, на чтѣ, разумѣется, не имѣлъ никакого права. Брокъ векселямъ наступаетъ: надоцо платить,—ничѣтъ; если итти въ тюрьму, да еще подѣ сулъ—это и того хуже. Съ отчаянія, уже другаго, Просперу приходитъ съ жалитъ на богатой. Кстати, дядя Гаркуръ предлагаетъ ему руку своей дочери Лизы, съ огромнымъ приданымъ.... Но позволяетъ; дадобно еще разсказать атомъ какимъ образомъ Лиза сдѣлалась дочерью полковника Гар-

кура, когда настоящая дочь его не она, а Луиза, что доказывается золотымъ крестикомъ, который, для отлички, надѣли ей на шею при самомъ рожденіи. Отличка, конечно, не вѣрная: но не въ томъ дѣло.

Умирая, Моренъ подозвалъ къ себѣ Лизу, обнялъ, благословилъ ее; потомъ кликнулъ Луизу.... но Лиза не рѣшилась сказать умирающему отцу, что сестра ея бѣжала съ своимъ любезнымъ въ деревню, къ своему больному ребенку. Найдя крестикъ, который Луиза забыла, Лиза подходитъ съ другой стороны къ отцу, который уже ничего не видитъ. — Луиза, говоритъ онъ, я долженъ открыть тебѣ тайну твоего рожденія: ты не дочь моя; твой отецъ полковникъ Гаркуръ.

Только-что Моренъ умеръ, какъ пріѣзжаетъ полковникъ Гаркуръ и добрая Лиза опять въ прежнемъ затрудненіи: какъ сказать отцу, что дѣвушка, дочь его, уѣхала съ своимъ любезнымъ въ деревню посматрѣть своего большого ребенка? И Лиза говоритъ, что она Луиза, дочь полковника Гаркура и тотъ хочетъ выдать ее за своего племянника Проспера. Но между-тѣмъ Просперъ, чтобы выбраться по лѣстницѣ женитьбы изъ пропасти, въ которую попалъ по своимъ денежнымъ вродѣнамъ, увольняетъ Лизу за вѣчистую. Несчастная хочетъ умертвить себя, но Лиза ее спасаетъ и тутъ открываетъ все полковнику. Гаркуръ хочетъ посматрѣть до чего дойдетъ безсовѣстность Проспера: рѣшится ли онъ жениться на другой, бросивъ ту, которую лишилъ добраго имени и которой причинилъ сѣньшу. Просперъ готовъ, но при подписаніи договора, раскаяніе щемитъ его сердце, перо выпадаетъ у него изъ рукъ и онъ объявляетъ, что не можетъ жениться, потому что уже не свободенъ.

— Полковнику это-то и нужно; онъ признаетъ Луизу своей законной дочерью, и выдаетъ ее за Проспера. Само собою разумѣется, что для доброй Лизы авторъ прихотъ другаго жениха, котораго она любитъ, за котораго полковникъ и выдаетъ ее съ приличнымъ приданымъ. Такимъ образомъ добродѣтель награждается бракосочетаніемъ, порокъ наказывается угрызеніями совѣсти и муками отчаянія.

Драма нравственнѣйшая съ куплетами и не слишкомъ скучная.

3. *Le Lazaroni, Ладзарони, или Добро со снѣ приходитъ*, опера въ двухъ дѣйствіяхъ, слова господина *Saint-Georges'a*, музыка господина *Halévy*.

Добро со снѣ приходитъ! Какъ бы не такъ! Этого не думаютъ и ладзарони, самые лѣнивые изъ смертныхъ. Ладзарони сначала идетъ ловить рыбу, потомъ бѣгаетъ по всѣмъ улицамъ и площадямъ Неаполя, чтобы продать ее, кричать, суетится, хлопочетъ, проситъ, уговариваетъ, умоляетъ, пресеріозно предлагаетъ свой липкій товаръ даже разряженнѣй Пармакѣ въ бѣлыхъ перчаткахъ, которая садится въ коляску, чтобы ѣхать на *villa Reale*, даже англичскому денди, который, весь подъ лакомъ, отправляется на балъ къ своему посланнику. Потомъ уже, распродавъ товаръ, онъ кладетъ свою корзинку на солнце, свертывается въ ней клубкомъ и спитъ какъ сурокъ; но уже тогда, когда деньги у него въ карманѣ, когда добро пришло.

Какъ бы то ни было, молоденькій ладзарони Бенно охотѣ еще не переработавши. Въ это время въ него влюбляется хоронтошская цвѣточница Батвота, которую и онъ на-досугъ любитъ. Чтò жъ и дѣлать какъ не любить, человѣку, который ничего не дѣлаетъ! Во время сна Бенно, выходитъ, что Батвота не простолюдинка; любить своего Бенно, какъ-будто и теперь еще цвѣточница. Бенно просыпается и женится на знатной и богатой дѣвушкѣ.

Попробуйте-ка поспать и вы.

Музыка Галэви, говорить, прелестна. Онъ не спалъ, когда писалъ ее.

4. *L'Oncle à succession. Дядя съ наследствомъ*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ (будто бы) господина *Durantin'a*.

Если вы принадлежите къ поколѣнію, не юному, а уже переходящему, то вы процвѣтали, или по-крайней-мѣрѣ существовали въ видѣ распутолки въ то время, когда комедіи и слезныя драмы Коцебу были въ страшной модѣ, слѣдственно, знаете его комедію «наслѣдникъ», слѣдственно знаете и водевиль, который жосьё *Durantin* называетъ своимъ; потому что это одно и то же. Если же у васъ нѣтъ

оно ни размечтывать, ни гласной боли, ни болины в печени, ни, колыми нате, подагры; если волосы на голове дамой еще остаются живы, если не переставила преданного аэосо даба в бѣлый — пасть лаванды (по-ла-воль), то вы не знаете комедіи Комабу и ны разсказываю вамъ въ двухъ словахъ преданіе господина Дуганіа'а.

Диралъ старикъ богатый и сарантый. Пылалища его, Клара, была бѣдѣ сироту замулъ и онъ начался считать ее наследства. Но богатыхъ стариковъ бѣдѣ наследствомъ не бываетъ. Наслѣдниковъ было множество, Старикъ Диралъ волею объявлять, но онъ умеръ. Наслѣдники поучуть въ закускъ, пласутъ на-верьялъ, чужь волосы на голове на ругуть, хотя мало покойника и слышатъ, Томар Клара и мужъ въ саранты и саранты. Но чужь стариковъ завѣщаніе покойника; оканчиваясь, нѣ все и нѣмъ: ства его востало въ большомъ, но помилующемъ: ама-лѣ, и, слѣдственно, наследовать похити немоу. Наслѣдники перестаютъ плавать, прануть платки въ карманъ, а оно очень невыгодно отзываются на счетъ покойнаго. Но тутъ Клара и мужъ ее объявляютъ, что они не дозволятъ оскорблять память почтеннаго Дирала. А Диралъ тутъ какъ-тутъ: онъ сидѣлъ за кулисами и все слышалъ. Дѣла-ныхъ наследниковъ разгоняютъ. Клара и мужъ ее получаютъ огромное имѣніе длаи и делаютъ его старость.

Всего, разу и бѣтоса, прелетавшая кукушками, онабѣтосъ, которая, намъ по-крайней-мѣрѣ, ужасно надоела.

5. Une Separation, *Цѣлѣбный разводъ*, повѣсть въ ет-номъ дѣйствіи, господъ *Сатроуше'а* и *Соксу*.

Мосье и мадамъ Бокро — придверникъ и придверница какого-то дому. Она любитъ кошекъ; онъ скоронотъ; но какъ первыя душахъ наследныхъ, то между супругами происходятъ безпрерывныя ссоры, Дѣло доходитъ до того, что они рѣшаются разойтись полюбовно; но какъ ни тому ни другой идти некуда, то они разгораживаютъ свою каморку по-поламъ и уговариваются дежурить по очереди. Къ несчастію, мадамъ Бокро не знаетъ, нѣ дозвѣща при-кажываю мужу, а мосье Бокро, по-маленьку свободнѣе пре-чонанъ. И дѣлается въ нтепіа, *Mystères de Paris*, да нѣ-трое: онъ и не-вѣрнѣе домогаю-тотъ. Наслѣдникъ

одну женщину, которая хотела запретить пускаться в путь, мамонтъ Кококо не имея этого пускаетъ его, а тотъ пускаетъ жену хозяина — гулять. Хозяинъ возвращается и, не найдя жены дома, съ досады пропалелъ и примерница и примерницу. Тутъ несчастіе какъ примерять и супруги бросаются другъ къ другу въ распростертые объятія.

б. *La Peau de Lupo*, *Лепина кожа*, волыныя въ оленьи дѣйствія, господина Лау'а.

Мужья мѣшаютъ одинъ недостатокъ (между прочимъ): они думаютъ что жена непременно должно забавлять то, что забавляетъ и ихъ. Напримеръ, Генрихъ де-Корванъ очень любитъ классическую литературу, читаетъ съ утра до вѣча, и заставляетъ жену дѣлать выписки изъ твореній Фаналона, автора знаменитой сказы *Calluro* по речамъ ее *causes* и прочая; а ей бы гораздо пріятнѣе было танцевать или гулять.

Какъ ни углубленъ мужъ въ чтеніе *Calluro* по речамъ ее *causes* и прочая, однако жъ онъ замѣчаетъ, что нѣтъ нисколько мамонтъ, обрывается утѣшать жену его. Момонтъ молодца, одѣтъ по повѣдѣнной модѣ; де-Корванъ поглядѣвъ на него, посмотрѣвъ въ зеркало на себя и понявъ въ немъ дѣло. Жена укладываетъ во двора, она между-тѣмъ налагаетъ на себя древнюю юбку, то есть, одѣвается по заграничной модѣ. Жена возвращается, а онъ, съ сигаркой въ зубахъ, стирается гулять въ Булонскій Лѣсъ, потому ужинаетъ съ антрисами, потому.... Такъ что ужъ жена сама проситъ, чтобы мужъ по-прежнему давалъ ей дѣлать выписки изъ твореній автора знаменитой сказы *Calluro* по речамъ ее *causes* и прочая.

Мужья сближены невозможно своей серіозности, жена не выдерживаетъ своей шутливости и все уладило: супруги стали какъ да поживать, да дѣтей поживать.

Вотъ и все.

извѣстныя новости. Всѣ звуки затихли, всѣ голоса умолкли, потому что — соловей началъ пѣть. Весною на улицахъ отнимаютъ у насъ времени концертами, и мож-
но слышать говорить о томъ что было.

Было плохо. Концерты нынѣшней зимы рѣшительно обложены были льдомъ: публика охолодѣла къ этому удовольствію; италіанскій театръ поглотилъ весь энтузіазмъ и всѣ деньги; солисты съ трудомъ находили себѣ небольшое число слушателей. Многіе таланты, пробующіе и отцѣпившіе, являлись передъ увлеченною публикой въ концертъ: она ихъ не примѣтила, или почти не приняла. Въ убыткѣ ли она отъ этого? Мужья могутъ быть различны; но дѣло въ томъ, что если ужъ ты съ такою страстью ударился въ нѣміе, некачественно въ нѣміе, то намъ бы слѣдовало обратить полное вниманіе свое, какъ для упражненія себя въ искусствѣ судить о вокальномъ дѣлѣ, на одну превосходную пѣвицу, которая была здѣсь и уѣхала на лѣто, кажется, въ Москву. Синьора Фиякъ-Лоръ — истинная, полная артистка: такихъ пѣвицъ немного найдется въ сей юдоли фальшивыхъ нотъ. Не только лѣтъ тому, она была прима-донною въ Лондонѣ, а въ послѣднее время въ Миланѣ. Въ Лондонѣ раздѣляла она рукоприкладіе вишетъ съ Рубини, который отзывался объ ея талантѣ съ полнымъ уваженіемъ: онъ говоритъ, что въ Италіи трудно сыскать ѣмче что-нибудь по-лучшее. Лондонскіе журналы до-сихъ-поръ вспоминаютъ о госпожѣ Фиякъ-Лоръ; особенно, когда рѣчь идетъ о «Семирамидѣ», ставя ея въ ряду всѣхъ знаменитыхъ пѣвицъ, которые тамъ пѣли въ послѣдніе годы. Она дала здѣсь только одинъ концертъ, передъ немногочисленною публикою, которой это имя было извѣстно прежде, и получила полный, безусловный успѣхъ. Голосъ ея (сопрано) свѣжъ, звученъ, полонъ, обширенъ, вѣрно установленъ, отличнаго качества и отлично образованъ въ музыкальномъ отношеніи. Хроматическія гаммы, которыя обыкновенно пѣвицы и пѣвцы только *начкаютъ* (*barbouillent*, техническое выраженіе), дѣлаетъ госпожа Фиякъ-Лоръ такъ легко, чисто, вѣрно, что привела ими весь оркестръ нашъ въ удивленіе: одно это показываетъ, что голосъ ея вполне обработанъ. Вокализація у ней отлична, музыкальная чистота безукоризненна, метода совершенно артистическая, пѣніе исполнено чувства, ума и тонкости. Такое именно значеніе оставила она во всѣхъ смѣтлѣхъ слушателей.

ность синьоры Финкъ-Лоръ, пріятная и умная, кажетъ на двадцать семь или осемь лѣтъ: самый выгодный возрастъ для пѣвицы. Для Петербургскаго италіянскаго театра такая артистка была бы вождѣльнинымъ приобрѣтеніемъ, какъ вторая прима-донна, если первая будетъ лучше ея. Тѣ, которымъ не удалось слышать госпожи Финкъ-Лоръ, могутъ смѣло сожалѣть объ этомъ. Она, по-несчастію, проскользнула здѣсь среди другихъ пѣвицъ, которыхъ надо было слушать изъ уваженія къ прежней ихъ вокальной славѣ и которыя не поддержали ея въ Петербургѣ обломками своихъ голосовъ.

Равнодушіе дилетантовъ къ концертамъ было причиною, что даже и госпожа Шоберлехнеръ, у которой столько приверженцевъ въ Петербургѣ, не рѣшилась явиться вторично передъ публикою. Въ первомъ своемъ концертѣ, довольно счастливымъ, она возбудила энтузіамъ: голосъ ея значительно потерпѣлъ, не столько отъ времени, сколько отъ устава италіянскихъ театровъ, предписывающаго горланить во всю грудь, но что до искусства, то навѣрное никто, послѣ Пасты, не пѣлъ какъ поетъ госпожа Шоберлехнеръ.

Старинная слава синьори Ронци спаслась только тѣмъ, что ей удалось пѣть въ пустой залѣ.

Фанатики италіянской оперы встревожены до отчаянія: что будетъ съ нами зимою?... кто будетъ насъ восхищать? .. отъ кого станемъ мы съ ума сходить?... Самыя неблагопріятныя для ушей слухи ходятъ въ эту минуту по городу. Говорятъ, что природа, которой законы неумолимы, намѣрена наложить запрещеніе на возвратъ госпожи Гарсія-Віардо въ Петербургъ. Нынче уже нѣтъ сомнѣнія, что нельзя имѣть скоро ни одной изъ знаменитѣйшихъ италіянскихъ пѣвицъ. Тадолини, Фрецдолини, Персіани, Гриси, всѣ первые соловьи, ангажированы другими театрами на нѣсколько лѣтъ впередъ. Свободной прима-донны нѣтъ ни одной. Лучшую изъ всѣхъ, не связанныхъ контрактами, госпожу Даранкуръ, России прислалъ сюда. Петербургъ заткнулъ уши, когда она запѣла. Монте-негро, которую столько расхваливали, испыталаiasco въ

О ужасъ! что это пишутъ Швицы! Ихъ театральныя газеты утверждаютъ, будто Гарсиа-Віардо не имѣетъ успѣху въ Вѣнѣ! Возможно ли это? Вѣрить ли? Плакать ли?... Шестаго апрѣля давно было первое представленіе «Севицкаго цирюльника», и госпожа Гарсиа (произноси: *Garcia*) неиможно поправила вокальныя дѣла свои чудесною игрою, которая напомнила собой игру госпожи Малибранъ и привела всѣхъ въ восторгъ. Въ этой оперѣ пѣла она вмѣстѣ съ Ронкони и Роверо.

Финкъ-Лоръ и Клара Викъ (или госпожа Шуманъ), вотъ два самые примѣчательные новыя таланта, которые слышали мы въ продолженіи прошедшей концертной эпохи. Талантъ госпожи Шуманъ заслуживаетъ полнаго уваженія, хоть и не возбуждаетъ восторговъ. Ловкость въ исполненіи, сила, ровность и чистота игры, не могутъ простирается даже въ женщинѣ. Но, странно! эта солистка приводитъ въ восхищеніе—въ *тихе вохшиченіе, stille Entzücken* (завѣтное техническое выраженіе) — именно тѣхъ, которые терпѣть не могутъ солпстовъ; которые не любятъ видѣть въ музыкѣ чловѣка, съ его умомъ, гениемъ, душою, сердцемъ, страстями; которые хотѣтъ слышать только инструментъ и нотную тетрадку. Отчего это? Оттого, что госпожа Шуманъ играетъ именно такъ, какъ играютъ артисты въ оркестрѣ: чисто, ровно, математически-аккуратно, совершенно, и результаты всего этого — *stilles Entzücken, тихое восхищеніе*, высшая степень блаженства фанатиковъ симфоній и квартетовъ. Такой родъ игры нейдетъ для солпстовъ: назначеніе ихъ другое, гораздо возвышеннѣе; въ игрѣ ихъ мы желаемъ слышать вмѣстѣ инструментъ, искусство и самого артиста, его страстное и убѣдительно краснорѣчіе, его гениальный способъ излагать свои мысли, чувства, желанія, и дѣйствовать на массы. Солистка—ораторъ! Игра госпожи Шуманъ, напротивъ, въ точномъ смыслѣ слова, *оркестрнал*, то есть, такая, гдѣ чловѣкъ исчезаетъ и дѣлается исполнительною машиною, гдѣ можетъ быть только обогнѣ въ игрѣ, но для души, для страсти, для гениа артиста мѣста не отведено. Въ своемъ родѣ, игра госпожи Шуманъ совершенна. Но она не можетъ исполнѣ удовольствію

творитъ музыка, потому что не всякой же человекъ родится дитяго чтобы играть въ оркестръ; тянуть определенную себѣ ноту въ квітуоръ и вѣчно плавать въ stiller Entzückung. Оркестровые артисты позволяютъ себѣ отговариваться съ презрѣніемъ о сужденіяхъ публики по части музыки: публика совершенно въ правѣ оказывать такое же презрѣніе къ ихъ сужденіямъ, поставивъ ихъ на видъ, что не она создана для оркестровъ, но оркестры для нея и одна она — верховный судья музыки и воокта, провоздвигаетъ исполненіемъ. Вообще, нѣтъ сужденій лежаче, одностороннее и ограниченное какъ сужденія такъ называемыхъ «ученыхъ» музыкантовъ. Со времени Наганина и Листа вся европейская публика пошла; чѣмъ меньше быть болѣетъ въ музыкѣ, и что есть на свѣтѣ музыка, выше всего музыка, музыка гениа, объясняющагося инструментами. Этой-то музыки артистическая и учено-музыкальная толпа не понимаетъ и понять не можетъ, по одностороннему направленію своихъ идей. Для трехъ четвертей этихъ господъ Листъ непостижимъ; они имъ недоступны, и они презираютъ его ягру: это дѣлаетъ страшную честь тонкостныхъ чувства и понятій! Послѣдователи оркестрового образа мыслей, при появленіи госножи Шумана, хотѣли произвести шумную реакцію; низости ударъ Листу, увлечь публику въ пользу этой артистки: они забыли даже stiller Entzücken, бросались въ страшные восторги, и подиробали до растресканія перчатокъ: Публика аплодировала вмѣстѣ съ ними; но осталась холодною. Госножа Шуманъ получила бы гораздо блистательнѣйшій успѣхъ въ Петербургѣ; если бы реакціонеры искренно признались за дѣло и; не сравнивая этого прекраснаго женскаго таланта съ самыми необыкновенными, съ самыми величайшими мужскими талантами, не ставя госножи Шуманъ возлѣ васъ выше Листа, поставили ее на законномъ мѣстѣ, возлѣ древнихъ знаменитыхъ солистовъ, напримѣръ возлѣ Фальда: Мнѣто прекрасное! Фальдъ — потому что его уже нѣтъ — какъ выказалъ теперь и долейъ всехъ недомыслиа торжествамъ Листа: Память у нихъ; конечно, не блистательна; они забыли, что Карлъ Майеръ, въ свое время, въ Фальдѣ и Фальдѣ иредъ ними же, что сами же они...

внѣ Майера выше покойнаго своего кумира. Но зачѣмъ напоминать прошедшее! Фильда нынче у насъ — первый пианистъ въ мірѣ, и госпожа Шуманъ выиграла бы гораздо болѣе во мнѣніи публики, если бы тѣ, которые старались поддержать ея посредственный успѣхъ, выдали ее съ самаго начала за возрожденіе нѣкогда стоавъ любимаго московскаго пианиста. Госпожа Шуманъ — древняя солистка. До Паганини и Листа всѣ солисты играли оркестерною игрою; артистъ рѣдко и мало выказывался и, въ старой школѣ, уничтоженіе внутренняго и наружнаго человѣка въ игрѣ solo сдѣлалось закономъ. Игра госпожи Шуманъ, по духу своему, и по роду, чрезвычайно сходна съ игрою Фильда и прѣвнесо игрою Карла Майера. Она дотога — оркестерная, что ни въ какомъ случаѣ госпожа Шуманъ не явилась болѣе совершенною, не возбудила полнѣйшаго *stilles Entzücken* въ тѣхъ даже, которые не большіе охотники до древностей въ молодой женщинѣ, какъ въ *maisons d'ensemble* и, именно, въ странномъ квинтетѣ своего супруга. Здѣсь весь успѣхъ, весь эффектъ, принадлежалъ совершенству ея игры, — потому что пѣса сама по себѣ — сочиненіе вымученное, изжасанное, немужьмальное. Къ истинной невыгодѣ своей, неумѣстныя сравненія съ Листомъ, эта отличная артистка какъ-будто принимаетъ въ буквальный смыслъ: она ластивно, не подражаетъ Листу, а становится на одну ступень съ этимъ безпримѣрнымъ пианистомъ, играетъ тѣ же пьесы, которыя игралъ онъ, слѣдуетъ его концертной методѣ. Къ чему это соперничество женской слабости съ мужскимъ могуществомъ? Госпожа Шуманъ играла намъ, не только знаменитѣйшія пьесы самаго Листа, но и любимѣйшія его пьесы, Шопена, Баха, Гензельта, Тальберга, Вебера, и проч. Какой не расчетъ! Она играла намъ Листа: Листъ, бесспорно, игралъ у насъ лучше своихъ сочиненій, не говоря уже объ этюдахъ Шопена и фугахъ Баха; играла Тальберга: и Тальберга мы слышали: онъ играетъ лучше свое; играла Гензельта: Гензельтъ играетъ намъ все это несравненно лучше. Веберовъ *Concert-Stück*, послѣ Листа, покарался сухими и тонкими пальцами солистки старой школы; Таль-

играли прежде, спору нѣтъ: но мы живемъ не «прежде», а теперь, въ наше собственное время, которое все идетъ впередъ, въ музыкѣ какъ и въ другихъ дѣлахъ человеческихъ. Сравненій-то и надлежало избѣгать! Истиннымъ цѣнителемъ своего особеннаго таланта господжа Шуманъ принесла бы гораздо болѣе удовольствія, если бы дала имъ услышать по-больше пьесъ мало-извѣстныхъ, хоть-бы на примѣръ куріозныхъ пьесъ господина Шумана. Это такъ вѣрно, что самыя важныя успѣхи получила она именно въ пьесахъ, новыхъ для публики, — въ квинтетѣ, о которомъ мы говорили, въ маленькомъ, очень миломъ, сочиненіи Скарлатти, и въ неизданной «пѣсни безъ словъ» Мендельсона, подборѣ красивенькихъ аккордовъ къ довольно блѣдному мотиву.

Между инструментальными концертами, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ былъ музыкальный вечеръ Карла Майера, въ которомъ игралъ онъ свой новый концертъ, сочиненіе ученое, въ широкомъ и строгомъ стилѣ, сильно оркестрованное, важное, одно изъ тѣхъ сочиненій, которыми Карлъ Майеръ пріобрѣлъ славу свою какъ композиторъ. Чтобы судить о такомъ твореніи, необходимо выслушать его нѣсколько разъ и притомъ въ болѣе обширной залѣ.

Нѣсколько весьма пріятныхъ талантовъ тихо промелькнули среди всѣхъ этихъ музыкальных невзгодъ. Господинъ Вартель прекраснымъ голосомъ и съ большимъ выраженіемъ пропѣлъ намъ три или четыре «пѣсни» Шуберта. Господинъ Эйзенеръ очень занимательно игралъ на хроматической трубѣ. Господинъ.... или госпожа.... право, не припомнимъ, кто еще, и чѣмъ именно, восхитилъ насъ въ особенности. Только, не господинъ Гауманъ. Нѣтъ, господина Гаумана забыть нельзя. Великій корнесловъ! Теперь-то, благодаря его вторичному пріѣзду, совершенно объяснилось, почему скрипка названа *скрипкою*. Въ самомъ дѣлѣ, она въ состояніи *скрипеть* немилосерднымъ образомъ. Не возможно представить себѣ звуку непріятнѣе, суше, деревяннѣе: онъ разстраиваетъ нервы; нерѣдко, безъ церемоній, когтями подираетъ по кожѣ. Что это — родъ таковой.... Странный родъ! Господинъ Гауманъ, однако живъ, нѣсколько лѣтъ тому, возбуждѣлъ здѣсь примѣчательный

восторгъ? Онъ ли, съ-тѣхъ-поръ, перемѣнился, или мы? Вѣроятно, мы. Съ-тѣхъ-поръ, мы слышали многихъ славныхъ скрипачей, издержали пропасть восторгу, и не мудрено, что господинъ Гауманъ не находитъ его теперь у насъ.

Серве давалъ недавно концертъ въ Лейпцигѣ: и ѣдетъ сюда: какой-то оркестерный аристархъ пишетъ въ тамошней музыкальной газетѣ, что игра его болѣе *задна* (*ricquant*) чѣмъ *гениальна* (*geistreich*), болѣе *изящна* (*elegant*) чѣмъ *тепла* (*warm*) или *исполнена души* (*seelenvoll*). Вотъ вамъ образчикъ суждений артистовъ! вотъ, какъ они понимаютъ «гений»! Оркестерный аристархъ прибавляетъ, что если Herr Servais хочетъ приобрести *душевное уваженіе* артистовъ къ своему таланту, то не долженъ шевелиться на стулѣ и они тогда только признаютъ его гениемъ, большимъ гениемъ, когда онъ будетъ играть какъ статуя. Къ прискорбію своему, оркестерный аристархъ принужденъ сознаться, что публика, *непосвященные*, *die Laien*, въ невѣроятномъ восторгѣ отъ Серве. Въ концертѣ этомъ, игралъ, вмѣстѣ съ нимъ и Давидомъ, самъ Мендельсонъ.

— Листъ, въ эту минуту, въ Парижѣ. Приѣхавъ изъ Германіи, онъ далъ тамъ два концерта въ италіянскомъ театрѣ. Весь beau-monde прибѣжалъ слушать его: не только обыкновенныя мѣста, но и вся сцена, весь оркестръ, наполнились слушателями. Восторгъ былъ неописанный. Между прочимъ, Листъ игралъ свой *Венскій маршъ* вслѣдъ за *Маршемъ Черномора*, Глинки, изъ «Руслана и Людмилы»: публика требовала повторенія этихъ оригинальныхъ пѣсень, но Листъ, возвратясь къ инструменту, съигралъ ей фантазію на темы изъ Донъ-Жуана. Третій концертъ даетъ онъ въ пользу Берліоза, и тотчасъ уѣзжаетъ въ Стокгольмъ. Осенью онъ будетъ въ Петербургѣ; зимою въ Москвѣ.

=

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

(Цѣны во сребро.)

REVUE UNIVERSELLE DE L'ÉGLISE CATHOLIQUE, par l'Abbé Rochefort.
 Парижъ 1874. Paris (L. F. 60 8.)
 L'ouvrage aura 20 à 24 volumes.

RECHERCHES SUR LA NATURE ET LES CAUSES DE LA RICHESSE DES NATIONS, par Adam Smith, traduction du comte Garnier, entièrement refondue et annotée par M. Blanqui. 2 vol. in-8. Paris, 1843. (5 r. 72 c.)

SUPPLEMENT AU DICTIONNAIRE DE LA CONVERSATION ET DE LA LECTURE, (52 vol. in-8.) Ouvrage publié sous la direction de M. Ducket, aura 15 vol. in-8.

AVENTURES DE TELEMAQUE, suivi des aventures des Aristonous, par Fénelon et précédées d'une notice biographique et littéraire par M. Vilmémain. Un vol. in-8. orné d'un portrait et de 20 vignettes, Paris, 1843. (4 r. 50 c.)

COURS DE LITTÉRATURE DRAMATIQUE, ou de l'usage des passions dans le drame, par St. Marc-Girardin. Un vol. in-12. Paris, 1843. (85 c.)

SILVIO PELLICO. Mes prisons.

DEVOIRS DES HOMMES, traduction nouv. par le comte de Messey, édition illustrée de 80 grav. sur acier. Un vol. in-8. Paris, 1843. (3 r. 40 c.)

VOYAGE AUTOUR DU CALCAË, chez les *Tchakasses*, etc. tome 6me et dernier in-8. Paris, (2 r. 28 c.)

DESCRIPTION DES MACHINES et procédés consignés dans les brevets d'inventions, etc., tomes 49 et 50, in-4, avec planches. Paris, 1843-44. (Le vol. à 4 r. 25 c.)

LA CHINE OUVERTE, par Old Nick, ouvrage illustré. Un vol. in-8, orné de nombreuses illustrations dans le texte et de 50 grands sujets à part. Paris, 1843-44. (4 r.)

HISTOIRE DE CHARLES-QUINT, par Robertson, traduction de Suard, 2 vol. in-12. Paris, 1843. (1 r. 72 c.)

HISTOIRE PITTORESQUE des voyages dans les cinq parties du Monde, **RECUEIL DES DESCRIPTIONS pittoresques, des recits curieux, des scènes variées, des découvertes scientifiques, des moeurs, et costumes etc.** par Hattin, 5 vol. in-8. Paris, 1843. (10 r.)

Romans.

LA PLUS HEUREUSE FEMME DU MONDE, par Ch. du Soc, 2 vol. (4 r. 40 c.)

LA PYTHIE DES HIGHLANDS par W. Scott, ouvrage inédit, 2 vol. (1 r. 40 c.)

(Всѣ эти книги можно получить въ магазинѣ Я. А. Макарова, комиссионера Букинской гвардейскаго корпуса, въ С.-Петербургѣ, въ Дворянскомъ Дворѣ № 33.)

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОСТАВЛЕННЫЯ

(Изданы на западѣ.)

AUBER. Fra Diavolo, La Muette de Portici (à 2 r. 85 c.)
BELLINI. Beatrice di Tenda, I. Monterchi, Norma, Il Pirata, La Sonnambula, La Straniera (à 2 r. 43 c.)

DONIZETTI. Anna Bolena (1 r. 29 c.), L'Elisir d'amore, Lucia di Lammermoor (à 3 r. 43 c.).

HEROLD. Zampa (2 r. 85 c.).

ROSSINI. Cenerentola, La Donna del lago, Gazza ladra, Mosé, Otello, Tancred, Il Barbiere (à 2 r. 85 c.).

Оперы въ четыре руки.

(Новое красное издание.)

AUBER. La Muette, Bellini: Norma, La Sonnambula, Donizetti: Lucia, Mozart: La Flûte magique, Rossini: Il Barbiere, Herold: Zampa. (à 5 r. 15 c.).

MOZART. Don Juan, Figaro (à 5 r. 72 c.).

Классы для одного фортепиано.

ADAM. Six pièces favorites de l'opéra: La part du diable (94 c.).

— Mosaïque sur des thèmes de l'opéra: Le roi d'Yvetot, 3 cahiers (à 1 r. 15 c.).

ST. BENNET. Rondo piacevole, oeuvre 25 (86 c.).

BURGMUELLER. Deux polkas (à 94 c.).

— La montagnarde, Diana, deux valse brillantes (à 72 c.).

— Valse brillante et favorite du ballet: Peri (94 c.).

DREYSCHOCK. Six airs écossais en forme d'études (1 r. 43 c.).

— Andanté inquietoso, oeuvre 23 (72 c.).

— Six airs Irlandais en forme d'études (1 r. 43 c.).

DUVERNOY. Petites pièces favorites sur des thèmes de Halevy, Meyerbeer et Weber, 3 cahiers (à 88 c.).

— Fantaisie mignonne sur Beatrice di Tenda (86 c.).

— Fantaisie et variations brillantes sur un thème de Capuletti, oeuvre 123 (86 c.).

— Bagatelle sur une chansonnette Napolitaine (86 c.).

HELLER. Les mélodies de Schubert transcrites, 38 numéros (à 1 r.).

MERS. Les triomphales, contredanses variées (1 r. 15 c.).

— Polonaise favorite de Linda (1 r. 15 c.).

— Fantaisie et variations sur Parisina, oeuvre 133 (1 r. 72 c.).

— Trois airs de ballet de Charles VI (à 86 c.).

JUELLIG. Méthodes nationales hongroises (85 c.).

KULLAK. Fantaisie de concert, oeuvre 14 (1 r. 72 c.).

LECARPENTIER. Trois rondinos sur des chansons de Mlle Puget, oeuvre 47 (à 72 c.).

— Bagatelle sur des motifs de l'opéra: La Main de fer (72 c.).

LEMOINE. Bagatelle sur La Cachucha (58 c.).

— Bagatelle sur des motifs du ballet: Le Diable amoureux, oeuvre 40, 2 cahiers (à 94 c.).

LIST. Galop de Bulgakoff, transcrit (78 c.).

- Il m'aimait tant, mélodie transcrite (60 c.).
- Соловейъ d'Alabien (85 c.).
- Final de Lucia, transcrit (1 r.).
- Reminiscence de Robert le diable, grande fantaisie (2 r.).
- Grand galop chromatique (83 c.).
- Petite valse favorite (58 c.).
- Tarentelle napolitaine (60 c.).
- LOEWENSKIOLD. Rêves d'Italie, improvisations caractéristiques (2 rb. 88 c.).
- ROSELLEN. Fantaisie sur deux cavatines de Parisina (1 r. 15 c.).
- Caprice sur La reine de Chypre, oeuvre 46 (1 r. 48 c.).
- La milanaise, fantaisie brillante sur les plus jolis opéras de Donizetti, oeuvre 51 (1 r. 43 c.).
- L'aérienne, valse brillante, oeuvre 51 (1 r.).
- Fantaisie favorite sur Le rêve de Marie (90 c.).
- ROSENHAIN. Grande valse brillante, morceau de salon (1 r.).
- Variations sur Belisario (1 r. 43 c.).
- Lutte intérieure, mélodie sans paroles (75 c.).
- Esquisses de l'opéra Italien, trois impromptu (à 1 r. 15 c.).
- SCHEIDT. La gracieuse, grande valse brillante (72 c.).
- Deux ames, mélodies sans paroles (69 c.).
- MENDELSSOHN. Chanson de printemps (Frühlingslied) (50 c.).
- Gondellied (30)c .
- Chanson sans paroles, oeuvre 34 (30 c.).
- C. MAYER. Valse-étude (85 c.).
- Troisième impromptu (75 c.).
- Caprice (75 c.).
- Trois études favorites, dédiées à la Comtesse Toll (1 r. 80 c.).
- Pensée fugitive (60 c.).
- KALKRENNER. L'écho, scherzo (60 c.).
- LANGER. C'est à vous que je pense, mélodie (50 c.).
- MOSCHLES. Rapsodie (30 c.).
- B. WOLFF. Divertissement sur des motifs de Mercadante (1 r.).
- ERNST. Élégie célèbre, transcrite par Czerny (60 c.).
- DOHNLER. L'adieu de Schubert, transcrit (50 c.).
- Souvenir de Florence, nocturne (60 c.).
- La Lontananza, romance sans paroles (60 c.).
- CHOPIN. Deux mazurkas favorites, exécutées à St. Pétersbourg par Liszt. (60 c.).
- Mazurka favorite, op. 50 (43 c.).
- FESCA. La mélancolie (60 c.).
- HERBERT. «Бывало», romance du Ct. Wielhorsky, transcrite.

(Въ музыкальномъ магазинѣ Бергара, на Невскомъ Пресектѣ, на углу Большой Морской, въ домѣ Чаплина.)

Въ этомъ же магазинѣ раздается пятая тетрадь музыкальнаго журнала : «Нувелестъ», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія піесы:

МЕНДЕЛСОНН. Chanson de printemps (Frühlingslied). — немз. La polka, morceau de salon. — VOLLWEILER. «Любила я», du St. Wielhorsky, transcrit. — ВОКНЛЕР. A un fuscelletto, mélodie. — ШИВУЕНТ. La berceuse. — ДЕРФЕЛЬДТЪ. Новый романсъ. Romance française. Литературное прибавленіе.

Подписная цѣна 10 р. сар., съ пересылкою 11 р. 50 к. серебромъ.

М О Д Ы .

— Въ шляпкахъ бастовыхъ, *raffle de riz*, поля бываютъ немного отвернутыя, убранныя газовыми лентами какого-нибудь цвѣту, и тремя маленькими бѣлыми перьями отгнѣненными на концахъ подъ тотъ же цвѣтъ. Шляпки сборчатыя, гроденаплевья, нашиваются въ нѣсколько рядовъ соломенными аграммантами; ихъ украшаютъ того же цвѣту клѣтчатыми гроденаплевьями лентами. Шляпки гладкія, тафтяныя, свѣтлыхъ цвѣтовъ, розовым, голубым, бѣлым, совершенно покрываются гофрированнымъ крѣпомъ, газомъ или тюлемъ *voilone*; ихъ убираютъ букетами мелкихъ полевыхъ цвѣтовъ. Соломенные шляпки очень благородны: форма ихъ вообще à l'Anglaise. Много видно рѣшетчатыхъ, прозрачныхъ; нныя подбиваютъ гроденаплемъ и убираютъ клѣтчатыми или тнневыми лентами.

— Шарфы начинаютъ опять входить въ большое употребленіе: шелковые шарфы обшиваются бахрамой или кружевомъ съ трехъ сторонъ; верхняя, лежащая на шеѣ, остается не обшитою; тамъ, гдѣ придерживается руками, бываютъ двѣ или три складки. Это очень удобно. Прекрасны шарфы бѣлые кисейные, вышитые тамбуромъ, съ кружевомъ. Очень милы также кружевные маркизы, бѣлыя и черныя, съ розетками изъ цвѣтныхъ газовыхъ или атласныхъ лентъ.

— Легкія платья должно убирать двумя или тремя широкими оборками и такими же широкими складками: рукава — гладкіе, безъ украшеній, очень свободные, чуть спущенные на кисти руки; корсажи — высокіе, гладкіе.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

М. Д. Ольхина,

Коммиссіонера Министерства Финансовъ, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій и Коммиссіонерствъ Полицейской Газеты, на Невскомъ Проспектѣ, противъ арсенала Аничкова Дворца, въ домѣ Завѣтнаго, и въ Гостиномъ Дворѣ (по Суконной Линіи), подъ № 13-мъ,

поступили въ продажу слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро).

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

МОСКВА И МОСКВИЧИ.

ЗАПИСКИ ВОГДАНА ИЛЬИЧА ВЪЛЬСКАГО.

издаваемые М. Н. Загоскинымъ.

Москва 1844 года, изданіе М. Д. Ольхина. На лучшей веленовой бумагѣ (около 500 стр.), съ заглавною вѣнзеткою, изображающей Петровскій Дворецъ. Цѣна 1 руб. 50 коп., въс. за 1 фунт.

Оглавленіе 2-го выхода:

I. Петровскій паркъ и воксалъ. II. Городскіе слухи. III. Англійскій клубъ. IV. Литературный вечеръ: V. Ванька. VI. Новорожденный. — Смѣсь: 1. Братъ и сестра.

2. Дешевые товары. 3. Первые театральныя представленія въ Москвѣ. 4. Русскій магазинъ. 5. Карты.

Тоже Москва и Москвичи, выходѣ первый. М. 1843 г.
Цѣна 1 р. 50 коп., вѣс. за 1 ф.

МОЛОДИКЪ

на 1844 годъ.

Выпускъ четвертый, или второй на 1844 годъ.

УКРАИНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

издаваемый Н. Бецкимъ.

Напечатанъ великолѣпно въ большую 8-ю долю листа, на лучшей веленовой бумагѣ.

Къ сему четвертому выпуску приложены: 1. Портретъ Императора Петра I, рисованный г. Берже, съ оригинала, дарованнаго Петромъ Великимъ Своему духовнику, Т. В. Надаржинскому, отлично гравированный на мѣди художникомъ С. Петербургской Академіи Захаровымъ. — 2. Изображеніе Царскаго духовника Императора Петра Великаго, Тимофея Васильевича Надаржинскаго, въ иночествѣ Троицкаго Ахтырскаго монастыря Смиреннаго Старца Геромонаха Товія, рисованное г. Охрименкомъ, въ Ахтыркѣ, съ подлинной картины, сдѣланной въ чужихъ краяхъ, ит. 3. Видъ странно-приимной Ахтырской пустынно-служительной обители, возобновленной въ 1843 году, рисованный съ натуры В. А. Корсаковымъ. — 4. Портретъ Гоголя, съ fac-simile изъ письма Гоголя къ П. А. Плетневу. — 5. Двѣ картинки, изображающія Малороссіянокъ въ ихъ національныхъ костюмахъ, рисованныя Книгиною Св. А. Голицыною, отпечатанныя въ литографіи Поля. Спб. 1844 г. Цѣна 3 руб., вѣс. за 3 фунта.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

СЕНСАЦІИ И ЗАМѢЧАНІИ

ГОСПОЖИ КУРДЮКОВОЙ
ЗА ГРАНИЦЕЮ, ДАНЪ ЛЕТРАНЖЕ.

ИТАЛІИ.

Тамбовъ, 1844 г., въ б. 8-ю д. л. (около 400 стр.) напечатано великоформо, на лучшей веленовой бумагѣ, съ множествомъ политическихъ рисунковъ. Цѣна 3 руб. въсов. за 2 фунт.

Тоже части первая и вторая. Тамбовъ, 1841 и 1844 г. Цѣна каждой части 3 руб., въс. по 2 фунт.

ОЦЕРКИ

БЕРЕГОВЪ РЕЙНА И ШВЕЙЦАРІИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

КНЯЗЯ А. МЕЩЕРСКАГО.

М. 1844 г. Изданіе М. Д. Ольхина, въ большую 8-ю д. л. На лучшей веленовой бумагѣ. Цѣна 1 руб. 75 коп., въсов. за 3 фунт.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава первая: Рейвъ. — Боннъ. — Гохрейвъ. — Голесбергъ; Юліанъ-Отступникъ. — Кенигс-Винтеръ. — Драхенфельсъ — Волькенбургъ. — Стромбергъ; вѣстникъ; Андрихъ Шварценекъ. — Глава вторая: Роландсъ-экъ. — Нейвиль; дворець; Моравское братство. — Кобленцъ. — Эренбрейтштейвъ. — Кенигштуль. — Сен Гоаръ. — Черная скала — Семь прекрасныхъ сестеръ — Фальцграфенштейвъ. — Бивгенъ. — Рюдесгеймъ. — Бингерлохъ — Маусътургъ. — Асмансъ-гаузенъ. — Нидервальдъ. — Крейценахъ. — Манцъ; оудопроизводство; Гуттенбергъ; астрономическія часы. — Глава третья: Мангеймъ — Гендельбергъ; старый замокъ; Бочка; Вольсбрунъ. — Карлсру. — Ра-

штадтъ.—Баденъ; древніе замки; горы: Ибургъ; Меркуриусъ-бергъ.—Страсбургъ; соборъ; установленіе вольнаго каменщикачества.—Фрейбургъ.—Адская долина.—Шварцвальдъ.—Шафгаузенъ.—Водопадъ.—Констанцъ; Константи́нскій Соборъ.—Бодензее.—Линдау.—Брегенцъ.—Глава четвертая: Рортахъ.—Сен-Галленъ; Аббатство.—Гора Фрейденбергъ.—Ночлеги у пастуховъ.—Гора Сентисъ.—Рапертвилъ.—Цюрихское озеро.—Гора Альбисъ.—Гольдау.—Гора Риги; историческія воспоминанія.—Глава пятая: Памятникъ Швейцарцамъ 10-го Августа.—Луцернъ; гора Пилать.—Озеро четырехъ кантоновъ.—Альторфъ.—Дорога до Сен-Готарда, — Чертовъ мостъ; преданіе.—Урнеръ-лохъ.—Гора Сен-Готардъ.—Апроло.—Обратный путь.—Бернъ; медвѣди.—Фрейбургъ.—Вевэ.—Лозана.—Глава шестая: Дорога въ долину Шамуни.—Шамуни.—Открытіе долины.—Ледяное море.—Ледники Швейцаріи.—Монбланъ.—Всходъ на эту гору.—Переходъ черной головы — Мартиньи.—Глава седьмая: Дорога отъ Мартиньи до Сен-Бернарда.—Долина смерти.—Вершина горы; обитель; монахи; способы, употребляемые для спасенія погибающихъ.—Переходъ Наполеона черезъ Сен-Бернардъ.—Кладбище (La Morgue).—Разсказъ монаха.—Глава восьмая: Обратный путь къ Мартиньи.—Перешеекъ Бальма.—Видъ Монблана.—Кретини.—Водопадъ Писватъ.—Дорога отъ Мартиньи до Сіона.—Сіонъ.—Тунъ.—Интерлакенъ.—Штауббахъ.—Иунгфрау.—Гринденвальдская долина.—Охотники.—Рейхенбахъ.—Гандекъ.—Возвращеніе въ Женеву.—Взглядъ на Швейцарію.

О ТОМЪ, КАКОЙ БЫЛЪ

САМЫЙ ДРЕВНѢЙШІЙ (?) ЗЫТЪ

Н Ы Н Ъ

Православнаго Государства Русскаго.

М. 1843 г. Цѣна 40 к., нѣс. за 1 р.

v

ВТОРАЯ ЧАСТЬ
САМОУЧЕНІЯ
ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА.

ПО МЕТОДЪ А. ЯЗВИНСКАГО.

Изданный изобрѣтателемъ методы. Изданіе второе, Спб. 1844 г., въ 8-ю д. л., на лучшей бумагѣ. Цѣна 1 р. 43 к., вѣс. за 2 ф. Тоже часть первая. Спб. 1843 г., въ 8-ю д. л. Цѣна 1 руб. 43 коп., вѣс. за 2 ф.

ОПИСАНІЕ

ВОЛЪВЦЕЙ СОБАКЪ

и

СРЕДСТВЪ КЪ ИЗЛЕЧЕНІЮ ИХЪ.

Составленное П. З. Спб. 1844 г. Цѣна 75 коп.,
вѣс. за 1 фунт.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО
КЪ МЕЖЕВАНІЮ.

Основанное на первыхъ четырехъ дѣйствіяхъ архимедовки, съ изложеніемъ необходимыхъ при этомъ первоначальныхъ свѣдѣній въ геометріи, а также съ яснымъ домашняго устройства различныхъ, при межеваніи употребляемыхъ, инструментовъ, въ которыхъ французскіе шры замѣнены Русскими. Съ приложеніемъ таблицъ и чертежей. Сочиненіе Герпена, члена разныхъ французскихъ ученыхъ обществъ. Въ пользу народныхъ школъ, сельскихъ училищъ и вообще лицъ, неимѣющихъ высшихъ математическихъ знаній. Москва 1844 г., изданіе М. Д. Ольхина. На лучшей веленовой бумагѣ. Цѣна 75 к., вѣс. за 1 ф.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Н. В. КУКОЛЬНИКА.

Въ двухъ томахъ, изъ коихъ первый содержитъ въ себѣ

ПОВѢСТИ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Спб. 1843 г. Цѣна за каждый по 1 руб. 50 коп., на перес. по 2 фута.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА: 1) Лихончиха. 2) Новый годъ. 3) Благодарственный Андроникъ. 4) Капустивъ. 5) Сказаніе о Синемъ и Зеленомъ сукнѣ. 5) Прокуроръ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ТОМА: 1) Надинька. 2) Антонио. 3) Аврора Гамганъ 4) Три оперы 5) Пенхоя. 6) Корделия.

ОТКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ,

ИЗДАНИЕ, ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ

СОБРАНІЕ ПОВѢСТЕЙ РАЗНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

РЕДАКТОРЪ Н. В. КУКОЛЬНИКЪ.

Четыре тома. Спб. 1841 и 1844. Изданіе М. Д. Ольхина, въ большую 8-ю д. л., на лучшей писцовой бумагѣ. Цѣна каждому по 2 руб. 50 к., всѣмъ на каждый томъ по 2 ф. Содержание перваго тома: I. Сержантъ Иванъ Исаичъ Мелкосъ, или что за одно. Историческій разсказъ Н. В. Кукольника, въ 9 главахъ.—II. Шагъ и Шата; историческая повѣсть XIV столѣтія. Александра Граматова. III. Думана. IV. Эдуардъ и Кунцгуида, или серебрянная свадьба; Александръ Н. В. Кукольника. V. Палачинья Леонъ; историческій разсказъ Н. В. Кукольника, въ 10 главахъ.—VI. Мадригалъ по случаю дня Ругоио, въ Чили; повѣсть П. Блонскаго, въ 4 главахъ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ТОМА: *Савелій Грабъ, или двойникъ*; Козака Луганскаго. II. *Поэмуенты*, разсказъ Н. Кукольника, въ 6 главахъ. Глава 1) Какъ Богданъ Киридовичъ не захотѣлъ быть Почтмейстеромъ и о Федорѣ Ильичѣ. 2) Какъ Федоръ Ильичъ захотѣлъ опять на службу и о Борисѣ Федоровичѣ вѣчто. 3) Какъ Борисъ Федоровичъ Шаплькинъ познакомился съ тѣми персонами, кои были ему нужны, и о тѣхъ другихъ вѣчто. 4) Какъ Борисъ Федоровичъ потерялъ фамилію. 5) Какъ Борисъ Федоровичъ безъ недуга былъ боленъ. 6) Какъ Борисъ Федоровичъ изобрѣлъ зрительную трубу домашняго устройства. III. *Мастерская и Гостиница*; былъ Фурмана. IV. *Жанъ Батистъ Людо*; повѣсть Кукольника, въ 8 главахъ. Глава 1) Триста ливровъ. 2) Римскій Стадій. 3) Заговоръ въ Жужу. 4) Великая новость и въ повѣсти и жизни г-на Людо. 5) Совершеннолѣтіе. 6) Генеральный приступъ. 7) Образцовая просьба. 8) Ораторская рѣчь.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА: Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ шесть повѣстей: I) СОЛДАТСКІЙ ПОРТРЕТЪ, сод. Грицька-Основавненка. II) КАРОЛИНА, историческая повѣсть Н. Кукольника изъ времянъ царствованія Императрицы Екатерины; въ 7 главахъ. Глава 1) Выгодная квартира 2) Кубышки. 3) Куртагъ. 4) Мамзель Борле. 5) Разрывъ. 6) Карусель 7) Эплогъ. III. ДВА НЕВЫМЫШЛЕННЫЕ РАЗСКАЗА П. А. Корсакова. 1. Нѣмая. 2. Страшный гость. IV. НИЩИЙ, повѣсть, въ 9 главахъ. V. МОНТЕККИ и КАПУЛЕТТИ или Чернышевскій Миръ, анекдотъ Н. Кукольника. Глава 1) Какъ женихи жениховъ провожали. 2) Какъ Яша другъ и недругу сослужилъ службы. 3) Отъ чего Василій Семеновичъ ходилъ и не заходилъ въ Приказъ. 4) Какъ Василій Семеновичъ опасно занемогъ и еще опаснѣе выздоровѣлъ. 5) Какъ капитанъ Бломбергъ, не попавъ въ одинъ походъ, отправился въ другой. 6) Ратные подвиги и походы Василія Семеновича. 7) Какъ Василій Семеновичъ защитилъ одною своею личностію Кожуговскій городокъ отъ Генеральнаго при.

стѹпа. 8) Какъ Шарлотта Богдановна съчасовымъ бесѣдовала. 9) Какъ кончилась моя повѣсть.

Третій томъ заключаетъ болѣе 20 печатныхъ листовъ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА: Въ этомъ томѣ заключаются пять повѣстей, болѣе 25-ти печатныхъ листовъ. I. Градскій Глава, соч. Н. А. Полеваго. II. Татарскіе набѣги, выдержки изъ памятки, соч. Грицка-Основайска. III. Свротка, отрывокъ изъ воспоминаній бывшаго провинтскаго комиссіонера, соч. А-ва. IV. Клятва. V. Максимъ Савонтовичъ Березовскій, историческая повѣсть, соч. Н. Кукольника.

Успѣхъ перваго тома подалъ поводъ къ заключенію, что подобное изданіе, по легкости и занимательности чтенія, можетъ быть пріятнѣйшимъ подаркомъ для бібліотеки каждаго. Журналы, всѣ безъ исключенія, отозвались съ особенною похвалою обо всѣхъ четырехъ томахъ, заключающихъ въ себѣ двадцать повѣстей, изъ коихъ нѣкоторые, по объему своему, справедливо могутъ почтаться не большими романами. Къ такимъ повѣстямъ должно отнести рассказы: Полковникъ Лесли въ 1-мъ томѣ, Савелій Грабъ и Ж. Б. Людо во 2-мъ и Часовой въ 3-мъ. Четыре тома «Сказка за Сказкой», составляютъ уже небольшую бібліотеку самаго разнообразнаго и вполне занимательнаго содержанія. Каждый томъ книги «Сказка за Сказкой» можетъ быть пріобрѣтаемъ отдѣльно и всѣ повѣсти. Цѣна полному изданію, состоящему изъ четырехъ томовъ 10 руб., всѣхъ прилагается за 6 •.

Печатать позволяется, С. Петербургъ, 30-го Августа
1844 года. Цензоръ А. Никитенко.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Іюль, 1844.

КОНТОРЫ ЖУРНАЛА

• БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ: •

ВЪ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ арсе-
нала Аничковскаго Дворца, въ домѣ Завѣтнава;

ВЪ

МОСКВѢ, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ типографіи Им-
ператорскаго Московскаго Университета и на Николь-
ской улицѣ, подлѣ Казанскаго Собора, подъ № 4 и 5, въ
янижныхъ магазинахъ Свѣшниковъ и Базунова.

••• Въ свѣщенія и требованія по журналу адресуются въ одну изъ
этихъ конторъ. Подписка принимается тамъ же, и сверхъ-того
въ Газетной Экспедиціи Санктпетербургскаго Почтамта. Подписная
цѣна на весь годъ, безъ пересылки по почтѣ, и безъ доставки на домъ,
въ обѣихъ столицахъ, 15 рублей серебромъ; съ пересылкою, или съ
доставкою, 16 рублей 30 копеекъ серебромъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

Коммисіонера Министерства Финансовъ, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, Вѣдомства Энциклопедическаго Лексикона, Редакціи Полицейской Газеты и проч.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

М. Д. Ольхина,

Невскомъ Проспектѣ, противъ арсенала Аничковскаго Дворца, въ Завѣтнаго, и въ Гостиномъ Дворѣ по Суконой линіи подъ № 13
поступили въ продажу слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро.)

АНТРОПОФИЗИОЛОГІЯ

или

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ПОЗНАНІЮ ЖИЗНЕННЫХЪ ПРАВЛЕНІЙ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ОРГАНИЗМА ВЪ ЗДОРОВОМЪ СОСТОЯНІИ, ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ПОНЯТІЮ ОБРАЗОВАННЫХЪ ЛЮДЕЙ ВСѢХЪ СОСЛОВІЙ,

составленное Докторомъ Бредовомъ.

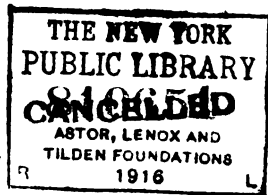
1844 года, въ-8 долю листа, на лучшей веленовой бумагѣ, цѣна 2 рубля, вѣсовыхъ за 2 фунта.

ПЕЧАТНЫЙ ВТОРОЙ ТОМЪ СОЧИНЕНІЯ ДОКТОРА ГРУММА ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

РУКОВОДСТВО

ВЪ ВОСПИТАНІЮ, ОБРАЗОВАНІЮ И СОХРАНЕНІЮ ЗДОРОВЬЯ ДѢТЕЙ.

отъ рожденія до совершеннолѣтія, заключающей въ себѣ физическое воспитаніе въ дѣтскомъ и отроческомъ возрастахъ. Этотъ второй томъ состоитъ изъ трехъ частей; въ первой части изложено: употребленіе средствъ и способовъ, служащихъ къ удовлетворенію жизненныхъ потребностей, къ которымъ относятся: пища, питье, отдѣленіе испражнений

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

=

ИЗЪ АЛЬБОМА ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ СУШКОВОЙ.

=

КЪ Е... А... Ъ.

=

И такъ прощай!—Впервые этотъ звукъ

Тревожить такъ жестоко грудь мою.

Прощай!—шесть буквъ приносятъ столько мукъ!

Уносятъ все, что я теперь люблю!

Я встрѣчу взоръ ея прекрасныхъ глазъ,

И, можетъ-быть, какъ знать... въ послѣдній разъ!

1830.

==

КЪ НЕЙ ЖЕ.

=

Зови надежду—сновидѣньемъ,

Неправду—истиной зови,

Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,

Но вѣрь, о, вѣрь моей любви!

Такой любви нельзя не вѣрить:

Мой взоръ не скроетъ ничего;

Съ тобою грѣхъ мнѣ лицемѣрить

Ты слишкомъ ангелъ для того.

1830.

—

ЗВѢЗДА.

=

Въ верху одна
 Горитъ звѣзда,
 Мой взоръ она
 Манитъ всегда,
 Мои мечты
 Она влечетъ,
 И съ высоты
 Меня зоветъ:
 Таковъ же былъ
 Тотъ нѣжный взоръ,
 Что я любилъ
 Судьбѣ въ укоръ.
 Мужъ никогда
 Онъ зрѣть не могъ;
 Какъ та звѣзда
 Онъ былъ далека!
 Усталыхъ вѣждъ
 Я не смыкалъ,
 И безъ надеждъ
 Къ нему взывалъ.

1830.

ВЕСНА.

≡

Когда весной разбитый ледъ
 Рѣкой взволнованной идетъ,
 Когда среди полей нѣстами
 Чернѣетъ голая земля,
 И мгла ложится облаками
 На полуночные поля;
 Мечтанье злое грусть лелѣетъ
 Въ душѣ неопытной моей,

Гляжу: природа молодѣть;
 Не молодѣть душѣ моей!
 Ланить спокойныхъ пламень алый
 Съ годами время уведетъ,
 И тотъ, кто такъ страдалъ, бывало,
 Любви къ ней въ сердцѣ не найдетъ.

1830.

РОМАНСЪ.

=

Хоть бѣгутъ по струнамъ моиъ звуки веселья,
 Они не отъ сердца бѣгутъ;
 Но въ сердцѣ разбитомъ есть тайная келья,
 Гдѣ черныя мысли живутъ.
 Слеза по щекѣ огневая катится,
 Она не изъ сердца идетъ.
 Чтѣ въ сердцѣ, обманутомъ жизнью, хранится,
 То въ немъ и умретъ.
 Не смѣйте искать въ сей груди сожалѣнья
 Питомцы надеждъ золотыхъ;
 Когда я свои презираю мученья, —
 Чтѣ мнѣ до страданій чужихъ?
 Умершей дѣвицы очей охладѣвшихъ
 Не долженъ мой взоръ увидать;
 Я бѣ много припомнилъ минутъ пролетѣвшихъ,
 А я не люблю вспоминать!
 Намъ вѣнчать илѣтъ ужасныя тѣни
 Кровавыя былаго призракъ,
 Онъ вновь призываетъ къ оставленной сѣни,
 Какъ въ бурю надъ моремъ маякъ,
 Когда ураганъ по волнамъ веселится,
 Смѣется надъ бѣднымъ челномъ,
 И съ крикомъ пловецъ безъ надеждъ воротится
 Жалѣть о краѣ родномъ.

КЪ Е.... А.....Ъ.

=

У вратъ обители святой
 Стоялъ просящій подающа,
 Безсильный, блѣдный и худой
 Отъ глада, жажды и страданья,
 Куска лишь хлѣба онъ просилъ,
 И взоръ являлъ живую муку;
 Но кто-то камень положилъ
 Въ его протянутую руку.
 Такъ я просилъ твоей любви
 Съ слезами горькими, съ тоскою,
 Такъ чувства лучшія мои
 Были обмануты тобою.

====

КЪ НЕЙ ЖЕ.

=

Я не люблю тебя! Страстей
 И мукъ умчался прежній сонъ;
 Но образъ твой въ душѣ моей
 Живетъ—хотя безсиленъ онъ.

Другимъ предавшись мечтамъ,
 Я всё забыть тебя не могъ,
 Такъ храмъ оставленный—всё храмъ,

.....

.....

.....

.....

.....

**ДВА ИВАНА,
ДВА ОТЕЦАНУЧА,
ДВА КОСТЫЛЬКОВА.**

=

РОМАНЪ.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Губернія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КОНТРАБАНДИСТЫ.

=

Кланяюсь тебѣ, первопрестольная! Кланяюсь золотымъ
веркамъ твоимъ; кланяюсь дворцамъ твоимъ, и крыль-
цамъ, и ланнамъ, и землѣ! Потериѣла ты за дѣтей своихъ,
оттолкну ихъ съ материнскою любовію, страданіями, му-
ками, кровію. И свято имя твое, святъ единый образъ,
который не изгладится изъ памяти каждаго, будь онъ ба-
сурманъ, кто только видѣлъ тебя! Теперь ты опять полна,
дорога, дорога, а были времена печали разнымъ; то въ-

рогъ, то язва; было для тебя и такое время, когда и безъ враговъ и безъ язвы, томилась ты грустію, подобно вдовицѣ; и было о чемъ грустить: не видала ты государя и государева семейства долго; именовъ и дѣломъ не была уже столицей; называли тебя губерніей и была ты, безъ лести, точно губернскимъ городомъ, не больше. Случайные пожары обнесли твое сердце, Кремль многоглавый, печальнымъ пепелищемъ; почти всѣ важнѣйшіе сановники и присутственныя мѣста переселились въ новый Петербургъ, гдѣ деревянные соборы Исакія и Троицы замѣняли всю твою многолѣтнюю святыню. **Д** **С** **П** **О** **Ж** **А** **Р** **О** **В** **Ъ** **П** **О** **Т** **Ъ** **П** **Е** **Р** **Е** **С** **Е** **Л** **Е** **Н** **І** **Я**, Москва пришла въ великое смущеніе; но бѣненіе въ этомъ сердцѣ Россіи не прекращалось; кровь не изсохла, и сравнительно съ другими городами, Москва еще сохраняла видъ столицы. Только свидѣтель прежняго ея величія могъ замѣтить, что эта важность похожа была на горделивое притворство. Новые порядки хотя и не нравились жителямъ, однако жъ возбуждали въ нихъ энергію отрицательнымъ образомъ и никогда Москва столько не болтала и не сплетничала, какъ въ описываемое мною время. Да и предлоговъ въ тому было не мало: много указовъ выслашала дворце, но не двинулись съ мѣста. Стольникъ Степанъ Колычевъ напрасно ждалъ дворянъ и служилыхъ людей; ишли три отсрочки, никто не являлся. Грянулъ указъ грозный; ослушаніе стало опаснымъ; и въ сентябрѣ Москва вдругъ сдѣлалась многочислѣннѣйшимъ въ мірѣ городомъ. Черезъ всѣ ворота цѣловальники и солдаты едва успѣвали пропускать приѣзжихъ; въ домахъ Китая и Бѣлаго Города гости съ трудомъ помѣщались; русская смѣтка умѣла пользоваться обстоятельствомъ и дороговизна возрасла до высокой степени; стеченіе народа было причиною и другихъ смущеній, которыхъ не могла унять губернская власть для того времени. Вотъ и въ этотъ день, какъ мы увидимъ, идетъ въ Москву съ Иваномъ (уже Степанъ) зарю давно пробилъ, а на улицахъ противъ устья лавки, да и полно; кабаки, карчавы; — всѣмъ стѣснѣннѣе; толпа народу не расходящаяся отъ рѣшительныхъ словъ, никто въ не думаетъ о покой. На Савскомъ Мосту

у маркитантской лавочки, которую смѣло можно было назвать ходячею харчевнею, сидѣли два гостя на деревянныхъ складныхъ стульяхъ и тихо между собою бесѣдовали. Милостивая, хотя уже и не молодая, маркитантша подливала имъ настойки въ небольшія заорленныя чарки изъ зеленой посуды, и въ то же время ловко и проворно управлялась съ другими покупателями. — Одинъ изъ собесѣдниковъ былъ одѣтъ въ синій суконный зипунъ съ стоячимъ класенымъ козыремъ; старинная шапка прикрывала густую сѣдну; по описанному платью можно уже догадаться, что у него была и борода соответственнаго возрасту, размѣру и цвѣту. Другой былъ одѣтъ довольно странно. — Исполднее платье было у него изъ черной обьяри; камзолъ пестрый, а кафтанъ съ желтыми обшлагами, какъ у военныхъ. Шляпа круглая довершала его костюмъ. Борода была сбрита, но по щетинистому виду можно было догадаться, что эта хирургическая операція имѣла мѣсто тому назадъ съ недѣлю.

— Право, не ладно, Никитка! сказала Борода: не знаю что про тебя общество скажетъ. Волосъ коротокъ и умъ коротокъ станетъ. И кто тебя въ соблазнъ ввелъ!

Никитка лукаво улыбнулся.

— Хорошо тебѣ, Савва Андренчъ, бороду носить; пятьдесятъ рублевиковъ въ приказъ что годъ отдавать; у меня далъ бы то Богъ, чтобъ и всего прихода до пятидесяти набралось. Все за бороду отдай, а самъ что ѣсть будешь? А на ту мѣдную пуговицу, что за бороду на кафтанъ нашиваютъ, и калача не купишь, да и продать нельзя; аругорядъ взыщутъ....

Савва вздохнулъ.

— Да! признательно сказать, со мною былъ тотъ случай. Пошелъ я въ приказъ, говорю: я изъ Нижняго, мнѣ подайте вольный значокъ. Вотъ ваши деньги. Выложили пятьдесятъ; всё новаго чекану, знаешь, рѣди приказной привязки вымѣнялъ: одинъ кружокъ къ другому на подборъ; а нето привяжутся. Старая дѣньга. Не указано. И серебро отымутъ, и другое пойдѣтъ. Псы жадныя! То есть, я говорю, что княжна Ан-

Фимья Кирилловна вчера тутъ у насъ на мосту правду бавля. Конецъ свѣту приходитъ. Только, что мы, христіанъ и осталось; а то всё Нѣмцы!

Савва запилъ настойкой горькую рѣчь и посмотрѣлъ на всѣ стороны. Никитка умильно глядѣлъ на него и по лицу его нельзя было никакъ догадаться въ какую онъ сторону думалъ.

— Ай да времечко, сказалъ Савва, отершись рукавомъ: вездѣ сыщики и чиновные и военные. Терять и тебя и товаръ. Намѣдди всю лавку изшарили; обобрали рублевъ на сто товару. Баютъ: въ казну, да что казнѣ изъ крашеной бумаги за прибытокъ! Понадобились челадн приказной, а съ насъ и товаръ и пеню слуди, язычники этакіс. И еще поди въ приказъ, да въ нѣмецкой черной книгѣ роспишисъ, поставь въ богомерзкомъ черномъ книжищѣ, и свое и отцово имя и прозвище; вотъ такъ съ-дуру и ступай въ кабалу къ нечистому. Да не на таковского напали! Не поддѣли, сатанинскіе слуги. Я отъ той книги отступилъ, перекрестился, да на книгу и плюнулъ.... Поднялась кутерьма, заплакали рабы бѣсовы; завопили: штрафъ! штрафъ! Въ тюрьму. Подъ судъ!—Съ нами крестная сила, сказалъ я: да расточатся! Они, знаешь, такихъ словъ не любятъ, притихли. А я имъ: жъ что ко мнѣ привязались, господа приказные?.... Роспишисъ въ книгѣ, что у тебя найдены въ лавкѣ на Спаскомъ Мосту листы разныхъ изображеній, противъ государева указу.... Смотрю я на нихъ, думаю, али шальные, али взятки добиваются.—Нѣтъ, господа приказные, молвилъ я, не во гнѣвъ скажу, врѣте. Никакихъ листовъ противъ указу у меня не было и нѣтъ; а какіе есть, такъ всѣ добротные, лучшей суздальской печати и отиѣнныхъ красокъ. На мой товаръ охулки класть не извольте.—Но твое дѣло разсуждать! Росписывайся!—Росписатьъ, я пожалуй роспишусь, только на особомъ листѣ, а въ черную книгу изъ-подъ пытки не затащите...—Ну, врагъ тебя побери! Этакого неуча не уломаешь! Всѣ-равно, росписывайся особнякомъ... Я съ-дуру и черкнулъ: Савва, Андреевъ сынъ, Мотковъ...—Ну, ступай, да глады, чтобы тѣхъ листовъ, о которыхъ по столбамъ и по веретамъ будетъ объявлено, не держалъ

ни въ лавкѣ, ни на дому, а нето батоги, а по винѣ и торгова казнь.... Смиѣаемъ, думаю себѣ; дудки; это только одно пристрастіе, потому-де, что листы имъ не нравятся. Поглядимъ, по нраву ли придется вонъ этотъ. Про него на воротахъ ничего не указано... Мотковъ вытащилъ изъ-за пазухи въ нѣсколько разъ сложенный листъ. На немъ сверху, въ клѣткахъ, судальскимъ манеромъ нарисовано было не мало фигуръ, а внизу отпечатано толкованіе.

— Погляди, Никитка, вотъ и съ тобою то же будетъ. И указывая на каждую клѣтку, Мотковъ толковалъ: Вонъ былъ добрый русскій человекъ, не изъ подлыхъ, гляди: у него женакакая дородная, красавица, видишь, краснойкрасной вся измалевана, а это у него ирриказики серебро считаютъ, ну, а тутъ, но-дальше, видишь, собака бѣжитъ: это самъ сатана собачью шкуру надѣлъ, да къ нему лакаетъ, а тотъ, ошля, и не смиѣнулъ, гладить бѣса; а вотъ третья клѣтка, несть-то уже на дыбы поднялся, ноги обулъ въ нѣмецкіе башмаки, кафтанъ напялилъ, а въ томъ кафтанѣ, видишь, и для хвоста мѣсто есть, гдѣ прятать.... Гляди, гляди. Бѣсъ-то ему подноситъ заморскихъ питей, а въ томъ питьѣ чары; проглотилъ, голова кругомъ пошла; а бѣсъ вонъ тутъ взялъ зелья заморскаго, зри, курить, а тотъ-одурѣлъ и свалился. Бѣсы изъ пренеподней, видишь, прысали въползли, одинъ тому въ карманъ, другой въ рукавъ; третій въ сапогъ, а вонъ тотъ за пазуху пробирается, раздѣли дурня, серебро растаскали, жену переначили въ нѣмецкую бабу, да и давай съ ней но-нѣмци, а тѣ вонъ тутъ бороду съ обмершнаго сдираютъ, содрали, отъ боли проснулся... Глядитъ, нѣтъ жены, серебра, ошляви, все съ бородой ушло....

Никитка не могъ глядѣть дальше на ужасы, какія съ героемъ картины послѣдовали отъ лишенія бороды; стиснулъ губы, зажмурился и только слушалъ....

— Вотъ, гляди! продолжалъ Савва, болѣе и болѣе одушевляясь: Былъ человекъ, а у него осличья уши выросли; жена ему щенковъ народила; самъ-то онъ, увидить крестъ, отъ креста бѣжитъ; онъ, было-хотѣлъ у пустытника попросить снадобья какого противу ереси, видишь, идетъ, а

за нить стал исбъзъ; свалили съ ногъ, поволокли въ тьму промѣшную; галды, какъ чернѣ; огонь подъ нимъ подложили, да его же бородой его и поджариваютъ... А тутъ....

— Не могу; Савва Андреевъ! завопилъ Никитка и вскокалъ.

— Что, не бойсь, прощай! съ удовольствіемъ сказалъ Мотковъ и въ то же время замѣтилъ, что съ ними во все время толкованія картины былъ и третій собесѣдникъ, который негнущимся слушалъ и съ любопытствомъ разсматривалъ расширенный листъ. Незнакомецъ тотчасъ отъвернулся и сказалъ, «знатное изображеніе», пошелъ къ посту и пропалъ въ толпѣ....

— Надо бѣжъ знатное, прикинулъ Мотковъ самодовольно и приотълъ на свое мѣсто: Прислава, Никитка! Покажься усидѣшь; покажься серебра; за пятьдесятъ рублей продай душу; оно и то правда, въ этомъ году обошлась мнѣ бародушка въ сотню, да то ужъ такой случай....

— Прощай, правда, подхватилъ Никитка: ты что-то началъ связывать, что въ приказъ пришелъ, да серебра продашь....

— Говорю же тебѣ — рублевникъ къ рублевнику. Приказъ, записали имя в мое и отцове и презвище, и губернію; в провинцію, и уѣздъ, и волость, да и выдали мнѣ иѣдаль, такой знатный значокъ, что хочешь къ комуу приказу, хочешь тамъ его въ мошнѣ носи: покажьдай только, когда спросить. Ну, вышелъ я изъ приказа, держу иѣдаль въ рукѣ—мнѣ и встрѣлся какой-то пѣшецкій оборыцъ, поглядѣлъ на меня сурово, да и спросилъ:— Съ бароды пошла ли вѣста? Я показалъ ему значокъ и пошелъ дальше. Тамъ опять идетъ объѣздый, спросилъ, показалъ, иду дальше; тамъ третій, десятый, то и дѣло: покажи значокъ. Ну, подумалъ, нажилъ себѣ бѣду... Ужъ недалече отъ моихъ воротъ встрѣлся не то пономарь, не то дьячекъ, чудище такое отвратное; покажи значокъ! Нечего дѣлать: показалъ, онъ взялъ въ руки, поглядѣлъ и такъ и наизнанку, отдалъ значокъ и пошелъ. И скорѣе дѣмой, испотѣлъ весь; измучился, хочу, чтобы раздѣлся скорѣе, подожить значокъ за икону, аиъ его и въ рукаихъ иѣлъ. Оборотилъ. Бѣгу на уличку; всю грязь вытерся въ

судя, значна какъ не бывали. — Нечего дѣлать. Пришлось еще полсотнѣ въ приказъ нести, другой значокъ закупить; сказанъ, будто для бѣлаго брата, а у меня и брата нѣтъ, да приказныхъ побоялся... Слажи: потерѣлъ, — подняли бы; потерѣли. Запихали бы: въ тюрьму, штрафы, подѣ суды! Второе бы доправили. Согрѣшила; солгалъ, да ужъ зато стого значка не обрешу: пришлелъ къ зипуну; вотъ онъ. Ахти!

Некоее дѣло Моткова приняло выраженіе ужаса. Онъ поблѣдѣлъ и стучивалъ грудь судорожно обѣими руками: значка не было; только оборванна ниточка свидѣтельствовала, что значокъ не самъ собою соскочилъ съ зипуна, а съ помощью посторонней руки. Но когда и какъ это могло случиться?... Передъ тѣмъ какъ они ушли у нарядничьей лавочки, значокъ былъ, потому что Мотковъ, стѣднее возниги, закрывалъ его рукою и чувствовалъ его присутствіе. — Восхищеніе Моткова, его испугъ, движенія, все обратило на него вниманіе проходящихъ; кружокъ эввакъ образовался около собесѣдниковъ въ одно мгновеніе. Одинъ утѣрялъ Моткова, что у него значка, видно, не было; другіе убѣдительно доказывали, что онъ уворованъ и оченъ ловко; третьи утѣшали, что найдется. Замѣчаніе одного подозрительнаго лица въ нѣмецкомъ платьѣ, что Мотковъ притворится будто значокъ былъ, навело на него такой ужасъ, что онъ выскочилъ изъ толпы и благимъ матомъ пустился бѣжать черезъ мостъ. Эвваки нѣсколько времени забавлялись надъ чужою бѣдою и тѣшились бы еще долѣ, если бы не повалился объездный и не разогналъ ихъ по домамъ; по бегу, труда и толчковъ. Чтобы не оставалъ читателя въ заблужденіи, я долгоше считаю довести, что объездный былъ не какой-нибудь казакъ, а такъ тогда называли кибратальныхъ надзирателей. Разогналъ объездный всѣхъ, и указалъ заирать лавки: Никитка одинъ считалъ себя въ правѣ не слушаться объезднаго, и, вѣроятно, имѣлъ на то законныя причины.

— Чтѣ ты это, Родичиниъ, сказалъ онъ: такъ рано сегодня донъ кончатся?

— Экъ, Никитка, плохое время приходитъ. Новое начало прѣхало изъ Питера. Никогда такого и не слыживали;

и ушь выпеворить, не наговорю. Знаю только, что большаго чину человекъ и прибыть извещать на Москву, чтобы заводить тутъ у насъ какую-то полицію.

— Полицію? А это что такое?...

— Не вѣдаю. Должно быть какой нѣсть новый порядокъ. Нынче того только и гледи: что шагъ, то новая задумка. Позвали къ нему всѣхъ бурмистровъ и всѣхъ всѣхъ, объѣздныхъ. Много онъ толковалъ, да я отъ страху ничего не слышалъ. Блага еще, что не заговорилъ до лихоудки; только в пощину, что на-последкахъ сказалъ: «Ступайте же; зорю когда пробилъ, а Москва на улицахъ почивай вся бражничаешь! Пошли вонъ!» Мы и пошли вонъ, да вотъ и васъ гонимъ.... Ну, заширайте же лавки, гаварять вамъ; того гледи самъ придетъ....

На этотъ разъ кунцы и не упрямылись, потому что и купателей уже не было; лавочки постоянныя закрылись; подвижныя уѣхали; сторожа улеглись на мосту, держа на веревкахъ собакъ; объѣздный пошелъ домой, съ нимъ и Никита...

— А что, Родичкинъ, спросилъ онъ: ты ничего не слышалъ, оптеки велѣно ему вѣдать, али нѣтъ?...

— Эхъ какой ты право, Никитка! Сказано тебѣ—важная особа, изъ Питера, изъ самаго сената; указано ему всю Москву вѣдать....

— Гмъ! Оптека не Москва, Москва не оптека. Пусть онъ себѣ Москву вѣдаетъ, а оптеку не замай. Стороннее дѣло. Какъ нашъ зеленый рядъ разорили, лавки съ травой всякой поломали, сколько людей перемерло? Оптека на Москвѣ всего-то шесть, седьмая государева верхняя; ну гдѣ имъ всякаго снадобья напасть на такое городище! А цѣны-то какія заломили! Поди-ка на прикладъ въ Новоиѣмецкую слободу къ Ягану Григорію къ оптеку; а еще жалованная грамота у него есть; и въ грамотѣ написано, чтобы цѣны были безъ надбавки, а купи ревеню нусокъ, такъ что за пудъ заплатишь; а всей-то пономинны Нѣмецкы вѣтъ сѣмковъ заплатилъ; а бывало въ зеленомъ ряду сколько душъ угодно можешь ревеню безпономиннаго мочушить по вольной цѣнѣ вочитай за-дарма. Купай себѣ на зеренье!...

— Такъ отъ чего же тебѣ хочется, чтобы онъ оптекъ не вѣдалъ?

— Мнѣ? Да мнѣ какое дѣло! Зеленоую лавку свою гуртомъ въ приказъ продалъ; согнать семь убытку; остатки, какіе не принялъ въ приказъ, гниютъ. Мнѣ-то что! Я теперь красками торгую.... Плохіе барыши. А до оптекъ, Богъ съ ними, ни знать ихъ, ни вѣдать не хочу. Мнѣ какое дѣло, что Нѣвцы морочиваются; водку продаютъ хуже всякаго кабака, перку поддѣлываютъ да и говорить — мелочное лезарство. Поди, ховь теперь погляди: увидишь сколько здоровою жарою тамъ лечится; а по какому цѣнамъ! Только разореніе отъ нихъ. Въ зедейномъ нашемъ ряду цо малой мѣрѣ водкою не торговалъ....

— А продавали только отравы, да темныхъ людей подъ рукой морочили. Полно, Никитка, у меня у самого племянница объѣлась вашего зелья, да и померла. А продаютъ ли въ оптекѣ водку, поглядимъ. На то и чинъ объѣздный. Пойдемъ!...

— Да мнѣ какое дѣло до оптеки! Ступай себѣ одинъ. Еще, пожалуй, скажутъ, что я донесъ. А мое дѣло сторона. И спать пора. Плохіе барыши съ красокъ. Почитай за дарма сегодня въ ряду просидѣлъ. До зори лавку заперъ, да вотъ и пошелъ на Спасскій Мостъ горе мыкать. Прощай, Родичкинъ. Богъ съ тобой, добрая душа! Коли для дѣтокъ твоихъ ревеню будетъ нужно, зашли. У меня есть остаточки. Всѣ-равно гниютъ.

— Кого ты надуваешь, Никитка? За посулъ спасибо, а что остатки, такъ видно не малые: вотъ ужъ почитай дѣтъ десять какъ зеленый рядъ разорили, а остатки у тебя не переводятся....

— Да все выходитъ по-малости. Да вѣдь и то скажу, чѣмъ кому не продаю, а изъ своего запаса уступаю.... На это вѣтъ указа. Только гляди, Родичкинъ, ты въ оптекѣ самъ не пей. Отравлять. Намѣднн умерла на улицѣ баба отъ оптекарской водки.

Объѣздный завернулъ въ оптеку, а Никитка побрелъ домой. Черезъ ворота Кремля, Китай и Бѣлаго Города пропускались свободно; но въ воротахъ Землянаго Города Никитку остановилъ цѣловальникъ.

— Буде, Никита Андреевъ? спросилъ онъ решительно....

— Пеналоблѣсь, Игнашка, на гераль въ вѣденье....

— Отъ, Никита Андреевъ!

— Чтѣ окъ?

— Новыи порядокъ....

— Какой новыи порядокъ?...

— Да вотъ же будъ уже тѣсно, вы бы на воротахъ сами прочитали. Въ гераль-то можно, а изъ городу нельзя. Покази отъ того, какъ его зовутъ: лѣвъкъ слѣвонь, а не изговаривш, отъ Обера новаго—механи пропускъ....

— Какой пропускъ?

— Не вѣдаемъ. Послѣ варя указъ сталъ. Никто еще съ такимъ пропускомъ не приходилъ....

— Вотъ тебѣ разъ!

Никитка крѣпко призадумался.

— Послушай, Игнашка, сказалъ онъ наконецъ: да будто ты меня не знаешь....

— Какъ не знать, да вѣдь я не одинъ; насъ цѣловальниковъ-то здѣсь шесть, да два солдата, да одинъ драгунъ; донесутъ, вздуютъ.... Да еще и на новыи порядокъ надо посмотреть, что оно такое. Приходи завтра.

— Да вѣдь я часа черезъ три, четыре выйду; не въ первый же разъ....

— Не могу. Новаго порядку еще не знаю; да и арестъ такого приставил; неговорчарий....

Въ уныніи Никитка присѣлъ на скамьѣ, на которой обыкновенно сидѣли цѣловальники и солдаты.... Игнашка собиралъ въ своемъ умѣ утѣшительныя слова, но не успѣлъ ихъ вымолвить. Къ воротамъ изъ-за городской стѣны подъѣхали приважіе. Игнашка отперъ калитку; драгунъ, солдаты и цѣловальники выскочили изъ стѣны и осматривали повозку, а Игнашка разспрашивалъ:

— Кто влеть?

— Иванъ Степановъ Костыльковъ, дворянинъ, на скамьѣ къ столынику Степану Колычеву. Отвѣдай! И такъ знаетъ да и что-то нездоровится....

— Нездоровится! вскрикнулъ Никитка: мади крѣпко...

ской милости сказать, что какъ рукой сниметъ. А изъ болить!

— Подъ ложкой такъ и душить....

— Батюшки свѣты! Скажешь, честной господинъ, на всю Москву спасибо. Отвори же, Игнашка! Что же ты проѣзжихъ дворянъ задерживаешь!...

— Эхъ, Никита Андрейчъ!... Новый поролокъ. Пожалуй, честной господинъ, вонъ этому драгуну проѣзжес письмо; пусть пропишетъ, кто и откуда.

Костыльковъ отдалъ драгуну паспортъ. Между тѣмъ отворили ворота. Цѣловальники, обнявши и обнюхавъ колымагу и еще двѣ повозки, пропустили ихъ черезъ ворота. Игнашка толкалъ Никитку и шепталъ ему на-ухо: вотъ теперь подъ шумокъ удептывай. Но Никитка и не думать уже о походѣ за городъ; онъ присталъ къ Страннику и тихо объяснялъ объ удивительныхъ врачебныхъ свойствахъ ревеню.

— То есть, батюшка, вотъ медальонъ какъ сегодня, говорилъ онъ: недугъ было совсѣмъ олодѣтъ; съѣлъ я не мало правды, зато здоровъ сталъ. У меня у самого нѣтъ, а если прикажешь фунта два или три достать у знакомыхъ, уступать; только заказа, куда завести. Гдѣ позволено на жительство стать?

— И самъ еще не знаю. Пока на постояломъ дворѣ, гдѣ ни есть....

— Ну, ужъ если на постояломъ, такъ я тебя, честной господинъ, уважу; на всей Москвѣ для знатныхъ нѣтъ никакого пристанища. У другихъ по укладу одна большая свѣтлица да двѣ каморы. А у этого совсѣмъ иначе; гдѣ коней, а гдѣ два, ходъ особой въ сарай, и на дворъ, а окна въ улицу и въ садъ; хозяинъ въ Нѣмечинѣ былъ, тамъ в домъ свой перенялъ. Только правду сказать, ничего тамъ, не дешево.

— А какъ?

— Да какъ пожелаешь, два рубля или олодѣ!

— Три!

— Три? Видно, жевать дѣлать много. Три, такъ три. Придется по пяти алтынъ въ день, рубля въ полтора, по четыре въ мѣсяцъ, сорокъ осемь въ годъ, а на годъ пол

жестъ рубль три уступить.... И мѣсто какое!—У самыхъ у Варварскійхъ воротъ. Все подъ бокомъ. Коли изволишь, провожу.

— Спасибо. Ну, что, все? спросилъ Степанычъ у драгуна, который съ подобающей воинской аттенціей подалъ ему паспортъ.

— По этому письму все, да холмовскія письма прописать нужно, коли есть....

— А коли нѣтъ?

— Такъ проинсинуать не указано, а велѣно отсылать въ канцелярію или на Москву не пускать.

— У меня прислуга наемная; пусть каждый за себя отвѣчаетъ. Гей! Подавайте у кого какой видъ есть.... Только ты, любезный, по-проворнѣе поворачивайся. И поздно, и недорѣвится....

— Про взоромъ не изволь безтоковать.... Какъ рукой сниметь. И знакомые-то живутъ у меня тамъ у того постоялаго двора по соседству; душнѣе сбѣгаю.

Драгунъ, видно, ухѣлъ очень скоро писать, или не удостоилъ холмоу подробной выпиской; только очень проворно вынесъ паспорта и подавъ, остановился въ позиціи, какъ-будто ожидая приказанія или чего либо. Степанычъ догадался и подалъ ему полуполтинникъ. Драгунъ такъ былъ тронутъ этою милостью, что не утерпѣлъ и поцѣловалъ у шедродателя руку. Повѣдь тронулся въ путь, Никитка бѣжалъ впереди и указывалъ дорогу. Хотя и бѣжали шагомъ, однако же скорохождение навело на Никитку одышку; онъ задыхался. Присталъ бы, если бы злой духъ морюсти его не поддерживалъ. — Наконецъ доползли до Варварскихъ воротъ. Степанычъ осмотрѣлъ покомъ, убранные наивѣждейскій мадъ, приказалъ три номера соединить вѣнцы и расположился на ночлегъ. Никитка все время торчалъ у дверей и поджидалъ когда-то начнутъ носить вещи. Самое невинное любопытство къ тому его побуждало. Но вещей тамъ было, а Степанычъ, растянувшись на постели, не обращалъ никакого вниманія на присутствіе Никитки. Но когда, желая напомнить о себѣ, Никитка сталъ покашливать, Степанычъ, молча вынулъ патлатый носъ и прощупалъ въ Никиткѣ руку....

— Окорно благодарствую, сказалъ Никитка, хотя плата за путешествіе показалась ему обидною: такъ теперь прикажешь ревеню достать?

— Спасибо. Мнѣ что-то стало лучше! Видно, отъ дороги не смогло, а высплюсь, такъ и совсѣмъ пройдетъ. Прощай! Спать хочу. Позови дорогою Сергѣя.

— Какъ, прощай! Такъ ревеню не возьмешь?

— Да на что мнѣ онъ?

— Какъ на что! Боленъ, жаръ такой, что изъ-дали слышно; горячка, а не хочется лечиться....

— Коли нужно будетъ, пошлю въ аптеку, вылечать.

— Отравятъ, да еще вдесятеро за отраву сдуютъ. Какой у нихъ товаръ! Знаешь: по три года въ гниломъ погребу лежить. Такъ ужъ отъ такого снадобья какое тутъ здоровье.

— А у тебя?... ..

— Ну, ужъ не аптекарскій.... Самый свѣжій..... перваго разбору, лучше нѣмецкаго.... Нѣтъ и трехъ дней, какъ привезли....

Степанычъ всталъ и, посмотрѣвъ пристально въ дверь, спросилъ:

— Скажи пожалуй, ты изъ военныхъ?

— Боронилъ меня Богъ отъ такого зла, я изъ купчества нижегородскаго. Въ Москву, такъ, ненарокомъ захалъ, да вотъ и прожилъ годковъ десять и больше. Полюбилось. А что у меня окладки, да выпускн желтые, такъ я тебѣ, кормильцу моему, правду объявлю, что нскупилъ послѣ одного покойника всякую ветошь: тамъ и этотъ кафтанъ нашелъ. Послѣ указа и платья себѣ не дѣлалъ. Вдѣлъ кафтанъ, какъ разъ. Я и ишоу; а оно пришлось и сподручно; темный народъ поглядитъ на кафтанъ и уважительно обходится. Не изволь глупыми рѣчами моими обижаться.

— Долженъ быть продувной! подумалъ Степанычъ и сказалъ громко: Радъ твоему знакомству. Я умныхъ людей жалую. Ревеню пока не нужно, а заходи завтра, можетъ, понадобится....

— Право, хотъ фунтикъ возьми сегодня. Цѣльнй день

прямался, ничего не продалъ. Право, во своей цѣль отдамъ.

— А ты зелёнйный торговецъ?

— Былъ, кормилецъ, да зелёнйный рядъ по указу разорилъ; остатки продаемъ.... И то вотъ добрыми людьми такимъ, что доносить не станутъ. Господниъ честной, и не только что ревошь, какой товаръ ци выдумаешь, въ пол-цѣны поставлю. Прикажи тодько. Да я пол-фунтика таки-принесу; отвѣдай, полюбится, а я тебѣ готовъ служить до конца живота моего. Ты меня, горемыку, не выдашь; у меня жена, семеро дѣтей, другой разной роденьки на рукахъ моихъ не мало. Всѣхъ кормлю, а ужъ охрою, батюшка, такой семьи не прокормишь. А товаръ, только задумай, достану. Почитай, что и подъ землею въ Москвѣ, и то знаю.

— Находка! подумалъ Степанычъ: помню я васъ этикихъ; про жидовъ рассказываютъ: тотъ же жидъ, да въ кафтанѣ. А мнѣ пока такой жидёнокъ нуженъ....—Спасебо, продолжалъ онъ громко: товару всякаго мнѣ будетъ нужно не мало, да не сегодня, а теперь мнѣ нуженъ слухъ: не вѣдаемъ ли изъ Москву лейтенантъ двѣнадцатаго класса Карамзина полка Семенъ Романовъ Лукомкинъ, и гдѣ стоитъ?

— Изволь, отецъ родной, черкнуть на бумагѣ, такъ не уопнишь, а добыть, добуду языка, коли только на Москву пожаловалъ. Вотъ я сейчасъ за снарядомъ сбѣгаю.

— Не ошибся я, подумалъ Степанычъ: такъ и есть. Что хочешь, на все готовъ.... Запретнымъ товаромъ торгуешь, по рядамъ и за себя и за другихъ плутуешь; на посылки прѣтче собаки, захоти, въ свахи поидеть, женить и похоронить. А!... Молодецы!... а какъ зовутъ тебя?...

— Не люблю я своего имени, честной господинъ! Окрести ты меня для себя по-евдему, такъ съ тою кличкой и останусь....

— Какъ же тебя назвать? спросилъ Степанычъ, подавая ему записку....

— Да ужъ не нашему глупому уму выдумывать....

— Знаешь какъ бы я тебя назвалъ?

— А какъ?

— Тараканомъ. Во тѣмъ живешь, а все видишь....

— Хитро, право хитро. Спасибо, кормилецъ, да не пора ли таракану за печку? Съ дороги нокой нуженъ.... а я завтра до обѣдень вѣсточку прицесу....

— Правда твоя! Да еще провѣдай гдѣ живетъ столѣнникъ Колычевъ, что дворянъ разбираетъ.

— Этого-то гуся кто не знаетъ! Живетъ онъ, батюшка, не далече отъ тебя, въ Кремль, въ царскихъ палатахъ, да разборъ-то дворянамъ чинить въ новомъ приказѣ, и приказъ тутъ же, только въ нижнемъ жилѣ, почитай, въ подвалѣ.

— Ну, ладно, прощай!

— Да не прикажешь ли завтра тебѣ нѣмецкаго платья принести? На Москвѣ въ твоихъ золотныхъ портищахъ и въ бархатномъ зипунѣ не показывайся. Въ приказъ потащатъ....

— Принеси!

— Счастливе оставаться.

И Никитка, онъ же и Тараканъ, какъ ни былъ измученъ, довольно быстро пошелъ за Москву рѣку, и подлѣ сѣверныхъ мостагирей, въ туманѣ и грязномъ переулкѣ, выходящемъ въ высшія кареты.

— Кто тамъ? спросилъ кто-то.

— Добыча, Климыч! Новичекъ есть! Отворяй....

— Да, ты кто?

— Эхъ ты, Климыч, Климыч, змѣя подколотная, не узнала свою ящерицу!

И Климычъ молча впустилъ гостя, заперъ калитку и пошелъ въ длинныя хоромы; тамъ еще горѣли огни, и не безъ дѣла. Въ большой палатѣ посреди стояло чучело, въ средній мужской ростъ, съ деревянною размазеванною головою. На немъ былъ парикъ, кафтанъ безъ шитья, обшлаговъ и вышущекъ, камзолъ цвѣтной, исподнее нѣмецкое платье, чулки и башмаки; въ одной рукѣ чучело держало нѣмецкую шапку, въ другой шляпу. Вокругъ, на большихъ и малыхъ столахъ, сидѣло до двадцати разного возрасту парней; всѣ шили весьма прилежно разное платье.

Климычъ молча шелъ и черезъ эту палату, но Никитка нѣсколько разъ успѣлъ вздохнуть, пока вошелъ въ пе-

большую горенку, гдѣ хозяинъ обыкновенно бесѣдовалъ съ друзьями и людьми нужными.

— Видишь, Климы! Чуть только гдѣ заслышу поживу, сейчасъ слухъ къ тебѣ несущу.....

— Ну!

— Пріѣхалъ, братецъ, дворянчикъ изъ провинціи, на двѣнадцати лошадахъ и въ кольмагѣ; дорогое на немъ платье, да старое.

— Ну!

— Чего, ну! Извѣстно что! Нужно его одѣть. Можно ему и неклеименую одежду продать. За клеймо денга въ карманѣ останется, а на такомъ богатомъ парнѣ, кто станетъ клейма доискиваться.

— Хорошо.

— Тѣ-то же. Вотъ твоя щерица высмотрѣла да и принесла слухъ. Да и цѣну-то можно содрать важиѣющую. Драгуну подворотному полуполтвинникъ пожаловалъ: такъ видно что мотовское племя.

— Ладно

— Тебя, все ли ладно? Дѣтки-то что? Чай ремень. Не прикажешь ли занести фунта три, четыре?

— Можно.

— Такъ пускай завтра, да надо бы по-раньше на мои руки платье прислать.

— Ростъ?

— Какъ твой образцовый Нѣмецъ, что я ему рожу размазывалъ.

— Дородень?

— Точь-въ-точь Нѣмецъ.....

— Военный?

— Какой же онъ военный, когда только-что изъ деревни притащился. Завтра мы ему спустимъ обыкновенную одежду; онъ и пойдетъ къ столыпику; его зашишутъ въ полкъ, а ты опять сошьешь ему платье и опять безъ клейма продашь.

— Изрядно!

— Ну, знаешь ли, Климы: вѣдь я по твоему долгу воюю

откажись; ушлава; позволь у тебя почопьму переснать. Вѣдь не близкоу тутъ домой; и перекусить бы.....

— Ладно!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СМОТРЕ.

Степаньчъ былъ уже совершенно одѣтъ, когда явился Никитка съ Климомъ. Сергѣй доложилъ. Кушцовъ впустили.

— Милости твоей великаго счастья и долголѣтїя! сказалъ Тараканъ, низко кланяясь. Домошу тебѣ, что Луконкина на Москвѣ еще не было, то есть было, да изъ послѣдняго наряда не вернулся; къ Покрову долженъ быть неоткѣсно. Пока нѣтъ, а платье есть, какое важной и богатой персонѣ носить пристойно. Вотъ кафтанъ венгерскаго сукава, камзолъ изъ цвѣтной парчи, исподни, и чтѣ къ нѣмецкой одеждѣ принадлежитъ, все по самой сходной цѣнѣ и лучшей доброты, перваго нашего суконнаго торговца: почитай пол-ряду — его. Такъ ужъ тутъ какому быть обману.

— Некогда мнѣ съ вами торговаться. Постою, примѣрю, а вы погодите меня такъ. Эй, Сергѣй!

Кушцы вышли, оба довольные. Степаньчъ переодѣлся. Платье какъ-будто было на него шито.

— Зови Таракана! сказалъ Степаньчъ. Ну, ладно! А чтѣ стѣнтъ?

— Только для твоей милости, отвѣчалъ Климъ: можно взять за все осемьдесятъ пять рублей.

— Возьми серокъ.

Климъ замоталъ головой, а Тараканъ отвернулся, чтобы скрыть смущеніе. Платье, конечно, не стоило больше, да и барышей-то приходилось рубля два, не больше.

— Ну, чтѣ же? берешь? Я вѣдь цѣну даю, а не такъ върста торгуюсь.

— И осемьдесятъ-четырехъ не возьму.....

— Возьмешь, пустяки. Сергѣй, подетка кланки сюда пошлешь.

Кушцы были приведены въ большое недоумѣніе, но оно скоро разрѣшилось. Кешухи остановились у дверей, а Степаньчъ сказалъ:

— Вы, ребята, этикъ барышнявъ придержите; а ты, Сергѣй, поди спроси съведнато: пусть съ шиль за мѣсто пеню доправитъ.....

— Батюшка, государь, не погуби! повалюсь въ ноги возопилъ Климъ.....

— Пустяки, не разжалобить! Неклейменов продаешь, да еще вдвое цѣну ложишь.....

— Батюшка, вѣзани сорокъ.....

— То-то же! На! Я цѣль-то знаю: Пошедь вонъ, да гляди, не попадайся; въ другой разъ не прощу. А ужъ кѣмъ я самъ приставаю: Пошедь.....

— Вѣчное спасибо, говорилъ Климъ, откланиваясь.

— Незачто, незачто! Отваливай! Ну; а ты, Тараканъ, решеню принеешь?....

— Не достааъ, честной господаинъ дрова отъбылъ: Никитка: ни у кого не нанялъ.....

— То-то же, Тараканъ! Глуши вѣрно; тамъ прибытокъ будетъ, а если все такъ сходно будешь покупать какъ эту одежду.....

— Не буду, Иванъ Степанычъ, не буду. Я Почему зналъ, что не клейменов, и что оная такую цѣну заложитъ! Не и шиль, не и торгуи; я и себя платя никогда не справлялъ. Чужую ветошь донаниваю.

— Ну, теперъ я поеду къ Нольгчеву, а ты, Тараканъ, поиди мнѣ въ городъ небольшой домъ. Не стану я въ харчевнѣ убыточаться, да еще въ такыиъ конурахъ тѣспиться.....

— Видишь, мало ему иѣста! подумалъ Тараканъ.

— Мнѣ надо гостей принимать, на большую обгу жить.....

— А отмошеничалъ соронъ пять рублей.... подумалъ Никитка.

— А тамъ что Богъ пошлетъ. Да! шляпъ-то этикъ Наско, Тараканъ, рубль; поди и купи, только гляди, клейменову вѣмецкую шляпу; да проворше; тутъ рады выделати.....

— Бывалый! подумалъ Никитка, и съ удивительною быстротою воротился съ покупкой.....

Степанычъ отправился въ Кремль. Никитка по своимъ вѣстнымъ причинамъ не рѣшился съотомстить.....

пропасть въ трактиръ, между нумерами и челядью. И хорошо сдѣлать, потому что трактиръ, дѣйствительно походившій на нѣмецкія заѣзжія гостиницы, заключалъ въ себѣ много гостей, съ которыми и легче и прибыльнѣе было обходиться, чѣмъ съ Степанычемъ; но, къ-сожалѣнію Никитки, онъ нашелъ почти во всѣхъ нумерахъ только слугъ; дворяне уже пошли въ канцелярію, и въ пріемной, какъ сельди въ бочкѣ, ожидали столыника. Степанъ Яковлевичъ Колычевъ былъ занятъ и дѣлами и бесѣдой. Въ пазатъ у него сидѣлъ первый московскій оберъ-полицеймейстеръ, генералъ, командиръ московскихъ гарнизонныхъ войскъ и еще нѣсколько московскихъ высшихъ сановниковъ..... Бесѣда продолжалась, хотя Колычевъ и сидѣлъ за письменнымъ столомъ съ перомъ въ рукѣ.

— Сегодняшній рапортъ принесетъ Его Величеству сатисфакцію. Принято и поверстанъ вчера два ста дворянъ, царедворцевъ и служимыхъ людей; сегодня чай номеръ будетъ еще по-больше.

— Только мнѣ отъ этихъ гостей истинное бѣдствіе; замѣтилъ начальникъ полиціи. Вчера вступилъ я въ должность и первая ночь съ счетовъ долгой. То и дѣло, что гдѣ-нибудь оказалась проказа непристойная. — Я и наблюсти и взискать ничего не могъ, потому что и мнѣ и имъ все вновь. Да и черезъ-чуръ много подно. Обѣздные—плутяги, а бурмистры—купцы, народъ тихій: сами отъ всего бѣгаютъ; куда же имъ за другими смотрѣть! Отпусти, Степанъ Яковлевичъ, хоть половину по-скорѣе. Легче будетъ управиться.

— Отецъ ты мой родной! Вѣдь не огурцы же разбирать, а людей: надо съ оглядкой; иной калѣжкой притворяется; другой заправду калѣжка; иной себѣ меньше лѣтъ показываетъ; иной подлогомъ за другаго лвился; объ нѣ-нихъ есть секретныя инструкціи и повѣстки. Про каждого справку наведи, не обидь, и себя не дай одурачить. Впрочемъ, которые уже по статьямъ поверстаны, тѣмъ я памяти сегодня къ тебѣ посылаю; за тобою станеть дѣло. Отправляй по статьямъ, кого въ сенатъ, къ гражданскимъ дѣламъ, кого въ военную коллегію, а негодныхъ по домамъ. Всѣмъ имъ виды готовы, пусть только берутъ; а

сегодняшнихъ вечеромъ по статьямъ расписшемъ, а памяти объ нихъ завтра пришлемъ. — Скажи, пожалуй, ты вчера лишь изъ столицы: что про Шведовъ слышно?

— Замиряются, да подъ рукой плутуютъ. Аглицкаго флота поджидаютъ.

— Ну, такъ еще въ этомъ году не конецъ, а признаюсь, и мнѣ война надоѣла. Ежечасно возьсь съ наборомъ, да съ смотрами. А матушка-государыня?

— Благодаренье Богу, здорова. Хотятъ воажь учинить въ лифляндскія земли. Въ рижскую губернію уже и указы посланы.

— Ну, а наши-то госиода большіе, всѣ здравствуютъ?

— Да что имъ дѣлается. По ассамблеямъ ѣздить, меморіи пишутъ; дѣла много, да какъ-то нынче стало весело, не то что прежде. Я и въ маломъ чинѣ былъ, да изблизил все видѣлъ. Бывало всё не по нихъ.....

— Оттого, отецъ мой родной, стало весело, что стали больше понимать; видятъ гдѣ польза, тамъ и трудъ не тяготитъ. Вотъ тутъ въ Москвѣ поживешь, такъ увидишь: тутъ еще сѣвнота; есть такіе, которымъ когда писано, чтобъ быть ко двору, на сто ладовъ уклоняются.

— Будьте благонадежны. Выкурю я цѣль изъ Москвы по регистру.

— Тутъ, батюшка, есть окольникій Словцевъ. Повѣришь ли, заурядъ съ раскольщиками, бороду что годъ окупаетъ; значокъ себѣ на свои деньги золотой сдѣлалъ и на фезези пришилъ; а на однорядкѣ другой серебряный. Старикъ зажился, да дурной примѣръ. И то сказать надо, внукъ у него добрый малый, вышелъ бы по службѣ, да взять нельзя: умереть старикъ. Такъ ужъ сквозь пальцы гляжу; больно старъ: не сегодня, завтра умереть, такъ я его у государя на годъ выпросилъ. Хочу ему сегодня послать царскую амиссію.

— Дворянинъ Иванъ Степанъичъ Костыльковъ на смотръ пришелъ.....

— Пришелъ, такъ пускай и сидитъ въ канцеляріи. Срокъ не приспѣлъ; сказано, въ десять.... Костыльковъ, Костыльковъ... Погоди, погоди! Эй, Ефимъ Андреечъ, подай сюда память полъ литерю К. Такъ и есть, тотъ са-

мый, о комъ отецъ Пафнутій меморію подалъ.... Объ немъ же тутъ и губернаторскій отъѣздъ. Пожалуй, зови, однимъ будетъ въ присутствіи меньше. А долженъ быть разбойникъ и сутяга; отъ десяти смотровъ ускользнулъ. Поди-ка сюда, угорь-рыба....

— Здравія и долгоденствія желаю вашему превосходительству. Имѣю счастье предстать на дворянскій смотръ. Куда благоизволите, по разборѣ, поверстать и на службу назначить. Радъ буду кровь мою пролить за государя и отечество, и малую какую ни есть пользу интересамъ царскимъ оказать. Ожидаю вашего превосходительства указу.

Колычевъ совершенно смутился и вмѣсто отвѣту махнулъ рукой. Степаньчъ повернулся и хотѣлъ идти.

— Стой, молодецъ! закричалъ стольникъ: кто тебя, какъ сорѣку, такому изрядному комплименту выучилъ?

— Богъ—и уваженіе къ персонамъ, кои трудами службы царскую довѣренность благопріобрѣли....

— Чтѣ за оказія! Словно по писаному говоритъ. Поди-ка сюда по-ближе! Экой молодецъ! А сколько тебѣ лѣтъ?

— Послѣ Покрова двадцать шесть сполна будетъ....

— А длячего изволилъ ты отъ службы отнѣкиваться и отъ смотровъ уклоняться?

— По дурному внушенію провинціальной чиновности, понеже они взятками съ меня противууказными пропитаніе имѣли.

— А кто именно?

— Ѳома Галунчиковъ, земскій комиссаръ, и Семенъ Водопаевъ, земскій секретарь, съ жены и домохадцы....

Колычевъ записалъ.

— Ну, а теперь кто надумилъ пожаловать?....

— Отецъ Пафнутій, воевода Буруновъ, и собственная совѣсть....

— А отецъ-то Пафнутій....

— Не извольте продолжать, ваше превосходительство! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Кто съ-молоду не былъ молодъ. И вы изволили въ свое время пошалить. Таковъ чинъ міра сего. И теленокъ прыкаетъ, а волъ смиренно свою службу править....

Кольчезъ окинулъ взоромъ предстоящихъ, — какъ-будто на лицѣ у него былъ написанъ вопросъ: Каковъ?

— Грамотенъ? спросилъ Кольчезъ.

— На иждивенный деньги учился у городскаго школяра. Уповаю на Москвѣ, а паче въ Питербурхѣ доучиться, чтобы въ службѣ время останется.

— Ну, на это всегда хватитъ времени. А какую ты имѣешь диспозицію?

— Не могу въ толкъ взять.... Слово пѣмецкое....

— Ну, куда хочешь быть приписанъ: въ подъячье или въ воинскую службу?

— Моя воля не указъ. А если спрашивать изволите, такъ да не будетъ тайно, что мнѣ всякая приказная челядь хуже горькой рѣдки. Та еще хотя въ постъ пригодна, а ужъ эти и богатаго въ малый срокъ поститься посадятъ.

— Э, да ты и шутникъ!

— Не дерзнулъ бы я передъ такой персоной мой веселый нравъ показывать, да по вопросу отвѣтъ. Половина сказана; а другая половина нижайшая, рабская просьба приписать меня къ ратному дѣлу. Смерть люблю драться.

Кольчезъ опять посмотрѣлъ на всѣхъ и спросилъ:

— А, можетъ-быть, въ гвардію ты бы хотѣлъ?

— А мнѣ какъ знать что такое гвардія.

— Гвардія—надворное, прибочное войско царское.

— Не хочу.

— Почему?

— Отъ Шведа далече.

— Такъ ты хочешь въ полевые полки, въ конные, пѣше.....

— Въ конные! У меня лошадей много и всѣ своего заводу. Въ пѣхотѣ что проку? Лошади ноги отстоятъ, а я ноги отхожу. Такъ ужъ коли милость....

— Въ кавалерію?

— Куда угодно, только въ конные.

— Благо, благо. Только прямо въ полкъ нельзя. Надо прежде артикулу научиться.

— Пожалуй, я учителя найму, только укажите....

— Благо, благо, Костыльковъ! Ступай теперь въ канцелярію.

действію и явку свою въ книгѣ запиши, а назначеніе получишь по своему желанію.

— Душевно благодарствую.

И Степанычъ ушелъ.

— Позвать ко мнѣ штабъ-фурьера! сказалъ Колычевъ и всталъ съ мѣста. Всѣ гости также поднялись:—Наступаетъ время: пора въ присутствіе; а этотъ молодецъ меня вѣжливо занялъ. И бумагъ не покончилъ. Такъ что же, господа? Вѣдь обѣдать гдѣ ни есть, а надо. Такъ не пожалуете ли ко мнѣ? Наслушаюсь я на смотру диковинокъ, а вамъ за трапезой и передамъ. Посѣдемся.

— Будемъ, будемъ, Степанъ Яковлевичъ! отвѣчали почти всѣ и разбрелись. На ихъ мѣсто явился штабъ-фурьеръ.

— Кто у насъ по драгунскимъ полкамъ рекрутъ править?

— Нѣмецъ Браксе и плѣнный Шведъ Кофъ.

— А нѣтъ ли Русскаго?

— Фендрихъ Кусточкинъ, да онъ младшій.

— Благо, благо, ступай за мной!

И Колычевъ отправился въ присутствіе, по внутренней лѣстницѣ; за нѣсколько комнатъ слышно было жужжаніе дворянскаго улья; и по множеству и по хлопотливости слышно можно было сравнить этихъ новослужившихъ съ пчелами; но шумъ утихъ какъ-только по явочному списку въ присутствіе былъ позванъ первый дворянинъ. Секретарь, вѣроятно, не безъ умыслу оставилъ двери незапертыми. Почти большая половина могла видѣть Колычева, который въ кафтанѣ, богато зашитомъ золотыми цвѣтами, и въ парикѣ всѣхвалъ прямо противъ дверей.

Первый объявилъ себя калѣкой.

— Гдѣ же у тебя изъязнь?....

— Во рту. Хлѣбной мякоти глотать не могу. Кашицей живу. Съ дѣтства испорченъ....

— Благо, благо! Мы однихъ на службу беремъ, а другимъ службу служимъ. Отъ насъ болѣзнь; куда бы ни спрятались, не уйдетъ; найдемъ, а кто на здоровье свое вретъ, в тотъ обличивъ. Вонъ, погляди въ зеркало. Улика на лице! Промолчишь ты отъ одного пристрастія..... Гдѣсь!

въ Питербурхъ! къ явкѣ подлежить въ военную коллегію. Пиши!—Зови другаго. Ну, а ты что? тоже кадка!....

— Кадка, кормилецъ.

— А въ чемъ изъянъ....

— Сна нѣтъ, ѣсть не хочется.

— Мало движенія. Годень! Туда же! Зови! Ну!

— Отецъ-командеръ! Былъ я на всѣхъ на шести сморхахъ, отпустилъ ты меня за плохимъ здоровьемъ; а теперь, отецъ родной, самъ-то я здоровъ, да мать умираетъ; некому за бѣдною присмотрѣть; глаза моей родной закрою, самъ на службу явлюсь, гдѣ приемъ будетъ.

— Ты откуда?

— Здѣшній городской дворянинъ....

— Ну, такъ ступай съ Богомъ!... Да гляди, слово слыши. Заниши резонъ почему отпущенъ. Дальше. Ну, а ты изъ какой губерніи?

— А?..

— Да что ты, глухъ, что ли? тако спросилъ Кольчевъ.

— Глухъ!

— Годень! Пиши въ первую статью! Дальше! А ты, братъ, кажется совсѣмъ охромѣлъ.

— Отъ ушибу, государь-генералъ. И не такъ, чтобы и давно.

— Помню, помню, на прошломъ смотру у тебя другая болѣзнь была. Да и эта не лучше. Къ чему хромой годень? Ни для маршу, ни на часы. Такъ что мнѣ въ тебѣ? Вотъ тебѣ бумага и перо. Распишись, когда и какъ охромѣлъ, чтобы слѣдъ и резонъ по дѣламъ остались. Ну, подай-ко сюда писаніе. Почеркъ хорошъ, въ словахъ толкъ и связь есть. Годень! Пиши его въ московскіе приказы для письменныхъ дѣлъ.

— Батюшка-генералъ....

— Ступай! Ты видно не слышалъ про меня. Слово мое твердо. Дальше!

И вереницей тянулись дворяне, одинъ за другимъ. Съ необыкновенною скоростью Кольчевъ версталъ дворянъ по статьямъ; но эта скорость была слѣдствіемъ, не лѣни или опрометчивости, а многолѣтней опытности столыпинца и необычайной его памяти: въ нѣсколько минутъ онъ со-

вершено познакомился съ истинно негодными къ службѣ, и съ поразительною быстротою, а нерѣдко и остроуміемъ обличалъ притворство. Болѣе ста дворянъ поверсталъ онъ такимъ образомъ, и наконецъ запнулся. Передъ нимъ сталъ веселый, румяный, дородный, голубоглазый дворянинъ, лѣтъ двадцати-трехъ.—Ну, по обыкновенію спросилъ Кольчевъ: ты что?...

— Ну, ты что? отвѣчалъ дворянинъ и разсѣялся такъ простодушно, что никакъ нельзя было подозрѣвать его въ притворствѣ.

— Ты дурачокъ, что ли?

— Ты дурачокъ, что ли?

— Послушай, если доказано будетъ, что ты глупъ съ притвора, то наказаніе будетъ жестокое. Тутъ мѣсто не до шутокъ....

— Тутъ мѣсто не до шутокъ.... И дворянинъ расхохотался.

— Съ кѣмъ ты пріѣхалъ?

— Съ кѣмъ ты пріѣхалъ?...

Кольчевъ призадумался. Ни глаза, ни что не позволило думать, что дворянинъ полоумный.... Но какъ онъ пришелъ въ присутствіе, какъ записался въ явочной книгѣ, какъ вышелъ по кличкѣ?

— Какъ его зовутъ? спросилъ Кольчевъ у секретаря.

— Помѣщикъ московской губерніи, костромской провинціи, недоросль Иванъ Григорьевъ Котѣлкинъ.

— Иванъ Григорьичъ! крикнулъ Костыльковъ, не глядя на дворянина.

— Иванъ Григорьичъ! повторилъ Котѣлкинъ, и опять сталъ смѣяться.

— Да развѣ никто не видалъ, какъ онъ расписывался? спросилъ Кольчевъ тихо.

— Помилуйте, ваше превосходительство, отвѣчалъ секретарь: да какъ же на нихъ тутъ смотрѣть. Благо что расписываются; сегодня и такъ больше трехъ сотъ по явочному списку, и этотъ насъ только задержать. Отписать его полоумнымъ, да и дальше.

— Нельзя, братецъ, тутъ притча!

— Ужъ точно притча, подхватилъ Степаньичъ, который

съ нѣкоторыми дворянами успѣлъ вѣзть въ присутствіе, Кольчезъ оглянулся и съ улыбкой посмотрѣвъ на Степаныча, сказалъ:—Вотъ тоже молодець, тоже Божіе твореніе, а что въ немъ проку. Пристрастія побоями иди пыткой щипать не указано; они это знаютъ—и до правды трудно добраться. Да если онъ такой дуракъ, то какъ онъ изъ Костромы сюда пожаловалъ? Что значитъ въ описи воеводской? Погляди....

Секретарь очень долго отъискивалъ, наконецъ нашелъ и прочелъ: «О семъ ходятъ слухи, что временно одержимъ безумною болѣзнію».

— Такъ видно припадокъ пришелъ къ нему отъ испугу. Выморочъ! Негоденъ!

По сосѣдству, въ лицѣ одного дворянина Степанычъ замѣтилъ сильное судорожное движеніе радости; другое обстоятельство также показалося Степанычу подозрительнымъ: секретарь съ особенною скоростью записалъ Котёлкина въ статью негодныхъ и крикнулъ къ стоявшей у дверей военной командѣ....

— Корпораль! Выведи бережно его изъ присутствія! Ондимъ, Иваиовъ сынъ, Котреинъ, пожалуй въ присутствіе....

Кольчезъ занялся смотрамъ, а Степанычъ по-тихоньку выползъ изъ присутствія въ приемную, вслѣдъ за сосѣдомъ, который изъяснилъ такую сильную радость при словѣ: «Негоденъ». Изъ приемной за нимъ же прошелъ на площадь, гдѣ дурачокъ стоялъ уже одинъ и глядѣлъ на золотые верхи московской святыни. Означенный дворянинъ схватилъ дурачка и проворно пошелъ къ воротамъ. Степанычъ догналъ ихъ и сказалъ:

— Поздравляю, Иванъ Григорьевичъ, отъ души поздравляю....

Дурачокъ шелъ дальше, но проводникъ оглянулся.

— Неужто, Иванъ Григорьевичъ, продолжалъ Степанычъ, не изволишь меня признавать? Правда, гдѣ тебѣ меня и помнитъ! А ужъ хитрость чудная, по-лучше моего-то еще не знаю какъ съ рукъ сойдетъ, а твоя сподобилась удалась. То-то обрадуются домашніе. Ай-да Иванъ Григорьевичъ!

Дворянинъ, блѣдный какъ полотно, усмалкивая голо-
сомъ сказалъ Степаньичу:—Да чего ты горлаишь! Заслы-
шать! Все къ чорту пойдетъ. Мало ты думаешь стоять?

— Да ужъ и секретарь-то не промахъ. Добра бы вода,
а то столярка Кодычева цодъ носомъ обманулъ. Вадно,
не одна-то мелкіе плутуютъ?...

— Да тѣ-то по малости берутъ, а ужъ эти нѣтъ атыно
и рукъ марать не стануть...

— Чай сотня, другая....

— Нѣтъ, товарищъ....

— Ну, а я такъ за сотню, и то не сподна, едѣлася.

— Охъ! Секретарю двѣ сотни; писарю, что у явочной
книги, двадцать рублей. Этого болванъ негр мнѣ стѣить!
Пускай лакомства за рубль на годъ искупишь, да возня-то
съ нимъ кака! Того гляди на колокольшѣ вѣбаетъ, да отъ
туда соскочить; или домъ подожигать; а взялъ я его у
матери на отвѣтъ; и за услугу заняли. Чортъ знаетъ,
сколько денегъ пошло ...

— А то ли дѣло, пошелъ бы служить! Самому бы жало-
ванье царское шло. И знаешь ли, Иванъ Григорьевичъ,
хитрость твоя не удалась...

— Чтѣ?..... А?.....

— Говорю, не удалась! Вѣдь я за тобой отъ столярника въ
сыскъ и присмотръ посланъ.

— Владыка живота моего, чтѣ такое?... въ толкѣ не
возьму! Голова кругомъ пошла....

— Ошаматуйси, Иванъ Григорьевичъ! Да и пойдешь въ
столярнику съ новинною, а нето ошелямуютъ. Не уйдешь!
Въ воротахъ, видишь, драгуны; придержать; не оглады-
вайся: куда бѣжать? Не пуцну! Самъ я дворянинъ и стѣ-
жусь, что позно на службу явился. Да не я виноватъ:
пусть тѣ и отвѣчаютъ. А ты не уйдешь!

— Да какъ же ты меня узналъ?

— Я царскій драгунъ. Царю служу. Долженъ его ува-
жать слушаться. Поглядѣлъ на ваши продѣлки, смѣкнулъ
и на чистую воду и вывелъ. Пожадуй въ палату....

— Отецъ ты мой родной! Возьми денечъ....

— Свои есть! Пожадуй! Не отцатнишься, не отцод-
луешься!

— Прощай мой конекъ! Прощай моя Дуна! Прощай и ты....

— Такъ и есть, сказалъ Степанычъ съ горькою усмѣшкой: для своихъ дѣвокъ отъ службы бѣжалъ; а, можетъ-быть.... О, нѣтъ! Стужай, стужай! Слушай, Иванъ Григорьевичъ, всѣхъ бы васъ я изловилъ и уличилъ; есть у меня свое горе, да есть и жалость. Если я тебя приведу на силу и передъ столыника, какъ поимку, поставлю, третья часть твоихъ волостей — моя. Да мнѣ твоего добра не нужно. А если ты самъ придешь, покаешься, повиную принесешь, и казни не будетъ, и деревень не отышутъ. Пойдемъ!

И взявъ за руку Котѣлкина, Степанычъ почти тащилъ его въ канцелярію, а Котѣлкинъ тащилъ дурачка, какъ-будто хотѣлъ удержаться за него, чтобы не повалиться въ пропасть. На порогѣ канцеляріи дурачокъ какъ-то вырвался и убѣжалъ на площадь. Присутствіе дворянъ привело въ стыдъ Котѣлкина. Онъ выпрямился и пошелъ ровно къ дверямъ присутствія, но Степанычъ всё-еще не оставлялъ руки его. Въ самыя двери они услышали возгласъ секретаря:

— Не явился!

— Не думаю. Повтори еще разъ!

— Иванъ, Степановъ сынъ, Ко.... Секретарь заиулся пригѣтивъ входящаго Котѣлкина.

— Костыльковъ, что ли? сказалъ Степанычъ: если такъ, вотъ я на лицо, да и не одинъ, съ товарищемъ....

— Съ какимъ товарищемъ? спросилъ Кольчевъ.

— Его дѣло, не мое, пусть самъ о себѣ объявитъ....

Котѣлкинъ повалился въ ноги столынику.

— Что такое? Что съ тобою? Что выходишь безъ оклику!

— Жди очереди....

— Батюшка, отецъ родной, спаси и помилуй. Нечистый попуталъ.

— Говорятъ тебѣ, ступай на мѣсто и жди пока позовутъ по регистру, а порядка не нарушай. Очереды!

— Да его очередь уже была, замѣтилъ Степанычъ; да ошибка случилась. Какой-то дуракъ замѣсто его передъ твое превосходительство выскочилъ, да напуталъ; а

Иванъ Григорьевичъ Котѣлкинъ, по случаю, въ приемной не былъ. Обидѣлся, за что ваше превосходительство указали его занисать въ негодные.

— Да и воеводскій отзывъ есть, замѣтилъ секретарь.

— Иванъ Григорьевичъ говоритъ, продолжалъ Степанычъ: что и воевода на него написалъ по злобѣ, тогда, что ревность его къ царской службѣ зналъ и хотѣлъ ему противность только и безчестіе учинить. А Ивану Григорьевичу смерть служить хочется, какъ дворянину пристойно.

— Такъ ли? спросилъ лукаво Кольчевъ....

— Сущая истина! отвѣчалъ дрожа Котѣлкинъ.

— Да не изволь тревожиться! опять началъ Степанычъ: за чужую ошибку ты не будешь отвѣчать, и гнѣву на тебя нѣтъ.

— Какой тутъ гнѣвъ, похваляю. Выморочъ его изъ негодныхъ, въ первую статью запиши.... Ну, а ты, молодець, ты уже записанъ; вотъ тебѣ штабъ-фурьеръ, въ науку отведетъ; да послѣ ученья, такъ, передъ вечерними, зайди ко мнѣ на домъ.

— Слушаю. Счастливо оставаться. Штабъ-фурьеръ, пойдешь.

Кольчевъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на расторопнаго новобранца и опять занялся смотрамъ.

— Ну, отвѣсь стодынку спасибо, сказалъ дорогою штабъ-фурьеръ: что отдалъ тебя на руки Фендриху Кусточкину, а не заморскимъ учителямъ.

— А что?

— Всѣ-таки свой....

— Э, мнѣ все-равно. Лишь бы человекъ. А далече ли?

— Да не близко. Подъ лафертовскимъ дворцомъ.

— Такъ зачѣмъ же намъ пѣшкомъ ходить? Зайдемъ ко мнѣ, перекусимъ, а тѣмъ мѣстомъ колымагу заложать ...

Штабъ-фурьеръ почтительно посмотрѣлъ на Степаныча и учинилъ ему воинскій респектъ. Богатство въ иныхъ глазахъ стоитъ чину.

Во время закуски, Степанычъ спросилъ: — А гдѣ Тараканъ?

И Тараканъ пошелъ.

— Послушай, Таракашка! Поди, приведи ко мнѣ кучка съ драгушскою одеждою и что къ драгушской службѣ принадлежитъ. Помни только, что я цѣны знаю и про ремень въдаю. За усердіе награжу, за плутовство взыщу. Пошелъ.

— Отецъ родной, тутъ Нѣмецъ часы захотѣлъ, да и оставилъ на мои руки; продаетъ. А тебѣ такой вахшою, богатою и служилою персонѣ непристойно и неснодручно безъ часовъ.

— А что стоятъ?

— Всего десять рублей....

— Не дорого, да краденныя! Сергѣй, возьми часы, а какъ Нѣмецъ придетъ, возьми и Нѣмца и ступай къ обѣздному и часы покажи и заяви, что не воровское покупаемъ, тогда Нѣмцу и заплати. А вотъ тебѣ и деньги. А ты, Тараканъ, ступай куда указано....

Никитка съ кислою миною почесался въ затылкѣ, но прекословить не смѣлъ и ушелъ. Подали колымагу; штабъ-фурьеръ отъ избытка почтительности хотѣлъ сѣсть на козлы, но Степанъ пригласилъ его въ колымагу; конюхъ заперъ дверцы, вскочилъ на коня и поѣхалъ за каретой. Въ казармахъ не нашли Фендриха Кусточкина; онъ былъ на полковомъ полѣ и училъ команду артикулу. Штабъ-фурьеръ побѣжалъ впередъ.

— Юрій Петровичъ, кричалъ онъ изъ-дали еще поманивая рукою: Юрій Петровичъ! Прислалъ къ тебѣ стольникъ въ науку какого-то знатнаго господина, чай князя, помалости....

— Понимаю, сказалъ Фендрихъ: принять въ ежовыя рукавицы, да выколотить. Подай его сюда!

— Нѣтъ, Юрій Петровичъ! Богъ свидѣтель, сама видѣлъ: Степанъ Яковлевичъ съ этимъ баринномъ страхъ въ кой ласковый. Чего! Въ присутствіи изволялъ съ нимъ за-панибрата рѣчь вести....

— Знаемъ мы Колычева! Мягко стелетъ, жестко спитъ.

— Вѣс, равно: Подицай....

— Да вотъ его сіятельство и самъ.

— Какое сіятельство! перебилъ Степанъ: простого дво-

рлянишь. Имѣю охоту къ воинскому дѣлу и не благости его превосходителемъ ставъ въ науку присланъ....

— Да, какъ же я тебя учить буду, когда ты еще не солдатъ?

— А отъ чего жь я не солдатъ?

— И безъ мундера и безъ ружья....

— Учиться можно и безъ мундера, а ружья вели подарить, да и показывай какъ надо имъ вымахивать добрымъ драгузу....

— Такъ ты конный?...

— Конный, по милости стольника, дай Богъ ему здоровья; и коня своего верхового съ собой привелъ....

— Ну, маркизъ, сегодня не конный день. А приходи завтра по-раньше, часу въ пятомъ али шестомъ утра, а теперь некогда....

— Послушай, Фендрихъ, не знаю какъ тебя титуловать.....

— Юрій Петровичемъ, подхватилъ штабъ-фурьеръ.

— Ну, такъ слушай, Юрій Петровичъ! Въ какой срокъ ты меня вылучишь?

— Гляди, какой таланъ; много въ мѣсяцъ знатнымъ служивцемъ ноставишь, а съ инымъ и годъ боеъ проку провозишьса.

— Ну, а если въ мѣсяцъ перейму, что благостыня?..

— Да что ты врешь? Развѣ я школяръ какой? Изъ царскаго жалованья служу.

— Да ты себѣ бери царское жалованье, а за то, что меня скорѣе вылучишь, за то и моею щедростью не брезгай. Ты себѣ домайся какъ хочешь, а я тебѣ объявлю; если въ мѣсяцъ вылучишь, подарю, сколько дней, столько и рублей; если въ три недѣли, десять рублей прикину; если въ двѣ недѣли, окромъ денежнаго, подарю знатнаго заводскаго коня; если въ одну недѣлю....

— Въ одну недѣлю недѣля....

— Ну, такъ въ двѣ. Помни же уговоръ. Прощай. Штабъ-фурьеръ, поидемъ.

Фендрихъ изумленнымъ глазами провожалъ страннаго солдата, который прѣвхалъ въ колымагѣ и судить за то, что Фендрихъ сдѣлать обязанъ, чуть не полное его голо-

вое содержаніе.—А солдатъ съ подобающею важною, оставивъ ногу въ колымагу, сказалъ:

— Штабъ-фурьеръ! Мнѣ хочется на Москвѣ осмотрѣться, до вечерень далеко; а тебѣ надо быть по-скорѣе на своемъ мѣстѣ: такъ не съизволишь ли отправиться на моемъ верховомъ, а конюха я на козлы возьму. Копя же отдашь на постояломъ Сергѣю....

— Очень радъ и благодаренъ!

И Степанычъ отправился на городской выгъздъ; остановился у обширнаго огорода, и наказавъ людямъ тутъ его обождать, побрелъ между капустныхъ грядъ къ небольшому, но опрятному, свѣтлому домику. На крыльцѣ играло двое дѣтей, отъ которыхъ однако же нельзя было добиться никакого порядочнаго отвѣту, потому что хотя они уже и разговаривали, но на языкѣ не принадлежащемъ ни одной націи; это языкъ хотя и дѣтскій, но общій, языкъ чудный, языкъ счастливецевъ; и кто разучится этому языку, какъ-будто въ наказаніе начинаетъ испытывать разныя непріятности, горе, болѣзни и прочее и прочее, что все вмѣстѣ называется *жизнію*. И по-дѣломъ, если уже нельзя всегда быть дѣтьми, то по-крайней-мѣрѣ всегда будьте яко дѣти. И глядя на нихъ Степанычъ вздохнулъ глубоко и сказалъ: година незнаній, гдѣ ты? Огородъ ты мой, колыбель моя, школа! промѣнялъ бы я твои тихія грядки на все, на все, да, ба! Антонъ ты мой, отецъ-слуга, гдѣ ты? И молодость ушла, и старикъ спрятался; найду я и тебя, да когда, и гдѣ?

Дѣти, глядя на человѣка, который почти по-ихнему изволилъ самъ съ собою разговаривать, перепугались, сползли съ крыльца и убѣжали, а Степанычъ вошелъ въ покои. Немного ихъ было; но и тѣ стали грязны, не такъ какъ бывало; шкафъ гдѣ была посуда, безъ стеколъ торчалъ впускѣ. Иконы заволокло паутиной; столы, полы и прилавки, правда, были чисты, но потолки и стѣны будто состарѣлись. Недолго разсматривалъ ихъ Степанычъ: грусть одолѣла. Онъ вышелъ на крыльцо, куда пришелъ дюжій, ражій мужикъ съ разными поговорками; но, увидѣвъ Степаныча, остолбенѣлъ и не успѣлъ сдернуть шапки.

— Плохо вы держите мой домъ! сказалъ Степанычъ:

на-дняхъ буду за оброкомъ; такъ гляди, Евсей, чтобы и деньги и изба были въ-чисто. Нето я съ тобою по-свои-ски раздѣляюсь. Не взыскивалъ я съ тебя почитай полтора года, пора рассчитаться. Ну, Евсей, прощай. Ты оторо-пѣлъ, теперь мнѣ съ тобою говорить и нечего и некогда.

Степанычъ ушелъ. Евсей остался на своемъ мѣстѣ и въ изумленіи глядѣлъ на преобразованнаго хозяина огоро-довъ.

— До вечера еще далеко еще. Ступай на Спасскій Мостъ! Поглядѣть, да чего имъ есть испкупить для забавы!

И колымага потащилась къ Спасскому Мосту, который для тогдашней Москвы замѣнялъ нынѣшній Кузнецкій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СПАССКІЙ МОСТЪ.

Изъ-дали еще колымага должна была остановиться, по-тому что толпа на мосту была ужасная; за разнаго роду экипажами не было проѣзду, за многолюдствомъ проходу. Степанычъ вышелъ и, взявъ конюха съ собою, пѣшкомъ сталъ пробираться на мостъ; но чѣмъ далѣе подвигался онъ, тѣмъ труднѣе становился путь; наконецъ не стало возможности сдѣлать шагу. Благодаря росту, онъ могъ замѣтить, что причиною такой тѣсноты была жепщина, одѣтая въ разноцвѣтныя лохмотья, простоволосая и ска-редная; она странно разводила руками и кричала такъ громко, что Степанычъ могъ слышать каждое ея слово.

— Не плюй! кричала она: видишь по небу уже ходьба кошла. Стрѣльцы небесные! Тамъ и нашихъ много; муче-ники мои, помогайте дѣлу! А гляди, вонъ есаулъ къ солн-цу подходитъ; пилу тащить; на чемъ солнце висеть, то онъ станетъ подпиливать; а луну уже совсѣмъ подрубилъ, да ниткѣ висеть, да при солнцѣ не видно. Только не бой-тесь, православные, на Москву свѣтила небесныя не попа-даютъ. Другой имъ будетъ путь; косякомъ упадутъ одно на новый городъ, другое на Нѣмцевъ. Живые погорятъ. Конецъ міру, конецъ свѣту красному. Молитесь и кай-тесь, конецъ пришелъ....

И клякуши не стало видно; толпа зашевелилась; было тихо, а отъ рѣчей такой шумъ пошелъ, будто буря стала. Передъ носомъ Степаньча стало въскормлено дюрль; то-ко-что поверстанныхъ въ службу....

— Петръ Иванычъ, а Петръ Иванычъ! А что если клякуша и заправду на небесахъ все видитъ?....

— Какъ же ей не видѣть! Не рассказывала бы. Видѣ это, братецъ, не въ деревнѣ, а въ Москвѣ. Тутъ перекрѣцѣлою сходкою врать нельзя. Лжи не потерпятъ. Тутъ только сущую истину объявляй. Несумнительно, все видѣть, а какъ видѣть такъ и рассказываетъ....

— Тьфу ты страсти какия, солнце упадетъ!... Вотъ чай множество народу раздавить....

— Пустяки! Куда ему! Что оно? Дерево доброе когда упадетъ, больше придавитъ, а вамъ погляди: все-то оно съ тарелку, а ужъ много, много, съ колесо телѣжное. А вотъ то страшно, что оно неугасимое, ничѣмъ не зальешь, развѣ моленомъ. Да еще не пытались: случашъ такой не было. А вотъ какъ грѣшь ударить, такъ пожаръ мѣсто лувинномъ молока залить; только надо, чтобъ жаромъ было. Такъ вотъ въ чемъ страсть: землю зажечь.

— Не выгорить же вся земля! Чай земли на свѣтѣ не мало.

— Да куда же ему всю землю сжечь! Оно же, видишь, вокругъ земли себѣ-вертится; а упадетъ—станетъ по землѣ бѣгать; гдѣ пройдетъ, слѣдъ останется, да вѣдь никакъ другой порядокъ. Ухитрятся. Поймаютъ, да на мѣсто поставятъ. Луну новую сдѣлаютъ;—а звѣзды — теперь въ кафтанахъ посылать. Убей меня Богъ. Сегодня въ Успенскомъ самъ видѣлъ. Одно только хорошо. Отъ такого припадку, суматоха станетъ; засуетятся; имъ не до насъ будетъ; войну пока отложить; а мы со службы и уйдемъ.... Тше, братъ, перестань болтать. Кажись опять клячетъ...

И дѣйствительно, молчаніе распространилось съ быстротою.

— На разспрашивай! кричала опять клякуша: такое скажу, что заплачется не одинъ человекъ.... А вся Москва, все царство.... Будутъ всѣхъ въ чужую шкуру рядить....

— Сбылось, сбылось! раздалось со всѣхъ сторонъ, и слытъ наступала тишина.

— Человѣческій видъ отымутъ.... Что лошадиныя головы у васъ будутъ, потомъ и за другое примутся.

— Раздайся! закричалъ Степанычъ: генералъ ѣдетъ!

И не обманулъ Степанычъ. Оберъ-полиціймейстеръ впервые объѣзжалъ городъ. Онъ ѣхалъ верхомъ, возлѣ шли пѣшкомъ бурмистры и объѣздные, за ними драгунская рота; за нею пушка, за пушкой рота пѣхотныхъ солдатъ. Разбѣжался бы народъ, если бы съ другой стороны совершавшійся крестный ходъ не удержалъ бѣгущихъ....

— Раздайся, говорятъ тебѣ, повторилъ Степанычъ громгласно, и народъ разступился и устроилась дорожка, по которой, и то съ трудомъ, могла пройти одна лошадь. Степанычъ пошелъ впереди оберъ-полиціймейстера и растакивалъ народъ. Порывавшись съ кликушей, онъ остановился и такимъ образомъ загородилъ дорогу.

— Вотъ, матушка, сказалъ онъ кланяясь старухѣ:—Зачѣмъ ты бѣду такую гадасишь, да рассказываешь простому народу. Если что такое печальное провидѣла, такъ за чѣмъ темныхъ и подлыхъ смущаешь; вотъ ты главному городскому начальству съ рукъ на руки бѣду передай. Авось придумаешь, какъ горю помочь.

— А что же рассказываетъ? спросилъ оберъ-полиціймейстеръ.

— Слышь, удостоилъ генералъ тебя вопросомъ. Изволь рассказывать....

Кликуша дрожала отъ страху, но съ тѣмъ вѣстѣмъ поглядывала съ бѣшенствомъ на Степаныча, который, не боясь ни порчи, ни волхвованій, тащилъ ее на авансцену.

— Полно, старуха, чиниться! Не такой твой чинъ, чтобы земныхъ властей бояться! Старымъ костюмъ твоимъ нечего востѣха пугаться. Перетлѣли отъ лѣтъ! И какой страхъ тому, кто видитъ все что на небѣ творится....

— Вотъ что! сказалъ оберъ-полиціймейстеръ: ну, кликуша, еще разъ говорю, рассказывай, нето доорляешь прав-

ду сказалъ: поведуть въ застѣнокъ, не для одного призрастїа, а для того, чтобы изъ тебя бѣса выгнать....

— Батюшка, воевода, помилуй меня беззубую! завоншала старуха, поваялась на землю.

Сильный ропотъ негодованїа за обманъ послышался въ народѣ. Многіе, которые не были закоренѣлыми поклонниками кликуша, подхватили камни изъ мосту и готовились заплатить за свою обиду. Примѣтивъ это опасное движеніе, оберъ-полицїеймейстеръ крикнулъ:—Смирно! и все утихло.

— Ну, продолжалъ онъ: зачѣмъ же ты, бабушка, глупости такіа рассказываешь? Какая тебѣ отъ того польза?...

— На бѣдность, отецъ-воевода, щедродатели жалуютъ; имъ такіа рѣчи любви....

— Дурной промыселъ! Старуха! Ты повинна суду и казни; но на первыхъ порахъ не хоту начинать строгостью. Ступай домой и сиди смирно. За второй разъ — сожгу, по уложенію. Ступай!

Кликуша, низко поклонясь, пошла; народъ не охотно давалъ ей дорогу; многіе толкали ее съ придачею красныхъ словъ, какія въ то время на Снасскомъ Мосту были въ модѣ; нѣкоторые отшлеивались. Наконецъ путь сталъ свободенъ. На мосту народъ рѣдѣлъ больше и больше; пока прошла команда, стало совсѣмъ пусто; осталось постороннихъ человекъ десять не больше. Савва Мотковъ, слыша оберъ-полицїеймейстерскїй приходъ, ловко примкнулъ свою лавку съ лубочными картинками; а по отшествїи кортежа опять отворилъ лавку и пестрые листы привлекли вниманіе Степаныча. Онъ подошелъ и спросилъ:—А есть у тебя книги?

— Есть. Вотъ тебѣ книга, глаголемая космографїа. Тутъ всѣ народы, моря, острова, то есть, весь кругъ земной.

Степанычъ взялъ въ руки большой листъ, то есть Книгу Космографїю, посмотрѣлъ и сказалъ:—Ладно. Это можетъ быть пригодно.

— Какъ же не пригодно! По малой мѣрѣ знаешь, что Москва посередѣ всей земли стоитъ, и что больше ея на всемъ свѣтѣ города нѣтъ. Видишь, какая здоровая!

— А Питербурхъ тутъ есть?

— Какъ же нѣтъ. Вонъ въ болотѣ, что куликъ сидитъ. Щедушный такой: почитай, не видно.

— Ну, а другіе народы?

— Всѣ тутъ, вонъ кругомъ насъ по островамъ сидятъ. Вонъ тѣ, что людей ѣдятъ, вонъ которыхъ филосогами зовутъ, вонъ что половина пса, а половина людская, оттого такая и кличка: «Песьи острова». А тутъ вонъ арапское царство, гдѣ люди до-черна изгорѣли. Родится бѣлый, вынесутъ его, обмоютъ, масломъ обмажутъ, да въ печь и засадятъ. Обжарится, и готовъ. Зато ужъ ни холодъ, ни жаръ его не пройметъ. Тутъ все прописано вразумительно. А вотъ другая книга, то же съ изображеніемъ. Вотъ тутъ научишься какого святаго о чемъ просить.

Степаньчъ посмотрѣлъ на Моткова съ улыбкой и спросилъ:

— А нѣтъ ли у тебя математической арифметики?

— Что такое?

— Цифирнаго обученія?

— Вотъ тебѣ и цифирь въ лицахъ! На однихъ листѣ до милліона досчитаться.....

— Да цифирь-то я знаю....

— Такъ какого же ты хочешь еще обученія? Вотъ коли хочешь господскіе и царскіе праздники въ лицахъ, есть, самое новое, на этотъ годъ, и какая доброта, погляди, на тридцать лѣтъ хватитъ.

— Пожалуй! а что за все?

— Да что лишнее запрашивать, пожалуй гривенникъ, и спасибо:

— Изволь!

Мотковъ въ свою очередь посмотрѣлъ умильно на Степаньча, душевно восхищаясь простотѣю его, потому что онъ за всѣ за четыре книги, то есть, листа, заплатилъ втрое.

— Господинъ! а господинъ! сладостио сказаль Мотковъ: сказочекъ не извольни?

— Да на что онѣ?

— Для забавы....

— И своихъ забавъ довольно. Вотъ ученя сколько хочешь подавай, все куплю.

— Охъ, честной господинъ, школьная-то мудрость глупа; что у нихъ за книги; видѣлъ я въ типографіи ихнія книги, что кличутъ гражданскія, будто знаешь для горожанъ писаны.

— Въ типографіи?

— Да. Кто ихъ держать станеть? Вѣдь онѣ церковнымъ въ обиду сдѣланы. У кого толкъ въ головѣ есть, тотчасъ смѣкнетъ. Безъ всякаго изображенія; посмотришь, посмотришь и уснешь. Одурь возьметъ. Пускай красить не умѣютъ, ну, чернью отманой что ни есть, а то хоть бы одно рыло, хоть бы деревцо или какое ни есть быліе: ровно ничего. А печать-то, печать!... Читаешь—будто по-нѣмецки. Русской настоящей буквицы, почитай три четыре; и цифирь не буквицей, а крючками, да палочками. Помора, да и только. Я попросилъ приказнаго одно этакое книжище почитать. Вокъ отъ сибѣху заболѣли. Такія всё слова, что ихъ никогда и не бывало; сами повылумывали. Потомъ я уже узналъ, отъ одной бывалой старухи, что то у нихъ нарочно такой колдунской языкъ придуманъ, что кто тѣхъ словъ по той замети, а пуща цыганри, почитаетъ хоть съ недѣлку, къ ереси и приворожится. Ну, а ересь-то какаѧ, самъ знаешь, толковать нечего. Охъ! (Савва снялъ шапку и перекрестился.) И вотъ до чего православный народъ доведутъ. Погляди. (Савва изъ-подъ прилавка вытащилъ листъ, съ которымъ въ первой главѣ мы нибѣли случай познакомиться и подалъ Степану.) Вотъ то же и съ тобою будетъ. Вотъ что и читать надо, а не еретическія гражданскія сбѣи. Вотъ оно гдѣ наука настоящая сидитъ. Были и не такіе листы, да, ба!

— Куда же дѣвались?

— Были, да сжыли. Въ казну забрали. Ценю доправили.... Да еще по воротамъ написали такую нечестивую торговщевъ хулу, что, право, промышель опротивѣлъ....

— И ужъ теперь нѣтъ тѣхъ листовъ?....

— Какъ не быть, да продають не на мосту и не въ рыдахъ, а такъ, стороною. Кто будетъ въ лавкѣ держать!..

— Экая досада, а я заплатилъ бы въ-три-дорога....

Савва поглядѣлъ опять на Степаныча и рука невольно потянулась въ сапогъ; добылъ онъ свертокъ....

— Ну, послѣдній, больше ни одного не достанешь, вонъ въ этомъ пучкѣ двѣнадцать изображеній, да ужъ тутъ на мосту нельзя пересматривать: такъ съшишки и шныряють. Давай полтину и забирай, только пока домой не придешь, никому не показывай и не развѣртывай. Скажу тебѣ подъ-рукою, что первыя три, деверь кликуши, монахъ Марко, съ другими разумными людьми придумывалъ, а толкъ писалъ Семень Разстрига....

— Экіе люди, право, на Москвѣ живутъ! Надо правду сказать, многіе грѣшатъ по невѣдѣнію, того-дня, что учителя нѣтъ. Вотъ пришелъ я на Москву; деньги у меня есть, а дядьки себѣ не найду, того гляди....

— Эхъ, честной господинъ! Видно, сынъ богобоязливыхъ людей....

— Да сиротой остался....

— Такъ и есть, я угадалъ....

— Въ деревнѣ съ холопскими дѣтьми выросъ.

— А большая деревня?

— Которая? У меня ихъ не одна. Да что толку, дуракъ-дуракомъ....

— Эхъ, честной баринъ! Вотъ какъ шумъ на мосту сталъ, въ лавкѣ у меня спрятался большой мудрецъ. Спасибо, помогъ онъ мнѣ лавку запереть; мы съ нимъ и приѣхали, не видали, что на мосту и дѣлалось. Вотъ не хочешь ли его къ себѣ взять для ученья?

— Почему жъ! Да кто онъ?

— Загадка. Онъ у насъ на сходкахъ, вотъ когда соберемся о нынѣшнемъ послѣднемъ времени потолковать, онъ-то у насъ всѣмъ порядкомъ и управляетъ.

— А какъ бы мнѣ его послушать?

— Эхъ, овца, не будь ты дѣрянинъ, можно бы, а наши дѣряники сейчасъ зазрятъ....

— Отъ чего же?

— Отъ того, что на службу идти не охоту; до смотра,

старинны, что есть силы, держатся; чуть ногой въ полкъ или въ приказъ, будто съизнова родились, такъ и нападуть на старину, что коршуны. Пуще Нѣмцевъ Русь разоряютъ и у себя и у другихъ. Такъ на томъ у насъ и стало, чтобы не пускать и монастырскихъ дворянъ, не то ужъ городскихъ, али помѣщиковъ.

— Жаль.

— Да что жаль! Знаешь, вотъ сегодня, сходка будетъ на моемъ дворѣ; я тебя засажу въ такое мѣсто, что никто не увидитъ; только ты....

— Эхъ ты, а еще борода съ просѣдью! Я не въ службу, а въ монастырь наровлю.... Что мнѣ въ сластяхъ міра сего, когда послѣдній день, не сегодня, такъ завтра.

— Правда твоя, правда! Такъ приходи, коли хочешь нашего мудреца послушать, послѣ вечерень, какъ лавки запрутъ.

— А гдѣ живешь?....

— Да не близко: оттого у меня и сходится честная братія, что по-дальше ото всякой чиновности. Въ Кожевникахъ, на самомъ Живодеренномъ Мосту; вотъ такая же лавочка у самыхъ воротъ моихъ стоитъ.... Найдешь?....

— Найду! А вотъ пока полтина за изображенія, а полтина за добрый совѣтъ.

— Ради стараться, отвѣчалъ Савва приподнявъ шапку и кланяясь....

Отошелъ Степанычъ отъ лавки и посмотрѣлъ на солнце. Эти часы никогда его не обманывали. Свѣтъ въ колымагу онъ поспѣшилъ въ Кремль къ Кольчеву. Стольничъ давно уже отобѣдалъ и легъ отдыхать. Солдатъ на часахъ не хотѣлъ впустить его.

— Я пришелъ по указу, господинъ солдатъ, сказалъ Степанычъ: если его превосходительство спроситъ, ты будешь отвѣчать.

Солдатъ поднялъ ружье и Степанычъ вошелъ въ приемную. Тамъ нашелъ онъ только одного секретаря, который писалъ памяти. Приѣтивъ Степаныча, секретарь всмыкнулъ отъ досады.

— Ты зачѣмъ пожаловалъ? спросилъ онъ гнѣвно.

— Указано, а указъ ты самъ слышалъ.

— Такъ поди на крыльцо, тамъ и дождайся.

— Миѣ не на крыльцо приходитъ указано. Я не какой нной. Ослушанія не люблю.

— Да чего ты горлавишь? Степанъ Яковлевичъ почи- вать изволитъ.

— Ты секретарь, такъ твое дѣло о томъ и остеречь, а миѣ какъ знать, что господинъ твой исправляетъ. Посто- нитъ. Погодимъ.

— Да ты тутъ дѣлу помѣха. И такъ про тебя говорятъ: высочка, выслужиться хочеть; не въ свое дѣло всту- пается.

— Точь-въ-точь, ты, господинъ секретарь; по твоему прикладу поступаю. Тебѣ указано за правильностью дво- рянской явки наблюдать, а ты въ казначей лѣзешь.....

— Что ты тутъ врѣшь, озарникъ! Гляди, ты солдатъ, а тебя велю.....

— Руки коротки. Я солдатъ, да царскій, меня не доста- вешь: я не воровское серебро. Обожжешься.

Секретарь никакъ не предполагалъ, чтобы Котѣлкинъ обнаружилъ и эту тайну и смѣшался, а Степанычъ продол- жалъ:

— Ты на сколькихъ подводахъ въ Москву пріѣхалъ? Чай пѣшій пришелъ, а изъ Москвы обозомъ поѣдешь, на счетъ негодныхъ къ службѣ. Нынче негодность въ цѣнѣ. По двѣ сотни съ головы; знатная поголовная подать!...

Секретарь поблѣднѣлъ и не могъ выговорить ни слова.

— Что же ты, господинъ секретарь, памятей пнечатъ не изволишь, али я тебѣ помѣха?

— Нѣтъ, нѣтъ, Иванъ Степанычъ.... кажется, Иванъ Степанычъ?

— Такъ.

— Вѣдь это окаланный Котѣлкинъ на меня налагалъ. Я его и не видалъ. Писарь взятку вѣрно царяпнулъ, да и допу- стилъ Котѣлкина расписаться и дурака за себя поставить.

— И писарь взялъ; да его плутовство въ десять разъ меньше твоего, такъ онъ въ десять разъ меньше и денегъ взялъ.

Секретарь совершенно потерялся и перелистывалъ па- мяти туда, сюда, самъ не зная, что говорить, что дѣлать.

— Ну, вблнрнмса! Сказалъ онъ наконецъ покраснѣвъ до ушей и потушивъ глаза.

— Да мы съ тобою ссорились, что ли? И съ чего ты взялъ, что я обидѣлся? Я дворянинъ, а изъ какихъ ты, про то мнѣ подлинно не вѣдомо. Не вижу повода брататься. На тебѣ царскій чинъ, какой, тоже не знаю, да ты чинъ опозорилъ, такъ на тебѣ и чина нѣтъ.....

— Кто тамъ? раздался голосъ Колычева.

— Послушай, Иванъ Степанычъ, съ умоляющимъ видомъ началъ секретарь....

— Слышишь, зовутъ! Не будь ослушникомъ!.....

— Гляди, не проговорись....

— Да ступай, куда зовутъ, громко сказалъ Степанычъ.

— Кто тамъ? раздалось во второй разъ.

— Я, Костыльковъ, по твоему указу.....

— Поди сюда! Извини, молодецъ, сказалъ Колычевъ, лежа на софѣ въ нарядномъ халатѣ: утомились за обѣдомъ. Сонъ одолѣлъ. У меня къ тебѣ есть дѣло. Принялъ я сегодня Котѣлкина безъ разспросу, да сказкѣ его не повѣрилъ; расскажи какъ дѣло было.

— Прикажете, ваше превосходительство, подать памяти.

— Эй, Ефимъ Андренчъ, подайка сюда всѣ сегодняшнія памяти.....

— Не готовы!

— Подай, какъ есть..... Это что? Что у тебя, лихорадка, Ефимъ?

— Такъ, ломаеть.....

— Ну, вотъ и памяти. Рассказывай!

— Поглядите, записанъ ли въ своей статьѣ Котѣлкинъ.

— Поглядимъ..... Не записанъ, а регистръ до интеръ Твердо, доведенъ..... Не ладно. Ну, что же дальше?.....

— А дальше пусть Ефимъ Андренчъ рассказываетъ, а что пропуститъ, я добавлю. Иное онъ, иное я лучше знаю.....

— Ефимъ! закричалъ Колычевъ громовымъ голосомъ, вскочивъ съ софы: кого ты вздумалъ обманывать? И въ какомъ дѣлѣ! Холопы поганый, за уши въ чинъ выпящай, до какой стыда меня доводишь?—Какъ я въ Рязань

взгляну Государю Великому! У меня на глазахъ, моя же
люди чинятъ волость и воровство. Садись, приходи, къ оберъ-
полицеймайстеру; садись; ты меня знаешь: Якому молча-
ки. Паша: «По нижнему экстраординарному развѣдкѣ по-
ворно прошу статеиную память о негодныхъ, что сего чла
сла къ вамъ послана, въ дѣйство на производяго и ко мнѣ
возвратитъ, а подателя сего, старшаго дѣла, носѣ мажес-
ларин, Ефима Андреева Польванчова, податрогій арестъ
посадитъ и держать его тамъ до того, пока потребуетъ.»
Ну, вотъ я подисоалъ! Стувай, безстыдникъ, самъ стне-
си и отдай въ руки.... Пошелъ!

— Не удивляйся, сказалъ Кольчевъ въ сильномъ вол-
неніи: что я такую поспѣшную диспозицію учинилъ. Ви-
дно, по его милости, въ этомъ году много стало негодныхъ.
Надо всѣхъ докладно пересмотрѣть и перевѣрить, чтобы
службѣ Его Величества черезъ таковую мою оплошность
не учинилось какого ущерба.... Мѣра ни чему не повре-
дитъ, а ты теперь мнѣ подробно разскажи, какъ все было
и какъ ты про такое воровство сыскалъ.

Степанычъ разсказалъ. Кольчевъ то смѣялся, то доса-
довалъ.

— Достоянъ еси награды и вотъ тебѣ десять рублей,
сказалъ Кольчевъ, вынимая деньги.

— Не извольте меня позорить платою за то, чѣмъ я Бо-
гу и государю обовизанъ. Если въ глазахъ моихъ видимо
обманъ чинится, неужели я долженъ молчать и не обя-
зывать? Не могу. Не такъ родился.

— Знатно разсуждаешь! Съ такими регулами пойдешь
далече.

— Ваше превосходительство! Нынче люди, вотъ что раз-
сказываютъ. Не одинъ разъ слышалъ. Говорятъ: служба,
охъ служба! Что оно.... не суду правда, а судьямъ лести; не
то, что должно, а то, что ходятъ. Дѣла не дѣлай, съ дѣломъ
въ глаза не встрѣчайся, а старшимъ лести, дари, послужи-
вай, да большаго станица дождешь. А если правдой пойдешь,
каждое гнилушка тебѣ подъ ноги подкатится, а ты и ну
снотыкаться, пока до большихъ бревенъ не дойдешь, тамъ

споткнешься, такъ ужъ и не встанешь..... И многое всё на тотъ же ладъ говорить.....

— Водеръ! Мометъ-быть, такъ бывало, только не те-перь. Не такой царь и не такая мысль царская. А бывать, бывало. Понедѣльный отецъ мой рассказывалъ, что въ при-нахъ сивилили безбородые недоросли, знатности ради. Дѣлки за нихъ правили и дѣло не шло, а если шло, то съ великимъ старожонствомъ. Взятчиковъ было во всемъ приказамъ столько, сколько и самой чинности. Родимъ и мѣстами считались, а за то, что одному боярину живецъ ставилъ лучшихъ соколовъ и кречетовъ, такикъ, что и въ государевой охотѣ не было, такъ изъ жильцовъ въ охотничье поналъ. Теперь не то. Теперь изъ однихъ заслугъ дѣства-ца знатности устроена. Ты вотъ и богатъ, чай родимъ до Нодъ доходимъ, а ступай въ солдаты.....

— Въ драгуны.....

— Всѣ-равно, тотъ же чинъ, да конскій. Хочешь дальше, изволь, дорога гладкая, да на ней чины въ ретраншамен-тахъ сидятъ; хранить ихъ пушки, вражье войско сторо-жить; возьми коменданта, то есть, тотъ чинъ, съ бою. Ты ли, богатъ, или другой, нищій твой товарищъ, всѣ-равно. Деньги твои при тебѣ, а способности — государственное добро. Чинъ тому добру клеймо. Какой сортъ заслуги, та-кой и штемпель.

— Все такъ, только, не во гнѣвъ будь сказано, взятчи-ковъ теперь, говорить, не меньше прежняго.

— Твоя правда; не меньше. Потому что взятчики моль; въ темнотѣ дѣйства свои производятъ; кругомъ ихъ — тьма; имъ и сподручно. Эту моль, какъ и натуральную, только свѣтомъ выживешь. Оттого и пошло теперь на Ру-си всякое учение, школы, училища, семинари, духовныя заведенія, а теперь въ Питербурхѣ и академїа наукъ устроится. Вотъ этотъ свѣтъ поѣстъ моль; стыдомъ истлеть, а пока ихъ тѣснить въ которое пристрастїе строга-го наказанія.

— А зачѣмъ же ваше превосходительство на Москвѣ ни-чего такого не устроить?....

— На Москвѣ? Эхъ, братъ, тутъ еще такая тьма, что сами учителя ослѣпнутъ. Вотъ какъ ихъ промнутъ

въ пяти, шести кампаніяхъ, какъ прощпацвруютъ по чужимъ государствамъ, какъ приглядятся чужому разуму, такъ и свою глупость разсудятъ.....

— Не возьми, ваше превосходительство, во гнѣвъ, что я съ такою дерзостью мысли мои объявляю.....

— Напротивъ! Очень радъ и надѣюсь изъ тебя сдѣлать человѣка. Говори безъ опасу и церемоніи.

— Да вотъ что у меня всегда на умѣ вертѣлось. За что это дворянъ со всѣхъ угловъ съ такимъ принужденіемъ на службу сгоняютъ?....

— А ты сгоняешь своихъ тяглыхъ на пашню? Государство—нива Божія, отъ Бога царю передава; гдѣ же на харей достанешь, если вы, лучше и родомъ и разумомъ и достаткомъ въ царствѣ на работу ходить не станете? Кто будетъ сѣять, кто будетъ жать, а не отъ нея ли и вы всѣ кормитесь? Не огороди поля, смотина придетъ, все истопчетъ и потравитъ; не огради царства, разберутъ тебя и земли и людей твоихъ сосѣди; а кто защититъ тебя?

— Все такъ, да плохой работникъ безъ доброй воли....

— Воля ребенокъ, какъ разумъ..... Тѣломъ человѣкъ какъ дерево, отъ однихъ лѣтъ выростеть; а разумъ и волю, надо учить; это серебро; положимъ рубль; не трогай его, оно навсегда такъ рублемъ и останется; а пусти его въ промыселъ, рубль одинъ можетъ умножиться до такого нумера, какого и въ цифри нѣтъ. Для этого серебра, на ростъ ни мѣры, ни конца нѣтъ.

— А много ли у царя такихъ слугъ, какъ ваше превосходительство?....

— К чему этотъ вопросъ?

— Да мудрость твоя меня вроняла.....

Кольчезъ улыбнулся.

— Какая жъ тутъ мудрость! Такой же разумъ, какъ и того дурачка, что сегодня за Котѣлкина стоялъ, да разумъ эдукованный, то есть, нѣкоимъ образомъ обученный, строгими регулами снабженный, при нѣкоторомъ карактѣрѣ, чтенія и странствованія. Могъ бы я его и болѣе, укомплектовать нужными знаніями, но служба отрываетъ

меня отъ Питербурга, таъ есть еще какое-нибудь ученымъ трудомъ подспорье.

— А ужъ на Москвѣ равно нечему научиться? Тамъ, говорить изволишь?

— Нѣтъ! То сказано въ другомъ сенсѣ (смыслѣ). А для охотника есть въ Москвѣ весьма важное училище, славно-греческая школа.

— Чему же тамъ учать?

— Разнымъ знапіямъ.....

— А развѣ надо знать еще что-нибудь окромѣ указовъ царскихъ?

Колычевъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на Степаныча, отъ котораго онъ никакъ не ожидалъ подобнаго вопроса.

— Вотъ видишь, можно быть и не глупымъ-загодькомъ, а круглымъ идиотомъ, неспѣшей. На этотъ вопросъ я тебѣ отвѣчать не буду, а напишу записку къ ея-ву преемству: пусть онъ потрудится дать тебѣ учителя, съ которымъ, до отъѣзду моего въ Питербуржъ, ты бы могъ познаться ученикомъ.....

Къ особенному радостному удивленію, Колычевъ увидѣлъ у ногъ своихъ Степаныча.

— Что съ тобой!

— Только о томъ и сплюсь мнѣ, какъ бы поучиться. Сердце у меня захватило, тебя слушая. Все знаешь, а еще и не старъ, — а я такой пенъ въ двадцать пять лѣтъ, только и знаю, что азъ, а что буки! Вѣчное спасибо!.....

— Похвально, любезный, похвально!

Въ самое это время, когда Степанычъ не успѣлъ еще подняться съ полу, вошелъ безъ доклада оберъ-полиціймейстеръ. Увидѣвъ Степаныча на колѣняхъ, онъ сказалъ:

— За этого, Степанъ Яковлевичъ, позволь ужъ мнѣ заступиться. Оказалъ мнѣ сегодня услугу: обличилъ на Спасскомъ Мосту неаарестованную злинушу, которая, какъ и ты, чай, слышала, страшила полный народъ страшнымъ судомъ, и противъ царскихъ указовъ водворала. Да какъ обличилъ, право, хитро, такъ и посадилъ голышомъ на лодку. Помилуй его, Степанъ Яковлевичъ, я, пожалуй, его на до-руки возьму,....

— И я тоже, сказалъ съ улыбкой Колычевъ: съ него

ты это взял, что я съ него въискиваю? Нѣтъ. Это онъ-то
 думалъ сегодня на смотру обиднѣлъ, что я разсказываю.

— Онъ!

— И онъ же вывелъ на чистую воду и Ефима моего,
 что я къ тебѣ прислалъ.

— Да я за тѣмъ персонально и пришелъ, чтобы спро-
 сить, что случилось?

— Негодай неблагодарный, вотъ и всё-тутъ. Пожалуй
 мнѣ изъ какого ни есть приказа дядка по-глуше, только
 бы четко писалъ, да вели по указу ко мнѣ въ разсыльщи-
 ки прислать солдатовъ съ Краснаго Крыльца, со стѣннаго
 караула, человека три, четыре. Право, команда мала, не
 удавалось. Только объ одномъ попрошу, пусть они, по обы-
 чаю, за ладъ и твоемъ ничего не берутъ; я имъ отъ кан-
 целярскихъ доходовъ награжденіе опредѣлю. А куда же ты
 Ефима сослалъ?

— Бидать въ канцелярши и влается.

— Слово-роде... Разыскъ я учиню завтра, а сегодня
 носки вечеркомъ много мыла, не-важнѣе Баниа.

— Ну, Баниа? Вонючъ, а за нѣмъ же встать у тебя въ
 ногахъ валялся?

— А затѣмъ, что учиться хотеть, а я ему обещала
 протекцію къ отцу-префекту.

— Полно такъ-ли? Хочетъ учиться, а гуляетъ по Спас-
 скому Мосту, гдѣ только развратъ и соблазнъ всякій...

— Потому, господище начальникъ московскій, что на
 Спасскомъ Мосту всякое изображеніе съ печатнымъ тол-
 кованіемъ продаютъ. Противу запрету вотъ такими ли-
 стами торгуютъ, гдѣ намалевана всякая хула на сподруч-
 никовъ царскихъ и на его царскіе указы! Извольте смот-
 рѣть.

— Гдѣ ты достала?

— Лавку-то я знаю, а хозяина нѣтъ....

— Сейчасъ забрать подъ караулъ и его и лавку...

— Не въ прокъ будетъ поспѣшность. У нихъ есть тай-
 ный складъ, гдѣ они, стараго порядка охотники, душу
 отводятъ въ свободныхъ рѣчахъ. Хочу я тѣхъ рѣчей по-
 слухать и склады разорить. Гнусно думать, нѣтъ они,
 онъ многому... амод отъ... (шепотъ)...

яко змѣни подколотные, отравой можетъ-быть и великое имя обливають, а на нихъ ни суда, ни управы нѣтъ....

Сановники съ довольною улыбкою взглянули другъ на друга. Степанычъ съ возрастающимъ жаромъ продолжалъ:

— Пусть себѣ безъ пошлщины ремень продають, пусть не клейменымъ платьемъ торгуютъ, бѣды большой нѣтъ; никому важнаго подрыву, пнымъ пропитаніе, но тутъ ужъ зло; этого покрывать нельзя, напротивъ, весьма разьскивать надлежить....

— Послушай, братецъ! сказалъ начальникъ полиціи: не хочешь ли я тебя короннымъ бурминстромъ сдѣлаю?

— Государь-генералъ! Вы сражались и честь добыли, за что же вы хотите изъ меня сыщика сдѣлать?

— Да вѣдь ты самъ....

— Я чиню это по долгу совѣсти, потому что зря зло, молчать не могу, и по охотѣ на воровъ тѣшусь, а изъ кайна на такую службу не пойду.... Тутъ есть разица....

— Истинно такъ! сказалъ Кольчезъ, вставъ съ мѣста и потрепавъ его по плечу: браваый малый! Будешь большимъ человѣкомъ! Пойдемъ нашимъ путемъ....

— Хорошо! А скопцаще?

— Я его сыскалъ, я его и доправлю.

— Безъ команды?

— У меня своя есть! Позвольте откланяться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРЕЗУСЪ.

Степанычъ проворно откланялся, сѣлъ въ колымагу и отправился въ Кожевники; не доѣзжая до Живодереннаго Мосту, приказалъ остановиться и оставя тутъ экипажъ пошелъ къ лавочкѣ лубочныхъ изображеній, которая издали красовалась уже своею пестротой. Мотковъ уже поджидалъ гостя и сидѣлъ у воротъ своего дома.

— Опоздалъ? спросилъ Степанычъ.

— Какъ-разъ въ пору; уже звонили на вечерню, скоро стануть собираться. Пойдемъ, чтобы сосѣди не подѣтили.

Вошли. Мотковъ калитку на ключъ, а самъ повелъ Степаныча въ хоромы, потому что домъ Моткова не

могъ называться иначе по обширности, чистотѣ и убранству. Образная одна чего стоила! Лампадь сколько, и всѣ серебряныя, а иконы крѣпко золоченыя. Въ большомъ покоѣ не было такъ нарядно; по всему протяженію комнаты возвышались до самаго потолка кипы лубочныхъ картинокъ. Между ними оставалась узкая дорожка, такъ, чтобы одному человѣку пройти.

— Это чтó у тебя?

— Дрянъ! Листы будничніе. Прибаутки въ лицахъ. Никакого ученія и толку въ нихъ нѣтъ: суздальскіе. Для дѣтей подлый народъ покупаетъ. Ихъ мы наружу держимъ....

— Господи, какое злое время! И съ ученіемъ наволь таятся. А много этой дряни расходуется?...

— Бездѣлица! Тысячъ до шести, до семи: а тѣ, такъ не бумага крашенная, а золото. Тысячъ до ста уже искупили. Лубки больше ста разъ перемѣняли. Куда! И счету нѣтъ. И до указа шли они не дурно, а ужъ послѣ указу, вотъ хоть и сегодня, больше сотъ трехъ продано. Нѣтъ, ересь окаинная, не маломашешь! Иной не только для себя, для знакомцевъ и для родныхъ искупить. Вѣдь доброму христіанину и ближняго спасеніе дорого. Не знаю почему, я такъ боюсь, чтобы ты въ типографское ученіе не попалъ. Пусть они, мудрецы, толкуютъ, что дворянъ не надо. Нѣтъ, кормильцы, намъ-то отъ того и трудно, что всѣ дворяне заколдованы. Пускай бѣдняки, у кого и на харчи не хватаетъ, а то богачи!.... Самъ къ ереси пристанетъ, да и волости за собой тащить; разомъ нечистому душъ много число закабалить. Оно, конечно, надо съ оглядкой, не всякаго пускай....

— Правда твоя, правда! Да много ли и такихъ разумныхъ и старинъ вѣрныхъ какъ ты?

— Ну, такъ не мало....

— Да чтó они? чай ты одинъ всю Москву отъ соблаву изображеніемъ спасаешь?....

— Не хочу солгать, насъ не мало торговцевъ. Вотъ Трифоновъ и Коскинъ въ рядахъ, Бабличекъ на Спасскомъ Мосту, да Отеря на Никольскомъ.... Есть и другіе, да у тѣхъ тайниковъ и производства нѣтъ. У нихъ только сув-

дальшее изображеніе. Правда, и тамъ есть обитрое; да такъ-себѣ, млеко; а московскихъ дубовъ листья, обитое у насъ и есть; мы на свое издѣліе пройдемъ чинимъ себе обидно — а Богъ честивый промыселъ благословляетъ!...
 Дивно, какъ еще новые порядки до производства не доберутся.

— Подъ землей, честной господинъ, у котораго нѣтъ нисъ челядь есть, такъ и челядь не знаетъ, какъ въ тайнѣ ходить. Вотъ тутъ у меня бесѣдная палата. Богу изволю всю оклемаю священными изображеніями. Тутъ, батюшка, въ этой палатѣ много ума-разума. Не одна голова придумывала. Вотъ столъ. Видишь, на немъ символы вырѣзаны. Кто символь рукою прикроетъ, да учтетъ душу думать, оущую правду увидитъ. А вотъ стулъ на четырехъ золоченыхъ голубихъ стойтъ. Кто начало держитъ, тотъ на немъ и сидитъ. Богъ тутъ кругъ старецъ Кирилъ въ пому проведетъ. Стаи посреди круга, никакое волшебство тебя не возьметъ; если чары на тебя или заговоръ положенъ, отвадутъ. Только этотъ кругъ за старца Кирилу сталъ, а те все что видишь мудростью нашего прѣзуса обобрено....

Странно показалось Степанычу, что Мотковъ, незнакомый всего новаго и заморскаго, употребилъ слово; несомненно чужеземное, но онъ боялся прерывать разговоръ съ славянѣе ультра-фанатика и продолжалъ внимательно слушать.

— Мудрѣйшая голова! говорилъ Мотковъ: да вотъ какъ жетса и онъ; раньше всѣхъ приходитъ. Пора тебе въ засаду; тутъ у меня никто не ходитъ; комната пуста; тамъ и крючекъ есть; запишись, только въ окно не смотри; увидать — беда; а потомъ сама спасибо скажутъ. Ну, садись..... Видишь, какъ стучитъ. Никто въ моемъ дому, кромѣ прѣзуса, такъ не вольничаетъ.

Степанычъ вошелъ въ сосѣднюю комнату и къ удовольствію замѣтилъ, что не только слушать, но черезъ порядочную щель въ двери по-нуждѣ и видѣть все можно: издали-таки мимо окна мелькнула не одна панна; прѣзуса и красавицу, и женская прѣзуса повела; но въ комнату еще никого не было. Наконецъ дверь растворилась и въ

валату вошелъ отвратительной наружности человекъ съ рѣдкою, дурно обросшею бородою, въ старинномъ платьѣ, на которомъ торчалъ мѣдный значокъ; за нимъ вошло еще нѣсколько человекъ, изгорбленная старуха подъ фатой, и хозяйинъ, послѣдній.

Рука моя дрожитъ. Не сказку сказываю. Знаю, что работа—моя лубочная картинка съ тѣхъ печальныхъ подлинниковъ, которыми такъ обиловало Петрово время; но эти подлинники—подлинно были въ отвратительной существенности; ихъ нѣтъ, и писатель, изображая бывшее, по уже не существующее, терлетъ половину силы впечатлѣнія, какое произвесть старался. Зачѣмъ же, скажутъ досужіе люди, — писать? Право, на это я отвѣчать не стѣмлю. Соберется компанія такихъ оригиналовъ, я съ ними сведу знакомство поближе и не могу утерпѣть, чтобы не описать ихъ, какъ умѣю... Но тутъ лицо лицу, рѣчь рѣчи рознь; глупость и невѣжество забавны; ихъ изображеніе позволительно, и, можетъ-быть, не бесполезно: и старина можетъ имѣть примѣненіе. Но тѣ же и глупость и невѣжество злонамѣренныя — уже едва-ли забавны; изображеніе ихъ не можетъ быть полно, по многимъ поводамъ, а полнота и отчетливость не позволяютъ на холстѣ оставить пустыя черныя пятна съ надписью: здѣсь имѣлъ быть образъ злонамѣреннаго невѣжи, здѣсь дерзкаго глупца. И вотъ почему я не рѣшился изсѣчь изъ моей лубочной картинки пасквилянтовъ того времени.

— «Никого же любить Богъ, токмо сего, иже съ премудростію пребываетъ», говоритъ царь Соломонъ. Такъ возгласилъ презусъ и голосъ его заставилъ Степаньча вздрогнуть и посмотреть черезъ щелку; но презусъ сидѣлъ въ очарованномъ кругѣ, на голубиныхъ креслахъ; рука его покоилась на столѣ и покрывала символы...

— «Сію возлюбилъ, — продолжалъ онъ: и поискахъ отъ юности моея, и зыскахъ невѣсту привести себѣ и любителя быхъ красоты ея»....

— Полно, учитель, сказалъ довольно рослый, и не старѣйшій мужчина. По его одѣянію; можно было догадаться, что онъ нѣкогда принадлежалъ къ духовному сану: полно отъ

священнаго писанія разсказывать. Знаемъ, что ты искусень и въ томъ и въ гражданскомъ письмѣ, чему изъ ревности къ старинѣ ты зѣло поучился. Не о томъ рѣчь. О томъ разсудить надо, что сегодня на мосту было. Уронила ты насъ, Афонья Кириловна, больно уронила. Пагубно твое отреченіе. Народъ охолодило.

— Эхъ, Семень! отвѣчала женщина: застѣнокъ не свой братъ; тебя вотъ разстригли, такъ тутъ костямъ никакого изъяну нѣтъ, а какъ поднимуть на дыбу, да встряхнуть: повиннись въ томъ, въ чемъ безгрѣшенъ.

— Эхъ, Кириловна! У тебя ума не хватило честно отойти, словами отдѣлаться....

— Да, выскочилъ бы ты изъ рукъ этого ражаго Нѣмца; ростомъ онъ показался съ колокольню; да и правду молвить, оглянулась я, поддержки ни какой.... Презусъ ушелъ....

— Я чинилъ наблюденіе изъ лавки Саввы Андренча.

— Тебя, Семень, я то же не видала....

— Я присѣлъ, чтобы тотъ съ коня не подмѣтилъ....

— Деверь Марко торчалъ одинъ, да не близко и то отъвернувшись.

— Не хотѣлъ на слугъ богомерзкаго дѣла взирать....

— Про другихъ не говорю: всѣ отъ кликуши отвернулись, отреклись отъ меня; мнѣ духъ и сталъ шептать: отрекись и ты, Афонья; Богъ тебя проститъ, а ты еще нужна и народу и дѣлу....

— Такъ тебѣ духъ и сказалъ? спросилъ презусъ.

— Такъ и сказалъ.

— Ну, такъ духу нельзя прекословить. Отложите про о мостъ. Потребно придумать нѣкое новое возбужденіе, понеже на мосту опасъ и страхъ велий. Семень, на тебя исподить всякая письменная хитрость. Что придумалъ еси?

— Да что придумалъ. Надо въ народѣ новое начало, что на Москву прислано, охатъ. Вотъ у меня такъ набросано: Ёдегъ верхомъ; его четыре бѣсѣнка на вервяхъ за носъ держать; въ рукѣ у него огонь геэппы; изъ рта такое же польмя; изъ-подъ трехконечнаго брыля, рож-

ки пробиваются; изъ-подъ сѣдла хвостъ; а тутъ онъ одной рукой кабакъ запираетъ, а другою самъ водку къ своимъ губамъ подноситъ; а здѣсь тоже одною рукою вора держать, а другою самъ изъ машины чужой доску добываетъ; а тутъ домашнее упражненіе: пляшетъ съ женами бурмистровъ и объѣзжихъ, а тѣ, дурни, плачутся; а тутъ онъ голубей жретъ, да табакомъ грѣхъ закуриваетъ; а тутъ, видишь, подростка, двѣнадцати-лѣтнюю ласкаетъ, а она у него въ рукахъ сорокой стала... Ну, и еще, что придумается. Какъ окончу, такъ все это зле на лубокъ, тиснутъ, да по воротамъ по всѣмъ, и поприклеивать. Придетъ онъ всему граду въ омерзѣніе; каждый пуце къ старинѣ прижмется..... Вотъ какъ оно переварится, да веремелется въ народѣ, тогда уже пустимъ писаніе. Въ монастыряхъ нынче ни чернила, ни перьевъ черицамъ по келліямъ держать не указано; а хочешь, пиши въ трапезѣ, подъ окомъ настоятеля. И правда, подметныхъ писемъ стало меньше; знатную выдумку подшепнулъ лукавый, и мало кознямъ его обличенія. Такъ надо тѣхъ подметныхъ писемъ сочинить не мало, а вездѣ говорить, что съ неба падаютъ. У кого голуби ученые, такъ ихъ такъ обучить, чтобы письмо надъ Москву вынесъ и бросилъ; пока письмо на землю упадетъ, птица улетитъ: ну, кто скажетъ, что не съ неба упало?...

— Знатно, Семень! закричали всѣ. Одинъ презусъ молчалъ: положивъ обѣ руки на символы, онъ поднялъ глаза горѣ: — Вижу правду, вижу истину; замыселъ похвалится.... Но, Семень, вижу, что на душѣ твоей лежитъ еще одна мысль: вскую кроешься? И велика та мысль, и много опасу, но да исполнится писаніе.

Семень оглянулся не безъ страху и вынулъ доскутокъ бумаги.

Ко всеобщему ужасу двери отворились и въ палату засѣданія вошелъ Степанычъ. Семень Разстрига, поблѣднѣвъ какъ полотно, сползъ съ кресель.... Савву ударила лихорадка. Кликуша, узнавъ своего обличителя, затряслась и завопила. Другіе по невольному чувству схватили съ головъ шапки, крестились и читали молитвы; но больше всѣхъ

перопугался презусъ. Онъ не выдержалъ, вскрикнулъ: — Степанычъ! и бросился въ двери. Степанычъ боялся потерять добычу, шевельнулся за нимъ на дворъ, но презуса уже не было; а когда Степанычъ увидѣлъ, что жалитка заперта на замокъ, отодвинулъ засовъ, отверлъ ворота и вышелъ на улицу, — презусъ былъ еще виднѣнъ на концѣ улицы; но вотъ онъ повернулъ въ переулокъ и пропалъ.... Воротиться въ палату было весьма опасно; обличенные могли рѣшиться на страшную жѣру, чтобы спасти себя. Но Степанычъ объ этомъ и не подумалъ; возвратясь, онъ нашелъ всѣхъ членовъ скония въ прежнемъ ужасѣ; только одинъ Семенъ Разстрига поднялся съ полу и жевалъ что-то; увидавъ Степаныча, онъ съ усиленіемъ проглотилъ тайную пищу, и казалось сталъ покойнѣе.

— Презусъ вашъ не уйдетъ! сказала Степанычъ торжественно, стараясь придать какъ голосу, такъ и всѣмъ движеніямъ своимъ трагическую важность. Онъ какъ-будто выросъ и вступивъ въ очарованный кругъ, и прикрывъ рукою символы, сѣлъ на предсѣдательское мѣсто: — Изжени духа нечистаго, возгласилъ онъ: и будетъ мѣсто свято. Горе вамъ, грѣшники! Сѣкира у древа лежитъ! Покайтесь и прощено вамъ будетъ беззаконіе, за которое грозитъ вамъ застѣнокъ съ мучительной пыткой, батоги, торговая казнь, на семь свѣтъ, а на томъ огонь геенны! — Знаете ли, слѣпцы, кому служили? Вору и разбойнику; пойманному на промыслѣ; онъ бѣжалъ изъ темницы, какъ бѣжалъ отъ меня. Власть имѣю надъ вами и покажу ту власть, заблудшимъ — помилваніемъ, скареднымъ — обличеніемъ. Хотите ли помилванія или обличенія?....

— Помилуй! помилуй! закричали всѣ, кромѣ Марка и Семена. Последній засучилъ рукавъ, подъ которымъ былъ намотанъ кистецъ. Степанычъ, примѣтивъ это, съ необычайною ловкостью бросился на него, одною рукою схватилъ его за рукавъ, другою за бороду и въ одно мгновеніе Семенъ очутился на полу.

— Нѣсть въ тебѣ покаянія, не уйдешь и отъ казни Веревку.

Всѣ бросились за веревкой, не исключая и Марка. Всѣ

ились съ веревками, не вернулся одинъ Марко. Свя-
 — Семена, Степанычъ опять сѣлъ на мѣсто.

— Сей не раскаялся, сказалъ онъ: хотѣлъ убить ме-
 ня, безумный, не вѣдая того, что я все вижу. Чернецъ
 ушелъ. Далеко ли? — Приведутъ его войны въ монастыр-
 ской приказъ и тамъ снимутъ съ него, недостойнаго, и чинъ
 ангельскій и одежду. Вы же, дѣти мои, творя по невѣдѣ-
 нію принесите покаяніе и въ явь и въ тайнѣ! Въ тайнѣ —
 Богу трисвятому; въ явь — властямъ Его земнымъ. Горе пи-
 шущимъ лукавства, говоритъ Исаія, и сему Разстригъ не
 будетъ помилованія. Лестію его, презуса, и чернца, вы
 были уловлены, овцы заблудшія. Разрѣшу мракъ — и бу-
 детъ утро праздничное. Запретъ его здѣсь и пойдемъ въ
 путь, который я вижу ясно. Пойдемъ! Мотковъ, предше-
 ствуй!....

Съ страннымъ смиреніемъ повиновалось скопище, ли-
 шенное трехъ главъ своихъ. Заперли Семена въ палатъ.
 Заперли домъ, калитку, ворота. Шествіе отправилось на
 Живодеренный Мостъ. Впереди шелъ Мотковъ, за нимъ
 кликуша, а тамъ члены одинъ за другимъ съ поникшими
 головами. За мостомъ, въ переулкѣ, была харчевня и по
 слову Степаныча Мотковъ повернулъ туда, за нимъ и все
 стадо. Степанычъ по пути кликнулъ свою колымагу, по-
 слалъ куда-то конюха, а колымага слѣдовала за шествіемъ.
 Въ харчевнѣ Степанычъ объявилъ имъ страшный указъ.

— Первымъ знакомъ вашего покаяніа да будетъ жертва
 бородами!....

— Господи, владыко живота моего! возопилъ Мотковъ.

— Молчи! тихо сказалъ ему Степанычъ: нето завтра
 же будешь нищъ и голъ, яко палець. А вотъ и брадо-
 брей. Садись. Съ тебя, Мотковъ, и начало. Говорю и по-
 вѣбрю: кто ослушается, того прямо въ застѣнокъ!

Начался плачь и скрежетъ зубовъ; брадобреи съ необык-
 новенною быстротою косили длинныя бороды закоренѣ-
 лыхъ любителей старины, доведенныхъ до такого позору
 опасностью своего положенія. Степанычъ, разчисливъ, что
 операція, при всемъ искусствѣ цирюльниковъ, можетъ
 продолжиться болѣе получаса, приказалъ себѣ подать хо-
 лоднаго поросенка подъ хрѣномъ, травнику и солянку съ

огурцами. Обѣдая, онъ удостоилъ разговоромъ одну клякшу, которая была, по причинѣ пола, свободна отъ взыскуціи.

— Ну, матушка, сказалъ онъ, съ тобою-то что мнѣ дѣлать?

— У тебя всякая власть есть, родимый, отпусти меня.

— А куда же я тебя отпущу?... Знаю, что тебя не помыслитъ генералъ. Вторично попалась, а попалась по родству и связямъ; да всё-таки отпустить не могу; а вотъ что, коли хочешь, могу сдѣлать. Есть у меня здѣсь на Москвѣ огородъ. Хочу на томъ огородѣ въ память сегодняшнихъ дѣлъ поставить часовню, да при ней богадѣльню, на шесть недужныхъ. Ты, матушка, еще здорова, работать можешь, такъ я тебя къ той богадѣльни для послугъ большимъ поставлю. Хочешь?

— Твоя власть! Ты и презуса изгналъ, и Семена скрутилъ, и кругъ перешелъ, и символы разрушилъ. Только одна глупость не уразумѣть, что вся власть у тебя.

— Ну, хорошо! Вотъ тебѣ, старуха, рубль, проживи на этотъ рубль сколько можешь, а выйдетъ, приходи на Антоновъ огородъ, что на выѣздѣ. Ну, а вы, бритые! Подымайтесь! Пойдемъ!

И опять, кромѣ клякши, всѣ пошпи на дворъ Моткова, взяли Семена и повели черезъ всю Москву прямо въ Кремль къ оберъ-полиціймейстеру. Степанычъ слѣдовалъ за ними въ колымагѣ. Толпа народа возрастала больше и больше, по мѣрѣ-того какъ шествіе приближалось къ Кремлю. Оберъ-полиціймейстеръ, замѣтивъ изъ окна такую толпу, послалъ за командой, а самъ вышелъ на крыльцо. Степанычъ также выскочилъ изъ колымаги и принялъ начальство надъ своею арміей.

— Вотъ моя команда, ваше превосходительство! сказалъ онъ, указывая на бритыхъ. Богъ помогъ мнѣ убѣдить ихъ въ преступномъ нечестіи. Повинились, покаались, кромѣ трехъ. Одинъ ушелъ, другой спрятался. Захочешь, същещь, но самое зло — вотъ оно. Этого возмутителя обманутые люди передаютъ тебѣ съ рукъ на руки. Въ карманѣ у него найдешь свое изображеніе съ ругательными толкованіями, а хулу на великое имя, онъ съѣлъ.

Оберъ-полциѣмейстеръ не могъ безъ смѣху смотрѣть на обрѣтыхъ, которые въ старинныхъ своихъ платьяхъ не подходили ни на старыхъ, ни на новыхъ Русскихъ.

— Не удержи насъ, господинъ генералъ! сказалъ Степанычъ. Намъ еще много дѣла. Ряды еще не заперты, хотимъ уже сегодня все покончить; платье въ рядахъ испунить, да людьми стать, какъ пристойно богатымъ и честнымъ торговцамъ.

— Хорошо! ступайте, да помните, что если по сыску кто окажется къ свидѣтельству или очной ставкѣ нуженъ, являйся безотговорочно; нето пощады не будетъ. А этого молодца, обыскавъ, отведите въ сторожку....

— Ну, ребята, сказалъ Степанычъ, отходя съ своими бритыми отъ крыльца: ступайте и закупайте себѣ платье пока не смерклося, и рядовъ не заперли. У меня свое есть, мнѣ не нужно. А ты, Савва, прибавилъ шопотомъ Степанычъ: воротись домой всякое дурное изображеніе или пошги, или отнеси самъ къ генералу, а нето какъ Семена въ застѣнкѣ встряхнуть, такъ онъ про все расскажетъ. Хуже будетъ! Ну, прощайте! Спасибо за потѣху....

Степанычъ вѣхалъ домой очень не покоенъ. Несмотря на то, что презусъ былъ съ бородой, нельзя однако же было не узнать въ немъ Пахомыча, стараго нашего знакоца.— Тайна Степаныча, про которую въ дневныхъ своихъ подвигахъ онъ совсѣмъ было забылъ, стала его беспокоить. На всей Москвѣ только одинъ Пахомычъ и могъ обличить подлогъ, и отъ страху пытки и казни, несомнительно объявилъ бы государево слово и дѣло.... Грусть закралась въ сердце Степаныча, но была пріятно разогнана, какъ только онъ вошелъ въ свои покои.... Не успѣлъ онъ отворить дверей, какъ на шеѣ у него повисла Малаша, а Семень Романычъ съ отверзтыми объятіями шелъ ему на встрѣчу. Радость свиданія была не продолжительна. Нѣсколько словъ Меланьи возбудили прежнюю грусть.

— У самого приказа, куда Семень Романычъ пошелъ справку взять, гдѣ ты присталъ...—такъ говорила она: сижу я въ повозкѣ и на Москву люблюсь; глаза у меня такъ и разбѣжались; и зѣваю на соборы, на меня люди зѣваютъ; поглядѣла я на каменное строеніе, думаю себѣ: тутъ и люди долж-

Вѣи быть иванѣ, поглядѣли: Богъ такъ; возгъ меня, у самой повозки, стоитъ Пахомычъ, только съ бородой; а тѣмъ и вскрикнула, да и спряталась.... Онъ къ повозкѣ и подошелъ: Меланья Ивановна, говоритъ: какъ Богъ сюда занесъ? Видно, съ Иваномъ Степанычемъ пожаловали; а гдѣ приехали? Я молчу, не знаю, что сказать; на мое счастье Семенъ Романычъ изъ приказа вышелъ; Пахомычъ видно завидѣлъ его, отскочилъ и пропалъ въ толпѣ....

— Такъ и есть! Не ладно.... Не хорошо, когда узнаешь; да Богъ милостивъ; надо изъ этой харчевни, куда ни есть по-дальше переѣхать. Тутъ того и гляди на бѣду наткнешься. Ну, да говорю, Богъ милостивъ; на него все мое упованіе; не за себя плачу; не за себя на опасное дѣло пустился. Авось Пахомычъ сторонить отъ насъ будетъ; ушелъ онъ отъ меня, ушелъ отъ Семена Романыча, не уйдетъ отъ вислицы.... Ну, Меланья, ну. Семенъ Романычъ, каково-то вы поживаете?....

— Эхъ, Иванъ Степанычъ, наградилъ ты меня не женой, а золотомъ; клалъ, не баба! Окончился воровскій сыскъ; до пяти сотъ издрвилъ; чай отдохнуть дадутъ хотѣ на мѣсяцъ; хотѣлось бы на Москвѣ пожить, дѣлшки по устроить, и тогда уже въ полкъ. Воровская война только опасна, а никакого отличія. Да какъ укажетъ губернаторъ. Завтра пойду къ нему на явку.

— Дѣлшки! прервалъ Степанычъ: денегъ я тебѣ не мало далъ, надо передать и огороды, да не хочется; возьми ты за нихъ деньгами, а огороды оставь мнѣ. Хочу на нихъ часовню съ богадельней поставить въ память моего дѣтства и добраго Антона....

— Какія еще деньги! Ты мнѣ больше далъ, чѣмъ общалъ. Что за счеты! Я объ нихъ и думать забылъ.....

И въ такихъ и подобныхъ разговорахъ доболтался онъ до полуночи.

Поутру чуть свѣтъ, Степанычъ на красномъ Оружьи былъ уже на полковой площади. Фендрихъ Юрій Петровичъ Бусточкинъ доболался на его молоденцкую явку....

— Знатно, кричалъ фендрихъ: ты бѣлицы не по науку, но будешь важный драгунъ. Три, четыре полковыя унтеръ и готовъ.... Только знаешь ли, тебѣ надо и пѣхотиную

службу пройти. Въ такомъ солдатѣ, что пѣхотный арти-
кулъ знаетъ, два угодя. Скоро въ чинъ офицерскій до-
падешь. Доводитъ тебѣ гордожать. Слывай-ка, бери ружье
и выдрахивай. Эй, канрадь, подай мушкетъ.

Подали ружье. Фендрикъ усталъ. Степаныча въ пози-
цію и сказалъ:

— Индальтерская служба, почитай, нѣсколько труднѣе
всякой другой экзерциции, того-ля, что требуется знать
отва и адресу. Когда начальникъ перель фронтомъ ста-
нетъ и скажетъ: «Слушай!» того-ля, чтобы команда слу-
шала, какое будетъ командованіе и приказаніе, тогда дер-
жа на меня уставъ, и держи себя всемѣрно тихо, ни гуку,
зоть бы у тебя зубы болѣли... Ну! Приказано: Слушай!

Съ минутой фендрихъ сохранилъ молчаніе и Степаныча
тоже.

— Ну, теперь дальше. Клади на мушкетъ руку! Под-
ыме мушкетъ! Мушкетъ на караулъ!

— Вотъ ужъ этого не знаю, послѣднато, что оно зна-
читъ...

— Само по-себѣ оно такъ-себѣ, то есть, на караулъ, а
дѣлать этого темъ такъ надо. Вотъ есть стрелъ темъ
и есть караулъ. Понялъ?

— Понялъ.

— Ну, дальше: Мушкетъ впередъ себя! Хорошо, такъ!
Бери за дуло... Тихо, да прививайцай въ ушко дуло!
Мушкетъ къ ногъ! Хорошо. Дальше! Отпусти руку до му-
шкету! Выступи правой ногою! Проложи мушкетъ! Моло-
децъ! Ну, первой такія канрадь! Прикажи фендре, какъ
я тебя съ солдатами въ пѣхотный строй поставлю, а съ
первою экзерцицію на дѣль проведу. Безъ полноты
скажу, что я имѣю удовольіе, что ты въ пѣхоту во-
деридию будешь дождливо разумѣть. Ну, повторить-ка
еще разъ...

Повторили беззащитно. Фендрихъ былъ въ восторгѣ.

— То есть, я тебѣ говорю, скажалъ онъ, нѣтъ предсе-во
всей арміи не будетъ такого солдата. Коли какому про-
скажи, порода въ менишковъ или черемисскій конский
полконтъ. Самые умные люди, весь полкъ, дѣль, какому

....

и дьяволакъ дѣтей соориврованъ; простытъ драгуновъ, что за охота служить. Ну, прощай, до завтра.

Возвратясь домой, Степанычъ не засталъ Семена Романчы: онъ пошелъ на яву къ губернатору и воротился очень довольнымъ....

— Правда, опять дѣло, да по-малой-мѣрѣ въ Москвѣ, слышалъ онъ: губернаторъ говоритъ, что онъ, объ своихъ заслугахъ въ губерніи, писалъ и въ полкъ и къ военную коллегію, и часть для меня награды, а тѣмъ временемъ приказалъ открыть, изловить и въ новую канцелярію представить воровъ и мошенниковъ, конхъ должна быть большая шайка на Москвѣ и притонъ ихъ сыскать... Тяжело, статья-кажется и не успѣю, да время на Москвѣ проволочу.... Признаюсь, я больно бы желалъ теперь поимать Пахомыча. Не я буду, если онъ не презусомъ и у воровъ, такъ какъ у бородъ. Что ему безъ такого промысла на Москвѣ дѣлать?...

— Вѣроятно, Семень Романчычъ, а я тебѣ въ подмогу дамъ знатнаго сыщика. Что, Тараканъ не бывалъ?

— Какъ не бывать! отвѣчалъ Сергѣй, да еще и не одинъ.

— А съ кѣмъ?

— Помомарь кѣмъ-то приходилъ съ нимъ, сталъ про сестрицу вашу разспрашивать, и про васъ.

— Ну!

— Говорить: кто тутъ оставшился?... Я и говорю: Иванъ Степанычъ Костыльковъ.—Онъ только руки себѣ потеръ. А это съ нимъ женщина какал?... Сестра, говорю.... Знаешь, знаешь! и опять потеръ руки. А на-долго? Надоѣлъ онъ мнѣ съ разспросами, я и говорю: завтра чуть свѣтъ въ Питербурхъ ѣдемъ. Сказано укладываться.... Завтра, ну, такъ звать нечего, мы еще сегодня зайдемъ.—И схватилъ за руку Таракана, да и потащилъ за собою.

— Слышишь, Семень Романчычъ, это былъ Пахомычъ. Тутъ сумѣнія быть не можетъ. А Тараканъ и самъ изъ ночныхъ гостей, такъ держи только ухо остро. Съ! Кто-то идетъ. Потрудись съ сестрою въ тотъ походъ отойти. Должно быть Тараканъ ползеть....

И Степанычъ не ошибся. На лицѣ Никитки было написано умиленіе.

— Ну, Таракашка, видно пожару-то не бывать, коли тараканы покойно ползаютъ....

Тараканъ поблѣднѣлъ въ одно мгновеніе, какъ полотно и затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Чтò бы это могло значить? подумалъ Степанычъ. А съ кѣмъ ты былъ сегодня здѣсь, Таракашка? А?...

— Гдѣ здѣсь?

— У монхъ покоевъ....

— Съ знакомцемъ, батюшка; говоритъ, будто тебя наизусть, какъ свои пять пальцевъ знаетъ....

— Такъ отъ чего же ко мнѣ не зашелъ?

— Тебя дома не было.

— Ну, а какъ же твоего знаконца зовутъ?

— Да какъ его зовутъ. Не то, чтобъ имя у него было, а такъ, кличка: «Горячая Лапа», а иной его по-нѣмецки называетъ «Сенька Фптиль», а на рынкахъ «Юлой» зовутъ, а гдѣ «Буравчикомъ»....

— А гдѣ же онъ живетъ?

— Да нигдѣ. Гдѣ придется, переночуетъ, а гдѣ у него домъ, не вѣдаю.

— Сергѣй, ступай-себѣ, да приудержи двери, чтобы Тараканъ не ушелъ....

— Государь, честной господинъ, чтò ты хочешь дѣлать? съ ужасомъ спросилъ Никитка.

— Да чтò? Ты купецъ, хочи съ тобой поторговаться. Продай мнѣ Буравчика; знатно заплачу....

— Право, честной господинъ, въ толкъ не возьму.

— Послушай, Тараканъ! Говорю съ тобой не для шутки. Будешь ломаться, самого взломаю, хуже всякаго застѣника. Говорю не для пристрастія токмо, а истинную правду. Вотъ чтò. Этотъ Буравчикъ—по-нашему Пахомычъ и я его знаю, онъ воръ, тать ночной, изъ ученыхъ; сорвался изъ острога; бороду отпустилъ и бородачей дурачить; на Москвѣ воровской промыселъ держитъ; теперь и на насъ злое дѣло умыслилъ. Ты, Никитка, тоже воръ; всякимъ запретнымъ товаромъ торгуешь. Приказано мнѣ всѣхъ

вась воровъ сыскать и гдѣ кого поймаю па дѣлѣ, того не вязать, а вѣшать. И я съ тебя перваго начну.

— За что, государь, отецъ родной?....

— За ремень, что у тебя въ сапогахъ и за пазухой. Улика на лицо. Подавай его сюда. Семенъ Ромаповичъ, пожалуй! Для суда судьи и свидѣтели нужны.

Увидѣвъ сыщика, котораго зналъ въ лицо, и про котораго не мало всякихъ ужасовъ слышалъ, контрабандистъ повалился въ ноги и возопилъ: «Насталъ мой часъ послѣдній!»

Степаньчъ, не изъясляя ни малѣйшаго признаку жалости, обратился къ Лукѣмкину и сказалъ:

— Какъ же, Сергѣй Ромавычъ, его вѣшать? Тутъ въ конатѣ на мѣстѣ уличенія, или перестъ рядами?

— Можно и помиловать, Иванъ Степаньчъ, если по доносу, на него учиненному, подасть истинную сказку; если же нѣтъ, вѣшай гдѣ угодно; только ремень и другой запретный товаръ, какимъ торгуетъ, въ ротъ и въ руки вложи. Тогда ужъ и вѣшай!....

— Батюшки, отцы родные, помилуйте: всю правду сущую скажу....

— Ну, такъ цѣлуй икону и рассказывай! сказалъ Лукѣмкинъ; снялъ небольшой деревянный образъ изъ угла и поднесъ къ Никитѣ. Контрабандистъ поцѣловалъ икону дрожащими устами, стоя на колѣняхъ и перекрестился.

— Ну, сказали судьи и усѣлись.

— Я никакимъ запретнымъ товаромъ не торгую....

— А ремень?....

— Только жъ ремень. Да про ремень въ указѣ ничего не сказано. Тамъ говорится, что запретный товаръ: каламенки, полукаламенки, стамеды, полотно, что ниже рубля аршинъ, да карты всякихъ рукъ; вотъ запрещенный товаръ, а ремню въ томъ указѣ нѣтъ.

— Да въ другомъ есть....

— Въ другомъ есть.... виноватъ, никогда не буду..... позабылъ про тотъ указъ; и грамотѣй я плохой.... право, не буду... только помиуйте!

— А кто же на Москвѣ тѣмъ запретными товарами торгуетъ?....

— А ишь какъ знать?

— Постарайся, кони не хочешь на крючкѣ болтаться...

— Докладно не знаю, а слышать слышалъ, что за Рогожской Воставой, на валу, есть подземный складъ, да какихъ купцовъ, право не вѣдаю.....

— Послушай, Семень Романычъ! Такъ мы съ нимъ толку не добьемся. Послать его лучше въ застѣнокъ: память у него пришибле, а встряхнуть разокъ на дыбѣ, все вспомнитъ.....

— Пожалуй!

— Не надо, не надо. И такъ все расскажу, что знаю....

— Ну.....

— Голый Хвостъ, Бануневъ и Яблочкины оба; у нихъ въ рядахъ въ лавкахъ нѣтъ, а продаемъ мыгъ подъ-рукой....

— Кто мыгъ?

— Мелкіе торговцы.....

— Кто именно?....

— Да вотъ я.... Всѣхъ не перечесть.....

— Ну, хорошо, этихъ мы перечтемъ и послѣ. А твой ремень гдѣ?....

— Далече, подѣ Всесвятскимъ, у мызника.

— Много ли?

— Пудовъ шесть, не больше. Остатки отъ зеленой лавки: въ оптекарскій приказъ не взял, куда же мнѣ дѣвать?

— Врешь.

— Вру..... виноватъ, не буду.....

— Ну, а гдѣ же ты его покупаешь?

— Базилика, немногосердуй, не допытывайся, этакъ ты весь торгъ разоришь.....

— Не умничай, а рассказывай. Гдѣ ты покупаешь?

— Копытасейский есть! Въ Сибири одни помнятъ, другіе въ Нижній привозятъ, а мы ужъ изъ Нижняго беремъ, да по городамъ и развозимъ.....

— Ну, эта статья кончена, скажи Лупоманнѣ: Теверь скажи намъ, гдѣ воры и разбойники московскіе притонъ ищутъ?

— Да я развѣ верь какой!

— Ворвской торговецъ—тотъ же воръ, и ворвѣ при-

держиваться долженъ; однимъ безъ другихъ быть нельзя; кто запретный товаръ умѣетъ сбывать, тотъ и крадешому мѣсто примцетъ.....

— Вотъ, перебилъ Степанычъ: хоть бы эти часы у кого ты укралъ?....

— Да не я укралъ.

— А кто же?

— Не знаю, а Горячая Лапа отдалъ мнѣ ихъ продать богатымъ людямъ, потому что онъ между дворянами не торгуетъ, а я всегда, дурень, съ ними лкшаюсь. Вотъ и попался!....

— А гдѣ же Горячая Лапа живетъ?

— Вотъ ужъ про это и повѣсите, ни слова не скажу. Этого онъ и самъ не знаетъ. Иной день на рынокъ нечувствъ, чаще въ торговыхъ баняхъ, а иной разъ въ вольныхъ домахъ, гдѣ прилучится. А когда до него дѣло у кого есть, такъ у него на стѣнѣ у самой типографіи кружка своя есть; кому нужно его видѣть, приходи и кинь туда серебряную дсягу, и ступай часу въ третьемъ ночи за Донской къ Климу на дворъ, гдѣ платье стряпаютъ, тамъ ужъ онъ и сидитъ. Тамъ у него воровская сходка.— А если ему надо товарищей собрать — такъ онъ всю Москву долженъ обѣгать и въ урочныхъ мѣстахъ, больше на рынкахъ, деревянные кресты навѣсить; послѣ вечерень, всѣ до единого соберутся въ Лаковскія торговыя бани; будто парятъ, а ужъ о своемъ дѣлѣ переговоры неотмѣнно.

— Ну, а сегодня гдѣ у нихъ сходка?

— Какая сходка?....

— Послушай ты, Тараканъ, теиерь ужъ не вернешь словъ своихъ, такъ лучше до-чиста рассказывай: скорѣе помилуемъ.....

— На васъ сходка чай уже была. Вчера еще новѣстль; да и не такъ, чтобъ и повѣстка нужна была. Огонь увидать, сами набѣгутъ.....

— Огонь! вскочивъ, сказалъ Степанычъ.....

— Видишь, милостивецъ, только не выдай меня: Горячая Лапа, отъ того и прозвище такое. Самъ-то онъ мнѣ ничего не сказалъ; мы съ нимъ не на воровской, а на торговой ногѣ; а встрѣлся мнѣ Зелайкинъ, самый страшиный

изъ нихъ. Отъ него я свѣдалъ, что быть сегодня послѣ вечерень на этой улицѣ большой кутерьмъ. Безъ огня, чему же быть?....

— Допросъ конченъ! сказалъ Лукомкинъ: Сергѣй, позови моихъ деньщиковъ.

— Чѣмъ меня помилуешь, батюшка кормилецъ!

— А вотъ увидишь! Возьмите-ка, ребята, этого молодца, да проводите въ полицейскую канцелярію, гдѣ сыскной приказъ быть. Да потомъ кликните ко мнѣ сержанта Лукича. Ступай, Тараканъ! Не трусь! Тамъ только посидишь, а тебѣ ничего худаго не сдѣлаютъ. За твою правду помилуютъ; я ужъ на томъ настою. Вотъ я только сдѣлаю распорядокъ, сейчасъ самъ въ приказъ буду; повѣрь моему слову и не трусь; авось еще и награду выхлопочу, коли все безъ обману объявишь. Ну, ступайте, да путь держите такъ, будто каждый особнякомъ идетъ по своему дѣлу; съ встрѣчными не говорить, а привяжется кто, объяви: некогда, извини, за дѣломъ спѣшу!.... Ступайте!

— Дѣло не легкое! сказалъ Лукомкинъ: бѣда какъ подмѣтять; надо обману поддаться, да страшно пожару; тутъ мѣсто людное, строенье тѣсное, пол-Москвы можетъ охватить, а огнегасительныхъ машинъ не таскать же теперь днемъ: тогда не поймаетъ вора на дѣлѣ; только испугаешь. Про Таракановъ арестъ завтра свѣдаютъ; не безъ того, чтобы у Пахомыча своихъ людей въ приказъ не было; изъ Москвы уйдутъ. Деньгу ему бросить, тоже опоздаешь, пол-Москвы выгоритъ. Будь, что будетъ, надо принять мѣры.....

Вскорѣ пришелъ и сержантъ Лукичъ, получилъ подробныя наставленія и отправился за командой. Лукомкинъ вошелъ въ приказъ и вернулся уже во время вечерень, когда по расчету его все было готово къ принятію вожделѣнныхъ гостей. Не успѣлъ онъ рассказать, какъ все расворяжено, по всему трактиру поднялась суматоха и бѣготня. Раздавались крики: «Огонь, пожаръ!!... Лукомкинъ и Степаныхъчъ поспѣшили къ своимъ засадамъ; въ корридорѣ уже почувствовали сильный запахъ дыму; по счастью, у обонхъ вещей не много было, Сергѣй и конюхи проворно схватили свою рухлядь и съ Мелашей поспѣшили выйти

на улицу. Тутъ они увидѣли, что дымъ уже подымался густымъ столбомъ; огонь огромнымъ языкомъ выскакивалъ изъ середины строения, такъ что къ гашенію пожара и приступить было трудно. Народъ, всегдашній любитель подобныхъ зрѣлищъ, густою толпою тѣснился на улицѣ... По распоряженію, еще заранѣе сдѣланному, Малашу посадили въ колымагу и повезли-было въ Кремль, но толпа такъ загородила дорогу, что невозможно было проѣхать, и не далѣе какъ шагахъ въ пятидесяти, колымага должна была остановиться. Малаша съ ужасомъ глядѣла на картину, которая росла на ея глазахъ: въ нѣсколько мгновеній цѣла восторжествовало надъ сухимъ деревомъ, и освѣтило людской муравейникъ. Всѣ шесть московскихъ гарнизонныхъ полковниковъ присѣли съ своими командами. Топоры, вѣра, кошело, лопаты, крюки, багры, трубы, шты, паруса, ломы, всѣ тогдашніе пожарные инструменты деслись въ огромномъ числѣ мимо колымаги. Губернаторъ, вице-губернаторъ, оберъ-полиціеимейстеръ, стольникъ Кольчевъ, полковники гарнизона, всѣ проѣхали мимо Меланьи и очистили путь колымагѣ. Вдругъ послышались крики сзади и спереди; кто-то упалъ и съ козелъ, и съ запятокъ. «Раздайся!» закричалъ кто-то съ козелъ неизвѣстнымъ голосомъ, и колымага поѣхала, смотря по многолюдству, довольно быстро. Меланья лишилась чувствъ—и очнулась въ душной комнатѣ, илюхо освѣщенной ночникомъ или столпимъ на полу свѣтильникомъ.

— Гдѣ я? спросила она, съ трудомъ переводя дыханіе.....

— Не изволь беспокоиться.... Исторжена еси изъ когтей геэнны.

По голосу она узнала Пахомыча и чувства снова оставили се.....

— Охъ, Лава! сказалъ грубый голосъ: всегда я толковалъ тебѣ, что не доведетъ насъ до добра твое женское лакомство; вотъ тебѣ и добыча. Всѣхъ людей перетратили, а добыли дѣвку и пустую повозку. Чай и ту унесли вѣрныя кони.

— Люди воротятся, Зелейкинъ, только повозку убрать

надо. А то такъ и набѣгутъ на нее; словно фонарь торчатъ.

— Ну, такъ ступай ты, Лана, и отъѣзжай куда по-дальше, а если можно проберись за городъ. Лошади важныя, продать можно.....

— Ужъ лучше ты, Зелейкинъ. Миѣ вотъ хочется съ любовишкой моею перемолвить.

— Нѣтъ, ужъ не на дурака попалъ! Я изъ засады не выѣзду, того гляди наткнуся на сыщика; видѣлъ ты команда какая высъшала, а съ дѣвкой и я толковать съумѣю.

Стукъ у дверей заставилъ смолкнуть обонхъ; но такъ какъ стукъ раздался по условію, то оба и бросились отворять двери.—Третій вскочилъ запыхавшись и съ трудомъ могъ вымолвить: «солдаты!»

— Гдѣ солдаты?

— За мной!....

— За чѣмъ же ты ихъ на бани навелъ?....

— А куда же миѣ было дѣваться. Я чаялъ, что васъ тутъ много, а солдатовъ-то всего трое съ офицеромъ; прочіе на пожарѣ.

— Трое! закричалъ Зелейкинъ и схватилъ за горло Пахомыча: Стрѣлка, распутай кушакъ!....

— Что ты хочешь дѣлать?

— Повѣсить Лапу! Мы пробьемся, а его, труса, захватятъ. Всѣхъ выдастъ. Слышь, падутъ! поясъ!...

Пахомычъ только мычалъ и моталъ руками, но не могъ вырваться изъ дюжихъ лапъ Зелейкина.—Страшный замыселъ Зелейкина исполнился сугубо. Ножъ и веревка.... двойною смертію погибъ Пахомычъ, но и убійцы не ушли отъ казни; Зелейкинъ задулъ ночникъ. Мелашья сподзла съ прилавка и спряталась. Напрасно Зелейкинъ шарилъ и искалъ еще одной жертвы, которая, не хуже Пахомыча, могла обличить его; Мелашья нигдѣ не было. Щаря въ потьмахъ, Зелейкинъ не могъ видѣть, что люкъ, который открывался для спуска воды, когда чистили баню, былъ открытъ, оступился, и упалъ въ яму; правда, онъ удержался на рукахъ, но выѣзтъ никакъ не могъ... Стрѣлка, Стрѣлка! закричалъ онъ и этотъ крикъ погубилъ

его въ-доставь. Отъ сильнаго удару двери соскочили съ петель и фонари освѣтили страшную картину злодѣйства. Зелейкинъ и Стрѣлка были схвачены, и связаны въ одно мгновеніе. Но каково было изумленіе Лукомкина, когда изъ-подъ прилавка выползла испачканная, блѣдная женщина и когда въ этой женщинѣ онъ узналъ жену свою!

— Ты какъ попала сюда? закричалъ онъ: ты не въ Кремль? Значить..... Но гдѣ же Пахомычъ?....

Меланья отвернулась и указала въ ту сторону, гдѣ болтался Пахомычъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

долги.

Пожаръ продолжался. Присутствіе начальниковъ, отличное дѣйствіе гарнизона, тихая погода, все это помогало унимать пламя, которое видимо смиралось. Оно какъ будто удовольствовалося постояльимъ дворомъ и не обидѣло ни одного сосѣда. Степанычъ, отправивъ въ колымагѣ сестру, сталъ совершенно покоенъ и бросился помогать сосѣдямъ, которыхъ онъ вовсе не зналъ и не намѣренъ былъ съ ними знакомиться. Бѣгая по нумерамъ, онъ замѣтилъ, что всѣ уже пусты; можетъ-быть, вещи были обречены на жертву, но люди успѣли убраться. Въ самомъ только отдаленномъ покоѣ, откуда дымъ валилъ облаками, слышался глухой стонъ, и хрипѣніе; не думая о себѣ, онъ вбѣжалъ въ комнату и сквозь дымъ, выѣдавшій глаза, замѣтилъ человѣческое тѣло, которое издавало предсмертные звуки. Степанычъ бросился, схватилъ умирающаго и не безъ труда вытащилъ, не на улицу, а на дворъ, тяжелое бремя. Тутъ, въ суматохѣ, онъ примѣтилъ, что дѣйствіемъ гарнизона, высокая деревянная стѣна отдѣлявшая постояльій дворъ отъ чужаго огорода, — сломана, и собравъ всѣ силы, онъ понесъ свое бремя прямо на чужой териториумъ. Оглянувшись, онъ примѣтилъ скамейку и положилъ на него бездушное тѣло. Тутъ только увидѣлъ онъ, что ноша его былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-двухъ трехъ не больше; онъ былъ, какъ говорится, въ бѣльѣ. Ноги у него были обмотаны суконками и

перевязками.—Хотя погода стояла тихая, но не забудьте, что въ исходѣ сентября, ночью, въ Москвѣ, не такъ-то бываетъ тепло—и Степанычъ бросился искать, чѣмъ бы на первый случай хотя прикрыть больнаго. Увидавъ, что въ концѣ этого огорода стоитъ довольно опрятный домикъ съ стекольчатымъ крыльцомъ, Степанычъ безъ церемоніи вбѣжалъ на лѣстницу и попалъ въ довольно большую компанію. На крыльцѣ сидѣлъ старикъ лѣтъ шестидесяти, но свѣжій и бодрый, въ стеганомъ халатѣ и визаномъ колпакѣ, и курилъ трубку; возлѣ, на скамьяхъ придвинутыхъ къ стѣнамъ дома, рядомъ сидѣло нѣсколько женщинъ. Степанычъ замѣтилъ, что старикъ былъ въ сильномъ негодованіи; одушевленная бесѣда была прервана неожиданнымъ появленіемъ Степаныча.

— Зачѣмъ сюда! закричалъ старикъ: не входи на лѣстницу, нето мы тебя кочергами и всякимъ дреколѣмъ.....

И въ самомъ дѣлѣ, въ правой рукѣ у старика показалась кочерга; дамы также приподняли какое-то домашнее оружіе, котораго Степанычъ не заблагоразсудилъ разсматривать.

— За что? спросилъ Степанычъ.

— За то, что мѣсто наше свято! Огонь во власти Божіей, да у меня крышка желѣзная, и домъ кирпичный. Вотъ развѣ на крыльцо головня упадетъ; отстоимъ..... Такъ огня не боюсь, да и ночныхъ гостей также. Отойди! Ступай, откуда пришелъ!

— Дивно, что при такомъ огнѣ не изволишь раскозвать, кто воръ, а кто честной человѣкъ; кто дворянинъ, а кто изъ подлыхъ.....

— Дворянству твоему честь, да насъ не тревожь, изволь отваливать.....

— Не для себя пришелъ я, честной господинъ! Товарищъ у меня больной; я его изъ пожара вынесъ; если и не захохоталъ, такъ замерзнетъ; нѣтъ ли у тебя одѣяла какого?....

— Мало ли чего нѣтъ, да себѣ нужно. Поди, потомъ същещь!

— Да я твоей милости пять рублей закладу оставлю, да за прокатъ, пожалуй, себѣ рубль вычти.....

— Тодковій! Вотъ такъ бы съ-разу и сказалъ. Давай деньги.....

— Вотъ твои деньги.....

— Постой, постой, на лѣстницу не изволь ходить, положи деньги вонъ на ту половицу. Вотъ такъ. Груща, принеси свое одѣяло.

— Да у меня, батюшка, не совсѣмъ дѣло....

— Лишь бы тепло. Ступай, Груща, а нето дворяннѣ замерзнетъ. Надо быть челоѣколюбцемъ. И то сказать, погорѣльцй. Экая притча, право! Такъ нынѣ стали часты пожары, что не приведи Боже. Зажигальщиковъ по уложенью не казнятъ, берутъ въ каторгу, они себѣ и тѣшатся.

— Зато же сегодня и наловятъ злодѣевъ, что рыбъ въ добрый ловъ.

— Ой ли? Что ты, батюшка, говоришь....

— Да, ужъ мой зять не промахъ. На этомъ промыслѣ добылъ себѣ многую честь и славу....

— Вотъ тебѣ разъ, говоришь: дворяннѣ, а у зятя у твоего такой дурной промыселъ.

— Какой промыселъ? Зять мой сынчикъ Карамзина полка, лейтенантъ Лукомкинъ....

— Лукомкинъ! Батюшки свѣты! Ономясь, такъ, зашелъ въ приказъ по привычкѣ, сталъ куранты питербургскіе прочитывать; чудеса про Лукомкина отпечатаны.... Мавруша, поди принеси перину. Не возьми во гнѣвъ, честной господишь, все всего вижу, что онезнался....

Старикъ проторно пригнулся, будто кланяясь, подобралъ рубли, да въ карманъ въ исподнее платье и упряталъ.

— А гдѣ же твой больной?....

— У тебя въ саду....

— У меня въ саду?.... Да какъ же вы пробрались?....

— Дорога гладкая.... Заборъ сломанъ....

— Заборъ сломанъ! закричалъ старикъ и уронилъ трубку: Заплатятъ! И за трубку заплатятъ! Не на такового цапади! Кто сломалъ? Кто смѣлъ сломать?

— Оберъ полицмейстеръ приказалъ....

Это замѣчаніе охладило нѣсколько гнѣвъ старика.

— Всѣ-равно! сказалъ онъ: казна богата! Да вы-то какъ смѣли въ чужой дворъ вносить заразу?....

— Какую заразу?

— Больной — и кончено. Я почему знаю какая у него болѣзнь!....

— По всему думаю, у него ноги отнялись. Да впрочемъ какъ изволишь, давай мои деньги; я моего больного дальше понесу.

— Да отчего же ему и въ моемъ саду не лежать! ска- залъ старикъ, опомнясь: Вотъ одѣяло, вотъ и перина, за тѣ же деньги....

— То-то же, старикъ. Изъ драни сталъ торговаться. А помочь бы, я не пятью рублями наградишь бы твое усер- діе....

— Ночное время, честной господинъ, тати, пожаръ, сумнительство и разоренье. Одурѣешь; вотъ какъ я те- перь въ толкъ взялъ, да смѣкнулъ, такъ самъ бѣгу на по- мощь ближнему....

И старикъ дѣйствительно послѣдовалъ за Степанычемъ. Воздухъ ли, или натура спасли больного; онъ уже открылъ глаза и вдыхалъ въ себя чистый, свѣжій воздухъ. Уви- давъ Степаныча, который покрывалъ его теплымъ одѣя- ломъ, молодой человекъ спросилъ тихо:

— Что такое? Гдѣ я? Кто меня спасъ? Гдѣ этотъ раз- бойникъ?

— Какой разбойникъ?....

— Слуга Прохоръ....

— Чей слуга?

— Трактирный!—Приѣхалъ я въ субботу; дорогою у ме- ня ноги испортились; послалъ я Прохора за лекаремъ; онъ мнѣ привелъ аптекаря; тотъ окрутилъ мои поги травой и водой какой-то; хуже стало; совсѣмъ отнялись. Лежу се- годня; стали къ вечеру звонить; Прохоръ и пришелъ. Ну, что слышно?—«Все, слава Богу, хорошо слышно, гово- рить. Сейчасъ пожаръ будетъ. Уже подожгли огонь. Тебѣ теперь денегъ не надо, ты себѣ сгоришь; такъ я ихъ возь- му, прощай!» И ухвативъ изъ-подъ подушки кошель, ушелъ, я и крикнуть не успѣлъ, дымъ такъ и повалилъ

изъ сосѣдней компанты; тамъ никто не стоялъ; тамъ-то они и пожаръ затѣли....

— А много было денегъ? съ живостью спросилъ старикъ.

— Какія тамъ деньги; не даль же какая; и ста версть вѣтъ. Взялъ съ собою сущую дрянъ, сотни три съ небольшимъ, пока назначать на службу; а тогда маменька пришлетъ, куда укажу. Чтò деньги—плѣвое дѣло, да ноги....

— Деньги—дрянъ!! Деньги плѣвое дѣло!!! Да чтò у тебя—серебро въ землѣ, чтò ли?.... вскричалъ старикъ.

— И те сказать, продолжалъ молодой человекъ: совѣстно. Въ прошлый смотръ Степанъ Яковлевичъ отпустилъ меня за глазами, болѣли сильно; а въ этотъ смотръ—опять недугъ. Еще пожалуй, подумаетъ....

— Стольникъ Колычевъ, чтò ли?

— Да!

— Не бойся! Ничего не подумаетъ. Миѣ онъ повѣрить....

— А ты кто?

— Такой же, какъ и ты, дворянинъ и помѣщикъ, и за тѣмъ же въ Москвѣ. Только я уже на службѣ, въ драгунахъ. Не успѣлъ себѣ пошить формы, а уже служу. И ты не печалься! Выздоровѣешь, только не лечись. Объ деньгахъ не думай, пока изъ дому пришлютъ, у меня бери; все это трынъ-трава....

— Деньги трынъ-трава!! опять воскликнулъ старикъ.

— А вотъ чтò не ловко. У меня теперь не малая семья, ты, да сестра, да зять. Гдѣ теперь по ночи пристанище отыскать?

— Богатые люди, а о пристанищѣ думаютъ, сказалъ старикъ. А мой-то домъ на чтò? Велика у меня семья, не мала и свѣтелка на верху; пока помѣстимся.

— А чтò возьмешь, только до завтра?....

— Богатые люди, а торгуются! Видно, что деньги не плѣвое дѣло, не дрянъ, не трынъ-трава.

— Видишь, съ инымъ и безъ торгу поладишь, а другой и для умирающаго рванаго одѣяла безъ пяти рублей не дастъ.

— Простите великодушно. То была притча, случай, та-ти, пожаръ, сумнительство, зазоръ, подозрѣние....

— Полно, полно! Помоги мнѣ лучше товарища на одѣяль въ покон перенести.

Старикъ съ охотою исполнилъ приказаніе. Больнаго уложили на хозяйской постелѣ и оставивъ одного, чтобы дать ему покой, сами вышли на крыльцо, гдѣ весь женскій гарнизонъ, въ полномъ вооруженіи, будто изवालнннй, не трогался съ мѣста.

— Вотъ, дорогій постоялецъ, имя, отчества не имѣю счастья вѣдать — такъ началъ старикъ указывая на бабій regimentъ: вотъ моя семейка съ дѣти и домочадцы.... Вотъ старуха Лукерья Пахомычна, матушка моя: старый грѣбъ да здоровый, отъ-роду считаетъ столѣтній вѣкъ, а чай обочлась, полтора есть. Вотъ супружница моя, сче томъ третья, Анфиза Карловна, изъ Нѣмокъ; тѣ двѣ первыя были изъ Русскихъ, да и эта не хуже; только бить себя не даетъ, а подъ случай, сама дерется.... Вотъ дочка моя старшая, замужня, то есть, вдовица горькая, Анна: мужа ее, молодаго приказнаго, въ солдаты взяли, подъ Нарвой подстрѣляли; до сей поры не могу ее вторичнымъ бракосочетаніемъ утѣшить. Она сама себя кое-какъ утѣшаетъ; имѣетъ много гражданской мудрости и домъ въ Кожевникахъ; въ наймы отдаетъ, а у меня на хлѣбахъ живетъ. Вотъ это номеръ третій, а втораго нѣтъ. Исключенъ изъ списка смертныхъ: Богомъ принята покойница въ горнія селенія по шестнадцатому году; стосковалась по невѣдомымъ резонамъ, а было доброе, бережливое дитя; сарафанъ, что я ей пошилъ, три года проносила; еще бы три года обходилась, да умерла, и сарафанъ оставила сестрамъ въ наслѣдство. А третій номеръ, Нимфодора, замужемъ была за нѣмецкимъ человѣкомъ, большимъ мастеромъ денежнаго дѣла; да по злобѣ и клеветѣ подъ извѣтъ попалъ; и не умеръ, а вдовой жену оставилъ; оправдится.... Тутъ уже хотя бы и показывать свое добро не приходилось, да отцу ли утерпѣть? Дѣвки идутъ, вотъ Мавруша, подростокъ, Глафира, почитай невѣста, и дѣти малолѣтніе, Груша и Соня.... А вотъ, честной постоялецъ, боковыхъ линий женскій полъ: свекровь, золовки, невѣстки и другіе чины.... Наградилъ меня Богъ семьей не по состоянью,

такъ не диво, что иной разъ объ деньгахъ скаредное слово скажешь. Самъ досадуешь, да сорвалось....

Пожаръ въ это время достигъ всей красоты своей; постоялый дворъ, охваченный со всѣхъ сторонъ пламенными потоками, представлялъ изъ себя одну цѣльную массу огня. При такомъ освѣщеніи Степанычъ могъ свободно разсматривать семейство старика и высмотрѣлъ, что Глафира «почти невѣста» и Мавра «подростокъ» были уже зрѣлыми дѣвами; но зато дѣти, Соня, и особенно Груша, были, что называется, на самой порѣ, во всей прелести дѣвственной весны....

Грушѣ было лѣтъ семнадцать, не больше, по росту она превосходила даже вдовицу Пимфодору. Одѣтая въ ситцевое нѣмецкаго покроя платье, весьма узкое, по неизвѣстнымъ причинамъ, она не могла скрыть роскоши своихъ развивающихся формъ и казалась въ толпѣ этихъ женщинъ царицей въ цѣпяхъ. Лицо ея не совсѣмъ согласовалось съ прелестью формъ: глаза у нея были сѣрые, и довольно злобнаго выраженія; улыбка обѣщала однако же кротость и терпѣливую покорность; изрѣдка только мелькали въ чертахъ ея признаки коварства, но кто же знаетъ ихъ въ чертахъ семнадцатилѣтней красавицы? Красавицы, говорю я положительно, потому что сѣрые глаза были и есть у самыхъ первостатейныхъ историческихъ красавицъ и въ изрѣдкѣ не поставяются. Груша съ перваго взгляду замѣтила, какое она сдѣлала на Степаныча впечатлѣніе, и надулась. Это придало ей большой интересъ и Степанычъ; тотчасъ послѣ окончанія рекомендаціи, спросилъ у нея, о чемъ она такъ надулась....

— Ничего. Такъ-себѣ. Не ваше дѣло, отвѣчала она.

— Отчего же не мое, Аграфена,... какъ величать слѣдуетъ.....

— Кириловной.....

— Такъ отъ чего же не мое, Аграфена Кириловна?...

— А отъ того, что не ваше.....

— Видно, жаль тѣхъ, что горять.

— А я ихъ почему знаю.....

— Хоть и чужіе, да всѣ ближніе.....

— Содомъ горить, туда ему и дорога.....

— Какъ Содомъ?....

— Кабакъ, кружало! Когда ни пойдешь по саду гулять, тамъ всегда плясъ, да шумъ, да непристойный пѣснь....

— А почему же знаете, что тамъ плясъ?.....

— Черезъ щелку видѣла.....

— А зачѣмъ же вы смотрѣли?....

— Да куда же мнѣ глаза спрятать..... Не одна я смотрѣла.....

— Рѣзвый ребенокъ! перебилъ старякъ, объясъ, чтобы дитя не рассказало чего не дѣтскаго: не усмотришь, да еще въ лѣтнее время. И то сказать, вотъ у насъ, ченька, все стараго порядку люди! нѣмецкаго обычая не любятъ; ужъ и за то сѣрдятся, что по-нѣмецки одѣваю. Ну, скажи самъ, честной господинъ, какое надо имѣть состояніе, чтобы въ старое платье рядить цѣлый полкъ! Безъ золотого позумента, безъ аксамиту, по малой мѣрѣ безъ обьяри, что за сарафанъ?! Безъ жемчугу на повязкѣ въ церковь пойти нельзя. Кисей на рукава цѣлую лавку надо: такъ какъ же ихъ въ старой кожѣ держать? А ужъ въ нѣмецкомъ платьи надо бы по-нѣмецки и жить; да ба, загрызутъ! Отъ того и никакого обхожденія не имѣютъ. Такъ ты уже, честной господинъ, за глупость съ нихъ не зыскивай; не отъ рожденія глупы, а отъ стараго обычая.....

— Будеть тебѣ обычай, сказала дряхлая золовка: погляди, какъ ты Соню и Груню убережешь.....

— Въ убыткахъ не буду..... Да не о томъ рѣчь: надо для господина помѣщика нижнее жилье опростать. Подымайтесь-ка. Эй, Мавра, Нимфодора, Глафира, уберите, что по-нужнѣе, да въ свѣтлицу наверхъ отнесите. Господа у насъ ночевать будутъ.....

— Пускай тѣло въ теремъ, домъ пстятъ..... опять прокаркала золовка.

— Въ убыткахъ не будемъ.....

— Пожаръ унимается, хозяйнѣ! Прибереги моего больного, а я пойду своихъ некатъ; чай по Москвѣ снуются безъ пристанища.....

— Будь покоенъ, честной господинъ: какъ за роднымъ сыномъ смотрѣть будемъ.

Первая встрѣча на улицѣ—былъ Сергѣй.....

— Нашли, закричалъ онъ, увидя Степаныча: нашли, отняли, воровъ захватили!!...

— Кого нашли? Кого отняли?

— Меланью Степановну! Въ Лаковскія бани тати проклятые завезли, да Богъ помиловалъ.

И Сергѣй разсказалъ, какъ Зелейкинъ столкнулъ его съ запятокъ, а Пахомычъ съ другимъ товарищемъ конюха съ повелъ; какъ онъ былъ ушибенъ неизвѣстнымъ оружіемъ до безпамятства. Другіе конюхи отстали и потеряли колымагу, такъ что неизвѣстно гдѣ они теперь съ повозками и лошадьми, и гдѣ теперь колымага, потому что Меланья Степановна съ Семеномъ Романычемъ изъ бань пѣшкомъ пришли, остановились въ монастырѣ, а его встрѣли и послали за Степанычемъ..... Степанычъ не шелъ, а бѣжалъ, какъ слышалъ, гдѣ его дорогіе; по дорогѣ Сергѣй досказывалъ что видѣлъ и слышалъ, но эти разсказы столь же мало были интересны для Степаныча, какъ и для васъ, высокопочтенный читатель. Гораздо пріятнѣе для него было узнать отъ Семена Романыча, какою страшною смертью казнило небо Пахомыча. Будто камень упалъ у него съ сердца; невольно взглянулъ онъ на небо, и благодарная мысль его пронеслась между звѣздъ быстрѣе молніи къ неведомому престолу. Меланьѣ нельзя было оставаться въ монастырѣ, потому что здѣсь было назначено сборное мѣсто для всѣхъ сыскныхъ командъ, подъ начальствомъ Лукомкина, тушившихъ не пожаръ, а воровство. Лукомкинъ не могъ оставить поста; болѣе сорока татей уже сидѣло на монастырскомъ дворѣ; передъ ними лежалъ трупъ Пахомыча. Благо ему, что онъ не могъ уже слышать проклятій, которыми осыпали его товарищи! Одинъ только Зелейкинъ сидѣлъ покойно и насвистывалъ пѣсню удаю. Вся эта картина не могла быть пріятна для женскихъ глазъ, а рѣчи — назидательны для слуха Меланьи, и потому Степанычъ поспѣшилъ съ сестрой и Сергѣемъ на новую квартиру. Не добрались бы они до старикова дому, если бы Сергѣй не выманилъ у солдатъ фонаря. Пожаръ смирился, пламя улеглось, только дымило, а безъ запаснаго освѣщенія въ Москвѣ того времени по ночамъ была тьма

красивая. Даже въ Кремль горѣлъ только одинъ фонарь у крыльца полиціи-майстерской канцелярш. Фонари освѣтили Москву уже въ царствованіе Анны Иоанновны. Помѣстивъ и успокоивъ сестру, Степанъчъ навѣдался къ больному; тотъ сналъ сладить съ сномъ; нечего было дѣлать больше такою позднюю порою и Степанъчъ улегся спать въ большой вѣбѣ у дверей, которая вела въ комнату Малани.....

— Хорошо! сказалъ Сергѣй, выходя въ садъ съ фонаремъ: а я-то куда дѣнусь.....

— Неслушай, пріятель, ты зачѣмъ тутъ съ огнемъ ходишь? сказалъ старикъ, схвативъ его за руку.....

— Иду мѣста гдѣ бы прилечь, хозяинъ.....

— Пойдемъ въ домовую баню, пріятель! Тамъ во указу все лѣто не топили. Жарко не будетъ, а мнѣ теперь и самому во всякъ домѣ мѣста нѣтъ.....

— Хоть въ конюшню; и такъ отъ ушибу голова трещитъ. Чѣмъ это онъ меня хватилъ. Хорошо еще, что душу не вышибъ.....

— Кто это?

— Да разбойникъ на ножарѣ.....

— Ахъ, расскажи, пожалуй, смерть люблю сказки.....

— Хороши сказки.....

И оба улеглись въ банѣ на прилавкахъ, подложивъ подъ головы сухіе вѣшники. Хозяинъ разспрашивалъ, но Сергѣй отвѣчалъ лѣнливо, безпрестанно засыпая; наконецъ заснулъ на вѣшникъ и на всѣ вопросы старика отвѣчалъ храпѣніемъ.

Ни свѣтъ, ни заря старикъ уже поднялся и вышелъ въ садъ, обошелъ всѣ закоулки своего небольшого двора и отправился на слѣдствіе, какой убытокъ учинило ему градское начальство. Заборъ, правда, былъ сломанъ саженьхъ на десяти, доски немногія расколоты, нѣсколько молодыхъ деревъ и съ полгряды капусты потоптаны; но весь убытокъ, вѣроятно, не превышалъ пяти рублей. Старикъ не могъ не изъявить особеннаго удовольствія и расхохотался. Обративъ вниманіе на пепелище постоялаго двора, старикъ замѣтилъ, что на улицѣ стоятъ колымага, люди и лошади; при нихъ торчалъ объѣздный и ходя взадъ и впередъ грѣлся.....

— Кудимычъ! кликнулъ старикъ: чѣ ты тутъ дѣлаешь?

— Ахъ, батюшка, Кирилло Алессандровичъ, сейчасъ нынче пляска, на дослоскихъ на орднй похвалѣтьсѣ; самъ за всѣмъ присматривай....

— А-га! Не то, что за насъ!

— Куда! За насъ съ приказомъ у насъ весела миръ со-вѣтъ; по всей Москвѣ говорили, что какаѣ-то лѣтъ Соколы да подьячій Кирилло Алессандровичъ Чолушица, такъ престо на диво...

— То-то же.... А нынче?

— Что нынче! Еще какъ съяло бурмистеровое управле-нiе — туда-сюда: съ кушачи можно было залты! И то сдѣ-зать, пробудетъ годъ бурмистеромъ, къ намъ же годъ на-чало понадесть, такъ и побишастся, иабы негодъ нѣтъ насъ не обидѣтъ; ну, а теперь такой знатный чинъ; кроме царя никого не боятся. Караульничъ разсылашкостъ, преле-нѣ такъ гоняютъ какъ насъ. Вотъ тутъ вѣра дворянчикъ какой-то стоялъ; съ ножуру лошади съ колымагой убѣжа-ли. Чего конюхи смотрѣли! По-нашему и колымагу и лоша-дей взять въ приказъ и поминай какъ звалъ; умеръ бы, не доказалъ, что его; а теперь холемъльчъ пошарили; они признали лошадей и колымагу; возорать: Ивана Степань-ча Костылькова..... Отвести колымагу и лошадей и сдать на руки Костылькову.... Да его уже такъ нѣтъ; дворъ сторѣтъ... Все-таки, не гдѣ видѣ, а у того двора Иванъ Степаньчъ спрячется будетъ....

— А знаетъ ли, Кудыничъ, гдѣ эта знатная вероюи жительство имѣетъ?

— А мнѣ какъ знать!...

— У меня, Кудыничъ, у меня! На доска шѣрь бѣнать....

— Такъ нусть же беретъ свое добро....

— Э, братъ! Какъ я буду въ стаку такого знатнаго рече-дина!

— Да что онъ за знатный такой? Бодать.

— Э, братъ, государь великій князь Петръ Петровичъ тоже солдатъ. Служба — роду не помѣла; крѣпъ будетъ сир-раломъ, а ужъ вы съ тобой, Кудыничъ, и въ табель о ра-гахъ не попадетъ. — А это новоски чинъ.

— Тоже его.

Старикъ почесался.

— Тѣсно вато, сказали онѣ подумавши: да знаешь что, Кудимычъ! У тебя всей семьи ты, да жена! Возьми-ка на время къ себѣ мать мою, да двѣ пары дочекъ.

— А что?

— Прочую роденьку по домамъ разгоню. Полно имъ гостить. Заживаются. Пора имъ убираться; а у кого своего дома нѣтъ, пускай къ роднымъ шествуютъ. А я себѣ останусь съ женой, да съ дочками, что еще дѣти. Малышей безъ матери на чужіе руки отдавать не пристойно. Тѣхъ прочихъ ты на харчи возьми, а на чемъ условимся, заплачу, а домъ со всѣми службами отдамъ господамъ. Не долго на Москвѣ пробудутъ, а я деньгу запибу.

— А самъ-то гдѣ жить будешь?

— Въ банѣ, Кудимычъ; и сегодня тамъ ночевалъ. Удобно.

— Экой разумъ, подумаешь! Изъ лыка домъ построишь. Ну, быть по-твоему. А что за безчестье?

— Да ужъ, Кудимычъ, воронъ ворону глаза не выключетъ. Сосчитаемся.

— Благо. Такъ присылай своихъ.

— Я ихъ такъ пощю, будто за дѣломъ, а ты уже имъ указъ мой объяви. И указъ строгій, подъ пристрастіемъ штрафа. Я имѣю на то резоны... Да постой-ка, изволь у меня въ огородѣ освидѣтельствовать, какой моему достоинію отъ пожарнаго случая ущербъ учинился, и разореніе стало не отъ огня, а отъ команднаго поведенія и огнегасительнаго производства. Я тебѣ столбцы пришлю готовые, а ты только руку приложи.

— Нѣтъ, Кирилло Александровичъ, не примутъ!

— Какъ не примутъ?

— Подавай на клейменной бумагѣ. Нынче скоро и наши объѣздныя доношенія прикажутъ на клейменной подавать.

— Что жъ? И для казны, и для частныхъ людей изрядный доходецъ.

— А для людей-то какой доходъ? Одно разореніе; для приказныхъ — сущее зло. Бывало, отколетъ челобитную не то, что столбца три, четыре, а книгу цѣлую, а теперь на клейменной бумагѣ больно не распишешься: дорого обойдется.

— Конечно....

— Такъ какой же доходецъ для людей?...

— Конечно, конечно.... Я обмолвился, а для казны большой доходъ. Вотъ я схожу въ ряды; искуплю бумагу и напишу; ты только подмахни....

— Въ ряды! Нѣтъ, братъ, и не достанешь. Прежде, правда, подъ-рукой продавали, да еще противъ казенной въ пол-цѣны; а нынче и купца и продавца ошельмуютъ. Ступай къ бурмистерамъ; окромѣ бурмистеровъ ни у кого бумаги нѣтъ; и сколько листовъ возьмешь, столько и въ книгѣ роспишисъ.... Плохія времена! Ни гдѣ поживы!

— Конечно, конечно! Ну, такъ прощай. Кольмагу и повозки и людей, и все что ни есть, на мой дворъ тащи, а я пойду ворота отопру.

Возвращаясь, Чевушкинъ увидѣлъ, что Иванъ Степанычъ стоялъ уже на крыльцѣ и какъ-будто кого поджидалъ.

— Ну, спасибо, хозяинъ, за ночлегъ, сказалъ онъ: жестка была моя верина, половица холодная, да соснулось послѣ трудовъ сладко. Спасибо! Сестра еще спитъ, больной тоже; бѣдный Сергѣй, дай Богъ ему здорово встать; а конюхи мои, а лошади, а повозки!...

— Все цѣло и все на моемъ дворѣ будетъ. Насмлу отискалъ. Всю Москву обѣгалъ, по всѣмъ переулкамъ кричалъ, не видалъ ли кто добра твоей милости; ужъ на возвратномъ пути, у пожарища нашель: объѣздный привель; не прикажешь ли объѣздному что пожаловать за труды?...

— И не слѣдуетъ: онъ свое дѣло дѣлалъ; да можешь дать ему полтину. А гдѣ они?

Радостно встрѣтилъ Степанычъ своихъ людей; недоставало колымажного ямщика, котораго на пожарѣ съ козелъ столкнули....

— Видно, ушибли больно, подумалъ онъ и приказалъ сдѣлать своего любимца, Орлика. Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія, Степанычъ уѣхалъ къ Фендриху на ученье. Чевушкинъ, размѣщая лошадей и повозки въ разныхъ зданіяхъ своего двора, непременно разспросить людей порядкомъ и получивъ всѣ дополнительныя свѣдѣнія, которыхъ вчера не могъ добиться у соннаго Сергѣя, отпра-

вился въ большую избу, вынулъ половицу и досталъ изъ-подъ полу десть клейменой бумаги. Отобравъ два листа подъ среднимъ гербомъ, Чевушкинъ усѣлся у окна и душкомъ исписалъ четыре столбца, въ которыхъ съ подробностію поименовалъ всѣ убытки, повесенные имъ отъ пожараго случая. Кончивъ, Чевушкинъ раза два перечиталъ выемку или осмотръ объѣзднаго, и сталъ писать челобитную. Въ это самое время вошелъ Лукомкинъ.

— Здѣсь остановился Иванъ Степаньичъ?

— Совершенно здѣсь и нигдѣ нидѣ.

— А гдѣ же моя жена?

— Почивать изволить....

— А зять?

— Уѣхали на муштры къ Лафертовскому, къ сендриху Кусточкину: сегодня будутъ въ конской службѣ упражняться. Обѣщали скоро вернуться....

— Экой онъ! Степанъ Яковлевичъ спрашивать его изволить.

— Не послать ли верховаго?...

— Авось скоро вернется....

— Ты здѣсь! раздался голосъ Малаши, и Лукомкинъ пошелъ къ женѣ....

— Степанъ Яковлевичъ спрашиваетъ, бормоталъ Чевушкинъ, продолжая писать:—А можетъ онъ и съ губернаторомъ знакомъ, не дай Боже.... Хорошо бы, чтобы и этотъ новый большой чинъ ничего не провѣдалъ.... А важное челобитье... Пусть разберуть. О чемъ челомъ бьетъ? Прочестъ нельзя. Да за чѣмъ читать? Изъ выемки явствуетъ. То объѣзднаго писарь писалъ, такъ и четко, а челобитную я самъ, калѣка, старецъ шести десятковъ, такъ гдѣ уже мнѣ бойко строчить!.. А бумагу гдѣ взялъ? Отъ старыхъ дѣлъ осталась, оттого и пожелкла, оттого и клеймо на ней старое.... А принимать указано до перваго марта... Охъ! Какъ бы Богъ благословилъ сбыть остатки!..

Въ такихъ и подобныхъ размышленіяхъ Чевушкинъ дописалъ челобитную и отправился наверхъ, въ свѣтлицу, гдѣ покоемъ покоился бабій легионъ.

— Вставай, моя команда! сказалъ онъ тихо: дѣла много! Слушать и слушаться! Матушкинъ мой, кунно съ доче-

рбы Анной, Нимфодорой, Мареей и Глафирой идти немедля къ Пелагеѣ Сильвановнѣ, и писаніе это вручить Кудимичу, чтобы подписью справилъ и съ разсылышникомъ сюда прислалъ. А что вамъ дѣлать, онъ объявить. Дѣло важное; не мѣшчайте. Отъ вашей мѣшкоты мнѣ и вамъ ущербъ учинится!

Старикъ, видно, приучилъ дожочадцевъ къ повиновению. Старуха и за нею четыре дородныя внучки проворно ушли съ бумагой.

— Ну, сказалъ Чевушкинъ, теперь ваша очередь! По вѣкомъ резонамъ, крайне важнымъ, не могу, окромя родной фамилии, никого у себя держать на харчахъ и постой; понеже указомъ начальства ко мнѣ и воинская и гражданская команда на цѣлый мѣсяцъ поставлена; а что вы внесли, любезные родичи, въ назначенство мое наличности, за харчи и постой впередъ, то частію платю означенную въ отстояли и откушали, а что остается, то будетъ зачтено вамъ, когда, по минованіи казенной нужды, въ домъ мой вернетесь. Сегодня немедля собирайтесь въ путь и очистите пристанище царскимъ людямъ.....

— Ты намъ деньги подай, такъ мы еще спасибо скажемъ, что развязались съ такимъ скаредомъ; полтъсямъ придетъ, онъ и просить съ насъ деньги за другой мѣсяцъ; а не заплатишь, ѣсть не дастъ; тѣмъ и держитъ насъ у себя противъ воли..... Такъ подай деньги.....

— Деньги?—Я у себя денегъ на дому не держу; воровской и пожарной опасности ради. Деньги въ честныхъ рукахъ; радъ бы, да никто не въ терминъ не отдастъ. Да что, развѣ ваша денга пропадала? отъѣдите и отстояте ея.

— Подавайся ты, скаредъ поганый! сказала вдовка; послѣ небольшихъ преній, родственницы, захвативъ узелки, разбрелись. Каждая, на прощанье, оставила хоблину грубое словечко, но миролюбивый Чевушкинъ только откланивался.

— Ну! разнесла ихъ нелегка! Ну, теперь ты, Аннава Карловна, и вы дѣтки мои, малолѣтки, собирайте мою мягкую рухлядь отсюда и несите въ баню.....

Тутъ ужъ никакого прекословія не было. Въ полчаса фамилія означенная перебрала въ баню; а вдовка

столъ съ шардонъ повѣстился въ перебранки.....
Сергѣй, обезпакоенный переѣздомъ гостей, долженъ былъ съ ужасною головою болью такъ перескзать на стено-валъ, гдѣ впрочемъ стѣна не была. Когда Степанычъ во-вратился отъ Федрика, его встрѣтили на крыльцѣ Луд-комкинъ съ женою и Чевушкинъ. Узнавъ о приглаше-ніи Кольчова, Степанычъ изъявилъ досаду.

— Тыю ты, какъ не кстати! сказалъ онъ: хотѣлъ пойт-ти, поискавъ хорошъ канкъ нустыль, да напять, да по-устроитья....

— А на что милости твоей хороша, когда моя есть? Я тебѣ весь домъ обросталъ. И развѣщенье самое удоб-ное. А мы съ семьей потѣшались. Не на вѣкъ же наймешь. Стернится....

Степанычъ сомнительно посмотрѣлъ на Чевушкина и сказалъ:—А что на мѣсяць?....

— Богатые люди! деньги дрянь, деваги нѣжное дѣло, деньги трынь-трава, а еще торгуюсь!....

— Не боюсь я никакого плута изъ свѣтъ и готовъ у тебя жить, да отъ плутовства себя ограждаю. Говори напрям-ки, а нето сей часъ съѣду.....

— Самъ положи цѣну, милостивецъ: временно жить не буду....

— Десять рублей.....

— За-глаза довольно! Клянусь и благодарствую. Мо-жетъ-быть, мнѣ вѣрить не изволишь, такъ задѣтвекъ по-жалуйсь.....

— Художникъ, нечего сказать: умѣешь перепарнуть дѣло.....

— Навыкъ, батюшка, на службѣ. Всякое случалось. Родъ людской такой сталъ, что и моей старости не вѣ-рять.

— Вотъ тебѣ за мѣсяць впередъ, только не забудь, что я тебѣ нуждъ и самъ не хуже иной приназой пивки.....

— И не диво! съ такими умомъ! Весь я твой и по гробъ мой готовъ служить твоей милости....

— Перестанешь ли ты? сказала Лудомкинъ. Пойдемъ къ Кольчову.....

Чевушкинъ съ нѣкими поблудами провожалъ до воротъ

постояльцевъ и зѣнкой заготовленіемъ прощанту в суражу.

— Груня! сказала онъ дочери: постельный слуга господина нашего болеть, такъ ты пока за него будешь на послугахъ; води-ка убори все къ столу по-чисте, а ты, Анюша, пошла съ Сошей на кухню, разведи огонь, а я съѣгаю въ обжорный радъ, достану енадобья по-лучше.

Чевушкинъ отправился, въ воротахъ принявъ отъ рассыльника выемку или свидѣтельство объѣздцаго и побѣжалъ къ Кремлю. Почти въ одно время съ своими достояльцами вошелъ онъ въ ворота и давъ имъ отойти впередъ, опять рысая пустился въ канцелярію. Тамъ была такая толпа, что только одно искусство Чевушкина могло пособить горю и Чевушкинъ пробрался къ самому зеркалу.

— Тебѣ что надо? спросилъ оберъ-полиціймейстеръ, допрашивавшій какого-то сновидчика Пахомыча.

— Милосердія и жалости великаго государя, отъ нея же идетъ всякая помощь погорѣлымъ.....

— А что у тебя погорѣло?

— А вотъ тутъ прописано.....

— Подай и приходи за отвѣтомъ послѣ завтра... .

— Дворъ мой нынѣ не имѣетъ никакого огражденія. Буде ждать три дни, хищники и тати разнесутъ добро мое. А безъ указа герольтъ не смѣю, да будетъ въ лѣтъ весь ущербъ мой.....

— Пустяки! Городи-себѣ; тутъ есть выемка: такъ другой разъ свидѣтельствовать нечего.

— Истинно и премудро. Кланюсь и благодарствую. Иду ограждаться.....

— Ступай, старикъ, ступай!

И съ тѣмъ же искусствомъ Чевушкинъ вынырнулъ изъ канцелярскихъ волей.

— Простоватъ! сказала онъ съ улыбкой уже на площади: и не спохватился, какъ надуан. Ну, это уладилось. Теперь что имъ къ обѣду искупить такое, чтобы и дорога было и дешева?... Ну, этого такъ не придумаешь; надо на мѣстѣ резолюцію учинить.....

И Чевушкинъ отправился въ обжорный лавки.....

Между-тѣмъ Лукомкинъ и Степанычъ вошли къ столынику. Объ нихъ доложилъ уже не секретарь, а разсылный солдатъ.

— Милости просимъ, сказалъ Кольчевъ: все знаю. Попались воры. На самага сыщика набѣжали.

— Видно, перебилъ губернаторъ, который сидѣлъ возлѣ Кольчева, въ богатомъ золотомъ кафтанѣ: видно, хотѣли поздравить Лукомкина съ царскою милостью. За прежніе труды и подвиги пожалованъ ты въ капитанъ-лейтенанты и въ унтеръ-лейтенанты гвардіи въ семеновскій полкъ.—Поздравляю!

Лукомкинъ не вѣрнулъ своему счастью. Изъявленія его благодарности такъ были не ловки, что заставили губернатора сказать:

— Полно, полно! себя благодари; ты и досказать мнѣ не далъ. Жалованье тебѣ пойдетъ по новому чину, а ты останешься при сыскныхъ дѣлахъ, дотелѣ, пока не прииму тебя достойнаго на твое мѣсто.....

— А ты, молодецъ! сказалъ Кольчевъ: слышалъ я и о твоихъ проказахъ. Такъ шалить можно, да съ оглядкой! Фендрихъ также мнѣ хорошо аттестовалъ тебя; я и вспомнилъ, что общалъ тебѣ грамотку къ отцу иррефекту. Вотъ она! Ступай! Тамъ есть чему поучиться, только гляди, чтобы служба отъ ученія не потертѣла. Я ирребуду здѣсь почти мѣсяць. Учись и уму и службѣ; а какъ-только сижу въ Питербурхъ, и ты за мной; хочу слѣдовать за твоими форшритами, то есть, уснѣхами. А пока, чѣ нужно, двери мои открыты.

Лукомкинъ побѣжалъ домой обрадовать жену, а Степанычъ, почтительно держа въ рукахъ дорогое письмо, пошелъ въ Греко-Словено-Латинское Училище..... Отецъ иррефектъ принялъ его весьма милостиво и назначилъ ему въ наставники ритора Теофраста Квинтиліануса, который въ дѣйствительности назывался Федькой Краснобаемъ. Квинтиліанусъ былъ изъ поновскихъ дѣтей; съ молодости обученъ хорошо грамотѣ и въ училищѣ въ короткое время ученіемъ прибрѣлъ первое мѣсто между риторами. Ученіемъ, говорю, потому что поведеніемъ, онъ также занималъ первое мѣсто между поносимами и си-

такиса и риторики и философии. Но гений проказъ умѣлъ всегда скриваться отъ зоркаго ока префекта, такъ что Квинтиліанусъ и по кодаунтымъ спискамъ отличался: отличнаго поведенія. Квинтиліанусъ чрезвычайно обрадовался порученію, потому что оно подавало поводъ къ частымъ изъ училища отлучкамъ; которыя префектъ даже философамъ разрѣшалъ съ большими затрудненіями.— Условились, въ какое время Квинтиліанусу навѣщать ученика, и разстались. Степанычъ поспѣшилъ домой, чтобы раздѣлить радость супруговъ, но увы, горе съ веселіемъ сосѣди. Въ воротахъ еще Степанычъ повстрѣчалъ разсыльщика.

— Ну, господинъ унтеръ-лейтенантъ гвардіи семеновскаго полка.... сказалъ Степанычъ, входя въ комнату: Давай-ка и тебя еще разъ поздравлю....

— Ужъ правду сказать, есть съ чѣмъ! Никогда отъ службы не отнѣживался. Видитъ Богъ, и въ сраженіяхъ былъ, и отъ пуль не откланивался, и на штыки шелъ, да хотѣлось отдохнуть маленько. Вотъ тебѣ и отдыхъ! Лукомкинъ указалъ на бумагу, лежавшую на столѣ.

— А что такое?

— Нарядъ! И опять туда же! Въ другое время съ какою бы великою радостью полетѣлъ я на Старую Усадьбу, гдѣ мое благополучіе возымѣло начало; а тебѣ перъ хотѣлось бы въ столицу....

— Да вѣдь разбойники изловлены.

— Правду говорила Евдокимовна: рыбій притонъ болѣе выгоденъ для разбойниковъ; перебралось туда опять многое чело; большіе два купецкіе обоза ограбили; подъ городокъ подходили; изъ указа вижу, что ихъ не мало. Приказано взять вдвое больше команду и пушку. Губернаторъ не скриваетъ опасности и возлагаетъ надежду на меня одного. Лестно. Онъ имѣетъ право отъ меня требовать всего и я, хоть и горько, вѣду завтра же....

— А Маша?

— Что за вопросъ! Я безъ него не останусь! Я хоть и люблю брата, дороги вы мнѣ оба, да тебѣ тутъ въ Москвѣ скучно не будетъ; а Семенъ стоскуется.... Я вѣдь съ Семеномъ....

— Я это зналъ, Маша, дорогая супружница и половина бремени съ плечь долой....

— Постой! закричалъ Степанычъ. Видно и моему замыслу приспѣло время.... А вотъ кстати и хозяйинъ!

Чевушкинъ, отвеся на кухню провизию, шелъ съ Груней на послуги дорогимъ своимъ гостямъ.

— Изю всего вижу, сказалъ Степанычъ Чевушкину: что ты приказанная птица....

— Служилъ, да ничего не выслужилъ.

— Мнѣ до этого вѣтъ дѣла, а вотъ что: у меня много отчины, да на Москвѣ расхоловѣ вѣдикъ; въ Питербурхѣ еще больше будетъ; надо денегъ; такъ я вотъ и заваля у капитанъ-лейтенанта и гвардіи унтеръ-лейтенанта Сена Романовича Лукомкина, три тысячи рублей золотомъ, которые и облажусь уплатить ему въ усадьбѣ моей, въ Костыльковкѣ, черезъ прикащика моего Ваньку Домжанина, а буде не уплачу въ мѣсяць, то воленъ онъ за тѣ деньги, безъ суда, взять отчину мою Старую Усадьбу въ вѣчное и потомственное владѣніе со всѣми угодьями, какъ еще отцу моему досталась отъ бывшаго той усадьбы владѣльца Степки Петрова сына Полюскова; а буде Ванька чинить препятство будетъ въ уплатѣ моего долга или въ отлатѣ по условію волости, то воленъ онъ, Лукомкинъ, того Ваньку, а не иного кого изъ людей моихъ, въ приказъ взять и съ правѣжа искъ свой доправить. Ну, понялъ?

— Понялъ-то я понялъ, да не возьму въ толкъ, что твоей милости угодно. Дома можно только заемную крѣпость начернить, а писать надо на площади у служилыхъ подъячихъ, и такъ одному нельзя, надо по малой мѣрѣ пять послуховъ съ собой взять. Сумма изрядная; не вачнутъ подъячіе безъ послуховъ. Не изволь безпокоиться. За нѣкоторую плату я тебѣ послуховъ поставлю; клейменую бумагу тоже искуплю; къ вечеру крѣпость будетъ готова....

— Ну, доворачивайся! Надо успѣть....

— Что ты хочешь дѣлать? спросилъ возмущенный Лукомкинъ.

— Нужна тебѣ изъ ласки? Простой случай еще добре

веротить безъ всякой тѣжбы; ни пикнуть; а достойнѣе отъ-ца воротится къ Малашѣ.

Сказавъ это шопотомъ Лукомкину, Степанычъ обратился къ Чевушкину:

— Ну, что же ты стоишь?

— Отъ чего это вы, умильно прервалъ старикъ: не позволите по саду прогуляться....

— А за чѣмъ?

— А за тѣмъ, что погода ясная; тепло, будто лѣтомъ; а тутъ надо въ комнату и поубрать и къ обѣду приготовить то, другое. Вотъ и Груня за тѣмъ пришла.

— Мы не ждемъ. Вкусно пообедаешь, когда къ столу такая красавица все изготовитъ. Пусть она свое дѣло дѣлаетъ, а ты займись своимъ....

Старикъ почесался.

— А знаете ли, я вамъ забылъ сказать, что большой вѣсъ спрашивалъ, продолжалъ старикъ.

— Меня?

— Всѣхъ, и капитана, и Меланью Степановну, всѣхъ, всѣхъ....

— Пойдемъ....

— Да я-то изъ чего пойду? спросила Меланья.

— Желаетъ познакомиться, а встать ему не мочно.

— Пойдемъ, пойдемъ! Бѣдный, я про него совсѣмъ забылъ.

И взявъ за руку Меланью, Иванъ Степанычъ пошелъ въ другую комнату, куда за ними отправился и Лукомкинъ.

— Выжилъ! шепнулъ радостно старикъ: ты носишь вѣсъ, Груня. погоди меня у дверей! Кликну.

И половица поднялась; пукъ клейменной бумаги вытѣщенъ и спрятанъ подъ камзолъ; половица опустилась....

— Груня! громко сказалъ старикъ: что же ты стола не накрываешь? А? Чего зѣваешь! Скоро полдень!.... Поворачивайся, а я пойду крѣпость писать, послушки собирать....

И старикъ, впустивъ Груню, самъ выскользнулъ и прямо въ баню. Груня не заблагоразсудила торопиться; подошла къ дверямъ и котла посмотрѣть что тамъ дѣлается. Только-что придвинула глазокъ къ дверямъ, вскрикнула отъ испуга и отскочила; гнѣвъ же согладатайствомъ занялся и

Степанычъ, такъ что не будь дверей—ихъ головы непремѣнно бы столкнулись. Степанычъ отворилъ маленько двери и сказалъ:

— Не пугайся, моя милая, это я.

Г.— Такъ что жъ, что ты? раскраснѣвшись отвѣчала Груша, перебирая посуду....

— А ты на кого же хотѣла посмотрѣть?

— Ни на кого. На двери. Хотѣла запереть.

— Ну, такъ я запру.

— Запирай....

— Право запру....

Груша молчала и Степанычъ дѣйствительно заперъ двери и занялся больнымъ. Молодому дворянину стало чувствительно легче; по совѣту Степаныча, онъ еще съ вечера отвергъ аптекарскія травы и ноги на покоѣ стали отходить замѣтно.

— Вотъ видишь, послушался и легче....

— И впередъ слушаться буду. Ты мнѣ второй отецъ. Хозяинъ мнѣ разсказалъ, какъ ты меня вынесъ изъ пожара, какъ дочери его покрыли и согрѣли меня....

— Плутъ....

— Какъ онъ всю ночь навѣдывался про меня....

— Лгунишка....

— И всѣмъ я обязанъ тебѣ Иванъ Степанычъ, и никогда добра твоего не забуду....

— Полно, полно....

— И маменькѣ напишу, и начальству объявлю, пусть въ курантахъ припечатываютъ....

— Да перестань же....

— Ну, ужъ ты себѣ какъ тамъ хочешь, а Евгений Николаевъ Жатый никогда неблагодарнымъ не будетъ....

— Хорошо, хорошо, а не хочешь ли закусить чего?

— Смерть ѣсть хочется....

— Отчего же молчишь?.... Аграфена Кириловна!

— Что тебѣ надо?

— А скоро ли обѣдать?

— Какъ подадутъ.

— А скоро ли подадутъ?

— Когда прикажешь.

— Я попросилъ бы сейчасъ.

— Ну, такъ сейчасъ и подадутъ....

Не прошло и минуты, Груня изъ другой комнаты закричала «готово»? и началась трапеза.—Къ концу обѣда, который нельзя сказать, чтобы очень былъ продолжителенъ, явился Чевушкинъ съ бумагами. Въ петлицѣ у него на снуркѣ висѣла чернильница, за ухомъ перо, подъ одной мышкой клейменная бумага, подъ другой черновая заемная крѣпость. И онъ, подобно дочери, сказалъ:—Готово, только требуются имена, для коихъ я пробѣлы оставилъ...

— Читай!

Чевушкинъ читалъ и тутъ же пополнялъ пробѣлы: Запись, которая легко могла умѣститься на одной страницѣ, была написана на трехъ листахъ, въ два столбца; почти вся десятая глава уложенія и болѣе десяти новыхъ указовъ помѣстились въ крѣпости во всей своей полнотѣ съ числами, заглавіями и заключеніями.

— Длинно, замѣтилъ Степанычъ.

— За то по указамъ, а гербовую бумагу я искупилъ...

— Видѣлъ, видѣлъ, улыбаясь сказалъ Степанычъ: ну, что же теперь надо дѣлать?

— За чѣмъ преждевременно милости твоей обезпечиваться? Я пойду на площадь, отдамъ подъячему Лизунову, самому бойкому; часа въ два перебѣлать.

— Да какъ же ты успѣлъ въ полчаса?

— Указы и прочія вещи что надлежитъ, у меня готовые есть, про случай; а заголовокъ и справа не большія; черкнулъ, и готово; ну, а подъячему надо на клейменной бумагѣ писать; такъ не диво, что провозится. Такъ я пойду; а часа черезъ два изволь приходить, руку приложить; а послухи безъ тебя приложить, чтобы не задержать... Только имъ надо заплатить. Нынче даромъ никто на алтынъ ничего не подпишетъ...

— А по сколько?

— Сегодня дешево удалось навять; по два....

— Что по два?

— По два рубля....

— Старикъ, видно, отъ старости у тебя памяти не ста-

ло. По два полуполтинника, то есть по полтиннѣ, туда-сюда; а по два рубля, гдѣ это видано!

— Какъ изволишь; мое дѣло сторона.

— Ну, а бумагу почему покупалъ?...

— Бумага? На бумагу такса, подъ орломъ напечатано.

— Ну, да почему?

— Извѣстно почему... по указу.... деньги большія, такъ и бумага подъ большимъ гербомъ, по десяти копѣекъ столбецъ; придется столбцовъ двадцать четыре, такъ и денегъ два рубля сорокъ; да про запасъ взялъ; та пожалуй мнѣ останется; я за нее денегъ не возьму; другому у-служу...

— Итъ, не хочу! дорого!...

— Да развѣ казенное клеймо не указываетъ?....

— Говорю тебѣ, дорого; и за что мнѣ деньги платить, когда я только нагнусь, да сколько душъ угодно листовъ изъ-подъ полу вытащу....

И черновая и листы и перо разлетѣлись по комнатѣ отъ такой неожиданной рѣчи.... Старикъ присѣлъ отъ ужасу...

— Ну, Кирило Александровичъ! сказалъ Степанычъ подымаясь: подбери-ка листы, да бѣги на площадь; по-слухамъ твоимъ вѣсти на братья жаую рубль, а что до бумаги принадлежитъ, разочтемся....

— Государь-господинъ....

— Молчи, хуже будетъ! Ступай и старайся заслужить мою милость.

Удивительно, сказалъ Степанычъ, когда старикъ дрожащими руками подобралъ листы, вышелъ изъ комнаты, давио ли мы на Москвѣ, а сколько зла; и сбоку и спереди и сзади и подъ ногами, а это чистое небо все видать, все терпигъ, все покрываетъ. Самъ я... Но, право, у меня совѣсть покойна; знаю чего и я достоинъ, но, клянусь, не дрогну передъ казнью.....

Напрасно капитанъ-лейтенантъ успокоивалъ солдата; онъ не могъ развеселиться и съ тайною грустью пошелъ на площадь. Старикъ не обманулъ. Все было переписано и, къ удивленію Степаныча, умѣстилось на одномъ листѣ новаго клейма; послуховъ хотя и не было на лицо, но подчасъ ихъ были на мѣстахъ. Степанычъ приложилъ руку

въ крѣпости и въ книгѣ; заплатилъ пошрины по таксѣ, даже ничего не прикинулъ за труды, и не мало удивился, когда площадной подъячій проводилъ такого скупнаго барина низжайшими поклонами. Вечеръ провели они вмѣстѣ, у постели больнаго; но въ большой избѣ неотступно пребывалъ Сергѣй и не поддавался ни на какіе соблазны Чевушкина, котораго даже не впускалъ въ комнату, а переговоры съ нимъ велъ черезъ двери. Рано поутру на другой день Лукомкинъ откланялся начальству, получилъ подорожную и прогоны, отправилъ въ путь команду, а самъ уже ввечеру отправился съ женой въ путь-дороженьку, въ красивой московской кибиткѣ на помочахъ. Съ ихъ отъѣздомъ кончился періодъ дѣятельности Степаныча на поприщѣ публичномъ. Утро онъ проводилъ у Фендриха, вечеръ дома въ бесѣдѣ съ Квинтиліанусомъ и большимъ товарищемъ. Хозяина не приказано было пускать на глаза постояльцамъ и всѣ хитрости Чевушкина не имѣли успѣху. Эта затворническая жизнь Степаныча даетъ намъ время также отправиться въ путь и посѣтить нашу Костыльковку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПРАВЕЖЪ.

Стало холодно. Русская осень хуже всякой иноземной зимы: дождь, снѣгъ, изморозь, слякоть, то есть просто не время, а Богъ знаетъ что такое; день на часахъ тотъ же, да на дѣлѣ втрое длиннѣе: конца нѣтъ. И дѣлать-то нечего, особенно не холопскимъ рукамъ. Ни охоты, ни катанья; будь разбогаты, ни чего не придумаешь. Книги.... Гм! Какія тогда были книги? А впрочемъ странно какъ это въ Русь, гдѣ была письменность, уложеніе, даже писатели, не было рѣшительно книгъ, потому что переводы, назначенные по указу Царя, не могли еще интересовать деревенскихъ помѣщиковъ, и потому въ провинціи не доходили. Впрочемъ, такъ было скучно въ Костыльковкѣ отъ дождливой осени, что Иванъ Степанычъ рѣшился бы даже читать если бѣ умѣлъ, слушать, какъ другіе читаютъ, если бѣ были книги, но увы, книгъ, какъ сказано, не было. Сидоръ пересказалъ всѣ сказки какія зналъ, развѣ не

три; Груша не знала ни одной сказки, а та, что рассказывала, была нестерпимо скучна. Слезы, да попреки, да тоска, которую Иванъ Степаньчъ не могъ ни чѣмъ разогнать. И самъ—то онъ, какъ отпустилъ Степаньча, сталъ не тотъ, Пуганая ворона куста боится. Чуть слышитъ стукъ колесъ, причется. Да и какимъ радостнымъ гостямъ быть въ Костыльковку! Изъ городской чиновности ни одна душа не смѣла заглянуть въ прежнее Эльдorado. Только одна Меланья Ивановна почти регулярно разъ въ недѣлю навѣщала Костыльковку. Она заѣзжала сюда по дорогѣ въ монастырь, который стоялъ за Кудимовкой, и обыкновенно жаловала поздно ввечеру. Переночевавъ, отправлялась чуть свѣтъ на богомолье, а на возвратномъ пути изволила полдничать и къ вечеру появлялась въ провинціи. Такъ какъ мы находимся нынѣ въ губерніи, то по-настоящему, намъ и дѣла никакого нѣтъ до провинціальныхъ нашихъ знакомцевъ; но полнота того требуетъ, чтобы уведомить читателя объ одномъ весьма важномъ обстоятельстве, возмутившемъ нашу провинцію.—Въ послѣдній разъ, какъ воеводиха проѣзжала на богомолье, сообщила она Костылькову важную новость. Вчера, такъ говорила она, передъ вечерними, мы только-что встали ото сна; Максимъ спросилъ квасу. Принесли брусничнаго, моего издѣлія: то есть, не квасъ, а малина; Максимъ только-что нацѣдилъ кружку, гляжу: облизывается, сноровляется какъ бы по-вкуснѣе выпить; вдругъ—застучало что-то у окна. Драгунъ вошелъ. Я такъ и обмерла. Думаю:—Ну, что ни есть безъ меня дуракъ отпустилъ глупаго; вѣрно за Максимомъ.... Подалъ драгунъ указъ. Максимъ читаетъ покойно; ну, думаю, не объ немъ; онъ у меня такой трусъ, что руки бы задрожали. Прочелъ и сказалъ драгуну:—Ступай въ канцелярію и я туда приду. Драгунъ и пошелъ. Я кричу: Ну!—А онъ:—Попались, ребята! Галунчикова не жаль, такъ-себѣ мошенникъ, да и не надежный, а Лукичъ мастеръ своего дѣла; безъ него придется самому все справлять. — Да куда же ихъ?.. — Ни куда. Отставить и впредь ни куда во всей провинціи не принимать.... — За что?—Э, когда бы было написано, я бы и объявилъ. Ну, надо пойти въ канцелярію, позвать виновныхъ и губерна-

торскій указъ объявить. Одного не пойму, за что имъ опала, а мнѣ милость. Похваляетъ мое усердіе..... Къ чему? Я, признательно, только къ тому усерденъ, что моимъ интересамъ и супругѣ моей Меланѣ Ивановнѣ угодно.... Это онъ, знаешь, Иванъ Степанычъ, на тебя намѣкалъ....

— Ну, что жъ, перебилъ Костыльковъ, и оставили?....

— Отставили.

— Что жъ, больно огорчились?

— Куда! Перекрестились и сказали: слава Богу.

— За что?

— Видно, не одной отставки ожидали.....

— Что жъ они теперь дѣлать станутъ? Помрутъ съ голоду?

— Э, какъ бы не такъ. Мало ли они на своихъ мѣстахъ сидѣли? Знали, что скользко. Что нужно, приберегли. Съ голоду? Не таковскіе. Поѣдутъ въ другую провинцію, въ другую губернію, гдѣ ни ихъ, ни объ нихъ не знаютъ, поищутъ воеводу по-себѣ и одурачатъ. Ну, душоночка, пусть ихъ пропадаютъ, лишь бы ты былъ цѣлъ. Ужъ какъ мнѣ дорого обошлось уломать Максима! Больно хотѣлъ послать тебя на службу, да я какъ приняла его по-своему; до кочерги дошло; ну, да помогъ Богъ управиться: на своемъ поставила. Максимъ и теперь всё побаивается. То и дѣло вздыхаетъ, а тутъ еще и земскаго комиссара изъ губерніи прислали; сержантомъ былъ въ полку, такъ самъ подумай, какой съ нимъ трудъ будетъ. Да все трень-трава; сладимъ, лишь бы ты, мой голубчикъ, здравствовалъ.....

Костыльковъ вздохнулъ. И было изъ чего. Положеніе его становилось невыносимымъ; воеводиха одна чего стоила; Степанычъ не шелъ съ ума; и Маша не-разъ являлась ему во снѣ и что-то ужасное рассказывала; да и Груша явно ненавидѣла его; и воли-то прежней не было. Онъ не охотно оставлялъ хоромы свои, чтобы не повстрѣчаться съ предателемъ, и Сидоръ доносилъ, что люди по-своему всякой вздоръ толкуютъ. Откупился отъ службы дорогою цѣною Иванъ Степанычъ. Были у него и друзья, не безъ того: крѣпкій медъ, вино заморское, наливки и настойки; съ ними онъ мыкалъ свое горе; поутру спалъ до обѣда;

всёгъ обѣда до ужина, и въ короткое время красота Ивана Степановича стала жаловаться на незарывающія дружокъ. Вино-вать. Поробавль. Еще другъ былъ у Костылькова; но, по знаменію, Сидоръ не смѣлъ вступиться въ домашнюю жизнь барина. Любя его по привычкѣ, онъ однако не унижался во-своему; затѣялъ карты, шкурки, веревочку; переселъ дворовыхъ посидѣли въ барскія хоромы. Ивану Степановичу больше всего нравились шкурки; онъ нещадно маришь лгутомъ Дуняшку, дочку Сидора, которая, надѣясь на за-слуги отца, умѣла защищаться противъ костьюльковскихъ заманшекъ и однажды, назначивъ ему свиданіе за гунбогъ, чтобы отецъ не выдалъ, заставила его подъ дождемъ и хо-лодомъ прогулять добрыхъ два часа.—Страшное, бесчест-ное уваженіе къ старому Сидору спасло Дуню отъ закон-ныхъ послѣдствій такой дерзости, но зато въ шкуркахъ никто такъ часто не пощадался подъ землю и не получалъ такихъ искреннихъ ударовъ, отъ всей души и отъ всей руки. Дуня оттерливалась и отмалчивалась, надѣясь когда-нибудь тѣмъ обезоружить мстителя.

Въ этотъ несчастный вечеръ мѣра терпѣнія ея, однако же, исполнилась. Неловкій ударъ жгута пришелся по рукѣ въ такомъ мѣстѣ, что Дуня не выдержала, сорвала платокъ и зарыдала.

— Богъ тебя накажетъ! сказала она, и въ то же время запылавшись вбѣжалъ конюхъ.

— Разбойники! закричалъ онъ.....

— Гдѣ? вскрикнули всѣ.....

— Версты двѣ отсель, не больше.

— Ты какъ ихъ заидѣлъ?....

— Я былъ у тѣтки, у Евдокимовны, за недугомъ. И до-лечить не успѣла. Нагрѣнула. Она въ оврагъ ушла, а я, на коня, да и отбѣжалъ. Глажу изъ-дали: собралось ихъ, при-мѣрно, больше сотни; куда! Пошли по нашей дорогѣ. Куда же имъ быть, какъ не въ Костыльковку?....

Костыльковъ совершенно растерялся, но Сидоръ немед-ленно распорядился; что по-дорожке, прибрали; казну, ко-торая отъ разныхъ растратъ поуменьшилась значитель-но, а осеннимъ доходомъ еще не пополнилась, частію забралъ самъ, частію передалъ дочери, и не слушая Ко-

малышка, сконфуженная въ дѣтвѣ, на провинціи!... Едва она слышала въ ушахъ, какъ въ воздухѣ услышали саранский выстрѣлъ, какъ нѣкто изъ костыльковскихъ жителей изъ кизима спохватился не слышавъ. Только одинъ Сидоръ дождавшись чужаго дѣла и закричалъ:

«... Смирно! это крикъ! Видно, концы отъ болѣе широкихъ людей съ разбойниками приближались.... Нечего намъ слышать. Уши успеваютъ на людей еще надо, а добычи. Женский полъ, спущай изъ дѣтвѣ. Старикъ Кирило пускай идетъ съ нами; а мы пристраиваемся за кизимами; разбойники, такъ спрячутся и когда пройдутъ на усадьбуны уйдутъ; а если они отъ широкихъ людей бѣгутъ, дадутъ отпоръ; свероятъ и Москальковка увидѣется. Слышите! орать пушка! Не у веревъ же орматы водятся! А если бы и у воровъ, такъ въ чистотѣ вѣдь бѣтъ нужды тѣшиться не будутъ. Слышите! пальба! и стрѣляютъ складно. Хватай колья изъ забора, становись на отпоръ. У кого вещи есть, передай бабамъ. Женский полъ! оставайся! Съ нами крестная сила! Смирно!»

Стало тихо, какъ передъ бурей. Вдали слышны были выстрѣлы и крики смерти, отчаянья, команды и тому подобныя звуки восстающаго. Густой толпой, хотя и въ безпорядкѣ, бѣжало до ста человѣкъ прямо на Костыльковку. Гарнизонъ Сидора съ бабами не простирался и до пятидесяти человѣкъ, хотя изъ конюшенъ, амбаровъ, кухни и сторожекъ пришли къ нему не малыя команды; но одна изъ нихъ была весьма важна. Это псарь съ своими ратниками. По его свистку высыпали псы авангардомъ и бросились на встрѣчу гостямъ; то были отлично обученныя гонимыя, которыхъ у страстнаго начальника и въ Костыльковкѣ исправляли дѣла службы..... Напервъ ихъ было такъ значительнѣе, что удержали толпу на мгновеніе; тутъ псарь не выдержавъ; охотъ кричить и весь гарнизонъ, вмѣстѣ съ бабами произвелъ такой крикъ и гамъ, что разбойники, оглушенные пушечными выстрѣлами, и неожиданною встрѣчей военной команды, были увѣрены, что въ плетняхъ костыльковскихъ ожидала ихъ засада, но, не выждавъ сигнала, преждевременно подняла тревогу. Въ страхѣ толпа разбѣжнулась на обѣ стороны и побѣжала дѣликомъ по полямъ, кто направо, кто налѣво. Но военная команда,

видно, была хорошо знакома съ известностью и драгуны успѣшили отрѣзать бѣгущихъ отъ луговой стороны. Седьмь, угадавъ женщину, выскочилъ изъ плетней и бѣгнулъ къ прудамъ, чтобы не впустить талой въ усадьбу. Сраженіе было съобна такъ хорошо развиграно, что изъ шайки разбойниковъ, въ которой, какъ оказалось, было около трехъ сотъ человекъ, на душо и двадцати. Много было побито картечью, много колотило ружьями; но большая часть взята военнопѣвными. Храбрость заразительна. Неуділо костыльковское парня, но даже бабы въ огородѣ захватили одного разбойника, бѣдѣвъ изъ страху, чѣмъ изъ разной добычки. Какъ бы то ни было, сраженіе кончилось уже на улицѣ между плетней. Военная команда по сигналу стала собираться къ мосту, перекинутому черезъ ручей у самой усадьбы, и Костыльковъ успѣвалъ въ хоромы, чтобы не скорѣе спрятаться отъ опаснаго глаза и спрятать женщину, который онъ считалъ въ не меньшей опасности. Но опасности его въ этомъ смыслѣ были совершенно излишней. Вы легко догадаетесь, что начальникъ военной команды былъ унтерлейтенантъ Лукомкинъ, а начальница Малаша. Они не могли не узнать Костыльковку и когда вагенбургъ, гдѣ въ московской повозкѣ своей находилась и каштанша, подошелъ къ мосту, и Лукомкинъ и Малаша, будучи условясь, закричали: — Стой.

— Ни шагу дальше! сказалъ капитанъ. Господа офицера, ко мнѣ!

И къ нему подошли два лейтенанта, четыре унтерлейтенанта, нѣсколько фендриховъ и артиллерійскій штыкьюнкеръ, — весь штабъ небольшого корпуса, состоявшаго изъ разныхъ гарнизонныхъ остатковъ, тридцати драгуновъ, полу-роты карамзина полка и вольницы, собранной по пути съ деревень и селъ.

— По нѣкоторымъ конъюнктурамъ, оказалъ капитанъ, мы не должны входить въ эту усадьбу. Почему рекомендую вамъ, перевязавъ какъ слѣдуетъ полоненниковъ, идти обратно къ рѣкѣ, для того, что разбойники могутъ въ секунду своснѣ, одѣлать второй десантъ въ томъ же мундѣ. Экспедиція требуетъ успѣшности. Служайте!

— Ну, душа моя, сазалъ онъ жонѣ: ты слышала при-
казъ. Надѣюсь, одобришь....

Малаша скватила руку его и съ жаромъ, обливаясь слезами, стала дѣловать ее. — Сидоръ, несмотря на то, что уже порядочно смерклося, узналъ ее и не вытерпѣлъ, подбѣжалъ и спросилъ по-привычкѣ....

— Ты ли это, Машка?...

Сильная пощечина отъ капитанской руки была отвѣтомъ на личный вопросъ....

— За что ты его бьешь? сказала Маша. Я, Сидоръ, а. Не бойди по мнѣ! Спасибо тебѣ за старое время. Только ты и любилъ меня въ этой Костыльковкѣ; только тебя, да твою Душину любила я между этихъ дрянныхъ народомъ. Чтѣ она, бѣдная?... Чално, старикъ, не отвѣчай! Боюсь твоего отвѣту. Слажи ей, что горемычная Маша теперь капитанша, благодаритъ Бога за себя и молится за нее!...

— И Богъ спасаетъ ее твоими молитвами....

— Право? Постой, Сидоръ, можетъ-быть....

— Маригъ! Труби маригъ! закричалъ капитанъ: послѣ, Сидоръ, послѣ, можетъ-быть, завтра я доскажу тебѣ, что узнаеть Маша... Прощай, старикъ, и я у тебя въ долгу. Поклонись барину.

Войско тронулось въ походъ. Сидоръ, забывшись, пошелъ велѣть повозки, разговаривая съ Машей и если бы она ему не напомнила, гдѣ онъ, Сидоръ бы, вѣроятно, проводилъ Машину до главной квартиры. Остановился Сидоръ; войско прошло, а онъ всё-еще стоялъ въ раздумьи.

Сидоръ, Сидоръ! раздавались крики по всей усадьбѣ....

— Здѣсь! громогласно гаркнулъ старикъ и поплелся на привычную службу. Въ коремахъ онъ нашелъ одного Костылькова, который съ привычною радостью прогуливался по комнатѣ и тянулъ медъ.

— Ушли! А? Ушли! Спасибо! Костыльковку отстояли, да и благодарности не требовали. Видно, что не приказные...—Ну, Сидоръ, на-радости хлѣбни-ка меду.

— Виновать. Не пью.

— Чтѣ ты, раскольникъ, чтѣ ли?

— Нѣтъ, съ-молоду матушка твоа, царство ей небесное, Марья Савишна, къ трезвости приучала....

— За то батюшка, Степанъ Оедоровичъ отъ чарки не отнѣкивался.... Мужское дѣло пить и любовь вести, а прочая—бабій промыселъ. Выпей!

— Не могу. И если бъ у меня былъ такой голосъ и чинъ, чтобы вамъ совѣтъ сказать, сказалъ бы я и вамъ, Иванъ Степанычъ: бросьте бражничать, наткнемся на бѣду. И Пафнутію мы тогда съ пьяныхъ глазъ попались. Сказалъ бы я....

Костыльковъ задумался; на лицѣ у него показалась мучива, которая вольно ходила по душѣ его и ничѣмъ не могъ онъ ни отогнать, ни заглушить ее. Душа человѣческая, ужъ въ который разъ тебя сравниваютъ съ міромъ Божіимъ; и правильно, ей-ей, правильно. Да и я еще разъ повторю это сравненіе. Какъ въ Божьемъ мірѣ быть бурѣ, замолкнутъ птицы, спрячутся люди и звѣри; нѣтъ веселья; въ воздухѣ тяжело и душно; а буря гдѣ еще! далече! Такъ и въ душѣ нашей. И завтрашнее горе, и завтрашнее веселье сказываются сегодня. Призадумался Костыльковъ. Сидора это молчаніе ободрило и онъ продолжалъ:

— Сказалъ бы я тебѣ, Иванъ Степанычъ: женись; уходишься; отъ зла отстанешь; пойдутъ дѣти; съ ними сладка и забота; пусть свѣтъ, а станетъ полонъ.

— Женись! А! Женись! (Костыльковъ будто воскресъ.) — Мнѣ женись? Изъ чего? Чтобы жена у меня всякую забаву отняла? Чтобы за ея глазами, я уже и на другія не смотрѣлъ. Гдѣ такую невѣсту возьмешь?

— Невѣсть нынче много, жениховъ мало: всѣ на службѣ. Вотъ только изъ костыльковскихъ дачъ выйдешь, пошли волости разныхъ помѣщиковъ. Красавицъ сколько! Ты знаешь, что нашъ край богатъ женской красотой. Ты знаешь, что въ подломъ народѣ у насъ ни одного урода нѣтъ; а дворянки....

— Дворянки? Ты, Сидоръ, изъ ума выжилъ. Была у меня такая, что будь ко мнѣ по-ласковѣе, женился бы; и теперь есть такая, да тоже не ласкова.... Дворянки!—Не я ужъ буду въ моемъ добрѣ хозяинъ; ты и меня воцводой Буруновымъ хочешь сдѣлать! Нѣтъ, Сидоръ! Пожалуй, коли ужъ безъ жены жить нельзя, такъ я женюсь, да на

своей, чтобы моей воли помѣхи не было. Желось на твою Дуняшѣ....

— Помилосердуй, Иванъ Степанычъ, что ты хочешь дѣлать?....

— Ужъ я знаю, что я хочу сдѣлать. Говорю тебѣ, такая моя воля, и кончено. Позови неvěсту....

— Не смогла она отъ твоихъ побоевъ.... лежить....

— Кого любишь, того и бьешь.... Пей, старикъ, за мою неvěсту. Ну!

— Ужъ если долженъ я вышить, изволь, только не за эту глупую свадьбу, а за мою добрую капитаншу, за Меланію Ивановну! Знатная вышла барыня! Многая ей лѣта!...

— Малаша, что ли? А? Гдѣ ты ее видѣлъ?

— На мосту костыльковскомъ, между ратными людьми....

— Развѣ этотъ офицеръ опять здѣсь?....

— Капитаномъ сталъ и всей командой заправляетъ. Приказалъ тебѣ кланяться. Наказалъ ждать его въ Костыльковку завтра.....

— Завтра!....

И Костыльковъ опять призадумался. Бурей метало мысли его. Рука сама собой хватала кружку съ медомъ. Сидоръ безпрестанно подливалъ и Костыльковъ опьняѣлъ....

— Си...доръ... Ду...ня...шу.... бормоталъ онъ.

Сидоръ, поддерживая его, провелъ въ опочивальню и съ трудомъ могъ раздѣть. Костыльковъ уснулъ и Сидоръ вздохнулъ свободно. Недолго спалъ старикъ. Безпокойные сны тревожили его всю ночь. Утромъ онъ не приказалъ отворять ставней; запретилъ ходить возлѣ барскихъ оконъ; нѣсколько разъ собирався сказать Дуняшѣ, что задумалъ подъ хмѣлю Иванъ Степанычъ.... и не рѣшался. — Дукомкинъ выручилъ старика. Онъ пріѣхалъ съ десятью драгунами.

— Здравствуй, Сидоръ. Что Иванъ Степанычъ?

— Почивать изволить!

— Поздненько. Мы и подождемъ. — Ну, что тутъ у васъ хорошаго дѣлается?....

— Да гдѣ тутъ у насъ быть хорошему!....

И Сидоръ разсвѣдалъ, какъ Костыльковъ задумалъ овладѣть его Дуняшей.

— Не сможетъ, бѣдная; году не проживетъ; а ему это и съ руки будетъ. Такъ подумай, господишь капитанъ, каково-то отцу....

— Авось горю поможемъ. Буди его и подай ко мнѣ. Я его приму въ руки по-своему.

Долго ждать пришлось Лукомингу; наконецъ Костыльковъ вышелъ, блѣдный отъ страха, но со всѣми приваками вчерашникъ излишествъ....

— Здравствуй, Иванъ Степановичъ!

— Здравствуй-те, не знаю какъ васъ кликать....

— Изволь, я, пожалуй, и титулъ мой повторю, коли ты въ мѣсяцъ съ хвостикомъ позабыть успѣлъ....

— Какъ мѣсяцъ! Да я васъ не видалъ почитай три мѣсяца. Въ августѣ изволили быть здѣсь, а теперь уже ноябрь....

— А на Москвѣ?

— Что на Москвѣ?

— Полно, Иванъ Степановичъ, какъ тебѣ не стыдно! Семень, Романовъ сынъ, Лукоминъ, капитанъ-лейтенантъ каразна полка, а гвардiи семеновской унтер-лейтенантъ, ужъ не такая опять ничтожная прѣшка, чтобы забыть....

— Да я васъ не забылъ....

— А забылъ только, видно, про долларъ. Денежки-то брать умѣли, а пришелъ терминъ, такъ и на Москвѣ не были....

— Деньги, какія деньги?

— О, да это изъ рукъ вонъ! Ты кто такой?

— Да вѣдь вы, Семень Романовичъ, знаете кто я такой....

— Я, братъ, деньги и самъ беру, и другимъ даю, да никогда про то не забываю. Деньга счетъ любить. Кто не бережетъ копѣйки, говоритъ нашъ великій государь, тотъ самъ не стоитъ рубля. Такъ вотъ и все-туть. Подай мои деньги, и кончено.

— Да какія деньги! Ради Бога, что вы тутъ гордите!

Только страхъ нагоняете. Такія шутки непристойно шутить....

— Ахъ ты, скарядъ этакой! Такъ ты и не знаешь какія деньги? Не сотня какая! Какъ на Москвѣ брагъ, такъ не торговался.

— Я! на Москвѣ! Да я на Москвѣ отродясь не былъ!

— Такъ ты не Костыльковъ?

— Тѣбу ты притча какая! Да растолкуйте, пожалуйста, чего вы отъ меня хотите?

— Такъ ты не Костыльковъ?

— Нѣтъ; не Костыль.... только, право, вѣдь вы лучше меня знаете....

— Да кто васъ разберетъ! Такъ видно Иванъ Степанычъ съ Москвы не вернулся....

— Нѣтъ, не вернулся.

— А! Ну! Такъ дѣло другое! Мы и безъ него обойдемся! Деньги свои доправимъ. Ну, а ты кто?....

— Я?

— Ну, да....

— Я не я! Я другой! Сидоръ, какъ зовутъ того? Я, право, не письменный, въ столъ положилъ, такъ и лежить....

— Чтò? Ты уже и не письменный! Пожалуй, не ты эту заемную крѣпость подписывалъ?

— Какую крѣпость?

— А вотъ эту.

— Не я!....

— Ну, не ты, такъ я?

— Право, незнаю.

ся. Ну?

— Тамъ про

Ванька Лом

— Н

Се язъ, Иванъ, Степановъ сынъ, Костыльковъ, западъ есмь у капитана-лейтенанта, гвардіи семеновскаго полка унтеръ-лейтенанта, у Семена, Романова сына, Лукомкина на всякой нашъ расходъ, что намъ въ Москвѣ и въ Питербурхѣ живучи, чѣмъ сытнѣи быти, три тысячи рублевъ, денегъ московскихъ ходячихъ, прямихъ, безъ приписи, септемврія отъ двадесять-осьмага числа, октобрія по двадесять-осьмое жъ число нынѣшняго семьсотъ-осемьнадсятаго году, до того срока безъ росту; а въ тѣхъ деньгахъ заложилъ есмь, ему, Лукомкину, отчину свою въ.... уѣздѣ въ кудинновскомъ погостѣ Старую Усадьбу съ пашнею, и съ сѣнными покосами и съ лѣсомъ и съ рыбными ловли и съ бобровыми гоны и съ веревъсы и со всякимъ угоды, что изъ той отчины бывало изстари по тѣмъ, куды подпаа соха и коса и товоръ, по старымъ межанъ, какъ было изстари, и какъ по мешевальской памяти досталася та отчина отцу моему Степкѣ, Федорову сыну, Костылькову, отъ врежняго годя отчины помѣщика Степки же, Петрова сына, Полоскова. А заплатитъ мнѣ тѣ деньги или прикащику моему Ванькѣ Ложкину въ срокъ нынѣшняго года октобрія въ двадесять-осьмое жъ число безо всякія волокиты. А будетъ я тое отчины на тотъ срокъ не выкуплю, которой въ сей записи писалъ, и на ту отчину будетъ ся закладная и купчая, безъ выкупу. А будетъ я, или Ванька Ложкинъ, учнетъ чинить сей закладной и купчей, каковую помѣху, то воленъ онъ, Лукомкинъ, съ того Ваньки Ложкина править сю записъ по уложенью, безъ подставы другихъ людей моихъ. А та у меня отчина, окромя ему, Лукомкину, не продана, ни заложена и по душѣ ни въ которой монастырь, ни церкви, ни въ дамя, ни въ рядные, ни въ закладныхъ денежныхъ, и хлѣбныхъ, ни въ чемъ ни у кого не написана, ни въ какихъ крѣпостѣхъ не укрѣплена. А на то послухи: Кирилло, Александровъ сынъ, Чезушкинъ, да Семенъ, Михайловъ сынъ, Бузина, да Иванъ Григорьевъ, да Игуатей Патракиевъ, да Юрій, Антоновъ сынъ, Лошаковъ. А сю закладную записъ писалъ московскій площадной подъячій Анисимъ Абрамовъ, лѣта 1718, септемврія въ 28 день. — Язъ, Иванъ, по сей закладной, деньги занялъ, и отчину заложилъ и руку приложилъ.

— Тутъ опять идутъ послусяи руки, заключилъ Лукомкинъ, и сложилъ бумагу спрятагъ въ карманъ....

При объявленіи, что денегъ взято три тысячи, Костыльковъ возопилъ: «Три тысячи! Иуда!» Но при дальнѣйшемъ чтеніи онъ только по временамъ посклипчалъ: «Господи! Боже праведный!» и тому подобныя молитвенныя выраженія. Когда Лукомкинъ кончилъ, Костыльковъ

схватить себя за волосы и кричалъ во все горло: «Подлогъ! Разбой!»

— Ванька! грозно сказалъ Луконкинъ: давай деньги! Или....

— Не дамъ, хоть зарѣжь, и усадьбы не дамъ, не сплутете, не удастся; обличать и тебя и Степаныча, по суду разьяшудь, казнять....

— Ужь только не меня. Я знать не знаю, кто изъ васъ Костыльковъ, кто Ломжинъ, кто отчизникъ, кто приказчикъ: мнѣ мои деньги всегда вернутся по законамъ, а ты себя какъ тамъ хочешь, хоть всю голову оборан, ничего не можешь. Ну, Ванька....

— Да я же не Ванька! Вотъ тебѣ! Я Костыльковъ....

— Можеть-быть! За глаза деньги занимали. Приказные подъячье приносили мнѣ костыльковскія бумаги; тамъ и стольникъ Кольчевъ и губернаторъ руки приложили, такъ мнѣ вѣры не имѣть нельзя.... А если ты Костыльковъ, такъ ты и плати, или давай Старую Усадьбу, а не отдашь, въ судъ! Справимся! Впередъ не бери денегъ, не давай записей долъ нечѣмъ платить....

— Провались ты....

— Тыше! За безчестье и всѣми своими отчизнами не отдѣлаться, холошь ноганыи!

— Я холошь?

— А кто же ты? Коли ты Костыльковъ, покажи бумагу, а что ты Ванька Ломжинъ, въ томъ есть уже бумага. Ну, въ послѣдній разъ спрашиваю? Платишь?

— Нѣтъ!

— Ну, такъ не сердись, если тебя выведутъ передъ воеводскую канцелярію и побоями стануть мой долгъ платить. Другаго за себя не поставишь: такъ и въ записи сказано.... Прощай!

Луконкинъ уѣхалъ.

— Чтѣ вы надѣлали! Иванъ Степанычъ и мнѣ-то чего не сказали? Не стыдно ли? Подумайте, чтѣ тутъ будетъ?

— Ничего не будетъ! Воеводиха выручитъ. Втюрилась въ меня по-уши. Пусть же теперь и отстанываетъ. Баба проклятая! Ужь лучше бы я пошелъ служить!

— И точно лучше!

— Ты, хара, какъ съвѣешь разсуждать! Туда же лѣзешь съ совѣтами, жавотное! Стоять, молчать, а еще шнырять!

— Да какъ же мнѣ говорить, когда вы сами отъ себя отреклись....

— Опять уминчать! Довольно! Чтѣ безъ времени тужить. Воеводиха уладитъ, а пока чтѣ будетъ, подавай сюда Дуняшу. Хочу съ нею перемолвить....

— Иванъ Степанычъ!

— Не могу! Сердце одолѣла, а какъ теперь расходилася, такъ ничѣмъ не уймешь. Ступай, а нето худо будетъ....

— Иванъ Степанычъ!

— Конечно, говорю, и неимѣню своего слова!

— Ванька! сказалъ Сидоръ значительно: Иванъ Степанычъ на Москвѣ....

Костыльковъ оторошѣлъ.

— Вотъ въ этой бумагѣ, что у меня въ рукахъ, продолжалъ Сидоръ, вразумительно написано, что Иванъ Степанычъ поѣхалъ на службу царскую, а тебя, Ваньку Ломжина, оставилъ свои отчины вѣдать. Онъ нашихъ животныхъ и тѣлесъ хозяйничать, а ты за нашей доброй службой смотри и господскихъ колопей обихать не мзволь. А мы свою службу честно правимъ; и если ты отъ моей дочки не отстанешь, то я поведу всю дворню себеру и волю Ивана Степаныча вѣзмъ объявлю. Почему мы знаемъ, что ты не Иванъ Степанычъ, а Ванька Ломжинъ!

Костыльковъ сѣлъ на стулъ и безсмысленными глазами смотрѣлъ на Сидора. Старикъ съ бумагой стоялъ чинно и смирно погунувъ глаза въ землю....

— Тѣ-то же, Иванъ Степанычъ! опять началъ старикъ: попалось въ бѣду цѣнскодную, а бѣсовщина отъ ума поидеть. Богъ казнить за Меланью. Не вѣривши вы мнѣ, что она не крѣпостная ваша; не слушали, чтѣ матушка вамъ заповѣдала, умирая, беречь Маланьку, чтѣ сестру и отчий грѣхъ очистить.... Пріемьшигъ! Такъ! Безъ рѣду, безъ племени. Принесли ихъ на усадьбу двонхъ; мальчишка и дѣвочку. Въ ту же ночь какъ принесли, мальчику пропалъ. Больно сердился Степанъ Федоровычъ, людей небилъ,

погоню разослать, не нашили и слѣду. Ужъ если бь въ этихъ дѣлахъ не сидѣла тайность, Степанъ Федоровичъ и не подумала бы заботиться объ нихъ. Видно, было не ладно. Матушка, кажись, знала правду, да память мужа берегла. Рано умерла Марья Савишна; не такъ бы пошло.... И васьто она съ Малашей какъ родныхъ вела; не ребенкомъ же беспомытнымъ вась оставила: по семнадцатому году; можно было помнать заштъ. И въ тѣ проклятыя дожники, когда сломалъ вась нечистый на грѣхъ, сколько словъ истратилъ глупый Сидоръ, сколько слезъ промылъ и молился, васьше матушкѣ моллился.... Не помогло.... Принимъ казнь Божія!

— Сидоръ! Сидоръ! Чтѣ же намъ дѣлать теперь?...

— Покоритесь волѣ Божіей! И съ того начать, что послать кудимовскому нону указъ, чтобъ пересталъ молотить на гумнѣ, крестьяне ему вымолотятъ. А то на чтѣ похоже, на Покрова въ церкви службы не было; попь съ причетниками озвную свѣль. Много, много во весь годъ три службы отиравлено; люди безъ церкви живутъ, а отъ того, что баринъ туда никогда не ходитъ. По отходѣ Марья Савишны мы и у исповѣди не были!... а грѣховъ-то не мало накопилось. Ужъ развѣ мы расколениковъ тѣшишь?... Но-идему для церковниковъ укажи миру работать, а чо правду сказать и имъ-то ѣсть нечего будетъ, когда-свѣи должны и всначать и засѣять, и снать; а миру-то что дѣлать? Въ одинъ день больше сдѣлають, чѣмъ попь причетниками въ три мѣсяца. Погостъ большой. Такъ Иванъ Степанычъ, церковь открыть.... Вотъ, завтра воскресный день....

— Хорошо, хорошо, Сидоръ.... Все сдѣлаю.... Душаю, такъ ты меня не выразишь, хочу жонить....

— А я не хочу. Не пристойно. А если захоу свое жонить, такъ и простишь съ Сидоромъ. На сеорамся.

— Ну, благо, благо! Вели заложить таратайку, въ Кудимовку, къ нону поѣду. Отслужу молибенъ, эта притча на другой бошь перевернется....

Поѣхалъ Костыльковъ въ Кудимовку. Вернулся довожно воедно и къ удивленію замѣтилъ, что на усальбѣ на-

кого не было видно: даже не кому было принять таратайки. Костыльковъ кричалъ, звалъ, напрасно. Нечего дѣлать; соскочилъ отъ съ таратайки, вожжи отъ лошадей привязалъ къ крыльцу; вошелъ въ хоромы. Тамъ сидѣли Лукомкинъ, новый земскій комиссаръ, и еще два комиссара.

— Вотъ онъ, Ванька Ломжинъ! сказалъ Лукомкинъ.

— Ванька Ломжинъ! сказалъ земскій комиссаръ весьма покойно: закладная крѣпость господина твоего читана тебѣ или нѣтъ?...

— Читана! поблѣднѣвъ отвѣчалъ Костыльковъ.

— Подай межевальную память на отчину Старая Усадьба.

— У меня никакихъ бумагъ нѣтъ.... Я не отдамъ Старой Усадьбы; она....

— Послушай, Ванька, перебилъ комиссаръ: сего числа подана въ судъ заемная ея крѣпость, признана судомъ исправною, а мнѣ указано привести немедля въ исполненіе. А если ты хочешь долгу моему предшодить, такъ я поступлю по уложенію, по главѣ X, по пункту 204, который въ указѣ семь мнѣ данномъ, прописанъ. Тутъ сказано: «А на правожѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ бити до тѣхъ рублѣвъ, покамѣсть съ должники роздѣлаются». А какъ по пункту той же главы 261, рѣчено, что имъ или людямъ не стоять на правожѣ во стѣ рублѣхъ мѣсяць, а какъ указъ мой за себя указалъ на правожѣ поставить Ваньку Ломжина, безъ всякой подставы, то я и безъ суда Ваньку Ломжина, и представляю въ судъ, и тамъ судомъ прикажу бити немедлю, покамѣсть съ должники не росчитаеться, или до учету по сту рублѣвъ за рублѣвъ.... Вотъ тебѣ указъ, и побѣдѣ. Да и чудно, что ты сама свое добро стоишь! Есть деньги, плати; нѣтъ денегъ, отдавай Усадьбу; а побоевъ, молокососъ, не много не сососъ, и господинъ тебѣ не скажетъ спасибо....

— Да комулуй!...

— Да что ты, судъ, что ли! Дѣло простое. Крѣпость на лицо. Толковать нечего. Указъ и написали. А я комиссаръ — не Галунчиковъ. Я солдатъ. Что приказано, то я чиню со всякою исправностью, какъ доброму солдату надлежитъ.

Ну, Ванька! Я съ тобою чинился на буду. Поглядеть, а на-то повелу,...

— Да какъ же это повелю ничего не говорить на те-кее...?

— Да что тутъ повелю за дѣло? Не по его части. Онъ сторона. Судъ рѣшить, земство править....

Уныніе овладѣло Костыльковымъ. Онъ сталъ горько плакать. Коммиссаръ разсердился.

— Да ты видно продувной; думаешь разжалобить стара-го солдата! Говорю тебѣ, ѣдемъ. А господа коммиссары опечатають твои бумаги и доставятъ въ судъ, а потомъ и къ хоромамъ привѣсятъ печати, чтобы паче чаянія добру хозяйскому, пока ты будешь стоять на правожѣ, не учини-лось какого ущербу. Ну!...

— Дѣлайте, что хотите! Я на все согласенъ, сказалъ Костыльковъ, рыдая и бросился въ кресла.

— Давно бы такъ! Давай деньги!

— Девонъ столько нѣтъ.

— Такъ давай бумаги....

— Спросите у Сидора.

— Коммиссаръ, спроси.

Сидоръ, утирая слезы и всхлипывая принесъ мешочекъ-ную запись.

— Ну, теперь, ты, плакса, старикъ, ноги прикажи по-шадой подавать, и Ванька съ нами поѣдетъ.

— Увольте....

— Нельзя. Надо введъ справить. Ты доложишь на лицо и на отводной руку приложить, и отъ господина пи-тана и унтера-лейтенанта крѣпость съ повѣстомъ вы-нять.

— Я неумѣю писать....

— Такъ я за тебя расписнусь. Такъ ли, господа ком-сары?

— Совершенно такъ.... Только Ванькѣ надо на лицо и между обойти....

— Лошади готовы, рыдая сказалъ Сидоръ, и всхлипы-вился въ путь.

Обѣхали всю границу, повѣрили межи, и наконецъ прибыли къ Старой Усадьбѣ поздно вечеромъ, когда сошелъ

ничко смерклося. Жизненный видъ представился глазамъ ихъ. У разложенныхъ по всему берегу рѣки огней, ужиная команда. Въ кружкѣ шла музыка и пѣсни, а въ хоренкахъ вездѣ горѣли огни.... Въ главномъ покоѣ, весьма обширномъ, накрыте было къ ужину; штабъ корпуса давно уже собрался туда, но никто не прикасался къ ествамъ, ожидая командира.

— Ну, вотъ теперь распиемся на отводѣ и дѣлу коноцъ. Такъ ли, господа комиссары!...

— Совершенно такъ.

— А какъ писать?

— На отводѣ были, а потомъ руки....

— Кому прежде?

— Новому владѣльцу.

Лукомкинъ подписался.

— Ну, теперь за тебя, а какъ зовутъ?

— Право забытъ.

— Ванька, Сидоровъ сынъ, Ломжинъ, подхватиъ Лукомкинъ.

— Ну, вотъ я черкнулъ. Теперь кажется вамъ, господа комиссары.

И тѣ расписались. Лукомкинъ сдѣлалъ помѣту на крѣпости и поднесъ Костылькову.

— Ну, Ванька, вотъ тебѣ крѣпость! Не хочешь ли занять горе заморскимъ?...

— Захлебнись ты, окаанный! съ бѣшенствомъ связалъ Костыльковъ, и уѣхалъ въ Костыльковку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ПРОМАХИ.

«Квинтилианусъ! Что, если бы ты читалъ нашу настоящую, не греко-славено-латинскую, а галло-германе-русскую литературу! Какимъ бы ты былъ ужаснымъ львомъ! Куда выгнаннымъ нашимъ брадатымъ, сквознымъ эскадромъ Нельсона Просвета, противу тебя, о Квинтилианусъ! Ты ходилъ въ длинномъ черномъ зинурѣ, съ столченнымъ воротникомъ; въ двѣнадцати пуговицъ на груди твоей пребывало въ цѣлости иногда двѣ, а иногда и одна; господей въ самоти вѣнчать было не убого; даже

политикажами, любезными картинками вышивалого убка. А теперь, о Квинтилианусъ, ложись въ исторію!

Уже мѣсяць прошелъ съ-тѣхъ-поръ какъ Квинтилианусъ посѣщалъ Степаныча почти каждый вечеръ. Прошли они грамматику, которая хотя и называлась словенскою, но въ существѣ была латинская. Но этого Степанычъ не могъ замѣтить; и надо правду сказать, маго отъ ею и занимался, а больше упражнялся въ чтеніи книгъ и рукописей, которыя учитель доставалъ ему разными средствами. И это было любимое препровожденіе времени Степаныча. Товарищъ его, Жатый, выдворенный, явился на смотръ, признанъ годнымъ и отправился на окончательный смотръ въ Питербургъ въ военную коллегію. Не будь Квинтилиануса и книгъ, по вечерамъ пришлось бы умереть со скуки. Но въ мѣсяць чего не перечтешь и всѣ запасы Квинтилиануса, годные для Степаныча, истощились. — Дочитывалъ онъ послѣдній запасъ, «Театронъ или позоръ правоучительный», и съ горестію по-сматривалъ на свою библіотеку, которая по части исторіи, географіи и богословіи рѣшительно могла быть признана полнѣйшею. Всѣ книги изданныя на русскомъ языкѣ до 1719 года, въ собачьихъ переплетехъ, стояли на трехъ полкахъ въ той комнатѣ, гдѣ прежде жилъ Жатый. Дочитывалъ Степанычъ, дочитывалъ и; наконецъ, дочиталъ.

— Кончено! сказалъ онъ со вздохомъ, и вѣзъ въ кабинетъ на свою библіотеку. Что бы почитать изъ стараго, что не такъ въ памяти удержалось? Самуила Пусендорфа или Боронія? Квинта-Курція или Деидерія Эразма?... Господи! Сколько на свѣтѣ твоемъ знанія и ученія, и одна память все то удержать можетъ. Все это прочелъ и въдаю, будто самъ изобрѣлъ, въ своей головѣ.... Дивно! А что должно быть въ Питербургѣ! Тамъ-то, я пай, книгъ всякихъ!...

Пересматривая со свѣчей дорожки и щипки собственноручно, Степанычъ вынулъ небольшую книжку и сталъ читать вслухъ;

Пречестнымъ вѣщомъ благоувѣщанымъ

Всѣмъ православнымъ яко солнце дашь
 Да намъ свѣтити яснѣ добротамъ
 Яко же солнце свѣтлыми лучами.
 Велий есть свѣтъ твой, тьмѣ одолеваетъ
 Мракъ безвѣрія весьма отгоняетъ.
 Адамантъ въ златѣ нѣсть только красенъ,
 Яко вѣрою духъ твой свѣтло ясенъ.
 Бога во Троицѣ ты едина чтиши,
 И должный поклонъ любезно твориши,
 Подъ нозѣ главу ты сивиря,
 Со смиреніемъ крѣпость соблюдая.
 Что либо саму царетву приличествуетъ,
 То святая ти душа державствуетъ.
 Доброты гнѣздо положиша въ тебѣ,
 Во сердцѣ твоємъ живутъ яко въ тебѣ.
 Наводоноссоръ не такъ жияше.
 Аще и скипетръ въ десницѣ держаше.
 Тьмою невѣрства бѣ онъ помраченный,
 Велиемъ чудомъ едва просвѣщенный.
 Къ тому гордости въ сердци исполнися,
 Всѣхъ боговъ наче самъ быти вознися.
 Образъ свой людемъ повелѣлъ бѣ чини,
 Не послушавшихъ въ нещи спалити.
 Три отрцы во огонь повержени,
 Но отъ ангела щѣло сохранени,
 Имъ же царь чудомъ къ вѣрѣ приводеся,
 Честь же отрокамъ велика дадеся.
 Что комидійно мы хотимъ явити,
 И аки само дѣло представити,
 Свѣтлости твоей и всѣмъ предстоящимъ,
 Княземъ бояромъ вѣрно ти служащимъ,
 Во утѣху сердець, здрави убо зрети
 А насъ въ милости своей сохрани.

(Носить, да вразитъ.)

— Знатный предисловецъ; хореша и комидія. Домашнее
 быть въ лицахъ дѣйство весьма пріятно для глазъ.

Въ это самое время, послышался обычный стукъ у
 двери. Въ большой комнатѣ Сергій кого-то обнималъ
 и въ опочивальню вошелъ Квинтиліанусъ.

— Ивану Степановичу здравія, долгодолетія и легкой
 книжной мудрости Особрасть Квинтиліанусъ немаловажно
 дашасть....

— И тебѣ того же!

— Ну, ужъ мнѣ можно бы и еще пожелать кое-чего.

— А чего бы наприкладъ?

— Денегъ! Завалось у меня отъ твоей щедрости рублей пятокъ. Всѣ спустилъ....

— Потерялъ?

— Потерялъ, только не обронилъ.

— Украли?

— Украли, только на глазахъ подъ личиной честнаго кавиера.

— Да скажи толкомъ....

— Проигралъ.

— Какъ, проигралъ?

— А какъ деньги проигрываютъ? Или въ зерно или въ карты....

— Бога ты не боишься! Въдъ это грѣхъ, во-первыхъ, а во-вторыхъ, на деньги запрещено играть указомъ; для забавы, если нечего дѣлать, ну, пожалуй, поиграй, а то въ деньги....

— Господишъ мой милостивый! Кто же безъ грѣха. А запретный плодъ слаще. Я, не хуже твоего, вѣрному иеремеитику знаю, даромъ-что еще не философъ; но кого однажды въ жизни не соблазнить виномъ, игрою, а наче женщиною! Дивуюсь тебѣ зѣло.

Статенъ и пригожь,
Съ Аполономъ схожь;
По богатству Крезъ,
Силою Геркулесъ,
А тебѣ ничто
Жены, зерно, вино!!..

Убей меня, а не разумью такой жизни. И отчего такъ оно устроено? Отчего ты не на моемъ, а я не на твоимъ? Умѣлъ бы я управиться съ дарами Божиими. За-творникъ, схишникъ, наче инока въ трудахъ пребываетъ, а пачѣ? Чтобы состарѣться и пожалѣть о своемъ неразуми. Проигралъ я послѣднiе пять рублей; не тужу; побѣждалъ къ портнихѣ Семлѣ и утѣшился. Сладкой бо едеи кашаеетъ жена въ горечь жизни и усладить то, чего безъ сея помощи не проглотишь....

— Ты чудакъ, Квинтиліанусъ! Развѣ мнѣ оудно на свѣтѣ?

— А развѣ и весело? Отвѣчай по-прежнему, не мудрствуя! Видишь-ли брѣ ты всежъ значь такъ прѣдшѣ, какъ тебѣ теперь живешь?....

— Боже сохрани!

— Вотъ видишь.....

— Хотѣлъ бы я посмотрѣть на чужія царства; Хотѣлъ бы взлѣзнуть на величайшаго изъ великхъ, какъ, благодаря тебѣ и твоимъ книгамъ, я разумѣю не по слуху разуму, а сердцемъ и разумомъ; хотѣлъ бы помыслить ему на полѣ чести, какъ рыцарю пристойно, потому что Моранскій санъ есть не иное что, какъ чинъ рыцарскій; Хотѣлъ бы побѣдъ въ баталіяхъ отличить, наукой славыица утѣнить, оставить отчизнѣ о себѣ память добрую и умереть за нриду отчизну:....

→ И только?

→ Кажется, только.

— Скажи лучше: только кажется, а на дѣлѣ еще многое бы похвалить, и похвалена. Батя не созданъ шибѣека, чтобы бить ему одному; тамъ ужь мудрствуй, не мудрствуй, а походи на тебѣ молодая, смелая баба, всѣ книги прочеши, да за нее пойдеши. Я тебѣ рассказывала же притчу о знатномъ философѣ Аристотелѣ: баба осѣдлала, а въ той комидіи о царѣ Навуходоносорѣ, что мыслъ тобою читали, Олофернъ какой былъ воевода, никто его одолѣть не могъ; а пришелъ другой полкъ, и Олофернъ сталъ слабъ. И какъ глѣпо слабость его въ комидіи изображена! Помнишь ли? Олофернъ былъ герой и пирилобецъ; такимъ силачамъ что вино, когда я, слабый смертный, возниваю косую и бодрости нимае не димаюся, а отъ, герой, вынулъ однимъ куфку и ошлѣтилъ. Не отъ вина, Мамаъ Елѣнѣица, а отъ красота чудеса творить; и по мнѣ съ большимъ естетѣица все гредѣ снѣ седьмого дѣйства по ладной прѣдѣицеана. Вынулъ кубокъ одинъ, а какъ дошла рѣчь до естетѣица съ Юдѣмо, когда она на желаніа его издѣлѣица дѣлѣица естетѣица, что гласитъ Олофернъ?

«Не зриши ли, прекрасная богиня, яко сила красота твоюя мя уже отчасти преодолеваетъ, естетѣица не-то, но

судитъ и сказать не могу; хочу же говорить, но дьяволъ больше прорещи не могу; хочу, хочу, но не могу же; не тебе еще вина, же окъ слыи прасоты твоея азъ вѣснадѣ....»

Природно, весьма правда! Такъ и съ нами бываетъ....

— Ты, милнѣ, подобралъ другую комедію, которую самъ дѣлалъ въ монастырскихъ сластолюбивыхъ Лейнахъ.

— Которая комедія?

— А «Ужасная измѣна сластолюбиваго житія въ широкости и Лейнахъ изобретенная?»....

— И ты позабылъ, что это зрѣлища дѣйствіемъ явлено при запустныхъ пированіяхъ отъ благородныхъ вельжко-россійскихъ младенцевъ. Помните ли, милостивѣй гос-подишо? Въ запусъ, го есть, о святцахъ; младенцы, тогда мы были младенцы. И зрѣлище было явлено іероглифиче-ски, го есть, образъ... Такъ-себѣ, притча—и тамъ. Да я же не разрешаю тебѣ. Бумъ, съ любовишкой какую урочишь, такъ уже и разрешаешь; а когда дѣлаетъ женщину въ жену поять хочешь, до свадьбы тоже волочишься за нею на во прелу, а на святѣ, а за всѣ-таки въ томъ нѣтъ. Ибо. Оумудри и тогда. Дрещіе были во-умише насъ; въ нашихъ московскихъ Лейнахъ нѣтъ такой мудрости, нека прещенны. Лейнахъ, ех сарбедга признается. Рамла пол-свѣтомъ обладаніе имѣли, а у нихъ. Ага амади, го есть, нгуна любви была кивной представлена. Окидусъ Назо, го есть, въ Цасомъ или Цосатилъ, какъ, соблазнительна женское это дѣло описать, что я на память берушь, да жаль, что ты не-милнѣ не редуешь. На гражданскій руссійской дѣлаъ аже нѣтъ тому дѣлу толкованія, го за-те рѣшии только-что изъ печати Мемморамъ того же аутора или превращенія въ лицахъ, дѣло, удивленія всаке-го достойное. Не могу я тебѣ привести. Зерны спасебы мои прещенны... Пустьъ разра.м. Ну, прости милостивѣй гос-подишо, бѣсаъ аюдѣтъ: по рано; прещенны и такъ пощ-рить, что я у тебя засиживаюсь....

— Жаль, кто не у меня, а у зермидиковъ.... И дѣлаги бѣлаъ бы цѣны и нѣтъ было бы не такъ скучно. Нѣтъ я не прикладъ буду дѣлать

— Ага! Вотъ видишь, будь любовишка, такъ и пощесъ

бы на амуры; разогналъ бы скуку, освѣжилъ бы мозги и съ новой силой принялся бы за работу.

— А сегодня, спросилъ Степанъ-гъ, нельзя уже той книжки искупить?

— Типографія заперта. Есть, правда, у товарища, да онъ безъ денегъ не отдастъ, потому что эмиссией ригерамъ не вѣрятъ.

— А что стѣитъ?....

— Полтина.

— Ну, такъ вотъ что, Квинтиліанусъ, я съ тобою пошла конюха, а ты искупи и отдай ему ту книжечку.... Вотъ тебѣ деньги!

— Да ужь дай и мнѣ полтину на раскину.....

— Изволь! Тебѣ я не жалю; ты же меня всякими добромъ усердно снабжаешь.....

И Квинтиліанусъ отправился. Степанъ-гъ, не имѣя что дѣлать, закинулъ себѣ руки на спину и сталъ ходить въ большомъ покоѣ взадъ и впередъ. Задумался онъ не на шутку.

— Охъ, Иванъ Степанъ-чъ, сказалъ Сергѣй, неотлучный стражъ тайника, въ которомъ хранилась гербовая бумага: Заучитесь вы дотога, что у васъ умъ за разумъ зайдетъ....

— Богъ помилуетъ. А что, Сергѣй, козлиныя перестали проситься въ покой?....

— Перестали, какъ я ему дверьми несъ прищенилъ. Теперь только намъ со двора идетъ, такъ къ крыльцу своротитъ, да ошенился и пойдетъ себѣ-дальше.

— А что, онъ всё-еще въ банѣ живетъ?

— Въ банѣ. Только ему нынче плохо приходится; какъ пошли холода, стали топить: дымно; у дѣвухи глаза разболѣлись.

— Право? Такъ ужь не охростать ли нѣтъ дома? Да жалко Удобень, всторонѣ стоитъ, ни откуда никакова амура Никто чужой незабредетъ. Тепло.... Ну, да завтра ты мнѣ напомни....

Принесъ конюхъ Овидіуса. Съ жадностію схватила Степанъ-чъ за Метаморфозы, нѣсколько страницъ уже поразилъ его сладостными впечатлѣніями.... Бросилъ его на жарь.... Глаза воспалились.... Онъ не могъ читать дальше.

О, Квинтилиануэт! Не смывай бы Степанычъ описанье за эту книгу, если бы зналъ.... Но не будешь шибать: широческому тону. Выспрады! Мечты зарылись въ разогрѣтомъ воображеніи.... Степанычъ не могъ ни думать; ни смѣль свѣту, хотѣлъ насильно уснуть; но тутъ-то было; еще хуже; нужно же было Метаморфозамъ пошесть въ руки ему, тогда, когда онъ уже проглотилъ тошноту и не могъ понимать языкъ боговъ, хотя и въ ужасномъ переподѣ. Но всему есть конецъ; и мечты устали, улеглись; Степанычъ заснулъ, но сны не отходили отъ его изголовья, потому что онъ въ этотъ вечеръ не поужиналъ, а пустота въ желудкѣ, какъ извѣстно, дича для сновидѣній. Одинъ изъ этихъ сновъ былъ вѣщій. Этотъ вѣщунъ дотогу растревожилъ Степаныча сладостными ощущениями, что онъ проснулся. — Проснулся; на дворѣ уже свѣтало; Сергѣй воздѣлся въ большой комнатѣ съ матерью; конюхи водили лошадей на водопой; а Чевушкинъ стоялъ у колодца и уныло глядѣлъ на окна своего дому.... Неизвѣстно, какая причина разжаловала Степаныча. Онъ кликнулъ Сергѣя и приказалъ позвать Чевушкина. Старикъ со всѣхъ ногъ бросился къ дому и не успѣлъ Степанычъ улыбнуться, какъ Чевушкинъ стоялъ уже передъ нимъ и кланялся.

— Давненько мы не видались, хозяинъ!

— Давненько, ваше высокоблагородіе!

— Лишній титулъ. Ну, а что, разсчелся ли съ тобою Сергѣй?

— До полушки.

— Безобидно?

— Щедрости твоей мѣры нѣтъ; одно меня убиваетъ и спать не даетъ: за что погрузилъ эти мѣны въ бѣду и немилость и на ясные глаза свои не допускаешь? Нетокмо я, жена и дѣти мои глаза себѣ вынылакали.

— Врешь, любезный! дымъ вытѣлъ. Я и послалъ за тобой, но этой причинѣ. Домъ твой для меня черезъ-пуръ обширенъ. Съ меня двухъ этикъ покажетъ лаводило; а два другіе и свѣтлицу можешь получить въ свое распоряженіе..

— Чѣмъ велико благодарность мою? Хотѣлъ давно быть человекомъ, хотя объ одномъ некоемъ, да Сергѣй грубо не допускалъ меня и обращалъ въ бѣду.

— Врань, любимой, но о томъ кой-стому насъ, на людяхъ говорить; да ждемъ хороша мѣста въ садѣ. Ты сама приложишь, такъ лучше мѣста для зрения. Ну, вотъ онъ, Паранъ! Красиво тѣмъ око паранъ — тѣло. Красиво, что око садъ — око. Добра око тѣло въ паранъ, а садъ со мѣст паранъ, а такъ око паранъ!

— Въ благополучии живи,...

— Перестань болтать! Ступай!

Челушкинъ съ навскими поклонами отретировался; въ столовой на одной мѣстѣ маленько остановился было, да заслыша, что Степанычъ выходитъ, бросился внизъ.

Степанычъ вернулся отъ генерала очень рано; въ карманѣ у него покоилось письменное свидѣтельство, что бы, драгунъ Костыльковъ, окончилъ полный курсъ пѣхотной и конской службы и къ той и другой равно способенъ. Сергѣй уведомилъ его, что приходилъ разсыльщикъ отъ стольника Кольчева и звалъ его въ канцелярню. Радостно побѣжалъ Степанычъ въ Кремль, въ полную драгунской формы. Въ канцелярню нашелъ онъ большое собраніе военныхъ чиновъ; всѣ они и даже самъ стольникъ почтительно стояли передъ высокимъ, статнымъ генераломъ, который имъ что-то рассказывалъ. Кольчевъ, приметивъ Степаныча, обратился къ генералу и сказалъ:

— А! Вотъ мой рекрутъ. Костыльковъ, подожди.

Степанычъ со всею аккуратностью тогдашней выправки подошелъ къ Кольчеву и подалъ свидѣтельство.

— Благо, благо! сказалъ стольникъ и передалъ бумагу генералу.

— Отъ васъ роль и роль въ саду! сказалъ генералъ; въ саду саду. Паранъ-паранъ, въ саду-паранъ. Паранъ-паранъ въ томъ чинѣ при Степанѣ Яковлевичѣ до тѣхъ мѣстъ какъ замѣтно блещетъ! Старый и старый! Ступай!

Дисциплина не позволила сказать речей; хотя для его выреченнаго слова удовольствіе, но генералъ самъ былъ въ саду. Онъ отдалъ генералу реченіе и отшелъ въ обличенной неприличности. Но зналъ кто и въ-что его недоволенъ, онъ и не любилъ говорить обоимъ пустякамъ; побѣжалъ домой; сообщая свои радости бар-

Степаньичъ, Сергѣй покликнулъ, покликнулъ Ченушкинну, Ченушкиннъ домочадцамъ и за дверьми зашумѣла такая неслыханная рѣвотня, что Степаньичъ дотащился во-первыхъ, что сосѣдки уже переѣхали, во-вторыхъ, что сосѣдки очень жалуютъ своего пасторальца и ни мало на него не сердятся за то, что онъ чуть-балго не солбилъ ихъ въ дѣлной банѣ. Степаньичъ крикнулъ, всагъ въ руки Мещерякова и сѣлъ между окномъ и дверью, за которою радостался Евзныи внучки. Давите, разгадайте чаловѣка! Взира ему было такъ скучно; Овидіусъ совершилъ съ нимъ такое дивное превращеніе! Сегодня Овидіусъ сталъ скученъ, а на сердцѣ было охота. Ковачко, чинъ тухъ много знавалъ, но не мало увѣстывали и сосѣдки.

О Квинтиліанусъ!

Жога дариши шипралишь очень клятвенно, но по свойству голосовъ ли сосѣдокъ или слуха Степаньича, онъ могъ разобратъ каждое слово,

— ты Внатно!.... (Эво балъ голосъ Анноны Карловны); Прекрасно! Одинъ мѣсяцъ и капралъ! Этакъ одинъ годъ а запитанъ.... Ну, Груня, а пойду на кухню, а ты сѣдь уברי. Соня, ступай со мной....

— Она одна! подумалъ Степаньичъ, и странное волненіе захватило воинскую грудь новоможаковского капрала. Вѣрадно, чинъ..... Нѣтъ, онъ забылъ, что онъ капралъ, что онъ драгунъ, что онъ Костыльковъ; подвернись въ это мгновеніе лавній смѣчикъ, безъ всякаго труда могъ бы анать съ себе личину, которую онъ носилъ такъ некусно и непринужденно.... И Богъ знаетъ до чего бы достигло это волненіе, если бы не вошелъ Сергѣй съ вѣдливой дровъ. Вспомнулъ на барина и замѣтилъ, что онъ въ сильной краскѣ и страннаго виду, Сергѣй обступился на порогъ, упалъ и ушибся.....

— Что съ тобой?.....

— Ничего-съ. Что съ вами?.....

— Ничего. Не ушибся ли?

— Ничего-съ. Колько кричалъ, да ребро. Вамъ не дурно ли велье?....

— Ничего.... Да какъ ничего? Ребро не свой братъ! Пошли....

— Ничего..... Охъ! Да, право, у васъ жаръ въ лицѣ, и рука-то горитъ. Охъ!

— Пустяки..... А вотъ ты, Сергѣй! Встати, баня определася. Эй, кто тамъ?...

— Я вѣдь, не всегдашнимъ услугамъ..... сказала Чевушкинъ низко кланяясь: имѣю честь и счастье принести достоюнное и всякаго и подлѣйшее поощреніе....

— Вели истоять баню.....

— Сейчасъ..... воздраженіе съ повышеиенъ въ рангъ корпорала.....

— Баню.....

— Эй, Анѣжа, баню!.... И желаю, чтобы столько же поспѣшно вы изволили пройти всю табель о рангахъ отъ четырнадцатаго вверхъ и до перваго.....

— Баню, говорятъ тебѣ! Видишь, Сергѣй Фѣдныи какъ ушибся.....

— Ей-Богу ничего-съ, только ребрышко.....

— Нѣтъ, ужъ я этого не позволю. За твою вѣрную службу, чтобы я..... Нѣтъ, Сергѣй! Нѣтъ ли у тебя, Чевушкинъ, угла на по-теплѣе и по-спокойнѣе, гдѣ бы намъ Сергѣя уложить, пока баню истоятъ?....

— Помилуйте, какъ не быть! Въ кухнѣ на печи..... а гдѣи временемъ баню истоятъ.....

— А въ банѣ вели мнѣ конюханъ водкой его вытереть.

— Да, да, грѣтой водкой, да еще съ мыломъ.....

— А послѣ бани лежать смирно, до-тѣхъ-поръ, пока я самъ встать тебѣ не позволю.....

— И не трогаться, и не расирываться....

— Помилуйте! вопиеть Сергѣй: да я почитаю здоровъ!

— Слушаться, Сергѣй!

— Воля ваша!

И Сергѣй пошелъ, насильно поддерживаемый усерднымъ Чевушкинымъ.

— О клейменная бумага! о Квинтиліанусъ!

Оба были чрезвычайно-обращованы ловкимъ удаленіемъ Сергѣя на покой. Чевушкинъ, упросивъ на-споро поспѣхотъ неопитъ баню, побѣжалъ къ Степанычу. Ирой намъ хотя и былъ доволенъ своимъ одиночествомъ, но успѣвалъ

разсудить, что опрометчивость можетъ дотога испортить дѣло, что потомъ уже нельзя и поправить. Почему онъ хотя и протянулъ руку къ двери, куда влекли его домашняя скука, Овидіусъ и Квинтилианусъ, но слышавъ походку Чевушкина, онъ успѣлъ принять другую позицію и пустился въ ходьбу по комнатамъ.

— Не изволите беспокоиться, сказалъ Чевушкинъ: денъка два пролежать ему придется, но ушибъ не опасный.....

— Жаль мнѣ Сергѣя, да и те сказать надо; что и я остался безъ послуги.

— А мы на что? Дачери мои ко всякой работѣ приучены.....

— За чѣмъ же ихъ беспокоить.....

— Э, пускай привыкаютъ и къ услужливости и къ обращенію..... Будьте благонадежны.....

Не ожидая возраженій, Чевушкинъ отправился къ домочадцамъ и объявилъ Грунѣ нарядъ на службу. Къ-сожалѣнію Степаныча, онъ не могъ слышать какое на нее сдѣлало впечатлѣніе это порученіе; только не прошло минутъ пяти шести, какъ Груня, гладко причесавшая, одѣтая въ то же узкое платье, появилась у порога и стала подбирать дрова, разсыпавшія Сергѣешъ.

— Вотъ ужъ этого, убей меня, Груня, не позволю.....

— А кто же печку топить станетъ?.....

— Да, ужъ пожалуй, вибѣтъ!

И Степанычъ, въ щегольскомъ драгунскомъ мундирѣ подобралъ сколько могъ дровъ и перенесъ въ спальню; Груня дотанцала остальныхъ,—и, вприсѣвъ, стала ихъ укладывать въ печку. Груня, какъ я уже догадывалъ, была больше хороша; а отъ скуки, она показала теперь Степанычу овидіанской красавицей, которая при малѣйшемъ содѣйствіи мимолетическихъ силъ, могла обратиться не въ дерево, не въ птицу, а въ богиню. Размѣры и соразмѣрность ея фигуры, представляли возможность для этой метаморфозы.....

— Чтѣ вы это, Аграфена Кирилловна, носите такое узкое платье! Оно вамъ должно быть тѣсно!

— А вамъ какое дѣло? Тѣсно такъ тѣсно. Не ходитъ же въ тобиѣ дичья.

— И те права.... А я чай....

Степанычъ раснулся и покресилъ. Ученость крѣпко заимчива его языкъ и даже характеръ. Отъ, что гонимъ риза, однажды.... Однако же отъ те и дѣло поглядываешь на Груню такъ умильно, что другая бы вранье рѣстала, а Груня преспокойно сидѣла на полу и драва веру съ березы.

— Что бы мнѣ ей сказать такое; сладкое?... извѣстна Станцынъ. Отъ чего-то въ такіа надутыя всегда; Аг्रेसна Кириловна?

— Такъ ужъ размазась; да и посидѣть не мѣтъ чего....

— Что жъ, вамъ скучно?

— Отъ чего жъ мнѣ скучно? Работы довальна....

— Охъ! Отъ работы и спаваете спучна. Отъ бы-то и надо чинить себѣ пріятный отдыхъ.

— Я и отдыхаю, нажамый рѣвъ, лежъ цоушамъ.

— Какъ отдыхаете?

— Сплю....

— И долго?

— Часа два, пока не разбудятъ. Матушка-то еще дестя поспать, а ужъ бабка, такъ иной разъ чубукомъ будить....

— Что ты тамъ врешь, Груня! размазась изъ другой комнаты. Степанычъ выскочилъ и глазамъ его представилось занимательное зрѣлище. Старикъ вынулъ изъ-подъ полу уже нѣсколько листовъ клеименой бумаги, и потянулся къ оставшему. Улышка доносъ Груню, забавля; не утѣшилъ и погубилъ себя.... Степанычъ бросился на бумагу; стоденулъ ее ногой въплоть полъ полъ и оттащилъ ее къ Чепушкина отъ дѣла, оустялъ поладилу.

— Ахъ къ воръ отамой! сдѣлалъ Степанычъ; горлазавъ притворно; теперь мнѣ самому нужна эта бумага; а ты жъ меня воровать надумалъ. Вонъ отамой! Объявлено тебѣ, что если нѣтъ тѣбѣ брать въ этой комнатѣ, сейчасъ же до конюхамъ сказать и тебя и бумагу и вранствоващій канцелярію.

— Помилуй! Мне добра!

— Вонъ, говорить тебѣ....

— Да и дѣла, дѣла маловато.... Присмотрѣть надо....

— И безъ тебя присмотрѣть. Этакой скаредомъ! Извѣстна

не знаете дитяти какъ сдѣлать... И Арбузный башмакъ.

— Да откуда я деньги возьму?... А трубку не бери! Какъ разбилась у меня трубка, и курить перестала. И табакъ сталъ дорогъ: куда намъ бѣднымъ людямъ до пристрастей; такъ какъ же я ее могу бить, когда я не курю?

— Пошелъ вонъ! Поди сейчасъ въ рынокъ и купишь на себѣ торговца съ женскими наутыль... Нуша! пришеюте шапки, кунтуши, бостраги и юбки швейцкія; и съшеюте на ростъ Груни. У меня слышеть, а отъ знобномъ твоего воровскаго платья чуть дышетъ. Пойдешь же ты!..

— Иду! Иду! Груня, дай денегъ!

— А ей зачѣмъ по городу таскаться?

— А какъ же ей заработать?

— Принесутъ. Дома примѣрять... А я деньги зашибаю...

— Срамъ какой! меня всѣ купцы знаютъ...

— Да ты же и заплатишь, а только мамины деньги...

Ну, пошелъ же, а нето бери свою Груню и продай; и себѣ слугу найму; а на такое кунштество стараться не могу. Ступай!

— Сестри же, Груня! сказала старшія зрѣлѣе; она чуждая и умная... Станавишь продайша. И Груня...

— Видишь, Груня, какъ я объ тебѣ забочусь....

— Сиванко. Только и отъ матери и отъ сестры идѣ домогаются; а приближить разума, раздѣлать.

— Если позволю....

— Да тебѣ что за дѣло?

— Есть небольшое...

— Гляди, не въ свой дѣлъ не мешайся...

— Хочу чтобы ты дѣла моя была... Ну, Груня, а ты не дерзай! только и отъ матери и отъ сестры идѣ домогаются; а приближить разума, раздѣлать.

— Видишь, куда лѣзеть!

И Груня выскочила изъ комнаты такъ прѣторно, какъ Сиванкина. Ушла въ Фандиски. Ибо, то себѣ, съ собой; на этоу. еще лезнишь. надъ своимъ умомъ. отъ него маинское дѣланье, и потому на матерю мать навязало вальдѣлымъ носомъ. Станавишь: не шила, дракала; всемъ дракала; всемъ дракала; все не зналъ что дѣлать, чѣмъ занять себя; пераю напроситъ всю фигуру Груни и ходила надъ нею сочувствуй. По-

дальше Квинтилиануса, столь для него отрадное во всякое другое время, навело на него досаду....

— Ты зачѣмъ? спросилъ онъ, не подумавъ.

— А зачѣмъ же я прихожу къ тебѣ каждый день? Сегодня у насъ воскресенье. Понялъ? Ученья нѣтъ; я съ обѣдомъ иршаю въ твою милость; сегодня, что, по обычаю, досередишь и поводишь, спать уложивъ, съѣмъ ѣлишь и отпустишь съ честью. Воскресный день весь твой!

— Жаль! сказать Степану чч.

— А что жаль?

— Прислалъ за мной столярный. Я весь день не буду дома....

— Такъ я и безъ тебя тутъ пробавлюсь.

→ Ничего!

— Отъ чего ничего!

— Есть работы....

→ Прощай....

— Говорить тебѣ толкомъ, шельма. И вотъ что я тебѣ долженъ объявить: что я увѣжаю въ Питербургъ и ученью написать концы. Надо мнѣ тебя награждать за твое усердіе; вотъ тебѣ десять рублей, спасибо, и убирайся съ Богомъ....

— Да верь-таки я останусь проводить тебя. Я для тебя и напутственную рѣчь сконюмовавъ, да не успѣлъ выучить; такъ я тебѣ съ папира прочту.

— Не надо.

— Ну, такъ помогу твоимъ сборамъ.

— Не нужно. Все готово. Прощай, Квинтилианусъ. А я отъ Калачева найду поблагодарить отца преемста.

— Иванъ Степану чч! съ чувствомъ сказать Квинтилианусъ, ставъ на колѣни.

→ Чѣмъ такое?

— Не погуби! Не ходи къ преемсту! Увѣжай-себя; жаль, да шельма инако; а все-таки къ преемсту не ходи! Вонъ беремъ: онъ будетъ думать, что ты все-еще на Мемель уцѣпился. Завѣду буду казать въ тебѣ на уроки, и не-мало дашесть чинъ мнѣ-вонъ ты-отъ нѣтъ: новосіирицкихъ сланцы-латискириды Аурѣи....

— П. Карповъ, только уходи....

— Гонимое слово?...

— Вотъ мое слово....

— Прости, милостивый и всещедрый господине! Не забуду я тебя до скончанія свѣта, и какъ зададутъ пѣтику, отколю въ честь твою похвальное стиховное слово, и надрукую въ типографіи и опубликую... Да будетъ съ тобою Аполловъ и всѣ девять музъ. Прощай....

— Довольно бы и одной! подумалъ Степаньчъ, когда ушелъ Квинтиліанусъ. Только и одна-то.... Кто тамъ?

— Запрету ради, не дерзаю вступить въ обитель вашу, раздался голосъ Чевушкина: купецъ денегъ требуетъ, а у меня ни полушки.

— Надо прежде видѣть товаръ...

— Да онъ на Грунѣ.

— Такъ можно посмотреть и на Грунѣ....

Прошло нѣсколько мгновеній, вошла Груня, одѣтая въ красивое нѣмецко-венгерское платье. Долго и молча любовался ею Степаньчъ; Груня, потушивъ глаза, стояла посрединѣ комнаты, какъ вкопаная; Чевушкинъ глядѣлъ на нихъ въ-оба черезъ полу-открытыя двери....

— Ну, Груня!.... наконецъ сказалъ онъ: пора! купецъ дожидается....

— А сколько? спросилъ Степаньчъ.

— Пятнадцать рублей за все.

Безпрекословно отдалъ Степаньчъ деньги Грунѣ и когда она ушла, тоска глубокая захватила его сердце.... Дума за думой, и Степаньчъ забылся; ему представился собственный домъ и Груня въ богатомъ нарядѣ, и дѣти малъ-мала меньше и крикъ и шумъ, а онъ уже офицеръ, онъ на службѣ и знатенъ и славенъ, и жену его зовутъ на ассамблею, о которой онъ уже читалъ въ книжкахъ. Простовата она, да онъ же въ мѣсяцъ съ небольшимъ какимъ чудесамъ успѣлъ научиться, а она, сама молодость, у нея ума природнаго не мало, поучится, станетъ въ Питербурхѣ первой барыней....

Стукъ тарелокъ разбудилъ Степаньча.

— Груня! сказалъ онъ тихо: буду обѣдать въ спальнѣ! Тутъ что-то свѣжо....

Груня стала накрывать въ спальнѣ, а Степаньчъ по-

шелъ на конюшни, взялъ конюха и посидѣлъ у двери, научивъ въ чемъ будетъ заключаться его новая должность...воротясь онъ увидѣлъ, что стоишь накрытъ, а Груня ставила передъ его приборомъ какую-то горячую похлебку...

— Что, Груня, ты уже обѣдала?

— Нѣтъ, мы послѣ вѣсъ....

— Чай, есть хочешь?

— Еще бы! Съ утра ничего во рту не было.

— Такъ садись со мной.....

— Какъ это можно!

— Да отчего же нельзя.....

— Батько увидитъ....

— Какъ бы не такъ! У двери конюхъ; а на столѣ книги поставлю....

— Стыдно....

— И, полно, Груня! Вѣдь я тебя не съѣмъ....

— Вы такіе добрые, да мнѣ, право, что-то не жалею...

— А отъ того, что со мною чинишься: въ одномъ дѣлѣ живемъ, а будто чужіе. Простота: въ людяхъ не жила. А поглядѣла бы ты у болръ, у богатыхъ; теперь старую глупость выкурили; теперь поняли, что женскій полъ не ниже мужскаго, а напротивъ, выше и старше, и ему всю всякій почетъ оказывать. Что въ томъ, что въ зимнее платье нарядили, а ведешь себя будто деревенщина....

— Что же дѣлать, когда учить некому!...

— Да вотъ я тебя и учу, да не слушайся.

— Какъ же я не слушаюсь?...

— Ну, такъ садись, моя милля!...

— Какъ вѣтъ не стыдно!...

— Что не стыдно?

— Да какая жѣ я милля!...

— Это въ хорошей компаніи, то есть, между порядочными людьми, и болрънями говорить!...

— Право? А вѣтъ же какъ порядочной себя назвать надо?

— Мой милля!...

— Ну, мой милля, вотъ я и свѣла. Я теперь дѣлать грескать; больно вѣтъ хочется....

— Вотъ ужъ грѣшить не позволится и ахать. Куда!

моя милая! вотъ тебѣ кусочекъ говядины по-лучше, ты себѣ жиду вяла.

— Спасибо, мой милый, я тебѣ угодить хотѣла....

— Вотъ это любовно, очень любовно....

— Какъ тебѣ не стыдно, мой милый!

— А что моя милая?

— Да о любви-то зачѣмъ говорить?

— Да объ чемъ же доброму молодцу съ красной дѣвушкой разговаривать? Вѣдь это не заправду, а такъ, ради веселія....

— Не заправду?

— А хочешь заправду, тогда не будетъ человека на цѣломъ свѣтѣ счастливѣе меня....

— Это отчего такое счастье?

— Отъ того, что ты красавица и умница. Между боярышней, ужъ сколько вотъ ея мною такъ обѣдали и бесѣдовали, и на любовь просилась, ни къ одной сердце не легло....

— Ой, какъ стыдно!.... Груня закрыла глаза руками.

— Чего же стыдно? Правда твоя, милая. Стыдно по вашей деревенской глупости. А у насъ, между богатыми людьми, гдѣ всякій разумъ живетъ, у насъ себѣ кто захочетъ съ кѣмъ, любись сколько угодно, только тайность держи, потому что у шныфшней молодежи отцы и матери еще больно глупы....

Ты ли это, Степанычъ! Я не узнаю тебя, но зато узнаю учителя. О Квинтиліанусъ!

— Послушай, мой милый, сказала Груня, вскочивъ съ мѣста: я схожу на кухню; другое и третье кушанье принесу; а это подумаютъ....

Проворно вернулась Груша и съ улыбкой сказала:

— Батюшка спрашиваетъ, что ты мнѣ тутъ говоришь?

— Ну, а ты, моя милая, что сказала?....

— Стану я ему рассказывать! Говорю: Гиль несетъ про Сергѣя, да про тебя, да шутить, да смѣется....

— Умница, Груня! дай я тебя за это поцѣлую!

— А развѣ и это у богатыхъ водится?....

— Какъ же! Это главное. Ужъ какая безъ того дружба: бесѣду всегда надо подслащивать.

— Ну, ужъ извини, мой милый, сказала Груня съ достоинствомъ: не знаю какъ тамъ у васъ у богатыхъ, а я, окромѣ жениха моего, никого не поцѣлую....

Разговоръ прервался. Отвѣтъ Груни ошеломилъ Степаныча. Оба надулись и молчали. Ни тому ни другой не хотѣлось ѣсть. Оба не смотрѣли другъ на друга.... Само собою разумѣется, первый взглянулъ на Груню Степанычъ.

— Ну, что, моя милая?

— Ну, что мой милый?

— Ты не будешь кушать?

— Не хочется....

— И мнѣ то же!

— Ну, такъ я уберу....

— Постой!

— Что пустяки молоть! И такъ боюсь, не надѣлала ли я чего худаго, что съ тобою такія рѣчи завела....

— Простительно тебѣ, Груня, право простительно....

— То есть, хочешь сказать, что я деревенщина?

Степанычъ молчалъ.

— Пусть и деревенщина! сказала Груня съ сильнымъ вздохомъ и въ голосѣ отозвался плачь сердца.... Степанычъ не вынесъ.

— Что съ тобой, дорогая моя Груня?....

— Отстань, никому не скажу!....

И Груня ушла. Тарелки стояли на столѣ, кушанье также, но никто не приходилъ за посудой. Между-тѣмъ Степанычъ въ сильномъ волненіи сталъ разсуждать и обдумывать свое положеніе. «Если женюсь, такъ размышлялъ онъ: бѣды не будетъ: на службѣ прокормимся на счетъ Костылькова, а сойду со службы, у сестры найду пріютъ.... И проживешь-себѣ на покоѣ важно. Роденька!.... Да роденьку можно и отвадить.... А ужъ жены чего искать лучше. Сама невинность и краса, а умъ... умъ пустяки; теперь мнѣ извѣстно, что изъ него, будто изъ воску лѣпятъ что хочешь. Кончено! Женюсь!» Не успѣлъ онъ рѣшиться, какъ вошла Груня и съ особенною быстротою стала собирать посуду....

— Груня! послушай, Груня!....

Ни слова въ отвѣтъ.

— Я обдумалъ важное дѣло и хотѣлъ поговорить съ тобой....

Груня ушла съ посудой.

— Вотъ тебѣ разъ! Видно, не на шутку разсердилась, а признаюсь, какъ я переодѣлъ ее, какъ она на часокъ неволю свою отложила, да стала будто своя разговаривать.... Нѣтъ, пустяки! Женюсь!—Только, что это мнѣ сегодня такъ душно? Надо пойти прогуляться....воздуху захватить.... Или не поѣхать ли поглядѣть, какъ часовню на огородѣ строить? Или....нѣтъ, пойду куда глаза глядятъ. Эй, конохъ! Ложись въ этой избѣ. Никого не пущай! Никого! Славненьш! Хоть бы отъ меня сказывался. Никого, ровно никого!

И одѣвъ въ рукава красивую нѣмецкую шинель, Степанычъ отправился. Съ крыльца садоваго надо было проходить мимо оконъ сосѣдокъ. Не утерпѣлъ Степанычъ, поглядѣлъ: у окна сидѣла Груня, съ распухшими глазами; увидавъ его, она отскочила отъ окна. Степанычъ хотѣлъ уже вернуться, но побоялся показать валиннюю нѣжность и пошелъ дальше. Бродилъ онъ по Москвѣ, бродилъ въ думахъ; ничего не увидалъ онъ на улицахъ немощеныхъ, кромѣ грязи, и ужъ какъ стало смеркаться онъ сталъ думать о томъ не пора ли воротиться и кто принесетъ ему ужинать? Или лучше и не ужинать? А то еще вмѣсто Груни кушанье принесетъ Анфиза! Пуще только разобидитъ. И не поѣшь, и не уснешь спокойно! Да всё-таки пора.—И Степанычъ пошелъ. Стало порядочно темно. Однако же у одного дома онъ узналъ Квинтиліануса, который съ товарищемъ пробирался въ калитку....

— Послушай, говорилъ онъ товарищу: ты хорошему осмотри вернь; на пальцахъ прежде свѣсь; а тогда уже въсковъ потребуемъ; а нето въ просакъ попадемся. Ну, Силенусъ, пустимся въ омутъ....

И Квинтиліанусъ нырнулъ подъ калитку, за нимъ Силенусъ; Степанычъ, по невольному чувству вригнулся и вошелъ за ними въ подворотню.

— Такъ не пустятъ, сказалъ тихо Квинтиліанусъ: окликнуть. Ты и отвѣчай: Охотникъ. Ну!

Всѣ трое, одинъ за другимъ, въ той же подверотѣ спустились въ подвалъ. Постучались. Кто тамъ? Охотникъ. Впустили. Свѣтъ такъ и брызнулъ изъ подвала. Кто тамъ? Охотникъ. Опять впустили. Кто тамъ? Охотникъ, и Степанычъ вошелъ въ подвалъ. Бутылки, штофы и запахи сейчасъ объяснили Степанычу, что онъ въ «виноградной лужкѣ», которая уже въ это время завалилась на Москвѣ.... Въ первой пещерѣ было мало народу, но много шума: тутъ только пили. Но зато во второй пещерѣ, стекляной посуды совсѣмъ не было; много ящичковъ было сложено въ одно мѣсто и покрыто сукномъ. Свѣчи горѣли въ обилии и Степанычъ новольно взглянулъ на окна или дырки и замѣтилъ, что они плотно были закрыты досками изнутри. За этимъ столомъ стояло и сидѣла человекъ за тридцать. Зерничекъ металъ кости, и груда серебра и золота возвышалась передъ нимъ въ видѣ верблюжьихъ карбовъ. Квинтиліанусъ не могъ видѣть Степаныча, который сталъ позади его.

Степанычъ осмотрѣлся. Тутъ были и въ старомъ платьѣ съ медалями; и въ новомъ нѣмецкомъ, и въ военномъ; болѣею частью молодые люди; стариковъ было однако же человекъ три, да и зрѣлаго возрасту не мало. По всему видно было, что люди богатые въ большемъ числѣ.

— Полтина! сказалъ Квинтиліанусъ и всѣ разсмѣялись.

— Есть изъ чего руки марать! замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Намъ всё-равно, отвѣчалъ зерничекъ: ставъ хоть самую мелкую, только бы серебро; вотъ ужъ мѣди не принимаемъ. Проиграла полтина....

— Вотъ ты съ своей полтиной только счастье потеряешь....

— У всякаго свой счетъ и своя калькуляція. Полтина!

— Я пойду — я пойду.... раздалось нѣсколько голосовъ.

— Пожалуй! Намъ всё-равно, лишь бы деньги. И хорошо, что не пошли: выиграла полтина.

— Три полтины! сказалъ Квинтиліанусъ и выигралъ.

— Шесть полтинъ!

Выигралъ.

— Диффальды!

— И я иду, и я, опять заговорили многие и ставили серебро и золото.

— Проиграли!

— А-га! Вотъ въ мое счастье испортили, сказалъ Квинтилианусъ, и опять поставилъ полтину.

— И я поставил! сказалъ Степанычъ, бросивъ небольшой кошелекъ съ золотомъ на столъ.

— Милости просимъ.

Квинтилианусъ взглянулъ и возрикнулъ....

— Сиди смирно! Десятая часть—на Лены! сказалъ Степанычъ....

— Выиграли! закричалъ Квинтилианусъ, схвативъ кошелекъ:—А сколько въ ставкѣ!...

— Не трогай дѣла считать. Пусть это выиграетъ, тотъ и считаетъ.

— Да что тутъ, багвашица, сказалъ Степанычъ, зрѣвшавъ на столъ золото; тутъ всего тридцать золотыхъ, шестидесять рублей. Пожалуйста! Вотъ тебѣ на Лены три золотыхъ, а двадцать семь идутъ дальше....

— А на Лены?

— Жирно будетъ. Самому деньги нужны. Знатио: выигралъ! пятьдесятъ четыре; вотъ тебѣ на философію четыре, а пятьдесятъ идутъ дальше. Выигралъ! Знатио! Сто на сто!....

Непрасно переживали зари; сдѣлали кружку компанейщикамъ. Сзаотіе вертѣлось на одномъ мѣстѣ и горбы верблюда вымалались до того, что подъ ними стало сухо и видно. Претяну ставки Степаныча въ казѣ уже не было слышно. Отбрава золотые двухъ рублевникъ, Степанычъ сталъ улаживать ихъ сметомъ въ большую кожаную кошку. Игра на время прекратилась. Казначей отошли къ сторонкѣ, совѣтовались между собою, вынимали деньги, складывались, спорили. Пока шла эта ярмарка, Степанычъ съ помощью Квинтилиануса уложилъ золото въ кошелекъ, складать шепотомъ просебя: тысяча триста, двѣ тысячи шесть сотъ, обязалъ большой кошелекъ мадамъ и опустилъ за пазуху, застегнулъ мундиръ.

— Ну, танца, серебряно! адалаъ еще.

Съ необычайнымъ проворствомъ подъ руками Квинтиліануса и Силенуса вырастали столбики въ двадцать рублей, и устанавливались рядкомъ: оказалось рублей серебряныхъ и сѣмковъ тысячу пять сотъ съ чѣмъ-то. Одинъ проигравшійся дворянинъ предложилъ Степанычу пустые свои кожаные мѣшки.

— Тутъ много моего серебра, скажешь онъ: пусть и мѣшки мои идутъ за рублевиками....

— Не беру даромъ!

— Пожалуй, дай что ни есть на разливу, авось отыграюсь....

— Бери сколько хочешь....

— Десять рублей. Больше не возму...

— Какъ волишь! Ну, 2,600, да 1,530, всего 4,130! Ну, братъ, приходится счетъ уравнивать; тридцать рублей на Аенны, а сто на ставку....

Квинтиліанусъ не выдержалъ и поцѣловалъ у Степаныча руку.

— Товарищъ, сказалъ онъ тихо Силенусу: не печалься! Твоимъ счастьемъ все это стало, такъ и все по-поламъ.

Между-тѣмъ у казначеевъ образовалась порядочная груда одного золота. Это были запасные капиталы содѣржателей зерна. Но увы, фортуна видно вазнула на плечахъ Степаныча. Сто рублей перетянуло въ его карманъ еще тысячу золотыхъ. Остальное забрали дольщики. Мелкій остатокъ отъ выигрыша, простирившійся до ста рублей, оилтъ помалованъ былъ на Аенны. Тутъ уже и Силенусъ сталъ цѣловать руки у Степаныча. Игра кончилась! Казначей объявили, что они послали еще за деньгами. Но это не удѣрмало игроковъ и компанейщики съ горестью видѣли какъ Аенны потащили за Степанычемъ мѣшки съ серебромъ.

— Ну, Квинтиліанусъ! Наказалъ я зернщиковъ куче полиціи....

— Да и плутятъ же! Фальшивыя кости!

— Какъ же я выигралъ?

— Да вотъ тотъ дворянинъ, что продался, взялъ тѣ кости, да и растолокъ ногами. Крику было вчера надѣлаешь да, ба; костей нѣтъ, а другихъ сдѣлать не успѣли, а тутъ и попались. И сегодня бы не попались, кабы ты игрой

нрава, а то заломалъ второе съ такого гитанинческаго нумера; семь, шесть, разъ прошелъ et consumati sunt. Зато спасибо и мы съ Силенусомъ богачами стали. Видь у насъ почитай по сту рублей у каждаго.

У воротъ Степанычъ остановилъ ихъ. Позвалъ конюховъ, приказалъ принять мѣшки, простился и вошелъ въ свою комнату..... Но только-что вошелъ, какъ тяжкая тоска поднялась съ глубины души нуще прежняго. Робко приказалъ онъ спросить ужинать—и, къ удивленію, та же Груня принесла ему на подносѣ водки, холоднаго поросенка, и кашлуна съ огурцами. Странное противорѣчіе замѣтилъ онъ въ лицѣ ея. Глаза были заплаканы, а уста улыбались.

— О чемъ ты плакала, Груня?

— Я? Чего мнѣ плакать?

— А глазки-то?...

— Отъ дыму! Соня чуть насъ всѣхъ не уморила; чадъ такой....

— Ну, пускай и чадъ! Богъ съ тобою, Груня! Куда же ты?

— Чего же тебѣ еще? Кажется, тутъ все подано....

— Тебя мнѣ надо, Груня! Твоей любви.... твоей руки....

— Прощай! Мнѣ и слушать не пристойно. Если не останешь, такъ не увидать меня ни отецъ, ни мать....

— Чтò ты, Груня, чтò ты, моя милая! Я ноутру еще хотѣлъ сказать тебѣ, что я уже порѣшилъ, если тебѣ не будетъ противно....

— Чтò ты тамъ выдумалъ такое? Полно бѣдную дурачить.

— Хочу жениться, Груня! Видитъ Богъ, хочу жениться!

— На конь? съ трепетомъ, едва слышно спросила Груня....

— На тебѣ, душа моя, Груня ненаглядная!

Груня заняталась и упала бы, если бы въ подобныхъ случаяхъ не подоспѣвали, и всегда кстати, услужливыя объятья....

— О, не еоди!... шептала она между безчисленныхъ и

страстныхъ нецѣлуешь: не убой меня, несчастную; не переживу....

Но страстный Степанычъ рѣшительно не давалъ ей говорить; она сама рѣшилась прекратить это звонкое объясненіе и не безъ труда вырвалась изъ рукъ его, спрятавшись и сѣла....

— Милый мой! Боже, что если я ослышалась....

— Нѣтъ, Груня! То моя крѣпкая и непреклонная воля! Но....

— Что но?.... И Груня затрепетала.

— Вотъ что.... Я женюсь на тебѣ, это такъ вѣрно, какъ то, что мы здѣсь сидимъ съ тобой. Но твой отецъ и вся твоя роденька не должны знать объ этомъ. Ты не знаешь, кто твой отецъ; онъ выдастъ за меня Груню, но ограбить ея мужа; даромъ онъ не отдастъ тебя... Другое, хотя у меня денегъ пропасть, но вѣдь на однихъ деньгахъ не далеко уйдешь. А по отчинамъ у меня идетъ теперь тяжба. Какъ только получу вѣсточку, что все благополучно кончено, тогда мы на вѣкъ спокойны... Еще, душа моя....

— Постой, мой милый! Намъ теперь не слѣдъ объ такихъ дѣлахъ говорить. Право, и такъ что-то на меня косо поглядываютъ.... Завтра я удушу врамочку, чтобы намъ потолковать безъ опасу... Проща!

Видно, фортуна всё-еще была на плечахъ Степаныча: и тутъ легкая побѣда, и тутъ неожиданная удача. Онъ схватилъ перо и бумагу и началъ высчитывать свадебные расходы и разныя издержки на обзаведеніе въ Петербургѣ. Поздно за-полночь бесѣдовалъ онъ съ цифрами и улеталъ въ самыхъ приятныхъ мечтахъ и надеждахъ. Нерметра на обаянье всѣхъ чувствъ, онъ не забылъ уложить кошелекъ на люль, который теперь для него казался дороже и важнѣе выигрыша, потому что подъ этой половицей лежалъ магнитъ, могущій въ нужномъ случаѣ охладить въ Чесушкинѣ всякой избытокъ горячности и удержать ея отъ великой опасной выходки... Потушивъ свѣчу, Степанычъ еще долго не могъ уснуть, какъ это всегда случается послѣ такихъ странныхъ усилійъ и въ вѣрѣ и въ любви;

но зато утромъ, конюхъ почти насильно разбудилъ Степаньча.

— Что тебѣ надо?

— Барышня принесла закуску... Да ужъ скоро и обѣдать пора!

Можно себѣ представить съ какой поспѣшностью Степаньчъ вскочилъ и одѣлся.

— Проси барышню, сказалъ онъ приглаживая волосы: Груня! Душа моя....

— Тише! Конюхъ! Сегодня... въ обѣдъ... Прости! вральница Груня, поставила на столъ завтракъ и ушла.

День не шелъ, а тянулся безкопечно. Съ *Метаморфозами* въ рукахъ сидѣлъ Степаньчъ у дверей, которыя вели къ сосѣдкамъ, и загадочныя слова Груни разрѣшились. То было двадцать первое ноября, день, въ который празднуютъ Входъ во храмъ Богородицы, и множество именинъ. Въ тотъ же день были именины Марьи Ильинишны, жены бывшего дѣдка и начальника Чевушкина. И дѣдкѣ и подъячій долго служили виѣстѣ, дѣлили братски радость и горе; въ одно время построили себѣ дворы — и въ одинъ день пострадали отъ губернаторскаго указа: были отставлены отъ службы съ безчестіемъ. Казалось, служебное ихъ поприще кончилось; но не таковъ былъ дѣдкѣ, не таковъ и подъячій; оба находили занятія, оба не только пропитывались, но и умножали въ-прокъ казну свою; зато и держались они въ мирѣ, любви и дружбѣ и по-крайней-мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ цѣлою семьей навѣщали другъ дружку; тогда скупость изгонялась изъ той обители, гдѣ даже домашніе нуждались въ необходимомъ. Шелъ пиръ горой дѣ-поздна и оба, и дѣдкѣ и подъячій, хотя и въ будни пили себѣ чарку, если она приходилась на чужой счетъ, но ужъ въ этотъ день доходили до излишества; жены подражали мужьямъ; и обыкновенно многочисленныя домогачи приводили родителей домой не безъ усилія. А ужъ въ именины, эти дружескіе пиры были еще богаче, хотя ни у дѣдка, ни у подъячаго никогда на именины не приглашались чужіе. Впрочемъ, надо и то замѣтить, что праздновались большимъ широкимъ образомъ именины только отца и матери, а дѣтскія изъ календаря исключались; да и зачѣмъ ихъ багавать! Съ

тѣхъ-порѣ какъ дьякъ познакомился съ подъячимъ и обратнo, не прошло ни однихъ имянинъ безъ пирушки. И Чевушкинъ съ-вечера уже приготовлялся къ празднику, то есть, не ужиналъ, не завтракалъ, постился, жилъ надеждами; примѣру его слѣдовала и вся семья....

— Пора, пора! говорилъ онъ, одѣваясь въ самое лучшее свое платье.... *Свое*, это такъ только говорится, а оно Чевушкину вовсе не принадлежало, а состояло у него подъ закладомъ года два и по спискамъ числилось проданнымъ: — Ну, что же вы?...

— Да вотъ Груня что-то не хороша.... сказала Анфиза.

— Что съ нею?

— Да съ самаго утра, какъ встала, я сейчасъ подмѣтила, что плохо. Блѣдная такая. То въ жаръ, то въ холодъ ее бросаетъ. Еще на имянинахъ надѣлаетъ хлопотъ.

— Экое дурище, право! Нужно тебѣ очень хворать. Что жъ для тебя варить особо, что ли? Матери стряпать въ имянины Марья Ильинишны, дрябъ этакая!...

— Да это что? Я обѣдъ для господина капрала изговорила; только подать. Такъ пусть она прежде подастъ; что останется, покушаетъ, да и ложится въ постель....

— Не могу, маменька, ноги не держатъ! Пусть отнесетъ Соня, а я слягу. Совсѣмъ изломало....

— Вотъ тебѣ разъ! закричалъ старикъ: этакъ ты и меня безъ обѣда оставить хочешь. Теперь себѣ ложись, а какъ капралъ ѣсть захочетъ и пришлетъ за обѣдомъ, неволь, сударка, встать, отнеси: что слѣдуетъ и тогда ужъ дрыхни. А намъ тебя не дожидаться....

— Кирило Александровичъ, сказалъ вошедшій конюхъ: пожалуй! баринъ спрашиваетъ....

— Сейчасъ! А что бы васъ всѣхъ не легкое! Того гляди еще пошлетъ куда-нибудь; опоздаемъ.... Ну, хоть вы проворнѣе одѣвайтесь....

Чевушкинъ ушелъ и воротился очень довольный. Удружили! Ай-да удружили! Ушелъ къ Кольчезу; говорить, тамъ и обѣдать будетъ, тамъ и вечеръ проведетъ. И ты то же, Анфиза! Право, не знаю изъ чего ты сгѣшншь всегда! Ну, за чѣмъ ты кушать ему не спросяся готовила? Спрячь

къ завтраму. А Груня, ты—больная; въ ротъ ничего не можешь взять; ложись; укутайся хорошенько и спи! Ну, пойдёмъ!

— Ложись, ложись! крикнула Анфиза, очень довольная болѣзнью дочки: а я твоимъ кунтушомъ и шапкою щегольну....

— Ужъ оно бы лучше Сонѣ, замѣтилъ старикъ.

— Да что она, невѣста что ли, али женихи тамъ будутъ?.. Ну, пойдёмъ! Прощай, Груня!

— Прощай, дочка!

— Прощай, сестрица!

Время было обѣденное. Степанычъ, прогулявшись въ ближнихъ улицахъ и примѣтивъ изъ-дали, что хозяева ушли, бѣгомъ пустился домой. Приказалъ запереть ворота и калитку и безъ спросу, не пускать никого на дворъ, хотя бы то былъ самъ хозяинъ.

— Это потому я дѣлаю, сказалъ онъ дежурному конюху: чтобы и вы могли всѣ отдохнуть ради праздника, да потѣшить больного Сергѣя. Вотъ вамъ денегъ. Купите себѣ вина или лакомства какого. Только глядите, чтобы ворота....

— Вѣтеръ не пройдетъ! Не изволь бояться, а за милость благодарствуемъ....

Степанычъ заперся изнутри и подошелъ къ дверямъ рая:

— Груня!

— Душа моя! Не знаю какъ быть! Не могу къ тебѣ выйти! Кунтушъ мать захватила....

— Какіе тутъ счеты между женихомъ и невѣстой! сказалъ Степанычъ и отворилъ двери....

— Ай, какъ стыдно!

— Когда ты перестанешь стыдиться?...

— Не могу, не могу! Подай мнѣ вонъ хоть этотъ платокъ, что виситъ на веревочкѣ.... Ну, теперь ступай-себѣ, я сейчасъ выйду.... Ну, вотъ и я.... Ахъ, душа моя! Мы одни! Теперь душѣ моей воля; теперь-то наговоримся, мой ненаглядный!

Гдѣ тутъ много говорить! Особенно въ началѣ свиданія.... Но я такъ неискусенъ въ изображеніи чело-

вѣческихъ слабостей, что и этотъ послѣдній промахъ Степаныча совершенно предоставляю воображенію читателя. Sapienti sat.

О Квинтиліанусъ!

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Конъюнктуры и концерты.

Дни точно деньги: бѣгутъ изъ-подъ пальцевъ, такъ что и не видишь; и не поймашь!—И давно ли, кажется, Степанычъ на Москвѣ? а уже въ Антоновыхъ огородахъ между Москвою и загороднымъ селомъ государевымъ встали три зданія, и чтобы не простудиться отъ наступавшей зимы, надѣли шляпы изъ дубя. Не удивляйтесь такой скорости. Кромѣ Кремля и Китая, по всей Москвѣ запрещено было каменное строеніе, потому что строили на Невѣ новый царскій домъ, цѣлую столицу, и каменщики были тамъ нужны. Москвѣ до времени позволено было тѣшиться деревянными постройками. Несмотря на то, дѣсь въ Москвѣ и плотники были очень дешевы. Всѣ поджидали разрѣшенія класть каменные дома и пепелища представляли странный видъ улицъ, составленныхъ изъ однихъ заборовъ.... Прошла недѣля съ-тѣхъ-поръ какъ Степанычъ сдѣлалъ послѣдній промахъ. Чевушкина съ ногъ сбили; онъ то и дѣло ѣздилъ на Антоновъ огородъ и дальше за разными порученіями. Чевушкинъ весьма былъ доволенъ довѣренностью Степаныча; покупалъ мебель для новаго дому и богадѣльни, утварь для часовни, замки, крючки, и такъ далѣе. Въ эту недѣлю около двухъ тысячъ рублей было издержано Степанычемъ, а двѣ тысячи не шутка въ тѣ блаженные времена, когда на рубль можно было прожить мѣсяцъ. Всѣ полученныя отъ Костылькова деньги, изъ которыхъ онъ двѣ трети отдалъ сестрѣ, израсходовались; изъ новопріобрѣтенныхъ также изшло не мало, такъ что у него осталось только одно золото, что, по расчету нашему, превышало еще четыре тысячи рублей. Крезово богатство! Для иного—капиталъ на всю жизнь и значительный. За невѣстами повѣнчаніе давали тогда по тысячѣ, по пяти сотъ и это называлось знатнымъ приданымъ. Такъ при расходахъ въ двѣ тыся-

ли рубашей изъ чуждаго кармана, конечно Чевушкинъ не могъ не быть весьма счастливымъ человекомъ; а старался прилаять трудамъ своимъ высшее значеніе, онъ за бездѣльницей пропадалъ всегда очень долго; а Степанычу и Грунѣ того только и нужно. Анфиза съ Соней на кухнѣ, а Груня те и дѣло услуживаетъ постояльцу, который съ нѣкотораго времени сталъ прихотливъ до невѣроятности. Десять разъ въ день ѣсть; то шуму не любить: Анфиза не смѣетъ говорить въ своей комнатѣ; Анфиза же не любила играть въ молчанку; возьметъ Соню и пойдетъ на кухню толковать съ Сергѣемъ, который никакъ не могъ понять, чѣмъ и зачѣмъ онъ боленъ. Позволялось ему отъ заботливаго барина вставать съ печи и прогуливаться по кухнѣ, но отнюдь не выходить нкуда, подъ строжайшимъ гнѣвомъ и ошалою. Только во всемъ домѣ и оставалась одна Груня; и то потому, что Степанычъ безпрестанно встрѣчалъ надобность въ послугѣ; то пить хотеть, то свѣчку затушить, то трубку закурить....

Трубку?

Да-съ! Трубку. Иванъ Степанычъ завелъ трубку, по совѣту Аграфены Кириловны, потому что она съиздѣстства знала какъ эта вещь выгодна для частыхъ отлучекъ. Словомъ, весь домъ вверхъ дномъ пошелъ. А Груня также не хуже Степаныча раскапризничалась. Ни кому спуску не было, ни сестрѣ; ни матери; даже самому Чевушкину она изъяснила двукратно непослушаніе и ускользнула отъ Чубука одинъ разъ крикомъ, возмущившимъ сонъ постояльца, а другой разъ бѣгствомъ въ его апартаменты. Чевушкинъ нашелъ бы случай для расплаты, но Степанычъ своими порученіями отнималъ у него почти все время... Не смотря на всю медленность дѣйствій будущаго теста,—домъ на огородахъ былъ конченъ и внутренней отделкой; хоть сѣмчасъ переѣзжай! Степанычъ такъ и располагалъ приступить къ свадьбѣ какъ-можно скорѣе, но поджидалъ письма отъ сестры и улова ѣхать въ Петербургъ. Чтобы не подвергнуться затрудненіямъ, онъ намѣревался даже не говорить ничего тестю, вѣсть Груню, обвинять ее и уѣхать въ Петербургъ. Аграфена Кириловна, не уважая и не любя отца, одобряла проектъ своего милого мужа

ка, какъ она уже называла Степаныча и, вѣроятно, шла на то свои причины.

— Видишь, жоночка моя! говорилъ Степанычъ, покоею обѣдая съ нею вмѣстѣ съ одной тарелки: думаю такъ сдѣлать. Переѣду на свой московскій дворъ. Теперь у меня тамъ все въ порядкѣ. Приготовлю все что нужно къ свадьбѣ, послуховъ, и все какъ водится; приѣду съ тестемъ проститься; сяду въ колымагу, да за уголь и отъѣду. Ты будто за дѣломъ какимъ къ сестрамъ пойдешь, да въ колымагу, и поминай какъ звали; а если намъ отсюда ъхать, такъ что онъ скажетъ?... Я скажу: я не крадь, а она сама ушла, въ полномъ умѣ и возрастѣ. Я у тебя и не жилъ тогда. И еще, пожалуй, вотъ что можно сдѣлать: какъ обвиняемся, я тебя и спрячу въ Петербургъ, никому не покажу. Онъ засуетится; доносъ подастъ, жалобу; а я скажу: я по чемъ знаю, куда дѣвалася! Да ужъ следишь, лишь бы онъ прежде времени не смѣкнулъ....

— Да ужъ какъ муженѣкъ съ твоей головой не слатить....

— Только гляди же, ни кому не говори.

— Да кому же я скажу? Ты знаешь, я и въ своей семьѣ, что чужая. Не знаю за что не любить....

— За то, что больно хороша....

— Ну, ужъ ты, шутникъ этакой! Такъ кому жъ я скажу? Былъ и у меня сердечный дружокъ, свояченица Вѣрочка; поплакала я объ ней не мало....

— А что, умерла?

— Нѣтъ. На харчахъ у насъ съ матерью жила; да какъ ты приѣхалъ, онъ, барышней ради, всѣхъ родныхъ со двора согналъ, и ногой не велѣлъ къ намъ. Въ одинъ день кругомъ осирѣтали....

— А не хочешь ли ты Вѣрочку съ собой взять? Будете себѣ жить пригнѣваючи....

— Ахъ ты, ангелъ мой! Ну, наградишь же меня Богъ муженькомъ. Вотъ то живишь будеть!....

— Кто-то идетъ!.... сказалъ Степанычъ и Груша выпрыгнула изъ его комнаты въ свою, гдѣ никого не было. Кошечка за дверки возгласилъ: «Разсылщикъ!» И во-

шелъ огромный солдатъ съ приказаніемъ немедленно явиться къ Кольчеву.

— Сейчасъ буду!

Степанъчъ потребовалъ квасу и по этому случаю успѣлъ проститься съ Груней....

— Ну, молодецъ! сказалъ Кольчевъ: давненько я тебя не видѣлъ. Чтò дѣлалъ хорошаго?

— Книжки читалъ....

— И чужія деньги считалъ.

— Я?

— Не запирайся. На всей Москвѣ только всего одинъ драгуи изъ дворянъ и есть чтò ты. Богатый человекъ, а воровскимъ маниромъ хочешь богатство свое умножить! Былъ добрыхъ регулъ человекъ, самъ доправлялъ всякое зло, а теперь зерщикомъ сталъ. Стыдно!

— Ваше превосходительство....

— Молчи и слушай! Всякая игра на деньги Богу противна и указами запрещена. Двойное преступленіе. По доносу лжесвидѣтельствуетъ, что ты въ томъ поганомъ гнѣздѣ не былъ вина, велъ себя гонимымъ образомъ. Это похвально и вину твою нѣсколько умаляетъ. Но всё-таки ты повиненъ суду....

— Въ первый и въ послѣдній разъ!

— Я сказалъ: молчать и слушать! За этимъ-то я тебя и позвалъ, чтобы взять съ тебя шляхетское слово впередъ къ такому грѣху и криминалу не прилѣпляться.

— Охотно.

— Опять! Ты, видно, забылъ чему тебя училъ фендрихъ. Дисциплина не апробуетъ, чтобы ты рѣчь мою перебивалъ. Я тебя выручилъ изъ бѣды. Я поручился, что тотъ воръ и зерщикъ былъ не ты, хотя докладно зналъ, что ты.

Кольчевъ, покраснѣвъ, продолжалъ:

— Я солгалъ! Я!.... Понимаешь ли ты, неблагодарный, какое я имѣю еще упованіе на твою поправу!.... Чувствуешь ли ты, молокососъ, всю важность моего поступка. Кольчевъ солгалъ! Помни же это и храни втайнѣ. Тебя не тронуть! Но говорю тебѣ: чтобы это было въ послѣдній

разъ. Теперь объяви мнѣ, что могло тебя соблазнить къ такому ужасному грѣху? Отвѣчай! Теперь я спрашиваю.

— Скука, ваше превосходительство, твердо отвѣчалъ Степанычъ.

— Я такъ и думалъ. Недостатокъ добраго компанства, затворническая жизнь не во вѣку; радъ я, что другаго мотива въ томъ не было. А развѣ у тебя на Москвѣ нѣтъ никого знакомаго?

— Какіе мои знакомые? Всѣхъ ихъ я передалъ въ руки господину оберъ-полиціймейстеру. Вѣкъ не забуду нашего великодушія, что самъ къ нему въ кагцелярію не попалъ...

— Помни, Иванъ! Я слагалъ! Окупи мою ложъ достойными дѣлами. А чтобы въ тебѣ неслили дурное сѣмя, надо тебѣ познакомиться съ домашнми, гдѣ бы ты доброму образцу и хорошей компансціи могъ обучиться. Чтеніе одно безъ приклада бесплодно. Кстати, я иду въ гости теперь въ такой домъ, гдѣ тебѣ бывать можно, но помни и при семъ случаѣ, что домъ сей — отмѣнной важности и при добрыхъ качествахъ молодаго хозяина будетъ въ большомъ почетѣ. Подай мнѣ книжничъ: вонъ на столѣ лежитъ. Пофдемъ.

На Пречистенкѣ возвышались каменныя хоромы околичнаго Словцова. Ворота, которыя такъ недавно были заперты, раскрылись и дѣлный день пропускали искреннихъ и дождныхъ угѣшителей. У крыльца стояла траурная колымага; цугъ лошадей, шляпы у кучеровъ, платье, все было покрыто трауромъ; на крыльцѣ встрѣтилъ Колычева и Степаныча придвратникъ, также одѣтый въ печальное платье.

— Дома Боря? спросилъ Колычевъ.

— Борисъ Петровичъ съ Ольгой Петровной только что съ прогулки вернуться изволили.

Вошли. Большая палата, загроможденная золотомъ мебелью, обита была чернымъ сукномъ отъ полу до потолка; поволока также была закрыта, но просвѣчивали сквозь щель.... Не успѣлъ Степанычъ осмотрѣться и подняться съотвѣтству компанятаго убранства, какъ къ нимъ въ прѣдваренскомъ мундирѣ вошелъ молодой человекъ съ грустною, съ печальнымъ, но прекраснымъ лицомъ.

— Степанъ Яковлевичъ! Влагодѣтель! воскликнулъ онъ: сами извольте трудиться....

— Здравствуй, Боря! По лицу твоему вижу, что при- скорбень еси по дѣлушкѣ.

Слезы показались на глазахъ Бориса.

— Подумай ты самъ, умница, продолжалъ Колычевъ, положивъ руку на плечо хозяину: Чуть не столѣтній вѣкъ прожилъ; сына и двухъ дочерей, да матушку твою скоро- нилъ. Въ натурѣ свой порядокъ есть, его же не преидеши, и смущеніе и скорбь излишній—грѣхъ. Покойный со мной не ладилъ, за то, что я старину его конфузаль, но я его душевно респектоваль и любилъ....

— Это онъ всегда самъ говариваль. Правда, больно онъ противъ новостей возставаль, но опять же и не неуча- ми насъ не оставилъ....

— Знаю, знаю, Боря, и похваляю твою любовь къ не- му, но всему мѣсто и время; вотъ ужъ четыре недѣли прошло; можно скорбѣть, да не надрываться. Ну, Боря, ко- гда же въ Питербурхъ?....

— Когда укажете!

— Странно это! Отчего, если любишь кого, безъ себя отпустить не хочешь! А мнѣ еще дѣла будетъ на недѣлю; а тебѣ....

— Я уже все исправилъ и готовъ ѣхать хоть завтра. И признаюсь, желалъ бы въ путь по-скорѣе, потому что сестра въ этихъ хоромахъ изноеть съ тоски. А тамъ у насъ есть тѣтки двѣ; при нихъ и оставляю; забавы, праздни- ки .. расчѣтса....

— Очень благоразумно и согласно съ указомъ. Динѣ ужъ вотъ ко мнѣ пишетъ: (Колычевъ вынулъ писмо,) что на послѣдней ассамблеѣ у свѣтлѣйшаго, государь изволилъ за- мѣтить, что мало русскихъ дамъ, потому что Колычевъ изъ Москвы въ Питербурхъ только мужчинъ отправляетъ. Конечно, поручи мнѣ государь и дамъ по смотру отпра- вить, снялъ бы я сидней много въ Москвѣ. И право, уди- влюсь: какую тутъ онъ могутъ партію сдѣлать, когда въ Питербурхъ? Вотъ на лицо два молодца; Колычевъ ихъ забралъ, да и шлетъ въ Питербурхъ. Ре-

коменданту тебѣ, Боря: богатый помѣщикъ Иванъ Степановъ Костыльковъ. Люби его и жалуй....

— Радъ знакомству. Милости просимъ хлѣба соли откушать, когда время....

— Покорно благодарствую! Ради стараться! смутясь отъѣчалъ Степанычъ.

И Кольчевъ и Боря улыбнулись солдатскому отъѣзду. Степанычъ пуще и пуще приходилъ въ замѣшательство.

— Ну, Боря! Поди скажи Олинкѣ, что я хочу ее видѣть и проститься, потому что отъѣзду вашему не хочу долѣе прешкодить.

— Степанъ Яковлевичъ! Да будетъ ли пристойно?

— Видно, Боря, ты еще больно хорошо помнишь дѣдушкины забобоны. Какъ же ты это Оло въ Петербургъ повезешь съ такимъ предразсужденіемъ! Я не буду проповновать, чего не слѣдуетъ....

— По мнѣ, пожалуй, только не знаю, какъ сестра....

— Скажи ей, что Кольчевъ послѣднее время удѣляетъ, лишь бы повидаться съ дѣтьми своего друга, а гашего покойнаго родителя.

Борисъ ушелъ.

— Вотъ видишь, какъ надо быть человѣку шихетскаго роду и доброй эдукациі. Послѣднимъ Боря и Оля мнѣ обязаны. Я старика уломалъ обучить ихъ нѣкоторымъ знаніямъ. Я подъ-рукой ихъ умѣлъ склонить къ нынѣшнему времени. Остальное довершить практика. Вотъ и Оля.... Здравствуй, моя красавица!...

Красавица? Значитъ второй номеръ Аграфены Кяриловны. Вотъ тутъ я ужъ совершенно въ-тупикъ стану. Не знаю, какъ вывернусь. Помогли хоть ты, Квинтиліанусъ! Но увы, всѣ твои риторическія фигуры не годятся для истинно пштыческаго созданія. Ольга Петровна.... Конечно, она объемомъ и въ половину не была велика противъ Груни; это было какое-то пуховое, нѣжное существо; дунуть страшно: того гляди улетитъ; станъ, ручки, ножки, головка, все такого мелкаго калибру, а ростомъ не малая; но таково свойство стройной прелести; въ одной громадности нѣтъ изящества, вы меня извините! Но дайте этой громадѣ—соразмѣрность, тогда не отведете глаза!

точно такъ же, какъ вотъ теперь Степанычъ, потерялъ военный строй, языкъ, память и смотрѣлъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ.....

— Чтò, дитя мое! сказалъ Колычевъ: подними глазки, обрадуй привѣтливимъ словомъ....

И поднялись длинныя черныя рѣсницы, изъ-подъ нихъ выглянуло цѣлое небо голубыхъ глазъ. Право, это не фигура, а совершенная истина. Ангельскую кротость и доброту обильно проливали очаровательные взоры. Она взглянула и на Степаныча; краска легкая пробѣжала по бѣлому какъ мраморъ лицу, а Степанычъ, чтò называется, уpekъ рака и въ смущеніи полагая, что на обязанности его лежитъ сдѣлать привѣтствіе, вытянулся и отдалъ воинскій респектъ. Ольга Петровна улыбнулась;—по кротости улыбки Степанычъ принялъ ее за признакъ одобренія и плавалъ въ восторгѣ....

— Чтò вы, Степанъ Яковлевичъ, уѣзжаете? сказала она.—И бѣдному Степанычу показалось, что небесные гласы пронеслись въ воздухъ....

— Нѣтъ, Олинъка, не я, ты должна ѣхать, потому что Борѣ нельзя тутъ долѣе оставаться: въ полкъ давно его требуютъ; да я защищалъ его.... Теперь уже нельзя и не должно отпѣкиваться.

— Мнѣ ѣхать? Отсюда, гдѣ жили батюшка, матушка, дѣдушка, добрый нашъ дѣдушка....

И Ольга расплакалась дотогò, что ей сдѣлалось дурно. Колычевъ простился съ нею на-скоро; обѣщалъ завтра заѣхать и вышлеть.

— Костыльковъ! раздалось изъ прихожей, и тогда только вспомнилъ Степанычъ, что онъ пріѣхалъ съ стольникомъ.

— Ну, чтò? спросилъ Колычевъ съ улыбкой, усѣвшись въ колымагѣ....

— Чтò-съ?

— Понравились тебѣ мои дѣтки?....

— Какъ же не понравиться!...

— Старайся походить на нихъ въ кондуктѣ, а разума и ученія у тебя не меньше. А чтобы ты тутъ въ этой Москвѣ не прилипъ опять къ какому грѣху, такъ я и тебя от-

правлю, какъ только изготавишься. Хоть завтра приходи въ канцелярію: подорожная будетъ готова. Пожалуй я тебѣ и цидулу дамъ къ Дивіеру.... Ну, теперь прощай! сказалъ Колычевъ уже на крыльцѣ, и Степанычъ отправился домой.

Страшный вечеръ, страшная ночь; за одинъ промахъ прогремѣла гроза изъ устъ Колычева, за другой прочелъ онъ казнь въ глазахъ Ольги и осужденіе на вѣчную, вѣчную муку. О! Не надо быть большимъ мудрецомъ, чтобы отличить признаки истинной, сильной любви, отъ горячки вождельной. Конечно, впечатлѣніе, произведенное Ольгой на Степаныча было окончательное: изъ-подъ этого ярма не выскакиваютъ; но въ началѣ тягость его не такъ замѣтна; надо постороннихъ обстоятельствъ, чтобы раздуть это пламя, а ихъ было довольно; новыя подоспѣли ксгати. Конюхи проѣзжали лошадей Степаныча, чтобы не застоились, и поэтому случаю ворота были отперты; никѣмъ не замѣченный, онъ прошелъ на крыльцо; конюхъ, сторожившій клейменую бумагу, видно не выпался, и у порога на поповѣ спалъ сномъ сладкимъ. Степанычъ и его не разбудилъ; тихо вошелъ онъ въ покои; заслышавъ въ сосѣдней комнатѣ довольно громкій разговоръ, опомнился, и подкралнись на цыпочкахъ къ завѣтнымъ дверямъ, сталъ прислушиваться.

— Ахъ, душа моя, Вѣрочка, какъ бы мнѣ тебѣ успѣть рассказать все, пока отецъ воротится!

— Да ужъ, кажется, Груня, ты все рассказала. Выходишь замужъ за богача, ѣдешь въ Питербурхъ, берешь меня съ собой, чего же больше? Тутъ все есть и для твоего и для моего счастья.

— Ну, не говори, все....

— Какъ не все? Вѣдь онъ же молодецъ собой!

— Такъ-себѣ! Конечно, не дурень, да ужъ куда ему противъ того красавчика, что мы черезъ щелку въ трактирѣ лѣтомъ видѣли.

— Ахъ, милаша какой! А, можетъ-быть, мы и его въ Питербурхѣ увидимъ....

— Угадчица! И у меня то же на умѣ. Я только молчу... А и мой, говорю тебѣ, ничего, такъ-себѣ. Ахъ, Вѣрочка,

если бы ты видѣла какъ я его ловила; какъ лукомъ глаза себѣ натирала; какъ.... Да что рассказывать!... На какую хитрость не пойдешь, глядя на старшихъ сестеръ; и безъ радости вѣкъ проживешь, и на рукахъ у такого отца останешься, что ни ѣсть, ни пить, ни одежды, ни постели, да еще побой, да попреки: зачѣмъ замужъ не выходишь! А какой дуракъ изъ такого гнѣзда жену возьметъ, и кому онъ насъ показываетъ? Ты вѣдь не чужая, сама все видѣла и слышала, каково намъ жить. А потомъ безчестіе только наживешь, вонъ какъ сестра Глафира. Съ суда, съ обидчика за нея отецъ деньги правилъ. Ты, Вѣрочка, знаешь, что въ нашемъ возрастѣ и безъ того замужъ хочется; да еще при такомъ житьѣ: такъ тутъ разбирать не станешь, за кого; лишь бы замужъ. И говорю тебѣ, что онъ такъ-себѣ. Любить его, не люблю, а терпѣть могу....

Вотъ что называется между небомъ и землею очутился Степанычъ. Ангелъ кротости и доброты явился ему сегодня, а теперь онъ понялъ какимъ пламенемъ сверкали сѣрые глаза Аграфены Кириловны....

— Договаривайте, договаривайте! подумалъ онъ: разсчитаемся.

— Ну, Вѣрочка, какъ же ты думаешь, умно я эту кашницу заварила?

— Какъ расхлебаешь! А на разумъ твой у меня большая надежда.

— Хоть и сладко мнѣ быть съ тобою, да чтобы дѣла не испортить, уходи, Вѣрочка! Какъ намъ ѣхать придется, я тебѣ дамъ знать: вѣдь не за горами!

— Спасибо, душа моя!... А когда же ты думаешь?...

— Да чай на-дняхъ. Да и долго-то ждать страшно. Знаешь, нечего отъ тебя грѣха тантъ.... Ахъ, Боже мой, кажется, отецъ пріѣхалъ. Зачѣмъ онъ, этотъ капралъ глупой, двери заперъ.... Пстой, я впередъ пойду.... Нѣтъ, слава Богу, это не онъ! Уходи, Вѣрочка, проворнѣе.

Холодный потъ катился по челу Степаныча; но бывають и благодѣтельные удары судьбы: они будятъ въ насъ благоразуміе. Степанычъ горько улыбнулся и въ душѣ проклялъ Квинтиліануса. Ему сталъ ясенъ весь путь этой глупой страсти и онъ неволью радовался, что обманъ от-

крылся во-время. Одно его печалило и беспокоило. Онъ сталъ на-ряду съ Костыльковымъ; онъ былъ соблазните-лемъ невинной дѣвушки, которую даже оправдывалъ и же-ланіями молодости и положеніемъ въ такой семьѣ. Смер-калось. Степанычъ разбудилъ конюха и приказалъ подать огню. Груня съ веселой улыбкой прибѣжала со свѣчей. Степанычъ едва умѣлъ скрыть свое негодование.

— Когда ты успѣлъ воротиться, дорогой муженскъ?...

— Только лишь. Усталъ ужасно..... Принеси ужинать: намъ надо съ тобой слова два перемолвить.....

— Знаю, знаю, объ чемъ! Ахъ ты этакой право, точно смола.... Ну, ставь столъ; я сейчасъ вернусь....

Въ этомъ антрактѣ Степанычъ на скорую руку отсчи-талъ кучу золотыхъ, положилъ ихъ въ особый кошелекъ и спряталъ въ карманъ.... Конюхъ громогласно произнесъ за дверьми:

— Разсылщикъ! Письмо принеси!....

— Подай! Видно, указъ и подорожная.....

Но къ удивленію, и радости, распечатавъ, узналъ, что это письмо отъ Лукомкина.

«Посылаю въ губернію рапортъ о новомъ ловѣ, писалъ Семенъ Романовичъ: и ухватился за эту оказію, чтобы извѣствовать тебѣ, что я воровъ изловилъ многое число; съ Ванькой Ломжиннымъ раздѣла-лся по-свѣдому. Денегъ онъ мнѣ не выдалъ; такъ я по нашему концер-ту вошелъ во владѣтельство Старою Усадьбой, чему большой секурсъ учинилъ бывшій у меня гендрихомъ — нынѣшній земскій комис-саръ. Спору было много, да все устроилось. Живемъ пока дома, по-тому что поджидаемъ воровскаго десанту. Хоромы холодны на-смерть; живемъ въ одномъ покоѣ всѣ, а въ большой избѣ офицеры; починаю, какъ по времени могу. Новостей никакихъ нѣтъ, только развѣ та, что Ванькѣ твоему смерть захотѣлось жениться. Прощай, коли хо-чешь, пиши съ этимъ же посланцемъ. Онъ долженъ къ Николаю лю вернуться. Твой преданный рабъ, Семенъ Лукомкинъ.

«Жена тебя обвиняетъ, благодарить и Богу за тебя молится. Что твой часовня? А жена хочетъ ту церковь опять поставить лѣтомъ, которая была на Усадьбѣ.—Пиши! Прощай, до свиданья!»

— Что это ты читаешь? спросила Груня, входя съ ужи-номъ.

— А то письмо, что я тебѣ говорилъ!....

— Ну, что?....

— Плохо! Надо ъхать не въ Питербурхъ, а въ деревню!

— На долго?

— Нѣтъ!

— Ну, куда не шло; поѣдемъ. А оттуда въ Питербурхъ?

— Разумѣется.

— А долго просидимъ въ деревнѣ?....

— Да съ мѣсяць....

— Ну, что дѣлать. А, можетъ-быть, тебя не отпустятъ....

— Не могутъ. Такая нужда. Меня же Колычевъ знаетъ...

Погоди маленько, Груня. Мнѣ надо отповѣди написать....

И Степаньчъ сѣлъ къ столу, написалъ два письма, коротенькія; уложилъ въ одинъ конвертъ, запечаталъ и приказалъ позвать солдата.

— Здравствуй! Когда ты уѣдешь?

— Не уѣду, а пойду какъ укажутъ; чай завтра отпишутся.

— Ну, такъ вотъ, любезный, возьми-ка и это письмецо, да отдай его Семену Романовичу!....

— Слушаю-съ!

— А это тебѣ за труды.

— Покорно благодарствую.

— Ну, и все.

— Счастливо оставаться.

— Теперь мы одни, Груня. Сядемъ. Говорить не много. Ты ужъ почти все знаешь. Завтра я переѣду на свой огородъ. Послѣ завтра пріѣду проститься. А тамъ на мѣсяць въ деревню.... Вотъ и всё-тутъ. Ахъ, я хотѣлъ тебѣ попросить, Груня. Припрячь, пожалуй, гдѣ-нибудь у себя эти деньги. Я ихъ парочно отдѣлилъ для свадебнаго подарка; такъ всё-равно пусть у тебя будутъ....

— Что это, золото?

— Чистое....

— И такая пропасть?

— Пять сотъ золотыхъ, тысяча рублей....

У Груни духъ захватило отъ такого нумеру; она не могла смотрѣть на золото не прищурясь.

— И это мое?

— Будетъ. Ахъ, Боже мой, какъ я усталъ. Мнѣ не ѣсть,

а спать хочется. А завтра еще сколько хлопотъ! Тогда гляди не успѣешь.

— Такъ лучше ложись, муженѣкъ....

— Да, да, прощай Груня....

— Видно умаялся, что и поцѣловать меня забылъ.

— Ахъ, да, прощай! Богъ съ тобой! Прощай!

Груня ушла.

— На вѣки! Богъ да простить тебя — и меня грѣшнаго!

И Степанычъ повалился ницъ передъ образомъ и долго молился однѣми слезами, горькими, горькими.... Мало-помалу облегчалась грудь его; когда онъ легъ и потушилъ свѣчу, сонъ поспѣшилъ ему на помощь, но уже не тотъ лукавый сонъ, который смутилъ его послѣ Квинтиліануса и Овидіуса; не побѣда надъ Грушей снилась ему; — нѣтъ, онъ служилъ, какъ вѣрный рабъ, другой богинѣ и во снѣ понималъ, что онъ на яву неловко опознался и принялъ за Діану, дородную Вакханку.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

РЕЗОЛЮЦІЯ.

— Ну, Сидоръ, сказалъ Костыльковъ, такъ утвердительно, что несчастный слуга вздрогнулъ, предвидя къ чему клонится рѣчь: теперь уже не отмолишься. На праздникъ я хочу уже быть женатымъ. Нѣтъ другаго исхода моей зазнобѣ. Ты видишь, я совсѣмъ одѣтъ; въ Кулимовку къ попу уже посланъ гонецъ; все готово; лошади заложены; свадебный поѣздъ мой на тридцати лошадяхъ, ступай за Дуняшей....

— Иванъ Степанычъ! Пусть лучше не будетъ этой свадьбы....

— По-миѣ, пожалуй! На волѣ Дуняши; кажется, ужъ этой милости для тебя довольно. Ступай, потолкуй съ ней, сроку полчаса....

— Господи! Спаси меня и помилуй! сказалъ Сидоръ и хотѣлъ уже идти, какъ раздался стукъ экипажа и въ комнаты вошла воеводиха....

— Вотъ тебѣ разъ! воскликнулъ Степанычъ забывшись. Ему показалось страннымъ, что воеводиха, которая поутру еще, на возвратномъ пути съ богомолья, завтракала въ

Костыльковкѣ, успѣла къ ночлегу опять вернуться къ нему и разрушить сладостный сонъ его горячихъ надеждъ. Но удивленіе и ужасъ его возрасли, когда воеводиха объявила ему о причинѣ своего приѣзду.

— Пропали мы! завопила она. Сидоръ! Ступай вонъ. Пропали! Закатилось наше солнышко. Поручикъ твой побилъ насъ всѣхъ.... Болванъ, мой Максимъ, глупое животное, безъ меня проболтался....

— Чтò такое?

— Ахъ, Господи! Я это и рассказать не съумѣю докладно; пятое, черезъ десятое рассказала мнѣ Палашка. Вчера, какъ мы тутъ съ тобою ворковали, пожаловалъ къ Максиму старшій его знакомецъ московскій, закадышный. Обрадовался болванъ первому своему злодѣю. Тотъ ему расскажи, чтò поручикъ твой на Москвѣ сдѣлалъ, а Максимъ, тетеря, давай дѣло маслять, чтобы концы въ воду свести, да и научилъ его на мою голову....

— Да чтò такое?

— Да ужъ я побилъ Палашку, зачѣмъ не докладно подслушала. Знаю только, что бѣда, потому что знаю этого крючка окаяннаго; сто Лукичей и Фомокъ его мизинца не стоятъ.... Это злодѣй первой статьи. Сорокъ лѣтъ приказнымъ плутовствомъ занимался..... Господи, ѣдетъ кто-то! Чтò, если это онъ? Сирячъ меня, Ваньчка, самъ спрячься... Идетъ!...

— Дома ли господинъ Иванъ Степановичъ Костыльковъ? спросилъ кто-то на крыльцѣ....

— Дома! Отвѣчалъ хоръ конюховъ, которые должны были везти въ Кудимовку свадебный поѣздъ....

— А куда идти?

Видно, тѣ же конюхи указали дорогу, и въ большую избу вошли Чевушкинъ и Аграфена Кирилловна.

— Здравствуй, дорогой зять!

— Здравствуй, муженѣкъ мой милый!

И Костыльковъ какъ мячикъ переходилъ въ объятія, то отца, то дочери....

— Стой! Погоди! Не души! Чтò вы ко мнѣ привязались? Чтò вамъ надо?...

— Батюшка! Да онъ, кажется, насъ не признаеть, а, кажется, свѣту довольно....

— Шутить! Шутить, дочка! Онъ это оторопѣлъ отъ радости; не думалъ, что мы такъ скоро по указу его явимся. Ну, Иванъ Степанычъ! Каково поживаешь?.....

— Да, мой ангелъ! Каково ты поживаешь?

— Да что вы, обълены объѣлись или отродясь уже такіе, что ли? Я васъ знать не знаю.....

— Ахъ, я несчастная! Батюшка, онъ не признаеть насъ! Измѣнникъ!

И Груня упала на софу, будто въ обморокъ.

Ну, пусть теперь отецъ раздѣлывается, подумала Груня: а этотъ куда лучше того поганого самозванца. Этотъ, просто, яблочко. Боже! Что если воеводская наука не удался. Я опять въ дѣвкахъ останусь! И тогда уже никто, никто не посватается. Шила въ мѣшкѣ не утаишь!.... Такъ думала Груша, а между-тѣмъ Чевушкинъ разыгрывалъ свою роль....

— Знать не знаешь! воскликнулъ онъ съ негодованіемъ: подумай, Иванъ Степанычъ, что ты это говоришь! Неужели ты думаешь, что ты въ Костыльковѣ, какъ въ нѣкой фортеціи, и что я тебя судомъ отсюда не добуду?...

Чевушкинъ взялъ свѣчку и поднесъ ее къ лицу Груши, которая всё-еще лежала на софѣ зажмурясь. Костыльковъ такъ и вспыхнулъ. Мы видѣли, что Аграфена Кириловна могла и не Костылькова закабалить своею красотою. Больно понравилась она ему съ перваго разу; но всё-таки онъ не могъ понять въ чемъ дѣло.

— Что? продолжалъ Чевушкинъ въ рукахъ со свѣчей: такъ ты се не знаешь?

— Нѣтъ.....

— Ты не обѣщала на ней жениться?

— Нѣтъ!

— А это что? Посмотри. Это не твоя рука?

— Нѣтъ!

— По суду съищется. Это не ты писалъ?.....

— А что тутъ написано?

— Не помнишь? Изволь, изволь я прочту..... Груня, поддержи свѣчку: надо очки вынуть....

И Аграфена Кирилловна благоволила, отложивъ обмокъ, встать и держать свѣчку..... Само собою разумѣется, что слезы не придаютъ большой прелести самому прекрасному лицу: кислая физиономія искажаетъ самыя нѣжныя черты, но и улыбка была бы въ этомъ случаѣ не кстати. Все это Аграфена Кирилловна успѣла сообразить съ дивною быстротою; освѣтила себя весьма искусно, и устала свои сѣрые глазки на Костылькова съ такимъ милымъ выраженіемъ любви и нѣжнаго упреку, что Иванъ Степанычъ таялъ яко воскъ отъ лица огия, а Чевушкинъ читалъ тихо и протяжно:

Любезный Кирило Александровичъ! Поведать не объясню, потому что некогда за дѣлами. Полюбилъ я красавицу дочь твою всемъ сердцемъ моимъ и помышленіемъ. Полюбила и она меня не на-животъ а на-смерть. Далъ я ей слово жениться и хочу сдержать мое слово. Не могу съ вами и проститься за недосугомъ. Сейчасъ уѣзжаю въ Костыльковку, имѣніе мое, лежащее и прочее. Пожалуйте, пріѣзжайте туда и вы съ дочкой. Хочу сыграть свадьбу, у себя дома, а на дорогу деньги я оставилъ Грунѣ. Покорный сынъ Иванъ Костыльковъ.

— Ну, что, понялъ?... заключилъ Чевушкинъ.

— Понять-то, я понялъ, только.....

И Костыльковъ почесался.

— Послушайте, Иванъ Степанычъ, сказалъ Чевушкинъ, кротко взявъ за руку Костылькова: прислдемъ безъ горячности..... Что вы будто бы не Костыльковъ, такъ это сущій вздоръ. Мы на этотъ счетъ уже имѣли экспликацію съ моимъ стариннымъ другомъ и ученикомъ, Максимомъ Ивановичемъ. Сущность дѣла вотъ въ чемъ. Или вы Костыльковъ, или вы не Костыльковъ. Буде не Костыльковъ, то—есть другой Костыльковъ; — я такъ поверну дѣломъ, что у васъ ни одной души, ни одной пяди земли не останется. Если вы не женитесь на Грунѣ, то мнѣ ужъ пощады никакой и никому давать не пристойно. Груня останется всторонѣ, а я подамъ доносъ прямо въ Военную Коллегію. Что изъ того будетъ, извѣстно, а если не извѣстно, то доношу, что того самозванца обличать, объявлять по артикулу безчестнымъ; шпицрутеномъ и въ каторгу, а тебя лишать отчины, честнаго имени, да въ

придачу ошельмуютъ, какъ въ послѣднемъ указѣ изображено. Бude же ты и Костыльковъ, то по артикулу 176 въ толкованію къ оному, хотя бы я о неявкѣ твоей и не до-несъ, то всё-таки подлежишь тюремному заключенію и церковному покаянію. То если бы того самозванца изду-ли и за мою обиду доправили, тогда уже ты никогда не можешь быть Костыльковымъ и ни въ какой судъ отъ тебя, будто отъ Костылькова, челобитья не примутъ. Таъ вотъ, Иванъ Степанычъ, экспликація послѣдняя; я больно и настаивать не буду. Во всякомъ случаѣ мы съ Груней въ убыткахъ не будемъ, тѣмъ паче, что у насъ есть нѣкоторое подозрѣніе, что буде откажешься отъ женитбы, то окажется у насъ въ скорости и другое право на твою часть твоего достоянія. Если мы идемъ на мировую, то по челоуѣколюбію больше, а также и по приязни моеи къ Максиму, наконецъ и по несклонности моеи къ суднымъ волокитамъ, копхъ какъ гражданинъ смиренный и добрый, отъ души не терплю. Ну, вотъ тебѣ все. Извольте объявить резолюцію.

— Вижу всю истину словъ твоихъ, Кирило Александровичъ: самъ на себя наложилъ руки.

— Если будешь зятемъ моимъ, даю тебѣ слово, что съ нѣкоторымъ денежнымъ сикурсомъ, поѣду въ Питербургъ, сдѣлаю тебя безо всякаго шума опять Костыльковымъ, и уволю благовидно отъ службы. Максимъ не умѣлъ дѣла уладить. Самъ теперь кается. А тутъ уже будетъ намъ общій интересъ опустить отъ этой оказіи концы въ воду. И я это сдѣлаю такъ гладко, что поручикъ твой и не схватится. Онъ же будетъ одинъ въ отвѣтъ. А ты будешь правъ кругомъ. Вотъ моя рука! Ну, теперь объявляй резолюцію.....

— Неужто ты меня вырочишь?

— Постой. Чтобы уничтожить всякое сумнительство, я тебѣ расскажу, какъ сдѣлаю. Ты подашь въ Военную Коллегію доношеніе, что во время отсутствія твоего, нѣкто Ванька Ломжинъ, такъ, кажется, мнѣ Максимъ сказывалъ....

— Такъ.

— Снесъ у тебя фамилійныя бумаги и лаялъ въ про-

«Винцію къ воеводѣ, объявилъ себѣ твоими писемъ, и что по тѣмъ документамъ выдано ему, Банькѣ, проѣзжее письмо и съ тѣмъ письмомъ пришелъ онъ въ Костыльковку, забралъ отъ имени твоего назву и то и другое, будто для твоихъ послугъ и ушелъ. Приписавъ сіе воровству и разбою, ты не искалъ виновнаго, но уведомясь нынѣ о нахожденіи его на службѣ подъ твоимъ именемъ, вѣсти такого безчестія не можешь, и прочая. За недороміемъ же не лаясь на смѣртъ, нынѣ отъ недуга получишь выпеченію, немедля на службу выѣжаешь и прочая. А на службу не поѣдешь по другимъ поводамъ.... Его, голубчика, арештуютъ, а на справку пошлютъ къ воеводѣ, а Максиму я оставлю подробную инструкцію. Ты и шагу изъ Костыльковки не сдвигнешь. Я постою за моего зятя; а ты....

— А я — я ужъ не знаю, что со мною будетъ, когда у меня въ дому приметъ начало такая барыня, какъ твоя Аграфена Кириловна....

— Вотъ тебѣ и резолюція! Обнимитесь, мои дѣти любезные....

Въ объятіяхъ Аграфены Кириловны Костыльковъ былъ совершенно доволенъ своею резолюціей и приложилъ къ дѣлу огромную печать продолжительнаго поцѣлуя....

— Батюшка! Что медлить, что откладывать мое благополучіе! Лошади готовы. По нѣкимъ причинамъ и поспѣтеперь въ Кудимовкѣ поджидаетъ молодыхъ....

— Явственное благословеніе свыше. Ну, однако же, одець-то у васъ есть, а надо бы кого за мать посадить....

— Чего же лучше. Воеводица проѣдомъ на богомолье у меня остановилась....

— Меланья Ивановна! Экъ она нынче богомольна стала! Правда, у нея и грѣшковъ-то не мало....

— Не тебѣ считать, Кирило Александровичъ, сказала воеводица, выходя изъ засады, и боясь, чтобы Чевушкинъ и на сей счетъ не пустился въ экспликацію.

— Не до счетовъ теперь, матушка Меланья Ивановна. Бью тебѣ челомъ, будь моимъ дѣтямъ матерью....

— Я всегда любила Ивана Степаныча какъ сына.... и готова услужить ему на послѣдяхъ....

— Спасибо за резолюцію....

Уѣхали. Обѣщались. Воротились... и нашли неожиданнаго гостя, Максима Ивановича.... Поднялся пиръ стараго костыльковскаго времени. Всѣ были довольны, даже Сидоръ и Дуняша.... Только одна воеводиха сидѣла, какъ на иголкахъ. Отойдя на покой и она утѣшилась, но зато Максимъ Ивановичъ больно опечалился, такъ что и на другой день видны были слѣды его тяжелой скорби. Утро вечера мудренѣе, говоритъ пословица. Вчера и Костыльковъ былъ веселъ, а сегодня.... Сегодня зато Чевушкинъ и Груня многиѣ были счастливы. И тесть и новая хозяйка съ жадностью обозрѣвали достопримѣчательности резиденціи. Меланья Ивановна оказалась больною и утащила Максима Ивановича въ провинцію. На прощаньи, уже изъ колымаги сказала она Костылькову:

— Погоди, голубчикъ, положу я тебѣ другую резолюцію. — И уѣхала.

— Вретъ! сказалъ Чевушкинъ испуганному зятю: гдѣ-таки бабѣ перевершать приговоры московскаго подъячаго. Съ нимъ и въ сенатѣ не сладятъ. Пойдемъ писать челобитную....

Чевушкинъ ушелъ. Иванъ Степанычъ, повѣся голову, стоялъ какъ вкопанный на послѣдней ступенькѣ крыльца и не чувствовалъ морозу.

— Барыня! кличетъ — доложилъ Сидоръ. Костыльковъ повиновался, но съ тяжкимъ вздохомъ.... Неизвѣстно почему, онъ былъ очень недоволенъ резолюціей второй части своей исторіи. Не знаю, какъ читатели?....

И. КУКОЛЬНИКЪ.

=

СЕСИЛЬ.

=

РОМАНЪ ГРАФИНИ ГАНЪ-ГАНЪ.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

Молодые люди вообще всѣ болѣе или менѣе глубоко убѣждены, что имъ стоить только протянуть руку надъ земнымъ шаромъ, и счастье повиснетъ у нихъ на всѣхъ пяти пальцахъ. Но, съ-тѣхъ-поръ какъ существуетъ университетъ Гейдельбергскій, едва-ли бывалъ на свѣтѣ студентъ до такой степени самоувѣренный и отважный, какъ Сесиль Форстеръ. Съ малыхъ лѣтъ, съ-тѣхъ-поръ еще, когда въ немъ впервые пробудилось соревнованіе, желаніе обогнать въ наукѣ старшаго брата Сигизмунда, въ душѣ Сесилия подлѣ самонадѣянности, которую давало сознаніе способностей дѣйствительно необыкновенныхъ, поселилось пламенное честолюбіе. Его девизъ былъ — «Могу что хочу»; а первое правило при началѣ всякаго дѣйствія — предварительно разрѣшить вопросъ: «полезно ли это будетъ моему успѣху въ свѣтѣ, моей каррьерѣ, моему будущему?» Это правило было необходимо Сесилию тѣмъ болѣе, что ему приходилось самому устроить свое будущее: состоянія онъ не имѣлъ, наслѣдства ждать было не откуда.

Оставалась одна надежда на собственные силы. Онъ на нихъ и положился, Онъ на все и на всѣхъ смотрѣлъ съ высока, — на грубыхъ, неотесанныхъ невѣждъ, на лѣтяевъ и нахаловъ съ невыразимымъ презрѣніемъ, а на прележныхъ, спокойныхъ, дѣловыхъ людей — какъ на такихъ, которые только-что годятся въ его сферу. Со всякою превосходною силой онъ смѣло вступалъ въ составленіе и, если не могъ превзойти, такъ по-крайней-мѣрѣ старался сравняться. Онъ не пренебрегалъ первенствомъ ни въ какомъ отношеніи. Нѣкоторые изъ товарищей распустили слухъ, будто онъ слабъ здоровьемъ и оттого убѣгаетъ вакханалій. Вдругъ онъ принялъ участіе въ нѣсколькихъ, самыхъ отчаянныхъ, и доказалъ насмѣшникамъ, что обладаетъ львинымъ здоровьемъ, а потомъ съ презрѣніемъ уклонился отъ нихъ. Другіе полагали, что у него долженъ быть недочетъ въ мужествѣ, когда онъ, при такой надмѣнности, никогда не имѣлъ стычекъ. Сесиль не могъ быть забіякой, потому что былъ слишкомъ гордъ. Но тутъ онъ раза два съ намѣреніемъ придрался, кончилъ блистательно, и такимъ образомъ прищемилъ языкъ и этой клеветѣ. Многие молодые люди академическую свободу свою употребляютъ во зло на тысячи глупостей именно потому, что очень долго жаждали ея. У Сесиль этой жажды не могло быть: въ домѣ тѣтки, у которой онъ воспитывался съ девяти-лѣтняго возраста и которую любилъ страстно, его приучили къ своей волѣ мало-по-малу и под конецъ уже обращались съ нимъ, какъ съ человѣкомъ совершенно самостоятельнымъ. Школьному педантизму, самому отвратительному недостатку или, лучше сказать, лѣвъ безбородыхъ всезнаекъ, Сесиль былъ совершенно непричастенъ, потому что рано вступилъ въ кругъ, гдѣ требуется не учиность, а любезность. Съ толпою своихъ хорошенькихъ, веселыхъ, милыхъ кузинъ онъ жилъ на такой ногѣ, какъ обыкновенно живутъ двоюродные братья, то есть, родственныя узы поддерживались маленькимъ, поверхностнымъ волокитствомъ и взаимнымъ желаніемъ нравиться. Настоящей любви не вышло: любовь вообще рѣдко рождается въ такихъ продолжительныхъ, привычныхъ отношеніяхъ. Молодое сердце требуетъ отъ любви

новыхъ, могучихъ, пламенныхъ ощущеній, а двоюродный братъ и двоюродная сестра знаютъ другъ друга такъ давно, что нѣтъ ни какой возможности увлечься и найти какую-нибудь таинственную, невѣдомую прелесть.

Въ обществѣ онъ всегда былъ очень почитаемъ. ко всѣмъ, кто имѣлъ силу и вѣсъ, въ томъ числѣ и къ профессорамъ; только наравныхъ себѣ не обращалъ ни какого вниманія. Въ первыхъ онъ уважалъ лѣта, познанія, опытность, чинъ, — все, чего самъ не имѣлъ; въ послѣднихъ же не находилъ ничего такого, чѣмъ бы самъ не владѣлъ или противу чего не могъ бы положить свою гирю на вѣсы. Поэтому всѣ пожилые люди благоволили къ нему, молодые находили его несноснымъ, дѣвушки любезнымъ. Но при всемъ томъ онъ былъ не дурной товарищъ и нѣкоторые молодые люди охотно сближались съ нимъ. Сесиль братался со многими изъ нихъ, потому что въ студенческой жизни это необходимо, но никогда не заключалъ слишкомъ короткой дружбы, никогда не отдавался всѣмъ: онъ считалъ это расточительностію. Посвятивъ себя политическимъ наукамъ, онъ изучалъ ихъ усердно, трудился съ величайшимъ прилежаніемъ; что чрезвычайно рѣдко при блестящихъ дарованіяхъ. Талантъ обыкновенно пренебрегаетъ трудомъ. По окончаніи университетскаго курса, Сесиль совершилъ путешествіе по Европѣ; наконецъ, снабженный всѣми необходимыми познаніями и рекомендательными письмами, отправился въ Берлинъ, гдѣ былъ принятъ въ домъ министра и въ ожиданіи вакансіи, продолжалъ изученіе своего предмета и приготовленіе къ испытанію, для полученія мѣста.

Сынъ министра, Гунтрамъ, молодой человекъ изящно воспитанный, но не очень основательно образованный и порядочно вѣтреный, впрочемъ добродушный, прильпился къ Сесилію съ пламенною дружбой, которую скрывали одинакій возрастъ и одинакія занятія. Сесиль не могъ очень привязаться къ Гунтраму, потому что не находилъ въ немъ ничего достойнаго особеннаго уваженія, и только-что сносилъ его дружбу, однако жъ старался поддерживать союзъ, потому что желалъ удержаться въ домѣ министра. Тотъ, съ своей стороны, съ перваго шагу нашель

въ Сесилѣ дѣльнаго молодого человѣка, очень полюбилъ его за умъ, познанія и обращеніе и съ удовольствіемъ видѣлъ его связь съ Гунтрамомъ, надѣясь, что она окажетъ благодѣтельное вліяніе на легкомысленный и поверхностный характеръ его сына. Министерша, напротивъ, нимало не раздѣляла образа мыслей мужа и сына въ разсужденіи Сесили. Она, вѣроятно, была превосходная женщина, потому что объ ней только и слышно было: «какъ она добра! какъ она благотворительна! какаа чувствительная душа!» Только отъ этого превосходства мало было пользы самымъ близкимъ окружающимъ. Она дѣйствительно была благотворительна. Когда къ ней обращались просители и нуждающіеся, она, правда, не давала имъ ничего своего, но зато садилась въ карету, разѣзжала по знакомымъ и незнакомымъ, собирала деньги, раздавала лотерейные билеты, ради богоугоднаго дѣла канючила, надѣдала, навязывала подписки, потомъ призывала кліентовъ и сообщала имъ плоды своихъ трудовъ, раздавала кому милостыню, кому заемъ, кому обѣщаніе мѣстечка или протекціи, и присовокупляла ко всему этому надлежащія наставленія и поученія. Она знала всѣхъ нищихъ, больныхъ, сиротъ и вдовъ великаго города Берлина и, казалось, жертвовала для нихъ собою на дѣлѣ и на совѣтѣ. Особенно на совѣтѣ она не скупилась. Она вполне понимала себя и свое назначеніе и не могла не считать священнымъ долгомъ въ отношеніи къ человѣчеству—подавать свой совѣтъ вездѣ, гдѣ нужно, и даже тамъ, гдѣ не нужно, гдѣ его вовсе не просили. То, что называла своимъ сердцемъ, она расточала чужимъ дотога, что у нея ничего не оставалось на своихъ. Мужа она терпѣть не могла за то, что онъ не поддерживалъ ея неистовой страсти къ покровительству, а обыкновенно помогалъ своими деньгами, гдѣ видѣлъ дѣйствительную нужду. Дочь свою она любила такъ же мало, потому что Нандина была слишкомъ робка и неспособна когда-либо итти по слѣдамъ маменьки, которой правило: «для добраго дѣла можно снести нареканіе въ навязчивости» приводило кроткую дѣвушку въ трепетъ: она скорѣе отдала бы послѣднее свое платье, чѣмъ итти просить у другихъ. Своего сына Гунтрама, въ дѣтствѣ, министерша

баловала съ самою слѣпою, безтолковою любовью, какая когда-либо доставалась маменькинымъ сынкамъ,—въ той надеждѣ, что потомъ будетъ имѣть право требовать такой же слѣпой преданности и безграничной признательности. Но Гунтрамъ вовсе не намѣренъ былъ йсти такое ярмо и, чтобы удалитъ его отъ себя, постоянно держался въ оппозиціи съ матерью. Особенно неистощимую пищу своему духу противорѣчія находилъ онъ въ страшномъ высокомеріи матери. Она, милосердая, человеколюбивая благодѣтельница, видѣла во всѣхъ людяхъ не дворянскаго роду существа, которымъ можно покровительствовать, но которыхъ ни какимъ образомъ невозможно признать людьми себѣ подобными. Гунтрамова дружба къ Сесилию была ей дотога нестерпима, и она дѣлала сыну столько упрековъ за его плебейскій вкусъ, что дружба наконецъ превратилась въ истинную страсть, потому что принуждала Гунтрама отстаивать, хвалить Сесилья, превозносить его любезность и достоинства, окружать его такимъ уваженіемъ, ставить на такую высоту, чтобы онъ былъ недосягаемъ периданіямъ матери. Нандина слышала это каждый день и видѣла, что отецъ очень одобряетъ союзъ ея брата съ Сесилемъ. Нандина отъ души любила отца и брата, слѣдовательно и на Сесилья не могла смотрѣть глазами своей матери.

Сесилию Нандина сначала показалаь незначительною, обыкновенною дѣвушкой, очень хорошенькою, очень граціозною, но вовсе не привлекательною. Она говорила очень мало, всегда ласково и одинаково со всѣми. Она никогда не высказывала своего мнѣнія или сужденія, и никогда не приставала къ другимъ. Къ этой ровной ласковости и осторожности она привыкла между родителями, которые всегда были разныхъ мнѣній, изъ семейнаго круга она приносила ту же привычку и въ общество, чтобы и тамъ никого не оскорбить, ни съ кѣмъ не прійти въ неприятное столкновеніе. Иногда Сесиль думалъ про себя: «какъ жаль, что такая отрицательная природа дѣлаетъ ея хорошенькое личико такимъ бездушнымъ!» Но однажды Гунтрамъ, въ случайномъ разговорѣ о матери и сестрѣ, какъ-то замѣгилъ, что совершенно покорная, кроткая и добрая Нан-

дана, хотя во всемъ безусловно повинуется матери, которую любить больше нежели та ее, однако жъ обладаетъ твердымъ характеромъ и въ важномъ случаѣ ни передъ чѣмъ не оробѣетъ, и что къ замужству, напримеръ, ея ничто на свѣтѣ не принудитъ, потому что она рѣшительно намѣрена вступить въ бракъ не иначе какъ по любви. Послѣ этого разговора Сесиль сообразилъ, что въ природѣ Нандины долженъ быть и положительный полюсъ. Онъ сталъ смотрѣть на нее другими глазами, и чѣмъ нестерпимѣе ему была мать, тѣмъ привлекательнѣе малопе-малу становилась дочь. Но онъ видѣлъ ее очень рѣдко. Съ Гунтрамомъ онъ проводилъ время ежедневно, почти ежечасно. На вечерахъ у министерши онъ являлся постоянно, потому что министръ пригласилъ его однажды навсегда, и потому что Сесиль самъ не хотѣлъ уступить ея надмѣнности. Она сначала не обращала на него ни какого вниманія, а онъ этого какъ-будто и не замѣчалъ.

На одномъ изъ этихъ вечеровъ Нандина была такъ печальна, что не могла прикрыться обыкновенною своей улыбкой. Сесиль очень вѣрно заключилъ, что она, вѣроятно, имѣла непріятность отъ матери, и, въ негодованіи за это или и даято чтобы развлечь Нандину, разговаривалъ съ нею долѣе и живѣе обыкновеннаго. Къ немалому удивленію его, Нандина также вышла изъ своей страдательной роли, даже бросила нѣсколько замѣчаній, которыя обнаруживали внутреннюю самостоятельность. Сесиль не зналъ, что Нандина сама, быть-можетъ, сегодня только сознала свои силы, потому что впервые, скромно, но рѣшительно, отклонила предложенную матерью партію. Сесиль вспомнилъ бѣглыя замѣчанія Гунтрама о прекрасномъ, глубоко чувствительномъ сердцѣ ея, и она была такъ удивительно мила, что его сердце тревожно забилося.

Съ этой минуты Нандина была влетена въ его жизнь. Онъ уже давно составлялъ неотлучную ея мысль. Она знала его по краснорѣчивымъ описаніямъ Гунтрама; по благотворному вліянію его товарищества на ея до того столь вѣтреннаго и мало развитаго брата; по похвалѣ, съ какою относился объ немъ ея отецъ; наконецъ, она видѣла его сама и не могла не замѣтить его ума, основатель-

ной и притомъ изящной образованности. Она тайкомъ отъ всѣхъ обратила на него все свое вниманіе и участіе.... «ради Гунтрама!» говорила она сама себѣ. И это въ началѣ было совершенно справедливо, но потомъ.... потомъ наступилъ порядокъ вещей не менѣе естественный.

На-утро послѣ того вечера, Сесиль, до обыкновенію, пошелъ къ Гунтраму. Онъ встрѣтилъ его и Нандину. Оба выходили изъ комнатъ отца. Нандина, увидѣвъ Сесиль, испугалась и убѣжала безъ отвѣта на поклонъ. «Отчего это?» подумалъ Сесиль.

— Что съ твоею сестрой? она, кажется, разстроена? спросилъ онъ.

— Она плакала, угрюмо отвѣчалъ Гунтрамъ. Теперь начинается исторія: ее хотѣтъ выдать замужъ; она не хочетъ. Вчера она объявила это маменькѣ, сегодня папенькѣ.... Чортъ знаетъ, чѣмъ это кончится!

— Она хочетъ за другаго? спросилъ Сесиль съ напряженіемъ.

— Не думаю. Теперь, покуда, нѣтъ еще.... ничего не замѣтно. Но, наконецъ, вѣдь каждая дѣвушка думаетъ же выйти замужъ: можетъ-быть, она и влюблена въ кого-нибудь, почему мнѣ знать: кто имъ въ душу влѣзетъ!

Сесилью очень хотѣлось разспросить, узнать по-больше, но у него въ первый разъ въ жизни не нашлось словъ и онъ промолчалъ.

И Сесиль и Нандина ежедневно слышали другъ о другѣ такія вещи, которыя ихъ сильнѣе завлекали. Слова Гунтрама производили тѣмъ сильнѣйшее дѣйствіе, чѣмъ меньше въ нихъ было умыслу. Онъ говорилъ съ другомъ о сестрѣ, потому что она была близка его сердцу, и съ сестрою о другѣ по той же самой причинѣ. Гунтрамъ и не примѣчалъ, съ какимъ глубокимъ участіемъ его слушали, а если и примѣчалъ, то простодушно относилъ вниманіе къ самому себѣ. Сесиль мало-по-малу сдѣлался для Нандины тѣмъ идеаломъ, который дѣвушки часто безъ всякой посторонней помощи составляютъ себѣ и который любятъ еще болѣе, если замѣчаютъ, что и другіе имъ милые находятъ этотъ предметъ достойнымъ. Нандина представлялась Сесилью прелестною, рѣдкою дѣвушкой, на которой съ

удовольствиемъ можно жениться, тѣмъ больше, что она дочь министра и что со стороны матери, вѣроятно, будетъ много препятствій. Это подстрекало; затрудненія, борьба, побѣда сулили много наслажденія. Молодые люди съ сильнымъ характеромъ, какъ бы честолюбивы они ни были, не любятъ того, что достается имъ безъ труда; они радуются тому, на что могутъ употребить свои силы. Глубокой, пламенной страсти не было ни у Нандины, ни у Сесиль. Но эта страсть могла быть возбуждена противорѣчьемъ.

Министерша была до крайности разгнѣвана непослушаніемъ дочери и начала строже присматривать за ея обращеніемъ съ молодыми людьми. Къ невыразимому ужасу своему она скоро примѣтила, что легкій оттѣнокъ прѣдпочтенія, какое можетъ оказывать такая молодая благовоспитанная дѣвушка, несомнѣнно на сторонѣ Сесиль. Мать насаждала ей рѣзкихъ упрековъ, которые острыми ножами пронзали сердце бѣдной Нандины, потому что она не знала за собой ни малѣйшаго кокетства, сознавала однако жъ свою склонность и была въ убійственномъ страхѣ, оттого что выказала ее передъ другими.

Когда, послѣ этого, Сесиль былъ у нихъ, Нандина приняла его съ такою ледяною холодною, что онъ не осмѣлился заговорить съ нею, какъ обыкновенно. Онъ безмолвно отошелъ и ждалъ рѣшенія загадки. Она не смѣла взглянуть на него и, продолжая разливать чай, разговаривала съ другими. Прошло около полу-часу, когда Сесиль, слѣдуя за дамою, съ которою разговаривалъ, опять подошелъ къ чайному столу и нечаянно очутился прямо противъ Нандины. Она была такъ рада видѣть его опять подлѣ себя, и сказать ему хотя нѣсколько словъ, что совсѣмъ забыла упреки матери.

— Ахъ, извините! сказала она подавая ему чашку чаю, такимъ тономъ, какой нуженъ, чтобы поправить ошибку невнимательности. Но нѣжный, печальный взоръ ея просилъ другаго прощенія, и хотя они ни слова больше не говорили, однако жъ обонихъ успокоила сладостная увѣренность.

Прошла зима. Весною Гунтрамъ долженъ былъ начать свой чередной годъ военной службы. Онъ вступилъ въ

уланскій полкъ вмѣстѣ съ Сесилемъ. Министерша была въ отчаяніи, когда увидѣла на сынѣ солдатскій мундиръ.

— Сдѣлай милость, одѣнься прилично, Гунтрамъ, когда, вечеромъ, прійдешь ко мнѣ, сказала она сухо.

— Въ солдатскомъ мундирѣ моего государя я, кажется, очень прилично одѣтъ, маменька. Впрочемъ я и не смѣю теперь одѣваться иначе, чтобы не подвергнуться наказанію.

— Наказанію? Бѣдный мой Гунтрамъ! Какому же наказанію?

— Не знаю.... я думаю, посадятъ въ колодки, сказалъ онъ, шутя.

Она взвизгнула и разразилась потокомъ брани на неслыханное притѣсненіе и варварство, которое принуждаетъ ея сына цѣлый годъ стоять на ряду съ разночинцами и мужиками.

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ не смѣешь снять этого чудовищнаго наряда? спросила она наконецъ, когда устала браниться.

— Право, не смѣю.

— Согласись, однако жъ, что онъ приличенъ только на вашей службѣ, но не въ обществѣ?

— Согласенъ.

— Такъ я же прошу тебя, мой другъ, не приводить ко мнѣ никого изъ твоихъ друзей, покуда вы носите это платье. Тебѣ я всегда рада, но всё-таки не желаю, чтобы моя гостиная превратилась въ казарму.

Гунтрамъ очень хорошо понималъ, что мать придумала этотъ запретъ единственно ради Сесили, но не вправѣ былъ жаловаться за своего друга, потому что это могло касаться въ то же время и другихъ троихъ или четверыхъ его пріятелей. Онъ только рѣшился посѣщать мать свою не чаще того, сколько требовала обязанность, и тѣмъ хотѣлъ доказать ей, что всякое усиліе оторвать его отъ друга будетъ напрасно. Нандинѣ это было очень прискорбно. Она не только не видѣла Сесили, но и не слышала ничего объ немъ, потому что рѣдко имѣла случай на свободѣ поболтать съ братомъ.

Мѣсяца черезъ два Гунтрамъ захворалъ. Докторъ объ-

являлъ, что у него горячка. Нандина каждый день навѣщала брата; Сесиль тоже. Тутъ они видѣлись, но всегда только на минуту: боясь матери, Нандина не смѣла оставаться, когда онъ приходилъ.

Гунтрамъ выздоравливалъ.

Однажды онъ сказалъ сестрѣ, что пойдетъ въ садъ и просилъ ее прійти туда же. Она тотчасъ побѣжала въ свою комнату за шляпкой и въ-минуту очутилась въ саду. Гунтрама еще не было. Въ-место его она встрѣтила Сесиль, который вдругъ явился передъ нею изъ-за куртины.

— Извините! сказалъ онъ смутившись, потому что она была смущена: мнѣ сказали, что Гунтрамъ будетъ сюда.

— Я ему скажу, что вы его ждете, отвѣчала она и сдѣлала шагъ назадъ.

— О, нѣтъ! сдѣлайте милость, останьтесь, хоть на минуту! возразилъ онъ съ живостью.

Она остановилась у куста и съ смущеніемъ водила рукой по цвѣтамъ. Сесиль взялъ эту руку и сказалъ:

— Нандина! милая Нандина!

Она не отнимала руки, но и не отвѣчала. На опущенныхъ рѣсницахъ задрожала слеза.

— У васъ нѣтъ ни одного ласковаго, ни одного ободряющаго слова для меня? спросилъ онъ тихо: скажите хоть *да* или *нѣтъ*?

Съ трепетомъ, мило и робко произнесла она «да!»

— Да! вскричалъ онъ въ восторгѣ и, сжавъ ея руку между своими, прижалъ къ губамъ: это рѣшительное и твердое «да»!

— Рѣшительное и твердое! сказала она торжественно, обративъ на него глаза, сіяющіе тихою радостью.

— Тогда вамъ нужно мужество, сказалъ онъ съ чувствомъ.

— А вамъ терпѣніе.

Они поспѣшно, почти шопотомъ помѣнялись этими словами. Послышались голоса. Нандина пожала руку Сесиль и обѣжала кругомъ куртины въ другую аллею, чтобы входящіе не примѣтили ея. Это были Гунтрамъ и его мать.

— Нандины нѣтъ здѣсь? спросилъ Гунтрамъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Сесиль. Я приду къ тебѣ послѣ, черезъ полчаса.

Сесиль поклонился министершѣ и ушелъ. Онъ почти испугался такой полной, неожиданной увѣренности въ счастье. «Ну, теперь готовься!» сказалъ онъ самъ себѣ, вышедши на широкую улицу, которая показалась ему открытою коврами и цвѣтами, какъ для триумфатора: «Теперь начинается жизнь!»

У Гунтрама сильно пострадала грудь. Мать повезла его въ Эмсъ и была очень рада, что онъ не могъ служить урочнаго году. Нандина осталась у отца подъ особымъ присмотромъ строгой компаньонки. Сесиль она не видѣла вовсе, но будучи увѣрена во взаимности, не страдала отъ этого лишенія. Въ началѣ любовь чрезвычайно умѣренна, довольствуется очень малымъ; тѣмъ больше она растетъ, тѣмъ ненасытнѣе становится. И это очень естественно, потому что любовь — жажда безконечнаго.

Позднею осенью министерша съ сыномъ воротилась. Гунтрамъ пользовался винограднымъ леченьемъ, но все-таки на всю зиму остался хворымъ. У него Нандина изрѣдка, мелькомъ, видѣлась съ Сесилемъ. Она охотно отказалась бы совершенно отъ общества и посвятила бы себя исключительно попеченіямъ о братѣ, но мать не позволяла: она находила, что Нандинѣ пора замужъ, пора прискаты приличную партію.

По истеченіи военно-служебнаго года министръ напомнилъ Сесилю, что пора ему подумать объ испытаніи и заняться практическимъ примѣненіемъ накопленныхъ познаній. Сесиль отвѣчалъ, что готовъ выдержать испытаніе, и ничего не желаетъ такъ пламенно, какъ опредѣленнаго мѣста, тѣмъ болѣе, что уже имѣетъ опредѣленную цѣль жизни.

— Я люблю Нандину..... прибавилъ онъ самымъ нѣжнымъ тономъ, сохраняя однако жъ спокойную и твердую осанку.

Министръ холодно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Очень сожалею.

Гунтрамъ, въ комнатѣ котораго происходилъ разговоръ, вскопчалъ, обнялъ Сесиль и вскричалъ:

— Отчего же папенька?

— Отчего же? повторилъ и Сесиль.

— Оттого, что свадьбу должно будетъ отложить на неизмѣримую даль, отвѣчалъ министръ: у васъ, любезный Форстеръ, нѣтъ состоянія; у моей дочери тоже. Она не можетъ ждать, пока вы достигнете самостоятельнаго положенія.

— Но если она согласна ждать? робко спросилъ Сесиль.

— Такъ вы уже согласились съ моею дочерью, господинъ Форстеръ? спросилъ министръ холодно и надмѣнно.

— Сердца согласились, возразилъ Сесиль.

Министръ смотрѣлъ на него сначала сурово, потомъ, мало-по-малу ласковѣе, и наконецъ сказалъ:

— Любезный Форстеръ, я васъ люблю, вы это знаете, и люблю не только ради Гунтрама, но ради васъ самихъ. Поэтому совѣтую вамъ, не какъ отецъ, но какъ другъ: совершайте свой путь безъ моей дочери.

— Но я люблю ее! вскричалъ Сесиль.

— Что жъ изъ этого? Любовь хороша, но одной любви мало для счастья. Вамъ, пожалуй, и теперь уже эта любовь будетъ счастьемъ; двигателемъ, путеводительницей.... чѣмъ хотите.... вы станете трудиться, стремиться, станете въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ смѣшивать любовь съ честолюбіемъ и будете дѣйствовать для него, хотя и удержитесь за думу объ ней. А дочь моя между-тѣмъ должна ждать, ждать, да ждать, сложа руки, цѣлые годы, вдали отъ васъ, въ уединеніи, въ самую лучшую пору юности.... Увѣрены ли вы, что ея любовь довольно сильна для этого и что она не соскучится ожиданіемъ, не откажется отъ васъ?

Если бъ онъ спросилъ: «можетъ ли Нандина быть счастлива такимъ образомъ?» то, можетъ-быть, тронулъ бы Сесиль, но такъ онъ только оскорбилъ его и усилилъ противорѣчіе. Быть забытымъ, отверженнымъ дѣвушкою, Нандиною.... Противъ этого возстало самолюбіе пуще любви, и онъ сказалъ съ улыбкою увѣренности:

— На это пусть отвѣчаетъ Нандина, ваше превосходительство.

— Но, любезный другъ, какъ же молодой дѣвущкѣ, ко-

торая не знаетъ ни людей, ни обстоятельствъ, ни самой себя, и которая сверхъ-того ослѣплена минутною склонностью..... какъ же такой дѣвушкѣ судить о сомнительной будущности?

— Повтому молодая дѣвушка никогда не должна выходить замужъ: выходя она всегда идетъ навстрѣчу будущности болѣе или менѣе сомнительной, возразилъ Сесиль.

— Да, что касается болѣе или менѣе мѣры счастья, — конечно, такъ. Но жена вступаетъ въ вѣрныя, определенныя отношенія, которыя до самой могилы окружаютъ ее необозримою цѣпью обязанностей и такъ связываютъ, что она не можетъ выступить изъ круга даже тогда, когда остынетъ любовь и страсть. А что же будетъ связывать ее въ неопределенныхъ отношеніяхъ невѣсты, когда погаснетъ любовь? Ея слово? Развѣ этого довольно? И развѣ не можетъ случиться то же самое съ вами? Вы еще не знаете женщинъ.

Сесиль покраснѣлъ и сказалъ съ гордостью, которую юноши обыкновенно противопоставляютъ опытности стариковъ:

— Не знаю, нужно ли знать женщинъ, чтобы любить одну изъ нихъ.

Гунтрамъ снова кинулся на шею Сесилью и осыпалъ его упреками за скрытность.

— Развѣ Нандина не сестра моя? спросилъ онъ.

— Въ этихъ дѣлахъ нѣтъ сестеръ: есть только дѣвушка, которая хочетъ, чтобы ея тайна была сохранена, отвѣчалъ Сесиль.

Ему было безпокойно и тѣсно. Въ словахъ министра было слишкомъ много истины. «Что если она можетъ позабыть меня?» тайно повторялъ онъ самъ себѣ съ внутреннимъ трепетомъ. Онъ вовсе не подумалъ: «А что, если я позабуду ее?» Онъ считалъ себя непоколебимо твердымъ.

Министръ пошелъ-было прямо къ Нандинѣ, но встрѣтился съ посланнымъ отъ жены, которая просила его къ себѣ.

Она подала ему письмо, только-что полученное, со сватовствомъ. Мать писала отъ имени своего сына.

— Но они не знаютъ другъ друга, сказалъ министръ, прочитавъ.

— Нѣтъ; затѣмъ-то баронесса и приглашаетъ меня на лѣто къ себѣ на дачу. Тамъ «познакомятъ».

— Но надобно будетъ спросить Нандину.....

— Я дочь свою воспитала такъ, что она согласится, когда я рѣшительно потребую. А этотъ бракъ долженъ быть заключенъ; я этого хочу.

— А я сейчасъ только слышалъ другое объясненіе.

— Къ какому дѣлу? Отъ кого же?

— Ницѣ всего необходимо хладнокровіе, мой другъ, сказалъ министръ взявъ ее за плечо: съ гнѣвомъ и вспыльчивостью. Ничего путнаго не сдѣлаешь.

— Да что же это такое? кто? говори!.... вскричала она вскочивъ.

— Сдѣлай милость будь хладнокровна: иначе я не могу говорить съ тобою о будущности Нандины.

Когда она замолчала и усѣлась, онъ пересказалъ ей разговоръ съ Сесилемъ. Она окаменѣла. Потомъ вдругъ зашумѣла такъ, что оглушила мужа, осыпала его упреками, за то что онъ принимаетъ къ себѣ въ домъ, Богъ знаетъ какихъ людей, позволяетъ имъ обольщать своихъ дѣтей, и такъ далѣе.

Министру чрезмѣрно наскучили эти пустыя фразы.

— Лучше всего будетъ поговорить объ этомъ съ самой Нандиною, сказалъ онъ вставая.

— Да, сказала жена рѣшительно: я прикажу позвать ее.

Нандина пришла. Министръ между-тѣмъ заклиналъ жену, не пугать ея, и она молчала. Онъ отдалъ дочери нисѣмо. Та пробѣжала его и потомъ сказала, что желаетъ остаться у родителей.

— Навсегда, Нандина? ласково спросилъ отецъ.

Бѣдная Нандина вспыхнула и молча тихо покачала головой. Мать съ трудомъ удерживала гнѣвъ. Нандина вытаращила глаза и, замѣтивъ негодованіе матери, онѣмѣла. Горючія слезы быстро покатались по пылающимъ щекамъ. Отецъ съ глубокимъ состраданіемъ смотрѣлъ на дѣвушку, которая стояла какъ осужденная преступница, хотя не сдѣлала ничего дурнаго. Онъ сказалъ нѣжно:

— Нандина, онъ былъ со мною откровеннѣе тебя!

— О! вскричала Нандина и подъ гнетомъ чувствъ упала къ ногамъ отца: у него нѣтъ матери, которая бы за это прогнѣвалась!

Министерша молча пожала плечами. Министръ поднялъ дочь и, посадивъ подлѣ себя, сказалъ:

— Успокойся, Нандина! успокойся, и расскажи мнѣ, что у тебя на сердцѣ?

Она рассказала. Она откровенно рассказала ему повѣсть своей невинной любви, которая жила однимъ надеждами. Она не умолчала и про «да», сказанное въ саду.

— Теперь ты знаешь все, папенька! заключила она: но если ты будешь гнѣваться за мою любовь или за молчаніе, или за что другое..... я умру, милый папенька!

— Вздоръ! вскричала министерша, не бойся, не умрешь и оттого, что изъ твоей неприличной любви не выйдетъ свадьбы, а свадьбы не будетъ: она невозможна.

Нандина посмотрѣла на отца со страхомъ, какъ-будто ждала смертнаго приговору.

— Ну, ну! сказалъ онъ, чтобы успокоить ее: этимъ уже слишкомъ много сказано.

Нандина обвила руками его шею. У нея духъ занялся отъ восторгу. Министерша встала и холодно сказала:

— Нандина! моего согласія ты никогда не получишь, никогда! Замѣть себѣ это. Хотя бы отецъ и согласился, я..... никогда! Я въ послѣдній разъ говорила съ тобою объ этомъ предметѣ.

Она ушла въ свой кабинетъ и заперла за собою дверь на замокъ.

Министръ призвалъ Гунтрама и Сесиль. Они нашли Нандину у него. Онъ объявилъ молодымъ людямъ, что не можетъ признать ихъ женихомъ и невѣстой, потому что они еще слишкомъ молоды и не самостоятельны; онъ не хотѣлъ, чтобы и сами они считали себя такими, потому что это значило бы, можетъ-быть, отказываться отъ счастья изъ-за пустой мечты. Видѣться онъ позволилъ имъ не иначе какъ въ обществѣ. Черезъ годъ намѣренъ былъ спросить, остались ли они при настоящихъ своихъ мысляхъ.

Сесиль была несказанно счастлива. Онъ былъ увѣренъ въ любви Нандины, потому что, если бы она не призналась отцу, что эта любовь глубокая, страстная, тогъ не нашелъ бы нужнымъ испытаніе, а просто разомъ отказалъ бы.

Благоразумный отецъ, обезпечивъ такимъ образомъ свою дочь безъ лишней строгости и безъ необдуманнаго потворства, сообщилъ принятыя мѣры женѣ и просилъ у нея снисхожденія къ Нандинѣ.

— Нандина дура, а ты безразсудный отецъ, который помогаетъ уничтожать счастье дочери! вскричала министерша: вотъ и эта партія пропадаетъ! Отнынѣ я уже не стану больше заботиться объ ея будущемъ. Какъ хотите, такъ и живите!

— И прекрасно! возразилъ мужъ: я только этого и желаю.

Съ-тѣхъ-поръ министерша пуще прежняго предалась благотворительности и на пользу человечества совершенно истощалась въ совѣтахъ и поученіяхъ.

Для Сесили наступила счастливая пора молодого человека, котораго дотолѣ неопредѣленные желанія приняли извѣстную, опредѣленную форму и цвѣтъ, вышедши изъ эира и спустившись на землю. Передъ нимъ словно разсѣялся утренній туманъ и раскрылась чудесная картина весны, ярко сіяющей въ лучахъ солнца. Широкая дѣржава къ счастью открыта и этого съ него довольно. Жизнь казалась ему наслажденіемъ: всѣмъ ея требованіямъ онъ былъ радъ и ни одно не казалось ему слишкомъ великимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать. Милой своей воспитательницѣ, теткѣ, съ которою постоянно велъ переписку, онъ съ восторгомъ разсказалъ про свои надежды, про свою любовь.

Объ этихъ надеждахъ, объ этой любви онъ ежедневно толковалъ съ Гунтрамомъ, который вмѣстѣ съ поклономъ и съ многими нѣжными вѣстями переносилъ все это къ сестрѣ. Нандина видѣла Сесиль ежедневно, но только на одно мгновенье, когда садилась съ матерью въ карету, выѣзжая гулять. Она успѣвала только слегка кивнуть ему головою и больше ничего. Недѣли въ двѣ, въ три разъ, они видѣ-

лись въ гостиной или на вечерѣ. Но тутъ мать строго наблюдала, чтобы Нандина не сказала Сесилью полу-словомъ больше нежели другимъ.

У Нандины не было работъ, которыя могли бы занять ея умъ и наполнить время такъ, какъ у Сесиль, который однажды сказалъ:

— Если бы во дню было двадцать четыре часа, то и тогда онъ мнѣ былъ бы коротокъ: я не успѣваю переработывать всего матеріалу, который нахожу въ немъ.

— А мнѣ каждый часъ слишкомъ дологъ, потому что пусть, говорила со вздохомъ Нандина.

— Вы даете мнѣ двойную душу, оттого-то я такъ богатъ и силенъ, возразилъ Сесиль.

Воспоминаніемъ о такихъ словахъ и надеждою на другіе подобныя, Нандина питалась и жила цѣлые дни и недѣли. Любовь Сесиль была тою почвою, изъ которой бѣдное, угнетенное существо ея почерпало жизненные соки. Кромѣ этого у нея не было ничего, такъ же, какъ растеніе въ знойную пору не имѣетъ ничего освѣжительнаго, кромѣ нѣсколькихъ капель росы.

Годъ прошелъ. Сесиль и Нандина явились къ министру съ увѣреніемъ, что образъ мыслей ихъ всё тотъ же.

— Хорошо, сказалъ министръ спокойно: отношенія остаются тѣ же. Черезъ годъ я опять спрошу васъ.

Это вовсе не соотвѣтствовало ожиданіямъ любовниковъ. Нандина была слишкомъ робка, чтобы высказать желаніе, которое таилось у нея въ сердцѣ. Сесиль былъ смѣлѣе. Онъ просилъ позволенія писать къ Нандинѣ, но отецъ не согласился.

— Это возможно только между обрученными, а вы еще не обручены, сказалъ онъ.

Нандина осмѣлилась замѣтить, что она всё-таки считаетъ себя невѣстою Сесилья. Отецъ возразилъ, что это отъ нея зависитъ, но что онъ самъ не можетъ еще считать ее такою.

— Но вѣдь это жестоко! вскричалъ Сесиль.

— Что жъ тутъ жестокаго? Годъ тому назадъ вы благодарили меня за то самое, что теперь находите жестокимъ. Что же измѣнилось съ-тѣхъ-поръ? Ничего. Вы уже

не стѣдствѣ, правда; вы счастливо выдержали испытаніе, вы служите, по вы покуда всё-еще Сесиль Форстеръ, и только. Этого, конечно, довольно мнѣ, чтобы любить и уважать васъ лично, но не довольно для того, чтобы выдать за васъ дочь мою. Надѣюсь, вы согласны, что она не можетъ выйти замужъ за канцелярскаго чиновника, хотя бы и при посольствѣ?

Сесиль и Нандина чувствовали, что онъ говоритъ правду, но всё-таки старались склонить его на свои желанія. Министръ былъ непоколебимъ.

— Вы думали, что испытаніе уже кончилось, а оно только-что начинается, сказалъ онъ. Гунтрамъ по болѣзни пойдетъ на воды; мать и Нандина проводятъ его. Тогда ты, дитя мое, въ первый разъ будешь въ новомъ чужомъ кругу, а вы, любезный Форстеръ, тоже поближе нынѣшняго познакомитесь съ отношеніями въ свѣтѣ, въ который вступаете. Кто знаетъ, къ чему приведетъ васъ этотъ опытъ!

Они жарко противорѣчили, но ничего не измѣнили. Гунтрамъ, изъ состраданія къ предстоящей разлукѣ, устроилъ для нихъ короткое свиданіе, чтобы они по-крайней-мѣрѣ могли проститься. Потомъ Сесиль отправился по назначенію министра въ Верхнюю Силезію, гдѣ долженъ былъ пробить годъ. Нандина съ матерью и братомъ побѣжала въ Гайсъ.

Сесиль, конечно, неслыханно соскучился бы въ Ратиборъ, если бы въ первые же дни не пришло къ нему извѣстіе о скоропостижной смерти отца. Тутъ некогда было скучать. Отецъ его, совѣтникъ правленія въ Магдебургѣ, былъ прекраснымъ мужемъ и отцомъ, любезнымъ собесѣдникомъ и вообще очень умнымъ человекомъ, но весьма дурнымъ хозяиномъ. Неожиданно скончавшись, онъ оставилъ множество долговъ и жепу съ кучею дѣтей въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Это огорчало Сесиль, особенно потому, что онъ тутъ ничего не могъ поправить, развѣ просить дядю, чтобы тотъ привелъ въ нѣкоторый порядокъ запутанныя дѣла безпомощной вдовы. Дядя, богатый фабрикантъ и отличный не только сельскій, но и домовый хозяинъ, исполнилъ эту просьбу самымъ благороднымъ образомъ. Но всё-таки Сесиль было непріятно: онъ до-

садоваль, что ни ему, ни брату его Спигизмунду обстоятельству не позволяли заняться этимъ и управиться самимъ. Въ двойномъ горѣ, о потерѣ и о несчастномъ положеніи семьи, онъ жилъ въ Ратиборѣ въ совершенномъ уединеніи и старался забыть въ занятіяхъ по службѣ и въ ученѣ. Къ Гунтраму онъ написалъ въ полгода одинъ разъ. Онъ не находилъ въ себѣ того расположенія, какое было нужно, чтобы развеселить больного друга. Отъ этого пострадала и Нандина: ее терзало безпокойство и томленія неизвѣстности. Она поблѣднѣла, исхудала, утратила здоровье, но не жаловалась: она этого не замѣчала; она чувствовала только, что сердце болитъ.

Наконецъ, уже зимою, Сесиль завелъ въ Ратиборѣ знакомство, которое пробудило его отъ оцѣпенѣнія. Подъ городомъ, на прекрасной дачѣ жилъ графъ Регенсбергъ, или, лучше сказать, жила его жена, потому что самому ему болѣе нравилась жизнь въ Вѣнѣ, Бреславлѣ и Берлинѣ, гдѣ онъ велъ себя совершенно какъ холостякъ и предавался всѣмъ удовольствіямъ этой жизни. Когда умерла его первая жена и оставила ему троихъ дѣтей, которымъ необходимы были попеченія матери, онъ рѣшился жениться во второй разъ, тѣмъ охотнѣе, что Діана Адмеркронъ была дѣвушка очень милая. Если ужъ мнѣ нужно бывать и дома, такъ по-крайней-мѣрѣ у меня будетъ тамъ хорошенькая жена, думалъ онъ, чтобы утѣшить себя за недостатокъ приданого у невѣсты. Самъ онъ былъ довольно богатъ. Діана вышла за него съ подобающею покорностью. ████████ была воспитана именно такъ, чтобы безусловно повиноваться сначала волѣ честолюбивой матери, а потомъ быть рабою мужа. Уже около двухъ лѣтъ она жила въ замкѣ со своими пасынками довольно уединенно. Въ эту зиму у нея гостила старшая ея сестра, графиня Рената Доббенекъ. Этихъ двухъ сестеръ Сесиль встрѣтилъ на балѣ у своего начальника. Діана поразила его, потому что была прекрасна; Рената — потому, что была вовсе не прекрасна, а привлекала несравненно больше. Діана была очень занята и занимала другихъ, потому что много танцевала; Рената не танцевала вовсе и президентша не знала, что дѣлать съ гостью, которая не нашла себѣ нико-

го знакомыхъ въ новомъ обществѣ, и, по-видимому, странно скучаетъ. Отъ картъ она тоже отказалась. Президентша обратила глаза на Сесилья, который также не танцовалъ, потому что носилъ трауръ, но былъ слишкомъ изъясненъ на то, чтобы служить по нуждѣ подставнымъ въ какой-нибудь вялой партіи виста. Она просила Ренату о позволеніи рекомендовать его ей, познакомила ихъ и успокоилась.

Привычная увѣренность и ловкость чуть-чуть не оставили Сесилью совсѣмъ, когда онъ стоялъ передъ графиней Доббенекъ: такая смѣсь надмѣнности и суровости лежала на молодомъ ея лицѣ. Но она была слишкомъ горда, чтобы быть невѣжливою: она только не могла скрыть своей скуки. Она поклонилась ласково, но молча, потому что не знала, что сказать. Президентша ограничилась однимъ названіемъ имени и оставила обоихъ въ положеніи довольно затруднительномъ. Сесилья долженъ былъ рѣшиться начать разговоръ съ чего бы то ни было.

— Вы не танцуете, графиня? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— И не играете?

— Нѣтъ.

— Можетъ-быть, вы не любите и говорить? продолжалъ онъ съ улыбкою.

Она посмотрѣла на него во всѣ глаза, потомъ сказала:

— Однако жъ иногда говорю.

Она была изумлена, что здѣсь нашелся человекъ такой смѣлый.

— Я почелъ бы себя счастливымъ, если бы встрѣтилъ такое «иногда», продолжалъ онъ.

— О, это очень легко! возразила Рената: стоить только говорить мнѣ вещи, на которыя я могу отвѣчать.

— Прибавьте «и хочу», графиня.

— Натурально! Я нахожу всѣ разговоры о томъ, «какъ вы поживаете» и «какъ вамъ нравится этотъ балъ или этотъ кадриль» до крайности излишними. У Яковлевъ есть, говорятъ, машинки для поклоновъ, которыми они махаютъ вмѣсто привѣтствій; у Калмыковъ есть машинки, которыя они вертятъ вмѣсто молитвы. Намъ не худо бы

завести машинки для бальныхъ разговоровъ, которыми мы могли бы звонить или стучать, чтобы замѣнить цѣлые потоки пустыхъ фразъ.

Увидѣвъ, что Рената можетъ говорить съ живостью, Сесиль оживился и самъ. Онъ сталъ защищать фразы, какъ орудіе, посредствомъ котораго, при надлежащемъ искусствѣ, можно далеко уйти и безъ мыслей или съ скрытыми мыслями. Рената возразила, что не вѣрится скрытымъ мыслямъ у тѣхъ, кто выражается фразами, или такія скрытыя мысли вовсе не заслуживаютъ этого названія.

— Мысли прорываются невольно, какъ свѣтъ, гдѣ только есть случай къ тому, сказала она.

— Тогда бы повсюду на свѣтѣ царствовала истина и разумѣніе, замѣтилъ Сесиль.

— Да, конечно, сказала она съ важностью: я дѣйствительно думаю, что такое разумѣніе существуетъ между благородными, высокими душами, между существами, которыя презираютъ пошлую жизнь въ обыкновенныхъ сборищахъ, называемыхъ обществомъ.

Они проговорили съ часъ. Тутъ подошелъ къ Ренатѣ хозяинъ. Сесиль, изъ учтивости, уступилъ ему свое мѣсто. Но Рената послѣ нѣсколькихъ «фразъ» опять впала въ прежнюю скуку и неразговорчивость. Съ Діапою разговаривать было гораздо легче: та не требовала ума и веселилась до упаду. Сесиль подошелъ къ ней въ промежуткѣ двухъ танцевъ и послѣ первыхъ трехъ словъ просилъ позволенія пріѣхать къ ней. Она была очень рада.

— Боже мой! какъ я устала отъ скуки! сказала Рената, зѣвая и усаживаясь въ уголь кареты.

— А я отъ танцевъ; сказала Діана весело, и пріютилась въ другомъ углу.

Два дня спустя Сесиль былъ у графини Регенсбергъ. Тутъ уже ему трудно было замѣтить Діану подлѣ Ренаты: продолженіи бесѣды онъ обращался преимущественно къ старшей сестрѣ, хотя очень хорошо чувствовалъ, что неприлично было бы оставить хозяйку дома въ совершенномъ пренебреженіи. Съ обѣими вдругъ бесѣдовать онъ не могъ, потому что съ одною можно было говорить только поверхностно, а съ другою только серіозно: одна всег-

да бы скучала тѣмъ, что занимало бы другую. Діана обнаруживала безпокойную подвижность, жажду удовольствій, наслажденій, новостей и ощущеній свѣта; Рената—равнодушіе, почти презрѣніе ко всему этому. Она, казалось, считала всѣ эти цвѣтистые плоды содомскими яблоками, быть-можетъ потому, что въ лучшемъ, драгоценнѣйшемъ изъ нихъ нашла одну пыль, между-тѣмъ какъ Діана и въ содомскихъ яблокахъ простодушно восхищалась великолѣпными красками и не вѣрила, чтобы они могли содержать въ себѣ негодный прахъ. Впрочемъ, въ домашнемъ быту у Ренаты исчезала отталкивающая строгость, которую она носила въ обществѣ какъ оборонительное оружіе: она казалась только тихою и важною, какъ человѣкъ рѣшившійся терпѣливо сносить глубокое горе. Сесиль тайно удивлялся, что мужья могутъ оставлять такихъ привлекательныхъ женщинъ однихъ. Діана, въ разговорѣ, между прочимъ, сказала, что ждетъ своего мужа къ Рождеству. Рената не упоминала о своемъ.

Вечеромъ Сесиль поѣхалъ домой въ раздумьѣ. Передъ глазами его безпрестанно мелькала Діана; въ умѣ носилась мысль о Ренатѣ. О Нандинѣ онъ не думалъ вовсе. Онъ хотѣлъ жениться на Нандинѣ, основать съ нею домъ, семейный кругъ, пройти съ нею жизнь, да! но до всего этого было еще очень далеко, а настоящее опускало передъ этимъ будущимъ такія великолѣпныя завѣсы, что онъ по-необходимости не видалъ Нандины. Доселѣ онъ все жилъ только въ будущемъ и для будущаго. Теперь ему пришла охота пожить немножко и въ настоящемъ.

Когда онъ на другой день шелъ въ ~~жизнь~~ жизнь, мимо его прокатилась дорожная карета, запряженная четвернею. Онъ испугался, узнавъ сидѣвшую въ каретѣ Ренату. Она уѣзжаетъ?..... куда? къ кому? зачѣмъ? спрашивалъ онъ самъ себя въ уныніи. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ встрѣтился съ товарищемъ по службѣ.

— Видѣли вы? спросилъ тотъ: графиня Доббенекъ сейчасъ проѣхала, на почтовыхъ.

— Видѣлъ. Куда это она ѣдетъ?

— Во Франконію, къ своему сумасшедшему мужу.

— Къ сумасшедшему? Неужели?

— Хуже нежели сумасшедшій: полоумный; да, да! полоумный, юродивый, какъ хотите, назовите. Но, конечно, онъ всё-таки не столько полоумень, чтобы дать женѣ ту свободу, какою бы она могла пользоваться у сумасшедшаго. Что вы на это скажете?

— Да это ужасно! вскричалъ Сесиль съ негодованіемъ.

— Да, да! бываютъ такія вещи.... случается. И знаете ли, отчего и за что это случается? за деньги дѣлается, за звонкую монету, любезный другъ. Когда графъ Доббенекъ умретъ, жена его наследуетъ огромное имѣніе.... На подписаніе завѣщанія у него вѣдь станетъ же ума. Тогда она будетъ его законною наследницею, какъ теперь его законная жена. Какъ вамъ нравятся законныя права?... а? обыкновенная жена..... законная! законная! кричатъ одни. Утвержденная въ духовной наследница.... законная! кричатъ другіе.... и мы съ вами помогаемъ имъ кричать.

— О! да вѣдь это ужасная подлость! воскричалъ Сесиль съ отчаяніемъ.

Ему стало страшно Ренаты.

— Да, да! на этомъ свѣтъ стоитъ, такъ онъ движется... Нѣкоторые утверждаютъ даже, будто онъ такимъ образомъ подвигается впередъ, совершенствуется.

— Вы горкій насмѣшникъ, Олець! сказалъ Сесиль, входя въ присутствіе.

Онъ не могъ подавить своего отвращенія отъ Ренаты, потому, что даже не въ состоянн былъ пользоваться позволеніемъ Діаны, навѣщать ее. Черезъ нѣсколько недѣль онъ однако жъ получилъ отъ нея и отъ ея мужа приглашеніе на вечеръ, который графъ Регенсбергъ давалъ, по обыкновенію, передъ своимъ отъѣздомъ.

Діана такъ ласково спросила Сесиль, отчего онъ не пріѣхалъ, что его ужасъ отъ Ренаты показался ему сифиннымъ, тѣмъ болѣе, что сестры, очевидно, были совершенно различнаго нраву. «Кто знаетъ, можетъ-быть и эта тоже маленькое чудовище?» думалъ онъ. «Во всякомъ случаѣ, однако жъ, она очень миленькое чудовище». Тутъ ему пришло въ голову замѣчаніе министра, что онъ-де еще не знаетъ женщины. Онъ почти устыдился своей неопытно-

сти и прилежно принялся заниматься Діаною, частію изъ тщеславія, частію отъ скуки. Она принимала его поклоненіе съ замѣтною радостью. Это польстило его самолюбію и у него обнаружилась теплота чувства, которой прежде не было замѣтно. Таково начало тысячи тысячъ склонностей.... можно сказать бѣльшей части.

Женщины серьезно принимаются за первую свою любовь; мужчины за послѣднюю. Тѣ полагаютъ въ нея все юное, свѣжее, дѣвственное чувство, всѣ свои надежды, лишь только она, новорожденная, пробудится; эти испытываютъ столько сумасбродныхъ любвей, потребныхъ для ежедневнаго обиходу и всѣ-таки не удовлетворяющихъ сердца, что уже очень поздно постигаютъ наконецъ, чего собственно желаютъ. На женщину любовь свѣтитъ какъ восходящее солнце безоблачнаго утра, между-тѣмъ какъ мужчина долженъ прорваться сквозь душныя, тяжелыя облака, чтобы увидѣть солнце и видить его тогда уже, когда оно стоитъ въ зенитѣ. Діана, правда, не обладала пламенно пылающимъ, а только быстродвижнымъ и воспріимчивымъ сердцемъ, но всѣ-таки она принялась за дѣло несравненно живѣе нежели Сесиль. Въ тѣ дни, когда онъ пріѣзжалъ, она съ утра проходила всѣ степени ожиданія, безпокойства, напряженія, опасенія, между-тѣмъ какъ онъ спокойно и съ точностію занимался дѣлами до самой той минуты, когда садился на лошадь. Однажды онъ былъ нечаянно задержанъ. Онъ на это досадовалъ, скучалъ, но уснулъ спокойно, а Діана провела вечеръ въ лихорадочномъ трепетѣ и во всю ночь не смыкала глазъ. На другой день онъ пріѣхалъ живой и веселый, а она встрѣтила его блѣдная, съ трепещущими губами. Только ея волненіе наконецъ нѣсколько тронуло его. Она правила ему, но не привлекала его. «Нѣтъ! влюбиться въ нея я не могу.... невозможно!» Вотъ заключеніе, которое онъ вывелъ однажды вечеромъ, изъ своихъ размышленій. «И я не думаю, чтобы она....» Тутъ онъ остановился, потому что наткнулся на ложь. Ему очень хотѣлось, чтобы она любила его, и онъ кокетничалъ съ нею, какъ, обыкновенно говорятъ, женщины кокетничаютъ съ мужчинами.

Діана, неразвита, неопытная, угнетенная бездѣтъ.

нымъ, неудовлетворительнымъ существованіемъ, свыклась, обжилась съ чувствомъ, которое давало ей воображенію полный разгулъ. Она страдала и надѣялась, пымала и страшилась, попеременно, а Сесиль начинала уже терзать мысль о склонности, которой онъ не могъ не понимать и на которую не могъ отвѣчать. Нечаянное возвращеніе графа Регенсберга, который на ту пору проигрался, очень обрадовало Сесиль. «Теперь ей есть съ кѣмъ дѣлать время; она не замѣтитъ моего отсутствія», думалъ онъ. Когда онъ высказалъ ей это, она посмотрѣла на него съ такимъ простодушнымъ изумленіемъ, съ такимъ непритворнымъ прискорбіемъ, что ему стало жаль, зачѣмъ онъ игралъ этимъ бѣднымъ сердцемъ для препровожденія скучнаго времени. Письмо министра, призывавшее его въ Берлинъ въ это время, показалось ему истиннымъ избавителемъ. Онъ по формѣ откланялся графу и графинѣ Регенсбергъ и втайнѣ съ восхищеніемъ и гордостью воскликнулъ: «О! любезный тестюшка! если бы ты зналъ, какъ легко остаться вѣрнымъ милой Нандинѣ!»

Министръ захотѣлъ, чтобы Сесиль поработала нѣсколько времени на его глазахъ, въ его кабинетѣ, и тутъ скоро вполне убѣдился въ необыкновенныхъ способностяхъ и исправности молодого человѣка.

Подъ осень возвратилась министерша со своими дѣтьми. Гунтрамъ на водахъ поправился, но Нандина чрезвычайно измѣнилась, похудѣла, поблѣднѣла, увяла. Она была изъ тѣхъ нѣжныхъ, эфирныхъ блондинокъ, которыя свѣжи до тѣхъ-поръ пока ихъ укрываетъ прохладная тѣнь весны и утра, и которыя тотчасъ теряютъ цвѣтъ, лишь-только ихъ вынесутъ на слишкомъ яркій свѣтъ или жарь. Врожденіи трехъ лѣтъ сердце ея непрерывно кивѣло, огнемъ горѣло въ неизвѣстности, въ страхѣ, въ томленіи и скорби, въ надеждѣ и опасеніи. Тягостныя отношенія къ матери тоже терзали и убивали ее. Все это разстроило ея здоровье и уничтожило красоту. Сесиль ужаснулся, когда увидѣлъ ее. Отецъ былъ глубоко опечаленъ.

— О! папенька, какъ я страдала въ этой ужасной, жестокой разлукѣ! сказала она.

— И разлука еще продлится, милая моя! печально возразилъ отецъ.

— Я знаю, милый папечка! Но.... намъ бы только увѣренность, твое согласіе и, отъ времени до времени, нѣсколько строчекъ, которыя бы передетали отъ одного къ другому.

Сесиль былъ глубоко тронутъ тѣмъ, что Нандина изъ-за него до такой степени изпурилась въ тоскѣ, а теперь, при немъ, опять оживаетъ. Онъ такъ убѣдительно, пламенно и краснорѣчиво представилъ министру условія счастья, спокойствія и даже жизни его дочери, что тотъ согласился обручить ихъ, но только требовалъ, чтобы это оставалось втайнѣ, куда онъ успѣетъ прискаты для Сесили надежное мѣсто. На это могло уйти два года.

— Два года, долныя радостныхъ надеждъ, не продолжительны! говорилъ Сесиль съ увѣренностью.

— Да, если бы ты остался здѣсь! печально возразила Нандина: но въ разлукѣ съ тобою они вычеркнуты изъ моей жизни.

Министерша вовсе не принимала участія въ этомъ дѣлѣ.

— Сдѣлай милость, пощади меня, говорила она мужу, который хотѣлъ склонить ее на ласковое согласіе: я никогда не соглашусь! Нандина можетъ дѣлать, что хочетъ, когда она имѣетъ твое согласіе: она уже довольно взрослая. Я, съ своей стороны, считаю самымъ лучшимъ безпрестанными развлеченіями навѣсть ее на другія мысли.

На это мужъ не согласился: онъ находилъ, что Нандина слишкомъ слаба здоровьемъ.

Осенью министръ отправилъ Сесилиа черезъ Италію въ Константинополь. Сесиль распорядился путешествовать такъ, что могъ провести нѣсколько дней на Рейнѣ, у своей любезней воспитательницы. Тамъ онъ нашелъ двухъ кузинъ уже замужемъ, — одну съ двумя дѣтьми, — а третью — невѣсту. Въ этотъ кругъ онъ принесъ и свою собственную радость, свои свѣтлыя надежды, и спрашивалъ себя и всѣхъ этихъ счастливыхъ людей: «Неужто въ самомъ дѣлѣ правда, что на свѣтѣ такъ много несчастія и горя, какъ обыкновенно говорятъ?» Смыслѣе тѣмъ когда-либо бросился онъ въ волны жизни.

Онъ прибылъ въ Италію. Передъ нимъ открылся новый міръ, а въ немъ были всѣ способности понять этотъ міръ, насладиться имъ. Будучи изящно и основательно образованъ, онъ живо ощущалъ впечатлѣнія, производимыя всѣмъ окружающимъ челоуѣка на той почвѣ, которую издревле и до-сихъ-поръ обрабатывалъ геній. Сесиль читалъ Тацита, какъ читалъ Байрона и Данте. Стеченіе путешественниковъ всѣхъ націи привлекало его столько же, какъ и особенности жизни туземцевъ. Сношенія съ художниками и учеными занимало его не менѣе пестрой, цвѣтистой суеты общества. Онъ былъ принятъ во всѣхъ кругахъ и могъ не отказывать себѣ ни въ чемъ, потому что тѣтка обезпечила его и избавила отъ всѣхъ внѣшнихъ заботъ. Сесиль былъ баловнемъ счастья: онъ всегда отличался увѣренностью счастливца, а теперь сталъ думать, что весь міръ созданъ для него.

Обладая всѣмъ, что нравится женщинамъ, — одушевленной мужественною красотой, пріятнымъ умомъ, величавою осанкой, Сесиль нравился имъ. Но этого ему было мало: онъ хотѣлъ быть любимымъ. Онъ былъ такъ любезенъ, что въ немъ очень можно было предположить способность любить. Одна прекрасная молодая Италианка, невѣста почтеннаго челоуѣка, въ Римѣ, пламенно страстилась къ Сесилію. Онъ отвѣчалъ на ея пылкое увлеченіе, но не отвѣчалъ на любовь. Женихъ ея отступился. Сесиль это привело въ отчаяніе: вѣдь онъ уже былъ не свободенъ! Въ тотъ день, когда онъ уѣхалъ къ Анкону, прекрасная и несчастная Фіамма постриглась въ монахини. Это нѣсколько обраумило его. Сесиль проклиналъ свое легкомысліе, котораго не могъ и не смѣлъ извинить неодолимою страстью: онъ долженъ былъ сознаться, что удержался бы, если бѣ дѣло шло о потерѣ собственнаго счастья, и что почти съ полнымъ сознаниемъ погубилъ бѣдную Фіамму. «Но развѣ я виноватъ, что ни Діана, ни Фіамма не могли внушить мнѣ истинной страсти?» говорилъ онъ, чтобы сколько-нибудь успокоить свою совѣсть. Впередъ онъ рѣшился однако жъ не сокрушать больше ни чьего сердца для шутки.

Съ Нандиною онъ велъ переписку, но это приносило ему

мало ему удовольствія. Такая переписка можетъ быть пріятна только въ двухъ случаяхъ: или при неограниченной довѣренности или при живомъ, могучемъ возбужденіи. Этого Нандина не доставляла ему, а того онъ не пыталъ къ ней. Чтобы дѣйствовать на Сесиля, Нандинѣ надлежало если не впередъ идти, то по-крайней-мѣрѣ въ ногу съ нимъ,—надлежало если не одушевлять, то по-крайней-мѣрѣ ободрять его, возбуждать не страдательнымъ участіемъ, а живительнымъ сочувствіемъ, и даже противорѣчіемъ; ей нужны были крылья, чтобы носиться надъ нимъ, а она отставала отъ него. Кромѣ-того она была слаба здоровьемъ и, въ расположеніи ея духа отражалась, та же слабость и бездѣятность. Нандина не желала ничего кромѣ возвращенія Сесиля. Сесиль желалъ тысячи вещей и между прочимъ возврата, потому что съ этимъ несомнѣнно сопряжено было обѣщанное министромъ секретарское мѣсто. Мысль о бракѣ задвинулась уже въ глубь сцены, какъ вещь второстепенная. Онъ начиналъ убѣждаться, что не созданъ для любви, и полагалъ уже, что для мужчины вообще это постороннее дѣло.

Обыкновенно говорятъ, что сплетни возможны только въ маленькихъ городкахъ. Странное заблужденіе! Вся разница въ томъ, что въ маленькомъ городкѣ одинъ кругъ для сплетней, а въ большомъ двадцать или тридцать круговъ, въ которыхъ пересуждаютъ и порочатъ, сколько душъ угодно, и въ томъ, что въ маленькомъ, по-необходимости, довольствуются въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ одною новостью, тогда какъ въ большомъ каждый день въ разработку поступаетъ новый матеріалъ. И невозможно иначе, потому что участіе къ ближнему врожденно человѣку. Особенно же въ столицахъ и въ такихъ городахъ, гдѣ бываетъ много пріѣзжихъ, путешественниковъ, сплетни производятся въ колоссальныхъ размѣрахъ. Этому чрезвычайно благоприятствуютъ пароходы и желѣзныя дороги. Живите хоть въ Лиссабонѣ, хоть въ Петербургѣ: вашъ кругъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ постоянно имѣетъ васъ въ виду своего лорнета, и всегда знаетъ, что вы дѣлаете на берегахъ Таго или Невы. Нандина тоже узнала о приключеніи Сесиля съ Фіаммой. Какой-то пріѣзжій изъ Рима выдавалъ себя чуть не

за очевидца. Исторія пошла въ ходъ и достигла до министерши, черезъ короткую пріятельницу, которая почерпнула новинку, со всѣми подробностями, изъ самаго вѣрнаго источника. Министерша тотчасъ же безпопачно перенесла ее дочери. Нандина хотя не вѣрила, чтобы Сесиль въ душѣ могъ измѣнить ей, однако жъ была очень опечалена его вѣтреностію, столь противоположною ея собственному постоянству.

Сесиль не мало ужаснулся, когда, въ Константинополѣ, получилъ отъ Нандины письмо, которое ясно показывало, что она знаетъ больше нежели какъ бы ему хотѣлось. Она не жаловалась, не спрашивала, но писала въ такомъ подавленномъ раздражительномъ тонѣ, съ такою болѣзненною печалью оскорбленнаго сердца, которыхъ онъ не могъ не понять, потому что владѣлъ ключомъ къ загадкѣ. Онъ почти совсѣмъ уже успѣлъ погрузить воспоминаніе о Фіаммѣ въ волны Ионическаго Моря, и потому письмо Нандины поразило его двойною непріятностію. Онъ досадовалъ: это стѣсняло его свободу. «Что жъ будетъ дальше? спрашивалъ онъ самъ себя: когда уже и на такомъ неизмѣримомъ разстояніи, черезъ половину Европы, она хочетъ повѣрять всѣ мои шаги, всѣ мои поступки.... что жъ будетъ, когда я буду съ нею? Да вѣдь это будетъ нестерпимый полицейскій надзоръ!» Онъ отвѣчалъ Нандинѣ въ тонѣ, который считалъ шуточнымъ, но который былъ насмѣшливъ, и глубоко огорчилъ ее.

Послѣ двухъ-лѣтняго пребыванія въ Константинополѣ, Сесиль былъ отозванъ въ Берлинъ. Секретарское мѣсто при посольствѣ въ Копенгагенѣ было вакантно. Его искали еще двое другихъ молодыхъ людей, но Сесиль имѣлъ равныя съ ними права и также могъ состязаться.

Онъ былъ очень радъ, вырвавшись наконецъ изъ оковъ утомительно-скучной, полу-дикой жизни Востока, и съ жадностію наслаждался опять сношеніями съ образованнымъ обществомъ. Проѣздомъ черезъ Вѣну, въ одномъ изъ дипломатическихъ салоновъ, онъ имѣлъ встрѣчу, которая, несмотря на свою мимолетность, сильно подѣйствовала на него. Онъ опять увидѣлъ Ренату. Она какъ-будто только что расцвѣла; она была прекрасна. Холодная угрюмость,

прежде лежавшая на ея лицѣ какъ ночной иней на цвѣткѣ, растаяла отъ какого-то утренняго солнца и превратилась въ живительную росу, которая придавала всему ея существу необыкновенную живость, свѣжесть и прелесть.

Сесиль вспомнилъ, какъ ему рассказывали, что она продала себя полоумному, за деньги, и подумалъ: «Ну, если такая чудовищная низость можетъ скрываться подъ такою маскою, то, по-крайней-мѣрѣ, искусство это — не послѣднее!» Онъ внимательно наблюдалъ за нею, захотѣлъ узнать по-короче, и для этого обратился съ разспросами къ своему сосѣду, который, казалось, зналъ больше его.

— Да! она истинно великолѣпна! сказалъ сосѣдъ на замѣчанія Сесили: она, вотъ уже другой мѣсяцъ, составляетъ солнце нашей планетной системы, между-тѣмъ какъ синьоръ Мальфатти напрасно истощаетъ свое искусство надъ ея бѣднымъ мужемъ.

— Такъ онъ еще живъ? почти вскричалъ Сесиль.

— Отчего жъ ему не жить? Ему едва тридцать лѣтъ, а такая безстрастная растительная жизнь, какую онъ ведетъ, удивительно продолжительна. Онъ вѣрнѣе доживетъ до ста лѣтъ, нежели мы съ вами. Да и жаль было бы графини Ренаты если бы онъ умеръ.

— Эта насмѣшка кажется мнѣ больше жестокою нежели острою, замѣтилъ Сесиль равнодушно.

— Что за насмѣшка! Вовсе нѣтъ. Говорятъ, по смерти графа, если онъ не оставитъ дѣтей, — которыхъ, конечно, не будетъ, — все наследство перейдетъ къ какимъ-то двоюроднымъ или троюроднымъ братцамъ. Неприятно же будетъ женѣ, когда онъ умретъ прежде ея, и она, послѣ М-кого богатства, останется не при чемъ! Впрочемъ, нѣтъ хорошенько не знаетъ всѣхъ ихъ обстоятельствъ. Она играетъ роль неприступной, а съ графомъ нѣтъ возможности перемолвить толковое слово. Да его и не видать вовсе, — развѣ, когда ѣздитъ гулять съ женою.

Сесиль въ продолженіи этого разговора не спускалъ глазъ съ Ренаты. Онъ стоялъ слишкомъ далеко и не могъ слышать, что она говоритъ окружающимъ, но по ея осанкѣ и по всѣмъ движениямъ, ему казалось, что она облечена въ царскую мантию. Вдругъ лицо ея измѣнилось; просіяло

радостью; царица превратилась въ богиню. Онъ посаблдовалъ за направленіемъ ся взора и встрѣтилъ Венгерца изящной и важной наружности, который только-что вошелъ въ залу. Сесиль, не разсуждая, пошелъ прямо къ Ренатѣ. Венгерець говорилъ съ нею, и ему хотѣлось помѣшать этому разговору, онъ самъ не зналъ, длячего. Когда Сесиль назвалъ ее по имени, Венгерець спокойно отступилъ. Рената посмотрѣла на Сесиля печально и съ удивленіемъ, какъ-будто нечаянно упала съ неба на землю. Ему стало больно; онъ раскаялся, что лишилъ ее прекрасной минуты удовольствія, быть-можетъ счастья. Но было уже поздно раскаяваться: онъ долженъ былъ заговорить съ нею. Рената тотчасъ узнала его. Она была не столь молчалива, какъ прежде. «Она научилась жизни», подумалъ Сесиль съ тайнымъ вздохомъ, потому что и онъ ей научился довольно, чтобы видѣть различіе поры проведенной въ Ратиборѣ отъ поры настоящей. Онъ вскорѣ отошелъ отъ Ренаты, но во весь вечеръ слѣдилъ за нею глазами.

На другой день онъ уѣхалъ въ Берлинъ. Министръ принималъ его радушно, Гунтрамъ съ восхищеніемъ. «А Нандина?» спросилъ Сесиль съ трепетомъ: «здорова ли она? помнитъ ли обо мнѣ?»

Нандина вошла. На сердце Сесиля словно легла тяжелая ледяная рука. Онъ едва узналъ Нандину: она увяла, была блѣдна, худа; прежде столь прекрасная, нѣжныя черты стали рѣзкими, жесткими, кожа сморщилась; глаза потускли и вяли. Сесиля какъ громомъ поразило. Два года съ половиною назадъ, до путешествія въ Италію, онъ, правда, нашелъ ее хворою и блѣдною, но въ нѣсколько недѣль, покуда они были вмѣстѣ, когда они были уже обручены, Нандина поправилась, начала снова расцвѣтать. Теперь онъ надѣялся увидѣть ее совершенно цвѣтущею, потому что уже насталъ срокъ испытанія, потому что пристань желаннаго счастья была уже близка. Вмѣсто-того онъ нашелъ совершенное разрушеніе! Въ водоворотѣ испугу, скорби и сожалѣнія, водновавшемъ его душу, не вдругъ всплыла мысль, что Нандина все это испытала изъ-за него. Онъ не думалъ вовсе, отчего она

стала такова; онъ думалъ только: «Боже мой, какъ она постарѣла! какъ она подурнѣла!» Онъ былъ смущенъ, разстроенъ, въ отчаяніи, слѣдовательно, не могъ дать той благодѣтельной теплоты, которая нужна была Нандинѣ. «О, онъ уже не любитъ меня!» говорила она сама себѣ на другой же день. И ей казалось, будто сердце ея отдѣляется въ груди и падаетъ въ бездонную, мрачную пропасть. «О, какъ я несчастна!»

И Сесиль тоже говорилъ самъ себѣ: «О, какъ я несчастенъ!» Жениться на ней казалось ему невозможнымъ, совершенно, совершенно невозможнымъ, потому что его жизнь шла въ-гору, а ея — подъ-гору. Астрологъ сказалъ бы, что они родились не подъ одною звѣздой. Почти то же чувствовалъ Сесиль. Вообще ему вдругъ показалось, что онъ еще слишкомъ молодъ, что ему еще слишкомъ рано жениться: ему едва минуло двадцать пять лѣтъ. Онъ началъ соображать обстоятельства, и нашелъ, что даже средствъ къ приличному существованію женатаго человѣка у него слишкомъ мало. Онъ не могъ взять жены безъ приданого, а приданого у Нандины не было. Теперь, когда онъ вполнѣ познакомился въ кругу, въ который вступилъ уже твердою ногой, то нашелъ, что ему нужна жена богатая, красавица, такая, въ которой бы позавидовали ему, которая бы могла торжествовать и побѣждать. Ему невольно представилась Рената. Но Нандина.... нѣтъ! Если Нандина будетъ его женой, люди скажутъ: онъ женился на ней изъ благодарности, потому что она открыла ему дорогу на секретарское мѣсто при посольствѣ. Это оскорбляло его самолюбіе. «Нѣтъ, говорилъ онъ рѣшительно: теперь жениться было бы сумасшествіемъ!»

Онъ работалъ въ канцеляріи министра. Чтобы занять мѣсто въ Копенгагенѣ, нужно было дождаться возвращенія посланника, который уѣхалъ куда-то мѣсяца на два. Сесиль былъ доволенъ этимъ. Онъ въ эту рѣшительную пору имѣлъ случай вполнѣ показать себя, свое знаніе дѣла, а между-тѣмъ страшная перспектива женитьбы еще оставалась въ отдаленіи. Чтобы развлечься и наполнить время, онъ работалъ съ непостижимымъ усердіемъ. «Какой неутомимый! дѣльная голова! далеко уйдетъ!» говори-

ли про него, и министръ начиналъ гордиться своимъ будущимъ зятемъ.

Сесиль и Нандина были не откровенны и не свободны въ обращеніи другъ съ другомъ, какъ бываютъ счастливые. Онъ страдалъ, потому что упрекалъ себя въ холодности, въ недостатокъ любви, въ неблагодарности: онъ зналъ, что Нандина изъ-за него отказалась отъ двухъ выгодныхъ партій; онъ зналъ, что погубитъ ея жизнь, если не женится на ней. Но она страдала въ тысячу разъ больше, потому что видѣла, какъ погибаетъ ея идеалъ. Она съ исповѣднѣемъ истиннаго чувства постигала, что онъ въ ней любилъ собственно только себя и свое будущее, и что онъ теперь самъ пришелъ къ этому сознанію, въ ту минуту, когда достигъ своей цѣли. Ей казалось, что упорное несогласіе матери наложило на ея любовь проклятіе, которое теперь страшно осуществляется; ей казалось, что она сама совершила тяжкій грѣхъ, обручившись противъ воли матери. Она страдала подъ этими душевными пытками тѣмъ больше, что скрывала ихъ. За принужденіе, которое налагала на себя днесь, она платила страшными лихорадочными ночами. Докторъ прописывалъ ей лекарства, которыя, конечно, не могли помочь отчаянію растерзаннаго сердца. Она день-ото-дня таяла какъ свѣча.

— Успи только спокойно, милая Нандина! сказалъ однажды Сесиль съ необыкновенною ласкою, потому что ему стало жалъ ея.

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ. Рука ея горѣла въ его рукѣ. Нандина съ печальною признательностію посмотрѣла на него, пожала ему руку и ушла въ свою комнату. Тамъ она упала на софу; всѣ жилы ея страшно бились, голова кружилась, грудь надрывалась; изо рта хлынула кровь. «Ахъ! я умираю! это хорошо!» думала Нандина, и лишилась сознанія въ глубокомъ обморокѣ. Въ такомъ состояніи нашла ее горничная, которая крикомъ подняла весь домъ. Сесиль былъ еще у министра, когда ему принесли эту вѣсть.

Горестна была сцена у постели умирающей. Видъ родителей, брата и жениха глубоко потрясъ доктора. Ахъ! онъ не зналъ, что только смерть можетъ водворить совершен-

цѣй миръ между зѣлыми людьми! Когда министерша увидѣла дочь въ такомъ положеніи, у нея пробудилась сѣдѣсть, такъ же, какъ у Сесили. Оба обвинили себя въ преступленіи; оба ушли на колѣни предъ Нандиною. Министрша обняла Сесилия и утѣрила дочь, что она будетъ ей милымъ зятемъ. Нандина печально улыбулась и думала про себя: «Напрасно! поздно!»

Докторъ подавалъ надежду, что ложившая жила можетъ быть заживлена. Онъ запретилъ большой говорити и не вѣлится. Мать, братъ и женихъ напечерали сѣбя на уя постели, чтобы наблюдать за исправностью сѣдѣлки; отецъ во цѣлымъ часамъ сѣдѣлъ у своей жены Нандины и по глазамъ старался угадать, живитъ ли ей. Она всегда любила се нѣжно; Гунтрамъ тоже; какъ присутствіе было отраднѣ Нандинѣ. Но конечніе намери и Сесилия смартали се. «Я должна умереть, а зато чтобы она одолела мнѣ не множку любви!» думала она. Она знала, что слаба умреть, хотя не пративорѣшила доктору. И она умирала неслѣдно охотно, но даже съ радостію, потому что жила она была слишкомъ горяча въ прошедшемъ и не могла ни какой отрады въ будущемъ.

Сесиль страдалъ невыразимо. Онъ безмолвно сѣдѣлъ подлѣ нея, безмолвно смотрѣлъ на ее блѣдное лицо и ежедневно увеличивавшуюся слабость. Но сердце его не молчало: его обуревали тысячи умрадовъ. «Пять лѣтъ она любила тебя, говорило сердце, пять лѣтъ она переносила все страданія, лишенія и испытанія.... все, все! даже твою невѣрность.... перемрсила даже рыготу. А ты! какъ скоро увѣрился въ обладаніе ее рукою и сердцемъ, так пересталъ се любить, — ты никогда не любилъ ее такъ, какъ она тебѣ любила; ты совсѣмъ забылъ объ ней и оцѣнны... и какъ часто забывалъ почти совсѣмъ! Забылъ ты не расторгъ союза съ нею тогда же, въ Римѣ, у Филлины? Забылъ не отречея отъ нея, когда была въ Константинополь? Забылъ, что она дочь министра, въ котораго ты имѣлъ нужду до полученія мѣста! Когда ты поденалъ се самой цѣли, ты думалъ: да кому любить прекрасную, хворую дѣвушку? Но ты думалъ это несправдѣливо; да кто; у тебя недостатку мужества совсѣрши самому себѣ, или ты

дѣйствовала не нивкому расчёту! А оно такъ! Когда эта бѣдная дѣвушка, послѣ пяти-лѣтняго сомнительнаго ожиданія и надеждъ, наконецъ осмѣлилась приблизиться къ тебѣ съ своимъ робкимъ, растерзаннымъ сердцемъ, — ты холодною, ледяною рукою хотѣлъ вдавить это бѣдное сердце назадъ въ грудь; ты встрѣчалъ ее съ смущеніемъ; ты не находилъ для нея ни одного слова, которое бы могло ободрить, успокоить измученную душу знакомъ взаимности. Нѣтъ, ты только терзалъ и унижалъ ее своимъ притворствомъ. Цѣнь страданій, которыя опутываютъ ее изъ-за тебя, наконецъ задушаетъ ее; она гибнетъ, она умираетъ за тебя; ты ея убійца, Сесиль!»

Такъ неумолимо обвиняло его собственное сердце, — его, который до того былъ гордъ, что думалъ, будто не можетъ сдѣлать ничего несправедливаго. Теперь онъ начиналъ думать, что онъ несчастнѣе всѣхъ другихъ людей, тогда какъ онъ только самъ навлекалъ на себя несчастіе.

Однажды докторъ подалъ надежду, какъ казалось, съ полнымъ убѣжденіемъ. Первымъ движеніемъ Сесиль была радость: онъ чувствовалъ себя избавленнымъ отъ вины; вторымъ — отчаяніе: онъ снова былъ прикованъ къ несчастной дѣвушкѣ. Но на этотъ разъ судьба была милосерда.

— Сесиль! сказала однажды вечеромъ Нандина, когда онъ былъ при ней одинъ.

— Это было первое слово, выговоренное ею втеченіи десяти дней.

— Я здѣсь, Нандина. Но не говори, потеряни еще! возвращаюсь опять.

— Нѣтъ, я хочу одинъ разъ, только одинъ разъ поговорить съ тобою. Теперь ты можешь мнѣ позволить это.

— Неподражаемый страхъ стѣснилъ ему грудь. Онъ боялся упрямости, жалобъ; онъ чувствовалъ, что не вынесетъ этого; и робко замѣнилъ, что докторъ не видитъ ей говорить.

— Что мнѣ докторъ! сказала она съ пренебреженіемъ: если онъ не можетъ помочь, такъ не вѣнчай и права не претъять мнѣ изъ-за него. Но ты, милый Сесиль, долженъ обидѣть мнѣ.

Она болѣзненно взяла его руку.

— Ты обѣщай мнѣ, продолжала она: что впередь будешь любить, что забудешь себя хоть разъ, мой милый: любить значитъ жить въ другомъ и для другаго.

— Ты жестока, Нандина! возразилъ онъ чуть внятно: неужто ты думаешь, что я не любилъ тебя?

— О! я говорю это не ради себя, Сесиль! нѣтъ, только ради тебя самого. Мнѣ страшно за твою будущность, когда сердце твое погибнетъ между ледяными глыбами свѣта. Затѣмъ-то мнѣ и отраднѣла смерть. Живая я никогда бы не растошила твоего сердца: на это у любви моея не ставало могущества. Но по смерти я буду продолжать жить въ тебѣ въ видѣ печальнаго, кроткаго воспоминанія, которое, быть-можетъ, предохранитъ твое сердце отъ окаменѣнія. О, Сесиль! помни обо мнѣ, помни о слезахъ, которыя я пролила за тебя, и они пройдутъ по душѣ твоей какъ осенній дождь и вызовутъ изъ нея цвѣты. Помни о любви, которая жила въ моей груди какъ въ мрачной темницѣ, и не заглашай ея, когда тебѣ еще когда-нибудь встрѣтится подобная....

— Ты мстишь, Нандина? спросилъ онъ съ трепетомъ и поблѣднѣвъ какъ смерть.

— Умиращіе не мстятъ, а прощаютъ. Я умираю. Въ небесахъ живетъ одна любовь, а я вѣдь иду въ небеса. Я только хотѣла сказать тебѣ всю правду, хоть однажды, на смертномъ одрѣ, чтобы ты не забылъ ея. Не сердись на меня. Я люблю тебя. Я прощаю тебѣ. Да ты и не виновать. Я была дурною дочерью: такъ могъ ли ты ожидать, что я буду хорошею женой!

— Перестань, Нандина! вскричалъ Сесиль повелительно: перестань! Я не могу выносить этого.

Она испугалась и замолчала.

— Обвинилъ меня, Нандина, продолжалъ онъ шепотомъ: обвинилъ меня! я этого заслуживаю, но не обвинилъ себя. Ты не виновата передъ матерью: это доказательство тѣмъ, что она наконецъ исполняетъ твое желаніе. Еще меньше виновата передо мной. Я не стою тебя; я это чувствую и зато обвиняю себя.... Развѣ ты не видишь, что я въ отчаяніи?

Онъ упалъ на колѣни и скрылъ лицо въ одѣяніи, чтобы заглушить судорожныя рыданія.

— Нѣтъ, не такъ, не такъ! говорила она нѣжно: дай мнѣ видѣть твое лицо, твои глаза! и скажи еще разъ «милая Нандина!» Твой свѣтлый взоръ и этотъ сладостный звукъ я хочу вальть съ собою.... туда! Больше мнѣ ничего не нужно, Сесиль.

Онъ приподнялся, взглянулъ на нея съ такою искренностью и произнесъ съ нея съ такою нѣжностью, что она глубоко вздохнула.

— О! какъ тяжка смерть! Если бы ты раньше такъ посмотрѣлъ на меня.... такъ говорилъ со мною.... можетъ-быть!.... Но.... благодарю тебя, милый Сесиль. Теперь я усну немножко, и всё буду видѣть во снѣ тебя.

Нандина нѣжно коснулась его лба, какъ-будто хотѣла благословить его; потомъ отворотилась и уснула. Она уже не просыпалась. Въ домѣ министра была скорбь неописанная. Можно было подумать, что у всѣхъ оставшихся, съ потерею Нандины оторванъ цвѣтъ существованія: такъ громко вопило отчаянiе. Но только одинъ чувствовалъ истинно глубокую скорбь, только сердце отца дѣйствительно онустѣю, съ-тѣхъ-поръ какъ онъ лишился дочери. Сесиль чувствовалъ угрызение совѣсти, раскаивался, но... не жалѣлъ. Гунтрамъ двѣ недѣли былъ очень печаленъ; потомъ утѣшился. Министерина страшно, нестово металась съ отчаянiя; потомъ, чтобы утѣшиться, зарылась по-уши въ обычныя занятiя. Черезъ шесть недѣль о Нандинѣ не оставалось другаго воспоминанiя, кромѣ траурныхъ платьевъ. Человѣкъ живетъ, чувствуетъ. Пройдетъ нѣсколько дней, и онъ забудетъ, что чувствовалъ. Человѣкъ умретъ. Пройдетъ нѣсколько дней и объ немъ забудутъ! А всё-таки онъ любитъ жизнь, въ которой нѣтъ ничего постоянного, кромѣ непостоянства!

На секретарское мѣсто въ Копенгагенѣ нашлось четвероискателей. Сесиль былъ самый достойный и никто не сомнѣвался, что онъ будетъ избранъ, тѣмъ больше, что его поддерживалъ министр. Наконецъ посланникъ возвратился въ Берлинъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней, до отъѣзду на мѣсто назначенiя. Онъ привезъ съ собою племянника, блестящаго молодого человѣка, изъ знатной вестфальской фамилии, котораго усердно рекомендовалъ министру и же-

дальше определять при себѣ секретаремъ посольства. Сесиль нацѣлъ опаснаго соперника. Посланнику Сесиль не по нраву; это очень естественно. Приступили къ обычному пещицадѣю. Сесиль и шамятникъ посланника выдержали его наравнѣ. Но Сесиль имѣлъ больше правъ, потому что двумя годами долѣ служилъ при министерствѣ. Несмотря на то посланникъ достигъ-таки своей цѣли, опредѣлилъ шамятника, — быть-можетъ потому, что министръ не хотѣлъ слишкомъ настаивать на правахъ своего кліента, чтобы не обнаружить лицепріятія. Сесиль ужасно оскорбился. Таковъ человѣкъ: онъ дѣлаетъ зло и вовсе не удивляется, когда другіе черезъ него страдаютъ. Если же другіе къ нему несправедливы; онъ безпредѣльно удивляется и находить, что это дѣло чудовищное, неслыханное въ дѣлахъ человѣчества:

Министръ старался ободрить его, обещалъ вскорѣ доставить лучшее мѣсто при себѣ и, чтобы утѣшить, навсѣдывалъ ему множество подобныхъ случаевъ. Но Сесиль остался хмуръ и золъ. «О! если бы Надинна была жива, тогда са мной не случилось бы!» восклицалъ онъ про себя. Тутъ онъ впервые отъ души пожалѣлъ о смерти Надинны.

Новому секретарю надлежало отиравиться на мѣсто. Наканунѣ отъѣзда онъ и нѣсколько другихъ молодыхъ людей; общихъ знакомцевъ, обѣдали у Гунтрама. Сесиль не хотѣлъ прійти; Гунтрамъ заклиналъ его не выставляйте такъ явно на показъ своей досады, потому что это могло показаться смѣшнымъ, и не отставалъ отъ него, пока Сесиль не согласился прійти. Но скоро Гунтрамъ раскаялся, что спросилъ его. Сесиль былъ такъ извѣстелецъ, такъ злобенъ, что по каждому слову точно мечомъ рубилъ; а каждое его слово было острою, ядовитую стрѣлою, нущенною въ опаснаго соперника, да такъ, что трудно было отвѣчать ему умѣреніе. Молодой секретарь удерживался; но-крайней-мѣрѣ до обѣда. Впродолженіи стола, быть-можетъ отъ содѣйствія шампанскаго, онъ однако жъ потерялъ терпѣніе, и тутъ для равнодушныхъ была разьиграва презабавна смена верестрѣлки двухъ враждебныхъ беттарей черезъ столъ. Только Гунтрамъ очень досадовалъ и не безрассудъ

ство Сесиль и на самого себя за приглашеніе. Каждая палка была ему противна, потому что онъ опасался худого конца; но какъ воинъ, онъ не могъ показать своей досады, не могъ и укоротить времени объѣда. Сесиль съ важнѣйшимъ видомъ очень мало, чтобы остаться господиномъ своего слова, а не терять хладнокровія. Молодой секретарь не принялъ этой предосторожности и мало-помалу становился раздражительнѣе. Дошло до того, что другіе собесѣдники привыкли унимать, объяснять, и ссора была готова. Сесиль услышала слово, которое могъ счесть обиднымъ, и вышла изъ комнаты. Всѣ могли представить себѣ, чѣмъ это должно кончиться, и разошлись съ безконфликтнымъ и любовительствомъ.

Въ тотъ же вечеръ секунданты условились. На разсвѣтѣ другого дня противники сошлись на уединенномъ мѣстѣ, за горедомъ. Былъ выбранъ самый легчайшій способъ дуэли. Противники сурьдани разомъ. По командѣ — разъ, два, три! секретарь былъ убитъ на мѣстѣ; Сесиль опасно ранена въ руку.

Министръ былъ очень разгнѣванъ и разбилъ сына за объѣдъ и за присутствіе на немъ Сесиль и за секундантство.

— Сесиль мнѣ другъ; возразилъ Гунтрамъ: слѣдовательно я не могъ не пригласить его къ объѣду, не могъ и не идти въ секунданты.

— Вотъ можете теперь отправиться съ нимъ въ крѣпость! вскричалъ министръ: какой нелѣпый, сумасбродный поступокъ! Онъ погубилъ себя. Какъ же онъ будетъ жить на свѣтѣ, когда для успѣха въ немъ, не знаетъ другаго способа кромѣ..... Неужто же онъ думаетъ стрѣлять всѣхъ своихъ противниковъ?

Сесиль страдала отъ раны и еще больше отъ развязки дуэли. «Я не этого хотѣлъ, говорилъ онъ: я хотѣлъ дать ему только урокъ, науку впередъ; я хотѣлъ только показать ему, что не сношу терпѣливо и безчувственно униженія и несправедливости». Проще Сесиль могъ бы сказать: «Я хотѣлъ только отомстить за обкорбленіе самолюбія и вовсе не обдумалъ послѣдствій». Онъ долженъ былъ сознаться, что на мѣстѣ его отнынѣ пали дѣла тѣны, — что

онъ убилъ его рукою, а ее — сердцемъ. «Я несчастливъ! судьба преслѣдуетъ меня!» сказалъ онъ въключеніе тѣлостной думы, завернулся въ одѣяло и ни съ кѣмъ не говорилъ слова.

— Жалуйся же, или плачь, или бранись, но-крайней-мѣрѣ! всё же лучше нежели такое могильное безмолвіе! восклицалъ Гунтрамъ въ отчаяніи, когда видѣлъ, что утѣшенія и ободренія его ни къ чему не служатъ.

Но Сесиль молчалъ. Молча принялъ онъ и извѣстіе, что осужденъ на десяти-лѣтнее заключеніе въ крѣпость. Гунтрамъ, осужденный тоже на годъ, утѣшалъ друга тѣмъ, что приговоръ не будетъ исполненъ во всей строгости, что срокъ заключенія, вѣроятно, сократится на десять десятыхъ; но и это нисколько не оживило Сесиль. Онъ рѣшился тотчасъ же ѣхать.

Прощаясь съ министромъ онъ былъ въ такомъ уныніи, что тотъ не могъ не скорбѣть. Министръ любилъ Сесиль ради Нандины и за собственныя его дарованія; онъ въ нѣсколько лѣтъ привыкъ уже видѣть въ немъ сына и связывалъ съ мыслью объ немъ много милыхъ и горделивыхъ надеждъ. Теперь же на жизнь этого молодого человѣка былъ накинута такой мрачный покровъ! Онъ убилъ другаго и самъ былъ почти хуже тѣмъ убить. Министръ хотѣлъ-было дать ему наставленіе, замѣтить, что таково-то бываетъ конецъ тѣхъ, которые считаютъ себя за средоточіе міра; но видъ Сесиль и первое слово его обезорижило нарѣченнаго тестя.

— Подъ этой тучей отнынѣ я пройду жизни! сказалъ съ глубокимъ уныніемъ Сесиль, горделивый, самонадѣянный счастливецъ Сесиль.

Вмѣсто поученія, министръ возразилъ: —

— Не отчаявайся, мой другъ! Авось, опять проглянетъ солнце!

И онъ продолжалъ утѣшать и успокоивать несчастнаго съ истинно отеческою любовью.

Сесиль уѣхалъ, простившись и съ министершею. Она отпустила его съ нѣжностью: такъ она была рада, что Форстеръ уже не можетъ быть ея зятемъ. Эта мысль окончательно утѣшила ее, даже въ интересѣ дочери.

Привлекая къ крѣпость Глогау, Сесиль приоткрыла какъ могъ въ указанной квартирѣ и старался свыкнуться съ необходимостью. Онъ ни кого не хотѣлъ видѣть, ни съ кѣмъ не хотѣлъ заводить знакомства: мысль сдѣлаться предметомъ любопытства приводила его въ ужась. Онъ не хотѣлъ выходить изъ комнаты, хотя получилъ позволеніе прогуливаться въ стѣнахъ крѣпости. Онъ хотѣлъ работать, заняться археологіей и языками, — какъ совѣтовалъ ему министръ, — чтобы успокоиться и употребить время ареста съ пользою. Онъ писалъ къ своей матери, къ брату Сигизмунду и особенно къ тѣткѣ, описалъ всѣ подробности послѣднихъ событій, и получилъ разомъ цѣлый пакетъ нѣжныхъ, утѣшающихъ и отчаянныхъ писемъ отъ всѣхъ своихъ милыхъ. Чѣмъ больше его пугало сношеніе съ равнодушными, холодными людьми, тѣмъ сильнѣе онъ мысленно привязывался къ тѣмъ, которыхъ любовь и участіе доставили ему отраду. Онъ просилъ писемъ у всѣхъ, у своихъ кузинъ и у сестеръ, съ которыми прежде никогда не переписывался. Онъ какъ-будто хотѣлъ искупаться, очиститься въ этой любви и дружбѣ, чтобы опять найти довѣріе къ себѣ и надежду на будущее.

— Сколько дарованій и какъ мало счастья! невольно говорили родные.

— Отчего же это? печально спросила его кузина, Долли, свою мать: отчего же онъ такъ несчастливъ?

— Богъ надѣлялъ его дарами на то только, чтобы онъ могъ всего достигнуть, дитя мое, но не далъ счастья, чтобы обладать всѣмъ достигнутымъ! отвѣчала мать со слезами на глазахъ.

Ей лучше бы должно было сказать: онъ во зло употреблялъ дары: откуда же быть счастію и какъ оно могло остаться при немъ?

Зиму Сесиль провелъ такимъ образомъ въ совершенномъ уединеніи, работая и писанно бесѣдуя съ милыми. Но когда настала весна, онъ не могъ сносить душнаго воздуха своей комнаты, воспользовался позволеніемъ прогуливаться и сталъ каждый день ходить на крѣпостной валъ. Онъ избралъ опредѣленный часъ, отъ одного до двухъ по полудни, и съ прихотливою точностью похож-

арма ходить всегда на одно место, через одни ворота и непременно каждый день, какова бы ни была погода: Подъ воротъ, черезъ который онъ выходилъ на валь, стоялъ маленький домикъ или хижина, гдѣ жилъ торшрейберъ съ женою и дочерью Луизой.

Человѣкъ уединяющійся, избѣгающій встрѣчь и съ умысломъ избирающій уединенныя мѣста для прогулки, бываетъ замѣченъ и въ большомъ городѣ, не только въ маленькомъ, особенно же въ такомъ, гдѣ проживаетъ въ качествѣ арестанта. Въ глогауской крѣпости, естественно, тоже говорили о Сесилѣ, знали всѣ подробности его дуали съ братомъ своей невѣсты, которая умерла съ-горя и испугу, когда женихъ въ неистовой ярости убилъ ея брата. Тема эта разпывалась еще далѣе и порождала различныя мнѣнія за и противъ арестанта; возбуждала состраданіе и ужасъ, отвращеніе и любопытство. Обо всемъ этомъ нельзя было не знать Луизѣ Мюллеръ, дочери торшрейбера, человека оффиціальнаго, которому были досконально извѣстны обстоятельства и біографія всѣхъ жителей города, постоянныхъ и прїѣзжихъ.

Когда Сесилъ, завернутый въ черныя плащъ, съ чернымъ флѣромъ на шляпѣ, погруженный въ думу, въ первый разъ медленно прошелъ мимо ея окошка, когда она увидѣла его прекрасное, благородное лицо, которое безднствъ и вранное выраженіе очевидно были слѣдствіемъ тяжкихъ страданій душевныхъ, она нѣсколько продолжала нѣсколько минутъ смотрѣть ему вслѣдъ; потомъ, взглянувъ на вырѣзанную изъ альманаха гравюрку, которая, въ простой бумажной оклейкѣ, висѣла у нея на предѣлкѣ окна; подлѣ клеткою съ канарійкой; и изображала Эдгара Равенсвуда, Луиза подумала себѣ: «Этотъ арестантъ точно тотъ Эдгаръ Равенсвудъ! Недостасть только черной шера на шляпѣ»: Ибо въ она продолжала прилежно шить. Черезъ часъ черныя, таинственный незнакомецъ опять прошелъ мимо; такъ же медленно, такъ же задумчиво. Онъ повторилъ на другой, третій и на четвертый день. Каждый разъ Луиза Мюллеръ опускала шитье на колѣни, чтобы взглянуть ему прямо въ лицо и потомъ сказать: «Точнѣ

стигъ съ прежнимъ невниманіемъ, такъ, что она не успѣла разглядѣть ихъ. Сесиль увидѣлъ очень не красивую женскую фигуру, которая не только не могла привлечь, но даже оскорбила бы его взоръ, если бъ онъ остановилъ его надолго.

Да! бѣдная Луиза была дурна, даже безобразна! Мы съ умысломъ такъ долго умалчивали объ этомъ, чтобы и всѣ не отвернулись отъ ея неуклюжаго стану, отъ краснаго, толстаго носа и широкаго, скулистаго лица съ такою же холодною какъ Сесиль, между-тѣмъ какъ ее, бѣдную, возмывало совершенно противоположное чувство.

Сколько разъ потомъ становилась она на своемъ порогѣ, и чего она не придумывала, чтобы достигнуть своей цѣли, взглянуть ему въ глаза, — ничто не удавалось. Наконецъ она рѣшилась догнать его и предложить букетъ полевыхъ цвѣтовъ; онъ принялъ, поблагодарилъ и далъ ей серебряную монету, полагая, что это и было ея цѣлью. Луиза вспыхнула, оробѣла, но взяла монету, потому что она была отъ него и потому что въ это время наконецъ увидѣла его черные, задумчивые, но всё-таки блестящіе глаза. Воротившись домой она долго любовалась на монету и какъ-будто старалась увидѣть на ней его портретъ; потомъ тщательно завернула въ чистенькую, мягкую бумажку и спрятала въ свой швейный ящикъ.

Удовлетворивъ одно желаніе, Луиза пожелала такъ же страстно удовлетворить и другое: ей непремѣнно хотѣлось узнать какъ его зовутъ. Отъ своей пріятельницы, дочери городскаго почталіона, она узнала, что арестантъ очень часто получаетъ письма, и даже по нѣскольку вдругъ. Она узнала имя и захотѣла узнать къ кому онъ и кто къ нему пишетъ. Для этого стала какъ-можно чаще посѣщать пріятельницу и всячески вывѣдывала у почталіона, который ничего не зналъ, кромѣ адресовъ и сверхъ-того былъ еще неразговорчивъ. Но Луиза не теряла надежды.

Однажды Сесиль, получивъ пакетъ писемъ, былъ удивленъ тѣмъ, что ихъ принесла какая-то женщина или дѣвушка, а не самъ почталіонъ, и особенно тѣмъ, что эта дѣвушка была чрезвычайно смущена и разстроена. Онъ спросилъ про почталіона и получилъ въ отвѣтъ, что ста-

ринъ болѣе. Сосиль удовольствовался земскою обласкиваніемъ, особенно отдавъ чтѣ сдѣлала за письма и отпустилъ посланичку, которая во все время стояла передъ нимъ ни жива ни мертва. Замытый мыслями о письмахъ, онъ ни сколько не останавливался на странности той, которая ихъ привнесла и воспыннлъ читать.

Нѣсколько дней спустя къ Сосилю вошелъ докторъ.

— Извините, милостивый государь, оказалъ онъ: мое большинство можетъ показаться вамъ неумѣстнымъ и нецелесообразнымъ, но увѣрю васъ, что я дѣйствую по необходимости крайней необходимости. Позвольте насъ спросить, ваше имя — Сосиль?

— Такъ точно, отвѣчалъ тотъ.

— А кто... сдѣлайте милость, скажите, кто — Лолли?

— Единственная Лолли, какую я знаю, моя кузина, отвѣчалъ Сосиль съ изумленіемъ.

— Въ какихъ отношеніяхъ находитесь вы съ нею?

— Въ самыя дружественныя.

— И ведете переночку?

— Я недавно еще получилъ отъ нея письмо.

— Сдѣлайте милость, покажите намъ конвертъ.

— Извольте. Но к чему же это?...

— Сдѣлайте милость, покажите!

— Извольте, извольте! говорилъ Сосиль, отыскивая конвертъ на столѣ между бумагами и стараясь сообразить, чтѣ бы такое могло значить любовничье письмо.

— Ну, чаша и есть! воскликнулъ докторъ, всмотрѣвъ конвертъ: и такъ и думалъ!

— Чтѣ такое?

— Конвертъ подрѣзанъ! Она его подрѣзала и прочитала письмо.

— Кто сдѣлалъ это подрѣзанъ, кто читалъ?

— Луиза Миллеръ, моя болная.

Докторъ разказалъ Сосилю, какъ онъ, три дня тому назадъ, былъ призванъ къ большой дочери торговца, которая лежала досель въ безпамятствѣ, въ состояніи совершенно безчувственномъ, и отъ времени до времени повторять только слова: «письма! письма!» и «Сосиль! и Лолли! Лолли и Сосиль!» Физическія признаки къ се-

рѣши не навѣщать. Оглядываясь было, что она, взгляде на какой-нибудь еликаго думерного извѣщенія, повѣствовала. Не романскрнть оказалось, что Луиза, встрѣтаясь однажды кочеталода, не совѣтъ здравца, на улицѣ, въ дурную погоду; вызвалась оиести вшецо не нуть, чему онъ былъ очень радъ, какъ нашей услугѣ. Узнавъ, что между прочими тутъ были и письма къ арестанту, докторъ полагъ на слѣдъ, узналъ и то, что господинъ Фюретеръ немедленно ходитъ на прогулку мимо дѣцу гершрейбера. Осмотръ криверга, съ одной стороны подрѣзаннаго и оиуцъ ширельно вкльбешнаго, наконецъ привелъ все дѣло въ лствоцъ.

Сосиль былъ иррацонъ и глубоко огорченъ всѣмъ этимъ. Тутъ только онъ вспомнилъ, что нискогъ принесла ему та самая безобразная дѣвушка, у которой онъ уже нушилъ однажды бунтъ ивѣтовъ, тотчасъ же и брешонцнй тутъ; она поила и причину ея смущенія и тревоги, когда она отдавала письма. Не терпала и совѣсть за непослушательный поступокъ и безумная ревность; ее нушила страхъ быть уличенною въ преступленіи и тайная вѣрасть, долго воспитанная восторженнагъ романическнхъ воображеніи.

Сосиль разсказалъ доктору весь порядокъ своей жизни, какъ вонрага вѣно было видно, что онъ вовсе не зналъ, что былъ предметомъ такой страсти, и не могъ не думать ни возбужденъ, ни поддерживать ся. Докторъ повѣрля, не нублики глугуосая не совѣтъ здравца. Развивалась алуки, вѣсти, сплоти, которыя долетѣли и до Берлина. Это терзало Сосиль до бѣшенства; Онъ страдалъ во всѣхъ отношеніяхъ. Непоспорченное чувство его страдало оттого, что онъ хотя себѣ невѣдомъ, однако жъ тѣмъ не менѣе дѣйствительно, былъ причиною гибели нестерпимаго существа. Сильное его страдало еще больше при мысли, что люди могутъ подумать и уже подумали, будто онъ, изыщный, образованный, небалованный въ свѣтъ молодой человекъ, унизился до любовной интриги самое послѣднато разврата, не подрѣсоговалъ искружить козду дико безобразной дѣчери гершрейбера. Онъ былъ такъ оскорбленъ этимъ, что гнѣвъ его на безумную дѣ-

взвину далеко превосходящаго сопоставленію къ ея горестному положенію. Этотъ гнѣвъ вырвался въ самыхъ горячихъ упрекахъ и сѣтованіяхъ на судьбу, такъ, что родные, которымъ онъ рассказывалъ свое приключеніе, не смутя начали считать его предъзнаменнымъ на несчастіе, — человекомъ, котораго судьба надѣлила блестящими дарами только на бѣду и горе.

Конца приключенія съ Лунзою, Сесиль не дождалась, просидѣвъ въ крѣпости почти годъ, онъ, по ходатайству министра, получилъ прощенье и воротился въ Берлинъ. Министръ не хотѣлъ выдать повела думныя, будто онъ покровительствовалъ только будущему своему зятю, и заранѣе уже приговаривалъ Сесилью мѣсто секретаря посольства во Франкфуртѣ, устроивъ на этотъ разъ всѣхъ другихъ союзкампей. Но дорогѣ туда Сесиль навѣстивъ всѣхъ своихъ родныхъ, которые были въ восторгѣ, вида его на свободѣ и у себя. Но онъ былъ уже не тотъ веселый и на все оказанный счастливецъ, который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, заѣзжалъ къ нимъ на пути въ Италию. Онъ былъ уже измученъ; его порядкомъ расстроило на дорогѣ жизни. У тѣти онъ отдохнулъ, успокоился. Она умѣла затронуть струны въ его сердцѣ, которыя для всѣхъ другихъ оставались безмолвными. Онъ имѣлъ полное довѣріе къ ней, такое, что не болелъ предстать передъ нею со всеми своими недостатками и ошибками.

— У тебя нѣтъ любви, Сесиль! сказала она печально, въ отвѣтъ на продолжительное и откровенное его повѣствованіе обо всемъ, что испытывалъ онъ втеченіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ.

— Гдѣ же мнѣ взять ея, милая тѣтушка? Гдѣ мнѣ искать любви? спросилъ онъ.

— Не мнѣ тебя, Сесиль, должно ты искать любви, а въ себя самого, мой милый! Нужно имѣть теплоту, преданность; нужно быть готовымъ на самоотверженіе, чтобы не оледѣть въ агоніяхъ.... нужно любить другихъ. Твое сердце одѣво броней: оно никогда не страдало ни за Фіамму, ни за Нандину, которыя обѣ погибли за тебя.

— Такъ развѣ непременно нужно страдать отъ любви? воскликнулъ Сесиль.

— Быть-можетъ.... длитого, чтобы совершенно развить-ся. Я не знаю навѣрное, нужно ли страдать. Но я знаю, что должно тщательно воспитать въ себѣ способность къ любви. Свѣтъ и искательство усѣховъ въ немъ охлажда-ютъ сердце. Чтобы предохранить его отъ этого, нужно любить кого-нибудь, любить истинно, всѣмъ сердцемъ, и эта любовь не дастъ сердцу остынуть. Ты, Сесиль, ни-когда не зналъ такой любви.

— Такъ пожалѣйте обо мнѣ, милая тѣтушка! мрачно воз-разилъ Сесиль.

— Тебѣ бы жениться, сказала она помолчавъ: тѣсный союзъ брака, заботы о женѣ и милыхъ дѣтяхъ иногда имѣютъ самое благодѣтельное вліяніе, даже на людей мало способныхъ къ любви.

— Вотъ новая педагогическая мѣра! воскликнулъ Се-силь съ живостью, но тотчасъ же прибавилъ серьезно: а вы, тѣтушка, отдадите ли за меня которую-нибудь изъ сво-ихъ дочерей?

— Объ этомъ надобно подумать, отвѣчала она съ улыб-кою.

— Нѣтъ, нѣтъ! подхватилъ онъ: не думайте и не да-вайте мнѣ своей дочери, какъ и говорить вамъ теперь уже небольшое чувство. Женщины слишкомъ многого требу-ютъ въ любви и, кажется также, слишкомъ многое даютъ. У меня же нѣтъ столько любви, сколько нужно для же-нитбы. Любовь никогда совершенно не наполняла меня, такъ, чтобы я за нею забылъ отношенія къ свѣту....

— То есть, ты никогда не забывалъ своихъ отношеній! вербсила тѣтка: а отношенія твоихъ любезныхъ? напри-меръ, Фіанмы! Про что же я говорила тебѣ сейчасъ?

Сесиль покраснѣлъ и сказалъ:

— Вы неумолимо-строги, тѣтушка! Кто же прошилъ вѣкъ свой, никогда не заслуживъ подобнаго упрёку?

— О! я знаю, печально возразила тѣтка: я знаю, что та-кой упоръ ложится на вашу мужскую душу пресчанкою, а на нашу женскую—горою. Но потому-то именно, что свѣтъ васъ не наказываетъ, вамъ бы и должно было по-строже быть къ самимъ себѣ. Что жъ теперь будетъ съ тобою, Сесиль? Ты теперь совершенно независимъ, самостояте-

дней и въ жизни и въ самомъ себѣ; ты сохрани въ себѣ и испытанійхъ; ты многого достигъ, многого преодолѣлъ; обладаешь блестящими дарованіями, но... всё-таки я сомнѣваюсь въ твоей будущности.

— И справедливо! У меня нѣтъ счастья.

— Такъ говорятъ всѣ, кто не умѣлъ сохранить и воспитать небеснаго дѣвѣтка счастья.

— Какого же воспитанія ему нужно, когда всѣ труды и стремленія цѣлой моей жизни не могли развить его? вскричалъ Сесиль съ запальчивостью.

— Оно требуетъ любви, Сесиль! отвѣчала она нѣжно: любви къ созданію Божію. О, Сесиль! этой любви ты долженъ научиться. Люби Бога, люби людей, подоби одного человѣка.... люби хоть что-нибудь кромѣ себя, мой милый.

— Развѣ тогда не будетъ болѣе страданія, не будетъ сожалѣнія, разочарованія и смерти? Развѣ тогда сердце будетъ меньше страдать и не будетъ разбито?

— Нѣтъ, оно будетъ страдать, оно можетъ и разбиться.... но въ рукѣ Божіей, Сесиль!

Спустя два года, Сесиль Фортаръ, прохаживая поперекъ по одной изъ лучинкъ улицы Франкфурта, остановился передъ однимъ домомъ. Она была пріятна уличности, когда увидѣлъ освѣщеніе въ окнахъ. «Слава-богу! Фрау-Фанн-Верденъ воротилась и уже приближалась», подумалъ онъ, вслѣдствіе дождя о себѣ и бѣжать прочь. Фрау-Фанн-Верденъ была въ траурѣ. Она была женщина глѣзъ и безъ-роковъ и никогда не смѣла порочествовать. Она обладала такою условною граціей дамъ, приближенныхъ къ высшимъ; которая похвастается хоробвыми манерами и старая очей пріятна въ обществѣ. Тоже же смѣла была у нея умъ и образованіе. Все было расчищено на гостиную и, на долговременной привасти при помощи такого такту, сдѣлалась для нея второе натурой, такъ что обращеніе къ ней было легко и пріятно, хотя и не живительна. Она была богата и, вдовья уже вѣроятно глѣзъ, безвѣстная была во Франкфуртѣ. Сесиль посѣдилъ ее довольно часто и любилъ ее

общество, потому что оно было одно изъ лучшихъ въ городѣ.

— Вы въ траурѣ? Что случилось, Бога ради, скажите.... неужто ваша дочь?....

— Нѣтъ, моя дочь, слава Богу, здорова. Я въ траурѣ по братѣ.

— Такъ у васъ былъ братъ? вскричалъ Сесиль съ изумленіемъ: отчего же я никогда не слыхивалъ объ немъ?

— Тѣмъ лучше, потому что вы могли бы услышать только грустное. Легкая смерть однимъ ударомъ окончила безцвѣтную жизнь моего бѣднаго брата. Я получила вѣсть эту вѣсть съ вѣстью о томъ, что невѣстка моя опасно занемогла; я тотчасъ же сѣла въ дорожную карету и третьяго дня только воротилась.

— И ни объ отъѣздѣ ни о возвращеніи никому не дали знать?

— Отъѣздъ былъ слишкомъ поспѣшенъ. Воротилась же я съ невѣсткою, а ей я не хотѣла тотчасъ же, на первыхъ дняхъ, представлять чужихъ людей.

— Смерть мужа и опасная болѣзнь, конечно, могутъ разстроить довольно, и даютъ право на уединеніе, но всѣгда вы могли бы подать намъ какой-нибудь знакъ о собственномъ своемъ существованіи, тѣмъ болѣе, что ваша невѣстка, вѣроятно, и теперь будетъ отвлекать васъ отъ нашего круга.

.. . . Не думаю, возразила фрау фонъ-Верденъ: въ обществѣ мы, конечно, не можемъ дѣлаться, но мнѣ было бы приятно, если бы я могла доставить моей невѣсткѣ въ такомъ размѣченіе въ небольшомъ кругу, который бы соотвѣтствовалъ ея склонностямъ. Она отчуждается отъ людей. Это не хорошо: это даетъ ложное направленіе чувствъ и приводитъ сердце въ напряженіе, отъ котораго оно можетъ пострадать.

Во время этого разговора Сесиль невольно составила себѣ образъ сентиментальной деревенской барыни и начала уже опасаться, что отъ присутствія такой особы домъ госпожи фонъ-Верденъ будетъ значительно скучнѣе прежняго. Тутъ отворилась дверь и, въ длинномъ, широкое платье, медленно вошла Рената.

— Моя невестка, графиня Доббенекъ, сказала госпожи фонъ-Верденъ, между-тѣмъ какъ Сесиль всталъ, чтобы поклониться.

— Мы уже знакомы, сказала Рената равнодушно, когда госпожа фонъ-Верденъ хотѣла рекомендовать Сесиль.

— Ну, тѣмъ лучше. Въ новомъ мѣстѣ ничтѣ не производитъ такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ непрерывныя появленія чужихъ лицъ.

— Правда, сказала Рената; скрестила руки на груди, прислонилась къ спинкѣ дивана, и опустила голову. Она казалась въ совершенно мысленномъ отсутствіи.

Сесиль былъ нѣмъ отъ радости и удивленія. Рената вдова! Онъ не говорилъ ни слова, но ему казалось, что блуждность его принимаетъ другой видъ. Такъ какъ она нисколько не обращала на него вниманія и не принимала участія въ разговорѣ его съ госпожею фонъ-Верденъ, то онъ почелъ за лучшее покуда не напоминать ей опрежнихъ встрѣчахъ. Когда же вспомнилъ о красивомъ Венгерцѣ, котораго видѣлъ въ Вѣнѣ, то и совсѣмъ потерялъ охоту оживлять воспоминанія. Вдругъ Рената встала и вышла такъ же безмолвно какъ пришла.

— Отчего графиня ушла? Ей непріятно мое присутствіе? спросилъ Сесиль.

— Сдѣлайте милость, не беспокойтесь о моей невесткѣ, возразила госпожа фонъ-Верденъ: она въ уединеніи своемъ и послѣ разныхъ превратностей судьбы своей приняла нѣкоторыя особенности. Она дичится какъ лань, которую можно сдѣлать ручной тогда только, когда дашь ей полную свободу приходить и уходить, покуда сама не привыкнетъ къ новымъ окружающимъ.

Этѣ сравненіе показалось Сесилью вовсе не вѣрными: онъ вспомнилъ, какъ видѣлъ Ренату у ея сестры и въ Вѣнѣ, и сказалъ:

— Вы, конечно, лучше меня знаете графиню, потому я и не смѣю возражать, но все-таки замѣчу, если позволите, что прежде она являлась мнѣ вовсе не робкою ланью, а царицею, которая однимъ мановеніемъ изъявляетъ свою волю, когда хочетъ быть одна, и когда хочетъ быть окружена толпою.

— Гдѣ вы такъ видѣли ее?

— Въ послѣднемъ случаѣ въ Вѣнѣ; въ первомъ въ Силезіи, у ея сестры.

— У Діаны? съ живостью перебила госпожа фонъ-Верденъ: о! такъ прошу васъ, ради Бога, не говорите при ней о Діанѣ! Это для нея ужасное воспоминаніе.

— Отчего же? что же это значить? спросилъ Сесиль съ удивленіемъ.

— Такъ вы не знаете? спросила госпожа фонъ-Верденъ таинственно: вы не знаете, что бѣдная Діана убѣжала отъ мужа?

— Можетъ ли быть! вскричалъ онъ съ ужасомъ, вспомнивъ свою собственную мимолетную склонность къ хорошенькой Діанѣ.

— Къ несчастію, это истина, всѣмъ извѣстная. Мепя удивляетъ только, что вы ничего не знаете, когда вы были знакомы! Она уже года три какъ ушла отъ мужа, и притомъ съ гувернёромъ своихъ пасынковъ, за котораго и вышла замужъ. Одни говорятъ, будто она сдѣлала это по страсти къ молодому человѣку, другіе, что просто соскуки. Какъ бы то ни было, она теперь въ совершенномъ разладѣ съ роднею, которая упоминаетъ объ ней уже какъ объ умершей. Не говорите о Діанѣ съ моею невѣсткой: вы огорчите ее.

Сесиль самого эта вѣсть огорчила. Онъ вспомнилъ, какъ видѣлъ Діану въ Ратиборѣ, игривую, веселую, беззаботную, словно птичку; какъ она порхала въ большихъ, мрачныхъ комнатахъ регенсбергскаго замка, окруженная чужими ей дѣтьми и вдали отъ своего мужа. Какъ естественно, что это такъ случилось, и какъ жаль, что именно это существо попало въ такія обстоятельства!

Ревата жила у госпожи фонъ-Верденъ, но жила не съ нею. Она, правда, являлась въ гостиной, когда были чужіе, но не принимала участія въ разговорахъ, отѣчала, и то коротко, тогда только, когда непосредственно къ ней обращались съ вопросомъ. Она скучала и наводила скуку; ею перестали заниматься; она не примѣчала этого. Она отбѣгла подъ тяжестью скорби и, какъ всѣ привыкшіе къ уединенію, не умѣла носить маски, подъ которою

свѣтскіе люди такъ искусно скрываютъ свои чувства и расположенія. Госпожа фонъ-Верденъ безпокоилась за нее и за свое общество: ей было тягостно и неловко смѣтрѣть на принужденіе, которое овладѣвало всѣми въ присутствіи Ренаты. Она уговаривала и просила ее, не обнаруживать передъ людьми своего отвращенія, чтобы не прослыть странною и не подать повода къ пересудамъ. Изъ угожденія свояченицѣ, Рената рѣшилась принудить себя и при первомъ случаѣ заговорила сама. Она обратилась къ первому кто попался на глаза. То былъ Сесиль.

Сесилью очень польстило такое особенное отличіе. Онъ не зналъ, что со стороны Ренаты тутъ не было ни какого умыслу: она въ эту минуту заговорила бы и съ ребенкомъ, потому что рѣшилась заговорить. Она была ни прекрасна, ни любезна; такъ, что цной бы чувствовалъ, что она отталкиваетъ больше нежели привлекаетъ. Но Сесиль — напротивъ. На него гладкое, черезъ-чуръ гладкое свѣтское общество, въ которомъ красота раздвигается по модному журналу, грація движется по танцмейстерскимъ устанамъ, а умъ испаряется островами, также начинало наводить скуку и оставляло въ сердцѣ пустоту, которой ему вѣтъ было наполнить.

Съ-тѣхъ-поръ какъ Рената жила во Франкфуртѣ, онъ мысленно много занимался ею, такъ же какъ и прежде, когда имъ приводилось встрѣчаться. Она и судьба ея очень занимали его, хотя онъ не имѣлъ еще ни времени ни случая развѣдать объ этомъ. И теперь ему казалось неприличнымъ спрашивать госпожу фонъ-Верденъ, которой воспоминанія о братѣ могли быть прискорбны. Онъ рѣшился самъ разгадать Ренату. Она, при совершеннѣйшемъ внутреннемъ равнодушіи, занималась однако жъ Сесилемъ по виду довольно ласково, потому что онъ болѣе другихъ занимался ею. Рената была вовсе не предупредительна съ мужчинами ни съ женщинами и обнаруживала совершенную невнимательность и безчувственность къ мелочнымъ интересамъ общества. Она была въ гостиницѣ, потому что невѣстка желала этого, и дѣйствовала машинально по ея указаніямъ, а сама не находила ничего соответствующаго себѣ ни въ мужчинахъ ни въ женщинахъ. Для

Большинство части окружающих она сама была такъ же неприятна какъ и ея рѣчи, ея выраженія и образъ мыслей. Когда она, напримеръ, говорила, что «притворство— основа свѣтскаго общества» или что-нибудь подобное, всѣ страшно возставали и старались опровергнуть ея мнѣнiе всеми возможными доводами; но тайно каждый чувствовалъ себя уязвленнымъ и приписывалъ ей злобный образъ мыслей, потому что она дерзнула подумать и высказать правду. Только Осели она не отталкивала. Она не то, чтобы нравилась или была ему приятна, она поражала его, потому что была необыкновенна. Онъ при ней чувствовалъ то же, что человекъ, который такъ долго пилъ сахарную водичку, что глотокъ чистой ключевой воды кажется ему нектаромъ. И когда Рената, бывало, отвѣтитъ ему однимъ сухимъ да или нѣтъ, то это удовлетворяло его больше цѣлаго ряду великолѣпныхъ фразъ, которыя можно принимать за да и за нѣтъ.

Но все-таки онъ былъ не совсемъ доволенъ ею. «Она слишкомъ заносчива, говорилъ онъ самъ себѣ. Возвышенность образа мыслей, чистота и благородство души, безпорочность жизни — прекрасныя вещи. Но они должны быть естественною истинною человека, а не ходулями его. Тогда только они могутъ быть приятны другимъ».

Онъ сталъ разбирать причины, отчего она производила на него такое сильное впечатлѣнiе, что овладѣваетъ его мыслями; отчего она властвуетъ надъ нимъ? Не красавица ли она? Онъ сталъ въ нее всматриваться и нашелъ что она вовсе не хороша: у нея не было даже того, что дѣлаетъ милостивыми самыхъ обыкновенныхъ женщинъ: лицо ея никогда не оживлялось ни подвижностью мускуловъ отъ одушевленiя, ни краскою. Она была очень худощава и оттого всѣ черты ея становились рѣзкими; въ нихъ даже не было правды. Глаза большіе и красивые, были однако жъ всегда полузакрыты тѣмными, утомленными, красноватыми вѣками; ротъ, очень большой, не имѣлъ приятности, потому что на немъ лежалъ цѣлый миръ скорби. Въ красотахъ втораго разряда, — въ волосахъ, зубахъ, цвѣтѣ кожи, — также не было ничего впечатлѣтельнаго. Когда Сесиль въ такомъ разговорѣ съ уша-

сомъ доходить до заключенія; «Да она дурна! какъ же это она такъ привлекаетъ?» то взоръ его останавливался на слѣбу, котораго удивительное величье, твердое и ясное спокойствіе придавали всему лицу духовно-высокое выраженіе. «Точно лунный свѣтъ на развалинѣ!» говорилъ онъ про себя и смѣялся потомъ надъ своимъ сентиментальнымъ сравненіемъ.

Но нравственная-то возвышенность именно и привлекала его. Изъ-подъ всѣхъ испытаній, разборовъ и наблюдѣній Рената всегда выходила такая, какова была, и это привело Сесила къ заключенію, что онъ еще не видывалъ подобныхъ женщинъ. Онъ только не находилъ уже ея, такъ какъ прежде, странною: она была единственна. И это сознаніе ея единственности открылъ онъ въ душѣ своей, какъ алмазъ въ скалѣ: въ цемъ просіялъ свѣтъ. Этотъ чезовѣкъ, пол-жизни растратившій для вѣншихъ успѣховъ, почувствовалъ неодолимое желаніе истратить другую половину ради женщины, въ которой не было ничего такого, что доселѣ казалось ему самымъ необходимымъ и драгоценнымъ. Это случилось не вдругъ. Онъ не преобразился съ третьяго разу, когда увидѣлъ ея; напротивъ, онъ мѣсяца два внимательно наблюдалъ ея, сначала съ любопытствомъ и изумленіемъ, потомъ съ участіемъ и восхищеніемъ.

Въ другомъ расположеніи духа, въ другое время, у Сесила едва-ли бы нашлось времени для этихъ наблюденій. Въ стремленіи къ какой-нибудь цѣли, въ трудахъ и борьбѣ для исполненія какого-нибудь намѣренія, онъ, конечно, былъ бы слишкомъ занятъ самимъ собою и своими желаніями, и не обратилъ бы особеннаго вниманія на предметъ, не подвигающій его непосредственно къ той цѣли. Но теперь онъ боролся съ одною только скукою, потому что дорога впередъ надолго не представляла ему ничего новаго. Онъ скучалъ бездѣйствіемъ, и былъ радъ, что нашелъ хоть что-нибудь достойное искательства, стремленія. Любовь женщины онъ не высоко цѣнилъ. «Любовь дѣлаетъ ихъ только слабыми,» говорилъ онъ припомняя Фіамму и Діану; или она убиваетъ ихъ, какъ мою бѣдную Наванну, или ужасно разрушаетъ, какъ несчастную Лу-

зу Мюллеръ». Но приобрести довѣренность и уваженію такой женщины, какова Рената; стать для нея чѣмъ-нибудь больше *кавалера*, — это желаніе мало-по-малу такъ усилилось въ немъ, что онъ наконецъ далъ себѣ слово исподнить его.

Досягъ однако жъ Сесиль не могъ похвастать себѣ особеннымъ успѣхомъ. Если Рената говорила съ нимъ больше нежели съ другими, такъ это было естественно, потому что онъ старался затрогивать струны, которыя соотвѣтствовали ея настроенію. Она видѣла его чаще другихъ: это было еще естественно, потому что онъ давно уже былъ почти домашнимъ человѣкомъ у госпожи фонъ-Верденъ.

Рената сама такъ мало думала о Сесиль, что ей и въ голову не приходило наблюдать его. Въ первое время по смерти мужа она была погружена въ глухую, мрачную безчувственность. Она была убита; она какъ-будто окончила всѣ расчеты съ жизнью. Надежды, желанія, любовь, были не мертвы, по хуже: они были поражены летаргіей и погребены. Подъ виѣшнею неподвижностью и безчувственностью скрывались жесточайшія муки, и чѣмъ болѣе она пробуждалась отъ тяжкаго обморока души, тѣмъ яснѣе она видѣла, что жизнь и страданія еще не кончены, что она несчастнѣе нежели была когда-либо. Она долго, долго молила небо о свободѣ, какъ о высочайшемъ блаженствѣ, и когда наконецъ вымолила, эта свобода не только не обрадовала ее, но напротивъ, стала ненавистнѣе прежняго ярма.

Однажды утромъ она получила письмо, котораго видъ охладилъ всю ея кровь и медленно, по каплѣ, придвинулъ всю къ сердцу. «Но я не хочу больше писемъ!» сказала она глухо и положила письмо передъ собою, чтобы попытать, можетъ ли привыкнуть къ нему. Горячія слезы полились изъ глазъ ея. — Рука, написавшая адресъ, очевидно, дрожала: буквы были какъ-будто силою вдавлены въ бумагу. «Сколько онъ, должно-быть, страдалъ, когда рука его такъ дрожала?» Она сломала печать. Письмо было изъ Праги.

«Ну, чтò, Рената? довольно ли мы несчастливы теперь?

И не ваше ли каменное сердце сдѣлало насъ несчастными? Теперь вы свободны, а я — нѣтъ! Вы разбаваны, а я въ бѣдѣ! Вамъ принадлежитъ мѣръ, будущность, дорогая золотая жизнь, а мнѣ — моя жена! И все это потому, что вы того хотѣли! потому, что вы не хотѣли больше страдать за любовь! Если бы у васъ достало силы потерпѣть еще нѣсколько мѣсяцевъ.... что бы было теперь! О, Рената! я ненавижу тебя! У меня теперь только одно желаніе: никогда не видѣть тебя, никогда не слышать о тебѣ; уничтожить, выбросить изъ моего сердца память о тебѣ, какъ врага, который уничтожилъ мою жизнь. Вотъ мое прощаніе съ тобою. Я боленъ; врачи говорятъ, опасно. Я былъ въ Миланѣ и здѣсь; теперь только узналъ, что случилось уже три мѣсяца тому. Такъ-то мы теперь разлучены! Вы того хотѣли. Я хотѣлъ вамъ еще сказать въ послѣдній разъ, что вы погубили меня. *Эммерикъ.*»

— Онъ безумствуетъ, какъ больной горячкою, холодно сказала Рената сложивъ письмо: онъ несправедливъ.... какъ мужчина! помолчавъ прибавила она съ горечью.

.. Не любовь все-таки взяла верхъ надъ огорченіемъ и послѣднее всепоглотившею мыслью ея было: «О! лишь бы только онъ не умеръ! Пусть онъ сердится на меня.... пусть даже невидитъ.... только жизнь оставь ему, о, Боже!.... Еще одинъ разъ, одинъ только разъ увижу его, думала она далѣе, и потомъ я уйду далеко, далеко, туда, гдѣ никто меня не увидитъ; буду жить спокойно; спокойно умру.... но одинъ разъ еще я должна видѣть его!»

— Шарлотта! сказала она своей спяченицѣ: я поѣду въ Эбернакъ. Весна уже совсемъ настала и меня тоскуетъ туда.

— Возможно ли! вскричала госпожа фонъ-Верденъ: ты тоскуешь по своему врачному Эбернакъ, по своему удивленію? Полно! останься здѣсь, привыкни къ людямъ, сблизься съ ними; попытайся начать новую жизнь. Неужто ты въ двадцать шесть лѣтъ хочешь похоронить себя въ своихъ воспоминаніяхъ, которыхъ, быть-можетъ, и не останется тебѣ на весь долгій путь жизни.....

— О! я и хочу еще воротиться къ жизни, только не

Теперь я не здесь. Теперь мнѣ нужно подышать свѣжимъ воздухомъ въ другой атмосферѣ.

Рената, быть-можетъ, тотчасъ же исполнила бы свое намереніе, если бы другія обстоятельства не овладѣли ея вниманіемъ. Это была печальная дуэль ея брата, графа Адлеркрона, съ Сесилевымъ братомъ, Сигизмундомъ. Игнатій писалъ къ ней изъ Гамбурга, старался объяснить причину дуэли своею дружескою и рыцарскою преданностью къ Тоскѣ, но нисколько не убѣдилъ Ренаты въ своемъ правѣ. Она находила непростительно-дерзкимъ такую навязчивость въ рыцари и непрошеное заступничество за женщину, которая была довольно независима и самостоятельна, чтобы самой отвѣчать за свои поступки.

Сесиль получала вѣсть о томъ же отъ своихъ. Сестра писала ему со словъ самой Тоски, что причиною дуэли были только зависть и козни графа Адлеркрона, который въ будущемъ въ состояніи овладѣть вдовою своего дяди и ея имѣніемъ; хотѣлъ отомстить ей и отомстилъ ужасно. Это видямо Сесиль послала къ госпожѣ фонъ-Верденъ съ просьбою сообщить его и Ренатѣ, чтобы она не слишкомъ стояла за своего брата.

— Игнатій неправъ! сказала Рената прочитавъ и сравнивъ оба письма: Игнатій не честенъ и никогда честнымъ не былъ. Я его знаю! Онъ-то и сдѣлалъ меня правдивою: онъ всегда ходилъ кривыми путями; это казалось мнѣ унизительнымъ; оттого-то и я пошла прямымъ. Такъ мы шли будучи дѣтьми; такъ идемъ, вѣроятно, и теперь. Мы никогда не любили другъ друга. Мы отъ природы противоположны одинъ другому. Мнѣ въ самомъ начала ужасно не нравилось, что онъ такъ исключительно посвящаетъ себя большому дядѣ, у котораго прекрасное имѣніе и прекрасная молодая жена. Бѣдная женщина! Послѣ столько лѣтъ вѣрнаго исполненія не легкаго долга, въ ту самую минуту, когда любовь начинала оживлять ея бездѣльную жизнь, — ее постигаетъ такое ужасное несчастіе!

— Жаль мнѣ нашего бѣднаго Форстера, говорила госпожа фонъ-Верденъ: онъ, я думаю, очень опечаленъ: онъ

еще говорилъ о братѣ съ такою любовью и уваженіемъ.....

— Поклонись ему, Шарлотта! скажи ему, что я желаю, чтобы мы остались друзьями! скажи ему, что въ этомъ случаѣ на его долю достается только печаль по уважаемомъ человѣкѣ, а на мою горькая скорбь о недостойномъ.

Госпожа фонъ-Верденъ тотчасъ же пошла и написала Сесию предлинное письмо, очень ласковое, очень утѣшительное и очень скучное, которое навѣрное утомило бы его, если бъ онъ не нашелъ тамъ словъ, переданныхъ отъ Ренаты. Эти слова утѣшили его. На нихъ онъ остановился.

«Мы останемся друзьями! сказала она. Стало-быть мы уже были друзьями? говорилъ онъ самъ себѣ: стало-быть это страшное происшествіе еще больше сблизитъ насъ!...» Холодная дрожь пробѣжала по его членамъ, когда эта мысль невольнo родилась въ головѣ его. Ему показалось, будто онъ извлекаетъ изъ смерти брата пользу для себя; будто онъ радуется этому; будто опять впадаетъ въ холодный эгоизмъ, который въ чужой бѣдѣ видитъ только свои выгоды,—и онъ сталъ укорять себя за это и даже хотѣлъ было отказаться отъ свиданія съ Ренатой.

Для Ренаты настала пора самыхъ насильственныхъ и жестокихъ потрясеній. Отъ третьей ея сестры, графини Басевин Штернфельсъ тоже пришли неприятыя вѣсти. Графъ Штернфельсъ былъ помѣщикомъ въ Мекленбургѣ и, съ норадочнымъ своимъ состояніемъ, хотѣлъ идти рядомъ съ богачами, между которыми жилъ. Хотя ему минуло уже шестьдесятъ лѣтъ и хотя онъ по-временамъ страдалъ подагрой, однако жъ обладалъ неистощимо веселымъ расположеніемъ духа и такою любезностью, что къ великому ущербу своего кармана слылъ чрезвычайно пріятнымъ собесѣдникомъ и былъ весьма любимъ въ кругу молодыхъ людей, которымъ состояніе позволяло исполнять всѣ возможныя прихоти. Покуда Штернфельсъ былъ холостъ, онъ могъ еще кое-какъ устоять на лѣнн; но женитьба на графинѣ Басевин Адлеркронъ ускорила неизбежное его разореніе роскошествомъ хорошенькой, тщеславной и неразумительной жены. Слѣдствія всего этого теперь обнаружидсь. Имѣніе было до того въ долгу, что оставалось

только продать его, чтобы расплатиться. Рената съ великодушнымъ безкорыстіемъ хотѣла-было тотчасъ же помочь имъ, но управляющій ся дѣлами и господа фонъ-Верденъ убѣдили ее удержаться отъ этого, доказывая, что графъ Штернфельсъ, оставшійся въ привычныхъ своихъ обстоятельствахъ, останется и при своихъ разорительныхъ привычкахъ. Если же онъ принужденъ будетъ выступить изъ этого круга, то легче будетъ помочь ему на пути менѣе опасномъ.

Когда Сесиль впервые разъ послѣ того пришелъ къ госпожѣ фонъ-Верденъ, то нашелъ Ренату одну. Собственное горе дотолѣ дѣлало ее безчувственною и холодною, но состраданіе къ другимъ возбудило въ ней волненіе, которое разлилось по наружности какъ теплое дыханіе весны. Она съ живостью пошла на встрѣчу вшедшему, дала ему руку и сказала:

— Богъ надъ всѣми нами! не будемъ осуждать, не будемъ сердиться и ненавидѣть! Не правда ли, любезный Фростеръ?

Сесиль поцѣловала ея руку и не находилъ словъ для выраженія своего чувства.

— Надѣюсь, что въ васъ нѣтъ никакого тягостнаго и горькаго чувства при встрѣчѣ со мной? продолжала она.

Въ звукѣ голоса, во взглядѣ большихъ пророслѣвшихъ глазъ ея было столько глубокой и чистой искренности, что Сесиль сказалъ съ такимъ же глубокимъ чувствомъ:

— Я знаю, графиня, что вы не подозреваете во мнѣ этого, и я желалъ бы только, чтобы и вы такъ же хорошо знали, какую отраду вы теперь доставляете мнѣ и какъ я удивляюсь вамъ.

— Отрада радуетъ меня сердечно, возразила Рената: это самое лучшее, что только можетъ доставить человѣкъ человеку. Но удивленія я не признаю: оно держится на слишкомъ слабomъ основаніи. Вы меня вовсе не знаете.

— Не знаю?... васъ? Помилуйте, графиня, я очень хорошо знаю васъ!

— Я думаю, однако жъ, что для этого нужно быть сколько-нибудь знакомымъ съ исторіею всей моей жизни, возразила Рената съ улыбкою.

— Я знаю исторію раннего сердца, грешна, а она одна только интересуетъ меня. Я знаю, что многіе не понимаютъ васъ, многіе называютъ васъ несчастною, между тѣмъ какъ мнѣ вы представляетесь самымъ счастливымъ существомъ на землѣ, потому что вы самое прекраснѣйшее, какое я когда-либо встрѣчалъ. Я знаю, что ваше приутствіе, обращеніе съ вами, дѣйствуютъ на меня животельно, какъ чистый, свѣжій горный воздухъ на жителей низменныхъ долинъ. Я не знаю частныхъ обстоятельствъ, не знаю вещественныхъ событій вашей жизни, но я знаю ея оупность, ея истинное содержаніе, — въ безпрерывныхъ сокровеннѣйшихъ дашею свѣтлой и возвышенной жизни.

Горячія слова быстро заструились изъ глазъ Ренаты, когда она направила:

— Одинъ Богъ знаетъ, такъ ли я счастлива, какъ вы думаете!

Сосиль хотѣлъ было продолжать, но она рывкомъ своимъ знакъ, чтобы онъ молчалъ.

Музыка доставитъ намъ облегченіе, сказала Рената послѣ продолжительнаго молчанія и, не дожидаясь отвѣта, вышла изъ комнаты.

Многое, бывающее, не возманилась къ себѣ млада брата савѣ больше пламенная. Мысли е безпрерывно блуждали въспоминаніи чистой любви и съ торжественною любовью; а послѣ этого торжественнаго чувства внезапно драматическое тѣло о припадкѣ страдатель души въ парадоксъ небесное. Взоры, и все лицо Ренаты блѣды и болѣе краснѣлось. Сосиль, стоя у окна, перепалъ всѣмъ тѣломъ. Рената казалась ему Савла, ищущаго, прекрасна, мучительнаго и возмущающаго которой она не могла бы и не добродѣль. Она не могла о смерти брата; она не могла даже наги гробомъ Никиты. Теперь она плакала и, какъ ему казалось, въ отчаянной своей жизни. Когда непримечательныя дѣйствительно отделились отъ отяжелѣвшихъ вѣкъ, она сама положила руку на руку Ренаты и сказала:

— Не плачайте! Вы перепасите меня въ смерти, въ которой я чувствую, въ которой я чувствую себя живымъ.

отверженныиъ, потому что вы тамъ,.... Боже мена! Поможетъ ли, что я устремлюсь по вѣщамъ сабадамъ?

Рената не поняла его. Прерваннымъ мелодіи еще изучали въ ея душѣ и, наполненная ими, она сказала задумчиво:

— Да, такъ! такъ всегда нарушаютъ наши стремленія къ небесному! И я должна воротиться на землю.

Она встала и сказала Сесилью:

— Какъ хорошо, что во всѣхъ естественныхъ и теплыхъ чувствованіяхъ есть нить, которая можетъ сближать и связать людей въ одинъ часъ крѣпче нежели обыкновенныя сношенія связываютъ и сближаютъ въ цѣлыя годы. Мнѣ кажется, какъ-будто въ этой общей скорби о братьяхъ я нашла въ васъ друга себѣ. Благодарю васъ, отъ души, что вы не чувствуете ничего неприязненнаго ко мнѣ.

Сесиль молча поцѣловала ея руку. Ему было больно, что она не понимала или не хотѣла понять его. При этомъ она казалась такою невыразимо доброю и внушала такое довѣріе, что ему казалось, онъ необходимо долженъ молить ее о любви, какъ молить Бога о дарахъ небесныхъ, и если бы не пришла въ эту минуту госпожа фонъ-Верденъ, онъ едва-ли бы удержался.

На другой день Рената уѣхала.

— Бѣгъ не можетъ! сказала Сесиль съ невѣріемъ и напуганъ, когда госпожа фонъ-Верденъ сообщила ему эту вѣсть.

— Право, уѣхала, въ Эбернахъ, повторила госпожа фонъ-Верденъ.

Сесиль наблѣдннхъ: земля исчезла у него подъ ногами. Онъ стоялъ прямо противъ господи фонъ-Верденъ, прислонясь къ століку. Глаза ея отуманились. Онъ не вымчалъ. Хозяйка посмотрѣла на него смущена съ участіемъ, встала съ состраданіемъ и встала, приложивъ ему руку и сказала больше про себя нежели ему:

— Оттого-то она, вѣрно, и уѣхала!

— Отчего? спросила Сесиль безоглядно.

— Она, вѣрно, забыла то, что я вамъ.

— О, вѣтъ, вѣтъ! не думайте этого! возразила Сесиль. Истинно-иже пришла къ себѣ, она ничего не забыла, и

касается до меня; она не могла замѣтить. Повѣрьте, что я ни мало не причиною ея отъѣзда.

— Почему вы знаете? Она очень принципиальна. Она, можетъ-быть, уѣхала, чтобы избѣжать васъ.

— О! вы слишкомъ много дѣлаете мнѣ чести! воскликнулъ Сесиль съ горечью.

— Ну, да какъ бы то ни было, а Рената уѣхала въ Эбернахъ.

— Что же она тамъ дѣлаетъ, въ такомъ уединеніи?

— Она при жизни моего бѣднаго брата завѣдывала всѣми дѣлами по хозяйству и по огромному имѣнію, съ удивительною осмотрительностью и точностью. Она будетъ завѣдывать и теперь, потому что это ея собственность.

— Въ самомъ дѣлѣ! воскликнулъ Сесиль почти съ явнымъ презрѣніемъ: такъ она и вправду продана за деньги?

— Такъ вы называете это продала себя за деньги, когда молоденькая дѣвушка, взрослая въ строгомъ повиновеніи, съ ангельскою кротостью и милосердіемъ принимаетъ на себя и съ твердостью выполняетъ обязанности, указанныя чужою волей? съ необыкновенною живостью возразила госпожа фонъ-Верденъ. Стыдитесь! Стыдно бы и тому, кто насаждалъ вамъ это! Но.... я вижу, что послѣ душъ, подобныхъ Ренатѣ, нѣтъ ничего столь рѣдкаго на свѣтѣ, какъ души, которыя бы способны были понимать ихъ.

Этотъ порывъ теплаго, сердечнаго удивленія былъ таѣмъ страдальцемъ Сесилю, что онъ почти утѣшился въ отсутствіи Ренаты. «Такъ не даромъ же я полюбилъ ее больше всего на свѣтѣ! сказалъ онъ самъ себѣ: теперь я буду любить ее съ полнымъ сознаніемъ».

Она позволила это намѣреніе и самъ удивился, выскочивъ въ себѣ такое новое чувство, однако жъ привѣтствовалъ его съ восторгомъ: оно указало ему новую видъ, новую грань жизни. Теперь ему казалось нестерпимымъ не видѣть Ренаты и не слышать объ ней. Когда она была тутъ, онъ иногда во вѣсколку дней не приходилъ къ господамъ фонъ-Верденъ; но увѣренность, что увидитъ Ре-

нату, когда пойдетъ, всегда была при немъ утѣшительницею, такъ точно какъ пасмурный день и тучи покрывающія небо еще не заставляютъ усомниться въ присутствіи солнца. Теперь же имъ овладѣло страшное безпокойство: онъ непремѣнно хотѣлъ знать, что она дѣлаетъ, какъ проведетъ время. Онъ пытался-было приписать это безпокойство другой причинѣ, но таковой не нашлось. Недѣлю онъ сносилъ это состояніе, но наконецъ лихорадочныя грезы, томленіе и волненіе одолѣли его.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ: пусть это глупость! Я знаю, что это глупость и что я, быть-можетъ, даже сдѣлаюсь смѣшнымъ.... ничего! пусть! Я ѣду въ Эбернахъ.... я хочу ее видѣть, хочу знать, что она дѣлаетъ.... потомъ.... потомъ.... ничего больше.... покуда.

Онъ сказался больнымъ и не велѣлъ никого принимать, а самъ, въ полночь, одинъ поѣхалъ въ Эбернахъ, на лошадахъ, тайно приготовленныхъ заранѣе на каждой станицѣ. Въ семь часовъ утра онъ прибылъ въ мѣстечко, зашелъ въ гостинницу и назвавшись живописцемъ, объявилъ, что желаетъ списать съ натуры знаменитый замокъ Эбернахъ. Это чрезвычайно польстило толстой трактирщицѣ, которая въ мірѣ ничего не знала краше своего мѣстечка и барскаго дому. Сесиль спросилъ о владѣльцахъ имѣнія и трактирщица вывела ему всю родословную, разсказала всю подноготную и в заключеніе разсыпалась въ красногубыхъ похвалахъ графинѣ Ренатѣ Доббенекъ. Сесиль слушалъ ее съ величайшимъ вниманіемъ и ему казалось, что для одного этого разсказа уже стоило пріѣхать въ Эбернахъ. Позавтракавъ во время повѣствованія трактирщицы, Сесиль взялъ портфель подъ мышку и пошелъ въ замокъ. Онъ пламенно желалъ увидѣть Ренату такъ, чтобы она его не видала. Онъ почти покраснѣлъ при мысли, что она можетъ узнать его. Она была вовсе не такая женщина, которую бы такое романическое нападеніе тронуло или обрадовало, и такъ какъ она никогда не приглашала его въ Эбернахъ, то, встрѣтивши незваного, оказала бы, конечно, не больше самаго обыкновеннаго гостепримства и необходимой вѣжливости, которыхъ онъ вовсе не желалъ.

Онъ прошелъ черезъ большой паркъ въ садъ, съ оранжереями, гдѣ нашелъ нѣсколько человѣкъ работниковъ и садовника. Сесиль попросилъ позволенія осмотрѣть оранжерею, и садовникъ очень вѣжливо и предупредительно выводилъ его повсюду. Когда любознательный посѣтитель выразилъ свое удивленіе необыкновенно богатому собранію цвѣтовъ, садовникъ возразилъ:

— Далъ у покойнаго барина только и было страсти, что къ птицамъ, да къ цвѣтамъ: птицъ онъ самъ, бывало, кормилъ; самъ ухаживалъ за ними. А когда которая издохнетъ; велитъ чучелу сдѣлать и поставить въ стеклянный шкафъ. Тамъ въ замкѣ, ихъ тма. За цвѣтами онъ тоже все самъ ходилъ, поливалъ, пересаживалъ, подрубывалъ. А когда расцвѣтутъ, возьметъ всѣ цвѣтки, оборветъ, засушитъ и наклеитъ на бумагу, подпишетъ званіе, потомъ велитъ переплестъ и поставить тоже въ шкафы. Такихъ гербаріевъ у него накопилось цѣлая библіотека, да жалъ, что толку-то мало, — прибавилъ садовникъ съ сострадательною улыбкой: — онъ дѣлалъ все это безъ всякаго ученаго порядку и безъ знанія дѣла, оттого у него всѣ породы и классы перемѣшаны, альпійская трава лежитъ подлѣ тропическаго растенія, орхидея подлѣ ноготковъ.

— Такъ онъ былъ совсѣмъ помѣшанный? спросилъ Сесиль со страхомъ.

— Нѣтъ, нельзя сказать, чтобы совсѣмъ помѣшанный. Онъ былъ только слабоумный, отъ долговременныхъ и частыхъ припадковъ падучей болѣзни, такъ, что онъ не имѣлъ ни какого сужденія собственнаго, ни воли. А насъ-то онъ всѣхъ зналъ и каждого называлъ по имени.

Сесиль спросилъ словоохотливаго садовника, можно ли будетъ посмотреть замокъ.

— Да, сегодня можно будетъ, отвѣчалъ тотъ: сегодня въ одиннадцать часовъ графиня поѣдетъ въ ближнее село и воротится не раньше вечера. Вы можете обратиться къ кастеляну. Онъ вамъ покажетъ всѣ комнаты. Онъ живетъ вонъ тамъ, въ лѣвомъ флигелѣ, внизу, окнами сюда въ садъ.

Сесиль поблагодарилъ садовника и окольными дорожками пошелъ къ аллеѣ, по которой Рената должна была

въѣхать изъ замка. Ровно въ одиннадцать часовъ легкая коляска подъѣхала къ большому крыльцу, вскорѣ потомъ промчалась по аллеѣ и исчезла на поворотѣ въ улицу мѣстечка. Сесиль сталъ за кустарникомъ, изъ-за котораго очень хорошо могъ разглядѣть проѣзжавшую. Она была, какъ обыкновенно, вся въ черномъ, и задумчиво слѣдила, прислонившись въ уголъ экипажа. Проводивъ ее глазами, Сесиль пошелъ въ замокъ. Кастелянъ, такъ же какъ и садовникъ, охотно удовлетворилъ любопытство посѣтителя и показалъ ему все расположеніе замка, шкафы съ птицами, шкафы съ сушеными цвѣтами, парадныя комнаты, библиотеку и, наконецъ, жилыя комнаты самой графини, до которыхъ Сесиль добрался подъ тѣмъ предлогомъ, будто госпожа фонъ-Верденъ, — отъ которой онъ показалъ кастеляну визитную карточку, — поручила ему, живописцу, снять копію съ портрета покойной графини. Кастелянъ снялъ шляпу, услышавъ весьма знакомое имя сестры своего барина и съ удовольствіемъ проводилъ художника, куда тотъ хотѣлъ. Тамъ, чтобы не мѣшать рисовать, старикъ оставилъ его одного, а Сесиль вмѣсто портрета принялся срисовывать перспективу самыхъ комнатъ, чтобы всегда имѣть при себѣ видъ того мѣста, гдѣ жила, и тѣхъ предметовъ, которыми была окружена царица его души. Сесиль, правда, успѣлъ набросать только очеркъ, надъ которымъ нужно было еще много поработать, но за то онъ такъ всмотрѣлся во всѣ подробности этого жилища, что унесъ съ собою два вида, одинъ на бумагѣ, въ очеркѣ, а другой, совершенно отдѣланный, въ памяти. Онъ былъ въ восторгѣ отъ своего счастья и, давъ кастеляну червонецъ за услугу, поспѣшилъ въ гостиницу. Едва онъ вышелъ изъ сада, какъ воротилась и Рената.

Жъ десяти часамъ вечера Сесиль приказалъ приготовить лошадей, а самъ еще разъ пошелъ въ паркъ, чтобы, какъ говорилъ, посмотреть на замокъ при лунномъ освѣщеніи.

«Все безмолвно и безжизненно вокругъ нея; у нея у одной жизни!» подумалъ Сесиль, когда сѣлъ подъ темною сѣнью акацій, на скамейку, противъ ея оконъ. Кромѣ этихъ, во всемъ замкѣ не было свѣту. Въ воздухѣ господствовала совершенная тишина. Сесиль погрузился въ глубокую ду-

му; изъ которой только по-временамъ порывала его мысль пойти въ замокъ, представиться Ренатъ. Онъ теперь полнѣнн отдалъ бы за то, чтобы провести съ Ренатою полчаса. Его удержалъ только страхъ, что она приметъ холодно, и онъ рѣшился лучше не видѣть вовсе, чѣмъ подвергнуться такой опасности.

— Прости! я увижу тебя! сказалъ Сесиль почти вслухъ; быстро всталъ и вышелъ изъ сада.

Черезъ четверть часа онъ уже скакалъ по дорогѣ во Франкфуртъ; утромъ прибылъ домой и легъ спать, а вечеромъ, за чаемъ, рассказалъ госпожѣ фонъ-Верденъ о томъ, какъ онъ захворалъ гриппомъ и какъ самъ вылечился, пролежавъ двадцать четыре часа въ постелѣ.

Десять лѣтъ назадъ, еще была жива старая графиня Доббенекъ, которой портретъ висѣлъ въ кабинетѣ у Ренаты. Тогда она съ материнскою вѣжностью и глубокою нечалью смотрѣла на своего двадцати-пяти лѣтняго сына, гулявшаго по саду съ маленькою Адольфиною фонъ-Верденъ, своею племянницей, но такъ, что, казалось, ребенокъ водилъ молодого человѣка и заботливо смотрѣлъ за нимъ. Тогда говорила она дочери со страхомъ и сокрушеніемъ:

— Шарлотта! Чтò будетъ съ Эгономъ, когда я умру? Кто будетъ любить его столько, чтобы не оставить на небрежныхъ рукахъ наемщиковъ? Чѣмъ богаче онъ, тѣмъ больше будетъ тѣсниться къ нему своекорыстіе съ притворнымъ участіемъ, для своихъ выгодъ. Вмѣсто того, чтобы внимательно слѣдить и помогать его развитію, его съ умысломъ будутъ удерживать въ ребячествѣ, подавать въ немъ всякую возможность къ умственному пробужденію иди, по-крайней-мѣрѣ, не обратятъ на нее вниманія..... Онъ теперь совершеннолѣтній..... по годамъ, продолжала она помолчавъ: покуда жива, я никогда не позволю поставить надъ нимъ чужой опеки, но когда я умру.....

— Милая маменька! перебила госпожа фонъ-Верденъ, вы еще здоровы, крѣпки и духомъ и тѣломъ! откуда же вы берете мысли о смерти?

— Я устала, дитя мое. Ахъ! смерть, конечно, горька: утрата твоихъ старшихъ братьевъ и отца стоила мнѣ много горькихъ слезъ, но съ теченіемъ времени горе отстоялось и превратилось въ тихую печаль. Милыя воспоминавія о золотыхъ дняхъ прошедшаго сливаются съ памятью о мужѣ; прекрасныя надежды, быть-можетъ, никогда не осуществимыя мечты о возможномъ счастьи и величїи, носятя надъ безвременными могилами двоихъ моихъ сыновей. Въ душѣ моей удивительно спокойно и мирно, когда я вспомню объ нихъ; это воспоминаніе укрѣпляетъ и поддерживаетъ меня, а не сокрушаетъ. Но когда я оглянусь на двадцать лѣтъ моего вдовства, которыя посвятила Эгону..... тогда я бываю не только сокрушена, но убита. Двадцать лѣтъ исключительно посвятила я ему и не достигла другаго результата, кромѣ того, что теперь съ ужасомъ вижу приближеніе смертнаго часу, когда я должна буду оставить его одного на свѣтѣ..... Это страшно, Шарлотта! тѣмъ болѣе, что душа моя..... пойми меня, другъ мой: душа человѣческая, а не материнское сердце..... давно ужъ просится въ иной міръ.

Госпожа фонъ-Верденъ, молча, - со слезами, поцѣловала руку матери, между-тѣмъ какъ та повторяла:

— Чтò будетъ съ бѣднымъ Эгономъ, когда я умру?

— Его здоровье теперь вѣдь гораздо лучше нежели было, сказала госпожа фонъ-Верденъ помолчавъ: вы, маменька, никогда не думали о возможности женить его? никогда не говорили объ этомъ съ врачами?....

— Думала и говорила, другъ мой. Врачи отвѣчаютъ на да ни вѣтъ. Да и гдѣ же найти женщину, которая бы чувствовала довольно состраданія и участія къ нему, чтобы вступить въ этотъ союзъ не за одно имя и богатство?

— Я рассказывала вамъ про графиню Адлеркронъ, съ которою я провела лѣто въ Киссингенѣ. Ея старшая дочь, мнѣ кажется, способна на это. Я никогда не видывала такой важной и глубокомысленной дѣвушки.

— Да! молодость восторженна и способна къ пожертвованіямъ; въ ней гораздо меньше эгоизму и расчетливости нежели въ старости. Но если у этой дѣвушки и стаетъ духу, чтобы принять на себя такую трудную обязан-

ность, если она и согласится быть ангеломъ хранителемъ несчастнаго Эгона, то какая же мать позволитъ дочери вступить въ бракъ..... въ которомъ первое условіе—самоотверженіе?

— Не всѣ матери такъ нѣжны, какъ вы, и я думаю, мы можемъ быть увѣрены въ согласіи графини Адлеркронъ: она вдова, небогата, имѣетъ двѣнадцать не пристроенныхъ дѣтей и очень желаетъ найти партіи двумъ своимъ старшимъ дочерямъ, которыя уже подросли. Она непременно согласится, особенно, когда увидитъ, что дочь ея будетъ не только сама обезпечена, но даже не лишена возможности помогать своимъ сестрамъ.

— Ахъ! можетъ ли дѣвушка, воспитанная по такимъ правиламъ, быть нѣжна и ласкова съ Эгономъ, заботиться объ немъ, ухаживать за нимъ?

— Позвольте мнѣ попытаться, маменька. Я буду осторожно дѣйствовать.

Вечеромъ того же дня госпожа фонъ-Верденъ написала къ графинѣ Адлеркронъ, что намѣреваясь по дѣламъ пріѣхать на нѣсколько времени въ Аугсбургъ, она очень радуется случаю возобновить пріятное знакомство съ нею. Получивъ письмо, графиня Адлеркронъ отыскала въ готскомъ альманахѣ фамилію графовъ Доббенекъ и нашла, что ихъ осталось единственная и послѣдняя отрасль въ лицѣ брата госпожи фонъ-Верденъ, графа Эгона-Курта-Серафима Доббенекъ, владѣльца Эбернаха, Бургейса, Мариенорта, и прочая и прочая,—таковъ стиль: сперва насчитываются всѣ владѣнія, а потомъ, когда уже нѣтъ больше, ставятся два или три «и прочихъ», для большей важности.

— Ну, это бы хорошо! говорила графиня Адлеркронъ про себя: правда, кажется, фрау фонъ-Верденъ въ Киссингенѣ, какъ-то, говорила немножко сомнительно о здоровьѣ своего брата. Ну, да что жъ за бѣда: поправится. Доббенекъ и Регенсбергъ..... Это были бы очень приличные партіи моимъ дочерямъ и я думаю.... онѣ устроятся.

Съ такимъ материнскимъ образомъ мыслей женихамъ

и сватамъ легко было поладить. Госпожа фонъ-Верденъ пріѣхала, тотчасъ же вступила въ дипломатическіе переговоры и нашла графиню очень сговорчивою. Графъ Регенсбергъ, съ которымъ она также повзнакомилась въ Кле-смингенѣ, послѣдовалъ за нею или, лучше сказать, за Дианою въ Аугсбургъ. Имъ овладѣла страстная любовь къ прелестной дѣвушкѣ, но разумокъ всѣ-еще удерживалъ отъ рѣшительнаго предложенія, соображая неравенство его срока-шести лѣтъ съ пятнадцатью годами невѣсты. Графиня Адлеркронъ воспользовалась присутствіемъ госпожи фонъ-Верденъ, и намекнула ему, что она пріѣхала сватать Диану за своего брата. Страсть одолѣла графа и заставила тотчасъ же рѣшиться. Спустя три дня Диана была невѣстою самою прелестною, самою цвѣтушкою и самое безопасною, какаѣ когда-либо была выдана замужъ.

Графиня Адлеркронъ воспитала дочерей въ строгамъ повиновеніи. «Вы бѣдны, вы знатны, говорила она имъ: вы должны стараться занять и удержать за собою мѣсто въ свѣтѣ, приличное вамъ и вашему воспитанію, которое я купила вамъ величайшими пожертвованіями. Вы мои добрыя дѣти; вы вѣрно, захотите наградить меня за труды и заботы послушаніемъ. Я этого только и требую отъ васъ». И дочери были такъ покорны и робки, что одно движеніе бровей матери могло заставить ихъ броситься въ объятія чудовища. Диана была безпредѣльно счастлива, что ей такъ легко было исполнить волю матери: она пріобрѣла мужа очень пріятнаго, любезнаго, изящнаго и страстно влюбленнаго, такъ, что она и не замѣчала разницы лѣтъ. При томъ, кровь у нея была такая розовая, что она принимала жизнь не иначе какъ за шутку. Рената, напротивъ, была серьезна до угрюмости, покорна по разсудительности, а не по безотчетной слабости; кротость ея доходила до равнодушія. Она смотрѣла на жизнь такими печальными глазами, какими, конечно, рѣдко смотрятъ молодыя дѣвушки. Только одинъ Игнатій былъ старше ея годомъ: остальные сестры всѣ были моложе; меньшой братъ родился въ годъ смерти отца, послѣ чего въ домѣ около четырехъ лѣтъ было немножко покойнѣе прежняго, по-крайней-мѣрѣ прекратились раздоры мужа съ женою изъ-за денеж-

ныхъ недостатковъ и разстройства хозяйственныхъ дѣлъ, по страсти къ роскоши, непомерному тщеславію обонхъ и по недостатку взаимнаго уваженія. Дѣти очень часто бывали свидѣтелями самыхъ непріятныхъ сценъ и терпѣли отъ этого столько же сколько и вообще отъ недостатку любви, которую, для поддержанія порядку, замѣняла деспотическая строгость. Мать очень часто поручала Ренатъ, какъ старшей, надзоръ за другими дѣтьми, но она не умѣла по материнскимъ правиламъ вынудить такого страдательнаго повиновенія, какое сама оказывала, и за это подвергалась побранкамъ, укорамъ въ слабости и небреженіи, между-тѣмъ какъ Діану мать журила за лишнюю рѣзвость, Евсеію за лживость, которой она насмотрѣлась у нее же, — и такъ всѣхъ дѣтей, исключая Игнатія, который былъ любимецъ матери, совершенно похожій на нея по образу мыслей, и сверхъ-того — хитрый льстецъ. Эта вѣчная тревога, шумъ, несогласіе и совершенное отсутствіе любви дотогу утомили Ренату, что она при конфирмаціи призналась пастору въ своемъ желаніи перейти въ католическую Церковь, чтобы вступить въ монастырь. Пасторъ, конечно, употребилъ всѣ силы своего краснорѣчія, чтобы отклонить молодую дѣвушку отъ такого намѣренія. Ему удалось приобрести ея довѣріе и онъ, развѣдывая о побудительныхъ причинахъ, открылъ, что маленькое сердечко Ренаты утомлено жизнью прежде нежели стало жить. Онъ умѣлъ неопровержимо доказать ей, что ея жажда монастырскаго успокоенія, въ такія лѣта, — эгоистическое, недостойное малодушіе, потому что она ищетъ только собственнаго спокойствія, мира своей душѣ, и убѣгаетъ раньше времени отъ трудовъ и борьбы жизни, вмѣсто того чтобы перенести и преодолѣть ихъ. Рената отказалась отъ монастыря и рѣшилась жить, какъ Богъ велитъ.

Такимъ образомъ приготовленная и многими ранними страданіями переработанная душа, конечно, не могла утратиться трудной обязанности. Это госпожа фонъ-Вердегъ угадала въ Киссингенѣ, гдѣ Рената сблизилась съ нею гораздо больше нежели со своими подругами и сверстницами. Рената не любила шумныхъ увеселеній, баловъ и нарядовъ. Она танцевала, потому что этого требовала гра-

финя Адлеркронъ; она была со всѣми вѣжлива и ласкова, потому что этого требовало приличіе.

Когда госпожа фонъ-Верденъ пріѣхала въ Аугсбургъ, Рената чрезвычайно обрадовалась, потому что краткая ласковость и откровенная вѣжность этой женщины были ей отрадны и Рената часто вспоминала о времени, проведенномъ съ нею въ Киссингенѣ. Настоящаго повода ея посѣщенія она не знала. Когда, послѣ стовора Діаны, госпожа фонъ-Верденъ старалась вывѣдать у Ренаты ея желанія, надежды и ея понятія о брачномъ счастьи, она отвѣчала очень спокойно, что не имѣетъ ни какихъ надеждъ и желаній, потому что, вѣроятно, принуждена будетъ покориться волѣ матери. Когда же судьба ея будетъ рѣшена, то она постарается любить и пріобрѣсть любовь мужа, и будетъ счастлива, потому что вѣруеть въ Бога, управляющаго судьбами тѣхъ, кто съ уваженіемъ предается Его волѣ.

— Милая Рената, можете ли вы представить себѣ бракъ, въ которомъ бы вся сила, всѣ труды и власть были бы на сторонѣ жены, а вся зависимость и нуждающаяся въ попеченіяхъ слабость на сторонѣ физически страждущаго мужа? Можете ли вы себѣ представить эту жену правительницею дома и имѣнія, покровительницею немощнаго, который вознаградитъ ее только благодарною привязанностью? Можете ли вы вообразить въ этой женѣ любовь безъ взаимности, состраданіе безъ пренебреженія, снисхожденіе безъ холодности, твердость безъ жестокости, которыми бы она могла провести бѣднаго больного молодого человѣка по пути жизни, болѣе какъ ангельхранитель нежели какъ женщина? Можете ли вы представить себѣ, что эта женщина должна отказаться отъ чувства, которое одно составляетъ самое милое и самое богатое вознагражденіе за всѣ заботы, скорби и лишенія, — отъ чувства внутренняго, душевнаго согласія съ мужемъ; отказаться отъ всего, что привлекаетъ юное сердце, — отъ страсти, отъ удивленія, отъ сознанія, что она принадлежитъ человѣку, который составляетъ ея опору и ея гордость; отказаться отъ цѣлаго міра радостей, которыхъ

жаждетъ и проситъ сердце, в которыхъ цѣну мы узнаемъ тогда только, когда принуждены отказаться отъ нихъ?

— О! такая задача, кажется, слишкомъ трудна для меня! воскликнула Рената поблѣдивъ.

— Это только одна сторона, милая Рената, и я нарочно описала ее самыми черными красками. Для такого глаза, какъ вашъ, въ этой картинѣ найдется и другая, болѣе свѣтлая: это кругъ дѣятельности, который открывается вамъ и въ которомъ вы будете свободнѣе нежели обыкновенно бываютъ женщины. Позвольте же мнѣ откровенно признаться, что рѣчь идетъ о моемъ братѣ Эгонѣ.

— О вашемъ братѣ? прервала тронутая Рената.

— Да, о моемъ бѣдномъ, сожалѣнія достойномъ Эгонѣ, который до шестого году былъ самымъ милымъ, самымъ богатымъ надеждами ребенкомъ, быть-можетъ немножко слишкомъ зрѣлымъ, слишкомъ нервически чувствительнымъ. Тогда маменька поѣхала съ нами къ своимъ родителямъ. На ночлегъ, въ гостинницѣ, вдругъ сдѣлался пожаръ. Я спала съ маменькою въ одномъ этажѣ, а Эгонъ съ гувернёромъ въ другомъ. Этотъ молодой человекъ, — или для того, чтобы удостовѣриться въ опасности, или оттого что обезпамятелъ въ-торопяхъ, — выбѣжалъ одинъ. Хотя онъ тотчасъ же воротился и вынесъ ребенка, однако жъ минута ужасу при внезапномъ пробужденіи среди тревоги, дыму и пламени, такъ сильно потрясла бѣднаго, что съ нимъ въ ту же минуту сдѣлались страшныя судороги, которыя съ-тѣхъ-поръ не оставляли его втеченіи двадцати лѣтъ и возобновляются при малѣйшемъ поводѣ къ волненію и даже безъ всякой причины. Это разстроило его нервы и ослабило организмъ. И такъ какъ всякое напряженіе и физическое и умственное пробуждало недугъ, то его невозможно было принуждать ни къ ученью, ни къ мышленію. Его можно было исподоволь научать только тому, что было ниже горизонта его способностей и что онъ могъ, такъ сказать, руками брать. Отъ природы онъ былъ чрезвычайно любознателенъ, обладалъ острымъ умомъ и понятливостью; оттого онъ въ первое время по привычкѣ, такъ какъ и прежде, все хотѣлъ знать, всему

учиться, обо всемъ спрашивалъ, и тутъ-то намъ мучительно, невыносимо было смотрѣть, какъ бѣдная головка старалась преодолѣть слабость, причиненную разстройствомъ физическаго организма. Наконецъ безпокойный духъ принужденъ былъ покориться, отъ утомленія, и теперь онъ уже не чувствуетъ своего недостатка, такъ, что если отсутствіе заботъ можно назвать счастіемъ, то и его можно назвать счастливымъ. Онъ остался пятилѣтнимъ ребенкомъ, какимъ былъ, когда его постигло это несчастіе; сохранилъ добрый, ласковый, благодарный нравъ и охоту къ непрерывнымъ занятіямъ, которыя, конечно, сообразны только съ его способностями, а не съ лѣтами. Оттого онъ возбуждаетъ только состраданіе, а не отвращеніе.

— О! я вѣрю! сказала Рената со слезами на глазахъ.

— Скорбь маменьки была невообразима! Ея сердце прошло черезъ такой рядъ отчаянія, томленія, пламенныхъ и разбитыхъ надеждъ, пожертвованій, тайныхъ и явныхъ страданій, что оно давно уже внутренно сокрушено и только съ-виду еще сдерживается нитями жизни, которыя налагаютъ на нее сознаніе, что потерявъ ее, Эгонъ лишится единственной опоры, если съ неба не сойдетъ ангелъ, которому она могла бы передать судьбу своего сына. Сознаніе быть этимъ ангеломъ, вѣстникомъ милосердія, орудіемъ въ рукѣ Божіей, развѣ не представляетъ свѣтлой стороны въ глазахъ вашихъ?... Притомъ, вы будете неограниченною владѣтельницей всего имѣнія, не будете имѣть нужды отдавать отчета въ томъ, чѣмъ распорядитесь, что устроите или сдѣласте. Вы свободны во всѣхъ своихъ поступкахъ и имѣете надъ собою одного только Бога, а не мужа и не общество, такъ, какъ другія женщины. Мнѣ кажется, что отъ Бога одного зависѣть легче, нежели отъ сложныхъ человѣческихъ отношеній...

— Конечно, правда! сказала Рената со вздохомъ, вспоминая о матери и отношеніяхъ собственнаго семейства.

— Я откровенно высказала вамъ все, Рената, продолжала госпожа фонъ-Верденъ: я ничего не утаила, ничего не прикрасила. Теперь ваша очередь подумать и рѣшиться! Тер-

да уже я обратюсь къ вашей матушкѣ съ рѣшительнымъ предложеніемъ, потому что это дѣло слишкомъ важно, слишкомъ священно, и я не могу принять вашего слова по одной волѣ вашей матери. Вы сами должны или согласиться или отказать по собственному убѣжденію.

Долго еще госпожа фонъ-Верденъ, проникнутая состраданіемъ къ своему брату, любовью къ матери и доверіемъ къ молодому другу, говорила съ Ренатою, и та не пугалась суровыхъ картинъ, которыя развертывались передъ нею. Она въ званіи жены Эгона находила много сходства съ монастырскою жизнью, о которой мечтала прежде съ такимъ восторгомъ, и ей показалось, что принять на себя, прогнѣ лишеній и удаленія отъ свѣта, еще обязанности и труды для спокойствія и счастья ближняго; будетъ дѣломъ самымъ богоугоднымъ, назначеніемъ самымъ высокимъ. Она взялась за эту мысль со всею силою пылкой, восторженной и истинно безкорыстной души. Госпожа фонъ-Верденъ не убѣждала, не уговаривала ее больше и дала довольно сроку одуматься. Но Рената уже рѣшилась и была тверда въ своемъ намѣреніи.

Съ графинею Адлеркронъ госпожа фонъ-Верденъ говорила обстоятельнѣе и дѣлала меньше околичностей нежели съ молодою дѣвушкой; представила ей всѣ выгоды, какихъ могло ожидать семейство Адлеркрановъ отъ этого брака, тѣмъ болѣе, что по смерти Эгона жена его останется единственною наслѣдницею огромнаго имѣнія. На этихъ условіяхъ графиня Адлеркронъ согласилась, не безъ возраженій, — для того чтобы не показать слишкомъ большой радости, но въ душѣ она была чрезвычайно довольна, что такъ прекрасно пристроила Ренату.

Госпожа фонъ-Верденъ съ торжествомъ поѣхала въ Эбернахъ и принесла трепещущей отъ страху и радости матери извѣстіе, что черезъ мѣсяць вступитъ подъ ихъ кровлю ангелъ, который готовъ посвятить себя и свою жизнь попеченіямъ объ Эгонѣ. Графиня Доббенскъ опасалась, сомнѣвалась, спрашивала. Она не понимала дѣвушки, и еще менѣе ее матери.

— Дѣвушку вы скоро поимете; мать — никогда, отвѣчала Шарлетта.

Прошелъ мѣсяцъ. Графиня Адлеркронъ съ дочерью пришла.

— Дитя мое! дочь моя! Богъ благословить приходъ твой въ этотъ домъ! воскликнула графиня Доббенекъ и нѣжно прижала Ренату къ груди, посмотрѣла ей въ глаза, поцѣловала въ лобъ и опять прижимала къ сердцу съ такою любовью, какой Рената никогда еще не испытывала. Она была тронута до глубины души.

Потомъ хозяйка обратилась и къ графинѣ Адлеркронъ, чтобы изъяснить ей свою радость; наконецъ позвонила и спросила, не воротился ли графъ съ прогулки. Сказали, что сейчасъ идетъ. Рената затрепетала какъ передъ смертнымъ приговоромъ. Госпожа фонъ-Верденъ сострадательно взяла ее за руку. Эгонъ вошелъ.

Съ перваго взгляду въ немъ не было ничего отталкивающего. По узкимъ, болезненно сжатымъ плечамъ, не развитымъ рукамъ и тонкому, скорбленному стану, онъ казался высоко и быстро выросшимъ пятнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, а по лицу, еще менѣе развитому, совершеннымъ ребенкомъ. Черты его были не столько мягки, сколько вальды, хотя правильны. У него были большіе, прекрасной формы глаза, какъ у матери, но ихъ почти всегда до половины прикрывали тяжелыя, утомленныя вѣки, которыя отчасти скрывали и тупое, безчувственное выраженіе меланхолин. Красивыя, черныя; но очень рѣдкіе волоса бѣдно осѣняли узкій лобъ, на которомъ не видно было ни одной мысли.

Первымъ чувствомъ Ренаты было состраданіе. Глаза ея невольно наполнились слезами. Эти слезы усладительною росой упали на сердце матери, которая при входѣ Эгона съ боязливымъ ожиданіемъ обратила взоръ на будущую невѣстну.

— Вотъ твоя невѣста, милый Эгонъ, сказала она сыну.

Эгонъ поклонился робко, но пристойно и сказалъ медленно, съ разстановкою, какъ-будто припоминая каждое слово:

— Очень радъ.... очень радъ..... васъ видѣть.

Онъ вовсе не походилъ на обрадованнаго; на лицѣ же было ровно никакого выраженія и движеніе около губъ

можно было принять скорее за судорожную корчу мускуловъ, нежели за улыбку. И лицо и глаза его только тогда нѣсколько прояснились, когда его ласкала мать и когда онъ смотрѣлъ на нее. Въ остальное время онъ казался совершенно безстрастнымъ и не принималъ никакого участія въ томъ, что дѣлалъ окружающіе.

Графиня Адлеркронъ взялась составить контрактъ и распорядиться всѣмъ нужнымъ, потому что графиня Доббенекъ, за себя и за сына, объявила напередъ полное согласіе на всѣ условія. Хотя она смотрѣла на Эгона совершенно материнскими, пристрастными глазами, однако жъ не могла не видѣть и того, какую жертву приносить ей сыну Рената, соглашаясь отдать ему руку.

— Слава Богу! говорила графиня Адлеркронъ наканунѣ свадьбы: слава Богу! теперь я исполнила свой долгъ и могу умереть спокойно: я знаю, что старшая дочь моя пристроена, обезпечена, и въ случаѣ нужды можетъ замѣнить меня своимъ сестрамъ. Дѣти мои воспитаны по моимъ строгимъ правиламъ, въ примѣрномъ повиновеніи и благочестіи, и я надѣюсь, что вы, графиня, найдете въ Ренатѣ плоды этого воспитанія.

Графиня Доббенекъ никогда не дѣлала подобныхъ фразъ, однако жъ отъ души благодарила и втайнѣ радовалась, что Рената вовсе не походитъ на свою мудрую воспитательницу и не наследовала ей краснорѣчія.

Когда Рената увѣрилась, что ей нечего опасаться ни малѣйшей навязчивости и безпокойства со стороны Эгона, она начала приближаться къ нему и заговаривать о вещахъ, которыя занимали его. Эгонъ, какъ ребенокъ, по инстинкту различалъ, кто съ нимъ ласковъ, кто нѣтъ, и также по-дѣтски былъ спокоенъ съ одними и пугливъ при другихъ. Онъ предлагалъ ей прогулки по саду, показывалъ птицъ, дарилъ цвѣты. Далѣе не простиралась ни его внимательность ни разговорчивость. Но и это были уже такіе знаки благосклонности, какихъ онъ не оказывалъ никому кромѣ матери, и мать была отъ этого въ восторгѣ.

Свадебный обрядъ благополучно совершился въ домаш-

ней церкви. Эгонъ съ точностью сдѣлалъ и сказалъ все, чему его напередъ научили. Онъ сказалъ свое «да» вовремя; былъ спокоенъ и ласковъ и, казалось, понималъ, что приобрѣлъ съ Ренатою счастье. Она не плакала и не трепетала, однако жъ была блѣдна какъ ея бѣлое платье.

Вслѣдствіе ли обыкновеннаго напряженія или яросте потому, что иррицио время, черезъ полчаса не выходя изъ церкви съ Эгономъ случился ужасный припадокъ. Его безъ чувствъ отнесли въ его комнату. Графиня Доббенекъ въ это время представляла молодой невѣстѣ всѣхъ домохозяйствъ и какъ-бы славала ей свою верховную власть надъ хозяйствомъ. Такъ какъ она не могла ничѣмъ помочь сыну въ этомъ состояніи и знала, что онъ на рукахъ врача и преданныхъ слугъ, то она обыкновенно пропускала первыя минуты припадка, чтобы не видѣть страшныхъ корчей, которыя разстраивали и ея нервы, а ходила къ нему уже тогда, когда онъ успокоивался. Рената, не обнаруживъ ни малѣйшаго испугу, поклонилась присутствующимъ, чтобы отпустить ихъ, и хотѣла пойти за Эгономъ. Графиня Адлеркронъ остановила ее.

— Останься, Рената! сама мать нейдетъ къ нему. Ты тамъ лишняя. Онъ въ хорошихъ рукахъ.

— Я должна убѣдиться въ этомъ, такъ же какъ убѣдилась его мать, возразила Рената и обратилась къ тещѣ, которая въ изнеможеніи опустилась на диванъ.

Рената поцѣловала ея руку и скрѣпя сердце пошла. На половинѣ дороги ее встрѣтилъ докторъ.

— Не ходите! не ходите дальше, графиня! Корчи заразительны.

— Для слабыхъ нервовъ. Мои крѣпки, докторъ! возразила она съ твердостью и вошла въ комнату, гдѣ лежалъ Эгонъ.

Глаза ея отуманились; нервическая дрожь пробѣжала по членамъ, но она укрѣпилась, сѣла недалеко отъ изголовья постели и хладнокровно смотрѣла на дѣйствія врача и слугъ. Когда пароксизмъ кончился, Эгонъ впалъ въ забытье, которое обыкновенно продолжалось нѣсколько дней.

Черезъ полтора часа, когда Эгонъ успокоился, Рената воротилась къ тѣщѣ.

— Не слишкомъ ли много ты полагаешься на свои силы, милое дитя мое? заботливо сказала та, обнимая ее.

— Не думаю, милая маменька, возразила Рената: лучше же мнѣ видѣть это во собственнѣйшей волѣ, нежели быть принужденною печально. Теперь сила перваго впечатлѣнія побѣждена.

На третій день послѣ этого графиня Адлеркронъ уѣхала, а вскорѣ потомъ и герцога фонъ-Верденъ.

Графиня Доббенскъ была такъ удивительно добра и такъ привыкла въ жизни къ пожертвованіямъ, что эгоизмъ старости вовсе не могъ утвердиться въ ней. Всѣ обыкновенныя требованія и притязанія, которыя дѣлаютъ стариковъ притѣснителями молодаго поколѣнія въ семейномъ кругу, были ей совершенно чужды. Она всячески старалась поставить Ренату на первомъ мѣстѣ и хотѣла исчезнуть вездѣ, гдѣ прежде сама властвовала; такъ, чтобы предоста-вить молодой своей наследницѣ полную свободу привыкнуть и къ новому положенію и къ мысли о своемъ значеніи. Она только поддерживала и поощряла ее милою улыбкой и ласковымъ словомъ или кроткимъ и радушнымъ со-вѣтомъ, и Рената полюбила ее отъ всей души. Невозможно представить себѣ отношенія прекраснѣе того, какое существовало между этими двумя женщинами, которыя состязались другъ съ другомъ въ изъявленіи любви и уваженія и никогда не впадали въ приторную крайность, потому что всѣ дѣйствія ихъ происходили изъ глубины истиннаго чув-ства.

Зима прошла несравненно скорѣе и легче нежели Рената ожидала. Графиня Доббенскъ поручила ей все управленіе имѣніемъ, научала и объясняла, такъ, что занятій оказа-лось очень много. Кромѣ-того она такъ высоко цѣнила дальнѣйшее усовершенствованіе Ренаты въ музыкѣ, что у той почти не ставало времени въ непрерывной смѣнѣ тру-довъ по хозяйству и пріятныхъ отдохновеній за искус-ствомъ.

— Это счастливѣйшій годъ моей жизни! говорила Рената лѣтомъ, когда ей минуло семнадцать лѣтъ.

— Дай Богъ, чтобы и всѣ слѣдующіе были подобны ему! отвѣчала тронутая тѣща, цѣлуд ея.

Но вышло не такъ. Ренату постигъ самый чувствительный ударъ, и еще до совершеннаго минованія «счастливаго года ея жизни». Воспаленіе въ груди втеченіи трехъ дней свело графиню Доббенецъ въ могилу. Безпредѣльная скорбь господствовала во всемъ кругу, который она оживляла и которымъ управляла болѣе сорока лѣтъ съ примѣрною заботливостью и любовью. Рената овѣмѣла отъ горести. Теперь только она начала вполнѣ понимать черную сторону своего положенія, теперь только она увидѣла свое ужасное уединеніе и ощутила въ сердцѣ пустоту, которой нечѣмъ было наполнить.

Съ минутою казалось какъ-будто сильное потрясеніе приподняло завѣсу тяготѣвшую на душѣ Эгона. Въ мысляхъ его стала обнаруживаться связь. Потеря такъ поразила его, что онъ по-крайней-мѣрѣ временно постигалъ ея цѣну.

— Теперь никто уже не станетъ любить меня! сказалъ онъ, когда стоялъ съ сестрою и Ренатою у гроба матери.

— И меня тоже! сказала Рената съ глухимъ отчаяніемъ, склонившись надъ милымъ прахомъ.

— Милые! Рената! Эгонъ! воскликнула госпожа фонъ-Верденъ со слезами: а меня вы развѣ ни за что не считаете?

— Да, ты добра, Шарлотта, возразилъ Эгонъ: ты меня любишь, я знаю. Но ты любишь своего мужа еще больше, а Адольфину еще больше.... столько же, сколько маменька любила меня. Я это знаю. Ты не можешь остаться здѣсь управлять домою и смотрѣть за мною, когда я боленъ.... кто же это теперь будетъ дѣлать?

— Я, милый Эгонъ! возразила Рената, изумившись правильности его порядка мыслей: единственное утѣшеніе мое то, что я теперь могу быть полезна тебѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ онъ со слезами на глазахъ: ты хочешь остаться у меня, Рената, покуда я живъ? Ты не оставишь меня? не умрешь?

— Я останусь у тебя, Эгонъ, отвѣчала Рената, положивъ руку на грудь покойницы: я никогда не оставлю тебя; я,

если Богу угодно будетъ, современемъ закрою и твои глаза; я буду любить тебя какъ твоя мать любила меня!

— О, мой ангелъ! вскричалъ Эгонъ съ одушевленіемъ, и лучъ сознанія просіялъ въ его глазахъ.

Но бѣдное тѣло не вынесло напряженія духа, нервы пострадали отъ сильнаго потрясенія. Эгонъ уналъ безъ чувствъ. Когда онъ черезъ нѣсколько дней очнулся отъ летарціи, мать была уже въ могилѣ; сестра воротилась къ мужу и дѣтямъ; Рената осталась одна, совершенно одна въ Эбернахѣ. Эгонъ сдѣлался слабоумнѣе чѣмъ былъ когда-либо.

=

ПОЛЬСКАЯ и ТУРЕННАЯ ВОЙНЫ,

ВЪ ЦАРСТВОВАНІИ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ.

=

Послѣ севильскаго, вѣнскаго и монсегатскаго трактатовъ, спокойствіе можно было вообразить, надолго утвержденнымъ въ Европѣ. «Прагматическая Санкція» императора Карла Шестаго, преобладаніе Англіи на моряхъ и Голштинія съ шведскимъ наследствомъ—вопросы, тревожившіе европейскую дипломатію, были рѣшены. Но едва кончились одни, уже возникли другіе поводы раздора европейскихъ кабинетовъ. Они явились тамъ, гдѣ нельзя было ожидать ихъ—участь Польши сдѣлалась причиною обширной европейской войны.

Взаимная дружба Австріи, Пруссіи и Россіи казалась прочною. Отказъ прусскому принцу въ супружествѣ съ принцессою Анною не сопровождался ни какими неудовольствиями. Какъ-будто подтверждая преданность свою, король прусскій прислалъ двадцать тысячъ ружей для русской гвардіи, и нѣсколько офицеровъ прусскихъ въ учреждавшійся тогда въ Петербургѣ кадетскій корпусъ. Его отдарилъ сотнею великоросскихъ Малороссіянъ для его гвардіи. Лятя Вирону, король подарилъ ему комѣстье Бугень въ Пруссіи. Когда вознигла несчастная ссора между королемъ прусскимъ и его владѣльцемъ, будущимъ ге-

сія обязались «все прежнія учрежденія, вольности, преимуществъ и права Польши поддерживать», и немедленно начать совѣты о томъ, «дабы на польскій престолъ таковой *сукцессоръ* возведенъ былъ, который польской вольности и сосѣдству опасенъ не былъ». Трактатъ подтвержденъ императрицею Анною сентября тридцатаго 1730 года. Договоромъ 1732 года, заключеннымъ въ Берлинѣ, опредѣлено при замѣшательствѣ въ выборахъ короля придвинуть къ границамъ Польши двадцать тысячъ русскаго, и двѣнадцать батальоновъ и двадцать эскадроновъ прусскаго войска. Курляндія обѣщана прусскому принцу Августу Вильгельму. Избраніе кандидата останавливалось на португальскомъ принцѣ Эммануилѣ, прѣзжавшемъ въ Москву въ 1730 году, и лично известномъ императрицѣ Аннѣ.

Король Августъ не могъ не знать о тайныхъ совѣщаніяхъ сосѣдей, и рѣшился самъ ѣхать въ Польшу и предупредить замыслы ихъ, предложивъ избраніе сына. Онъ готовъ былъ даже отказаться отъ избранія его, если Польша согласится на измѣненія конституціи. Но тщетно думалъ король Августъ убѣдить хотя на нѣкоторыя перемѣны несчастной формы правленія, отъгнувъ пагубной свободы голосовъ, утвержденіе болѣе прочной власти королевской, и прекращеніе неуверенныхъ гоненій за вѣру. Принимая Польшу и другіе вельможи вопіяли, просили защиты въ Петербургѣ и Вѣнѣ, называя требованія короля Августа незаконными покушеніями на польскую свободу, и сами дѣлали предлогъ усилить въ Польшѣ преобладаніе Австріи и Россіи. Огорчаемый противорѣчіями и смятеніями поляковъ, король Августъ умеръ въ Варшавѣ, февраля перваго 1733 года — Геркулесъ тѣлесною силою, Пигмей умомъ и дѣлами. Съ Иоанномъ Собіескимъ кончилась воинская слава Польши — съ Августомъ Вторымъ кончилось ея самобытное политическое существованіе.

Смерть короля Августа привела въ движеніе европейскихъ дипломатовъ, и расшевелила все страсти поляковъ. Въ Варшаву явились агенты курфюрста Фридриха Августа, сына умершаго короля, и послы Станислава Лещинскаго. Восстающая, бѣдная жертва воли другихъ, Станиславъ КРАКОВСКИЙ по характеру, умѣренный въ желаніяхъ, силосоу

по образованію, не могъ отказать зятю своему, и Людовикъ Пятнадцатый предъявлялъ права Станислава на польскій престолъ. Дѣятельнымъ сподвижникомъ Станиславъ являлся другъ его, воевода мазовецкій, Станиславъ Понатовскій, нѣкогда сопутникъ Карла Двѣнадцатаго въ Россію и въ Турцію, спасшій его въ битвѣ подъ Полтавою и въ Стральзундѣ, и по смерти Карла Двѣнадцатаго, когда волненія утихли, мирно жившій въ Польшѣ. Опытный въ дипломатической интригѣ, подкрѣпляемый голосомъ Чарторижскихъ, на сестрѣ которыхъ былъ женатъ, Понатовскій надѣялся, что извѣстность Станислава, любовь къ нему Поляковъ, и помощь Франціи, дадутъ средства превозмочь интриги другихъ дипломатовъ, буйные вопли противниковъ, и подкупленные голоса. Безразсудное усердіе Понатовскаго навлекло только на Польшу разорительную войну. Сила рѣшила то, что начала политика.

Несмотря на согласіе избрать принца Эммануила, и равнонѣрное несогласіе Австріи, Пруссіи и Польши на выборъ сына Августа, вскорѣ общимъ мнѣніемъ всѣхъ трехъ державъ Эммануилъ былъ устраненъ, и согласіе ихъ получилъ Фридрихъ Августъ, по кончинѣ отца наследовавшій Саксонію. Россію безпокоили справедливыя опасенія, что Эммануилъ будетъ орудіемъ Австріи. Храбрый, ловкій въ обращеніи, но ничтожный и непостоянный по характеру, съ 1719 года вступилъ онъ въ австрійскую службу, надѣялся быть русскимъ императоромъ, и возвратясь безъ успѣха изъ Москвы, при началѣ царствованія Анны, онъ жилъ въ Вѣнѣ, обремененный долгами, и готовый быть польскимъ королемъ, если только позволятъ, или укрыться въ монастырской келліи (дѣйствительно, впоследствии, наскуча свѣтомъ, онъ удалился въ монастырь, и умеръ доминиканскимъ монахомъ). Нѣсколько времени императрица Анна колебалась, думая, не лучше ли согласиться ей на утверженіе Станислава, котораго сильно поддерживалъ Минихъ. Соображеніе другихъ выгодъ и голосъ Бирона рѣшили дѣло въ пользу курфюрста Саксонскаго.

Недостатки Августа Второго выкупались, по крайней мѣрѣ, блестящими качествами, храбростью въ битвахъ,

любовью къ искусствамъ и наукѣ, но сынъ его не имѣлъ даже и этихъ преимуществъ. Великорослый, какъ отецъ его, дожившій почти до сорока лѣтъ въ праздности и бездѣйствіи (онъ родился въ 1696 году), Фридрихъ былъ толстъ, неуклюжъ, лѣнивъ, нерѣшителенъ, подчиненъ волѣ другихъ. Неспособный ни къ войнѣ, ни къ государственнымъ занятіямъ, онъ любилъ искусства по привычкѣ, роскошь по навыку, и ввѣрился во всемъ хитрому и корыстолюбивому министру, графу Брюлю, потому что одна только страсть была у него, гдѣ онъ являлся еще самобытнѣйшею—охота. Брюль, надѣявшійся обогатиться въ Польшѣ, и честолюбивая супруга Курфирста (дочь императора Иосифа Перваго) уговорили Фридриха предъявить права на престолъ польскій. Императора Карла Шестаго легко уговорили на согласіе отреченіемъ супруги Фридриха отъ правъ на австрійскій престолъ (вѣнскій трактатъ шестнадцатаго іюля 1733 года). Россіи предложено согласіе Фридриха на совершенное подчиненіе дѣлъ Польши волѣ Императрицы, и отдачу Курляндіи Бирону, съ наследственнымъ титуломъ владѣтельнаго герцога.

Уже до того возрасло въ то время честолюбіе любимца императрицы Анны. Недовольный почестями въ Россіи, человекъ за нѣсколько лѣтъ не допущенный въ сословіе курляндскаго дворянства, хотѣлъ быть властителемъ Курляндіи. Мысль, казавшаяся несбыточною при Меншиковѣ, являлась неудобносполнимою и теперь, хотя Курляндцы совершенно измѣнили свои прежнія отношенія къ Бирону, и еще въ 1730 году признали его дворяниномъ курляндскимъ. Предложеніе Фридриха осуществляло горделивую мечту временщика. Императрица Анна согласилась на желаніе любимца, когда ее увѣрили, что характеръ Фридриха, жадность Брюля и постановленія польскія совершенно обезопасятъ Россію съ восшествіемъ курфирста на престолъ польскій.

Въ іюлѣ 1733 года заключенъ былъ съ Фридрихомъ договоръ, которымъ Россія не только соглашалась на его выборъ, но и обѣщала ему пособіе войскомъ. За то Фридрихъ отказывался отъ всякихъ требованій на Лифляндію, признавалъ императорскій титулъ Россіи, и отдавалъ Кур-

ледию Бироу. Оставалось убѣдить короля прусскаго на послѣднее изъ упомянутыхъ условій. Оскорбленній тѣмъ, что Курляндію отнимали у его сына, онъ угрожалъ союзомъ съ Франціею, потому что Людовикъ Пятнадцатый хотѣлъ не только подкрѣпить избраніе Станислава войскомъ, но грозилъ объявленіемъ войны Австріи, если она не согласится на избраніе Станислава. Полагая правдою политику: «чего не сдѣлалъ сегодня, то усилѣшь сдѣлать завтра», Остерманъ убѣждалъ Императрицу не смиряться короля Прусскаго, и не думать объ угрозахъ Людовика Пятнадцатаго, предоставляя ему сражаться съ императоромъ. Русское войско двинулось къ границамъ польскихъ, когда въ Варшавѣ приступали къ выборамъ.

Несмотря на согласіе примаса (князь Федора Потоцкаго), стараніе Поцатовскаго, адміраля Чарторижскихъ, и общій голосъ за Станислава, партія Фридриха явилась единою, родясь тѣмъ, что на вся готовую заступиться императрица и Россія. Мая двадцать-третьяго открылся сеймъ для назначенія кандидатовъ. Изъ иностранцевъ предложили дона Эммануэля, принца Фердинанда баварскаго, Фридриха курфюрста саксонскаго, и англійскаго прынца, Эрцгерцога цоль императора канцлера Сенъ-Жоржа. За Станислава не было сказано, но Понятовскій умѣлъ привлечь умы всѣхъ къ одной цѣли. Положили отвергнуть иностранныхъ кандидатовъ, утвердили присягою избраніе природнаго Поляка, устраненіе всякаго вліянія иностранцевъ. Бурный избирательный сеймъ собрался въ августѣ въ сядѣ. Великій канцлеръ литовскій, Михайлъ Вишневецкій, обвиненный въ призваніи русскихъ войскъ въ Польшу, епископъ познанскій, Малаховскій, и другіе, отказавшись отъ выборовъ и удалились въ Прагу. Безъ нихъ приступили къ избранію и единодушно выбрали Станислава, тѣмъ болѣе, что сопровождаемый французскимъ полкомъ Людево, онъ неожиданно явился въ Варшавѣ, двенадцатаго сентября.

Съ грустью оставя свое мирное убѣжище, замокъ Шамборъ, переодѣтый пробрался Станиславъ черезъ Германію, гдѣ вердѣ по дорогамъ ждали его посланники императора. Вишневецкій являлся оспаривать престолательскій мечъ

бору. Отъ ссоры перешли къ саблямъ. Паны рубились на сеймѣ, тогда черни бросилась къ домамъ, запертымъ въ Варшавѣ послани саксонскимъ и русскимъ. Прорезали даже пушки, разбили ворота обѣихъ посольскихъ жилищъ, и бодле сорока человекъ убито и ранено съ обѣихъ сторонъ. Вишневецкій, староста сандомирскій, епископы краковскій, принуждены были снова оставить Варшаву, бѣжали вмѣстѣ съ русскимъ посломъ, въ Прагу, не могли удержаться здѣсь, и удалились въ Венгровъ, ожидая прибытія русскихъ войскъ. Приверженцы Станислава торжественно вѣдали. Шумныя конфедерации, или сборы войскъ начались повсюду. Послѣдностію движенія Русскихъ предупредилась начинавшаяся волненіе.

Войско русское собралось въ Ригѣ, подъ начальствомъ генерала Ласси (три полка драгунскихъ и одиннадцать пѣхотныхъ, съ двадцатью-пятью орудіями), и въ Смоленскѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Загряжскаго (осемь драгунскихъ, семь пѣхотныхъ полковъ, съ двадцатью-тремя орудіями, и десятью тысячами казаковъ). Всего было до двадцати шести тысячъ человекъ. Августа девятнадцатаго Ласси находился въ Ковно, двадцати-седьмаго къ Гродно, сентября двадцатаго занялъ Прагу. Войско польское, не составившее даже двадцати тысячъ, и не готовое и тогда конфедератовъ не могли противиться. Полюбче тому, какъ въ 1705 году, немедленно по избраніи Станислава принужденъ былъ оставить Варшаву. Онъ удалился къ Данцигу, съ французскимъ посломъ, маркизомъ Монти, принцемъ Потоцкимъ, Попятовскимъ, и множествомъ другихъ приверженцевъ. Послѣ небольшой перестрѣлки Ласси занялъ Варшаву, куда Загряжскій пришелъ октября двадцати-девятаго. Еще до того времени и боду Станислава былъ торжественно уничтоженъ. Вишневецкій и его сообщники собрались въ Каменѣ, гдѣ къ нимъ избранъ былъ Генрихъ Валов, открыли сеймъ, подъ председательствомъ Адама Цячковского, и бывши тотчасъ въ числѣ пятнадцати сенаторовъ и шести сотъ дворянъ, избрали Фридриха. Онъ объявилъ разные выгоды, побуждалъ ихъ, разбивать дробью, призналъ католическую вѣру, двадцатаго ноября присягнулъ на вѣрность королю,

обѣщала сохранять прежнія вольности и древнія постановленія Польши, и подъ именемъ Августа Третьяго былъ коронованъ въ Краковѣ.

Польша изволивалась всеобщить мятежнѣе. Всюду собирались конфедераціи, одни въ защиту Станислава, другіе въ защиту Августа, такъ, что Августъ не смѣлъ явиться въ Варшавѣ. Русскіе были отрѣзаны отъ границы вооруженными толпами конфедератовъ. Въ Данцигѣ собралось сильное войско станиславовыхъ приверженцевъ, съ весною ждали туда флотъ и войско французское. Данцигъ упорно стоялъ за Станислава, и не шелъ ни на какия предложенія. Еще неожиданнѣе было начало войны между Франціею и Австріею, рѣшительное и послѣднее, чего нельзя было ожидать отъ безпечнаго Людовика Пятнадцатаго и кроткаго министра его, кардинала Флѣри. Испанія и Сардинія соединились съ Франціею. Англія и Голландія отrekliсь отъ вмѣшательства въ дѣло, и Пруссія колебалась рѣшеніемъ; опасались даже, что она соединится съ Франціею. Императоръ успѣлъ убѣдить короля прусскаго на миръ обѣщаніемъ уступить ему Юлихъ и Бергъ. Занятіе Французами Келя, имперской крѣпости, оскорбило имперію. Король прусскій принужденъ былъ отправить къ императору свой участокъ войскъ. Въ Германіи только Баварія сохранила нейтралитетъ въ начинавшейся войнѣ. Французы вступили въ Италію и заняли Миланъ (декабри двадцать-девятого). Императоръ, не готовый на войну, просилъ помощи Императрицы россійской. Кажется, война будетъ всеобщая и упорная.

Императрица полагала, что прежде всего надобно уничтожить Станислава. Велѣно было Ласси немедленно осадить Данцигъ. Затрудняясь продовольствіемъ и движеніемъ войскъ между конфедератами, онъ дѣйствовалъ медленно, и требовалъ пособія войсками, потому что въ Данцигѣ находилось до пятнадцати тысячъ защитниковъ; городъ былъ укрѣпленъ, имѣлъ большіе запасы, свободное сообщеніе по морю, и ожидалъ прибытія французскаго войска. Съ шестнадцатью тысячами войска, и только шестью пушками, двелся Ласси передъ Данцигомъ въ чернѣе числомъ осадилъ, и началъ осторожную блокаду, когда

предложеніе сдачи было горделиво отвергнуто вразительствомъ Дидвига. Недовольные дѣйствіями Ласси, принуждены были обратиться къ Миниху, и ему поручить окончаніе польской войны.

Отношенія Миниха при дворѣ тогда измѣнились. Вѣсто дружбы, между нимъ и Бирономъ началась неприязнь. Причиной была тщеславіе и гордость Миниха. Едва успѣлъ онъ овладѣть довѣренностью временщика, какъ не скрывалъ уже болѣе своего къ нему презрѣнія. Остерманъ успѣлъ воспользоваться неосторожностью соперника, переманивъ Бирону насмѣшливыя отозванія Миниха, и невнимательный въ интриги, Биронъ возненавидѣлъ гордаго фельдмаршала. Старались очернить Миниха передъ Императрицею. Средствъ къ тому было много. Отсюда слышала она на него безпрерывныя жалобы, даже вся нѣмецкая дворская партія возстала на Миниха, когда онъ уравнилъ жалованье нѣмецкихъ офицеровъ съ русскими. До-тѣхъ-поръ, Нѣмцы, прѣбывавшіе въ русскую службу изъ-за границы, получали вдвое болѣе жалованья, противъ Русскихъ, и не уравнивались даже съ урожденцами остъ-зейскихъ областей, получавшихъ гораздо менѣе. Многихъ оскорбило уничтоженіе чина гвардейскихъ капитанъ-поручиковъ, и переводъ всѣхъ имѣвшихъ этотъ чинъ въ армейскіе полки. Не менѣе возбуждала жалобъ, строгость Миниха по должности петербургскаго полиціймейстера. Минихъ не внималъ ничему, увѣренный въ довѣренности къ нему императрицы, и въ томъ, что онъ необходимъ въ Россіи. Когда началось въ кабинетѣ разсужденіе о польскомъ дѣлѣ, Минихъ стоялъ за Лещинскаго; осуждалъ требованіе Бирону Курляндіи, чѣмъ оскорбляется Пруссія, и говорилъ, что вмѣсто внимательства въ дѣла Польши, гораздо лучше Россіи воспользоваться неудачною войною султана съ Персіею, прекратить набѣги Крымскихъ Татаръ и отнять Азовъ. «Можемъ возстановить на султана всѣ христіанскіе народы Греціи, и даже угрожать Царьграду, перейдя за Дунай», говорилъ Минихъ. Естественное положеніе Россіи есть положеніе государства военнаго. Только силою военною Россія можетъ властвовать въ Европѣ». Императрица не согласилась съ Минихомъ. Онъ оскорбился, пере-

сталь воевать въ казачьей, а еще больше быть воева-
 лемъ, когда испарившася изъ Ласки и дружины казаковъ,
 послъ русскими войсками въ Польши. Дѣйствительно произо-
 шель враги Миниха его неумѣстною дерзостью. Ста-
 ршебъ уловить его еще больше отъ Императрицы, промыш-
 лелъ отъѣзъ домой; возмешенный имъ полкъ Замыска Дворца,
 пришедъ Антону Ульриху, а Миниха перелесеть въ казенный
 домъ на Васильевскомъ Островѣ, возмешеный у Остермана.
 Минихъ узнавъ опасность, оцѣнилъ, старея обид-
 заться съ Карономъ, и при первомъ промашкѣ съ ро-
 дествомъ, возмешенъ принять начальство надъ войско-
 мъ въ Польши. Отъ нагласа воевать, рожину послъ,
 чинъ и Ласки, когда враги его думали употребить въ свою
 пользу его дерзость, и довершить гибель его.

Минихъ воевалъ подъ Данингъ марта пятаро; съ нѣско-
 ко воевалъ, оудить всѣ распоряженія Ласки, покуда въ че-
 казачье отъѣзъ гораль, воевалъ, воевалъ осалу, и на-
 гласъ нѣтъ на преступъ. Ему представляли нелѣпное
 воевалъ, артилерии, припасовъ, невозможность воевалъ
 рудъ, нѣтъ не будутъ отъѣзъ селѣнне моремъ, и вое-
 вать отъ дѣлѣ селѣнне, которыхъ воевалъ дѣлѣ
 сати тысячъ въ разныхъ мѣстахъ Польши, когда воевалъ
 бѣго, что французскій флотъ уже шелъ къ Данингъ, Ми-
 чинъ воевалъ, что быстрота предупредить воевалъ
 Французовъ, а сибильный ударъ воевалъ канонератова;
 прислать Императрицу послѣнне воевалъ русскаго флота,
 нѣтъ Кроуццата, и воевалъ Августо Третьяго, воевалъ
 воевалъ прислать савсонскихъ воевалъ и воевалъ артиле-
 рий; отъѣзъ Ласки охранять осалу Данинга отъ воевалъ
 воевалъ канонератова, и генералу Люберасу, воевалъ воевалъ
 воевалъ русскими войсками въ Варшавѣ, воевалъ воевалъ
 нѣтъ отъѣзъ къ Данингъ, оставя въ польской столицѣ воевалъ
 воевалъ отъѣзъ. Между тѣмъ дѣлѣ воевалъ воевалъ
 воевалъ.

Данингъ воевалъ на берегу Вислы, въ нѣско воевалъ
 воевалъ отъ береговъ Балтійскаго Мора. Укрѣпленія его воевалъ
 воевалъ воевалъ воевалъ, и были воевалъ отъ
 воевалъ, съ воевалъ и воевалъ воевалъ, гдѣ воевалъ
 воевалъ воевалъ воевалъ воевалъ, и воевалъ воевалъ

шлись еще двумя водными реками. Выступы, съ запада владѣнія городомъ, были укрѣждены кронверкомъ, отъ Гюггенсберга до Бишофсберга. Сообщеніе съ моремъ прикры- вать рѣдъ укрѣпленій по правому берегу Вислы, до кру- цости Вейхсольмюнде при устьѣ рѣки, закрытой съ дѣ- лаго берега дюнами Вестеръ-шанць.

Минихъ приступомъ взялъ нѣсколько укрѣпленій на Вислѣ, занялъ Эльбингъ, перевезъ оттуда къ Данигу ар- тиллерію, и повелъ работы противъ кронверка. Мартъ двенадцатаго прекратили сообщеніе Данига съ Вейх- селмюнде и Вестеръ-шанцомъ, устроивъ батарею на Вис- слѣ. Генераль-лейтенантъ Загряжскій разбилъ отряды канцлератовъ, подошедшіе къ Данигу, а двятаго апрѣля Ласси разогналъ осьми тысячный отрядъ ихъ, шедшій изъ Торуня Русскіхъ было въ сраженіи не болѣе двухъ ты- сячь, и вся потеря ихъ состояла въ одномъ убитомъ и че- тырнадцати раненыхъ солдатахъ. Въ началѣ апрѣля де- ставили осадную артиллерію; ее провели черезъ Пруссію изъ открытыхъ моровогахъ, называя ихъ экипажами принца Саксонъ-Вейсесфельдскаго. Король прусскій не велѣлъ оза- тривать таннственныкъ дорожекъ. Апрѣля девятнадца- таго началось бомбардированіе Данига. Пожары запыла- ли въ городѣ. Ночью на двадцать-пятое, Русскіе овладѣли сильнѣйшъ укрѣпленіемъ на Вислѣ, Зоммеръ-шанцомъ. Апрѣля двенадцатаго, ночью, Минихъ рѣшился взять приступомъ кронверкъ, на высотахъ между Гагемсбергомъ и Бишофсбергомъ. Въ полночь, когда сдѣланы были фальши- выя выходы на самый городъ, три тысячи человекъ, подъ предводительствомъ генераль-лейтенанта Барятинскаго, и генераль-майора Бирона, устремились на кронверкъ; пяти- тысячный резервъ подкрѣплялъ атаку. Схватка была же- стокая. Русскіе перешли рожъ и взобрались на валъ. По- чисностию, почти всѣ начальники русскіхъ колоннъ были убиты, и недавніе приниши въ безпорядокъ. Минихъ велѣлъ отступать. Солдаты не слушались и не шли съ ва- ла, гдѣ непріятель порожалъ ихъ губительнымъ огнемъ. Сами Ласси явился среди волатъ, и самъ убивалъ ихъ въ отступающую. Русскіе потеряли до орыи еоть человекъ убитыми, до полсотори тысячъ ранеными. Неудача раз-

дражва Миниха. Строго подтвердилъ онъ Люберасу извѣстить присылкою войскъ изъ Варшавы, угрожая за медленность военнымъ судомъ, и снова прося короля Августа не медлить походомъ Саксонцевъ. Въ началѣ мая явилась небольшая французская эскадра, подъ начальствомъ капитана Барали; она высадилась въ Вейхсельмюнде тысячу пятьсотъ человекъ французскихъ войскъ — бѣдную помощь Людовика Пятнадцатаго послѣ громкихъ посоловъ. Приведенные въ уныніе, стѣсненные упорною осадю, предвидя неизбежное, несчастное окончаніе ея, правители Данцига требовали остановки осады для начатія переговоровъ. Минихъ согласился, но предложилъ условія тяжелыя: безусловную покорность, и выдачу короля Станислава, примака, французскаго посла, и всѣхъ бывшихъ при Станиславѣ Поляковъ. Просили снисхожденія. Высто отиѣта, Минихъ усилилъ осаду. Между-тѣмъ явились остальные французскія войска. Число всѣхъ простиралось до двухъ тысячъ пяти сотъ, и состояло изъ трехъ полковъ, подъ предводительствомъ бригадира ла-Мотта-де-ла-Перуза. Французы заняли островокъ Лаплаттъ въ устьѣ Вислы. Къ Русскимъ пришли Саксонцы, до шести тысячъ человекъ, подъ предводительствомъ герцога Саксен-Вейсфельдскаго. Ла-Моттъ видѣлъ невозможность избавить отъ осады Данцигъ, и не хотѣлъ бесполезно губить войска, но молодой, храбрый графъ Шелло, полковникъ Брегави подка, французскій посолъ при датскомъ дворѣ, входившійся при войскѣ, хотѣлъ сражаться съ русскими *свекрами*. «Вамъ хоро по говорить такъ въ вашемъ кабинетѣ!» отвѣчалъ ему ла-Моттъ. «Я докажу вамъ, что такое умѣю владѣть шпагою, какъ перомъ!» вскричалъ Шелло, взялъ на себя всю отвѣтственность, и мая одиннадцатаго *въ первый разъ* Французы сразились съ Русскими. Мужественно вѣдали они изъ Вейхсельмюнде, и смѣло напали на русскія укрѣпленія, когда изъ города сдѣлана была въ то же время вылазка. Поручивъ отбить данцигскую вылазку генералъ-майору Урусову, Минихъ самъ сталъ противъ Французовъ. Встрѣченные картечью, они принуждены были отступить, когда графъ Шелло, предводившій атакою, былъ убитъ. Потеря Французовъ простиралась до

ста шестидесяти человекъ. Русскіе потеряли тридцать шесть человекъ. Юня перваго явился русскій флотъ, состоявшій изъ шестнадцати линейныхъ кораблей, шести фрегатовъ, и семи другихъ судовъ. При его приближеніи Французская эскадра удалилась восвояси, не думая спасать остатковъ французскихъ войскъ. Минихъ началъ бомбардировать съ сухаго пути и съ моря Вейхсельмюнде и островокъ Лаплаттъ, и принудилъ Французовъ согласиться на капитуляцію. Положено, что ихъ перевезутъ, съ оружіемъ, на русскихъ корабляхъ, въ одну изъ балтійскихъ гаваней. Едва съли они на корабли, Минихъ объявилъ капитуляцію не дѣйствительною, и захватилъ французскій фрегатъ и два судна, пришедшія въ Данцигъ, съсылаясь на то, что французская эскадра, возвращаясь отъ Данцига, взяла на пути русскій фрегатъ и нѣсколько русскихъ судовъ. Французовъ объявили плѣнными, отобрали у нихъ оружіе, и отправили ихъ въ Кронштадтъ. Вейхсельмюнде сдася тринадцатаго мая. Данцигъ видѣлъ пошинуемую гибель, и тщетно испрашивалъ условій болѣе снисходительныхъ, угрожаемый приступомъ. Рѣшился жертвовать всѣмъ, и только спасти короля Станислава. Ночью на семнадцатое мая, переодѣтый въ крестьянское платье, и сопровождаемый однимъ вѣрнымъ слугою, со слезами простился онъ съ своими друзьями, и навсегда оставилъ драгоцѣнную сердцу его Польшу. «Благодарю васъ, говорилъ онъ въ письмѣ жителямъ Данцига: молю Бога о благоденствіи вашемъ, и горесть мою о разлукѣ съ вами утѣшаетъ только мысль, что мое удаленіе возвратитъ спокойствіе моей несчастной отчизнѣ». Надлежало пробраться сквозь русскій лагерь, и пробѣжать до границъ Пруссіи. Никто не замѣнилъ тайнѣ бѣглеца, хотя во многихъ мѣстахъ узнавали Станислава, и Минихъ обѣщалъ за поимку его большую награду. На границахъ Пруссіи Станиславъ встрѣченъ былъ съ почестью. Въ Берлинѣ приняли его, какъ короля, несмотря на представленія русскаго и австрійскаго пословъ. «Забываю въ немъ врага вашего, и чту несчаствіе добродѣтельнаго старца!» отвѣчалъ прусскій король.

Ни о какой пощадѣ и уступкѣ не хотѣлъ слышать Ми-

шить, узнавши, что Станиславъ вырвался изъ рукъ его. Онъ прервалъ переговоры, и усилилъ бомбардированіе. Въ прежніе требованія прибавилъ онъ тяжелую контрибуцію. Принуждены были на все согласиться, и двадцать-пять тысячъ юнкъ Данцигъ сдалъ. Минихъ потребовалъ милліонъ талеровъ за убытки, другой милліонъ за убытки Станислава, тридцать тысячъ червонцовъ за то, что въ время осады въ городѣ вонзали въ колодезь, вопреки обыкновенію, наблюдаемому въ осажденныхъ городахъ. Примазь, Понятовскій, и графъ Монти, были отправлены въ Торунь, подъ стражею, какъ пѣнныки, и напрасно просила Монти, генералъ, что въ лицѣ его нарушаются ея права короля, что Россия не водитъ съ Франціею, что даже въ случаѣ войны, онъ долженъ быть уваженъ, какъ король; вѣ что его оскорбляютъ, называя только *маршаль Монти*, и не послемъ, представителемъ Франціи. Минихъ даже не отвѣчалъ на его просьбу. «Я не являюсь и не дипломатъ, а солдатъ — пусть толкуютъ другіе!» вскричалъ онъ гнѣвно, когда осмѣлился представить ему в возвращеніяхъ Монти. Осада Данцига продолжалась еще тридцать пять дней, и стояла Русскимъ болѣе обширнѣе отъ сечи человекъ. Войскъ брошено было въ городъ до шестидесяти тысячъ, но они причинили мало вреда по недостатку пороха и снарядовъ.

Валюсъ Голдски (какъ называли тогда Данцигъ) перешло тогда всю Россию, давно не слыханную в побѣдахъ къ которымъ приучалъ ее Петръ Великій. Тредьяковскій сохранилъ подвигъ Миниха плохую одою. При дворѣ была большая ссора въ главной аллеѣ Луврскго Сада, прерываемой драгоцѣннѣе завѣсомъ, съ колоннами изъ мрамора, тридцать ростовъ было угончано на серебрѣ и золото; ссора была болѣе трехъ сотъ, и вечеромъ въ саду отыскался сарай. Но некороче Гданска не выдалъ болѣе врандо болѣе по возвращеніи своемъ въ Невербургъ. Вѣ обидѣли въ трагѣ людей, неудачномъ преступѣ, упрямствѣ, обаяннѣе при задержаніи послѣ французскаго, что могла болѣе, Россію въ неспрѣтныя отношенія съ Франціею. Минихъ оправдывался въ трагѣ людей неосторожностью солдатовъ, потому что вѣдѣла Дан-

дого рывалась война въ Польшу. Эдлерманъ, воева, нарушившаго права свои участвовать въ военныя дѣятели, Россія имѣла полное право, говорили они, когда армія Шотта находилась послужитъ при Станиславѣ, возвращеніемъ Россію. Императрица оправдана Минихомъ, хотя имъ грѣхъ ему не было. Только король Августъ подарилъ великому маршалу за завоеваніе королевства пршану и тринадцать тысячъ брилліантовъ. На представленіи послужитъ про Глибскаго и голландскаго о задержаніи французскихъ войскъ, вопреки капитуляціи, и нарушеніи правъ посла въ особѣ Шотта, Остерманъ отвѣчалъ объявленіемъ; стало слышнымъ, что вѣсто возраженій Людовику Наткиданъ гій велѣлъ немедленно возвратитъ русскій орденъ и другія суда, и прислалъ въ Петербургъ дипломатическаго агента, Дестана (d'Estang), препоручилъ ему дружески поучить недоразумѣнія. Главнымъ Французамъ оказаны были всевозможныя пособія. Пись отвели споконика Квиртиры въ Парвъ. Французскіе офицеры даже изумлены въ живности съверныхъ варваровъ, когда ихъ и ла-Моттъ пригласили на придворный балъ, отпачившійся великодушнымъ, и были въ восторгѣ отъ любезности дамъ и ловкости ихъ въ танцахъ. Императрица приказала фреліанамъ возвратитъ пѣвнымъ шпаги, и сама ласково сказала ла-Мотту, что никогда не предполагая воевать съ Французами, она проситъ извинитъ ошибку, по которой она попала въ плѣнъ, и радуется, что можетъ теперь убавитъ, въ самомъ ли дѣлѣ Французы такъ любезны, какъ говорили объ нихъ. — «Государыня!» отвѣчалъ ла-Моттъ «мы были побѣждены вашими храбрыми войсками, а теперь сами бѣдны готовы признать побѣду надъ нашимъ сердцанамъ великодушной Монархціи и съверныхъ красавицъ!» Пѣвны были отпущены во Францію по прѣздѣ Дестана, но Шотти оставался въ плѣну до заключенія мира.

Минихъ не ошибался, говоря, что взятіемъ Данцига кончатся волненія Польши. Военныя дѣятели продолжались въ 1735 году, но не были важны, хотя число русскихъ войскъ усилено было въ Польшу до семидесяти тысячъ, кромѣ казаковъ. Войсками начальствовалъ Ласки, и съ нимъ были генералы принцъ Гессенъ-Голштернъ

скій, Кейтъ, Бисмаркъ (зять Бирона), Карлъ Биронъ, Мейнгофъ, Ринникъ, Барятинскій. Коннедсраты были повсюду разбиты и разсѣданы. Многие изъ нихъ потеряли оружіе и разошлись добровольно. Вашше другикъ было дѣло надъ Буссовицкѣмъ, гдѣ полковода Люблинскій собралъ до двадцати-пяти тысячъ войска, но бѣжалъ послѣ авангардной атакки, и распустилъ свою беспорядочную и худо вооруженную толпу. Король Августъ объявлялъ общее прощеніе, радостно принять былъ въ Варшавѣ и Данцигѣ, и на сеймѣ, надъ предсѣдательствомъ Венцеслава Ржевускаго, всѣ несогласія преданы забвенію. Августъ далъ обещаніе, что русскія и саксонскія войска немедленно будутъ выведены изъ Польши. Саксонцы дѣйствительно вышли безъ замедленія, но Русскіе оставались. За то Императрица простила Данцигу положенію контрибуціи, о чемъ униженно просили ее правители Данцига особенною депутациею.

Часть русскихъ войскъ, остававшихся въ Польгѣ, приблизилась къ силезскимъ границамъ, а другая сосредоточилась около Кракова. Здѣсь цѣлью была уже не Польша. Когда столь удачно оканчивались дѣла въ Польгѣ, въ Италиі и Германіи вели войну кровопролитную и нерѣшительную. Маршалъ Берланъ былъ убитъ, осаждая Филиприсбургъ, но преемникъ его, маршалъ Дасфельдъ, принудилъ крѣпость сдаться въ виду арміи, которою начальствовалъ семидесяти-двухъ-лѣтній принцъ Евгенийъ, и гдѣ находился король прусскій, и сынъ его Фридрихъ, въ первый разъ увидѣвшій здѣсь военный огонь. Юный принцъ былъ въ восторгѣ отъ смелости дѣреть, и въ отчаяніи отъ бездѣйствія Австрійцевъ. Еще хуже шли дѣла императора въ Италиі. Французы и союзники ихъ, предводимые маршалами Вилларомъ, Майльбуа, Коанин и Броліо, разбили австрійскихъ генераловъ Мерси и Кеннгсека, и овладѣли Неаполемъ и Сициліею. Донъ-Карлъ былъ коронованъ королемъ Обѣихъ Сицилій, какъ-будто союзники хотѣли показать, что они хотятъ завоеваній вѣчныхъ. При началѣ кампаніи 1735 года начальство надъ имперскими и австрійскими войсками на Рейнѣ опять ввѣрено было принцу Евгению. Король прусскій отказался отъ союза съ императоромъ, видя, что его только проводятъ обещаніями.

Онъ опять готовъ былъ соединиться съ Франціею. Императоръ возобновилъ настоятельное требованіе пособія отъ Императрицы, въ силу трактатовъ. Миниху можно принять начальство въ Польшѣ, оканчивать обезоруженіе коннедаторовъ, и вывести войскъ въ Россію, а Ласси съ отдѣльнымъ корпусомъ идти на соединеніе съ арміею императора. Медленность похода показывала, однако жъ, что Россія не охотно вступаетъ за своего союзника. Русскіе выступили изъ Конецполя въ іюнь 1735 года, и шли на Прагу и Моравію тремя отрядами, двадцать верстъ въ день, отдыхая черезъ каждыя два дня. Съ Ласси были Бахмедявъ, Кейтъ и Карлъ Биронъ. Въ Силезіи осматривалъ русскій корпусъ австрійскій фельдмаршалъ Видчекъ, и едва не поссорился за нарушеніе этикета. Обращался къ Кейту, онъ благодарилъ его за несправедность и порядокъ, называя при томъ Императрицу *Царицею*. Кейтъ отвѣчалъ учтиво, уверяя въ расположеніи Императрицы къ своему союзнику, *эриц-герцигу австрійскому*. Приведенные въ замѣшательство, австрійскіе генералы отправили въ Вѣну курьера узнать, какъ должно имъ титуловать русскую государыню. Титулъ императорскій былъ признанъ Россіи Англіею (1721 года), Пруссіею (1722), Швеціею (1723), Даніею (1732), Венеціею (1726), и употреблялся въ сношеніяхъ съ императоромъ, но не утвержденъ формально ни императоромъ, ни Турціею, ни Франціею, ни Испаніею, и — что всего страннѣе — Польшею, признавшею его послѣ всѣхъ другихъ государствъ (въ 1764 году). Забывая объ этикетѣ, Карлъ Шестой велѣлъ называть до времени царю русскую Императрицею. Русскіе солдаты удивляли Нѣмцовъ своею выправкою, бодростью и ловкостью. Весь корпусъ Ласси, около 14,000, собрался въ Пильзень, двадцатаго іюля достигъ Нюремберга, и шестнадцатаго августа присоединился къ австрійской арміи подъ Гейдельсбергомъ. До битвы не дошло. Искусными маневрами, Коалъи не допустилъ принца Евгенія переправиться черезъ Рейнъ. Въ Италиі все уже принадлежало Французамъ, кромѣ Мантуи, и въ Вѣнѣ шли переговоры. Октября третьяго 1735 года заключенъ былъ миръ, хотя основательныя споры танулись до 1739 года. Слѣдст-

нестъ войны, дичавшей въ Станислава, было отрече-
ніе его отъ польскаго престола, съ сохраненіемъ титула
короля польскаго, и утвержденіе Августа Третьяго на
польскомъ тронѣ. Ланчвицкій подписалъ трактатъ о томъ
со стороны Россіи, въ Вѣнѣ, въ мѣѣ іюльскѣ 1736 годъ.
Уступая воѣ завоеванія, Людовикъ Пятнадцатый принялъ
Прагматическую Санкцію. Зато нареченный зтѣ
императора, Французскъ, герцога лотарингскій, переда-
валъ Станиславу герцогство Барское, а по кончинѣ великаго
герцога тосканскаго, получая Тоскану, уступая
Лотарингію, въ пожизненное владѣніе Станислава съ тѣмъ,
что по кончинѣ его Варъ и Лотарингія навсегда присоеди-
няются къ Франціи. За Донъ-Карлосомъ утверждена ко-
релевство Обвнхъ Сицилій. Императоръ получалъ Пару
и Піаченну, а Сардиніи дали небольшое возмездіе.
Станиславъ удалился въ свое герцогство, гдѣ сдѣлывалъ
остатокъ жизни благотвореніемъ и тишию занятиемъ му-
зами, забывал бурное поприще прежней жизни. Онъ де-
жилъ до ровныхъ ѣдствій Польши, и какъ-будто судь-
бою заглаживалъ ему за долговременный отдаленъ мучи-
тельною смертію; Станиславъ обгорѣлъ въ каминѣ, по-
скользнувшись въ него печально, и не имѣя силъ встать
отъ драхлости. Онъ скончался въ 1766 году, оставилъ благо-
дарное воспоминаніе въ сердцахъ Польковъ и обяза-
тельствоваанныхъ имъ жителей Лотарингіи. Черезъ пяти-
десять лѣтъ потомъ польскіе вѣсны, проходя черезъ Ми-
сен, гдѣ погребенъ Станиславъ, читали благодарный и по-
клоненіемъ гробницу его.

Возведеніе на престолъ польскій короля Августа, и учас-
тіе въ окончаніи войны императора съ Франціею, какъ-
будто оживилъ воинскій духъ русскаго правительства, до-
толѣ помышлявшаго только о мирѣ. Вопросы ивнью Ми-
ниха, война съ Турціею была отлагается съ году на годъ,
какъ ни удобно казалось начать ее, когда Надиръ-Шанъ
громилъ Турцію въ Азін, а императоръ готовъ былъ по-
крѣпить Русскихъ, въ силу договоровъ. Въ 1732 году Ко-
ту велѣно осмотрѣть украинскую границу и готовить армию
въ Малороссіи, но дѣло кончилось переговорами русскаго
посла, Неплюева и Вишнякова, въ Шарградѣ. Россіи

доставляла на хищники Крымцовъ и нападены Татаръ на Кардаганъ. Диванъ оправдывался, и не слушалъ внушеній Франціи, старавшейся увлечь султана въ войну съ Россією. Представляли вступленіе Русскихъ въ Польшу нарушеніемъ договоровъ, но султанъ не хотѣлъ вмешиваться въ польскія дѣла. Насрочно также возбуждали султана пророки: Станислава, и графъ Бонневаль, отважнѣйшій негоднѣй, человекъ знатнаго роду, искатель приключеній, бывшій изъ Франціи, и изъ Австріи, гдѣ дослужился до чина фельдмаршала-лейтенанта. Онъ явился въ Царьградъ, принялъ исламизмъ, получилъ чинъ пашы, и училъ Турковъ европейской тактикѣ. Война обещала Бонневалою и товарищамъ его похощеній много выгодъ.

Когда Русскіе пошли на Рейнъ, неожиданная рѣшительность описана была Императрицею въ отношеніи къ Турціи. Продолжая переговоры въ Царьградѣ, она велѣла генералу Вейсбаху, начальствовавшему въ Малороссіи, идти съ 20,000 войскъ въ Крымъ, и оружіемъ наказать дерзость Крымцовъ. Вейсбахъ получилъ повелѣніе, находясь въ дворахъ гроба (онъ умеръ въ августѣ). Мѣсто его приказано вступать генералъ-поручику графу Дугласу, но жестокая болѣзнь удержала его. Тогда поручили начальство генералъ-поручику Леонтьеву, бывшему въ немилости со времени похода его въ Митаву, но уцѣлѣвшему при переломѣ, по родству его съ Нарышкиными. Несмотря на приобщеніе осени, Леонтьевъ выступилъ съ войскомъ, болѣею частью конницы, и осью тысячами казаковъ, потому что ему поручено было только разорить Крымъ и обуздать ногайскія вочевья, пользуясь отсутствіемъ Хана крымскаго въ Дагестанъ. Вступивъ въ степи черноморскія, Леонтьевъ дѣйствовалъ удачно, жегъ и грабилъ Ногайцовъ, но окончаніе похода было бѣдственно. Огромный обозъ, недостатокъ корма лошадямъ, болѣзни въ безводной степи при наступленіи ранней осени, губили войско. У Каменнаго Затона ранній снѣгъ покрылъ поля, и Леонтьевъ рѣшился возвратиться въ Украину, не доходя до Крыма. Больше 9,000 человекъ Русскихъ погибло отъ недостатка и болѣзней.

Неудача похода не отвела у Императрицы желанія воз-

вать. Когда въ Царьградѣ съ удивленіемъ спрашивали у русскаго посла, что значитъ неожиданный походъ русскихъ войскъ, получено было письмо Остермана къ великому визирю, гдѣ излагая всѣ прежнія жалобы на Порту, онъ извѣщалъ, что не видя удовольворенія со стороны султана, Императрица принуждена защищать Россію и пользы ея оружіемъ, и потому русскія войска снова пойдутъ въ Крымъ, наказать крымскихъ хищниковъ.

Хотя войною съ Турками исполнялись желанія Миниха, однакожъ онъ сокрушался, видя начало военныхъ дѣйствій безъ него, и порадовался неудачѣ. Биронъ и Остерманъ допустили его до чести предводительствовать войскомъ русскимъ на Рейнѣ, и отдали начальство Ласси, который получилъ отъ короля Августа орденъ Бѣлаго Орла за дѣла въ Польшѣ, и портретъ императора, при пяти тысячахъ червонцевъ, за военную прогулку по Германіи. Миниху должно было между-тѣмъ укрощать ничтожныя смутенія въ Польшѣ, когда старому Вейсбаху, осыпанному почестіями (онъ получилъ титулъ графа отъ императора, и отъ Императрицы орденъ Святаго Андрея) препоручили походъ въ Крымъ, по смерти его отдали Дугласу, и даже пероми Леонтьеву, оставляя въ бездѣйствіи Миниха. Неудача Леонтьева, преданнаго строгому суду, принудила его обратиться къ фельдмаршалу. Надлежало защитить Малороссію отъ набѣга Крымцовъ, раздраженныхъ нападками Русскихъ, и приготовить средства для похода въ 1736 году. Надѣялись, что Ласси успѣетъ возвратиться къ открытію похода, и ему хотѣли передать все, что между-тѣмъ приготовить соперникъ его. Минихъ понялъ хитрость, и рѣшился перехитрить Остермана и его друзей. Онъ смиренно благодарилъ Императрицу за новое средство доказать усердіе на службу отечеству, и поспѣшилъ изъ Варшавы въ Малороссію.

Все закипѣло дѣятельностью и ожило надеждами на успѣхъ бытіи Миниха на мѣсто. Готовы войско и запасы, онъ собралъ двѣ арміи, одну расположилъ на Днѣпрѣ, близъ Черницынки, другую на Донцѣ, близъ Изюма, ограждалъ Малороссію отъ набѣговъ Татаръ, постигъ Воронежъ и Брянскъ, велѣлъ строить въ обоихъ мѣстахъ суды, и...

взять ихъ по Дону и Днѣпру. Кромѣ обыкновеннаго оружія и артиллеріи, Минихъ приготовилъ множество рогатокъ, каждую въ сажень длиною, и длинныхъ копій въ двѣ съ половиною сажени. Рогатки назначались для огражденія карреевъ, конья для бѣльшей защиты отъ напора Татаръ при ихъ бѣшеныхъ атакахъ. Вторая линія карреевъ должна была держать копья на плечахъ первой линіи, встрѣчавшей непріятеля огнемъ и штыками. Между-тѣмъ Минихъ располагалъ планъ похода. Армія отъ Изюма должна была идти къ Азову, осадить и взять его, когда другая армія спустится по Днѣпру и займетъ Крымъ. Планъ былъ одобренъ Императрицею, и не дожидаясь ни окончательнаго приказа, ни прибытія Ласен, Минихъ раннею весною спѣшилъ исполнить его.

Онъ явился въ войскѣ, близъ Изюма собранномъ, въ началѣ марта, и поспѣшно повелъ изъ него шесть полковъ драгунскихъ къ Азову. У крѣпости святой Анны (нынѣ святаго Дмитрія Ростовскаго), присоединилось къ нимъ три тысячи донскихъ казаковъ. Азовскій паша прислалъ спросить Миниха о причинѣ сбора русскихъ войскъ, какъ-будто не зная о войнѣ съ Турціею. Минихъ не отвѣчалъ ничего, и такъ внезапно явился передъ Азовомъ, что шесть сотъ пѣхотниковъ захватили двѣ каланчи на Дону (прежде бывшія крѣпости Сергіевскую и Никоновскую), почти безъ выстрѣлу. Апрѣля третьяго такъ же нечаянно захватили крѣпость Лютинъ, съ потерею только четырехъ убитыми и двѣнадцати ранеными, и обложили Азовъ. По прибытіи генерала Левашева, съ однимъ драгунскимъ и тремя пѣхотными полками, Минихъ сдалъ ему начальство, и апрѣля шестаго отправился къ главной днѣпровской арміи. Апрѣля осьмнадцатаго прибылъ онъ въ Царицынку. Полки безъ него собирались медленно, и еще медленнѣе приходили обозы. Изъявивъ жестокой гнѣвъ свой генераль-фельдцейхмейстеру, принцу Гессепъ-Гомбургскому, и генераль крингсъ-коммиссару, князю Трубецкому, Минихъ выступилъ въ походъ съ тѣмъ войскомъ, какое успѣло собраться, и небольшимъ обозомъ. Остальному войску и обозу велѣно идти сзади отдѣльно.

Войско состояло изъ пятнадцати пѣхотныхъ полковъ

(по 1575), двѣнадцати драгунскихъ (по 1231), десяти миллионныхъ, десяти эскадроновъ гусаровъ, пяти тысячъ донскихъ казаковъ, четырехъ тысячъ украинцевъ, трехъ тысячъ запорожскихъ, такъ что число войска простиралось до пятидесяти тысячъ человекъ. Шли пять колоннами, которыми предвели генералы Шпигель, принцъ Гессенъ-Гомбургскій, Измайловъ, Леонтьевъ и Терехановъ. Минихъ находился при первой колоннѣ. Кроме упомянутыхъ находились при войскѣ генералъ-маіоръ Рѣпинъ, Магнусъ Биронъ, Штоффельтъ, Гейне, Лесліи и Аракчеевъ. Войско везло съ собою запасы на два мѣсяца. Рогати раздѣлены были по полкамъ. Казаки шли впередъ, открывая неприятелю. На каждыхъ десяти верстахъ, Минихъ устраивалъ земляные окопы, и въ трехъ мѣстахъ учредилъ крѣпостцы (на Самарѣ, въ Бѣлозерскѣ, и въ Болкерменѣ). Оставляемые въ нихъ драгуны и казаки должны были поддерживать сообщенія съ Россією, препровождать обозы и курьеровъ, и запасать сѣно. Мал двадцатаго показался неприятель, и девятнадцатаго 20,000 Татаръ окружили передовой отрядъ Шпигеля. Минихъ самъ кинулся въ атаку съ гусарами. Татары бѣжали. Мал двадцать-перваго достигли Черной Долины, гдѣ все войско составило огромный карре, имѣя внутри его обозы. Мал двадцать-шестаго десять тысячъ Татаръ окружили карре, но ихъ обратили въ бѣгство картечью, и двадцать-осямого Русскіе стали у Перекопи, узкаго въ семь верстъ длиною перешейка, простирающагося отъ Чернаго до Азовскаго моря, и соединяющаго Крымскій полуостровъ съ материкомъ. Отъ одного берега до другаго перешийекъ защищенъ былъ землянымъ валомъ въ десять саженъ вышиною, и ровомъ, въ семь саженъ глубиною и двѣнадцать шириною. Шесть каменныхъ башенъ, съ пушками, расставлены были по валу. Все войско татарскбе стояло за валомъ. Почитая эту преграду недоступною, и зная, что замедленіе было здѣсь важно не менѣе пораженія, потому что войско русское должно было оставаться на песчаной, безводной, палимой солнцемъ степи, Татары помнили бѣдственный Русскимъ приходъ подъ Перекопъ князя Гол-

дыца, въ 1686 году. Минихъ былъ не Голицынъ, и русское войско было пересоздано Петромъ Великимъ.

Минихъ потребовалъ немедленнаго отвѣту отъ хана, требуя кромѣ-того покорности и отдачи Перекопи, безъ бою. Ханъ отвѣчалъ, что удивляется приходу Русскихъ безъ предварительнаго объявленія войны, и предлагалъ начать переговоры. Въмѣсто переговоровъ Рускіе двинулись къ перекопскому валу на разсвѣтъ, и когда Татары думали отбить ихъ пальбою изъ крѣпостей, устремившись отражать ложную атаку въ одномъ мѣстѣ, въ десяти другихъ мѣстахъ, подъ пушечными выстрѣлами, солдаты на штыкахъ взлѣзли на валъ. Раздалось громкое ура! и Татары бросили не только защиту вала, но даже лагерь свой. Въ одной изъ башенъ янычары хотѣли защищаться. Ихъ перекололи штыками. Весь уронъ Русскихъ состоялъ изъ тридцати убитыми и ста семидесяти ранеными. На другой день сдадась Оръ-Кавы, крѣпость, находившаяся за перекопскимъ валомъ, и угрожаемая приступомъ; двѣ тысячи пятьсотъ пѣхотныхъ, наша, начальствовавшій въ крѣпости, шестьдесятъ пушекъ (въ томъ числѣ нѣсколько съ русскимъ гербомъ, взятыхъ Татарами у Голицына, въ 1686 году), были трофеями побѣды.

На военномъ совѣтѣ, собранномъ послѣ того, многіе предлагали остаться въ Перекопи и только посылать для разоренія Крыма легкіе отряды. Минихъ не согласился. Леоитевъ былъ посланъ, съ десятью тысячами человекъ къ Кибурну, крѣпости, находящейся на длинномъ полуостровѣ, простирающемся къ Очакову, и составляющемъ южный берегъ Днѣпровскаго Лимана. Остальное войско русское вступило въ Крымъ, со временъ Іоанна Грознаго не слышавшій звуковъ русскаго оружія, гнѣздо хищниковъ, безнаказанно губившее Россію втеченіи столькихъ вѣковъ!

Походъ Миниха продолжался шесть недѣль, и повсюду былъ означенъ огнемъ и мечомъ. Сначала Татары окружали русскіе каррей, и нападали на нихъ, но порядокъ и устройство русскаго войска дѣлали безуспѣшными всѣ покушенія. Генералъ-маіоръ Гейне, по оплошности допустившій Татаръ, и погубившій отрядъ свой, былъ судимъ и разжалованъ въ солдаты. Юня пятнадцатаго Рус-

скіе заняли и разграбили Козловъ, откуда жители бѣжали въ Бахчисэрай, и турецкій гарнизонъ удался на судахъ въ Царьградъ. Юня двадцать-седьмого захватили Бахчисэрай, столицу ханскую, столь неожиданно, что сильное войско татарское, защищавшее Бахчисэрай, бѣжало почти безъ битвы. Великолѣпные дворцы ханскіе, мечети, сады, все погнбло въ пламени. Татары сами зажгли оставленный ими Акмечеть, и начали опустошать все на пути непріятелей, ничего не щадившихъ. Мнѣхъ хотѣлъ ити къ Кафѣ, но принужденъ былъ воротиться.

Войско русское, столь побѣдоносно громившее Крымъ, находилось между-тѣмъ въ состояніи бѣдственномъ, и гнбло не отъ битвъ, потому что Татары нигдѣ не удерживались и бѣжали повсюду. Знойный климатъ, недостатокъ припасовъ, болѣзни отъ употребленія плодовъ, тяжелые переходы, и непрерывная осторожность днемъ и ночью, потому что непріятель пользовался каждымъ случаемъ нападать при малѣйшей оплошности, были причинами безмѣрной потери людей; треть оставшихся въ живыхъ войскъ составляли больные, и двѣ остальные трети здоровыхъ едва могли двигаться отъ изнеможенія и слабости. Юля семнадцатаго Мнѣхъ возвратился въ Перекопъ, и солдаты обрадовались гнилымъ сухарямъ, привезеннымъ изъ Украйны, когда они не знали счета добычѣ, и видѣли передъ собою драгоценныя плоды въ роскошныхъ садахъ Крыма. Здѣсь получено было извѣстіе отъ Леонтьева: онъ занялъ Книбуртъ безъ бою; двѣсти пятьдесятъ освобожденныхъ русскихъ плѣнниковъ, пятьдесятъ пушекъ, три тысячи лошадей, тридцать тысячъ овецъ были добычею.

Августа двадцать-осьмага сказанъ обратный походъ въ Россію. Шпигель оставался у Перекопи, охраняя отступление. Три дня разрушали перекопскій валъ, подорвали башни, сожгли Оръ-Капы, и двадцать-седьмого сентября благополучно достигли Самары, гдѣ соединился съ Мнѣхомъ Леонтьевъ, оставя гарнизонъ въ Книбуртѣ. Шпигель прошелъ отъ Перекопи степями прямо на Вахмутъ.

Такъ кончился крымскій походъ 1756 года. Громкая молва объ немъ разнеслась по Европѣ, и заставила удивлять-

ся смѣлости и искусству Минниха. Солдаты называли его *соколомъ*, генералы и офицеры величали *героємъ*.

Успѣхи Русскихъ не ограничивались Крымомъ. Ласси дѣйствовалъ также удачно. Награжденный за походъ къ Рейну чиномъ фельдмаршала, онъ спѣшилъ къ войску, но Миннихъ уже велъ тогда войско русское въ Крымъ черезъ степи. По прибытіи къ мѣсту собранія войскъ на Днѣпрѣ, Ласси нашелъ приказъ Минниха, по которому долженъ былъ принять на себя осаду Азова. Строгий наблюдатель дисциплины воинской, онъ отправился по назначенію, едва не былъ захваченъ близъ Изюма Татарами, и прибылъ мая пятнадцатаго къ Азову. До прибытія его Левашовъ только отбивалъ вылазки осажденныхъ. Ласси началъ осаду упорную. Мая девятнадцатаго контръ-адмиралъ Бредаль привелъ по Дону пятнадцать галеръ, девять прамъ, и другія суда, на которыхъ находилась осадная артиллерія; войско усилено четырьмя пѣхотными и двумя драгунскими полками. Азовъ окружили со всѣхъ сторонъ. Турецкій флотъ явился близъ устья Дона, но не могъ пробраться къ крѣпости. Азовцы храбро защищались. При одной изъ вылазокъ едва не погибъ самъ Ласси, отважно бросившійся въ битву, и окруженный Турками. Бомбами взорвали въ Азовѣ пороховой магазинъ. Іюня двадцать-девятого паша прислалъ договариваться о сдачѣ, и іюля четвертаго вышелъ изъ Азова, съ тремя тысячами четырьмя-стами шестидесятью-тремя челоуѣками остальнаго войска съ двумя тысячами двѣсти тридцатью-тремя женщинами и дѣтьми; пушекъ и мортиръ найдено въ Азовѣ до ста-семидесяти-осьми. Оставя здѣсь Левашова, съ четырьмя тысячами, и исправя укрѣпленія, Ласси повелъ остальныхъ семь тысячъ къ Перекопи берегомъ Азовскаго моря. Дорогою встрѣтился съ нимъ отрядъ Шпагеля, и увѣдомилъ объ отступленіи Русскихъ изъ Крыма.

Отвлекая непріятеля, весною велѣли идти съ Волги на Кубань хану Дундуку-Омбо съ его Калмыками. Соудившись съ Донцами, подъ начальствомъ атамановъ Краснощекова и Ефремова, и имѣя до двадцати тысячъ Калмыковъ, Дундукъ произвелъ опустошительный набѣгъ на ногайскія кочевья; взял и сжегъ Копыль, погубилъ бо-

ше двадцати тысячъ человекъ, забралъ въ плѣтъ десять тысячъ женщинъ и дѣтей. Множество скота было добычею казаковъ и Калмыковъ. Многіе Ногайцы спасли себя заплатя окупъ, и общая подданство Императрицѣ.

Ласси и Минихъ отпразднелись въ Петербургъ съ жалобами одинъ на другаго. Ласси наградили за Азовъ Андреевскимъ орденомъ. Миниха, напротивъ, ожидали большія неприятности. Побѣды его дорого стоили Россіи: тридцать тысячъ человекъ погибло въ походѣ, не говоря о потерѣ лошадей, и огромныхъ расходахъ на продовольствіе войскъ. Главнымъ обвинителемъ Миниха былъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій. Мнѣніе его раздѣляли братъ Бирона и многіе другіе, такъ, что хотѣли даже арестовать фельдмаршала въ Крыму, и представить о поступкахъ его Императрицѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ другіе отступились отъ согласія съ принцомъ Гессенъ-Гомбургскимъ, но онъ подалъ Императрицѣ доносъ. Обвиненія состояли въ томъ, что Минихъ бесполезно изнурялъ войско походомъ, не заботился о продовольствіи, держалъ нснужную дисциплину, и вступилъ въ Крымъ, не имѣя возможности тамъ удержаться. Минихъ требовалъ суда, и судъ былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ Ласси. Благородный соперникъ совершенно оправдалъ Миниха. Биронъ согласился съ нимъ. Общее презрѣніе было наградою обвинителя, человека дѣйствительнаго своею трусливостью и безнравственностью. Въ довершенію стыда, Биронъ отдалъ Миниху письма пріида, писанныя изъ похода, и исполненныя клеветъ. Подвиги Миниха награждены были послѣ того помѣстьями въ Украинѣ, и начальство надъ арміею снова ввѣрено было ему. Ласси назначено отдѣльно дѣйствовать въ Крыму, а Миниху поручено взять Очаковъ и идти въ Молдавію.

Зимомъ Крымцы встали сильнымъ набѣгомъ на Иакомъ, разорили множество селеній въ Украинѣ и увлекли въ плѣтъ до тридцати тысячъ человекъ. Донской походный атаманъ, Краснощеконъ погнался за хищниками, отбилъ у нихъ добычу и разогналъ толпы ихъ.

Извѣстіе о походѣ Миниха произвело сильное негодованіе въ Царградѣ. Народъ кричалъ о вѣроломствѣ Русскихъ и требовалъ войны. «Какъ дечистые вороны», со-

длинныя войны и дунавства, налегъши въспротиву на побѣду шій атомъ правосвѣрія», говорили мусулмане. Малъ долъ этого возмѣщена война Россіи выставленіемъ полкъ въ рати бунчуковъ и чюніемъ ея. Съ третьяго іюня шю чини выстувать турецкія войска въ бабадатскій лагеръ близъ Дуная, обшчновенное мѣсто сбиршиа ихъ. Но колащія являють, а утишая тѣмъ народное волненіе, суламанъ не только не хотѣлъ воевать съ Россією, но даже старался о мирѣ. Русскій посланникъ старался на свободе, и былъ принимаемъ всюду съ почестію, вопреки обшчаню Турковъ, всегда начинавшихъ войну тѣмъ, что посланника гребали и напирали въ Семъ-башенную крѣпость царьградскую. Причиною уступчивости было затруднительное положеніе Турціи. Стѣвляемая Надиромъ, доушманшій императора кончатъ войну съ Францією, и Россію уравнился въ Польшѣ, Турція въ одно время услышала о походѣ Русскихъ на Крымъ, и рѣшеніемъ императора соединившись съ Россією по снаѣ договоровъ, и начать войну немедленно. Угрожаемые Австрійцами, Турки бодѣйствовали противъ Русскихъ въ 1736 году, только услыши гарнизоны въ Очановѣ и другия крѣпостяхъ, и рвали Молдавію, предлагая начать переговоры. Вишняковъ былъ спущенъ изъ Царьграда съ почестію, и даже угговорилъ ѣхать въ Россію двухъ ренегатовъ, товарищей Боншевала, Меншеарѣя и Рамзе, искусныхъ въ военномъ дѣлѣ. Первый изъ нихъ умеръ дорѣгомъ; другой былъ принятъ въ русскую службу майоромъ, ноу именовъ графа Дебаладена (онъ убитъ въ шведскую войну 1741 года). Императрица согласилась на переговоры съ Турцією, но не покидала оружія. Австрійскій посланникъ въ Царьградѣ, Баронъ Тильманъ объявилъ, что если въ первомъ мая 1737 года несоглавія съ Россією не будутъ окончены, австрійскія войска выстувають въ походъ. Предложеніе посредничества Франціи, Ангаин и Голландіи было отвергнуто. Спорили о мѣстѣ конгресса. Турки предлагали собраться въ Сорфѣ, Русскіе въ Бѣлой Церкви, и наконецъ избрали городокъ Немировъ въ Польшѣ. Сюда явились Тильманъ и турецкіе министры: рейсъ-эфенди Мустафа, Руанаме Аши-Мухаммедъ, секретарь видира, Мухаммедъ Рагабъ.

секретарь сивотъ Муганимедъ-Сандъ; переводчикомъ былъ Александръ Фига, молдавскій господарь; секретаремъ Букинъ-Фосенди. Съ Тильманомъ прѣехалъ графъ Вальчекъ. Съ русской стороны явились Шашировъ, Волынскій и Щеплюевъ. Съ ними прибылъ австрійскій посолъ въ Петербургѣ, графъ Остейнгъ. Переговоры продолжались съ осьмнадцатаго августа до ноября. Русскіе требовали Крыма, Кубани, Буджака, независимости Молдавіи и Валахіи, и свободнаго плаванія по Черному Морю и Архипелагу. «Требованія должны основываться на законахъ справедливости—вы нарушаете ихъ, а это тяжкій грѣхъ!» говорилъ Турки. Нигъ отвѣчали насмѣшкою: «По корану вы должны предлагать христіанамъ только два условія: смерть или исламизмъ. Начавши съ нами переговоры, вы нарушаете законъ Магомета, и грѣшите болѣе насъ». Умный Турокъ замѣтилъ, что повелѣніе Магомета касается только идолопоклонниковъ, а христіане не идолопоклонники, потому что молятся Богу, одному для нихъ и для мусульманъ.—«Да судитъ Аллахъ между нами и вами, и да падетъ мечъ возмездіа на виновныхъ!» сказали турецкіе послы при разставаньи. Какъ можно было предвидѣть, конгрессъ разошелся даже и не начиная мирныхъ переговоровъ.

Между-тѣмъ, еще съ весны война свирѣпствовала на Днѣпрѣ, въ Крыму, и на Дунаѣ. Войско Минниха пополнено сорока тысячами солдатъ, снабжено артиллеріею и запасами. Наученный опытомъ, Миннихъ велъ за собою безконечный обозъ съ припасами, водою, даже дровами, до осьми тысячъ маркитантовъ ѣхали за арміею, такъ, что весь обозъ состоялъ изъ девяноста тысячъ подводъ, и двухъ тысячъ верблюдовъ, кромѣ-того, что часть занасовъ везли на судахъ, построенныхъ въ Брянскѣ, названныхъ дубль-шаюпами, и вооруженныхъ каждое четырьмя пушками. Русскіе двинулись въ началѣ марта, и въ исходѣ апрѣля перешли Днѣпръ тремя отдѣленіями, у Кременчуга, Орлика и Переволочны. Никогда прежде не являлась русская армія въ столь блистательномъ видѣ, и столь многочисленная. Принцъ Антонъ Ульрихъ былъ полонтеромъ при Миннихѣ, и множество знатныхъ молодыхъ людей слѣдовали его примѣру. Даже многіе во-

страшны явились служить волонтеры. Число войскатрестиралось до семидесяти тысячъ (шестидесять батальоновъ пѣхоты, двадцать девять полковъ драгуновъ, два эскадрона конной гвардіи, полкъ кирасиръ, полторы тысячи гренадеръ, тринадцать тысячъ кавалеровъ, три тысячи артиллеристовъ и инженеровъ). Артиллерию составляли шестидесять два осадныхъ орудія, одиннадцать мортиръ, шестидесять гаубицъ, сто шестьдесятъ пять полковыхъ пушекъ, и триста девяносто двѣ гранатныхъ мортирокъ. Минихъ былъ главнокомандующимъ. При немъ находились: генералъ-фельдцейхмейстеръ принцъ Гессенъ-Гомбургскій; генералъ-аншевъ, А. И. Румянцовъ, генералъ-поручики Десюльеръ, Кейтъ, К. Бранъ, Левендаль (любимый знучъ датскаго короля, отличнаго артиллериста), генералъ-майоры Таранановъ, Магнусъ Бронъ, князь Рининъ (сынъ фельдмаршала), Штофельтъ, Бакметовъ, Аралчовъ, и другіе. Цѣлью похода былъ Очаковъ, одна изъ важнѣйшихъ крѣпостей турецкихъ, на Днѣпровскомъ лиманѣ, снабженная двадцати тысячнымъ гарнизономъ. До береговъ Буга войско шло колонною, но переправясь за Бугъ, построилось въ три карея, имѣя обозы и артиллерию внутри. Отъ Мертвыхъ Водъ Минихъ быстро повернулъ на Очаковъ, оставляя за собою обозы и артиллерию. Юля десятого казаки схватились съ Турками и Татарами подъ Очаковомъ. Освѣщаемое пожаромъ; предвѣстия, зажженнаго Турками, войско расположилось лагеремъ. На другой день былъ военный совѣтъ. Очаковъ ограждался съ трехъ сторонъ высокимъ валомъ, двумя рвами и раскатомъ; четвертая, къ лиману, защищалась только стѣною, но была обстрѣливаема съ флота, стоявшаго въ гавани. Минихъ предложилъ взять городъ приступомъ, потому что неприбытіе днѣпровской флотилии, и выжженная кругомъ степь могли быть причиною нагубы при осадѣ долговременной, тѣмъ болѣе, что възира, какъ слышно было, спѣшилъ на помощь Очакову. Совѣтъ прервала сильная вылазка осажденныхъ. Показывая видъ, что хотятъ предпринять осаду, и наиболѣе устремляются съ слабой стороны, ночью десять тысячъ человекъ заложивъ редуты по берегу моря и занявъ сады предвѣстия.

обладатель, дѣлота повельниковъ турецкихъ и крымскъ. Любо съеъ
христианъ, доставшихся въ плѣнь, остацьяли всеъ оста-
токъ многочисленнаго народонаселенія и сильнаго гарни-
зона очаковского. Въ крепости найдено осемьдесятъ осемь
пушекъ, семь шортиръ и одна гаубица; триста знаменъ,
десять бунчуковъ, осемь булавъ, дополняли трофеи. Русскіе
потеряли въ битвѣ и при занатіи Очакова убитыми десять
штатъ-офицеровъ, пятьдесятъ осемь оберъ-офицеровъ и де-
сятъ съеъ осемьдесятъ семь рядовыхъ, ранеными ето трид-
цать три офицера и двѣ тысячи семьсотъ рядовыхъ. Подъ
Минихомъ убили лошадей и другую ранили. Онъ самъ велъ на
приступъ немайзовскій гвардейскій полкъ; Принца Ам-
толь-Ульрихъ не отлучался отъ него, и подъ нимъ также
была убита лошадь. Одинъ изъ пажей принца былъ убитъ,
другой раненъ, и также неувиченъ столый подлѣ него
полковникъ Гомбургъ. Ранены были еще Кейтъ, Лови-
даль, Крущовъ и Аракчеевъ. Желая загладитъ несправед-
ливый упрекъ въ неудачѣ приступа, Минихъ посылалъ
Кейта, и при всѣхъ сказалъ, что ето мужеству обязанъ
Очаковский.—«Извините, фельдмаршалъ, отвѣчалъ Кейтъ
угрюмо: ни упрека въ неудачѣ, ни похвалы за успѣхъ не
привезоу себѣ—я только исполнялъ ваши приказанія!»

Минихъ возобновилъ укрѣпленія Очакова, снабдилъ ео
сильнымъ гарнизономъ, и оставилъ въ немъ командан-
томъ храбраго Штоффельна. При удачливъ содѣйствіи
Ласси и Австрійцовъ, онъ предполагалъ взять Вендербъ,
но неудачи въ другихъ мѣстахъ остановилъ его.

Ласси выступилъ съ береговъ Донца, съ сорота тысяча-
ми войска (двадцать пѣхотныхъ, тринадцать драгунскихъ
полковъ, и шестнадцать тысячъ казановъ и Калмыковъ).
Съ нимъ были генералы Левашевъ, Дугласъ, Шнигелъ,
Брюль, Дебрини, Еропкинъ, Детицъ, и другіе. Начавшо
было взять Кафу на южномъ берегу Крыма, и утвердивши
на Крымскомъ Полуостровѣ. Послеъ потери Азова и пово-
да Минихова въ 1787 году, султанъ избвилъ хана крым-
скаго, Капланъ-Гирея, и каудана-нашу, старца Джамули-
Хаджи. Мѣсто первого отдано Фотъ-Гирею, славному по-
ходомъ въ Дагестанъ, а другаго храброму Али-наибъ. Имъ
было защищать Крымъ упорно. Ханъ расположилъ вой-

сно за дорослѣрскимъ валомъ, а канцеляръ-вѣща ждалъ на Азовскомъ Морѣ флотилію русскую, накопившуюся въ Азовѣ. Ласси, испытанный въ прошломъ году удачею прямаго пути на Калмиусъ и Берду, пропалъ здѣсь, неожиданно являясь на восточномъ берегу Крыма, и повелъ войско по длинной Арабатской косѣ, которая, простираясь поочередно волосою въ море на левую сто верстъ, раздѣляетъ Азовское Море отъ залива въ его, называемыхъ Сивашемъ, для Гидрнмъ Моремъ. Ханъ оспорилъ дарерѣзать путь Русскимъ у Арабата. Страхъ распространился между русскими солдатами. Всѣ генералы явились къ Ласси, и совѣтовали ему не подвергаться явной опасности, потому что не возможно было выбить Татаръ изъ дѣлме ими занятаго. «Господа! хладнокровно отвѣчалъ Ласси: на войнѣ всѣ предпріятія не безъ опасности, но что жъ вы думаете дѣлать?» — Воротиться! былъ общій голосъ всѣхъ, кромѣ Шингеля. — «Я останусь здѣсь съ генераломъ Шингелемъ,» съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ возразилъ Ласси: «но не только позволяю воротиться каждому, кто хочетъ, даже для провожденія въ Россію по степямъ дамъ конвой, если вы бонтеся Татаръ!» Пристыженные мужествомъ опытнаго вождя, всѣ повиновались безмолвно, и изумились, когда Ласси велѣлъ готовить плоты изъ бочекъ и регатокъ, и на нихъ переправляться черезъ Сивашъ. Считаая Сивашъ непроходимымъ, и испугавшись неожиданной смѣлости Ласси, Татары оставили свою крѣпкую позицію и разбѣжались. Русскіе вступили въ Крымъ.

Не менѣе отважно поступалъ Бредаль, начальствовавший азовскою флотилією. Оставя у Азова большія суда, потому что за мелководіемъ нельзя было провести ихъ въ устьяхъ Дона, Бредаль приплылъ къ Арабатской косѣ на пяти-стахъ мелкихъ шлюпкахъ и лодкахъ, нагруженныхъ вѣдасами, и вооруженныхъ небольшими пушками; отсюда спустился онъ обратно въ Азовъ капитана Дефремери, съ тремя-стами лодокъ и шлюпокъ. Вскорѣ явился капитанъ-наша, съ двумя линейными кораблями, однимъ фрегатомъ, и осьмидесятью-пятью галерами. Бредаль стоялъ у берега; подъ защитою батарей. Жестокая буря, июня двадцать-осьмаго, разбила у него множество судовъ. На ос-

цать, Минихъ не только не посмѣлъ напасть на Бендеры, Мил на главную армию визиря, стоявшаго на Дунаѣ, но принужденъ былъ поспѣшать возвращеніемъ въ Россію. Это остановило нападеніе Турковъ на Очаковъ. Бонневаль не хотѣлъ оставить столь важной крѣпости въ рукахъ Русскихъ.

Гарнизонъ очаковскій состоялъ изъ осьми тысячъ человекъ. Работы надъ укрѣпленіями, непрерывное опасеніе непріятеля, заставлявшее Русскихъ быть безпрестанно подъ ружьемъ, недостатокъ припасовъ, и осеннее время при неудобствѣ помѣщенія, производили заразительныя болѣзни. Умершихъ и больныхъ къ концу сентября было на половину, когда явился турецкій флотъ и сухимъ путемъ пришло двадцать тысячъ Турковъ и двадцать тысячъ Татаръ. Гибель осажденных казалась неизбежною, но Штоффельнъ не оробѣлъ. Русская флотилія, при помощи кинбурнскихъ баттарей, не допустила турецкаго флота съ припасами. Съ двадцать-шестого октября до осьмого ноября, почти непрерывно производились приступы непріятеля, въдесятеро сильнѣйшаго. Храбро дрались Рускіе, и искуснымъ дѣйствіемъ артиллеріи, смѣлыми вылазками, взрывомъ подкоповъ и отчаянною защитою валовъ, уничтожали всѣ покушенія враговъ, надѣясь, что Минихъ освободитъ ихъ. Дѣйствительно, при первомъ слухѣ объ осадѣ Очакова, Минихъ послалъ къ Очакову Леонтьева съ десятию тысячами войска. Леонтьевъ воротился съ половины пути: потерявъ на приступахъ, и отъ болѣзней, отъ голоду до двадцати тысячъ, непріятель оставилъ осаду и удалился. Славная защита Очакова восхитила все русское войско. Штоффельнъ былъ пожалованъ чиномъ генераль-поручика, и награжденъ деревнями; солдатамъ очаковскаго гарнизона выдано не въ зачетъ годовое жалованье. Отряды Турковъ и Татаръ преслѣдовали Миниха за Бугъ. Запорожцы мстили за то разореніемъ приморскихъ селеній, спускаясь по Днѣпру въ своихъ легкихъ лодкахъ.

Несмотря на взятія предосторожности, походъ Миниха стоилъ одиннадцати тысячъ строеваго войска, пяти тысячъ казаковъ, и десяти тысячъ конвойныхъ Малорос-

сіянъ. Главною причиною гибели людей были тяжкіе переходы, климатъ и болѣзни, при недостаткѣ врачей и врачебныхъ пособій, такъ, что треть заболѣвавшихъ на вѣрное умирала. Засуха была необыкновенная, и недостатокъ травы и воды губилъ скотъ и лошадей. Только безопасность непріятеля давала возможность спасти артиллерию, часть которой принуждены были оставить въ Очаковѣ, а другую въ Андреевскомъ укрѣпленіи, заложеномъ на Бугѣ.

Явясъ въ Петербургъ, Минихъ снова подвергся большимъ непріятностямъ. Врагъ его, принцъ Гессенъ-Гомбургскій, сказавшійся больнымъ при началѣ очаковскаго приступа, и выздоровѣвшій по окончаніи его, снова осуждалъ всѣ распоряженія фельдмаршала, доносившаго въ свою очередь объ упущеніи обвинителемъ его многихъ обязанностей. Опять упрекали фельдмаршала за строгость порядка и за трату людей. Оправдаться Миниху было не трудно, и гораздо болѣе оскорбило его донесеніе австрійскаго полковника Беренклау, бывшаго при немъ въ качествѣ чиновника императорскаго. Хваля храбрость русскихъ солдатъ, онъ говорилъ, что «русскіе генералы не годятся даже въ капитаны». Благосклонность Императрицы, ласковость Бирона, и согласіе ихъ продолжать войну, вознаградили Миниха. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій былъ оставленъ въ Петербургѣ. Ласки снова назначили въ Крымъ. Минихъ расположилъ новый планъ войны, надѣясь имѣть болѣе свободы и не сомнѣваясь въ успѣхѣ. Въ февралѣ 1738 года счастливо предупредилъ онъ набѣгъ Крымцовъ на Изюмъ.

Между-тѣмъ, не говоря Миниху, и даже Остерману, Императрица и Биронъ думали не о войнѣ, но объ мирѣ. Страннымъ могло показаться, что Остерманъ тайно отъ всѣхъ велъ переговоры черезъ очаковскаго пашу, бывшаго плѣнникомъ въ Россіи, но еще страннѣе былъ выборъ посредника, которому довѣрились императоръ австрійскій и императрица російская. Огорчаясь неудачами, еще въ концѣ 1737 года императоръ соглашался на предложенное посредничество французскаго посла въ Царьградѣ, маркиза Вилльнёва, и далъ ему полномочіе вести тайные пере-

говоры, хотя уведомилъ о томъ императрицу. Страхась заключенія отдѣльнаго мира между Австрією и Турцією; Императрица также послѣшила уполномочить Вильгельма. Оставя всѣ прежнія требованія, одного требовала она — Азова. Императоръ ничего не требовалъ, желая только возобновленія прежнихъ трактатовъ. Такимъ образомъ, держава, недавно враждебная Австріи и Россіи; сдѣлалась рѣшительницею жребія войны съ Турцією, и посоль, котораго прежде старались удалять отъ всякаго вмѣшательства, былъ представителемъ Австріи и Россіи. Турки могли понять, что отношенія къ нимъ Россіи и Австріи совершенно измѣнились, и они не только не хотѣли слышать о мирѣ, но даже предлагали оскорбительныя условія. Время тянулось. Открылся походъ 1738 года, самый несчастный для союзниковъ. Турки приготовились къ войнѣ упорной. Фетъ-Гирей былъ низверженъ. Старикъ Менгли-Гирей, находившійся въ ссылкѣ на островѣ Родосѣ, назначенъ вѣсто него. Великому-визирю причтена въ яву потеря Очакова. Его смѣнили, и кіая, или секретарь визиря, заплатилъ головою за Очаковъ. Планъ принять былъ вредный — не допускать Русскихъ вторгнуться въ Молдавію, и усиленно сразиться съ Австріяцами.

Минихъ предположилъ идти въ Молдавію, стать на Дунаѣ, ужаснуть быстротою движеній непріятеля, и захватить Бендеры и крѣпости на Дунаѣ. Препятствія явились неподолжныя. Миниха огорчилъ отказъ Императрицы успѣть русское войско. Съ пятидесятью тысячами, при недостаткѣ припасовъ, уже въ началѣ мая перешелъ онъ за Днѣпръ при Переволочнѣ. Съ нимъ были Румянцовъ, Загряжскій, оба Бирона, генераль-маіоры принцъ Петръ Голштейнъ-Бекскій (крестникъ Петра Великаго, вступившій въ службу русскую изъ гессенскихъ полковниковъ), Вутурлинъ, Ливень, Кейзерлингъ, Ферморъ, Рѣпинъ, Философовъ, Аракчеевъ, Хрущовъ, Штокманъ. Левендавъ начальствовалъ артиллерією. Принцъ Антонъ Ульрихъ, пожалованный въ генераль-маіоры, и принцъ Гессенъ-Гомбургскій, графъ Изенбургскій (полковникъ гессенъ-кассельскій), графъ Кравенордъ, сынъ герцога Крансфурда, и многіе другіе Англичане, находились волонтера-

ни Кейтъ, неоправившись отъ тяжелой очаковской раны, оставался съ резервами въ Украйнѣ.

Перейдя Днѣпръ, русское войско достигло Буга тринадцатаго іюня. Оно шло черезъ польскія земли, по теченію Сньюхи и Кодима. Здѣсь узнали, что сильный турецкій корпусъ стоитъ за Кодимомъ. Іюня одиннадцатаго начались наѣзды непріятельскихъ отрядовъ. Безпрерывно сражаясь, и продолжая утомительный походъ, въ началѣ августа русскія войска достигли Днѣстра. Тогда Татары, подъ начальствомъ Сафа-Гирея, хана буджакскаго, окружили русскій станъ. На другомъ берегу находилась Велинаша, съ шестидесятью тысячами турецкаго войска, шестидесятью пушками и пятнадцатью мортирами. Крутой берегъ и присутствіе сильнаго непріятеля лишили Русскихъ всякой возможности переправиться черезъ Днѣстръ, когда еще болѣе страшный непріятель угрожалъ итти за Днѣстромъ—чума, опустошавшая тогда Бессарабію. Слыша о неудачахъ въ Крыму и на Дунаѣ, Минихъ рѣшился отступать, и совершилъ обратный походъ стою оспороживо, что непріятель не смѣлъ напасть на него. Трудности похода превосходили всякое вѣроятіе. Окруженные непріятельскими войсками, Русскіе отряжали по десяти тысячъ для добычннхъ водамъ, вставая жаждою, и притомъ должны были безпрерывно итти карреемъ и огораживаться рогами. Минихъ не выдалъ себя, и являлся повсюду. Бдва только, уже идя къ Бугу, ослабили предосторожности, гибель отряда русскаго, отправленнаго за припасами, оправдала предосторожность Миниха, казавшуюся излишнею. Татары срывались въ прибрежныхъ бусракахъ, напали на отрядъ, состоявшій изъ осьми сотъ человекъ, веревѣвали до четырехъ сотъ, захватили въ плѣнъ двѣсти, и отогнали до двухъ тысячъ воловъ и лошадей. Минихъ не хотѣлъ простить упущенія строгой дисциплины. Немедленно урядилъ дежъ военный судъ, и нашелъ виновными майора, в чолковника Тютчева, бывшихъ при отрядѣ, бригадира Кантакузена, уличеннаго въ оплошности, и генералъ-поручика Загряжскаго, начальствовавшаго корпусомъ, отъ котораго посланъ былъ отрядъ. Судъ строго рѣшилъ участь виновныхъ, и Минихъ утвердилъ приговоры: Тютчево

былъ разсѣряться; Загритинскій, Кантакузенъ и майору разжалованы въ солдаты, и служили въ строю до заключенія мира, когда возвратили имъ прежніе чины. Миннихъ самъ безпрерывно находился съ-тѣхъ-поръ въ арріергардѣ. Въ концѣ сентября войска русскія стали на зимнія квартиры, въ Урайнѣ.

Ласенъ въ началѣ іюля былъ у Перекони, снова укрѣпленіемъ и защищеніемъ Менгли-Гиреевъ, съ сотнею тысячами Турковъ и Татаръ. Не трата людей на взятіе вала, Ласенъ одвинулся влѣво къ Сивашу, обмелѣвшему отъ сильныхъ жаровъ; пелъгуясь отливомъ моря, обошелъ валъ по морю, не потерявши ни одного человека, и овладѣлъ крѣпостью Чиваскула. Съ ужасомъ увидѣли себя Татары угрожаемыми съ таку, бросили безцѣлныя укрѣпленія Перекони, и мгновенно разсѣялись всѣ ихъ многочисленныя толпы. Двѣ тысячи янычаръ, съ нашею, заперавсь въ Оръ-Капы, но нѣсколько выстрѣловъ и десятокъ бомбъ заставили ихъ сдаться. Больше ста пушекъ было взято Русскими. Ласенъ двинулся къ Кафѣ, но вскорѣ увидѣлъ невозможность исполнить столь отдаленное предпріятіе. Слѣдствіемъ двукратнаго опустошенія Крыма было то; что всюду представлялись тамъ, вмѣсто прежнихъ цѣлующихъ обмѣстей, безплодныя степи. Города и селенія лежали въ развалинахъ; поля и сады были брошены; жители скрывались въ горахъ, а между-тѣмъ толпы Татаръ, разбѣгавшіяся при первомъ отпорѣ, слѣдили каждой шагъ Русскихъ, отбивали обозы, больныхъ и отсталыхъ; не давая никому воцѣды, и отчаянно сражались вездѣ, гдѣ только было можно засѣсть въ засаду. Отвага ихъ при видѣ малочисленнаго войска русскаго (его было не болѣе тридцати-пяти тысячъ, но на половину находилось въ немъ больныхъ и слабыхъ) донна наконецъ до того, что двадцатаго іюля, въ числѣ двадцати тысячъ, напали они на арріергардъ, опрокинули навадніе отряды, и сняли азовскій драгунскій полкъ. Шпигель подослѣлъ на помощь съяетырѣмъ драгунскими полками; бѣды рывецъ облего въ лицо при отчаянной схваткѣ, и только нутки прѣветы заставили Татаръ бѣжать, потерявъ имъ до двухъ тысячъ убитыми. Русскіе лишилисьемъ и

сотъ человѣкъ. Но смѣлость нападенія ободрила непріятелей, явившихся послѣ того отвсюду, и, къ довершенію затрудненій, Бредадь не могъ доставить припасовъ. На двухъ стахъ большихъ лодкахъ, съ сотнею донскихъ лодокъ, подъ начальствомъ атамана Петрова, онъ вышелъ изъ Азова, и присоединился къ арміи Ласси близъ Бердянской Косы, двадцатаго мая. Здѣсь явился сильный турецкій флотъ. Онъ не могъ вредить лодкамъ, стоявшимъ у берега подъ защитою прибрежныхъ батарей. Армія двинулась далѣе, Бредадь шелъ около берега, и у Генча, когда Ласси перешелъ за Перекопъ, русскія лодки снова были атакваны турецкимъ флотомъ. Подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, Бредадь свезъ пушки съ лодокъ на берегъ, и видя, что Турки готовятся напасть на него, перетанцлъ свои лодки въ лиманъ за восою. Турки не отступали. Находя совершенную невозможность продолжать путь далѣе, Бредадь принужденъ былъ воротиться къ Генчѣ, куда пришли къ нему на помощь три тысячи Калмыковъ и Донцовъ. Подъ прикрытіемъ ихъ, безпрестанно отстрѣливаясь, русская флотилія достигла Азова. Турецкій флотъ обратился къ защитѣ Кафы. Ласси отступилъ къ Перекопи, еще разъ разорилъ тамошнія укрѣпленія, и въ концѣ августа достигъ Украйны, но тревожимый непріятелемъ. Императрица возвела Ласси въ графское достоинство.

Австрійцы медлили походомъ, хотя еще въ мартѣ Турки открыли военныя дѣйствія и турецкія войска осадили Мегадію. Послѣ слабой защиты, полковникъ Никколомини сдалъ крѣпость. Турки обратились къ Орсовѣ, одной изъ главныхъ крѣпостей пограничныхъ. Тогда только двинулся герцогъ тосканскій и фельдмаршалъ Кейнгсекъ. Подъ начальствомъ ихъ были фельдмаршалы Валисъ и Нейпергъ; фельдмаршалъ-лейтенанты Филиппи, Сегюръ, Лобковичъ, семнадцать другихъ фельдмаршалъ-лейтенантовъ и тридцать пять генераловъ, хотя вся армія австрійская простиралась едва до тридцати четырехъ тысячъ. Юли четвертаго Турки напали на лагерь австрійскій при Корнѣ, были отражены, оставили Мегадію и сняли осаду Орсовы, но усиленные новыми войсками, снова напали на

австрийскій лагеръ при Мегадін (іюля пятнадцатаго). Послѣ жестокой битвы, Австрийцы отступили къ Бѣуграду. Орсова сдалась Туркамъ, и двѣ другія важныя крѣпости, Сесмендрія и Палашка, слѣдовали ея примѣру.

Горделиво описывали Турки успѣхи свои, называя даже неудачную битву съ Ласси въ Крыму побѣдою. «Тыи невѣрныхъ перешли въ адъ по мосту, устроенному изъ сабелъ нравовѣрныхъ сыновъ пророка!» говорили они, описывая битвы съ Минихомъ, и великогѣбно описывали сраженія съ Австрийцами: «Огонь нашъ подтвердилъ слова кедрана: «возблещутъ мечи ваши, яко молнія во мракѣ и объятые ужасомъ, видя ее блистающую, и громъ гремящій, заткнуть уши невѣрные и обратятся въ бѣгство, но всюду найдете ихъ смерть, хотя убѣгутъ они въ крѣпкія твердыни свои!»

Минихъ понималъ, что не Турки побѣдили его, но тѣмъ не менѣе огорчился неудачею похода, стоившаго большой потери людей. Гибель лошадей и воловъ была такая, что принуждены были сжечь часть обоза и зарывать въ степяхъ пушки, ядра и бомбы. Враги Миниха торжествовали, когда онъ слышалъ притомъ о жалобахъ австрийскаго двора, утверждавшаго, что русскій полководецъ умышленно медлил на Днѣстрѣ. Всего горестнѣе было ему то, что чума захвачена была русскимъ войскомъ въ Молдавіи въ Польшу и проникла въ Украину. Надлежало принимать строгія мѣры, стѣсняяшія Малороссію, и безъ того разоренныхъ трехлѣтнею войною, постосемъ войскъ, посылкою погонщиковъ въ армію, и поборами хлѣба и другихъ потребностей. Едва усиленными предосторожностями прекратилась чума, Татары вторглись въ Украину, и несмотря на быстроту и дѣятельность защиты, успѣли разорить множество селеній. Плѣнныхъ отбили у нихъ на обратномъ походѣ доискіе казаки.

Пора была расплатиться русскому полководцу за все свои неудачи, и онъ славно расплатился въ 1739 году, показавши дарованія превосходнаго полководца, умъ политика, и опытность въ дѣлѣ съ непріятелемъ.

Всего труднѣе было Миниху оправдаться при дворѣ, и испросить наконецъ позволеніе дѣйствовать одному уси-

большими средствами. Увидимъ дальѣ, изъ описанія обстоятельствъ, въ какихъ находилась тогда дворъ, и изъ отношеній Барбеса, что заставило его извинить неудачный походъ 1738 года, не слушать наветовъ непріятелей Миниха, и не внимать малобитъ Австрійцовъ.

Положено было Ласен охранять Украину, не предпринимая похода въ Крымъ, и даже вывести войска изъ Києвурга и Очакова, бывшихъ мѣглюю Русскихъ, такъ, что во времени обшаденія ими, отъ недостатковъ продовольствія, выгубнаго илншата, гибельной ивѣстности, и набѣгомъ Татаръ, пресѣлавшихъ сообщенія съ Россією, а особливъ отъ чумы, порѣбу тамъ до двадцати тысячъ человекъ. Минихъ долженъ былъ вступитъ черезъ Польшу въ Молдавію, путемъ по которому шель въ 1711 году Петра Великій, и идти на Дунай, гдѣ должны были соединитъся съ нимъ Австрійцы.

Когда онъ выколднлся еще въ Петербургѣ, длтательно илдно было гдѣлаться къ походу: зимю пришли въ Украину гарнизоны изъ Очакова, Києвурга, и съ Буга, изъ Андреевской крѣпости. Въ концѣ марта явился въ Києв Минихъ, и немедленно приказалъ войскамъ военнымъ поднятиса съ кабарты въ двадцать четыре часа, и собиратиса у Києва къ двадцать-шестому апрѣлю. Дальню перекладъ, равняя всема в рѣзавъ Днѣпра протянули время, такъ, что едн седьмого іюня русская армія перешла Днѣпръ. Умо передъ самымъ переходомъ въ Польшу, Минихъ извѣстилъ пограничныхъ польскихъ пачальниковъ, что въ силу дружескихъ трактатовъ, російская императрица предедетъ свое войско за Днѣстръ черезъ Волынь и Подолію. Извѣстіе изумило и взволновало Польшу. Но слушая возраженій, и не дожидаясь конца переговоровъ, начавшихъ по-этому случаю, Минихъ не только ввелъ всю свою армію въ Польшу, но и велѣлъ забирать земли у жителей. Нанрасно вопіали въ Варшавѣ, кричали о снеловіи Миниха, о томъ, что востунокъ Русскихъ влмечетъ Польшу въ войну съ Турцією; хотѣли даже еилою остановить походъ. Минихъ шель не останавливался, перешелъ Бугъ съ Константиновой, Лыбичевъ и Меджибожъ, и двадцать-седьмого іюня сталъ на Сбручѣ; рнкъ;

знадающей къ Днѣстру выше Хотина, но боясь шибетій, что сто тысячъ Туркомъ идутъ на него, и не опасаясь, что русское войско отсюда окружатъ всеоруживою Польши, усиливившіяся съ береговъ Днѣпра, такъ, что число ихъ простиралось наконецъ до сорока тысячъ. Миннихъ наблюдалъ строгій порядокъ; но объявилъ, что при первомъ непріязненномъ движеніи на него польскихъ войскъ, онъ раскатител битвою и онутошениетъ Польшу: Русское войско состояло изъ шестидесяти-пяти тысячъ (три батальона гвардіи, сорокъ шесть баталіоновъ пѣхоты, три эскадрона конной гвардіи, сто эскадроновъ драгуновъ, шесть эскадроновъ гусарскихъ, полкъ волеиской, три тысячи артиллеристовъ; и тринадцать тысячъ кизяковъ); съ артиллеріею изъ шестидесяти-двухъ пушекъ осадныхъ, ста-сѣмидесяти полевыхъ, одиннадцати мортиръ, шестидесяти гаубицъ. Кромѣ Румянцева, Левендала, обоихъ Виренковъ; принца Голштейнъ-Вексваго, Круцова, Рибина, Вахштейна, Филоосова, Кейзерлинга, Шниова, Штогана, въ числѣ генераль-майоровъ были два будущіе полководца русскіе—Ферморъ и Апракинъ.

Средствъ за Днѣстръ казаконъ, и обляжалъ къ Сбручу, Миннихъ считалъ ошони движениемъ непріятеля. Часть Туркомъ подошла къ Сбручу; а кавіи; разграбившіе Соронку и Могилевъ, заставили другую часть Туркомъ охранять Бандери. Ноля двадцати-осмиго, отови на Сбручѣ Румянцева, съ тяжелою артиллеріею и'обозомъ, Миннихъ взялъ двадцать тысячъ войска и на неделю припасовъ, въ два дня перешелъ къ Санновицашъ на Днѣстрѣ, тридцатого переправился на правый берегъ Днѣстра; и свѣшилъ проити вадѣстровскія дефилея. Къ досадѣ его проливные дожди снесли мосты. Румянтовъ не могъ притти къ Санновицашъ ранѣ сѣдмиго августа. Только пятнадцатого перешла за Днѣстръ вся русская армія; и шестнадцатого расположилась между рѣкани Прутомъ и Валечкою. Миннихъ увидиля, услышавши, что досиле не заняты Турками. Они разошла пошоду отряды казаконъ и Волоковъ; распространилилъ легкой страхъ; что худъ Исоев прѣвѣжилъ въ Миниху боере съ вызвалениемъ пошерности; и непріятель безвасовъ: Русскихъ толни шилими шибетіи. А-

Августа осьмнадцатаго и девятнадцатаго Русскіе прошли долинами, и расположились на долину, между Прутомъ и Гусою. Сюда начали отсюда сдвигаться турецкія и татарскія войска. Многочисленные толпы ихъ окружили русскіе карреи. Оставя обозы и тяжелую артиллерію, Миннихъ тихо подвигался впередъ тремя карреями, дотога стѣсненнымъ непріятелемъ, что невозможно было проѣхать изъ одного каррея въ другой. Генералъ Штокманъ, отважившись на порывъ, былъ схваченъ турецкими наѣздниками въ виду всего войска. Августа двадцать-седьмаго, девять-сто тысячъ Турковъ и Татаръ отсюда заперли Миннихъ при селеніи Ставучанахъ. Сераскиръ бендерскій, Вели-паша, сталъ лагеремъ на возвышеніи къ вправо, Элія-Калчакъ-паша, коммендантъ хотинскій, расположился влѣво, Ганджа-Али, паша очаковскій, былъ во фронтѣ, а Исламъ-Гирей, ханъ буджакскій, съ тыла. Турки торжествовали побѣду, говоря, что такъ ижекогда *Дели-Петро* былъ окруженъ на берегу Прута. Но Миннихъ совершилъ черезъ двадцать осемь лѣтъ то, на что хотѣлъ отважиться Петръ Великій. Всю ночь наѣзники непріятельскіе подсилавали къ рогаткамъ карреевъ. Ихъ отбивали картечью. Утромъ, августа двадцать-осьмаго, грохъ пушекъ раздавался въ лѣвомъ русскомъ карреѣ. Левондъ, съ тридцатью орудіями, двинулся на Вели-пашу; сильная канонада началась въ среднемъ карре, а между-тѣмъ самъ Миннихъ перешелъ рѣку Шуланецъ и болота за нею, наступая на нихъ фашины и доски. Турки волагали здѣсь ижесто непроходимымъ, и ужаснулись увидя Русскихъ въ тылу. Отважную атаку лышчаровъ отбили картечью. Гренадеры ворвались въ лагерь Калчака-пашы, и ужасъ распространился между непріятелемъ. Въ безпорядкѣ бросились толпы Турковъ и Татаръ, одни къ Хотину, другіи къ Бендерамъ. Русскимъ оставалось догонять ихъ. Множество непріятелей погибло въ Прутѣ, и четыре лагера турецкіе доставаны побѣдителямъ, съ сорока двумя пушками, шестью мортрами, артиллерійскими запасами, хлѣбомъ, знаменами, бунчуками. Болѣе тысячи непріятельскихъ труновъ найдено на мѣстѣ сраженія. Русскіе потеряли не болѣе осемьдесятъ часовъ въ убитыми и ранеными.

Никогда прежде не слыхивали о подобной побѣдѣ, и Минникъ умѣлъ вполне воспользоваться ужасомъ Турковъ и храбростью, какую внушило стачуцанское сраженіе войскамъ. «Мы отмстимъ за позоръ Петра Великаго на Прутѣ!» горделиво говорилъ онъ, и повелъ на другой день свое легкое войско къ Хотину. Дорога была завалена пушками, новозками, оружіемъ, бомбами, ядрами. Все показывало безпорядокъ побѣга и непреодолимой срахахъ непріятеля. Въ Хотинъ не дошло и тысячи человѣкъ изъ десяти-тысячъ хотинскаго гарнизона. Едва подошли Русскіе, Хотинъ, считавшійся ключомъ Молдавіи, охраняемый высокими каменными стѣнами, и двумя-стами орудій, сдался безъ выстрѣлу. Калчакъ-паша и эга лянчарскій униженно вынесли ключи города, и сдались военнопленными, съ семью-стами-тремя человѣками лянчарскій остаткомъ гарнизона. Августа тридцати-перваго Минникъ ввелъ въ Хотинъ гвардейскіе полки. Разговаривая съ побѣдителями, Калчакъ-паша приписывалъ все несчастіе заведенію Вели-пашинъ въ Бендерахъ и пропуску Русскихъ сквозь дефиле.

Слыша о стремительномъ бѣгствѣ Турковъ изъ Молдавіи, Минникъ не медлилъ въ Хотинѣ. Сентября четвертаго выступилъ онъ, осьмага перешелъ Прутъ, и одиннадцатаго былъ у Яссы, откуда бѣжали турецкій коммандантъ Булукъ-паша Катирджи-Оглу, съ осьмью тысячами войска, и господарь Гика, столь поспѣшно, что даже оставилъ бунчуки, и бросилъ знамена и пушки. Торжественно встрѣтили побѣдителей бояре молдавскіе. Минникъ потребовалъ сбора припасовъ, составленія охраннаго войска изъ Молдавіи, и платежа двадцати тысячъ червонцевъ на военныя издержки. Слыша, что Вели-паша едва не сдѣлался жертвою ярости лянчаровъ, что Турки укрываются только въ Бендерахъ, Измаилѣ, Кишинѣ и Браиловѣ, а остальные ушли за Дунай, Минникъ отправилъ легкіе отряды впередъ, послалъ донскаго атамана Фролова, съ пятью тысячами на Дунай, и самъ готовился идти на Бендеры. Онъ такъ былъ увѣренъ въ успѣхъ, что мечталъ уже о походѣ за Дунай и вѣдѣніи Царьграда. «Господь благословилъ вхожденіе твое, и благословитъ исхожденіе твое!» говорилъ Миннику метро-

подать подданныхъ при терзавшейся встрѣчѣ его: «Взбраніе такъ, и изложденія моего вы не скоро дождетесь», означалъ ему, улаживая, Минихъ. Среди такихъ торжествъ, сентября двѣдцать-четвертаго поразило его извѣстіе о мирѣ съ Турціею и приказѣ остановить военныя дѣйствія.

Минихъ не зналъ, что, отаравая его на битвы, въ Царьбургъ нетерпѣливо ждали извѣстія о мирѣ. Разстроившееся одорожье: Императрицы, и болѣзнь, доводившая ее до гроба; заставляли забывать всѣ другіе расчеты, и думать только о перемиріяхъ, какія должна была привести кончина ея, когда знаменитая война съ Турками возбуждала общій ропотъ, неудачи Австрійцевъ заставляли опасаться, что императоръ заключитъ отдѣльный миръ, и вся сила Турковъ обратится тогда на Россію. — Опытъ показалъ, какъ жестоко достаются победы, и какъ невѣрны расчеты на успѣхи оружія. Польша и Пруссія изъявляли негодованіе, одна отирая слезы безмолвной войны Русскіяхъ, другая возмущалась на нарушенный нейтралитетъ Польши. Еще неприязненнѣе были отношенія Швеции, уже готовившейся на войну. Новыя опасенія внушала Надиръ. Въместо нападенія на Турковъ, онъ предлагалъ Россіи посредничество на мирѣ съ ними, и даже грозилъ войною, если Россія не правится съ султаномъ. Надиръ былъ тогда на вершѣ славы и счастья: послѣдніе подвиги его казались чѣмъ-то баснословнымъ. Въ 1787 году со ста тысячами войска двинулся онъ на Кандагаръ, полгода осаждалъ его, взялъ приступомъ и «предалъ въ тру нустынь». И когда сынъ его взошелъ Балухъ и занялъ Бухару, подъ предлогомъ укрытія гонимыхъ въ ней авганскихъ князей, Надиръ неожиданно пошелъ въ Индію, покорилъ Кабулъ, перешелъ Индъ, встрѣчая войска Великаго Могола, состоявшія изъ трехъ сотъ тысячъ челоуѣкъ; двѣ тысячи пушекъ и три тысячныя слоновы были при нихъ. Съ тридцатью тысячами ударилъ Надиръ, разбилъ Индійцевъ, и вступивъ въ Дели, ужаснулъ свирѣпостью, плавая въ крови невѣрныхъ. Пощадивъ жизнь несчастнаго потомка Аурангъ-Зебова, онъ потребовалъ со кровницъ его, отнялъ у него даже тронъ, выкованный изъ золота, осыпанный камнями, и столь огромный, что едва могли поднять его семь верблюдовъ. Безчисленныя богатства

ства достались Надиру. «Видя ихъ,» писала самозвѣдь, русскій резидентъ Калужкинъ, «мы повѣрили тому что читывали въ сказкахъ, побезумѣли отъ изумленія». Въ самомъ дѣлѣ, описанія силы и добычи Надировой неже было почесть за сказку, и война съ нимъ устрашала Императрицу. По окончаніи похода 1738 года, Вильгельму прешеручала, уже не тайно, мирить Россію и Австрію: съ сунтасомъ, согласная на все условія. Какъ полномочный: представитель Австріи и Россіи, Вильгельмъ началъ переговоры въ Бертшашѣ, въ ноябрѣ. Требованія Турковъ были безмѣрныя. Переговоры тянулись всю зиму, и возникъ въспросъ отправляясь въ походъ въ июнѣ 1739 года, объявилъ, что будетъ говорить о мирѣ съ императоромъ въ Вѣнѣ. Вилльгельмъ отправился за нимъ въ армию, и дѣйствительно, успѣхи Турковъ могли оправдать хвастливыя слова визиря. Вилласть, начальствуя Австрійцами, хотѣлъ освободить Кротскъ, осажденный Турками, отступилъ послѣ упорнаго сраженія, ушелъ къ Бѣлграду, боялся осажаться здѣсь, переправился за Дунай, и не смѣлъ двинуться съ мѣста, когда Турки осадили Бѣлградъ, и сильная крѣпость Бѣлградская, ключъ Венгрии, доведенная до крайности, готова была сдаться. Императоръ ужаснулся, послалъ въ турецкій лагерь генераль-фельдцейхмейстера, графа Нейперга, велѣлъ ему согласиться на все, уступать, чего бы ни потребовали, и мириться, уже не думая о Россіи. Такъ спѣшили отправкою, что забыли даже извѣстить визиря о посылкѣ Нейперга, и Турки, начавши переговоры, считали его не посломъ, но плѣнникомъ. Переговоры были однако жъ начаты. Первымъ условіемъ сдѣлалось собственное предложеніе Нейперга—уступить Бѣлградъ. Турки потребовали еще Сабача, Буковины, Орсовыя-море было уступлено, и миръ подписанъ сентября перваго. Визирь не хотѣлъ ничего говорить о Россіи, и отправился въ Царьградъ. Только въ Инсбъ, гдѣ остановился онъ, услышавъ о побѣдахъ Миниха, и приказывая собирать войска къ Бабадэгъ, Нейпергъ, Вилльгельмъ, и русскій повѣренный. Каніони, убѣдили его мириться, и предварительныя статьи договора съ Россією были подписаны сегодѣня третьаго. Едва можно было повѣрить условіямъ мира. Россія не

отдавала, правда, ничего, не ничего и не выигрывала. Положено было только уничтожить Азовъ, и не строить на мѣстѣ его крѣпости, прекратить разбой Крымцовъ, возвратити ягѣнскихъ, позволить свободу торговли. О границахъ не было ни одного слова. Остерманъ говорилъ, что главный выигрышь состоялъ именно въ томъ, что ни о чемъ не было говорено: что не запрещено, то можетъ быть дѣлано. Слѣдовательно, миръ Россіи съ султаномъ велъ только къ новой войнѣ.

Негодование Миниха, естановленнаго среди побѣдъ, и принужденнаго отдавать свои завоеванія, было безмѣрное, въ тѣмъ болѣе, что приказано было немедленно очистить Молдавію и сдать Хотинъ. Турки перешли черезъ Дунай столь поспѣшно, что Фроловъ не могъ уже прямо пройти въ Яссы, принужденъ былъ отступить въ Валахію, и перейти въ австрійскія владѣнія, спасаясь отъ преслѣдованія непріятелей. Въ Австріи встрѣтили его непріязненно, окружили стражею, и вели до русской границы, какъ непріятеля, даже не давали ему продовольствія, и тщетно требовалъ онъ удовлетворенія, когда въ нечаянной дракѣ убили нѣсколько казаковъ. Минихъ не хотѣлъ молчать. Онъ изложилъ мнѣніе свое о мирѣ въ письмѣ князю Лобковичу, возбуждавшему негодованіе вѣнскаго двора, такъ, что австрійскіе министры жаловались на Миниха Императорицѣ, и называли письмо оскорбительнымъ. Излагая свои успѣхи «какъ изумленъ и пораженъ я былъ, говорилъ Минихъ, услышавъ, что оружіе императора не знаменуется побѣдою, что Турки торжествуютъ; но могу ли высказать чувства мои при полученіи извѣстія о мирѣ, столь поспѣшно заключенномъ! Неужели не считаете вы мира вашего безславнымъ? Вы отворили Оттоманамъ ворота въ Вѣну, вы заключили такой миръ, котораго не должно было заключать даже тогда, когда непріятель разбилъ бы ваши арміи и стоялъ подъ Вѣною. И что же такое нашъ союзъ? Мы беремъ крѣпости—вы отдаете ихъ! Мы предписываемъ непріятелю законы—вы отъ него ихъ принимаете! Хоть подождали бы вы продолженія нашихъ побѣдъ, и тогда могли бы заключить миръ, гораздо выгоднѣе. Едва кончили мы войну въ Польшѣ, едва помогли мы вамъ за-

ключить миръ съ Франціею, какъ предприняли войну съ Турками. Воля ваша была принять и не принять въ ней участіе. Вы говорите, что на васъ были обращены главныя усилія Турціи, и что великій визирь сражался съ вами, но развѣ не противъ насъ были вся сила Татаръ и лучшія войска Турціи? Мы взяли Азовъ, Очаковъ, Хотинъ, три раза брали Крымъ, разбили сильную армию турецкую, и если бы великій визирь явился сражаться съ нами, увѣрю васъ, что ему не такъ легко удалось бы пройти до Кіева, какъ дошелъ онъ до Бѣлграда. Мы избавили бы его отъ дальняго похода, заставля обратится за Дунай, потому что, повѣрьте, русскіе солдаты не уступятъ ни одному въ мѣрѣ солдату мужествомъ и терпѣніемъ».

Подробно излагая Бирону дѣла свои, «не выдавшій ихъ лично,» говорилъ Минихъ, «не повѣрять ни мужеству, Русскими оказанному, ни ужасу, на Оттомановъ наведенному».

Препоручивъ Левендаю сдать Яссы и Хотинъ, Минихъ повелъ войско въ Россію. Честолюбіе его могло утѣшиться торжествомъ похода. Слухъ о побѣдахъ и мирѣ гремѣлъ въ Россіи. Имя Миниха славилъ всюду. Польскіе вельможи являлись въ станъ русскій, и не только не спорили о проходѣ войска, но оказывали всѣ пособія, поздравляли побѣдителя, и просили его могучаго покровительства. Въ Кіевѣ встрѣтили Миниха радостными кличками и торжественнымъ привѣтомъ. Императрица звала его и Ласси въ Петербургъ, куда впередъ отправилась гвардія. Всюду на пути учреждены были Миниху встрѣчи. Онъ ввелъ въ Петербургъ гвардію при громѣ пушекъ, звонѣ колоколовъ, «увѣнчанную лаврами», потому что на шляпахъ офицеровъ были приколоты лавровыя вѣтви, присланныя отъ Императрицы. Февраля пятнадцатаго торжествовали миръ. «Война замѣнилась благополучіемъ мира, прекращены набѣги Татаръ, уничтоженъ стыдъ прутскаго трактата, тысячи невольниковъ возвращены отечеству изъ плѣну, охранена торговля и упрочена безопасность наша». Такъ говорила Императрица въ манифестѣ. Послѣ молебна въ придворной церкви, среди своего блестящаго

двора, явилась она, благодарить всѣхъ за усердіе, труды и подвиги, пока герольды ѣздили по городу и бросая медали, объявляли трубнымъ звукомъ о торжествѣ мира. Канцлеръ, князь Черкасскій, отвѣчалъ Императрицѣ рѣчью. На другой день угощали народъ и войско. Нѣсколько дней при дворѣ были обѣды, балы, ужины, маскарады и италіанская опера. Народу сложили за полгода подати. На придворномъ балѣ въ первый день торжества явились Качакъ-паша и другіе пѣнные Турки. Они жили въ Петербургѣ. Пашѣ пожалована была дорогая шуба, и онъ благодарилъ Императрицу рѣчью. Щедро раздавала она всѣмъ награды. Не зная, чѣмъ наградить Миниха, Императрица велѣла тайно узнать его мысли. Минихъ изъявилъ желаніе имѣть титулъ герцога украинскаго. «Фельдмаршалъ очень скромнень въ желаніяхъ,» сказала Императрица, улыбаясь: — «почему не требуетъ онъ титула герцога московскаго?» Миниху дали званіе подполковника преображенскаго полка, брилліантовые знаки андреевскаго ордена, и пять тысячъ рублей пенсін. Ласси получилъ шпагу съ брилліантами, и три тысячи рублей пенсін; Румянцовъ такую же шпагу, и званіе украинскаго штатгальтера (намістника). Орденъ святаго Александра дали сыну Миниха и сыну Остермана. Слѣдующіе чины получили: генералъ-поручики Левендаль, Кейтъ, Бисмаркъ и Густавъ Биронъ, генералъ-маіоры Рѣпинъ и Хрущевъ. Сынъ Румянцова (будущій герой Задунайскій), и сынъ Ласси (будущій фельдмаршалъ австрійскій) пожалованы генералъ-маіорами. Не говоря о другихъ наградахъ, замѣтимъ, что принцъ Антонъ-Ульрихъ пожалованъ подполковникомъ еменовскаго полка и генералъ-поручикомъ. Остерману дали перстень и пять тысячъ рублей пенсін; Черкасскому перстень, и «вмѣсто особенной награды» (по просьбѣ его, скупаго богача, имѣвшаго осемьдесятъ тысячъ душъ крестьянъ,) сложили ему казенную недоимку; Волинскому дано одновременно двадцать тысячъ рублей; Левенвольду пожалованъ перстень, и Ушакову портретъ Императрицы. Милости Бирону, тогда уже герцогу курляндскому, превосходили всѣ другія награды, и изъявлены были «весьма деликатнымъ образомъ». Ему пожалованъ золотой съ

бриллиантами бокаль. Раскрывши его, онъ нашелъ въ немъ указъ о подаркѣ пол-милліона рублей. Жена Бирона получила бриллиантовые знаки екатерининскаго ордена, дочери портреты, и два сына его (старшему было шестнадцать лѣтъ)—андреевскій орденъ.

Императрица радовалась побѣдамъ, но еще болѣе окончанію войны, миру, не выгодному, по, по-крайней-мѣрѣ, не безславному. Апраксинъ, привезшій извѣстіе о взятіи Хотина, награжденъ былъ александровскимъ орденомъ. Миротворителю Вильнѣву послали, съ сыномъ Неплюева, въ Царьградъ, андреевскій орденъ и богатые подарки. Дозволили даже, по наслѣдству, носить андреевскій орденъ сыну бывшаго въ Царьградѣ посла французскаго, маркиза де-Бонака, получившаго андреевскій орденъ въ 1724 году отъ Петра Великаго. Въ маѣ отправился въ Царьградъ чрезвычайнымъ посломъ Румянцовъ, съ великолѣпною свитою, состоявшею изъ четырехъ-сотъ человекъ. Ему препоручили окончить всѣ недоразумѣнія, полагаясь на его умъ и опытность, потому что онъ былъ уже нѣскольکو лѣтъ посломъ въ Царьградѣ при Петрѣ Великомъ, и заслужилъ любовь и довѣренность Турковъ при разграниченіи земель за Кавказомъ.

Такъ кончилась пятилѣтняя война, стоившая Россіи ста тысячъ войска, и многихъ милліоновъ капитала, не говоря объ опустошеніяхъ, которыми сопровождалась она, крови и слезахъ, отъ береговъ Адриатическаго моря до Кубани. Крымъ три раза опустошенный, и Малороссія, изнуренная набѣгами Татаръ, чумою, поборами, и наборами изъ жителей, были печальными жертвами ея. Польша, Молдавія и Валахія также много страдали отъ ея губельныхъ послѣдствій. Россія не получила ничего, но она приобрѣла сознаніе своей силы, и ничего не уступила—великое нравственное преимущество, особливо при потеряхъ и позорѣ Австрій. Война турецкая при императрицѣ Аннѣ вызвала на дѣятельность духъ народа, утѣшила въ бѣдствіяхъ внутреннихъ внѣшними побѣдами, и оградила русскіе предѣлы страхомъ, какой навели Минихъ и Ласси на Крымцовъ. За позоръ прутскій расплатились Русскіе подъ Ставучанами, въ первый разъ вступили въ недоступ-

ный дотолѣ Крымъ, и покорили непобѣдимый до того времени Очаковъ. Ласси и Минихъ явили дарованія полководцевъ, особливо, если соображать средства, какія они имѣли, и отношенія, въ какихъ находились. Переходъ Ласси черезъ Арабатъ, и дѣла Миниха въ 1739 году, навсегда поставили имена ихъ въ число достопамятныхъ русскихъ полководцевъ. Ставучаны родили Кагулъ, какъ Кагулъ родилъ Рымникъ, и отъ побѣды рымникской явилось взятіе Адрианополя. Суровый воинъ, строгій тактикъ, Минихъ былъ наставникомъ, у котораго учились Русскіе воевать, и подвиги ихъ доказывали, что они уже не могли измѣниться на старину послѣ перерожденія ихъ Петромъ Великимъ. Вспомнимъ наконецъ, что взятіе Хотина вдохновило Ломоносова первую одою на русскомъ языкѣ. Услышавъ о побѣдахъ Русскихъ, онъ воспѣлъ ихъ въ невѣдомыхъ дотолѣ, звучныхъ, сильныхъ стихахъ, и вынѣ не потерявшихъ своего достоинства.....

Н. ПОЛЕВОЙ.

=

ОПЫТНЫЙ ВЗГЛЯДЪ

НА СЕЛЬСКОЕ ДОВОДСТВО РОССИИ.

==

ВЪВЪ ЗАКОННИЧЕСКИХЪ ЗАПИСКЪХЪ БАРОНА АЛЕКСАНДРА ВОДЕ.

==

Налогъ употребительности селскаго хозяйства. — Условія для достиженія этой цѣли. — Выборъ управлющихъ. — Управление имѣніемъ. — Выборъ приващика и обхождение съ нимъ. — Обязанности прикащика. — Призрѣніе помѣщика на сельскихъ начальниковъ; вліаніе его на нравственность крестьянъ. — Вотчинная контора. — Сельская библіотека.

==

На благоразумномъ учрежденіи сельскаго доводства основаны сила и благоденствіе каждаго государства; это истина, которой еще никто не думалъ оспаривать; слѣдовательно, всякое правительство, понимающее истинную свою пользу, должно всѣми зависящими отъ себя мѣрами стараться привести сельское доводство въ возможно цвѣтущее состояніе, въ полной увѣренности, что человѣкъ сытъ, довольный, самъ ничего не затѣетъ дурнаго! Нищаго легче уговорить на воровство, нежели богатаго: такъ надобно приложить всевозможное попеченіе о томъ, чтобы не было нищихъ; а чтобы достигнуть этой богоугодной цѣли, нѣтъ вѣрнѣйшаго средства, какъ привести сельское доводство въ самое цвѣтущее положеніе.

Безпрерывныя поощренія и значительныя пожертвованія, которыя наше правительство дѣлаетъ для достиженія этой цѣли, служатъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ того, что оно вполне постигло важность этого правила.

Для лучшаго успѣху въ этомъ дѣлѣ, надобно стараться какъ-можно болѣе его облагородить; и кто болѣе къ тому способенъ, какъ не помѣщики наши, въ деревняхъ живущіе?

Для усовершенствованія сельскаго домоводства требуется, чтобы помѣщики и сами сами въ ~~своихъ~~ деревняхъ, и лично управляли хозяйствомъ; или имѣли бы вмѣсто себя благонадежныхъ, умныхъ управителей.

Чтобы они устроивали собственное хозяйство по улучшеннымъ правиламъ съ надлежащимъ благоразуміемъ и расчетливостію, примѣняясь къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и потребностямъ своего края, просъте ~~должны~~ изъ ихъ опытовъ удостовѣриться въ превосходствѣ нововводимой системы передъ прежней.

Чтобы они сами имѣли рачительный надзоръ за полевыми работами крестьянъ, по-крайней-мѣрѣ ~~сначала~~, пока они привыкнутъ къ улучшеннымъ приемамъ, и удостовѣрятся въ ихъ пользѣ.

Чтобы они были убѣждены въ неоспоримой истинѣ, что помѣщикъ, приводящій сельское домоводство въ лучшее положеніе, есть человекъ столь же почтенный и столько же заслуживающій признательность правительства и отечества, какъ и тотъ, который проводитъ свою вѣкъ на службѣ; потому что душа всякаго благоустроеннаго государства — цвѣтушіе финансы, которыя при ~~буду~~ до устроенномъ сельскомъ домоводствѣ будутъ всегда надежны.

Кто по личнымъ своимъ обстоятельствамъ не можетъ заниматься управленіемъ своего имѣнія, тому надобно стараться имѣть надежнаго управителя, не останавливаясь мелочными расчетами въ заключаемыхъ съ нимъ условіяхъ; потому что человекъ свѣдущій по части сельскаго управленія, и соединяющій съ тѣмъ благородныя правила, съ лихвою вознаградитъ помѣщику расходы на него употребляемые.

Весьма естественно, что добросовѣстный управляющій, радящій о пользахъ своего довѣрителя, не понравится многимъ изъ его крѣпостныхъ людей, которые привыкли обманывать и обкрадывать своего господина; они имѣютъ обыкновенно въ личномъ услуженіи при своихъ господахъ родныхъ или свойственниковъ, и черезъ нихъ стараются очернить тѣхъ, которые имѣаютъ противозаконнымъ ихъ дѣйствіямъ; слѣдовательно, благоразуміе не дозволяетъ обращать вниманія на такое наущничество, унижающее самое достоинство господъ въ глазахъ слугъ, всегда столь охотно пользующихся ихъ слабостью.

Помѣщикъ долженъ судить о достоинствѣ своего управляющаго по его дѣйствіямъ, въ чемъ вѣрнымъ доказательствомъ должно служить благосостояніе крестьянъ, процвѣтаніе вѣреннаго ему имѣнія, и умноженіе, или по крайней мѣрѣ, не уменьшеніе доходовъ съ него.

Помѣщикъ долженъ принимать письменные доносы на своего управляющаго, и изслѣдывать ихъ основательность: если доносъ справедливъ, тогда онъ долженъ взыскивать съ виновнаго по закону; если же доносъ окажется ложнымъ, тогда собственная его польза требуетъ, осудя міромъ, строго наказать доносчика, въ примѣръ другимъ, — иначе ни одинъ порядочный человекъ не захочетъ у него служить, и тогда дѣла его дрийдутъ неминуемо въ совершенное разстройство; потому что управитель, не имѣющій честныхъ друзей, будетъ только стараться угодить доносчикамъ, и въ согласіи съ ними расхищать достояніе своего довѣрителя.

Совершенства мы ни отъ кого не можемъ требовать, зная, что въ мірѣ ничего нѣтъ совершеннаго: слабости, конечно, сколько слабости того, кому мы вѣрили равно дестваніе, не причиняютъ намъ дѣйствительнаго вреда, но собственная наша польза требуетъ, чтобы мы смотрѣли на нихъ какъ на неизбежную принадлежность человеческой природы.

Обоюдно выгоднѣйшее условіе есть, безъ сомнѣнія, то, чтобы дать управляющему опредѣленную часть съ чистыхъ доходовъ; тогда собственная его выгода заставитъ его со всевозможнымъ усердіемъ стараться приводить

вѣренное ему имѣніе всё болѣе и болѣе въ цвѣтущее и прочное состояніе.

Въ счетъ расходовъ должно быть отнесено все, что касается до управленія имѣніемъ, содержаніе хозяйства, фабричное производство, и прочее; но прихоти помѣщика, какъ на примѣръ, постройки до экономической части не относящіяся, украшенія, и тому подобное, не должны входить въ счетъ общихъ расходовъ, и относиться на счетъ полученнаго помѣщикомъ дохода.

Одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ при управленіи вотчиною долженъ быть тотъ, чтобы улучшить благосостояніе крестьянъ, придерживаясь весьма основательнаго правила, что когда крестьянинъ богатъ, тогда богатъ и его помѣщикъ; это правило относится и ко всякому правительству: чѣмъ болѣе оно имѣетъ мощныхъ гражданъ, тѣмъ болѣе утверждается собственная его сила.

Богатый крестьянинъ можетъ содержать болѣе рабочаго скота, и имѣть въ лучшемъ видѣ земледѣльческія орудія и всякую деревенскую збрую; а потому онъ тогда болѣе владѣетъ средствами къ тщательнѣйшей обработкѣ полей своихъ и господскихъ; а чѣмъ тщательнѣе воздѣланы поля, тѣмъ болѣе они дадутъ доходу.

Естественно, что земледѣлецъ, живущій въ полномъ доволствѣ, охотнѣе примется за улучшенныя нововведенія въ хозяйствѣ, особенно если онъ имѣетъ передъ глазами удачныя опыты, произведенныя его же руками въ экономіи своего помѣщика; и тотъ, кто его научаетъ полезнымъ нововведеніямъ, навѣрное приобрететъ его довѣріе и признательность.

Когда крестьянинъ богатъ, онъ охотно и своевременно уплачиваетъ казенныя и общественныя повинности: этимъ самымъ правительство обезпечивается въ полученіи своихъ доходовъ.

Обратимся теперь къ управленію имѣніемъ. Если помѣщикъ управляетъ самъ, то это болѣею частію служитъ доказательствомъ, что онъ имѣетъ къ тому охоту и достаточныя свѣдѣнія; или по-крайней-мѣрѣ желаетъ ихъ приобрести. Какъ ему нельзя вездѣ успѣвать, то естественно, онъ захочетъ имѣть прикащика, и въ этомъ случаѣ на-

дбно быть весьма осмотрительнымъ и опытнымъ въ выборѣ, отъ котораго болѣею частію зависить успѣхъ распоряженій старшаго.

Если у помѣщика есть воспитанникъ образцовой фермы, то это всего лучше; только не надобно его баловать; и для этого требуется большая сноровка: не возвышать человека выше той точки, на которой долженъ быть прикащикъ; но между-тѣмъ сдѣлать такъ, чтобы онъ всегда находился въ надлежащемъ разстояніи отъ тѣхъ, кому онъ долженъ приказывать отъ имени своего господина.

Онъ не долженъ имѣть повода забываться передъ своимъ господиномъ, но и не долженъ трепетать передъ нимъ; его надобно поставить на такую ногу, чтобы исполняя въ точности приказанія своего господина, онъ могъ всегда высказать ему свое мнѣніе свободно, не опасаясь грубаго отвѣту.

Прикащикъ можетъ имѣть неосновательное мнѣніе такъ же, какъ и всякой другой; въ такомъ случаѣ надежнѣйшее средство его вразумить есть то, чтобы ясно и со снискожденіемъ доказать ему, что онъ ошибся: если же напротивъ того, мнѣніе господина ошибочно, и прикащикъ успѣетъ ему это доказать, то благоразуміе и благородство души требуютъ, чтобы не краснѣя и не досадуя, сознаться въ своей ошибкѣ, поблагодаривъ того, кто успѣлъ насъ вывести изъ заблужденія: такой великодушный примѣръ докажетъ подчиненному, что нѣтъ стыда сознаться въ ошибкѣ; и онъ самъ охотно признаетъ свою ошибку, когда его мнѣніе окажется неосновательнымъ, хотя бы и подчиненнымъ случилось доказать ему это. Кичливость господина къ прикащику возродитъ кичливость послѣдняго къ мужикамъ, и тогда многое дѣлается дурно, что при благоразумнѣйшемъ обоюдномъ поведеніи дѣлалось бы хорошо, съ соблюденіемъ вотчинной пользы. Вообще система подобострастія и лести никогда не поведетъ къ добру, а гораздо легче и вѣрнѣе достигается полезная цѣль, когда каждому дозволено быть усерднымъ по силѣ его разумнія, не опасаясь отъ старшаго недовольнаго взгляду или грубаго отголоскованія. Домъ для прикащика долженъ быть на господскомъ дворѣ, или по-крайнѣй-мѣрѣ въ близкомъ раз-

стоянн отъ него, чтобы не далеко было за нимъ скодить, когда господинъ имѣеть въ немъ надобность, и чтобы тотъ могъ лучше надзирать за его поведеніемъ: на этотъ случай господинъ долженъ иногда заходить къ нему неожиданно, будто о чемъ поговорить; если онъ тамъ найдетъ чистоту и порядокъ, то похвалить его; а ежели противное, особенно худую компанію, то наединѣ его стыдить и увѣщевать; смотря по обстоятельствамъ и побранить; только не при людяхъ, чтобы не лишитъ его того уваженія, которое они должны къ нему имѣть, и не ругательными словами, изъ уваженія къ самому себѣ: строгая взыскательность, соединенная съ благосклоннымъ обращеніемъ, привязываютъ младшаго къ старшему, и заставляютъ его быть исправнымъ.

Содержаніе должно ему дать безнужное, чтобы избавить его отъ искушенія брать взятки съ крѣстьянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ лишиться ихъ уваженія, и быть вынужденнымъ имъ потакать. Мужики болѣею частью хитры и смѣтливы, и скоро откроютъ слабую сторону своего начальника; и лишь-только узнаютъ, что можно къ нему поддѣлаться подарками, или другимъ угожденіемъ, то не упустиатъ воспользоваться его слабостью. Тогда начнутся разныя несправедливости: прикащикъ будетъ поддерживать богатыхъ, имѣющихъ средства его дарить, противъ бѣдныхъ; отъ этого возродится справедливый ропотъ; бѣдные будутъ стараться открыть помѣщику глаза насчетъ прикащика. И какъ-скоро такіа дразги однажды заведутся, уничтожить ихъ ужъ трудно. Если помѣщикъ навлещетъ и рѣшится его смѣнить, то у него останутся родственники и богатые друзья, которые всѣми возможными ухищреніями будутъ стараться отмстить бѣднымъ, лишившимъ ихъ подкупленнаго покровителя.

Если прикащикъ исправенъ, то помѣръ его ревности въ исполненіи своей обязанности, помѣщикъ долженъ отъ времени до времени давать ему награды, не увеличивая окладнаго его жалованья, чтобы не лишитъ себя средствъ награждать.

Что жъ касается до нравственности прикащика, то помѣщикъ, дабы собственнымъ своимъ выгодамъ, долженъ по-

охладе наблюдать за нею, и для того ему необходимо, как можно больше, иметь прикащика при глазахъ. Молодой человекъ, только что вынужденный изъ земледельческаго училища, въ которомъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ житья съ товарищами одинаковаго съ нимъ простаго преподаванія, легко можетъ заблуждаться на свободу, особенно въ такомъ положеніи, въ которомъ долженъ привыкнуть жить; и если помѣщикъ не возьметъ на себя предостереженіе докончить нравственное его воспитаніе, то легко можетъ лишиться полезнаго помощника, которому въ сердцахъ собственнаго отсутствія онъ долженъ вѣрять, всегда на продолжительное время, все свое имущество.

Если помѣщикъ не имѣетъ собственнаго человѣка, котораго безъ мала опредѣляетъ въ должность прикащика, тогда ему позволѣнъ долженъ нанять сторонняго: въ этомъ случаѣ выборъ бываетъ затруднительнѣе. Опасно полагаться на рекомендаціи, и даже на аттестаты: рекомендаціи даются часто изъ честолюбія, чтобы бѣднѣею челоѣку пристраить къ мѣсту, а знаютъ ли онъ свое дѣло, какъ себя не заботятся; или чтобы обуть съ рукъ челоѣка, котораго дающій рекомендацію, или его пріятель, самъ не дозволяетъ; или по другимъ уваженіямъ.

Аттестаты также нерѣдко даютъ челоѣку, отъ котораго хотѣвъ отдѣлаться благонадѣянь образомъ: если тамъ, у кого онъ прежде служилъ, былъ имъ доволенъ, то зачѣмъ не удерживать при себѣ.— Конечно, могло также случиться, что помѣщикъ, у котораго онъ прежде служилъ, былъ дурной челоѣкъ, такъ что рекомендуемый самъ не хотѣлъ у него остаться; вообще, быть въ знакомствѣ у челоѣка, который не только не утѣетъ цѣнить трудъ и усердіе, а напротивъ того, дѣлаетъ еще разныя приданки и несправности, должно быть несомненно, и благородно выискивать челоѣка оставивъ такого казана при первомъ возможности.

«Если отъ необходимости собирать нужныя свидѣнія насчетъ живущаго за мѣсто прикащика у еясаго того помѣщика, у котораго онъ служилъ прежде, то не должно пренебрегать этою предосторожностью; впрочемъ, надобно также обращать вниманіе на отношенію и особенно на

первое впечатлѣніе, которое сдѣлаетъ на васъ представляющійся кандидатъ. Мудрено дурныхъ нравовъ человѣку принять на себя благородный, открытый видъ; и сколько бы онъ ни былъ самонадѣянъ, но не выдержитъ проницательнаго взору внимательнаго и опытнаго испытателя.

При первомъ уговорѣ должно обясниться съ нимъ откровенно насчетъ будущихъ отношеній между собою, чтобы ищущій мѣста могъ при первомъ приступѣ удостовериться въ томъ, что недолго проживетъ на этомъ мѣстѣ, если не исполнитъ въ точности принявшаго на себя обязанности, и не будетъ вести себя добросовѣстно; и рѣшимость его въ эту минуту можетъ открыть глаза помещику, который его нанимаетъ.

Переманить къ себѣ человѣка отъ другаго помещика, есть уже поступокъ неблагородный, и если это покушеніе удастся, то послѣдствія не надежны: человѣкъ, который рѣшился оставить одного хорошаго хозяина, чтобы перейти къ другому изъ прибавки жалованья, можетъ легко рѣшиться сдѣлать то же съ новымъ хозяиномъ, если третій предложитъ ему еще прибавку: это называется сляпкомъ много корыстолюбія; а корыстолюбивый человѣкъ, какъ бы ни притворялся честнымъ, не можетъ быть надеженъ.

Я нарочно распространился объ этомъ предметѣ, потому что удачный выборъ помещика рухнетъ уже въ продолженіе за успѣхъ хозяйственнымъ распоряженіемъ.

Приказчикъ принимаетъ приказанія отъ одного помещика, или его управляющаго; онъ, выйдя со старостой, или бурмистромъ, составляетъ записки для нарочнаго въ работу, соображаясь съ дѣйствительною надобностью, и надлежащее время представляетъ ихъ помещику на утвержденіе. Тотъ утверждаетъ записку, какъ она есть, или назначаетъ нужныя перемены, но ни чего приказчикъ передаетъ ее въ контору для записки въ книгу, оставаясь, чтобы подлинникъ; затѣмъ онъ передаетъ приказанія старостѣ, и распределяетъ людей по разнымъ работамъ, за которыми онъ въ свое время лично надзираетъ при помощи старосты и мездчиковъ.

Каждый вечеръ онъ несетъ помещику обо всемъ,

что происходило по вотчинъ втеченіи дня, и сверхъ-того, какія сдѣлалъ онъ особыя замѣчанія и предположенія для будущихъ занятій; возвратившись домой онъ заноситъ нужное въ журналъ, и доставляетъ въ контору всѣ свѣдѣнія, которые надобно тамъ записать.

Приказчикъ долженъ быть человекъ неутонченный, который бы все видѣлъ, и все зналъ, что дѣлается по вотчинѣ. Възъ его вѣдомъ никакой сторонній человекъ не долженъ нечестать въ вотчинѣ; почему для большей удобности надзора можно бы устроить постоянный дворъ недалеко отъ его квартиры. Этотъ постоянный дворъ можно отдать на откупъ въ помѣщичій доходъ, или поручить его надежному грамотному человеку изъ дворовыхъ, предоставивъ ему нѣкоторыя выгоды за его труды.

Приказчикъ долженъ распределять работы, сколько возможно, по-урочью: онъ долженъ удерживаться отъ тѣлеснаго наказанія, сколько обстоятельства позволяютъ; если же необходимость того потребуетъ, то производить легкія наказанія, не горючае, но хладнокровно, доказывая виновному справедливость и необходимость наказанія.

Русскій мужикъ очень чувствуетъ, когда онъ действительно виноватъ, и не въ претензіи, когда что за то наказываютъ; но когда наказаніе производится съ зашальчивостью и съ ругательствомъ, тогда онъ приписываетъ его личности, и считаетъ это обидою.

Приказчикъ не долженъ производить важныхъ наказаній безъ согласія міра или помѣщика, а по возможности стараться предупреждать причины къ наказанію, благоумными, умышленными уличаніями. Дерзостіе неповиновеніе и ругательная строптивость непременно должны быть наказаны тѣлесно, при собраніи прочихъ крестьянъ, чтобы это послужило примѣромъ для другихъ; и произведеніемъ два раза заминъ образомъ, слѣдуетъ отдать въ рекруты при первомъ наборѣ; потому что такого человека несправедливо единственною дисциплиною.

Былъ между крестьянами восприимчивъ споры, то приказчикъ долженъ стараться изъ марахъ, доказывая имъ правоту, что онъ действительно виноватъ, и убавляя правдою въ спорованію; если же виновный останется

благословенія отъ Бога; вѣдь онъ, говорятъ, фарисей, Богоотступникъ, помыльникъ антихриста; это не кончится добромъ, а намъ-то будетъ въ чужомъ царю похмѣлье! — Они услышали отъ дворовыхъ, что баринъ членъ масонской лжи, растолковали это по-своему, и все неудачи этого помѣщика приписали его холодности къ религiи; а дворовые сообщали крестьянамъ сужденiя о масонахъ, такъ имъ удавалось слышать въ столицѣ отъ разныхъ лицъ.

Другой помѣщикъ былъ добрый старичокъ, который уже давно жилъ въ своей деревнѣ, но деревенскому обществу усердно посѣщалъ церковь, наблюдалъ посты безъ лишнества, всегда говѣалъ въ Великiй Постъ; у него не только не было долговъ, но напротивъ того, онъ все мало-помалу прикупалъ деревеньки, воспитывалъ бѣдныхъ сиротъ, заводилъ разные улучшения по хозяйству, и жилъ, какъ говорится, принимаяючи: къ нему часто собирались сосѣднiе помѣщики и ихъ семейства, пировали у него на деревнiй ладъ, по-престу, безъ затѣи, безъ чванства и замерзлой роскоши, но сытно и весело; онъ не налагалъ на своихъ крестьянъ большого оброка и не только лишнего съ нихъ не требовалъ, но еще самъ помогалъ имъ въ нуждахъ, такъ что многiе сосѣднiе крестьяне имъ завидовали, говоря, что они живутъ, «какъ у Христа за пазухой»: зато и крестьяне любили его какъ отца роднаго, и говорили, — «дай Богъ еще много лѣтъ здравствовать нашему доброму барину, Панкратiю Михѣвичу; это не баринъ, а отецъ родной; онъ Бога помнитъ, за то и Богъ его не забываетъ». Надо было видѣть, какъ все его крестьяне и дворовые, отъ мала до велика, рыдали, прожояя гробъ добраго помѣщика, когда Богу угодно было принять его къ себѣ: это была горестъ не медлѣнная, но потихоньку спорба чувствительныхъ дѣтей, лишившихся вѣжливаго отца. 1

Возвѣстается, что Панкратiй Михѣвичъ старался внушить и дѣтямъ своимъ тѣ же правила, которыми онъ слѣдовалъ самъ: преодоленiи долготѣйшей своей жизни; и въ этомъ случаѣ обывалъ послѣдница, что обывало не дѣлано катити отъ аблони: Тихонъ и Николкариъ Панкратъевиче не слѣдовали завидательному примѣру отца, а благодѣтели

затѣ понынѣ въ отцовскомъ наслѣдїи, которое они еще расширили, скушая по-немножку сосѣднія имѣнія, продавая ихъ съ публичнаго торгу за невозможность банковаго долга. Между прочимъ одно такое имѣніе поступило въ продажу, и тамошніе крестьяне пришли просить Тихона и Поликарпа Панкратьевичей, чтобы они ихъ купили. Тѣ обѣщали, что у нихъ нѣтъ запасныхъ денегъ; мужики вышались доплатить все, что имѣніе будетъ стоить свыше банковаго долга, чтобы только достаться въ руки добрымъ соседямъ. Господа приняли это предложеніе, и впоследствии возвратили мужикамъ добровольную ихъ ссуду, и съ процентами.

Живя скромно, и съ запасомъ, они не имѣли надобности продавать свой хлѣбъ безъ остатку для уплаты долговъ, процентовъ, и удовлетворенія разныхъ причудъ и затѣй; оттого-то запасныя магазины оказались у нихъ полными, даже сверхъ узаконеннаго количества; такъ что не только ихъ мужички не чувствуютъ недостатка въ неурожайные годы, но спасаютъ еще другихъ отъ голодной смерти.

Высокоушныя сосѣди, съ пустыми кошельками, забавляются иногда изъ-подъ тишка надъ этими добрыми пощипывающими за то, что они не слѣдуютъ модамъ вразсужденіи своего туалета, а ходятъ дома обыкновенно въ русскіе кафтанахъ; что за столомъ вмѣсто шампанскаго и другихъ иностранныхъ винъ и ликеровъ подаютъ у нихъ аюгаре (водичка изъ ягодъ, пѣнившаяся какъ шампанское, и очень пріятная вкусомъ), хорошія домашнія наливки, равныя меды, и вина крымскія, или донскія; что ихъ экипажъ не по послѣднему фасону; что прислуга ихъ одѣта — мужская въ русскіхъ кафтанахъ, а женская въ сарафанахъ; что они преимущественно разговариваютъ между собою нерусски, а не по-французски; что они молитву творятъ сидя за столомъ, и вставая изъ-за стола; что они дѣтей своихъ благословляютъ, отправляя ихъ спать; обѣдаютъ въ саду, и Богъ знаетъ, надъ чѣмъ они изъ свѣтскаго малодушія не подѣваются! Однако же не могутъ ни въ чемъ отказать въ искренней уваженіи, охотно ѣдятъ къ нимъ кушать ихъ разнузданную хлѣбъ-соль, и уважаются около нихъ, чтобы

получить отъ нихъ денегъ займы. Но эти добрые люди не мало зато не сердятся, говорятъ, перекрестясь: — «прости имъ, Госноди, не вѣдять бо, что творять»; и искренно жалѣють о безразсудныхъ дѣйствіяхъ своихъ знакомыхъ, которые, какъ они говорятъ, «растрасаютъ отцовское наследіе; да наконецъ пустятъ своихъ дѣточекъ по-міру просить милостыни!».

При всемъ томъ наши почтенные старомодные помещики не научи; о, нѣтъ! они получили изысканное воспитаніе: франкъ роднаго дѣлка знаютъ хорошо французскій, нѣмецкій, и англійскій, имѣють достаточныя свѣдѣнія во всѣхъ русскому дворянину нужныхъ наукахъ; знаютъ хорошо музыку; порядочно рисуютъ; потолкались на бѣломъ свѣтѣ; лѣтъ по десятку служили въ гвардіи, были и за границею, и до-сыта тамъ наглядѣлись на все хорошее и худое, и не постыдились остаться — добрыми Русскими, потому что съ дѣтства было положено религіозное основаніе ихъ воспитанію, и что благоразумный отецъ, спасительнымъ прикѣромъ и здоровою логикою, внушалъ имъ истинно патріотическія чувства. Онъ любилъ твердить, что кто стыдится русскаго языка, платья, и вообще русскаго патриархальнаго быта, тотъ не достоинъ русскаго хлѣба! Оба его сына служили также по дворянскимъ выборамъ: Тихонъ Панкратьевичъ былъ одно трехлѣтіе уѣзднымъ судьей къ совершенному удовольствію нѣлаго уѣзда; а Поликарпъ Панкратьевичъ служитъ уже второе трехлѣтіе уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Оба привѣтливостью и непоколебимыми честными правилами умѣли снискать уваженіе и довѣренность всѣхъ сосѣдей, до того, что обыкновенно прибѣгаютъ къ нимъ, когда возникаютъ какія-либо ссоры или споры, и большею частію имъ удается помирить ссорящихся, и не допускать ихъ до тяжбы.

Они оба съумѣли сдѣлать удачный выборъ въ супружествѣ: жѣны ихъ премилыя, добрыя, хорошія хозяйки, и вѣнчательныя матери; оба семейства живутъ въ одной дѣлѣ, и такъ согласны между собою, какъ-будто у всѣхъ только одно желаніе, одна воля.

Я пользовался еще благорасположеніемъ почтеннаго Панкратія Михѣевича, поддерживалаю понѣмнѣ дружескія отно-

люди съ собою, и съ сердечнымъ умилениемъ ищающимъ всегда приятные часы, которые проводитъ въ обществѣ ихъ кругу. Другаго барина «фармазона», я такъ знаю; но не стану его описывать, потому что это никому не принесетъ пользы, и не принадлежитъ къ настоящему дѣлу; скажу только то, что въ управленіи его вотчинами вѣчное разстройство и беспорядки; крестьяне его не любятъ, и вѣрно скажутъ за что; долги у него колоссальные, а кто достанется его дѣтамъ? Правильно безпечности—послѣ меня ковы трава не растутъ!—Я выставилъ ему два крѣпѣра, чтобы показать необходимость уважать и цѣнить своихъ крестьянъ, и стараться заслужить ихъ любовь и уваженіе; въ противномъ случаѣ нельзя надѣяться на ихъ усердіе; а крестьяне стараются всегда узнать всѣ подробности, касающіяся до житія—бытія своихъ господъ; и хотя бы гдѣ нибудь далеко отъ нихъ, но крестьяне ихъ все-таки добываютъ всякаго свѣдѣнія, которыя при худомъ расположеніи они вѣрно толкуютъ еще въ худшую сторону.

Мы уже довольно говорили насчетъ выбора помещика; выборъ управляющаго долженъ быть сдѣланъ на тѣхъ же крѣпостцахъ, съ тою разницею, что на этомъ мѣстѣ выгоды имѣть членъ благороднаго происхожденія и съ твердымъ воспитаніемъ, чтобы онъ могъ съ большою ловкостью представлять лицо самаго помещика, какъ въ необходимыхъ отношеніяхъ къ должностнымъ лицамъ и присутственнымъ мѣстамъ, такъ и въ обращеніи съ сосѣдями: для члена общества, и, следовательно, равнаго въ обществѣ отношеніи, сдѣлать дѣло охотнѣе и скорѣе, нежели для члена, которому можно заставить дожидаться въ передней, и который не можетъ приблизиться иначе, какъ съ подобострастіемъ; первый будетъ имѣть свободный доступъ и голоса, между тѣмъ, какъ послѣдній долженъ будетъ снискивать благорасположеніе камердинеровъ и докладчиковъ.

Первый легче войдетъ въ нравственное отношеніе помещика къ крестьянамъ, и послѣдніе имѣютъ къ нему болѣе уваженія, нежели къ начальнику, близкому имъ по званію: даже общественыя, вѣрнѣе дружескія отношенія управляющаго съ сосѣдними помещиками могутъ ему быть слу-

жить въ пользу по вотчиннымъ дѣламъ его довѣрителя; слѣдовательно, всѣ эти уваженія говорятъ въ пользу правила, чтобы для занятія мѣста управляющаго предпочитать человѣка изъ благороднаго сословія, человѣку низкаго происхожденія, если онъ, впрочемъ, имѣетъ потребныя для этой должности свѣдѣнія, при хорошей нравственности и дѣятельности.

Я опишу здѣсь вотчинную контору, какъ бы надлежало ей быть въ значительномъ имѣніи, для легчайшаго соблюденія должнаго порядку во всѣхъ частяхъ по экономіи; каждому помѣщику легко будетъ сообразиться съ этимъ очеркомъ, чтобы устроить свою вотчинную контору по частнымъ своимъ обстоятельствамъ.

Вотчинная контора должна находиться на господскомъ дворѣ, и быть устроена слѣдующимъ образомъ:

Сперва свѣтлыя сѣни; въ нихъ съ одной стороны мѣсто для кладки рубленыхъ дровъ для топки; тутъ же долженъ стоять боченокъ, или кадка, съ чистою водою, и съ ковшомъ; по другую сторону чистое отхожее мѣсто.

Далѣе, свѣтлая же передняя, изъ которой топится печь, нагрѣвающая контору; одна дверь пойдетъ изъ передней въ контору, а другая въ жилище конторщика.

Контора должна быть просторная; посерединѣ большой письменный столъ съ ящичками, за которыми занимаются конторщикъ и письмоводитель, если по обширности вотчинныхъ дѣлъ имѣется надобность въ последнемъ; ящички въ столѣ должны запираются каждый особымъ ключомъ; сверхъ-того должны быть привинчены къ этимъ ящичкамъ и въ ближайшей къ нимъ наружной досчечкѣ по колечку, чтобы можно было посредствомъ шнурковъ привѣсить къ каждому ящичку воощанную печать. Конторщикъ и письмоводитель кладутъ въ эти ящички бумаги, документы, или деньги, за которыя лично отвѣтствуютъ.

На одномъ концѣ комнаты между двухъ окошекъ долженъ стоять особый письменный столъ съ такими же ящичками, для помѣщика, или управляющаго.

Вдоль стѣнъ должны стоять шкафы для храненія архивныхъ бумагъ, и разныхъ экономическихъ книгъ; въ среднемъ углу образъ; въ окошкахъ должны быть вѣшаны

железные рѣшетки, для лучшей безопасности отъ воровства, если контора въ нижнемъ этажѣ.

Въ конторѣ же должны стоять шкафы съ выдвигными ящиками и съ наклеенными на нихъ ярлыками, для храненія образчиковъ всѣхъ продажныхъ продуктовъ; чтобы покупщики, являющіеся въ контору, могли тотчасъ видѣть, какого качества продаваемый помѣщикомъ товаръ.

Денежные ящики должны находиться въ особой небольшой каморѣ, имѣющей входъ изъ конторы: тутъ хранится та часть доходовъ, которая по смѣтѣ должна поступать въ расходъ по вотчиннымъ оборотамъ, чтобы никогда не могло быть остановки въ предположенныхъ выдачахъ, для надлежащаго поддержанія вотчиннаго кредита.

Если имѣніемъ управляетъ управитель, то поступающіе доходы должны всегда храниться всѣ въ конторскомъ денежномъ ящикѣ, до законнаго ихъ употребленія, за печатями управителя и конторщика, изъ которыхъ первый оставляетъ ключъ отъ сундука у себя. Изъ сундука же вынимать, и оставлять у себя на мелочные текущіе расходы, управитель можетъ только небольшую сумму, соразмѣрную дѣйствительной надобности.

Въ денежной кладовой долженъ также храниться сундукъ съ мірскою кассою, съ принадлежащими къ нему приходо-расходными книгами: ключъ отъ этого сундука долженъ храниться у мірскаго расходчика, который, равно какъ староста, или бурмистръ, прикладываютъ къ нему свои печати.

Ключъ отъ кладовой хранится у помѣщика, или его управляющаго; ключъ отъ конторы у конторщика, на котораго и возлагается отвѣтственность за должный порядокъ и чистоту по конторѣ: въ передней же долженъ быть всегда денной и ночной караулъ, подъ начальствомъ конторщика.

Въ денежной кладовой должно также хранить купчія крѣпости, планы и межевыя книги, чтобы всегда имѣть ихъ подъ руками въ случаѣ надобности.

При вотчинной конторѣ должны быть заведены слѣдующія книги:

Ревизскія сказки.

Семейная опись дворовымъ людямъ, съ означеніемъ, кто въ какой состоитъ должности.

Подворная опись крестьянамъ, съ означеніемъ, кто состоитъ въ тяглѣ, или въ полу-тяглѣ, какъ мужчины, такъ и женщины; тутъ же означать, сколько каждое семейство имѣетъ разнаго скота.

Тягловая опись, съ означеніемъ, къ какому номеру пашни каждое тягло приписано.

Книга для записки наряда въ работу.

Въ правильно устроенномъ хозяйствѣ тяглы должны быть раздѣлены на двѣ половины, изъ которыхъ одна находится на господской работѣ первые три дня въ недѣлю, а другая остальные три дня: первымъ дѣлается нарядъ въ воскресенье съ вечера, а послѣднимъ въ среду съ вечера, и записывается въ книгу, сколько человекъ было наряжено въ какую работу. Хотя узаконено, что крестьянинъ долженъ работать на своего помѣщика по три дня въ каждую недѣлю, въ чемъ онъ и не посмѣетъ спорить, однако жъ у меня соблюдалось всегда правило, не вычитать табельныхъ и дождливыхъ дней, которые приходились втеченіи недѣли; а на какую половину упадетъ такой день, та имъ и должна пользоваться. Когда приходились два табельныхъ дня на одной недѣлѣ, то работа распредѣлялась такъ, чтобы каждая половина воспользовалась однимъ такимъ днемъ. Табельныхъ дней не такъ много въ году, чтобы помѣщикъ могъ значительно потерять отъ того, а крестьянамъ будетъ пріятно такое безпристрастіе помѣщика, и они взамѣнъ того будутъ усерднѣе работать въ прочіе дни. Какъ бы ни была нужна работа, но помѣщикъ долженъ соблюдать неизмѣнное правило, никогда не наряжать мужиковъ на свою работу въ ихъ дни; лучше нанять, или дѣлать помощь: справедливость того требуетъ; а чѣмъ болѣе крестьяне увѣрятся въ справедливости своего господина, тѣмъ болѣе они будутъ его любить и уважать. Есть еще помѣщики, которые въ нужную пору выгоняютъ всѣхъ мужиковъ и свою работу, пока она не кончена, напримѣръ, пока хлѣбъ не убранъ; и послѣ уже заверстаиваютъ имъ излишние забранные дни въ ненужное для него время; но что они этимъ выигрываютъ? Мужики будутъ работать съ неудовольствіемъ, все

какъ, и не сберегая господскаго добра; собственныи ихъ хлѣбъ, не сятый съ поля, пересѣвая, высыпается на землю; они также теряютъ значительную часть своего урожая, и помѣщикъ, или долженъ имъ оказывать нужную помощь, или они его обокрадутъ, или обнищаютъ сами, и пустятся въ шалашество и разныи развратъ; и слѣдовательно будутъ наконецъ самыми ненадежными работниками; дотогу, что нерѣдко придется помѣщику вносить за нихъ казенныя подати, чтобы не подпасть подъ опску.

Денежныя приходныя и расходныя общія.

Денежныя для записки выдачи жалованья, по алфавитному порядку. въ эту книгу записывается, сколько кому назначено оклада жалованья, и когда сколько выдано.

Для записки, сколько кому назначено мѣсчины, и сколько выдано, также по алфавитному списку: мѣсчину должно отпускать по-семейно въ началѣ каждаго мѣсяца впередъ: разумѣется, что это можетъ только касаться дворовыхъ или фабричныхъ, состоящихъ на господскомъ содержаніи.

Для записки, кому какое назначено платье, на какой срокъ, и когда что выдано.

Полевая книга, для подробной описи всѣхъ участковъ господской запашки, какъ выше было упомянуто.

Приходъ и расходъ по хлѣбной части.

Приходъ и расходъ по скотоводству и домашнимъ птицамъ, съ надлежащимъ раздѣленіемъ всѣхъ родовъ.

Приходъ и расходъ по пчеловодству.

Долговая книга, для записки ссудъ, двасмыхъ своими крестьянами; также долги по вотчиннымъ оборотамъ.

Общая книга, служащая перечисвою по всѣмъ прочимъ книгамъ: въ нее вносятся одни лишь итоги по отдѣльнымъ статьямъ: она будетъ служить помѣщику, какъ бы отчетомъ самому себѣ; а управляющій составитъ по ней свой отчетъ помѣщику.

Настольная, приходная и расходная; въ нее вписывается немедленно каждая статья денежнаго приходу и расходу; а нѣтъ нея онъ въ тотъ же вечеръ, или въ слѣдующее утро переносится въ отдѣльныя книги по принадлежности.

Если есть мельницы, маслобойни, или какія фабрики, то по каждой части должна быть особая книга.

Книга для записки копій съ исходящихъ бумагъ.

Книга для записки краткаго содержанія входящихъ бумагъ.

Штрафная книга: въ нее записываются всѣ проступки крестьянъ, и чѣмъ они были наказаны: при рекрутскихъ наборахъ эта книга послужитъ руководствомъ для назначенія кандидатовъ въ военную службу.

Книга для записки всего, что касается до проживающихъ при вѣчнѣ отставныхъ солдатъ, безсрочно-отпускныхъ, солдатокъ и каптонистовъ.

Если есть въ числѣ крестьянъ такіе, которые платятъ оброкъ, то должно имѣть для записки ихъ особую книгу.

Книга для записки уроковъ, задаваемыхъ тягловымъ крестьянамъ на-зиму. Зимнихъ работъ для женскаго пола весьма мало, особенно гдѣ заведены молотильныя машины; тогда выдаются бабамъ и дѣвушкамъ ленъ и посконъ для пряденія и тканья. Это дѣлается урочно, рассчитывая по мѣстности, сколько онѣ за неимѣніемъ полевой работы могутъ спрядь и выткать въ это время безъ отягощенія: сперва дѣлаютъ пробу, сколько изъ фунта матеріала выйдеть пряжи, и по этому рассчитываютъ, сколько должно отпускатъ сыраго матеріалу на каждое тягло на-зиму. При этомъ надобно постановить правиломъ, чтобы въискать деньгами по опредѣленной цѣнѣ съ тѣхъ, которые, если онѣ все это время пользовались здоровьемъ, не выставятъ урокъ по лѣности, или выткуть дурной холстъ. Этимъ устранятся всѣ претензіи между хорошими и дурными, или лѣнивыми работницами; которыя же извѣстны нечистою работою, тѣмъ можно дать выткать мѣсячный холстъ, соразмѣря назначаемый урокъ по толщинѣ холста.

Тканье тонкихъ холстовъ и полотень, и пряденіе тонкихъ нитокъ поручается обыкновенно дворовымъ женщинамъ и дѣвушкамъ, также урочнымъ образомъ.

Дляощренія къ лучшей отдѣлкѣ издѣлія, можно уменьшитъ уроки тѣмъ, которыя представляютъ лучшее противъ прочихъ издѣліе; или если урокъ уже выполненъ, то дать такимъ, или денежную награду, или освободить ихъ на

опредѣленное время отъ господской работы; такими мелочными наградами можно гораздо вѣрнѣе успѣть возбуждать соревнованіе, нежели строгіи взысканіемъ, или наказаніями.

Долговая книга по крестьянскимъ займамъ. Если свои крестьяне имѣютъ кредитныя отношенія къ стороннимъ людямъ, то должно имѣть въ вотчинной конторѣ особую книгу для записыванія въ ней, у кого свои крестьяне занимаютъ деньги, и на какихъ условіяхъ; а чтобы удержать своихъ крестьянъ отъ охоты дѣлать долги сверхъ своего состоянія, то должно повѣститъ всѣхъ сосѣдей, что при вотчинной конторѣ заведена долговая книга, въ которую должны быть записаны всѣ обязательства своихъ крестьянъ съ сторонними людьми, съ тѣмъ, что контора не будетъ входить ни въ какія разбирательства, или понужденія по долговымъ актамъ, въ той книгѣ незаписанными; поэтому всякій, желающій дать займы деньги, или отпустить товаръ въ долгъ крестьянину той вотчины, можетъ сперва справляться въ помянутой книгѣ, сколько уже долгу на желающемъ снова взять займы; при чемъ вотчинная контора объявляетъ настоящее положеніе дѣлъ заемщика. Если послѣ того заимодавецъ согласится кредитовать крестьянина, то сдѣлка ихъ записывается въ помянутую книгу, и вотчинное начальство понуждаетъ должника къ уплатѣ въ надлежащее время. Такимъ образомъ поддерживается вотчинный кредитъ, и контора знаетъ всегда настоящее положеніе дѣлъ своихъ крестьянъ.

Почтовая книга. Едва ли кто изъ почтмейстеровъ откажетъ помѣщику въ своемъ согласіи на веденіе такой книги. Порядокъ ея слѣдующій: чтобы не посылать каждый разъ мелкія деньги на почту для платы въсовыхъ или страховыхъ, почтмейстеру даютъ нѣкоторую сумму на этотъ предметъ впередъ; это записывается особою статью въ книгу, и почтмейстеръ подпискою своимъ свидѣтельствуетъ о полученіи ихъ: на другой сторонѣ записываются всѣ отправляемыя письма и посылки, котораго числа отправлены, и кому, а почтмейстеръ приписываетъ, что за нихъ взято въсовыхъ или страховыхъ; такимъ образомъ нельзя опасаться, чтобы отвозившія пись-

ма на почту обманываеь, и чтобы письма не дожидали; вездѣ, гдѣ я жилъ, заведенъ у меня такой порядокъ и у меня впродолженіи сорока-пяти лѣтъ ни одно еще письмо не пропало.

Заведеніе такого множества книгъ при вотчинной конторѣ, можетъ-статься испугаетъ многихъ съ перваго приступа; но безъ этого не можетъ быть надлежащаго порядка въ большой вотчинѣ, и именно этотъ порядокъ необходимъ при вѣрной оцѣнкѣ имѣнія. Впрочемъ, эта многочисленность книгъ не такъ затруднительна, какъ, вѣроятно, многіе воображаютъ: нужно только приучить конторщика къ строгому соблюденію порядка, и въ этомъ ярлыки; наклеенные на выдвижныхъ ящикахъ, чрезвычайно облегчатъ работу; напримеръ: въ ящикѣ съ ярлыкомъ — о скотоводствѣ — должны лежать всѣ счета, вѣдомости, и прочая, что до этой части касается, и сверху снуровой книги; въ ящикѣ прихода и расхода по хлѣбной части всѣ документы къ ней относящіеся, и сверху снуровая книга; и такъ по всѣмъ предметамъ, слѣдовательно, нужно только конторщику взглянуть на шкафъ съ задвижными ящиками, и онъ тотчасъ увидитъ, гдѣ что найти.

Если въ вотчинѣ есть значительная фабрика, то она должна имѣть свою особую контору, съ принадлежащими къ ней снуровыми книгами; эта контора должна представлять подробныя мѣсячныя вѣдомости въ вотчинную контору, которая въ свою книгу вноситъ только итоги, извлекаемые изъ вѣдомостей; самыя же вѣдомости прилагаетъ къ своей книгѣ въ назначенный для нея ящикъ.

Можетъ-быть, что инымъ читателямъ покажется излишнимъ, что я съ такою подробностью описалъ вотчинную контору; но я пишу не для тѣхъ, которые уже знаютъ, и можетъ-быть соблюдаютъ описанный здѣсь порядокъ, а для тѣхъ, которые его не знаютъ, и желаютъ научиться лучшему устройству по распорядительной части. Напрасно иные примутъ такой порядокъ за цеданство; напротивъ того, онъ чрезвычайно облегчаетъ труды по управленію имѣніемъ.

Не бесполезно будетъ имѣть при конторѣ маленькую библиотеку, составленную изъ Земледельческой Газеты, По-

средства, Эконома, разныхъ журналовъ и книгъ, до сельскаго домоведства относящихся: слѣдовало бы также держать при конторѣ Сенатскія Вѣдомости, чтобы всегда имѣть въ виду всякія новыя узаконенія, и Коммерческую Газету, чтобы знать цѣны и требованія на всѣ продукты, и по этому соображать свои дѣйствія. Къ конторской библіотекѣ принадлежатъ также Сводъ Законовъ, чтобы можно было во всѣхъ частяхъ соображаться съ законными постановленіями. Часто можетъ случиться, что конторщикъ, или его письмоводитель, не будутъ заняты дѣлами по конторѣ, то въ свободное время займутся чтеніемъ тѣхъ книгъ и вѣдомостей для удовлетворенія своего любопытства, и такимъ образомъ приобретутъ полезныя свѣдѣнія, которыя они потомъ передадутъ крестьянамъ, изъ самолюбія, чтобы выказать свое знаніе, а между-тѣмъ незамѣтно ознакомить ихъ съ порядкомъ вещей.

Воспитанники образцовыхъ фермъ, возвратившіеся въ вотчину по истеченіи учебныхъ лѣтъ, должны также имѣть право пользоваться этою библіотекою.

=

ЗАПИСКИ И ВОСПОМНЕНИЯ О ПУТЕШЕСТВІИ ПО АНГЛІИ, ФРАНЦІИ, БЕЛЬГИИ И ГЕРМАНИИ, ВЪ 1842 ГОДУ, ПРОФЕССОРА СИМОНОВА. КАЗАНЬ, ВЪ ТИП. УНИВЕРСИТЕТСКОЙ, 1844, ВЪ 8, СТР. 333, СЪ РИСУНКАМИ.

ОЧЕРКИ БЕРЕГОВЪ РЕЙНА И ШВЕЙЦАРІИ. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА, КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА МЕЩЕРСКАГО. МОСКВА, ВЪ ТИП. УНИВЕРСИТЕТСКОЙ, 1844, ВЪ 8, СТР. 342.

Не будемъ спорить о пользѣ путешествій. Надобно путешествовать. «Путешествуй, кто только можетъ», говорилъ Карамзинъ. «Кто видѣлъ только свою родную страну, тотъ читаетъ только одну страницу изъ великой книги природы и жизни», говорилъ Байронъ, а кому же дастъ толкъ о чемъ-нибудь одна страница изъ огромнаго сочиненія въ несколькихъ томахъ? Посылайте путешествовать всякаго кто недоволенъ дома, — пусть онъ увидитъ и убѣдится, что «тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ», пусть испытаетъ «тоску по родинѣ», и поспѣшитъ обратно, повторяя:

Довольно я скитался въ злѣйшемъ мірѣ,
Вдали моихъ отечественныхъ звѣздъ!
Я видѣлъ Римъ—величія погостъ,
Венецію въ разодранной поребри,
Печальную—а Неаполемъ Мекъ,
Миллѣи нѣтъ сталъ чемъ Rome del sospir!

А что и говорить о тѣхъ странствователяхъ, которые полетятъ на чужбину, какъ пчелы, и принесутъ плоды странствованій въ своихъ наблюденіяхъ, въ

замѣткахъ о томъ хорошемъ чего еще нѣтъ у насъ! Путешествовать, путешествовать, милостивые государи, и посмотрите, какъ усердно слѣдуютъ нынѣ всѣ столь благому совѣту. Всѣ ѣдутъ, кто учиться, кто лечится, кто за полезнымъ, кто за тоскою по родинѣ, кто отъ отъ нечего дѣлать, но только ѣдутъ всѣ.

Съ невольной задумчивостью смотрѣлъ я, какъ заборозилъ по Невѣ гордый, самодовольный парохоль, и десятки рукъ замахали съ берега и парохода шипами и платками, и на десяти языкахъ раздавалось: «Счастливыи путь! До свиданья!» Мнѣ пришло въ голову что до-сихъ-поръ,

Не могъ, но силъ я судьбы устава,
Перешагнуть за русскій нашъ порогъ.
Всю матушку-Россию слѣва, справа
Изъездивши, и вдовѣ и попереть.....

Что дѣлать! А, какъ-тогда, вѣтъ легко, раздумать и по-
каль! Много ли средствъ наобико теперь, съ парохо-
дами и широкими, промашитесь слѣва, справа, вдовѣ
и попереть по всей Европѣ? Лѣтъ на пятьдесятъ даже
изъ Москвы въ Харьковъ, или изъ Мавани въ Тамбовъ,
труднее было проехать; теперь изъ Москвы
въ Царинъ, изъ Нездербурга въ Мадридъ! Судьба, судь-
ба! Когда-нибудь съ ливной постараюсь вознагради-
ть за прошедшее, побѣду въ Цариградѣ, посмотрю Иеру-
лимъ, взгляну на обломки Аѳинъ, полюбуюсь на Не-
аполь, преклонюсь передъ державнымъ старцомъ Ри-
момъ, перейду черезъ Сенъ-Готардъ, осмотрю ледники
Монблана, стану призывать имя Лауръ, при струяхъ
Воклюза, увижу Нарвиъ, съ его телеграмми и чудесами,
Лондонъ, съ его кораблями и богатѣею торговлею...
А Рейнъ, съ его воспоминаніями? А ты, Амстердамъ,
съ своими плотинами, патриархальная Германия, ро-
скошная Вѣна, шеголь Берлинъ, вы, скалы Скандина-
вскія, какъ не посвятить васъ! Daphn, Daphn! Tuda,

туда!... Стой; воображеніе! Покаместъ мы идемъ вмѣстѣ съ тобою отъ Англійской Набережной къ Поцелуеву Мосту; и пока мы собираемся, время дѣлаетъ свое; также путешествуетъ, и считаетъ песчинки своихъ неумолимыхъ часовъ, и, можетъ-быть, досчитываетъ для насъ послѣднія, и велитъ намъ отправиться съ путешествовать—только не по Европѣ....

Выкупивъ же угрюмую дѣйствительность твоими мечтами, другъ и братъ нашъ, воображеніе, ты, отъ котораго пески и степи кажутся очаровательными садами, для котораго нѣтъ разстояній, не надобно ни пароводовъ, ни паровозовъ.

И оно, всегда услужливое, готово явиться на призывъ. Оно проситъ васъ спокойно сѣсть въ ваши кресла, подносить вамъ сигарку, если вы курите, и отъправляется съ вами..... куда? Куда прикажете! Вотъ сейчасъ проехали мы съ нимъ въ Лондонъ, повернули въ Парижъ, проплыли по Рейну, присутствовали на ученномъ собраніи Германцовъ, лазили по альпійскимъ ледникамъ. Не угодно ли и вамъ совершить такую же прогулку? Ничего нѣтъ легче: вотъ вамъ два новыхъ путешествія — читайте ихъ и сопровождайте мечтами путешественниковъ по сушѣ и по морю; они оба наши земляки, оба такъ мастерски рассказываютъ, что не тратя ни денегъ, ни времени; благодаримъ и воображенію, вы наглядитесь и насладитесь вдоволь. Важъ угодно знать имена нашихъ путешественниковъ? Это господинъ Симонъ, профессоръ мюнхенскаго университета, и князь Метерский; котораго читали въ Гамбургѣ и Вельгѣ, впрочемъ, вы уже знаете. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочитавшіи повѣсти о путешествіи, которае совершилъ онъ въ 1842 году въ Англию, Францію и Германію; и другіе въ прогулкѣ его по Рейну и Швейцаріи; вы хотѣли передать здѣсь нѣсколько очерковъ ихъ нашимъ читателямъ, и такъ возбудить любопытство прочи-

тать оба путешествія вполне. Трудъ не будетъ потерянъ.

Особливо такое указаніе необходимо для путешествія господина Симонова. Могутъ подумать, что путешествуя какъ профессоръ астрономіи, онъ думалъ только о своей наукѣ, глядѣлъ только на обсерваторіи, и потому записки его не могутъ имѣть общаго интересу для читателей. Напротивъ, записки господина Симонова принадлежатъ къ числу самыхъ занимательныхъ путешествій. Онъ опытный странникъ: въ 1820 году онъ объѣхалъ кругомъ свѣта, съ достопамятнымъ путешественникомъ русскимъ, *Ф. Ф. Беллинсгаузенемъ*, и съ нимъ подходилъ къ южному полюсу ближе Кука. Потомъ господинъ Симоновъ ѣздилъ по Европѣ въ 1824 году, и прожилъ около года въ Парижѣ. Новое путешествіе было ему необходимо чтобы оживиться *европейскими* идеями, возобновить прежнія знакомства, завести новыя, обмѣняться своими открытіями на открытія ученыхъ собратовъ. Еще въ 1832 году Нѣмцы приглашали господина Симонова на съездъ свой. Въ 1842 году онъ имѣлъ главною цѣлью манчестерское собраніе англійскихъ ученыхъ, но задержанный обязанностями службы, онъ не явился, и рѣшился замѣнить его собраніемъ нѣмецкихъ ученыхъ, бывшимъ въ Маннцѣ.

Господинъ Симоновъ отправился изъ Кронштадта июня двадцатаго, достигъ на пароходѣ до Любека, осмотрѣлъ обсерваторію въ Гамбургѣ, и другую въ Альтопѣ, гдѣ познакомился, на возвратномъ пути, съ заслуженнымъ астрономомъ Шумахеромъ, бывшимъ директоромъ копенгагенской обсерваторіи. Мы не будемъ слѣдовать за нимъ ни на ту, ни на другую, и даже на гринвичскую обсерваторію. Намъ гораздо любопытнѣе, когда господинъ Симоновъ знакомитъ насъ съ учеными, имена которыхъ произносимъ мы почтительно, какъ ученыхъ, знакомитъ и съ ними; какъ съ людьми. Онъ

видѣлся въ Лондонѣ съ знаменитымъ любителемъ астрономіи, графомъ Россомъ, узналъ славнаго путешественника Сабина, бесѣдовалъ съ Бебеджемъ объ его машинахъ, слышалъ отъ извѣстнаго астронома Соута подробности о жизни Фаредѣ, и передаетъ намъ свои воспоминанія о Гершелѣ. Выписываемъ все это въ сокращеніи, потому что здѣсь читатели увидятъ множество драгоценныхъ подробностей.

Юля пятаго, въ осемь часовъ вечера, обѣдалъ я у графа Росса вмѣстѣ съ Морчиссономъ, капитаномъ Бофортомъ, Бебеджемъ, Соутомъ, Витстономъ, кенигсбергскимъ математикомъ Якоби, дублинскимъ профессоромъ математики Макъ-Кулохомъ, и миланскимъ астрономомъ Фризіани. Столъ былъ богатый, обѣдъ роскошный, а бесѣда столь извѣстныхъ въ ученomъ мѣрѣ людей весьма занимательная. Глубокая ученость перемежалась съ остроуміемъ самымъ пріятнымъ образомъ. Графъ Россъ любитъ механическую и созерцательную часть астрономіи. Въ его ирландскомъ имѣніи дѣлаются испанскіе рефлекторы, по правиламъ Ньютона. По словамъ графа въ его телескопъ съ зеркаломъ, въ три фута въ діаметрѣ, съ увеличеніемъ отъ 1,100 до 1,600 разъ, въ туманныхъ пятнахъ Лиры и рогахъ Тельца видны такіа мелкіа звѣзды, какихъ никто не видалъ ни въ рефракторы, ни въ гершелевы трубы. Теперь у графа Росса дѣлается телескопъ въ 56 футовъ длиною, съ зеркаломъ въ шесть футовъ въ діаметрѣ. Это будетъ самая огромная труба въ мѣрѣ; плоскость ея зеркала *въ два съ четвертью* раза болѣе площади самыхъ большихъ гершелевыхъ зеркалъ, и почти въ двадцать-пять разъ болѣе площади стеклупулковскаго рефрактора. Графъ Россъ увѣряетъ, что у него съ помощію паровой машины, вытачиваются и полируются правильныя параболическіа зеркала изъ массы, составленной изъ четырехъ атомовъ мѣди и изъ одного атома олова. Такимъ образомъ механическіа средства астрономіи безпрестанно совершенствуются. Главное неудобство металлическихъ зеркалъ состоитъ въ томъ, что полированная поверхность металла окисляется отъ прикосновенія воздуха и теряетъ отражательную силу. Графъ Россъ увѣряетъ,

что у него найдено средство содержать зеркала въ безвоздушномъ мѣстѣ. Это можно сдѣлать въ то время, когда не производится наблюденія, оставляя весьма малое пространство между зеркаломъ и его крышкой, и вытягивая отуда воздухъ. Но во время наблюденій невозможно сберечь зеркала отъ прикосновенія воздуха и окисленія. По этой именно причинѣ *рефракторы*, или трубы со стеклами, предпочитаются *рефлекторамъ*, или телескопамъ съ металлическими зеркалами. Многія европейскія обсерваторіи имѣютъ гершелевы трубы самаго большаго размѣру безъ всякаго употребленія. Между-тѣмъ, какое великолѣпное зрѣлище представилось Гершелю, когда наблюдательное око его вооружилось въ первый разъ вновь сдѣланнымъ имъ, въ 1789 году, телескопомъ, увеличивавшимъ предметы въ 6,000 разъ! Онъ открылъ множество звѣздъ тамъ, гдѣ въ другіе очень сильныя телескопы едва примѣтны были бѣлыя пятна; вхожденіе Сиріуса въ поле трубы его предшествовалось, какъ-будто утренней зарей, и звѣзда являлась потомъ съ блескомъ восходящаго солнца; очень малыя звѣзды изливали въ трубѣ Гершеля свѣтъ, равный совокупному свѣту всѣхъ звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ, а пятно Ориона распространяло въ ней свѣтъ, равный дневному.

Говоря обыкновеннымъ языкомъ, металлическія зеркала скоро тускнутъ, но кромѣ этого недостатка, они поглощаютъ лучи свѣта несравненно болѣе, нежели чистыя стекла. Самъ Вилліамъ Гершель доказалъ это опытами, основанными на фотометрическихъ способахъ Бугера, и нашель:

1) если 100,000 лучей падаютъ почти перпендикулярно на плоское, совершенно гладкое зеркало, сдѣланное изъ смѣси металловъ, каковую Гершель употреблялъ въ своихъ телескопахъ, то оно отразитъ только 67,300 лучей.

2) если 100,000 лучей проходятъ сквозь обыкновенное стекло, толщиною почти равное глазнымъ стекламъ большаго увеличиванія, и почти перпендикулярно къ ея совершенно полированнымъ и параллельнымъ поверхностямъ, то черезъ это стекло пройдутъ 94,800 лучей.

Самая большая диоптрическая труба, или рефракторъ, находится нынѣ на Главной Пулковской Обсерваторіи, съ

предметнымъ стекломъ въ $14\frac{1}{2}$ дюймовъ, а длиною въ 21 футъ. Вторыя по величинѣ четыре такого роду трубы, длиною около 14 футовъ, съ предметнымъ стекломъ около $9\frac{1}{2}$ дюймовъ, находятся на обсерваторіяхъ дерптской, казанской, берлинской и мюнхенской. Всѣ онѣ сдѣланы въ заведеніи Уцшнейдера и Фраунгофера, въ Мюнхенѣ. Кромѣ дѣлаютъ въ Парижѣ также большія стекла до $13\frac{1}{2}$ и до 14 дюймовъ въ диаметрѣ; но до-сихъ-поръ ни одной трубы съ такимъ большимъ стекломъ Кошоа нѣтъ въ употребленіи. Главное затрудненіе, дѣлать большія ахроматическія стекла, заключается въ составленіи массы стекла, называемаго *Флинтъ-глассъ* (flint glass). Этотъ родъ стекла заключаетъ въ себѣ очень много свинцу, который, при охлажденіи расплавленной массы, по тяжести своей, неровно садится, почему трудно выточить изъ флинтъ-гласса, большую линзу, такъ, чтобы свинецъ расположился равномерно во всемъ ея объемѣ. Еще Шретеръ предложилъ раздѣлить флинтъ отъ кронъ-гласса, и поставить его внутри трубы, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сходящіеся лучи позволили бы употребить стекло изъ флинта въ меньшемъ размѣрѣ противъ предметнаго стекла изъ кронъ-гласса. Такія трубы, называемыя *диалетическими*, дѣлаются нынѣ, въ маломъ размѣрѣ въ Вѣнѣ, Плесселемъ. Но до-сихъ-поръ онѣ не вошли еще въ употребленіе, думаю потому, что Плессель дѣлаетъ ихъ очень мало, такъ, что заказавшя ему, за нѣсколько лѣтъ, диалетическія трубы для пужковской и казанской обсерваторіи, до-сихъ-поръ еще не сдѣланы. Если это искусство усовершенствуется, то можно будетъ дѣлать гигантскія диалетическія трубы, въ которыхъ стекло изъ флинтъ-гласса будетъ имѣть въ диаметрѣ до пятнадцати дюймовъ, а предметное стекло изъ кронъ-гласса въ соразмѣрности гораздо болѣе.

«Большія предметныя стекла имѣютъ тотъ недостатокъ, что, по толщинѣ своей, поглощаютъ много лучей. Мнѣ кажется, что этому можно помочь, дѣлая ихъ наподобіе френелевыхъ зажигательныхъ стеколъ, которыя, будучи въ три фута въ диаметрѣ, плавятъ платину. Если усовершенствуется способъ вытачивать стекла изъ кронъ-гласса съ параболическими поверхностями, имѣющими одинъ фо-

кусь, то отъ діалектическихъ трубъ, съ такими предметными стеклами, должно ожидать чрезвычайной силы свѣту, и предвидѣть невозможно, что съ помощью ихъ на небѣ и на поверхности септмилъ небесныхъ усмотрѣть будетъ можно.

«Осмотрѣвши гриничскую обсерваторію мы поѣхали въ Вуличъ. Намѣреніе мое было видѣться и познакомиться съ подполковникомъ Сэбиномъ (Edward Sabine), который съ неутомимою дѣятельностію и съ отличными успѣхомъ занимается изслѣдованіемъ земнаго магнетизма. Господинъ Сэбинъ, въ званіи артиллерійскаго капитана, совершилъ два путешествія въ Ледовитое Море Сѣверной Америки, одно подъ командою капитана Росса-старшаго (John Ross), другое подъ начальствомъ капитана Пэрри (Edward Parry). Нынѣ господинъ Сэбинъ, будучи артиллеріи подполковникомъ, занимаетъ мѣсто вице-президента Королевскаго Общества и главнаго секретаря Британскаго Общества для успѣховъ наукъ. Онъ завѣдуетъ въ Вуличѣ прекраснымъ и полнымъ собраніемъ инструментовъ, служащихъ къ изслѣдованію дѣйствій земнаго магнетизма, приучаетъ къ ихъ употребленію желающихъ заняться этимъ предметомъ, разсматриваетъ всѣ магнитныя наблюденія, производимыя подъ покровительствомъ англійскаго правительства, или британскихъ ученыхъ обществъ, выводитъ результаты изъ наблюденій, и публикуетъ ихъ въ запискахъ Лондонскаго Королевскаго Общества наукъ, издаваемыхъ ежегодно подъ названіемъ: *Philosophical Transactions*.

«Господинъ Сэбинъ, въ 1838 и 1839 годахъ, представилъ Британскому Обществу, пекущемуся объ успѣхахъ наукъ (British Association for the advancement of Science), доисловія объ измѣненіи напряженія силъ земнаго магнетизма, и линіяхъ равнаго наклоненія (Isoclinal) и равнаго напряженія (Isodynamic). Они заключаютъ въ себѣ любопытныя свѣдѣнія объ изслѣдованіяхъ надъ земнымъ магнетизмомъ, карты, составленныя изъ многочисленныхъ наблюденій. Когда баронъ Александръ Гумбольдтъ, въ письмахъ своихъ къ герцогу Суссекскому, въ 1836 году, и къ графу Минто, въ 1839 году, изложилъ всю подлазу, какой отъ

познанія законовъ земнаго магнетизма ~~обладать~~ должно; и когда послѣ того англійское правительство и британскія ученые общества учредили въ мѣстахъ тропическихъ и въ умѣренномъ полсѣ южнаго полушарія магнитныя обсерваторіи, то господинъ Сэбинъ составилъ для нихъ полную инструкцію о томъ, какимъ образомъ должно производить магнитныя и метеорологическія наблюденія. Россія приняла дѣятельное участіе въ этомъ полезномъ предпріятіи, и учредила, какъ внутри обширной имперіи до Америки, такъ и за предѣлами ея до Пекина, многія магнитныя обсерваторіи. Такимъ образомъ ученые заведенія Россіи и Англій, Санктпетербургская Академія Наукъ, Штабъ Горныхъ Инженеровъ, Казанскій Университетъ и Лондонское Королевское Общество, вошли въ тѣсное между собою отношеніе.

«Занмаясь теоретическими и практическими изслѣдованіями земнаго магнетизма, и имѣя смотрѣніе надъ казанскою магнитною обсерваторіею, я желалъ познакомиться съ Сэбиномъ и войти съ нимъ въ ученое сношеніе. Мнѣ пріятно было найти въ немъ человѣка, страстнаго къ наукамъ по уму, добраго по сердцу и дружелюбнаго въ обращеніи. Никогда не забуду обязательнаго гостеприимства его любезнаго семейства.

«До пріѣзду моего въ Вуличъ, я не былъ знакомъ съ господиномъ Сэбиномъ лично, но спутникъ мой, Фризіани, познакомился съ нимъ въ Манчестерѣ, и предупредилъ Сэбина о своемъ пріѣздѣ, почему и выслана была ему на встрѣчу коляска; въ ней была госпожа Сэбинъ съ матерью. Когда я подошелъ съ Фризіани къ дамамъ, онѣ догадались, что это былъ я, потому что знали о моемъ прибытіи въ Лондонъ, и о томъ, что я не замедлю посѣтить господина Сэбина. Едва мы подъѣхали къ дому, въ которомъ Сэбинъ занимается дѣлами по службѣ, онъ вышелъ на крыльцо, и увидѣвъ во мнѣ незнакомаго человѣка, такъ же какъ и его дамы, по догадкѣ, назвалъ меня по имени. Тутъ, въ отдѣленіи господина Сэбина, видѣлъ я полное собраніе прекрасныхъ инструментовъ, относящихся къ изслѣдованію земнаго магнетизма. Съ помощью ихъ господинъ Сэбинъ приготовляетъ наблюдателей, и дѣлаетъ свои опыты и изысканія;

но постоянныя, ежедневныя наблюденія производятся на гринвичской обсерваторіи. Семейство господина Сабина живет недалеко отъ Вулича, въ мѣстечкѣ, называемомъ Кенткетчъ. Господинъ Сабинъ пригласилъ насъ обѣдать, времени до обѣда оставалось довольно много, дамы предложили намъ видѣть арсеналъ и адмиралтейство, на что мы имѣли уже позволеніе изъ Лондона. Осмотрѣвъ въ этихъ двухъ обширныхъ заведеніяхъ всѣ работы, относящіяся къ приготовленію артиллерійскихъ орудій, и все кораблестроительное производство, мы поѣхали въ Кенткетчъ. Желая видѣть окрестности Вулича, мы объѣхали кругомъ по прекрасной дорогѣ, гдѣ, между прочимъ, показали намъ замокъ времени Елизаветы, принадлежащій фамиліи Вильсонъ. Англичане дорожатъ такими родовыми замками, потому что они означаютъ древность фамиліи, и напоминаютъ старинныя британскіе обычаи и прежній британскій влустъ.

«Во все время пребыванія моего въ Лондонѣ, часто бывалъ я въ Кенткетчѣ у господина Сабина. Онъ простираетъ ко мнѣ свою дружбу до того, что будучи предувѣдомленъ о моемъ посѣщеніи, всякій разъ присылалъ за мною карету въ Гринвичъ, куда я пріѣзжалъ по желѣзной дорогѣ. Иногда госпожа Сабинъ сама пріѣзжала за мной къ гринвичской желѣзной дорогѣ, съ кѣмъ шибудь изъ своихъ знакомыхъ дамъ. Небольшое, но пріятное общество, которое я встрѣчалъ у господина Сабина, и въ нѣкоторыхъ другихъ лондонскихъ домахъ, утвердило меня въ мнѣніи объ отличномъ воспитаніи Англичанокъ. Госпожа Сабинъ въ юности своей прілежно училась математикѣ, и любила эту науку до того, что не пропускала уроковъ, несмотря на болѣзнь, если случалось ей быть нездоровою. Она помогаетъ мужу дѣлать магнитныя наблюденія, знаетъ нѣмецкій языкъ, и переводитъ для мужа статьи Гаусса, относящіяся къ магнитнымъ изслѣдованіямъ. Она перевела съ нѣмецкаго языка на англійскій, и напечатала путешествіе нашего контръ-адмирала Врангеля по берегамъ Ледовитаго Моря. Это напоминаетъ мнѣ госпожу Гершель (Miss Caroline Herschel), которая наблюдала комету Энке, и составила каталогъ двойныхъ звѣздъ изъ наблюденій брата своего Вильяма Гер-

щедя, госпожу Сомервилъ, которая перевела небесную механику Лапласа, и составила прекрасную книгу подъ названіемъ: *Взаимная связь физическихъ наукъ*.

«Положимъ, что Каролина Гершель и Марія Сомервилъ, посвятивъ себя исключительно наукамъ, вышли уже изъ круга сравненій, но вотъ другой примѣръ изъ обыкновенной семейной жизни.

«Въ 1816 году, Араго и Ге-Люссакъ пріѣхали въ Лондонъ. Френель, сочиненіемъ своимъ объ отклоненіи свѣта (*diffraction*), блистательно вступилъ тогда на поприще наукъ. Французскіе ученые почитали одинъ изъ опытовъ Френеля опроверженіемъ Нютоновой теоріи. Разумѣется, онъ былъ первымъ предметомъ ихъ разговоровъ съ докторомъ Юнгъ, который подобными трудами прославилъ Англію. Юнгъ объявилъ имъ, что этотъ опытъ былъ напечатанъ въ 1807 году, въ его разсужденіи объ естественной философіи. Араго и Ге-Люссакъ усомнились, изъ чего произошелъ продолжительный споръ. Госпожа Юнгъ, повидимому, не принимала никакого участія въ ихъ спорѣ, и вышла изъ гостиной. Французскіе ученые сначала думали, что она недовольна нескромнымъ споромъ гостей претивъ ея мужа. Они начали уже извиняться передъ нимъ, какъ-вдругъ она входитъ въ гостиную съ огромною книгою. Это былъ первый томъ разсужденія объ естественной философіи Юнга. Хозяйка положила книгу на столъ, открыла ее на 787 страницѣ, и не говоря ни слова, показала то мѣсто, гдѣ теоретически было доказано явленіе, о которомъ спорили.

«Надобно отдать справедливость Англичанкамъ, что онѣ никогда не тщеславятся своими познаніями. Онѣ боятся прослыть *учеными женщинами*, и получить названіе *blue stockings*, а потому бываютъ осторожны передъ посторонними людьми. Госпожа Сэбинъ, при всей своей любезности въ обращеніи, никогда не выказывала своихъ знаній, никогда не говорила о своихъ ученыхъ занятіяхъ, и никогда не вмѣшивалась въ нашъ разговоръ съ ея мужемъ о магнитныхъ явленіяхъ. Но она слушала внимательно то, о чемъ мы говорили, и мужъ ея всегда спрашивалъ у ней о томъ, что онъ забывалъ. Изъ отвѣтовъ ея можно было видѣть, что она принимаетъ участіе въ

его наблюденіяхъ, въ чемъ я удостовѣрился въ Лондонѣ отъ тѣхъ, кто ее знаетъ. Въ Англіи воспитанію дѣвицъ даютъ такое направленіе, что вышедши замужъ сообразно съ своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, онѣ дѣлаются ближайшими помощницами во всѣхъ дѣлахъ и занятіяхъ своего мужа. Такія связи служатъ лучшимъ залогомъ для семейнаго счастья.

«Кенсингтонская обсерваторія Соута одно изъ самыхъ обширнѣйшихъ и богатѣйшихъ заведеній такого рода, принадлежащихъ частному человѣку. Осмотрѣвъ ее, долго еще бесѣдовали мы съ нимъ въ его кабинетѣ. Разговоръ нашъ, переходя отъ одного предмета къ другому, коснулся, наконецъ, знаменитаго химика Фаредѣ. «Это человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенный», сказалъ мнѣ господинъ Соутъ, и подвелъ къ столу, на которомъ стоитъ подъ стекляннымъ колпакомъ электрическая машина, самой грубой работы, съ маленькимъ стекляннымъ цилиндромъ. Посмотрите на эту машину, продолжалъ онъ, и послушайте:

«Родители Михаила Фаредѣ принадлежали къ классу бѣдныхъ работниковъ. Братъ его былъ мѣдникъ. Михайлъ Фаредѣ отданъ былъ въ услуженіе, безъ платы, къ переплетчику Ригу, или Рибо, не упоминая. Онъ получалъ только полтора шиллинга въ день отъ людей, которымъ разносилъ газеты. Бывши семнадцати лѣтъ, онъ увидѣлъ гдѣ-то электрическую машину, и возмѣлъ сильное желаніе сдѣлать себѣ что-нибудь подобное. Накопивъ, въ пять или шесть мѣсяцевъ, нѣсколько шиллинговъ, хотѣлъ онъ купить маленькій цилиндръ, но у него не достало одного шиллинга. Онъ попросилъ взасемъ у хозяина, который далъ ему шиллингъ, съ условіемъ уплачивать по четверти долга черезъ каждые три мѣсяца. Фаредѣ купилъ, вотъ этотъ цилиндръ, за нѣсколько пенсовъ; плотникъ сдѣлалъ ему вотъ эти деревянныя подставки. Фаредѣ выпросилъ у хозяина, вотъ эту доску, которая принадлежала иѣкогда къ какому-то ящику. Доску онъ обрѣзалъ перочиннымъ ножикомъ. Желѣзнымъ раскаленнымъ прутомъ отъ камня прожегъ онъ дыры, и сдѣлалъ подставки. Братъ его продалъ въ цилиндръ мѣдную ось; другія мѣдныя части ма-

шины, очень дурной работы, сдѣланы были братомъ Фаредѣ, и куплены на пенсы, имъ сбереженные. Самъ Михаилъ Фаредѣ налилъ въ цилиндръ на оба конца по-немного сургучу, сдѣлалъ подушки, и покрылъ цилиндръ лоскуткомъ, вотъ этого изорваннаго галстука.—Сказавъ это, Соутъ показалъ мнѣ худую косынку, хранящуюся подъ тѣмъ же стекляннымъ колпакомъ. — Вотъ первое поприще Фаредѣ по предмету электричества, на которомъ онъ оказалъ столько услугъ своими важными открытіями.

— Какъ досталась вамъ эта машина? спросилъ я.

— Мы теперь друзья съ Фаредѣ. Однажды, рассказывая мнѣ свою жизнь, онъ жалѣлъ, что подарилъ первую свою электрическую машину бывшему пріятелю своему, съ которымъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, прекратилъ знакомство. Онъ не хотѣлъ просить ея обратно, и не хотѣлъ мнѣ сказать имени того, кому подарилъ ее. Но въ разговорѣ я вслушался въ имя Д....., нечаянно имъ произнесенное. Возвратившись домой, я справился съ книгою адресовъ, и между прочими подобными именами остановился, на-удачу, на имени: Д....*мебельный мастеръ, на Оксфордской Улицѣ.* На-удачу поѣхалъ я къ нему, подъ предлогомъ посмотреть мебель, и случайно нашелъ въ немъ человѣка, котораго мнѣ сыскать хотѣлось. По случаю открылось, что въ магазинѣ дѣлалась нѣкогда вся моя мебель. Д..... зналъ о томъ по своимъ книгамъ, но мнѣ это было неизвѣстно, потому что магазинъ помещался тогда въ другомъ домѣ, и управлялся другимъ хозяиномъ. Я началъ разговоръ съ мебели, и мало-по-малу привелъ къ Фаредѣ. «Нѣкогда мы были съ нимъ пріятелями,» сказалъ мнѣ Д..... «Онъ подарилъ мнѣ свою машину.»—Уступите мнѣ ее.—«Не могу, потому что я подарилъ ее двоюродному брату».—Какъ его зовутъ?—«Д...., какъ и меня.»—Гдѣ онъ живетъ?—«Въ Страндѣ, №.....»

«Соутъ поѣхалъ къ другому Д....., съ намѣреніемъ купить у него машину Фаредѣ, но тотъ, видя, сколько оцѣнитъ дорожить ею, подарилъ ему машину, а Соутъ отблагодарилъ его, подаривъ госпожѣ Д.... билетъ въ десять фунтовъ стерлинговъ, на шляпку. Оцѣ привезъ машину къ Фаредѣ, и поставилъ ее на столѣ во время его отсутствія.

Фаредэ очень обрадовался, увидѣвъ первый свой трудъ, хотя несовершенный, но давшій направленіе уму его, и тѣмъ составившій все его счастье, всю его славу. Онъ увидѣлъ ее, какъ стараго друга, съ которымъ не хотѣлъ бы никогда разстаться, но усердіе другаго друга, доставившаго ему эту радость, побѣдило его, и чувство благодарности заставило уступить машину господину Соуту.

— Это первая начала Фаредэ по части электричества, а вотъ первый шагъ его къ познанію химіи, сказалъ мнѣ господинъ Соутъ, доставъ изъ-подъ другаго стекляннаго колпачатри книги. Эти записки самимиъ составлены, переписаны, самимиъ переплетены и рисунки самимиъ начерчены. Первые уроки получалъ онъ за малую плату, отъ частнаго учителя Дет..... Онъ ходилъ къ нему въ свободное время, а по ночамъ переписывалъ его уроки. Составивъ такимъ образомъ первую книгу, онъ посвятилъ ее своему хозяину. Въ одно утро приходитъ къ переплетчику членъ института (Royal Institution), основаннаго графомъ Румфордомъ, и утвержденаго Георгомъ Третьимъ, гдѣ читаются курсы наукъ примѣненныхъ къ искусствамъ, промышленности, и вообще къ пользамъ общественной жизни. Записки Фаредэ попались ему въ руки.—Что это за рукопись? спросилъ онъ у хозяина.—«А! это мой Михайло охотился», отвѣчалъ хозяинъ.— Членъ института, узнавъ всѣ подробности; какимъ образомъ молодой служитель переплетчика учился химіи и составилъ записки изъ уроковъ учителя, выпросилъ ихъ на время себѣ, показалъ въ советѣ, и Фаредэ позволено было слушать лекціи знаменитаго химика Дэви (Sir Humphry Davy). Вскорѣ послѣ-того дано ему было ежегодное денежное пособіе, и съ этого времени началось поприще Фаредэ, столь славное для него и для Англіи.

«Фаредэ, сказалъ мнѣ Соутъ, необыкновенный человекъ, не только по уму, но и по сердцу. У него были сестра и совершенно бѣдные родители. Онъ хотѣлъ дать воспитаніе сестрѣ, и бывши слушателемъ въ институтѣ, удержалъ на это столько изъ своей стипендіи, что нѣтъ дня въ недѣлю принужденъ былъ есть хлѣбъ и пить воду. Состязавшись съ своимъ воспитаніемъ обязанъ онъ себѣ само-

му, и столько успѣлъ въ общемъ образованіи, что на лекціяхъ своихъ говоритъ краснорѣчиво и безъ всякаго ошибокъ противъ правилъ языка.

«Фаредѣ первый однимъ давленіемъ привелъ нѣкоторыя газы въ жидкотекучее состояніе, открылъ, что химическое составленіе и разложеніе тѣлъ требуютъ равной степени электричества, доказалъ сходство между магнетизмомъ и электричествомъ, раздѣлилъ тѣла на три класса, относительно къ магнетизму: первое, на которыя дѣйствуетъ магнетизмъ въ покоѣ, второе, на которыя онъ дѣйствуетъ въ движеніи и третье, на которыя вовсе магнетизмъ не дѣйствуетъ. Многіе его опыты служатъ къ расширенію круга нашихъ познаній въ физикѣ и химіи».

Пропускаемъ описаніе лондонскаго тоннеля, Вестминстерскаго Аббатства, церкви Святаго Павла, Бедлама, Ньюгета, зоологическаго сада, и великолѣпнаго гулянья въ немъ, Парка Регентова, Виндзорскаго Замка, засѣданія Королевскаго Общества, но вотъ отрывокъ изъ посѣщенія господиномъ Сионовымъ дворца и садовъ въ Кью (Kew), славныхъ своими ботаническими сокровищами.

«Прогулка моя по садамъ Кью была неудачна; шелъ дождь и было грязно, но я вознагражденъ знакомствомъ съ господиномъ Гукеромъ (sir William Hooker), директоромъ всѣхъ королевскихъ садовъ въ Кью. Будучи предугадывающъ о моемъ посѣщеніи, онъ ожидалъ меня, и познакомилъ съ своимъ семействомъ, которое приняло меня съ искреннимъ дружелюбіемъ; особенно потому, что я былъ въ порядкѣ антарктическихъ, гдѣ единственный свѣтъ господина Гукера (Dr. Joseph Dalton Hooker, Aide-Chirurgien) путешествуетъ, въ качествѣ натуралиста, на кораблѣ «Вребуокъ», подъ командою Джемса Росса.

«Извѣстныя открытія капитана Джемса Кларка Росса въ Южномъ Ледовитомъ Морѣ. До него честь открытія сѣвѣннхъ живыхъ осека принадлежала самымъ обширнымъ мореплавателямъ. Россійскій императорскій флагъ въ кар-

ствование императрицы Екатерины Второй развѣвался подь 80° сѣверной широты, а въ царствованіе императора Александра, капитанъ Беллингсаузенъ на шлюпѣ «Востокъ», въ 1720 году, достигъ до 70° южной широты, — до тѣхъ предѣловъ, гдѣ и предпримчивому Куку вѣчные льды положили непроницаемую преграду, и гдѣ онъ на картѣ написалъ *non plus ultra*. Кукъ распространилъ географическія познанія у антарктическаго полярнаго круга, до послѣдняго острова Южной Сандвичевой Земли (*) лежащаго подь 58 градусомъ южной широты, а капитанъ Беллингсаузенъ, обрѣтеніемъ острова Петра Перваго и берега Александра Перваго подь 69° южной широты, перенесъ эти антарктическія открытія за полярный кругъ. Непроницаемые льды не позволили капитану Беллингсаузену распространить свои многочисленныя открытія, далѣе къ югу. Нынѣ, по прошествіи двадцати лѣтъ съ того времени, обстоятельства переиѣнились: льды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разступались, и допустили капитана Росса открыть обширный берегъ Южной Викторіи, который простирается отъ 71° до 78°, а съ сосѣдственными островами до 79° южной широты. Такимъ образомъ капитану Россу оставалось пройти до полюса не болѣе 11°, или тысячи ста пятидесяти верстѣ. Земля Викторія тѣмъ примѣчательна, что во внутренности ея, недалеко отъ берега, стирятаго Россомъ въ 76" южной широты и во 148° восточной долготы отъ гринвичскаго меридіана, находится южный магнитный полюсъ. Берегъ Викторія украшенъ огнедышащегорою, которую Россъ назвалъ по имени своего корвета — *Эребусъ*. Госпожа Гукеръ показала мнѣ рисунокъ этой горы; снятой съ натуры ея сыномъ. Картина великолѣпная. Гора Эребусъ, какъ гигантъ, возвышается на двѣнадцать тысячъ шесть сотъ футовъ надъ поверхностью океана. Она вся, отъ самой подошвы, покрыта снѣгомъ, и только на растаявшей вершинѣ, черная корона увѣнчивается

(*) Кукъ называлъ Южной Сандвичевой Землей острова, которые въ видѣлъ съ одной стороны. Капитанъ Беллингсаузенъ обошелъ ихъ кругомъ и описалъ въ подробности. Эта группа небольшихъ острововъ и нынѣ служитъ вѣдомо, что должна составлять предположить для неразрѣшенныхъ изслѣдованій.

голову великана, а изъ середины вѣяли, подобно огромному перу, густой дымъ возвышается къ небу.

«Ему же, господину Джемсу Россу, суждено было открыть и положеніе сѣвернаго магнитнаго полюса. Во второе плаваніе дяди его John'a Росса, въ 1831 году, во льдахъ Баффина Моря, разбился ихъ корветтъ, и они скитались по снѣжнымъ берегамъ Сѣверной Америки. Въ этомъ отчаянномъ положеніи лейтенантъ Джемсъ Россъ нашелъ, что магнитная стрѣлка, — подъ сѣверною широтою $70^{\circ}5'17''$, и въ западной долготѣ отъ гриничскаго меридіана $96^{\circ}46'45''$, — была наклонена къ вертикальной линіи только на $1'$. Этотъ пунктъ онъ принялъ магнитнымъ полюсомъ и водрузилъ на немъ знамя Великобританіи. — Необыкновенно было спасеніе ихъ изъ отчаяннаго положенія.

«Однажды увидѣли они купеческое судно китолововъ. Старшій Россъ велѣлъ снарядить лодки, на которыхъ пустились они въ море, на встрѣчу китоловамъ. — «Что за корабль, спрашиваютъ они? — Елизавета, покойнаго Росса, отвѣчаютъ имъ. — Россъ живъ и къ вамъ ѣдетъ, провозгласили съ лодокъ». Такимъ образомъ Россъ, съ племянникомъ своимъ и со всѣмъ экипажемъ, спасенъ былъ тѣмъ самымъ корветтомъ, которымъ онъ командовалъ въ первое свое путешествіе и который впоследствии времени проданъ былъ китоловамъ.

«Послѣ-того младшій Россъ (James Clark Ross), былъ губернаторомъ на Вандиміеновой Землѣ, а теперь, открывъ берегъ Викторіи, скитается, вѣроятно, въ Южномъ Ледовитомъ Морѣ, болѣе опасномъ нежели Сѣверное; потому особенно, что тамъ едва-ли кто-нибудь придетъ спасти ихъ, въ случаѣ несчастія, и едва-ли спасители найдутъ ихъ въ безпредѣльномъ лабиринтѣ льдяныхъ громадныхъ глыбъ, образующихъ необозримый архипелагъ льдяныхъ острововъ. Это не Баффиново море!... Я помню то время, когда на шлюпѣ «Востокъ» матросъ, бывшій на *салпиль*¹, считалъ окружающія насъ льдины. — Сколько? спрашиваютъ его. — На этой сторонѣ тысяча, а на этой не считалъ. — И что это за льдины, — мили двѣ длиною и футовъ двѣсти надъ

¹ Самая веревчатая сѣтка на гротъ-мачтѣ.

поверхности океана. Помню удивленіе, которое овладѣло нами, когда забравшись въ чашу льдовъ во время тумановъ, мы оглянулись и не видѣли спутника нашего, шлюпа «Мирный». Мы обратились назадъ, и къ счастью встрѣтились съ нимъ на другой дець. Очень непріятно было бы скитаться на одномъ шлюпѣ въ мѣстахъ столь опасныхъ, и не видѣть подлѣ себя спасителя въ несчастномъ случаѣ. Помню то мгновеніе, когда, въ день Рождества Христова, во время молебна, мы стояли на коленяхъ. Вдругъ шлюпъ «Востокъ» ударился о льдину и зашатался. Шлюпъ зашатался, а капитанъ Бедингсгаузенъ съ непоколебимымъ духомъ остался на коленяхъ, и предстоящіе молились не вставая съ мѣста, кромѣ капитанъ-лейтенанта Зарадовскаго, который вышелъ на пикацы, узналъ обстоятельство дѣла, доложилъ капитану, и опять сталъ подлѣ него на колѣна. Такимъ образомъ всѣ офицеры и матросы, кромѣ вахтенныхъ, оставались на коленяхъ до конца молебна—и молились.»

Вотъ нѣсколько изъ общихъ любительныхъ заботокъ господина Симонова:

Въ 1842 году считалось въ Лондонѣ, кромѣ учебныхъ, семнадцать ученыхъ обществъ (Королевское Наукъ, Астрономическое, Геологическое, Медицинское, Медицины и Хирургіи, Минералогическое, Антикваріевъ, Френологическое, Математическое, Садоводства, Дитомологическое, Ливневое, Архитектурное, Философическое въ Сити, Философическое лондонское, Словоиспыт, Земледѣлія, и двадцать духовныхъ и благотворительныхъ (Библейское, Духовныхъ разсужденій, Для построенія церквей, Для обращенія Иудеевъ, Для крещенія Негровъ, Библейское для солдатъ и матросовъ, Для распространенія религіи между бѣдными, Миссіонерское, Спифльское благотворительное, Филантропическое, Человѣколюбивое, Для истребленія нищихъ, Для освобожденія изъ тюремъ задолжавшихъ, Для воспитанія дѣтей преступниковъ, Для улучшенія тюремъ, Для воспитанія оставленныхъ родителями дѣтей, Благотворительное Вестминстерское, Для воспитанія дѣтей

священниковъ, для вспоможения вдовамъ и сиротамъ учителей, для воспитанія бѣдныхъ Ирландцевъ, для вспоможенія иностранцамъ). Кроме-того заведено множество обществъ для поощренія изящныхъ художествъ, ремеслъ, промышленности и торговли.

Въ 1842 году ежедневно отправлялось изъ Лондона пять паровозовъ, по пяти дорогамъ: въ Бриджвэтеръ, 228 $\frac{1}{2}$ верстъ, Бирмингэмъ, 179 верстъ, Соутамптонъ и Госпортъ, 116 верстъ, Брайтонъ, 76 верстъ, и въ Кембриджъ, до Спильбуна, 45 $\frac{1}{2}$ верстъ. Первое разстоянiе переѣзжали въ 5 $\frac{1}{2}$, второе въ 5, третье въ 3 $\frac{1}{2}$, четвертое въ 2, пятое въ 1 $\frac{1}{2}$ часовъ. Средняя скорость ѣзды на желѣзнымъ дорогамъ въ Англии, вообще съ остановками на станціяхъ, полагается по 37 верстъ въ часъ. Причисляя всѣ соединительныя дороги, въ Англии считали, въ 1842 году, почти сорокъ дорогъ желѣзныхъ, которыми можно изъѣздить всю Англию, и отчасти Шотландію и Ирландію. Самыми длинными изъ нихъ были: Great-Western, около 100 километровъ, бирмингэмская, около 181 километра, Соутамптонская, болѣе 149 километровъ. Для сооруженія первой изъ нихъ составленъ былъ капиталъ въ сто девяносто милліоновъ франковъ; для второй въ сто сорокъ четыре милліона, для третьей, въ три съ половиною милліона (считая фунтъ стерлинговъ въ двадцать пять франковъ). Первая изъ нихъ приноситъ акціонерамъ барышей по шести процентовъ, вторая около осьми, третья около десяти съ половиною. Барыши другихъ дорогъ доходили до двѣнадцати и даже пятнадцати; но большая часть не приносила шести, пяти и даже двухъ процентовъ.

Господинъ Симоновъ выѣхалъ изъ Лондона въ девятнадцатого, и черезъ 3 $\frac{1}{2}$ часа былъ въ Портсмутѣ, проѣхавши 34 версту. Здѣсь въ ожиданіи переѣзда, онъ осматривалъ портъ, и встрѣтилъ корабль Виктория, сakra-

знаменій Англичанами, какъ памятникъ победы Трафальгарской и смерти Нельсона. Надъ адмиральскою каютою его вырѣзанъ послѣдній приказъ Нельсона: *Англія надѣется, что каждый исполнитъ свою должность.* На шканцахъ надпись: *Здѣсь палъ Нельсонъ.* Въ одной изъ каютъ надпись: *Здѣсь умеръ Нельсонъ.*

«Получивъ въ Лондонѣ отъ лорда Гаддингтона позволеніе видѣть всѣ морскія работы въ Портсмутѣ, я представился къ адмиралу Кодрингтону. Онъ принялъ меня радушно, говорилъ о сношеніяхъ своихъ съ русскійскимъ флотомъ, въ то время, когда русскій, англійскій и французскій флоты были въ войнѣ съ турецкимъ и египетскимъ флотомъ, и съ удовольствіемъ вспоминалъ о М. П. Лазаревѣ, который со славою участвовалъ въ этой войнѣ.

«Мы обошли всѣ мастерскія, въ которыхъ выютъ веревки, длиною до одиннадцатитысячь футовъ, дѣлаютъ блоки, жоря, мѣдныя вещи, варятъ и гнутъ дерево, составляютъ ячты и шпалатъ доски. Для каждой работы назначена особая мастерская. Особенно любопытно заведеніе, гдѣ приготавливаются блоки; оно устроено Брюкелемъ. Всѣ силы въ мастерскихъ приводятся въ дѣйствіе паровыми машинами; одна изъ нихъ, въ 30 силъ, выкачиваетъ тридцать девять тоннъ воды въ минуту.

«Вечеромъ, въ 5 часовъ, выѣхали мы въ лодкѣ на большой рейдъ, и ожидали парохода изъ Соутамптона. По одну сторону были въ виду Портсмутъ и Госпортъ, два города, отстоящіе одинъ отъ другаго менѣе версты, а съ другою, островъ Вайтъ (Wight). Это мѣсто мнѣ знакомо съ давняго времени. Здѣсь стоялъ на якорѣ шлюпъ «Востокъ», на которомъ я находился во время плаванія его около свѣта, подъ командою Беллинсгаузена. Въ то время мы были здѣсь не одни. На большомъ портсмутскомъ, или спиттедскомъ рейдѣ, сошлись тогда въ одно время пять русскійскихъ военныхъ шлюповъ: *Востокъ*, подъ командою капитана Ф. Ф. Беллинсгаузена, *Мирный*, подъ командою лейтенанта М. П. Лазарева, *Открытие*, подъ командою капитанъ-лейтенанта М. Н. Васильева, *Владимирский*, подъ командою лейтенанта Г. С. Шенникова.

и Камчатка, подъ командою капитана Головина. Первые два шлюпа составляли южную экспедицію, другіе два сѣверную; шлюпъ «Камчатка» возвращался въ Россію изъ Сѣверо-Западной Америки. Вскорѣ потомъ, принадлежавшее Россійско-Американской Компаніи, судно «Кутузовъ», бывшее подъ командою капитанъ-лейтенанта Гагенмейстера, возвращаясь въ Россію изъ Ситхи, бросило якорь на томъ же рейдѣ. Такимъ образомъ собралась тогда въ Портсмутѣ многочисленная компанія отличныхъ русскійскихъ морскихъ офицеровъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я объѣхалъ верхомъ бѣльшую часть острова Вайта, извѣстнаго по разнообразію и красотѣ видовъ, изобилію плодородія, богатству произрастеній, и превосходному для здоровья климату. Эти качества и красоты природы доставили ему названіе *Сада Анліи*, какъ Италия называется *Садамъ Европы*, а Неаполь *Садамъ Италіи*.

«Островъ Вайтъ въ длину 32 версты, въ ширину 18 верстъ. Рѣка Медина раздѣляетъ его на двѣ, почти равныя части, названныя Восточной Мединою и Западной Мединою (East-Medina, West Medina). Главный городъ острова называется Ньюпортъ. Сверхъ-того находятся тамъ города Коэсъ, Ярмутъ и Ньютоунъ (Cowes, Jarmouth, Newtown).

«Въ то время, когда я былъ въ этихъ мѣстахъ на шлюпѣ «Востокъ», портсмутскій рейдъ былъ оживленъ многими флагами и движеніемъ шлюпокъ, особенно въ тотъ день, когда прибылъ туда на прекрасной яхтѣ принцъ регентъ, бывшій послѣдъкоролемъ Великобританіи, Георгъ Четвертый. Онъ прогуливался по рейду, окруженный множествомъ ботовъ различной величины. Со всѣхъ судовъ, англійскихъ и русскійскихъ, гремѣли пушечные салюты, и люди, разставленные по реямъ, кричали: ура! Зрѣлище было великолѣпное. Нынѣ я не видалъ на большомъ рейдѣ ни одного бригга, ни одной шлюпки, и уединенный, ожидалъ парохода на маленькой лодочкѣ. Къ счастью, ожиданіе мое продолжалось не долго. Изъ-дали, за мысомъ, показался дымъ и черезъ нѣсколько минутъ пароходъ былъ на рейдѣ, а къ утру слѣдующаго дня мы были уже въ Гаврѣ».

Изъ Гавра господинъ Симоновъ ѣхалъ на пароходѣ

по Сенъ до Сенъ-Жермена, люблюсь красивыми берегами рѣки, и дѣятельнымъ народонаселеніемъ прибрежныхъ мѣстъ.

Въ Парижѣ пробылъ онъ четыре недѣли. Многія подробности, отмѣченныя имъ, любопытны, несмотря на безчисленныя описанія французской столицы. Мы не будемъ повторять, что въ 1842 году, въ Парижѣ считалось болѣе десяти сотъ тысячъ жителей; что онъ занималъ въ длину до 8, и въ ширину до $5\frac{1}{2}$, верстъ; что Сена его шириною отъ 50 до 90 сажень; что въ Парижѣ тысячу сто сорокъ двѣ улины, сто двадцать семь переулковъ, семьдесятъ четыре площади, осемнадцать бульваровъ, пятьдесятъ осемь заставъ, сорокъ три церкви, двадцать четыре театра, двѣсти одиннадцать фонтановъ, до тринадцати тысячъ лавокъ, и до двадцати-девяти тысячъ домовъ. Мы не пойдёмъ также съ господиномъ Симоновымъ въ Тюильри, Палерояль, Королевскій садъ растений, даже на обсерваторію, въ географическое общество, и въ академію. Одно слишкомъ извѣстно, другое любопытно не всѣмъ. Но нельзя не заглянуть въ церковь Инвалиднаго Дома парижскаго — тамъ гробъ Наполеона.

«Нынѣтѣю Наполеона находится въ придѣлѣ святаго Іеронима; оно заключено въ шести гробахъ: *первый* жестяной, *второй* краснаго дерева, *третій* и *четвертый* свинцовые, раздѣленные между собою деревянными опилками, и деревомъ по угламъ, *пятый* чернаго дерева (bois d'ébène), *шестой* дубовый. Вложенные одинъ въ другой, гробы стоятъ на возвышенномъ подножіи и покрыты императорскимъ покровомъ, сверхъ котораго положены корона, шага и шляпа Наполеона. Придѣлъ богато драпированъ флоретовымъ бархатомъ, съ золотымъ шитьемъ, и украшенъ трофеями. Между драпировкой вышиты золотомъ пчелы и вензеля Наполеона, окруженные лаврами. Между передними колоннами, передъ входомъ, знамена осыпаютъ гробовую, а надъ шпаломъ отросившіи золотой. Орлы парятъ

передъ гробомъ. Окна придѣла святаго Иеронима покрыты флюетовыми сторами, которыя едва пропускаютъ мрачный свѣтъ. Гробъ освѣщается повѣщенной надъ нимъ газовой лампой, а въ торжественные дни, напоминающіе важныя эпохи жизни Наполеона, зажигаются древніе канделябры. Входъ въ придѣлъ запертъ позолоченной рѣшеткой, и по четыре инвалида, днемъ и ночью, охраняютъ памятникъ своего полководца и влестителя».

Араго, всезнающій, хвалитый, бранимый, философъ, политикъ, депутатъ, академикъ, литераторъ, встрѣтилъ господина Симбова, какъ стараго пріятеля.

«Осемнадцать лѣтъ тому, Араго былъ президентомъ академіи наукъ. Одинъ разъ въ недѣлю, по четвергамъ, собиралася у него тогда по вечерамъ вся ученая знаменитость Франціи, а вмѣстѣ съ ними всѣ иностранныя ученые, бывшіе въ Парижѣ. Тамъ видѣлъ я Лапласа, Гумбольдта, Кювиѣ, Ге-Люссака, Тенара, Поассона, Ампера, герцога Рагузскаго и многихъ другихъ, и познакомился съ Сутомъ, берлинскимъ химикомъ Густавомъ Розе, гельсингфорскимъ профессоромъ математики Шульцекомъ; англійскимъ мореходцемъ Скорезби. Баронъ Гумбольдтъ, часто проѣзжая мимо меня по Дофинской Улицѣ, заѣзжалъ за мной. Можно себѣ представить, что такое общество пріятно для всякаго любителя наукъ. Въстѣ съ тѣмъ оно было блестятельно во всѣхъ отношеніяхъ. Тамъ были и дамы, принадлежавшія къ семействамъ наименованныхъ мною гостей. Молодая, прекрасная, любезная хозяйка дѣлала вечера свои необыкновенно привлекательными. Общество собиралось въ семь часовъ вечера; двое играли въ шахматы; двое попеременно, обыкновенно одна дама и одинъ кавалеръ, играли въ экартѣ по самой маленькой цѣнѣ; въ другой залѣ двое играли въ биллиардъ; прочіе разговаривали. Умъ и ученость дѣлали бесѣды особенно занимательными; предметами ихъ были новыя открытія, новыя опыты, о которыхъ извѣстія стекали въ парижскую академию наукъ изъ всѣхъ пяти частей свѣта. Ученые предметы перемежались съ любез-

притными анекдотами, и полезное соединилось съ приятнымъ. Въ одиннадцатъ часовъ выходили въ другую залу, гдѣ на длинномъ столѣ стояли самоваръ и легкій ужинъ. Хозяйка сама разливала чай. Гости сѣдѣли вокругъ стола. Въ полночь развѣзжались.

«Тамъ видѣлъ я нашего россійскаго ученаго любителя физики и китайской литературы барона Шиллинга фонъ-Канстадта. Когда въ первый разъ былъ онъ у Араго, въ тотъ вечеръ Поассонъ и Амперъ играли въ шахматы, баронъ Шиллингъ не былъ еще знакомъ съ гостями Араго, и бывши отличнымъ игрокомъ, стоялъ подлѣ стула Поассона. Хозяйка шутила иногда надъ Амперомъ, также искуснымъ игрокомъ въ шахматы, и желая занять новаго гостя, сказала ему:

— Не правда ли, баронъ, что господинъ Амперъ очень дурно играетъ?

— Очень дурно, сударыня, отвѣчалъ баронъ.

Амперъ взглянулъ на барона Шиллинга и продолжалъ играть.

— Вы его обьиграете, баронъ? спросила хозяйка.

— Обьиграю, сударыня.

Амперъ вторично взглянулъ на него.

— Сдѣлайте милость, обьиграйте послѣ этой партіи, сказала хозяйка.

— Если позволить господинъ Амперъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Амперъ.

Онъ выигралъ партію, Поассонъ всталъ съ мѣста, баронъ Шиллингъ сѣлъ на его стулъ, и обратившись къ хозяйкѣ, сказалъ:

— Позвольте васъ попросить завязать мнѣ глаза.

— Для чего?

— Я и съ завязанными глазами обьиграю господина Ампера.

Пока хозяйка завязывала глаза барону Шиллингу, Амперъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ; гости подошли къ столу, и съ любопытствомъ ожидали, что изъ этого будетъ. Изъ этого вышло, что нашъ соотечественникъ, съ завязанными глазами, въ нѣсколько ходовъ далъ мнѣ удивленному Амперу. Надлежало быть свидетелемъ шут-

ки, чтобы видѣть всю картину извѣстной ловкости барона Шиллинга, любезности хозяйки, и удивленія неожиданно побѣжденнаго Ампера.

«Черезъ осемнадцать лѣтъ послѣ этихъ блистательныхъ вечеровъ многихъ изъ собесѣдниковъ не стало, и между ними не было уже на свѣтѣ ни Поассона, ни Ампера, ни барона Шиллинга, ни госпожи Араго. Прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ, она скончалась въ пѣть лѣтъ, въ 1829 году. Баронъ Гумбольдтъ былъ тогда въ Казани, и сказалъ мнѣ, что горестъ Араго сдѣлала его неспособнымъ къ ученымъ занятіямъ. Впослѣдствіи времени онъ опять обратился къ наукамъ, но я увидѣлъ въ домѣ его большую перемѣну. Щегольской парижскій салонъ госпожи Араго превратился въ мрачный кабинетъ ученаго, и тамъ, гдѣ она принимала гостей своихъ, я нашелъ на столахъ книги, на стульяхъ книги, на диванахъ книги. Вся мебель загромождена была фоліантами, квартантами, и всѣми возможными форматами переплетовъ и брошюръ.

Любопытнѣйшимъ предметомъ занятій парижской академіи, въ августъ 1842 года, были наблюденія полнаго солнечнаго затмѣнія, и самое любопытное въ нихъ было то, что ничего особеннаго не замѣчено, и «все обстояло благополучно». Наблюдатели разбѣхались по разнымъ мѣстамъ, ожидали чудесъ, хотѣли провѣрить всѣ старинные рассказы о дѣйствіяхъ мраку, и узнали, что всѣ эти рассказы похожи на сказки, какихъ много передала намъ старушка древность. Забавно, что въ Перпимьянѣ, гдѣ наблюдалъ затмѣніе Араго, его окружало множество зрителей. Когда снова блеснули лучи солнца, зрители принялись аплодировать! Французъ вездѣ видитъ спектакль.

Господинъ Симоновъ былъ припятъ въ члены парижскаго Филоматическаго Общества, издающаго газету L'Institut. По этому случаю излагаетъ онъ свои замѣчанія о земномъ магнитизмѣ. Мы выпишемъ ихъ, какъ одинъ изъ главныхъ предметовъ занятій почтен-

наго профессора, и такой, на который обращается нынѣ вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ людей.

«Я введенъ былъ въ Филоматическое Общество господиномъ Массономъ, извѣстнымъ по сочиненію его: *Théorie physique et mathématique des phénomènes électro-dynamiques et du magnétisme*. Господинъ Массонъ вывелъ формулы, совершенно сходныя съ тѣми, которыя вывелъ и напечаталъ я въ сочиненіи моемъ: *Recherches sur l'action magnétique de la terre*. Такое сходство любопытно, потому что мы основали наши вычисленія совершенно на различныхъ началахъ. Господинъ Массонъ принялъ предположеніе Ампера, что дѣйствіе земнаго магнетизма происходитъ отъ электрическихъ токовъ, идущихъ во внутренности земли отъ востока къ западу, а я предположилъ, что внутри земли находится магнитный шаръ, дѣйствующій на магнитную стрѣлку притягательными и отталкивающими силами. Оба предположенія даютъ одинакія формулы для вычисленія явленій магнитной стрѣлки на земной поверхности.

«Въ первомъ засѣданіи общества познакомился я съ знаменитымъ французскимъ мореплавателемъ господиномъ Дюперрѣ, который, командуя корветтомъ «Раковина», съ 1822 по 1825 годъ совершилъ путешествіе въ моряхъ южнаго полушарія. Важными результатами его путешествія были многочисленныя наблюденія, относящіяся къ земному магнетизму, и точное опредѣленіе направленія и положенія *линіи безъ наклоненія*, названной *магнитною экваторомъ*. Впослѣдствіи Дюперрѣ положенія магнитнаго экватора основалъ не на однихъ своихъ наблюденіяхъ, но присоединилъ къ нимъ также наблюденія другихъ путешественниковъ, а именно:

Фрейсинета	съ 1817 по 1820
Румкера	1821
Сабина	1822
Коцебу	1824
Кинга	съ 1826 по 1827
Буссинга	съ 1824 по 1832
Бичи	1827
Блоссвилля	съ 1827 по 1828

Литке	съ 1827 по 1828
Форстера	1828
Эрмана	1830

«Послѣ-того Дюперрѣ составилъ весьма любопытныя карты *линій равныхъ напряженій* (*isolé*) магнитной стрѣлки (*lignes isodynamiques*), и карты *магнитныхъ меридіановъ*, которыя указали ему мѣста сѣвернаго и южнаго *магнитнаго полюса*.

«Въ послѣднихъ изъясканіяхъ своихъ Дюперрѣ много воспользовался путешествіями россійскихъ мореходцевъ Беллинггаузена и Лазарева, о трудахъ которыхъ выражается съ уваженіемъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ.

«Мы съ господиномъ Дюперрѣ сблизились не одними путешествіями около свѣта, но также сходствомъ нѣкоторыхъ занятій нашихъ, и согласіемъ выведенныхъ изъ нихъ заключеній. Господинъ Дюперрѣ писалъ ко мнѣ въ Парижѣ, отъ 21 августа 1842 года, между прочимъ, слѣдующее:

«Сегодня поутру я читалъ со вниманіемъ вашу записку *о дѣйствіяхъ земнаго магнетизма*. Горжусь, какъ я имѣлъ уже честь вамъ сказать, что вы показали, какъ и я, случаи, которые заставляютъ думать, что центры магнитныхъ дѣйствій земли находятся не совершенно въ центрѣ земнаго шара. Такъ же какъ и я, но другимъ образомъ, вы доказали, что не нужно прибѣгать ко многимъ магнитнымъ полюсамъ на земной поверхности, и предполагать болѣе двухъ центровъ дѣйствій внутри земли, чтобы объяснить взаимныя положенія *линій равныхъ отклоненій, равныхъ наклоненій и равныхъ напряженій*. Наконецъ вамъ, какъ и мнѣ, достаточно перенести центры дѣйствія *на одну двадцатую часть земнаго полуоперечника, къ Великому Океану*, чтобы рѣшить множество вопросовъ, которые до-сихъ-поръ оставались не рѣшенными».

«Эти немногія слова заключаютъ въ себѣ многое и требуютъ нѣкоторыхъ поясненій. Галлей первый вообразилъ, что на сѣверномъ и южномъ полушаріи земли находятся, по-крайней-мѣрѣ, по два магнитныхъ полюса *. Эйлеръ

* Поъ названіемъ *магнитныхъ полюсовъ* разумѣются такія точки

почиталъ это мнѣніе несообразнымъ съ ученіемъ здравой физики. Ганштейнъ вновь принимаетъ существованіе двухъ магнитныхъ полюсовъ на каждомъ полушаріи, и предполагаетъ, что на сѣверѣ одинъ полюсъ находится въ Сѣверной Америкѣ, а другой въ Сѣверной Сибири. Существованіе перваго доказано капитаномъ Джемсомъ Россомъ. Что касается до другаго полюса, то Дюперрѣ, основываясь на наблюденіяхъ русскаго контръ-адмирала Врангеля, рѣшительно утверждаетъ, что сибирскій сѣверный магнитный полюсъ не существуетъ. То же самое и я сказалъ, въ сочиненіи моемъ *Sur l'action magnétique de la terre*, будучи приведенъ къ заключенію à priori.

«Господинъ Біотъ предположилъ, что внутри земнаго шара находятся, на безкопечно близкомъ между собою разстояніи, два магнитные центра, дѣйствующие на каждый конецъ магнитной стрѣлки, одинъ притягательною, другой отталкивающею силою. Господинъ Дюперрѣ, принявъ теорію Біота, и опредѣливъ географическое положеніе магнитныхъ полюсовъ на земной поверхности, нашелъ, что центры магнитныхъ дѣйствій отстоятъ отъ центра земли на $\frac{1}{20}$ часть земнаго полуоперечника, который, будучи проведенъ между этими центрами, пересѣчетъ земную поверхность близъ острововъ Маркиза Мендозы. Я предположилъ, что внутри земли находится магнитный шаръ съ неопредѣленнымъ поперечникомъ, и примѣнивъ къ выведеннымъ мною формуламъ наблюденія Эрмана, нашелъ, что центръ магнитнаго шара отстоитъ отъ центра земли на $\frac{1}{18}$ земнаго полуоперечника, по радіусу земли, пересѣкающему ея поверхность близъ острова Фиджи, или Влуга. Судя по новости предмета, еще необработаннаго, по сложности явленій, по трудности вычисленій и разности принятыхъ нами наблюденій, сходство нашихъ выводовъ можетъ назваться удовлетворительнымъ, а сближеніе ихъ было тѣмъ любопытнѣе, что каждый изъ насъ, трудившись въ одно время почти въ противоположныхъ пунктахъ Европы, не зналъ о трудахъ другаго».

земной поверхности, въ которыхъ магнитная стрѣлка принимаетъ вертикальное направленіе.

рублей серебромъ, расходовъ употреблено 3.725,649 рублей серебромъ (считая франкъ въ 24 $\frac{1}{2}$ копейки серебромъ). Сила 126 машинъ простиралась до 6,000 лошадиныхъ силъ (единица лошадиной силы предполагаетъ такую силу, которая можетъ въ секунду поднять на 22 $\frac{1}{2}$ вершка (одинъ метръ) тяжесть 183 $\frac{1}{2}$ фунтовъ, (то есть 75 килограммовъ). Изъ двѣнадцати милліоновъ человекъ, проѣхавшихъ по желѣзнымъ бельгійскимъ дорогамъ, было убитыхъ по собственной неосторожности осемь путешественниковъ и семнадцать работниковъ, раненыхъ четырнадцать путешественниковъ и пятнадцать работниковъ, и по неизбежнымъ случаямъ, относящимся собственно къ желѣзнымъ дорогамъ и паровозамъ, убитыхъ путешественникъ одинъ, работниковъ пять, раненыхъ путешественниковъ шесть, работниковъ семнадцать. Сорокъ осемь человекъ, пострадавшихъ изъ двѣнадцати слишкомъ милліоновъ человекъ, во семь мѣтъ, могутъ удостовѣрить, что желѣзные дороги и паровозы безопаснѣе всякой другой пѣзды.

Съ господиномъ Симоновымъ былъ спутникомъ изъ Парижа до Майнца человекъ замѣчательный, Марціусъ, профессоръ мюнхенскій, четыре года путешествовавшій по Бразиліи.

«Господину Марціусу, говоритъ господинъ Симоновъ, около 55 лѣтъ. Онъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ ученившихъ ботаниковъ въ Европѣ, и особливо по своему путешествію въ Бразилію, гдѣ вмѣстѣ съ Спиксомъ, пробылъ около четырехъ лѣтъ (1817—1820). Мы были съ нимъ въ Бразиліи въ одно время, но я его тамъ не видалъ, потому что онъ путешествовалъ во внутренности Бразиліи для исследования ея естественныхъ произведеній. По возвращеніи своемъ онъ издалъ любопытное сочиненіе подъ названіемъ: *Путешествіе въ Бразилію, совершенное по повелѣнію его величества короля баварскаго въ 1817—1820, съ описаніемъ и теоріафическимъ атласомъ, въ двухъ листахъ музыкальныхъ*

Notiz, 3. Band, 1838. стр. 7. Къ этому сочиненію присоединено описаніе естественныхъ предметовъ Бразиліи, царства растительнаго и животнаго. Господинъ Марціусъ соединяетъ въ себѣ глубокую ученость съ веселымъ характеромъ и любезностью въ обращеніи. Бесѣда наша началась въ дорогѣ и кончилась съ наступленіемъ ночи въ Брюссель, потому что мы въ первый день нашего туда прибытія не выходили изъ дому, и не видали, какъ прошелъ въ разговорахъ вечеръ. Господинъ Марціусъ смотритъ на ботанику философскимъ и математическимъ взглядомъ. Съ одной стороны онъ приписываетъ растеніямъ нѣкоторыя чувства, а съ другой видитъ въ нихъ правильныя, геометрическія фигуры и строгій порядокъ чиселъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, если судьба растеній дѣйствительно такова, какъ мы обыкновенно объ ней думаемъ, то нельзя не пожалѣть объ нихъ. Они рождаются, питаются, живутъ и умираютъ. Трудно вообразить, чтобы они не чувствовали страданія, когда разсѣкаютъ ихъ нервы, и насильственно прекращаютъ органическую жизнь ихъ. Если мы допустимъ это страданіе, то можемъ ли отвергнуть и удовольствіе ихъ, когда они извлекаютъ изъ земли пріятную для себя пищу? Мы не приписываемъ въ растеніяхъ чувства боли, но можемъ ли отвергнуть осязаніе? *Sensitiva*, кажется, доказываетъ, что она его имѣетъ. Положимъ, что розовый кустъ не видитъ прекрасныхъ цвѣтовъ своихъ, но неужели онъ лишенъ и наслажденія чувствовать ароматъ ихъ? Неужели всѣ блестящія качества цвѣтка потеряны для самаго растенія, и украшаютъ его только для удовольствія другихъ существъ? По крайней мѣрѣ, никто не можетъ доказать, чтобы растенія не имѣли трехъ чувствъ — вкуса, обонянія и осязанія. Это приводитъ къ заключенію, что всѣ существа, одаренныя органическою жизнью, различествуютъ между собою числомъ чувствъ. Понятія земныхъ существъ въ царствѣ животномъ ограничиваются пятью чувствами. Другія планеты занимаютъ въ солнечной системѣ степень мірозданія равную съ Зем-

¹ * Reise in Brasilien, auf Befehl S. M. Max. Joseph I, Königs von Bayern in dem Jahren 1817—1820 von Weiland Dr. J. B. von Spix und Dr. C. Fr. Ph. von Martius.

лею, но отличаются отъ нея величиною, разстояніемъ отъ Солнца, числомъ падающихъ на нихъ солнечныхъ лучей и свойствомъ планетной массы. Можетъ-быть, сообразно съ этимъ различіемъ, отличаются и понятія разумныхъ существъ, ихъ населяющихъ. Если жители нѣкоторыхъ планетъ надѣлены бѣльшимъ числомъ чувствъ, нежели сколько дано въ удѣлъ человеку, то, безъ сомнѣнія, передъ ними открыты такія явленія природы, о которыхъ мы не имѣемъ никакого понятія, какъ слѣдомъ отъ рожденія не имѣемъ понятія о цвѣтахъ и несвязанныхъ формахъ, а родившіяся глухимъ—о музыкѣ и тонахъ. Къ сожалѣнію, открывая новый міръ существъ въ каплѣ воды, мы не можемъ видѣть какъ и чѣмъ наполнена поверхность планеты Юпитера, которая въ 1,200 разъ болѣе Земли.

Vidi insieme l'uno e l'altro polo,
Le stelle vaghe e lor viaggio torto,
E vidi quanto il veder nostro è corto..

Мы заключимъ наши выписки (которыя могутъ, кажется, подтвердить сказанное нами въ началѣ о книгѣ господина Симонова) тѣмъ, что онъ оканчиваетъ описаніемъ сѣзда и порядка засѣданій ученаго германскаго конгресса. Это былъ уже двадцатый сѣздъ. Они начались съ 1822 года, и переходя каждый годъ изъ одного города въ другой, прежде были въ Лейпцигъ, Галле, Вюрцбургъ, Берлинъ, Гейдельбергъ, Гамбургъ, Вьенъ, и всюду встрѣчали радушный привѣтъ просвѣщенныхъ правительствъ, понимавшихъ пользу мирныхъ бесѣдъ, оживлявшихъ сѣзды. Императоръ австрійскій, короли прусскій и баварскій сами угощали почтенныхъ гостей, число которыхъ на первомъ сѣздѣ не превышало четырнадцати, а на послѣднихъ возросло до пятисотъ.

Господинъ Симоновъ не дождался окончанія маннцскаго ученаго конгресса. Онъ получилъ извѣстіе о бѣдствіи, постигшемъ Казань, и обязанность профессора, сокрушавшагося о гибели превосходной казанской обсерваторіи, и чувства семьянина и отца, трене-

тавшаго объ участи милаго ему семейства, ускорилъ отъездъ его. Октября десятаго, проѣхавши черезъ Франкфуртъ, Гёттингенъ, Лейпцигъ, Дрезденъ, Магдебургъ, Гамбургъ, и Любекъ, онъ былъ уже на Балтійскомъ Морѣ.

Не зная, въ то ли время, или прежде, другой со-
 ошественикъ нашъ, продолжая свое путешествіе въ
 Вильнѣ, достигъ Рейна, и проѣхавъ тамъ до Швейца-
 рій. Объ Рейнѣ — едва ли скажете что-нибудь, чего не
 говорили бы другіе — Н. И. Надеждинъ, Н. И. Гречъ,
 В. Гюго, тадамъ Курдюкова, и сотни путешественни-
 ковъ, сентиментальныхъ, веселыхъ, печальныхъ и вся-
 кихъ. Разсказъ князя Мещерскаго и здѣсь любопы-
 тенъ и оригиналенъ; но онъ оживаетъ особенно въ
 Швейцаріи. Изъ Шафгаузена нашъ путешественникъ
 проѣхавъ и прошегъ въ Сень-Галленъ, Лупернъ, Бернъ,
 Женеву, переходилъ по слѣдамъ Суворова черезъ Сень-
 Готардъ, и по слѣдамъ Наполеона черезъ Сень-Бер-
 нардъ. Но желая познакомить нашихъ читателей съ
 оригинальными разсказами нашего путешественника,
 мы выбираемъ описаніе похода его на Гохъ-Сентисъ,
 знаменитую гору Сень-Галленскую. Путешественникъ
 запасся въ Роршахъ тяжелыми альпійскими башма-
 ками, длинною палкою, съ желѣзнымъ наконечникомъ,
 и по паряду его узнать желаніе его прогуляться на
 Сентисъ. Эта гора, въ 7,671 футъ вышиною, славит-
 ся особенно ужасами природы и опасностями, каковыя
 подвергается на ней путешественникъ. Прогуляйтесь
 туда, только, ради Бога, не испугайтесь.....

«Въ деревнѣ Апенцель мнѣ доставили необходимыя
 съдѣстныя припасы и проводника, имѣвшаго письменныя
 аттестаты отъ разныхъ путешественниковъ въ совершен-
 номъ знаніи всѣхъ тропинъ. На Сентисъ взойти и съ
 него спуститься однимъ днемъ невозможно. Дорогою къ
 намъ присталъ крестьянинъ, возвращавшійся въ свою
 деревню. По его словамъ, предстоитъ много опасностей и»

решовъ, и онъ предложилъ себя въ проводники. Я рѣшилъ быть проводкомъ, и мы трое, подивившись на высоту гряды тысячъ футовъ, къ вечеру достигли хижинъ пастуховъ (chalets).

«Въ этой долинь, до которой надобно добираться крутымъ исходомъ, построено нѣсколько сараевъ и одна изба. Живели держать здѣсь коровъ во все дѣло, а при наступленіи глубокаго осени, отвозить ихъ въ деревню, оставляя здѣшнему стровніе пустынь. Хозяйка заманила насъ пастухами, которыми вѣрнее стало и женою молока: Маленькая кибурка служила намъ убѣжищемъ отъ непогоды и владовую, гдѣ они хранили все для нихъ потребное. Туда они собирались обѣдать и ужинать. Ихъ пища тяжела для непривычнаго желудка. Не хотѣвши трогать своего заиса, который могъ быть намъ очень нуженъ на горѣ, потому что на другой день предстояло четыре часа труднаго пути для восхода, и другіе три для спуска по ту сторону въ долину, я рѣшился, не развѣсивъа своего увѣла, приступить къ ужину пастуховъ. На столѣ, освѣщенномъ лампадою, были три блюда, холодное молоко съ густыми отсыемъ, горячая саморотня и сметана, веревъ огонь превращенная въ какойто густой и рѣмъ, плававший въ масле. Этого чрезвычайно жирнаго кушона съ трудомъ могъ я проглотить ложку. Пастуки мало знакомы съ хлѣбомъ. Они рѣдко варятъ картофель, и утверждаютъ, что молочная пища такъ насыщаетъ насъ, что они не чувствуютъ никакой нужды въ другой. Черная, жирная собака, сворочивъ у стола въ ожиданіи остатковъ ужина, корчитъ однимъ молокомъ, и на удивленіе, потому что питательность молока извѣстна, но какая же нужна для тѣхъ ищивычка! — По окончаніи пастушьей трапезы, при которой я былъ болѣе зрителемъ, чѣмъ участникомъ, насъ пригласили въ общую спальню, на сѣнникъ, для черной сарай, гдѣ на дучь сѣна помѣстились мы къ одной сторонѣ, а хранива удалили себя постель къ другой. Не зная чѣмъ они улеглись, надобно было выслушать ихъ вѣжи. Задавая целной кормъ скоту, они пьютъ обыкновенно пить. Горькимъ напиткомъ состоитъ изъ вѣркинаеюй, изъ которыхъ выкачивается вся сила горькаго молока. Коровы, вращаю-

душины къ молодѣи, столь не чуждой имъ, или отъ нестерпимости получить ожидаемую награду, начинаютъ въ то же время рѣзать особеннымъ образомъ. Концертъ продолжался около часу, послѣ чего коровы принялись за сѣно, а пастухи улеглись и въ малѣе все притихло. Въ полночь поднялась сильная буря. Она ужасна на альпійскихъ горахъ. Каждый гулъ, дробясь въ отголоскахъ, представляется могучимъ голосомъ, произносящимъ невнятные слова. Долго этотъ валканъ продолжалъ разговаривать съ нами. Къ утру дождь утихъ, вѣтеръ сталъ перебиваться, и можно было отважиться на продолженіе пути. Общинъ съѣдомъ рѣшено, оставя прямое направленіе къ Сентису, гдѣ въ обнаженныхъ мѣстахъ порывъ вѣтру легко можетъ сбросить путника въ пронасть, идти боковой тропиною черезъ сосѣднія горы. «Здѣсь переходъ еще опаснѣе, сказалъ старикъ, но зато вы будете защищены отъ вѣтру, и если у васъ голова не подвержена круженію, могу вамъ поручиться, что проберетесь». — Я хотѣлъ уже отказать отъ такого милаго путешествія, но взглянувъ на свои тяжелые башмаки, на длинную палку, я несколько улыбнулся. Мой нарядъ такъ худо согласовался съ моимъ расположеніемъ духа, что, въ своихъ собственныхъ глазахъ, я становился какимъ-то жалкимъ, комическимъ лицомъ. Пускай психологи, трудящіеся надъ отысканіемъ всѣхъ извилистыхъ вѣтвей душевной силы, растолкуютъ, что это такое? Сначала имъ было смѣшно; потомъ стыдно, досадно, и наконецъ нестерпимо больно — я вскочилъ съ своего мѣста, взялъ палку въ руки, и выговорилъ «идеаль», такъ, что этому: идеаль, могъ бы позавидовать самъ Каратыгинъ — я сдѣлался человекомъ отважнымъ и рѣшительнымъ.

Вершина Сентиса раздѣляется на двѣ остроконечныя скалы, соединенныя между собою хребтомъ, но бокамъ котораго висятъ свѣзныя глыбы. Одно мѣсто тутъ столь открыто, и переходъ такъ труденъ, что при сильномъ вѣтрѣ имѣть никакой возможности пробраться. Не задолго передъ моимъ прибытіемъ четыре путешественника едва не сдѣлались жертвою своей неосторожности. Неомытный проводникъ повелъ ихъ, несмотря на худую погоду; но

къ-счастію, они не успѣли дойти до опаснаго перехода, когда порывъ вѣтру сбросилъ ихъ съ высоты, на такомъ мѣстѣ, гдѣ не было обрыва. Хотя они удачно удержались на уступѣ, но прокатились довольно далеко. Покрытые ранами, кое-какъ добрались они въ долину, откуда на лошадяхъ доставили ихъ въ Сентъ-Галленъ.

Долго взбирались мы на высоту, и наконецъ пришли къ главному переходу. Посерединѣ отвѣсной стѣны, составившейся изъ нѣсколькихъ скалъ, простирается *карнизъ*, на сто шаговъ въ длину и шириною въ аршинъ — здѣсь пробираются жители горъ, когда хотятъ укрыться отъ вѣтру. Влѣво возвышалась стѣна обрубомъ на три тысячи футовъ, а вправо было на столько же отвѣсной глубины — ужасная пропасть, и на этомъ узкомъ *карнизѣ*, нѣсколько времени мы должны были, такъ сказать, висѣть между небомъ и землею! Приближаясь къ роковому мѣсту, проводникъ счелъ нужнымъ сдѣлать мнѣ наставленіе. Онъ настоятельно требовалъ, чтобы я не глядѣлъ ни внизъ, ни вверхъ — «а то съ вами сдѣлается альпійскій обморокъ», сказалъ онъ хладнокровно, «и тогда вы погибли. «На такомъ узкомъ пространствѣ не возможно обернуться, «чтобы подать вамъ помощь — да тутъ и каждому только «до себя». — «Но куда же глядѣть?» спросилъ я. — «Прямо «мнѣ въ спину, и больше никуда». — Стиснувъ зубы, я замолчалъ. Мы пошли. Куда я глядѣлъ, не знаю, и только помню, что сначала шелъ я бодро, но къ концу у меня сжалось сердце — невольно опустилъ я взглядъ къ ногамъ — онъ скользнулъ по утесу и — потерялся въ неизмѣримой пропасти. Въ то же мгновеніе я почувствовалъ, какъ-будто *ударъ по голови*, въ ухахъ начался шумъ, и постепенно увеличивался. Мнѣ стали слышаться разные *голоса*, *звукъ музыки* — какой-то невыразимый *юморъ* въ безднѣ. Альпійскій обморокъ приближался, но въ ногахъ моихъ оставалось еще довольно силы. Не помню какъ перешагнулъ я остальное небольшое пространство, и упалъ на камень, покрытый густымъ мохомъ. Минуты три былъ я въ безднѣ. Когда открылъ я глаза, проводникъ стоялъ передо мною съ моею походною фляжкою въ рукѣ, и съ улыбкою сказалъ мнѣ: «Однако жъ вы хорошо прошли — признаюсь,

я боялся за васъ». — «Какъ, вскричалъ я, ты сомнѣлся, что я не могу безопасно пройти, и повелъ меня этимъ кошачьимъ перелазомъ?» — «Что жъ мнѣ было дѣлать! возразилъ онъ холодно: — Вы, путешественники, не имѣя никакого понятія о нашихъ горахъ, хотите ходить тамъ, гдѣ мы, горные жители, съ трудомъ пробираемся! Наше дѣло сказать вамъ, что опасно, а беречь свою голову можете вы сами». — Глотокъ киршвассера возвратилъ мнѣ силы, и мы продолжали путь, направляясь къ вершинѣ Сентиса, бывшей у насъ передъ глазами. Поднявшись на самую высоту, мы приблизились къ великану на разстояніе 500, или 600 шаговъ, но пронасть отдѣляла его отъ горы, гдѣ мы стояли, и чтобы удобнѣе разсматривать, необходимо было подвинуться до самаго обрыва. Мы поползли до выдавашагося впередъ утеса. Тутъ, лежа на самомъ краю, свѣсивши голову, свободно и безопасно смотрѣлъ я на 6,600 футовъ внизъ, и поднимая глаза вверхъ любовался двумя вершинами Сентиса. Острокопечныя, обнаженныя скалы его, какъ-будто вырастаютъ изъ свѣжныхъ глыбъ.

«Въ горахъ никогда нѣтъ тишины, потому что безпрестанно скатываются камни. Шумъ ихъ паденія со скалы на скалу, передаваемый отголоскомъ, сливается съ воемъ вѣтру, и производитъ неизъяснимый, безконечный гулъ».

«Обойдя вершину горы, мы пришли на другую сторону, и остановились надъ пространнымъ ущельемъ, набитымъ снѣгомъ. Далеко внизу разстилалась красивая долина. «Какъ проберемся мы черезъ этотъ снѣгъ?» спросилъ я у Швейцарца. «Не бойтесь, отвѣчалъ онъ, на немъ твердая кора». — «Но какъ спуститься съ высоты?» — «Увидите—у насъ на все свои способы», сказалъ онъ, улыбуясь. Мы сцепили руки, потомъ, просунувъ палки между ногъ, и упирая желѣзными концами ихъ въ снѣгъ, дали себѣ волю катиться на вогахъ. Желѣзо, врываясь въ снѣгъ, удерживало стремленіе. Я нашелъ этотъ способъ удобнѣмъ, безопаснымъ, и даже пріятнымъ, но недостаткомъ привычки заставлялъ меня часто останавливаться. Упирая палку впередъ, я отдыхалъ по нѣсколькимъ минутамъ. Снѣгъ простирался не далѣе ста шаговъ. Тамъ были кам-

ни, послѣ опять снѣгъ, и такъ продолжалось около полуверсты, послѣ чего мы перебирались съ камня на камень, и наконецъ покатою, покрытою травою, достигли долины, находящейся на возвышенности 3,000 футовъ отъ другой, гдѣ проходитъ большая дорога, и расположена деревенька Вальдгаузъ, мѣсто, избранное мною для отдыха. Въ необитаемой долинѣ нашли мы родникъ чистой, свѣжей воды, утолили жажду, и отдохнули на пригоркѣ, покрытомъ прекраснымъ дерномъ. Отсюда надобно было опять спуститься, но уже не съ такими затрудненіями. Измученный прибылъ и въ Вальдгаузъ, и послѣ сельскаго обѣда взялъ кабріолетъ до Рейнталы».

Вы читали, а если читали, такъ вѣрно помните, державинское описаніе Сенъ-Готарда — такихъ описаній не забываютъ! Суворовъ ведетъ русскіе полки, ведетъ —

и нѣкая громада,

Гигантъ предъ нимъ возсталъ въ пути,
 Главой небесъ, ногами ада
 Касался, претить нѣтъ:
 Со ребръ его шумять внизъ рѣки,
 Предъ нимъ мелькають дни и вѣки,
 Какъ вкругъ волнующійся царь;
 Ничто его не потрясаетъ,
 Омъ громъ и бури прозрачатъ —
 Намурясь сморгнуть Сенъ-Готаръ!

А тамъ волшебница сѣдая
 Лежить на высотѣ холмовъ,
 Дыханьемъ солнце отражая,
 Влеститъ вдали огни ледовъ,
 Которыми одѣта зрится.
 Она на всю природу злится,
 И въ страшныхъ ледяныхъ скалахъ,
 Нарисованныхъ свѣговъ слоями,
 Готова задавить горами,
 Или въ хладныхъ задушить когтяхъ

А тѣмъ, повидной рукою
 Простертое съ земли до холма,
 Чудовище, какъ постъ длиною,

Рыгал дымъ и пламень ртомъ,
 Бездонну челюсть разверзаетъ,
 Въ единый мигъ полки глотають!
 А тамъ нещера черна снитъ,
 И смертнымъ пракомъ взоры кроетъ,
 Какъ бурю, гортанью воетъ —
 Предъ ней Отчаянье сидитъ!

Но что? Не духъ ли Оссіана,
 Пѣвца тумановъ и морей,
 Мнѣ кажется подъ луной Морвана,
 Какъ шелъ онъ на царя-царей?
 Нѣтъ!... То Массена подъ землею
 Съ Рышникскимъ въ тѣмъ сошлся къ бою,
 Чело съ челою—глаза горятъ!
 Не громы ль съ громами дерутся?
 Мечами о мечи сѣкутся —
 Вкругъ смылютъ огнь—~~сжигаютъ~~ адъ!

Ведеть туда, гдѣ вѣтръ не дышитъ
 И въ высотахъ, и въ глубинахъ,
 Гдѣ ухо льдовъ лишь гулы слышитъ,
 Катающихся на крутизнахъ —
 Ведеть....

Мы хотѣли припомнить нѣсколько стиховъ, а выписали невольно нѣсколько строфъ. Можно бы подумать, что воображеніе поэта преувеличивало ужасы дѣйствительные. Но читайте описаніе князя Мещерскаго, и вы увидите, что поэтъ ничего не прибавилъ—онъ только олицетворилъ мертвую природу. «Я видѣлъ ужасы Кавказа—они ничто передъ альпійскими—говорилъ Суворовъ, стоя на высотахъ Сень-Готарда. Для чего я не живописецъ! Дайте сюда Вернета, и пусть увѣковѣчитъ онъ эти мгновенія нашей жизни!»

Изъ Бехлинкомы, Суворовъ раздѣлилъ войско свое на двѣ части. Съ одною Розенбергъ пошелъ на Фогельсбергъ, Донгіо и Тавештъ. Авангардъ его велъ—Милорадовичъ. Съ другою Дерфельденъ, пошелъ на Айроло, мѣстечко на 3,700 футовъ высоты, находящееся съ италіанской стороны Альновъ, оттуда на высоты Сень-Готарда, Госписъ, и долженъ былъ соединиться

ми стѣнами скинающихъ рѣку Рейнъ. Черезъ нея надобно переходить во многихъ мѣстахъ. Дорога идетъ, то по правому, то по лѣвому берегу, смотря потому, гдѣ было удобнѣе изсѣкать ее изъ камня. Одинъ изъ мостовъ называется Pfaffen-sprung, *скачокъ попа*. Этимъ названьемъ обязанъ онъ преданію, что какой-то священникъ, или монахъ, похитившій дѣвицу, убѣгая отъ преслѣдователей, слѣлалъ здѣсь невѣроатный прыжокъ. На горахъ не видно зелени. Рѣдко гдѣ голый камень покрытъ мохомъ. Длинныя, слоистыя скалы, извиваясь по крутизнамъ, блестятъ отъ солнечнаго луча змѣбною чешуею. Матъ разсѣланъ какъ, какъ въ зѣвовъ, съ ревомъ несетъ скопившаяся дождевая вода. Гулъ, повторяемый отголоскомъ, приводитъ душу въ содроганіе. Тамъ, гдѣ встрѣчается небольшое пространство луговой земли, оно покрыто обломками скатившихся камней. Всюду стоятъ *кресты*, поставленные въ память погибшихъ людей. Вездѣ слѣды ужаснаго разрушенія. Каждый предметъ говоритъ путнику о погибелѣ, на каждомъ шагу омидаеть онъ встрѣтить смерть — ему кажется, что изъ-за каждой навислой скалы, она смотритъ на него своими тусклыми *оловянными* глазами!

«Дорога привела меня къ горѣ, заграждавшей путь. Обогнувъ ее, я очутился въ каменномъ мѣшкѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ окружали меня утесы непомѣрной высоты. Здѣсь Рейсъ, съ грохотомъ стремись со скалы на скалу, образуетъ шесть водопадовъ. Послѣдній главнѣйшій—вода падаетъ съ высоты ста футовъ въ прямой линіи, но въ ея косвенномъ направленіи, конечно, будетъ до 300. Въ стѣны утесовъ вдолблены концы каменнаго моста, который, загибаясь крутою дугою, виситъ на 95 футахъ высоты надъ бездною—это *Чортваъ Мостъ*. Отъ 8 шаговъ въ ширину, до 56 въ длину, и поставленъ 27 футами выше стараго, полуразрушившагося арка котораго еще держится. Новая дорога, уничтоживъ древнюю, прервала всякое сообщеніе съ старымъ мостомъ. Между утвердительно сказать, что тутъ представляется одна изъ ужаснѣйшихъ картинъ всего міра, и чтобы думать о ней попятіе, надобно быть тамъ—никакое описаніе не можетъ ее представить. Нетъ всѣхъ рисунковъ дѣтъ, и быть не можетъ, ни одного

вѣрнаго, потому что стоящій на мосту, или у моста, находится въ глубокомъ колодеѣ. Онъ можетъ видѣть одинъ бока горъ, водопады, мостъ, и загнувъ голову, перпендикулярно надъ собою увидѣть еще зубчатый кругъ остроконечныхъ скалъ, и надъ нимъ небольшой голубой шатеръ—это вершины горъ и небо. Какъ ни велико разстоянiе новаго моста отъ рѣки, но паденiе воды столь сильно, что брызги взлетаютъ на эту высоту. При сильномъ вѣтрѣ можно намочнуть здѣсь, какъ отъ дождя.

«Въ живописномъ отношенiи новый мостъ не можетъ сравниться съ старымъ. Искусство и труды видны въ каждомъ камнѣ, но они показываютъ постепенное дѣло рукъ человѣка, когда старый представляется произведенiемъ волшебнымъ—одна накинута арка соединяетъ двѣ остроконечныя скалы, а не видно гдѣ, и какъ она утверждена—мостъ виситъ на воздухѣ. Новый можетъ почитаться образцовымъ произведенiемъ искусства, но старый всегда будетъ одинъ изъ тѣхъ загадочныхъ предметовъ, передъ которыми посѣтитель охотно отказывается отъ изслѣдованiй. Полагаютъ, что онъ былъ построенъ въ началѣ XII столѣтiя, Жеральдомъ, аббатомъ Эйндельскаго монастыря. Народъ не хочетъ признавать его произведенiемъ обыкновеннымъ, и приписываетъ построенiе его сверхъ-естественному событiю. Вотъ какъ говоритъ преданiе: Ландаманнъ кантона Ури былъ чернокожничекъ, и притомъ человѣкъ искусный, сдѣлавшiй много полезнаго для своего края. Онъ развилъ торговлю, устроилъ дороги въ горахъ, и наконецъ увидѣлъ необходимость проложить путь до Сень-Готарда. Нѣсколько мостовъ было удачно построено на Рейсѣ. Оставалось сдѣлать послѣднiй, самый трудный. Собранные матеріалы лежали въ горахъ на берегу. Строители не приступали, потому что не знали, какъ и съ чего начать. Ландаманнъ хлопоталъ, сердился, но помочь было нечего. Наконецъ онъ рѣшился обратиться къ своимъ таинственнымъ познанiямъ, и выпровадилъ къ себѣ духа тьмы для совѣту. — «Чего ты хочешь отъ меня?» — спросилъ чортъ. — «Твоего совѣту, отыскавъ Ландаманнъ: какъ утвердить концы моста». — «Я построю его въ одну ночь», сказалъ чортъ: но съ усло-

вѣсть, что душа первого, кто пройдет по нему, принадлежить мнѣ». Ландаманъ согласился, а въ одну ночь работа была окончена. Поутру собравшійся народъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на прочно сдѣланный мостъ, но никто не смѣлъ пройти по нему. — Ландаманъ извѣстилъ всѣхъ объ условіи. Такъ продолжалось нѣсколько времени. Однажды Ландаманъ пришелъ въ сопровожденіи своей собаки. Кусокъ мяса, переброшенный на другую сторону, заставилъ ее пробѣжать по мосту—«Условіе исполнено!»—воскликнулъ чернокопичникъ, и съ той минуты мостъ сдѣлался удобопроходимымъ.

«На другой сторонѣ, на небольшой площади, покрытой гудами каменной, стоитъ часовня, востросная во имя какого то святаго. Среди общаго разрушенія, какъ горящая лампада посреди могильнаго склепа, ея надпись живительнымъ лучомъ вѣры согрѣваетъ сердце странника: Ога рго повіс (моли о насъ)! Тутъ я увидѣлъ кресты, какіе мнѣ часто встрѣчались на дорогѣ. Видѣвъ этихъ памятниковъ, воздвигнутыхъ челоуѣколюбіемъ врагу людей, столь жестоко пораженныхъ, наполнилъ мою душу неизъяснимою грустью. Здѣсь, думалъ я, несчастный, отлученный отъ своихъ кровныхъ, отъ друзей, застигнутый бѣдственнаго случая, напрасно обращалъ вокругъ себя блуждающіе взоры—никакого спасенія! Напрасно призывалъ онъ на помощь людей—они были далеко отъ него; онъ былъ одинъ въ этой каменной пустынѣ, стоялъ съ распростертыми руками, какъ-будто ограждая себя отъ удара, и на его поблекшихъ устахъ бродила безсвязная, немая молитва, и наконецъ дрожащій голосъ его: Ога рго повіс, замеръ подъ сокрушительнымъ камнемъ.

Далѣе ожидаетъ путешественника новое впечатлѣніе: каменная гора совершенно заграждаетъ путь, но сквозь нее вѣрить проходъ. Темная галлерей, въ 200 футовъ длины и 30 ширины, служитъ сообщеніемъ съ долиною Уизернъ. Въ самой серединѣ сдѣлано отверстіе для свѣту; оно загорожено рѣшеткою, чтобы предохранить любопытнаго отъ несчастнаго случая, потому что отверстіе находится надъ рѣкою, которая быстро несетъ съ камня на камень подъ стѣной. Путешественникъ, пробывшій

несколько часовъ подъ влияніемъ сильного ужаса, приготовившись встрѣтить предметы еще болѣе поразительные, видѣть дорогу, загражденную каменноею стѣною; влѣво тѣ же неприступныя утесы, широко несетъ Рейсъ — и вѣстѣ съ тѣмъ; его глаза представляются открытіе пещеры, загадочное протѣканіе которой терется во мракѣ. Въ недоумѣніи онъ отскакиваетъ, но гладкая, широкая дорога ведетъ туда. Съ колеблемымъ содрогніемъ онъ входитъ въ этотъ зловѣ, гдѣ бурный шумъ потока раздается подъ сводами. Ему кажется, что этотъ путь долженъ привести его къ чему-нибудь особенно ужасному. Ребромъ подвигается онъ впередъ, и съ болѣзненнымъ ожиданіемъ прощупывая все пространство, подходитъ къ устью — тутъ совершенно светло; нѣтъ переступаетъ онъ остальнымъ три шага, и останавливается, пораженный неожиданною картиною: красиво выстроенное селеніе Андерматъ загребаетъ дугой свода пространства, думиотаго дуга, по которому разсыпалась пострѣль ограда, и гдѣ тихо струи́лся Рейсъ, какъ жемчугъ выливался между кустовъ и деревьевъ, тихо катилъ свою серебристую струю. Дорога, усыпанная желтымъ пескомъ, гладкая какъ доска, въ прямомъ направленіи прорѣзываетъ вѣтъ прелестный садъ, и примыкаетъ къ озеру Геснись или Госпиталь, расположенному у подножія Сентъ-Готарда. Слѣды вытокнутаго горъ называются только вдалѣ. Здѣсь одна половина возвышенія нѣтъ, поворотъ заденю. Парскодъ отъ предместовъ ужасныхъ въ картинѣ, гдѣ: море оказывается по нѣбамъ отливаетъ тѣной, сообщитъ душѣ какое-то упоеніе — это переходъ отъ страданій къ наслажденію, отъ немощнаго запертія сердца къ жизни идеальной, пастушеской — одному изъ дней золотого вѣка.

«Отъ Амстегга до Сентъ-Готарда дорога возмущительно поднимается въ гору, тамъ, где Андерматъ, съ его фруктовыми садами и роскошноею олеєю, находится на высотѣ 4,400 футовъ отъ поверхности моря, и на 2,800 футовъ выше Луцерна. Отъ него стелется гладкая дорога, которая придеваетъ столько красоты въ виду, поразившему еще при выходѣ изъ Луцерна.

«Въ селеніи Госпиталь я отдохнулъ, и сталъ избираться

на Сенъ-Готардъ. Сначала востокъ, довольно крутой; весте узкими горными, но потомъ начинается пологость. Здѣсь нѣтъ никакихъ выходовъ. На пространствѣ первыхъ двухъ верстъ, обернувшись, еще можно полюбоваться долиною съ ея селеніями, но далѣе самыя горы скрываются за утесами Сенъ-Готарда и во все время пути они одни передъ глазами. После нѣсколькихъ часовъ трудной ходьбы, поднявшись на высоту 6,660 футовъ, я достигъ площадки, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими скалами—это вершина Сенъ-Готарда, гдѣ проложена дорога, но окончательно утесовъ возвышаются здѣсь еще на 2,060 футовъ. На этой площадкѣ образовались небольшія озера; ихъ можно насчитать до десяти, но только два замѣчательнаго объема. Изъ одного вытекаетъ рѣка Тессинъ, изъ другого Релль. Утверждаютъ, что въ сенъ-готардскихъ озерахъ водятся форели. Гостинница поставлена на мѣстѣ бывшаго здѣсь монастыря. Въ страннопріемномъ домѣ, содержавшемся покаяніемъ, прохожіе принимались радушно. Они нѣмало бездѣвужную пищу, а въ случаѣ болѣзни пособіе, но духъ разоренія, господствовавшій между Французами въ концѣ XVIII столѣтія, не пощадилъ благотѣлннато заведения. Единственнымъ его памятникомъ остались груды камней.

Дорога отъ вершины Сенъ-Готарда къ долинѣ Айрола расположена по горѣ винтовѣ. Съ близинны ея открывается передо мною пространная долина съ селеніями, между которыми Айрола занимаетъ почетное мѣсто. Тутъ она находится на высотѣ 3,700 футовъ отъ поверхности моря; въ замѣтъ тѣмъ что нѣе до вершины Сенъ-Готарда считаются болѣе двадцати верстъ. Тамъ я нашелъ гостинницу для ночлега.

«Для обратнаго пути за осемь франковъ мнѣ доставили лошадь. Въ трудныхъ мѣстахъ я предоставлялъ ей пробираться самой, и не одинъ разъ имѣлъ случай удивляться ея инстинкту. Часто надобно было спѣшиваться, и перегизать черезъ большіе каменья, которыми завалена дорога. Проводникъ обводилъ лошадь узкими боковыми тропинками около обрывовъ. Надобно было видѣть, какъ осмотрительно выбирала она мѣста, и какъ удачно избѣгала съсучаго камня. Порода этихъ лошадей ведется только въ горахъ.

«Отъ Госпитала я продолжалъ нуть вѣшникомъ. Расположеніе духа имѣеть большое вліяніе на то, какъ какъ могутъ показаться предиссы. Когда проходилъ я въ первый разъ черезъ *Чармаз Мосты*, отъ желанія ли скорѣе достигнуть цѣли моего путешествія, или отъ ожиданія увидѣть новое, только я не испыталъ сильнаго ошущенія. И тогда ужасная картина поразила меня, но тотъ же видъ, представившись вторично, сдѣлалъ на меня неизъяснимое впечатлѣніе. Нельзя себѣ представить ничего угрожае этого каменнаго мѣшка, куда дневной свѣтъ съ трудомъ проникаетъ. Я остановился на мосту, и долго стоялъ въ грустной задумчивости. У меня подъ ногами клубился водонадъ. Внизу, къ правой сторонѣ, показывались арка стараго моста и часть прежней дороги. Содрогаюсь осматривалъ я всѣ предметы, и припоминалъ славный переходъ Русскихъ. Они были у меня передъ глазами — гранаторы бросаются впередъ; деревья, связанные шарфами ошцеровъ, закрываютъ часть взорваннаго моста и непреодолимая препона уступаетъ рѣшительному напору храбрыхъ. Многіе обрываются съ перекладинъ, и не одинъ разъ, слышъ шумъ водонада, слышалось русское восклицаніе: *Господи, помилуй!* и на каждое былъ одинъ отвѣтъ товарищей: *Господи! помилли душу его!* Твердо и хладнокровно шли они впередъ. Меня обдавала водная пыль — я принималъ ее съ благоговѣніемъ, какъ воду, священную памятью стодѣтихъ вѣрныхъ сыновъ православнаго отечества, нашедшихъ въ ней могилу!»

Тутъ есть чувство, есть память сердца, и кто знаетъ и мыслить такъ, на голосъ того отзовутся сердца другихъ.

1844.

ОСОБЫЕ ЛИНГВ.

ГОРДЫЙ ОХОТНИКЪ. Поэма. С. П.-бургъ, въ тип. Военно-учебнаго Заряднаго, 1844, въ-8., стр. 53.

Есть два мнѣнія о ходѣ ума человѣческаго, оба чрезвычайно философическія, оба поддерживаются великими авторитетами, и за оба равно послѣдователи ихъ готовы стоять изъ всѣхъ силъ. Одно утверждаетъ, будто умъ человѣческій идетъ впередъ, долженъ идти, и будетъ идти, безостановочно. Другое мнѣніе говоритъ, будто рѣченный умъ идетъ, идетъ, а потомъ вдругъ поворачивается назадъ; погода нѣсколько столѣтій, онъ опять начинаетъ идти впередъ; а тамъ опять поворачивается: словомъ, танцуетъ вѣчную польку, вертится какъ вѣшка въ колесѣ, подвигаясь всё на одномъ мѣстѣ. Которое изъ двухъ мнѣній основательнѣе? Доказательства есть за и противъ, на оба мнѣнія.

Защитники вѣчнаго ходу впередъ ссылаются на дикарей, увѣряя, будто умственное разстояніе отъ философа Новой Голландіи до Пьютона далѣе чѣмъ отъ Земли до Солнца: отсюда происходятъ невѣжество древнихъ въ гальваническомъ золоченіи и современное искусство нататься на паряхъ по морю и по сушѣ. Молодые люди рѣшительно всё держатся этого мнѣнія, потому что, вслѣдствіе его, они непремѣнно должны быть умнѣе стариковъ. Компаніисты застраховали дома отъ огня согласны съ ними: доказательство безконечнаго совершенствованія ч-

и блѣтъ; инстинктивные глупостей. Страсти у перваго и послѣдняго членовъ математически — однѣ и тѣ же: следовательно и умъ — тотъ же; человекъ не можетъ быть ни злое, ни доброе, ни умнѣе того какъ былъ за пять тысячъ лѣтъ. Что касается до физическихъ, вещественныхъ открытій и изобрѣженій, то они, подобно глупостямъ, опять только — развитія и дополненія первоначальныхъ, первобытныхъ, инстинктивныхъ. Это, просто, обдѣлка стариннаго; а не создание новаго: выдумать телегу и лукъ было даже мудрѣе чѣмъ переделывать телегу въ паровозъ и лукъ въ пушку. Люди, какъ говорятъ, уже нѣсколько разъ доходили до высочайшей степени образованности, и столько же разъ вслѣдъ за тѣмъ попадали въ глубочайшее невѣжество, следовательно съдѣствіе наводненія общества ученостью. Древшіе знамя совѣтъ не менѣе нашего. Посмотрите на чудеса провинциальности, неусидчивости, утонченности, вкусу, въ древнейшихъ подземельяхъ Помпей, гробницахъ Этрускіи, въ пещерахъ Египта, въ развалинахъ греческихъ городовъ. До совершенства древнихъ въ живописи, скульптурѣ, поэзи, мы даже и достигнуть не надѣемся. Ты, что увидѣло изъ этихъ искусствъ и словесности, приводитъ насъ въ отчаяніе. Что можетъ сравниться съ этими величественными ключами совершенства? Какая высокая, прекрасная идея умнаго зрѣлаго не трепетала на струнахъ лиры древнихъ поэтовъ? Что новаго выжали изъ своего мозга провинціальные охотники при всей помощи типографскаго обихода? Куда дѣвался даже эти чудныя музыка слова; изобрѣтенныя первоначальными человекомъ подымавшіе насъ «шегры», которыми онъ такъ тонко чувствовалъ и которыми могъ умѣть и чувствовать не состоянія; до такой степени «сфрутовать» даже уши? Наша образованность съ гордою улыбкою на парикѣ приверженцы безконечнаго совершенствованія! чѣмъ чества выставляли парикъ какъ чество «искусство» изобрѣженіе, какъ improvement вообще изобрѣтенныя древнему миру; а теперь оказывается, что Писсано съ своею знаменитую «мудрости» носила не иначе какъ вода шарикомъ, три парика Фаронавъ висятъ въ столовѣхъ въ Английскомъ Национальномъ Музее, и то свидѣтъ «Величественнаго» доказываетъ, что парижскіе парик-

махеры далеко еще не дошли до искусства вердикмахерствъ Оивъ и Мемфиса. Словомъ, человечество, какъ кошка, вѣчно ловить свой собственный хвостъ, кружась на одномъ мѣстѣ, а ученымъ и студентамъ кажется, будто хвостъ движется впередъ и оно бѣжитъ за хвостомъ. Эта теорія очень нравится старикамъ, потому что, на основаніи ея, старики выходятъ умнѣе молодыхъ.

Споры о прямолинейномъ и круговомъ движеніи человечества невольно приходятъ въ голову на поводу русской поэзіи. Если судить о ходѣ человечества по ходу нашей поэзіи, то приверженцы круговаго движенія рѣшительно правы. Было время, когда русская поэзія пераждала допотопныхъ чудовищъ, Тилемахиды и Россіады, Синавовъ и Труворовъ. Потомъ настала эпоха усовершенствованій, процвѣтанія, золотого вѣка. Помните ли этотъ золотой вѣкъ? Что были за рѣмы, что за стихи, что за оды! Какія трагедіи, комедіи, элегии, нѣси, бесни, поэмы! Царство нашей поэзіи было размежевано, расчлѣнено, укрѣплено за владѣльцами записями. Одинъ былъ признанъ русскимъ Шолье, другой Лагарпомъ, третій Лавонтеманъ, четвертый Вольтеромъ, пятый Пиндаромъ, и такъ далѣе. Однихъ образцовыхъ сочиненій являлось, у насъ, помнится, по осмнадцати томовъ. И вдругъ все пошло задомъ напередъ: разстроились лиры, лопнули струны, прервали стихи, разлетѣлись рѣмы, разбѣжались вдохновенія, выскочилъ Иннокрена. Спустя немного возникаетъ Пушкинъ, посетуетъ туча Байроновъ, разверзаются гробы, выходятъ призрачнія, въ лѣсахъ сверкаютъ ножи и кинжалы, наступилъ часъ ступки бѣгутъ передъ торжественнымъ шествіемъ цыганскаго табора: поэзія снова гудитъ, шумитъ, волнуется, и потопляетъ всѣ неизменные мѣста ума человеческого. Альманахами хоть прудъ, бывало, пруди! И опять все исчезаетъ, — все, — кромѣ луны, мечты и дѣла. Начинается промышленное фабричное производство луны, мечты и дѣла, доминиканскія, безцвѣтныхъ, безобразныхъ. Поэзіи какъ-будто не было. Теперь даже странно слышать, когда порой раздастся хриплый голосъ русской поэмы, зашевелитъ рѣмя, грельмелкнетъ стихокъ! Да и что за стихи теперь, что за поэмы! что за поэты!.... Байроновъ какъ помаленьку...

до. Романа въ стихахъ въ глаза не увидишь. Правда, въ послѣднее время, разделись у насъ Гомеры: но что за Гомеры?... Гомеры малороссійскіе! «И пошла яисать.....» Да что писать? Илиады «чортъ знаетъ какія!» Чувствительно благодаримъ.

Въ этотъ-то второй понятный періодъ русскаго стихотворства создалась поэма «Горный охотникъ». Она писана поэтическою прозою безъ запятыхъ, и прозаическими стихами безъ рیمъ и безъ мѣры. Изъ содержанія ея толкъ исключенъ нарочно: и вотъ почему она—*поэма!* А почему она *горный охотникъ*, это—тайна поэта.

Поэма начинается просьбою молодого человѣка къ матери, чтобы мать позволила ему идти въ военную службу. Мать не соглашается и, стихообразно, изображаетъ сыну ужасы войны, когда слабая, невинная женщина—

«Увидитъ холодный, покрытый кровавою пѣною штыкъ....

Въ груди у малютки, милого сына,

Увидитъ она, недлгі розовыхъ устъ своей дочери, кровью и пылью
покрытую,

Нилкаго вѣна стрелную зарю!

О, тогда горе, горе несчастной! Тогда салъ Арій, боги брали свирѣлый,
Въ спидѣ отворится отъ адакаго, страшнаго дѣла!»

Сынъ возражаетъ. Говоритъ, какъ весело, когда полки идутъ съ музыкою. Мать споритъ. Сынъ рассказываетъ, что у него *усть пробивается на щекъ.*

«Усть темнорусый давно отгѣнилъ мнѣ румяную щеку!

Жизнь модала въ сердцаѣ кипитъ у меня, какъ горлчій источникъ,
Въ ндрахъ земли первобыткой!»

Все это вздоръ, отвѣчаетъ мать.

«Ты смотришь на вещи

«Сквозъ призму лѣтъ молодыхъ и буйныхъ, кипучихъ страстей
Увидишь ты много, много и крови, и зрали, и слезы!»

Да что я стану здѣсь дѣлать? спрашиваетъ сынъ.— Мало ли что! отвѣчаетъ мать: поѣзжай въ театръ!

«Тамъ, лѣде стною ширекихъ кулисъ, Музы жилище свое основали,
Тамъ Мольшевша, съ кровавымъ кинжаломъ,
По Шиллеръ часто ламитки творить!»

Сайнъ не хочетъ въ театръ.

«Писня Эвтерпы не замѣнитъ красавицы-сѣны!»

Не держи ты меня!

До Николаина дня

Я не дальше останусь съ тобою!»

Мать совѣтуетъ ъздить на балы

«Гдѣ вѣжнныя кудри красавицъ, *темной волною*, на стройныя *плечи* вѣдуть плечи.

О! тамъ весело юныиъ счастливицамъ, *отъ щедрой судьбы* получившимъ

Въ семнадцать лѣтъ, *эполеты*.....»

Сынъ ничего слышать не хочетъ, и ъдетъ на Кавказъ. Прощанье, слезы, etc.

Начинается проза, которою поэтъ доказываетъ, что шери и птицы говорятъ. Въ удостовѣреніе, онъ предлагаетъ стихотворный разговоръ двухъ вѣроновъ. Одинъ вѣроновъ дядя, другой вѣроновъ — племянникъ, оба разочарованы, непопаяты, и съ горя разсуждаютъ о вкусѣ человѣческаго *жизни*

Опять проза: описаніе сватки съ Черкесами. Разумѣется, Черкесовъ перестрѣляли и прегнали, но *одна молодая корнета* гонится за ними, а вѣроновы летятъ за аерастомъ. «Луна смотрѣла съ неба, а смуглая ночь — *изъ-за кудрявыхъ дубовъ*. Дубы, державные старцы, *добрыи Самуилы*, стояли неподвижно, безмолвно; только, *широкія плечи*, *какъ руки*, поднятыя къ небу, *улетали высоко* надъ облакомъ. Паръ клубомъ валилъ съ коня одного Черкеса, и *около* *жалея фантастическимъ облакомъ* конную *статую* *садившую* *черною силуэткою*, *выходившую изъ полу-мрака* *подлны*.»

Корнетъ начинаетъ драться съ конною статуею или черною силуэткою въ полу-мракѣ *подлны*, на *бѣломъ фантастическаго* облака. Конная статуя убиваетъ корнета, и онъ падаетъ на землю, гдѣ, «покрытая *землицы* *одъ* *домъ* *мечи*, на *пышномъ* *ложу* *зеленыхъ* *листьевъ*, *отдыхала* *роза*». Длинный разговоръ розы съ соловьемъ, а томъ, какъ *вѣдал* Лезгинка —

«Юную розу, меньшую *сестрицу*, съ *зеленого* *стебля* *аргола*, *Зажнула* *головку* *ея* *за* *надъ* *изъ* *мисной*, и *скривилась*.....»

Оставивъ *мелк* *это* *въ* *своихъ*.....

Героиня плакала в целый день об участи бедной эстрикеры,
И только-что къ ночи успѣла заснуть, —

говорить роза. — А между-тѣмъ «сидь кинимъ въ груди» умирающаго корнета. Онъ умираетъ, и разочарованные вороны начинаютъ его кушать.

Съ душевнымъ прискорбіемъ, послѣ этой занимательной поэмы, извѣщаемъ, что занимательнаго болѣе ничего въ виду не имѣется. Вотъ, наприимѣръ, книга —

О ФОРТУНАТѢ, едѣ нехитромъ и нестоимомъ и алмазодобытѣ. Повесть въ двухъ частяхъ. Писана въ Москвѣ. Санктъ-петербургъ, 1844, въ 12., стр. 287—400.

Развѣ это — книга! По складу, эта макулатура кажется передѣлкою съ иностраннаго. Гисторія вдетъ о Фортунатѣ, чловѣкѣ въ высшей степени нехитромъ, которому Фортуна подарила кошелекъ съ нестоимымъ сокровищемъ, и который сверхъ-того укралъ еще у египетскаго султана шляпу-самолетъ. Ни отъ того ни отъ другаго умѣе онъ не сдѣлался: творилъ во всю жизнь глупости, и умеръ. Дети наследовали кошелекъ, шляпу и умъ покойника отца. Одинъ влюбился въ принцессу. Принцесса спроворила у него кошелекъ, за что онъ окормилъ ее волшебными яблоками, отъ которыхъ выросли у нея длинныя козлиныя рога. Наконецъ, изъ состраданія къ читателямъ, какой-то благодѣтельный злодѣй убиваетъ одного изъ сыновей Фортуната, а другой умираетъ самъ собою. Съ ихъ смертыю, кошелекъ потерялъ свою силу, шляпу сожгли, и гисторія оканчивается. Нѣсколько лубочныхъ картинокъ украшаютъ это знаменитое прозаическое искусство чловѣческаго.

И отсюда мы должны перейти прямо — увы! — къ полезнымъ книгамъ:

МОДЕЛЬНОЙ РУЧНОЙ СЛОВАРЬ ФРАНЦУЗСКО-РУССКІЙ, заключающій въ себѣ все слово, употребительныя въ обществѣ, со пространною французскою; со словаремъ техническимъ, и прочее. Издана въ Москвѣ (до?...?) редакціею И. И. Ефремова, и прочая; составленныя Евстафійемъ Федоровичемъ ГИЛЬБЕРТЪ, въ Москвѣ. Санктъ-петербургъ, 1844, въ 8. Часть первая, стр. XIV—706.

Относящіяся до?... неужь-то въ самомъ дѣлѣ—до?... Не рябитъ ли у меня въ глазахъ?... Но это — бездѣлица. Когда однажды спрашивали о Наполеонѣ, отчего онъ выигралъ такое блестящее сраженіе, каково послѣднее, одинъ изъ его генераловъ отвѣчалъ: «Оттого что для императора это уже сороковое сраженіе». Евстаѣій Ивановичъ Ольдекопъ—словарный Наполеонъ! Онъ точно такъ же каждый годъ ходитъ войною на языки, какъ тотъ ходилъ на народы, и такъ же ловко выигрываетъ битвы на полѣ алавитокъ, какъ Наполеонъ выигрывалъ на полѣ брани. Не мудро, что онъ послѣднимъ своимъ словаремъ одержалъ такую безсмертную побѣду, украсилъ чело такими неувыдаемыми лаврами: это уже—сороковой словарь его! Со всѣмъ тѣмъ, онъ считаетъ необходимымъ оговориться: «При каждомъ новомъ сочиненіи выборъ приличнаго названья—довольно важное дѣло. Я не могъ рѣшиться назвать этотъ новый трудъ мой *полнымъ*. Это выраженіе заключаетъ въ себѣ немножко самонадѣянности, которой я всегда чуждался, потому что *отъ самонадѣянности къ смѣшному одинъ только шагъ*». Такъ точно говорилъ и Наполеонъ; но Наполеонъ сказалъ это, когда ему не удался русскій словарь 1812 года, а Евстаѣій Ивановичъ говоритъ послѣ побѣды при Маренго, побѣды надъ соединенными силами двухъ языковъ. Какой урокъ скромности императору Французовъ! «Только одинъ шагъ.... и *притомъ самый короткий*», прибавляетъ Евстаѣій Ивановичъ. Un раз très court,» прибавлялъ тоже съ своей стороны и Наполеонъ: но къ чему это ему послужило! Словарь его всё-таки утонулъ въ Березинѣ. «Издать *полный* словарь живаго языка».... это ужъ, право, не знаю, кто именно говоритъ, Наполеонъ или Евстаѣій Ивановичъ.... «издать *полный* словарь — вещь невозможная, потому что каждый языкъ, не только ежедневно, но и *еще* часно, умножается и обогащается». Но кто бы изъ нихъ ни сказалъ, дѣло въ томъ, что, вслѣдствіе такого разсужденія, вышло словарь, не *полный*, а *большой*. Къ похвалѣ, данной «Большому словарю» въ прошломъ мѣсяцѣ, нѣтъ нужды дѣлать ни какихъ прибавленій... Давидъ Наполеонъ, не сражался, а *чаше* словарь.

никогда бы не принималъ ему свѣдѣть безъ позволенія ея высочайшаго Свѣдѣнія Святой Елены.

АНТРОПОФИЗИОЛОГІЯ, или *Краткое руководство къ познанію жизненныхъ отправления челоѣческаго организма въ здоровомъ состояніи, въ примѣненіи къ понятію образованныхъ людей всѣхъ сословій. Составлено докторомъ Вредовомъ. Сп.-буря, въ тѣмъ. Гизце, 1844, въ-8., стр. 504.*

Докторъ Вредовъ уже извѣстенъ нѣсколькими медицинскими сочиненіями: онъ, между прочимъ писалъ о Бугарчатой болѣзни мозгу, о золотушной болѣзни, о стабильности. Въ этомъ сочиненіи хотѣлъ онъ примѣнить физиологію челоѣка къ понятію образованныхъ людей. «Къ понятію образованныхъ», вѣроятно, значить — «толковыхъ». Физиологія удивится такому смѣлому предпріятію; потому что до сихъ-поръ она еще сама себя не понимаетъ. Источниками господина Вредова были французскіе и нѣмецкіе писатели. Онъ надѣялся безопасно процѣлить съ безопаснаго раблемъ между подводными камнями французскаго анализа и водоворотомъ нѣмецкаго синтеза, пользовался попеременно сочиненіями Рудольфа, Тидемана, Вертольда, Арнольда, Бурдаха, Каруса, Мюллера; Шегера, Валентина, Мажанди, Филомаонцаго, придерживался, при классификаціи челоѣческихъ породъ, стариннаго дѣленія Блюменбахова, чтобы не дѣлать людей; съ Омонемъ, на *челюдоговъ, кусьлюдоговъ, повѣлюдоговъ, челолюдоговъ и околюдоговъ*, или съ Карусомъ на *ночное, дневное, утренне-сумрачное и вечерно-сумрачное челоѣчество*, отбегая мимо Бурдаховы возрасты *дѣдушкины и прадѣдушкины*, но тѣмъ не менѣе написалъ книгу совершенно нѣмецкую: сухой, и довольно тяжелый сборникъ непереваренныхъ фактовъ и несваримыхъ гипотезъ; смѣсь болѣе или менѣе вѣрныхъ наблюденій съ темными и ничего не означающими опредѣленіями; наборъ разнородныхъ изреченій, заимствованныхъ у самыхъ несообразныхъ взглядовъ на дѣло. Жизнь и рожденныя догматически, безъ оцѣнки достоинства, безъ единства между тѣмъ и другимъ, безъ сцепленія къ дѣлу. Читая эту книгу, нѣтъ любви къ ней, можно, но примѣнить ея ученіе къ образованному, то есть, толькому человеку очень;

судитъ, что она довольно далеко отстоитъ сама отъ современнаго состоянія своей науки.

СЕРИИ КЪ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИХЪ СНИМКОВЪ СЪ ПОЧЕРКОВЪ ДРЕВНЯГО И НОВАГО ПИСЬМА *разныхъ періодовъ времени, изданный для воспитанниковъ Межеваго Вѣдомства. Москва, въ тип. Селюгановскаго, 1844, въ-8., стр. 84, и 102 листа снимковъ.*

Чтобы снабдить воспитанниковъ Межеваго Вѣдомства рукописными, по которому они могли бы научиться читать старинныя акты, начальство поручило П. И. Иванову составить сборникъ старинныхъ почерковъ. Хорошо знающій съ дѣломъ, господинъ Ивановъ исполнилъ порученіе съ отличными успѣхами. У насъ не было еще прежде такого богатаго собранія снимковъ. Господинъ Ивановъ помѣщаетъ въ древнѣйшей изъ всѣхъ извѣстныхъ рукописей Метрослава, дасть отрывки многихъ другихъ древнихъ актовъ, переходить отъ древняго уставнаго письма къ старославянскому, которое оно замѣнилось, и, прилагая къ нему всѣ различныя почерки, оканчиваятъ половинною XVIII столѣтія, когда образовалась нынѣшняя письменность. Все это весьма полезно для исторіи. Кроме того, на отдѣльныхъ листахъ прилагаются снимки съ почерка и почерковъ тридцати пяти историческихъ и достопамятныхъ особъ. Въ приложенной къ снимкамъ тетради напечатаны еще таблицы, съ актуальностію, гдѣ находится исторія русской азбуки. Трудъ П. И. Иванова достоинъ особеннаго вниманія любителей отечественныхъ древностей.

БИБЛЕЙСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА, или *Толковательное Вѣдѣніе, Сочиненіе профессора Санктпетербургской Духовной Семинаріи, П. Савиантова. СПб.-бургъ, въ тип. Голицына, 1844, въ-8., стр. 171.*

«Щедрѣе, и говоритъ господинъ Савиантовъ, свѣдѣніе отъ великому слушать и читать Слово Божіе, но великому же свѣдѣнію отъ въ что и неубообразительнаго, что великому же неубообразительнаго въ вѣрѣ толкуютъ преративъ, то онъ свѣдѣнію неубообразительнаго читать отъ безъ рукописства. Тридцать рукописствъ и слушать свѣдѣнію неубообразительнаго, въ»

уши прекраснаго словоупотребленія при чтеніи и переводѣ священныякъ книгъ: въ кругъ ихъ входитъ все, что только языковедіе, древности, исторія, критика и богословіе могутъ представлять къ пониманію библейскихъ текстовъ. Вся рас-
 кола произведена въ невѣжествѣ черезъ превратное понятіе разныя мѣсть и выраженій Священнаго Писанія. Одна изъ самыхъ отратительныхъ сектъ основана, какъ извѣстно, на ложно истолкованномъ мѣстѣ Евангелія (Мат. V, 29, 30), которому, съ очевиднѣе, по требованію вѣраваго смысла, говоритъ авторъ, надобно дѣлать значеніе переносное? Книга содержитъ въ себѣ краткій обзоръ герменевтики: цѣль автора—указать на важнѣйшіе матеріалы и пособія къ приобритенію этого знанія, которое требуетъ изученія древнихъ и восточныхъ языковъ, исторіи, географіи, археологіи, правилъ критическаго чтенія древнихъ текстовъ, и прочая, и прочая. Ни одна наука не представляетъ такой обширной литературы; богословы и филологи всѣхъ народовъ и всѣхъ языковъ занимались этими важными для христіанства предметами; нѣрѣдко объ одномъ словѣ были писаны цѣлыя томы изслѣдованій и споровъ, а одни каталоги герменевтическихъ и экзегетическихкихъ трудовъ составляютъ огромныя фолианты. Сдѣлать хорошій выборъ изъ этихъ трудовъ и указать молодому библейскому филологу на самыя вѣрныя авторитеты, можетъ уже почтаться большою заслугою.

1. ОЦЕРКИ ТЕОРИИ РИСОВАНІЯ, КАКЪ ОБЩАГО УЧЕБНАГО ПРЯДМЕТА. Съ приложеніемъ практическаго руководства для обучающихъ еяму искусство. Сочиненіе Густава Адольфа Гинніуса, учителя рисованія въ Саксонскомъ Гуманитарномъ Сиротскомъ Институтѣ. СПб.—Бурга, восточ. восточ. учебнаго Заведенія, 1844, в.-8., стр. XIV и 500.

2. РИСУНКИ КЪ ОЦЕРКАМЪ ТЕОРИИ РИСОВАНІЯ. Г. Н. Гинніуса, листковъ, стр. X и 19.

Теорія господина Гинніуса принадлежитъ къ весьма высокимъ теоріямъ: онъ хочетъ, чтобы люди прежде рисовали умозрительно, а потомъ уже принимались за карандашъ. Основаніе объективнаго искусства, гласъ, умъ, воображеніе.

донныя, мучилъ учениковъ, но въ теоріи ~~ведетъ~~ субъективно углубляться ~~въ искусство~~ очерка, приучать глаза къ схватыванію общности предметовъ, выискать въ основныя линіи, которыя облекаютъ формы, и рисовать съ натуры. Все это совѣтуетъ господинъ Гипсіусъ отъ лица своей теоріи, не отрицая сходства ея съ правилами руководствъ Брейера, Сапожникова, и другихъ. Сходство это, по мнѣнію господина Гипсіуса, ни сколько не мѣшаетъ его могудь быть совершенно самобытною, принадлежать исключительно ему, ученику Песталоцци, потому что онъ дѣлалъ давно слѣдуетъ ей въ своей практикѣ. О превосходствѣ ея предложены къ книгѣ свидѣтельства акадѣмическихъ обществъ и людей, баварской академіи художествъ, брисселльской академіи художествъ, копенгагенской академіи художествъ, господина Ваха, вице-директора берлинской академіи художествъ, господина Дистервега, директора берлинскаго педагогическаго училища, господина Брейера, учителя бреславльскаго училища, господина Эрихсена, директора Санктпетербургскаго Училища Святой Анны, адмирала Круазенштерна, бывшаго директора Морскаго Кадетскаго Корпуса, господина Миддендорфа, директора Главнаго Педагогическаго Института, господина Ободовскаго, инспектора Сиротскаго Института при Санктпетербургскомъ Воспитательномъ Домѣ. Послѣ этого, теорія, метода и книга господина Гипсіуса безспорно прекрасны и полезны. Но ни въ одномъ изъ этихъ свидѣтельствъ не упомянуто, что книга ~~она~~ можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и энциклопедіей ~~на~~ ~~составленій~~ о воспитаніи и ученіи дѣтей вообще. Проникнутая чувствомъ благоговѣнія къ своему предмету, авторъ возводитъ въ рисованіи науку всемірную, науку великую. По его мнѣнію, на свѣтѣ собственно только двѣ науки, математика и ~~рѣзание~~ ~~рѣзаніе~~: одна способствуетъ къ внутреннему, другая внѣшнему созерцанію. Въ рисованіи заключается все, вѣяніе, зодчество, оптика, навигація, военныя науки, механика, физика, географія, технологія, анатомія, физиологія, философія и, кажется, даже, римское право. Но съ ли создана для рисованія, или рисованіе для насъ? Господинъ Гипсіусъ не сомнѣвается, что — насъ для рисованія. А дѣлать, напримеръ, у насъ пальцы на рукахъ ~~нравильнѣ~~ ~~длиннѣ~~.

несс? Странный вопрос! Ну, «какъ стали бы мы держаться карандаша и обращать его куда угодно, если бы большой талантъ не былъ по близъ такъ малъ и подвиженъ?» Наученію рисованья ведетъ насъ къ познанію Бога, природы, человѣка; оно наставляетъ въ нравственности, скромности, любви къ отечеству; словомъ, «изъ всѣхъ предметовъ не одна не боится и не обилена столько, какъ рисованіе, съ предѣлами котораго входятъ вся жизнь, вся природа; не только все видимое, но даже и никогда невиданное. Предметъ рисованья столь обширенъ, что трудно опредѣлить границы этой отрасли наукъ!» Господинъ Гиппиусъ вѣрнѣе поэтическому началу рисованья: оно родилось въ Греціи, при разлукѣ любовной дочери Дибутада съ ея возлюбленнымъ! Онъ выписываетъ поэтическія и философскія доказательства, въ стихахъ и прозѣ, изъ Канта, Гёте, Шиллера, Фихте, Гердера, Новалиса, Винкельмана, Песталотци, и другихъ, что если стихи — языкъ боговъ, то рисованіе — ихъ большой ручной словарь. Говоря о практикѣ, онъ приходитъ въ драматическій порывъ, и описываетъ, какъ учитель долженъ, не только говорить, но даже ходить и плясать въ рисовальномъ классѣ, чтобы мимически показать основанія своего искусства.

Книга украшена снимками съ записки И. О. Крузенштерна и подписи Песталотци. О послѣднемъ авторъ рассказываетъ слѣдующій анекдотъ. Будучи у Песталотци, господинъ Гиппиусъ срисовалъ съ него портретъ по своей теоріи. Песталотци, какъ извѣстно, былъ весьма некрасивъ собою. Посмотрѣвъ на этотъ портретъ, онъ подписалъ подъ нимъ: «Другъ! испытай свою теорію на одномъ излщномъ. На безобразномъ искусство напрасно тратишь свои силы». Снимокъ съ этой отиѣтки приложенъ къ книгѣ господина Гиппиуса.

Полезное руководство къ слушанію и постиженію языка, или *Приложеніе органовъ слуха къ распознаванію вокаловъ*. Сочиненіе А. Рамборкскаго, доктора и профессора медицины. Переводъ литавъ-лекаръ-искусствъ въ Гамбургѣ, по Италіи, во Франціи. Варшава, въ тип. Глюкстаернъ, 1845, вѣд. стр. XVII и 260, съ таблицою.

«Какъ бы я это хотѣла думать, никогда бы не догадалась, что послужившіе и послужившіе, для насъ простые русскіе слова очень богатѣйшія, даже невозможно выслы, два слова, въ которыхъ, кажись, ничего нѣтъ ни ученаго, ни техническаго, могутъ означать какое-нибудь высшее искусство! Они однако жъ означаютъ — бодѣлку! — вслухъ: аускультацин и перкуссин! Нельзя не отдать должное медикамъ и химикамъ справедливости въ томъ, что они обогащаютъ русскій языкъ удивительными техническими терминами; когда ужъ назовутъ вещь, такъ ея выхъ не забудешь: такъ весело она всегда бываетъ названа. *Послушавать и додумывать!* Сколько разъ каждый изъ насъ въ шутку или съ насмѣлкой произносилъ въ разныхъ видахъ эти два глагола, но воображая, что говоритъ о вещи весьма ученой, не зная, что рассуждаетъ о медицинѣ! Нашему времени принадлежитъ честь великаго открытія, что болѣзнь сидитъ всегда въ груди: стоитъ только, помучивъ въ груди, спросить — кто тамъ? — и *послушавать*; болѣзнь тотчасъ отлетитъ! — Я! — Да кто же ты? — Я, такая-то, господина докторъ, скажетъ болѣзнь, называя себя по-латыни, на природномъ языкѣ болѣзней. — Съ этой минуты человекъ излеченъ. Открытіе такого чудеснаго средства объясняется съ болѣзнями началось очень простымъ наблюдениемъ: послушавъ хороненька у груди, примѣтилъ, что сердце производитъ разные роды шума при разныхъ степеняхъ напряженія бьющихся артерій. Это, очевидно, было сердце; смѣтливые люди тотчасъ догадались, что если изучить этотъ диалектъ и составить для него болѣзней речной словарь, то можно будетъ рассуждать съ сердцемъ такъ свободно, какъ мы теперь рассуждаемъ съ вами. О чемъ сердце должно говорить? какой любезный предметъ его бесѣды? Разумѣется, медицина! Оно охотнѣе всего зашутитъ о болѣзняхъ. Отъ предположенія изъ полнаго шора — только одинъ шагъ, и притомъ самый короткій. Не надо составлять словарь всякихъ ступеней сердца, или, какъ бы тамъ ни было, вложить въ языкъ медицинскій, который былъ изобрѣтенъ для четвероногихъ слепыхъ людей, — какъ бы тамъ ни было, ничего еще не изобрѣлъ, а наивнѣе всего, —

говору между докторами и пациентами. Впоследствии Бродский откровенно говоритъ, что пока неизвѣстно было значение послушанія да послушыванія, доктора просто переди людьми: они всегда ошибались въ настоящемъ названіи и значеніи болѣзней. «Въ воспаленіяхъ легкихъ, которые происходятъ изъ лихорадки, соединенныя со слабостью силъ, врачи обыкновенно лечили больныхъ средствами возбуждающими, предписывая для внутренняго употребленія киньору, корень зиньбика, уксусно-лимонную кислоту, и прочая. Бредства эти не только не ободрили силъ больныхъ, но ускорили смерть ихъ, когда (если бы знали настоящую сущность болѣзни при помощи постукиванія да послушыванія) обратились бы въ пору кровоупущающую, оказавшись бы дѣйствіемъ прямо мо на болѣзнетворную причину, и поддержали бы силы больного.» Совершенный переворотъ производить постукиваніе и послушываніе въ леченіи чахотки, удальства, и въ сѣти другихъ болѣзней. По увѣренію господина Яроцкого, на границу теперь ни одинъ докторъ не приходитъ ни къ одному больному безъ стетоскопа. Въ концѣ книги приложена огромная таблица болѣзней, открывающая послушываніемъ и постукиваніемъ. Но позвольте спросить: когда узнаете настоящее названіе или значеніе болѣзни посредствомъ послушыванія и постукиванія, что тогда въгьхъ вы сдѣлаете? Будете прописывать лекарства? Но знаете ли вы напередъ всѣ ихъ дѣйствія внутри организма, дѣйствія всегда такъ мическія, часто весьма сложныя, и почти каждый разъ не согласныя съ замѣченными прежде? Нѣтъ? А по какой теоріи станете прописывать эти лекарства? Но той, въ которую вы вѣрите и въ которую между тѣмъ не вѣрите другіе врачи, слѣдующе другимъ, нередко противоположнымъ, ученіямъ о свойствахъ и способѣ дѣйствія лекарственныхъ веществъ? Такъ къ чему же служатъ постукиваніе и послушываніе? Какая польза отъ градусовъ стетоскопа? Самому господину Яроцкому навѣрное было очень грустно, когда онъ писалъ откровенное признаніе о медицинѣ, что, несмотря на прежнюю неизвѣстность послушыванія и постукиванія, на совершенное незнаніе настоящаго значенія болѣзней, врачи однако жъ лечили своихъ пациентовъ, и.... *вылечивали!* Какъ же могли они вылечить

даль? Да, гоним! — какъ, много въ свѣтъ дѣлается при волеи великаго слова *милка!* — и какъ всегда придется дѣлать, даже при нестукиреции и неслушванія. Стетоскопъ и медицинскіе мотыли оныя дѣрно сравнить съ барометромъ и психрометризмом; ртуть болѣе или менѣе повышается отъ какаго-то необъяснимаго давленія въ атмосферѣ; знаютъ по опыту, что будетъ гроза или засуха; наблюдаютъ движенія интструмента *любопытцо!*; строятъ теоріи о метеорологическихъ явленіяхъ, очень весело; даже занимаются разисывать въ книгу градусы и получаютъ за это жалованья; но если угрожающая бѣда не разбѣтается — *милка!* — сама собою — отъ неопытныхъ причинъ, какъ отъ неопытныхъ собралась, барометръ, посматриваніе и вся метеорологическая мудрость ничего не помогутъ.

Долженъ напомнить гальванодластикки, и гальванической позолоты и серебрениа, составленное по новѣйшимъ изысканіямъ. Свѣдѣніемъ о способахъ золоченія и серебрениа электро-химическимъ безъ посредства гальванической баттарей. А. Г. С. П. Буръ, съ вѣн. Губернскаго Правленія, 1844, съ 12., стр. 122 и IV, съ рисункомъ.

Отчета уже заглавію можно догадываться, что это за *важное изобрѣденіе* и къ чему оно предназначено. Гальванодластикка теперь уже вовсе не служитъ къ дѣлкѣ металлическихъ предметовъ, гальваническое золоченіе и серебрение ни мало не думаетъ золотить или серебрить что бы ни было; у него даже нѣтъ ни золота ни серебра. Гальванодластикка и гальваническое золоченіе сдѣлались нынче такою же *нѣтъ* книжной промышленности, какъ поварскія книги, страпухи, хозяйки, самоучители, сонники, пѣсенники. При всемъ томъ, и при всей скукѣ, которую наводятъ уже подобныя сочиненія, въ этой *долгой* книжонкѣ — Евстаіи Ивановичъ Олдекопъ, который чуждается самонадѣянности, назвалъ бы ее скорѣе *большою* книжонкою: *полная* книжонка, до его мнѣнію, вещь невозможная! — въ этой *полной* или *большой* книжонкѣ мы замѣтили нѣсколько болѣе толку чѣмъ въ другихъ компиціяхъ по случаю гальванизма и его издѣлій. Способъ золоченія и серебрениа безъ гальва-

нической батареей *полная книжонка* приписываетъ господину Грекову. Этотъ способъ, состоящій въ приваиваніи куска цинку къ самому предмету, и еще другой способъ, производящій позолоту безъ всякаго цинку, посредствомъ простаго нагрѣванія раствору, извѣстны другимъ книгамъ какъ способы господина Бекреля.

ОПИСАНІЕ ВОЛЪЗНЕЙ СОБАКЪ и средствъ къ излеченію ихъ. Составлено П. З. Сп.—бурисъ, въ тип. Военно-учебныхъ Заведеній, 1844, въ-12., стр. 125.

Золотая книжка по собачьей части. И какая простая наука! Господинъ П. З. лечитъ своихъ четвероногихъ пациентовъ безъ послушванія и постукиванія, совершенно ипнократически. Напримѣръ, положимъ, что собака ваша *потеряла чутье*. Надобно только *припаривать ей чутье* овсяною кашею, потомъ *обтереть чутье*, и дать *нюхнуть крѣпкой махорки* (что такое махорка, смотри въ словарь господина Бурнашова)..... *чутье возвратится!* Отчего? отъ каши? Господинъ П. З. говоритъ—да! А я смѣю думать, что чутье у собаки не пропадало: ей только не хотѣлось обнюхивать; это ремесло ей надобно; когда господинъ П. З. станетъ лечить бѣдняжку по своей методѣ, она, чтобы не тыкать носа въ горячую кашу и не нюхать крѣпкой махорки, готова впродъ служить ему чутьемъ своимъ до гроба. Медицина господина П. З., какъ вы видите, не затѣйлива. Но всякое дѣло боится мастера. «Не всякой человекъ,» замѣчаетъ господинъ П. З., «строго исполняетъ предписанія врача, касательно приема лекарствъ, хотя, нѣтъ разсудокъ, понимаетъ, что лекарства для него полезны и необходимы: что же ожидать отъ собаки, не имѣющей разсудка? Силы недостаточно для того чтобы собака глотала лекарство. Для этого потребны умъ и ловкость. Собака, ощущая противный вкусъ, сопротивляется и готова кусаться». Вотъ почему надо давать ей лекарства съ особенныимъ искусствомъ. Приемы собачьей терапевтики авторъ излагаетъ очень важно, съ полною вѣрою въ свою ветеринарную патологію и фармацевтику. Успѣхъ всѣхъ подобныхъ врачеваній, въ большей части случаевъ не подлежитъ сомнѣнію: чтобы не глотать противныхъ лекарствъ, собаки, у кото-

рыхъ три четверти мнимыхъ внутреннихъ болѣзней заключаетъ просто въ лѣтъ и скукѣ, выздоравливаютъ въ одно мигновеніе; а если собака действительно больна, то она умретъ: ей суждено было умереть! — и ветеринарная медицина всегда будетъ права.

О СЕМЕЙСТВѢ ВЕРЕСКОВЫХЪ РАСТЕНІЙ, съ особеннымъ изслѣдованіемъ свойственныхъ Санктпетербургской Флорѣ, и преимущественно употребительныхъ въ хозяйственномъ, медицинскомъ и врачебномъ отношеніяхъ. Сочиненіе Г. Александровича. СПб.-бурія въ тип. Военно-Учебныхъ Заводовъ. 1844, 88-8., стр. II и 112, съ рисунками.

Вересковыхъ растений, которыхъ семейство заключаетъ въ себя болѣе тысячи видовъ, въ петербургской флорѣ считаютъ дошестнадцати: черника, голубика, брусника, клюква, верескъ, безплодица, былина, толокнянка, грушанка, зимолюбка, одноцвѣтъ, багульникъ. Господинъ Александровичъ собралъ объ этихъ растеніяхъ много старинныхъ свѣдѣній, и прибавилъ къ нимъ свои собственные наблюденія. Сочиненіе его, писанное на задачу университета, удостоилось золотой медали.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

КОСМОГРАФІЯ, или: УЧЕНІЕ О СОСТАВѢ ВСЯДЕННЦЫ. Сочиненіе математика Фридриха-математическая наука, Владимира Петровича. Одесса, 1844. — Авторъ утверждаетъ, что его брошюра къ труду ощущаемая въ нашей литературѣ потребность сочиненій, «служащихъ провозниками между догматическими для воображеній, святыхъ именемъ наукъ, точными же со дня на день возрастающая во всѣхъ слояхъ общества «жандо повзвѣній.» Онъ, вѣроятно не зналъ, что эта потребность уже удовлетворена переводомъ превосходной популярной астрономіи Гершеля, и сочиненіями въ томъ же родѣ господъ Перевощикова и Зеленаго.

СТАРИННАЯ СКАЗКА ОБЪ ИВАНУШКѢ-ДУРАЧКѢ, разсказанная москвитинѣ купчихою Николаевнѣю Полевиль. СПб.:

1844, от великихъ людей. Мысль господина Тимма, предложить свои мысли, придаточные рисунки, создавшіеся въ минуту вдохновенія простонародными предметами, къ какой-нибудь русской сказкѣ, была мысль весьма счастливая. По желанію художника, Н. А. Полевой приладилъ къ его рисункамъ текстъ. Онъ только приладилъ, — потому что «Сказка объ Иванушкѣ-Дурачкѣ» не сочиненіе Н. А. Полеваго, и не модное подражаніе старицкой сказкѣ опервогъ и самомъ любимомъ героѣ русской народной повѣсти. Господинъ Полевой не подстригалъ сѣи бороды à la moujik, а только умылъ ее, принарядилъ въ чистый кафтанъ и не велѣлъ чесать затылка: такимъ образомъ составилаея премилая брошюрка, въ которой можно полюбоваться на русскій умъ, переданный во всей наипной игривости даровитымъ писателемъ и ловко объясненный карандашомъ наблюдательнаго художника. Стоитъ посмотрѣть, какъ хорошъ этотъ плутоватый мужичокъ-дурачокъ, когда онъ вродаетъ лошадь, или когда обманывается чорта, или когда идетъ верхомъ на палочкѣ: дурачокъ на-видъ, а между-тѣмъ — себѣ на умѣ!

юморстическій альбомъ, содержащій въ себѣ разныя любопытныя свѣдѣнія, собранныя съ 2182 году, въ городѣ Якутскѣ, студентами тамошняго университета, изъ новѣйшихъ газетъ и журналовъ, съ полтипажами заимствованными изъ древнихъ книгъ. Компактное изданіе Петра Машкова. С.Пб., 1844. — Плохо же будутъ шутить люди въ 2182 году, если шутки ихъ не будутъ умнѣе тѣхъ, которыя заранѣе приписываетъ имъ господинъ Петръ Машковъ! Къ числу плохихъ шутокъ будущихъ студентовъ будущаго якутскаго университета, гдѣ господинъ Петръ Машковъ собирается быть профессоромъ остроумія, принадлежитъ даже одна такая шутка, для которой у нынѣшнихъ людей еще и эпитета нѣтъ: подъ избитымъ, взтасканнымъ, пошлымъ рисункомъ, неизвѣстнаго рисовальщика подписано имя Тимма! У Якутовъ, это принимается за юморъ перваго сорту.

Практическое руководство къ правительству и строению экономическому и безсрочному делу. Сочиненіе А. П.

Татарнинова. СПб., 1844.—Вролтно и это—юморъ, только не извѣстно какой... Авторъ брошюры какъ-будто сердится на русскихъ секретарей, судей, адвокатовъ; какъ-будто хочетъ сказать что-то очень колкое насчетъ ходу спорныхъ и безспорныхъ дѣлъ; но, въ заключеніе, предпочитаетъ кончить рѣчь не сказавъ ничего особеннаго, желая, какъ кажется, сберечь все любопытныя по этой части и свое собственное остроуміе для другой, болѣе удобной, occasii.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ, для любителей театра. Москва, 1844, две книжки.—Двѣ передѣлки двухъ французскихъ водевилей. Одному изъ нихъ имя—«Зяюшка», другому—«Павель Степановичъ Мочаловъ въ провинціи». При перевозѣ изъ Парижа въ Москву, ихъ хорошо посолили крупною русскою солью, за невѣніемъ афинской.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА для молодыхъ людей. СПб., 1844.—«Здѣсь, изъясняетъ авторъ, предлагаются, не медицинскія разсужденія и средства къ избавленію отъ одержимыхъ болѣзней, но простые *житейскіе* способы сохранять здоровье въ юности и быть благополучнымъ до глубокой старости, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ, какъ, тыльскихъ, такъ и душевныхъ немощей, отъ страстей и беспорядочной жизни происходящихъ, дѣлающихъ человека на всю жизнь несчастнымъ. Благонравная и солидная жизнь освѣщаетъ пути наши, и сводитъ начало съ концомъ благополучно, а каково начало, таковъ бываетъ и конецъ».

Руководство къ солидной жизни, которая освѣщаетъ пути, начинается статьей о нынѣшнемъ юношествѣ. Авторъ утверждаетъ, что нынѣшнее юношество гораздо лучше того, какое видалъ онъ прежде. «Загляните нынѣ куда угодно, въ гостинныя высшихъ и среднихъ обществъ, въ публичныя собранія, въ семейный бытъ, въ храмы Божіи: вы встрѣтите вездѣ благонравное юношество, когда юность прежнихъ, еще недавнихъ годовъ, была горда, самонадѣянна, мало нравственна, насмѣшлива, не знала никого себя лучше и умнѣе, была буйна въ собраніяхъ и бескетыдна въ домашнемъ быту. Но все это вышло, и при-

«нихъ худыхъ примѣровъ между женщинами и въ поименнѣ снѣтъ».

Несмотря на все совершенство юности, авторъ совѣтуетъ ему однако жъ, изъ предосторожности «содержать голову въ прохладѣ, желудокъ въ умѣренности, ноги въ теплѣ.» Особливо тому, кто хочетъ быть благополучнымъ до глубокой старости, должно всякой день хорошенько мыть голову. Далѣе, для солидной жизни, которая освѣщаетъ пути и сводитъ начало съ концомъ, не надо юношеству пить горячаго чаю, и вовсе не должно оно употреблять кофе и шоколаду. Чрезвычайно вредно благополучію и сведенію начала съ концомъ—носить ермолки и камзолы, ѣсть ветчину, бѣлужину, блины, слоеные пирожки, клѣцки, макароны, колбасы, и прочая. Весьма затруднилъ автора вопросъ: должно ли употреблять растенія и фрукты? Наконецъ онъ рѣшилъ, что растительная пища предпочтительнѣе и полезнѣе для солидной жизни, вѣрнѣе сводитъ начало съ концомъ, ярче освѣщаетъ пути, чѣмъ пища животная. «Въ растительной одна только неприятность, — излишній газъ; но это замечить отъ привычки: надобно только остановиться въ началѣ», не сводитъ его съ концомъ, и растительную пищу можно употреблять, «не боясь никакого развитія газа».

Въ заключеніе, авторъ совѣтуетъ добродѣтельному и совершенному юношеству нашего вѣка остерегаться пьянства. Для сохраненія совершенства, водки лучше вовсе не пробовать. Попробуешь, — понравится, — и прощай, солидная жизнь!

БЕСѢДЫ РУССКАГО КУПЦА О ТОРГОВЛѢ. С Пб., 1844, четыре тетрадки.—О «Бесѣдахъ» господина Вавилова было уже здѣсь упомянуто. Предпріятіе его заслуживаетъ всякаго одобренія. Онъ предполагаетъ издать, вышусками, десять бесѣдъ. Каждая его бесѣда дѣлится на двѣ части: въ одной господинъ Вавиловъ излагаетъ исторію и теорію торговли, въ другой помѣщены практическія свѣдѣнія о товарахъ.

ИЗСЛОВИЕ СЛОВЪ ВЪ НАШЕЙ НЕЗАВЕННАГО НАЧАЛЬНИКА, по снѣтлости, [имяя Дмитрія Владимировича]

изъ Галлерии. Сочиненіе писано М. Н. Гаршинымъ, почетнымъ попечителемъ Московской Градской Больницы, Большимъ лекаремъ Градской Больницы, иереемъ зуптунной области по уполномоченію ея епископа и почетнымъ лекаремъ. Москва, 1844.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Профессоръ Педагогическаго Института, господинъ Доржинъ, началъ вторую часть своего «Руководства къ Всеобщей Исторіи». Въ этой второй части заключается — преобразование древняго міра христіанствомъ, распространеніе Германцовъ, соединеніе Востока посредствомъ магометанской религіи, соединеніе Запада посредствомъ возстановленія императорскаго достоинства, и усиленіе папской власти, до начала престовыхъ неходовъ.

— Господинъ Бурнашовъ кончилъ свое безсмертное твореніе, съ котораго должна начаться новая эпоха въ техническомъ русскомъ языкѣ. Ученый авторъ, какъ всѣ мастера своего дѣла, во второмъ и послѣднемъ томѣ безцѣннаго «Опыта терминологическаго словаря сельскаго хозяйства, фабрики, промышленности, ремеселъ и народнаго быта», превзошелъ самого себя. Невозможно вообразить, какой яркій свѣтъ разливается этотъ томъ на все вокругъ себя, на всѣ техническіе предметы. Богатѣйшія свѣдѣнія текутъ тысячами рѣкъ въ четыре стороны: стоить только сдѣлать изъ своей головы ведро и черпать изъ всякую мудрость. Нужно ли умному человѣку у-знать, что такое — архитектурный ордеръ? Онъ тотчасъ находитъ умное опредѣленіе: «Ордеръ архитектуры есть образецъ дѣланія колоннъ при постройкѣ зданій, основанный на подражаніи древнимъ.» Захочетъ ли онъ просвѣтитесь насчетъ щелочной соли? Мингомъ господинъ Бурнашовъ объяснитъ ему: «Щелочная соль есть та, которая съ кислотами кипитъ, имѣетъ вкусъ едкій и противный, и голубой сокъ прозябаемыхъ превращаетъ въ зеленый». Вздумается ли ему учиться зоологій? Вотъ и зоологія, самая чистая, самая полезная: «Совака. Самія. Животное. Собака бываетъ различ-

высока царей, подъ разными наставленіи. Таковы, на-
 примеръ, *собранные, малые, или бездосел, кровная,
 осенная, или дужден, шурья, шестипалая, мушкетная,
 перьяя, падушар, памичная, палазничая*. Чего жъ бо-
 гѣе разнѣ это не объясненіе? не свидѣніе? не мудрость?
 Давно сказано, что мудрость, чѣмъ короче, тѣмъ мудре.
 Господинъ Бурнашевъ твердо держится этого великаго
 правила, и спросите у него, что такое «Собачья голова»,
 онъ отидаетъ однимъ словомъ; *Трива!* А «Собачья го-
 лова?» — *Трива!* А «Облава»? — *Расшири!* Коротко и ясно.
 Въ болѣе важныхъ для хозяйства, фабричности, и ремесль-
 случаяхъ, онъ однако жъ позволяетъ себѣ распространить-
 ся приличнымъ образомъ. Такъ, напримеръ, онъ съ особен-
 ной обстоятельностью излагаетъ, что *пипъ бычкомъ*, зна-
 чить пить въ одинъ духъ, но останавливаясь, что *пра-
 вильная потышка* состоитъ въ толчкѣ по самому затяжку,
 что *подузка* въ технологи называютъ «небольшую нежен-
 ку, лоскутъ голтыны, подкладываемый подъ мидан-
 ца» и тому подобное. Кромѣ технологическихъ сокровищъ,
 этотъ словарь заключаетъ въ себѣ еще множество
 новыхъ открытій, принадлежащихъ ученому автору лично.
 Между прочимъ открытъ онъ, что *осею* можно превратить
 въ *раму*, изобрѣтъ *особый родъ яблони, который (яблони)
 растутъ довольно красиво, кудрово, ежидомо и не слива-
 камъ высоко*, и съ удивительною тонкостью первый при-
 мѣтилъ сходство между *обльпидою* и *смородиною*. За такія
 книги, древніе воздвигали монументы.

— Богатое собраніе монетъ и медалей господина Рейхеля
 извѣстно всѣмъ археологамъ. Трудолюбивый владѣ-
 лецъ этого собранія предпринялъ самъ издать его описаніе,
 и уже выдалъ семь частей; подъ заглавіемъ «*Die Reichel-
 sche Münzsammlung in St-Petersburg*». Теперь вышли ось-
 мая и девятая части этого каталога монетъ, и содер-
 жать въ себѣ цумизматическіе памятники Испанцевъ,
 Португальцовъ, Вандаловъ, Остъ-Готовъ, Лонгобардовъ,
 Норманновъ, Италіянцевъ, Мальтійскаго Ордена, царствъ,
 основанныхъ Крестоносцами, ново-греческіе, молдавскіе,
 волошскіе, сербскіе и другіе славянскіе, числомъ болѣе
 четырехъ тысячъ. Между ними есть нѣсколько медалей,

донныхъ неизданныхъ. Въ собраніи господина Рейселя находится и знаменитая *Владимірова монета*, но онъ почитаетъ ее монетою, не кіевскаго Владиміра Великаго, а какого-то неизвѣстнаго славянскаго князя Владиміра. Монеты съ надписью — *Святославъ, царь Болгарскій* — онъ также не признаетъ монетою нашего Святослава и вѣроятно пребывавшаго въ Булгаріи: онъ относитъ ее къ одному изъ болгарскихъ князьковъ.

— Ученый издатель врачебной газеты «Другъ Здравія», докторъ Грумизъ, издалъ второй томъ своего «*Руководства къ воспитанію, образованію и сохраненію здоровья дѣтей*». Третій и послѣдній томъ этой превосходной книги долженъ выйти въ концѣ года.

— «*Самочинитель французскаго языка*», господина Явнскаго, вышелъ вторымъ изданіемъ.

— Вышла десятая книжка «*Санктпетербургской Флоры*», издаваемой господами Левинскимъ и Селезневскимъ.

— Въ прошломъ году явилось здѣсь нѣсколько тетрадокъ «*Исторія Фридриха Великаго, токениъ О. Коппа, рисунки Менцелля*», но, послѣ третьяго или четвертаго выпуска, изданіе, которое объявляло себя «*мелкокопѣннымъ изданіемъ*», вдругъ приостановилось. Теперь тѣ же самыя тетрадки являются въ видѣ книжки, но уже съ именемъ новаго издателя. Если это означаетъ возобновленіе предпріятія, то книжкѣ должно пожелать здравія, счастья и всякихъ благъ отъ подписчиковъ.

— «*Руководство для желающихъ опредѣлить малолѣтнихъ дѣтей въ Военно-учебныя Заведенія*» было напечатано двумя изданіями, но давно уже ни одного экземпляра этой необходимой для семействъ книги не находилось въ книжной торговлѣ. Начальство Штаба Военно-учебныхъ Заведеній удовлетворило теперь общее требованіе публики: книга выдана вновь, именно, третьимъ изданіемъ, исправленнымъ и дополненнымъ распоряженіями, состоявшимися по первое января 1844 года.

СОВЕРШЕНІЕ ВЕЛИКИХЪ ПЕРЕВОРОТОВЪ НА ЗЕМНОЙ ПОВЕРХНОСТИ ПРИ НАШИХЪ ГЛАЗАХЪ. Двѣ противоположныя теоріи господствуютъ нынче въ геологій относительно къ происхожденію примѣчаемаго въ земной корѣ опрокинутого и изломаннаго положенія слоевъ: одна утверждаетъ, будто эти *великіе* перевороты произошли внезапно, отъ вулканическихъ сотрясеній и подземныхъ огней, съ шумомъ, громомъ и страшными несчастіями; по мнѣнію другой, природа не употребляетъ такихъ насильственныхъ средствъ: всѣ вообще, даже и самыя важныя, измѣненія въ поверхности шара совершаются тихо, постепенно, непримѣтно; горы поднимаются и опускаются, моря переливаются и обходятъ всю планету, слои земной коры ломаются и опрокидываются, каменные породы превращаются однѣ въ другія, непрерывно, при нашихъ глазахъ, но такъ медленно и спокойно, что мы не видимъ этихъ великихъ преобразованій, которыхъ конечные результаты ужасаютъ насъ своей огромностью послѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій. Эта теорія, безспорно, согласна и со здравымъ смысломъ и съ общимъ ходомъ дѣлъ въ природѣ, чѣмъ фантастическое ученіе, которое, для объясненія каждаго подобнаго послѣдствія, расплавляетъ земной шаръ въ тиглѣ, растворяетъ въ стаканѣ воды, приводитъ все въ хаотическое броженіе и играетъ въ потопаы, вулканы, взрывы, перевороты, какъ въ шашки. Съ-тѣхъ-поръ какъ допустили мысль, и убѣдились опытами, что чрезвычайно слабое, тихое, но постоянное дѣйствіе какой-нибудь силы можетъ, послѣ долгаго времени, быть причиною величайшихъ физическихъ измѣненій, вниманіе наблюдателей

обратилось на признаки подобныхъ явленій въ формѣ земной поверхности и многіе любопытные факты стали обнаруживаться въ подкрѣпленіе вѣчной тишины и безмятежности природы, на зло геологическимъ революціонерамъ. Одинъ изъ самыхъ примѣчательныхъ этого рода случаевъ замѣченъ въ началѣ нынѣшняго года въ гирфордскомъ графствѣ, въ Англии, и описанъ въ Hereford Times. Въ доррингтонскомъ приходѣ, большое пространство земли, слишкомъ три англійскихъ акра, съ камнями, утесами и сорока огромными дубами, непримѣтно соскользнуло, съ холма Daenor's Hill, въ лежащую возлѣ долину, сажень на сто отъ прежняго мѣста. Въ нынѣшнемъ своемъ положеніи, этотъ пластъ земли, съѣхавшій отъ сырой погоды и дождей, представляетъ самое фантастическое зрѣлище переломанныхъ и на ребро поставленныхъ слоевъ, опрокинутыхъ утесовъ, темныхъ пещеръ, и такъ даѣе. Деревья, одни, кажется, растутъ внизъ, другія остались въ естественномъ положеніи, нныя вырваны съ корнемъ. Черезъ нѣсколько столѣтій все это будетъ занесено землею и, если тогдашніе геологи станутъ здѣсь рыться—какимъ торжественнымъ доказательствомъ страшнаго, внезапнаго, всеобщаго сотрясенія планеты сдѣлается для нихъ темная деднорская долина! Между-тѣмъ окрестные жители слышали только легкій трескъ въ почвѣ за нѣсколько времени до этого происшествія, когда пластъ, подмытый водою, начиналъ терять разновѣсіе и медленно отторгаться отъ своего основанія.

НАДПИСЬ ЖРЕЦА ЭЛЕВСИНСКИХЪ ТАИНСТВЪ, найденная въ погребальныхъ подземельяхъ Фараоновъ. Египетъ былъ для древнихъ путешественниковъ тѣмъ же, что для новѣйшихъ нѣкоторыя мѣста Швейцаріи, гдѣ каждый старается оставить слѣдъ своего имени или своего остроумія въ память того, что онъ тутъ былъ, гулялъ и наслаждался. Примѣчательнѣйшіе египетскіе памятники покрыты надписями этого рода, и многія изъ нихъ любопытны даже въ историческомъ отношеніи. Одною изъ самыхъ интересныхъ надписей можно почестъ ту, которую господинъ Летроннъ обнаружилъ недавно въ Journal des Savans. Она была списана

тремъ новѣйшимъ путешественникамъ, Солтонѣ, Шап-
лювогъ-Младшимъ и господиномъ Вилькинсономъ, кото-
рые отырыли ее въ одной изъ египетскихъ сиренихъ, или цар-
скихъ погребальныхъ подземелій, выстѣпавшихъ въ мѣстѣ
западныхъ горъ, въ ущельѣ, известномъ теперь у окрест-
ныхъ Арабовъ подъ именемъ *Вади бибалъ эль мулюкъ*,
«Долины царскихъ дворцовъ». Подземелія эти или, какъ
древніе Египтяне сами называли, *дворцы для другой жизни*,
состоятъ всегда изъ нѣсколькихъ комнатъ, украшенныхъ
барельевами или расписанными сюжетами изъ обрядовъ
жизни и частной жизни. Въ послѣдней комнатѣ, или са-
мой маленькой царя, обыкновенно находится каменный гробъ,
саркофагъ, въ которомъ помещалась мумія, то есть, баль-
самированное тѣло владѣльца подземнаго дворца, завертѣнъ
въ три деревянныя, расписанныя и вызолоченныя ящики,
съ крышками, изображающими барельефныя портреты пе-
койника. Надпись, которую мы хотимъ привести, начертана
на стѣнѣ одной изъ комнатъ красною краскою.

Ο ΔΑΔΟΥΧΟΣ ΤΟΟΝ ΑΓΙΟΟΤΑ
ΤΟΟΝ ΕΛΕΥΣΙΝΙ ΜΥΣΤΗΡΩΟΝ ΝΙΚΑΓΟΡΑΣ
ΜΙΝΟΥΚΙΑΝΟΥ ΑΘΗΝΑΙΟΣ ΙΣΤΟΡΙΣΑΣ
ΤΑΣ ΣΥΡΙΓΓΑΣ ΠΟΛΛΟΙΣ ΥΣΤΕΡΟΝ
ΧΡΟΝΟΙΣ ΜΕΤΑ ΘΕΙΟΝ ΠΛΑΤΟΝΑ
ΑΝΘ ΤΟΟΝ ΑΘΗΝΟΟΝ ΒΟΔΥΜΑΣΑ ΚΑΙ ΧΑΡΙΝ
ΕΣΧΟΝ ΘΕΟΙΣ ΚΑΙ ΤΟΟ ΕΥΣΕΒΕΣΤΑΤΟΟ
ΒΑΣΙΛΕΙ ΚΟΟΝΣΤΑΝΤΙΝΟΟ ΤΟΟ ΕΝ
ΤΟΥΙΟ ΜΟΙ ΠΑΡΑΣΧΟΝΤΙ

«Я, дадухъ свѣтѣйшихъ Элевсинскихъ Таинствъ, Ника-
горъ Минукиановъ, Афинянинъ, посѣщая сиренихъ мною вре-
мени спустя послѣ божественнаго Платона, афинскаго
гражданина, удивлялся имъ и благодарность возсылалъ къ
богамъ и къ благочестивѣйшему императору Константину,
въ томъ мнѣ пособившему».

Въ другомъ мѣстѣ, въ томъ же подземельѣ, тѣмъ же
почеркомъ и также красною краскою написано:

ΙΛΕΟΟΣ ΙΜΙΝ ΠΛΑΤΟΟΝ ΚΑΙ ΕΝΤΑΥΘΑ

«Будь ————— Платонъ, и здѣсь!»

Этотъ Никагоръ, сынъ Минукіана — лицо известное въ греческой литературѣ. Порфирій, описывая ширь, данный Лонгинусъ въ праздникъ *божественнаго* Платона, говорить, что знаменитый хозяинъ назвалъ на это религиозно-философское увеселеніе. Никагора Софиста, Амольдіа Грамматика, Дмитрія Геометра, Проксена Перепатекса и Калиста Стоика. Филостратъ, въ біографіяхъ софистовъ, упоминаетъ объ немъ дважды: разъ, приводя его мнѣніе, что «*мама весьма софистовъ — трагедія*», другой разъ по случаю рѣчи о своихъ ученыхъ друзьяхъ: «*Никагоръ Амилкии, который теперь занимается, и да позволено ему боги занимать долгое время, сынъ священнослужителя Элевсинскаго Таинства*». Отецъ этого Никагора Минукіанова, Минукіанъ Никагоровъ, известенъ, изъ Свидѣса; тоже какъ знаменитый ученый и авторъ многихъ сочиненій о литературѣ. Дядь его, риторъ Мнисей, былъ депутатомъ отъ города Аевы къ императору Филиппу и представилъ ему записку о состояніи Греціи. Даже имя Мнисеева отца, Минукіана, современника Адріанова, сохранилось въ исторіи греческой литературы. Такимъ образомъ, въ катакомбахъ Фараоновъ мы встрѣчаемся со старымъ знакомцемъ и членомъ известной ученой фамиліи. Въ надписи, Никагоръ Минукіановъ называетъ себя *дадухомъ Элевсинскихъ Таинствъ*, тогда какъ Филостратъ зналъ его только *священно-глашатаемъ*, *hierokeux*: значить, на старости лѣтъ онъ былъ повышенъ чиномъ, потому что, въ этихъ таинствахъ, первый греческій санъ принадлежалъ іерофанту, или священно-дѣйствователю; вторымъ духовнымъ сановникомъ былъ дадухъ, преемщикъ, посвятителъ въ тайны; а священно-глашатай занималъ третье мѣсто: за нимъ уже слѣдовали *алтарный* (*epibothios*) и канначей. Изъ Филострата видно, что въ это время іерофантомъ былъ софистъ Аполлоній, тотъ самый, который вмѣстѣ съ Никагоромъ Минукіановымъ обѣдалъ у Лонгина въ Платоновъ праздникъ: слѣдовательно, тутъ были іерофантъ, дадухъ, священно-глашатай и весь причетъ Элевсинскихъ Таинствъ, и это сближеніе лицъ и обстоятельствъ служитъ доказательствомъ, что прилагательное «*божественный*», котор...

Платону, вовсе не литературное отличие, но чисто религиозный титулъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что въ Элевсинскихъ Таинствахъ Платонъ былъ причтенъ къ ряду боговъ: ученые поклонялись ему какъ настоящему божеству, почитали его своимъ стражемъ и вступникомъ, отчего онъ и получалъ у нихъ званiе θεῖος, δῖος, «божественный»; наравнѣ со всѣми, внесенными въ списокъ жителей Олимпса. Слова Цицерона въ письмѣ къ Аттику—*deus ille postea, Plato*—объясняются этимъ совершенно: это не метафора, но намекъ другу на заповѣдный догматъ ученой вѣры, принятой, вѣроятно, вмѣстѣ съ нимъ въ Элевсисѣ подъ клятвою глубочайшей тайны. Въ другомъ мѣстѣ, въ книгѣ, назначенной для публики (*De divin. II, 12*), Цицеронъ выражается гораздо осторожнѣе: *audiamus Platone, quasi quendam deum philosophorum*, «послушаемъ Платона, какъ-бы мѣлкогого бога философовъ». Что какъ-бы и мѣлкогого только—оговорка, введенная нарочно для неосвященныхъ, это доказывается припискою дадуха Никагора Минукіанова на другой стѣнѣ: «*Будь намъ милосерденъ (θεὸς ἡμῖν), Платонъ, и здѣсь!*» Такія точно воззванiя находятъ на египетскихъ памятникахъ къ официальнымъ богамъ, Серапису, Озирису, и прочимъ.

Страннымъ можетъ показаться титулъ, который языческій жрецъ даетъ Константину Великому, называя его «*благодѣтельнымъ императоромъ*» и благодаря за пособіе, оказанное для набожнаго путешествiя по Египту; но, во-первыхъ, Константинъ Великій, принявъ христіанскую вѣру лично, долго не переставалъ оказывать официальное покровительство язычеству какъ древней государственной религіи и до 320 года самъ употреблялъ на своихъ монетахъ титулъ—*pontifex maximus*; во-вторыхъ, путешествiе дадуха Никагора Минукіанова по Египту не позже могло случиться какъ въ первые годы царствованiя Константина: если Никагоръ Минукіановъ находился на знаменитомъ философскомъ обѣдѣ у Лонгина и при Филостратѣ уже занималъ должность священноглашатая, то уже и около 306 года ему было лѣтъ за семьдесятъ.

Гораздо важнѣйшее затрудненіе представляетъ надпись въ отношенiи къ самому дадуху: изъ Лукіана и другихъ

источниками известно, что тремъ первымъ сокомнникамъ Элевзинскихъ Таинствъ, именно, іерофанту, дадуху и священноглавнѣату, строжайше запрещено было объявлять свои мірскія имена: они должны были называть себя только условными именами, принятыми при посвященіи. Одинъ только «алтарный», ерѣбот'ос, не обязанъ былъ скрывать своего настоящаго имени. Какъ же дадухъ, посѣщавшій гробницы Фараоновъ, позволялъ себѣ расписывать по стѣнамъ монументовъ, что его зовутъ Никогоромъ, а отца его звали Минукианомъ? На это мы не можемъ представить ни какого объясненія. Развѣ ужъ предположить, что дадухъ Никогоръ Минукиановъ, при императорѣ, исповѣдующемъ другую религію, сдѣлался самъ кемъ-либо вольнодумцемъ, или не считалъ нужнымъ строго соблюдать въ чужой землѣ предписанія своего храма, или, наконецъ, хотѣлъ передъ Египтянами похвалиться своимъ чинамъ?

КУРСЫ НЕВОЗМОЖНЫХЪ НАУКЪ ВЪ ПАРИЖѢ. *Проведеніе египетскихъ іероглифовъ.* За совершеннымъ отсутствіемъ новыхъ открытій, изобрѣтеній и важныхъ происшествій въ наукахъ, надо по-необходимости цѣлаться маленькими учеными анекдотами. Расскажемъ, что намъ рассказываютъ журналы. Известно, что всѣ возможныя и невозможныя литературы, существующія и несуществующія науки, имѣютъ профессоровъ во Французскомъ Университетѣ. Въ аудиторіяхъ Королевской Библіотеки преподаются, не только всѣ извѣстныя восточныя языки, но даже и многіе неизвѣстныя: профессора этихъ рѣдкихъ знаній обыкновенно не находятъ себѣ слушателей, и однажды случилось, что два профессора, одинъ карагенскаго языка, а другой руническихъ надписей, три года не являлись въ классы. Разумѣется, что между-тѣмъ они пользовались всѣми правами и преимуществами званія и, въ достоинства, не позволяли отдавать своихъ залъ подругіе, болѣе посѣщаемыя, предметы. Для прекращенія сего великаго неудобства, начальство университета положило правиломъ, что курсъ тогда только считается дѣйствительнымъ и профессоръ имѣетъ право на выгоды, присоеди-

ные каведрѣ, когда для его науки есть по-крайней-мѣрѣ одинъ постоянный слушатель и когда самъ онъ регулярно ходитъ въ аудиторію. Это поставило нѣкоторыхъ профессоровъ въ необходимость прискивать себѣ слушателей, и богатѣйшіе стали нанимать, по франку за часъ, любознательныхъ юношей изъ уличныхъ ротозѣевъ, для слушанія своихъ предметовъ. Посѣтители курсовъ обязаны оставлять шляпы и валки у входу въ аудиторію: какъ-скоро инспекторъ, обходя корридоры, видитъ хоть одну шляпу у дверей залы, онъ записываетъ, что профессоръ исправно не исполняетъ свою должность и курсъ его дѣйствителенъ. Господинъ Станиславъ Жюлиенъ, профессоръ китайской литературы, долго употреблялъ это средство, но примѣру другихъ; но, сообразивъ наконецъ, что для дѣйствительности курса, собственно, нужна только одна шляпа, чья бы то ни была, онъ нашелъ гораздо экономнѣе — вѣшать у дверей залы собственную свою шляпу, и курсъ его, говорятъ, идетъ съ тѣхъ поръ какъ-нельзя дешевле и лучше. Для полноты невозможныхъ учебныхъ предметовъ не доставало только курса египетскихъ іероглифовъ; но, нѣсколько лѣтъ тому, господинъ Camille Duteil вызвался объяснять свѣту сокровенное знаніе покойныхъ египетскихъ жрецовъ. Для перваго начала, онъ не смѣетъ вѣшать своей шляпы въ сѣняхъ залы, отведенной ему подъ іероглифы въ нижнемъ этажѣ, на дворѣ Королевской Библиотеки, и вотъ уже четвертый годъ нанимаетъ себѣ въ слушатели разорившагося водоноса, у котораго разбился боченокъ, дюжаго овернского парня въ длиннополномъ сюртукѣ. Слушатель господина Дютеля, который говоритъ по-овернски и французскаго языка почти не знаетъ, любитъ рассказывать посѣтителямъ другихъ курсовъ: «Мы уже прошли всего ихневмона. Ихневмонъ—дрянь. Просто сказать — кошка! Но вотъ былъ снѣгъ, когда въ прошломъ году пришлось возиться съ ибисомъ. Этакая проклятая птица: самъ мосьё Дютель не разберетъ, на чтѣ она была похожа! Въ нынѣшнемъ году, слава Богу, мы приступимъ къ уткѣ: это — понятнѣе.»

И такъ, двадцать осьмага мая 1844 года, ровно въ полдень, мосьё Дютель торжественно всходитъ на каведру и

пристѣпаетъ къ объясненію утки, но-египетски *оромасъ*.
 — Милостивые государи, начинаеть онъ, обращаясь къ своему единственному слушателю, который съ перваго слова зѣваетъ и, почесывая затылокъ, собирается сомкнуть кѣжды: чѣмъ глубже проникаемъ мы въ тайны іероглифическаго языка, тѣмъ сильнѣе убѣждаемся въ той неоспоримой истинѣ....

Погода была прекрасна, окна залы раскрыты, дверь полу-притворена, и въ аудиторію со двора вошла утка, по-египетски *оромасъ*. Профессоръ, занятый высшимъ взглядомъ на свой предметъ, не примѣтилъ этого пресмыкающагося іероглифа, но слушатель обратилъ на него должное вниманіе и, протянувъ руку, ловко поймалъ его за шею. Въ одно мгновеніе утка, по-египетски *оромасъ*, исчезла въ пропастьяхъ его праваго кармана.

— Чѣмъ глубже проникаемъ мы въ тайны іероглифическаго языка, тѣмъ сильнѣе убѣждаемся въ той неоспоримой истинѣ, что письмо посредствомъ образовъ или, такъ сказать, образное письмо или, если для новой идеи возмелено создать новое слово, образнописьменность, составляетъ первый и самый естественный алфавитъ человѣка. Каждое животное, каждый предметъ, поражающій его зрѣніе, образуетъ для него новую, рѣзкую, отдѣльную, самостоятельную, такъ сказать, непреложную букву, въ значеніи которой нельзя ошибиться. Удивительно, съ какой легкостью образованный человѣкъ постигаетъ этотъ натуральный, такъ сказать, первоначальный букварь! Такъ, мы видѣли, что въ образнописьменности древнихъ Египтянъ ихневмонъ означаетъ иногда *б*, иногда *р*, иногда *х*, *о*, *ш*, *т* или *л*. Это самый простой іероглифъ. При изученіи ибиса во всѣхъ отношеніяхъ, мы убѣдились, что образъ этой загадочной птицы выражалъ то *а*, то *ц*, то *з*, то *ш*, то *с*, *л*, *я*, *д*, *а*, и прочая, и прочая. Теперь мы увидимъ, что утка, по-египетски *оромасъ*, можетъ попеременно означать двадцать четыре буквы. Утка, *оромасъ*—основаніе всего іероглифическаго языка. Кто поймалъ утку, которую мы отнынѣ будемъ называть не иначе какъ *оромасъ*....

Другая утка, ища первой, вступила въ аудиторію: слушатель египетской мудрости по-тихоньку прикрючилъ и

этотъ второй іероглифъ и запрягалъ его въ свой лѣвный карманъ.

— Кто понялъ утку, которую мы отнынѣ будемъ называть не иначе какъ *оромасъ*, тотъ проникъ одну изъ глубочайшихъ тайнъ древняго міра. *Оромасъ* — лучъ яркаго свѣту въ этомъ мрачномъ хаосѣ непонятныхъ письменъ невѣдомаго языка и неизвѣстнаго времени, который ужасалъ прежнихъ ученыхъ и котораго египетскіе жрецы сами уже разбирать не могли около начала нашей эры. Генію Шамполіона-Младшаго и Франціи принадлежитъ нетлѣнная слава разоблаченія *оромаса*....

Вдругъ дверь настѣжъ отворилась и въ аудиторію вошла толстая жена швейцара Королевской Библиотеки, преслѣдовавшая тотъ и другой іероглифы. Профессоръ полагалъ, что, привлеченная его славою, эта колоссальная представительница прекраснаго пола пришла слушать его знаменитыя лекціи, о которыхъ каждый годъ помѣщаетъ онъ блестящій отчетъ въ журналахъ. Никогда еще господину Дютелю не было ниспослано судьбою неповѣдимое счастье видѣть кисейное платье въ своей аудиторіи: онъ вскопчилъ, покраснѣлъ, потерялся отъ радости, наслажденія, восторгу.

— Гдѣ же утки? спросила швейцарша, оглядываясь.

— Вы пожаловали очень кстати, рече мосьё Дютель: именно, мы здѣсь разсуждаемъ объ уткахъ.... Но мы уже сказали, что утками называть ихъ не станемъ. Благоволите садиться. Слѣдуя примѣру Египтянъ, мы будемъ постоянно называть ихъ *оромасъ*....

— Куда дѣвались утки? повторила швейцарша, съ безпокойствомъ вертась посреди залы и заглядывая подъ скамейки.

— Куда дѣвались *оромасы*? рече мосьё Дютель: мы только-что приступаемъ къ этому великому вопросу! Извольте садиться. Милостивые государыни и государи! утка, *оромасъ*, въ нѣкоторой степени уподобляется ибису, но между ними существуютъ многія, чрезвычайно важныя, различія. Во-первыхъ, *оромасъ* былъ таинственною птицею Изиды, тогда какъ ибисъ, посвященный Озирису и символъ мужской воспроизводительной силы.... Куда вы уходите? спро-

силъ профессоръ шлопголосо своего единственнаго слушателя, получившаго деньги за лекцію впередъ.

— Кто спроторилъ меня утокъ? сердито вскричала швейцарша. Я видѣла сама, что онѣ вошли сюда. Вотъ еще мокрые слѣды ихъ лапкъ....

— Да у васъ теперь есть слушательница, отвѣчала Овернецъ профессору: позвольте на-минутку.... то есть, такъ.... по своей надобности.... съ позволенія сказать, удалиться.... Я сейчасъ буду назадъ.

Оромасы, скрытые въ бездонныхъ тайникахъ длинноволаго кафтана слушателя, узнавъ голосъ хозяйки, вдругъ единогласно заквакали въ обоихъ карманахъ. Съ этой минуты великій вопросъ объ оромасахъ не представлялъ швейцаршѣ ничего іероглифическаго.

— Да онъ укралъ моихъ утокъ и хочетъ улизнуть съ ними! закричала она и бросилась на слушателя господина Дютеля.

Швейцарша хватилась за его карманы. Овернецъ сталъ защищаться. Завязалась борьба въ сѣняхъ, но супруга привратника храма наукъ одержала побѣду. Она отняла своихъ утокъ у любезнательнаго похитителя и испараша ему лицо ногтями такъ, что оно, какъ двѣ капли воды, походило по окончаніи сраженія на разрисованный іероглифами обелдскъ.

Нынче курсъ іероглифовъ въ Королевской Библіотекѣ приостановленъ на двѣ недѣли, по нездоровью слушателя.

НАЧАЛО НАЗВАНІЙ РАЗНЫХЪ ОБЛАСТЕЙ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Colonial Magazine такъ объясняетъ происхожденіе этихъ названій: Штатъ *Мейнъ* названъ въ 1638 году отъ уѣзда *Maine*, во Франціи, котораго англійская королева Генріетта-Марія была тогда владѣтельницаю. Нью-Гемпшайръ получилъ свое названіе по тому случаю, что капитанъ Джонъ Месонъ, которому Плаймутская Компанія уступила эту землю въ 1639 году, былъ губернаторомъ Портсмута, главнаго города графства *Hampshire*, въ Англии. Названіе *Вермонта* составлено при учрежденіи Соединенныхъ Штатовъ, въ 1777 году, изъ

двухъ французскихъ словъ *Vest* и *Mont*, «восточная гора». *Массачусеттс* было имя одного индѣйскаго помощника, кочевавшаго въ окрестностяхъ Бостона: въ языкѣ этихъ индѣйцевъ оно означало «Синіе холмы». Названіе *Нью-Йорка* происходитъ отъ герцога Йоркскаго (*duke of York and Albany*), которому этотъ край былъ пожалованъ. *Родъ-Айлендъ* названъ въ честь греческому острову Родосу. *Коннектикутъ* было индѣйское названіе главной рѣки этого штата. *Пенсильванія* названа по имени перваго владѣльца, Вилліама Пенна, съ прибавкою латинскаго слова *sylvania*, «лѣсъ». *Delaware*, въ 1703 году, по имени лорда De La War, которое осталось названіемъ смежнаго залива, гдѣ онъ умеръ. *Maryland* — по имени Маріи, англійской королевы, супруга Карла I, который самъ такъ окрестилъ эту землю въ грамматѣ, данной лорду Балтимору, въ 1632 году. *Виринія*, въ 1584, отъ латинскаго слова *virgo*, «дѣва», очень пріятнаго «дѣвъ-королевѣ» Елисаветѣ. *Каролина* — отъ имени Карла IX, французскаго короля, въ 1564. *Георія*, въ 1772, названа въ честь англійскому королю Георгіу III. *Алабама*, въ 1817, отъ главной рѣки этого новаго штата. *Миссиссиппи* значитъ въ языкѣ мѣстныхъ индѣйцевъ «многорѣчность», то есть, большая рѣка, составленная изъ соединенія многихъ малыхъ: штатъ учрежденъ въ 1800 году. *Луизиана* дано названіе въ честь Людовику XVI, французскому королю. Штатъ *Теннесси* такъ называется съ 1796 года отъ своей главной рѣки: это слово значитъ «кривая ложка». *Индіана* «Земля Индѣйцевъ»: названіе и штатъ утверждены въ 1802 году. *Огайо*—мѣстное имя рѣки, составляющей западную границу штата, основаннаго въ то же время. *Мичигенъ* (1805), имя озера. *Аркансасъ* (1819), *Кентукки* (1782), *Иллинойсъ* (1805), *Миссури* (1821)—имена рѣкъ. *Флорида* названа донъ Хуаномъ Понсе-ле-Леонемъ въ 1572 году отъ дня своего открытія: въ испанскомъ языкѣ *la Florida* значитъ — Обинно воскресеніе.

МУЗЕЙЪ СКАНДИНАВО-АМЕРИКАНСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ КОПЕНГАГЕНѢ. Въ послѣднемъ засѣданіи Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ, президентъ общества, его вы-

сочество наследный принцъ датскій, объявилъ собранію, что приняты мѣры къ постройкѣ *Скандинаво-американскаго музея*, куда будутъ перенесены все памятники открытія Америки неланскими Норманнами около 1002 года, найденныя на берегахъ Соединенныхъ Штатовъ и Мексики. Число такихъ памятниковъ простирается уже до ста сорока осми. Кажется, что датскіе ученые ни мало не сомнѣваются въ ихъ подлинности.

ПЕРЕХОДЪ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ ЧЕРЕЗЪ БЕРЕЗИНУ.
Материалъ для исторіи Отецественной Войны. Донесеніе, которое мы здѣсь сообщаемъ, написано двумя французскими штабъ-офицерами, которые строили мосты черезъ Березину, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Eblé. Оригиналъ донесенія слалъ въ то время въ архивъ военнаго министерства барономъ Desmées, который былъ нѣкогда генераломъ по части инспекторскихъ смотровъ. Говорятъ, что этотъ документъ и теперь тамъ хранится. Онъ обнаруженъ недавно газетою *Constitutionnel* и, конечно, покажется любопытнымъ для многихъ изъ нашихъ читателей, которые были свидѣтелями этихъ достопамятныхъ событій и занимаютъ ихъ исторіею. Они разберутъ справедливость показаній этого донесенія. Надобно замѣтить, что знаменитую переправу французской арміи черезъ Березину многіе описывали; но никто не былъ ея очевиднымъ свидѣтелемъ. Это не парадоксъ. Переправа продолжалась четверо сутокъ; но всякой бѣглець видѣлъ ее тогда только, когда самъ бѣжалъ черезъ мостъ сколько силъ было. Русская армія пришла на мѣсто, когда французская уже переправилась. Поэтому любопытно послушать разсказъ людей, которыхъ обязанностию было строить, чинить и ломать мосты и которые во все время, съ начала до конца переправы, были тутъ, на мѣстѣ. Въ этомъ разсказѣ нѣтъ ни одного слова о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ: сочинители реляціи исключительно занимаютъ тѣмъ, что происходило у Французовъ во время постройки моста и переправы черезъ рѣку; но, во всякомъ случаѣ, намъ любопытно знать, что дѣлалъ непріятель для своего спасенія въ отсутствіи нашей арміи, которая не

могли настичуть Наполеона въ его отчаянномъ побѣгѣ.

25 ноября (7 декабря). Постройка мостовъ на Березинѣ поручена была командиру понтонныхъ экипажей арміи, генералу графу Эблѣ и начальнику инженеровъ графу Chasseloup. Они прибыли въ Борисовъ двадцать-пятого ноября въ четыре или пять часовъ утра. Генералъ Эблѣ привелъ семь ротъ понтонеровъ, въ которыхъ было до четырехъ сотъ человѣкъ; эти роты были въ большомъ порядкѣ и всѣ люди сохранили свои ружья. При нихъ было шесть ящиковъ съ разными желѣзными и деревянными инструментами, скобками, гвоздями, топорами, заступами и желѣзомъ; двѣ походныя кузницы; двѣ повозки съ углемъ.

«Всѣ материалы, необходимыя для постройки, отъ которой зависѣло спасеніе французской арміи, собраны были по распоряженію генерала Эблѣ. Онъ приказалъ каждому понтонеру взять въ Смоленскѣ по рабочему инструменту, по пятнадцати или двадцати большихъ гвоздей, по нѣскольکو скобокъ, и они все это принесли въ сохранности на мѣсто, назначенное для переправы.

«Подъ командою генерала графа Шасслу, было нѣскольکو ротъ саперовъ и остатки дунайскаго баталіона (морскихъ мастеровыхъ).

«Двѣ роты понтонеровъ и одна или двѣ роты саперовъ оставлены были въ Борисовѣ, впредь до новыхъ приказаній и имъ велѣно было дѣлать видъ, будто намѣреваются восстановить разрушенный мостъ или устроить переправу нѣскольکو по-ниже его. Остальная часть отряда выступила въ походъ съ ящиками и кузницами около полудня, и отправилась въ деревню Веселово, гдѣ положено было устроить переправу. Разстояніе отъ Борисова до Веселова составляетъ около шестнадцати верстъ. Отрядъ прибылъ туда къ пятому часу. Тамъ находился король неаполитанскій, герцогъ Реджіо, генералъ графъ Эблѣ и графъ Шасслу. Положено было построить три моста на козлахъ; постройка двухъ мостовъ была поручена артиллеристамъ, а третьяго—инженерамъ.

«Второй французскій корпусъ уже два дня занималъ деревню Веселово; по близости сдѣлано было около двадца-

ти козловъ, но нѣтъ такого тонкаго лѣсу, что эти прицепленія, на которыя генералъ Эблѣ надѣялся, ни къ чему не послужили. Наполеонъ, не зная объ этомъ, приказалъ навести мостъ къ десяти часамъ; но это было совершенно невозможно. Въ пять часовъ постройка еще не была начата, а времени оставалось немного. Тотчасъ принялись за работу: разобрали нѣсколько домовъ и употребили этотъ лѣсъ на постройку моста. Между-тѣмъ ковали гвозди и скобки, работали во всю ночь, съ величайшею дѣятельностію. Выѣсто лодокъ построили три небольшихъ плота; но бревна, которыя принуждены были употребить на это, за неимѣніемъ другихъ, были такъ коротки, что на каждомъ плотѣ могли помѣститься не болѣе десяти человекъ.

«26 ноября (8 декабря). Двадцать шестаго числа утромъ, Наполеонъ отдалъ приказъ наводить мосты, и тотчасъ начаты были два моста, саженьхъ во ста одинъ отъ другаго. Въ то же время нѣсколько кавалеристовъ переправились вплавь; за каждымъ изъ нихъ сидѣлъ вольтижеръ; потомъ переправили на плотахъ триста или четыреста человекъ пѣхоты. Ожидали сильнаго сопротивленія со стороны неприятелей: ночью въ ихъ лагерь видне было много огней. Однако жъ Русскіе не принимали ни какихъ рѣшительныхъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать постройкѣ мостовъ. Только три или четыре часа продолжалась слабая перестрѣлка. Появились казаки, и въ довольно большомъ числѣ; но ихъ удерживали французскіе конные и вѣншіе стрѣлки и батареи, расположенная на лѣвомъ берегу.

«Ночью генералъ Эблѣ не могъ изслѣдовать ширины рѣки; говорили, что она составляетъ не болѣе сорока сажень. Днемъ, когда строили мостъ, онъ убѣдился, что она простирается до пятидесяти сажень. Генералъ Шасоу, который утромъ еще объявлялъ, что инженеры не въ состояніи построить третьяго моста, отдалъ въ распоряженіе генерала Эблѣ саперовъ и козлы, которые они уже приготовили. Но козловъ было еще мало на два моста; притомъ надобно было имѣть нѣсколько запасныхъ, на случай поправки, и потому ихъ дѣлали цѣлый день. Въ часъ по полудни правый мостъ былъ готовъ. Онъ назва-

чался только для пѣхоты и кавалеріи, потому что для настѣлки употреблены были однѣ плохія полудюймовки.

«Прежде всѣхъ перешелъ черезъ мостъ второй корпусъ, подъ командою маршала Удино, герцога Реджіо. Наполеонъ, который съ самаго утра не покидалъ береговъ Березины, сталъ при въѣздѣ на мостъ, чтобы видѣть какъ проходитъ второй корпусъ. Всѣ полки были въ полномъ порядкѣ и смазывали большіе роли (къ бѣгству?). Съ нѣкоторыми предосторожностями перевезли черезъ мостъ осьми-фунтовое орудіе и одну гаубицу съ ихъ ящиками, и сверхъ-того нѣсколько ящиковъ съ патронами.

«Герцогъ Реджіо пошелъ прямо на лагерь русской дивизіи. Она отступила. Надобно полагать, что Русскіе были обмануты движеніями французскихъ войскъ и приготовленіями къ переправѣ около борисовскаго моста. Сначала они, повидимому, не знали, гдѣ французская армія переправляется; но подъ-вечеръ они возобновили наступательныя дѣйствія. Однако жъ Французы удержали за собою позицію, которая господствовала надъ переправою.

«Лѣвый мостъ былъ назначенъ для артиллеріи и повозокъ. Постройку его надобно было пріостановить часа на два для того, чтобы скорѣе окончить правый мостъ, и потому лѣвый былъ готовъ не прежде четырехъ часовъ. Артиллерія втораго корпуса тотчасъ начала переправляться. За нею послѣдовали гвардейская артиллерія, большой артиллерійскій паркъ и постепенно артиллерія всѣхъ другихъ корпусовъ, и обозъ. Въсто брусевъ или толстыхъ досокъ, для настѣлки моста употреблены были кругляки, въ пятнадцать или шестнадцать футовъ длиною и въ три или четыре дюйма въ діаметрѣ.

«Повозки, проѣзжая по этой неровной настѣлкѣ, производили сотрясеніе, тѣмъ болѣе сильное, что погонщики, несмотря на всѣ увѣщанія, ѣхали болѣею частію, рысью. Козлы вдавливались неровно въ тинистый грунтъ; это производило на мостахъ ухабы, отъ которыхъ потрясенія еще усиливались и подставки козловъ раздавались. Эти важныя неудобства, которыя предупредить не было ни времени, ни средствъ, сдѣлались причиною трехъ разрывовъ.

«Въ восемь часовъ три козла лѣваго моста сломались. Генералъ Эблѣ былъ въ отчаяніи отъ этого несчастнаго происшествія. Зная, что понтонеры до крайности утомлены, онъ не надѣялся скоро собрать столько людей, сколько нужно для промаводства неправыхъ, не терпѣвшихъ ни малѣйшаго отлагательства. Однако жъ порядокъ былъ сохраненъ. Офицеры со своими людьми расположились на бивуакахъ. Потребовали только половины отряда; но людей, измученныхъ усталостію, не легко было оторвать отъ огней, вокругъ которыхъ они спали. Послѣ трехъ часовой работы, мостъ былъ починенъ, и въ одиннадцать часовъ переправа повозокъ началась снова.

«27 ноября (9 декабря). Двадцать-седьмого, въ два часа утра сломались три козла того же моста, въ самомъ глубокомъ мѣстѣ рѣки. Поправка этого поврежденія возложена была на вторую половину отряда понтонеровъ, которой графъ Эблѣ далъ прежде отдыхъ. Работа производилась съ величайшей дѣятельностію, когда пріѣхалъ на мостъ генералъ графъ Lauriston. Предаваясь нетерпѣнію, впрочемъ весьма естественному, онъ жаловался на медленность работы, которая никакъ не могла идти скорѣе, и съ живостію описывалъ безпокойство Наполеона. Между-тѣмъ какъ разбирали обрушившуюся часть моста, графъ Эблѣ самъ выбралъ лѣсъ для новыхъ козловъ и наблюдалъ за ихъ постройкою. Генералъ Лористонъ пошелъ къ нему, оставался тамъ до-тѣхъ-поръ, пока козлы были готовы и потомъ оба шли передъ солдатами, которые несли ихъ. Въ это время у моста собралась уже толпа народу. Послѣ четырехъ-часовой чрезвычайно трудной работы, сообщеніе было восстановлено, въ шесть часовъ утра. Въ четыре часа по полудни переправа по лѣвому мосту снова была остановлена часа на два, потому что опять два козла сломались. Это было третіе и послѣднее поврежденіе.

«На правомъ мосту, по которому проходили только люди и лошади, козлы выдержали во все время; но зато безпрестанно приходилось чинить настилку, потому что она состояла изъ плохихъ кровельныхъ досокъ; ихъ не успѣли порядочно укрѣпить и онѣ непрерывно раздвигались.

Притомъ лошади проламывали ихъ ногами, такъ что доски часто надобно было пережвять.

«Несмотря на всѣ эти неудобства и препятствія, переправа производилась довольно скоро, потому что до этихъ поръ переходили только корпуса, сохранившіе нѣкоторый порядокъ. До вечера двадцать-седьмого числа большой тѣсноты не было, потому что отсталыхъ было еще не много. Но они начали появляться въ большомъ числѣ ночью съ двадцать-седьмого на двадцать-осьмое число (съ 9 на 10 декабря); съ ними было множество лошадей и повозокъ. Они произвели такую тѣсноту и такой беспорядокъ, что добраться до мосту было чрезвычайно трудно и даже опасно. Графъ Эблѣ имногіе другіе генералы и офицеры неразъ тѣтено пытались возстановить порядокъ. Люди, которые уже съ мѣсяць сбросили съ себя спасительное иго дисциплины и бѣльшею частію совершенно одурѣли отъ страданій, рѣшительно никакого не слушались. Повозки подѣзжали къ мосту по тридцати, по сорока въ рядъ; при вѣздѣ на мостъ начинались ссоры, драки и переправа останавливалась.

«28 ноября (10 декабря). Въ этотъ день утромъ русскія войска начали совокупныя дѣйствія на обоихъ берегахъ Березины, и беспорядокъ на мостахъ дошелъ до высочайшей степени. Это продолжалось цѣлый день. Всякой хотѣлъ перенравиться какъ-можно скорѣе, никто не уступалъ, непрерывно происходили драки, переправа часто прерывалась на долгое время, и производилась съ величайшими затрудненіями. Люди, лошади и повозки, находившіяся въ хвостѣ колонны, были съ самаго начала ораженія осыпаны ядрами и картечами; само собою разумѣется, что эти несчастные направили на передовыхъ; такимъ образомъ у мостовъ образовалась сплошная масса въ шесть или семь сотъ сажень шириною и сажень въ двѣсти въ глубину, такъ что поде между мостами и деревнею Веселово, покрылось безчисленнымъ множествомъ людей, лошадей, повозокъ, которыя были обращены въ разныя стороны и потому не могли тронуться съ мѣста.

«Ретираду прикрывалъ съ самаго утра девятый корпусъ французской арміи. Въ часъ по-полудни Русскіе устроили

нѣсколько батарей, которыя могли дѣйствовать по мосту. Ядра и бомбы, попадая въ сплотившую массу людей и лошадей, производили ужаснѣйшее кровопролитіе. Тутъ начались страшныя бѣдствія. Офицеры, солдаты были раздавлены, смиты, задохнулись людьми и лошадьми; многіе попадали въ Березину и потонули; другіе выплыли на берегъ или взобрались на мосты, наработавъ по козлы. Множество лошадей было загнано въ рѣчку и погибло между льдинами. Многіе потонувшіе бросили свои повозки, и порядка восстановить было уже невозможно; лошади, валяныя на собственный произволъ, собрались въ кучу и стѣснились въ такую плотную массу, что проникнуть къ нея не было никакой возможности.

«Часовъ въ пять по-полудни, когда уже стемнѣло, огонь съ обѣихъ сторонъ прекратился; но переправа, непрерывно затрудняемая безчисленными препятствіями, производилась съ величайшей медленностью. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, генералъ Эбло рѣшился сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы открыть доступъ къ мостамъ и очистить путь для девятаго корпуса, который долженъ былъ переправляться ночью. На это употреблены были полтараста понтонеровъ: надобно было сдѣлать родъ траншеи, простѣи въ массѣ человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ и опрокинутыхъ, разломанныхъ экипажей. Эта операція производилась слѣдующимъ образомъ. Понтонеры, прочистивъ дорожку, встакивали покинутыя экипажи на мостъ и оттуда стаскивали ихъ въ воду. Лошадей, съ которыми желье было справиться на большой дорогѣ, гнали большими партиями на мостъ. Направо и налево отъ большой просѣки сдѣланы были отвѣргія, для прохода людей и проѣзда экипажей, которые еще были заложены. Лошадиныхъ труповъ выконилось такое множество, что стаскивать ихъ съ дороги не было никакой возможности и потому люди и экипажи принуждены были съ величайшими затрудненіями пробираться по трупамъ.

«Девятый корпусъ французской арміи покинулъ свою позицію часовъ въ девять вечера, оставивъ на лѣвомъ берегу нѣсколько вѣстовъ и артиллерію. Они выдвинулись вѣсты въ величайшемъ порядкѣ со всюю своею артиллеріей.

29 ноября (11 декабря). Въ часъ по молушени весь девятый корпусъ, за исключеніемъ слабаго аррьергарда, переправился уже на правый берегъ и на мосту уже никого не было. Ночью переправились также двѣ батгарен по шестидесяти орудій; каждая полъ командою полковника (Charis и Seguz'er).

«Между-тѣмъ на лѣвомъ берегу еще оставались раненые офицеры и солдаты, разные чиновники, женщины, дѣти, казначей съ своими фургонами, маркитанты, солдаты, еще съ оружіемъ, но изнемогающіе отъ усталости, и множество отсталыхъ, со своими провіантомъ и лошадьми. Всѣ эти люди, за исключеніемъ только больныхъ и раненыхъ, могли бы, покинувъ лошадей и повозки, перейти черезъ мосты ночью; но какъ-скоро огонь Русскихъ прекратился, эти несчастные съ неостижимой беззаботностью расположились бивуаками. Генералъ Эблѣ нѣсколько разъ посылалъ сказать имъ, что мосты скоро будутъ сожжены; но офицеры, чиновники, солдаты, однимъ словомъ, всѣ эти люди не слушались никакихъ увѣщаній и разлеглись во-кругъ огня или въ своихъ повозкахъ, преспокойно ждали рассвѣту, чтобы переправиться тогда. Маршалъ Викторъ, герцогъ Бельюнскій, который провелъ большую часть ночи въ бивуакѣ генерала Эблѣ, нѣсколько разъ самъ напрасно пытался поднять эту безпечную и упрямую толпу.

«Часовъ въ пять утра, генералъ Эблѣ велѣлъ съечь нѣсколько повозокъ, чтобы принудить людей, которые ихъ окружали, двинуться вперёдъ; эта мѣра произвела нѣкоторое дѣйствіе. Въ половинѣ седьмого, маршалъ Викторъ снялъ свои посты и перевелъ ихъ черезъ мостъ. Это движеніе пробудило наконецъ безпечныхъ. Убѣдившись, что скоро попадутся въ руки непріятеля, они бросились со своими повозками и лошадьми къ мосту и еще разъ началась страшная суматоха. Генералъ Эблѣ получилъ приказаніе разрушить мостъ въ семь часовъ утра, но онъ сколько можно долѣе откладывалъ эту операцію, для которой всѣ нужныя приготовленія сдѣланы были ночью. Уже въ половинѣ девятого, когда невозможно было терять ни минуты, онъ приказалъ разломать и поджечь мостъ. Въ эту минуту лѣвый берегъ Березины представилъ ужаснѣйшее

врѣялице. Мужчины, женщины, дѣти испускали крики отчаянія. Многіе пытались переправиться на другой берегъ, бросаясь на мосты, уже обхваченные пламенемъ; другіе пускались вплавь черезъ рѣку, по которой шелъ сильный ледъ; иные пошли-было черезъ ледъ, остановившійся между мостами; но ледъ былъ еще не довольно крѣпокъ, подломился и всѣ они погибли. Наконецъ, часовъ въ девять, прискакали казаки и взяли въ плѣнъ всю эту толпу, которая, большею частию, сдѣлалась жертвою своего ослѣпленія.

«Разрушеніе мостовъ продолжалось; въ половинѣ десятого оно было совершенно окончено. Тогда генералъ Эбл собралъ свой отрядъ и пошелъ вслѣдъ за армію по дорогѣ на Зембинъ. Русская артиллерія только въ это время открыла огонь; но отрядъ вскорѣ былъ уже внѣ ея выстрѣловъ.

«Мы уже говорили, что огонь съ обѣихъ сторонъ прекратился двадцать-осьмого числа въ пять часовъ по полудни; съ этого времени и до половины десятого слѣдующаго дня, когда мосты были уже разрушены и понтонеры выступили, не было сдѣлано ни одного ни пушечнаго, ни ружейнаго выстрѣлу. Казаки, производившіе рекогносцировку, приблизились наконецъ и взяли въ плѣнъ всѣхъ тѣхъ, которые остались на лѣвомъ берегу. Число плѣнныхъ, со включеніемъ женщинъ и дѣтей, простиралось до четырехъ или пяти тысячъ. На лѣвомъ берегу Березины оставлено было до трехъ или четырехъ тысячъ лошадей и отъ пяти до шести сотъ разныхъ экипажей; но вся артиллерія перебралась на правый берегъ, за исключеніемъ только нѣсколькихъ отсталыхъ или разбившихся ящичковъ и трехъ или четырехъ орудій, которые запутались далеко отъ моста между экипажами.

«Арриергардъ французской арміи занялъ позицію верстахъ въ двѣнадцать отъ Березины, для прикрытія дефилея верста въ семь длиною, въ болотистомъ мѣстѣ, по которому проходила дорога такая узкая, что два экипажа не могли бы разѣхаться. Этотъ дефилей, по бокамъ котораго нельзя было ни проѣхать верхомъ, ни даже пройти пѣшкомъ, оканчивался тремя большими мостами, устроен-

выми изъ сосноваго лѣсу, одинъ вслѣдъ за другимъ, черезъ ручьи и болота, еще не замерзшіе. Въ интервалахъ между ними, каждый сажень во сто, шла гать, сдѣланная изъ фашины и глины.

«Маршалъ Ней, который принялъ начальство надъ арріергардомъ, поджидалъ при входѣ въ лѣсъ генерала Эблэ и сообщилъ ему повелѣніе Наполеона сжечь эти три моста, какъ-скоро армія перейдетъ черезъ нихъ. Маршалъ прибавилъ, что разрушеніе ихъ есть дѣло величайшей важности. Прибывъ къ мостамъ, генералъ Эблэ сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія. Понтонеры занимались этими приготовлениями во всю остальную часть дня и мосты подожжены были въ десять часовъ вечера, какъ-скоро послѣдніе отряды арріергарда перешли черезъ нихъ. Нѣсколько казаковъ и стрѣлковъ показались-было при входѣ перваго моста, но бѣглый огонь одного изъ арріергардныхъ баталіоновъ заставилъ ихъ удалиться.

«30 ноября (11 декабря). Понтонеры выступили въ походъ тридцатаго числа въ четыре часа утра, разрушивъ всѣ три моста такъ, что поправить ихъ не было никакой возможности.

Примѣчаніе. Ширина Березины близъ Веселово, гдѣ происходила переправа, составляетъ пятьдесятъ четыре сажени; наибольшая глубина отъ шести до семи футовъ; въ то время по ней шелъ ледъ. Теченіе этой рѣки не быстро; грунтъ неровный и тинистый. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходила переправа, правой берегъ очень болотистъ; но холодъ скрѣпилъ почву; иначе экипажи не могли бы приблизиться на сто шаговъ къ рѣкѣ.

«На постройку мостовъ употребленъ былъ, какъ мы уже говорили, лѣсъ домовъ, въ деревнѣ Веселово, разобранныхъ ночью съ двадцать-пятого на двадцать шестое ноября. Вышина козловъ простиралась отъ трехъ до девяти футовъ, а длина покрышекъ до четырнадцати футовъ. Подъ каждымъ изъ двухъ мостовъ было по двадцати-шести козла, слѣдственно, двадцать четыре прохода. Длина проходовъ, то есть, разстоянія между двумя покрышками, составляла отъ тринадцати до четырнадцати футовъ. Бревна, служившія балками для устройства проходовъ, были

въ шестнадцать или семнадцать футовъ длиною и отъ четырехъ до пяти дюймовъ въ діаметрѣ. Обтесывать некогда было ни этихъ бревенъ, ни тѣхъ, изъ которыхъ сдѣланы были подножки и покрывки козловъ. Подробности, которыя мы здѣсь сообщаемъ, показываютъ, какія затрудненія надобно было преодолѣть, чтобы *въ одну ночь* и притомъ съ людьми, которые были измучены дневными и ночными походами, и недостаткомъ провіанта, разобрать дома, выбрать лѣсъ, сдѣлать козлы; потомъ съ тѣми же людьми, набросать мосты, поддерживать и починивать ихъ продолженіи трехъ сутокъ.

Понтонеры и саперы съ величайшимъ усердіемъ производили эту постройку. Одинъ понтонеры работали въ водѣ; иногда они входили въ воду по самую грудь, чтобы ставить козлы и поддерживать ихъ, пока балки будутъ прикрѣплены къ покрывкамъ. Одушевляемые присутствіемъ и примѣромъ генерала Эбл', понтонеры выказывали большую дѣятельность при трудной починкѣ мостовъ. Изъ сотни челоуѣкъ, которые входили въ воду при постройкѣ и починкѣ мостовъ, въ живыхъ остались весьма немногіе, прочіе погибли на берегахъ. Березины или дна черезъ два перестали сдѣловать за отрядомъ и пропали безъ вѣсти.

«Мы избѣгли бы всѣхъ этихъ трудовъ, работъ, безпокойствъ, несчастій, если бы имѣли средства навести повозочный мостъ. А эти средства у насъ были за нѣсколько дней до переправы черезъ Березину, но ихъ уничтожили. Въ Оршѣ былъ понтонный экипажъ въ шестьдесятъ судовъ, со всѣми принадлежностями; его сожгли 20 ноября (2 декабря), за шесть дней только до прибытія къ Березинѣ. Нужны были только пятнадцать изъ этихъ судовъ, чтобы въ какой-нибудь часъ навести мостъ, подлѣ котораго можно было бы построить другой на козлахъ, для ускоренія переправы. Этотъ экипажъ въ пятнадцать судовъ можно было сдѣлать очень легкимъ, назначивъ для каждаго понтона по двѣ повозки, одну подъ самое судно, другую подъ балки и бревна. Тридцать повозокъ можно было бы скоро перевезти на трехъ-стахъ лошадей, которыхъ добыть было не трудно, оставивъ или продать всюю въ Оршѣ нѣсколько изъ тѣхъ безчисленныхъ эки-

нажсѣй, которые черезъ нѣсколько дней послѣ того надобно же было бросить.

«Если бы предложеніе генерала Эблѣ взять изъ Орши часть понтоннаго экипажа, было принято, то переправа черезъ Березину, въ-отношеніи къ наведенію мостовъ, была бы операціею очень обыкновенною, которой успѣхъ не подлежалъ бы ни малѣйшему сомнѣнію и тогда не случилось бы ужасныхъ несчастій, которыя могли бы быть еще важнѣе.

«Мы сказали, что на лѣвомъ берегу Березины осталось только три или четыре орудія, которыя запутались между повозками. Это противорѣчитъ бѣльшей части сочиненій о кампаніи Двѣнадцатаго Гола, въ которыхъ говорится о многочисленной артиллеріи, покинутой при переправѣ черезъ Березину. Между-тѣмъ достоверно, что вся гвардѣйская артиллерія, равно какъ артиллерія втораго и девятаго корпусовъ и большой паркъ, въ которомъ находилось отъ сорока до пятидесяти орудій, переправились черезъ рѣку; что небольшое число орудій, оставшихся отъ другихъ корпусовъ, также были перевезены; что, наконецъ, двѣнадцать орудій съ ящиками, принадлежавшихъ къ этимъ корпусамъ, были перевезены черезъ мостъ еще въ ночь съ двадцать-осьмага на двадцать-девятое ноября.

«Французскіе писатели, занимавшіеся исторіею кампаніи 1812 года, всѣ сообщаютъ о переправѣ черезъ Березину подробности не полныя и не точныя. Ихъ ошибки въ числахъ и молчаніе насчетъ генерала Эблѣ, ясно показываютъ, что они не останавливались у мостовъ и видѣли ихъ только на бѣгу. Поэтому они могли знать только самую малую часть событій, происходившихъ на Березинѣ съ пяти часовъ вечера двадцать-пятого ноября до половины десятаго утра двадцать-девятого числа (7—11 декабря). Находившись, по обязанности службы, во все это время при покойномъ генералѣ графѣ Эблѣ, мы долгомъ почли замѣнить сколько возможно донесеніе, которое, конечно, онъ, если бы остался въ-живыхъ, составилъ бы самъ объ операціи, которою онъ одинъ распоряжалъ съ начала до конца.

«Графъ Lariboissière опасно захворалъ, и генералъ Эблѣ, который тоже былъ нездоровъ, назначенъ 9 (21) декабря въ Вильнѣ, командиромъ артиллеріи французской арміи. Онъ тотчасъ принялся съ обыкновенною своею дѣятельностію за исполненіе обязанностей, которыя были возложены на него въ такую критическую минуту. Но онъ не выдержалъ всѣхъ этихъ трудовъ и скончался въ Кёнигсбергѣ, 30 декабря (11 января) черезъ нѣсколько дней послѣ генерала Ларибоассіера.

«Баталіонный командиръ артиллеріи, командовавшій въ кампаніи 1812 года вторымъ понтоннымъ экипажемъ и вторымъ баталіономъ понтонеровъ,

Подписано:

«Th. Chapuis.»

Полковникъ артиллеріи, бывшій въ кампаніи 1812 года начальникомъ штаба понтонныхъ экипажей,

Подписано:

«A. Charpelle.»

НАСЛАЖДЕНІЯ И ВОЛШЕВСТВА ПУТЕШЕСТВІЙ ПО АМЕРИКѢ. *Доль ночи въ Мексикѣ. Изъ записокъ страстнаго любителя природы.* Я обожаю красоты природы, и въ прошломъ году нарочно ѣздилъ въ Мексику, чтобы вполне насладиться ими. Со мною путешествовалъ Джонатанъ Роли, молодой виргинскій Геркулесъ, лѣтъ двадцати-шести, ростомъ слишкомъ въ шесть футовъ и очень соразмѣрно сложенный. Я много слышалъ и читалъ о красотахъ Мексики и ожидалъ чудесъ отъ тамошней природы. Мы прибыли въ городъ Мехико, не открывъ ничего подобнаго нигдѣ, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ частей провинціи Вера-Крусъ, достойныхъ невѣроятныхъ похвалъ, которыми осыпаютъ четвертую часть подлуннаго міра. Но въ округахъ, лежащихъ на югъ отъ столицы, природа тотчасъ начинаетъ принимать характеръ самый величественный. На каждомъ шагу являлись лѣса пальмъ, банановъ, акажѣ, апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ и допотопные кустарники, ростомъ съ добрыя деревья. Вся природа принимала колоссальные размѣры, начиная съ горъ и ваггасав, разсѣлинъ въ нѣсколько тысячъ футовъ глубиною, и до роскошной растительности почвы. Даже самое небо приводило насъ въ изумленіе; со своей тропической лазурью, оно казалось блестящимъ сводомъ темно-синяго цвѣту, подернутымъ лакомъ изъ расплавленнаго золота.

Подъ-вечеръ мы прибыли въ мѣсто, дѣйствительно восхитительное. То была миниатюрная долина, большая ложбина между горами, осыпанная величественными акажу и покрытая самой пышной растительностью. Съ вершинъ одной изъ высокихъ скалъ, окружающихъ эту прелестную долину, падала каскадами рѣчка, которая журча пробиралась и змѣилась между высокою травою, а потомъ образовала водопадъ въ пятидесяти саженяхъ подъ нами, на наклонной плоскости, спускавшейся къ равнинѣ.

— Какое прелестное мѣсто! Не худо бы перепочевать здѣсь! вскричалъ я, соскакивая съ своего мула.

Товарищъ мой кивнулъ головою въ знакъ согласія и тоже слѣзъ съ мула. Наши гнѣбные Мексиканцы, агтигос (погонщики муловъ) и слуги, начали машинально готовить намъ бивуакъ. Эти люди одарены пренесносной безпечностью: если бъ мы собирались лечь спать въ болотѣ, положивъ голову на спину аллигатора, они и тутъ не раскрыли бы рта, чтобы предостеречь насъ; эти мексиканскіе метисы, полу-Индѣйцы, полу-Испанцы, иногда съ примѣсью негритянской крови, дотога сроднились съ опасностями своей родины, что имъ и въ голову не приходитъ, чтобы догвѣрчивая неопытность иностранца могла подвергаться какой-либо опасности отъ *piga*, мускиговъ, *vomito prieto* (такъ называютъ они свою адскую лихорадку), не говоря уже о змѣяхъ, скорпіонахъ, крокодилахъ и другихъ подобныхъ тваряхъ, которыми Мексика такъ богата. А все это существа очень непріятныя. Напримѣръ, *niga* есть насѣкомое очень опасное: она забирается въ ноги, протыкаетъ кожу и кладетъ яйца свои между кожей и тѣломъ. Если этихъ яицъ не вынешь тотчасъ (а, замѣтимъ мимоходомъ, это очень больно), то сначала отъ нихъ нестерпимо чешется, потомъ образуются вередъ и раны такія злокачественныя, что иногда ногу, въ которую забралась проклятая нига, приходится отрѣзать.

Такимъ образомъ, подлѣ обворожительныхъ красотъ этой дивной земли, природа щедрою рукою разсыпала разнаго рода непріятности. Низменныя земли осемь мѣсяцовъ въ году необитаемы, потому что въ нихъ свирѣпствуютъ всевозможныя насѣкомыя, гады всѣхъ извѣстныхъ и неиз-

вѣстныхъ сортовъ и национальная лихорадка, которая хуже всего этого. Есть впрочемъ нѣкоторыя мѣста, которыя сравнительно не подвержены этимъ неудобствамъ, зато они такъ прекрасны, атмосфера тамъ дотога прозрачна, что дышать этимъ воздухомъ есть уже счастье.

Знаменитѣйшая изъ этихъ благословенныхъ провинцій есть долина Охака, а лучшіе въ ней округи Мистекка и Тсапотеха. Мы путешествовали по этому огромному гористому бассейну, длиною верстъ въ осемь сотъ и окруженному самыми высокими въ Мексикѣ горами. Мы часто принуждены были почевать на открытомъ воздухѣ и, правду сказать, надъ нашими головами раскидывался великолѣпнѣйшій пологъ, какой только можно вообразить себѣ. Звѣзды, видимыя сквозь дивную атмосферу, которая окружала насъ, принимали размѣры столь же гигантскіе, какъ ростъ всѣхъ тамошнихъ растений. Мы видѣли еще нѣкоторыя изъ нашихъ сѣверныхъ созвѣздіи; но ихъ почти узнать было невозможно, а Южный Крестъ величественно владычествовалъ на темно-синемъ небѣ, по которому распростирался его блестящій дворъ. По мексиканскому обычаю у насъ было множество муловъ, toris, или проводникъ, двое аггигоз, поваръ и двое или трое слугъ для исполненія всякихъ другихъ обязанностей.

Одинъ изъ этихъ слугъ прицѣплялъ наши койки къ нижнимъ вѣтвямъ какого-то дерева, потому что въ Мексикѣ на землѣ спать не безопасно, по причинѣ множества змѣй, а между-тѣмъ какъ американскій поваръ, Томъ, развелъ у подошвы скалы большой огонь и черезъ нѣсколько минутъ на немъ уже вертѣлась и жарилась игуана. Надобно сказать, впрочемъ, что этотъ звѣрь, полу-драконъ, полу-ящерица, представлялъ довольно гадкое зрѣлище, когда судорожно кружился надъ огнемъ, прихотливо освѣщаемый его отблесками. Но мы уже знали, что, несмотря на свою отвратительность, игуана чрезвычайно вкусна. Поужинавъ съ величайшимъ удовольствіемъ и запивъ нашу лакомую пищу, мы вскарабкались на свои койки. Мексиканцы разогнулись на землѣ, подожгли головы на выюхъ муловъ, и вскорѣ господа и слуги заснули крѣпкимъ сномъ. Около полуночи я проснулся, потому что мнѣ было невы-

разимо душно. Воздухъ, казалось, былъ уже не воздухъ, а какія-то удушливыя испаренія, выходявшія изъ зловонной пещеры. Изъ глубины долины, къ которой примыкало ущелье, гдѣ мы расположились, поднимались къ намъ густыя тучи паровъ, которыя всё болѣе и болѣе темнѣли. Это была сама vomito prieto въ видѣ вонючаго туману. Въ ту же минуту, когда я всѣми силами старался произвести въ моихъ легкихъ пустоту, чтобы не задохнуться, на меня спустилась другая туча и тысячи жалъ, подобныхъ иглокамъ, раскаленнымъ дѣла, проникли въ мое лицо, руки, шею и всё части моего тѣла, которыя не были защищены тройными покровами. Я, по какому-то инстинктивному движенію, сжалъ кулаки и поймалъ каждою рукою штукъ по пятидесяти огромныхъ мустиковъ. Воздухъ былъ, во всей силѣ слова, наполненъ этими страшными насѣкомыми. Сжавшись плотною массою, они ударились между-собою крыльями и производили нестерпимый шумъ. Невозможно выразить какое мученіе производятъ жалы мустиковъ: меня точно будто посадили въ раскаленную печь.

Роли, котораго койка висѣла шагахъ въ тридцати отъ моей, тоже проснулся; онъ вертѣлся, ворчалъ и ругался такъ усердно, что въ другое время я расхохотался бы, но тутъ было уже не до смѣху. Ужасные рожки, наставленные на меня насковъ, произвели во мнѣ страшную лихорадку: я то горѣлъ, то дрожалъ отъ холоду, языкъ мой совершенно высохъ, вѣки ужасно отяжелѣли, и мнѣ казалось, что мозгъ мой кипитъ. Внизу на землѣ послышался глухой стукъ: это мой товарищъ выскочилъ изъ своей койки.

— Боже мой! Чтò это съ нами? Гдѣ мы? кричалъ онъ. Эй, арріеросы! Павло, Матео!

Въ эту самую минуту раздался поблизости крикъ ужасу и отчаянія, крякъ; раздирающей душу, какого я отъроду не слыхивалъ, и какой только женщина можетъ произвести при видѣ невыразимой опасности. Я бросился на землю и увидѣлъ въ темнотѣ два бѣлые призрака, которые быстро пронеслись мимо меня, повторяя съ выраже-

нѣсмь отчаянія, отъ котораго кровь застывала въ моихъ жилахъ:

— Помогите! помогите! Ради Бога, спасите насъ!

Несмотря на свое разстройство, я тотчасъ догадался, что это женщины бѣгутъ отъ кого-то, а за ними гнались, прыгая и дѣлая гигантскіе шаги, три или четыре какія-то темныя формы, которыя я въ первую минуту, готовъ былъ принять за существа съ того свѣту. Силузѣтъ ихъ походилъ нѣсколько на человѣческій, но видъ у нихъ былъ такой страшный, отвратительный, чудовищный, что появленіе такихъ фантастическихъ существъ въ этой таинственной долинкѣ, посреди мраку, могло потрясти хоть какіе нервы. Мы оба какъ-бы окаменѣли, но повый крикъ вывелъ насъ изъ оцѣпенѣнія. Одна изъ женщинъ или поскользнулась или упала отъ изнеможенія, только она бѣдѣлась на землѣ. Платье ее подруги было уже въ когтяхъ одного изъ привидѣній, демоновъ, звѣрей или чудовищъ, которые ихъ преслѣдовали. Еще минута, и онѣ бы погибли; но Роли, испустивъ крикъ ужасу, бросился на одного изъ нападающихъ и изо всей силы ударилъ его ножомъ; въ то же время, самъ не зная какъ это случилось, я уже вступилъ въ рукопашный бой съ другимъ изъ нашихъ таинственныхъ противниковъ; но бой былъ слишкомъ неравный. Напрасно мы кололи и рубили: чудовища были покрыты броней, непроницаемою для стали. Мускулистыя руки страшно сжимали насъ и на пальцахъ этихъ рукъ были когти, которыя ни въ чемъ не уступать орлинымъ. Эти страшныя когти впились въ мои плеча, привлекли меня на мохнатую грудь и мнѣ казалось, что я очутился въ объятіяхъ медвѣдя. Тутъ полу-человѣческое, полу-скотское лицо приблизилось къ моему лицу и передъ самымъ носомъ у меня забѣлѣлись длинныя зубы, которые щелкали отъ ярости.

— Роли! Роли! помоги! Меня грызутъ! закричалъ я.

Но Роли, несмотря на свою геркулесовскую силу, былъ въ сравненіи съ нашими ужасными противниками, нѣтъ слабый ребенокъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, онъ защищался противъ двухъ чудовищъ и тщетно дѣлалъ

отчаяннымъ усиліи, чтобы схватить свой ножъ, который у него вырвали изъ рукъ.

Все это продолжалось минуту или двѣ и происходило на пространствѣ нѣсколькихъ шаговъ, при блѣдномъ свѣтѣ звѣздъ и слабымъ отблескѣ нашего догорающаго огня, который былъ довольно далеко отъ насъ.

— А, теперь попалъ! вскричалъ я, воткнувъ ножъ въ бокъ моего противника; но этотъ подвигъ чуть не обошелся мнѣ слишкомъ дорого. Испуская страшный ревъ отъ боли и ярости, чудовище еще сильнѣе прижало меня къ своей мохнатой груди, и когти его, раздирая мою спину, причинили мнѣ такую ужасную боль, что глаза мои закрылись и я готовъ былъ упасть безъ чувствъ. Вдругъ, у самыхъ ушей моихъ, раздакъ выстрѣлъ, потомъ одинъ за другимъ съ дюжину ружейныхъ и пистолетныхъ выстрѣловъ; все это сопровождалось яростнымъ ревомъ, отчаянными воплями и сверхъестественнымъ хохотомъ. Демонъ, который держалъ меня, сталъ давить тише; передъ лицомъ моимъ мелькнула черная рука; ослѣпительный свѣтъ проникъ въ мои закрытые глаза; раздакъ выстрѣлъ, послышался ревъ и я, освободившись изъ объятій своего противника, повалился на-земь. Вотъ все что я помню изъ этой страшной сцены. Усталость, страхъ, боль и зловредныя испаренія, преодолѣли мои силы: я лишился чувствъ.

Возвратившись къ жизни, я увидѣлъ, что лежу на одеялахъ, въ какой-то бесѣдкѣ пѣзъ цвѣтовъ и зелени. Солнце ярко блистало на голубомъ сводѣ; воздухъ былъ наполненъ благоуханіями; медососы летали передо мною взадъ и впередъ, какъ живые обломки призмы. Подлѣ моей постели стоялъ мексиканскій индѣецъ, незнакомый мнѣ; въ рукахъ у него была кокосова чаша; я схватилъ ее и съ жадностью наполнился воды съ лимоннымъ сокомъ. Это сдѣлало мнѣ большую пользу. Я съ трудомъ приподнялся, облокотился и посмотрѣлъ вокругъ себя. Вокругъ меня царствовало движеніе, котораго я сначала никакъ не могъ объяснить себѣ. Бесѣдка, гдѣ я лежалъ, стояла на скатѣ холма; вокругъ былъ обширный лагерь. Лошади и мулы бродили на свободѣ или были привязаны къ деревьямъ и

бли траву, положившую передъ ними. На однихъ были богатые сѣдла; на другихъ вьюки; на третьи множество мѣшковъ, чемодановъ, сундуковъ. Нѣсколько ружей было приставлено къ деревьямъ. Изъ людей одни укладывали вещи, иные лежа на травѣ курили, или сидѣли вокругъ огня, на которомъ готовили кушанье. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моей постели была другая такая же; тамъ лежалъ, спиною ко мнѣ, человекъ, закутанный въ одеяла. Лица его было не видно.

— Что это такое? вскричалъ я: гдѣ мы? гдѣ Роли? гдѣ нашъ проводникъ?

— Non entiendo (не понимаю), отвѣчалъ мой одинокій Гандимель, покачивая головою и ласково улыбаясь.

— Abonde estamos (гдѣ мы?).

— In el valle de Chibuatán, in el gran valle de Oaxaca y Guatimala (въ долинѣ Чиватанъ, въ большой долинѣ Оахака и Гватимала) верстахъ въ сорока отъ Тарифы.

Тѣло, лежавшее на другой постелѣ, повернулось и обратилось ко мнѣ. Лицо его походило на сырую говядину, изсѣченную и покрытую кровью: тутъ не было никакихъ признаковъ человѣческаго лица.

— Кто это? вскричалъ.

— Роли, отвѣчало мясо: по-крайней-мѣрѣ былъ Роли, а теперь эти демоны, можетъ-быть, сдѣлали изъ меня другого человека.

— Боже мой!..... Если ты Роли, такъ они, вѣрно, содрали съ тебя кожу..... Но нѣтъ, быть не можетъ, это не Роли!

Мексиканецъ поподчивалъ это странное существо лимонадомъ, потомъ досталъ изъ чемодана зеркальцо и подалъ мнѣ. Тутъ только я вспомнилъ что съ нами случилось и понялъ, что туша, которая лежала на сосѣдней постелѣ, точно, можетъ-быть, Роли. Я былъ еще болѣе его обезображенъ. Глаза мои совсѣмъ слѣпились, носъ, губы, однимъ словомъ, все лицо, ужасно распухли: родная мать не узнала бы меня въ этомъ видѣ. Ужасная ночь, которую провели мы въ ложбинѣ, зловредныя испаренія болота, отчаянное нападеніе мушкетеровъ и слѣдствіе всего этого, лихорадка, которыя такъ жестоко отдѣлали насъ, снова пришли

нѣ на память; но что касается до бѣгущихъ женщинъ, до битвы нашей съ чудовищами, дикими звѣрями, индѣйцами или чѣмъ-то такимъ, то это оставалось для меня непостижимою загадкою. Однако жъ это странное происшествіе было не мечтой моего разгоряченнаго воображенія, не лихорадочнымъ бредомъ: доказательства, что оно дѣйствительно случилось, были на лицо. Плеча и бока мои часто напоминали мнѣ, что по нимъ гуляли чьи-то когти и я замѣтилъ, что тѣло мое во многихъ мѣстахъ обложено мокрыми ветшками. Я хотѣлъ только просить Мексиканца, чтобы онъ объяснилъ мнѣ всѣ эти чудеса, какъ-вдругъ въ лагерь началось сильное движеніе и всѣ побѣжали навстрѣчу людямъ, которые показались изъ сосѣдняго лѣсу. Новоприбывшіе, въ числѣ которыхъ были наши арріеросы и слуги, окружали какую-то безобразную массу, которую они тащили по землѣ. Пять или шесть женщинъ, закутанныхъ въ широкое мексиканское гевохо и въ красивыхъ frazada, шли впереди и по временамъ оборачивались, поглядывая назадъ съ выраженіемъ ужасу и торжества. Онѣ были большею частію молоды и стройны и у трехъ были прелестныя головки. У всѣхъ были въ рукахъ четки и онѣ прворно перебирали ихъ между пальцами, цѣловали по временамъ крестикъ, которымъ четки оканчиваются, а потомъ набожно крестились.

— Un zambo muerto! un zambo muerto! кричали онѣ, подходя къ моей постели.

— Nan matado un zambo (самбо убили) повторилъ съ восторгомъ Мексиканецъ, который за мною ухаживалъ.

Пришедшіе остановились неподалеку отъ нашего госпиталѣ. Женщины стояли всторонѣ, крестились, смѣялись, прыгали и безпрестанно кричали: «Un zambo, un zambo muerto». Когда толпа разступилась, мы увидѣли, что на землѣ лежитъ одинъ изъ нашихъ ночныхъ противниковъ, мертвый.

— Это что такое? вскричали мы вмѣстѣ съ Роли: чортъ?

— Нѣтъ, seppogez, отвѣчалъ нашъ прислужникъ: не чортъ, а обезьяна самбо.... Эти самбо страшные звѣри.

— Обезьяна! вскричалъ я съ удивленіемъ.

— Обезьяна! повторилъ Роли, вскочивъ и усѣвшись на своей постели.... Обезьяна! Такъ это мы дрались съ обезьянами?... Какъ тебѣ это нравится, Роли? Прїѣхать изъ Виргиніи, чтобы тебя здѣсь поколотили обезьяны!.... По-смѣются же надъ тобою.... Тебѣ нельзя будетъ показаться въ Соединенныхъ Штатахъ.... Поколотила обезьяна.... съ хвостомъ.... О, Боже мой, несправиться съ обезьяной!....

Это показалось ему дотога забавнымъ, что, забывъ свои страданія, онъ повалился на постель и хохоталъ какъ-только могъ при распушемъ лицѣ и губахъ, превратившихся въ какія-то сосиски.

Мнѣ не вѣрилось чтобы въ этомъ трупѣ, который лежалъ передо мною, не обитала нѣкогда душа человѣческая. Стыдно, унижительно какъ-то видѣть, до какой степени эта гигантская обезьяна похожа на меня, на васъ, милостивые государи; не будь хвоста, этого самбо можно было бы принять за какого-нибудь бульварнаго льва, за бородатаго франта въ зимнемъ тулугѣ. Лицо его выражало скорѣе дурныя страсти человѣческія, чѣмъ скотскій мистиктъ. Руки, ляжки, станъ, все туловище ничѣмъ не отличались отъ туловища хорошо сложеннаго чловѣка; ноги были немножко кривы и безъ якорь, но это и у людей бываетъ. Жилы на рукахъ его выставлялись какъ веревки, а ногти не уступали тигровымъ когтямъ. Не мудрено, что въ борьбѣ съ подобными противниками, побѣда осталась не на нашей сторонѣ. Ни какой силачъ не въ состояніи совладать съ ними. Руки убитаго самбо походили на пукъ толстыхъ веревокъ и четыре ногощика съ трупомъ могли развести его сложенные кисти.

Остальное чтѣ еще казалось темнымъ въ нашихъ ночныхъ приключеніяхъ, вскорѣ объяснилось. Проводникъ нашъ, по незнанію или безпечности, позволилъ намъ расположиться на ночлегъ слишкомъ близко отъ одного изъ самыхъ вредныхъ болотъ во всей провинціи. Вскорѣ послѣ-того какъ мы заснули, пришелъ отрядъ Мексиканцевъ и расположился шагахъ во ста отъ насъ на мѣстѣ высокомъ, такъ что тамъ они были въ безопасности отъ зло-вредныхъ испареній болота и отъ мустиковъ, которые такъ немилосердо отѣдали насъ съ Роли. Ночью двѣ жен-

щины отомши немного восторону; самбо перерѣзала нѣгъ дорогу; онѣ пугались бѣжать, въ ужасѣ не зная сами куда; и къ-счастію, попали на наше становище. Ихъ и наши крики, визгъ и дѣвольскій хохотъ обезьянъ разбудили Мексиканцевъ и тѣ подошли къ намъ на помощь. Выдержавъ первый штурмъ, самбо отказался отъ битвы и убѣжалъ въ лѣсъ. Впрочемъ, ранены были многіе изъ нихъ, но на полѣ битвы остался только одинъ убитый, тотъ, котораго теперь притащили.

Эти Мексиканцы были изъ Теаботски; они занимались собираніемъ кошениля. Мы оказали услугу не неблагодарнымъ и вообще они были самые добрые люди. Они не знали что дѣлать, чтобы доказать намъ свою признательность. Женщины и особенно тѣ, которыя мы избавили отъ обезьянъ, усердно ухаживали за нами и всячески старались намъ угождать. Последнія, конечно, были много намъ обязаны. Нельзя безъ ужаса подумать, какая судьба ожидала бы этихъ несчастныхъ, если бы онѣ попали въ руки самбо. Диверсія, которую мы предвзвѣли, спасла ихъ, потому что дала время Мексиканцамъ подождать къ намъ на помощь. За эту услугу насъ съ величайшимъ стараніемъ лечили; перевязывали наши раны, прикладывали бальзамическія и смягчительныя примочки къ нашимъ ободраннымъ лицамъ, и двѣ прелестныя «сидѣлки» безпрерывно обмахивали насъ пальмовыми листьями, чтобы защитить отъ мушкетовъ. Матери наши не могли бы нѣжже заботиться объ насъ.

Благодаря этому пользованію, мы вскорѣ начали поправляться; могли уже сидѣть на постеляхъ и заниматься тѣмъ, что происходило вокругъ насъ. Но мы старались не видать другъ друга. Съ высоты, гдѣ мы находились, видно было все болото, которое надѣлало намъ такъихъ бѣдъ. Оно было подъ нашими ногами, и испускало паръ, какъ огромный кипящій котелъ; поверхность его была покрыта густымъ туманомъ, изъ котораго мѣстами выставлялись маковки деревьевъ. Надѣво отъ этой лабораторіи заразы, возвышались скалы, которыя какъ, будто стояли на вонючемъ туманѣ. Коршуны висли надъ болотомъ или покачивались на вершинахъ пальмъ, которыя

выставлялись изъ тумана какъ огромные зонтики. Изъ глубины этой тьмы поднимались рожь, крикъ, визгъ, шкель, свистъ и шипѣнье; гармоническій хоръ аалтагаторожь, козюшкѣхъ агущекъ и другихъ несчастныхъ обитателей этого горнила заржалъ.

Воздухъ былъ тяжелъ и душнъ. Не зная, куда слышались раскаты грома. Мексиканцы собрались въ кучку и, невзиному, совѣтовались между собою; они совѣщались о томъ, какъ бы скорее убраться изъ этого мѣста и не знали что дѣлать съ нами. Изъ разговора нтъ мы поняли только то, что они никакъ не рѣшались покинуть мѣсть бѣлишь, въ опасную мѣсть, съ проводникомъ и служителями, на которыхъ надеяться было невозможно. Съ другой стороны казалось, что ирѣчныя вѣсны немалыя принуждаютъ ихъ отправиться далѣе. Наконецъ два старика, невзиному, ирѣчавши караана, подошли къ намъ и спросили, какъ мы себя чувствуемъ и въ состоянн ли мы продолжать путешествіе; они прибавили, что по разнымъ приметкамъ надобно скоро ожидать бури, а ближайшее жилье мѣсто еще очень далеко. Благодаря невзному пользованію Мексиканцевъ, мы чувствовали себя уже гораздо лучше и отвѣчали, что черезъ полчаса будемъ готовы ѣхать, если только они желтъ ирѣчь случить водить намъ что-нибудь поѣсть, потому что мы ужасно проголодались и намъ непременно надобно подкрѣпить свои силы.

Мексиканцы не хотѣли предоставить этого нашихъ слугамъ и сами принесли намъ часть жаренаго агуана и ирѣскольно банановъ, испеченныхъ въ золѣ. Сверхъ того намъ подали въ кокосовыхъ скорлупахъ кофе и мы съ радостью принялись жевать съ силами. Между тѣмъ наши погонщики и Тсанотеканцы продолжали намѣчывать путь и особенно готовились къ отъезду. Мы еще не кончили своего обѣда, какъ увидѣли, что одинъ Мексиканецъ ѣхалъ во всю мочь съ горы, держа въ обѣихъ рукахъ по вѣтви. Какъ скоро онъ подѣлся, всѣ прочіе бросились къ нему на встрѣчу.

— Семь часовъ, кричалъ онъ, семь часовъ, никакъ не больше.

— Семь часов! повторили Тсапотеканцы. Пресвятая Богородица! Сими и помилуй насъ! Намъ и въ десять часовъ не добраться до деревни.

— Что это значить? спросилъ я продолжая вѣсть. Чего вы испугались?

— Чего мы испугались? сказалъ одинъ старый Мексиканецъ: черезъ семь часовъ начнется las aguas (воды) и ураганъ.

— Vamos por la Sanísima! (Поѣдемте, ради Пресвятой Богородицы!) закричали словесникъ двѣнадцать, а тотъ, который приближалъ съ горы, всё помахивалъ своими вѣтвями.

— Что жь это за вѣтви? спросилъ я.

— Деревя бургъ, предвѣтника урагана, отвѣчалъ одинъ Мексиканецъ.

Мужчины и женщины, арріеросы и Тсапотеканцы забѣгали во все стороны, съ величайшимъ ужасомъ, безпрерывно повторяя: «Поѣдемте, поѣдемте: нельзя терять ни минуты». Все собирали свои вещи, сѣдлали, вьлчили и садялись верхомъ. Мы не успѣли опамьяловаться, какъ насъ съ Роли схватили и посадили на сѣдло: Отъ-роду не выдѣвалъ я такой суматохи: то была крики, топотъ, ржаніе; мужчины, женщины, лошади, мулы, бѣгали во все стороны какъ-будто все обступили. Но между-тѣмъ никто не терялъ времени по-пустому и не прошло трехъ минутъ со времени жорвой тревоги, какъ наша караванъ уже вытѣскала длинной шерою и пошлось во все галопъ черезъ кусты и сараи, шагъ и шагъ.

Эта отчаянная бѣжка какъ-будто вымочила насъ: одоровавшись наши члены получили свое прежнее гибкость; мы не чувствовали своихъ ранъ, не думали ни о сѣдло, ни о мустангѣ; ни о своей анторидѣ. Дѣло было не шуточное: рѣчь шла о нашей жизни; и даже лошади наши, какъ-будто чувствуя, что только одна быстрота можетъ спасти насъ, неслись во всю мочь. Въ-торопатѣ, насъ съ Роли, насъ посадили на лошадей, а не на муловъ, и это было величайшій счастіемъ для насъ. Горы и долины, батансаа, (рытцаны) и болота, для насъ было все-равно: онъ неслись поволоку съ одинаковымъ проворствомъ; съ одина-

вой увѣренностью. Если почва была болотистая, онѣ скользили какъ кошки, какъ-будто и не касаясь до земли; при въѣздѣ на каменистыя высоты, карабкались козлами какъ ящерицы, а на ровномъ мѣстѣ неслись во всё лопатки, такъ что мы не чувствовали ни малѣйшаго потрясенія. На нашихъ широкихъ испанскихъ сѣдлахъ мы могли бы сидѣть спокойно, какъ на креслахъ, если бы къ несчастью камни и опрокинутыя деревья не перерывали на каждомъ шагу тропинки, по которой мы ѣхали, и мы не принуждены были непрерывно увертываться отъ выходящихъ растеній, которыя, вровень съ нашими головами, образовали частую сѣть, усыпанную иглами въ футъ длиною. Эти иглы, выставившіяся подъ прямымъ угломъ изъ вѣтвей, на которыхъ росли, походили на черныя штыки, готовые воткнуть на вертелъ всякаго, кто бы насунулся на нихъ. Несмотря на все это, мы быстро неслись всё впередъ и впередъ, вытянувшись въ длинную линію, смѣло пускались въ такія мѣста, куда бы дикая кошка не рѣшилась пробираться, ѣхали во всю рысь черезъ кустарнички, мимозы и кактусовъ, которыхъ лонасти, футовъ въ десять длиною, казались огромными руками, которыя вытягивались, чтобы остановить насъ. По временамъ, на открытомъ мѣстѣ, мы могли окинуть взглядомъ весь поѣздъ, съ вожаками, которые скакали впереди, съ безпокойствомъ озираясь во все стороны, какъ колоновожатые въ непріятельской землѣ, и съ молоденькими дѣвушками, которыя, нагнувшись на шею своихъ лошадей, постепенно обнажались, потому что оставляли доскутки своихъ бѣлыхъ платьевъ на иглахъ и сучьяхъ лабиринтовъ, сквозь которые неслись всадники и всадницы, кони и вьючные мулы. Но тогда было не время наслаждаться созерцаніемъ мексиканскихъ красотъ, потому что какъ-скоро кто-нибудь начиналъ отставать, всѣ другіе кричали «Vamos por Dios, vamos!» И этотъ крикъ какъ-бы придавалъ новую бодрость даже лошадямъ и муламъ.

И мы всё неслись и неслись, съ холма на холмъ, черезъ долины и зловонныя болота. Долина Оахака заслуживаетъ названіе долины почти такъ же, какъ море во время бури названіе зеркала. На этой, такъ называемой, равнинѣ Оаха-

ка, на каждомъ шагу возвышаются крутыя горы, иногда въ нѣсколько тысячъ футовъ вышиною. Но эти возвышенія прилициваются и исчезаютъ, когда сравнишь ихъ съ гигантскими горами, которыя окружаютъ долину со всѣхъ сторонъ. И какую великолѣпную раму составляютъ эти незамѣримыя стѣны со своими разнообразными линіями и цвѣтами! Здѣсь онѣ блестятъ такъ растопленное золото, тамъ какъ-бы покрываются бронзою; далѣе красуются всѣми оттѣнками зеленаго цвѣту, съ узорами изъ алыхъ, пурпуровыхъ, фіолетовыхъ, желтыхъ, голубыхъ, бѣлыхъ цвѣтовъ мелкихъ растений, между которыми величественно возвышаются пальмы, футовъ во сто, съ пышными зелеными турбанами. Чтò ни говори, а природа хороша. даромъ-что намъ пришлось провести такую ужасную ночь посреди ея чудесъ.

Мы еще только пять часовъ были на конѣ, а уже три раза переѣзжали изъ одного климата въ другой, изъ умѣреннаго пояса въ tierra muy caliente (землю болѣе горячую) и обратно. Въ это время мы были въ самомъ знойномъ полесѣ; потъ съ насъ такъ и лилъ; мы жарились и пеклись въ своей кожѣ, какъ въ песчаной ваннѣ. Въ чащахъ, черезъ которыя мы ѣхали, было множество черныхъ тигровъ, игуановъ, фута въ три длиною, бѣлокъ, пантеръ, дикихъ свиней, чаналокъ и особенно всѣхъ возможныхъ родовъ обезьянъ, которыя, сидя на высокихъ вѣтвяхъ деревьевъ, дѣлали гримасы, скалили зубы и кидали въ насъ чѣмъ попало.

— Чтò это за бѣлыя пятна тамъ направо, которыя такъ рѣзко отдѣляются отъ темной синевы неба и бронзоваго цвѣту снага? спросилъ я.

— Это городъ Кидрикови.

Мы проѣхали верстъ тридцать и я начиналъ думать, что aguas (воды), которыми такъ пугали насъ наши пріятели Тсамотекинци, теперь уже не достигнутъ насъ. Роли ворчалъ, и утверждалъ, что не грѣхъ бы дать нашимъ лошадамъ минуты двѣ-три отдыха. По неровности почвы мы принуждены были ѣхать то вскачь, то рысью и это чрезвычайно утомляло людей, лошадей и муловъ; а разгонять дорожную скуку пріятными разговорами было рѣши-

только перерываю, потому что довольно работы: была бы темъ, чтобы не сломить себѣ шеи, не нагнуть на землю сучья, которые легко могли бы выколоть намъ глаза, зашибить зубы и казнить насъ безъ суда и расправы. «*Vamos, por la salvissima madre, vamos!*» вскричали проводники, замѣтивъ, что мы поѣхали по-тише. И этотъ крикъ повторился по всей линіи съ ужасомъ, отъ котораго мы сами задрожали.

Дошли понеслись еще скорѣе; земля потопала подъ-вѣт ногами, дѣды хлестали насъ по лицу, кактусаи обрѣзали наше платье. Если бъ это продолжалось еще нѣсколько времени, мы бы остались совѣмъ безъ платья. Проводники безпрестанно нагибались, какъ дѣтскія игрушечныя Китайцы, которые непрерывно качаютъ головами. За ними шли и наши слуги; потомъ виднѣлась сара одного изъ Театале канцлеръ, потомъ женщины и остальные Манриканцы. Тутъ было уже не до учтивости, и такъ какъ мы съ Рамъ мѣхале всѣхъ горохились протиснуться въ путь, то и оставили въ аррьергардѣ, и оставили крестъ колонны.

— *Vamos! por la salvissima, vamos! Las agnas, las agnas!* закричали опять голосомъ двадцать.

Будь они прокляты, подумалъ я: неужели они не могутъ не кричать *vamos*. Додерзави намъ остался карнизъ-нибудь осемь веретъ, а опаснаго ничего еще не замѣтно. Конечно, воздухъ очень густъ, но тутъ пугаться еще чего..... Это, вѣрно, отъ испаренія болотъ, потому что мы опять подѣжаемъ къ этимъ проклятымъ тонамъ: я уже слышу концертъ аллигаторовъ.... Да, кстати, вотъ два аллигатора высунули свои красивыя мордочки изъ тины, чтобы полюбоваться на нашъ великодушный войскъ. Конечно, это сосѣдство не совѣмъ пріятное; но, къ счастью, грязника хороша и тверда; видно, нель ному трудиться ильѣны, потому что только одинъ ильѣны въ-состояніи жина, работать и путешествовать носаремъ этикъ мѣасомъ. Слава Богу, вотъ мы выбрались изъ этого грязнаго моря; почва стала по-крѣиче; мы опять въѣжаемъ въ лѣва аллигаторо-во великодушныхъ калъмъ и сламъ.

Вдругъ глазами мащину предоманное, ерѣиче, лѣиче, прекрасное. Сквозь атмосферу непостижимо-прозрачную

показались двѣ цѣны горъ; лѣвая—покрытая густою тѣнью, правая—ярке блестящая, какъ будто-составлена изъ свѣтлыхъ пирамидъ. Долина, заключенная между ними, совершенно покрыта цвѣтами; *convolvulus*, *raulinia*, *hipponia*, *dentonina* устилаются вокругъ стволовъ пальмъ, поднимаются до самыхъ ихъ вершинъ и убираютъ ихъ разноцвѣтными драпиръ, а потомъ, граціозно спускаясь, прилѣпаются къ мохлявымъ растеніямъ.

— *Misericordia, misericordie, audi nos peccatores, misericordie, las aguas!*

Мы спросили, чтобы посмотреть чего это такъ испугалась наша Мексиканка, но не замѣтили ничего необыкновеннаго, кромѣ только облака, которое начинало собираться между двумя горами, выдававшимся въ долину наподобіе мыслетъ.

— Что такое? что такое? вскричалъ я: гдѣ жъ вы видите опасность?

— Ради Бога, впередъ, впередъ! отвѣчали десятъ или двѣнадцать голосовъ: нежь еще далеко, а потомъ обрушится на насъ черная чаша, не бойтеся.

И начали опять молиться: *Misericordia, audi nos peccatores*, и прочая.

— Съ ума они сошли! вскричалъ Ролл. Экая бѣда, что дождь пойдетъ; ну, вымочить лишній разъ, и только. Вѣдь мы не сахарные. Въ Соединенныхъ Штатахъ меня не разъ пробивало до костей, да вѣдь мнѣ отъ этого, право, не хуже.

Однако жъ, посмотрѣвъ вокругъ себя, мы съ удивленіемъ замѣтили, что видъ неба вдругъ совершенно измѣнился. Обыкновенный его темно-синій цвѣтъ съ отливомъ расплавленного золота, потонулъ, и все небо сдѣлалось мрачно сѣрымъ. Атмосфера тоже стала совсѣмъ не та. Воздухъ былъ не холоднѣе и не теплѣе; но онъ лишился своей легкости и упругости. Онъ дѣлалъ легкія и тяготѣлъ насъ какъ будто свинцовая шапка. Черезъ нѣсколько времени облако, вперемѣжь я говорилъ, стало подниматься изъ-за горъ, разсѣлавъ отъ ихъ вершинъ и мало-по-малу растапливая. Видъ: всей долиной наша-брате чудовищная жуткая тѣнь; которая отбрасъ вонзаясь крыльсь на обѣ цѣны

горь. Справа еще видѣлись кровли и стѣны Квидрикови, и намъ казалось, что онѣ очень близко.

— Отчего же бы намъ не ѣхать въ Квидрикови? закричалъ я проводникамъ. Кажется, не далеко.

— До Квидрикови по-крайней-мѣрѣ пять legas (пятьдесятъ верстъ) отвѣчали Мексиканцы, печально покачивая головами и съ безпокойствомъ поглядывая на облако, которое становилось всё чернѣе и грознѣе.

Справа и позади насъ лучи солнца, отражаясь отъ горъ, еще золотили края облаковъ, слѣва и впереди все было какъ-бы подернуто траурнымъ крепомъ. Мы видѣли въ одно время и самую темную ночь и самый ясный день: протезоволжность чрезвычайно поразительная и не обещавшая ничего добраго, и, кажется, животныя чувствовали это тоже какъ мы. Болтливыя попугаи, крикливыя, вертлявыя и драчливыя обезьяны, всѣ звѣри лѣсные и даже птицы небесныя испускали какіе-то жалобные звуки, перебѣгали съ мѣста на мѣсто и, казалось, искали убѣжища отъ предстоящей, неминуемой опасности. Даже наши лошади начали дрожать, жалобно ржали и не хотѣли идти впередъ; коршуны и другія хищныя птицы, которыя за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, вились высоко въ воздухѣ, тотчасъ прятались подъ вѣтви акажѹ и испускали страшныя крики. Съ тигровъ и до насѣкомыхъ, все живущее, казалось, было поражено внезапнымъ, непонятнымъ страхомъ.

— *Vamos! Vamos!* закричали проводники: если ураганъ застанетъ насъ въ лѣсу, мы погибемъ.

И мы снова понеслись во всю мочь черезъ пни и сучья, кусты и острия иглы. Страшный непріятель его злоевище, которое, какъ-бы вопиивъ ногами о своей злой горь, окружающихъ долину, устремляло на насъ всю черную, безобразную массу. Разгѣры его становились всё болѣе и болѣе колоссальными и все покрывали густою тканью его тѣни. Мы оглянулись назадъ и въ послѣдній разъ увидѣли багровый шаръ солнца, который тотчасъ потомъ скрылось за тучею. Мы понеслись еще быстрѣе. Стада тигровъ, обезьянъ, чекаловъ и всякаго скота приближались къ намъ, какъ-бы преслѣдуемые и испускали жалобнымъ рычаніемъ упрямаясь свата възадъ.

не было ни сколько, а между-тѣмъ вся природа какъ-бы трепетала; огромныя деревья и мелкія растенія дрожали, такъ же какъ люди и звѣри. Лошади наши, раздувъ ноздри и вытучивъ глаза, ехали, не какъ обыкновенно скачутъ лошади, а отчаянными прыжками тигра, за которыми гонятся охотники. Нѣсколько минутъ вокругъ насъ господствовало глубокое безмолвіе, странная тишина. Точно будто стихіи собирались съ духомъ, чтобы потомъ забушевать съ бѣльшей силой. Но вскорѣ послышался глухой шумъ, положивъ на стѣны, которые какъ-бы выходили изъ нѣдръ земли. Предвѣстіе было очень ясное.

— Постоите! закричали мы проводникамъ: постоите! Пощемъ здѣсь убійца.

— Впередъ! Или мы погибли!

Благодаря Вега дорога расширилась, чаще стала рѣдѣть, мы начали спускаться съ возвышенія и выѣхали изъ лѣсу; деревья быстро удалялись отъ насъ. Если бы ураганъ засталъ насъ посреди пальмъ и акажу, мы были бы измяты, изорваны въ куски, облюманными вѣтвями и пнями, вырванными изъ земли. Мы приближались къ рытвинамъ.

— Madre de Dios! (Матерь Божія!) вскричали Мексиканцы.

Да, тутъ надобно было призывать небо на помощь, потому что гигантское чудовище, которое преслѣдовало насъ, уже выпустило бѣлые языки свои, составлявшіе рѣзкую противоположность съ мрачною массою, откуда они выходили. Тутъ раздался страшный ударъ, отъ котораго, казалось, вся земля вздрогнула. Потомъ слова все смолкло и въ это время мы слышали только тяжелое, прерывистое дыханіе нашихъ лошадей. Туча опять разверзлась и секунды дѣйствія какъ бы горѣла. За этии фантастическими освѣщеніемъ послѣдовалъ второй ударъ грома и тутъ буря, какъ-бы выломавъ двери тюрьмы своей, страшна и всемоущая, устремилась съ неба на землю, испровергда, уничтожая все на пути своемъ. Деревья зашатались. Казалось, будто они обратятся съ силой, чтобы успѣять противъ бури; но слышишь! Съ грохотомъ; подвѣсивъ вѣтви, какъ тѣлѣныя орудія, дѣлаютъ леса тогда дождя.

каждъ. Вѣтеръ разлетался въ дробяги, стволы трескались и падали на землю; порохъ разрывался и шлокомъ излеталъ. Прощая буря — и глѣбу по степи. То была вѣсь, море сучьствъ, корней, обломковъ и осколковъ, перепилое и прыгавшее какъ-будто на разсвѣтѣ вѣтра вѣдаль. Воздухъ потянулся отъ извѣстнаго вѣтра, который послышался въ ночь.

Когда раздался второй ударъ грома, одинъ изъ Мотовицкихъ вскричалъ заглушеннымъ голосомъ: «Дожди отъ коней!» Я бросился на землю, но ураганъ подхватилъ меня, и опрокинулся навзничъ и, въ-счастію, удержавши немножко за узду; но поводъ оборвался и голова моя повалилась подлѣ меня. «Господи, помилуй насъ! вскричалъ я. Где ты, гдѣ ты? Гдѣ наши товарищи? Отвѣту не было. Другой порывъ вѣтру, еще ужаснѣе перваго, удержалъ въ дощину. Но я лежалъ на спицѣхъ и притомъ съ подвѣтренной стороны, у колодезны конюшни, на которой забрался, когда опрокинулся. Между-тѣмъ земля дрожала подо мною; ураганъ воуражалъ дождь, за который я уцепился, и казалось, готовъ былъ сорвать его съ земли. Воздухъ былъ наполненъ обрывками испареніями. Я слышалъ. Вокругъ меня все было погружено въ самый густой мракъ. Я ничего не видалъ, ничего не слышалъ, крокъ свѣтлѣнія бури, раскатовъ грома, и треску сломавшихся деревьевъ. Вдругъ буря остановилась; совершенная тишина овладѣла со всею ясностью, что, казалось, природа застыла отъ страха. Только трескъ вырваннаго съ корнемъ лѣсу доносился до моего слуха. То было какъ-бы случайная остановка во время спешенія, когда пальба вдругъ прекращается и къ себѣ вознесшая только стонъ, умиротворенія. Я слышалъ и слышалъ снова лопотъ. Въ эту минуту послышался какъ-бы пистолетный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, десятый, сотый; выстрѣлы съ невыразимой быстротою слѣдовали одинъ за другимъ, сотнями, тысячами, это не стонъ, а не агресія не чѣ-мъ казалась пистолетными выстрѣлами, было во что слышать какъ шумъ, который произведенъ дымомъ дождя; но нескончаемый. Волнующаясь съ курящимъ дымомъ и онъ ударилъ съ силой дождя, надвигавшаго съ вѣтромъ; былъ ослабленъ, оглушенъ, закрывалъ лицо руками и по-

порочился спицею къ вѣтру. Мгнн впередъ было невоз-
можно. Черезъ нѣсколько секундъ отдѣльныхъ канодъ уже
не было: хлаби небесныя разверзлись; **Ниагара**, потопъ,
море устремилось съ неба на землю. Чтобы присоединить-
ся къ своимъ товарищамъ, я сталъ задомъ взбираться на
вершину холма.... но размокшая земля ускользала изъ-подъ
моща ногъ. Я сталъ на скалу; потрясенный ураганомъ,
поднятый дождемъ, камень зашатался, покатился и увлекъ
меня съ собою. Сначала я скользилъ по крутой покатости,
потомъ кувиркался и, наконецъ, упалъ въ потокъ, отчего
къ-счастію не такъ сильно ушибся. Я былъ на днѣ рывчи-
ны, которую буря превратила въ рѣку съ высокими берега-
ми. Я не зналъ куда дѣвалось мое лоно, но мнѣ некогда
было о немъ заботиться. Мнѣ удалось встать. Подлѣ меня
былъ Роли, который то же свалился въ рывчину и, такъ
же какъ я, боролся съ теченіемъ. Вода доходила намъ до
груди и вѣхистый потокъ стремительно несъ толстыя рѣв-
ки и даже нѣбдія деревья, которыя легко могли увлечь
или разломить насъ о скалы. Однакъ Богъ знаетъ, какими
образомъ мы избавились отъ всѣхъ этихъ опасностей. Не
потокъ была сильнѣе насъ; мы едва могли удержаться на
пескѣ и тѣхотн старались перерѣзать теченіе, чтобы до-
браться до какого-нибудь доступнаго мѣста береговъ рыв-
чины. Мы удаляли усилия, прижались другъ къ другу. Но
къ чему эта борьба? Если бъ мы и достигли до берега,
то еще такъ крутъ, что выбраться наверхъ безъ вспомо-
решной помощи не возможно. А кто же бы могъ помочь
намъ? Мексиканцевъ мы не видали и даже не слышали го-
лосовъ ихъ. Во время урагана они были на самой верши-
нѣ холма и, слѣдственно, подвергались всей его ярости. Но
всей изролтности, ихъ сбросило въ потокъ и теперь отъ
нихъ остались одни труны. Та же участь, конечно, ожида-
ла и насъ. Измученная своей отчаянной скачкою, ослаб-
ленные ликорадкою и дракою съ самбо, мы не могли до-
лѣе прошиняться напору воды, которая доходила уже намъ
до плечъ:

«Роли, свалилъ я, теперь смерть наша уже неизбеж-
на; въ предѣлахъ рѣки упрямъ безъ слабости, никакъ прилич-
но мужчинамъ.

Роли былъ въ нѣсколькихъ шагахъ по-выше меня. Не отвѣчая ни слова, онъ повернулся ко мнѣ: лицо его было спокойное и холодно, но выражало однако жъ и нѣкоторое сожалѣніе; потомъ онъ пересталъ бороться съ потокомъ, сложилъ руки на груди и поглядѣлъ вокругъ себя, какъ бы да чтобы простяться съ міромъ, который покидалъ. Быстро увлекаемый теченіемъ, онъ уже былъ почти подлѣ меня, какъ-вдругъ закричалъ «ура!» и снова началъ бороться съ волнами, стараясь удержаться лѣвѣ на скользномъ и неровномъ грунтѣ потока.

— Ловите! ловите! закричали голоса, которые какъ-будто спускались сверху.

Въ ту же минуту что-то свиснуло у самыхъ моихъ ушей и сильно ударило меня по лицу. Но какому-то инстинктивному движенію, я протянулъ руку и схватилъ конецъ лассо (аркана). Роли тоже окатился за ровешнюю веревку, которая свалилась къ намъ будто съ неба. Арканъ тотчасъ натянули и съ помощію его мы добрались до края воды и стали взбираться на крутой берегъ; но бокъ рывины состоялъ изъ острыхъ камней, на которые мы не могли нерасчетливо упереться ногами. Мы боялись только, чтобы ремень не лопнулъ: ему приходилось поднимать огромную тяжесть. Роли въсѣлъ по-крайней-мѣрѣ въ штыкъ пудовъ, да и я не перышью. Иногда, въ этомъ опасномъ восхожденіи, намъ приходилось взбираться на камни, гладкіе и отвѣсные какъ стѣна: ни малѣйшаго выступа, ни одной трещины; мы принуждены были ниселать всюю своею тяжестью на арканъ, который—такъ по-крайней-мѣрѣ намъ казалось — вытягивался, трещалъ, дѣлалъ тоньше, и въ веревка, готовая оборваться. На тонкомъ ремнѣ висѣли мы надъ неизбежной и ужасной смертію; но ремень удерживалъ. Самое трудное было уже сдѣлано: ноги наши навали спору, руки хватились за коренья. Еще усиліе и мы спасены.... Судорожко согнули мы руки, чтобы прошесть тѣло.... Ура! Другія руки схватили насъ подъ мышки, приподняли и поставили на ровную землю.... Съ минутою насъ подобрали, и мы стояли на потоки... помощь ошестивъ, и мы, съ помощіемъ, повалились на землю посреди Тса-

детейлиць, арріеросовъ и женицъ, которые всѣ удержались отъ бури въ пещерѣ.

Передъ тѣмъ, какъ холмъ обламался подо мною и Рели, Месоканцы, отъ которыхъ мы довольно далеко отстали, добрались до наменнаго гребня, который шелъ по краю рывины у самой ея вершины; этотъ гребень, постепенно расширяясь, доходилъ до натуральной пещеры, не слишкомъ глубокой, но довольно длинной и защищенной высокими скалами. Оттуда товарищи наши видѣли какъ мы боролась съ голодомъ; они слезали нѣсколько аркановъ, спустили нить къ намъ и такимъ образомъ избавили насъ отъ неминуемой гибели; но еще неизвѣстно было въпрямь ли они подошли, чтобы спасти насъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось, что я умираю. Я не совсемъ лишился чувствъ, но все тѣло мое, какъ-будто омертвѣло; и не въ состоянни былъ пошевелить ни однимъ членомъ и плохо понималъ чтѣ вокругъ меня происходить. Впоследствии я узналъ, что ураганъ недолго свирѣпствовалъ съ одинаковой силою; опустошивъ долину, онъ ушелъ далѣе. Месоканцы снова пустились въ путь, за исключеніемъ только четырехъ, которые остались съ нашими арріеросами и слугами при насъ: гапшо (деревня), куда они ѣхали, состояла только на нѣсколько верстъ отъ этого мѣста; но мы рѣшительно были не въ состояннн пробхать далѣе и столько. Великодушные друзья наши, снявъ съ насъ мокрое и изодранное платье, закутали насъ въ одеяла и дали намъ ванити воды съ ромомъ и корицею. Мы скоро встали какъ убитые, проспали весь вечеръ и часть ночи. Это дѣтство подѣришило насъ, что за часъ до разсвѣту мы уже могли снова пуститься въ путь. Само-собою разумѣется, что мы принуждены были ѣхать какъ-можно тише и несмотря на эту предосторожность, при каждомъ попятномъ движеніи нашихъ муловъ чувствовали жестокую боль въ своихъ ранахъ и ушибахъ; по-крайней-мѣрѣ мы могли держаться на сѣдлѣ.

По темнотѣ мы не могли замѣтить всѣхъ опустошеній, произведенныхъ бурей; но и то уже чтѣ мы видѣли, называлось какъ ужасно она свирѣпствовала. Какъ сильно раздѣлываетъ землю ураганъ! Почва была совершенно об-

тивостоятъ лучамъ, которые отвсюду проникали въ ихъ толщину; но въѣдомое и свѣтъ стоналъ ихъ съ дѣвственныхъ вершинъ и заставлялъ проворно спускаться въ глубину долины. Однако жъ не было ни какого постепеннаго переходу отъ ночи къ дню, ни какой-полутѣни; никакихъ утреннихъ сумерекъ. Казалось, что темный покровъ постепенно сплется, свертываемый рукою какого-нибудь волшебника. Сначала показались свисающыя тамарины и сисотарато; потомъ блестящій зеленый цвѣтъ сахарнаго тростнику, затѣмъ темно-зеленый цвѣтъ индѣйской съковницы; нѣсколько ниже пестрый, бѣлый, золотистый и зеленый покровъ лимонныхъ и апельсиновыхъ деревьевъ; наконецъ величественныя слуги пальмъ, финиковыхъ деревьевъ и банановъ; на нихъ какъ-будто было накинута газовое покрывало, которое роса вышила алмазами и рубинами. И между-тѣмъ на днѣ долины еще лежалъ глубокий мракъ; но искорѣ солнца проникло въ него своими лучами и мы увидѣли, футахъ во ста по-ниже насъ, настоящій земной рай, садъ изъ хлопчатниковъ, кактусовъ и сахарнаго тростнику, усѣянный купами гранатниковъ, ежевики и перерѣзанный аллеями изъ фиговыхъ, лимонныхъ и апельсиновыхъ деревьевъ; и всѣ они были великаны въ своемъ родѣ, всѣ выше самыхъ огромныхъ дубовъ. Не было ни одного дерева, которое бы не походило на пирамиду цвѣтовъ, ни одного уголка, который бы не былъ изпещренъ самыми разнообразными цвѣтами; и эта роскошная растительность красовалась въ невыразимо-чистой атмосферѣ. Сначала мы не видали ничего что бы обличало присутствие человека; или только показывало, что онъ тутъ бывалъ иногда; но наконецъ, по указанію нашихъ проводниковъ, мы разглядѣли деревеньку, которая дотогу запряталась въ листьяхъ деревьевъ и подъ завѣсами лианъ, что только гдѣ-гдѣ видѣлся бѣлый камень и то не больше какого-нибудь фута. Даже церковь скрывалась между померанцовыми деревьями; безчисленное множество вьющихся растеній совершенно покрывало ея квадратную колокольню и легкія ихъ пряди поднимались надъ самымъ крестомъ. Вдругъ свисающій дымокъ взвидѣлъ спиралью надъ одной

друбою и въ ту же самую минуту на колокольнѣ начал звонить къ утреннему angelus.

Мексиканцы наши стали на колѣна, перекрестились, и божию прочли три раза Ave Maria, потомъ поднялись и одинъ изъ нихъ, положивъ руку на уаду моего мула, сѣзая, указывая другой рукой на деревню:

— *Vamos, señores, po'edemte завтракать въ гавсо.*

И мы медленно спустились въ долину.

Добравшись наконецъ до деревни, я сказалъ своему товарищу:

— Ну, любезный другъ Роли, продай; полно путешествовать; ни за что въ мирѣ впередъ не поѣду и тотчасъ отправляюсь на тотъ свѣтъ, въ Европу. Будетъ съ меня красота природы и вашей Америки.

И точно, на другой же день я пустился въ ближайшій приморскій городъ, тамъ сѣлъ на корабль и благополучно возвратился въ Европу.

ВОСПОМИНАНІЯ О ШПИЦБЕРГЕНѢ. А вотъ вамъ красоты природы, совсѣмъ другаго сорту, совершенно противоположныя тѣмъ, о которыхъ говорено выше. Любопытно послѣ блестящихъ красотъ тропической природы, взглянуть на суровые виды полярнаго круга и его величественные ужасы. Вотъ нѣкоторыя подробности, извлеченныя изъ записокъ члена французской экспедиціи, совершившей плаваніе къ сѣверному полюсу на фрегатѣ *La Recherche*.

«Мы отправились изъ Дронтгейма въ Гаммерфестъ и вышли оттуда 15 (3) іюля въ довольно хорошую погоду. Отъ Гаммерфеста до Шпицбергена считается триста морскихъ миль. Часовъ въ шесть земля уже исчезла у насъ изъ виду. Одинъ Богъ зналъ тогда, суждено ли намъ опять увидѣть эти печальные берега. На другой день погода была ужасная. Волны переливались черезъ фрегатъ; шлюпки наши совершенно наполнились водою. Вѣтеръ былъ чрезвычайно свѣжій, дождь такъ и лилъ. Черезъ нѣсколько времени у насъ сорвало шанць-кלטку праваго борту. Въ осемь часовъ вечера мы увидѣли слѣва ледяныя горы.

Чѣмъ далѣе мы шли, тѣмъ труднѣе было идти. Туманъ былъ такой густой, что мы ничего вокругъ себя не видѣ-

на порогах все умирало. Вдруг наступила страшная
мрачь, все было окружено густою туманною; на западе
ушла была какой-то подулбута; по туману не доходя
до сорока шагов, ачуть-а зыбнула земля. Часовой
закричал: — Вода! Мах руками ты Шинцбергер!

«В воду этой страны еще не ходили; отъ конче-
ственно не сориентированы, давайте же и насчетъ зрителя!» душой
отареленно: ковалю. Сидитъ, ахъ; небо, море, и больше
ничего! Но все это величественно и потрясаетъ воображе-
ние; передъ вами гранитныя нустьяныя, передъ вами гора-
ны, которые превосходятъ другъ на друга, чтобы достиг-
нуть до моря, когда подулбута, и вешова вешово: на
многолетъ чудеса творенія моралитъ: всею своимъ ин-
тересомъ величественно.

и туманъ разбился, и мы стали видеть морские шхеры.
Тысячъ далье мы шли, тьма было остригали крикостой.
Наша лодка мы достигли своей цели. Найдемъ быть жидины,
версты въ четыре длины и семени въ тридцать дюймов.
Мы подемъ, мы стоим на море въ бухтѣ Вей-Бондѣ.

«Да что-то море, мы только удивлялись и восхищались.
При видѣ этихъ величественныхъ ледниковъ которые свер-
каютъ на солнце, отъль въ великую гора, которые бавст-
нцы: наковыи покраны: сѣбонъ, маленькии и въ: обидны,
мы забывали, что ледникъ, впрочемъ: великии, могутъ
соединиться за нами, громадиться и проградить нашу
обратный путь: отъшло неразрушимое. Но чувство смелости
они вскорѣ пробудилось въ насъ и, наступили на эту страну
муть: земля, мы великая мраге: тигостыль: окулции. И
барга: стала русское судно, размещенное: в покраю
сѣбонъ, величественно была обложена большой: шлюпки, а на
берегу: кинны: съ: бревна.

«Судно шлюпка была обыкновенная шлюпка, которая: шлюпка
но, всецѣмъ срубленная привезена на судно. При видѣ судна
была: лодка, шлюпка: покуралбитой: в этой: шлюпки, мы
тотчасъ подумали, что тутъ: шлюпка, случилась: фанов-а:
будетъ несчастна. Сѣбонъ на: земля, шлюпки: фанов-а:
рыбный ханну. Она, такъ же какъ: шлюпка, была: шлюпка
покрытой: и сѣбонъ. Длиннаты: шлюпка, шлюпка: ра-
бота, шлюпка: шлюпка: этого: печальнаго: шлюпка. И шлюпка

воронамъ бѣгалъ надвѣся, но онѣ почти совсѣмъ стерлись; только на крестѣ, ближайшемъ къ джункѣ, можно было разобрать годъ, 1836. Слѣдственно, два года прошло съ тѣмъ-пора, намъ несчастнымъ плавателямъ сдѣлались жертвами единого убійственнаго климата. Ясно было, что это русское судно, запертое льдами, принуждено было остаться здѣсь на зимовку, люди погибли отъ холоду, и на могилкахъ оставлены кресты.

Матросамъ велико было очистить первую комнату лодки, въ которую мы не могли проникнуть. Подъ льдомъ мы нашли нѣсколько деревянныхъ дощаникъ угарей, грубой работы, в кости разныхъ животныхъ; все это издавало нестерпимый запахъ. Наконецъ мы нашли человѣчскій скелетъ. Онъ, вѣроятно, оставался въ томъ положеніи въ якомъ умеръ: сидѣлъ на снѣгѣ, обратившись лицомъ къ оповечку, въ которое сѣсть отъ трудомъ привыкъ. Ручныя кости были сжаты; челюсти судорожно стиснуты; все это показывало, какъ долженъ былъ страдать несчастный. Такимъ образомъ двѣнадцать человекъ, одинъ за другимъ погибли, одинъ другаго похоронили; одиннадцатый, послѣдній, остался безъ погребенія.

«Можно вообразить себѣ какое впечатлѣніе подобное зрѣлище должно было произвести на людей, которыхъ, можетъ быть, ожидала та же участь. Самые неустрашимые изъ насъ побѣдѣли и отворотились. У насъ не доставало духу пойти очистить вторую комнату; мы боялись увидѣть тамъ еще болѣе печальное зрѣлище. Для исполненія волеизъявленнаго на насъ порученія, намъ нужна была вся наша нравственная сила. Надобно было избѣгать всего, что могло бы ослабить нашу энергію. Однако жъ мы велѣли вскрыть дребы, которые при отсѣвѣ остались наружѣ. Трусы были почти совсѣмъ не повреждены; зубы еще не вывалились; нѣкоторые черешки оставались волосы. Кости были собраны и мы положили ихъ въ сиртъ, чтобы отвезти въ Нарвикъ.

«Такъ и Русскіе, люди, которые такъ легко переносятъ холодъ и страданія, не могли избѣгнуть смерти въ этой убійственной землѣ? Него же подобно было ожидать дѣтъ, когда надъ грозитъ обратный вѣтеръ? Слѣдующихъ приключе-

«Было у насъ на полтора года; но холоды ужасный холоды! Какъ защититься отъ него?»

«Но мало-по-малу это первое впечатлѣніе отъ страха разсѣлось. Спокойствіе членовъ коммиссіи внушило и намъ всѣмъ необходимую довѣрчивость, и съ любовнымъ вниманіемъ наблюдали за приготовленіемъ къ нашему пребыванію на Шницбергенѣ. Многие изъ нашихъ ученыхъ заняли избу Русскихъ; всѣ другіе расположились вокругъ нея, въ палаткахъ. Морской офицеръ господинъ Вгачаіа вообразилъ на одну изъ самыхъ высокихъ шницбергенскихъ горъ, и мы назвали ее по его имени. Отъ устроилъ на вершинѣ этой горы обсерваторію; и намѣревался пребыть тамъ нѣскольکو дней. Примѣръ его ободрилъ и насъ; мы отправились къ нему въ гости. Матросы вырубали ступеньки къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ гора казалась непреступною, и мы, безъ большаго труда, вообразились къ нашему естественному телю. Съ этого возвышеннаго мѣста видно безчисленное множество блестящихъ пиковъ—страшное скопленіе льдовъ и снѣговъ, изъ которыхъ состоитъ Шницбергенъ. Я недолго оставался на горѣ; отъ холоду трудно было дышать, и я боялся, чтобы у меня голова не закружилась! Мы спустились на равнину и отправились на охоту. Мы убили нѣсколько гагачьихъ гусей, которыхъ здѣсь чрезвычайно много; какихъ-то черныхъ водяныхъ птицъ, черныхъ и бѣлыхъ голубей, и прочая. Мы посчастливилось больше всѣхъ: на самой вершинѣ горы я застрѣлилъ альпійскую куропаку и прекраснаго гуся: крылья у него были золотисто-зеленыя, спина черная, шея и брюхо бѣлыя.

«Погода, за исключеніемъ только нѣсколькихъ тумановъ; стояла довольно хорошая. Снѣгъ начиналъ таять; образовались ручьи и скоро превратились въ потоки. Снѣга сдѣлались уже не удобоустойчивы, а употребивъ трудомъ мы уходили по нимъ въ равнину снѣга. Великолѣпный ледникъ, который находился близко отъ насъ, совершенно загораниваетъ широкую бухту; море проходитъ подъ нимъ. Въ отдаленіи отъ насъ видна масса огромные куски, надвигающіяся въ море. Я видѣлъ величественныя горы на пятидесяти. Простота и красота въ сравненіи

съ шумомъ, произволившииъ сделатиъ отъ нихъ лавки: гудъ его, повторенный во многихъ мѣстахъ ихомъ, продолжается въсвободно вступити.

«Мы всякой день высылали въ веротшлюдку, чтобы наблюдать за движеніемъ льдовъ. Боялись, чтобы они вдругъ не скопились въ бухтѣ и не загородили намъ обратнаго пути. Это поручено было лоцману, котораго мы взяли въ Гаммервествъ. Прямивръ неслатныхъ Русскихъ ваставлялъ насъ быть осторожными; мы слишкомъ хорошо знали, какаю участь ожидаетъ насъ.

«Однажды мы ужасно перепугались: нѣсколькимъ часомъ уже дугъ сильный сѣверный вѣтеръ, льду появилось очень много и мы были совершенно окружены имъ; но это были отдѣльныя льдины. Однако жъ, лоцманъ, воротившись изъ своей ежедневной поѣздки, объявилъ намъ, что входъ въ бухту совершенно загороденъ льдинами. На насъ напалъ ванический страхъ. Мы тотчасъ стали готовиться къ отъѣзду и послали шлюпки за нашими учеными и ихъ инструментами. Эта перевозка продолжалась всю ночь, потому что многіе изъ членовъ комиссіи были довольно далеко отъ берега, а господинъ Браве на своей обсерваторіи. Онъ всѣхъ больше жалѣлъ о томъ, что принужденъ былъ покинуть свои занятія. Если бы мы дали ему сѣстныхъ припасовъ на годъ, онъ, вѣрно, остался бы на Шницбергенѣ, чтобы продолжать свои магнитическія наблюденія.

«Мы всю ночь не спали. Впрочемъ, такъ какъ въ это время на Шницбергенѣ, можно въ полночь замечъ туть на солнцѣ, то ночь трудно отличить отъ дня.

«Перваго августа, въ четыре часа утра, мы вытянули якорь. Капитанъ снова отправилъ лоцмана на развѣдки; онъ воротился въ пять часовъ: льду совсѣмъ не было; бухта наканунѣ совершенно очистилась. То была фальшивая тревога.

«Не стану говорить о всѣхъ нашихъ физическихъ опытахъ, ни объ нашей охотѣ, которая впрочемъ была довольно интересна. Между прочимъ мы убили лося. Видно, онъ забрался на Шницбергенъ, для какихъ-нибудь наблюденій надъ земнымъ магнетизмомъ: явче неслатно,

зачѣмъ ему бѣль и чѣмъ корчиться на этомъ островѣ, который весь состоитъ изъ льду и камней.

«Стужа становилась всё сильнѣе. Матросы посланы были на берегъ для отирки бѣлья, и оно морзло у нихъ въ рукахъ. Нашъ норвежскій лоцманъ, который по-разъ бывалъ на Шпицбергенѣ, увѣрялъ насъ, что если зимою, на открытой водухѣ, взять въ руки кусокъ желѣза, то когда съ руки тутъ и останется то же самое дѣйствіе, какъ если бы прикоснуться къ желѣзу раскаленному. Небольшія русскія суда, которыя бывають здѣсь для промысловъ, приходятъ вначалѣ іюля и уходятъ вначалѣ августа. Надобно быть одарену необычайными мужествомъ, чтобы шускаться въ такіа экспедиціи съ маленька судна. Къ несчастію, многіе изъ этихъ отважныхъ промышленниковъ, погибають: доказательства были у насъ передъ глазами.

«Медвѣдей мы не видали; весьма вѣроятно, что льдомъ климатъ южнаго берега кажется этимъ господамъ слишкомъ жаркимъ и они удалились въ сѣверную часть острова. Однажды, утромъ, холода былъ такой, какого мы еще не испытывали; но мы совѣстились воротиться во Францію, не поохотившись на медвѣдей: нечего было бы и рассказывать. Несмотря на совѣты и увѣщанія товарищей, мы собрались въ пятеромъ и пустились въ путь. Мы никакъ удовольствіе перейти нѣсколько рѣчекъ, не замочивъ ногъ. Море замерзло, а рѣки, можетъ-быть, совсѣмъ заскыли. Идя шагахъ въ шестьдесятъ другъ отъ друга; мы смотрѣли во всё глаза, слушали во всё уши, но все напрасно: не встрѣтили ни одного медвѣжонка; зато видѣли двукъ прекрасныхъ лисицъ, одну бѣлую, другую черно-бурую, но объ нихъ не подпустили насъ къ себѣ и на дѣйстви шаговъ. Проходя двѣ часовъ пятнадцать, измучившись ужасно, мы воротились къ своей лагеръ и не принесли ничего, кромѣ нѣсколькихъ птицъ.

«На другой день началась снѣгъ и шелъ всё сильнѣе и сильнѣе. Холода былъ ужасный. Надобно было подумать объ отъѣздѣ. Всѣ собрались на корабль; самозванымъ отнимъ величественнымъ нустынямъ нѣсколькими встречными, а въ одиннадцать часовъ утра пустились къ высту.

Ладъ и надувала заграза наскъ. Вечеромъ, ладитъ въ шестъ, имъ вышла изъ бутылки Bell-Scand, и радостно распрощались съ Шиншберсономъ.

Въ токъ, какъ живописникъ Мандавъ думалъ своею чортъ доладъ, чтобы угодишь безпристрастной критикъ. «Странно, несносно, ни на что не похоже, хоть угощиться, хоть отравиться китайской киноварью, которая остается еще въ этомъ пузырь», говорилъ самъ себѣ живописецъ Мандавъ, въ бѣшенствѣ, въ отчаяннѣ, вперивъ изступленные глаза свои на картину, стоявшую передъ нимъ, на мольбертѣ. «Меня не допускаютъ на выставку! Да, не допускаютъ! Не приняли моей картины, отказали мнѣ самымъ обиднымъ образомъ», говорилъ онъ съ яростию, запуская сжатые кулаки въ широкіе карманы своего пальто, и отуча ногами такъ, что всѣ модели и скелеты въ его мастерской, нехотя плясали. «А между-тѣмъ я во время работы совѣтовался съ знатоками, принималъ всѣ замѣчанія, передѣлывалъ свою картину, и не-разъ, тутъ, и тутъ, вездѣ, безъ-устали и безъ милосердія поправлялъ рисунокъ, перемѣнялъ колоритъ, соображался съ мнѣніемъ безпристрастной критики.... И что жъ? послѣ всѣхъ этихъ трудовъ, стараній, добросовѣстныхъ усилій, картину мою не принимаютъ на выставку, выкинули изъ залъ, говорятъ—дрянь! Завтра объ этомъ заговорятъ во всемъ городѣ, кредиторы мои нападутъ на меня съ остервенѣніемъ, хозяинъ дому выгонитъ меня изъ квартиры, завтра.... но завтра меня не будетъ на свѣтѣ.

Мандавъ умолкъ, и съ горестью смотрѣлъ на свою картину, картину огромную, въ сорокъ футовъ, и въ золотой, великобѣдной рамѣ, картину изображающую самый поэтическій сюжетъ во всей мифологій: «Время, обнажающее Истину!»—Да, сказалъ онъ: время откроетъ истину, достоинство моего великаго творенія будетъ признано справедливымъ потомствомъ; но.... тогда я буду тамъ, гдѣ живутъ великіе художники, которыхъ при жизни гнали не-вѣжество и зависть.

Тутъ Мандавъ прочелъ наизусть длинный списокъ мучениковъ искусства и на утѣшился.

— Вот картина, которая должна быть на вѣнцѣхъ свѣтлѣе. Онъ отыскалъ рѣдкую и углубленную перспективу, какія обыкновенно бывають у нѣрѣдкихъ мастеровъ, въ которыхъ есть все, что вамъ угодно, кромѣ чернилъ. Однако же не-малую ему удалось написать слѣдующее на листѣ бумаги, на которомъ онъ началъ было рисовать карикатуру: «Я умираю невиннымъ, и завѣщаю мою картину «Время, обважающее Истину» ратушѣ моего роднаго города».

Онъ взялъ шляпу, чтобы идти со двора и утопиться на-супротивъ Лувра, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ тѣхъ залъ, въ которыя не попала его картина. Въ другомъ мѣстѣ онъ не утопился бы ни за что на свѣтѣ.

— Взглянемъ еще разъ на мое твореніе, сказалъ онъ самъ себѣ; безпристрастной критикѣ нечего сказать противъ моей картины: я сдѣлалъ все чего она требовала. Отчего же моя картина не нравится публикѣ? Оттого, что публика пристрастна, оттого, что публика не знаетъ толку въ критикѣ!

Онъ стоялъ передъ своимъ твореніемъ и со слезами на глазахъ на нея поглядывалъ. Заходящее солнце, бросая послѣдніе лучи свои въ мастерскую несчастнаго Мандана, озаряло двѣ единственныя фигуры его картины, и придавало имъ необычайную эффектность. Свѣтъ, по своему обыкновенію, придавалъ живописи достоинства, какихъ она въ сущности не имѣла. Покрывало, приподнятое Временемъ, и висящее на воздухѣ, казалось совершенно воздушнымъ; Истина была обворожительна по рисунку и колориту. Манданъ имѣлъ несчастье вѣрить полезности критики и ему все казалось превосходнымъ, величественнымъ, или восхитительнымъ: и голова Времени, и сѣдая борода его, и жилистыя его ноги, теряющіяся въ облакахъ, и фигура Истины, ея лицо, руки, ноги, и прочая, и прочая. Все это рафаэлевское, говорилъ онъ, чисто рафаэлевское, во тогу времени Рафаэля, когда онъ уже обогатился успѣхами теорій, идеями о классически-прекрасномъ и многими другими вещами, о которыхъ толкуеть намъ критика.

Манданъ задыхался отъ бѣшенства.

— Я бы радъ чорту душу продать, если бы только чортъ

существовать; сказать что, отворяя дверь своей мастерской, не чортъ, къ несчастію, не существуетъ..... въ критику я вѣрю, но въ чорта....

Манданъ чуть-было не произнесъ гугу противъ чорта, не преступивъ на порогу; совалилася лицомъ къ лицу съ какимъ-то франтомъ.

— Вы ошибаетесь, я существую, потому что движусь, сказалъ этотъ господинъ въ короткомъ сюртукѣ, съ модною бородкой и въ желтыхъ перчаткахъ.

— Такъ вы?.....

— Такъ точно.

— Да кто жь?

— Тотъ, въ кого вы не вѣрите.

— Это невозможно!

— Не спорю.... Но мало ли чего есть невозможнаго на свѣтѣ! Возможно ли, напримеръ, не вѣрить въ чорта и простирашь суевѣріе дитяго, чтобы вѣрить въ критику? Возможно ли бросаться въ рѣку не за какой-нибудь драги.... творенія..... картины?

— Такъ она и вамъ не нравится?

— Этого я не говорю; я ничего не говорю. Вы жалели, чтобы я явился, и я къ вашимъ услугамъ. Я могу убѣдить васъ въ своемъ существованіи только тѣмъ, что докажу вамъ мое могущество. Требуйте чего хотите.

— Пусть параличъ разобьетъ всю парижскую публику, и тогда я вамъ повѣрю.

— Какая жь вамъ будетъ изъ этого польза?

— Никакой; но по-крайней-мѣрѣ я отищу за свою картину.

— Лучше потребуйте чего-нибудь невозможнаго, но полезнаго, и тогда вы увидите мое могущество.

— Ну, такъ пусть моя картина совершенно измѣнится, такъ чтобы сюжетъ былъ совсѣмъ другой и публика, которая теперь оуждаетъ ее, пришла бы отъ нея къ торговлѣ.

— Это пустяки, ребячество; ваша душа дороже стбитъ.

— Такъ вы хотите, чтобы я продалъ вамъ свою душу?

— Отчего же не рискнуть; когда я, по вашему мнѣнію, не существую?.... только повторитесь; не выдерживайте

мане, потому что до десяти часовъ еще надобно кончить переговоры съ однимъ посланникомъ, а до двѣнадцати съ одной молоденькой дѣвушкой. Я угадалъ: вѣдь?

— Манданъ, вѣдь вѣдь?

— На если, благодаря вамъ, картинку мою принесть на выставку, дадутъ ли ей порядочное мѣсто?

— Самое лучшее.

— Вы меня соблазнили.

— Я на томъ стою. Не только вамъ дадутъ самое лучшее мѣсто въ большой залѣ, но васъ будутъ расхваливать во всѣхъ журналахъ, у васъ будетъ множество заказовъ, вамъ дадутъ орденъ почетнаго легіона, вы будете въ силѣ, въ чести и богатствѣ, однимъ словомъ, задъ бы вы захотѣли, все исполнится.

— Сказалъ Манданъ, начиная притворяться къ шуту, котораго величіе произвелъ, сначала на него не совсѣмъ благоприятное впечатлѣніе: но договоръ нашъ заключенъ на всю жизнь и мы не имѣемъ права укоротить ея!

— Согласенъ.... но, въ минуту вашей смерти, я пряду за вашей душою.

— Да на что она вамъ?

— Назовите: это мой секретъ.

— Ба! сказалъ Манданъ послѣ минутнаго размышленія: за одно имя за другое неастъ въ адъ, все равно.... Я согласенъ.

— Поклянитесь, что вы мой.

— Клянусь.

— Ну, такъ поднимите глаза и смотрите.

Манданъ взглянулъ. Онъ очутился въ Луврѣ, на выставкѣ. Тысячи людейъ смотрѣли вблизи, вдали, на превосходный портретъ одной извѣстной дамы; подлѣ портрета было написано: Манданъ. И, вѣдь, что говорилось въружь картинъ.

— Чудо, какъ походитъ! Какой огонь! Какая оригинальность! Посмотрите, какъ все это выпукло, вѣжно, мягко! Ничѣмъ не хуже портретовъ Тициана и Ванъ-Дейка!

— А, помните, сказалъ кто-то въ тоду безбородыхъ художниковъ: Тицианъ и Ванъ-Дейкъ, недостойны обирать души нашего великаго Мандана.

Справедливость требует сказать, что Манданъ непреодолимъ.

Мнѣніе людей степенныхъ—что бываетъ очень рѣдко—совершенно согласовалось съ мнѣніемъ безбородыхъ энтузіастовъ. Конечно, люди разсудительные не ставили Тициана и Ванъ-Дейка даже Мандана, но они говорили, что со времени этихъ великихъ художниковъ, ничего подобнаго не видано.

— Кажется, однако жъ, скромно замѣтилъ Манданъ: что лобъ не довольно освѣщенъ, темень.

— Видно у васъ глаза темны, отвѣчалъ одинъ изъ юношей-художниковъ.

— Этого господина не худо бы вывести, сказалъ другой.

— Выбросить въ окно! закричалъ третій. Это гнусный завистникъ!

И Манданъ, за то что позволилъ себѣ скромное замѣчаніе на свой собственный трудъ, чуть-было не вылетѣлъ за окно въ ту самую рѣку, въ которой хотѣлъ утопиться. Онъ былъ въ большой опасности, но между-тѣмъ внѣ себя отъ восхищенія; онъ готовъ бы былъ обнять и расцѣловать своихъ злодѣевъ. Къ счастью, страшный приливъ публики отгѣснилъ его отчаянныхъ почитателей. Приливъ принесъ къ картинѣ Мандана другой, болѣе возвышенный разрядъ зрителей. Тутъ были члены всѣхъ четырехъ академій, придворные, дипломаты и между ними министръ внутреннихъ дѣлъ. Онъ обнялъ Мандана, рекомендовалъ его посланникамъ и обѣщалъ представить къ кресту. Можно вообразить себѣ изумленіе толпы живописцевъ-учениковъ, когда они увидѣли, что человекъ, котораго они хотѣли выбросить за окно, тотъ самый художникъ, за котораго они такъ горячо вступались. Но тутъ они тотчасъ переѣнили свое мнѣніе и заговорили:—Еще осель, котораго осьшаютъ вочестями, а между-тѣмъ забываютъ такихъ художниковъ, какъ Трильбарду, Шантуль и великій Крауусень! Другіе однако жъ начали осѣпять его рукошлесканими, какъ плохаго актера. Но упоеніе перваго дня его славы этимъ не ограничилось. Возвратясь домой, Манданъ нашель на своемъ столѣ два письма, одно болѣе съ огромной печатью, другое маленькое, ми-

верное, благовоиное и замечательное прелестное облит-
кой. Онъ схватился сначала за второе. Записка была сла-
дущаго содержанія.

« Monsieur,

« Ваша записка достигла и до моего скромнаго удивленія. Если вы
не считаете меня недостойною своей кисти, то потрудитесь пошлать
мнѣ завтра въ часъ по полудни.

« Графиня Бургось ».

Я начинаю съ графинь, подумалъ Манданъ: чѣмъ же
это кончится? Посмотримъ второе письмо.

То была казенная бумага:

« Господину живописцу Мандану.

« Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ, предложеніемъ своимъ
отъ сего числа предписалъ выдать вамъ за ваше произведеніе двѣдцать
тысячъ франковъ, почему съ полученія сего и имѣете вы явиться въ
казначейство, которому вмѣстѣ съ снѣ дано по сему предмету над-
лежащее предписаніе ».

— Видно, однако жъ, что у меня душа первого разбо-
ру, подумалъ Манданъ.

Онъ положилъ казенную бумагу подъ голову, записку
графини Бургось на сердце, легъ, и не всталъ. Не мудре-
но: онъ всё ждалъ, что чертъ придетъ спросить, доволенъ
ли онъ. Но чертъ не приходилъ. Какъ порядочный нечи-
стый, онъ уклонился отъ изъявленія благодарности; при-
томъ онъ является тогда только, когда его требуютъ по
самонужнѣйшему дѣлу.

Наконецъ день занялся и никогда еще Манданъ не встрѣ-
чалъ утра съ такимъ радостнымъ чувствомъ. Онъ могъ
бы пожелать чего хотѣлъ; напримѣръ похорошѣть, чтобы
нравиться графинѣ Бургось; но это ему и въ голову не
приходило, потому что даже человекъ, который можетъ
имѣть что хотеть, не желаетъ быть лучше того какъ онъ
есть. Объ этомъ чорта никогда не просить. Выбравшись,
причесавшись, одѣвшись по послѣдней модѣ, какъ гова-
ривали встарину, Манданъ пошелъ.... вы увидите, къ гра-
финѣ Бургось?... Совсѣмъ нѣтъ. Надобно вамъ знать, что
для артиста, для художника, для автора, есть нѣчто обо-
рожительнѣе, привлекательнѣе красоты, сильнѣе всякихъ

другихъ желаній, даже галлуду—это потребность знать, что говорятъ о нихъ журналы, хотя они и утверждаютъ, что никогда ихъ не читаютъ. Кабинеты для чтенія въ Парижѣ только и живутъ тѣмъ, что получаютъ отъ людей, которые кланутся, будто никогда тамъ не бывають, отъ литераторовъ, живописцевъ, актеровъ и всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ дѣло съ публикою. Магометовъ рай—дочужка въ сравненіи съ наслажденіемъ литератора, артиста или художника читающаго журналъ, въ которомъ его хвалятъ. Манданъ упивался этимъ наслажденіемъ, застранивъ въ кофейной. Въ одномъ журналѣ говорили: «На выставкѣ и нынче такъ же мало хорошаго, какъ и въ прежніе годы; но будь превосходнаго, дивнаго произведенія вѣнсто знаменитаго Мандана, такъ хотъ бы вѣды закралъ». Въ другомъ отзывались о немъ слѣдующимъ образомъ: «Превосходное твореніе Мандана возбуждаетъ всеобщій восторгъ. Это одно изъ тѣхъ дивныхъ произведеній, какія только дарѣдка являютоя въ художествѣ. Оно докажетъ націямъ, которая завидуютъ намъ, что Франція занимаетъ первое мѣсто и въ искусствахъ, какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Парижскіе журналисты имѣютъ обыкновеніе расхваливать себя такимъ образомъ, подъ предлогомъ помстить самолюбію своихъ соотечественниковъ».

Манданъ, совершенно упоенный своей славою, сбирался уже къ графинѣ Бургосъ, какъ ему попалась подъ руку, одна изъ тѣхъ маленькихъ, ничтожныхъ газетъ, въ которыхъ люди, которымъ ѣсть нечего, пишутъ за ничтожную плату и стараются унижить все, что выше ихъ сферы. Нѣсколько строкъ этого безвѣстнаго изданія, поразили его какъ кинжаломъ. «Да, говорила эта газета, да, Манданъ превосходный, удивительный портретистъ, но мы подождемъ когда онъ напишетъ историческую картину и тогда увидимъ, дѣйствительно ли талантъ его такъ великъ, какъ многіе утверждаютъ». Это легкое замѣчаніе безвѣстной газеты сдѣлало ему больше зла, чѣмъ сколько удовольствія принесли похвалы всѣхъ другихъ журналовъ.

— А, я не историческій живописецъ! Да кто жъ ищетъ

не исторический живописец? И буду историческим живописцем, какъ скоро вы вдумаетесь...

— И они развѣ глупы повторяли эти слова, пока не дошла до дому графиня Бургессъ. Тамъ его встрѣтилъ лакейскій мальчикъ:

— Графиня не принимаетъ, сказала одна изъ нихъ.

— Но я живописецъ Манданъ.

— А, такъ желаю.

Манданъ прошелъ не шагкомъ, какъ барякъ, ковракъ до пяти огромныхъ комнатъ, въ которыхъ царствовало шумное безмолвіе; наконецъ раздвѣри комнату начали уменьшаться и переходы изъ одного покоя въ другой, всё меньше и прекраснѣе, эти наконецъ дошли до будоара графини. Человѣкъ зашелъ. Графиня Бургессъ была въ кисейномъ платьѣ, тонкомъ легкомъ и безвѣснѣмъ, что, когда она принадлежала неженито, чтобы поклониться художнику, шлокомъ чулки ея просвѣчивали сквозь згулабину юбки. Французскія панюшка съ золотой кистью и китайскія туфли довершали необыкновенный, но восхитительный костюмъ прелестной графини. Сама собою радуется, что теплый воздухъ будоара былъ наполненъ благоуханіемъ мексиканскихъ орхидейныхъ цвѣтовъ и вазуликъ мѣшечковъ, разбросанныхъ по столу изъ липового дерева:

— Хорошо ли я сижу? спросила она, не давъ художнику времени, которое люди незнакомые, встрѣтаясь въ первый разъ, теряютъ въ томъ, что смотреть другъ другу въ глаза. Она положила одну ногу на другую, сдвинула шапочку на бокъ и прищипнула бенгальскую розу между кошачьимъ ушкомъ и прелестными своими волосами.

— Успѣете налюбоваться на меня когда станете рисовать, сказала она, потому что Манданъ, въ восхищеніи, очень медленно ставилъ свою руку на мольбертъ.

— Я полагаю, что графиня совсѣмъ не такія! подумалъ Манданъ. Боже мой! какъ она хороша! — Ваши волосы слишкомъ приглажены, сказалъ онъ.

— Пожалуй, я разстрою свою прическу, отвѣчала она, шаловливо приподымая свои волосы пальцами.

О, тогда она была настоящая Лейла! То былъ Востокъ! То была Миссия! То была сама графиня Бургессъ!

папа, вздумалъ построить себѣ дворецъ по своему вкусу. Онъ выписалъ мраморъ изъ Греціи, гранитъ изъ Египта и употребилъ ихъ съ рѣдкимъ вкусомъ. Когда у живописца есть дворецъ, то какъ же ему не построить себѣ мастерской, достойной этого дворца? И Манданъ построилъ себѣ мастерскую такую обширную, такую огромную, что тамъ удобно можно было прогуливаться верхомъ.

Странное дѣло, однако жъ это совершенно справедливо, что живописцы, которымъ такъ нужны тишина и безмолвіе, прославившись пристращаются къ шумнымъ забавамъ, къ воинственнымъ прихотямъ; они снова дѣлаются дѣтьми: любятъ барабаны, охотничьи рога, трубы, ружья, луки, ятаганы. Если бъ не совѣстно было, то они заставляли бы своихъ людей называть себя генераломъ. Одинъ изъ нихъ выдастъ себя въ чужихъ краяхъ, если не за генерала, такъ по-крайней-мѣрѣ за майора. Утромъ онъ, въ ботфортахъ, ѣздитъ на гнѣдомъ жеребцѣ; вечеромъ на вороной кобылѣ и часто пишетъ, сидя въ кабриолетѣ, а грумъ, стоя сзади, держитъ ему палитру. Объ этомъ много говорили въ свѣтѣ. Но этого еще мало. Посѣтителей возбуждаютъ у него барабаннымъ боемъ или батальнымъ огнемъ; а иногда, вдругъ посерединѣ разговора, вы слышите пушечный выстрѣлъ; это знакъ, что пріѣхалъ какой-нибудь важный человекъ. Завистливые журналисты немилосердно насмѣхались надъ этими дурчествами.

Манданъ, перейдя отъ извѣстности къ репутаціи, отъ репутаціи къ славѣ, пересталъ читать журналы, хотя получалъ ихъ всѣ, тогда какъ прежде читалъ всѣ журналы, не получая ни одного. Чтò могли они сказать ему? Онъ былъ славиѣ всѣхъ другихъ живописцевъ вмѣстѣ; за картины его платили что онъ хотѣлъ. Было ли ему время читать журналы, когда Пруссія призывала его къ себѣ, Россія заказывала ему двадцать картинъ за-разъ, Англія присылала ему сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ, чтобы только онъ вспомнилъ о ней въ свободное время?

Какую же роль играла во всѣхъ этихъ торжествахъ графиня Бургосъ? Она переходила всякой день въ разныхъ видахъ къ потомству, то есть, мужъ писалъ съ нея, то граціи, то вакханокъ; сегодня, дѣлая Венеру, онъ

дѣлала съ прекрасныхъ вѣчныхъ женщ. смѣст. вѣчно прелестное ея личико дѣлалось въ группѣ, украшающей фонтанъ. Зато она никогда не получала записочки въ роѣ слѣдующихъ: «Графиня, я видѣлъ въ Брестѣ восхитительное ваше туловище и нарочно прѣѣхалъ въ Парижъ, посмотреть такъ ли хороша оригиналъ какъ копія», Или: «Графиня, я видѣлъ васъ сегодня въ прелестной статуѣ Венеры; позвольте мнѣ взглянуть въ обыкновенномъ костюмѣ на ту, которой изображеніе я востыцился купить при людяхъ». Манданъ безъ всякой осторожности выставилъ ее передъ публику, то аллегорією, то эмблемою, такъ, что однажды другой живописецъ похитилъ ее у него какъ существо. Мандану осталось одно утѣшеніе: ходить по площадямъ и любоваться статуями, которыя онъ дѣлалъ съ нею. Онъ сгаралъ жаждою мщенія, но горестъ его была не продолжительна. Притомъ сколько женщинъ старались его утѣшить!

Манданъ имѣлъ связь со многими и притомъ съ самыми дамами. Между прочимъ двѣ дамы: знаменитая и цѣлительная, любилъ его въ одно и то же время. Эта двойная интрига не обходилась безъ бурь. Знатныя соперницы думали не о томъ, какъ бы убить другъ друга, а какъ бы обезславить одна другую, и обѣ уцѣли какъ-нибудь больше. Черту и тутъ было пошито, какъ и слѣдуетъ. Манданъ готовъ бы былъ отдать ему свою самую душу, если бы таковая имѣлась, чтобы только избавиться отъ этихъ дамъ, которыя мучили его своей ревностью. Онъ докторъ гитаровъ несчастнаго, что она хотѣла-было похититься, но потому рассудала, что лучше до лучше сдѣлаться посланикомъ въ нуда-нибула уѣзда. Да и почему же Мандану не быть посланцемъ Уфаю не хуже Рубенса? Кроме этого, ему уже ничего было и писать. Онъ былъ членомъ академіи, предпринималъ живописцемъ, кавалеромъ дворянъ ервановъ: оставался только сдѣлаться государственнымъ чиновникомъ.

Въ свѣтѣ толковали: смѣшно, что графъ Манданъ хотѣлъ сдѣлаться дипломатомъ, когда онъ всю жизнь былъ художникомъ, жилъ вѣчно въ своей мастерской и писалъ

серіозно не занимался кромѣ того, что обучалъ лошадей и дѣлалъ портреты и бюсты придворныхъ дамъ!

— Я говорю вамъ, что рано или поздно буду посланикомъ; отивчалъ онъ всѣмъ; или даже отечество владѣть моего генія, не стану больше работать для него.

Такъ какъ посланикомъ сдѣлать его было рѣшительно не возмозно, то онъ уѣзжалъ въ Германію и отговаривалъ за себя тѣмъ, что изображалъ на полотнѣ побѣды, коварыя другія націи одержали надъ Французами.

Подобно многимъ другимъ гениальнымъ людямъ, осѣпаннымъ всѣми благами фортуны, онъ началъ воображать, что все гонять и преслѣдуютъ и потому сталъ гнать своихъ собратій. Кто писалъ не по его системѣ, тотъ могъ быть уверенъ, что никогда ничего не получитъ. А между тѣмъ онъ всегда говорилъ, что любитъ окружать себя молодыми людьми и утѣжывать ихъ трудный путь искусства и фортуны; утверждалъ, что единственными его наслажденіями ходитъ на цѣвѣтахъ и слушать какъ играютъ на флейтѣ.

Въ Германіи онъ случайно повстрѣчался съ женой своей, графиней Бургосъ, и ея любовникомъ. Если кто-нибудь обязанъ былъ извинить проступокъ, такъ конечно онъ, потому что вся жизнь его была долгой супружеской невѣрностью. Но снисходительности онъ не зналъ. Любовникъ жены его былъ тоже живописецъ и пользовался нѣкоторою репутаціею, хотя, конечно, уступалъ ему. Манданъ предался всей своей злобѣ. Пользуясь своимъ вліяніемъ, онъ сдѣлалъ такъ, что несчастнаго его соперника взяли подъ стражу, отдали подъ судъ, приговорили къ каторжной работѣ въ рудникахъ и, по утонченной жестокости, впрочемъ довольно остроумной, выхлопоталъ, чтобы его употребили на добываніе минеральной голубой краски. Онъ съ наслажденіемъ писалъ этой краской и всегда подписывалъ подъ своими картинами: «Работы Мандана; писано краскою, добытою изъ рудниковъ любовникомъ жены его».

Мы добрались теперь до самой блестящей, но и самой рѣшительной эпохи жизни Мандана. Онъ былъ любимцемъ одного принца и живя съ нимъ совершенно на дружеской ногѣ, забылся однажды до того, что наругалъ своему могущественному покровителю и тотъ запретилъ ему дѣ-

латься ко двору. Манданъ лишился чувствъ. Съ нимъ сдѣлался ударъ, онъ умеръ и чертъ двинулся за душой его.

Проснувшись, Манданъ не зналъ, точно ли все это съ нимъ было или онъ только видѣлъ это во снѣ. Но онъ очутился опять въ Парижѣ, въ прежней своей бѣдной комнаткѣ, передъ своей огромной картиной: «Время, обнажающее Истину». Одно только доказывало, что это не сонъ: ему было уже пятьдесятъ лѣтъ, на вискахъ у него появились сѣдые волосы и знаменитая картина его вся пожелтѣла.

— Такъ развѣ я не былъ первымъ живописцемъ своего времени? спросилъ онъ одного изъ своихъ товарищей и тотъ покачалъ головою съ печалью человѣка, у котораго сумасшедшій разспрашиваетъ о прошедшемъ. Какъ! развѣ я не былъ любовникомъ и потомъ мужемъ графини Бургосъ, любимцемъ принца, кавалеромъ десяти орденовъ и счастливымъ обожателемъ прекраснѣйшихъ женщинъ моего времени?

— Быть-можетъ, любезный другъ, отвѣчалъ художникъ: но тебѣ надобно работать и работать.

Манданъ вздохнулъ и сѣлъ къ своему мольберту. Но вмѣсто пылкости, увлеченія, которыми прежде не имѣлъ даже нужды управлять, онъ чувствовалъ въ себѣ благоразуміе и сомнѣнія; онъ не смѣлъ рисовать. Сдѣлавъ абрисъ, онъ тотчасъ спрашивалъ себя, хорошо ли это, такъ ли должно быть. Какъ всѣ робкіе люди, онъ не хотѣлъ вооружить противъ себя никакой системы и придерживался всѣхъ. И какъ онъ слушался совѣтовъ! Какъ повиновался критикѣ! «Рисовка, говорилъ онъ, рисовка, главное дѣло рисунокъ: посмотрите какъ рисовали древніе!»

Такое поведеніе, совершенно противоположное его прежнему образу дѣйствія, имѣло самые плачевные результаты. Онъ два года писалъ портретъ, который вышелъ не похожъ, пять лѣтъ поправлялъ свою картину «Время открывающее Истину» представлялъ ее на шесть выставокъ, и вездѣ получалъ отказы. Просилъ всѣхъ журналистовъ чтобы его похвалили и никто не сказалъ о немъ ни слова. Наконецъ шестидесяти лѣтъ отъ-роду онъ не составилъ

еще себя имени, не имѣлъ ни заказовъ, ни одной конченной картины, и рѣшился уѣхать въ Америку.

Тамъ онъ ходилъ по разнымъ странамъ и кормился тѣмъ, что останавливался на городскихъ площадяхъ или въ какой-нибудь индѣйской деревнѣ, и показывалъ свою картину. Ему давали горсть сорочинскаго пшена и онъ шелъ далѣе. Измученный усталостію, голодомъ, онъ однажды упалъ подлѣ своей картины и готовъ былъ умереть. Къ-счастію его, въ это время проѣзжалъ мимо одинъ европейскій путешественникъ. Этотъ Европейецъ былъ человѣкъ съ большимъ умомъ, потому что путешествовалъ по Америкѣ для того, чтобы не читать глупыхъ книгъ, написанныхъ объ этой части свѣта. Онъ поспѣшилъ на помощь къ Мандану, поднялъ бѣднаго старика, привелъ въ чувства, и вдругъ вскричалъ:

— Боже мой, неужели вы знаменитый Манданъ?

— Такъ я былъ знаменитымъ живописцемъ? вскричалъ Манданъ; такъ это былъ не сонъ, не мечта? У меня была мастерская величиною съ дворецъ, былъ дворецъ весь мраморный, были почести, поклонники и любовницы? Такъ я точно продалъ душу свою чорту? Такъ я не сумасшедшій?

Подкрѣпивъ силы Мандана добрымъ обѣдомъ, путешественникъ сказалъ: — Могу васъ увѣрить, что вы не продавали души чорту; но не могу утвердительно сказать, чтобы разсудокъ вашъ немножко не тронулся.

— Такъ моя слава, мое счастье....

— Счастье-то и помутило вашъ разсудокъ.

— Но какъ же я, пользовавшись прежде такой славой, такимъ богатствомъ, всеобщей любовью и уваженіемъ, теперь всѣми забытъ, живу въ нищетѣ, умираю съ-голоду.

— Вотъ какъ это случилось. Пока вы повиновались внушеніямъ своего генія, пока вы, работая, слушались только самого себя, не обращая вниманія на критику, вы возвышались, вы шли впередъ, васъ хвалили, прославляли; но съ того несчастнаго дня, какъ вы начали требовать совѣтовъ отъ всѣхъ и каждаго, когда вы начали строить системы, толковать о непреложныхъ началахъ искусства, заниматься критикою, преклонять колѣна передъ посред-

ственности, которыя судятъ о томъ чего не понимаютъ, преувеличивать уваженіе, которымъ мы обязаны прошедшему, вы сдѣлались рабомъ, вы пали и другіе перешагнули черезъ васъ. Вся тайна въ искусствахъ, — хитъ, что вы это не всегда понимали — состоитъ въ томъ, что художникъ долженъ полагаться на свой талантъ, если у него есть талантъ, слѣдовать своему вдохновенію и руководиться системъ.

— Но развѣ критика не существуетъ?... критика безпристрастная?

— Конечно, существуетъ, какъ чума; но ея и надобно бѣречься — какъ чумы.

— А чортъ?

— Чортъ, любезный Манданъ; чортъ — наше воображеніе.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. Признаемся откровенно: это заглавіе ставимъ мы только дѣятого, чтобы не измѣнить обычаю, а то, право, рассказывать нечего. До театра ли тутъ, когда природа, кокетливо убранный, манитъ васъ своей свѣжей красотой, за горолъ, подышать свѣжимъ воздухомъ полей, отдохнуть отъ земныхъ удовольствій, набраться силъ и здоровья на новыя забавы, которыя иногда тягостнѣе трудовъ. Только для насъ, журнальныхъ тружениковъ, лѣто не существуетъ и круглый годъ — рабочая пора. Но не въ насъ дѣло. Театръ существуетъ не для журналистовъ, а для публики. Для кого жъ давать новыя пьесы, когда публика слышать о театрѣ не хочетъ?

Два или даже и три новыя произведенія французской драматургии не стоятъ цѣлой статьи. Мы поговоримъ объ нихъ въ будущемъ мѣсяцѣ, вмѣстѣ съ другими.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. Не знаемъ, нужно ли и говорить, но, на всякой случай, изъ вѣроятности, можно сказать, что мѣсто господина Сюа «*Muses des Paris*» заняли въ *Journal des Débats* господина Бальзакъ и «*Modeste Mignon*». Это также будутъ новыя пьесы. До сихъ поръ всѣхъ любимыхъ романовъ господина

Бальзака не представляет большой занимательности. Господинъ Сю между-тѣмъ началъ печатать свой новый романъ, «Le juif errant», въ le Constitutionnel: съ самаго уже начала замѣчаютъ страшное гуманитарное направленіе; авторъ рѣшительно надѣется преобразовать людей посредствомъ сказокъ. Романъ мысленно раздѣленъ на десять томовъ, потому что всего только два написаны, и обязанъ контрактомъ продолжаться не менѣе двухъ годовъ. Увѣряютъ, будто въ той же газетѣ появятся «Исторія Франціи подъ управленіемъ Наполеона», господина Тіера, тоже въ десяти томахъ, и «Записки Шатобриана», въ двѣнадцати. Такъ вотъ, за романомъ, въ фельетонѣ нисходитъ и исторія! Успѣхъ господина Сю соблазнилъ не одного господина Бальзака: господинъ Александръ Дюма на-голову сочиняетъ свои тайны, которыя таинственностью должны превзойти все донынѣ известное, и ждетъ только окончанія «Модесты Миньонъ», чтобы завладѣть фельетономъ Journal des Débats. Мадамъ Дюдеванъ (Жоржъ Сандъ) также пишетъ романъ въ фельетонѣ. Заглавье тому роману «Jeanne»: начало его довольно интересно, но съ 25 апрѣля продолженіе приостановилось по неизвѣстной причинѣ.

— Виконтъ д'Арленкуръ, послѣ путешествія въ Россію и своей знаменитой «L'Étoile polaire», сдѣлалъ нападеніе на Великобританію: новая его книга, «Les Royaumes-Unis», не обратила бы на себя ни какого вниманія, если бъ авторъ не придумалъ очень замысловатаго средства заставить говорить объ ней всѣ газеты. Онъ выпросилъ у О'Коннеля автографъ: уговорилъ написать что-нибудь въ его альбомѣ, на память. О'Коннель, въ-торопяхъ, написалъ нѣсколько стиховъ. Эти стихи остроумный виконтъ тотчасъ напечаталъ въ своей книгѣ, какъ образчикъ поэтическаго гения Великаго Смутотворца. О'Коннель—поэтъ! Какой сюжетъ для газетныхъ статей! Начались разборъ его *писсы*. Тотъ торжественно отрекается отъ всякаго прикосновенія къ стихамъ и стихотворству, забывъ о написанномъ въ альбомѣ. Виконтъ заводитъ съ нимъ полемику, тискаетъ въ англійскихъ газетахъ возраженія, наконецъ объявляетъ о готовности своей доказать Великому Смутотворцу документами, что онъ—поэтъ, что эти сти-

хи дѣйствительно—его, что они даже *писаны* собственною его рукою и подлинникъ ихъ хранится у виконта. Тогда только О'Коннель вспомнилъ, что онъ въ альбомѣ этого неотвязнаго Француза написалъ что-то такое—кажется, стихи—да! стихи миссъ Голькрофтъ—изъ поэмы ея Wallace!—Новая полемика: виконтъ возражаетъ, что это—не правда: миссъ Голькрофтъ никогда этихъ стиховъ не писала, и сочинительница поэмы Wallace не она, а миссъ Митфордъ, у которой тоже нѣтъ ни одного подобнаго стиха; господинъ О'Коннель спорить по-напрасну: онъ только не хочетъ признаться, что изподтишка кроааетъ стишки, но, въ душѣ, онъ—поэтъ, великій поэтъ, и пѣса его непременно перейдетъ къ потомству. На такія доказательства О'Коннель не зналъ что и отвѣчать: онъ уже готовъ былъ признаться что—виновать!—согрѣшилъ!—дѣлать нечего, сочинилъ стихи—видно сочинилъ ихъ самъ, когда автора нигдѣ имъ не находятъ!.... но это было въ такое время, когда человѣкъ за себя не отвѣчаетъ: послѣ *meeting'a*, въ тавернѣ давали большой обѣдъ—пили страшно—Французъ началъ приставать—напиши да напиши!—нечистый соблазнилъ—виновать!.... впередъ не буду—нить не стану—запишусь въ Общество Трезвости—когда, къ счастью, журналъ «The Athenaeum» открылъ какимъ-то чудомъ, что это были стихи Вальтера-Скотта, изъ его знаменитой поэмы «The Lord of Islands». Какимъ образомъ полемика могла производиться въ англійскихъ газетахъ цѣлый мѣсяцъ и никто изъ редакторовъ, пересмѣшниковъ, защитниковъ и критиковъ мнимой О'Коннелевой пѣсы не узналъ въ ней стиховъ Вальтера Скотта—почти не понятно; но дѣло въ томъ, что книга почтеннаго виконта, черезъ этотъ смѣшной споръ, который онъ очевидно поддерживалъ съ умысломъ, сдѣлалась извѣстною всей Европѣ.

— Виктору Гюгю или, точнѣе, à monsieur le comte Victor Hugo, хочется непременно, какъ увѣряютъ мѣстные биографы и журналисты, быть пѣромъ: поэтическая слава ему наскучила; онъ желаетъ политической, и отъ ораторскихъ успѣховъ Ламартина давно уже спать не можетъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ, рѣшился онъ спросить оракуль о томъ, что ему предназначено: взялъ два листа *бумаги*, на

одномъ написалъ — *Росііе*, а на другомъ — *Роііііііе*, запряталъ ихъ въ цѣлую дѣсть чистой бумаги, и отправился къ знаменитому соннамбулу, Алексису, съ тѣмъ чтобы ясновидящій прочиталъ ему судьбу жбулдумомъ. Лишь-только дѣсть бумаги была положена на подложечную область погрузившагося въ магнитическій сонъ пророчдателя, онъ началъ читать: — *Ро..... ро..... ро..... роі..... роіі.....* — *Tique!* вскричалъ нетерпѣливый поэтъ. — *Опі..... тісі!....* прошепталъ ясновидящій. Господинъ Викторъ Гюгъ былъ къ неописанномъ восторгѣ: онъ не позволялъ Алексису читать далѣе, и теперь судьбу свою считаетъ рѣшительно окончательно и невозвратно: если его скоро не слышатъ въ ромъ, онъ пойдетъ въ депутаты. За историческую истину этого анекдота отвѣчаютъ.

— Одиннадцатаго мая, въ театрѣ Одеонѣ, играли Софоклову трагедію «Антигона», съ извѣстною музыкой Мендельсона и полнымъ подражаніемъ древней греческой обстановкѣ, дотого что даже партеръ и ложи превращены были на этотъ случай въ классическій амфитеатръ. Чего никакъ нельзя было ожидать отъ парижской публики — представленіе произвело на нее сильное и глубокое дѣйствіе! Она, послѣ всей этой искусственной путаницы ужасовъ, къ которой пріучила ее новѣйшая школа, послѣ долготѣшняго поклоненія отвратительному и безобразному, послѣ Гюгъ и Дюма, еще поняла высокое прекрасное истинно художественной простоты. Антигону играла мамзель Бурбіе.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВЪ АНГЛІИ. Въ англійской литературѣ — рѣшительный застой: въ послѣдніе мѣсяцы не вышло ни одной книги, возбуждающей общій интересъ. Единственная новость, которая можетъ быть занимательною для нашихъ читателей, состоитъ въ томъ, что одно изъ лучшихъ произведеній нашего даровитаго романиста, И. И. Лажечникова, переведенное на англійскій языкъ господиномъ Томасомъ Shaw подъ заглавіемъ «*The Heretic*» и изданное зимою въ Лондонѣ, встрѣчаетъ у тамошнихъ критиковъ очень лестный пріемъ. Англичане убѣряютъ, что литература у насъ — чудесная!.. лучше, и быть нельзя!

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

(Ильмъ иа опера.)

Ассортеманъ для фортепьяно.

СЕРГЕЕВЪ. Grande sérénade concertante, avec clarinette, cor et violoncelle (ou avec violon, alto et violoncelle), en Es. (3 r. 43 c.)

— Deux quatuors, avec violon, alto et violoncelle, oeuvre 224, (à 2 r. 33 c.).

— Trois quatuors non difficiles, chaque (2 r.).

ШИЛЛЕРЪ. Quatuor très facile, avec flûte, alto et violoncelle (2 r. 73 c.).

СЕРГЕЕВЪ. Quatuor (2-3). Oeuvre posthume (2 r. 30 c.).

САЛОННИКОВЪ. Quatuor (2-3). (2 r.).

СЕРГЕЕВЪ. Quatuor, oeuvre 408; posthume (2 r.).

КУНДЕНКАМЪ. Quatuor facile (2 r.).

СЕРГЕЕВЪ. Trois quatuors, № 1 (2 r. 15), № 2 (2 r. 73 c.), № 3 (4 r. 30 c.).

МОСКОВСКИЕ. Fantaisie et variations, avec violon et clarinette (ou alto et violoncelle) (3 r. 43 c.).

КРИСТАЛЪ. Cinquième quatuor brillant, oeuvre 141 (4 r. 30 c.).

Trio для фортепьяно.

СЕРГЕЕВЪ. Deux trios, avec violon et violoncelle, (à 2 r. 15 c.).

СЕРГЕЕВЪ. Premier trio, oeuvre 6. (3 r. 15 c.).

СЕРГЕЕВЪ. Quatrième grand trio, en la mineur (4 r.).

— Variations concertantes, avec violon et violoncelle, oeuvre 269. (1 r. 73 c.).

А. ПИКА. Deux grands trios, (à 3 r.).

БЕЛЪ. Grand trio, oeuvre 34. (4 r.).

БУХТЕНЪ. Second trio brillant, oeuvre 91. (3 r.).

САЛОННИКОВЪ. Cinquième grand trio, (2 r.).

СЕРГЕЕВЪ. Trois autres faciles, avec flûte et violon, (à 2 r. 73 c.).

СЕРГЕЕВЪ. Grand trio, oeuvre 49. (5 r.).

СЕРГЕЕВЪ. Troisième et quatorzième trio, (à 3. 73 c.).

— Trio facile, oeuvre 164. (3 r. 73 c.).

Дуо для фортепьяно и виолончели.

БЕНДЕРЪ И МАТЪ. Duo sur Robert le diable. (2 r. 30 c.).

БЕРТИНИ И ФРАНШОММЕ. Thème varié (1 r. 15 c.).

БЮРГМЮЛЛЕРЪ. Trois nocturnes (2 r. 30 c.).

СЕРГЕЕВЪ И ФРАНШОММЕ. Grand duo concertant sur Robert le diable (2 r.).

СЕРГЕЕВЪ. Trois autres concertantes sur les motifs de Robert, avec violoncelle, ou violon, ou cor, (à 3 r. 43 c.).

BOZLAUKA. Six rondinos sur des mélodies d'opéras, (trois cahiers, à 2 r.).

— Amusement sur la Norma, oeuvre 155. (2 r. 50 c.).

CHASS. Duo brillant sur les Huguenots, oeuvre 37. (1 r. 75 c.).

KERZ. Fantaisie et variations sur des thèmes Russes. (1 r. 15 c.).

MENDELSSOHN. Arrangé par Czerny. 16 Liébet sans paroles, trois cahiers, (à 2 r. 15 c.).

REISSIGER. Grande sonate, oeuvre 152. (2 r. 73 c.).

THALBERG. Divertissement concertant, avec violoncelle ou baryt. (2 r. 55 c.).

Дуэты для двух фортепиано.

KERZ. Variations et rondo brillant. (2 r. 30 c.).

— Second duo concertant. (2 r. 85 c.).

— Grand duo du couronnement. (2 r. 30 c.).

MÜNTER. Invitation à la danse (1 r.).

KALKBRENNER. Grand duo, oeuvre 128 (2 r. c. 15).

MENDELSSOHN. Grand duo d'après un quatuor. (6 r.).

MOSCHELES. Hommage à Händel, oeuvre 92. (2 r. 15 c.).

PIXIS. Variations militaires, avec orchestre ad libitum. (3 r.).

— Variations originales, oeuvre 119. (2 r.).

ROSSINI. Ouverture de Guillaume Tell à 8 mains (5 r.).

SCHUBERLECHNER. Variations sur la Fiancée. (2 r. 30 c.).

SCHWENKE. Trois thèmes variés, à 6 mains (1 r.).

STRAUSS. Valse à 6 mains, oeuvre 113. (1 r. 73 c.).

— Cecillen-walzer, à 6 mains (2 r.).

Для фортепиано от четыре руки.

BERGMÜLLER. La fête aux champs, quadrille (1 r.).

CHOPIN. Quatre mazurkas, oeuvre 30 (1 r. 75 c.).

CZERNY. Fantaisie brillante sur le Duc d'Orléans, oeuvre 105. (1 r. 84 c.).

BOHLEA. Petite fantaisie sur la Norma. (1 r. 15 c.).

REDA. Deux nocturnes. (1 r. 75 c.).

REDA. Polonaise favorite de Liszt. (1 r. 15 c.).

REDA. Quatre airs de ballet de la Favorite; (à 1 r.).

REDA. Seconde marche hongroise (1 r. 50 c.).

REDA. Mosaïque d'airs favoris d'opéras nouveaux 24 cahiers; (à 1 r. 15 c.).

— Potpourris sur Fenella, sur La fille du régiment et La part du diable, (à 2 r. 29 c.).

ROSELLEN. L'aérienne, valse brillante (1 r. 43 c.).

ROSENHAIN. Trois petits duos, (à 85 c.).

STJUNKE. Bibliothèque du jeune pianiste des et contenant: rondes, des variations sur des thèmes d'opéras, 7 cahiers, (à 55 c.).

(Объединенные марши и вальсы, на мотивы оперных, на пять партий фортепиано, на двух инструментах.)

Господа многогородные, выписывающіе ноть не менѣе какъ на 10 р. асс., получаютъ уступки двадцать процентовъ; а на 50 р. асс., и болѣе, кромѣ процентовъ, не платятъ за пересылку. Всѣ требованія исполняются съ первой почтою.

Эти условія относятся впрочемъ единственно къ тѣмъ требованіямъ, которыя будутъ адресованы непосредственно въ выше сказанный магазинъ.

Здѣсь же вышла первая іюня, 6-я тетрадь музыкальнаго журнала: *Нувеллистъ*, которая содержитъ въ себѣ слѣдующія піесы:

Tscherlitzky, thème de Rossini, transcrit. — E. Wolf, Bolero. — Thalberg, un soupir, mélodie variée. — Kontsky, Mazurka mélancolique. — Романсъ Гурилова. — Romance par M-me Viardot-Garcia. — Литературное прибавленіе.

Подписная цѣна 10 р. сер., съ пересылкою 11 р. 50 к. серебромъ.

=

МОДЫ.

— Три вещи нынче въ величайшей модѣ въ Парижѣ, полька, натуральные цвѣты на головѣ, и платья съ огрѣнными клѣтками. Англійская мода утреннихъ весеннихъ баловъ, которые происходятъ по-поламъ въ комнатахъ и въ саду и продолжаются почти цѣлыя сутки, отъ часу по-полудни до семи и осьми часовъ по-полуночи, дѣлаетъ фугоге между Парижанами: никто не думаетъ уѣзжать въ деревню; всѣ танцуютъ, день и ночь, на утреннихъ балахъ. На этихъ балахъ, натуральные цвѣты, вмѣсто искусственныхъ, приняты съ величайшимъ одобреніемъ; они не выдерживаютъ такихъ продолжительныхъ нотѣхъ и къ концу бала совершенно ападутъ отъ жару въ комнатахъ, отъ блеску свѣтъ и отъ недостатку въ вѣнцѣ; пріѣзжаете на балъ съ гирляндами, уѣзжаете съ салатомъ на головѣ: но этотъ салатъ находятъ весьма интереснымъ, и мода на него распространяется. Польки безъ натуральныхъ цвѣтовъ танцовать нельзя, а безъ польки жить невозможно. Какъ въ Парижѣ, нынѣшнею зимою, былъ только одинъ учитель этого танца богемскихъ мужиковъ и каждая хотѣла брать у него уроки, то умѣть танцовать польку, принадлежало даже къ статьямъ роскоши: по увѣренію корреспондентовъ одного англійскаго журнала, издаемъ Т... жсна бывшаго французскаго министра, которая сечья нуж-

нымъ взять у этого художника маленькое наставленіе поутру, передъ баломъ, и, чтобы погаллопировать польку вечеромъ пять минутъ, должна была заплатить шесть сотъ франковъ за три часа урока, — по двѣсти франковъ за часъ, — цѣна обыкновенная. И теперь еще оказывается, что этотъ великій учитель самъ не умѣлъ танцовать польки, не имѣлъ объ ней ни малѣйшаго понятія, сочинилъ все въ своей головѣ: герръ Раабъ, богемскій учитель танцованія, узнавъ, какъ онъ портитъ такой прелестный танецъ, какія ложныя идеи распространяетъ между народами, пришелъ въ благородное негодованіе на самозванца и прискакалъ къ началу весны на берега Сены по почтѣ, переучивать Парижанокъ и Парижанъ. Объявленіе о пріѣздѣ настоящаго учителя польки такъ заняло публику, что она совершенно забыла политическіе споры о королевѣ Помарѣ: полька убила Тавти; герръ Раабъ спасъ министерство.

— Къ важнымъ новостямъ принадлежитъ еще то, что хорошими кружевами не обшиваются теперь ничего въ видѣ оборки: когда кружево прекрасно, то его пришиваютъ вгладь, плоско, на самой матеріи платья, каготъ или мантиль.

— Въ Парижѣ теперь все клѣтчатое, и клѣтки — огромнѣйшія, обыкновенно двухъ цвѣтовъ, бѣлыя и красныя, бѣлыя и голубыя, бѣлыя и лиловыя, и такъ дальше: это безобразно, но если въ Парижѣ находятъ такіа матеріи прекрасными, то векорѣ и у насъ онѣ будутъ господствовать повсемѣстно. Мужскіе жилеты, галстуки и напугалонны также всѣ — клѣтчатыя.

— Вотъ очень милая форма каботовъ: каготъ отороченъ, тафтяный, двуличневый, убранный чернымъ кружевомъ, пришитымъ вгладь и отвернутымъ съ обѣихъ сторонъ, полы соснурованныя плоскимъ снуромъ, снизу широко, а сверху всё уже и уже; корсажъ гладкій, высокій на плечахъ, открытый впереди до кушана, сверху шире, а къ низу уже и уже, и соснурованный такъ же какъ юбка: надо замѣтить, что снурованныя юбки и корсажи — фасонъ самой щегольской нынче; кружево пришито вгладь, на плечахъ немного собрано и представляетъ кругомъ кружевной отворотъ; рукава — гладкіе, открытые на двѣ трети

всего передняго шара книзу, обшитые по разубу кружевомъ и роснурованные.

— Корсажи дѣлають вообще высокіе, амазонскіе, и убирають драмантами, которые, спускаясь составляютъ уборку юбки. Но и корсажи драмированные, еще не совсѣмъ подиуты; они допускаются при платьяхъ, убранныхъ двойнымъ рюшемъ той же матеріи, обшитымъ по обѣимъ краямъ узенькимъ кружевомъ, съ рукавами, убранными вверху такимъ же рюшемъ въ одинъ рядъ, и съ юбкою, на которой впереди четыре ряда рюшу, или двойная оборка (faux-cape), верхняя узенькая, а нижняя широкая, или гофическія біаія; эти три уборы еще очень новы, и предпочитаютъ всѣмъ вышивкамъ и другимъ украшеніямъ.

— Шляпки бастовыя убираются двумя рядами широкаго кружева, одинъ покрываетъ тутью, а другой поля; полу-гирлянда изъ розъ придерживаетъ этотъ родъ воала, прикрепленнаго на концахъ легкими бантами изъ лентъ. Многія изъ такихъ шляпокъ бывають украшаемы большимъ перомъ, или яркой бенгальской розой, или лилевыми марбутами, или гирляндой пестрыхъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ кружевомъ. Въ Лондонѣ бастовыя шляпки наводн расписывать акварелью: великолѣпныя гирлянды розъ и другихъ цвѣтовъ бывають нарисованы около тутьи и на краяхъ полей. Нѣкоторыя изъ такихъ шляпокъ достаютъ значительнаго цѣнаго на выставкахъ произведеній художества. Въ Парижѣ сначала смѣялись надъ этими шапками-картинками, но какъ онѣ, по необходимости, очень дороги, и къ дѣлу прикосновение имѣють молодые художники, герои напѣвкахъ романовъ, то вѣроятн мало-по-малу примутъ другой оборотъ и уже нѣсколько извощившись шляпкою нацѣлено тамъ въ послѣднихъ модныхъ пертахъ. — Шляпки крошовыя убираются вообще марбутами, а шедювыя кружевомъ, належащимъ на поля съ правой стороны; на срединѣ — букетъ мелкихъ цвѣтовъ; приподнявъ кружево, онъ откидываетъ его такъ, что кружево покрываетъ дѣлаю сторону тутьи. На бѣлыхъ крошовыхъ шляпкахъ бывають кружевные шарфы и три розы, подложенныя полу-гирляндой съ правой стороны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

дѣвѣнадцать стихотвореній *М. Ю. Лермонтова*. Изъ
альбома *Екатерины Александровны Сунковой*.

I.	Чернойкой	5.
II.	Благодарю	6.
III.	Въ альбомъ. (Подражаніе Байрону)	7.
IV.	Старуха	8.
V.	Еврейская свадьба	8.
VI.	Къ Е. А.	129.
VII.	Къ ней же	—
VIII.	Звѣзда	130.
IX.	Весна	—
X.	Романсъ	131.
XI.	Къ Е. А.	132.
XII.	Къ ней же	—

ПРОЗА.

- ✓ Два Ивана, два, Степаныча, два Костылькова. Романъ Н. В. Кукольника.
 - Часть первая. Провинція..... 9.
 - Часть вторая. Губернія..... 133.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- ✓ Аристинъ Фроассаръ, молодой Французъ нашего времени. Романъ господина Леона Гозмана.... 1.
- ✓ Сесиль. Романъ графини Ганъ-Ганъ.
 - Часть первая..... 89.

III.

НАУКА И УДОЖЕСТВО.

- ✓ Кардиналь Ришліе. Часть вторая и последняя..... 1.
- Польскія и Турецкія войны, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны..... 89.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

- Цель и польза постоянныхъ выставокъ въ Англіи.. 1.
- Опытный взглядъ на сельское домоводство Россіи:
 - Изъ экономическихъ записокъ сэра Алехсандра Бода..... 15.

V.

КРИТИКА.

- Описаніе Турецкой войны 1828 и 1829 годовъ. Составленіе Лукьяновича..... 1.

3
non
64

Записки и воспоминавія о путешествіи по Англіи, Франціи, Бельгіи и Германіи . въ 1842 году. —
Очерки береговъ Рейна и Швейцаріи. 33.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Апрѣль, 1844.	Новыя книги и брошюры.....	1.
—	— Разныя извѣстія.....	43.
Май, 1844.	Новыя книги и брошюры.....	47.
—	— Разныя извѣстія.....	39.

VII.

СМѢСЬ:

АПРѢЛЬ

Преподаваніе и практика медицины во Франціи. Французскій Университетъ.....	1.
Открытія господина Форбиса на днѣ морскомъ.....	12.
Фторная кислота въ человѣческомъ тѣлѣ.....	13.
Коровье масло въ человѣческомъ тѣлѣ.	14.
Отраженіе образа солнца на облакахъ.....	—
Новая гальваническая баттарей, господина Поггендорфа	—
Послѣднее приращеніе зоологическаго отдѣленія англійскаго народнаго музея.....	15.
Дуэль на Ионическихъ Островахъ. Разсказъ мистриссъ Горъ.....	16.
Самоотверженіе молодой Испанки.....	35.
Французскій театръ въ Парижѣ: 1. Jane Grey, трагедія. 2. Louise et Louison, драма-водевиль. 3. Le Lazzaconi, опера. 4. L'Oncle à succession, водевиль. 5. Une Séparation, водевиль. 6. La Peau du lion, водевиль.....	58
Музыкальныя новости.....	7
Новыя книги.....	
Новыя музыкальныя сочиненія.....	
Моды.....	

Звершеніе великихъ переворотовъ на земной поверхности при нашихъ глазахъ.....	71.
Надпись жреца Элевсинскихъ Таинствъ въ погребальныхъ подземельяхъ Фараоновъ.....	72.
Курсы невозможныхъ наукъ въ Парижѣ. Преподаваніе египетскихъ іероглифовъ.....	76.
Начало названій разныхъ областей въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.....	80.
Музеумъ скандинаво-американскихъ древностей въ Копенгагенѣ.....	81.
Переходъ французской арміи черезъ Березину. Матеріалъ для исторіи Отечественной Войны.....	82.
Наслажденія и волшебства путешествій по Америкѣ. Двѣ ночи въ Мексикѣ. Изъ записокъ страстнаго любителя природы.....	94.
Воспоминанія о Шпицбергенѣ.....	118.
О томъ, какъ живописецъ Манданъ душу свою чорту продалъ, чтобы угодить безпристрастной критикѣ.....	125.
Французскій театръ въ Парижѣ.....	140.
Литературныя новости во Франціи.....	140.
Литературныя новости въ Англіи.....	143.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	144.
Моды.....	146.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

М. Д. Ольгина.

Коммиссіонера Министерства Финансовъ, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій и Коммиссіонерствъ Полицейской Газеты, на Невскомъ Проспектѣ, противъ арсенала Аничкова Дворца, въ домѣ Завѣтнаго, и въ Гостиномъ Дворѣ (по Сукошней Лѣвнѣ), подъ № 13-мъ,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

(Цѣны на серебро).

ЗАПИСКИ И ВОСПОМИНАНІЯ

0

ПУТЕШЕСТВІИ ПО АНГЛІИ ФРАНЦІИ БЕЛГІИ И
ГЕРМАНИИ.

Въ 1842 году. Професора Симонова. Казань, 1844; въ 8-ю д. л., на лучшей бумагѣ. Цѣна 3 р. всѣ., за 3 ъ.

Вышел и раздаются Гг. подписавшимся:

ПАМЯТНИКИ МОСКОВСКОЙ ДРЕВНОСТИ.

Тетради Седьмая и восьмая (въ in-4) М. 1844 года. Цѣна за обѣ 8 р., всѣ. за 3 ъ. тоже тетради 1, 2, 3, 4, 5, 6. Цѣна каждой 4 руб., всѣ. за 2 ъ.

ПОЛНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ
ГАЛЬВАНОПЛАСТИКИ
ГАЛЬВАНИЧЕСКОЙ ПОЗОЛОТЫ

СЕРЕБРЕНІЯ,

Составленное по новейшимъ источникамъ, съ присовокупленіемъ способа золоченія и серебрянія электро-химически, безъ посредства гальванической батареи. Съ чертежами и таблицей, показывающею отношеніе французскихъ метрическихъ мѣръ къ русскимъ. Спб. 1844 года въ 12 ю д. л. Цѣна 1 р. съ пересылкою 1 р. 25 к.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ВЪ ПАМЯТЬ НЕЗАВВЕННАГО НАЧАЛЬНИКА
ЕГО СВѢТЛОСТИ КНЯЗЯ
ДМИТРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ГОЛИЦЫНА.

Сочиненія князя М. Н. Голицына.

Почетнаго попечителя Московской градской больницы
М. 1844 года. Цѣна 25 коп. сереб. рѣс. за 1 р.

Печатать дозволено въ С. Петербургѣ, 1-го Июня
1844 года. Цифра А. И. Иванова

FEB 24 1937

